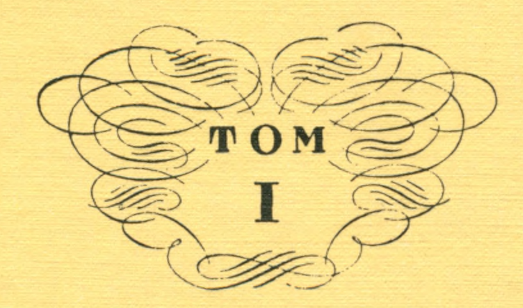
ПУШКИН

ПИСЬМА



ТОМ I

1815—1825

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПУШКИН

ПИСЬМА

под редакцией
и с примечаниями
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

Том I

1815—1825

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 11773.
Ленинградский Гублит № 1896.
$36^3/_4$ л. Тираж 2.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Письма Пушкина — одно из удивительнейших проявлений его гения.

Л. Н. Майков.

«Письма, в точном значении слова, суть разговоры или беседы с отсутствующими. Они заступают место изустного разговора, но заключают в себе речи одного только лица». Так определялось понятие о письме в старинной Риторике Греча, составленной по сочинениям лучших немецких теоретиков, при чем письма, как род прозаических произведений, ставились в ней первым из семи классов сочинений в прозе, и им приписывались следующие черты: «Изустный разговор имеет свойства неприготовленного, непринужденного, безыскусственного сочинения, — и сии же качества составляют необходимую принадлежность всякого хорошего письма. Между ими есть, однако, и разность: действие письма прочнее; разговор же получает более выразительности от голоса, которым произносится, и от сопровождающих оный телодвижений. Из сего видно, что в письме должно быть разборчивее в употреблении и расположении слов, и стараться о полном и ясном выражении и размещении мыслей. При сочинении писем должно следовать правилу: пиши так, как стал бы говорить в сем случае, но говори правильно, связно и приятно». [1]

Этими положениями уже более ста лет тому назад определялось высокое значение писем вообще, — этих, по выражению нашего современника, «минутных, но животрепещущих показателей о времени и о лицах, которые их писали». [2] Значение писем *писателя,* деятеля литературного, соответственно, конечно, еще выше: помимо того, что на них надлежит смотреть как на часть литературного наследия писателя, — они — лучший и надежнейший источник для понимания его личности и всего труда его

---

[1] Н. И. Греч, «Учебная книга Российской Словесности», ч. I, С.-Пб. 1819, стр. 52.

[2] П. Бартенев — «Русск. Арх.» 1908 г., № 4, обл.

жизни. Письма раскрывают перед нами скрытую от всех половину существа писателя, обнажая самые сокровенные стороны его души и ума. В своих художественных произведениях писатель обращается к безликому образу «читателя», перед ним — огромная аудитория, в которой он не различает отдельных лиц, — он говорит для «всех», имеющих уши, чтобы слышать. В частной своей переписке он беседует лишь с данным своим корреспондентом, только ему поверяет он свои, подчас самые интимные помыслы и идеи, вызывает его на частную беседу и обмен суждениями, дополняя, таким образом то, что выразил для всех, «urbi et orbi», в том или другом своем произведении. Общий тон частных писем лучше, чем какой-либо другой материал, дает нам возможность составить о писателе, которого мы не знаем лично, определенное и ясное представление, ощутить самую сущность его личности, понять его психический, внутренний мир, его миросозерцание и душевное настроение, войти с ним как бы в непосредственное, интимное общение; в самом слоге писем, в манере изложения, в его тоне он весь как на ладони: недаром еще Бюффон сказал, что «по слогу можно узнать человека». [1]

Все сказанное относится до *внутреннего* мира писателя, до сокровенного «святая святых» его души, — и в этом отношении значение писем неоспоримо. Но столь же велико оно, это значение, и для знакомства с *биографией* писателя, с внешними фактами его жизни, с условиями и обстановкой его труда и творчества, с приемами его работы, с внешней историей его произведений, с судьбою его друзей, близких, членов семьи и т. д. и т. д. Это — зеркало, в котором искренний (а порою—даже и не искренний) человек, а писатель — в особенности, — отразится ясно, ярко и верно. [2] «Сочинитель в печати чуть ли не актер на сцене. В сочинении все-таки невольно выглядывает сочинитель. В письмах же человек более налицо», — писал некогда кн. П. А. Вяземский. [3]

---

[1] Так Батюшков перевел (1815) выражение Бюффона: «Le style c'est l'homme»; см. Сочинения К. Н. Батюшкова под ред. Л. Н. Майкова, т. II, С.-Пб. 1887, стр. 175. Жуковский перевел это изречение: «слог есть человек» и прибавил: «Это совершенная истина: *человек на бумаге* такой-же точно, каков он есть в самой жизни. Если человек имеет ясные мысли, — и слог его ясен; если он чувствует сильно, — и слог его силен и горяч; если он много знает, — и в слоге его выражается это знание» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 1388). О значении писем самого Жуковского см. в статье нашей «Из переписки Жуковского» — в сборнике в честь А. И. Малеина: «Sertum Bibliologicum», Пгр. 1922, стр. 164 — 166.

[2] Ср. наше предисловие к книге В. Г. Короленко: «Письма. 1888 — 1921». Под редакцией Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук, Пб. 1922, стр. 5 — 6.

[3] «Русск. Арх.» 1876 г., кн. I, стр. 248. О том, какое большое значение имеют письма для биографа, желающего вернее узнать своего героя, и для всякого, кто хочет ближе с ним познакомиться, читаем в известной книге о Жорж Санд Вл. Каренина (В. Д. Комаровой): «Как напечатание

Все сказанное вообще о письмах особенно относится к письмам Пушкина. В ряду оставленного им наследия они давно уже и по достоинству заняли определенное место своим огромным, относительным и безотносительным значением, как ценнейший литературный клад и как надежный и первоклассного значения материал биографический, историко-литературный и исторический, равного которому мы не имеем и не знаем. Уже первый по времени биограф Пушкина — его преданнейший друг и высокообразованный литератор—Плетнев—в некрологической статье своей «Александр Пушкин» отметил это высокое значение писем Пушкина, как драгоценного первоисточника для понимания Пушкинского творчества и нравственной сущности поэта и для детального знакомства с его биографией, внешней и внутренней. В этом неоцененном источнике для суждения о Пушкине и его мнениях, перед нами проходит Пушкин—поэт и писатель, Пушкин—литературный критик, Пушкин—политик, Пушкин—остряк и верный друг своих друзей, Пушкин — любящий муж и отец, Пушкин — преданный и заботливый брат, Пушкин — мудрец и дитя страстей, Пушкин в официальных и светских своих отношениях... Вся многосторонняя душа, весь глубокий ум поэта сказывается в его письмах, и чтение их наполняет восторгом и умилением каждого, кому доступно понимание подобного чтения. «Всякое вновь находимое письмо Пушкина,—писал некогда покойный П. И. Бартенев:—это нам милый загробный его голос: Россия и поныне еще не может забыть, чего она в нем лиши-

писем важно для верного понимания той или другой великой личности,— доказательством тому служит переписка Пушкина. Сколько лиц примирилось с нашим великим поэтом, сколько людей поняли его, как человека, именно после прочтения тома его писем. Как многие из обвинений против него рассыпались при чтении иных его писем к жене и др., — писем, полных затаенной горечи и боли, вследствие того гнета, под которым он жил в те годы, — а до обнародования этих писем все только говорили о том, «как Пушкин любил грандёры и лез в них», и что «он, как Гёте, только и был придворный и хотел быть им». Какою светлою личностью, каким «мужественным умом» (слова Тургенева по поводу переписки Пушкина—«Полное собрание сочинений Тургенева», т. I, С.-Пб. 1883, стр. 430: «Предисловие к новым письмам Пушкина к жене») оказался он даже для всех тех, кто больше всех кричал про его отступничество и ретроградство! Боже мой! Да ведь это сознающий себя гений, спасался от погибели, от того, чтобы не задохнуться и не пропасть, как пропали тогда Полежаев, Шевченко. Ведь не будь в нем этой сознающей и берегущей себя силы — он погиб бы не на 38 году жизни, а на 26-м, а может быть и ранее, его затерли бы, задавили и обстоятельства, и «надменные потомки», и «клевета ядовитая», и друзья, и враги, и все и вся...» Да простится нам это кажущееся отступление. Мы его предназначаем главным образом для тех, кто еще противится печатанию чьих бы то ни было писем, и повторим сказанное Тургеневым: «Когда дело идет о выяснении такой личности, каковою был Пушкин, история вступает в свои права, — и давность облекает своим почтенным покровом то, что могло бы прежде показаться слишком близко касающимся отдельных частных лиц... (Вл. Каренин, «Жорж Санд. Ее жизнь и произведения», С.-Пб. 1899, стр. 44 — 45).

лась».[1] Книга писем Пушкина должна быть настольною книгою у каждого читателя высокого и развитого художественного вкуса. В ней — лучшая его биография.

«Когда мне бывает тяжело и скверно,—писал один публицист в очерке «Письма Пушкина»,— «я нахожу поддержку в умнейшей из умных русских книг, — в «Письмах Пушкина». Я не знаю на русском языке книги более умной, более глубокой, более поучительной и более прекрасной в своей непосредственности. Настоящая, а не вымышленная русская жизнь, пройдя через призму великого ума и русского сердца, вылилась в этих письмах не в архитектурные формы построений художественной словесности, а в блестящие пятна вечно живых акварелей, в короткие фразы, которые кажутся стальными орудиями мысли».[2]

* * *

Пушкин писал письма легко и охотно, предаваясь им, как одному из средств проявления во-вне своего пылкого ума и сердца, которые постоянно искали у него исхода и, особенно в молодые годы, жаждали общения с теми, к кому в данный момент влекли его те или иные интересы — литературные или личные. К письмам своим относился он очень серьезно: иногда совершенно частные, даже любовные и шутливые письма свои набрасывал он предварительно на-черно[3] и подвергал их строгой стилистической обработке и отделке. Несомненно, что еще в раннем детстве, а потом и на школьной скамье учился он искусству писать письма, — искусству, серьезно культивировавшемуся еще в старшем поколении современных ему отцов и дедов, которые в стиле и слоге своих писем оставили нам следы своей эпохи и своего воспитания, образования и литературных вкусов, приемов и навыков.

Здесь Пушкин, без сомнения, был учеником Карамзина, Батюшкова и Жуковского, в свою очередь воспитавшихся на образцах своей эпохи, — преимущественно западных, и давших ему, еще мальчику и юноше, высокие примеры эпистолярного слога в «Письмах Русского Путешественника», в очерках в виде «писем» и в рассуждениях на различные темы...[4]

---

[1] «Русск. Арх.» 1907 г., № 6, обл.

[2] Сигма (С. Н. Сыромятников): «Письма Пушкина» — «Нов. Время», 20 мая 1901 г., № 9053, фельетон.

[3] Припомним, что и альбом Онегина, среди прочих записей: «непонятного маранья, мыслей, замечаний, портретов, чисел, имен, букв, тайных письмен и отрывков», заключал в себе и «письма черновые».

[4] Как на пример, укажем Батюшкова: «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» (1809 г.—«Вестн. Евр.» 1810), «Путешествие в замок Сирей» (1814, — «Вестн. Евр.» 1816), «Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу» (1814, — «Сын Отечества» 1814), «Прогулка в Академию Художеств. Письмо старого Московского жителя к приятелю в деревню его Н.» (1814, — «Сын Отечества» 1814); Жуковского: «Письмо из уезда»

К сожалению, мы не знаем ранних писем Пушкина, — и одно сухое, официальное письмо его, — самое раннее из дошедших до нас, — 1815 года, к И. И. Мартынову, не дает возможности судить об эпистолярном стиле юного Пушкина. Но уже в письме к Вяземскому, втором из известных, от 27 марта 1816 г., мы чувствуем настоящего Пушкина — живого, остроумного и пылкого, пропитанного литературными интересами и ими дышащего.

Как понимал Пушкин свои письма, что̀ он сам в них видел? В стихотворении еще 1821 г. — Кишиневского периода, — «К моей чернильнице», он обращался к последней, — а в сущности — к себе самому, — с призывом оставить «привычные затеи — и дактиль, и хореи» — *для прозы почтовой* и определял содержание последней, приглашая передать бумаге «минуты хладной скуки, сердечной пустоты, уныние разлуки, всегдашние мечты», свои «надежды, чувства, — без лести, без искусства», и утешать сердца «друзей души» «болтливостью небрежной и ветреной и нежной». Содержание дружеской переписки Пушкина было, конечно, и шире, и глубже указанных тем, но самоопределение поэта важно для нас, как единственная ранняя автохарактеристика эпистолярных сношений поэта, из которых дошло до нас, увы, так досадно-мало....

Пушкин, несомненно, сам прекрасно понимал значение своей дружеской переписки, и мысль о возможности использования ее в прямых литературных целях не была чужда и ему самому. В «Северные Цветы на 1826 г.» он дал Дельвигу для напечатания свое письмо к нему о путешествии по Крыму (от декабря 1824), а в том же альманахе на 1828 г. напечатал свои «Отрывки из *писем*, мысли и замечания»; наконец, в 3-м издании «Бахчисарайского Фонтана», 1830 г., он сам перепечатал, в качестве комментария к поэме, упомянутое ранее письмо свое к Дельвигу о путешествии по Крыму. [1] Через полгода после смерти своего друга

(«Вестник Евр.» 1808); были уже тогда опубликованы письма Ломоносова, письма Екатерины II в переводе Карамзина, письма Фонвизина. «Эмилиевы письма» М. Н. Муравьева (1815) и множество писем иностранцев и литературных произведений в форме «писем» (см. Сопиков, «Опыт Российской Библиографии», 1813 г., под ред. В. Н. Рогожина, №№ 8135—8245). Не говорим об иностранных образцах, каковы знаменитые «Lettres de M-me de Sévigné», письма Вольтера и т. под., которые Пушкин, несомненно, читал еще в ранней юности. Вопросу о дружеской переписке в среде старших современников Пушкина посвящена работа Н. Степанова «Дружеское письмо начала XIX в.» (Сборник «Русская Проза», под редакцией Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Лгр. 1926 г., стр. 74—101). Анализируя дружескую переписку, преимущественно участников «Арзамаса», автор приходит к выводу, что переписка этой эпохи представляла собой своеобразную литературную лабораторию, при чем в письмах в книжный литературный язык вовлекались элементы живой разговорной речи.

[1] Перепечатано было и в издании 1835 г. Говоря об этом письме, Г. Винокур относит его к образчикам особого литературного жанра — «путешествия» и усматривает в нем некоторые уже чисто-новеллистические черты: «в описании посещения ханского кладбища и гарема,

Дельвига (1831) он писал М. Л. Яковлеву: «На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть современем это напечатаем. Нет ли у ней (т.-е. у вдовы) моих к нему писем? Мы бы их соединили». [1] Затем, спустя год, он, полушутя, писал жене своей из Москвы: «Вчера был у Вяземской, у ней отправлялся обоз, и я было с ним отправил к тебе письмо, но письмо забыли, а я его тебе препровождаю, чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства». [2]

О том, что Пушкин ценил и любил письма вообще и о том, как относился он к своей переписке и как берег ее, у нас есть два указания. Плетнев в письме к Жуковскому от 17 февраля 1833 г. писал: «Вы теперь в праве презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам»... [3] С другой стороны Анненков, в своих «Материалах для биографии Пушкина», тоже удостоверяет, что поэт берег письма к себе «почти от всех знаменитостей Русского общества так же тщательно, как и записочки от старой няни своей, Арины Родионовны». [4]

Некоторые современники, в свою очередь, умели дорожить письмами Пушкина. Так, напр., А. О. Ишимова, сообщив, по

в упоминании о «странном памятнике влюбленного хана» — la fontaine des larmes — есть уже, по его словам, «какой-то остов чисто-сюжетной схемы, готовый материал для новеллистического построения» (Культура языка. Очерки лингвистической технологии. Изд-во Работник Просвещения, М. 1925, стр. 184 — 185). Укажем еще, что в начале 1821 г. дядя поэта, В. Л. Пушкин, сообщил в «Сын Отечества» частное письмо к себе племянника (от начала 1817), — без его ведома, и тем рассердил его (см. ниже, комментарии к письму № 3), а в 1824 г. Булгарин, напечатал в «Литературных Листках» выдержку из письма поэта к А. А. Бестужеву (с ведома последнего), на что Пушкин, по особым причинам, также негодовал (см. ниже, комментарии к письму № 89).

[1] Акад. изд. «Переписки», т. II, стр. 281; Яковлев отвечал, что вдова Дельвига согласилась передать Пушкину его письма к другу. Повидимому, это намерение исполнено не было,—письма поэта остались у С. М. Дельвиг-Боратынской, и их постигла довольно грустная участь: часть постепенно увидела свет, одно письмо было найдено в архиве Боратынских пишущим эти строки лишь в 1921 г. (См. нашу заметку в сб. «Литературные Портфели», вып. I, 1923 г.), а часть, очевидно, погибла безвозвратно.

[2] Там же, стр. 392. Князь П. А. Вяземский тоже сознавал значение и ценность своих писем и еще в 1826 г. писал жене: «Я рожден для писем: нигде так не выливаюсь, как в них... Мне жаль, что не увижу своих писем в печати, а быть им в печати, если только крысы их не съедят. Во-первых, появление их в печати, т.-е. возможность их появления будет уже хорошим знаком общей температуры: надобно барометру очень возвыситься, чтобы вынести меня на воздух. Если Павлуша [сын Вяземского] станет продавать мои письма, то за это дадут ему 500 рублей, по крайней мере. Смотри, Павлуша, держись, не уступай; право, за одно сегодняшнее дадут 500 рублей» («Остаф. Архив», т. V, вып. 2, стр. VII и 68).

[3] Сочинения П. А. Плетнева, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 524; ср. И. А. Шляпкин, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», С.-Пб. 1903, стр. XII.

[4] Материалы, изд. 1855 г., стр. 4; изд. 1873 г., стр. 4.

просьбе опеки над детьми и имением Пушкина, предсмертные письма к ней поэта, писаные 25 и 27 января 1837 г., для напечатания при «посмертном» издании его Сочинений, очень беспокоилась, что по выходе VIII тома, где письма эти были опубликованы, ей не возвращали подлинника одного их них. Она несколько раз обращалась к члену опеки Н. И. Тарасенко-Отрешкову с просьбою вернуть ей автограф, но не получала от него ответа,— и 21 марта 1839 г. прибегла с тою же просьбою к старшему члену опеки, графу Г. А. Строганову, с целью выяснить, цело ли письмо: «Ваше Сиятельство!—писала она, — я ценю слишком высоко это письмо, чтобы мне возможно было оставаться спокойною в этой неизвестности, и потому беру смелость покорнейше просить вас о возвращении мне листочка, почитаемого мною величайшею драгоценностию моею. Я уверена», добавляла она: «что Ваше Сиятельство, как просвещенный ценитель незабвенного поэта нашего, оправдаете беспокойство мое и не откажетесь употребить влияние ваше на тех, от кого зависит возвращение мне драгоценной собственности моей». [1]

Набрасывая, вскоре после смерти Пушкина, отрывочные заметки о нем, Плетнев упоминал о важности частных писем поэта к друзьям его. «Деятельность духа Пушкина была изумительна», писал он. «По своей неодолимой склонности к переездам из одного места в другое, он писал, так сказать, кочуя. Сколько должно находиться беглых его стихотворений, вдохновенных заметок и других бесценных памятников таланта в руках особ, бывших с ним в дружеских сношениях! Не касаясь *совершенно частных писем,* из одних его чисто-литературных мнений, конечно, можно составить любопытное дополнение к его сочинениям. Все на него действовало необыкновенно сильно. Но литература была исключительно его любимою сферою... С каждым обретением нового из его произведений более получала бы целости картина его созданий и доходила бы до того совершенства, в котором суд над нею сделается и правым, и наставительным. Сколько полноты сообщится его биографии, без которой, как без ключа, нельзя проникнуть в таинство самой поэзии»,—и далее Плетнев упоминал о том, что частые отъезды Пушкина из Петербурга «привели к постоянной переписке его с поэтом». [2]

Тогда же и Погодин, один из горячих ценителей и поклонников Пушкина, историк по специальности и литератор по профессии, посылая кн. П. А. Вяземскому, для напечатания в «Современнике», стихотворение Пушкина «Герой», писал (11 марта 1837 г.): «Хорошо было бы, если бы вы объявили в «Современ-

---

[1] «Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 141. Ныне это письмо Пушкина к Ишимовой, равно как и обертка с написанным им адресом, в которой были посланы Пушкиным книги Ишимовой, находится в собраниях Пушкинского Дома.

[2] Сочинения, т. III, С.-Пб. 1885, стр. 241.

нике» желание, чтобы все, имеющие у себя письма Пушкина, относились к вам и присылали бы копии для напечатания. Надо сохранить всякую его строку. И так уже мы растеряли сколько! Вон, что̀ делают в Германии: пять лет не наговорятся о Гёте»... [1]

В так называемом «посмертном» издании Сочинений Пушкина редакторы, как мы уже указали, поместили, в конце последнего, VIII тома (изд. 1838 г.) два предсмертных письма поэта к А. О. Ишимовой — от 25 и 27 января 1837 г., снабдив их пространным пояснительным примечанием о том, по какому они поводу были написаны, и сопроводив замечанием: «Тон спокойствия, господствующий в этом [последнем] письме, порядок всегдашних занятий, не изменившийся до последней минуты, изумительная точность в частном деле, даже почерк этого письма, сохраняющий все признаки внутренней тишины, — свидетельствуют ясно, какова была сила души поэта». Итак, письма Пушкина уже тотчас после его смерти стали нести службу биографического первоисточника.

«Я все роюсь в своих старых бумагах и нахожу беспрестанно сокровища», — писал А. И. Тургенев в конце 1841 г. в своей «Хронике Русского в Париже»: «Передо мною два письма наших первоклассных поэтов: Батюшкова из Неаполя от 10 Генваря 1820 и Пушкина из Бессарабии от 21 Августа 1821 г. Письмо Пушкина *не велико, но ноготок остер*»... [2]

Легкомысленный, но умный человек, при том горячо любивший брата и ценивший его, как поэта, Лев Сергеевич Пушкин в мае 1844 года писал П. А. Плетневу, — вероятно, в ответ на просьбу его о присылке для «Современника» каких-либо неизданных произведений Пушкина: «Между письмами брата находится у меня одно, писанное им ко мне в 21-м году.[3] Посылаю к тебе с него копию. Не располагаю, в удовольствие публики, его рукописными строками; но ты в праве, кажется, его напечатать в своем «Современнике». Повторяю *давнишнюю* мысль мою: не худо бы собрать сколько можно его писем к разным лицам, разумеется с большой осмотрительностью, и присоединить *из них том к его сочинениям.*[4] Подумай об этом». [5]

Но ни Плетнев не опубликовал посланного ему действительно замечательного письма Пушкина, ни Лев Пушкин не позаботился о собрании или хотя бы о сохранении писем брата — даже к себе, к отцу — тогда еще жившему на свете, и к сестре, — ни первый редактор научного издания сочинений Пушкина — П. В. Анненков — не исполнил *давнишней* мысли Л. С. Пушкина;

---

[1] Сочинения Пушкина, ред. П. О. Морозова, изд. «Просвещение», т. II, стр. 499; «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII — XXIV, стр. 121, прим.

[2] «Современник» 1841 г., т. XXV, стр. 5.

[3] На самом деле — 24 сентября 1820 г. Эта копия теперь в Пушкинском Доме.

[4] Курсив наш.

[5] «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 353.

как мы увидим ниже, первая попытка такого отдельного тома писем была сделана лишь через 37 лет — в 1882 г., но к тому времени множество писем поэта уже затерялось или и совсем погибло...

Вскоре всё великое значение писем Пушкина должен был оценить первый ученый биограф поэта — П. В. Анненков [1].

Приведя несколько первых писем Пушкина, Анненков писал о «литературной переписке» поэта: «Из этого источника, на сколько он нам доступен, будем мы впоследствии приводить черты наиболее яркие; теперь же скажем, что, судя даже по немногим образцам, какие находятся в руках наших, переписка Пушкина с друзьями своими обнимала почти все почему-либо замечательные явления русской жизни и русской словесности». [2] Возвращаясь далее снова к письмам поэта, Анненков писал: «Непрерывная литературная переписка с друзьями принадлежала к числу любимых и немаловажных занятий Пушкина в это время (1824 — 1826). Переписка Пушкина особенно драгоценна тем, что ставит, так сказать, читателя лицом к лицу с его мыслию и выказывает всю ее гибкость, оригинальность и блеск, ей свойственный. Эти качества сохраняет она даже и тогда, когда теряет достоинство непреложной истины или возбуждает сомнительный вопрос. Мы имеем только весьма малую часть переписки Пушкина, но и та принадлежит к важным биографическим материалам»... [3]

Еще раз о письмах Пушкина Анненков высказался в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху». Вот что писал он здесь: «Еще одно слово о переписке Пушкина из деревни. Не подлежит сомнению..., что она составляет просто литературную драгоценность, объясняя отношения писателей той эпохи между собою и вопросы, их занимавшие. Но у ней есть и еще одно достоинство: она рисует нам самый образ Пушкина в изящном, нравственно-привлекательном виде. Тому, конечно, много способствует ее язык: это постоянно один и тот же блеск молодого, свежего, живого и замечательно основательного ума, проявляющийся в бесчисленных оттенках выражения. О главных мотивах, которые она разрабатывает, мы уже говорили прежде... Но и кроме своего содержания, переписка эта еще крайне поучительна в другом смысле: в ней нет ни малейшего признака какого-либо напряжения, не чувствуется ни малейшей капли того отшельнического яда, который обыкновенно накопляется в душе

---

[1] Перечень использованных им писем Пушкина см. в VII томе Анненковского издания Сочинений Пушкина, 1857 г., стр. 184—191.

[2] Материалы для биографии Пушкина, изд. 1855, стр. 83; изд. 2-е, 1873, стр. 77.

[3] Ibid., стр. 123, изд. 2-е, 1873, стр. 116. Известно, что Анненкову пришлось горячо отстаивать некоторые приведенные им отрывки из писем Пушкина перед цензурою; иные он отстоял, а иные — нет (см. П. В. Анненков и его друзья, т. I, С.-Пб. 1892, стр. 400 — 407, 416).

гонимых или оскорбляемых людей; напротив, все письма светлы, благородны, доброжелательны, даже когда Пушкин сердится или выговаривает друзьям и брату за их вины перед ним или перед публикой. Богиня добродушного веселья была ему знакома, конечно, не менее другой воспетой им богини, своей Музы. Они обе посещали его даже в минуту горя, тревог и сомнений. Действие переписки на читателя неотразимо, какое бы мнение ни составил он заранее о характере ее автора: необычайная, безыскусственная простота всех чувств, замечательная деликатность, — смеем так выразиться, — сердца, при оригинальности самых поворотов мысли и всех суждений, приковывают читателя к этой переписке невольно и выносят перед ним облик Пушкина в самом благоприятном свете». [1]

Значение писем Пушкина прекрасно понимал и другой исследователь той эпохи — один из первых и лучших пушкинистов — В. П. Гаевский, который отводил им в ряду писаний поэта подобающее место, говоря по сему поводу вообще о письмах, что они, без сомнения, составляют «один из важнейших материалов для биографии всякого лица, действовавшего на умственном поприще»; в отзыве о «Материалах» Анненкова он готов был упрекать автора в том, что тот «не обратил достаточно внимания на эту любопытнейшую сторону своего труда» и только немногие письма Пушкина напечатал вполне, по большей же части воспользовался лишь отрывками из них, которые приводил только как доказательство высказываемых им суждений; «между тем», говорит Гаевский: «переписка Пушкина до такой степени замечательна, что за сохранение каждой ее строки были бы благодарны читатели. По нашему мнению», заключает он: «прекрасное издание г. Анненкова еще более выиграло бы, если бы издатель посвятил письмам Пушкина особый отдел, прибавив от себя только примечания и объяснения». [2]

Такая высокая и вполне справедливая оценка эпистолярного наследия Пушкина не всем, однако, казалась убедительной, и щекотливая щепетильность некоторых современников поэта не могла мириться с опубликованием его частных писем в качестве биографического и литературного материала. Так, когда были, три года спустя, в 1858 г., напечатаны С. А. Соболевским, на столбцах «Библиографических Записок», письма Пушкина к его уже давно умершему брату Льву Сергеевичу, возникли цензурные волнения, причинившие неприятности и цензору, и редактору журнала. Ополчились на эти письма и известный своим мракобесием цензор Н. В. Елагин, и Министр А. С. Норов (знакомец Пушкина), и образованнейший Товарищ Министра кн. П. А. Вяземский, — один из ближайших личных друзей Пушкина, а также младший сын поэта — Г. А. Пушкин. Вот что писал по этому поводу Вязем-

[1] С.-Пб. 1874, стр. 306 — 307.
[2] «Отеч. Зап.» 1855 г., т. 100, № 6, отд. III, стр. 62—63.

скнй в частном письме к С. П. Шевыреву от 16 февраля 1858 г. в Москву, где издавались «Библиографические Записки»: «Кто это печатает в «Библиографических Записках» письма Пушкина? В них много неуместного и неприличного. Пушкин еще слишком нам современен, чтобы выносить сор из его избы. Многие выходки его личные, родственные, несколько кощунские, оскорбляют чувство приличия и уважения к самой памяти его. Мало ли чтò брат мог говорить наедине с братом; но из того не следует, чтобы он то же сказал на площади, а печать — та же площадь. Жена его, дочери, сыновья его еще живы: к чему раздевать его при них нá-голо? Боюсь, чтобы не вышло тут новой цензурной тревоги. Да если и не будет цензурной, то не должно возбуждать и нравственной тревоги. Сделайте одолжение, передайте это Соболевскому или кому подобает и предостерегите от меня цензора Крузе»... [1]

Опасения Вяземского о «новой цензурной тревоге» тотчас же оправдались, — о письмах был сделан, по указанию на них цензора Елагина, официальный доклад Вяземскому, — и он на докладе сделал следующую пометку, аналогичную с вышеприведенною тирадою из письма его к Шевыреву: «Напечатание писем Пушкина крайне неприлично, а без согласия наследников его — совершенно противно цензурному правилу. Следовательно редактор и цензор заслуживают строгого выговора. Впрочем от наследников будет подана жалоба Г. Министру... В письмах есть много личностей и непристойностей. Вот чтò цензура должна была иметь в виду»; в другом месте он повторял почти то же, но с мотивировкой: «Многое в письмах Пушкина, напечатанных в «Библиографических Записках», не должно было являться в печати. Оно оскорбляет и чувство приличия, и самое чувство уважения к памяти великого поэта, коего жизнь принадлежит еще современной нам эпохе. Тут есть неуместные шутки и отзывы об отце и родственниках, личности, неблагопристойности (например, «Ипполит, суровый скифский выб...», т.-е. выблядок) и многие другие неуместности. Мало ли чтò человек, особенно в молодости, может сказать в частном письме к родному брату? Но из этого не следует, что все это можно печатать. В этом отношении цензор и редакция заслуживают строгого замечания»... Наконец, Г. А. Пушкин, указывая, в жалобе А. С. Норову на опубликование писем своего отца в «Библиографических Записках», писал по этому поводу: «Эти письма, написанные отцом моим в ранней его молодости, — письма совершенно домашние и семейные. Произвольное издание их в свет есть совершенное нарушение всякого приличия и самого Цензурного Устава, коим разрешается (ст. 268) печатать частные письма, не предназначавшиеся для публики, не иначе, как с совокупного согласия тех лиц, коими они писаны

[1] «Русск. Арх.» 1885 г., кн. II, стр. 319.

и к кому писаны, или, в случаях их смерти, с согласия их наследников»; поэтому Г. А. Пушкин просил распорядиться, чтобы Цензуре предписано было впредь «не одобрять к печати записок, писем и других литературных и семейных бумаг» Пушкина «без ведома и согласия его семейства».[1]

Это выступление сына Пушкина, к счастию, не остановило публикации все новых и новых писем поэта, которые хоть и медленно, но постоянно появлялись в печати — на страницах исторических и обще-литературных журналов и сборников, постепенно укрепляя за этими письмами репутацию первоклассных образцов эпистолярной прозы Пушкина.

Уже на склоне дней своих, вечно живой и волнующийся Погодин писал кн. П. А. Вяземскому из Москвы 1/13 июня 1873 г. по поводу дошедших до него слухов: «В Висбадене живет дочь Пушкина. У нее, я слышал, есть много писем отца, писанных к матери и проч., которые продавались (!!) когда-то в Москве.[2] Нельзя ли вам их выручить или сказать о том

---

[1] «Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 34—41. В это же самое время, однако, в № 2 «Атенея» 1858 г. А. В. Станкевич, в рецензии на VII том Сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, писал, — говоря о желательности подробной биографии поэта: «пора являться в печати подлинным письмам Пушкина, подробным заметкам и воспоминаниям о нем» и т. д.

[2] На то, что письма эти, действительно, ставились в положение объекта купли-продажи, указывает сохранившееся в Пушкинском Доме черновое письмо книгопродавца Я. А. Исакова (издателя Сочинений Пушкина, под редакцией Г. Н. Геннади, 1859 и 1870—1871 гг.) к старшей дочери поэта, от 21 сентября 1866 г. Вот это любопытное письмо, при котором сохранился подлинник малограмотного списка писем, составленный, очевидно, бароном Гротгусом: «Милостивая Государыня Наталья Александровна. Г. Барон Гротус передал мне желание Ваше уступить доставшиеся на часть Вашу семейные письма покойного родителя Вашего Александра Сергеевича, означенные в списке, сообщенном мне Г. Бароном, числом всего 68-мь, писанных к Матушке Вашей, Наталье Николаевне. При этом предложении возникает естественный вопрос, — в случае их приобретения от Вас, какое могу я сделать из них употребление? Семейные письма по содержанию своему есть достояние всех детей, оставшихся после умерших родителей, — следовательно, чтобы сделать из них какое-либо в коммерческом виде печатное употребление, необходимо согласие и прочих членов Вашего семейства, и потому покорнейше Вас прошу почтить меня Вашим уведомлением, на каком основании уступлены Вам упомянутые письма Вашими братьями и сестрицей? с какою целию Вы можете уступить их и на каких условиях, а также, если Вы можете, указать, к кому поступила прочая как семейная, так и с посторонними переписка Александра Сергеевича. Ответ Ваш прошу прислать прямо на мое имя в Петербург. Яков Исаков». Список, составленный Гротгусом, передаем с сохранением его малограмотного написания:

1, Письма изъ Москвы къ Натальи Николаевной Пушкинъ 1830 года
5 шт. по руский.

2, Письма изъ Нижняго Новгорода къ Н. Н. Гончоровой 1830 года (первое путешеств.)
10 шт. по француз.

3, Письма изъ Москвы къ Н. Н. Пушкинъ 1831 года (первое путешествие) 4 ш. по руский. — 1 по франц.

гр. Корфу,[1] который живет в Висбадене. Пушкина, или герцогиня Нассауская, не имеет теперь ведь нужды в деньгах и позволит хоть списать их».[2]

Издавая в 1878 г. эти самые письма Пушкина к жене, редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич писал: «Благодаря постоянным странствованиям поэта после него должна была остаться обширная переписка, которая до сих пор, к сожалению, не имеет для себя полного издания. Многое рассеяно по различным сборникам; многое, вероятно, остается в рукописи, если только не утрачено навсегда»;[3] а получивший письма Пушкина для издания их И. С. Тургенев, в своей вступительной заметке указывая на «чрезвычайный интерес новых писем поэта», так подтверждал свое мнение об их важности: «в этих письмах, — как и в прежде появившихся,—так и бьет струею светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямизна и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражения»; по словам Тургенева, они «бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим... событиям его жизни». «Несмотря на свое французское воспитание,» писал он далее: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком того времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они — сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами».[4]

Появление писем Пушкина к жене обратило на них общее внимание, хотя и на этот раз раздались протестующие голоса сыновей Пушкина, которые, как писал Тургенев М. М. Стасю-

---

4, Письма зъ Петербурга къ Н. Н. Гончаровой 1830 года
3 шт. по франц.
5, Письма къ Н. Н. Пушкинъ 1833 года (третій путешествіе)
16 шт. по рускій.
6, Письма къ Н. Н. Пушкинъ изъ Нижняго Новгорода 1834 г.
2 шт. по рускій.
7, Письма къ Н. Н. Пушкиной изъ Петербурга 1834 г.
17 шт. по рускій.
8, Письма зъ Михайловскаго къ Н. Н. Пушкиной 1835 г.
5 шт. по рускій.
9, Письма къ Н. Н. Пушкиной изъ Москвы 1836 года.
5 шт. по рускій.
А всего 64 писаных по рускій и 4 [sic!] по франц.

Рукою Я. А. Исакова помета: Натальи Александровны Дубельт.

[1] Директору Публичной Библиотеки, Лицейскому товарищу Пушкина.

[2] «Старина и Новизна», кн. IV, 1901 г., стр. 100 — 101. Письма эти были даны И. С. Тургеневу в 1876 г., а опубликованы им лишь в 1878 г. в «Вестнике Европы». Историю их издания см. в изд. «Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 78, 78 - 79, 83, 84, 129, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 141, 146, 149, а также 654 (два письма графини Н. А. Меренберг).

[3] «Вестн. Евр.» 1878 г., № 1, стр. 9.

[4] Там же, стр. 8.

левичу,— по слухам, собирались приехать в Париж и «поколотить» его за издание писем их отца.[1] Анненков был в восторге от этих писем: «Письма Пушкина чаруют меня попрежнему»,— писал он М. М. Стасюлевичу 8/20 февраля 1878 г.: «несмотря на выпуски и на пустяки, которыми занимаются,— *семейная мина* Пушкина так же хороша, как поэтическая и жизненная вообще его *мина:* я имею слабость любоваться ею и, конечно, хотел бы, чтобы при сем удобном случае кто-нибудь из знающих поговорил о ней серьезно и умно».[2] Критик и поэт В. П. Буренин, посвятивший часть очередного своего фельетона этим «необыкновенным характеристическим письмам», отмечал их простоту и простодушие и говорил, что они «представляют огромный интерес и освещают ярким светом характер поэта, обстоятельства последних годов его жизни и, наконец, до некоторой степени уясняют существенные причины катастрофы, приведшей поэта к могиле».[3]

В письме к поэту гр. А. А. Голенищеву-Кутузову от 10 января 1878 г. экспансивный В. В. Стасов писал, под свежим впечатлением прочитанных им писем поэта к жене: «Читали Вы письма Пушкина к жене в Январском «Вестнике Европы»? Талантливо, живо, красиво, сильно, элегантно, но, но... но... совершенно без содержания! Всё только про *деньги*, либо про *кокетничанье* жены, да еще: *Христос с вами!* вот и все. Какая она, должно быть, была ничтожная и пустая женщина! Ни про что ведь настоящее, важное, он ей ни гу-гу! А сколько других писем написал он на своем веку, где говорит (и как говорит!!) про тысячу вещей самых важных, значительных и интересных. И с такою-то красивою дурой он должен был, несчастный, весь век проводить».[4]

Этот отзыв, с которым нельзя не согласиться в отношении сущности того, что̀ говорится о самых письмах Пушкина, подтверждает высказанное позднее В. В. Сиповским наблюдение, что по тому, что̀ и как писал кому-либо Пушкин, можно составить себе ясное представление столько же о самом поэте, сколько и о его корреспонденте.

Публикация писем Пушкина к жене повлекла за собою появление в печати всё новых писем поэта,— особенно на страницах «Русского Архива», «Русской Старины», «Исторического Вестника», «Вестника Европы». Редакция «Русской Старины», извещая читателей о новых письмах Пушкина к брату, к Керн

---

[1] «Стасюлевич и его современники», т. III, стр. 149.

[2] Там же, стр. 352—353.

[3] «Новое Время» 1878 г., № 729, от 10 марта: «Литературные Очерки».

[4] «Русск. Музык. Газ.» 1916 г., № 43, ст. 790; подлинник в Пушкинском Доме; в другой раз В. В. Стасов высказался о письмах Пушкина в письме своем к композитору П. И. Чайковскому от 28 апреля 1887 г., в котором сказал, что письма композитора А. П. Бородина «так талантливы, что из всех русских писем им равняются разве только письма Пушкина» («Русск. Мысль» 1909 г., № 3, стр. 147).

и к Геккерену, находившихся в ее распоряжении и предназначенных к опубликованию, так определяла, словами П. П. Каратыгина, характер и значение их: «Во всех этих письмах видим пылкую, страстную натуру Пушкина в трех фазисах сердечной его деятельности: в дружбе, в любви и в ненависти. В письмах к брату — каждая строчка запечатлена приязнью, ласкою, родственною заботливостью о человеке молодом, с которым старший брат так радушно делится опытностью, знанием света и людей, плодами —

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет!

Тут же колкие отзывы о литературном мире, теплое слово о друзьях, наброски стихов и экспромпты... Сообщая их своему брату, Пушкин как будто ждет от него одобрения; видимо дорожит отзывом своего единокровного друга. Доброе, любящее сердце поэта проглядывает сквозь самое его злоязычие; в самых насмешках звучит юношеское простодушие. Большая часть писем к брату писана Пушкиным в ту счастливую пору бытия, которую можно назвать *весною* жизни. В письмах к А. П. Керн, полных кипучей страсти, Пушкин является любящим, и от них пышет зноем *летней* поры, когда теплое утро сменяется полуденными грозами. Наконец, клочья черновых писем к человеку, дерзнувшему набросить мимолетную тень на доброе имя Пушкина, напоминают блеклые листья, предвестники унылой *осени*»... [1]

С выходом в свет первого, Ефремовского сборника писем Пушкина (1882 г.) последние быстро вошли в научный и жизненный обиход; издания 1887 года, разошедшиеся в десятках тысяч экземпляров, сделали их широко доступными и известными. Письма стали читаться на ряду с другими писаниями Пушкина, на ряду с его художественной прозой, — и каждый находил в них источник высокого наслаждения, любуясь умом Пушкина и языком самих писем. [2]

«Какой драгоценный, неисчерпаемый материал — его переписка... Какие черты для его биографии! Какой тонкий критический гений, какая меткость определений, какая сила анализа, какой язык!» — восклицал известный, недавно умерший писатель П. П. Гнедич в своих заметках о письмах Пушкина. [3]

Высоко ценил и, как нам подлинно известно, очень *любил* письма Пушкина и покойный акад. Л. Н. Майков [4], который

---

[1] «Русск. Стар.» 1879 г., № 4, стр. 777—778.

[2] В юбилейном 1887 г. профессор Казанского Университета А. С. Архангельский (ум. 1926) уже написал очерк: «Пушкин в его произведениях *и письмах*», Казань. 1887.

[3] «Русск. Вестн.» 1889, ноябрь, стр. 340.

[4] Работая над изданием еще I тома Сочинений Пушкина, он постепенно, но деятельно подготовлял к печати и собрание его писем, собственноручно снимая копии с подлинников, которые с большим усердием раздо-

однажды высказал и в печати свое мнение о высоких достоинствах их: «Письма Пушкина», писал он, — «без сомнения, — одно из удивительнейших проявлений его гения. Чуждые всякой искусственности, всякого сочинения, они поражают разнообразием своих особенностей: те из них, которые писаны к жене или друзьям, отличаются горячностью чувства, задушевностью, порывистою откровенностью и нередко блеском остроумия; другие же письма, обращенные к лицам официальным или по крайней мере мало знакомым поэту, по преимуществу носят на себе печать ясности и благородной простоты выражения; Пушкин умеет в них быть приветлив и приятен, отменно учтив и даже, когда нужно, почтителен, — но решительно никогда не впадает в приторную любезность и всегда умеет избежать сухости, если только не ставит себе целью быть сухим»...

В этих словах, хотя и мимоходом и лишь по одному частному поводу высказанных,[1] Л. Н. Майков дал прекрасную, но, к сожалению, краткую характеристику писем Пушкина. Вскоре они дождались и специальных, монографических очерков. Первый из них появился в том же 1899 г. и принадлежит Е. А. Ляцкому. Впрочем, его довольно пространный очерк, озаглавленный: «А. С. Пушкин и его письма»,[2] трактует не столько о письмах Пушкина, сколько о самом поэте, о некоторых «мотивах жизни» его, «сохранившихся в его переписке и отражающих, в соотношении с данными его литературного наследства, возвышенный строй его поэтических и общественных стремлений». «Переписка эта», говорит автор: «еще не вся, может-быть, выглянувшая на свет божий и мало исследованная вообще, — конечно, не дает ключа к уразумению всех элементов, из которых сложилась недолгая жизнь поэта, но она чрезвычайно ярко рисует его нравственный облик и его безотрадную борьбу с теми противоречиями света и тени его смешанной натуры, которые сбили поэта с избранного им пути и погубили в хаосе столкнувшихся противоположных течений. Письма Пушкина, в сущности, не что иное, как то же творчество, только интимное, не предназначавшееся, за очень редкими исключениями, для публики и только по праву истории ставшее общественным достоянием. В этих отрывках своего «я» Пушкин не столько является поэтом, рожденным для вдохновенья, для звуков сладких и молитв, сколько подвижником мысли, неустанно искавшей путей к свету и истине,

---

бывал у владельцев. Эти копии переданы были потом вдовою Л. Н. Майкова в Комиссию по изданию сочинений Пушкина и, вновь по возможности проверенные по автографам, послужили материалом, основным фондом при подготовке Академического трехтомного издания Переписки Пушкина. Ныне эти копии — в Пушкинском Доме.

[1] В предисловии к опубликованию письма Пушкина к Н. А. Дуровой в «Пушкинском Сборнике» (в память столетия дня рождения поэта), С.-Пб. 1899. стр. VI — VII.

[2] «Сборник журнала «Русское Богатство». Под редакцией Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко», С.-Пб. 1899. стр. 111 — 187.

неустанно стремившейся освободиться от тисков неправды и рабства». Останавливаясь преимущественно на этой, общественной стороне содержания и значения писем, Е. А. Ляцкий далее высказывает несколько частных мыслей о них. «Тон Пушкинских писем», говорит он: «бесконечно разнообразен, смотря по тому, с кем и о чем беседует он. Раскрывая всю душу в переписке с друзьями, он излагает свои мысли совершенно в том виде, как они родились в его голове, не заботясь об условностях приличия, не избегая называть предметы их собственными именами... Письма к Гнедичу и Жуковскому проникнуты дружеской откровенностью, не исключавшей выражения известного рода благородной почтительности младшего из друзей. В большинстве случаев они носят на себе следы известной оформленности, выражениям приданы плавность и законченность»; при этом в письмах к Гнедичу «на первом плане — литературные интересы... Письма к Жуковскому обнимают гораздо более обширный круг предметов... Особенной глубиной чувства, под откровенной небрежностью дружеской беседы, и отражением самых разнообразных ощущений, переживавшихся поэтом, отличаются письма к бар. Дельвигу, от которого, как и от брата, он положительно ничего не скрывал... Сравнительно меньше разнообразия в настроениях — в переписке поэта с кн. Вяземским: преобладают литературные интересы...[1] В письмах к нему поэт более острит и шутит, чем негодует или жалуется... Гораздо откровеннее, в тоне старшего брата, Пушкин переписывался с П. В. Нащокиным, с которым был в постоянных денежных делах. Деньги, деньги, — этот мотив звенит непрерывно в течение всей его переписки, и чем дальше — тем настоятельнее и громче... Вся сила братской любви, истинной доброты и снисходительности, на которую был способен Пушкин, сказалась в его письмах к брату Льву Сергеевичу... Каким, в самом деле, искренним участием и вдумчивостью проникнуты те строки его писем к брату, где он касается устройства его судьбы, образа жизни, стараясь добрым советом, опытом своей жизни облегчить ему вступление в свет, направить на верный путь неопытного юношу!» Помимо содержания, «письма Пушкина к друзьям в высшей степени интересны и разнообразны и по форме. Иногда сам поэт смотрит на них как на литературное произведение, и тогда они носят все следы литературной отделки, — что̀ и оправдывало появление отрывков из них в печати...[2] Но чаще они носят отпечаток мгновенного настроения, первого подвернувшегося слова; язык их — то отрывистый, сильный и сжатый, выражающий бурное течение острой и сильной мысли, то плавный и задум-

---

[1] Со времени написания статьи Е. А. Ляцкого опубликовано значительное количество новых писем Пушкина к Вяземскому, которые дают возможность сказать, что круг интересов переписки поэта с ним не ограничивался одною литературою. *Б. М.*

[2] См. выше, стр. VII. *Б. М.*

чивый, когда мысль уступает тихому элегическому чувству воспоминания и грусти, то кипучий и пламенный, как сама страсть, которая управляла в иные минуты пером поэта. Иногда настроения в них быстро меняются, — веселая шутка мгновенно омрачается печалью и озабоченностью, недовольство к концу письма смягчается и переходит почти всегда в примирительный тон... Нередко дружеское письмо переходит в непринужденные шутливые стихи, игру словами, каламбур... Там и сям рассыпаны в письмах меткие изречения, афоризмы, невольно отражавшие процесс упорной и долгой работы мысли и с непринужденной легкостью излившиеся на бумагу... Высокой степени силы и законченности достигает слог Пушкина в письмах к тем, кто, по его мнению, были его врагами, которым в нескольких словах нужно было дать почувствовать всю степень презрения к ним. Ни в одном письме поэта мы не видим и тени того, что принято называть интригой; мысль о нападении из-за угла, которое было обычным приемом его врагов, поэту была ненавистна, и, бросая вызов, он прямо и решительно смотрел противнику в глаза, готовый на все последствия своего поступка. В этом отношении на письмо он смотрел так же, как на эпиграмму, на которую, как на булавку, он нанизывал своих литературных врагов». Отмечая, затем, будто бы есть основания полагать, что письма, наиболее интересные для определения основных черт общественно-политического credo поэта, вовсе не дошли до нас и, может-быть, утеряны безвозвратно, Е. А. Ляцкий справедливо указывает, что, по условиям переписки времен Пушкина, и сам он не мог высказываться в ней с полной откровенностью, боясь перлюстрации и вытекающих отсюда последствий; да и, кроме того, существенный пробел в переписке Пушкина настолько странен и не случаен, что автор готов допустить предположение, что «чья-то таинственная рука [1] унесла из собрания его писем и бумаг вообще именно те, в которых находились мысли поэта по поводу самых животрепещущих вопросов его времени». Говоря, наконец, о последних годах жизни Пушкина, автор пишет, что «письма характеризуют различные настроения поэта в этот период и еще более — его положение бережно охраняемого литератора в безвыходном карантине мысли. Читая их, только приходится удивляться живучести этой мысли и несокрушимой энергии человека, умевшего сохранить при этих условиях и достоинство писателя, и веру в лучшее будущее литературы на Руси».

Другой наиболее цельный и так сказать специальный очерк о письмах Пушкина принадлежит перу В. В. Сиповского, [2] который отметил наиболее яркие черты переписки поэта и подчеркнул значение ее для биографии Пушкина и для понимания его

---

[1] Намек на Дубельта, разбиравшего бумаги поэта с Жуковским? *Б. М.*

[2] «А. С. Пушкин по его письмам» — в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902, стр. 455—468.

творений. Вот несколько выдержек из очерка В. В. Сиповского. Первое, что̀ бросается в глаза при чтении писем, говорит он: это то же *разнообразие*, которое поражает нас при чтении лирических стихотворений Пушкина; «оно сказалось и в выборе друзей-корреспондентов, и в характере писем, к ним отправленных; если сравнить некоторые из них одно с другим, — положительно нельзя поверить, что писаны они одним лицом; сто́ит вчитаться в них, всмотреться, — и мы сможем по ним писать характеристики тех, *кому* они были отправлены! Какой, например, прекрасной, серьезной и добродетельной женщиной рисуется Осипова, окруженная неизменным уважением поэта. Каким легкомысленным эгоистом представляется брат поэта, «милая пустельга» Лёвушка... Мелькает тревожный, страстный образ красавицы Керн; в нескольких коротких записочках очерчивается «светлая душа» Жуковского, вечного заступника поэта; тут же, недалеко от певца Светланы, обыкновенно отпечатывается жесткий, каменный профиль Бенкендорфа, попутно мелькают разные литераторы, поэты, критики, и, наконец, всё это вытесняет красавица Nathalie, легкомысленная до жестокости, пустая и холодная, вся окруженная нежнейшей любовью поэта, — роковой образ, покрытый его поцелуями, облитый его слезами и кровью. — Особенность этих писем», повторяет В. В. Сиповский: «заключается в том, что образ поэта меняется в зависимости от того, *к кому* он пишет, меняется до неузнаваемости, до слияния с чуждым образом: с литератором — он только литератор, с политиком он — политик, с сплетником — сплетник, с гулякой — только гуляка и ничего более. Как хороший артист, которого никто не узнает в разных ролях, сживается Пушкин со всякими ролями... «Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подобными», — пишет Пушкин, критикуя Чацкого... Впечатлительность, жизнь во власти минуты помешала Пушкину устойчиво относиться к людям, — отсюда вытекает та двойственность, которая легко изобличается письмами»,[1] но по этому «нельзя говорить о неискренности, фальши поэта в отношениях к людям, — напротив, он всегда *чересчур искренен:* сто́ит кому-нибудь сказать ему теплое слово, он сейчас же уступал его влиянию и отвечал таким же теплым словом». Письма Пушкина доказывают лучше, чем что-либо другое, основную черту Пушкина — его доброту: «мы понимаем, почему многие современники, начиная с лицейской скамейки до могилы, ненавидели поэта:[2] его глубокая любовь к людям скрыта была от близорукого взгляда его непостоянством, ветренностью, его высмеиванием слабых сторон

---

[1] Как примеры этой двойственности В. В. Сиповский приводит часто противоречивые отзывы Пушкина об А. А. Фукс, И. И. Дмитриеве П. А. Катенине, гр Д. И. Хвостове, Плетневе, дяде В. Л. Пушкине.

[2] Напр., бар. М. А. Корф.

в глаза и за глаза, — ведь для сухого педанта, человека «правил», все эти недостатки выростали до громадных размеров, а за ними мало кто видел живое, доброе, отзывчивое сердце поэта. Он сам признается, что «добродушием преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни... Почти с Лицейской скамейки он является ходатаем за разных несчастных, пришибленных судьбой». Охарактеризовав письма к Л. С. Пушкину, В. В. Сиповский особенно останавливается на письмах поэта к жене: «здесь любовь Пушкина положительно неисчерпаема; он заботится о своей жене, как о ребенке, в каждом письме шлет ей прописные наставления, умоляет ее вести себя в обществе прилично, не кокетничать, беречь себя, — а она, в ответ на эти отеческие послания, поддразнивает его, сообщает о своих победах, о своем веселом, но глупом времяпровождении и пр.» Однако, полагает автор, Пушкин «в письмах своих не выразил всего себя, так как между корреспондентами его не было ни одного по плечу ему. Оттого письма помогают понять Пушкина лишь в обществе его друзей,... перед нами чисто внешние черты его облика, черты, однако, характерные и важные. Сравним этот образ с тем, что просвечивает в его лирических произведениях, — мы увидим полное совпадение. И это бесконечное разнообразие мотивов, и этот всепрощающий свет любви, искренность и живость настроения,—отличительные черты Пушкинской лирики, — все это черты поэта как человека; для него, не в пример многим другим поэтам, жизнь и поэзия во всякий отдельный момент сливались в одно!» «Стóит перечитать письма Пушкина»,—заключает В. В. Сиповский, — «и как живой восстанет перед нами бесконечно добродушный и благожелательный, порою насмешливый, то грустный, то блестящий и сверкающий «Искра» — «Сверчок» — весь яркое воплощение мгновения, вечно живущий впечатлением минуты, нежный и ласковый с одними, задорный с другими, с его веселым, раскатистым беззаботным смехом, с его серьезными думами и страданиями, с его горячими речами».

Издавая том писем Пушкина в серии его Сочинений, предпринятых фирмою «Просвещение», редактор этого тома В. В. Каллаш писал в своем кратком предисловии: «Письма Пушкина — драгоценнейшее достояние нашей литературы. В них — неисчерпаемый родник биографических фактов, данных для *внутренней* характеристики великого поэта; они же и лучший комментарий к его творчеству. Но значение их гораздо шире. Большинство из них — образцовые литературные произведения сами по себе: в них так и искрится светлый ум Пушкина, брызжет его неподражаемое остроумие, ярко проглядывает нежная теплота его души. «Жестокий век» с его цензурными и административными гонениями часто мешал ему откровенно высказываться в печати; в письмах, в особенности передаваемых «по оказии», он высказывался вполне, со всею искренностью и непосредственностью

своей многогранной натуры. Чтение их доставляет глубокое, захватывающее наслаждение и дает цельный, чарующий образ «солнца нашей поэзии».[1]

Известный пушкинист В. Е. Якушкин, член Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Отделении Русского языка и словесности Академии Наук, по поводу выхода в свет VII тома сочинений под ред. П. А. Ефремова в издании А. С. Суворина, писал: «Письма Пушкина очень рано привлекли к себе внимание читателей, очень рано стали появляться в печати. Выдержки из этих писем печатались еще при жизни Пушкина: личность поэта представляла такой интерес, что его друзья-литераторы не могли удержаться от того, чтобы не поделиться тем или другим замечанием Пушкина с читателями журнала или альманаха. Но даже и помимо печати письма Пушкина, долго жившего в изгнании и потому сносившегося со своими друзьями только на бумаге, рассматривались как интересные литературные явления и делались известными в довольно широких кругах. После кончины поэта в печати стали часто появляться его письма к разным лицам. Для всех очевидно было значение этих писем, содержавших не только неоцененные данные для биографии и характеристики Пушкина, но заключавших также богатый материал для изучения, для понимания литературных течений и литературных явлений, для общественной и бытовой истории. Правда, что переписка Пушкина страдала от того же, от чего страдала и его поэтическая деятельность, — от постороннего надзора. Как в своем творчестве Пушкин был стеснен строгою цензурой того времени, так и письма свои он писал, зная, что они могут перлюстрироваться и перлюстрируются на почте. Но... часть писем Пушкина оказывалась вне зависимости от почтового надзора: он писал, когда это было возможно, не по почте («Сходнее нам в Азии писать по оказии» — пояснял он в одном из своих писем Вяземскому), а кроме того, иногда он позволял себе писать откровенно по почте именно в расчете, что письмо будет прочитано посторонними лицами помимо адресата, и поэтому обличал самый принцип перлюстрации и таких перлюстраторов, каким был тогдашний Московский почт-директор А. Я. Булгаков... Но помимо богатства биографических, литературных, общественных данных, письма Пушкина представляют еще особый интерес по манере, какою они писаны, по их живому изложению, в котором не только всегда отражается личность автора, его настроение, но которое дает чувствовать и личность того лица, к кому адресовано письмо. В этом отношении письма Пушкина представляют нечто *единственное* в нашей литературе. Всегда проникнутые умом автора, отмеченные его остротой, они при самом безыскусственном, простом изложении отличаются

[1] Т. VIII, С.-Пб. 1906, стр. V.

многими особенностями *поэтического творчества*... Они интересны сами по себе, представляют живое, увлекательное чтение[1].

Обстоятельный отдельный этюд посвятил письмам Пушкина и известный знаток и поклонник поэта, критик Ю. И. Айхенвальд, во втором издании своей книги «Пушкин» — «Письма Пушкина»;[2] здесь он дает общую оценку писем и характеризует отдельные стороны этого своеобразного источника наших познаний о поэте: «В его письмах дышит его поэзия и во многом уясняют они процесс его творчества, напоминают мотивы и темы его песнопений. Отрадно встречать на страницах его переписки то, что известно уже по его строфам»...; благодаря письмам «приобщается читатель к этому таинству — претворению жизни в искусство, рождению лирики, Афродиты из пены морской, запечатлению происходящего в непреходящем. Так из писем Пушкина узнаешь биографию его произведений и воочию видишь, насколько художник умеет давать жизни бессмертие. Так эти письма — своеобразная школа поэзии, руководство писательской честности. — Соответствие между письмами и писаниями Пушкина сказывается не только в подобии текстов,[3] но, еще больше, в их психологическом единстве. И здесь, и там пленяет несочиненность его души, свойственная ему духовная свобода и естественность. Он в себя не глядится... Он себя не выдумывает, не прихорашивается, — он легко и грациозно несет свое авторство, свою гениальность... Не подавленный ни окружающим, ни собою, всегда принадлежащий себе, никогда не напряженный, он раскрывает в письмах чистые просторы ясного духа. Просто и прозрачно в его сердце, как и в его слоге. Он напишет, отошлет письмо, и после этого в душе у него, на самом дне ее, не останется никакой мути, никаких осадков. Это — одна из самых примечательных и привлекательных черт его переписки. В горниле поэзии только уже последнему, окончательному очищению подвергалось то в его помыслах, что предварительно доверял он своим письмам, и сквозь это двойное чистилище — светлой выходила честная душа поэта. — Освобождая письмом, беседой, признанием свою совесть, не накапливая дурного, легкий для себя и для других, он от этого постоянно свеж. Все сказано в его письме, все кончено; не бу-

---

[1] В. Якушкин в рец. на VII т. Соч. ред. Ефремова, изд. Суворина, 1903 — «Русские Ведомости» 1903 г., 18 дек., № 347; перепечатано в «Литературном Вестнике» 1904 г., кн. I. стр. 71 — 77. По поводу того же Ефремовско-Суворинского издания Н. А. Энгельгардт писал: «Письма Пушкина — образец эпистолярного стиля и неиссякаемый родник метких слов, определений, литературных оценок, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». В них развертывается и борьба гения с мертвящими условиями низменной, проникнутой ничтожеством и нетерпимостью среды» («Нов. Время» от нач. марта 1905 г., в статье «Новый Пушкин»).

[2] Ю. И. Айхенвальд, Пушкин. Изд. 2. М. 1916, стр. 26 — 41.

[3] Ср. ниже, стр. XXXV, в ссылке на книгу В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина».

дет подозрений и последствий, не потянется запутывающая нить какого-нибудь недоразумения... У него только мысли, а не умыслы, и все мысли — передние; как это ни странно, такое впечатление производят даже те его письма, где он официален, где он обращается к Бенкендорфу. Очевидно, Пушкин скоро входил в самого себя, становился искренен и там, где сначала перо его двигалось насильственно. Преодолеть же себя вполне, вступить в окончательную сделку со своей натурой для него было невозможно, — натура брала свое, компромиссы оказывавались поверхностными... Письма — улики; но Пушкина уличают они в хорошем, хотя бы их буквальный текст и читался иногда как дурное. Порою грубоватая форма его строк только усиливает впечатление содержащейся в них внутренней деликатности. Часто слышится у него непринужденный тон, и всегда заметно, что он хочет возможно меньшею сделать тяжесть своей личности. ...Он не щепетилен, не привередлив, не болезненно самолюбив; он целомудрен в выражении своих чувств, и если ему приходится горько выговаривать кому-нибудь, то горечь его сдержанная... Непосредственный, откровенный, искренний, он в то же время старается высказывать лишь ту сторону истины, которая собеседнику приятна, хотя бы в прочих сторонах этой же истины он с ним не соглашался. Не поступаясь собою, он щадит других. Отзывчивый на ласку, на доброе, по самой природе своей — друг и товарищ, любитель людей, он общителен, и только до последней святыни своей не допустит никого. — Иная резкость его признаний объясняется именно так, как он ее сам объясняет: «в дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами». Но там, где этого требуют высшие интересы, Пушкин отстаивает решительную и ничем не стесненную правду... Страстность и неподдельность Пушкинских настроений делает неподходящей для них самую форму письма. Можно сказать, что письма для Пушкина не писаны. Но, вообще победитель многих противоречий, соединитель противоположностей, он и в данном случае одолел то расстояние, которое отделяет его горячую стремительность от условной природы письма. Его письма не имеют самодовлеющего характера, т.-е. они не литературны [? *Б. М.*], и не воспринимаешь их как эпистолярную словесность. Они — больше, чем письма. Слово не мертвеет у него от чернил: он торжествует над искусственностью корреспонденции. Его письма — пресуществление: он ощутителен в своих строках, он там живет, он туда внедряется. Это — живой, громкий разговор; слышишь тембр его голоса, трепет его сердца, видишь его реальное существо. Всегда немногословный, он и в письмах высказывается сжато, сильно, с предельной выразительностью. Какая-то особая, не сухая деловитость присуща его перу. Мысль тоже имеет свою походку; и вот, у Пушкина в письмах мысль движется быстро, не задерживаясь по-пустому, выражает себя

лаконически, телеграфически, потому что ей, собственно говоря, некогда. Духовное электричество его писем вспыхивает короткими молниями таланта. Так как письмо у него не ради письма, то, кажется, он наскоро черкнет что-нибудь, — и пробегут какие-то зарницы по бумаге, и подпишется он *А. Пушкин*. — и вот уже он вернулся домой, в обитель поэзии, к своей внутренней работе. И удивительно при этом: такой темперамент имеют его письма, такими чувствуешь их, несмотря даже на то, что иным из них предшествовали черновики: не без личинок его бабочки. Здесь аналогия с его творчеством, где так гармонично сливаются труд и вдохновение, Сальери и Моцарт, но где непосредственно ощущаешь только последнего... Святая простота гения, похожего на дитя, сделала письма Пушкина не блестящими, не утонченными... Его шутки веселы, его остроты приятны, его письма ярки, — но все это, к счастию, не отличается изысканностью, не требует к себе специального внимания и пленяет все тою же удивительной Пушкинской простотою. У него — прекрасная грубость, у него — милая непристойность, у него — здоровье легкой души...». «Огонь Пушкина», заключает свой очерк Ю. Айхенвальд: «неугасимо горит в его произведениях, а в письмах он же освещает натуру страстную и гармоническую, существо обаятельное даже в своих недостатках, человека гениально простого, но не сумевшего оградить себя от вторжения условностей, попавшего не в свою стихию и по наклонной плоскости жизни опустившегося в гибельный омут. Впрочем, — кто же другой из поэтов и людей не платил дани общему ничтожеству, кто же другой был великим всегда и весь?»

Наконец, Н. О. Лернер, в специальном очерке, посвященном «Прозе Пушкина» [1], в свою очередь дал прекрасную характеристику переписки Пушкина и ее значения. «В течение всей своей жизни», говорит он: «Пушкин, незаметно для самого себя, составил одну из лучших своих книг — собрание писем, груду золотых слитков русского слова, роскошный фейерверк алмазных искр. Бесконечно разнообразная, интересная, живая, богатая роскошно расцветшими силами натура Пушкина отразилась в его переписке не бледнее, а с некоторых частных сторон даже ярче, чем в его лирике. Гений во всем, Пушкин — гений и в своих письмах. Как под руками сказочного чудодея всё обращалось в драгоценный металл, так из-под пера нашего волшебника слòва летели золотые брызги. Он был весь преисполнен творческого гения, этот неутомимый «сверчок», певец русского народа, вечно горящая «искра» в сумерках нашей культуры. Этим горением гения проникнуты письма Пушкина — одна из самых блестящих, богатых идеями и мыслями книг в нашей литературе. В письмах Пушкина нам дороги не только черты гения, не только поминутно сверкающие блестки высокого ума, не только звучащие на каждом шагу взрывы его

---

[1] Изд. 2, Пгр. — М. 1923, стр. 108 — 111.

божественного смеха, не только мимолетные грустные раздумья или вспышки веющего с этих старых и вместе таких молодых страниц вдохновения: мы читаем их еще как повесть о человеческой жизни, полной страданий, борений, возвышений и душевных компромиссов; мы рассматриваем их как любопытную, бесконечно запутанную и перепутанную сеть дружественных, семейственных, общественных и других отношений, то важных и необходимых, то излишних и ненужных, — и они говорят нашему сердцу, как трогательный рассказ о человеке, отмеченном гением, не зарывшем в землю своего таланта, стойко выносившем тягости жизни и донесшем до могилы и свой дар во всей его мощи, во всем его величии, и нерастраченный запас душевных сил, и бодрую, благословляющую, влюбленную в жизнь улыбку... Письма — главный источник для изучения истории его жизни, — и это делает их особенно интересными для нас. Письма, по чьему-то счастливому выражению, — «единственная вещь, которая людей отсутствующих делает присутствующими». Преодолев пространство, они преодолевают и время, и в письмах Пушкина оживает для нас великий поэт, воскресает его эпоха. Все, что есть в них случайного, временного, мелочного, отпадает само собою, даже не удерживается памятью, а надвременное, вечное, «Пушкинское» входит в нашу литературу, как одно из прекраснейших ее сокровищ. В этой книге «Жизнь и поэзия — одно»: жизнь дает содержание, поэтическое чувство всю ее пронизывает насквозь. Собрание писем Пушкина — великолепный калейдоскоп богато одаренного человеческого духа. Тон их необыкновенно разнообразен, количество интересов, занимающих поэта, поразительно, в них яркая и полная радуга различных настроений. Они — настоящие образцы эпистолярного стиля, поражающие своим бесконечным разнообразием. Жуковскому и Гнедичу Пушкин пишет в почтительно-дружеском тоне младшего приятеля, обращающегося к старшему; глубоким дружеским чувством отличаются его письма к Дельвигу; в письмах к брату Льву Сергеевичу поэт является не только снисходительным старшим братом, но даже немного ментором; строго-деловитые письма отличаются сухим тоном, иной раз преднамеренно-небрежным и холодно-аристократическим. И тут же рядом, в дружеских письмах, рассыпаны крупицы аттической соли, Пушкинского юмора, его лукавой насмешливости; переходы от глубокомысленного к легкому, от важного к забавному еле заметны, грациозны и просты. Эпиграммы, шутки, сценки, остроты и — бок-о-бок с ними — ряд «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», и все это на каком удивительном языке! Язык Пушкина и между прочим — его писем — это тот «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», слыша который, по вдохновенному слову Тургенева, «нельзя верить, чтоб такой язык не был дан великому народу». Письма Пушкина годны не только для изучения: еще в большей степени это — просто книга для

чтения, живая, увлекательная. Недаром они, наравне с посмертными произведениями, своим появлением вызывали сенсацию в публике. Тургенев читал и обнародовал письма поэта с трепетным благоговением и глубоким сознанием их психологической и эстетической ценности. Каждому они могут дать столько, сколько кто в силах от них взять. Политический историк, бытописатель, анекдотист, поэт, просто ценитель прекрасного, юноша, старик, — каждый, читая их, найдет много полезного, значительного в их всеобъемлющем круге, каждый услышит в собственном сердце отголоски на них»...

Последние два очерка — Ю. И. Айхенвальда и Н. О. Лернера — были написаны уже по выходе в свет монументального, так называемого «Академического» издания переписки Пушкина, вышедшего под редакцией одного из членов Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Отделении Русского языка и словесности Академии Наук В. И. Саитова и при участии пишущего эти строки. [1]

В три тома этого издания (1906, 1908 и 1912 г.) вошли проверенные в значительной части по рукописям поэта все письма его, открытые до того времени, с присоединением многих новых, [2] а также все до того времени опубликованные письма к Пушкину от его многочисленных и весьма разнообразных корреспондентов. Выход в свет этого издания вызвал целый хор восторженных голосов: и самые письма поэта, и приемы, положенные в основу издания, и полнота последнего были единодушно и единогласно приветствованы. Так, о I томе Академического издания Переписки Пушкина Н. О. Лернер писал, что это издание «впервые дает возможно правильный Пушкинский текст, т.-е. воспроизводит письма в таком виде, в каком они вышли из-под пера поэта»; что «настоящий Пушкинский текст нового издания писем подчас очень мало похож на ту искаженную сознательными поправками и непреднамеренною небрежностью передачу, которая раньше выдавалась за подлинного Пушкина. При сличении нового издания с любым из прежних эта разница сразу дает себя чувствовать; оказывается, что издатели, которых еще можно оправдать в непонимании важности соблюдения орфографии и пунктуации Пушкина, посягали даже на его синтаксис, кое-где вставляя слова, кое-где отбрасывая, меняя порядок слов. Примеров не приводим, так как их множество». Другую заслугу издания Н. О. Лернер видел «в весьма удачном хронологическом расположении писем, прежде носивших произвольные или перепутанные даты, для чего нужно было хорошо знать как личную жизнь поэта, так и

---

[1] См. т. I, Предисловие, стр. IV.

[2] Так, в одном Остафьевском архиве кн. Вяземских в с. Михайловском, Подольского уезда Московской губ., мною было найдено во время поездки туда в 1904 г. и сообщено в это издание одно новое письмо Вяземскому, 3 письма к кн. Вяземской и записка к Л. С. Пушкину.

литературную и общественную историю Пушкинской эпохи. При письмах помещены некоторые сохранившиеся черновые наброски»... [1]

В другой своей рецензии на тот же I том Н. О. Лернер писал по поводу самых писем Пушкина: «Русская литература обогатилась книгой, которой справедливо может гордиться. Далеко не в каждом своем литературном детище Пушкин отразился так разнообразно и всецело, как в переписке. Так же, как и лирика, а в некоторых отношениях даже лучше ее, письма Пушкина не только служат изучению внешних черт жизни Пушкина, но значительно уясняют внутренние стороны его характера и освещают его творчество. Велико не только биографическое и психологическое значение их, но и историческое. Пушкин был центральной фугурой в культурной русской истории 20-х и 30-х годов; в жизни русского народа, в истории развития русской общественности литература была более могучим фактором, чем в жизни других народов, и никогда ни один поэт не был для своего народа тем, чем был для России Пушкин — солнце русской культуры. Хорошо изучить его письма значит узнать не только Пушкина, но и его эпоху, колыбель тех идей, которые теперь только проникают собою русскую жизнь». [2] То же примерно писал Н. О. Лернер и в третьем отзыве своем о I томе издания писем Пушкина: «Пушкинская переписка — наиболее полное отражение духа Пушкина и богатый материал для его биографии и для истории его времени, — вместе с тем является одною из лучших книг для чтения. В ней Пушкин является попеременно поэтом, критиком, другом, собутыльником, остряком, политиком, на каждом шагу меняясь с быстротою Протея, но везде и всегда являя неизменную сущность гения. Как под руками сказочного чародея всё обращалось в драгоценный металл, так из-под пера нашего волшебника слóва летели золотые брызги»... [3]

«Особую, личную, даже интимную близость с Пушкиным», — писал позже тот же исследователь: «мы приобретаем в его письмах, где так полно и искренно отразилась и гениальная натура великого человека, и просто жизнь обыкновенного смертного, с ее возвышениями и падениями, радостями и горестями. Потому что и тем и другим одинаково был Пушкин, — то один из «детей ничтожных мира», то пророк, мудрец и вдохновенный жрец Аполлона. И какая сторона нам в нем интереснее, — это подчас бывает трудно сказать, читая книгу его писем, где подлинно «жизнь и поэзия — одно». — Письма Пушкина — книга, без которой нельзя знать Пушкина, нельзя проникнуть в его эпоху, и в такой же мере — это просто книга для чтения, — одна из тех немногих на свете книг, которые можно читать и перечитывать

---

[1] «Критич. Обозрение» 1907 г., вып. I, стр. 33.
[2] «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1907 г., февраль, стр. 390.
[3] «Русск. Стар.» 1907 г., № 3, стр. 689.

без конца, раскрывая на *любой странице*, оставляя и возвращаясь...» [1]

«Письма Пушкина представляют двоякого рода ценность», читаем в отзыве об Академическом издании «Вестника Европы» (1908 г., № 6, стр. 828): «как одно из величайших созданий Пушкинского гения и как первоклассный материал для биографии Пушкина, для уяснения его жизни и духовного развития. При всей изумительной красоте языка, *слово* почти не чувствуется в этих письмах; из тяжелой, грубой ткани, которою мы одеваем нашу мысль и чувство, чтобы передать их другому, оно в письмах Пушкина превратилось в воздушную, прозрачную оболочку, оно ничего не скрывает и не ослабляет, — оно лишь молниеносно освещает предметы. В этих письмах, так сказать, совсем нет литературы; это животрепещущие переживания — и какие! — переживания огненного, божественно свободного духа, непосредственные, как у ребенка, и в то же время сочетающие пламенную страстность с величайшей ясностью и глубиной сознания. И при этом — какая меткость взгляда, какая нежность чувства, какой глубокий покой при всей стремительности отдельных переживаний! Здесь воочию видишь то, что̀ иначе можно понять, только охватив мыслью *всё* творчество Пушкина: дивную соразмерность его душевных сил, безотчетно превращавшую все диссонансы в гармонию. *Без писем своих Пушкин был бы для нас не менее велик, но письма помогают нам лучше узнать его*». [2]

По поводу выхода в свет III тома Академического издания Переписки В. Я. Брюсов писал: [3] «Всеми признано, что письма Пушкина замечательны не менее его художественных произведений. Свои письма Пушкин писал очень старательно, часто набрасывая их сначала начерно; кроме того, он в поразительной степени обладал способностью применяться к тону своего собеседника-корреспондента, так что к Соболевскому, напр., он писал другим языком, чем к Нащокину, и уже совсем иначе, чем к Погодину; еще по-другому он писал к своим друзьям, кн. Вяземскому, Дельвигу и т. д. К этому присоединяется удивительная меткость языка Пушкина, его умение в немногих словах сказать о самой сущности вопроса, притом сказать живо и ярко, и неистощимость его ума, рассыпавшего даже в случайных записках блестки тонких соображений и острых замечаний. [4]

С другой стороны, по тому же поводу, один из первых и наиболее глубоких знатоков Пушкина П. И. Бартенев писал:

---

[1] Н. О. Лернер — в рец. на III т. Академического издания Переписки Пушкина — «Речь», 29 января 1912 г., № 28.

[2] Курсив наш.

[3] «Русская Мысль» 1912 г., март, отд. «В России и за границей», стр. 17—18.

[4] Далее Брюсов высказал суждение (ib., стр. 18) о том, что без примечаний все издание переписки Пушкина теряет *половину своего значения*.

«В трех томах Переписки Пушкина наш поэт, наша отрада, — святая искра, выбитая из груди России нашествием Европы, выразился вполне, точно как будто перед нами его рабочий стол, и мы можем следить за его письменными занятиями. И в переписке своей, как в своих художественных произведениях, он необыкновенно привлекателен: такая быстрота ответов, такое тонкое уменье приноровиться к характеру писавшего и сказать ему что-либо любезное и ободрительное. Трудно оторваться от чтения писем его к супруге... Он сам, как видно, сознавал всю ценность своих супружеских поверений, и в одном письме требует от Натальи Николаевны, чтобы она никому не давала списывать его письма» и т. д. [1]

Приведем еще мнение известного поэта и большого знатока Пушкина Б. А. Садовского. Он считал, что «письма Пушкина — явление в мировой литературе единственное и небывалое. В них, по его словам, — вся натура поэта — высокопрямодушная, благородная и прекрасная. Прежде всего сказывается в письмах безграничная его доброта... Отличительная черта характера Пушкина, по наблюдению Б. А. Садовского, — «его невинное, можно сказать — лучезарное простодушие, — черта истинно-гениальных натур. При всем необъятном уме своем Пушкин добр, нежен и доверчив как ребенок». [2]

Наконец, особенного внимания заслуживает, по широте поставленного в ней вопроса, недавняя статья Г. Винокура в его книге «Культура языка. Очерки лингвистической технологии»: «Пушкин-прозаик», [3]—ставящая письма Пушкина в прямую связь с его художественной прозой. Указывая на простоту Пушкинской прозы, автор справедливо полагает, что до этой простоты поэт дошел не легко. «Если в стихах своих он — завершитель богатых традиций прошлого века, канонизатор, давший устойчивую, классическую форму, — то к прозе Пушкин пришел путями безвестными, дорогами окольными: учителей, наличных традиций на них он не повстречал. В прозе ему пришлось начинать с начала, и подходил он к этому делу с опаской, с мучительными сомнениями»; вопрос о прозе был для Пушкина прежде всего вопросом *стилистической культуры*, вопросом *школы* и *уменья*, а не натуралистического подражания речи «московской просвирни» и т. под. «Всем известно, какую громадную работу проделал Пушкин прежде, чем взялся за прозу. Но дело свое он во всяком случае сделал. Он оставил нам прозу пленительную и совершенную, но тайну

---

[1] «Руск. Арх.» 1912 г., № 1, 1 и 2 обл.

[2] «Современник» 1912 г., № 8, стр. 309, 310. Проф. Н. Н. Фатов в своем «научно-популярном» очерке: «Пушкин» (Гос. изд. М. 1921), касаясь писем Пушкина, говорит, что они «полны глубокого, захватывающего интереса. В них бездна ума, остроумия, ценнейших мыслей; читаются они как самый увлекательный роман» (стр. 63).

[3] На эту статью автору любезно указал Б. В. Томашевский, когда настоящее Предисловие было уже написано.

мастерства своего унес с собой: проза эта загадочна, непонятна и до сих пор ни с какой стороны еще не уяснена». «Каким чудом превратилась обыденная, прагматическая речь московской просвирни в изваянную форму «Арапа Петра Великого» или «Капитанской Дочки»? Как «язык быта превратился под его пером в язык литературный», задает вопросы автор, — и отвечает, что до этой формы дошел он, между прочим, и через эпистолярные свои опыты, через свои письма. «Если не до конца, то во многом» изучение писем Пушкина и их стиля помогает ответить на поставленные вопросы. «Давно уже признано,—пишет Г. Винокур, — «что письма Пушкина имеют для нас значение не только биографических документов, личного архива поэта, но также несомненную и большую литературную ценность. Да и сам Пушкин относился к переписке своей с приемами заправского профессионала-литератора: в этом убеждает нас хотя бы большое количество сохранившихся его эпистолярных черновиков. Длинный ряд отзывов о письмах Пушкина, на протяжении целого столетия, характеризует их как факт словесного искусства. И если не до конца бываешь уверен в искренности современного нам писателя, заявляющего: «Говоря о «Капитанской Дочке» как о совершеннейшей прозе Пушкина, мы колеблемся — не следует ли на первое место поставить его письма»[1], — если можно предположить, что подобный отзыв есть лишь следствие обычного в наши дни пиэтета к Пушкину, — то разве не показательно, что иные из Пушкинских современников склонны были благодарить поэта за письмо, словно как за присылку новых стихов?.... Пушкин работал над своими письмами как над художественной вещью. Письма для него были равносильны «литературному факту», — и далее автор сопоставляет описательное письмо Пушкина к брату от 24 сентября 1820 г. с началом «Путешествия в Арзрум», находя в приемах первого — эмбрион второго. В письме к Дельвигу от середины декабря 1824 г. он видит некоторые уже чисто-новеллистические черты, в некоторых деталях — какой-то остов чисто сюжетной схемы; в более поздних письмах Пушкина (1834 — 1836) присутствуют уже мотивы чисто-бытового содержания, напоминающие его table-talk, вставленные в оправу той своеобразной causerie, какую составляют почти все письма поэта к жене, стиля домашнего разговора; критические и политические статьи, задолго до того, как он стал работать в «Московском Телеграфе», в «Литературной Газете», — писались Пушкиным в форме писем своим друзьям и сверстникам; и историю пытался Пушкин писать первоначально все в той же эпистолярной форме... «Письма Пушкина — это настоящая прозаическая лаборатория, в которой «простонародное наречие» доводится до степени литературного языка. Связь Пушкинского эпистоляр-

---

[1] М. Л. Гофман, «Капитанская Дочка» — Соч. Пушкина, под ред. Венгерова, т. IV, стр. 355.

ного стиля с его прозой видна невооруженным глазом, ощущается наощупь. Именно отсюда, читаем далее, объясняется эта манера «свободного разговора», которую отмечает, как характерную особенность Пушкинской прозы, и Б. М. Эйхенбаум;[1] отсюда же тот своеобразный «деловой стиль», без «воздуха и глубины», эта сухость, преднамеренная скупость изложения, резко бьющая в глаза в Пушкинской прозе. Сколько-нибудь внимательный специальный анализ переписки Пушкина в сравнении с его повестями сумеет вскрыть эту внутреннюю зависимость до конца», говорит автор и, как один из примеров, сравнивает письма Пушкина с отрывками из его неоконченного «Романа в письмах», справедливо находя, что, за исключением, может быть, двух писем Владимира, все остальные письма из этого незаконченного романа в стилистическом и композиционном отношении всецело совпадают с реальными Пушкинскими письмами, — отличающимися удивительною лаконичностью, скупостью изложения, небольшим сжатым размером, гармоничною краткостью, закругленностью, крайнею тематическою насыщенностью, необыкновенною стройностью построения и т. д. Свой этюд автор заключает следующею тирадою: «Читая Пушкина, кажется, видишь, как он жжет молнием выжигу из обносков: в один удар тряпье — в золу, и блестит чистый слиток золота». Так передавал свое впечатление от Пушкина Брюллов. Сколько же нужно было Пушкину выжечь бытового, житейского тряпья, обносков, прежде, чем показались первые золотые блестки его прозаического стиля. Сколько мудрого, культурного труда вложено в этот эпистолярный путь от послеобеденной болтовни с приятелем к высокому художественному строю «Пиковой Дамы», к благородной классической простоте «Дубровского» или «Капитанской Дочки». *Такая* простота есть действительно культурное достижение; о ней легко кричать на литературных перекрестках, но для того, чтобы создать ее, нужен действительно Пушкинский гений, давший нам незабываемый пример *культурной работы над словом,* великолепным памятником которой остается его переписка».[2]

Мы намеренно остановились на всех этих отзывах многочисленных ученых, критиков, писателей и пушкинистов: все они вместе с достаточной полнотой и с разных точек зрения освещают всё великое значение писем Пушкина и дают всестороннюю их оценку.

В письмах своих наш великий писатель является таким же «делателем», таким же творцом, каким он признается и в других областях литературы. К эпистолярному жанру относился он с тою же серьезностью, с какою смотрел на всё, что ему приходилось делать. Обрабатывая, шлифуя с неутомимостью, с лихорадочною поспешностью поэтический язык наш и усовер-

---

[1] Б. Эйхенбаум, «Сквозь литературу». Лгр. 1924, стр. 166.
[2] Г. Винокур, назв. соч., стр. 179—188.

шенствуя все виды и формы поэтических произведений, давая образцы прозы в бытовом и историческом романе, в рассказе и повести, в литературной критике и рецензии, в историческом исследовании, в полемических статьях, в мелких заметках, в дневнике и мемуарах, — он не мог оставить без внимания и эпистолярный русский стиль. Еще в 1824 г., в статье о причинах, замедливших ход нашей словесности, он жаловался: «Проза наша еще так мало обработана, что даже *в простой переписке* мы принуждены создавать обороты для понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны»...[1] Как бы в подтверждение этой мысли он в том же году в 3-й главе «Евгения Онегина» с шутливой грустью констатировал, что

> Доныне гордый наш язык
> К почтовой прозе не привык,[2]

и свою милую Татьяну заставил писать письмо к Онегину по-французски;[3] поэтому он считал необходимым и в этом вопросе сказать свое слово, выковать образцовый эпистолярный стиль — и постепенно выработал его и довел до такой степени совершенства, до такой чеканной отчетливости и выразительности, каких до него не существовало даже у больших наших писателей — Карамзина, Батюшкова, Жуковского.

Несомненно, что, находясь в ссылке (1820—1826), Пушкин, лишенный возможности личного общения с друзьями и врагами, не имея способов к живому обмену мнений, но постоянно кипя мыслями, смотрел на письма свои, как на единственный способ поддержания связи с отсутствующими: письма отчасти заменяли ему необходимую для него устную беседу, — в них он высказывал плоды своих дум, развивал литературные взгляды, выражал суждения по общим вопросам и темам, — и всё это не для одного только адресата: он знал заранее, что письма его служат для чтения группы его единомышленников, становятся предметом обсуждения и споров, вызывают горячий обмен мнений, — являются как бы опубликованными в той среде, для которой были написаны. В этом было их общественное значение даже среди современников, на которых они не могли не

---

[1] Ср. по этому поводу слова самого Пушкина в письме к П. Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 г.: «Je vous parlerai la langue de l'Europe — elle m'est plus familière que la nôtre».

[2] Русский язык Пушкин называет гордым и в черновике письма к Вяземскому от ноября 1823 г. (ниже, стр. 61); ср. у Лермонтова, Соч., изд. 1916 г., т. III, стр. 266.

[3] По поводу Пушкинского «перевода» этого письма Татьяны проф. Н. П. Некрасов писал: «Этот мнимый перевод письма представляет собою идеал словесного искусства, торжество русского языка и русской поэзии в выражении самых тонких и самых нежных движений сердца» («К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка» — сб. «Памяти А. С. Пушкина», изд. ред. журн. «Жизнь», С.-Пб. 1899, стр. 213).

оказывать могущественного влияния, что̀ видно из дошедших до нас (увы, далеко не в полном объеме) ответов на письма Пушкина. При таком положении вещей Пушкин с особенною тщательностью относился и к форме своих писем, обрабатывая их со всем усердием, со всем упорством и серьезностью, относясь к ним, как к литературным произведениям,[1] предназначенным к публикации.[2] Вот почему к форме и стилю его писем можно смело приложить тот отзыв о языке Пушкина вообще, какой находим мы в статье акад. В. М. Истрина: «Необыкновенная сжатость и в то же время выразительность, меткость и точность в выборе слов, плавные, но вполне соответствующие живой русской речи краткие синтаксические формы, — всё это, соединенное с безыскуственностью, сделало Пушкина учителем русского языка для всего последующего поколения...».[3] Он и в письмах своих лучше кого бы то ни было и вполне удовлетворил требованиям, предъявлявшимся им к «истинному вкусу», который, по словам Пушкина, состоит «не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».[4] На своих письмах он показал, как к этому роду прозы можно в полной мере применить два основных достоинства всякого прозаического произведения: «точность и краткость»;[5] ими, как и другими своими сочинениями в прозе, он положил основание для правильного и успешного развития литературного языка на началах художественной простоты; пользуясь богатствами народного языка, он «вывел литературный язык из спертой атмосферы кабинетов и гостиных на чистый воздух света божия, на широкий простор Русской земли — для любованья всему народу русскому».[6] Так же определеляет достоинства Пушкинской прозы вообще, а в частности, следовательно, и эпистолярной, — и акад. Е. Ф. Карский: «Неумелое стремление последователей Карамзина при-

---

[1] О том, в каком близком соотношении и взаимодействии стояли письма Пушкина к его литературной деятельности и как близок был эпистолярный стиль его к стилю поэтическому, свидетельствует, между прочим, то обстоятельство, что в письмах он нередко повторяет свои собственные стихи — дословно или в перефразировке,—мысли и выражения и обратно; много таких автоцитат или автореминисценций указано в книге В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина. Книга первая», Лгр. 1924, стр. 79—101, и в наших примечаниях к письмам.

[2] С годами, с выходом поэта на свободу и с усложнением его жизненной обстановки, его письма теряют значение таких литературных произведений, приобретая характер частно-эпистолярный.

[3] В. М. Истрин в статье: Пушкин и русская литература—см. «Пушкинские дни в Одессе. Сборник Имп. Новороссийского Университета», Одесса. 1900, стр. 52.

[4] «Отрывки из писем, мысли и замечания».

[5] Заметка 1822 г. «О слоге».

[6] Н. П. Некрасов, l. c., стр. 232. Ср. статью акад. Е. Ф. Карского: «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка», Варшава. 1899.

дать прозе «приятность» выродилось в лучших руках — в изысканность, а у лиц менее искусных — в вычурность и приторность, доходящую до слащавости. Как истинный художник, Пушкин заметил и эту односторонность речи, хотя она и была совершенно противоположна прежней латино-немецкой торжественности нашего стиля. Вполне признавая рациональным положение Карамзина, что писать следует, как говорят, т.-е. что прозаическая речь ничем не должна отличаться от речи разговорной, он требовал еще от нее ясности и точности. А эти качества достигаются лишь тогда, когда речь течет просто и естественно. Однако, понятия простоты и естественности очень широки и легко переходят в то, что̀ Пушкин характеризовал словом vulgar; но с последним качеством речи не мирилась душа поэта-художника, — и вот он еще требует от прозы опрятности» и т. д.[1]

Итак, вот первое, общее значение эпистолярного наследия Пушкина — значение его, как одного из видов образцовой Пушкинской прозы, выплавленной поэтом в горниле его художественного гения. На письмах Пушкина мы можем проследить постепенный процесс этой плавки, — они помогут нам понять его и лучше оценить то, что сделал Пушкин для нашей прозы вообще. Затем следует отметить частное значение писем, как первоисточника для характеристики историко-литературных взглядов Пушкина, для понимания его, как писателя и человека, значение их для фактической биографии поэта, для оценки и понимания его окружения, бытовой и житейской его обстановки, для знакомства с его друзьями и врагами и т. д. и т. д. В последних отношениях важность писем громадна, — они лучший, вернейший и наиболее богатый источник наших сведений о всем, что̀ касается Пушкина, как поэта и как исторического лица[2].

Объем эпистолярного наследия Пушкина, к нашему великому сожалению, весьма не велик; не подлежит никакому сомнению, что из обширной переписки Пушкина дошла до нас, увы! лишь ничтожная часть[3]. Достаточно сказать, что мы не знаем такого значительного отдела писем его, как письма к родителям и к сестре,

---

[1] Е. Ф. Карский, «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка», Варшава. 1899, стр. 24—25. О прозе Пушкина вообще см. цитированную выше работу Н. О. Лернера: «Проза Пушкина», изд. 2-е, Пгр.—Москва. 1923.

[2] «Все биографы Пушкина и исследователи его творчества широко пользуются поэтому перепискою поэта, ставя ее, в ряду первоисточников, наравне с поэтическими его созданиями и прозаическими трудами, как критика, публициста и историка» (ср., напр., книгу Нестора Котляревского: Пушкин как историческая личность, Берлин. 1925, стр. 7).

[3] Менее 800 №№. Даже если предположить, что Пушкин писал в год, средним числом, не более 100 писем (выкинем дни, проведенные в дороге, в болезни и т. д.), то за 20 лет его жизни, только от выхода из Лицея (1817—1836), — им должно было бы быть написано не менее 2.000 писем, — следовательно, нам известно лишь немного более $1/3$ всех его писем.

а из писем к брату имеем лишь незначительную долю. Нам неизвестно ни одного раннего, детского письма Пушкина, но что они были — и были целы еще сравнительно недавно, видно, между прочим, из одного письма И. В. Анненкова к брату его Павлу Васильевичу, будущему издателю Сочинений Пушкина и его биографу. Получив доступ к бумагам Пушкина, И. В. Анненков писал брату 19 мая 1852 г., что, для предположенных тогда работ его над новым изданием сочинений поэта, Н. Н. Ланская, вдова поэта, намеревалась предоставить в распоряжение Ивана Васильевича «переписку Пушкина с сестрою, когда ему было 13 лет»...[1] В существовании писем Пушкина к отцу и к матери можно не сомневаться и a priori, — но на некоторые неизвестные нам теперь письма есть у нас и многочисленные документальные указания — в других письмах; из писем к сестре, О. С. Пушкиной-Павлищевой, не дошло до нас *ни одного* (не считая трех коротких приписок к ней), а мы знаем, каким нежным и любящим братом был поэт, и знаем, по письмам ее самой к родным, что она получала от него письма, хоть и не слишком часто. Из писем к брату дошла до нас лишь ничтожная часть,[2] — Лев Сергеевич был человек не оседлый и после себя, повидимому, никакого личного архива не оставил;[3] не известно нам также ни одного письма поэта к дяде его В. Л. Пушкину (кроме того юношеского послания, которое попало в печать еще в 1821 г.), к членам родственной поэту семьи Сонцевых, к Гончаровым (братьям жены поэта) и к другим, довольно многочисленным родственникам.

Из этого видно, как плохо понимали все эти близкие к поэту по кровным отношениям люди значение эпистолярного его наследия, как небрегли они его письмами.

Переходя к тем из числа друзей Пушкина, его знакомых, официальных и других лиц, к кому он несомненно писал,—перечислим, в алфавитном порядке, лишь некоторые имена, — на выдержку, — чтобы показать, сколь многого из драгоценных писем поэта мы лишились из-за невежества и постыдного небрежения самих корреспондентов Пушкина или тех, к кому переходили архивы последних.

Из писем Пушкина к его Кишеневскому приятелю *Н. С. Алексееву* нам неизвестно, по крайней мере, 5 писем, которые взял у него И. П. Липранди и так и не возвратил. На втором месте, увы, нам придется поставить поэта *Е. А. Боратынского*, который не сберег *ни одного* письма к себе Пушкина! У *Булга-*

---

[1] Пушкинский Дом, архив П. В. Анненкова.

[2] И. Липранди, Воспоминания,—«Русск. Арх.» 1886 г., ст. 1481—1484 и 1488; «Литер. Портфели», вып. I, стр. 64—65, и др.

[3] Часть *вотчинного* архива с. Болдина, которое, как известно, после смерти поэта досталось Л. С. Пушкину, находится ныне в Пушкинском Доме.

рина, по его словам, был целый *пук* писем Пушкина [1], но в печати нам известны лишь *два* письма... Нет у нас ни одного письма его к *А. Ф. Вельтману*, к *Ф. Ф. Вигелю*, к кн. *З. А. Волконской*, к кн. *С. Г. Волконскому* (декабристу), — а они несомненно были; из писем к *А. Н. Верстовскому* сохранилось лишь одно, а их было несколько; в июне 1824 г. Пушкин писал гр. *М. С. Воронцову*,— письма эти нам неизвестны; из многочисленных, без сомнения, писем поэта к влюбленной в него *Анне Н. Вульф* сохранилось только одно письмо и одна короткая записка, а из писем к ее кузине *Netty Вульф* (впоследствии Трувеллер) [2], не дошло ни одного, как не дошло ни одного письма и к *Евпраксии Вульф*, по мужу бар. Вревской, и к ее мужу бар. *Б. А. Вревскому;* из числа писем к кн. *В. Ф. Вяземской* и кн. *П. А. Вяземскому* сохранились также не все [3]; были, кроме двух известных, еще письма к *Н. И. Гречу* [4]; от писем к барону *А. А. Дельвигу* сохранилась до нас только небольшая часть [5], а из писем к его жене и вдове — *С. М. Дельвиг-Боратынской* не осталось ничего, так как она эти письма сожгла [6]; известны далеко не все письма к *Жуковскому* (особенно ранние); писывал Пушкин и к гр. *Е. М. Ивеличь* [7], но письма эти совсем неизвестны; от письма к *И. Т. Калашникову* сохранился лишь черновик, беловое же письмо затерялось у его дочери, Н. И. Калашниковой, уже в начале 1900-х годов, — как она сама нам рассказывала; к великому сожалению, не сохранилось ни одного письма Пушкина к *Карамзину* и к его жене,

---

[1] «Сев. Пчела» 1854 г., № 12 стр. 47: «У меня находится, в собрании автографов, целый пук писем А. С. Пушкина, из которых я и напечатаю некоторые, если господу богу угодно будет продлить жизнь мою до того тома моих «Воспоминаний», в котором будут изложены литературные мои отношения». Намерение это не осуществилось, как известно, а Булгаринский архив в Карлове не уцелел до нашего времени. Пушкин сам упоминает о письмах к Булгарину в письмах своих к Вяземскому и к Л. С. Пушкину.

[2] См., напр., в письме к брату от 7 апреля 1825 г. и к А. П. Керн от 28 августа 1825 г.

[3] Напр., было письмо Пушкина к княгине от начала февраля 1828 г., из Петербурга, от которого в Остафьевском архиве сохранился только второй лист почтовой бумаги большого формата с адресом руки Пушкина: «Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской въ Пензу», с почтовым штемпелем: «С.-Петербургъ 1828, Фев. 6». Об одном из утратившихся писем к Вяземскому видно, напр., из письма М. Ф. Орлова к Вяземскому же из Киева, от 9 ноября 1822 г. «При сем следует также большое письмо от Пушкина, разбраненного тобою» . . . (Пушкин. Сборник П. И. Бартенева, вып. II, стр. 23); о другом (вернее — о записке), от января 1836 г., по делам «Современника», видно из письма Вяземского — «Остаф. Архив», т. III, стр. 296 и 676.

[4] См. письмо к Гречу от 21 сентября 1821 г. и Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 399.

[5] Что их было много уже к 1822 г., видно из письма С. М. Дельвиг, еще невесты поэта, к подруге А. Н. Карелиной от 20 июля 1825 г. (Пушкинский Дом, архив Боратынских).

[6] Сообщение Н. И. Тютчева, внука поэта.

[7] См.. в письмах к Л. С. Пушкину №№ 106 и 110.

Е. А. Карамзиной: достоверно известно, что историограф уничтожал всю получавшуюся им корреспонденцию; мы знаем далеко не все письма к *П. А. Катенину*;[1] не все письма сберегла и *А П. Керн*; были письма к издателю «Европейца»—*И. В. Киреевскому*, но мы их не знаем; были неизвестные нам письма к *Н. И. Кривцову;* письма к *В. К. Кюхельбекеру* погибли после событий 14 декабря;[2] было много писем к *И. П. Липранди*,[3] к Никанору Михайловичу *Лонгинову*,[4] к Петру Александровичу *Муханову* (декабристу),[5] к *И. П. Мятлеву*, — все они неизвестны нам, за исключением одной совершенно ничтожной записки к Липранди; укажем далее на письма к *П. В. Нащокину*, из которых мы знаем также не все, так как, по словам жены Нащокина П. И. Бартеневу, «много писем у них распропало, раздарено и пр. Одно письмо она даже раз встретила на сальной свечке: таково было небрежение, о котором сами они вспоминали с горестью»;[6] было и письмо поэта к *имп. Николаю*, с объяснениями по поводу авторства «Гавриилиады», до сих пор остающееся неизвестным;[7] затем мы не знаем писем Пушкина к *А. Н. Оленину*, — а они несомненно были; неизвестны также письма к *М. Ф. Орлову* (декабристу), с которым поэт, без сомнения, переписывался; нет у нас и ранних (до 1824 года) писем к *П. А. Плетневу*,[8] да и из позднейших писем дошло до нас не всё, что было; были неизвестные нам теперь письма к *Н. А. Полевому;* упомянем еще записку к сестре А. П. Керн — *Е. П. Полторацкой*, нам неизвестную;[9] неизвестно письмо к *М. И. Пущину*, 1829 г.;[10] погибли *все* письма Пушкина к его Лицейскому другу *И. И. Пущину*, — вероятно, после декабрьских событий 1825 г.; погибли, но от других причин, и письма к *А. Н.* и *Н. Н. Раевским*;[11] было письмо 1824 г. к *А. П. Савелову;* вовсе неизвестны письма к *Н. М. Смирнову*, а они, весьма возможно, были; равным образом известно, что были письма к *И. М. Снегиреву*, из коих мы знаем лишь одно;[12] были два письма

---

[1] Напр., неизвестно то письмо, о коем Катенин упоминает в письме своем к А. М. Колосовой от 28 августа 1822 г.

[2] «Русск. Стар.» 1875 г., № 7, стр. 358, прим.

[3] «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1450, 1482, 1486, 1487.

[4] «Библ. Зап.» 1859 г., стр. 555; ср. Одесский сборник «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, Од. 1925 г., стр. 56.

[5] «Русск. Стар.» 1888 г., т. 60, стр. 584.

[6] «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925 г., стр. 34; см. еще стр. 95 и 95 — 96.

[7] Там же, стр. 42 и 110; ср. у Б. В. Томашевского, «Гавриилиада», Пгр. 1922, стр. 53.

[8] «Пушкин и его совр.», вып. XIII, стр. 136; Я. К. Грот, Пушкин, стр. 128.

[9] «Пушкин и его совр.», вып. V, стр. 145.

[10] Л. Майков, «Пушкин», стр. 239.

[11] «Пушкин и его совр.», вып. II, стр. 14, 15.

[12] А. Ивановский, И. М. Снегирев, С.-Пб. 1871 г., стр. 9.

к *Ek. Зах. Стамо*, нам неизвестные; [1] не все письма к *А. И. Тургеневу* дошли до нас; по преданию, *Е. Н. Ушакова* сожгла целую шкатулку писем к ней Пушкина; [2] можно думать, что существовало не одно письмо к гр. *Д. Ф. Фикельмонт*, рожд. гр. Тизенгаузен; были неизвестные нам письма к *Е. М. Хитрово*, сверх недавно найденных; у *П. Я. Чаадаева* было *много* писем Пушкина (о чем он сам сообщал отцу поэта в феврале 1837 г.) и от разных эпох жизни, [3] — нам же известно всего 5 писем; из писем к *Н. М. Языкову* мы не знаем сентябрьского письма 1824 г.; о некоем замечательном письме Пушкина, писанном почти накануне свадьбы и в котором поэт писал, что погибнет на поединке, сообщает П. И. Бартенев; [4] есть много указаний и на другие неизвестные нам письма Пушкина к разным лицам; [5] но и приведенного перечня, сделанного на выдержку, достаточно, чтобы показать, какое значительное количество писем Пушкина до нас не сохранилось или, в лучшем случае, еще не разыскано. [6]

* *
*

История постепенного разыскания писем Пушкина и их публикации, уже изложенная отчасти выше, показывает, как медленно и неуверенно созревало и вкоренялось в общественное сознание убеждение в их великой ценности. Не считая нескольких писем, напечатанных еще при жизни Пушкина и в посмертном издании его сочинений, обнародование писем поэта, как важного историко-литературного и биографического материала, начал, как мы уже указали, П. А. Плетнев, напечатавший в «Современнике» 1838 г. (т. IX, X и XI) два письма, записку и отрывок из письма поэта; затем в своем «Москвитянине» за 1842 г. Погодин опубликовал 29 писем и записок Пушкина к себе; в «Казанских Губернских Ведомостях» 1844 г.

---

[1] «Минувшие Годы» 1908 г., № 7, стр. 4.

[2] «Русск. Арх.» 1912 г., № 10, стр. 310.

[3] «Пушкин и его совр.», вып. VIII, стр. 53.

[4] «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925 г., стр. 131.

[5] См. эти указания в книге Н. О. Лернера: «Труды и дни Пушкина», изд. 2, 1910 г. (напр., стр. 62, 70, 75, 76, 79—80, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 91, 96, 98, 101, 102, 103, 104, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 118, 120, 121, 126, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 147, 148, 151, 152, 155, 162, 167, 177, 187, 195, 196, 197, 198, 206, 237, 238, 241, 246, 262, 263, 265, 268, 284, 290, 293, 297, 298, 308, 315, 322, 331, 333, 339, 354, 355, 362, 366, 369, 370, 374, 375, 378, 379, 381, 385, 448, 450, 451, 464, 468, 472,—примерно около 100 писем, до нас не дошедших).

[6] Пример недавней находки 27 неизвестных писем Пушкина к Е. М. Хитрово в семейном архиве кн. Юсуповых (ныне в Пушкинском Доме), конечно, — единственный в своем роде, и трудно полагать, чтобы подобные находки могли повторяться.

А. А. Фукс напечатала письма, полученные ею от Пушкина; в «Иллюстрации» 1846 г. опубликовано было письмо поэта к Н. А. Полевому, в «Москвитянине» за 1851 г.—письма к Нащокину (без согласия и даже без ведома последнего), за 1852 г. — письмо о Гоголевых «Вечерах на хуторе близ Диканьки», а за 1854 г. — несколько писем к Дельвигу и к А. А. Фукс; в том же 1854 г. и «Современник» опубликовал несколько писем поэта к Л. С. Пушкину, к А. А. Бестужеву и к Дельвигу; 1855 год следует отметить особенно: В. П. Гаевский в «Отечественных Записках» (№ 6, стр. 31—70) обнародовал несколько писем Пушкина и отрывков из них, а П. В. Анненков — в своих «Материалах для биографии Пушкина»—привел уже значительное количество их, частью целиком, частью в извлечении, отметив, как мы видели (стр. XI), исключительную ценность писем Пушкина, как историко-литературного и биографического источника. Последними публикациями было закреплено за письмами Пушкина то значение, какого они заслуживают и какое признается за ними в полной мере в настоящее время, и обнародование писем пошло уже более или менее непрерывно—в «Библиографических Записках», в «Библиотеке для Чтения», «Русском Слове», «Русском Архиве», «С.-Петербургских Ведомостях», «Современном Обозрении», «Русской Старине», «Древней и Новой России», «Вестнике Европы», а также в разных сборниках. [1] Так продолжалось до начала 1880-х годов, когда вызванный праздником открытия памятника Пушкину в Москве и устройством в Петербурге Пушкинской Выставки особенный интерес к Пушкину и его произведениям потребовал более полного издания Сочинений поэта. Идя навстречу этой потребности, П. А. Ефремов выпустил, уже в 1882 г., новое, по его счету 8-е, собрание Сочинений поэта, присоединив к прежнему своему изданию в VI томах новый, VII том, заключавший в себе письма Пушкина. Таким образом, Ефремову надлежит приписать заслугу публикации первого собрания писем поэта. [2]

---

[1] «Русская Правда на 1860 г.», «Утро» 1868 г., «Девятнадцатый Век», кн. I, «Складчина» (1874 г.).

[2] Следует, однако, отметить, что еще в 1859 г., в предисловии к I тому Собрания сочинений Пушкина в шеститомном издании Я. А. Исакова, под ред. Г. Н. Геннади, было заявлено следующее: «Что касается до писем Пушкина, не вошедших в это издание, то имеется в виду собрание их и издание особым дополнительным томом. По этому случаю просим покорнейше желающих содействовать этому предприятию и имеющих у себя письма Пушкина — сообщить их нам» (стр. VI). Предположение это, однако, не осуществилось, и,—хотя, как мы видели (стр. XIV—XV), в 1866 г. Я. А. Исаков вел переписку с Н. А. Дубельт о приобретении у нее писем Пушкина к жене,— переписка поэта не только не появилась и в следующих двух изданиях Исакова, под редакцией того же Геннади, 1870 — 1871 г.г. и П. А. Ефремова, 1880 г., но о ней даже не было помещено в предисловиях никакого упоминания.

В издание Ефремова [1] вошли письма к 77 корреспондентам Пушкина; [2] письма распределены были, однако, не в общем хронологическом порядке, как принято делать теперь, а по корреспондентам, — но в хронологической последовательности самого раннего письма каждой группы писем: сперва к кн. П. А. Вяземскому (1816—1836), затем—к А. И. Тургеневу (1819—1823), потом — к П. Б. Мансурову (1819), к Н. И. Гнедичу (1820—1830), к Л. С. Пушкину (1820—1836), к бар. А. А. Дельвигу (1821—1830) и т. д.; всего вошло в издание 375 писем [3] (не считая некоторых черновиков и отрывков), при чем некоторые даны были лишь в переводах и в отрывках; кое-что появилось здесь впервые, кое-что исправлено было по подлинникам и дополнено, хронология некоторых писем уточнена и поправлена и ко всем почти письмам дан комментарий, — хоть и очень краткий и несовершенный, а к письмам на французском языке даны и переводы на русский язык.

За первым собранием писем последовали другие: а именно — в изданиях Сочинений Пушкина, вышедших в 1887 г., по случаю исполнившегося 50-летия со дня смерти Пушкина, под редакцией П. О. Морозова (изд. Литературного Фонда) и того же П. А. Ефремова (изд. В. В. Комарова). В издание Литературного Фонда (т. VII) включены были все вновь появившиеся с 1882 г. письма, и общее число их достигло уже 491, при чем все они (важный шаг вперед) были расположены в строгом хронологическом порядке, с 1816 по 1837 г.; в издание же В. В. Комарова под редакцией Ефремова, того же 1887 г. (т. VII), [4] вошло 492 письма, расположенных, как и в издании 1882 г., по группам корреспондентов, с прибавлением писем к жене и Гончаровым. [5] О дальнейшем росте количества писем Пушкина можно судить по следующей цифровой таблице:

---

[1] Вот что писал он в Предисловии к этому своему изданию 1882 г.: «Письма Пушкина, разбросанные в течение целого пятидесятилетия по разным газетам, альманахам, сборникам и журналам, большею частью не находимым в продаже, и ныне собранные в первый раз, представляют драгоценнейший материал для биографии поэта, а вместе с тем служат важным источником для характеристики той литературной и общественной среды, в которой протекала жизнь великого писателя, так рано погибшего, говоря его же словами, «жертвой клеветы и мстительных невежд», в полном развитии сил и гениальной деятельности»... (Сочинения А. С. Пушкина, изд. восьмое, Ф. И. Анского, М. 1882 г., т. I. стр. I — II); к т. VII Ефремов приложил литографированный снимок с письма Пушкина к Н. И. Гнедичу от 6 января 1830 г.

[2] Не вошла («не могла быть включена»), однако, переписка с женой и с Гончаровыми (см. т. VII, стр. 467).

[3] В том числе одно апокрифическое: «К бедной вдове».

[4] Издание Ефремова-Комарова повторено было в 1900 г.

[5] Об этих томах см. в статье В. Е. Якушкина: «А. С. Пушкин. Новые издания его сочинений» — «Русская Старина» 1887 г., № 12, стр. 703, 710, 718.

В издание Суворина, под ред. П. А. Ефремова (т. VII и VIII), 1903 г., — вошло 617 [1] писем.

В издание «Просвещения», под ред. П. О. Морозова (т. VIII) с комментариями В. В. Каллаша, 1906 г., — вошло 617 [2] писем.

В Академическое издание, под ред. В. И. Саитова (т. I — III). 1906 — 1912 г., — вошло 713 писем. [3]

В издание Брокгауза-Ефрона, под ред. С. А. Венгерова (т. V и VI), 1915 г., — вошло 733 письма.

В настоящее издание Государственного Издательства, под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I — IV), 1926 г., — войдет до 780 писем.

* *
*

Скажем теперь о приемах, положенных нами в основание нашего издания.

I. В отношении *текста*:

1) в него включены *все* известные доселе письма Пушкина, беловые и черновые — т.-е. все те, которые появились в печати, для нашего I тома, вплоть до середины 1926 г.; под «письмами» понимались конкретные письменные обращения к лицам,—в прозаической форме и в стихах (напр., №№ 5, 7, 32, 51, 112) или в смешанной форме прозы и стихов (напр., №№ 2, 3, 20, 21, 43, 62, 95, 96, 179, 185); прошения в форме письма (напр., №№ 50, 116, 147, 186), письма к издателям (напр., № 80); деловые бумаги (официальные прошения, заявления, показания и т. п.) в текст издания не включены, а использованы в комментарии, как материал биографический или историко-литературный;

2) редактор приложил все старания к тому, чтобы вновь выверить текст писем Пушкина по подлинным автографам поэта, беловым и черновым, [4] и передать этот текст с возможною

---

[1] В том числе есть новые письма, но есть и апокрифические. В издание Ефремова был включен материал вышедшей в том же 1903 г. в Москве, под редакцией В. Я. Брюсова, книжки: «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством Скорпион».

[2] В том числе несколько апокрифических.

[3] В виде дополнения к этому изданию М. А. Цявловский в 1925 г. издал, в серии «Тексты и материалы Государственной Академии Художественных Наук», сборник: «Письма Пушкину и к Пушкину, не вошедшие в изданную Российской Академией Наук «Переписку Пушкина» с приложением именного указателя писем Пушкина и к Пушкину, напечатанных в трех томах Академической «Переписки Пушкина» и в настоящей книге»,— в которую включено 36 писем Пушкина и 13 писем к Пушкину; всего, следовательно, к 1925 г. было известно 713 + 36 = 749 писем Пушкина, а с одним пропущенным у М. А. Цявловского — 750.

[4] Из 192 писем тома I выверены по подлинникам 160 беловых и черновых писем [сверх того 16 черновиков к 15 основным письмам №№ 13, 34, 57, 60, 63, 64, 68, 73, 75, 81, 102, 107, 108, 113 (две редакции)]; остались невыверенными по оригиналам тексты лишь 32-х писем (№№ 3, 5, 8, 11, 12, 15, 20, 24, 28, 30, 32, 42, 44, 51, 74, 77, 80, 93, 95, 101, 113, 132, 154, 163, 165, 170,

точностью и близостью к оригиналам; для этого произведена была проверка рукописей, хранящихся в Пушкинском Доме Академии Наук, в Государственной Публичной Библиотеке, в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук, в Библиотеке Ленина (б. Румянцовском Музее) в Москве, в Московском же Историческом Музее, в Театральном Музее имени Алексея Бахрушина и в некоторых других хранилищах.[1] При этом:

Слова, *надписанные* в письмах над строкой или вынесенные на поля, — внесены в строку, в соответствующее место письма. Слова *переправленные* (без сплошного зачеркивания) даны в окончательной форме, иногда с соответственной оговоркой. Слова и фразы, *перенесенные* из одного места в другое, отнесены в тексте к месту окончательного, а не первоначального положения. Слова, *подчеркнутые* Пушкиным, даны курсивным набором. Слова и целые куски писем, *неразобранные* и не поддающиеся прочтению, указаны рядом точек.

Черновые письма (везде оговоренные), изобилующие поправками, изменениями, зачеркнутыми словами, фразами и целыми абзацами, — переданы в нашем издании не в виде точной транскрипции, а в виде связной графики;[2] последняя, не всегда передавая последовательный ход редакционных и иных изменений, так сказать слои письма, все же в значительной мере упрощает чтение исчерканной рукописи и в большинстве случаев дает возможность проследить ход мысли автора и постепенные изменения, вносившиеся им в текст. В отношении *писем* нам казалось возможным с успехом применить такой способ передачи черновых (принятый ранее и в Академическом издании, но не с достаточной выдержанностью передачи последовательных поправок), который, действительно, по мнению Б. В. Томашевского,[3] нецелесообразен при расшифровке черновиков поэтических произведений, ибо при записи их автор наносит записи и в большем беспорядке, и в более значительном количестве, и зачастую не в один или два приема, а в три, четыре и более.

173, 174, 175, 178, 181, 192) — частию по невозможности доискаться до оригиналов, частию потому, что оригиналов этих заведомо не существует; некоторые тексты известны лишь по традиции памяти (напр., №№ 11, 15, 32, 132), некоторые—по современным Пушкину печатным текстам (№№ 3, 80, 113), некоторые — по копиям (брата поэта, Я. Толстого, Анненкова, Гаевского). В Академическом издании Переписки для 184 писем 1815 — 1825 гг. по подлинникам даны были тексты 149 писем, при чем письма к Л. С. Пушкину и к А. П. Керн были напечатаны по неисправным спискам с оригиналов.

[1] Напр., бывший Остафьевский архив (ныне в Центрархиве в Москве), Общество Любителей древней письменности.

[2] В виде образчиков точной транскрипции даем, в конце IV тома, текст трех писем — двух в стихах (№№ 96 и 112) и одного в прозе (№ 99).

[3] «Пушкин, Современные проблемы историко-литературного изучения», Лгр. 1925, стр. 45 — 50.

Все зачеркнутые в тексте писем (как черновых, так и беловых) слова (и части слов), фразы, абзацы, целые части писем заключены в прямые скобки [ ].

Все проверенные по подлинникам письма отмечены звездочкою * перед № данного письма.

В деле проверки текстов писем по рукописям, особенно черновым, существенную помощь оказал редактору Ученый Хранитель Пушкинского Дома *Н. В. Измайлов*;

3) редактор вновь выверил датировку писем Пушкина, установленную в значительной степени им же для Академического издания Переписки Пушкина; везде, где это было существенно необходимо, основания датировки оговорены в примечаниях.

Все принадлежащие *редактору*, напечатанные в начале писем петитом указания на даты и место написания писем заключены в прямые скобки [ ]; дата и место написания, имеющиеся в *конце* письма, повторены и в начале, петитом; указания почтовых штемпелей и почтовых и иных помет (где они имеются) даны после текста писем, более мелким шрифтом;

4) все конъектурные чтения редактора заключены в ломаные, угловые скобки < >; в такие же скобки, с количеством точек в них, соответствующих числу пропущенных букв сло́ва. помещены слова̀, неудобные для печати;

5) орфографию и пунктуацию Пушкина редактор старался сохранить в полной точности и в соответствии с рукописью; *явные* ошибки и описки Пушкина (одна буква вместо другой; точка с запятой перед новой фразой, написанной с большой буквы, полное отсутствие знака препинания в иных случаях. малая буква после точки и т. под.) не сохранялись, а исправлялись, даже без оговорок, как неимеющие значения и объясняющиеся лишь спешностью письма, простою случайностью;

6) письма к Пушкину, служащие ответом на письма поэта или же их вызвавшие, использованы в примечаниях, целиком или в извлечениях, лишь как материал для комментария;

7) для всех писем, для частей их и даже отдельных фраз, выражений и слов, писанных по-французски, даны, в отделе примечаний, переводы на русский язык; в этом деле редактор пользовался советами Н. В. Измайлова, А. А. Сиверса и Б. В. Томашевского.

II. В отношении *примечаний*, задача которых — по возможности ввести современного нам читателя писем в круг понимания личных отношений, литературных, исторических и иных интересов Пушкина и его корреспондентов, надлежит прежде всего сказать следующее:

1) Комментария или объяснений к письмам Пушкина, — таких, каких заслуживают эти письма, — признаваемые, как мы видели выше, всеми пушкинистами за первостепенной важности историко-литературный и биографический источник для изучающего Пушкина и его эпоху, — до сих пор, строго говоря, не было. Не

упоминая о примечаниях к журнальным и иным публикациям отдельных писем, всегда кратких и зачастую неполных, — ни первое собрание писем Пушкина под редакцией Ефремова (в издании 1882 г.), ни последующие: Комаровское 1887 г. (Ефремова) и Литературного Фонда 1887 г. (Морозова), Ефремовское в издании Суворина, 1903 г.; Морозова-Каллаша в издании товарищества «Просвещение» (1906 г.) и Венгеровское в издании Брокгауза-Ефрона, 1915 г., не дали достаточно полного и точного комментария, ограничиваясь, — преимущественно из соображений издательских и коммерческих, — лишь «самым необходимым»; Академическое же издание Переписки Пушкина осталось вовсе без обещанного комментария, который предполагалось выпустить дополнительными, отдельными томами. [1] Имея это в виду, редактор в примечаниях к настоящему изданию писем Пушкина старался, по мере сил, восполнить этот пробел в Пушкиноведении и,— имея в виду не только специалиста-пушкиниста, историка литературы и вообще подготовленного читателя, но также и такого рядового читателя, который впервые обратится к письмам поэта, — дал объяснения, по возможности краткие, всех имен, упоминаемых в письмах (начиная с имен самих адресатов этих писем), — даже, казалось бы, общеизвестных — а также кратко пояснил названия географические, имена мифологические [2] и иные, напр., — литературных произведений Пушкина и других писателей, русских и иностранных, о которых говорится по тому или иному поводу, выяснил по возможности все приводимые Пушкиным цитаты из своих и чужих произведений, кратко пояснил различные события исторического, литературного, общественного и бытового значения и т. п.; при этом, само собою разумеется, были приняты во внимание и, если нужно, использованы (без особых ссылок) специальные комментарии предшествующих редакторов и издателей писем Пушкина — П. И. Бартенева, П. А. Ефремова, П. О. Морозова, В. В. Каллаша, Н. О. Лернера, М. А. Цявловского и др.; [3]

2) для комментария к письмам использованы были, как указано выше, письма к Пушкину, вызвавшие ответы последнего

---

[1] По этому поводу Н. К. Пиксанов пишет, что отсутствие комментария к названному изданию сильно понижает научное его значение («Пушкинская студия», изд. Атеней, Пгр. 1922, стр. 18); то же утверждал и В. Я. Брюсов (см. выше, стр. XXX), то же говорит и Б. В. Томашевский: «Переписка в Академическом издании совершенно не комментирована. Документы такого рода, лишенные комментария, в значительной мере теряют ценность для читателя» («Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», изд. Образование, Лгр. 1925, стр. 70).

[2] Толкование мифологических имен признано редактором особенно необходимым в виду малого знакомства с ними современного рядового читателя.

[3] В. И. Саитов предоставил в распоряжение редактора рукопись начатых им примечаний к нескольким первым письмам Академического издания Переписки Пушкина; примечания эти с благодарностью использованы в настоящем издании по мере надобности.

или служащие ответами на его письма,— использованы по большей части лишь в извлечениях, — с указанием на полный их текст, опубликованный в трех томах Академического издания Переписки Пушкина (1906 — 1912);

3) по поводу отдельных мест писем сообщены, в хронологической связи и последовательности, факты биографии Пушкина,— с тем намерением, чтобы из писем его и примечаний к ним можно было проследить главнейшие события жизни поэта во всех ее отношениях,—чисто биографическом, литературном, общественном;

4) для комментария использованы были главным образом первоисточники, — т.-е. сочинения самого Пушкина, современные ему периодические издания и книги, опубликованные документы, переписка, дневники и воспоминания современников и т. под., а также исследования о Пушкине, общие и частные, — вообще все те материалы, в которых можно было найти полезные для объяснения писем Пушкина сведения;

5) стараясь быть по необходимости кратким и сжатым, редактор не вдавался в подробности о фактах и лицах вполне общеизвестных или достаточно известных; но в тех случаях, когда то или иное место письма ранее объяснялось неверно или совсем не имело объяснений, он иногда бывал, быть-может, щедрее, чем надлежало бы, — из желания внести в комментарий нечто новое и свежее.

Указатели личных имен и других названий будут даны, в видах экономии места, сразу ко всем четырем томам писем; в конце IV тома помещены будут также и поправки и дополнения к комментарию, которых уже и для первого тома набралось немало в виду размеров и рассеянности Пушкинской литературы и постоянного ее роста.

Работа по настоящему изданию писем была начата еще в 1910 году, по несколько иной программе, для предположенного тогда Собрания сочинений Пушкина в серии «Академической Библиотеки Русских Писателей» под редакцией П. Е. Щеголева, М. Л. Гофмана и пишущего эти строки; затем она прервалась в годы войны и возобновилась, уже по тому плану, как исполнена теперь, в 1918 г.—по приглашению, полученному редактором от А. М. Пешкова (Максима Горького), — для издательства З. И. Гржебина; первые два тома были закончены в начале 1920 года, при чем комментарий исполнялся в чрезвычайно трудной жизненной обстановке тех лет, еще многим памятной, — в расчете на издание в свет всех четырех томов писем к 125-летию дня рождения Пушкина, исполнявшемуся в 1924 г.; расчет этот не оправдался,—и настоящий том выходит лишь теперь, в 1926 году.[1]

[1] Том II (письма 1826 — 1830 гг. и комментарий к ним) совершенно готов к изданию.

Выпуская его в свет, редактор с благодарностью вспоминает всех, кому он обязан поддержкою и помощью в работе, — а именно: *И. А. Бычкова, Г. Г. Гельда, Н. К. Козмина*, покойного *Н. А. Котляревского, А. И. Малеина, Ю. Г. Оксмана, А. А. Сиверса, С. П. Шестерикова, П. Е. Щеголева; Б. В. Томашевский* взял на себя труд просмотра всех корректур книги и сделал несколько ценных указаний для текста и комментария; особенно же обязан редактор своим друзьям *Н. В. Измайлову* и *М. А. Цявловскому:* первый участвовал в окончательной проверке текста и установлении переводов писем и пересмотрел все примечания, сделав ряд полезных замечаний, а второй неизменно внимательно и участливо делился с редактором своими обширными знаниями в области Пушкиноведения и соображениями о датировке писем.

1 июня 1926 г. *Б. Модзалевский.*

ПИСЬМА

1815—1825

* 1. И. И. Мартынову.

28-го ноября 1815 г. Царское-Село.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичь!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ піэсу на пріѣздъ Государя Императора; исполняю ваше повелѣнье. — Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ Алексѣй Кириловичь благоволитъ поднести Его Величеству [1] слабое произведенье неопытнаго Стихотворца!

Надѣясь на крайнее [2] Ваше снизхожденье, честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

1815 года
28 ноября.
Царское Село.

---

* 2. Князю П. А. Вяземскому.

27 марта 1816 г. [Царское-Село].

Князь Петръ Андрѣевичь,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы рускіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть; ужъ не пѣняйте если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты; за чѣмъ дразнить-было нещастнаго Царскосельскаго пустынника,

---

[1] Слова: «Его Величеству» зачеркнуты и другой рукой написано: «Гос. Им.».
[2] Самим Пушкиным исправлено из: «крайнѣе».

1816 г. котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной Демонъ бумагомаранія. Съ моей стороны прямо объявляю вамъ что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣсть храмой Софійской почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ — Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно — но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради Бога, не *Лицея*) не казался мнѣ такъ несноснымъ какъ въ нынешнее время. Увѣряю васъ что уединенье въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельской домъ
Холмы съ безмолвными лѣсами
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже.... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ,
И надъ Славенскими глупцами
Смѣется рускими стихами,
Блаженъ кто шумную Москву
Для хижинки не покидаетъ---
И не во снѣ а на яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашаго выпуска приближается. Остался годъ еще. Но цѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. цѣлой годъ еще дремать передъ каѳедрой... это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ преславутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова съ тѣмъ только чтобы Гр. Разумовской сократилъ время моего заточенья. — Безбожно молодова человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ
И жребій съ жребіемъ не схожъ —

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные) часто читаю стихотворенія которыя ихъ не лучше, недавно говѣлъ и исповѣдывался — все это во все незабавно — Любезный Арзамазецъ! утѣшьте насъ своими посланіями — и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство то по крайнѣй мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея —

Простите, Князь—гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ [на] Ш.— Обнимите Батюшкова за того больнаго у котораго, годъ тому

назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича—Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтреннаго плѣмянника. Valeas — 1817 г.

Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

Приписка С. Г. Ломоносова: Je remets á la poste prochaine le plaisir de vous entretenir, mon cher Prince — Votre devoué S. Lomonossof.

---

3. В. Л. Пушкину.

[Первая половина января 1817 г. Царское-Село].

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный *Вотъ!*
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ Бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ....
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-Поэтовъ здѣшняго міра — можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ Поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ вами
Совсѣмъ не правъ пустынникъ-риѳмоплетъ;
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ Богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами:
Но *старое* забудьте въ *новый* годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: *обѣщательныя и извинительныя:* первыя, въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать.
И съ гнѣвной Музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренно — уже ли
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но..... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня....

Шольё Андреевичь конечно
Меня забылъ давнымъ давно,
Но я его люблю сердечно,
За то, что любитъ онъ безпечно
И пить, и пѣть свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

А. Пушкинъ.

---

* 4. С. С. Фролову.

[4-го апрѣля 1817 г. Царское-Село].

Почтеннѣйшій Степанъ Степановичь

Извините ежели старинный приятель пишетъ вамъ только двѣ строчки съ половиной — въ будущую почту напишетъ онъ двѣ страницы $^1/_2$

Егаза Пушкинъ.

---

5. В. А. Жуковскому.

[Лѣто 1817 г. Царское-Село].

Штабсъ-капитану, Гёте, Грею,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

---

* 6. Князю П. А. Вяземскому.

1-го сентября 1817 г. [Петербургъ].

Любезный Князь,

Если увидете вы Ломоносова то напомните ему письмо которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ Псковскомъ моемъ уединеньи. Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ, и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго; не знаю сбудется-ли мое желаніе; покамѣсть съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ, и прошу у тебя твоего благословенія.

Пушкинъ.

1 Sept.
1817.

На обороте: Ихъ Высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андрѣевичу Асмодѣю. Въ Москвѣ.

---

* 7. В. А. Жуковскому.

[Іюль 1819 г. Царское-Село].

Раевскій, *молоденецъ* прежній,
А тамъ уже *отважный сынъ*
И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
Парнасскихъ дѣвственницъ богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
[Тебѣ] Поэта дома не нашли —
И увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французкой повѣстью *Борисомъ*
Домой уныло побрели —
Какой Святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной
Скажи — не будешь-ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной? —
На всякой случай — ожидаю;
[Скачимъ] Тронися прозьбою моей
Тебя зоветъ на чашку чаю
Раевскій — слава нашихъ дней.

---

8. А. И. Тургеневу.

9-го іюля 1819 г. [Петербургъ].

Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову; примите его въ вашъ отеческой карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному Гражданину. Къ статѣ о Беллонѣ: когда

 вы увидѣте бѣлоглазаго Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, восп. Унив. Панс. Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то Теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодова человѣка вытѣсняетъ изъ Пансіона, оставляя его въ нижнихъ классахъ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго, вспомните объ немъ и, какъ Кардиналъ-племянникъ, зажмите ротъ Доктору Теологіи Кавелину, который добивается въ Инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу Камергера Don-Basile забыть меня по крайнѣй мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.
9 Іюля.

---

*9. Н. И. Кривцову.

Черновое.

[Вторая половина іюля — начало августа 1819 г. Михайловское].

Помнишь-ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, [что изъ этого-то] [откуда наконецъ пишет тебѣ твой вѣрный] и лѣнивецъ котораго ты вѣрно [не забываешь] помнишь [и любишь], который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты [долженъ бы сердиться — но не знаю сердишься-ли] сердишься и [ты б] [Я виноватъ, потому что уже и голосъ и языкъ не] я не люблю писать [1] писемъ — [и языкъ] языкъ и голосъ едвали достаточны для [выраженія] нашихъ мыслей [и особл. для чувствъ] — а перо [еще глупѣе] такъ глупо [бѣдно], такъ медленно [такъ] письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было я виноватъ — [буд. иб. зная. но. знавши. зна. зная] знавши что мои письмо [на нѣсколько минутъ мо] можетъ [принести тебѣ нѣск. мин. удовольствія] на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіѣ, [и о Грибко объ вечерахъ Турген.] о вечерахъ у Т. и Кар. [и не исполнилъ дружескаго долга].

---

*10. П. Б. Мансурову.

27-го октября 1819 г. [Петербургъ].

Насилу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-Черкесъ! здаровъ-ли ты, моя радость; веселъ-ли ты моя прелесть — помнишь-ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу) — —

---

[1] Переделано из: «писанья».

Мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ $^1/_2$ каждый день поминаемъ [тебя] въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами — и говоримъ: свѣтъ то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? завидуетъ намъ — и плачетъ о Кр...... (разумѣется нижнимъ <.........>) — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицею мимо оконъ нашего Никиты, по прежнему подымаются на нее телескопы и <...> — но увы...; ты не видишь ее, она не видитъ тебя — Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; Шампанское, слава богу здарово — Актрисы также — то пьется, а тѣ <.....> — аминь, аминь, такъ и должно — У Юрьева <.......>, слава богу, здаровъ—у меня открывается маленькой; и то хорошо — Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ— а я въ нихъ не влюбленъ — однакоже его вызывалъ за его дурную комедію, а ее за посредственную игру—Tolstoy боленъ—не скажу чемъ—у меня и такъ ужъ много <.........> въ моемъ письмѣ — Зеленая Лампа нагорѣла — кажется гаснетъ — а жаль— масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь-ли ты мой собратъ — напишишь ли мнѣ, мой холосенькой — поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ — это все мнѣ нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизмъ — прощай, лапочка.

А. Пушкинъ.

27 oct.
1819.

На обороте: Павлу Борисовичу Мансурову.

---

11. П. Я. Чаадаеву.

[1820].

...Le seul homme que j'aie vu, qui est heureux à force de vanité...

---

12. Князю П. А. Вяземскому.

28-го марта 1820 г. [Петербургъ].

Deux grands auteurs, les héros du Parnasse
Sont par le monde et choyés et chéris.
En vain leur Muse et detonne et grimace,
Des Visigoths ils sont les favoris.
Certain Quidam distinguant leurs écrits
De ces Messieurs nous designe la place:
L'un est, dit-il, le chantre du Midi,
L'autre du Nord. Touchez là, c'est bien dit:
Tant l'un est sec! et tant l'autre est de glace!

Поэма моя на исходѣ — думаю кончить послѣднюю пѣснь на этихъ дняхъ. Она мнѣ надоѣла — потому и неприсылаю тебѣ отрывковъ.

Пушкинъ.

1820
28 Марта.

---

*13. Князю П. А. Вяземскому.

[Около 21-го апрѣля 1820 г. Петербургъ].

Я читалъ моему преображенскому приятелю—нѣсколько строкъ тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу — и поздравилъ его съ щастливымъ испражненіемъ пировъ Гомеровыхъ — Онъ отвѣчалъ что <.....> твое а не его — Желательно чтобъ дѣло на этомъ остановилось — онъ кажется боится твоей сатирической палицы; твои первые четыре стиха на щетъ его въ посланіи къ Дмитріеву — прекрасны; остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны — и, дружба въ сторону, Катенинъ стоитъ чего нибудь по лучше и по злѣе. Онъ опоздалъ родиться — и своимъ характеромъ и образомъ мыслей, весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та-же Авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи — тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь; что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ — жалѣть кажется нечего — а все таки жаль — кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе — скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо — и то хорошо — покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны — Первый снѣгъ прелесть; Уныніе — прелестнѣе. Читалъ-ли ты послѣднія произведенія Жуковскаго въ бозѣ почивающаго? слышалъ ты его голосъ съ того свѣта — и что-ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта, я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу—Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе — ты прочтешь отрывки [ея] въ журналахъ — а получешь ее уже напечатанную — она такъ мнѣ надоѣла — что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя — Письмо мое скучно — потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался Историческимъ лицомъ для сплетницъ С-тъ Пет. я глупѣю и старѣю не недѣлями а часами — Прости — отвѣчай мнѣ — пожалуйста — я очень радъ что придрался къ перепискѣ.

Пушкинъ.

* *Черновое.*

Радуюсь, милый Вяземской, что преображенской мой приятель подалъ мнѣ случай придраться къ перепискѣ. Ты сдѣла лъ остро-

умную ошибку, NN — темное, тупое и справедливое замѣчанье. Желаю чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Я поздравилъ Катенина отъ твоего имени съ щастливымъ испражненіемъ Барельефовъ пировъ Гомеровыхъ. Онъ отвѣчалъ что <.....> твое а не его; но кажется съ безпокойствомъ ожидаетъ твоей сатирической палицы. Первые твои 4 стиха на Катенина въ посланіи къ Дмитріеву, прекрасны, слѣдующіе, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и — дружба въ сторону, Катенинъ заслуживаетъ что нибудь позлѣе и получше. Онъ опоздалъ родиться — не идеями (которыхъ у него нѣтъ) — но характеромъ, принадлежитъ онъ къ 18 столѣ<тію:>таже авторская мѣлкость и гордость, тѣже литературныя интриги и сплетни. Мы всѣ, по большой части привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на записную прелестницу къ которой заходимъ иногда поврать и поповѣсничать, безъ всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасныхъ ея прелестей. Катенинъ напротивъ того пріѣзжаетъ къ ней въ башмакахъ и напудренный и просиживаетъ у нее цѣлую жизнь съ платонической любовью, благоговеньемъ и важностью. Что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэзіи, умы не къ ней устремлены; и нынче удвоенныя риѳмы Вольтера не могли бы произвесть прежняго своего дѣйствія — сожалѣть, кажется, не о чемъ а все таки жаль. Всего приятнѣе—стихами—пестрить скучную прозу жизни, и для того, ради Бога присылай намъ себя почаще. Ты оживляешь однообразіе нашихъ вечеровъ. *Первый снѣгъ* прелесть, но *Уныніе* полное чувствъ....

---

*14. Н. И. Гнѣдичу.

[Конецъ апрѣля 1820 г. Петербургъ].

Чедаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно — и просилъ Отца прислать меня къ нему какъ можно скорѣе — — по щастію — тутъ и все. — Дѣло шло о новыхъ слухахъ — которые нужно предупредить —

Благодарю за участіе — и безпокойство.

Пушкинъ.

На обороте: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

---

15. П. Я. Чаадаеву.

[Май — сентябрь 1820 г. Петербургъ].

Мой милый, я заходилъ к тебѣ, но ты спалъ; стоило-ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы.

---

*16. Л. С. Пушкину.

Кишиневъ 24 Сентября 1820 г.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказкимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ неуморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь — Я легъ въ каляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кисло-сѣрныхъ, въ желѣзныхъ и кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояньи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказкихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказкій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ [своихъ] отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ изчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы для Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіанами безопасною торговлею, небудетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ, — и можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками. Вѣчно верьхомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду неприязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны; но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа — они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности пра-

виться мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія [объ] на Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ *Керчь*. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я — на ближней горѣ посреди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ, грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее-ли основаніе башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *золотомъ холмѣ*. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города *Пантикапеи*. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій — но ему недостаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча пріѣхали мы въ *Кефу*, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ — и подобно старику Виргилія, разводитъ садъ на берегу моря, недолеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія сведенія о Крымѣ, сторонѣ важной и запущеной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ *Юрзуфъ*, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на караблѣ написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее *Гречу* безъ подписи. Карабль плылъ передъ горами, покрытыми тополами, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасною душою; снисходительнаго попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я щастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался — щастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда [есть] — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь-ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ. Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзію

 доброй, умной старушкою — къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но [не] влюбиться въ нее — безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... *Рускимъ безвѣстную!..* я также. Прости, мой другъ! Обнимаю тебя! Увѣдомь меня объ нашихъ: все-ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельб. и Дельв. Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи.

Пушкинъ.

---

*17. Н. И. Гнѣдичу.

4-го декабря 1820 г. Село Каменка.

Вотъ уже восемь мѣсяцовъ какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичь. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи и теперь нахожусь въ Кіевской Губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ Генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами — Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. — Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ немного стиховъ — Вы повѣрите легко, что преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ — Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическомъ покровительствѣ я неполучилъ — но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторыя №-ра Сына доходили до меня — Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, котораго читали вы мнѣ въ вашемъ Эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ
и проч.

Они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца — но не примирили меня съ критиками, которые нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ *краснѣй, нещастной?* (что между проччимъ очень неучтиво) говоритъ что *характеры* моей поэмы писаны *мрачными* красками этаго нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и *смѣлою кистію Орловскаго,* который кисти въ руки не беретъ а рисуетъ только почтовыя тройки, да Киргизкихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста — критика его для меня *ужасно какъ тяжка.* Допрощикъ умнѣе, а тотъ кто взялъ на себя трудъ

отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону) умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я что Русланъ напечатанный для приятнаго препровожденья скучнаго времени продается съ превосходною картинкою — кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣсть у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте—нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче.

Пушкинъ.

Каменка 4 декабря
1820.

Гдѣ Жуковской, уѣхалъ-ли онъ съ Ея В.? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ нихъ нѣтъ ни слуха ни духа—журнала его не видалъ; писемъ также.

На обороте: Мой адресъ Въ Кишеневъ—Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

---

*18. Неизвѣстному.

Черновое.

[1821 г.].

Votre lettre est arrivé fort à propos j'en avais besoin.

---

*19. И. П. Липранди (?).

[1821—1823 г. Кишиневъ].

Monsieur Pouskin ayez la complaisence de passer dans l'instant chez moi.

Voilà, Mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre.

Pouchkine.

---

20. Барону А. А. Дельвигу.

23-го марта 1821 г. Кишиневъ.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все *для иныхъ не Русью пахнетъ*;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ.
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ <......>.

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно — то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ, вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ.—О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія; объ духѣ любви не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ; о празднословіи молчу — далекій другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи—сердце напоминало о тебѣ, объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же, талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки.— Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха — Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая —твой истинный удѣлъ; Умертви въ себѣ вѣтхаго человѣка,—не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму— *Кавказскій Плѣнникъ,* которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ; и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—но что теперь ничего не пишу—я перевариваю воспоминанія; и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишеневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе. — Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ: — Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ очень умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. — Другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями — и братьями не только по африканской нашей крови. Прощай.

А. Пушкинъ.

1821 г. марта 23. Кишеневъ.

---

*21. Н. И. Гнѣдичу.

24-го марта 1821. Кишеневъ.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ [вѣнчанный] изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ.
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольной гласъ моей пѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ-же я—какъ былъ и преждѣ.
Съ поклономъ нехожу къ Невѣждѣ,
Съ Орловомъ спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою.
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья —
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ —
Твой гласъ достигъ уединенья
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца —
И вновь онъ оживилъ пѣвца
Какъ сладкій голосъ вдохновенья —
Избранникъ Ѳеба! твой привѣтъ.
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны —
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ;
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ — мимоходомъ —

1821 г. Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Иванович—нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи, оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбы, за хвалу, за упреки, за форматъ этаго письма — все показ<ыв>аетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша, во всемъ что косается до меня. Платье сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу прекрасно; и вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, Виньета, и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго Ѧ; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности. — Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! молю Ѳеба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, вспоминаньями и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрѣщена *Кавказкимъ плѣнникомъ.* Вы ожидали многаго, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса—Сцена моей поэмы должна бы находится на берегахъ шумнаго Терека, на Границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего Героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ [я] два мѣсяца — Гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга 4 горы, отрасль послѣдняя Кавказа; — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее—дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно —

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли— обнимаю друзей—съ нетерпѣньемъ ожидаю 9 тома Руской Исторіи—Что дѣлаетъ Н. М.? здоровы-ли Онъ, Жена и дѣти — это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale

Пушкинъ.

1821 марта 24.
Кишеневъ.

---

*22. А. И. Тургеневу.

7-го мая 1821 г. Кишеневъ.

Не правда-ли что вы меня не забыли хотя я ничего не писалъ и давно не получалъ объ васъ никакаго извѣстія? мочи нѣтъ, почтенный Александръ Ивановичь, какъ мнѣ хочется недѣли двѣ побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ, безъ Карамзиныхъ, безъ васъ двухъ, да еще безъ нѣкоторыхъ избранныхъ, соскучишься и не въ Кишеневѣ, а вдали камина К. Голицыной замерзнешь и подъ небомъ Италіи. Въ руцѣ твои предаюся, Отче! вы, который сближены съ жителями Каменнаго острова, не можете-ли вы меня вытребовать на нѣсколько дней (однакожъ не болѣе) съ моего острова Паѳмоса? я привезу вамъ

зато сочиненіе во вкусѣ Апокалипсиса и посвящу вамъ, христолюбивому пастырю поэтическаго нашего стада, но сперва дайте знать минутнымъ друзьямъ моей минутной младости чтобъ они прислали мнѣ денегъ, чемъ они чрезвычайно обяжутъ *искателя новыхъ впечатлѣній.* В нашей Бессарабіи въ впечатлѣніяхъ недостатку нѣтъ. Здѣсь такая каша что хуже овсянаго киселя. Орловъ женился; вы спросите какимъ образомъ? не понимаю. Развѣ онъ ошибся <......> и <.........> жену головою. Голова его тверда; душа прекрасная; но чортъ-ли въ нихъ? Онъ женился, надѣнетъ халатъ и скажетъ:

Beatus qui procul...

вѣрьте что гдѣбъ я ни былъ душа моя, кокова ни есть, принадлежитъ вамъ и тѣмъ которыхъ умѣлъ я любить.

Кишеневъ.
7 мая
1821.

Пушкинъ.

Если получу я позволеніе возвратится то не говорите ничего никому, и я упаду какъ снѣгъ на голову.

На обороте: Его Превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу въ С. Петербургѣ. —

---

*23. В. Л. Давыдову (?).

Черновое.

[Май 1821 г. Кишиневъ].

Увѣдомляю тебя о произшедствіяхъ [нашего края. Онѣ] которыя будутъ имѣть [важныя] послѣдствія важныя не только для наш[ихъ]его края, но и для всей Европы — [особенно для Россіи —]

Грецiя [взбунтавалась] возстала и провозгласила свою свободу. [Нѣкто] Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскѣ покойнаго Князя Ипсиланти въ началѣ февраля нынѣшняго года — вышелъ изъ Бухареста [съ нѣсколькими] [съ толпой] съ малымъ числомъ вооруженныхъ Арнаутовъ и объявилъ [въ] что [угнѣтаемые] Греки [рѣшились] не въ силахъ болѣе выносить [несправедливости] [угнѣ.] притѣсненій и грабительствъ Турецк[аго]ихъ [Правительства] начальниковъ, что они рѣшились освободить [ся] роди<ну> отъ [несноснаго ига ихъ] ига незаконнаго, [что впередъ] что намѣрены платить [исполнять] только подати, наложенныя правительствомъ — Сія прокламація встрѣвожила всю <Молд>авію. [К. Суццо] [въ знакъ] К. Суццо и... [1] Кон-

---

[1] Прожжено, как и далее в тех местах, где поставлено многоточие.

1821 г. сулъ... хотѣли удержать р<аспростра>неніе — бунта.—Пандуры и Арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско — и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февр. Генералъ Князь Александръ Ипсиланти — съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ Кня. Георг. Кан. прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ [принятъ] встрѣченъ 3 стами Арнаутовъ, Кн. Су. и Р. К., и тотчасъ [объявилъ себя] принялъ начальство Города. [С<уліот>ы къ нему явились]. Тамъ издалъ онъ прокламаціи которыя быстро разлилися повсюду—[Онъ] въ нихъ сказано—что [часъ воз.] Фениксъ Греціи [возста] воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ *и проч.*, и что *Великая Держава одобряетъ* [*сіи*] [сей] *подвигъ великодушный* [что Россійское] [Восторгъ] [Три знамя]. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ [на] изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крѣстъ обвитый лаврами съ текстомъ *симъ знаменемъ побѣдиши;* на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. — Я [читалъ] видѣлъ письмо однаго инсургента — съ [восторгомъ] жаромъ описываетъ онъ обрядъ освѣщенія знаменъ и меча князя Ипсиланти — восторгъ Духовенства и Народа — и прекрасныя минуты Надежды и Свободы — —

Въ Яссахъ все спокойно — семеро Турковъ были приведены къ Ипсиланти — и тотчасъ казнены—[странное дѣйствіе] странная новость [для] [для] со стороны Европейскаго Генерала [съ которымъ за <нѣско>лько дней [сто] [сто]...плацахъ Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перер<ѣзаны> [Греки]....<три>дцать Грековъ тоже убиты — Извѣстіе о [семъ] Возмущеніи <достиг>ло Константинополя. Ожидаютъ ...... еще ихъ нѣтъ — Трое бѣжавшихъ Грековъ находятся [теперь] со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ—Они уничтожили многіе ложные слухи— Старецъ Али принялъ Христіанскую Вѣру и окрещенъ имѣнемъ Константина — Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ Суліотами — уничтоженъ Турецкимъ войскомъ —

Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; всѣ мысли [Грековъ] устремлены къ одному [цѣли] предмѣту — на независимость древняго Отечества — Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ вездѣ собирались толпы Грековъ, всѣ [покупали] продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Өемистоклѣ, всѣ шли въ войско щастливца Ипсиланти — [Всѣ] Жизнь, имѣнія Грековъ въ его [въ рукахъ] разпоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона— Одинъ Паули далъ 600 т. піас., съ тѣмъ чтобъ ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи. 10,000 Грековъ записалось въ войско [Мой другъ, все это прекрасно] Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ [принялъ] называется Главнокомандующимъ сѣверныхъ Греч. войскъ — и уполномоченнымъ Тайного Правительства. [Для точнаго понятія сего тому] Должно

знать, что уже тридцать лѣтъ [въ].....[про] составилось и распространилось тайное общество коего цѣлію было освобожденіе Греціи — ..... раздѣлены на три <степ>ени. — — Низ <шую ст>епень [были военные] составляла военная ... — вторую — ...дане: члены <треть>ей степени [могли] имѣли право каждый <пріиск>ать себѣ товарищей — но не воиновъ — которыхъ избирала только 3 высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества котораго основатели еще неизвѣстны — — Отдѣльная Вѣра, отдѣльный Языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество — все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. [Всѣ Греки, всѣ] [Не было одного Монаха, кото] Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считалось въ [семъ] обществѣ — [оно] которое нынѣ торжествуетъ и коего число еще.... Вотъ [въ какомъ положеніи находятся] тебѣ подробный [короткій] отчетъ [о] послѣднихъ [нашихъ] произшедствій [нашего края — кинемъ пророческій взоръ на будущее, и постараемся разгадать судьбу [возобновленной] Греціи].

Странная картина! Два [благо<ро>дныхъ] [великіе] великіе народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время востаютъ [отъ долгаго усыпленія] изъ праха — и возобновленные, являются на политическомъ поприщѣ [Европы] міра — Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ щастливо началъ — 28 лѣтъ [заслуженное] оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ и мертвый или побѣдитель онъ принадлежитъ Исторіи — Завидная участь и — Кинжалъ измѣнника опаснѣе для него сабли <турк>овъ; Константинъ-Паша ..... не совѣстнѣе будетъ Клодовика....иміра ..... вліяніе молодаго мстителя Греціи ..... его [подозрительнымъ] его встревожитъ. — [Покамѣсть, межъ нами] Признаюсь, я бы посовѣтовалъ К. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ [будутъ достаточнымъ оправданіемъ сего] оправдаютъ политическое [ударъ] убійство.

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія; займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай [защитниками] союзниками Грековъ и врагами ихъ враговъ? [Во всякомъ случаѣ буду очевидный свидѣтель первыхъ] Во всякомъ случаѣ [на всякое важное] буду увѣдомлять......

---

24. Дегильи.

6-го іюня 1821 г. [Кишиневъ].

Avis à M-r Deguilly, ex-officier françois.

Il ne suffit pas d'être un J<ean>-F<outre> il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament; on ne fabrique pas

 des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empécher une égratignure; on ne compromet pas deux fois son second, ni un général qui daigne recevoir un plat-pied dans sa maison.[1]

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prévu, je suis faché de n'avoir pas parié. Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous.

Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez.

Pouchkine.

6 juin 21.

Notez encore que maintenant je saurai, en cas de bésoin, faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

---

*25. Л. С. и О. С. Пушкиным.

27-го іюля [1821 г. Кишиневъ].

Брату.

Здраствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь — я называю дѣльнымъ все что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишеневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по-руски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду рускую Азбуку. Если ты въ родню такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши-же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое *Сотвореніе міра* Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года? Кто на ны? Черная Шаль тебѣ нравится — ты правъ но ее чортъ знаетъ какъ напѣчатали. Кто ее такъ напѣчаталъ? пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему что онъ славная душа — и что я люблю его какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидиться съ Всеволожскимъ — и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны) розданное моими друзьями — экземпляровъ 30. Скажи ему что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его — и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравія Калмыку — и напиши мнѣ обо всемъ.

Пришли мнѣ Тавриду — Боброва. Vale.

Твой братъ А.

27 іюля.

---

[1] Слова «ni un général... sa maison» написаны в выноске, под строкой.

Etes-vous de retour de votre voyage? Avez-vous visité de nouveau les souterrains, les chateaux, les cascades de Narva? celà vous a-t-il amusé? aimez vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? que lisez vous? avez vous revue la voisine Annette Voulf, montez-vous à cheval? quand revenez vous a Petersbourg? que font les Korf? êtes vous mariée, êtes vous prête à l'être? doutez vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie.

---

*26. А. И. Тургеневу.

Черновое.

[Вторая половина іюля — августъ 1821 г. Кишиневъ].

Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа — — [превосходительный Реинъ и превосходительной] жалобный сверчокъ [сидя н] на [лужѣ] лужицѣ города Кишенева[ской] именуемой *Быкомъ* сидѣли и плакали воспоминая тебя, [о] Арзамасъ, [Іерусалимъ ума и вкуса] ибо [нѣтъ] благородные гуси величественно [гуси] барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ [потокахъ] водахъ [ея] [Быка] [вышесказанной рѣчки и съ братской] упомянутой. Живо представились [намъ] имъ ваши отсутствующіе превосходительства и [отъ избытка] въ полнотѣ сердца [нашего] своего [составили мы засѣданіе, состоящее] положили увѣдомить о себѣ [братію] членовъ православнаго братства [освящающихъ] украшающихъ берега Мойки и Фонтанки — [и потому]...

---

*27. С. И. Тургеневу.

21-го августа [1821 г. Кишиневъ].

Поздравляю васъ, почтенный Сергей Ивановичь, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженаго какой то либеральною чумою. — Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? обнимите тамъ за меня милаго нашаго Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его; Его Преосвященству писалъ я письмо на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло объ моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ

 два дни перечитываю — но до сихъ поръ неотвѣчалъ — надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ — а Долгорукой меня забылъ.

Пушкинъ.

21 авг.

На обороте: Сергею Ивановичу Тургеневу.

---

28. Н. И. Гречу.

21-го сентября 1821 г. Кишиневъ.

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе — доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. мое посланіе къ Ч — у, ужь эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее *liberal,* оно прямо руское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано *глупца философа;* зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего же письма — видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Что бы это значило: если просто забвеніе, то я имъ не пѣняю, забвенье естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго — я бы и самъ ихъ забылъ, еслибъ жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера. Но если они на меня сердятся или разочли, что письмы ихъ мнѣ не нужны, такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать, — хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы — разрѣзано на 2 пѣсни; дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale.

Пушкинъ.

21 сентября 1821.
Кишеневъ.

---

*29. В. Ѳ. Раевскому.

[1821 г. — январь 1822 г. Кишиневъ].

Пришли мнѣ, Раевской, *Histoire de Crimée,* книга не моя, и у меня ее требуютъ. Vale et mihi faveas.

Пушкинъ.

Г-ну маіору
Раевскому.

---

30. В. П. Горчакову.

[Вторая половина 1821 — 1822 г. Кишиневъ].

Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. За чѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать *Черкешенкой* — я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ несвязано и есть истинный hors d'œuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость.

На обороте: Горчакову въ Гурогулбинѣ.

---

* 31. Князю П. А. Вяземскому.

2-го января 1822 г. [Кишиневъ].

Попандуполо привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди берется доставить тебѣ мою прозу — ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый приятель и (вѣрная порука за честь и умъ) не любимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его — Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдко сближали насъ другъ съ другомъ — благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенья они прелестны — благодарю за всѣ вообще — бранюсь съ тобою за одно посланіе къ Каченовскому; какъ могъ ты сойти въ *арену* вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцемъ — ты сбилъ его съ ногъ но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой — — какъ съ нимъ связываться — довольно было съ него легкаго хлыста а не сатирической твоей палицы — Ежели я его задѣлъ въ посланіи къ Ч — то это не изъ ненависти къ нему но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Американца Толстова, котораго презирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ — что ему понравилось въ этомъ Мурѣ? чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся *Лалла-рукъ* не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди; пора ему имѣть собственное воображенье и крѣпостные вымыслы — но каковъ Баратынской? признайся что онъ превзой-

 детъ и Парни и Батюшкова — если впредь зашагаетъ какъ шагалъ до сихъ поръ — вѣдь 23 года — щастливцу! оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону а то спасенья нѣтъ — Кавказкій мой плѣнникъ конченъ — хочу напѣчатать да лѣни много а денегъ мало — и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. — Желаю щастія Дядѣ — я не пишу къ нему; потому что опасаюсь журнальныхъ почестей — скороли выйдутъ его творенья? всѣ они вмѣстѣ не стоятъ *Буянова;* а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ — крайнѣ опасаюсь чтобы двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ — а долго-ли до грѣха — Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь — стихами или прозой — ей Богу буду отвѣчать.

Пушкинъ.

2 январь
1822.

Пишу тебѣ у Рейна — все тотъ-же онъ не измѣнился, хоть и женился — Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ — но заблагоразсудилъ изорвать его — Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучомъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать что онъ дѣлаетъ палки сургучныя а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

---

32. А. П. Полторацкому.

[Январь 1822 г. Кишиневъ].

Я живъ
Старовъ
Здоровъ
Дуэль неконченъ.

---

* 33. Л. С. Пушкину.

24-го января 1822 г. [Кишиневъ].

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ нестыдно мой милый, писать полу-руское, полу-французкое письмо, ты не московская кузина — вовторыхъ письма твои слишкомъ коротки— ты или нехочешь или неможешь мнѣ говорить открыто обо всемъ — жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ что до моей пустынѣ недоходитъ ни одинъ дружній голосъ — что друзья мои какъ

нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно—Письмо гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ недошло до тебя — это меня бѣситъ — я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ *съ ними;* постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней — тогда дѣла пойдутъ иначе — Ты говоришь что Гнѣдичь на меня сердитъ, онъ правъ — я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой — но у меня шла голова кругомъ — отъ него не получалъ я давно никакаго извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему плѣнника. — Къ тому-же ни Гнѣдичь со мной ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума — Спроси у Дельвига здаровъ ли онъ, все-ли, слава богу, пьетъ и кушаетъ— каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О проччихъ дошли до меня темныя извѣстія — Посылаю тебѣ мои стихи, напѣчатай ихъ въ Сынѣ (безъ подписи и безъ ошибокъ) если хочешь вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждой стихъ — правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ
Другой за деньги; понимаю,
Другой за то что былъ Французъ.
Клеонъ — умомъ ее стращая;
Дамисъ — за то что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? на Каченовскаго —

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.

Твой другъ Демьянъ.

24 Генв.
1822.

---

*34. Н. И. Гнѣдичу.

29 апрѣля 1822. Кишеневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться

1822 г. ее напѣчатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказкаго плѣнника; въ награду за присылку прелестной вашей Идиліи (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ; отдаю вамъ его въ полное разпоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

На обороте: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

---

* *Черновое.*

Parve, nec invideo sine me, liber, ibis in urbem
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю

Vade sud incultus, qualem decet exulis esse.

[Въ самомъ дѣлѣ] недостатки это[го]й повѣсти поэмы или чего вамъ угодно, [столь] такъ явны что я долго [я] не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана [болѣе] близко подходитъ къ бѣдности изобретенія; описаніе нравовъ черкескихъ, [самое сносное мѣсто во всей поэмѣ,] несвязано ни съ какимъ произшедствіемъ и [есть] ничто иное какъ географическая [отчетъ] статья или отчетъ путешественника — Характеръ главнаго лица ([лучше сказать единственнаго лица] а [дѣйств. лицъ] всего то [ихъ] ихъ двое) приличенъ болѣе роману нѣжели поэмѣ — да и что за характеръ? [мол] [кто будетъ тронутъ] кого займетъ [зан] изображеніе [мъ] молодаго человѣка, [изтощившаго] потерявшаго [всю] чувствительность [своего] сердца [въ первыя лѣта своей молодости] въ какихъ нещастіяхъ неизвѣстныхъ читателю; его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ [юнымъ] прелестямъ Кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны — [но что тутъ занимательнаго] но что тутъ [но] трогательнаго — [тутъ мало] — [за чемъ не] легко было бы оживить [было] разказа произшедствіями кот. сам. соб. изтекали[1] [естественно] изъ [самыхъ] предмѣтовъ. Черкесъ плѣнившій моего Рускаго, могъ быть любовникомъ [моей той] моей [Черкешенки] — избавительницы — [de là] [вотъ вамъ и сцены ревности и отчаянье прерванныхъ свиданій] [опасности для свиданій и проч. нашего плѣнника etc. и проч —] мать, отецъ [и проч.] и братъ ея могли бы имѣть каждый свою [черты] роль свой характеръ — [все] всѣмъ

---

[1] Переделано из «изтекающими».

этимъ я принебрегъ вопервыхъ отъ [одной] лѣни вовторыхъ что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда какъ обѣ части м. пл. были уже [написаны] кончены — а съизнова [писать] начать [1] не имѣлъ я духа — *1822 г.*

Тѣ которые [порицали] пожурили меня зато что никакъ неназвалъ моего финна [не найдутъ] не нашедъ здѣсь ниоднаго *им. собств.*, конечно почтутъ это за непростительную дерзость — правда что большей части моихъ читателей никакой нужды нѣтъ до имени и что я небоюсь никакой запутанности въ [своемъ] разказѣ —

Мѣстныя краски вѣрны но понравятся-ли читателямъ избалованнымъ поэтическими понарамами Байр. и Вал. Ск. — я боюсь и напомнить объ нихъ [2] [волшебныхъ картинахъ] своими блѣдными тощими рисунками — сравненіе мнѣ будетъ [мнѣ] убійственно. Къ щастію наши Арист. не въ состояніи [критиковать] уничтожить меня основательнымъ образомъ; [брани] тяжкія критики ихъ мало меня безпокоятъ; онѣ столь-же безвредны какъ и тупы — а ш. пло. и площ. ничуть не смѣшны и не забавны [какъ замѣчаетъ] пишетъ Каченовскій свойственнымъ ему слогомъ —

Вы видите что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня нащетъ К. П. но признаюсь люблю его самъ незная за что, въ немъ есть стихи моего сердца — Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ее [меня трогаетъ] трогаетъ душу — Прелестная быль о Пигмаліонѣ обнимающемъ холодный мраморъ [плѣнила нѣкогда] нравилась пламенному воображенію [3] Руссо [и Шиллера] — Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю м. Кавк. Плѣ. — примите его подъ свое покровительство; въ награду за присылку прелестной вашей Ид. [достойной чистой Музы древности] (о которой мы поговоримъ надосугѣ) [поручаю] завѣщаю вамъ [скуку изданія] скучныя заботы новаго [его] изданія [моихъ новыхъ печальн. бред. м.] — [но] дружба ваша меня избаловала [меня] [могу-ли надѣяться что] Нѣсколько строкъ пера вашего вмѣсто предисловія — [и вы обнадежите меня] [для меня] и — успѣхъ м. повѣс. [будетъ уже] будетъ уже надежнѣе. Бросьте въ ручей одну [изъ] вѣточку изъ вашихъ лавровъ, муравей не утонетъ — впроччемъ назовите м. п. сказкой, повѣстію, поэмой, или [ник.] вовсе не назовите, издайте ее въ двухъ книгахъ, ч. или пѣсн. или т. въ одной — отдаю [м. Плѣ.] его въ полное ваше разпоряженіе.

Есть у меня еще отрывокъ ст. 200 — прислать мнѣ вамъ его для Ценз.?......

---

[1] Переделано из «начинать».
[2] Переделано из «ихъ».
[3] Переделано из «пламень», потом «пламеннымъ воображеніямъ».

*35. П. А. Катенину.

Черновое.

[Конецъ апрѣля — май 1822 г. Кишиневъ].

......можетъ ...... [въ стихахъ] ...... помня .... помѣривъ...... еніе извѣстны...... ......тавилъ въ замѣчаніи....... ...... [и скрылъ] необязанъ свое имя...... азѣ видѣлъ поэта. Я не<имѣю?> чести быть поэтомъ, но эта [замѣчаніе] похвала показалась бы мнѣ не [весьма] очень лестною.

— Я прочелъ к..... твое письмо къ Греч. [въ его журналѣ] съ большимъ удовольствіемъ, и во первыхъ потому что [въ] ты * ты даешь мнѣ знать [о своемъ существо.] о себѣ только черезъ журналы [во 2) что].

---

*36. А. А. Бестужеву.

21-го іюня 1822 г. Кишиневъ.

Милостивый Государь,
Александръ Александровичь,

Давно собирался я напомнить В. о своемъ существованіи. Почитая прелестныя ваши дарованія, и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ Вами на письмѣ, не изъ однаго самолюбія но также изъ любви къ истиннѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило что невозможно съ вами скромничать. Знаю что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ какъ представителя Вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей Словесности —

Посылаю вамъ мои Бессарабскія бредни и желаю чтобъ они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня Цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется голубушка еще поумнѣла. Не понимаю что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ—однако должно намъ настоять изъ однаго честолюбія — отдаю ихъ въ полное ваше разпоряженіе — Предвижу препятствія въ напечатаніи стиховъ къ Овидію — но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа—по видимому ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно, (напримѣръ, услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по *Тавридѣ*). Повторяю вамъ она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ—чтобъ имя мое до нее недошло и все будетъ слажено.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева, онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичь, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи. *1822 г.*

Пушкинъ.

21 іюня
1822.
Кишеневъ.

---

*37. Н. И. Гнѣдичу.

27-го іюня [1822 г. Кишиневъ].

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за Ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказкаго плѣнника. Ваши замѣчанія на щетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ Гетовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня, со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха, пишу какъ нибудь не слыша ни ожпвительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній—Но какова наша Цензура? признаюсь никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ—Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: *Небесный пламень* слишкомъ обыкновенно; *долгій поцелуй* поставлено слишкомъ *на выдержку* (trop hazardé) *Его томительную нѣгу, вкусила тутъ она вполнѣ*—дурно, очень дурно — и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ Киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими —: *какой угодно* поцелуй разлуки

Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны
Сошли ко брегу въ тишинѣ —
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ
Вдругъ и проч —

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе Цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени — конечно иные скажутъ что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать Кесареве Кесарю, а Гнѣдичеве Гнѣдичу но мало ли что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Не льзя-ли опять стравить его съ Катенинымъ? любопытно бы. Гречь разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностію. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ. Не льзя-ли его разшевелить? Не льзя-ли потревожить и Слепина,

1822 г. если онъ купилъ остальные экземпляры Руслана. Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери и достойно такова переводчика каковъ пѣвецъ Громобоя и Старушки. Впрочемъ мнѣ досадно что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками — иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ *Родрикъ* Саувея: попросите его отъ меня чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на Рускую. Думаю что оно будетъ полезнѣе вліянія Французкой поэзіи робкой и жеманной. Тогда и нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ — съ своими *чувствами и мыслями* взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ то пророчу я не въ своей землѣ — а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ *Молдованно* и тошно; ахъ боже мой что то съ нимъ дѣлается — судьба его меня безпокоитъ до крайности — напишите мнѣ объ немъ если будете отвѣчать.

А. Пушкинъ.

27 іюня.

---

38. П. А. Катенину.

19-го іюля [1822 г. Кишиневъ].

Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты конечно въ этомъ числѣ, но дружба — не Италіанской глаголъ piombare, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (покрайней-мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятнѣе — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ-ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло не верти, ты все меня обижаешь. Надеюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. И такъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцар-

скихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, покрайней-мѣрѣ постараюсь. Радуюсь, предвидя, что пощечина должна отяготѣть на ланитѣ Толченова или Брянскаго. Благодарю за подробное донесеніе, знаю что долгъ платежемъ красенъ, но non erat his locus... Прощай Эсхилъ, обнимаю тебя, какъ поэта и друга... *1822 г.*

19 Іюля.

---

* 39. Л. С. Пушкину.

21-го іюля [1822 г. Кишиневъ].

Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ; ни слова тебѣ не скажу — мнѣ безъ тебя скучно — что ты дѣлаешь? въ службѣ-ли ты? пора, ей богу пора. Ты меня въ примѣръ не бери — если упустишь время, послѣ будешь тужить — въ руской службѣ — должно непремѣнно быть 26 лѣтъ полковникомъ если хочешь быть чемъ нибудь когда-нибудь; слѣдственно разочти, — тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи — ученіе не пропадетъ. Конечно я не хочу чтобъ ты былъ такой-же невѣжда какъ В. И. Казловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе — вотъ лучшее ученіе — Знаю что теперь не то у тебя на умѣ — но все къ лучшему —

Скажи мнѣ — выросъ-ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что ты пишешь? если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни однаго слова, объ немъ; вообрази что онъ принялъ на себя стихъ *И сплетней разбирать игривую затью;* я получилъ отъ него полу-кислое письмо, онъ жалуется что писемъ отъ меня не получилъ не моя вина — Пиши мнѣ новости литературныя; что мой Русланъ? не продается? не запретила-ли его Цензура? дай знать. Если-же Сленинъ купилъ его то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда — Какого идетъ изданіе Бестужева? Читалъ-ли ты мои стихи ему посланные? Что Плѣнникъ<?> радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю буду-ли къ вамъ а постараюсь. Мнѣ писали что Батюшковъ помѣшался: быть не льзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и за чемъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь-ли ты у Карамзина? отвѣчай мнѣ на всѣ

 вопросы если можешь — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго — Что Вильгельмъ? есть-ли объ немъ извѣстія Прощай.

Отцу пишу въ деревню.

21 Іюля.

[*Приписка къ сестрѣ, О. С. Пушкиной*]. Ma bonne et chère amie je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié mais elles me sont uniquement necessaires comme quelque chose qui vient de vous — Je vous embrasse et je vous aime — amusez vous et mariez vous.

---

* 40. Князю П. А. Вяземскому.

1 сентября [1822 г. Кишиневъ].

Посуди самъ сколько обрадовали меня знакомыя каракулки твоего пера. Почти три года имѣю про тебя только невѣрныя извѣстія стороною — а здѣсь не слышу живаго слова Европейскаго. Извини меня если буду говорить съ тобою про Толстова. Мнѣніе твое мнѣ драгоцѣнно. Ты говоришь что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намѣреніе было не заводить остроумную литературную войну, но рѣзкой обидой отплатить за тайныя обиды человѣка съ которымъ разтался я приятелемъ и котораго съ жаромъ защищалъ всякой разъ какъ представлялся тому случай. Ему показалось забавно сдѣлать изъ меня неприятеля и смѣшить на мой щетъ письмами чердакъ К. Шаховскова, я узналъ обо всемъ будучи уже сосланъ, и почитая мщеніе одной изъ первыхъ Христіанскихъ добродѣтелей — въ безсиліи своего бѣшенства закидалъ издали Толстова журнальной грязью. Уголовное обвиненіе, по твоимъ словамъ, выходитъ изъ предѣловъ поэзіи; я не согласенъ. Куда недосягаетъ мечь законовъ, туда достаетъ бичь сатиры. Гораціанская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоитъ противъ угрюмой злости тяжелаго пасквиля. Самъ Вольтеръ это чувствовалъ.

Ты упрекаешь меня въ томъ что изъ Кишенева подъ эгидою ссылки, печатаю ругательства на человѣка живущаго въ Москвѣ. Но, тогда я не сомнѣвался въ своемъ возвращеніи. Намѣреніе мое было ѣхать въ Москву, гдѣ только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападеніе на Гр. Толстова не есть малодушіе. Сказываютъ что онъ написалъ на меня что то ужасное. Журналисты должны были принять отзывъ человѣка обруганнаго въ ихъ журналѣ. Можно подумать что я съ ними за одно и это меня бѣситъ. Впрочемъ я свое дѣло сдѣлалъ и на бумагѣ болѣе связываться не хочу. Я бы могъ оправдаться передъ тобой сильнѣе и яснѣе, но уважаю твои связи съ человѣкомъ, который такъ мало на тебя походитъ —

Каченовскій представитель какого то мнѣнія! voilà des mots qui hurlent de se trouver ensemble. Мнѣ жаль что ты не въ полнѣ цѣнишь прелестный талантъ Баратынскаго. Онъ болѣе чемъ подражатель подражателей, онъ полонъ истинной элегической поэзіи. Шильонскаго Узника еще не читалъ. То что видѣлъ въ С. О. прелестно. *1822 г.*

Онъ на столбѣ какъ вешній цвѣтъ
Висѣлъ съ опущенной главой.

Ты меня слишкомъ огорчилъ, предположеніемъ что твоя живая поэзія приказала долго жить. Если правда — жила довольно для славы мало для отчизны. Къ щастію несовсѣмъ тебѣ вѣрю. но понимаю тебя. Лѣта клонятъ къ прозѣ и если ты къ ней привяжешься не на шутку то нельзя не поздравить Европейскую Россію. Впроччемъ, чего тебѣ дожидаться? неужели тебя плѣняетъ ежемѣсячная слава Прадтовъ? Предпріими постоянный трудъ, пиши въ тишинѣ самовластія, образуй нашъ метафизической языкъ зарожденный въ твоихъ письмахъ—а тамъ что Богъ дастъ. Люди которые умѣютъ читать и писать скоро будутъ нужны въ Россіи, тогда надѣюсь съ тобою болѣе сблизиться; покамѣсть обнимаю тебя отъ души.

П.

Посылаю тебѣ поэму въ мистическомъ родѣ — я сталъ придворнымъ —

---

* 41. Л. С. Пушкину.

4 сентября [1822 г. Кишиневъ].

На прошедшей почтѣ — (виноватъ: съ Долгорукимъ) — я писалъ къ Отцу а къ тебѣ не успѣлъ а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ — вопервыхъ о службѣ. Если бъ ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ Гвардію тебѣ не за чемъ; служить 4 года юнкоромъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію—Раевской или Киселевъ — оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка: дѣло идетъ о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себѣ — Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволож<с>кому — и скажи ему чтобъ онъ ради Христа погодилъ продовать мои стихотворенья, до будущаго года — Если же они проданы, явись съ той-же прозьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣла<ла> мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы —

1822 г. само по себѣ разумѣется что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ Ов<идію> перемѣни такимъ образомъ

Ты самъ — дивись, Назонъ, дивись судьбѣ привратной,
Ты, съ юныхъ дней призрѣвъ волненья жизни ратной
Привыкнувъ *и проч.*

Къ стати объ стихахъ: то что я читалъ изъ *Ш. Узн.* прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣхъ *Орлеанской Ц*<....>. Но актеры, актеры! 5 стоп. стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ *Глухо-рева*. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ какъ она окружена? Господь защити и помилуй — Но боюсь — Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для 1-го представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюх<ельбекера>. Что за чудакъ! Только въ его Голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію гдѣ все дышетъ Миѳологіей и Героизмомъ — славянорускими стихами цѣликомъ взятыми изъ Іеремія. Чтобы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ? — но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій. *Ода къ Ермо*<*лову*> лучше но стихъ: Такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ... слишкомъ уже Греческой—Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта нѣкогда написавшаго — Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный, толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, боже! число великій, унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ — цѣлъ трудъ многимъ людямъ — принадлежащій и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельв<ига>. Батюшковъ правъ что сердиться на Плетнёва; на его [бы] мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости — *Б. изъ Рима* не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что Новость на Олимпѣ очень мила. Вообще мнѣніе мое что Плетневу приличнѣе проза нѣжели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу— а не его слогу) и увѣрь его что онъ нашъ Гёте.

А. П.

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits—rappelez là lui de ma part. —

Еще слово — скажи Слёнину чтобъ онъ мнѣ присылалъ Сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой — у васъ пишутъ, что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ — вотъ что меня огорчило — что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ?

---

42. Я. Н. Толстому.

[26-го сентября 1822 г. Кишиневъ].

Милый Яковъ Николаевичь! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе Князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ изъясненій — я хотѣлъ сперва печатать мѣлкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже около 30 билетовъ — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому, а самому отступиться отъ изданія — разумѣется что за розданные билеты долженъ я заплатить, и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія перепраалены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись; третье: въ послѣднія три года я написал много новаго; благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ Князю Александру, но Цензура, Цензура!.. итакъ, милый другъ, подождем еще два, три мѣсяца — какъ знать, — можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ мои сердѣчныя благодаренья; ты одинъ изо всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной младости — вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не къ стати, два года и шесть мѣсяцовъ не имѣю отъ нихъ ни какого извѣстія, никто ни строчки, ни слова...

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь-ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему ль лѣтятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ:
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина, —
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы,
Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!

1822 г. Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Безсарабской глуши, не получая ни журналовъ ни новыхъ книгъ — не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости милой, до свиданія — и до посланія! Обними нашихъ. — Что Всеволожскія? что Мансуровъ? что Барковъ? что Сосницкія? что Хмѣльницкій? что Катенинъ? что Шаховской? что Ежова? что гр. Пушкинъ? что Семеновы? что Завадовской? что весь Театръ?

---

* 43. Н. И. Гнѣдичу.

27-го сентября [1822 г.]. Кишиневъ.

Пріѣхали плѣнники — и сердечно васъ благодарю милый Николай Ивановичь. Перемѣны требуемыя Цензурою послужили въ пользу моего; признаюсь что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился—напримѣръ если бъ она перемѣнила стихъ *простите, вольныя станицы* то мнѣ было бы жаль. Но славу богу! *горькой поцелуй* прелесть. *ей дней* ей ей не благозвучнѣе *ночей; уповательныхъ* мечтаний; *упоительныхъ. На домы* дождь и градъ; *на долы*—вотъ единственныя ошибки замѣчанныя мною. Александръ Пушкинъ, мастерски литографированъ— но не знаю похожъ-ли, примѣчаніе издателей очень лестно—не знаю справедливо-ли. Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайной! Должно быть Байрономъ чтобъ выразить съ столь страшной истинной первые признаки сумасшедствія, а Жуковскимъ чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишитъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай богъ чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мѣлочи въ Парижѣ. Спасите ради Христа; удержите его покрайнѣй мѣрѣ до моего пріѣзда—а я вынырну и явлюсь къ вамъ. Катенинъ ко мнѣ писалъ, незнаю получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души.

А. Пушкинъ.

27 сент.
Кишеневъ.

Я писалъ къ брату чтобъ онъ Сленина упросилъ не печатать моего портрета—если на то нужно мое согласіе—то я не согласенъ.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Николаевичу <sic> Гнѣдичу. *Въ С.-Петербургѣ.* Въ Императорской Библіотекѣ. *Штемпель:* Кишеневъ; *помета:* 27 сент.

---

44. Л. С. Пушкину.

[Сентябрь—октябрь 1822 г. Кишиневъ].

Vous êtes dans l'age où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait preferable à tous les autres. En tout cas votre conduite va decider pour longtems de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup.—Ne les jugez pas par votre cœur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible: c'est le moyen de se tenir en garde contre les petits prejugés et les petites passions qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours, mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs; quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aises de vous avilir au moment ou l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la pluspart du tems est une perfidie.—Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous premunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'age de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'egard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siecle. A l'égard de celle que vous aimerez, je souhaite de tout mon cœur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offence volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettent pas de briller, ne tachez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel.

Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse experience. Puissiez vous les adopter sans jamais y être contreint.

Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arréterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

---

* 45. Л. С. Пушкину.

Октябрь 1822 г. Кишиневъ.

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чемъ ты показалъ Плетневу письмо мое? въ дружескомъ обращеніи, я предаюсь рѣзкимъ и необдуманномъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами—вся моя ссора съ Толстымъ произходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впроччемъ посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства. Она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и б<лагороденъ. На>[1] будущей почтѣ отвѣчу ему.

Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой Плѣнникъ? *A-t-il produit du scandale*, пишетъ мнѣ Orlof,—*voilà l'essentiel.* Надѣюсь что критики не оставятъ въ покоѣ характера Плѣнника, онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналовъ не получаю такъ потрудись, [такъ] напиши мнѣ ихъ толки—не ради изправленія моего, но ради смиренія кичливости моей —

Я корабкаюсь и можетъ быть явлюсь у васъ. Но не <преж>[1]дѣ будущаго года.—

.....мнѣ, на ....лѣ[1]; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ—о други, Августу мольбы мои несите! но Августъ смотритъ сентебремъ.— — Къ стати: получено-ли мое посланіе къ Овидію? будетъ-ли напѣчатано? что Бестужевъ? жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новыя стихи да лѣнь—Прощай, милый.

А. П.

окт. 1822.
Кишеневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Сленина—чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. *Людмилы,* 2 экз. *Плѣнника,* одинъ *Шильонскаго узника,* Книгу Греча—и Цертелова древнія стихотворенія—Поклонись ему отъ меня.

---

[1] Оторван нижний край листка.

* 46. П. А. Плетневу.

Черновое.

[Октябрь—ноябрь 1822 г. Кишиневъ].

Я долго неотвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; [хотѣлъ] собирался отвѣчать [тебѣ] стихами достойными твоихъ, но отложилъ попеченія, положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно и ты слишкомъ хорошо умѣючи имъ воспользовался—Если первый стихъ твоего посланія написанъ также отъ души какъ и всѣ проччія—то я не разкаиваюсь въ минутной моей несправедливости—она доставила [прекрасной подарокъ] неожиданное украшеніе Словесности—Если [нѣтъ] же ты на меня сердитъ, то стихи твои [ско] какъ они ни [прекрасны] прелестны никогда не утѣшутъ меня—Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки еслибъ зналъ какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ [о которой мудрено]. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца—Не подумай однако что [бы] [въ] [я не умѣлъ] [не] не умѣю цѣнить [твоего] неоспоримаго твоего дарованія [Я дорожу твоимъ мнѣніемъ и не хочу] [я не совсѣмъ лишенъ вкуса] чувство изящнаго не [совершенно] совсѣмъ во мнѣ притупилось—[я дорожу] [я не хочу прослыть] и когда я въ совершенной памяти—твоя [чистая] гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня какъ поэзія [любимыхъ моихъ поэтовъ] моихъ любимцевъ.

По письмамъ моего брата [я] вижу что онъ съ тобою друженъ. Завидую ему и тебѣ [и отъ на...] [надѣюсь современемъ] Sine ira милый пѣвецъ—по рукамъ и до свиданія—

[Извини мое чистосердечіе, я] не вполнѣ подтверждаю то что [сказалъ] писалъ о твоей Прозѣ, но признаюсь—это стихот. не достойно ни тебя, ни Батюшкова. [Иные] Многіе приняли его за сочиненіе послѣдн. Однако [что это] [такая ошибка—тебѣ похвала и] что съ [обыкновеннымъ] посредств. писателемъ этаго не случится—но Бат. [вѣроятно сердится] не будучи [имъ] доволенъ тв. элег. [вѣроятно] разсердился на тебя за ошибку другихъ—а я разсердился послѣ Батюшкова.

Извини мое чистосердечіе но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. [Прости], Sine ira и проч—

По письмамъ Брата...

---

* 47. Неизвѣстной.

Черновое.

[1822 г. Кишиневъ].

[Ce n'est pas pour vous braver que je vous ecris mais [puisque] j'ai [la bêtise] et la faiblesse [et le ridicule] de vous avouer [ma] une

 passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement—[1]] Ne feignez rien [c'est] ce seroit indigne de vous [et de plus c'est parfaitement inutile]—la coquetterie [qui vous sied tant] seroit une [cruelle bien] cruauté [très] [froidement] frivole et surtout bien inutile— Votre colère, je n'y croiroi pas plus—en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse, si peu de prévention— [si votre orgueil est blessé] votre orgueil même ne peut en être blessé [vous avez su que] [m'aviez déviné] [saviez ma haute] [... content] [vous].

Si j'avois des espérances cela ne seroit pas la veille de votre depart que j'aurai attendu pour [vous f] me déclarer. Attribuez mon aveu [à mon émotion qui] qu'à une exhaltation [à un trouble] dont je n'étois plus le maître qui alloit jusqu'à la défaillance [et l'imbécillité] [je ne veux rien] je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux—cependant je vous...

---

* 48. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ декабря 1822 г.—начало января 1823 г. Кишиневъ].

Благодарю тебя за письмо а не за стихи: мнѣ въ нихъ не было нужды—Первый снѣгъ я читалъ еще въ 20 году и знаю наизусть. Не написалъ ли ты чего новаго? пришли, ради Бога а то Плетневъ и Рылѣевъ отучатъ меня отъ поэзіи. Сдѣлай милость напиши мнѣ обстоятельнѣе о тяжбѣ своей съ Цензурою. Это касается всей православной кучки. Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ и жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ приемлется за бунтъ—Не знаю подвержены-ли писатели военному суду но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасныя подозрѣнія и причинить большія безпокойства.— — — Соединиться тайно—но явно дѣйствовать въ одиночку, кажется, вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Русо не впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ но не мнѣ—на конченную свою поэму, я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ: продаю съ барышомъ. Цѣховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладѣ; иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей. Думаю скоро связаться съ Бируковымъ и стану доѣзжать его въ этомъ смыслѣ—но за

---

[1] Эти три строки перечеркнуты двумя поперечными чертами.

2000 верстъ мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь въ грязи молдавской, чортъ знаетъ когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся въ грязи отечественной и думай: *1822 — 1823 г.*

Отечества и грязь сладка намъ и приятна —
Св.

Вотъ тебѣ нѣсколько пакостей:

Христосъ Воскресъ.

Христосъ воскресъ, моя Реввека!
Сегодня слѣдуя душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобой цалуюсь, Ангелъ-мой.
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцалуй я не робѣя
Готовъ Еврейка приступить —
И даже то тебѣ вручить,
Чемъ можно вѣрнаго Еврея
Отъ православныхъ отличить —

Эпиграмма.

Клеветникъ безъ дарованья
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячномъ враньемъ.

Лѣчись—иль быть тебѣ Панглосомъ
Ты жертва вредной красоты—
И то то, братецъ, будешь съ носомъ
Когда безъ носа будешь ты—

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги—понимаю,
Другой за то что былъ французъ
Клеонъ—умомъ ее стращая
Дамисъ—за то что нѣжно пѣлъ—
Скажи теперь, мой другъ Аглая
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
***, живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ.
И вдругъ бѣда! казнитъ ее меркурій,
Разкаиться приходитъ ей пора,
Она лежитъ, глазъ пухнетъ по немногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; чтожъ курва?—«Слава Богу!
«Все къ лучшему: вотъ новая дыра!»

Этихъ двухъ не показывай никому—ни Денису Давыдову.

---

* 49. Л. С. Пушкину.

[Начало января 1823 г. Кишиневъ].

Душа моя, какъ перевести по Руски *bevues?*—должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Bevues.* Мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную [1] денницу Рылѣева, его-же Гербъ Россiйской на вратахъ Византiйскихъ—(во время Олега, Герба рускаго не было—а двуглавый Орелъ есть Гербъ Византiйской и значитъ раздѣленiе Имперiи на Зап. и Вост.—у насъ-же онъ ничего не значитъ). Повѣришь-ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи [из] вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bevues,* поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж— чтобъ онъ продиктовалъ Якову строчки три на мое имя—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ. Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь—Видишь-ли ты Тургенева и Карамзина?

Чемъ тебя поподчивать? Вотъ *стихи Ѳ. Глинкѣ*—

Когда средь Оргiй жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкiй эгоизмъ.
Безъ слёзъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный Гражданинъ!
Пускай Судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣняла мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ.

Я послалъ было ихъ черезъ тебя но ты письма моего не получилъ, покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему что онъ все таки почтеннѣйшiй человѣкъ здѣшняго мiра.

Внизу: Брату.

---

* 50. Графу К. В. Нессельроде.

13-го января 1823 г. Кишиневъ.

Monsieur le Comte,

Attaché par ordre de Sa Majesté auprès de Monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission éxpresse venir à Pétersbourg, où m'appellent les affaires d'une

[1] Переделано из «полуденную».

famille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour La supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois. *1823 г.*

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obeissant serviteur

Alexandre Pouchkine.

13 janvier 1823. Kichenef.

---

51. В. П. Горчакову.

[Конецъ января 1823 г. Кишиневъ].

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь,
Пока тропинку предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Вареоломей.

---

* 52. Л. С. Пушкину.

30-го января [1823 г. Кишиневъ].

Благоразумный Левинька!

Благодарю за письмо — жалѣю что проччія не дошли — пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, — И все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенки Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Плѣннику — Бестужевъ прислалъ мнѣ Звѣзду — эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю что Баратынскій поскупился — я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? душа моя, и Русланъ и Плѣнникъ и Noël и все дрянь въ сравненіи съ ними — Ради Бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела [меня] въ задумчивость воина, что служитъ въ Иностранной Коллегіи, и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи — Эта Мечта напечатана съ ошибачнаго списка — призванье вмѣсто взыванье, *тревожныхъ думъ,* слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ но которое по руски ничего не значитъ.

стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоскій. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеньи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели, и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичь у меня перебиваетъ лавочку —

Увы напрасно ждалъ тебя женихъ печальный

и проч. — непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благославляю и поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало. En avant! marche!

Пріѣхалъ-ли Царь? впроччемъ, это я узнаю прежде, чемъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву — тамъ увидишь ты моихъ друзей — напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впроччемъ мало заботиться о судьбѣ Плѣмянника, находящагося въ *Опалѣ:* можетъ быть они правы — да и я не виноватъ — — — —

Прощай, душа моя! если увидимся, то то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ что Кюхельбекерно мнѣ, на чужой сторонѣ. А гдѣ Кюхе<льбекеръ>?

Ты мнѣ пишешь объ NN: en voilà assez. Assez такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — въ Августѣ мѣсяцѣ — такъ и быть — а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется — Прощай еще разъ.

30 Янв.

---

* 53. Князю П. А. Вяземскому.

6-го февраля 1823 г. [Кишиневъ].

Какъ тебѣ не стыдно не прислать своего адреса; я бы давно тебѣ написалъ. Благодарю тебя, милый Вяземскій! пусть утѣшитъ тебя Богъ за то что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить какъ приятно читать о себѣ сужденіе умнаго человѣка — До сихъ поръ читая рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч. — мнѣ казалось что подслушиваю у калитки литературные толки приятельницъ Варюшки и Буянова. Все что ты говоришь о Романтической поэзіи прелестно, ты хорошо сдѣлалъ что первый возвысилъ за нее голосъ — Французкая болѣзнь умертвила бъ нашу отроческую словесность. У насъ нѣтъ театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогомъ — и то не

точнымъ и заржавымъ; впроччемъ гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ фр. театра? Знаю за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала—*нѣтъ! пѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю;* но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнасскаго православія; а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе—признайся: все это одно упрямство. Благодарю за щелчокъ цензурѣ, но она и не этаго стоитъ, стыдно что благороднѣйшій классъ народа, классъ мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной разправѣ трусливаго дурака—мы смѣемся, а кажется лучше бы дѣльно приняться за Бируковыхъ; пора дать вѣсъ своему мнѣнію и заставить правительство уважать нашимъ [мнѣніемъ] голосомъ—презрѣніе къ Рускимъ писателямъ нестерпимо; подумай объ этомъ на досугѣ, да соединимся—дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную—читалъ-ли ты мое посланіе Бирукову? если нѣтъ, вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича; читалъ я твои стихи въ П. Звѣздѣ; всѣ прелесть—да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзинъ одни владѣютъ ею—Глинка владѣетъ языкомъ чувствъ... это что такое! Бестужева статья объ нашей братьи ужасно молода—но у насъ все елико печатано имѣетъ дѣйствіе на святую Русь: за то не должно бы ничемъ пренебрегать, и должно печатать благонамѣренныя замѣчанія на всякую статью—политическую, литтературную—гдѣ только есть немножко смысла—кому какъ не тебѣ взять на себя скучную но полезную должность надзирателя нашихъ писателей—Стихи мои ищутъ тебя по всей Россіи—я ждалъ тебя осѣнью въ Одессу, и къ тебѣ бы пріѣхалъ,—да мнѣ все идетъ на перекоръ. Не знаю нынѣшній годъ увижусь-ли съ тобою. Пиши мнѣ покамѣсть, если по почтѣ такъ осторожнѣе, а *по оказіи* что хочешь—да нельзя ли твоихъ стиховъ? мочи пѣтъ хочется; Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія—я было хотѣлъ написать объ нихъ, кое что, болѣе для того чтобъ ущипнуть Дмитріева, нѣжели чтобъ порадовать нашего старосту, да не возможно; онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его и не сравнивая съ эксъминистромъ Доратомъ. Видишь ли ты иногда Чедаева? онъ вымылъ мнѣ голову за плѣнника онъ находитъ что онъ недовольно *blasé;* Чедаевъ по нещастію знатокъ по этой части; оживи его прекрасную душу, поэтъ! ты вѣрно его любишь—я не могу представить себѣ его инымъ что прежде—Еще слово объ *Кавк. Плѣ.* ты говоришь, душа моя, что онъ сукинъ сынъ за то что не горюетъ о Черкешенки—но что говорить ему—*все понялъ онъ* выражаетъ все; мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями—это разумѣется, иначе быть нельзя; не надобно все высказывать—это есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что *Плѣн.* не кинулся въ рѣку вытаскивать мою Черкешенку—да, сунься-ка; я плавалъ въ кавказкихъ рѣкахъ,—тутъ утонешь самъ, а ни

1823 г.

чорта не сыщешь; мой плѣнникъ умный человекъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ Черкешенку — онъ правъ, что не утопился — прощай, моя радость —

Пушкинъ.

6 февр.
1823.

У насъ послѣ завтра балъ — пріѣзжай потанцовать — Полторацкіе зовутъ.

Щастіе супружеское.

Дома сидя и безъ дѣла
Буду нѣжно говорить
Ахъ мой другъ! какъ ты < .... >!
Прикажите покурить.

Вотъ модные стихи въ Кишеневѣ — не мои — Полторацкаго — въ честь будущей моей женитьбы.

---

* 54. Князю П. А. Вяземскому.

5-го апрѣля [1823 г. Кишиневъ].

Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ не льзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ — Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѣ въ Кишеневъ? я познакомлю тебя съ Героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ Гречанкою которая цаловалась съ Байрономъ.

Правда ли что говорятъ о Катенинѣ? мнѣ никто ничего не пишетъ — Москва Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня —

Охотниковъ пріѣхалъ? привезъ-ли тебѣ письма и проччее?

Говорятъ что Чедаевъ ѣдетъ за границу — давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма — любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать — теперь Богъ знаетъ когда свидимся —

Важный вопросъ и сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Кòрсакова, что живетъ или жила противъ какого — монастыря (Страстнаго, что-ли) жива-ли она, гдѣ она, если умерла, чего боже упаси, то гдѣ ея дочери за мужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли или вдовствуютъ и проч. — мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно.

Къ стати не знаешь-ли минуло-ли 15 лѣтъ Генералу Орл.? или нѣтъ еще?

5 апрѣля.

Стиховъ, ради бога, стиховъ да свѣженкихъ —

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу *Вяземскому* — Въ Москвѣ — въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

---

* 55. Неизвѣстному.

[Май — ноябрь 1823 г. Кишиневъ].

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé [tout à fait] de [la] votre mémoire...

---

* 56. Н. И. Гнѣдичу.

13-го мая [1823 г.]. Кишиневъ.

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія остонавливаютъ меня по многимъ причинамъ 1.) Увѣрены-ли вы что Цензура по неволѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана нынче не опомнится и незаградитъ пути второму его пришедствію? Замѣнять-же прежнее новымъ въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2) согласенъ съ вами что предисловіе есть пустословіе довольно скучное но мнѣ никакъ не льзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ; онѣ мною обѣщаны Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда есть у меня готовая поэмка, да NB Цензура.

Tout bien vu, не кончить-ли дѣла предисловіемъ. Дайте попробовать авось не наскучу. Я что то въ милости у руской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité

Какъ бы то ни было, возпользуюсь своимъ *случаемъ* говоря ей правду неучтивую, но быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ее; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу; этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго; услыша стихъ И должно честь отдать что нѣмцы окуратны — я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. — А что тутъ остраго, смѣшнаго? очень желалъ бы знать сбылось-ли мое предсказаніе.

Вы, коего Геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлает, Гомеръ? давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами что он былъ в Германіи, в Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади — Все это къ стати о Кавк. Плѣнникѣ. От

1823 г. брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Боратынскомъ также — но я люблю ихъ и лѣнивыхъ — Vale, sed delenda est censura.

Пушкинъ.

13 мая
Кишеневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его — Знаете-ли вы трогательный обычай рускаго мужика въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? вотъ вамъ стихи на это—

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За чемъ на Бога мнѣ роптать
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ-ли безъ имени въ С. О?

Штемпель: Кишеневъ.

---

* 57. А. А. Бестужеву.

13-го іюня [1823 г. Кишиневъ.].

Милый Бестужевъ,

Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить *тебя* за Пол. Звѣз. за твои письма, за статью о Литературѣ, за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ— Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О *взглядѣ* можно бы намъ поспорить на досугѣ, признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ — вы одни можете разгорячить меня. Покамѣсть жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Руской словесности забыть Радищева? кого-же мы будемъ помнить? Это умолчаніе не простительно ни тебѣ, ни Гречу — а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: за чемъ хвалить холоднаго однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смѣшонъ. Ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда;
Что и тебѣ спастись худа была надежда!

А любовница Елисея которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а Герой, который упалъ въ песокъ

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ
Что видѣнъ и поднесь въ пескѣ сей самый знакъ

все это уморительно. Тебѣ кажется болѣе нравится благовѣщеніе, однако же Елисей смѣшнѣе, слѣдств. полезнѣе для здаровья. *1823 г.*

Въ разсужденіи 1824 года, постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни; но не льзя-ли вновь осадить Цензуру, и со втораго приступа, овладѣть моей Анѳологіей? разбойниковъ я сжегъ—и по дѣло̀мъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Николая Раевскаго, если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ — не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Пол. Зв. то напечатай его. Впрочемъ чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ и небудетъ на Руской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.

Я увѣренъ что тѣ которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются. Онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго, есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи, сами по себѣ, не достойны пѣвца сократической любви.

Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ т. е. тебя обниметъ за меня — прощай, до свиданья.

А. П.

13 іюня.

* *Черновое.*

Милый Бест. позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить не васъ *тебя* за Пол. Звѣзду, [и] за твои письма — за ст. о Сл., за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ — все это ознаменовано тво[имъ]ей печатью т. е. умомъ и живостью — О [второй] [другой] Взглядѣ можно бы [потолковать] поспорить на досугѣ — Признаюсь что ни съ кѣмъ такъ мнѣ [больше спорить] не хочется спорить какъ съ тобою — [потому что] ты одинъ можешь разгорячить меня — покамѣсть жалуюсь тебѣ [на самаго тебя] объ одномъ — какъ можно въ с. о рус. сл. забыть Радищева — кого-жъ намъ помнить какъ не его — [онъ] [на которомъ] [какъ и Гречъ]... Это простительно Гречу (умной головѣ), но ни [......] ни тебѣ — Еще слово: за чемъ хвалить холоднаго [неестественнаго] однообразнаго Осипова, и [слишкомъ] бранить Майкова — [Мнѣ очень] Его Елисей истинно смѣшонъ — ничего не знаю забавнѣе обращенія [....] поэта къ порткамъ

Я мню и о тебѣ исподняя одежда
Что................. .....

[А христіане, которые бьютъ Нептуна [вы] похваляясь своимъ просвѣще].

А любовница Елисея которая сожигаетъ его штаны въ печи

Когда для.....
И.....

А герой [на], который упалъ [наземь] въ песокъ

И в.....
И.....

Все это уморительно. [Вамъ] Тебѣ кажется болѣе нравится благовѣщеніе — и мнѣ также но Елисей смѣшнѣе слѣдст. полезнѣе для здаровья —

Въ разсужденіи 1824 года [я] постараюсь прислать [вамъ] тебѣ свои бессарабскія бредни—но нельзя (вторымъ приступить) вновь осадить Цензуру, и овладѣть моими [подра] Анѳологическими стихами — Разбойниковъ я сжегъ — одинъ отрывокъ удѣлѣлъ въ рукахъ Ник. Раевск—если отечест. слова харч<евня,> кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей [любезныхъ] читательницъ Пол. Звѣ. то напечатайте ее—впроччемъ чего боять [жен..] читательницъ?

Ихъ нѣтъ и не буд....

[я увѣр...] да и жалѣть не о чемъ
Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняй... ...

---

* 58. Князю П. А. Вяземскому.

19-го августа [1823 г. Одесса].

Мнѣ скучно, милый Асмодей, я боленъ, писать хочется — да самъ не свой—Мнѣ до тебя дѣло есть: Гнѣдичь хочетъ купить у меня Второе изданіе Русл. и К. Плѣ.—но timeo danaos т. е. боюсь чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ преждѣ — Я обѣщалъ ему предисловіе—но отъ прозы меня тошнитъ—Перепишись съ нимъ — возьми на себя это 2 изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ Отечествѣ — Не хвали меня, но побрани Русь и рускую публику — стань за Нѣмцовъ и Англичанъ—уничтожь этихъ Маркизовъ Классической Поэзіи— —Еще одна просьба: есть-ли возмешься за изданіе— Не лукавь со мною, возьми съ меня что оно будетъ стоить — не дари меня — я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой Аристократъ — Отвѣчай мнѣ по extra-почтѣ!

Я Брату долженъ письмо — Что онъ за человѣкъ? говорятъ что онъ славный малой и Московскій франтъ — правда-ли.

Прощай, моя прелесть — впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19 авг.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

---

*59. Л. С. Пушкину.

25-го августа [1823 г.]. Одесса.

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здаровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу — Ресторація и Италіанская Опера напомнили мнѣ старину и ей богу обновили мнѣ душу — Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляютъ мнѣ что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ — кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь — мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей — Пріѣхалъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизьяснимо элегически — и выѣхавъ оттуда навсегда — о Кишеневѣ я вздохнулъ — Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни—впроччемъ, я нигдѣ не бываю кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ — на пр. онъ пишетъ въ П. Б. письмо гдѣ говоритъ между проччимъ обо мнѣ: Пуш<кинъ> открылъ мнѣ немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр.... Фраза достойная В. Козлова; дѣло въ томъ что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (новой моей поэмы) сказавъ что я не желалъ бы ее напечатать потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру — Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы — помогите! — Здѣсь еще Раичь: знаешь ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель — жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу — да поговоримъ о дѣлѣ —

Изьясни Отцу моему что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслуже столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ божій и 4 первыя правила — но служу и не по своей волѣ — и въ отставку идти не возможно. — Все и всѣ меня обманываютъ — на кого-же, кажется, надѣяться если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность можетъ довести до крайности — Мнѣ больно видѣть равнодушіе Отца моего къ моему состоянію — хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ П. Бургъ — когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничк. моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. (которыхъ вѣрно бъ ни ты ни я не пожалѣли для слуги). Прощай душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 Авг.

 Такъ и быть я Вяземскому пришлю *Фонтанъ* — выпустивъ любовный бредъ — а жаль!

---

* 60. Князю П. А. Вяземскому.

14-го октября [1823 г.]. Одесса.

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу что поручаю тебѣ изданіе Русл. и Плѣн. слѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-той пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ *свѣжій сонъ* въ самомъ концѣ. Не помню какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. К. Плѣнникъ иное дѣло.

Остановлялъ онъ долго взоръ —

должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. *Живи — и путникъ оживаетъ* — Живи — и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры *темная* прохлада — *влажная.* И вдругъ на *домы* дождь и градъ — *долы.* Въ чужой аулъ *цѣною злата* — За много злата. (впроччемъ какъ хочешь).

Не много радостныхъ *ей дней*
Судьба на долю *низпослала*

Зарѣзала меня Цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать *ей дней* въ концѣ стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала.* То ли дѣло: *ночей,* ибо днемъ она съ нимъ не видалась — смотри поэму. И чемъ-же ночь неблагопристойнѣе дня? которые изъ 24 часовъ имянно противны духу нашей Цензуры? Бируковъ добрый малой, уговори его или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ

У меня прежде было *У стѣнъ Парижа.* Не лучше ли какъ думаешь? *вѣрилъ я надеждѣ И уповательнымъ мечтамъ.* Это что̀? *Упоительнымъ* мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ Анти-критики. 1) *Подъ влажной буркой.* Бурка не промокаетъ, и влажна только сверху, слѣдственно, можно спать подъ нею, когда нѣчемъ инымъ накрыться — а сушить нѣтъ надобности. 2) *На берегу завѣтныхъ водъ.* Кубань граница. На ней карантинъ истрого запрещается казакамъ переѣзжать *объ он' полъ.* Изьясни это потолковѣе забавникамъ Вѣс. Евр. — Теперь замѣчаніе типографическое: *Все понялъ онъ*... Нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и — à la ligne *Прощальнымъ взоромъ* и пр.

Теперь я согласенъ въ томъ что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя съ надеждой и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье, и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ право добрый малой, изрядный Авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической; я съ нимъ не только приятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ-ли ты его послѣднюю brochure о Грецiи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня qu'il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ, и поѣхалъ въ Содомъ-Кишеневъ, гдѣ думаю, будетъ Вицъ-Губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.

А. П.

14 окт.
Од.

Замѣчанія твои на щетъ моихъ разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ c'est un tour de force, это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ. Бахчи-сарайской фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелесть. Къ стати объ эпиграфахъ — знаешь-ли эпиграфъ К. Плѣ.?

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкой листъ. —

Понимаешь почему не оставилъ его. Но за твои 4 стиха я бы отдалъ 3 четверти своей поэмы. Addio —

Черновое.

.....какъ сюжетъ c'est un tour de force (это не похвала, напротивъ) — но какъ слогъ — я ничего лучше не написалъ — (кромѣ посл. къ Ов.) — Бахч. Фон. дрянь [но эпиграфъ его преле] — не говори это однако никому я скоро пришлю тебѣ соч. — эпигра. его прел. — Къ стати [объ] знаешь-ли эпиграфъ [.....эти] моего К. П. подъ бурей рока, т. — понимаешь почему не оставилъ его — [къ тому] но за эти четыре стиха [лучше] я бы отдалъ 3 чет. своей поэмы — addio.

---

* 61. А. Н. Раевскому (?).

Черновое.

[Вторая половина октября 1823 г. Одесса].

Je réponds à votre P. S. comme à ce qui [vous] intéresse: surtout votre vanité. M. S. n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre, [et] en 2 lieu,

1823 г. comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs — j'ai réflechi. Et comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me méler de cette affaire-là — C'est-à-dire, que je ne montrerai pas votre [lettre] épître à M-de S. comme j'en avois d'abord eu l'intention — en ne lui [laissant] cachant que si que jettois sur vous l'interêt d'un caractère [de] [Byronique] Melmothique, et voici ce que je me suis proposé — votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en révanche j'y ai préparé tout au long une belle réponse dans laquelle je me donne sur vous autant d'avantages que vous en avez pris sur moi dans votre lettre; j'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job [1]; je vois votre vanité et votre faible à travers l'affectation de votre cynisme etc. le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet? Mais comme je vous toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande [humblement] pour tout celà votre [consent] permission et surtout vos conseils, — mais dépêchez vous car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles [votre frère] on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux — [mais] votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle, qui est un cochon comme vous savez a été içi, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du g. J. f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde [et qu'il ne soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire].

---

* 62. Ф. Ф. Вигелю.

Черновое.

[Ноябрь 1823 г. Одесса].

[Я знаю] Проклятый городъ Кишеневъ,
[Ты [ты ли] [перо устанетъ] [перо]
Тебя бранить языкъ устанетъ
[На] Когда нибудь на [грѣшный] старый кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ —
И не найду твоихъ слѣдовъ.
[И рухнутъ вдругъ] Падутъ, погибнутъ пламенѣя
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Вареаломея.
[Не] Такъ, [здѣсь] [словамъ......] если вѣрить Моисею
Погибъ нещастливый Содомъ —
Но только съ этимъ [милымъ] городкомъ
Я Кишеневъ равнять не смѣю, —
[Содомъ блисталъ и просвѣщеньемъ]
[Парижъ библейскій [отличался] былъ отличенъ]
[Не только вѣжливымъ] [Гостепріимствомъ и грѣхомъ]

---

[1] Далее — слово, которого нельзя разобрать.

Я слишкомъ съ Библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ—ты знаешь—былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, [стихами] пирами,
[Гостепріимствомъ и пирами] Гостепріимными домами
И красотой нестрогихъ дѣвъ.
[За чемъ же] пламенныя стрѣлы [И безпощадный громъ]
Мнѣ жаль [сердечно] что громами
[Надъ нимъ ... божій] Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
[Скажи, какъ [твой] ты проводишь] Провелъ свой мирный
вѣкъ.

Но въ Кишеневѣ, видишь самъ —
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣя о твоей судьбѣ,
[Къ тебѣ] [Не бойся ежели не придутъ] Не знаютъ, придутъ ли
къ тебѣ
Подъ вечеръ [милыхъ] 3 красавца.
[Но я [явлюсь] пріѣду, милый мой] На всякой случай,
грустный другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою [дорогою] явлюсь:
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозой, всей душою,
Но [только] Вигель —пощади мой задъ!—

Это стихи, слѣдственно шутка — не сердитесь и усмѣхнитесь любезный Филипъ Фил. — Вы скучаете въ [этомъ] вертепѣ, гдѣ скучалъ я 3 года. Жалѣю васъ [утѣшить] разсѣять хоть на минуту — и сообщаю вамъ свѣденія которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв.; изъ 3 [крас.] Зна... думаю годенъ на употребленіе въ пользу собственно самый меньшой [Note scandaleuse] NB, Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ бр. Михаи. и тресутся немилосердно — изъ этого можете вывести важныя заключенія, предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію— Старшій братъ какъ вы уже замѣтили глупъ какъ Архіерейскій жезлъ—[второй,] Ванька—<......>—слѣдственно чортъ съ ними— обнимите ихъ отъ меня дружески—сестру также—и скажите имъ что Пушкинъ цалуетъ ручки *Майгинъ*, и желаетъ ей щасьтя на землѣ—умалчивая о небесахъ—о которыхъ не получилъ [объ нихъ] еще достаточныхъ свѣденій. Пульхеріи В. объявите за тайну что я влюбленъ въ нее безъ памяти, и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подр. другу Завальевскому; Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексѣеву тоже и еще что-нибудь — Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его—У насъ холодно, грязно — обѣдаемъ [хорошо] славно — я пью какъ Лотъ содомскій и жалѣю что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно [былъ] выдался намъ молодой денекъ — я былъ президе. попойки—[вездѣ], всѣ перепились и потомъ поѣхали по <........>—

* 63. Князю П. А. Вяземскому.

4 ноября [1823 г.]. Од<есса>.

Вотъ тебѣ, милый и почтеный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбрасила бъ и безъ меня, и то что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тиснѣнія то напечатай, да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отгрызывайся за каждый стихъ и загрызи ее если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя у меня *тамъ* пѣтъ покровителей; Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія (разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ). Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур. статью Бахчи-сарай, выпиши изъ нее что посноснѣе—да заворожи все это своею прозою, богатой наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу траурь. Полно не воскреснетъ-ли она, какъ тотъ который пошутилъ? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская розница. Въ родѣ Донъ-Жуана — О печати и думать нечего; пишу спустя рукова. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размерить круга своего дѣйствія—лучше объ ней и не думать — а если брать такъ брать не то что и когтей марать. А. П.

Новое изданіе очень мило — съ Богомъ—милый Ангелъ или Аггелъ Асмодей.

Вообрази что я еще не читалъ твоей статьи побѣдившей Цензуру? Вотъ каково житье по Азіатски, не читая журналовъ. Одесса городъ Европейской — вотъ почему рускихъ книгъ здѣсь и не водится —

А. П.

В. Л. Дядѣ кланяюсь и пишу надняхъ.

* *Черновое.*

[Посылаю] Вотъ тебѣ, милый и почтенный А — послѣдняя моя поэма — я выбросилъ то что Ценз. выбросила бъ и безъ меня—и то что [понравилось] самъ не хотелъ выставить передъ публикою. — Если эти безсвязныя отрывки покажутся тебѣ достойными тиснѣнія, то напѣчатай но не уступай этой сукѣ— отгрызывайся [за стихи ..... и загрызи ее въ мое воспоминанье — Кромѣ тебя у меня *тамъ* нѣтъ покровителей; [тамъ душа моя!] [Анг]..... Припиши къ Бахчисараю [маленькое] преди-

словіе или послѣсловіе — если не для меня такъ для Соф. Киселевой — прилагаю тебѣ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ онаго свѣденія (умолчавъ объ ихъ источникѣ). [Тутъ мнѣ кажется можно надѣлать] [соединиться] [прелест.... прелесть.... со цвѣтомъ пустыни] [тутъ цѣлая поэма] [да] заворожи все это своею прозою — богатой наслѣдницею твоей поэзіи, по которой ношу трауръ — [да еще] посмотри в Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бах. Са. выпиши изъ нее что поснoснѣе [и] онъ имѣетъ на бумагѣ свое достоинство — хоть въ разговорѣ имъ я не — при семъ мое благословеніе — 1823 г.

Вообрази что я не читалъ твоей славной статьи—побѣдившей Цензуру? вотъ каково жить по Азіатски, не читая журналовъ — Одесса городъ Евр. — [вотъ] а по этому рускихъ книгъ здѣсь не водится. — Перечитывая твои письма [и статьи] беретъ меня охота спорить — Говоря объ Романтизмѣ ты гдѣ-то пишешь что даже стихи со времени рев. носятъ [сво] новый образъ — и упоминаешь объ А. Ш. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта — но онъ истинный Грекъ [непроходимый] изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un... Отъ него такъ и пашетъ [древно] Ѳеокритомъ и Анѳалогіей. [C'est un] Онъ освобожденъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ Анти thèses — но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли — Первыя *думы* Ламартина въ св. родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; [къ] послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился — такъ онъ вдругъ вырос. — Парни — древний, [т. она б. т. Ар.] Millevoye ни то ни се но хорошъ только въ мѣлочахъ элегическихъ. La Vigne [подражатель] школьникъ Вольтера — и бьется [все] въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля — романтизма нѣтъ еще во Франціи. — А онъ-то и возродитъ умершую поэзію — Помни мое слово — первый поэтическій Геній въ Отечествѣ Буало — ударится въ такую бѣшеную свободу, [въ т] [въ такой] что что̀ твои нѣмцы. — Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе чемъ у насъ — О Дмитріевѣ спорить съ тобой не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крыловой, всѣ его сатиры — однаго изъ твоихъ посланий [всѣ его пѣсни, мадригалы, оды, элегіи] а все проччее [одной] [одного] перваго стихотворенія Жуковскаго. Ерм. такая дрянь что мочи нѣтъ — По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Любопытно видѣть его жизнь не для него, а для тебя. Сказки [раз] писаны въ дурномъ родѣ, холодны и разтянуты — — Хорошъ [Рускій поэтъ] poëte de [la] notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть что все у насъ клонится богъ знаетъ куда — [ты] ты одинъ бы могъ прикрикнуть на лѣво и на право, поразтрясти старыя репутаціи приструнить новыя, и показать имъ путь истины, [да] а ты покровительствуешь старому вралю не на<........> нами — [грѣхъ] и что всего хуже бросилъ поэзію, — этаго я переварить не въ силахъ — Что тебѣ пришло въ голову оперу

1823 г. писать? [чинъ чина почитай] [и подчинить] и закабалить [себя] поэзію музыкѣ? [1] Чинъ чина почитай, — я бы и для Россини [писать] не пошевелился. Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, [а поэ] а романъ въ стихахъ: дьявольская разница — въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена — я [современемъ приш] тебѣ ее доставлю — [je l'écris] Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не было. О [Цензурѣ] печати и думать не льзя — но Цензура наша такъ своенравна, что нѣтъ возможности размѣрить [съ нею свой] кругъ своего дѣйствія — лучше не думать — а если брать, такъ брать, не то...

---

* 64. Князю П. А. Вяземскому.

[Около 11-го ноября 1823 г. Одесса].

Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны —

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твои <.......>? Поставь *пронзительныхъ*. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. *Хладнаго скопца* уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зритъ лица его Гаремъ.
Тамъ — — —
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: *Подъ стражею скопцовъ Гарема.* Мнѣ хотѣлось что нибудь у него украсть а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя — —

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если-же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красотою* но *инка кр...* а слово Грузинка тутъ необходимо — впроччемъ дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое путешествіе по Крыму: оно печатается — впроччемъ, ожидать нéчего.

---

[1] Переделано из «поэта музыканту».

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали что онъ написалъ комедію на Чедаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны. *1823 г.*

Посылаю разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? *Вперялъ онъ неподвижный взоръ?* Поставь *любопытный*, а стихъ все таки Калмыцкій.

* *Черновое.*

Конечно ты правъ — и вотъ тебѣ перемѣны —

[Равна Зарема]

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебе etc. Поставь *пронзительныхъ* это будетъ смѣло — дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца [вымара] уничтожаю [не столько для] изъ уваженія къ дѣвственности и... А. Л. [какъ для]

Не зритъ лица его Гаремъ
Тамъ....
И не утѣшены никѣмъ

Меня ввелъ въ искушеніе Бобровъ [онъ говоритъ въ] Мнѣ непремѣнно хотѣлось что-нибудь у него украсть — онъ говоритъ въ св. Тав.—Подъ стражею скоп. Гар.—а къ тому же я желалъ бы оставить Рускому языку [часть] библейскую нѣкоторую похабность: я не люблю видѣть въ гордомъ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды [Фр.) Евр. жеманства и Франц. утонченности — грубость и простота болѣе пристали ему [намъ]—[говорю] проповѣдую изъ вн. убѣжденія — но по привычкѣ пишу иначе — *Но вѣрой* если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею, если-жъ нѣтъ, оставь такъ—оно довольно понятно. [Кто съ тобою] Нѣтъ ничего легче поставить, Равна, Грузинка — но *инка kр*... можно бы Равна, Зарема, а слово Грузинка тутъ необходимо — впрочемъ дѣлай что хочешь — Апостолъ написалъ свое путешествіе по Крыму, оно печатается — но ожидать его нечего — Разбойниковъ посылаю к...

---

* 65. Князю П. А. Вяземскому.

11-го ноября [1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ и разбойники. Истинное произшедствіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 820 году въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе однаго изъ стражей мною не выдуманы. Нѣкоторые

1823 г. стихи напоминаютъ переводъ *Шил. Узн.* Это нещастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 821 года —

11 ноября.

[*Рукою Вяземского:* (Это предисловіе къ напечатанію не назначается)].

---

* 66. Барону А. А. Дельвигу.

16-го ноября [1823 г. Одесса].

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайнѣй мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. [К про.] Впроччем я живу по Азіатски, не читая вашихъ журналов. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты — прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной Музѣ Баратынскаго. Жду и недождусь появленія въ свѣтъ нашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа—и украшу цвѣтами свой шалашъ — хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ — Сатира къ Гнѣд. мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; *Сомовъ безмундирный* непростительно. Просвѣщенному-ли человѣку, Рускому-ли Сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной звѣзды. Жалѣю что мои элегіи писаны противъ Религіи и правительства: я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ в печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана — онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, и все таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нельзя. Бируковъ ее не увидитъ за то что онъ фи-дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ — скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія — Правда-ли что ѣдетъ къ намъ Россини и Италіанская Опера?— боже мой! это представители Рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.

А. П.

16 нояб.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго *Плѣнника.*

* 67. Неизвѣстнымъ дамамъ.

Черновое.

[Ноябрь—декабрь 1823 г. Одесса].

Oui, sans doute je les ai dévinée, [cette] les deux femmes charmantes qui [se sont] ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Od., ci-devant hermite de Kichenef — J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappellé tant de folie, de tourment, [de soirées], d'esprit, de grâces; de soirées, [valses] mazourka etc.— Mon Dieu, que vous êtes cruelle Madame de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous tout malaise, tout maussade <?> [toutes] mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la fami<lle> des Pr. Mourouzi [m'en ai] soit si bien digne de m'en inspirer [les des plus grotesques]. Je n'ai qu'une idée — celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poëte, le petit bout de rien qui me reste — — [Vous] vous rappellez-vous [votre] de la petite <?> correction [du] dans [son livre. — mais] que vous avez fait dans le temple <?> de la.... Mon Dieu si vous [feriez la même chose dans m] la répétiez ici! [—j'aurai tou]. Mais est-il vrai que vous contez venir à Odessa — Venez au nom du ciel, nous aurons pour vous attirer bal, opéra italien, soirées concerts, sigisbés, soupirants, tout ce qui vous plaira; je contreferai le singe, je.... [1] et je vous dessinerai M-de de .....[2] dans les [trente] 38 postures de l'Arétin.

à propos de l'Arétin je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles car [mon] ma conduite a toujours étoit telle — C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler — cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée. [Venez] encore une foi venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celles qui ont trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime [et] et que je respecte le plus m.... [3].

Quand à vous charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter [et que j'....] (quoique par grand hazard elle ne fut point contrefaite) [il] ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en [doutant] faisant semblant de douter de mon devouement et de mes regrêts — dev.... qui à votre tour

S. qui passoit pour avoir des goûts anti—physiques [l'acc...]... a passer un fil par le bout d'une aiguille en en mouillant le bout — A. dit de lui qu'il exalait partout où il fallait de la patience et de la salive —

---

[1] Далее нельзя разобрать двух слов.
[2] Имя неразборчиво и недописано.
[3] Далее нельзя прочесть двух слов.

* 68. А. И. Тургеневу.

1 Декабря [1823 г. Одесса.]

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ С. От. поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣною своей судьбы. Надобно подобно мнѣ провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго Европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чебатаревъ,

Изчезла прежня живость,
Проститель иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе?... терпите, о друзья,
Терпите хоть за то что къ вамъ привязанъ я

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой куміръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжной —
Свободы яркій день вставалъ —
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ —
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ лишилась силъ,
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! ты Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ — —

Эта строфа нынѣ неимѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года — впрочемъ это мой послѣдній либеральный бредъ, я закаялся, и написалъ на дняхъ подраженіе басни умѣреннаго Демократа І. Х. (изыде сѣятель сѣяти семена своя)

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя —
Но потерялъ я только время
Благія мысли и труды.....
Паситесь, мирные народы!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то что вы успокоили меня на щетъ Н. М. и К. А. К.— Но что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, Анти-Польская, небесная Княгиня Голицына? возможно-ли чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ; чемъ я хуже принц. Шарлотты — что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли что онъ переводитъ *Гяура?* а я на досугѣ пишу новую поэму, *Евгеній Онѣгинъ*, гдѣ захлёбываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы.

* *Черновое.*

[Вы меня] Вы помните Кипренскаго который изъ поэтическаго Рима [просилъ] напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе— Я также обнимаю васъ изъ прозаической Одессы — и не благодарю [васъ] [за воспоминаніе] ни за что — но [дорого] въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспоминаніе и др<ужескія> попеченія которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы—

Надобно подобно мнѣ провести 3 года въ душной Азіат[ской] чтобъ [почувствовать] цѣнить и не вольной воздухъ Европейской. Теперь мнѣ [покамѣсть хорошо]—[кромѣ] [было] ничего мнѣ бы не доставало еслибъ отсутствія кой-каго [Ничего мнѣ не не достаетъ] [Пишу стихи, уже не думая о Цензурѣ] Когда [вы] мы свидимся, Вы не узнаете меня — [боюсь наскучить особенно вамъ] [вамъ] [благоразуміемъ — изчезла прежня....] я сталъ благоразуменъ и скученъ.

Проститель иногда....

[Что касается до] [Но благоразуміе мое будетъ].

Это единственные живые стихи покойнаго Дмит.—[я люблю ихъ изъ эгоизма, какъ]—Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть Напол. она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Это послѣдняя либеральная [моя] бредъ — На дняхъ я закаялся — и смотря и на западъ Эвропы и вокругъ себя обратился къ Эвангельскому источнику и произнесъ сію притчу въ подражение басни Іисусовой.

---

* 69. И. Н. Инзову (?).

Черновое.

[Послѣ 13-го декабря 1823 г. Одесса].

Je vous envoye, General, les 360 roubles que je vous [devois] dois depuis si longtems; veuillez recevoir mes sinc. remerciements. Quand aux excuses je n'ai pas le courage de vous en faire—Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'a present vous payer [ma] cette dette — la faute est que je crevois de misère. Agréez, General, les assurances de mon profond respect.

---

* 70. Князю П. А. Вяземскому.

20-го декабря [1823 г. Одесса].

Какая бъ ни была вина.

Такъ и у меня на черно.

Символъ конечно дерзновенный
Незнанья жалкая вина.

Вина, cupla, faute. Simbole teméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово *вина* имѣетъ два значенья; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла—Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaise futurs préparent des tortures. —

Я бы хотѣлъ знать не льзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой что слишкомъ дль нее тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ? Его Прев. могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Пол. Зв. въ надеждѣ видѣть тебя разпечатнаго. Что Журналъ Анахарсиса-Клоца-Кюхли? Рисунокъ съ фонтана оставимъ до другова изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Поздр. тебя съ Рожд. Сп. наш. Госп. І. Х.

Ты кажется сбираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьи Потоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что еслибъ ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весною? Мы бы

провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мущинъ. Пріѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь чемъ у васъ на Сѣверѣ — 1823 — 1824 г.

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Въ Москвѣ* въ Черныщевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ. — *Почтовый штемпель:* Одесса; *помета:* 24.

---

*71. А. А. Шишкову.

[Конецъ 1823—первая половина 1824 г. Одесса].

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, Милостивый Государь, лестное ваше знакомство, честь имѣю, покорнѣйшій слуга.... такъ что я и неузналъ моего Царско-сельскаго товарища — Естьли заблагоразсудишь писать ко мнѣ впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ. Не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись съ тобою на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничить и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы видно подъ единымъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ приятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ вѣсть почему. Помири насъ — Что стихи? куда зарылъ ты свой золотой талантъ? подъ снѣга-ли Эльбруса, подъ Тифлискими-ли Виноградниками? Естьли есть у тебя что нибудь, пришли мнѣ — право сердцу хочется.

Обнимаю тебя — письмо мое безтолково, да нѣкогда мнѣ быть толковѣе.

А. П.

Недавно узналъ я что ты знакомецъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу. Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами — любить тебя есть ему время — а писать къ тебѣ — наврядъ.

---

*72. Л. С. Пушкину.

[Начало января 1824 г. Одесса].

Такъ какъ я дождался оказіи то и буду писать тебѣ спустя рукова. N. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись — а иначе богъ знаетъ когда сойдемся. Ты знаешь что я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его Министровъ — и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, въ зимнимъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, не то

1824 г. взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene ibi patria. А мнѣ bene тамъ гдѣ разстетъ тринъ-трава, братцы. Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Росiи мудрено довольствоваться. Руская слава льстить можетъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и Петербургскiя знакомства, а человѣкъ не много порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantois-tu? на сей вопросъ Ламартина отвѣчаю — я пѣлъ какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ — за деньги за деньги, за деньги — таковъ я въ наготѣ моего Цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ что Бахч. Фонт. у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченiе о моей Славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! Остается узнать разкупиться-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица — поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитанiи, а долженъ, какъ Карниловичь, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго-ли этому быть? Къ стати о гадости — читалъ я Федру Лобанова—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова а ради Маркиза Расина — перо вывалилось изъ рукъ — И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедiи Г. Расина! Voulez-vous découvrir la trace de ses pas — надѣешься найти

Тезея жаркой слѣдъ иль темные пути —

М<...> его въ риѳму! вотъ какъ все переведено! а чемъ-же и держится Иванъ Ивановичь Расинъ, какъ не стихами полными смысла, точности и гармонiи! Планъ и характеры Федры верхъ глупости и ничтожества въ изобретенiи—Тезей ничто иное какъ первый Мольеровъ рогачь; Иполитъ, le superbe, le fier Hypolyte es même un peu farouche, Иполитъ, суровый Скиѳской выблядокъ — ничто иное какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься что Расинъ понятiя не имѣлъ объ созданiи трагическаго лица — Сравни его съ [монологомъ] рѣчью молодаго любовника Паризаны <sic> Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терамень аббатъ и сводникъ — Vous même où seriez-vous etc... — вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь — Войнаровской полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать но естьли не успѣю скажи ему чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега вѣщаго и напѣчаталъ. Можетъ быть я пришлю ему отрывки изъ Онѣ-

гина; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его — Онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ Сатиру и Цинизмъ и порядочно не разчухалъ.

---

*73. А. А. Бестужеву.

12-го января 1824 г. Одесса.

Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! а какой же смыслъ имѣетъ:

Какъ ясной влагою полубогиня грудь
— — — — — — — — — — — — — — — вздымала

или

съ болѣзнью и тоской
Твои глаза, и проч.?

Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но et tu autem, Brute!

Гнѣдичь шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Якову Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ *Сынѣ Отечества;* напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя sans rancune и съ благодарностью за все остальное — прозу и стихи. Ты — все ты, то-есть, милъ, живъ, уменъ. Баратынскій — прелесть и чудо; *Признаніе* — совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева *Войнаровскій* несравненно лучше всѣхъ его *Думъ;* слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ — молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади. Прощай, мой милый *Walter!*

1824 г. Туманскаго вчера и сегодня не видалъ и письма твоего не отдавалъ. Онъ — славный малый, но, какъ поэта, я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости!

А. П.

1824, янв. 12. Одесса.

На обороте: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Гречу, въ С.-Петербургъ, въ газетную экспедицію. Прошу доставить г. Бестужеву.

* *Черновое.*

Конечно я на тебя сердитъ и готовъ съ твоего позволѣнія браниться хоть до завтра. Ты напѣчаталъ [ту Элегію] тѣ стихи о[бъ] которыхъ имянно просилъ тебя не выдавать [въ] ихъ въ п. Ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно [А] и [сколько я желалъ не выдавать въ публику] [первая про] — [Онѣ писаны относятся къ женщинѣ которая ихъ читала ихъ] [я просилъ] ты пишешь что безъ 3-хъ послѣднихъ стиховъ Эл. не имѣла бы смысла — Велика важность — а какой же смыслъ имѣетъ [*Надъ*] Какъ ——————— или съ болѣзнью и мольбой — или — Я давно уже сержусь за опечатки — но [иногда] мнѣ встарину случалось забалтываться стихами — и мнѣ [больно] грустно видѣть что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли ни [самолюбія] бѣдной собственности — это простительно В. — но et tu Brute — Я [принужденъ] хотѣлъ было за вину [Вяземскаго] твоего корректора — извиниться въ какомъ нибудь журналѣ — [Оставляю это на] но руская <?> публика [наш.] этаго не стоитъ — Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пѣни и просьбы — и обнимаю тебя sans rancune и съ благодарностью за [остальную] все остальное — стихи и прозу — ты все ты — т. е. милъ, живъ, уменъ — Бар. прелесть и чудо — [послѣ его] признанье [его рѣшило до самаго —] совершенство [только] послѣ его никогда не стану печатать св. Элегій — (хотя бы наборщикъ и поклялся бы передъ на. [меня не] [щадить меня] поступать со мною милостивѣе) — Рылѣева *Войн.* несравненно лучше всего что онъ написалъ — слогъ его *истинно* повѣств., чего у насъ [еще] почти еще нѣтъ — Дельвигъ молодецъ [я] мы съ нимъ [снесусь] снесемся. — Гнѣдичь шутитъ со мною шутки въ другомъ родѣ — онъ [сказалъ Як. Толс.] разгласилъ будто бы всѣ новые стихи обѣщенные мною Як. Тол., проданы уже ему Гнѣд. — Толс. написалъ мнѣ письмо пресухое въ которымъ онъ справедливо жалуется на мою легкомысліе, отказался отъ изд. моихъ стих., уѣхалъ въ П. и съ тѣхъ объ немъ ни слуху ни духу — [въ] я вижу [изъ С. О.] что онъ переписывается съ тобою [черезъ] въ С. О. — напиши ему слово обо мнѣ и оправдай меня въ его глазахъ да перешли его адресъ —

---

74. Ѳ. В. Булгарину.

1-го февраля 1824 г. Одесса.

Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й нумеръ «Сѣвернаго Архива» полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о *татарской* моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ *Полярной Звѣздѣ,* отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса, 1 февраля 1824.

---

*75. А. А. Бестужеву.

8-го февраля 1824 г. [Одесса].

Ты не получилъ видно письма моего — Не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ П. Зв. скажу что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ которые были напечатаны въ прошломъ годѣ et c'est beaucoup dire. Корниловичь славный малой и много обѣщаетъ — по за чемъ пишетъ онъ *для снисходительнаго вниманія Мил. Госуд. NN.* и ожидаетъ *ободрительной улыбки прекраснаго пола* для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностію. Булгаринъ говоритъ что Н. Бестужевъ отличается *новостію мыслей* можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово *мысли.* Арабская сказка прелесть; совѣтую тебѣ держать за воротъ этаго Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича, это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль—(Похабный) Мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову; *вчера*——— *люблю и мыслю* помѣстятъ современемъ въ Грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева родина хороша, Баратынской— чудо — мои піэсы плохи: Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впроччемъ я писалъ его единственно для себя а печатаю потому что деньги были нужны.

3 пунктъ и самый нужный съ эпиграфомъ *безъ церемоніи:* ты требуешь отъ меня десятка піэсъ, какъ будто у меня ихъ сотни.

1824 г. Едва-ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ Цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе нѣжели тебѣ. — Объ моей поэмѣ нечего и думать — если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.

8 февр.
1824.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гречу. Въ С.-Петербургъ. *Въ газетной Экспедиціи.* Пр. дост. Г-ну *Бестужеву.*

* *Черновое.*

Ты еще не получилъ [еще] какъ видно, письма моего [гдѣ говорю теб], не стану повторять то[го], чего довольно и на одинъ разъ — О тв. [сочи.] повѣст. въ Пол. скажу что онѣ не въ примѣръ лучше т. е. (занимательнѣе) техъ кот. были напѣчатаны въ про. году, et c'est beaucoup dire — Карниловичь — славный малой и мн. обѣщ., но за чемъ пишетъ онъ для [вни] снисходительн. вниманія... М. Го. NN и ожидаетъ ободрительной улыбки прекр. пола для продолженія [занимательн.] любопыт. св. труд. все это старо, ненужно и слишкомъ ужъ пахнетъ Шал. невинностью. Булг. говоритъ, что ст. Н. Бест. отличается новостію мыслей; можно бы[ло имѣть болѣе уваженія къ *мыслямъ*] съ большимъ уваженіемъ употреблять слово *мысли.* Арабскія сказки прелесть — — совѣтую тебѣ держать за воротъ этаго Сенковскаго; [Стихи преизрядные —]. Между поэт. не вижу Гнѣдича и досадно; нѣтъ и Языкова и его жаль — [мадр.] Похабный мадр. Родз. должно бы оставить [Нахимову] покойному Демонси а не печатать въ Евр. изд. — Вчера — — Люблю и мыслю о тебѣ — — [отошли въ какую-нибудь] помѣстятъ [когда-нибудь] Грамматику — для примѣра явной безсмыслицы — Плетнева Родина хороша, Бор. чудо — мои піэсы плохи — вотъ тебѣ и все о Полярной —

Радуюсь что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина — я съ суевѣрной точностію перекладывалъ въ стихи разказъ молодой женщины — Aux douces lois — впрочемъ я [довольно его люблю его для] напечаталъ его Фонтанъ потому что деньги нужны (я написалъ его единственно для себя).

III пунктъ и сам. нужный, съ эп. безцере. Ты [просишь] требуешь отъ меня для тебя піэсъ какъ будто у меня ихъ сотни — [къ] [Не могу ихъ продовать ибо они уже проданы]. Я обѣщалъ стиховъ Кюхельбекеру которому они вѣрно нужнѣе нѣжели тебѣ [пото. положимъ что] едва-ли наберется ихъ [десятокъ] и пятокъ — ты забываешь отношенія мои съ Цензурой — О моей поэмѣ нечего и думать — она писана строфами едвали

не вольнѣе строфъ Дон. Ж. если [я] когда нибудь она будетъ напечатана — то вѣрно не П. Б. и не въ Москвѣ. — (У васъ есть еще [нѣсколько моихъ стиховъ — сдѣлайтесь съ Цензурой — переправляйте ихъ.]

---

* 76. Князю П. А. Вяземскому.

8-го марта 1824 г. Одесса.

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцовъ и думать что ремесло наше право не хуже другова. Одно меня затрудняетъ ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не за чемъ. А у меня имъ не залежаться хоть я право не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18-го вѣка: я пишу для себя а печатаю для денегъ а ничуть для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давишнія замѣчанія на Булг., это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева еще не видалъ. Но милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь во преки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры однаго изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ Le poëte de notre civilisation. Быть такъ, хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе что̀ такое *въ началѣ лѣта* и *и не дорого.* Левъ Нарышкинъ съ которымъ я уже объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужія края *въ началѣ лѣта.* Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 600 р. въ мѣсяцъ, и дачу не очень помню засколько. Я бы совѣт<ов>алъ тебѣ для дѣтей нанять дачу потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ твоего *слишкомъ дорого* не понимаю; ты деньги все вѣдь изтратишь, если не на то такъ на другое. Жду отвѣта. С. Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.

8 марта
1824.
Одесса.

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу *Вяземскому.* Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ. *Почтовый штемпель:* Одесса; *помета:* 11 Марта 1824.

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Евр. за неожиданное посланіе—т. е. посылку. Начинаю думать что ремесло наше право не хуже другова и почитать нашихъ книгопродавцовъ— Одно меня затрудняетъ — ты продалъ все изданіе за 3000 рубл., а сколько же [оно] стояло тебѣ его напечатать. — ты все таки даришь меня, безсовѣстный. Ради Христа, вычти [что] [сколько] изъ остальныхъ денегъ что тебѣ слѣдуетъ—да пришли ихъ ко мнѣ — Рости[ть] имъ не за чемъ, а [за уплатою долговъ у меня врядъ] у меня имъ не залежаться хоть я право не мотъ. Уплачу старыя долги и засяду за новую поэму потому что мнѣ полюбилось — я къ 18 вѣку уже не принадлежу, [пишу] пишу для себя, а печатаю для денегъ ничуть не для улыбки прекраснаго пола—

Жду съ нетерпѣніемъ [тв] мой Таи. Фонт. т. е. твоего предисловія — Недавно прочелъ я твои давишнія замѣчанія на Булгарина—это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей — Жизни Дмитріева еще не читалъ — Но милый грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова—[Ты одинъ могъ бы и проч.] [твой......] твое мнѣніе должно бы сдѣлаться закономъ въ нашей словесности, а ты по снисходительному пристрастію [пишешь] и вѣрно вопреки своей совѣсти [и] покровительствуешь—не хочу сказать кому—

[Ты обѣщаешься быть у насъ] [къ намъ] [Никогда....] [не получилъ] [и тебя] [къ.....]

Твоя [комм.] порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно—[впроччемъ] это дѣло не къ спѣху; [и] однако изволь изьяснить мнѣ толковѣе что такое *въ началѣ лѣта,* и *не дорого* — Л. Нарышкинъ съ которымъ я объ этомъ уже говорилъ, уѣзжаетъ въ чужія края въ началѣ лѣта — онъ нанимаетъ здѣсь домъ въ городѣ за 500 рублей въ мѣсяцъ, и дачу не очень помню за сколько—Я бы [тебѣ] совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ по причинѣ пыли жить несносно— стану [буду] хлопотать впроччемъ твоего *слишкомъ дорогого* я не понимаю, ты деньги все таки вѣдь изтратишь, если не на то такъ на другое. Жду отвѣта—Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.

---

77. Князю П. А. Вяземскому (?).

[Первая половина марта 1824 г. Одесса].

.... Читая Шекспира и Библію, Святый Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я дѣлаю: — пишу пестрыя строфы романтической поэмы, — и беру уроки чистаго Аѳеизма. Здѣсь Англичанинъ глухой Философъ, единственный умный Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il

ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur, — мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ нещастію, болѣе всего правдоподобная. *1824 г.*

---

* 78. Л. С. Пушкину.

1-го апрѣля 1824 г. [Одесса].

Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ *Благон.* читалъ я, что въ какомъ то ученомъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія. На что это похоже? И въ П. Б. ходятъ тысяча списковъ съ него — Кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.»

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? вѣдь ты взялъ свои 3000 р. — а тамъ хоть трава не рости. — Все такъ но жаль если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по Европейски обдернутся и останутся въ накладѣ—да въ передъ невозможно и мнѣ будетъ продовать себя съ барышемъ.—Такимъ образомъ обязанъ я за все про все — друзьямъ *моей Славы* — чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ *слава!* Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя однаго: напиши мнѣ какъ Фонтанъ разходится—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова — какъ можно печатать партикулярныя письма — мало-ли что̀ мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской переписки—а имъ бы все и печатать—Это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они, глупо ругай или глупо хвали меня — мнѣ все равно—ихъ не въ грошъ не ставлю — а публику почитаю на ровнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ что хотятъ—

1 апрѣля
1824.

Письмо это доставитъ тебѣ Синявинъ, *адьют.* Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣденія, которыхъ только пожелаешь—Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной щетъ да въ сопровожденіи Жандарма. Пиши мнѣ. Не ты, ни Отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете — а подрываете мой книжной торгъ— Куда хорошо!

На обороте: Льву Сергѣевичу Пушкину. У Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.

---

*79. Князю П. А. Вяземскому.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Сей часъ возвратился изъ Кишенева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай — Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева; все что въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на дняхъ написать коё-что о нашей бѣдной словесности, о Вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь-ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы чемъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи Романтической поэзіи; но старая <.....> классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ-ли у насъ? это еще вопросъ.—Повторяю тебѣ передъ эвангеліемъ и святымъ причастіемъ — что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу чемъ Херасковъ или Дядя В. Л. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю рускую опозицію? и чемъ онъ классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара? — Мнѣнія *Вѣст. Евр.* не можно почитать за мнѣнія, на *Благ.* сердиться невозможно. Гдѣ-же враги романтической поэзіи? гдѣ столпы классическіе? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ т. е. о деньгахъ. Сленинъ предлогаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь, да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ—а я думалъ что это ошибка Географовъ. Дѣло стало за Цензурой, а я не шучу потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости — мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи———т. е. или рыбку съѣсть, или на <...> сѣсть. Дамы принимаютъ эту пословицу въ обратномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ; буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники—Прости, душа—да пришли мнѣ денегъ.

А. П.

Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи— Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ да мнѣ не вѣрится.

---

80. Издателю «Сына Отечества».

[Начало апрѣля 1824 г.]. Одесса.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія, на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленного Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«*Изд.* И такъ разговоръ мой вамъ не нравится? — *Класс.* Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и не замѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу или не имѣю права жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

---

*81. А. И. Казначееву.

Черновое.

[25-го мая 1824 г. Одесса].

П. А. И. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю въ правѣ-ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы

1824 г. то нибыло, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на щетъ моего положенія.

7 лѣтъ [служу] я службою незанимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальник<ом>ъ. Эти [семилѣтняя] 7 лѣтъ какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ [совсѣмъ] другую цѣль. Ради бога не думайте чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіямъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: Оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что Графъ Воронцовъ не захочетъ лишить меня ни того, ни другаго.

[Можетъ быть скажете вы] Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей обязанъ служить. Вы знаете что только въ Москвѣ или П. Б. можно вести книжной торгъ ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній единственно по той причинѣ что нахожусь за 2000 в. отъ столицъ. Правительству угодно [было] вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты я принимаю эти 700 рублей не такъ какъ жалованіе чиновника но какъ паёкъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ, [которыя доставляютъ мнѣ] Вхожу въ [сіи] эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Воронцова, также какъ и вашимъ [также] какъ и мнѣніемъ всякаго честн. человѣка.

Повторяю здѣсь то что уже [сказалъ] извѣстно Графу М. С: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другова начальника кромѣ его сіятельства; но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

Знаю что довольно этого письма чтобъ меня, какъ говорится, уничтожить. Если Гр. прикажетъ подать въ отставку я готовъ; но чувствую что перемѣнивъ мою зависимость я много потеряю а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: Вы можетъ быть незнаете что у меня аневризмъ. Вотъ уже 8 лѣтъ какъ я ношу съ собою смерть. Могу представить свидѣтельство котораго угодно Доктора. Ужели не льзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни которая вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глуб. почт. и серд. пред.

* *Черновое* (первый набросок).

22 мая.

П. А. И. [Не зная] Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ не знаю [какимъ] въ правѣ ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то ни было надѣюсь на ваше снисхо[жденіе]

дительность [и пр] и приемлю смѣлость объясниться откровенно [о своемъ] нащетъ моего положенія.

Служба никогда не была моею цѣлію [7 лѣтъ не] [Я давно отказался отъ [всѣхъ] всякой надежды] [отъ всякой выгоды.] 7 лѣтъ я ею не занимался не написалъ ни [одного] одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ—эти семь лѣтъ к. в. извѣстно для меня потеряны—Чувствуя совершенную свою неспособность я уже отказался отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи [отъ всѣхъ] или выгоды [Можетъ быть я чувствую болѣе чѣмъ кто-нибудь умѣренность Правительства, но не могу] [ремесло....]; [самыя мои занятія [бу] будучи совершенно прот.] я самъ заградилъ себѣ путь, я выбралъ другую дорогу—[Будьте увѣ.] ради Бога не думайте чтобъ я смотрѣлъ на [стихи] стихотворство какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка съ смѣшнымъ тщеславіемъ [поэта—] [Это] [Это]—оно просто мое ремесло, отрость промышленности которая одна [можетъ] доставляетъ мнѣ пропитаніе и независимость — [къ нещастію] Графъ не захочетъ — лишить ни того, ни другаго — [Къ нещастію вре]

[Вы] Можетъ быть скажете вы, что я получаю жалованіе слѣдственно обязанъ служить — Но я принимаю 700 рублей не такъ какъ жалованіе чиновникъ Новор. В. Губ— но какъ [человѣкъ] *поекъ* ссылочнаго невольника — Вы знаете что только [въ Россіи] [Пет] или въ Москвѣ [могу] или П. Б. можно вести книжной торгъ,—ибо только тамъ [есть книго] находятся [журналы] журналы, Цензора и книгопродавцы—[Въ Одессѣ] я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній только по той причинѣ, что нахожусь за 200 верстъ отъ столицы. Правительство вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ мои утраты — но я [скорѣе] готовъ отказаться отъ моего жалованія если не буду властенъ въ [моемъ] [моихъ] моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ это обст. потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Вор. также какъ и вашимъ также какъ и всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже [честь имѣлъ говорить] сказалъ самому Графу М. С. если [я] бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не [жел] [жела] выбралъ себѣ другого начальника, кромѣ Е. С. но я не хочу служить пикогда ничего по службѣ не искалъ и противу воли — —

Чувствую что въ семъ [письмѣ] довольно [много] чтобъ меня уни<что>жить — если Гр. прикажетъ подать мнѣ въ отставку — я готовъ — [но] хотя [и] съ сожалѣніемъ — и чувствуя что перемѣнивъ мою должность — я много потеряю и ничего не надѣюсь выиграть.

[Позвольте] Еще одно слово: Вы м. б. не знаете, что у меня аневр. слѣдственно [всегда] вотъ уже 8.... какъ [на хожусь я] я ношу съ собою смерть — Могу представить свидѣтельство [какого угодно] доктора котораго угодно вамъ....—Кажется

служба таковой чиновникъ не завидѣнъ [и] ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на [проп.] [ост.] остатокъ жизни которая вѣрно не продлится?

---

* 82. В. Л. Давыдову (?).

Черновое.

[Середина 1824 г. Одесса].

[Мнѣ] Съ удивленіемъ слышу [1] я что ты почитаешь меня [варваромъ], врагомъ освобождающейся Грецiи и поборникомъ Турецкаго рабства. [Мнѣ случалось иногда говорить о Греціи:] Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы. [Повторю тебѣ] [чтобъ оправдаться]. Но чтобъ тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить чтобы когда нибудь сердце мое недоброжалательство <вало> [освобожденію] [свободѣ] благороднымъ усиліямъ [свободы] возраждающагося народа. Жалѣя что припужденъ оправдываться передъ тобою, повторю [тебѣ] и здѣсь то что случалось мнѣ [думаю] говорить косательно Грековъ — —[2].

Люди по большей части [людей] [3] самолюбивы, [ограниченны], безпамятны, легкомысленны невѣжественны, упрямы; старая истина которую все таки не худо повторить—Они [не] [съ трудомъ] рѣдко терпятъ [ни рѣзкаго] противурѣчія никогда не прощаютъ неуваженія; Они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ [что] всякую новость; и [однажды принявъ] къ ней привыкнувъ уже не могутъ съ нею разтаться.—

Когда что нибудь, является общимъ мнѣніемъ то [оно не примѣтно] глупость общая — вредитъ ему столь-же сколько общее [усиліе] единодушіе [4] ее поддерживаетъ. Греки между Европ. имѣютъ [множ. глупыхъ] гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ [полезныхъ] друзей—[Невѣжество] ничто еще не было столь *народно* какъ дѣло Грековъ, хотя многіе въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы.

---

* 83. В. Л. Давыдову (?).

Черновое.

[Середина 1824 г. Одесса].

.... de Constantinople — .... a de gueux [de courtiers, ... des juifs, de coupeurs de bourse] timides, voleurs et vagabonds qui n'ont [ne pouvoient me fa] [jamais] pu même soutenir le premier feu

---

[1] Переделано из: «услышалъ».
[2] Далее оставлен пробел.
[3] Фраза была начата: «Большая часть людей».
[4] Переделано из: «единомысліе».

de la mauvaise mousquetterie turque, [voilà ce que sont les] [ces
her.] formeroit une singulière troupe dans l'armée [Russe] du Comte Vitgen.—Quand à ce q. reg. les officiers, ils sont pires que les soldats—[On peut voir] N. avons vu les nouveaux Leonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenev—[nous] plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complette nullité—aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme—[un] ils ont trouvé l'art d'être insipides. même au moment [me.] où leur conversation devoit interesser[1] tout Européen—les [officiers] françois et les Russes qui se trouvent ici—[leur disent des grosses injures en face et quelquefois] leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout, même les coups de bâton avec un sang froid digne de Themistocle—Je ne suis ni un Barbare ni un apôtre [du gouvern] de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'interesse vivement, c'est pour celà même que je m'indigne en voyant ces miserables revêtus du ministère sacré des defenseurs de la liberté —

---

*84. А. И. Казначееву.

Черновое.

[Начало іюня 1824 г. Одесса].

[Votre lettre m'a fait bien de la peine,] Je suis bien faché que mon congé vous ait fait [de la] tant de peine. et [votre douleur m'a] l'affliction que vous m'en témoignez me touche sincerement. Quand a la crainte que vous [me témoignez] [vous] avez relativement aux suites [qu' il me] que ce congé peut avoir je ne les crois pas fondées. [Confond] [Si vous regrettez] Que [regrettez vous] regretterai-je est-ce ma carrière manquée? [C'est à quoi] [je m'y suis resigné depuis 4 ans] C'est une idée à laquelle [je me suis] j'ai eu le tems de me résigner.—[Est] Sont ce [les] mes appointements?—[Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens, je [n'aurois] ne puis pas [du] les dédaigner]—[Mais mais je prefère aux] [mes occupa] Puisque mes occupations litteraires peuvent me procurer plus [d'argent] [d'argent] que le [J'] il est tout naturel de [leurs] les sacrifier les occupations de mon service — Vous me parlez de protection et d'amitié—Deux choses [à mon sens] incompatibles. Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitie du C—te Wor. encore moins à sa protection: rien que je sache ne dégrade plus que le patronage. et j'éstime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. [Malgré] Ladessus j'ai des préjugés [d'orgueil] démocratiques qui vaillent bien les prejugés de l'org [et l'org] de l'Aristocratie.

[il est inutile cet] Je n'aspire qu'à l'indépendance—(pardonnez-moi le mot en faveur de la chose)—à force de courage et [de travail] persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu [la]

---

[1] Переделано из «interessoit».

 ma répugnance [que j'avois] [de faire des vers] d'écrire et devendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait—si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, [du moins] les vers une fois écrits je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce.—Je ne conçois pas la *consternation* de mes amis (je ne [la] sais pas trop ce que c'est que mes amis). [Et puis] Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise [d'un] de tel et tel chef, je suis [blasé] ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier [imbecille] galopin anglois qui [va y] vient promener parmi nous sa [sottise] plattitude [sa nonchalance] et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le C—te W., qui est un homme d'ésprit saura [me mettre dans mon] me donner le tort dans l'opinion du public—triomphe [bien] très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré [entendre], vu que je me soucie [très peu de] tout autant de l'opinion de ce public que [des des feuilles] du blame et de l'admiration de nos journaux —

---

*85. Князю П. А. Вяземскому.

[7-го іюня 1824 г. Одесса].

Жена твоя пріѣхала сегодня, привезла мнѣ твои письма и мадригалъ Василія Львовича въ которомъ онъ мнѣ говоритъ: *ты будешь жить съ Княгинею прелестной;* не вѣрь ему, душа моя и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многимъ отношеніямъ: кажется ты успокоился послѣ своей эпиграммы. Давно бы такъ! Критики у насъ, Чувашей, не существуетъ, палки какъ-то неприличны; о поединкѣ и смѣхъ и грѣхъ было и думать: то ли дѣло цыпъ цыпъ или цыцъ цыцъ. Пришли мнѣ эпиграмму Грибоѣдова. Въ твоей неточность: и *визгъ* такой; должно *пискъ*. Впрочемъ, она прелестна. То что ты говоришь на щетъ журнала давно уже бродитъ у меня въ головѣ — Дѣло въ томъ что на Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ; а Меценатство вышло изъ моды—Никто изъ насъ не захочетъ *великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи.* Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовомъ. Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно — независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всѣ лѣнтяй на лѣнтяѣ—матеріалы есть матеріалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça? гдѣ найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго? (въ смыслѣ Милонова — что для издателя хоть Вѣстника Европы, не надобенъ тутъ умъ, потребна только <. . . .>)? Еще бѣда: ты—*Sectaire*, а тутъ бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видѣть Дмитріева въ заглавіи нашей кучки, а ты уступишь ли мнѣ моего Катенина? отрекаюсь отъ Василья Львовича;

отречешься-ли отъ Воейкова — Еще бѣда: мы всѣ прокляты и разсѣяны по лицу земли — между нами сношенія затруднительны, нѣтъ единодушія; золотое *къ стати* поминутно отъ насъ выскользаетъ—Первое дѣло: должно приструнить всѣ журналы и держать ихъ въ *решпектѣ* — ничего легче бъ не было, еслибъ мы были вмѣстѣ и печатали бы завтра что рѣшили бы за ужиномъ вчера; а теперь сообщай изъ Москвы въ Одессу замѣчаніе на какую нибудь глупость Булгарина, отсылай его къ Бирукову въ П. Б. и печатай потомъ черезъ 2 мѣсяца въ *revue des bévues.* Нѣтъ, душа моя Асмодей отложимъ попеченіе, далеко кулику до петрова дня—а еще далѣ [намъ] Бабушкѣ до Юрьева дня — *1824 г.*

Радуюсь, что могъ услужить тебѣ своей денежкой, сдѣлай милость не торопись—Съ женою отошлю тебѣ 1-ую пѣснь Онѣгина—Авось съ перемѣной министерства она и напечатается — покамѣсть мнѣ предлагаютъ за второе изданіе К. Плѣ. 2000 рублей. Какъ думаешь? согласиться? Третье вѣдь отъ насъ не ушло.

Прощай милый; пишу тебѣ въ пол-пьяна и въ постелѣ — отвѣчай.

На обороте (писано не Пушкина рукой): Его сіятельству Милостивому Государю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Чернышевской переулкѣ въ собственномъ домѣ, въ Москвѣ. *Почтовая помета:* Одесса . . . іюня 1824.

---

*86. Л. С. Пушкину.

13 іюня [1824 г. Одесса].

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ—Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей Литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о Сѣверныхъ Цвѣтахъ— выдутъ-ли и когда выдутъ? съ перемѣною Министерства, ожидаю и перемѣны Цензуры. А жаль. . . la coupe étoit pleine. Бируковъ и Красовской не въ терпежъ были глупы [и] своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ *Бахчис. Фонтанъ* изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и неблазно составленному слову *водометъ?* Шутки въ сторону, ожидаю добра для литтературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться ко вратамъ Цензуры съ первою главой или пѣснью Онѣгина. Авось пролѣземъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ Онѣгинѣ — скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Неприятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала Кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая Баба — но

мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, Дай богъ ему Царство небесное! Слушай душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ Кавк. Плѣн. за 2000 р. кому бишь? Вотъ перемѣны: *И путникъ* оживаетъ — и плѣнникъ—Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. *И уповательнымъ* мечтамъ — И упоительнымъ. *Не много.... ей дней — ночей* — ради Бога — Прощай —

На обороте: Милостивому Государю Льву Сергѣевичу Пушкину въ С. Петербургъ. У Обуховс. мосту въ домѣ Полторацкаго. *Почтовая помета:* Одесса 13 Іюня 1824.

---

* 87. Н. В. Всеволожскому.

Черновое.

[Вторая половина іюня 1824 г. Одесса].

[Долго я совался <?> къ тебѣ] Не могу повѣрить чтобъ Ты [не] забылъ меня, милой Все<воложской>—ты помнишь П<ушкина> проведшаго съ тобою [первые годы] столько веселыхъ часовъ — П., котораго ты видѣлъ и пьянаго, и влюбленнаго, [но] не всегда [твоего] вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, [постояннаго тво] наперсника твоихъ [кулисныхъ страстей] шалостей, того П. который отрѣзвилъ тебя въ страстную пятницу и проводилъ тебя подъ руку въ церковь теа<тральной> Дирекціи, да помолишься Господу Богу и насмотришься на Госпожу Овошникову. Сей самый П. честь имѣетъ напомнить тебѣ нынѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли, что я тебѣ полу-продалъ, полу-проигралъ рукопись моихъ стихотв? [Нынѣ] [О священная дружба! о проклятый тиранъ] Ибо знаешь: играй.... родитъ задоръ..... Я разкаялся но поздно—Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности [и начать...] начиная съ моихъ стих.; большая часть оныхъ ниже [даже и мо] посредственности и годится только на совершенное уничтоженіе; нѣкоторыхъ хочется мнѣ спасти....—Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись,—за ту же цѣну 1000 (я знаю, что ты со мною спорить не станешь; даромъ же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностію, какъ скоро выручу—Надѣюсь, что мои стихи [по милости божіей] у Слёнина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя моя радость, обнимаю и... Прошу... Когда-то свидимся... когда-то...

---

* 88. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ іюня 1824 г. Одесса].

Я ждалъ отъѣзда Трубецкова чтобъ писать тебѣ спустя рукова. Начну съ того что всего ближе касается до меня. Я поссорился

съ Воронцовымъ, и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку—но чемъ кончатъ Власти, еще неизвѣстно. Тиверій радъ будетъ придраться; а Европейская молва о Европейскомъ образѣ мыслей Графа Сеяна обратитъ всю отвѣтственность на меня. Покамѣсть не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу что и тебѣ и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ [ей] его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію — Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первыя 2 пѣсни Донъ-Жуана вышѣ слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ на выворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему невозвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона мы не слыхали, а писалъ какойто другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его Героя прелестна—но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Негровъ; [и] можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенныя Европейскія народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Іезуиты натолкавали намъ о Өемистоклѣ и Периклѣ а мы вообразили что пакостный народъ состоящій изъ разбойниковъ и лавошниковъ есть законнорожденный ихъ потомокъ, и наслѣдникъ ихъ школьной славы—Ты скажешь что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада и ты бы со мною согласился — Да посмотри что писалъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold — тамъ гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французкого консула помнится, въ Смирнѣ — Обѣщаю тебѣ однакоже Вирши на смерть Его Превосходительства. *1824 г.*

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства — Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ и нѣтъ. Давно дивизъ всякаго рускаго есть *чемъ хуже тѣмъ лучше.* Опозиція [1] Руская, составившаяся, благодаря Рускаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ ожидая чего нибудь—А теперь какъ позволятъ Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ—Вотъ какъ Шишковъ

[1] В подлиннике описка: «опозицая». *Ред.*

1824 г. сдѣлаетъ всю обѣдню <.......>. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана — вообще мой эгоизмъ—Еще слово: я позволилъ брату продать [2-ое] второе изданіе *Кавк. Плѣ.*, деньги были нужны — А (какъ я говорилъ) 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ—Да ты пакостишь со мною: даришь меня, и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ — Ты — задорный издатель — а Гнѣдичь хоть и невыгодный приятель за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ ни бранясь ни съ Каченовскимъ ни съ Дмитріевымъ.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ. А. П.

---

*89. А. А. Бестужеву.

29-го іюня 1824 г. Одесса.

Милый Бестужевъ, ты ошибся думая что я сердитъ на тебя — лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо (другова я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ [это время] такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой [1] — Но приятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя проститъ! но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ—напѣчатавъ 3 послѣднія стиха моей Элегіи; чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. фонт. какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутже элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными — Журналъ можетъ попасть въ ея руки — Чтожъ она подумаетъ [2] видя съ какой охотою бесѣдую объ ней *съ однимъ изъ П. Б. моихъ приятелей.* Обязана-ли она знать что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ — что проклятая Элегія, доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ—и что никто не виноватъ—Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе чемъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики — Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстн. Евр. (единственномъ журналѣ на котораго не имѣю права жаловаться) что Булг. не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ еще живыхъ безъ согласія ихъ собственнаго. Но перекрестясь предалъ это все забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой — Мнѣ грустно мой милый что ты ничего не пишешь. Ктоже будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? хороши! если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не

---

[1] После этого другими чернилами зачеркнуто несколько слов, которых нельзя разобрать.

[2] Далее тщательно вымарано два слова.

шевельнулась чтобъ ихъ стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ Полемики миновался —Для кого-же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго или мнѣніе [1] Писарева о самомъ себѣ. Я принужденъ былъ вмѣшаться ибо призванъ былъ въ свидѣтельство М. Дм—мъ. Но больше не буду. Онѣгинъ мой ростетъ. Да чортъ его напечатаетъ—Я думалъ что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ—а вижу что и при старомъ по старому. — Если согласіе мое, не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ—то я никакъ его недамъ если не пропустятъ *жидъ* и *харчевни* (скоты! скоты! скоты!) а *попа* къ чорту его. Кончу дружеской комисіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, безпамятному эгоисту что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой-же эгоистъ и приятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. ассигн. Нынѣ за туже цѣну хочетъ у него ихъ купить — Согласится-ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ [бы] ему мою дружбу mais il l'a depuis longtems, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles—Покажи ему мое письмо—Мужайся—дай отвѣтъ скорѣй какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова— 1824 г.

29 іюня 1824.
Одесса.

---

*90. Князю П. А. Вяземскому (?).

Черновое.

5-го іюля 1824 г. Одесса.

Французы ничуть не нижѣ Англичанъ въ Исторіи — Если первенство чего нибудь да стоитъ то вспомните что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ—и внесъ свѣтильникъ Философіи въ темные Архивы Исторіи. Робертсонъ сказалъ что если бы Вольтеръ потрудился указать на Источники своихъ сказаній то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей Исторіи — 2-е Лемонте есть Геній 19-го столѣтія — прочти его Обозрѣніе Царствованія Людовика XIV и ты поставишь его вышѣ Юма и Робертсона. Рабо де С-тъ Этьень—дрянь.

5 іюля 1824 г. Одесса.

Вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи — Лавинь бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля—Онъ ученикъ Трагика Вольтера, а не природы—

Tous les recueils de poesies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la litterature françoise—

---

[1] Одно слово далее зачеркнуто.

Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ— вообще хорошъ какой то новой Гармоніей—

Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chenier — Но онъ изъ Классиковъ классикъ — отъ него такъ и несетъ древней Греческой поэзіей. Вспомни мое слово: первый Геній въ Отечествѣ Расина и Буало — ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ — что твои нѣмцы—а покамѣсть поэзіи во Франціи менѣе чемъ у насъ —

---

*91. А. И. Тургеневу.

14-го іюля [1824 г. Одесса].

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно-ли что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ; дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ—Вандалъ, придворный хамъ и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда—но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мной объ Гишпанской революціи. Не знаю Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ Арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о Конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня въ полнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ—цалую руку К. А. Карамзиной и Княгинѣ Голицыной constitutionnelle ou Anti-constitutionnelle mais toujours adorable comme la liberté.

А. П.

14 juillet.

На обороте: A Monsieur Monsieur Tourguenief a St.-Petersbourg.

---

*92. Князю П. А. Вяземскому.

15-го іюля [1824 г. Одесса].

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? за отставку? т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Пріѣдешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними Властями—это вопросъ на который отвѣчать мнѣ нехочется хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда—жду его съ нетерпеніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ; что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Далъ ли ты ему разбойниковъ для Мнемозины? — Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекоппа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ — Прощай, моя радость. Благослови, Преосвященный Владыко Асмодей.

15 іюля.

На обороте: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

---

93. И. С. Деспоту-Зеновичу.

8-го августа 1824 г. [Село Колпино].

Александръ Пушкинъ сердечно благодаритъ Игнатія Семеновича Зеновича за его заочное гостепріимство. Онъ оставляетъ его домъ искренно жалѣя, что не имѣлъ счастія познакомиться съ почтеннымъ хозяиномъ.

8 августа 1824.

---

*94. И. М. Рокотову.

[Середина августа — октябрь 1824 г. Михайловское].

Monsieur!

Je me serais fait un devoir de vous envoyer ma caleche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si Monsieur votre frère me fesait l'honneur de passer chez moi, j'aurois été enchanté de le recevoir et de renouveller une connaissance aussi aimable.

Quand à ce qui regarde le prix, j'aurais voulu la vendre comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500.

Aureste je m'en rapporterai à la decision de Monsieur votre frère.

Agréez les assurances du respect le plus profond et de la considération la plus parfaite. Monsieur, votre très humble et obéissant serviteur

Alexandre Pouchkin.

Mercredi.

P. S. Mon père vous présente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et Monsieur votre frère.

---

95. А. Н. Вульфу.

20-го сентября 1824 г. [Михайловское].

Здравствуй, Вульфъ пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что? — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверзтыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ за благо разсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н.

До свиданія, мой милый.

А. П.

Приписка Анны Николаевны Вульф: Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ. Онъ давно сбирался писать къ тебѣ и къ Языкову, но я думала, что это только будетъ на словахъ. Пожалуйста отдай тутъ вложенное письмо [къ] Языкову и, ежели можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покамѣсть пожалуйста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкины оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое безпокойство на счетъ А. П. кончилось. Пожалуйста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ; я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть — полагаюсь

на твою [родственную] братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ *мы* ожидать твоего отвѣта. Не забывай тебѣ душою преданную Анну Вульфъ.

Сентября 20 1824 года.
Левъ тебя цалуетъ.

На обороте (рукою Анны Николаевны Вульф): Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфу. Въ городъ Дерптъ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1824 сен. 21.

---

96. П. А. Плетневу.

Черновое[1].

[Сентябрь — октябрь 1824 г. Михайловское].

Ты издалъ дядю моего:
Творец Опаснаго сосѣда
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Ѳеба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель.
. . . .

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой Ареопагъ, то-есть, Ж<уковскаго>, Гнѣдича и Дельвига. Отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; между тѣмъ говорятъ, онъ пишетъ<?>...

---

*97. Н. И. Кривцову.

[Сентябрь — октябрь 1824 г. Михайловское].

Милый мой Кривцовъ, Помнишь Пушкина? Не думай, что онъ въпервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда-ли, что ты сталъ Аристократомъ? — Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года — Всѣ мы разбрелись — Всѣ мы перемѣнились — А дружба, дружба!—

---

*98. Князю П. А. Вяземскому.

[10-го октября 1824 г. Михайловское].

Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ — дѣловую записку твою получилъ исправно — вотъ тебѣ отвѣтъ.

Ольдекопъ укралъ и совралъ; Отецъ мой никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность я бы тебѣ переслалъ; но погоди;

[1] Сводный текст; полная транскрипция приведена в дополнениях к т. IV.

1824 г. гербовая бумага въ городѣ, должно взять какое то свидѣтельство въ городѣ — а я въ глухой деревнѣ. Если можно безъ нее обойтись, то начни дѣйствія, единственный, деятельный другъ! По письму дяди, вижу, что Кн. В. Ѳ. к тебѣ пріѣхала; ты ничемъ. не достоинъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ уже не пишешь). Немѣдленно буду къ ней писать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пребыванія. En attendant mettez moi à ses pieds et dites lui qu'elle est une âme charmante. О моемъ житьѣ-бытьѣ ничего тебѣ не скажу. Скучно вотъ и все.

Каковъ Гр. Воронцовъ?

Полу-Герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однакожъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

Къ стати о стихахъ: сегодня кончилъ я поэму Цыгане. Не знаю что объ ней сказать — Она покамѣсть мнѣ опротивила, только что кончилъ и не успѣлъ обмыть запрѣвшія <....>. Посылаю тебѣ маленькое поминаньеце за упокой души раба Божія Байрона — Я было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя — или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго — Братъ Лайонъ тебѣ кланяется — пришли мнѣ стиховъ, умираю скучно.

---

*99. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Черновое [1].

[Между 10-мъ и 15-мъ октября 1824 г. Михайловское].

Belle et bonne Princesse Véra, amie charmante et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre lettre: les paroles seroient trop froides et trop faibles pour vous exprimer mon attendrissement et ma reconnaissance — —Votre douce amitié suffiroit à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me consola de bien de chagrins et seule a pu calmer la rage de l'ennui qui consume ma sotte existance —Vous désirez la connaître, cette sotte existance: ce que j'avois prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels. [Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être son agent de persécution]. On m'a reproché mon exil; on se croit entrainé dans mon malheur, on prétend que je prêche l'Athéisme à ma soeur qui est une créature celeste, et à mon frère qui est très-drôle et très-jeune qui admiroit mes vers et que j'ennuie très-certainement. Dieu sait, si je songe à lui. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi, qui le mit dans tous les cas dans une fausse position

[1] Сводный текст; полная транскрипция дана в дополнениях к т. IV.

à mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le tems que je ne suis pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer m'attriste—le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre—je crois qu'un beau ciel me feroit pleurer de rage, но слава à dieu: небо у насъ сивое, а луна точная рѣпка — — A l'égard des mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excèdent pas—je jouis parmi eux de la réputation d'Onéguine—et voilà je suis prophête en mon pays. Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine—j'écoute ses conversations patriarchales — ses filles assez mauvaises sous tous les rapports me jouent du Rossini que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure posture possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide muse, et le poëme n'avance guère; voilà pourtant une strophe que je vous dois; montrez-la au *Pr<ince> Pierre*; dites lui de ne pas juger du tout par cet echantillon —

Adieu ma respectable Princesse, je suis à vos pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre que à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intéret de l'amitié et non de la curiosité—au nom du ciel, un mot d'Odessa—de vos enfants—avez-vous consulté le docteur de Mili? Que fait-il, и что Мими?

Le prince a....

Адрес: Покорно прошу доставить Ея Сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Феодоровнѣ Вяземской.

---

*100. В. А. Жуковскому.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Не знаю получилъ-ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ кратцѣ о дѣлѣ которое меня задираетъ за живо. 8-и лѣтняя Родоесъ Сафіаносъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянской битвѣ Героя, воспитывается въ Кишеневѣ у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшаго вицъ-Губернатора Бессарабіи. Нельзя-ли сиротку приютить? Она племянница Рускаго полковника, слѣдств. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ и оправдаемъ провидѣнье.

О себѣ говорить не намѣренъ, я хладнокровно не могу всего этаго раздумать; можетъ быть тебя разсержу, вываля что у меня на сердцѣ. Братъ привезетъ тебѣ мои стихи, жду твоихъ какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина, скажи имъ что я для нихъ тотъ-же. Обними изъ нихъ кого можно; прочимъ — всю мою душу. —

---

101. Б. А. Адеркасу.

Черновое.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

М. Г. Б. А.

Г. Имп. [по] высочайше[му] соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ Родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Неважныя обвиненіи правительства сильно подѣйствовали на сердцѣ моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ продчимъ дѣтямъ.— Решился для его спокойствія и своего собствѣннаго просить Е. И. В. да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крепостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства В. Превосх... и протч.

---

*102. В. А. Жуковскому.

31-го октября [1824 г. Тригорское].

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи. Пріѣхавъ сюда былъ я всѣми встрѣченъ какъ не льзя лучше, но скоро все перемѣнилось: Отецъ, испуганный моей ссылкою, безпрестанно твердилъ что и его ожидаетъ та-же участь; Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть имѣлъ безтыдство предложить отцу моему должность разпечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпіономъ; вспыльчивость и раздражительная чувствительность Отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня косающуюся. Наконецъ желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно.... Отецъ осердился. Я поклонился сѣлъ верьхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата, и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... (Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди). Голова моя закипѣла. Иду къ отцу нахожу его съ матерью, и высказываю все что имѣлъ на сердцѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца. Кончаю тѣмъ что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ что я *его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибить* —— Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ своимъ обвиненіемъ? рудниковъ Сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ— Не говорю тебѣ о томъ что терпятъ за меня Братъ и Сестра — еще разъ спаси меня.

А. П.

31 Окт.

Поспѣши: обвиненіе Отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться — дойдетъ до Правительства, посуди что будетъ. Доказывать по суду клевету Отца для меня ужасно, а на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi. 1824 г.

P. S. Надобно тебѣ знать что я уже писалъ бумагу Губернатору въ которомъ <sic> прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ — П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность — Признаюсь мнѣ немного на себя досадно, да душа моя — голова кругомъ идетъ —

---

* *Черновое.*

Но Посуди о моемъ положеніи [домашнемъ] дома — Пріѣхавъ [сюда бы] сюда былъ я встрѣченъ и обласканъ — но скоро все перемѣнилось — Отецъ [помину] испуганный моей ссылкою безпрестанно твердилъ что и его ожидаетъ та же участь, но [я не могъ никогда] [Его] вспыльчивость, отца и раздр. [...] мѣшало мнѣ съ нимъ откровенно изъясниться [.... за в] [онъ и] не [жалѣя] [его] [видѣть его слезы] я рѣшился молчать—[б] [началъ] онъ укорять брату въ [А сестрѣ] [беззаб] [вперед] утверждая что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе— [Пріѣ] Назначенный за мною смотрѣть Пещ. [имѣлъ безстыдство] [глупость] [глупость] осмѣлившись предложить отцу моему распечатывать мою переписку—короче быть моимъ шпіономъ.—Желая наконецъ вывести себя изъ тягостнаго положенія [я пришелъ къ] прихожу къ Отцу моему и прошу его позволенія говорить искренно... [....] болѣе [ничего] ни слова — Отецъ осердился заплакалъ закричалъ — Я сѣлъ верьхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé ([Жуков] подумай о моемъ изгнаніи и [ска] [ск.] разсуди) [и] Голова моя, узнавши это закипѣла. Иду къ Отцу [и къ] нахожу съ матерью и высказалъ все что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ 3 мѣс. Кончаю тѣмъ что говорю ему въ послѣдній разъ— Отецъ мой, воспользуясь отсутств. свидѣт. [обвин] выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ—что я его *билъ*, потомъ *хотѣлъ бить*— потомъ замахнулся—Передъ тобою не оправдываюсь—Но [что жъ] чего же онъ хочетъ для меня [обв] съ уголовнымъ обвиненіемъ— рудниковъ Сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія—Спаси меня— [пересе] хоть крѣ., хоть солов. манастыремъ [Отдаю] вручаю тебѣ.

[Продолжаю]

---

*103. Л. С. Пушкину.

[Начало ноября 1824 г. Тригорское].

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ. Я въ Михайловскомъ рѣдко. Annette очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые

 фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ, я ревную и браню тебя— скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому чтобъ онъ помолчалъ о произшедствіяхъ ему извѣстныхъ — Я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы —и ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ты всѣхъ святыхъ? Шумитъ-ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что Онѣгинъ?

NB. пришли мнѣ 1) Œuvres de Lebrun, odes, elegies etc. — найдешь у St-Florent. 2) сѣрныя спички. 3) Карты т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ), 3) Жизнь Емельки Пугачева 4) Путешествіе по Тавридѣ Муравьева. 5) горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные Паны, и что сволочь —

Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать —

Прощай, отвыкни со временемъ отъ Нащекина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то будешь un freluquet, что̀ гораздо хуже чемъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде Января.

Всѣмъ поклонъ — пиши-же живѣе —

На обороте: Милостивому Государю и брату —

---

*104. Л. С. Пушкину.

[Начало ноября 1824 г. Михайловское].

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина — найди искусный и быстрый карандашъ [1].

Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ-же *мѣстоположеніи.* Та-же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непремѣнно [2].

Да пришли мнѣ калоши — съ Михайломъ [3].

Подъ картинкою написано карандашомъ: 1 хорошъ — 2 долженъ быть *опершися на гранитъ.* 3. лодка. 4 Крѣпость, Петропавловская.

---

*105. Л. С. Пушкину.

[Первая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавк. Пл.? (спросить у Греча) да книгъ, ради бога книгъ. Если ГГ. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Альмана-

---

[1] Писано карандашом.
[2] Писано чернилами.
[3] Писано карандашом.

ковъ, то скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Булгарина. Къ стати о таліи: на дняхъ я мѣрился поясомъ съ Евпр. и тальи наши нашлись одиноковы. Слѣд. изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15 лѣтней дѣвушки, или Она талью 25 лѣтн. мущины. Евпр. дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! еще комисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да *перстень* мнѣ грустно безъ него; рискни — съ Михайломъ. Надѣюсь что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. *1824 г.*

Что Онѣгинъ? перемѣни стихъ *Звонокъ раздался.* Поставь: Швейцара мимо онъ стрѣлой. Въ Разг. послѣ *Искалъ вниманье красоты* нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои —

Незабудь *Фонъ-Визина* писать *Фонвизинъ.* Что онъ за Нехристъ? онъ руской, изъ перерускихъ руской. Здѣсь слышно будто Губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго *повелѣнія,* вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня Отецъ и Мать. Впрочемъ я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Ж. и съ Кар. Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость, и если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемену судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе — надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было не желаю быть въ П. Б. и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цалую очень. Друзей моихъ также — тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! Conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; пос. об. ѣзжу верьхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ! боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Рус. Ист. —

Прощай, моя радость. Чтожъ чухонка Баратынскаго? я жду.

На обороте: Его Благородію Милостивому Государю Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ С.-Петербургъ. У [Измайловскаго] Обухова моста въ домѣ Полторацкаго.

---

*106. Л. С. Пушкину.

[Середина ноября 1824 г. Михайловское].

Скажи моему Генію-хранителю, моему Жуковскому что Слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня, наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здаровъ. Что это у васъ? потопъ! ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мнѣ Цвѣтовъ Дельвига; да на долго-ли это его задержитъ въ типѣ Петербургской. Что погреба? признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя, для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить ногишомъ, А хамы смѣются. Впроччемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тётка умерла! Ѣду завтра въ Св. горы и велю отпѣть молебенъ или панихиду, смотря по тому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! Печатай, печатай Онѣгина и съ разговоромъ—Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ: А. Н. на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. твои письма въ *Лубны* и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ. Все таки она приказала тебя пустелга, разцеловать. — Евпраксея уморительно смѣшна, я предлогаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара да книги о которых упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и Французкую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ-же, стиховъ не пишу, продолжаю свои Записки да читаю Кларису, мочи нѣтъ какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ, что Всеволожской, что моя рукопись, что Письмо мое къ К. В. Ѳ.? Будетъ-ли картинка у Онѣгина? что дѣлаютъ Полярные господа? что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здаровъ и не напѣйся пьянъ какъ тотъ—послѣ своего потопа. NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя. Скажи сестрѣ что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивл. и разпечаталъ пологая что оно столько-же отвѣтъ мнѣ какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцалуй ее за меня т. е. сестру Ольгу — а Гр. Екат. — дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши-же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! разпечаталъ нарочно. Вѣрно есть *бочки* per fas et nefas продающіяся въ П.Б. — купи что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потопъ — оказія.

На обороте: Львy Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки. [*Близъ печати, у прорванного места*]: Я разковырялъ!

---

* 107. Князю П. А. Вяземскому. *1824 г.*

29-го ноября [1824 г. Михайловское].

Ольдекопъ, мать его въ рифму; надоѣлъ! Плюнемъ на него и квитъ. Предложеніе твое косательно моихъ элегій не сбыточно и вотъ почему: въ 1820 году переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ; напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволжскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину, мой Коранъ пошелъ по рукамъ — и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ что такъ какъ розданные билеты, могли затеряться по причинѣ долговремянной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, однаго имени съ Адресомъ, ибо (солжемъ на всякой страхъ) имена всѣхъ Г. Г. подписавшихся находятся у Издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, пѣнять не на кого, самъ виноватъ (это остается *между нами*). Братъ увезъ Онѣгина въ П. Б. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую что в тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя, но въ нынѣшнія обстоятельства, всякой другой мой издатель, невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія—Дивлюсь, какъ письмо Тани очутилось у тебя. NB. изтолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику: *Нелюдимъ* не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенских сосѣдей; Таня пологаетъ причиной тому то что *въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно,* и что *блескъ* одинъ можетъ привлечь его — — — если впроччемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ; письмо женщины, къ тому-же 17 лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-же, душа моя, твоя проза о Байронѣ? я жду, не дождусь. Смерть моей тетки frétillon, не внушила-ли какого нибудь перевода В. Л-чу? пѣтъ-ли хоть эпитафіи?

Пиши мнѣ: Ея Высокор. Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С. и все тутъ, да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай-же мнѣ на мое полу-слово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила-ли она письмо мое. Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноябр.

Знаешь-ли ты мою *Телѣгу жизни?*

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзитъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать
И презирая страхъ и нѣгу
Кричимъ: валяй, <.....> мать!
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги
Поразтресло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуролей!
Катитъ по прежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И дремля, ѣдемъ до ночлега —
А время гонитъ лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ - - - - -

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Въ Москвѣ* въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1824 Дек. 1.

* *Черновое.*

Ольд. мать его въ риѳму, надоѣлъ онъ мнѣ, плюнь на него и квитъ — [Милый] [я имѣлъ много неприятностей [и] къ стати письмо твое пришло и меня подвеселило. Твое предложеніе касательно моихъ Эл. не сбыточно вотъ почему: Въ 1820 году [про.] переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ—напечаталъ [билеты] билеты около 40 [билет] ихъ роздалъ [ихъ] — Я продалъ потомъ рукопись мою Всевол. [съ] (и слѣдств. съ извѣс. договоромъ). [И] Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Меки въ Медину [.....] мой Коранъ пошелъ изъ рукъ въ руки и донынѣ правовѣрные ожидаютъ оного. Теперь поручилъ я брату отыскать и купить мою рукопись — [Элегіи] и тогда приступимъ къ изданію Элег., посл. и смѣси. — Должно будетъ объявить въ Газ. что такъ какъ билеты по причинѣ долговремянной остановки изданія могутъ быть затеряны подпис. особами то довольно будетъ однаго имени съ Адресомъ (ибо, солжемъ мы на всякой страхъ) имена всѣхъ Г.Г. подпис<авшихся> находятся у Издателя — если понесу убытокъ — пѣнять будетъ не на ково самъ виноватъ [Милый] Братъ увезъ Онѣгина, и тамъ издастъ его. Не сердись милый — въ нынѣшнихъ обст. всякой другой Изд<атель> [мой] невольно привлечетъ вниманіе и неудовольствіе. [Напишу брату чтобъ онъ прислалъ тебѣ Разговоръ въ.....]— удивляюсь — какъ письмо Тани очутилось у тебя — ([впр.] прислали тебѣ его для Раича или Кюх. какъ ты захочешь — Отвѣчаю на твою критику — Нелюдимъ не [misanthrope] а [человѣкъ который] мизантропъ т. е. ненав. людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ — *нелюдимъ* для деревенскихъ сосѣдей—Таня пологаетъ [что по] причиной тому что въ *глуши,* въ *деревнѣ все ему скучно,* и что *блескъ* одинъ можетъ привлечь [его] [можетъ единый *блескъ*]. — впрочемъ хоть смыслъ и не точенъ, тѣмъ [вѣрнѣе будетъ] болѣ *истинны* въ письмѣ — письмо [влюблен] [женщины да еще

17 лѣтней, да] къ тому-же влюблен. Чтожъ душа моя, твое поминанье о Байронѣ? вѣдь я жду—я Кн. В <ѣрѣ> писалъ, пиши мнѣ: Ея Выс. дост. А. С. П. и все тутъ, да найди для конверта ручку почетчѣ твоей — Прощай [милый entendeur], добрый слышатель отвѣчай-же на мое полу-слово [Мнѣ жаль ч.] Написалъ-ли дядя шести стопную эпитафію à ma tante frétillon? Вотъ [оказія] случай! а потопъ-то! Жду на него водянаго пс<алма.> Ѳиты. Перешлю брату твой поклонъ — 1824 г.

----

*108. В. А. Жуковскому.

29-го ноября [1824 г. Михайловское].

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за строчку глупова письма, что было бы если правительство узнало [бы] обвиненіе отца? Это пахнетъ палачемъ и каторгою. Отецъ говорилъ послѣ: *Экой дуракъ, въ чемъ оправдывается! да онъ бы еще осмѣлился меня бить! да я бы связать его велѣлъ!* — зачемъ-же обвинять было сына въ злодѣйствѣ несбыточнымъ? *да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками?* Это дѣло десятое. *Да онъ убилъ отца словами!* — каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ.

Чтожъ, милый? будетъ-ли что нибудь для моей маленькой Гречанкѣ? она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нее и того жалчѣе. Дочь Героя, Жуковскій! Они родня поэтамъ по поэзіи. Но полу-Милордъ Воронцовъ, даже не полу-Герой. Мнѣ жаль что онъ безсмертенъ твоими стихами а дѣлать нечего. Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго, уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиныхъ — тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня что хочешь.

29 Нояб.

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Василью Андреевичу Жуковскому. *Въ С.-Петербургѣ.* Въ Аничковскомъ дворцѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1824 Дек. 1.

* *Черновое.*

Ты получилъ мое письмо — долго не могъ я рѣшится отослать его — но что мнѣ было дѣлать. Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Ежели [дойдетъ до] объя. Пра., что я поднялъ руку на Отца [какое] [мнѣ спасенія], посуди какъ тамъ обрадуются — [Это] пахнетъ палачемъ и [Сибирью] каторгой. Мать согласна была съ отцомъ.—[Мать моя] Теперь [она] она говоритъ: да онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать

1824 г. руками [что же] — дѣло десятое — [Я сказалъ имъ, что буд] Да онъ убилъ его словами — это calembourg и только [Мать меня обняла, говоря que deviendrois-je, si tu es à la forteresse]. [Я показывалъ]. Я посылалъ имъ письмо мое къ тебѣ — Отецъ говоритъ: экой дуракъ въ чемъ оправдывается! Да онъ бы еще [дер.] [меня] меня прибилъ. Зачѣмъ-же было обвинять [меня] въ злодѣйствѣ — несбыточномъ? [....] — [Милый чемъ долѣе живу, тѣмъ болѣе вязну въ] Стыжусь что доселѣ не имѣлъ духа исполнить пророческую вѣсть [которая] [что] что разнеслась недавно обо мнѣ [и еще не застрѣл.]. [Увязъ я въ] [Стыдно] Глупо часъ отъ часу далѣе вязнуть въ жизненной грязи ничемъ къ ней не привязанный].

---

*109. Д. М. Княжевичу (?).

Черновое.

[Начало декабря 1824 г. Михайловское].

Буря кажется успокоилась, осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дм. Мак. Вотъ уже 4 мѣсяца какъ нахожусь я въ глухой деревни — скучно да нечего дѣлать; здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня, ни Италіанской оперы, [ни васъ друзья мои]. Но за то нѣтъ — ни саранчи ни Милордовъ Вор. Уединеніе мое совершенно — праздность [моя] торжественна [и совершенны] [уеди.]. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко [совершенный Онѣгинъ] — цѣлый день верьхомъ — вечеромъ слушаю сказки моей Няни, оригинала Няни Татьяны; [котор.] вы, кажется [ви] разъ ее видѣли [и которая] она единственная моя подруга — и съ нею [одною] только мнѣ нескучно. [Я въ] началъ переписку съ од. только съ Ж. и В. (долго крѣпился но не утерпѣлъ). Объ Одессѣ ни слуху ни духу. Сердце вѣсти проситъ — [но ни] — съ пр. не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами..... Ради Бога! слово живое объ Одессѣ — скажите мнѣ что у васъ дѣлается — скажите вопервыхъ [что] выздоровѣла ли маленькая Гр. Гурьева, я сердечно желаю всего щастья, почт. и благ...... [1]

---

*110. Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

4-го декабря [1824 г. Михайловское].

Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего демона! моего демона! послѣ этаго онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни Моря ни капли стиховъ отъ меня.

---

[1] Конец не сохранился.

NB. Г. Издатель Онѣгина! *1824 г.*

Стихи для васъ одна забава
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? да нельзя-ли еще подъ разговоромъ поставить число *1823 год.?* Стихъ: Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли ночи надобно бы выкинуть, да жаль — хорошъ. Жаль еще что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопр. Mes arrieres neveux me devroient cet ombrage. Съ журналистами дѣлай что угодно, дарю тебѣ мои мѣлочи на пряники; продавай или дари что упомнишь а переписывать мочи нѣтъ. Мих. привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ — Библія для христіанина тоже что Исторія для Народа. Этой фразой (на оборотъ) начиналось прежде предисловіе Ист. Кар. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ.— Закрытіе Ѳеатра, и запрещеніе баловъ — мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но вовремя общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавошники видя освѣщеніе бель-этажа могли бы разбить зеркальныя окна, и былъ бы убытокъ. Ты видишь что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и проччія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комптетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь нещастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни писменнаго. Ни чуть незабавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идилическимъ Коллежскимъ Ассесоромъ Панаевымъ. Пришли-же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ онъ Чухонецъ! да если она милѣе моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 дек.

(Приписка къ сестрѣ, О. С. Пушкиной): Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила и я тебя очень люблю хоть этому ты и невѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'А. Л. est vrai, c'est tres joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis faché que Chalikof ait pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комисію, ѣздила въ Св. горы и отправила панихиду или что было нужно. Она цалуетъ тебя. Я также. Твои троегорскія пріятельницы несносныя дуры, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Кланяйся В. В. Э. и Гнѣдичу и Плетневу и Онѣгину и Слёнину. Присылай мнѣ *Старину;* это пріятная новость. Торопи

1824 г. Дельвига; надѣюсь что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Он<ѣгина>?

На обороте: Ея сiятельству Милостивой Государынѣ Катеринѣ Марковнѣ Графинѣ Ивеличевой *въ С. Петербургѣ* у Калинкина мосту въ собственномъ домѣ. Пр. дост. братцу Льву Серг. *Почтовый штемпель:* Опочка 1824 Дек. 8.

---

*111. А. Г. Родзянкѣ.

8-го декабря [1824 г. Михайловское].

Милый Родзянко, твой поклонъ меня обрадовалъ; не рѣшишься-ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К...., которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей Кузинѣ? Говорятъ, она премиленькая вещь — но *славны Лубны за горами.* На всякой случай зная твою влюбчивость и *необыкновенные таланты* во всѣхъ отношенiяхъ полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полусдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый; напиши на это все элегiю или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзiи т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма *Чупъ*? Злодѣй! не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ — пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Къ стати: Баратынскiй написалъ поэму (не прогнѣвайся про *Чухонку*) и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила. — А я про *Цыганку*; каковъ? подовай-же намъ скорѣй свою *Чупку* — ай да Парнассъ! ай да Героини? ай да честная кампанiя! Воображаю, Аполлонъ смотря на нихъ закричитъ: за чемъ ведете мнѣ не ту? А какую же тебѣ надобно, проклятый Ѳебъ? Гречанку? Италiанку? чемъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка <.....> одна — <...>! [1] т. е. оживи лучемъ вдохновенiя и славы.

Если А. П. такъ же мила какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнiя: справься съ нею объ этомъ.

Поклонъ Порѳирiю, и всѣмъ моимъ старымъ прiятелямъ.

Прости, украинской мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Прiапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй чемъ иной вѣнецъ;
Твой Римъ — деревня, ты мой Папа,
Благословижъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

На обороте: Поэту Родзянкѣ. *Помета Родзянки:* Отъ Пушкина Александра Сергеевича — чрезъ Анну Петровну Кернову.

---

[1] Эти три слова впоследствiи тщательно вымараны.

112. Л. С. Пушкину.[1]

Черновое.

[Первая половина декабря 1824 г. Михайловское.]

Что же? Будетъ ли вино,
Лайонъ? Жду его давно
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
[Самъ себѣ я господинъ]
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
St. Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои,
..... юности безумной,
Поэтической Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское.....
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
Безъ разбора.....
Вина обхожу кругомъ....
Часто пью, — но
Рѣдко, рѣдко лягу пьянъ....

113. Барону А. А. Дельвигу.

[Середина декабря 1824 г. Михайловское].

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу * на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы..... «Вотъ Четырдагъ», сказалъ мнѣ Капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

---

[1] Печатается по Акад. изд. Переписки, т. I; полную транскрипцію см. в дополненияхъ к этому тому.
* Изъ Тамани въ Керчь.

1824 г. Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ,* купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое в Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужь тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня риѳмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.
. . . .
Ч — , помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ боль-

шой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище. *1824 г.*

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Разтолкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отъ чего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?

* *Черновое.*

Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время какъ и И. М. Очень жалѣю что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣденія самаго Автора. Но знаешь-ли что болѣе всего порозило меня въ этой книгѣ? различіе нашихъ впечатлѣній. Посуди самъ. [1]

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу * на караблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ называемую *Митридатову Гробницу* (развалины какой то башни) тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ [его] безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ. Луны не было, звѣзды блистали; передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы.... «Вотъ Чатырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ карабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: Разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями прилепленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ими; съ права огромный Аю-Дагъ.... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный.....

[На полуденномъ берегу] Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полу-

[1] Весь этот абзац перечеркнут.
* Изъ Тамани въ Керчь.

1824 г. денной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря — и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его, и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество. Вотъ все что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса, не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По Горной Лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы и первый предметъ, поразившій меня была берёза, сѣверная берёза! сердце мое сжалось я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ — хотя все еще [я] находился [я] въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣстница къ морю, оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ-же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно миѳологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайнѣй мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы. Я думалъ стихами [о**]. Вотъ они.

Къ чему холодныя . . . . . .
и проч.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго Хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный Фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе въ которомъ онъ истлѣваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема и на ханское кладбище

но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было —

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М. я [его не] объ немъ не вспомнилъ когда писалъ свою поэму — а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Разтолкуй мнѣ теперь по чему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все что подвластно ему? и проч. [1]

---

[1] Этот абзац перечеркнут поперечной чертою.

Пожалуйста не показывай этого письма никому даже и друзьямъ моимъ (развѣ переписавъ уже) а начала въ самомъ дѣлѣ не нужно — *1824 г.*

* *Черновое.*

(Первая редакция).

[Я прочелъ] *Путеш. по Тавр.* прочелъ я съ жадностью и чрезвычайнымъ удовольствіемъ — Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то же время [съ] какъ и И. М. [Не понимаю] Жалѣю очень, какъ мы не встрѣтились.—[Но кто им. глубокое] Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для поверки [коихъ] опыхъ [нельзя?] потребны [глубокія] обширныя свѣденія самаго Автора. Но знаешь-ли что болѣе всего поразило [въ] меня въ этой книгѣ? различіе нашихъ впечатлѣній; [кажется] [помнится] [я писалъ тебѣ изъ К—о Кавказѣ и Тавридѣ — [какъ говорится сгоряча — если письмо мое сохранилось до сего. Жалѣю] [сколько упомню]. Посуди самъ.

Изъ Тумапя приѣхалъ я въ Керчь на караблѣ — и тотчасъ отправился на такъ называемую [могучій Митрид.] Митридатову гробницу — [кажется] (развалины какой-то башни). Воображеніе мое спало, хоть бы одно чувство, нѣтъ — я сорвалъ цвѣтокъ для памяти — и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія—Развалины Пантикапеи [еще] подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе — Слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, да [старые] кирпичи. — [Вплоть?] Изъ Ѳеод. до самаго Юрзуфа — плылъ я моремъ; всю ночь не спалъ — луны не было, частыя звѣзды... Передо мною въ темнотѣ чернѣли полуденныя горы. — Вотъ Четырдагъ, сказалъ мнѣ капитанъ — Но не я [не] различилъ его — да и нелюбопытствовалъ — передъ свѣтомъ я заснулъ — Между тѣмъ карабль остановился въ виду Юрзуфа. Я проснулся, увидѣлъ картину плѣнительную — разноцвѣтныя горы [сіяли] [были озарены] [были] утреннимъ солнцемъ — [нѣсколько рядовъ [ряды] плоскихъ кровель] плоскія кровли [1] татарскихъ хижинъ [казались издали рядами [изда.] прилепленные] издали казались ульями, прилепленные къ горамъ — [издали казались ульями] — тополи стройные, [воз.] какъ зеленыя колоны, возвышались между [ими] ихъ рядами — съ права огромный Аю-дагъ. — [гора] размета<л>ся въ море и это синее чистое [полуденное] небо и блескъ и воздухъ полуденный — — —

[Въ] На полуденномъ берегу жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и [ѣлъ] объѣдался виноградомъ и спалъ — [полу..] [полуденная] я тотчасъ привыкъ къ [природѣ] полуденной [и ни на минуту ей не удивлялся] забылъ о сѣверѣ вовсе и наслаждался ею [со всей всевозможной безпечностію] какъ природный Неаполитанецъ — [холодность моя посреди прелестей природы была]

[1] Переделано изъ «плоскихъ кровель», но восстановлено.

1824 г. [досаждала и смѣшила]. — [Я жилъ] Я любилъ [проснувшись] просыпаться ночью [Я любилъ] и [слушать] слышать шумъ моря — и заслушивался цѣлыя часы [близъ] въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ [я привыкъ и хаживалъ] я его [полюбилъ] я къ нему привязался — вотъ все что осталось [въ моей памяти отъ полуденнаго берега Тавриды].

Я объѣхалъ оный, и Путешествіе М. оживило во мнѣ [памя.] много воспоминаній — по [опасенія] страшный переходъ [во всѣ изслѣдовать] не оставило ни малѣйшей въ моей памяти, [во] по горной лѣстницѣ [взобрался я] мы взобрались пѣшкомъ, держа за хвостъ нашихъ Татарскихъ лошадей. Это забавляло меня черезвычайно.—Переѣхавъ горы —первый предметъ [бросившійся] который бросился въ глаза, была, береза, сѣверное [береза] дерево сердце мое сжалось — я началъ тосковать о миломъ полуднѣ.— Хотя и [все] былъ все еще въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи [и кизили] и виноградныя лозы [Гер.] [Гер.] Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница [къ берегу] — [черныя скалы] къ морю оставили мнѣ единственное сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ развалины храма Діаны, видно [и] миѳологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній Историческихъ — по крайнѣй мѣрѣ [стихотворство?] [рифмы меня..... и вотъ что я] [я.......] [вотъ стихи, которые] тутъ посѣтили меня рифмы на бассейнъ памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о Ч—вотъ [тебѣ эти стихи] они.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. [Лихорадка начинала меня мучить] Я [слышалъ объ фонтанѣ Керимъ-Герея] [слыхалъ о странномъ памятникѣ] влюбленнаго хана. — [Поэтическое воображенье К*** назвало] К.*** поэтически описала мнѣ его и [называла] называя [его] la fontaine des larmes — Вошедъ во дворецъ увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; [изъ него капала] изъ заржавой желѣзной трубочки по каплямъ падала вода — Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на [невѣ] небреженіе въ которомъ онъ изтлѣваетъ и на полуевропѣйскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ — NN почти насильно повелъ меня на ветхія развалины Гарема — и на х. кладбище. Не тѣмъ и
лихорадка меня мучила —

Что касается до памятника Потоцкой о которомъ говоритъ М. — Я [объ немъ не] [помню] помнилъ — [и не зналъ] когда начиналъ свой Бахчис. Фонт. а то бы непремѣнно имъ воспользовался и пр.

Разтолкуй-же мнѣ теперь: почему полуденный Бахчисарай, имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? отчего такъ сильно во мнѣ желаніе снова посѣтить [опять] мѣста [видѣнныя] [гдѣ такъ] мною съ такимъ равнодушіемъ оставленныя. Воспоминаніе [всесильный] [могучій] чародѣй, самое сильное [чувство] способность души — [Все ему] [Оно] имъ очаровано все, что подвластно ему —

---

*114. Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Вулфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ но жду тебя— пріѣзжай хоть съ П. А. хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ — получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку—Вѣтреный юноша Р. можетъ письмо затерять—а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость *pour des chansons.*

Христомъ и Богомъ прошу скорѣе вытащить *Онѣг.* изъ подъ Цензуры — слава, <...> ее <....> — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, крамсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога денегъ! —

У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное — нѣкогда тебѣ разказывать а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли-же мнѣ всевозможные Календари кромѣ Придворнаго и Академическаго. Къ стати—Начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ Цензура? Напиши мнѣ нѣчто

О
Карамзинѣ, ой, ыхъ.
Жуковскомъ
Тургеневѣ А.
Сѣверинѣ
Рылеевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики — Насѣли-ли на Воронцова? Царь говорятъ бѣсится — за что бы кажется да люди таковы! —

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь пронзающую засмоленую [пробку] главу бутылки — т. е. штоперъ.

Мнѣ дьявольски не нравятся П—іе толки о моемъ побѣгѣ. За чемъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда будешь у меня то станемъ трактовать *о банкирѣ о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чедаева.* Вотъ пункты о которыхъ можешь уже освѣдомиться —

Кто думаетъ ко мнѣ заѣхать? Избави меня

От усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала! —

впрочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай что задумаешь — Addio.

Получилъ-ли ты письмо мое о Потопѣ гдѣ я говорю тебѣ voilà une belle occasion pour vos dames de faire bidet? NB. NB.

Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

---

*115 Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Братъ! здраствуй—писалъ тебѣ на дняхъ; съ тебя довольно— Поздравляю тебя съ рожествомъ Господа нашаго, и прошу потoропить Дельвига — Пришли мнѣ *Цвѣтовъ да Эду*, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду — Кланяйся Господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина —

На обороте: Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

---

*116. А. С. Шишкову.

Черновое.

[Январь 1825 г. Михайловское].

Г. Ольдекопъ въ прошломъ 1824 году [издалъ] перепечаталъ мое сочиненіе Бах<чисарайскій> Фонтанъ безъ моего соизволенія — чѣмъ и лишилъ меня 300 [хотя тогда принимавшіе во мнѣ участіе и жаловались куда слѣдуетъ да и]. Отецъ мой С. С. С. Л. Пушкинъ хотя [и писалъ] и жаловался Ваш<ему> В<ысокопревосходительству> за сіе неуваженіе собств., но не только не получилъ удовлетворенія, но еще [увѣрилъ меня въ.. увѣрился я [читая] изъ письма вашего въ томъ, что Г. Ольдекопъ пользуется Ва<шего> В<ысокопревосходительства> покровительствомъ — Выключенный изъ службы, слѣд. не [имѣя] получая жалованья и не имѣя [другой собственн] другаго дохода, кромѣ своихъ сочиненій, рѣшился я прибѣгнуть съ жалобою [за сію покражу] къ самому Вашему Высокопр. надѣясь, что вы не захотите лишить меня хлѣба — не изъ личнаго неудовольствія противу Г. Ольдекопа, совсѣмъ для меня незнакомаго, но единственно для охраненія себя отъ воровства.

---

*117. К. Ѳ. Рылѣеву.

25-го января [1825 г. Михайловское].

Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю чтобъ они тебѣ понравились. Жду Пол. Звѣз. съ нетерпѣньемъ, знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бест. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ — скажи ему что онъ не правъ: ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? куда же дѣнутся сатиры и комедіи? слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso и Гудибраса, и Pucelle и Веръ-Вера и Реникефуксъ и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc.

etc. etc.... Это не много строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи, но довольно объ Онѣгинѣ. 1825 г.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о Критической [его] статьѣ Плетнева — но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жук<овскомъ>. За чемъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались? — Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому-же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ — Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! за что казнитъ, за что вѣнчаетъ? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды — Прощай поэтъ.

25 Генв.

---

*118. Князю П. А. Вяземскому.

25-го января [1825 г. Михайловское].

Что ты замолкъ? получилъ-ли ты отъ меня письмо гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ, etc. Въ Цвѣтахъ встрѣтилъ я тебя, и чуть не задохся со смѣху прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чист. Отвѣтъ разтянутъ: рифмы *слёзы, розы* завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. *Сквозь кашель и сквозь слезы* очень забавно, но вся мужнина рѣчь до *за гробомъ ревность мучитъ* разтянута и натянута. *Еще мучительнѣй вдвойнѣ* едва-ли не плеоназмъ — Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей піэсы — Да ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его пахабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ. — Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега? Что мой Кюхля, за котораго я стражду но все люблю? говорятъ его обстоятельства не хороши—чемъ не хороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига—покамѣсть я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я кажется писалъ тебѣ что мои Цыгане ни куда негодятся: не вѣрь — я совралъ — ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешъ ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между проччимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія
Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: Онъ блещетъ средь народа
Священной памятью Двѣнатцатаго года,
Одинъ въ толпѣ Вельможъ онъ Рускихъ Музъ любилъ
Ихъ незамѣчанныхъ созвалъ, соединилъ
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ Арзамасецъ говоритъ нынѣ о дѣдѣ Шиш. tempora altri! Вотъ почему я нерѣшился по твоему совѣту къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я-же подличалъ благонамѣренно — имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиренье кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся Княгинѣ — и дѣтей поцалуй. Не правда-ли, что письмо мое напоминаетъ *le faire* [Василья Львовича]? Вотъ тебѣ и стишки въ его же духѣ:

Приятелямъ.

Враги мои, покамѣсть, я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда-нибудь, любова;
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданый, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ [1] Индѣекъ и Гусей.

25 генв.

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью что написалъ нашъ Плетневъ? экая ералашь! Ты спишь, Брутъ! да скажи мнѣ кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за Нѣмцовъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ). Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ *Өита,* Кутейкинъ въ эполетахъ,
Бормочитъ намъ разтянутый псаломъ:
Поэтъ Ө., не становись Фертомъ!
Дьячекъ Ө., ты V въ поэтахъ!

Не выдавай меня, милый; не показывай этаго никому: *Өита* бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякія скверны.

---

*119. А. А. Бестужеву.

[Послѣ 25-го января 1825 г. Михайловское].

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то что онъ не сдержалъ своего слова — я не хотѣлъ чтобъ эта поэма извѣстна была прежде времени—теперь нѣчего дѣлать—принужденъ ее напѣчатать [прежде] пока не разтаскаютъ ея по клочкамъ —

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ, и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить:

Драмматическаго писателя должно судить по законамъ имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдст. не усуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — харак-

---

[1] Переделано из: «Стережетъ».

теры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фомусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то <.....>, не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно-ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина — но штатской трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos de bal, сплетни, разказъ Репетилова о клобѣ, Загорецкій всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно комическаго Генія. — Теперь вопросъ. Въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли что такое Чацкій. Пылкій благородный [молодой человѣкъ] и добрый малой, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (имянно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все что говоритъ онъ — очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фомусову? Скалозубу? На балѣ Московскимъ Бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляду знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подоб. * Къ стати что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. За чемъ дѣлать его гадкимъ? довольно что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе черезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось *конфузиться,* слушая ему подобныхъ кающихся? — Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи — недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софіи къ Молч. — прелестна! — и какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія — но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ — его воля — О стихахъ я не говорю: половина — должны войти въ пословицу. 1825 г.

Покажи это Грибоѣдову—Можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію я не критиковалъ а наслаждался — Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. Покрайнѣй мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному Таланту —

Тебѣ кажется Олегъ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь стараго Князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ — есть черта трогательнаго простодушія — да и произшедствіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго — Листъ кругомъ, на сей разъ полно —

Я не получилъ *Лит. Лист.* Булг. тотъ № гдѣ твоя Критика на Бауринга. Вели прислать.

---

* Cléon Грессетовъ не умничаетъ съ Жеронтомъ, ни съ Хлоей.

*120. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Нѣкогда мнѣ писать Княгинѣ — благодари ее за попеченіе, за укоризны даже за совѣты ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. — Ты конечно правъ; болѣе, чемъ когда нибудь, обязанъ я уважать себя — Унизиться передъ правительствомъ было бы глупость — довольно ему одного Грабе —

Я писалъ тебѣ на дняхъ — и послалъ нѣкоторые стихи — Ты мнѣ пишешь: пришли *всѣ* стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ. — Завѣтныхъ покамѣсть нѣтъ.

---

*121. Князю П. А. Вяземскому.

28-го января [1825 г. Тригорское].

Пущинъ привезетъ тебѣ 600 рублей — Отдай ихъ Кн. В. Ф. и съ моей благодарностію. Савеловъ большой подлецъ. Посылаю при семъ къ нему дружеское письмо. Перешли его (въ конвертѣ) въ Одессу *по оказіи,* а то по почтѣ онъ скажетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

Но умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!

A propos. Читалъ я Чацкаго — много ума и смѣшнаго въ стихахъ но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ — но Грибоѣдовъ очень уменъ. Пришлите-же мнѣ Вашъ Телеграфъ. Напечатанъ-ли тамъ Хвостовъ? что за прелесть его посланіе! достойно лучшихъ его временъ. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ В. Л., Ив.-Пис. — и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи. Милый, теперь одни глупости могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня — Слава-же Филимонову!

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой — упалъ на льду не съ лошади а съ лошадью: большая разница для моего наѣздническаго честолюбія.

28 Янв.

---

*122. Л. С. Пушкину.

[Первая половина февраля 1825 г. Михайловское].

Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1.) потому что это было бы напрасно...... Цыгановъ, нѣчего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ а вы ихъ тисните. Твои опасенья па счетъ пріѣзда ко мнѣ, вовсе несправедливы.

Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія, лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдств. вовсе не въ духѣ нашего времени, ни.... 1825 г.

Жду шума отъ Онѣгина; покамѣсть мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но милый мой, если только возможно, отъыщи, купи, выпроси, укради Записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Онъ по мнѣ очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ Войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ — во первыхъ лжетъ какъ ребенокъ* 2) судитъ о такомъ-то, не какъ Наполеонъ, а какъ Парижскій Памфлетеръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon подкуплены! тѣмъ болѣе что самыхъ важныхъ свѣденій имянно и не находится. Читалъ ты записки Nap.? Если нѣтъ такъ прочти: это, между прочимъ, прекрасный Романъ mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. *Мой* Коншинъ написалъ, ей Богу, миленькую пьэсу *дњв. влюбл. Поэ.* — кромѣ *Авторáми.* А куда онъ Коншинъ! его *Элегія* въ Цвѣтахъ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое. По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну Министерства на Парнассѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется, дѣло до меня не косается. Если *Палњй* пойдетъ какъ начатъ — Рылѣевъ будетъ министромъ. — Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но *Эда* все поправитъ. Что Баратынскій?.. И скороль, долголь?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ изкупленья? Бѣдный Баратынскій. Какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ — пишу Записки — но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ Гр. В.? узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ — а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

На обороте: Брату Льву.

---

* Т. е. замѣтно.

*123. Князю П. А. Вяземскому.

19-го февраля [1825 г. Михайловское].

Скажи отъ меня Муханову что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и разпустилъ его по свѣту. Варваръ! вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! теперь я долженъ и Цыгановъ разпечатать а вовсе не вовремя.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разг. Поэта и Книг. мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія и надѣюсь что искренняя и полная похвала съ моей стороны небудетъ ему неприятна. Онъ имянно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Чтоже Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ телѣгу праказникъ? Проччіе журналы всѣ получаю — и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edimboorg review. Да вотъ тѣ Христосъ: литература мнѣ надоѣла — Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь Княгинѣ и цалую руки хоть это изъ моды вышло.

На обороте: Его сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1825 г. Фев. 25.

---

*124. Н. И. Гнѣдичу.

23-го февраля [1825 г. Михайловское].

Кажется Вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и щастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова. Вижу что дружба Ваша не измѣнилась и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. Пѣсни Греческія прелесть и tour de force. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать? Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно — но причины? — — — Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи Вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейской подвигъ въ нашемъ Отечествѣ (чортъ возьми это Отечество). Но отдохнувъ послѣ Илліады что предпримите вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. *Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая* писали вы мнѣ когда то. А Владиміръ? а Мстиславъ? а Донской а Ермакъ? а Пожарской? Исторія народа принадлежитъ Поэту.

Когда Вашъ карабль нагруженный сокровищами Грецiи входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1. — Много у меня начато ничего неконченo. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу а читаю мало, потому что вы мало печатаете. *1825 г.*

23-го февр., день объявленiя Греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

На обороте: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

---

*125. Л. С. Пушкину.

[Конецъ февраля — начало марта 1825 г. Михайловское].

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣнiемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоемъ отношенiи — Читалъ объявленiе объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ: жду шума. Если изданiе разкупится — то приступи тотчасъ къ изданiю другому или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ—Отпиши о впечатлѣнiи имъ произведенномъ— У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григор. я принужденъ былъ выгнать за непристойное повѣденiе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то бы она уморила Няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ что за 2 года (1823 и 4) ей ничего не плотили (?) и считаетъ по 200 руб. на годъ итого 400 рублей. — По моему счету ей слѣдуетъ 100 р. Наличныхъ денегъ у ней 300 р. Изъ оныхъ 100 выдамъ ей а 200 перешлю въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно сколько имянно положено ей благостыни и заплачено-ли что нибудь въ эти 2 года. Я парядилъ комитетъ составленный изъ Василья, Архипа и Старосты—Велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленiя т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ, она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленiя.

Ты спрашиваешь за чемъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хужѣ Б—. Они на дняхъ меня зарѣжутъ — покамѣсть я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ Онѣгина которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ....а кто виноватъ? все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ Моремъ и землею должно было поставить Идиллiя Моса — Отъ этаго я бы не удавился—а Бiонъ старикъ при своемъ остался бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни — но тутъ я самъ виноватъ —

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то разпечатай— позволяю. Плетнева цалую, и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ Изд. или П<........> Н. А. Прочитай его да доставь. Онъ каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро! Начало *Кота* Измайлова очень мило.

P. S. Слѣпой попъ перевелъ *Сираха* (смотр. Инв. № какой-то) издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экз.

---

*126. А. Н. Вульфу.

[Мартъ 1825 г. Тригорское].

Любезный Алексѣй Николаевичь — Благодарю Васъ за воспоминанья. Обнимаю васъ братски, также и Языкова — Посланіе его, и чувствительная Элегія — прелесть — въ посланіи послѣ *тобой хранимаго пѣвца*, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его.

А. П.

На обороте рукой П. А. Осиповой: очень хорошо бы было когдабъ вы исполнили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексей намъ нужно бы было потолковать и о твоемъ путешествіи хотя я не имѣю чести знать Языкова но отъ моего имяни пригласи его чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ.

---

*127. Л. С. Пушкину.

14-го марта [1825 г.]. Тригорское.

Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше — Дельвига жду хоть онъ и не поможетъ. [Онъ] У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны — потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь и въ Цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ — да книгъ: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, Талію, Старину, да Sismondi (litterature) да Schlegel (dramaturgie) если есть у St. Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть новое Изд. Собр. *Рус. Стих.* да дорого 75 руб. я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня — Напиши мнѣ благопристоенъ-ли тонъ его критикъ — если нѣтъ — пришлю эпиграмму.

У насъ ересь. Говорятъ что въ стихахъ — стихи не главное. Чтоже главное? Проза? должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ *Одинъ сижу во компаніи* и тому под.

Ан. Ник. тебѣ кланяется и очень жалѣетъ что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и Миртильничую. Знаешь ея Кузину Ан. Ив. В.? ecce femina! *1825 г.*

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣсть благодари его — думаю что Экз. Онѣ. ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь что это шутка. А чего добраго! Однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

Тригорское
14 марта.

На оборотѣ: Достань у Рылѣева или у Бестужева мои мѣлкія стихотв. и перешли мнѣ скорѣе.

Что жъ ты обѣщался *мнѣ* прислать Парни?

Льву Сергѣевичу Пушкину.

Приписка Анны Николаевны Вульф: I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.

---

*128. Л. С. Пушкину.

[По получении рукописи. 14 марта 1825 г. Михайловское].

Напрасно воображаешь ты что я на тебя сержусь — и не думалъ — Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутитъ. Я долженъ ему 1000, а не 500, переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ —

Ради Бога, погоди въ разсужденіе отставки. М. б. тебя притѣсняютъ безъ вѣдома Царя — Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc. — Погоди хоть Дельв.

Увѣдомь о Баратынскомъ — свѣчку поставлю за Закревскаго если онъ его выручитъ.

На обороте неизвестною рукою написано: Приходи къ Плещееву — вкушать трапезу съ.. — Тамъ будутъ институтки и васъ зовутъ. Г.

---

*129. Л. С. Пушкину.

[14-го — 15-го марта 1825 г. Михайловское].

Если найдутся и другія, то тисни. Нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ находятся у Бестужева; возьми ихъ отъ него.

Дай всему этому порядокъ, какой хочешь, но разнообразіе.

---

*130. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

[15-го марта 1825 г. Михайловское].

Братъ Левъ
и Братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новыя и старыя стихи. Я выстиралъ черное бѣлье на скоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія зн. препинанія, описки, безсмыслицы — прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ недостанетъ. — Въ порядкѣ піэсъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія — Только не подражайте Изданію Батюшкова — изключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго, не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надо, или изъ A. Chenier. Виньэтку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа, сдѣлайте; имянно: *Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ.* (Къ стати: что прелестнѣе строфы Ж. *Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные* и слѣдующей. Конца не люблю). Что, еслибъ волшебная кисть *Ѳ. Толстова.....*

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужесть какъ мила!.....

Къ тому-же кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. Впроччемъ это все наружность. Иною прелестью плѣняется — — —

Перещитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія нахожу 60 или *около* (ибо часть подземнымъ Богамъ непредвидима). Бируковъ, человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ *грозное время* былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно —

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте [не] каждую піэсу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд. изд. Жук. и пожалуйста безъ ∿∿∿ и безъ —÷— и безъ ═══. Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами — и à la ligne — Но каждую штуку особенно — хоть бы изъ 4 стиховъ состоящую — (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую).

60 піэсъ! довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать-ли вамъ для наполненія *Ц. Никиту и 40 его дочерей*?

Братъ Левъ! не серди Журналистовъ! дурная политика!

Братъ Плетневъ! не пиши *добрыхъ* критикъ! Будь зубастъ и бойся приторности!

Простите, дѣти! Я пьянъ.

15 марта.

---

*131. Л. С. Пушкину.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Я было послалъ это въ С. О. да кажется Журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться какъ даннику Атамана Греча и Есаула Булг. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

---

132. Барону А. А. Дельвигу.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ, живъ ли ты?

---

*133. А. А. Бестужеву.

24-го марта [1825 г.]. Михайловское.

Вопервыхъ пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину. Рылѣеву не пишу. Жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему что въ отношеніи мнѣнія Байрона, онъ правъ. Я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Byron въ своемъ спорѣ заврались; у меня есть на то очень дѣльное опроверженіе. Хочешь перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взялъ что я льщу Рылѣеву? мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно, о поэмахъ его также. Очень знаю что я его учитель въ стихотв. языкѣ—но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ. Я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень что его не застрѣлилъ когда имѣлъ тому случай — да чортъ его зналъ. Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ свои замѣчанія. Ради Христа! чтобъ онъ писалъ — да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все таки ты не правъ, все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д. Ж. — Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж. (первыя 5 пѣс. другихъ не читалъ) но въ немъ ничего нѣтъ общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой-же! Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня *сатира?* о ней и помину нѣтъ въ *Евг. Он.* У меня бы затрещала набережная, еслибъ коснулся я Сатирѣ. Самое слово *сатирическій* не должно бы находится въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ.... Ахъ! Еслибъ заманить тебя въ Михайловское!.... ты увидишь что если ужъ и сравнивать

Онѣгина съ Д. Ж. то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse) Татьяна или Юлія? 1-ая пѣснь просто быстрое введеніе и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается.) Симъ заключаю полемику нашу.... Жду П. З. Давай ее сюда. Предвижу что буду съ тобою согласенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы къ стати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія [наши] свои сродно мыслящему созданію. *Безкорыстное* признаніе въ ономъ требуетъ душевной силы. Впроччемъ этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей; да возьмись за Романъ— кто тебя держитъ. Вообрази: У насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ этаго слова. Въ Европѣ также получишь свою цѣну— во первыхъ какъ истинный талантъ, во вторыхъ по новизнѣ предметовъ, красокъ etc... Подумай братъ, объ этомъ на досугѣ..... да тебѣ хочется въ Ротмистра!

24 март. Михайловское.

---

*134. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

24-го марта [1825 г. Михайловское].

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a navré le cœur. Je n'avois pas l'idée du malheur qui vous est arrivé; je n'essairai pas de vous consoler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins et vos angoisses. J'espère qu'à l'heure qu'il est le Prince et les enfants sont convalescents. Puisqu'Онѣгинъ peut le distraire, je m'en vais dès ce moment me mettre à le copier et je lui enverrai. J'ecrirai aussi à mon frère pour qu'il lui envoye ce qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement au Prince qu'il garde tout celà pour lui seul, et qu'il n'en lise rien à personne au monde.

P<ouchtchin> a eu tort de vous parler de mes inquiétudes et de mes conjectures qui se sont trouvées fausses. Je n'ai aucune relation avec O<dessa> j'ignore complètement ce qui s'y passe.

Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est possible. Donnez moi des nouvelles de Votre famille et comptez moi toujours au nombre de ceux qui vous sont le plus devoués.

24 mars.

На обороте: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ *Вяземской. Въ Москвѣ.* Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

---

*135. Л. С. Пушкину. 1825 г.

[27-го марта 1825 г. Михайловское].

Душа моя, что за прелесть — Бабушкинъ котъ! я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину — Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяз. получилъ извѣстіе. Перешли ему душа моя все что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебѣсія.

Получилъ-ли ты мои Стихотворенья? — вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: Многія изъ сихъ стихотвореній — дрянь и недостойны вниманія Росейской Публики — но какъ они часто бывали печатаны богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя — такъ вотъ онѣ, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ — <.....>-съ (сказать это помягче) 2) Мы (сирѣчь Издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи писаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публики (Росейской) или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пшк. изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году (т. е. 14 лѣтъ), или какъ угодно.

3) Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ — это не пристойность и *въ Бахч. Ф.* я забылъ замѣтить это Вяз. — 4) все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу что проза Его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ — Ну покрайнѣй мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ-ли онъ — да перешли на всякой случай это предисловіе въ Мих. — а я пришлю вамъ замѣчанья свои —

Когда пошлешь стихи мои В. — напиши ему чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ — а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями — Прощай сестру поцалуй!

Великая Пятница —

Я Телеграфомъ очень доволенъ — и мышлю или мыслю поддержать Его. Скажи это и Ж — . Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ — то ли дѣло не красть, не ругаться по <.......>, не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч. — Люди не осудятъ а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой, возьми ихъ отъ нее — Думаю что *Посл. къ Ов.*, *Вчера былъ день* и *Море* могутъ быть,

 разнообразія ради, помѣщены въ Элегіяхъ — да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

[Не напечатать-ли въ концѣ *Воспоминанія въ Ц.С.* съ Notой что онѣ писаны мною 14 лѣтъ — и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ) ась?] [1].

Да тиснуть еще мою *Птичку*, [да 4 стиха *о дружбѣ*: что дружба? Легкой пылъ похмѣлья].

---

*136. Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

[Апрѣль — май 1825 г. Михайловское].

Voici, Mademoiselle, encore une lettre pour mon frère. Je Vous supplie de la prendre sous votre protection. De grâce, les plumes que vous avez eu la mangnanimité de me tailler et que j'ai eu l'insolence d'oublier! Ne m'en voeillez pas.

На обороте: Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

---

*137. Л. С. Пушкину.

[Начало апрѣля 1825 г. Михайловское.]

Живъ, живъ курилка!

Какъ! живъ еще, курилка журналистъ?—
— Живёхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку.—
— Фу! надоѣлъ Курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить Курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.— Да... плюнуть на него.

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр. гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ лже-Дмитріева, это мнѣ нужно для предисловія къ *Бахч. Фонт.* Не худо бы мнѣ переслать и весь процесъ (и Вѣстн. и Дамс. Жур.).

Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ не сердись — а *Хотѣлъ простить — простить немогъ* достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны — Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы — по крайнѣй мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами, есть-ли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

---

[1] Слова: «Не напечатать ли... ась?» зачеркнуты и под ними написано: «нѣтъ».

Гнѣдичь не получилъ моего письма? Жаль оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находилось два очень нужныя — тебѣ и Плетневу — Что Плетневъ умолкъ? Конечно бѣдный боленъ, Иль Войнаровскимъ не доволенъ — Къ стати каковы мои замѣчанія? надѣюсь, не скажешь, что я Ему кажу — а виноватъ: Войнаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно что его здѣсь нѣтъ у меня. *1825 г.*

Если можно пришли мнѣ послѣднюю *Genlis* — да Child-Harald — Lamartine (то-то чепуха должна быть!) да вообще что нибудь новенькова, да и *Старину.* Талію получилъ и письмо отъ Изд. Не успѣлъ еще пробѣжать: *Ворожея* показалась мнѣ *du bon comique.* А Хмѣльницкой моя старинная любовница — Я къ нему имѣю такую слабость что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ на 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чертъ! говорятъ, онъ сердится если объ немъ упоминаютъ какъ о драмм. писателѣ). В. правъ—а все таки на него сердитъ. Надѣюсь что Дель. и Бар. привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то что мнѣ не по нутру *Рѣзвоскачущая кровь* Гриб.а.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ Эгоизма [и проч.] изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ а не Грекомъ и человѣкомъ, да какимъ еще?

Тиснуть *Сарское Село* и съ Нотой — Напрасно объявляли *о Бр. Разб.* Ихъ бы можно [хорошо бы] напечатать и *въ Разн.* Стих.

Богатая мысль напеч. *Nап<олеона>* да Цензура... лучшія строфы потонутъ.

---

*138. Князю П. А. Вяземскому.

7 апрѣля [1825 г. Михайловское].

Нынче день смерти Байрона — я заказалъ свечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немѣдленно и онъ явиться къ тебѣ.

Сей часъ получилъ я Войнаровскаго и думы, съ письмомъ Пущина — Предложеніе Селивановскаго, за 3 поэмы 12,000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни. Бахч. Ф. перепечатанъ.

Прощай, милый, у меня хандра и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей.—Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ.

А. П.

На обороте: Его сіятельству Князю Петру Андреевичу *Вяземскому. Въ Москвѣ* въ собств. домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ.

---

*139. Л. С. Пушкину.

[7-го апрѣля 1825 г. Тригорское].
17 апрѣля.

Сей часъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку, вѣроятно отъ Плетнева — Письмо А. Н. отдалъ непрочитавъ и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія—или изъ ревности какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то что онѣ тебя усыпили— *Полярн.* еще не получилъ — Справься ради Бога объ *Фонт.* Селивановскій предлогаетъ мнѣ *12000 р.* а я долженъ отъ нихъ отказаться — эдакъ съ голоду умру — съ отцомъ да съ Ольдекопомъ—Прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за *Отр.* изъ письма *Бар.*—Дельвига здѣсь еще нѣтъ —

On vous permet d'écrire des lettres mais *sous l'adresse de notre soeur* (пойми!). C'est ainsi, voyez-vous, que j'ecris à Анна Ив. B., sous le nom d'Euphrosine — Господи Суси Христе! Quelles *misères*!... Цалуй Ольгу —

Вотъ тебѣ мой вчерашній *im-promptu*

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра! не съ переди, а съ зади.

Сожги-же это, показавъ ей.
Variantes en l'honneur de M-lle NN

Почтенія, любви, и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и съ переди и съ зади.

M-lle NN находитъ что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc...

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти) А. Н. также и въ обѣихъ церквахъ Триг. и Вор. происходили молебствія—Это немножко напоминаетъ la Messe de Frederic II pour le Repos de l'âme de M-r de Voltaire. Вяз—у посылаю вынутую просвиру Отцомъ Шкодой—за упокой поэта.

Приписка Анны Н. Вульф: Quelle amabilitè et dans quel humeur charmante est lui!!!—Coment osez vous m'ècrire une lettre comme celle-ci, c'est bien que vorte frere a prit la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату—!!!
На обороте: Льву Сергѣевичу Пушкину.

---

*140. Князю П. А. Вяземскому.

[Середина апрѣля 1825 г. Михайловское].

Надѣюсь что ты выздоровилъ — съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ официальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи, я переписываю для тебя Онѣгина — желаю чтобъ онъ

помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit. (Извини эту плоскость: въ крови!..) А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ — отроду не для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной — изъ сего слѣдуетъ что я въ тебя влюбленъ, какъ кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя Росейская литература? Я было на Полевово очень ощетинился за Невск. Альм. и за породію Жук. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такова мнѣнія что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петб. подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже. Но все нужно было соединить во едино. Изо всего что должно было предать забвенію болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ — ихъ всѣхъ около 50 и всѣ оригинальныя—но по нещастію я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie а съ живыми — полно, не хочу ссориться.

Изъ посланія к Чед. вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились—[но] единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ— а не потому что они другимъ не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена и подѣломъ. Къ стати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонт. Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, еслибъ дѣло шло, не о востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ Европейцамъ. Къ стати еще — знаешь почему не люблю я Мура? — Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подрожаетъ ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета.—Европеецъ, и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца. — Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч.—

---

*141. Л. С. Пушкину.

[22-го и] 23-го [апрѣля 1825 г. Михайловское].

Фуше, Oeuvres dram. de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣднія 6-ая и пр. пѣсни), новое Wal.Scott, *Сибирской Вѣстникъ весь*—и все это черезъ St. Florent а не черезъ Слѣнина. — Вино, вино, ромъ (12 бут.) горчицы, Fleur d'Orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбург. (книгу о верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону).

Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! наши барышни всѣ въ него влюбились — а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигринскимъ Старостою — приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно

 тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей: (на примѣ. устрицъ).

23. Сей часъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія — Думаю что можно начать благословясь — О *посл. къ Ч.* скажу тебѣ что пощечины повторять не нужно — Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-ой пѣснѣ *Онѣг.* если его пасквиль этаго стоитъ и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—чтожъ дѣлать—а напечатай ужъ такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю что не могу быть увѣрену и въ твоей молчаливости. Скажи Сестрѣ что я поссорилъ ее съ Ан. Ник. показавъ и не читавъ нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f <...> или подобное. Я Анету увѣрилъ, что Сестра сердится очень на нее, и все черезъ мои сплетни.

Des bretelles
des bottes (или не нужно).

На обороте: Брату.

Плетневу поклонъ да пара словъ — на дняхъ къ нему пишу —

---

*142. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ апрѣля (до 26-го) 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина, (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разг. съ няней [и Письмо Тани] безъ письма братъ получилъ 600 р. — Ты видишь что это деньги, слѣдств. должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху ни духу. Надѣюсь что ты здоровъ, о другомъ надѣиться не смѣю, но Судьба кажется могла бы быть довольна —

Улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ

Элегія на смерть Ан. Льв.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
Вас. Льв. сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна
Была ты къ папинькѣ добра
Была ты *Лиз: Льв-ой*
Любима больше серебра;
Матв. Мих. какъ кровной,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольг. Серг.
Со Льв. Серг. давноль
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! за чемъ В. Л.
Твой гробъ стихами обмочилъ
Или зачѣмъ подлецъ Поповичь
Его Красовскій пропустилъ!

(Я да Дельвигъ).

Кстати: за чемъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письма Дельвига? Онъ человѣкъ, достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной С.П.Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его *Цвѣты* * на слѣд. годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся — Что мнишь ты о Полярной?.... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? перешли мнѣ что нибудь о томъ.

На обороте: Князю Вяземскому.

---

*143. Л. С. Пушкину.

[Конецъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Доставь это Вяземскому повторивъ просьбы чтобъ онъ никому не показывалъ да и самъ [ничего] не пакости —

---

*144. Князю П. А. Вяземскому.

25-го мая [1825 г. Михайловское].

Ты спрашиваешь доволенъ-ли я тѣмъ что сказалъ ты обо мнѣ въ Тел.—Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! а твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Ж. Я не слѣдствіе а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайный.

Переводы избаловали, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать — но онъ, какъ Voss, Геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ.

Читалъ твое *о Чернецѣ*, ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма конечно полна чувства и *умнѣе* Войн., но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какойто тамъ палачь съ засучеными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то думы дрянь и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкого Dum, а не отъ Польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неелова прелесть, не даромъ я назвалъ его нѣкогда le chantre de la merde! (Это между нами и потомствомъ буди сказано). Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Не ужъ то онъ обижается моими стихами? вотъ ужъ тутъ то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ что увидѣвъ у меня имя Кн. Ш. онъ

---

* да нѣтъ-ли у тебя и прозы?

 присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ—я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои калембуры очень милы — здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ бы выкраить изъ него Calembourg? выгадай-ка). Ты, кажется, любишь Казимира, а я такъ нѣтъ. Конечно онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла!—Первый Геній *тамъ* будетъ романтикъ и увлечетъ французкія головы Богъ вѣдаетъ куда. Къ стати: я замѣтилъ что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое тёмное понятіе о Романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать но не теперь; мочи нѣтъ усталъ. Писалъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарину.

25 мая.

Ты вызываешься сосводничать мнѣ *Полевова*. Дѣло въ томъ что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню—слѣдств. и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты, смотри за нимъ — ради Бога! и ему случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихотъ изкоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!— Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было Романтизма — А онъ въ Италіи то и возникъ. Что же такое Аріостъ? а предшественники его начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мѣлочами: Наполеонъ ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

На обороте: Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Не то отдать А. И. Тург. для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, Мусье Lion, за то что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

Приписка Л. С. Пушкина: Левъ Пушкинъ проситъ прощенія въ томъ, что письмо разпечатано; не взглянувъ на конвертъ, онъ думалъ что оно къ нему.—

---

*145. К. Ѳ. Рылѣеву.

[Конецъ мая 1825 г. Михайловское].

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Вой<наровскаго>. Прибавлю одно: вездѣ гдѣ я ничего не сказалъ должно подразумѣвать похвалу, знаки возклицанія, прекрасно и проч. Полагая что хорошее писано тобою съ умыслу не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живые, окончательныя строфы *Петра въ Остр.* чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изло—

женіемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой: составлены изъ *общихъ мѣстъ* (Loci topici). Описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь Героя и— нравоученіе. Національнаго, Рускаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ (изключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ). Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ *Герба Россіи.* Древній Гербъ, С. Георгій, немогъ находится на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый Орелъ, есть Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во время Іоанна III, не преждѣ. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды. 1825 г.

Объ Исповѣди Наливайки скажу что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ разтянутымъ; но и тутъ конечно наложилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб. а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай Поэтъ — когда то свидимся?

---

* 146. В. А. Жуковскому.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ божіей помощію могу проносить еще года 3. Слѣдств. дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибы Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, [въ Евро.] то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяз. пишетъ мнѣ что друзья мои въ отношеніи Властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ. *Кинжалъ* не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь-же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по франц. потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ Воля Твоя; если покажется это непристойнымъ то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишитъ за меня.

Все это тринь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ Стихотв. За чѣмъ слушаешься ты Маркиза Блудова? пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ томуже не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ.

Выбрасывая, [унижая] уничтожая самовластно онъ не исключилъ изъ Собранія *посланія къ нему* произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И <. . . .> его <. . .>.

Надпись къ Гёте, ахъ еслибъ мой милый, Генію все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напѣчатаютъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвигъ разкажетъ тебѣ мои литературныя [произведен] занятія—Жалѣю что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ—[он] или хоть присутствія — оно вдохновеніе. Кончи, ради бога, *Водолаза.* Ты спрашиваешь какая цѣль у Цыгановъ? вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія — какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этаго). Думы Рылѣева и цѣлятъ а все не въ попадъ.

На обороте: В. А. Жуковскому.

---

*147. Императору Александру I.

Черновое.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

[Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrace], je me [fer.] serois fait un devoir de [la] supporter ma disgrace dans un respectueux silence si la necessité [seule peut me contraindre] ne [m'ai] me contreignit a le rompre.

Ma santé a été fortement alterée dans ma première jeunesse, jusqu'à present je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dixaine d'année exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la verité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part *en Europe*, où je ne sois pas dénué de tout secours —

---

*148. А. А. Бестужеву.

[Конецъ мая — начало іюня 1825 г. Михайловское].

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего взгляда. У Римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку *геніевъ* — грѣхъ отнять это титло у таковыхъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій хотя они * кромѣ двухъ послѣднихъ,

* виноватъ! Горацій не подражатель.

шли столбовою дорогою подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшедствовали Тассу и Аріосту, сіи предшедствовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддиссона и Попа, послѣ которыхъ явились Southay, Walter Skott, Moor и Byron — изъ этаго мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной Французкой литературѣ. *1825 г.*

У насъ есть критика а нѣтъ Литературы. Гдѣ-же ты это нашелъ? имянно критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутаціи Ломоносова * и Хераскова и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. ** Кумиръ Державина [полу] $^{1}/_{4}$ золотой [полу] $^{3}/_{4}$ свинцовой донынѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на См. Мещ. Ода къ Зубову недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичь причисленъ къ лику Великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго коментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который [въ баснѣ] столь же вышѣ Лафонтена, какъ Держ. выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся что это все не можетъ установить какого нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться ** уложеніемъ вкуса. Каченовскій тупъ и скученъ, Гречь и ты остры и забавны — вотъ все что можно сказать объ васъ — но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою скажемъ на оборотъ; литература кой какая у насъ есть а критики [отъ] нѣтъ — Впроччемъ ты самъ немного нижѣ съ этимъ соглашаешься.

Отъ чего у насъ нѣтъ Геніевъ и мало талантовъ? Во первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ — во вторыхъ гдѣ-же бываетъ *много* талантовъ.

Ободренія у насъ нѣтъ — и слава Богу! отъ чего-же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были *въ ободреніе* сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній; отъ этаго онъ еще не нижѣ другаго. Карамзинъ кажется ободренъ; Жук<овскій> не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гнѣдичь въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго — и не говорю слава Богу!

Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оста-

---

* *Сбоку письма:* Уважаю въ немъ великаго Человѣка но конечно не великаго поэта. Онъ понялъ истинный источникъ рускаго языка и красоты онаго; вотъ его главная услуга.

** *На поле, начиная от слов*: «Кумиръ Державина....», написано: У однаго только народа критика предшедствовала литературѣ — у Германцевъ.

1825 г. вили въ своихъ поэмахъ слѣды Княжескаго покровительства Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ *по заказу* Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго Генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ *лучшую* свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика — — — — Державину покровительствовали три Царя — Ты не то сказалъ что хотѣлъ; я буду за тебя говорить —

Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается что не носитъ [она] на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести — а какъ онъ льстилъ?

О вспомни, какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, тріумфъ минуту
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А. (Жук. 1815 году) вотъ какъ рускій поэтъ говоритъ Рускому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ.... Объ нашей-то лирѣ можно сказать что Мирабо сказалъ о Сіесѣ. Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются — они отдаютъ намъ полную справедливость — не понимая какъ это сдѣлалось — Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества — Аристократическая гордость сливается у нихъ съ Авторскимъ самолюбіемъ. Мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ что рускій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою—а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шести сотъ лѣтній дворянинъ — дьявольская разница!

Все что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестр. и междуусобныхъ (прелесть!) подражателяхъ — прекрасно, выражено сильно, и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ — Объ Онѣг. ты не высказалъ всего что имѣлъ на сердцѣ; чувствую по чему и благодарю — но за чемъ-же ясно не обнаружить своего мнѣнія? — покамѣсть мы будемъ [удерживаться] руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ — а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ напоминаетъ Турниры W. Scotta. Брось этихъ Нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать *быстрыя* повѣсти съ романтическими переходами — это хорошо для поэмы Байронической. Романъ требуетъ *болтовни*; высказывай все на чисто. Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драммы, смотритъ на солнце въ полночь *, etc. Но описаніе стана Литовскаго, разговоръ плотника съ час. прелесть, конецъ такъ же. Впроччемъ вездѣ твоя необыкновенная живость.

---

* стр. 330.

Рылѣевъ покажетъ конечно тебѣ мои замѣчанія на его Войн<аровскаго> а ты перешли мнѣ свои возраженія. Покамѣсть обнимаю тебя отъ души. *1825 г.*

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову — Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

---

*149. Барону А. А. Дельвигу.

[Начало іюня 1825 г. Михайловское].

Жду, жду писемъ отъ тебя — и не дождусь — не принялъ-ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту — или ждешь оказіи? — проклятая оказія! ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь что я имѣлъ нещастіе потерять Бабушку Чичерину и дядю Петр. Льв. — получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи — утѣшь меня, это священной долгъ дружбы (сего священнаго чувства).

Что дѣлаютъ мои *Разн. Стих.?* видѣлъ-ли ихъ Бируковъ Грозный? отъ Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается-ли? къ стати: скажи, Пле<тневу> чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на коммиссіи мои — по тому что это напрасно: Такова безсовѣстнаго комиссіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Руской грамоты ни духа Рускаго языка. — (вотъ почему онъ и нижѣ Ломоносова) — онъ не имѣлъ [1] понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. — Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо — Онъ не только не выдерживаетъ *Оды* но не можетъ выдержать и строфы (изключая чего знаешь). Чтожъ въ немъ: *мысли картины и движенія истинно поэтическія;* читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей богу, Его Геній думалъ по татарски — а руской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумитъ Европу а мы изъ гордости народной не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ (не говоря ужъ о его Министерствѣ) у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а проччее сжечь — Геній его можно сравнить съ Геніемъ Суворова — жаль что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ — довольно объ Державинѣ — что дѣлаетъ Жуковскій? — Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ *Онѣг.*, да о томъ что у меня въ пяльцахъ — Какую Крыловъ выдержалъ операцію? дай Богъ ему многія лѣта! — Его *Мѣльникъ* хорошъ какъ *Демьянъ*

---

[1] Было написано: не имѣетъ.

и Ѳока — Видѣлъ ли ты Н. М.? идетъ-ли впередъ Исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Ром<ановыхъ>? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную Грамоту! да двое руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я.....

На обороте: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу *Дельвигу* въ С. Петербургъ въ *Имп. Публ. Библіотеку. Почтовый штемпель:* Опочка 1825 іюн. 8.

---

*150. К. Ѳ. Рылѣеву.

Черновое.

[Вторая половина іюня — іюль 1825 г. Михайловское].

Мнѣ досадно что Р. меня не понимаетъ — въ чемъ дѣло. Что у насъ не покровительствуютъ Литературу? и что слава Богу? зачѣмъ же объ этомъ говорить? или reveiller le chat qui dort? напрасно. Равнодушію [и даже п] правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нынѣшней нашей словесности — Чего жъ тебѣ болѣе? загляни въ журналы; въ теченіи 6-ти лѣтъ посмотри сколько разъ упоминали обо мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасно — а объ [Томъ] нашемъ пріятелѣ ни гугу, какъ будто на свѣтѣ его не было. Почему это? ужъ вѣрно не [по] отъ гордости или радикализма такого-то журналиста, [а потому что] нѣтъ — а всякой знаетъ что хоть онъ разподличайся никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей — такъ лучше жъ даромъ быть благороднымъ человѣкомъ — Ты сердишься за то что я хвалюсь 600 лѣт. дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ-же ты не видишь что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій Вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя [имъ] равными имъ. Отселѣ гордость etc — Не должно рускихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія — Тамъ стихами живутъ а у насъ Гр. Хв<остовъ> прожился на нихъ — Тамъ [У нѣмцевъ] есть нечего, такъ пиши книгу, а у насъ есть нечего служи да не сочиняй — Милый мой, ты поэтъ и я поэтъ но я сужу болѣе прозаически и чуть-ли отъ этого не правъ — Прощай милый что ты пишешь <?>....

---

*151. Князю П. А. Вяземскому.

[Начало іюля 1825 г. Михайловское].

Думаю что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему что

тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина), если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный — но враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею; пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піэсъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ возхощетъ Богъ да Бируковъ. — Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мѣлочную, лавку № 1, запираю. Къ тому же, между нами, братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на дѣвокъ да на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается и дай Богъ имъ обоимъ разторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses... 1825 г.

Какую пѣсню изъ Beranger перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не Le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну что его въ томъ подозрѣваютъ въ П. Б. и что готовится уже слѣдственная комисія, составленная изъ Гр. Хвостова, Магницкаго и Г-жи Хвостовой (автора *Камина,* и слѣдств. соперницы В. Л-ча). Не худо увѣдомить его что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его опаснаго сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль что умеръ А. М! и что не видалъ я Дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. — Я послалъ въ *Пчелу,* а не въ *Тел.,* мою *опечатку,* потому что въ Москву почта идетъ несносно долго; Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ *журнальнымъ,* а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien. Вотъ еще Эпиграмма на *Благон.* который говорятъ критиковалъ моихъ *приятелей.*

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей,
Журнальный Шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи-жъ злодѣй!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ *Пол.* Ты уже думаю, босо-ножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслождаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею Псковскаго неба и жду чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ и золотыя дожди остановились — Ѳита въ сторону, у насъ холодно и грязно — Жду разрѣшенія моей участи.

На обороте: Князю Вяземскому.

---

*152. В. А. Жуковскому.

[Начало іюля] 1825 г. Михайловское.

Ножиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе что здѣшній Губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнію высшаго начальства —

Я справлялся о Псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по Ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ Лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ, тѣмъ не менѣе чувствуя отеческую снисходительность Его Величества.

Боюсь чтобъ медленность моя пользоваться Монаршей милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство — Но можно-ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ что 10 лѣтъ не думавъ о своемъ Аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ разхлопотаться — Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкаря по довѣрчивости собственнаго разсудка а не по приказанію высшаго начальства —

Обнимаю тебя горячо.

А. Пушкинъ

1825 [1]
Михайл.

На обороте: В. А. Ж.

---

*153. Князю П. А. Вяземскому.

13-го іюля [1825 г. Михайловское].

Братъ писалъ мнѣ что ты въ Ц. С., что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду жду письма и не дождусь — что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? и что твой Байронъ или Бейронъ (Toi, dont le monde encor ignore le vrai nom!). Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона — чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальной тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Руской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіи французкаго; (яснаго точнаго языка прозы —

---

[1] Место с датой месяца вырвано при распечатывании письма.

т. е. языка мыслей —). Объ этомъ есть у меня строфы 3 и въ Онѣг. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-d de Stael. Но не разглащай этаго: тутъ есть одно *Великодушiе* поставленное вопервыхъ ради Цензуры а вовторыхъ для вящшаго *анонима* (родъ онанизма журнальнаго). Вѣроятно ты уже знаешь Царскую ко мнѣ милость и позволенiе прiѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣсть душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ за который ты меня разцалуешь: Романтическую Трагедiю! — смотри молчи-же: объ этомъ знаютъ весьма немногiе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди объ немъ какъ Езуитъ — по намѣренiю. Милый мой! мое намѣренiе обнять тебя но плоть немощна. Прости, прощай — Съ тобою-ли твоя Княгиня-лебедушка? кланяйся ей отъ Арзамасскаго гуся.

13 iюля.

Передо мной моя трагедiя. Не могу вытерпѣть чтобъ не выписать ея заглавiя: *Комедiя о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Ц. Борисѣ и о Гришкѣ Отр. Писалъ рабъ Божiй Алекс. сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городищѣ Ворониче.* Каково?

На обороте: Его Превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину. *Въ Царскомъ-Селѣ Пр. дост. Князю П. А. Вяземскому. Почтовый штемпель:* Опочка 1825 iюля 20.

---

154. П. А. Плетневу.

[Середина iюля 1825 г. Михайловское].

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка къ А. Шенье (въ посвященiи Н. Р. послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ, шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонiю. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его *Венецiанскую Ночь* на голосъ гондолерскаго речетатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, come ognun puó veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego.

Tutto il vostro.

На обороте: П. А. Плетневу. *Почтовый штемпель:* Августа 5. 1825 г. Опочка.

---

* 155. Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

21-го іюля [1825 г. Михайловское].

Je vous ecris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hebien! êtes vous à Riga? avez vous fait des conquêtes? vous marierez-vous bientôt? Avez vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout celà dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'interesse véritablement à tout ce qui vous concerne — Je voulais vous gronder mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse — Pour de la moral et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin) ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, aulieu que les *amies* vous feront du tort; car mettez vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-mêmes. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les tempes, quand même ce seroit la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque tems, mais [n'en] n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что съ вами нездарово вальсировать, ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous [...][1], détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d-re éd. de Byron.

Savez vous pourquoi je voulois vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc.... et vos promesses donc, les avez vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avois-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante *Не мила ей прелесть* NB: *ночи,* celà me serre le coeur, hier *M-r Alexis* et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout à coup. Ennui? *Conformité de sentiment*? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle étoit là — la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fannée, j'écris beaucoup de vers — tout celà, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étois amoureux, j'aurois eu *dimanche* des convulsions de

---

[1] Зачеркнуто одно короткое слово.

rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué---cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir eveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes ni plus sombre dans ses jours de tristesse que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — — non cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai,—non, ne le lui dites pas; elle s'en moqueroit, cette délicieuse créature. Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrette, un penchant mélancholique et mystérieux[1], je la méprise, entendez vous? oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, M-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi la recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en peux plus—*maudite visite*, *maudit départ!*

---

*156. Барону А. А. Дельвигу.

23-го іюля [1825 г. Михайловское].

Сей часъ узнаю что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня недошло, дай Богъ чтобъ новой Никита имъ воспользовался! я чрезвычайно за тебя безпокоюсь; не сказалъ-ли ты чего нибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Во Псковѣ конечно есть лѣкаря — чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ — Онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копейки денегъ въ минуту нужную, я незнаю когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе Эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени — Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того чтобъ читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими Альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ — если нѣтъ то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ поздравляю мой милый — будь щастливъ хоть это чертовски мудрено — Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.

23 іюля.

---

[1] Зачеркнуто слово.

П. А. уѣхала и я одинъ.

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь-ли на чувствительность....?.... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость —

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь недолжно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! — Чѣмъ болѣе читаю Тацита тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ Государственныхъ умовъ древности—

На обороте: Б. Дельвигу.

---

*157. А. П. Кернъ.

25-го іюля [1825 г.. Михайловское].

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous, l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au desir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avoit produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds—mille tendresses à Ерм. Фед. et mes compliments à M-r Voulf.

25 jllt.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous — J'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez vous encore dans votre sein? me répondrez vous bien longuement? ecrivez moi tout ce qui vous passera par la tête, je vous en conjure — Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie — mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, helas! je tâcherais d'y croire ou de me

tromper, c'est égal.—Savez vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental—que dira Ан. Ник.? Ахъ вы чудотворка или чудотворица! *1825 г.*

Savez-vous quoi? ecrivez moi.

[*Поперек письма*]: Comme celà et comme celà, c'est si joli.

---

* 158. П. А. Осиповой.

25-го іюля [1825 г. Михайловское].

Voici, Madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et étoit incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres vous serez arrivée a Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Petersbourg étoient persuadés que je vous accompagnerois. Pletnef m'ecrit une nouvelle assez étrange: la décision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurois pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiement de vos nouvelles—donnez m'en, je vous en supplie—je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon eternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 juillet.

Рукою П. А. Осиповой: 1825 anée.

---

* 159. Л. С. Пушкину.

28-го іюля [1825 г. Михайловское].

Еслибъ Пл. показалъ тебѣ мои письма такъ ты бы понялъ мое положеніе — Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя пологался какъ на брата — между тѣмъ годъ прошелъ а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами то имѣлъ бы тысячь 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р. заплатилъ 500, доплотилъ-ли остальные 500? и осталось-ли что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ — они еще не собраны, не цензированы — ты читаешь ихъ своимъ приятелямъ до тѣхъ поръ что они наизусть передаютъ ихъ Моск. публики. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинится никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина — Теперь прошу если возможно возобновить переговоры — —

Словомъ мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году — а я на тебя пологался — Упрекать тебя не стану — а благодарить ей Богу не за что —

28 іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства — полагаюсь на его дружбу — если-же ты захочешь продиктовать Цыгановъ для отдачи въ Цензуру, покамѣсть не перешлю своего списка — я почту себя очень обязаннымъ —

Заплачены-ли Вяземскому 600 р.

На обороте часть адреса: Льву Сергѣеви..... въ С.Пет.... Противъ Юсу.... по Екатери.... проспекту.... купца... Льву Се.... Въ С.Петербургъ....*и приписка барона А. А. Дельвига ко Л. С. Пушкину:* Въ Февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь: думалъ-ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради или нѣтъ?

---

*160. И. Ф. Мойеру.

29-го іюля 1825 г. Михайловское.

Сей часъ получено мною извѣстіе что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать Во Псковъ для совершенія операціи; нѣтъ сомнѣнія что вы согласитесь; но умоляю Васъ, ради Бога не пріѣзжайте, и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція требуемая [об] аневризмомъ слишкомъ маловажна чтобъ отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти. Я не долженъ и не могу согласиться принять его; смѣло ссылаюсь на собственный Вашъ образъ мыслей и на благородство Вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее уваженіе какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.

Александръ Пушкинъ.

С. Михайловское 29 іюля 1825.

На обороте: Его Превосходительству Милостивому Государю........ Г-ну Моеру. *Въ Дерптъ. Почтовый штемпель:* Опочка 1825 Іюля 30.

---

*161. П. А. Осиповой.

29-го іюля [1825 г. Михайловское].

Vous avez reçu, Madame, de Pskov une lettre inutile que j'ai anéantie.—Je vous envoye une autre de Batova et une autre de ma mère. Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire faire l'opération par Moer

je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskov. Je ne sais d'où viennent les éspérances de ma mère, mais il y a longtems que je ne crois plus aux espérances. *1825*

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au chateau de Trigorsky a son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir—Ses aimables hôtes devroient bien se hâter d'y retourner, mais ce souhait tient trop à mon egoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quelquefois de l'éxilé de Trigorsky (c. à d. de Michailovsky) vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 juillet.

Au nom du ciel, Madame n'ecrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer. Celà ne feroit qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

Рукою П. А. Осиповой: 1825.

---

*162. Н. Н. Раевскому.

Черновое.

[Конецъ іюля 1825 г. Михайловское].

Où êtes-vous? j'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que çela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à S. M. et là dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allois voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vielle bonne et ma tragedie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'ecrivant j'ai reflechi sur la tragedie en general, [et si je me melais de faire une préface, elle seroit piquante]. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les Romantiques ont tous basé leurs loix sur la *vraisemblance*, et c'est justement [la vraisemblance] elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du tems etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitié dont l'une est occupée par deux mille personne, qui sont sensés n'être pas vus par ceux qui sont sur les planches. 2) *la langue*. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon françois après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue Grecque etc. Voyez les anciens: leurs masques, tragiques, léur double personnage—tout cela [est] n'est il pas [pourtant] une invraisemblance conventionnelle? 3) le tems, le lieu etc., etc.

1825 г. Les vrais genies de la tragedie [Schakespear et Corneille] ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme [ce dernier] Corneille a bravement [traité] mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit, et là-dessus il vous entasse des évenements pour 4 mois. Rien de plus [ridicule] inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondement frappé du ridicule de *l'a-parte*, il le supprime et là dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire [un pas énorme à] une révolution dans le système de la tragedie; [comme si le monologue avoit plus de vraisemblance que l'à parte!] quelle [petitesse] puérilité!

[Le développements des passions et des caractères du di] La vraisemblance des situations et la vérité [du costume] du dialogue etc.— voilà la [seule] veritable règle de la tragédie. [Sch. a saisi les passions; Göthe—le costume] (je n'ai pas lu Calderon) ni Vega mais quel homme que ce Sch.! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu [de] qu'un seul caractère [excepté] [et c'est le sien] (les femmes n'ont pas de caractère elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoi il est si facile [au poëte] de les [creer] peindre) ce Byron donc [dans la tragedie] a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractere; son orgueil à l'un; sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc., et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie. —

[Chaque homme aime, hait, s'attriste, se réjouit—mais chaquun à sa manière—et là dessus lisez Sch.] On a encore une manie [(manie digne d'un roman d'Au. Lafontaine)]: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus [triviales] étrangeres [à ses passions] en porte essentielement l'empreinte (comme les pédants, et les marins des vieux romans de Fielding). Un consp. dit *Donnez moi* [*de la soupe*] *à boire* en conspirateur—ce n'est que ridicule [le poëte a peur. le caractère se laisse voir seulement dans]. [Par ex.]. Voyez le Haineux de Byron *(ha pagato)* cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce [dans] la nature? [est-ce la vie?] Voyez Sc [et là dessus] De là cette gène et cette timidité de dialogue. Lisez Sch. [c'est mon refrain] il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en tems et lieu de lui faire [re] trouver le langage de son caractère —

Vous me demanderez: votre tragédie est elle une tragédie de caractère ou de costume. J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus—cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer.

Je....

———

163. П. А. Осиповой.

Отрывокъ.

[Конецъ іюля—августъ 1825 г. Михайловское].

.....Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante.

---

*164. П. А. Осиповой.

1-го августа [1825 г. Михайловское].

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable—Nous avons eu un tems affreux, du vent, des orages etc.—voici toutes les nouvelles que je puis vous donner, je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, Madame, les assurances de ma parfaite consideration et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 août.

---

165. Н. А. Полевому.

2-го августа [1825 г.]. Михайловское.

Милостивый Государь!

Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо, хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа, и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи—это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему Журналу (конечно *лучшему изъ всѣхъ нашихъ Журналовъ*). Я писалъ К. Вяземскому, чтобъ онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ онѣ понравились нашей публикѣ.

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе.

Александръ Пушкинъ.

2 Августа, Михайловское.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 Авг. 5. *Рукою Полевого помѣчено:* пол. 15 августа 1825 г.

---

*166. П. А. Осиповой.

8-го августа [1825 г. Михайловское].

C'est hier que j'ai reçue, Madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivé a Riga — Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affêction et de souvenir m'a été sensible. Elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан. Богд. m'a dit qu'on vous y attendoit vers la mi-août. Je n'ose l'esperer.

Que vous disoit donc M-r K. concernant la surveillance paternelle de M-r A. à mon égard? sont-ce des ordres positifs? M-r K. y est-il pour quelque choses? ou ne sont-ce que des bruits public?

Je suppose, Madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles Europeennes que je ne le suis à Michailovsky. Quand à celles de Petersbourg je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne, mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce a vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenaître.

Adieu, Madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté. C'est vous qui m'avoit fait aprécier le charme de la première.

8 août.

На обороте: à Madame Madame Ossipof *à Riga.*

---

* 167. Князю П. А. Вяземскому.

10-го августа [1825 г. Михайловское].

Накупался-ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? напиши пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ-ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго, хоть эпиграммъ? Знаешь-ли его лучшую эпиграмму; *Что нужды? говоритъ разчетливый* etc. Виноватъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ 1, 2, 3 — 7, 8 — 4, 5, 6. — Не напечатать-ли, сказавъ: *Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ,* если Цензура не пропуститъ осьмаго стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: *Я не поэтъ, а дворянинъ.* и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго — на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзины? я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія — а все люблю ихъ отъ всего сердца. Ж. со мной такъ проказитъ что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? настоящій <.......>! Мнѣ жаль, что отъ Кюх. отбили охоту [отъ] къ журналамъ, онъ человѣкъ дѣльный

съ перомъ въ рукахъ — хоть и сумазбродъ. Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сей часъ прочелъ Анти-критику Полевова. Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ!—Разборъ *новой пiитики басенъ* — вотъ критика. Когда-то мы возмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется а покамѣсть смотри хоть за Полевымъ — Чѣмъ мнѣ тебя потподчивать? вотъ тебѣ мои бон-мо (Ради соли, вообрази что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26): Qu'est ce que le sentiment? — Un suplement du temperament. *1825 г.*

Что болѣе вамъ нравится? запахъ розы или резеды? — Запахъ селедки.

10 Авг.

На обороте: Кн. П. А. Вяземскому.

---

*168. П. А. Осиповой.

11-го августа [1825 г. Михайловское].

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, Madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins génereux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais c'est que les sentiments que je vous ai voués seront eternellement les mêmes — J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, Madame, que les bruits qui sont venus à M-r Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger. Ces jours-ci j'ai été chez Pechtchourof l'avocat patelin — comme vous l'appellez — il me croyoit à Pskof (*NB*)— Je compte voir encore mon vieux nègre de Grand'Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins et il faut que j'ai de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je presente mes respects à toute l'aimable famille et suis Madame votre tout devoué.

11 août.

---

*169. В. И. Туманскому.

13-го августа [1825 г. Михайловское].

Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда. Милый мой Туманскiй, у меня до тебя просьба, надѣюсь что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженiе. Вотъ въ чемъ дѣло: за нѣсколько дней предъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича; Лучичь проигралъ мнѣ 900 р. изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой-же день, а остальные 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ я занялъ эти [900] 600 р.

 у Кн. Вяземской (съ согласія-же Савелова). Послѣ, узнаю что онъ отрекается отъ своего долгу. Деньги эти пропали, такъ и быть, но боюсь чтобъ это не перетолковали мои приятели, которыхъ у меня много, и всѣ охотники до толковъ. Разкажи это просто par manière de conversation, Лучичу. Онъ человѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ косающемся до чести. Повторяю что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ. Отпиши мнѣ отзывъ Лучича; вотъ и все.

— Объ Одессѣ кромѣ Газетныхъ извѣстій, я ничего незнаю, напиши мнѣ что нибудь. О себѣ скажу тебѣ что я совершенно одинъ; Царь позволилъ мнѣ ѣхать во Псковъ для операціи моего аневризма и Моэръ хотѣлъ ко мнѣ приѣхать — но я просилъ его не безпокоиться и думаю не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей, и кажется, только изпортили мою участь. Что ты? что твоя поэзія? Изрѣдко и слишкомъ рѣдко, попадаются мнѣ твои стихи. Сдѣлай милость, не забывай своего таланта. Боюсь чтобъ Проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. *Дѣвушка вл. поэту* — прелесть! *сидя съ Авторàми* одно не хорошо.

Не так-ли: Со мной ведете ль разговоры
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего
Безъ выраженья ваши взоры

etc. Кланяйся всѣмъ бывшимъ моимъ товарищамъ, свидѣтельствую мое почтеніе В. Д. и А. И. Прощай, мой милый.

13 авг.

Адресъ мой: въ Опочку въ село Тригорское. Ея Высокор. Прасковьи Александр. Осиповой.

---

170. А. П. Кернъ.

14-го августа [1825 г. Михайловское].

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!... et puis: ахъ, мерзкая! — Pardon, belle et douce, mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex.. que voulez vous dire avec ce cachet qui doit *vous convenir* et *vous plaire* (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sousentendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le «не скоро, а здорово», pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky— et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. Que m'importe votre caractère? je ne m'en moque

pas mal—est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds — (j'y aurais joint le cœur, mais votre cousine a trop décrié ce mot). Vous dites qu'il est facile de vous connaitre; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve: je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne, mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi... Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force, ni émotion, et un refus n'a ni grace, ni volupté. A revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r Votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le sur lendemain de votre arrivée. Подѣломъ ему! Si vous saviez quelle aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! C'est ma seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible *si* que je n'avais pas remarqué d'abord: *si ma cousine reste je viendrai* cet automne etc. Au nom du Ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas celà au moins; par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez-le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r K., un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut—c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? C'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de Vous, cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'aurais dû être reconnaissant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, Divine — compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi, et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 août.

---

*171. Князю П. А. Вяземскому.

14-го — 15-го августа 1825. Михайловское.

14 авг.

Мой милый, поэзія твой родной языкъ, слышно по выговору, но кто жъ виноватъ что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807-го года на славяно-роскомъ. И нѣтъ

1825 г. надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки или иной няни Василисы чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте де браниться въ рифмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ — Благодарю очень за водопадъ. Давай мутить его сей часъ же.

— — — *съ гнѣвомъ*
Сердитый влаги властелинъ —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно-ли, на пр. сказать о молніи *властительница небеснаго огня?* Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемени какъ нибудь, валяй его съ какихъ нибудь *стремнинъ вершинъ* и тому подобное.

2 строфа — прелесть! —

Дождь брызжетъ отъ (такой-то) сшибки
Твоихъ *междуусобныхъ* волнъ.

Междуусобный значитъ *mutuel*, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора — должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ.

5-ая и 6-ая стр. — прелестны —

Но ты, *питомецъ* тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель — и то не хорошо — *не соперникъ*-ли? *Тайной* о гремящемъ водопадѣ говоря не годится — о бурѣ физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсѣмъ точно. *Ты не зерцало* и проч. Не яснѣе-ли, и не живѣе-ли (впрочемъ, это придирка —): *Ты не приемлешь ихъ лазури* etc. Точность требовала-бы *не отражаешь*. Но твое повтореніе *ты*, тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменьемъ etc. *Хранишь* etc. но вся строфа сбивчева. Зародышъ непогоды въ водопадѣ: темно. Вѣчнобьющій *огонь*, тройная метафора. Не вычеркнуть-ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно хорошо. *Какъ средь пустыни* etc. Не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманія — да и сравненіе не точно. *Вихорь* и *пустыню* уничтожь-ка — посмотри что выйдетъ изъ того:

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь-ли? Ты сказалъ объ водопадѣ *огненномъ* метафорически, т. е. *блистающій kakъ огонь* а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ, не лучше-ли:

Какъ ты, *пустынно* разразится etc.

а? или что другое — но *разгорится* слишкомъ натянуто. Напиши-же мнѣ: въ чемъ ты со мною согласишься.

Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини; какъ похотливое кокетство

Италіанки. Пиши мнѣ, во Псковѣ это для меня будетъ благолѣянье. Я созвалъ *не жданныхъ* гостей, прелесть — не лучше-ли еще: *незванныхъ* — Нѣтъ, celà seroit de l'esprit.

На обороте: Князю Вяземскому.

При семъ дѣловая бумага, ради Бога употреби ее въ дѣло.

[*На отдельном листе*]: 1811 года Дядя мой Василій Львовичь, по благоразположенію своему ко мнѣ и ко всей семьи моей, во-время путешествія изъ Москвы въ С. П. Б., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассигн., данныхъ мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовнею. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичь, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканія выше упомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ; что составляетъ болѣе 200 рублей) то униженно молю Его Высокоблагородіе, Милостиваго Государя дядю моего заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому — получить же оныя деньги уполномочиваю Князя Петра Андреевича Вяземского, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

15 августа
1825
Село Михайловское.

---

*172. В. А. Жуковскому.

17-го августа [1825 г. Михайловское].

Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой — Мнѣ право совѣстно что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ — операція аневризма ничего не значитъ, и ей богу первый Псковской канавалъ съ нимъ бы могъ управиться. Во Псковъ поѣду не прежде какъ въ глубокую осень, оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дняхъ видѣлся я у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматёромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ Кюхельбекерно; согласенъ что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Къ стати объ элегіяхъ, Трагедія моя идетъ и думаю къ зимѣ ее кончить; Въ слѣдствіи чего, читаю только Карамзина да лѣтописи — Что за чудо эти 2 послѣдніе тома [1] Карамзина! какая жизнь! c'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: не льзя-ли мнѣ доставить или жизнь *Желѣзнаго колпака* или житіе какого нибудь *Юродиваго.* Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Чет. М.—а мнѣ бы очень нужно.

[1] Переделано из: томы.

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по Газетамъ что Перовскій у Васъ. Щастливецъ! онъ видѣлъ и Римъ и Везувій —

П.

17 авгу.

На обороте: Его Высокоблагородію Василію Андреевичу Жуковскому. *Въ С. Петербургѣ.* Въ Аничковскомъ дворцѣ. Отдать Швейцару для доставленія. *Почтовый штемпель:* Опочка 1825 Авг. 20.

---

173. А. П. Кернъ.

[Вторая половина августа 1825 г. Михайловское].

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que vôtre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante, mais qui ne vaillent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'ecrire; quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait, ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? Hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas ou (ce qui est bien pire) vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse.... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non — personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier, il est nécessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; qu'est ce [que] donc que cela doit être à 4 pas? [(NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r vôtre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? sans indiscrétion peut-on le savoir?)][1]. Pardons, Divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile. De la douceur, de la coquetterie (et surtout, au nom du Ciel, des refus, des refus et des refus) le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme, mais que voulez-vous? Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoiqu'il en soit, il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? Répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Vulf. Vous viendrez?—n'est ce pas?—jusque-là ne decidez rien à l'égard de votre mari. Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous,

---

[1] Фраза, заключенная в скобки, слегка зачеркнута.

lui.... Enfin, soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent, quelquefois c'est inévitable, — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu! Il fait nuit, et vôtre image m'apparait, toute triste et toute voluptueuse; je crois voir vôtre regard, votre bouche entrouverte. Adieu! Je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux, — je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu, et croyez à mon délire; il est ridicule, mais vrai.

---

174. П. А. Осиповой.

[28-го августа 1825 г.]. Михайловское.

Oui, Madame, honny soit qui mal y pense. Ha! les méchans qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! Serait-ce par expérience qu'ils le savent? Mais je leur pardonne, faites en de même et continuons.

Vôtre dernière lettre (de minuit) est charmante, j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers vôtre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années, et elle se corrigera, je vous le promets. Quant à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r vôtre fils, à son cousin! Arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi; ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette providence de ce sacré каторжникъ! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! Ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette *indifféremment?* Elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et delicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément je m'en vais rompre avec elle; il ne sera par dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille, que Ерм. Ѳед. puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes, et que sa femme puisse se moquer de moi.—Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: «hardie dans» etc. N'est ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini, je ne la croirai plus.

Adieu, Madame! C'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée.... nous médirons de la Netty du Nord que je reg-

 retterai toujours d'avoir vue, et encore plus de.... [1]. Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

На обороте: A madame Ossipof.

---

175. А. П. Кернъ.

[28-го августа 1825 г. Михайловское].

Voici une lettre pour M-de votre tante, vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi etourdie que vous l'êtes? comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? mais comme ce qui est fait est fait—parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuit trop, quittez-le—mais savez vous comment? vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez.... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michaïlovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel seroit mon bonheur? Vous me direz: «Et l'eclat, et le scandale?» Que diable! en quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose.—Mais avouez que mon projet est romanesque?—Conformité de caractère, haine des barrieres, organe du vol très prononcé, etc. etc.—Concevez-vous l'étonnement de M-de votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre Cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide—et Kern une fois mort—vous êtes libre comme l'air———Eh bien, qu'en dites-vous? quand je vous disois que j'étois en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner.—Vous me direz: consolez vous. Fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes—m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout celà présente de grandes difficultés—j'y répugne——Ha! vos lettres, à propos, comment les recevrai-je? votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen.... à 400 verstes). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, comentées et puis brulées en ceremonie. Tachez de déguiser votre écriture et je verrai le reste.—Mais écrivez moi et beaucoup, en long et en large et en diagonale [2] (therme de géometrie).—Mais surtout donnez moi l'esperance de vous revoir—Si non, je tacherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oubliois: je viens d'écrire

---

[1] Несколько словъ зачеркнуто Пушкинымъ.

[2] Отъ этого слова вверхъ изъ угла въ уголъ написано: Voilà ce que c'est que *diagonale.*

[une] à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve. N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extremement aimable—je serai gai lundi, exhalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je serois tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu. *1825 г.*

28 août.

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe, ce n'est pas bien. M-de votre tante s'en facheroit.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-de O. décachette une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty—et nous y trouvons tous de quoi nous édifier—vraiment c'est un charme!

---

* 176. А. Н. Вульфу.

[Конецъ августа 1825 г. Михайловское].

Любезный Алексѣй Николаевичь.

Я не успѣлъ благодарить Васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ, чортъ съ ними и съ Цензоромъ и съ наборщикомъ и съ *tutti quanti* — дѣло теперь не о томъ — Друзья мои и родители вѣчно со мною проказятъ. Теперь послали мою коляску къ Моэру съ тѣмъ чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять прислалъ назадъ эту бѣдную коляску—Вразумите его—Дайте ему отъ меня честное слово что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. —

Vale, mi fili in spirito — Кланяюсь Языкову — я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи его *Подите прочь.*

Рукою А. Н. Вульфа: Сент6. 825 года.

---

*177. Князю П. А. Вяземскому.

[Около 12-го сентября 1825 г. Михайловское].

Я думалъ что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р. украденные Савеловымъ — Узнаю что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на-дняхъ съ моего сельца С. Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на разпашку и спустя рукова. Разговоръ нашъ похожъ на предисловія Г-на Лемонте. Мы съ тобою

толкуемъ — лишь о Полевомъ да о Булгаринѣ — а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ о чемъ ни заговори — а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся, пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ —

Твоя статья о Аббатствѣ Байрона? Что за чудо Д. Ж.! я знаю только 5 перв. пѣсенъ; прочитавъ первыя 2, я сказалъ тотчасъ Раевскому что это Chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ Англ. яз. — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье могу ударить себя въ голову и сказать: il y avoit quelque chose là.... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нѣтъ сердитъ: не выспался и невы<....>ся —

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? чортъ съ ними! Слава Богу что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ — Его бы уличили, какъ уличили Руссо — а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ Геніемъ. Поступокъ Мура лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеньи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи — Охота тебѣ видѣть его на суднѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc. потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы!* Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ — не такъ какъ вы — иначе! — Писать свои Mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самаго себя. Предметъ неизтощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остоновится, какъ съ разбѣга передъ пропостью — на томъ что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать (braver) судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно —

---

178. П. А. Катенину.

[Около 12-го сентября 1825 г. Михайловское].

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичь, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы..... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую

нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши—ты созидаешь; нѣтъ — ты хлопочешь и тягаешься — а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей Словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг. твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо—Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-Гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву—я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ К..., съ театральнымъ Маіоромъ и проч.: больше не буду! — Addio, Poëta, a rivederla, ma quando?

Почтовый штемпель: Опочка 1825 Сент. 14.

---

*179. Князю П. А. Вяземскому.

[Около 12-го сентября 1825 г. Михайловское].

Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно—по крайнѣй мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ — впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ или гніемъ; первое все таки лучше — Отъ нѣчего дѣлать я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ, не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивитъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни *Рѣжь меня.* Это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотивъ—чрезвычайно щастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. — Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы—видаешься-ли ты съ нею? Ради Бога докажи Вас. Льв. что элегія на смерть Ан. Льв. не мое произведеніе, а какого нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ «а она его сестрѣ 15,000 оставила!...» Это напоминаетъ чай которымъ онъ

1825 г. поилъ Милонова—Дѣло въ томъ что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ нежели я. Похлопочи обо мнѣ душа моя, какъ о братѣ—

Сатирикъ и поэтъ любовный
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны
Покойной тетушки моей
Писатель нѣжный, тонкій острый
Мой дядюшка—не дядя твой
Но, милый—Музы наши сестры
И такъ ты все-же братецъ мой.

Variante: *Василій Львовичь тонкій острый.*
Кланяюсь Княгинѣ и сестрѣ—Нѣкогда болѣе писать.

На обороте: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Въ Москвѣ* въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1825 Сент. 14.

---

*180. Князю П. А. Вяземскому.

13-го—15-го сентября [1825 г. Михайловское].

13 сентября.

Самъ съѣшь! — Замѣтилъ-ли ты что всѣ наши журнальныя Анти-критики основаны на *самъ съѣшь?* Булгаринъ говоритъ Федорову: Ты лжешь, Фед. говоритъ Булг—у самъ ты лжешь. Пинскій говоритъ Полевому: *ты невѣжда,* Пол. возражаетъ Пинскому: *ты самъ невѣжда.* Одинъ кричитъ: ты крадешь! другой: самъ ты крадешь!— и всѣ правы — И такъ, самъ съѣшь, мой милый; ты самъ ищешь полудня въ четырнадцать часовъ.

Очень естественно что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться — а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ покрайнѣй мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ можетъ быть пуще моего взбѣлѣнились. Друзья обо мнѣ хлопочутъ а мнѣ хуже да хуже. Сгоряча ихъ проклинаю одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ Езуитъ, но все же мнѣ не легчѣ. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis — и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволѣніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, по неволѣ голова кругомъ пойдетъ—Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чортъ-ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не леченія умереть въ Михайловскомъ — По крайнѣй мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ, и ты бы могъ написать на ней приятную и полезную эпитафію—Нѣтъ, дружба входитъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама берется оправдать его, отвратить негодованіе; выписываютъ мнѣ Моера, который, конечно, можетъ совершить операцію

и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ а въ прозѣ, дьявольская разница!) а тамъ не велятъ и бѣситься — Какъ не такъ! Я знаю что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ проччія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы — но помилуй.... это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ. Не отнимай у схимника надежду [на] рая и страхъ ада. *1825 г.*

Зачѣмъ не хочу согласиться на пріѣздъ ко мнѣ Моэра? — Я не довольно богатъ чтобъ выписывать себѣ славныхъ докторовъ и платить имъ за свое леченіе. Моеръ другъ Жуков-у, но не Ж.... — Благодѣяній отъ него не хочу — Вотъ и все—

Ты признаешься что въ своемъ водопадѣ ты болѣе писалъ о страстномъ человѣкѣ чѣмъ о водѣ. Отселѣ и неточность нѣкоторыхъ выраженій—

Благодарю отъ души Кар. за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать. Въ самомъ дѣлѣ, не пойти-ли мнѣ въ Юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи — всѣхъ думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Неговори, однакожъ этаго никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Кар. о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное—Ты хочешь *плана*? возьми конецъ X-го и весь одиннадцатой томъ вотъ тебѣ и *планъ*.

Ахъ, мой милый, вотъ тебѣ каламбуръ на мой аневризмъ: друзья хлопочутъ о моей *жилѣ, а я — объ жильѣ*. Каково?

15 сентября.

Resumé: Вы находите, что позволеніе [мнѣ] ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ а я думаю что шагъ назадъ—но полно объ Аневризмѣ—онъ мнѣ надоѣлъ какъ наши журналы—

Жалѣю что о Staël писалъ Мухановъ (если Адъют. Раевскаго) онъ мой пріятель и я бы не тронулъ его, а все-же онъ виноватъ. M-d Staël наша — не тронь ея — Впроччемъ я пощадилъ его. Какъ мнѣ жаль что Полевой пустился безъ тебя въ Анти-критику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда — ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выѣзжай его — на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного —

Горч. мнѣ живо напомнилъ Лицей, кажется онъ не перемѣнился во многомъ — хоть и созрѣлъ и слѣдств. подсохъ — Ты вбилъ ему въ голову что я объѣдаюсь гоненіемъ — Охъ душа моя — меня тошнитъ... но предлагаемое да ѣдятъ.

---

181. А. П. Кернъ.

22-го сентября [1825 г.]. Михайловское.

Au nom du Ciel, n'envoyez pas à M-d Os. la lettre que vous avez trouvée dans vôtre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour vôtre édification particulière? Gardez la pour vous, ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies... A propos, vous me jurez vos grands Dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: *je méprise ta mère*, c'est affreux, il fallait dire: *votre* Mère, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans symagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poète) à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel, car il faut être raisonnable. Voila qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance— je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux. Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie. Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? Mais venez du moins à Pskoy; cela vous sera facile. Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée! Ne serait-ce qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!. Venons au fait; d'abord, il faut un prétexte: une maladie d'Annette—qu'en dites-vous? Ou bien, neferez-vous pas un voyage à Pétersb?... Vous me le ferez savoir, oui?—Ne me trompez pas, bel ange! Que je vous sois redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur!—Ne me parlez pas d'admiration; ce sentiment n'en est pas un. Parlez moi d'amour: j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers... Vôtre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que Vous avez songé à moi; je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. Il faut que le sort décide de mon existance; je ne veux pas m'en mêler... L'espérence de vous voir encore belle et jeune est la seule chose qui me soit chère. Encore une fois, ne me trompez pas.

22 sept. Михайловское.

Demain, c'est la fête de M-d vôtre tante; je serai donc à Trigorsky; vôtre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.

---

*182. Барону А. А. Дельвигу.

[Сентябрь—октябрь 1825 г. Михайловское].

Брови царь нахмуря,
Говорилъ: вчера
Повалила буря
Памятникъ Петра
Тотъ перепугался.
«Я не зналъ! — « Ужель? —
Царь разхохотался.
—Первый, братъ Апрѣль!

* *
*

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
За два ⟨....⟩!....
То есть разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ,
Вѣшаютъ за шею,
Но жестокъ законъ. —

Вотъ тебѣ душа моя приращеніе къ куплетамъ Эристова — Поцалуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ подъ полоцкихъ Езуитовъ. Благословляю его во имя Ѳеба и Св. Боболія безносаго.

Писалъ я брату объ Андрѣе Шенье. Впроччемъ твоя Святая воля. Я боюсь чтобъ томъ *Разн. Ст.* не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до *отъ Ричардсона безъ ума*, да еще конецъ отъ *своимъ пенатамъ возвращенный.* Какъ ты думаешь? отпиши покамѣсть еще не женился.

Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему Арзамасцу, будущему своему тестю—а изъ жены своей сдѣлай Арзамаску — непремѣнно.

Жду писемъ.

---

*183. В. А. Жуковскому.

6-го октября [1825 г.]. Тригорское.

На дняхъ увидя въ окошко Осень, сѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ принялъ меня очень мило, я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лѣкаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь имѣя обстоятельные свѣденія о своемъ аневризмѣ поговорю объ немъ толкомъ — П. А. Осипова будучи въ Ригѣ, со всею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду; операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: Больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно &c. — Воля твоя, мой милый — ни во Псковѣ, ни

1825 г. въ Мих. я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма; но первая смерть вѣрнѣе другой.—Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. 2-ое Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности: не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верьхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній &c. &c. Ссылаюсь на всѣхъ; что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ если всякое физическое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись что лѣчиться во Псковѣ мнѣ невозможно — и такъ погодимъ авось-ли Царь что нибудь рѣшитъ въ мою пользу —

Теперь 3-ій § (и самый важный) Мойера не хочу, рѣшительно. Ты пишешь: *прими его какъ меня.* Мудрено. Я не довольно богатъ чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ— а даромъ лечиться не намѣренъ—Онъ не ты. Конечно я съ радостію и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только стоновую жилу но и голову; отъ тебя благодѣянье мнѣ не тяжело — а отъ другаго не хочу. Будь онъ тебѣ разприятель, будь онъ сынъ Карамзина—

Милый мой, посидимъ у моря подождемъ погоды; я не умру; это невозможно; богъ не захочетъ чтобы Гудуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедія искупитъ меня... но до трагедіи-ли нашему чорствому вѣку? Покрайнѣй мѣрѣ оставь мнѣ надежду.— Чувствую что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на 10 лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды ни предлога—страшно подумать, Отче! не брани меня, и не сердись когда я бѣшусь; подумай о моемъ положеніи; вовсе не завидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

Тригорское.
6 окт.

---

* 184. А. Н. Вульфу.

10-го октября [1825 г. Михайловское].

Милый Алексѣй Николаевичь, чувствительно благодарю Васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца, вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь—но повторяю рѣшительно; ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляски моей, осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу—Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лашадей отправить ее въ Опочку, если-же (что также случается) денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. — На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились — — Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все что косается до приѣзда А. П. Мужъ ея очень

милый человѣкъ, мы познакомились и подружились — Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше косательно подражанія Язкву — но не нахожу его подъ рукой. Вотъ начало:

Какъ широко.
Какъ глубоко!
Нѣтъ, бога ради.
Позволь мнѣ <.....> — &c —

Не написалъ-ли Яз.—еще чего нибудь въ томъ-же родѣ или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны.

10 окт.

На обороте: Его Благородію Алексѣю Николаевичу *Вульфу* въ Дерптъ.
Почтовый штемпель: Опочка 1825 Окт. 12.
Помета Вульфа: 825 года С. Михайловское.

---

* 185. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ октября—начало ноября 1825 г. Михайловское].

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю—сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И только за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Приятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей
И духъ мой снова позываетъ
Ко изпражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя — и цалую тебя въ твою поэтическую <.....> — съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ я только два раза хохоталъ; при разборѣ новой пiитикѣ басенъ, и при посвященiи г<....> г<....> твоего. — Какъ-же мнѣ не любить тебя? какъ мнѣ предъ тобой не подличать — но подличать готовъ, а переписывать воля твоя, не стану — смерть моя и только.

Поздравляю тебя, моя радость съ романтической Трагедіею, въ ней-же первая персона Борисъ-Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечелъ ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ, ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ! — Юродивый мой, малой презабавной; на Марину у тебя <........> — ибо она полька, и собою преизрядна—(въ родѣ К. Орловой, сказывалъ это я тебѣ?). Проччіе также очень милы; кромѣ капитана Маржерета, который все по <.......> бранится; Цензура его не пропуститъ — Жуковскій говоритъ что Царь меня проститъ за Трагедію — на врядъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ писапа, да

никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго, торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова, молчи, то знаю я сама, да эта крыса мнѣ кума. Я назвалъ его представителемъ *духа* Рускаго народа — не ручаюсь чтобъ онъ отчасти не вонялъ. — Въ старину нашъ народъ назывался Смердъ — (см. Госп. Кар.). Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша, Гр. Орловъ дуракъ, а мы — разини и пр. и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо — да сжегъ. Тамошній Архіерей Отецъ Евгеній принялъ меня какъ отца Евгенія. Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай мой милый.

На обороте: Кн. П. А. Вяземскому.

---

* 186. Императору Александру I.

Черновое.

[Вторая половина октября—ноябрь 1825 г. Михайловское].

(J'avois 20 ans en 1820). [quelques] des propos inconsideré, des vers satiriques [me firent remarquer] [repandre dans le public] le bruit se repandit que j'avois été traduit [à] et foue<tté>à la ch<ancellerie> sec<rète>.

[Je] Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui étoit devenu general, je me vis flétri [de] [decouragé] dans l'opinion. Je fus [dec.] découragé — je me battois, j'avois 20—Je deliberois [j'] si je ne ferai pas bien de me suicider ou d'assassiner V —

Dans le 1 cas je ne faisois qu'assurer un bruit qui me deshonoroit, [dans] en [second lieu] je ne me veng. pas, puisqu'il n'y avoit pas d'outrage, je [fesois] comettois un crime [gratuit], je sacr. à l'opinion [des hommes] d'un public que je méprisois, un homme [qui] [à] auquel tenoit tout et talent, dont j'avois été l'admirateur involontaire.—Ces réflex. me déterminèrent.

Tel. furent mes réflexions. Je les com. à un ami qui fut parf. de mon avis — Il me conseilla des démarches de justif. envers l'autorité — J'en sentis l'inutilité.

Je résolus de mettre tant [de d.] d'indécence, de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité [fut] soit obligé de me traiter en criminel: [j'esperoi] j'aspirois la Sibérie ou la forteresse comme [marque de] réhabilitation.

La conduite magnanime, libérale [et de] de l'autorité me toucha profondement, en [me déculpant] déracinant <?> entierement une ridicule calomnie. Depuis, jusque à ma disgrace s'il m'est quelquefois échappé des plaintes contre un ordre de chose reçu, si quelquefois je m'abandonnois à de jeunes declamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrit, soit dans mes discours, la Personne de V. M.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur [Votre Magn] la générosité de votre caractère; je vous ai dit la verité avec une franchise dont [j'avoue n'avoir pas été] [n'étre] it seroit impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde—

Aujourd'hui j'ai recours à cette générosité—[Ma] [Ni ma campagne] Ma santé [est] a été fortement altérée dans ma jeunesse — un anevr. de coeur [devenu avec] exige une prompte operation, un traitement prolongé — [le sejour de Ps-] la ville qui m'a été assignée ne peut me procurer aucun secours. Je supplie V. M. de me permettre le sejour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je [ne serois pas dénué de tout secours] prendre soin de mon existence....

---

*187. А. А. Бестужеву.

30-го ноября [1825 г. Михайловское].

Я очень обрадовался письму твоему мой милый, я думалъ уже что ты на меня дуешься — радуюсь и твоимъ занятіямъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время, замѣнить Латинскій и Греческій — таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты — да, кажется, Вяземскій — одни изъ нашихъ литераторовъ — учатся; всѣ проччіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяз<емскимъ> объ журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость—а дѣло было бы чудно-хорошо. Ты пѣняешь мнѣ за то что я не печатаюсь — надоѣла мнѣ печать — опечатками, критиками, защищеніями etc. ... однако поэмы мои скоро выдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли; Русланъ молокососъ; Плѣнникъ зеленъ — и предъ поэзіей Кавказкой природы— поэма моя: — Голиковская проза. Къ стати: кто писалъ о горцахъ въ Пчелѣ? вотъ поэзія! не Якубовичь ли, герой моего воображенья? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева etc. — въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль что я съ нимъ не встрѣтился въ Кобардѣ — поэма моя была бы лучше — Важная вещь: я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я не читалъ о Романтизмѣ, все не то; даже Кюхелб<екеръ> вретъ. Что такое его духи? до сихъ поръ я ихъ не читалъ. Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ — и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ слогъ сбиваться на Коцебятину — Кланяюсь планщику Рылѣеву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я право болѣе люблю стихи

 безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 Ноября.

На обороте: Его Высокоблагородію Кондратью Федоровичу Рылѣеву въ С.-Петербургъ. У Синяго мосту въ домѣ Американской компаніи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву. *Почтовый штемпель:* Опочка 18. . дек: 3.

---

*188. Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ ноября—начало декабря 1825 г. Михайловское].

Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшихъ.

Совѣтъ.

Повѣрь: когда и мухъ и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.

Соловей и кукушка.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ и свищетъ и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ;
И эхо вслѣдъ кукуетъ то-же.
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ ку ку!

Движенье.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить,
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, Господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожъ правъ [какой-то] упрямый Галилей.

Дружба.

Что дружба? легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья
Иль покровительства позоръ.

Мадригалъ.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
Съ Щастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не къ стати
И умны вы не въ попадъ.

На обороте: Князю Петру Андреевичу *Вяземскому.* Въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1825. 3 Дек.

---

*189. В. К. Кюхельбекеру.

[Начало декабря 1825 г. Михайловское].

Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію я надѣялся найти въ ней и письмо — Я тресъ, тресъ ее и ждалъ не выпадетъ-ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не вы<.......>, и со злости духомъ прочелъ [оба дѣйствія] духовъ (*), сперва про себя, а потомъ и въ вслухъ. Нужна-ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правдали? все равно; критикую: ты сознаешься что характеръ поэта не правдоподобенъ; сознаніе похвальное, но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя, комическіе черты. Зато Калибанъ—прелесть. Непонимаю что у тебя за охота пародировать Ж — го. Это простительно Цертелеву а не тебѣ. Ты скажешь что насмѣшка падаетъ на подражателей а не на него-самаго. Милый, вспомни что ты, если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально. Видитъ твое неуваженіе къ Ж. и рада.

Сиръ слово старое. Прочтутъ иные *сыръ* &c—очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—Пасъ стада главы моей (вшей?) впрочемъ вездѣ гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его *легкое воздушное творенье,* рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада—прекрасно. О стихосложеніи скажу что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-рускіе — на пр. слушать *въ оба уха, бросъ'* видъ угрюмый *взглядъ унылый,* молодецъ ретивый, здернетъ чепецъ *на старухѣ* &c—Все это я прощаю

(*) Calembourg! reconnais-tu le sang?

 для Калибана который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по прежнему; и увѣренъ, что [за] этимъ тебя не разсержу — но вотъ чѣмъ тебя разсержу: Кн. Шихматовъ несмотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ, бездушный, холодный, надутый скучный пустомеля.... ай ай, больше не буду! не бей меня —

На оборотѣ: Кюх....

---

*190. П. А. Плетневу.

[Начало декабря 1825 г. Михайловское].

Милый, дѣло не до стиховъ — слушай *въ оба уха*: Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно они вспомнятъ обо мнѣ... Если брать, такъ брать — не то что и совѣсти марать — ради Бога, не просить у Царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ; чортъ-ли въ нихъ? *а просить или о въѣздѣ въ столицы или о чужихъ краяхъ*. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои—хочется съ вами еще передъ смертію поврать; но конечно благоразумнѣе бы отправиться за море — Что мнѣ въ Россіи дѣлать? Покажи это письмо Ж—у, который, можетъ быть на меня сердитъ—Онъ какъ нибудь это сладитъ. Да нельзя-ли дамъ взбуторажить?... Душа! я пророкъ, ей богу пророкъ! я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От. и Сы. &c.—Выписывайте меня, красавцы мои—а не то не я прочту вамъ Трагедію свою. Къ стати: Борька также вывелъ Юродиваго въ своемъ романѣ. И онъ байроничаетъ, описываетъ самаго себя!—Мой Юродивый впрочемъ гораздо милѣе Борьки—увидишь. Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще Юродивымъ. Воейковъ не напраказилъ-ли [1] чего нибудь? Я его Сент. книжки не читалъ — Онъ что-то со мною трусить. Кюхел... *духи*—дрянь; стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого. Предисловіе одно порядочно.—Не говори этаго ему — онъ огорчится.

[*Приписка съ боку 1-й страницы*]: Не ужъ-то *Ил. Мур*. Загорскаго? если нѣтъ кто-же Псеvдонимъ, если да: какъ жаль что онъ умеръ!

Почтовый штемпель: Опочка 1825 Дек. 6 (?)

---

*191. П. А. Катенину.

4-го декабря [1825 г. Михайловское].

Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ. 1.) что оно писано изъ П. Б. 2) что Андромаха наконецъ отдана на

---

[1] Переделано из: «напечаталъ».

театръ, 3) что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4) (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому. Можетъ быть нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный долженъ я конечно печалиться о смерти Государя; но какъ поэтъ, радуюсь восшедствію на престолъ Константина I, въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ, напоминаютъ Генриха V. — Къ тому-же онъ уменъ а съ умными людьми все какъ-то лучше; словомъ я надѣюсь отъ него много хорошаго. — Какъ бы хорошо было если нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ [тв.] и участникомъ твоего торжества! участникомъ ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ-ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ, надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина, и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь — мочи нѣтъ хочется къ Вамъ. Прощай, милый и почтенный — Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи. *1825 г.*

4 декабря.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 Дек. 7.

---

192. А. П. Кернъ.

8-го декабря [1825 г. Тригорское].

Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir. C'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme, toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leilà — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation, mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous *allez* à Pétersbourg, mon éxil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérence, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traîte en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez-vous que c'est sous ses traîts que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 déc.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant-hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles

1825 г. mains, et que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

Приписка Анны Н. Вульфъ: Enfin, chère amie, P. m'a apporté aujourd'hui une lettre de toi. Il étoit bien tems que je reçoive de tes nouvelles, car, je ne savois plus que penser de ton silence; cependant je n'y vois pas ce qui pouvoit t'empecher de m'écrire, et je ne puis voir à quelle lettre tu me réponds, est-ce à celle que je t'ai écris par m-lle Nindele, ou à une autre, tes lettres me déroutent toujours. Alexis m'avoit écrit que tu avois abandonnée tous tes projets de départ et que tu étois resolue de rester. Je commençois donc à devenir tranquille sur ton compte quand ta lettre vient me détromper si désagréablement! Pourquoi ne me dis tu rien de positif et te plais-tu à me laisser ainsi dans l'inquiétude. Ne crains rien pour tes lettres, tu peux m'ecrire maintenant simplement à mon adresse à Апочька. On ne lit plus mes lettres, elles trainent toujours par Novorgeff et peuvent même se perdre. Ton projet pour Pétersbourg est-il arrêté pour sur? L'évenement qui vient d'arriver, ne changera-t-il pas ce projet? Byron t'a reconcilié avec P., il t'envoye l'argent 125 roubles, qu'il coute, aujourd'hui même. La poste prochaine je tacherai de t'envoyer ce que je te dois, je suis bien fachée de t'avoir fait attendre si longtems: Pour le moment je ne puis en parler à ma Mère qui est très malade, elle est au lit depuis plusieurs jours, elle a une hiresipèle à la figure. Que te dirai-je encore? Je compte absolument partir pour Twer cet hiver, en attendant je languis, je souffre et je patiente, ecris moi plus vite. Betcher est depuis longtems à Ostroff, но намъ отъ этого не легче. Прощай, мой другъ, pour jamais ton amie Annete.

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная

Пушкин.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА №№ 1—192

1815—1825 г.

1. *И. И. Мартынову* (стр. 3). Напечатано впервые Я. К. Гротом в «Русском Архиве» 1889 г., кн. III. стр. 507—508; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук СССР. № 1.

— Настоящее письмо — самое раннее из известных доныне писем Пушкина. — писано им в бытность в Царскосельском Лицее, быть может — под чью-нибудь диктовку; автограф носит на себе поправку посторонней руки, и это свидетельствует о том, что письмо было еще раз переписано для отправления Мартынову; этот беловик нам, однако, не известен.

— Иван Иванович Мартынов (род. 1771, ум. 20 октября 1833) — известный классик, эллинист и латинист, переводчик Кондорсэ и Руссо, либеральный издатель журнала «Северный Вестник» (1804—1805), в котором поместил даже отрывок из «Путешествия» Радищева; он был сперва поборником свободы печати, но потом перешел в лагерь Магницкого и усвоил охранительную программу.—Мартынов был с 1807 года действительным членом Российской Академии и с 24 января 1803 по 17 февраля 1817 г. занимал должность Директора Департамента Народного Просвещения в бытность Министром Просвещения графа А. К. Разумовского. По отношению к Лицею Мартынов занимал довольно неопределенное положение, в котором находился и сам граф А. К. Разумовский, управлявший Лицеем не в качестве Министра, а в качестве особого Попечителя, не мешавшего дела лицейские с делами министерскими. Как бы то ни было, но Мартынов, по поручению Разумовского, рассматривал составленное Сперанским (Дружеские письма графа М. М.. Сперанского к П. Г. Масальскому, С.-Пб. 1862, стр. 65; Д. Ф. Кобеко, Императорский Царскосельский Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 6—7) «Постановление» о Лицее, утвержденное Александром I 12 августа 1810 г., присутствовал на вступительных экзаменах будущих лицеистов I выпуска, а также на торжественном открытии Лицея 19 октября 1811 г. (И. Я. Селезнев, Исторический очерк Александровского Лицея, С.-Пб. 1861, стр. 8, 18, 29, 63), впоследствии же часто посещал его, являясь на экзамены лицеистов или в другое время, с целию внезапной проверки их успехов. «Большею же частью», говорит Мартынов в своей автобиографии: «я занимал их российскою и латинскою словесностью, делая с ними разборы сочинений и заставляя сочинять при мне, в классах, и без меня, назначая каждому особый предмет, а иногда и один для всех. Это был для меня вовсе сторонний труд, но я не только не скучал им, а еще занимался с особливою охотою, имея в виду только одну пользу воспитанников» («Памятники новой русской истории», изд. В. В. Кашпиревым, т. II, отд. 2, С.-Пб. 1872, стр. 175). Мартынов, так старательно занимавшийся словесностью с лицеистами, не мог оставить без внимания выдающийся талант Пушкина, чем и объясняется данное последнему поручение написать стихи в честь Александра I. возвращение

№ 2. которого из Парижа в Петербург состоялось в ночь на 2 декабря 1815 г. Кроме того, Пушкин был уже известен своими «Воспоминаниями в Царском Селе», с торжеством читанными им на публичном экзамене 8 января 1815 г. и напечатанными в «Российском Музеуме» того же года. О Мартынове см. монографию Александра Залдкина: «И. И. Мартынов, деятель просвещения в начале XIX века», Тифлис. 1902.

— Стихи Пушкина «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году», повидимому, не были поднесены Александру I, ибо автор не получил от него никакого подарка (тогда как в следующем году за подобное же произведение — «К Принцу Оранскому»—он был награжден от императрицы Марии золотыми часами); в печати стихи Пушкина появились лишь в начале 1818 г. — в IX части «Трудов» Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете (стр. 25—28); они были прочитаны дядей поэта, В. Л. Пушкиным, в заседании этого Общества еще 28 апреля 1817 г.

— Граф Алексей Кириллович Разумовский (род. 12 сентября 1748, ум. 5 апреля 1822 г.), отец многочисленного потомства, носившего фамилию Перовских, занимал пост Министра Народного Просвещения с 11 апреля 1810 г. по 10 августа 1816 г. По словам историка Лицея, он «принадлежал к числу тех лиц, которые наиболее всего содействовали основанию и развитию Лицея... Он дал ему организацию, непосредственно действовал при открытии и лично участвовал в первых начинаниях Лицея... Бумаги, сохраненные архивом Лицейским, свидетельствуют о том, как граф Разумовский занят был новым учреждением, и содержат в себе следы особой деятельности его в отношении к Лицею» (И. Селезнев, назв. соч., стр. 30—31). По свидетельству Ф. Ф. Матюшкина, Лицейского товарища Пушкина, последний написал эпиграмму на Разумовского, довольно безобидную (Сочинения Пушкина, Академическое издание, т. I, изд. 2, стр. 83 и прим., стр. 99).

2. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 3 — 5). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 111 — 114; подлинник — был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве. Это письмо было опубликовано, вместе с 49 другими письмами Пушкина к Вяземскому, в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 111—160 и 419—449, с небольшими пропусками, в нашем издании восстановленными, и с многочисленными пояснениями самого князя Вяземского. Часть писем (в том числе и настоящее письмо от 27 марта 1816 г.) была затем издана, в память открытия памятника Пушкину в Москве, кн. П. П. Вяземским в фотолитографических снимках в литографии Н. Индутного в Петербурге, под заглавием: «Семь автографов А. С. Пушкина 1816—1837. Из собрания Кн. П. П. Вяземского. 26 мая 1880» (ценз. дозв. 14 Мая 1880), а затем вошла в статью его: «А. С. Пушкин по документам Остафьевского архива» в газете «Берег» 1880 г., №№ 74, 111, 113—115 (и отд. отт.), откуда перепечатана в Сочинениях князя П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893.

— Письмо писано «вдогонку» Вяземскому — в Москву — еще из Лицея; Пушкин высказывает в письме то же нетерпеливое желание скорее вырваться из школы, какое позднее, в черновых набросках к «Евгению Онегину» (гл. 1, стр. IV), приписывал своему герою.

— Кн. Петр Андреевич Вяземский (род. 12 июня 1792, ум. 10 ноября 1878), бывший старше Пушкина семью годами, знал его еще в детстве, когда родители Александра Сергеевича проживали в Москве (Собрание сочинений князя П. П. Вяземского, С.-Пб. 1893, стр. 472, 474); но более близкое знакомство обоих поэтов относится к Лицейскому периоду жизни Пушкина. Оно могло состояться весною 1815 г., когда князь Вяземский собирался приехать в Петербург, — что видно из переписки его с А. И. Тургеневым (см. «Остафьевский Архив», т. I, стр. 26); но начало этого знакомства приурочивается обыкновенно к февралю 1816 года, когда князь Петр Андреевич, пожелав «освежиться в Арзамасе и отдохнуть от смерти» («Остафьевский Архив», т. I, С.-Пб. 1899, стр. 38), приехал из Москвы в Петербург, вместе с В. Л. Пушкиным и Карамзиным (Записки

Ф. Ф. Вигеля, ч. V, М. 1892, стр. 36), который был женат на единственной сестре Вяземского — Екатерине Андреевне; Карамзин тогда, «вооружась запасом терпения, уничижения и нищеты духа» (Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому, М. 1860, стр. 6), вез свои 8 рукописных томов «Истории Государства Российского» для представления императору Александру I. Путешественники прибыли в Петербург 2 февраля 1816 г. (Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, ч. I, С.-Пб. 1862 г., стр. 141) и, прожив в нем до 23 марта (там же, стр. 182), возвратились в Москву 27 числа того же месяца («Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской» — «Вестник Европы» 1875 г., № 3, стр. 237). Живя в Петербурге, князь Вяземский попрежнему скучал, хотя и присутствовал «на всех балах». Истинное освежение находил он только среди Арзамасцев, в беседе с которыми отдыхал душою и сам Карамзин, восторженно отзывавшийся о них в письмах к жене (Неизданные сочинения Карамзина, стр. 151, 156, 160, 165). Тогда же состоялось посвящение в члены Арзамаса В. Л. Пушкина и, вероятно, заочное избрание его племянника, как это было с Батюшковым и Денисом Давыдовым (Сочинения В. Л. Пушкина, под ред. В. И. Саитова, изд. журнала «Север», С.-Пб. 1893, стр. XV; Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. V, стр. 45). Во всяком случае, из письма Пушкина к князю Вяземскому видно, что к концу марта 1816 г. он был уже Арзамасцем. К этому же году следует приурочить и известное послание Пушкина «К Жуковскому», относимое обыкновенно к 1817 году, но написанное, очевидно, под живым впечатлением смерти Озерова, который скончался 5 сентября 1816 года. — Между тем, Лицейские товарищи «Сверчка», преклонявшиеся пред его литературным талантом, знали о приезде в Петербург «бессмертного историографа отечества» и с нетерпением ожидали его к себе. По этому поводу А. Д. Илличевский писал 20 марта 1816 г. приятелю своему П. Н. Фуссу: «Мы надеемся, что он (Карамзин) посетит наш Лицей, и надежда наша основана не на пустом: он знает Пушкина и им весьма много интересуется; он знает также Малиновского» (Ивана Васильевича, племянника А. Ф. Малиновского — приятеля Карамзина: Я. Грот, Пушкин, изд. 1899, стр. 69). — Есть известие, что Карамзин перед отъездом в Москву действительно посетил Лицей в сопровождении князя Вяземского, который и воспользовался случаем, чтобы завести личное знакомство с Пушкиным. Вяземский, возвращаясь вместе с Карамзиным и В. Л. Пушкиным из Петербурга в Москву, «остановился на короткое время в Царском Селе и все они навестили Москвича - лицеиста, который начинал заявлять себя искусством стихотворческим», при чем «князь П. А. Вяземский уже дорожил молодым талантом, который выразился около того времени «Воспоминаниями в Царском Селе», «Посланием к Жуковскому» и др. Он вместе с Жуковским приветствовал и привязал к себе молодого Пушкина» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 111; «Складчина», С.-Пб. 1874, стр. 366). Дата письма Илличевского показывает, что это могло случиться не раньше 21, 22 или 23 марта. Самый факт посещения Лицея Карамзиным в сообществе с кн. Вяземским представляется вполне естественным, но трудно допустить, судя по содержанию и тону письма Пушкина к князю Вяземскому, чтобы знакомство их началось именно с этого времени: оно должно было состояться раньше. С князем Вяземским Пушкина до самой смерти связывала тесная дружба и близость литературных вкусов и интересов; письма Пушкина к нему занимают одно из первых мест в Пушкинской переписке. Об отношениях Вяземского и Пушкина см. Дневник Пушкина, под ред. В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского, М. 1923, стр. 113—140; Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым, под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 28, 78 — 79; сб. «Беседы», т. I, М. 1915, стр. 57—76, ст. И. Н. Розанова; К. Я. Грот, Пушкинский Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 106—107; Дневник Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 46. № 2.

— Говоря о русских стихах Шапеля и Буало, Пушкин имеет в виду легкие стихи самого, тогда еще молодого кн. Вяземского, в которых отразилось влияние этих двух французских писателей XVII столетия;

№ 2. из них Шапель (Claude-Emmanuel Luillier, dit Chapelle, род. 1626, ум. 1686) — легкий поэт, был второстепенным представителем группы писателей в анакреонтическом духе, составлявших как бы оппозицию напыщенным поэтам века Людовика XIV, а Буало (Nicolas Boileau-Despréaux, род. 1636, ум. 1711) — известным сатириком и автором «Искусства поэзии» («Art poétique»); Пушкин сравнивает Вяземского с Буало, имея в виду сатирические опыты Вяземского, к которым он, скептик по природе, был смолоду расположен.

— Софийский почталион: София — часть г. Царского-Села, близ которой находился Лицей, основанный здесь в 1811 году и выпустивший свой первый выпуск в 1817 году.

— Говоря о поэтах, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину (это говорилось из подражания Горацию и его последователям), Пушкин, быть может, имел в виду и самого Вяземского, который еще в 1808 г., в «Послании к *** в деревню», не отрицая прелестей деревенской жизни, находил, что

... и в городе возможно с счастьем жить:
Оно везде — умей его лишь находить.

— Стихи, приведенные в письме, представляют обычный мотив Пушкинской поэзии Лицейского периода.

— «Славянские глупцы» — члены основанной в 1811 г. Шишковым Беседы Любителей Российского Слова,—представители старой школы писателей, противники литературной деятельности Карамзина и стоявших на его стороне «арзамасцев». Упоминая о «высоком», Пушкин, быть может, намекал на известный трактат, приписывавшийся Лонгину (род. в 213 г., ум. в 273), переведенный с греческого и изданный упомянутым выше наставником его И. И. Мартыновым в 1803 г. (вторично в 1826 г.).

— «Россиада» — героическая поэма родоначальника нашего искусственного эпоса Михаила Матвеевича Хераскова (род. 1733, ум. 1807) в 12 песнях, написанная по классическим правилам и чрезвычайно тяжелыми стихами (изд. 1779 г.), ко времени Пушкина уже совершенно устаревшая, но еще Державиным признававшаяся «бессмертною»; образцовым в некотором роде произведением, хоть и с недостатками, она признавалась и в пространном, печатавшемся почти в течение целого года разборе ее, написанном профессором А. Ф. Мерзляковым и в 1815 году помещенном в издававшемся им самим журнале «Амфион». Между тем, уже Батюшков называл Хераскова «водяным Гомером» (Сочинения, т. III, стр. 150); Пушкин же, говоря о чтении «пресловутой» «Россиады» в виде наказания, вспоминал, быть может, не менее пресловутую «Тилемахиду» Тредьяковского (1766 г.): в правилах «Эрмитажа» Екатерины II, ею самою написанных, было установлено шуточное наказание: «за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из «Тилемахиды» страницу: а за важнейшую—выучить из оной 6 строк» (Митр. Евгений, Словарь Русских светских писателей», т. II, М. 1845, стр. 221). Отзыв Пушкина о Хераскове (из которого несколько удачных стихов поэт привел, как эпиграфы к главам IX и X «Капитанской Дочки») и о критике Мерзлякова см. еще в письме поэта к А. А. Бестужеву 1825 г. (№ 148).

На разбор Россиады.

С тобой согласен я — нет в свете ничего
Скучнее этого эпического вздора,
Окроме твоего...
Премудрого разбора!

(«Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр. 1922, стр. 71 — 72, в статье Н. В. Измайлова).

— Граф Разумовский—вышеупомянутый Алексей Кириллович, тогдашний Министр Народного Просвещения.

— Выпуск из Лицея состоялся 9 июня 1817 г.

Быть может, Пушкину принадлежит и эпиграмма Лицейской поры № 2. на Мерзлякова и Хераскова:

— Говоря о «погребении покойной Академии и Беседы губителей Российского Слова», Пушкин имеет в виду заседания общества «Арзамас», на которых нередко осмеивалась и вышучивалась деятельность членов основанной в 1783 г. и закрытой в 1841 г. Российской Академии и Шишковской Беседы Любителей Российского Слова. В Уставе «Арзамаса» находился, между прочим, следующий §: «По примеру всех других обществ, каждому нововступающему члену «Арзамаса» надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику, но все члены нового «Арзамаса» бессмертны, — и так за неимением собственных готовых покойников, новоарзамасцы положили брать напрокат покойников между халдеями «Беседы» и «Академии» (Е. П. Ковалевский, Граф Блудов и его время, С.-Пб. 1866, стр. 109; Полн. собр. соч. князя Вяземского, т. X, стр. 246). Принятый в члены «Арзамаса» еще до выпуска из Лицея с именем «Сверчок», Пушкин, проведший июль и почти весь август 1817 г. в Михайловском и вернувшийся затем в Петербург, только тогда мог быть принят в «Арзамас», так сказать, официально; это происходило в присутствии Жуковского, который 19 сентября 1817 года выехал в Дерпт, а 4 октября отправился уже из Петербурга в Москву (Дневник В. А. Жуковского, под ред. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1903, стр. 52; Остафьевский Архив, т. I, стр. 87, 89). По словам П. И. Бартенева («Моск. Вед.» 1855 г., № 142, стр. 583), Пушкин только один раз был в собрании «Арзамаса», в котором произнес обычную вступительную речь в александрийских стихах; из нее известны, по памяти князя П. А. Вяземского, только начальные стихи:

«Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други светлых Муз, о дивный Арзамас,
. . . .
Где славил наш Тиртей [Жуковский] кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра [Блудов].»

Далее, характеризуя Арзамасское общество, Пушкин изображал Арзамасца

. . . в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розами в руке.

Это было, по расчету П. И. Бартенева, в конце сентября или в начале октября 1817 года. В стихотворениях Пушкина рассеяно не мало насмешек над деятельностью литературных староверов, — например, в послании «К Жуковскому» (1817 г.), в котором он зло осмеял членов Беседы и Российской Академии.

— Стихи «Не всем быть можно в ровной доле» взяты из послания самого князя Вяземского к Денису Васильевичу Давыдову, напечатанного в 1818 г. в журнале Мерзлякова «Амфион» (№ 4; см. Соч. кн. Вяземского, т. III, стр. 66).

— Князья-стихотворцы [на] Ш. — князья Александр Александрович Шаховской (род. 24 апреля 1777, ум. 22 января 1846), Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (род. 1783, ум. 7 июня 1837) и Петр Иванович Шаликов (род. 1768, ум. 16 февраля 1852), — литературные противники «арзамасцев», осмеивавшиеся как князем Вяземским (напр., в стихотворениях: «К слезливому стихотворцу», «Поэтический венок Шутовского», 1815 г., «Липецкие воды», «К Неелову», «Отъезд Вздыхалова», 1813 г.), так и самим Пушкиным и другими лицеистами. Пушкин еще в 1815 г. написал эпиграмму:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховский, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов;
Но кто глупей из тройки злой?
— Шишков, Шихматов, Шаховской.

№ 2. А в Лицейскую Антологию была включена эпиграмма

Кантемир князьям Ш.

Я взял весь ум князей и авторам князьям,
Прапрадедам моим по прозе и стихам,
Ни капельки не дам.

Вспомним, наконец, гимн: «Венчанье Шутовского», написанный Д. В. Дашковым и внесенный Пушкиным в свой дневник под 28 ноября 1815 г. — А. Ф. Воейков в своем остроумном шутливом «Парнасском Адрес-Календаре» так охарактеризовал их: «Князь Шаховской — придворный дистилатор, составляет самый лучший опиум для придворного и общественного театра. Имеет привилегию писать без вкуса и толка». — «Кн. П. И. Шаликов — присяжный обер-волокита, князь вралей; находится при составлении из канареечных яиц для Феба яишницы и при собирании для него же жемчужной росы и любовных вздохов». — «Кн. С. Шихматов—беседист, член противной стороны здоровому рассудку, пишет неведомо что, неведомо для кого, сочинитель песен, которых никто не поет, и книг, которых никто не читает». Упоминания и отзывы о них Пушкина—см. ниже, по указателю. «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему один раз навсегда за многие подвиги» и состоявший из 8 эпиграмм на него, был, конечно, хорошо знаком юному Пушкину, как и отдельные эпиграммы на него, — напр.; «Наш комик Шутовской хоть любит пошутить» и т. д., напечатанная в «Сыне Отечества» 1815 г., ч. XXV, стр. 65, и в «Российском Музеуме» 1815 г., ч. IV.

— Батюшков — Константин Николаевич (род. 18 мая 1787, ум. 7 июля 1855), известный поэт, которого Пушкин очень ценил и которому подражал в эпоху своей ранней поэтической деятельности; их ичное знакомство состоялось в конце 1814 или в январе 1815 года, когда Батюшков проживал в Петербурге, из которого выехал в начале февраля (Сочинения Батюшкова, т. III, стр. 284, 310); но еще до личного знакомства с Батюшковым Пушкин написал к нему Послание (1814), а личное знакомство и беседы вызвали второе послание Пушкина к Батюшкову (1815); в 1816 году Батюшков жил в Москве, поселившись в ней по окончании войны с Наполеоном и взятии Парижа, в коем принимал и личное участие, как адъютант генерала Н. Н. Раевского, Пушкин, задумавший написать поэму «Бова», написал только начало ее и передал сюжет Батюшкову, узнав, что он собирается обработать ту же тему: ср. послание Пушкина «Батюшкову» («В пещерах Геликона»). Батюшков один из первых оценил поэтическое дарование Пушкина, но еще в 1818 году писал о нем А. И. Тургеневу: «Сверчок что́ делает? Кончил ли свою поэму? Не худо бы его запереть в Гёттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет. Потомство не отличит его от двух однофамильцев [В. Л. и А. М. Пушкиных], если он забудет, что для поэта и человека должно быть потомство... Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его Музы и молитвы наши!» («Русск. Арх.» 1867 г., стр. 1534 — 1535 и Соч. Батюшкова, т. III, стр. 533). Об отношениях обоих поэтов см. в книге Л. Н. Майкова: «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 284—317, а о «Бове» Пушкина — Сочинения Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. I, стр. 202 — 206.

— Василий Львович Пушкин (род. 27 апреля 1767, ум. 20 августа 1830), дядя Александра Сергеевича, известный тогда писатель, старейший по возрасту член «Арзамаса», носивший в нем последовательно прозвища: «Вот», «Вот я вас» и «Вот я вас опять»; убежденный карамзинист, он в 1810 г., по словам князя П. А. Вяземского, первый «пламенными чертами написал манифест о войне с противниками под именем послания к Светлане и продолжал после вызывать врагов на частые битвы» (Сочинения, т. VIII, стр. 422), т.-е. принимать самое деятельное участие в литературном споре последователей новой школы с Карамзиным во главе и старой, главою

которой являлся Шишков, автор появившегося в 1803 г. известного «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка». Послание к Жуковскому, в котором В. Л. Пушкин осмеивал «весь собор безграмотных славян», а затем послание к Д. В. Дашкову (1811), обличавшее тех же «невежд»-славян в стремлении заглушить семена науки и стать, таким образом, тормозом истинного просвещения, основанного на свободе мысли; наконец, остроумная сатира «Опасный Сосед», с выведенными в ней мимоходом Шишковым и князьями Ширинским-Шихматовым и Шаховским,—были крупными заслугами В. Л. Пушкина в эпоху борьбы литературных партий и сделали его лицом очень популярным. Племянник относился к дяде-поэту добродушно-иронически, понимая, что удельный вес его, как поэта, не высок, а литературный вкус двоится между слепым преклонением перед классическими французскими поэтами и сочувствием к новым веяниям (одно время он даже увлекся Байроном). Такому двойственному отношению к дяде содействовали и личные качества этого бесконечно-добродушного, но не лишенного чудаковатости человека, и если можно говорить о «влиянии» его на развитие таланта племянника-поэта, то лишь в самом общем смысле влияния старшего, хорошо образованного и начитанного, но довольно ограниченного человека на юношу, еще только развивающегося. Ср. статью Н. К. Пиксанова: «Дядя и племянник» — в Сочинениях Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. V, стр. LXVII—LXXII. № 3.

— На приветственные слова племянника в его письме к князю П. А. Вяземскому В. Л. Пушкин отозвался письмом из Москвы, от 17 апреля 1816 г.: «Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мне вспомнил. Письмо твое меня утешило и точно сделало с праздником. Желания твои сходны с моими; я истинно желаю, чтоб *непокойные* стихотворцы оставили нас в покое. Это случится может только после *дожжика в четверг»* и т. д. (см. Акад. изд. переписки, т. I, стр. 4 — 5).

— Ломоносов, приписка которого находится в конце письма Пушкина, — товарищ последнего по Лицею Сергей Григорьевич (род. 1799, ум. в своем имении Сан-Данелло, близ Флоренции, 13 (25) октября 1857); барон М. А. Корф, другой его товарищ, говорит, что Ломоносов был «человек способный и умный, но еще более хитрый и пронырливый, — в Лицее по этим свойствам мы называли его «Кротом» («Русск. Стар.» 1904, № 6, стр. 555); всю жизнь свою, с выпуска из Лицея в 1817 году (13 июня), он служил по дипломатической части, за границей, и впоследствии был поверенным в делах, а затем — резидентом и посланником (1843) в Бразилии, Португалии (1848) и Нидерландах (1853 г.). Как Москвич, Ломоносов знаком был с Пушкиным еще до поступления своего в Лицей (Я. Грот, Пушкин, стр. 47) и находился в приятельских отношениях с князем Вяземским (своим товарищем по иезуитскому пансиону) и А. И. Тургеневым и его братьями («Остаф. Архив», т. II, стр. 247, 364, т. III, стр. 116, 119, 163, 166, 171), несмотря на отличавший тогда его от них консервативный образ мыслей. Вяземский говорит про него, что «Холмгорского в Ломоносове ничего не было, т.-е. литературного. Он был добрый малый, вообще всеми любим», но «Пушкин был не особенно близок к Ломоносову, — может быть напротив. Ломоносов и тут [в Лицее] был уже консерватором, а Пушкин в оппозиции против Энгельгардта и много еще кое-кого и кое-чего» («Старина и Новизна», кн. XIX, 1915 г., стр. 6). О нем см. в книге Н. А. Гастфрейнда: «Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею», т. I, С.-Пб. 1912, стр. 376 — 389. Его портрет, работы К. П. Брюллова, см. в книге А. Бакушинского: Живопись и рисунки в Цветковской Галлерее, М. 1925.

3. *В. Л. Пушкину* (стр. 5 — 6). Было напечатано, без ведома Пушкина, в «Сыне Отечества» 1821 г., ч. 68, № XI, 12 марта, стр. 178 — 180, с подписью: А. Пушкин. Узнав об этом самовольном поступке редактора «Сына Отечества» Н. И. Греча, поэт в дневнике своем записал в начале мая: «В С. О. напечатали одно письмо мое к В. Л. Это меня взбесило, тотчас написал Гречу официальное письмо». (Неизданный Пушкин, «Труды Пушкинского Дома», Пгр. 1922, стр. 225). Н. О. Лернер пишет

№ 3. по этому поводу: «Появление послания в печати было для Пушкина полной неожиданностью и изрядно рассердило его. Неизвестно, что́ написал он Гречу, но, очевидно, он намерен был покарать печатно самовольство редактора. 21 сентября [1821 г.] он спрашивал Греча, между прочим: «А скромное письмо мое насчет моего же письма — видно не лезет сквозь цензуру?» Должно быть, в этом случае провинился нескромностью и сам дядюшка, о котором Пушкин вскоре (2 января 1822 г.) писал Вяземскому: «Желаю счастия дяде, — я не пишу к нему, потому что опасаюсь журнальных почестей». На самого Греча Пушкин недолго сердился: в том же 1821 году он напечатал в «Сыне Отечества» послание к Чаадаеву» («Нива» 1912 г., № 5, стр. 93). 21 марта 1821 г. А. Я. Булгаков писал брату из Москвы: «Василий Львович ко мне заезжал поутру; он в восхищении, что письмо к нему от племянника напечатано в «Сыне Отечества». Старам стала! Я ему говорю: «On voit par cette lettre que vous êtes intimes, l'oncle et le neveu: c'est bien, mais qu'on n'aille pas s'imaginer que c'est vous qui avez élevé Alexandre et que vous partagez ses opinions; vous savez qu'il passe pour ultra-libéral».—Вот мой Василий Львович уже трусит. «Il est vrai, cela pourra me compromettre; je ne conçois pas qui a pu donner cette lettre à imprimer; ce n'est pas moi. Hé! Je suis fâché qu'on a imprimé cela, hé! Pourquoi mettre mon nom, pourquoi me nommer, hé? Большой трусишка!» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 66). [*Перевод:* «По этому письму видно, что вы, дядя с племянником, очень близки. Это хорошо, но пусть только не думают, что это вы воспитали Александра и что вы разделяете его убеждения: вы знаете, что он считается ультра-либералом». — «Правда, это может меня скомпрометировать! Не понимаю, кто мог дать напечатать это письмо: но не я. Ах, мне досадно, что это напечатали, ах! зачем было ставить мое имя, зачем называть меня, ах!»].

— Подлинник письма не сохранился. Пушкин отвечает на вышеуказанное письмо дяди от 17 апреля 1816 года спустя 9 месяцев после его получения, — почему ответ его и датируется первой половиной января 1817 г.; в стихах упоминается «Опасный Сосед» — вышеназванное шуточное, весьма популярное стихотворение В. Л. Пушкина; см. его издание — под редакцией и со статьею В. И. Чернышева, — в серии «Трудов Пушкинского Дома» и в изд. «Атеней», 1922 г.

— *Вот*—«арзамасское» прозвище В. Л. Пушкина.

— Ювенал—римский поэт-сатирик I—II в. по Р. Х.

— Ослов — адмирал Александр Семенович Шишков (род. 9 марта 1754, ум. 10 апреля 1841), писатель, автор «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка» (1803 г.), с 29 мая 1813 г. до дня смерти — Президент Российской Академии, а также Председатель Беседы Любителей Российского Слова, около коего группировались представители старой литературной школы; позже Пушкин спокойнее относился к Шишкову, бывшему в 1824 — 1828 г. Министром Народного Просвещения, и во «Втором послании к цензору» (1824) посвятил ему несколько сочувственных стихов:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года и т. д.,

при чем в письме к князю П. А. Вяземскому от 25 января 1825 года сам подчеркнул эту разницу: «Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове; tempora altri [т.-е. времена другие]». К. С. Сербинович свидетельствует, что и впоследствии Пушкин никогда не выходил из пределов уважения к этому старцу, одностороннему в суждениях о литературе, но почтенному по своим душевным качествам и заслугам; с своей стороны, и Шишков «в Пушкине признавал истинный талант. Он ему нравился более Жуковского — за особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность». («Русск. Стар.». 1896 г., № 9, стр. 577). О Пушкине и Шишкове см. сводную заметку М. Н. Сперанского в Московском издании

Дневника Пушкина, 1923 г., стр. 535 — 537, и наше издание Дневника. № 4. Пгр. 1923, стр. 242.

— Феб—то же, что Аполлон: мифологический бог света, солнца, покровитель поэзии, искусств и медицины, сын Юпитера.

— Шутовской — вышеупомянутый князь Александр Александрович Шаховской, член Беседы Любителей Российского Слова, плодовитый драматический писатель, бывший до середины 1818 г. членом Театральной Дирекции по репертуарной части; Пушкин неоднократно осмеивал его в своих ранних произведениях, а также и в письмах (см. ниже). Возбуждение против него со стороны «арзамасцев» было вызвано тем, что в своей комедии «Новый Стерн» (1805 г.) он осмеял Карамзина, а в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1813), поставленной на сцене 23 сентября 1815 года, в лице «балладника» Фиалкина, вышутил Жуковского, как известно, игравшего видную роль в «Арзамасе» (ср. Лицейскую заметку Пушкина: «Мои мысли о Шаховском»). См. Л. Гросман «Пушкин в театральных креслах» 1926 г., стр. 132 — 143.

— «Единственный стих», о котором говорит Пушкин в стихах, обращенных к дяде,—строки из «Опасного Соседа» с упоминанием о том, как в публичном доме, куда попал герой «Опасного Соседа»,

Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И «Стерна Нового», как диво величали
(Прямой талант везде защитников найдет).

— Шольё Андреевич — князь Петр Андреевич Вяземский, названный Пушкиным так по имени известного французского «легкого» стихотворца аббата Guillaume Amphrye de Chaulieu (род. 1639, ум. 1720), которого Вольтер прозвал «Церковным Анакреоном» и которому подражали многие русские поэты, — в том числе и князь Вяземский. — Позднее в «Новом Живописце общества и литературы», — приложении к «Московскому Телеграфу» Н. А. Полевого (1831 г.), — помещались, между прочим, пародии на стихотворения поэтов Пушкинского кружка в виде «Выдержек из нового альманаха: «Литературное Зеркало», при чем пародии на стихотворения князя Вяземского имели подпись: «Шолье-Андреев» [Соч. Пушкина, ред. Мороз., т. VI, 591]. В «Арзамасе» Вяземский носил прозвище «Асмодей».

4. *С. С. Фролову* (стр. 6). Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в сборнике Пушкинского Дома: «Литературные Портфели. I. Время Пушкина», издательство «Атеней», С.-Пб. 1923, стр. 20, в статье: Коллективное письмо Лицейской поры С. С. Фролову (стр. 19—25), по подлиннику, принадлежащему Пушкинскому Дому Академии Наук.

— Строки Пушкина составляют часть коллективного письма лицеистов к своему инспектору Степану Степановичу Фролову. Вот его текст:

4 Апрѣля 1817 года.

Чувствую, что виноватъ передъ вами почтенный Степанъ Степановичь — обѣщался быть секретаремъ для отправленія писемъ къ вамъ, а до сихъ поръ еще ни слова несказалъ путнаго. Да и теперь будетъ тоже. — Экзаменъ не за горами — а до сихъ [поръ] были всѣ въ Петербургѣ на праздникѣ; я незабылъ, что зывали вы меня за мои частыя пословицы *Саншо-Пансо*, что жъ худаго-то, понабрался ихъ, а онѣ и пригодятся — *малъ золотникъ да дорогъ* — также заключите и о письмѣ съ почтеніемъ пребывающаго къ вамъ

Ивана Малиновскаго.

Посмотримъ кто изъ насъ: вы ли почтеннѣйшій, Степанъ Степановичъ, пріѣдете въ Царское или я прискачу къ вамъ въ Лонку. Желаю впрочемъ чтобъ вы первый посѣтили насъ и увидѣли исполненіе желанія вашего. Каковы ваши труды? Подъ надзоромъ добраго хозяина думаю я вся Лонка разцвѣла; — какъ весело! — Будьте здаровы и незабудьте вашего *Есакова.*

№ 4. Вспомните и обо мнѣ, почтеннѣйшій Степанъ Степановичь! намъ же все напоминаетъ васъ; мы встрѣтили и провели праздники, но—безъ васъ, и теперь опять по прежнему начинаемъ бродить по саду, но васъ уже нѣтъ: возвратитесь скорѣе, Царское село не хуже Лонки, и здѣсь вы будете между Рускими, между тѣми, которые знаютъ васъ и любятъ столько, сколько любить можно добрѣйшаго наставника. Позвольте увѣрить васъ въ чувствахъ глубокаго почтенія и преданности вашего покорнѣйшаго слуги

Владиміра Вольховскаго.

Незабывайте его, незабывайте насъ.

Съ брата по строчкѣ, выдетъ цѣлое письмо. — Съ какимъ удовольствіемъ приписываю я къ другимъ и моихъ *два* слова—Христосъ воскресе! Степанъ Степановичъ! почтеннѣйшій начальникъ! Съ праздниками поздравляемъ васъ.

Алексѣй Илличевскій.

Позвольте и мнѣ написать вамъ нѣсколько словъ, почтеннѣйшій Степанъ Степановичь! Извините, что до сихъ поръ сего не сдѣлалъ; но право времени ни минуты не имѣлъ свободной! Праздники провелъ я въ Петербургѣ — и теперь опять въ кругу милыхъ моихъ товарищей — но все не то: васъ не нахожу — *Козырь вскрылся!—нырнулъ въ лонку,* — а насъ военныхъ покинулъ. Худо Степанъ Степановичь, но ужъ такъ и быть все прощу вамъ — если только вы незабудете любящаго и почитающаго васъ друга.

Иванъ Пущинъ.

Маславъ много, много вамъ кланяется.

И я, любезнѣйшій Степанъ Степановичъ, свидѣтельствую вамъ почтеніе, христосуюсь съ вами и очень желаю васъ опять увидѣть. Остаюсъ всегда желающимъ Вамъ здаровья и щастія

Б. Дельвигъ.

Затем следует приписка Пушкина, а за нею — приписка неизвестного нам по прозвищу Лицеиста: — Finis coronat opus — Biscup.

Письмо лицеистов-товарищей писано на Фоминой неделе в 1817 г., когда лицеисты, встретив 25 марта пасху в семейном кругу, снова съехались в Царское-Село и уже начинали готовиться к выпускным экзаменам. Письмо своим тоном — почтительно дружественным и добродушным — мало отвечает тому представлению о С. С. Фролове, которое утвердилось за ним в Пушкинской литературе со слов одного из товарищей Пушкина — барона М. А. Корфа (Я. К. Грот, Пушкин, изд. 1899 г., стр. 239 — 242),—слов, подтверждавшихся одною из Лицейских «Национальных песен» (К. Я. Грот, Пушкинский Лицей, стр. 234—237 и Н. Гастфрейнд, Товарищи Пушкина, т. II, стр. 30 — 31), карикатурою в № 4 «Лицейского Мудреца» (К. Грот, Пушкинский Лицей, 1911, стр. 303), а также известным эпизодом с Малиновским, Пущиным и Пушкиным, когда они, задумав и осуществив на деле маленькую пирушку (в октябре 1814 г.), были затем уличены, и Фролов придал делу формальный ход, в результате чего виновные были приговорены к нескольким взысканиям, которые могли печально отразиться на их будущности; известны по этому поводу: рапорт Фролова (И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 336), рассказ И. И. Пущина (Л. Н. Майков, Пушкин, С.-Пб. 1899, стр. 59—60) и стихотворение Пушкина «Воспоминание», в котором юный поэт рассказывает, как, «в отрадной тешине», они «топили горе» «в чистом вине» и как веселое сборище было внезапно прервано:

Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали —
И бутылки вмиг разбиты
И бокалы все в окно.
Всюду на полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо... № 4.
Вмиг исчез минутный страх:
Щек румяных цвет игривой,
Ум и сердце на устах,
Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор —
Изменяли чад похмелья,
Сладкий Вакха заговор и т. д.

Степан Степанович Фролов, отставной подполковник артиллерии, человек уже пожилой (во время определения на службу в Лицей ему было 49 лет), хотя и получил систематическое воспитание (во 2 Кадетском Корпусе), был человек настолько малообразованный, что, по словам Корфа, «в жизни ничего не читал» и воображал, «по сходству звуков, что Эмиль Руссо—женщина». В Лицей он попал после того, что занимал должность Минского Уездного Предводителя дворянства и Дисненского поветового маршала; по словам Корфа, ранее он служил при одном из Кадетских Корпусов, «какими-то судьбами сделался известен графу Аракчееву и, по мощному его слову, без малейших с своей стороны прав и предшествий», был определен в Лицей «надзирателем по учебной и нравственной части». После смерти, 23 марта 1814 г., первого Директора Лицея Василия Федоровича Малиновского, место его почти два года оставалось незамещенным, и исправление его должности переходило к нескольким лицам,—сначала к проф. Кошанскому, а когда он заболел, — к Конференции; это повело к расстройству дел в Лицее, т. к. профессора, занятые прямыми своими обязанностями, не могли достаточно внимательно наблюдать за воспитанниками; открылись беспорядки, гувернеры не исполняли своего дела, и среди юношей показалась распущенность; между самими членами временного управления произошли неудовольствия, часть экономическая пришла в беспорядок; тогда-то Министр Народного Просвещения граф А. К. Разумовский возложил, 13 сентября 1814 г., обязанности Директора на проф. Гауеншильда, а ближайший надзор за гувернерами и воспитанниками вверил тогда же приглашенному Фролову. Фролов был фактически Директором Лицея, и не прошло месяца со времени его вступления в должность, как он накрыл троих своих питомцев в недозволенном и тайном служении Вакху... Вышеупомянутая «Национальная песнь» на Фролова, пространная и довольно таки грубая и резкая, свидетельствует, что Фролова мало любили и мало уважали. Приводить ее целиком не стоит, так как она слаба по композиции, но содержание ее ценно своею недвумысленною определенностью отношений к Фролову; последний упоминается еще в эпиграмме Пушкина «Портрет», относящейся к Лицейскому периоду, и в одной из эпиграмм недавно обследованного Н. В. Измайловым рукописного сборника стихотворений лицеистов, принадлежащего Пушкинскому Дому. — Когда Директором Лицея был назначен известный Е. А. Энгельгардт (27 января 1816 г.), — Фролов был определен инспектором, однако, новый Директор, прекрасный педагог, вероятно, вскоре же оценил ближайшего своего сотрудника по достоинству, — и Фролов уже через год уволился из Лицея (И. Селезнев, Исторический очерк имп. Александровского Лицея, С.-Пб. 1861, стр. 159). «С претензиями на ум, на познания, с надутою фигурою, не имея никакого достоинства и ни малейшего характера, притом отчаянный игрок, этот Фролов», говорит М. А. Корф, «был одним из самых типических лиц в пошлом сборище наших менторов. Переделав постепенно его грубую, но слабую, солдатскую натуру на наш лад, возвысив его, так сказать, до себя, — ибо когда он обтерся немного в нашем обществе, то не мог не почувствовать, что каждый из нас и умнее его, и более его знает, — мы обратили его в совершенное посмешище и издевались над ним открыто, ему самому в лицо» (Я. Грот, Пушкин, стр. 239—240). Письмо к Фролову его питомцев, как мы сказали, не подтверждает приведенного беспощадного свидетельства Корфа. Может быть этот отзыв по существу несправедлив, но

№ 5. может быть и то, что или добрые и воспитанные юноши в своем коллективном послании к инспектору были просто мало искренни и намеренно чересчур снисходительны к нему, или, что они под конец пребывания своего в школе изменили свое отношение к Фролову, который и сам к этому времени сумел измениться к лучшему.

Всех воспитанников в I выпуске Лицея было 29 человек, но в письме к Фролову приняли участие только 8 из них; из числа наиболее известных членов Лицейской семьи Горчаков, Кюхельбекер, Корф, Матюшкин, Яковлев не приняли участия в письме Фролову, уехавшему тогда в имение Лонки (Смоленской или Минской губернии; оно упоминается в Национальной песне: К. Я. Грот, Пушкинский Лицей, стр. 236, прим. 9,—и в эпиграмме, опубликованной Н. В. Измайловым в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», С.-Пб. 1922, стр. 65, 73), зато приветствовали Фролова: Иван Васильевич Малиновский (сын первого Директора Лицея), Семен Семенович Есаков, в 1831 г. застрелившийся под Варшавой; Иван Иванович Пущин, — впоследствии декабрист, автор замечательных воспоминаний о Пушкине, Владимир Дмитриевич Вольховский, окончивший курс с первою золотою медалью, затем замешанный в дело декабристов и долго служивший на Кавказе; Алексей Демьянович Илличевский,—один из Лицейских поэтов; барон Антон Антонович Дельвиг, ближайший и любимейший друг Пушкина,—наконец сам он, «егоза Пушкин». Живость характера и быстрота движений была одною из отличительных черт Пушкина и сохранялась им долго. Известная актриса А. М. Колосова (Каратыгина) в Воспоминаниях своих о знакомстве с Пушкиным как раз в 1817 г., к которому относятся и настоящие строки поэта, вскоре после выхода его из Лицея, рассказывает о нем: «Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе, «Саша Пушкин», бывая у нас, смешил своею резвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте: вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гарусу в моем вышиванье, разбросает карты в гранпасьянсе, раскладываемом матушкою... «Да уймешься ли ты, стрекоза!» крикнет, бывало, моя Евгения Ивановна, — «перестань, наконец!» Саша минуты на две приутихнет, а там опять начнет проказничать. Это был сущий ребенок, но истинно благовоспитанный, «enfant de bonne maison» («Русск. Стар.» 1880 г., № 7, стр. 568). Данное себе Пушкиным самоопределение—«егоза»—конечно очень ценно, лишний раз подчеркивая непоседливость, или по определению его няни, неуимчивость Пушкина. «Егоза» отделался лишь несколькими, ничего не говорящими строками, посулив в будущем длинное письмо, но можно с уверенностью сказать, что обещания своего Пушкин не исполнил: вскоре начались у него экзамены и 9 июня он уже был выпущен из Лицея, написав ближайшим друзьям своим прощальные стихи и обратившись ко всем товарищам с известным посланием:

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля:
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас света дальний шум,
И всяк избрал свою дорогу
С волненьем гордых юных дум...

5. *В. А. Жуковскому* (стр. 6). Впервые напечатано А. И. Кирпичниковым в «Русской Старине» 1897 г., т. LXXXIX, стр. 275, по тексту, сохранившемуся в воспоминаниях о Жуковском знакомца Пушкина — Н. М. Коншина, по словам которого эта шуточная записка была написана Пушкиным на дверях квартиры Жуковского, в Царском-Селе; Пушкин только что тогда (9 июня) был выпущен из Лицея.

— Жуковский, по всей вероятности, знал Пушкина еще ребенком, № 6—7.
в Москве, будучи старше его на 15 лет; познакомился же с ним летом 1815 года, когда, назначенный чтецом к императрице Марии Федоровне, приезжал из Дерпта в Петербург и часто посещал Царское-Село и соседний с ним Павловск. С этих пор Жуковский во все периоды жизни Пушкина относился с трогательною, нежною любовью, заботливостью и дружеским вниманием к своему младшему другу, гений которого быстро сумел угадать и всегда ценил настолько, что отдавал на суд «победителя ученика» свои произведения. Он, по свидетельству Плетнева, читал ему свои стихи, и если в следующие свидания Пушкин не вспоминал и не повторял их, он считал произведение свое слабым, уничтожал или поправлял его. «С нежным, отеческим участием Жуковский радовался блестящим успехам Пушкина, снисходил к его увлечениям, прощал его заносчивость, берег его, заботился о нем», — а Пушкин не раз называл его впоследствии своим ангелом-хранителем» (П. И. Бартенев, А. С. Пушкин, отд. отт. из «Моск. Вед.» 1854 г., стр. 39—41).

— Штабс-капитаном Пушкин называет Жуковского по чину, полученному последним 6 ноября 1812 года за отличие в сражении при Бородине, в котором он участвовал в составе Московского ополчения, в качестве добровольца, состоя при дежурстве фельдмаршала Кутузова-Смоленского. Далее Пушкин называет своего друга именами тех немецких и английских поэтов, из сочинений которых Жуковский в то время делал переводы: Гёте (род. 1749, ум. 1832), Томаса Грея (род. 1716, ум. 1771), Джемса Томсона (род. 1700, ум. 1748) и Шиллера (род. 1759, ум. 1805).

6. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 7). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 114; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева; фотолитографический снимок в указанном выше издании князя П. П. Вяземского: «Семь автографов А. С. Пушкина».

— Письмо писано по возвращении Пушкина из отпуска, полученного им, по определении (13 июня) на службу в Коллегию Иностранных Дел, «для приведения в порядок домашних дел», а попросту — для поездки в имение матери — сельцо Михайловское, Опочецкого уезда Псковской губернии; подав прошение об отпуске 3 июля и получив паспорт 8 июля, Пушкин выехал в деревню, намереваясь пробыть в ней до 15 сентября, но вернулся в Петербург уже в конце августа, после чего поселился на Фонтанке, у Калинкина моста, в доме Клокачева (Я. К. Грот, Пушкин, стр. 162).

— Ломоносов, — Сергей Григорьевич, Лицейский товарищ Пушкина; см. выше, стр. 183.

— Луи — известный тогда Петербургский ресторатор (см., напр., «Благонамеренный» 1820 г., ч. X, № 7, стр. 29).

— На адресе Пушкин именует своего дядю и князя Вяземского их шуточными «арзамасскими» прозвищами.

7. *В. А. Жуковскому* (стр. 7). Впервые напечатано В. П. Гаевским в «Вестнике Европы» 1888, № 3, стр. 431, а затем в «Отчете Императорской Публичной Библиотеки за 1892 г.», С.-Пб. 1895, прил., стр. 51—52, по подлиннику, принадлежащему Библиотеке и находящемуся в альбоме С. Н. Батюшковой, рожд. Кривцовой.

— Записка писана в Царском-Селе, где жили тогда Жуковский и Карамзин. Незадолго до этого А. И. Тургенев писал И. И. Дмитриеву (6 мая 1819 г.): «Молодой Пушкин еще в рукописи, а Жуковский весь в грамматике» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 650).

— Николай Николаевич Раевский (р. 14 сентября 1801, ум. 24 июля 1843), младший из двух сыновей героя Отечественной войны генерала-от-кавалерии Николая Николаевича Раевского (р. 1771, ум. 1829) и жены его Софьи Алексеевны, рожденной Константиновой (внучки М. В. Ломоносова), в 1811 году начал службу в Орловском пехотном полку, участвовал в походах Отечественной войны и во взятии Парижа, а с 18 мая 1814 г. состоял адъютантом у генерала И. В. Васильчикова, при чем переведен был в л.-гв. Гусарский полк, стоявший в Царском-Селе: здесь он и познакомился с Пушкиным - лицеистом — в 1816 или 1817 гг., у П. Я. Чаадаева

№ 7. (П. И. Бартенев, А. С. Пушкин, М. 1855, отт. из «Моск. Вед.», стр. 142, 144, 145) — и вскоре знакомство их перешло в дружескую связь, основанную на общности литературных интересов, на одинаковости образования и любви и понимания изящного. Поэт считался в литературных делах со взглядами Раевского и охотно отдавал на его суд свои произведения. Тесная связь друзей скрепилась еще какими-то «важными», «вечно незабвенными» услугами, которые Раевский оказал Пушкину и о которых он упоминает в письме к брату Льву от 24 сент. 1820 г. (см. № 16); следом дружбы Пушкина и Раевского, кроме переписки (из которой, к сожалению, сохранились лишь незначительные отрывки (см. «Пушкин, и его соврем.», вып. II, стр. 14 и след., заметка Б. Л. Модзалевского), — осталось посвящение Пушкиным Раевскому «Кавказского Пленника» (1821), в котором Пушкин, между прочим, писал:

Я близ тебя еще спокойство находил,
Я сердцем отдыхал: друг друга мы любили...,

и посвящение ему же стихотворения «Андрей Шенье» (1825).; Раевскому же Пушкин предполагал посвятить «Бахчисарайский Фонтан». В 1820 году Пушкин путешествовал на Кавказ и в Крым с семьею Раевских (см. ниже), а в 1829 г. встретился с Н. Н. Раевским, тогда уже командиром Нижегородского драгунского полка, на театре Персидской войны (см. «Путешествие в Арзрум»). Службу на Кавказе Раевский оставил вследствие нееладов с Паскевичем и доноса, в котором он обвинялся в том, что окружал себя находившимися в ссылке на Кавказе, в различных воинских частях, декабристами и держался с ними по-товарищески (Раевский в начале 1826 г. привлекался к следствию по делу о декабристах, — см. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 160 и 384). Получив за это выговор, Раевский провел несколько лет в опале и не у дел, проживая в Крыму, а затем был начальником 1 Отделения Черноморской береговой линии и всей линии (1837—1841) — в период ее завоевания русскими; его энергичная и самостоятельная деятельность не получила одобрения Военного Министра графа А. И. Чернышева, Е. А. Головина и П. Х. Граббе, которым он был подчинен, — и это вынудило его выйти в отставку (26 ноября 1841 г.).

— В 1, 2 и последнем стихах своей записки Пушкин пародирует стихи Жуковского в его «Певце во стане русских воинов», посвященные отцу Раевского и его сыновьям:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами,

в которых Жуковский запечатлел участие юных Николая Раевского и его старшего брата Александра в сражении под Дашковкой 11 июля 1812 года, данном их отцом французам (см. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 159—165, и т. II, стр. 604). В посвящении Раевскому «Кавказского Пленника» Пушкин, обращаясь к своему другу, писал:

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва-едва расцвел, — и вслед отца героя,
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, — ты гордо полетел;
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, как верный цвет надежд, —

а в 1830 г. в своей заметке о «Некрологии генерала-от-кавалерии Н. Н. Раевского»-отца (составленной М. Ф. Орловым), он писал: «С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного автора некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812 году!.. Отечество того не забыло» («Литерат. Газета»

1830 г., № 1). Об отношениях Пушкина к Н. Н. Раевскому см. в книге Л. Н. Майкова: «Пушкин», стр. 137—161 («Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским»), где приведена и записка Пушкина (стр. 138—139) с объяснениями; «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I и II, С.-Пб. 1908, 1909, и статью А. М. Лободы: Пушкин и Раевские—в издании сочинений Пушкина под ред. Венгерова, т. II, стр. 104—118. № 8.

— Французская повесть *«Борис»* — «Boris, nouvelle par A. Saint-Hippolyte», изданная в Париже в 1819 г. А. Сент-Ипполитом, который позже, в 1818 г., издал в Париже перевод на французский язык «Марфы Посадницы» Карамзина. Сюжет «Бориса» взят из древнерусской жизни и основан на продаже души сатане, при чем в предисловии упомянуто, что на тот же сюжет знаменитым русским поэтом Жуковским написана баллада («Громобой»): «M-r Joukowsky, célèbre poête russe, a fait une ballade sur le même sujet». «Борис» был послан Жуковскому и князем П. А. Вяземским из Варшавы, через А. И. Тургенева, в июле же 1819 года («Остафьевский Архив», т. I, стр. 256, 263, 605).

— Историограф Николай Михайлович Карамзин (род. 1766, ум. 1826), жил тогда в Царском-Селе с детьми и женою, Екатериною Андреевною (род. 1780, ум. 1851), — сестрою князя П. А. Вяземского, о которой см. в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 31—35.

8. *А. И. Тургеневу* (стр. 7—8). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1867 г., ст. 671—672; подлинник, бывший тогда у И. Ф. Золотарева, ныне затерян.

— Письмо писано перед самым отъездом Пушкина в отпуск в с. Михайловское, после перенесенной горячки (ср. «Остаф. Арх.», том I, стр. 253, 256, 260 и стих.: «Я ускользнул от Эскулапа худой, обритый, но живой»). Дата письма вызывает недоумение, так как лишь 10 июля Пушкину был выдан паспорт для поездки в деревню; вероятно он ошибся числом, пометив его 9-м июля вместо 10-го — дня своего выезда («Русск. Стар.» 1887 г., янв., стр. 237).

— Александр Иванович Тургенев (р. 27 марта 1784, ум. 3 декабря 1845) — один из замечательнейших по широкому образованию людей своего времени, воспитанник Московского Благородного Пансиона и Гёттингенского Университета, ближайший и преданнейший друг Карамзина, Жуковского, князя П. А. Вяземского и других наиболее выдающихся представителей русской литературы,—член «Арзамаса», где носил прозвище «Эолова Арфа»; сам он не был собственно писателем, но, по определению князя Вяземского, «русская литература, русские литераторы, нуждавшиеся в покровительстве, в поддержке, молодые новички, не успевшие проложить себе дорогу, всегда встречали в нем ходатая и умного руководителя. Он был, так сказать, долгое время посредником, агентом, по собственной воле уполномоченным и аккредитованным поверенным в делах русской литературы при предержащих властях и образованном обществе» (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 281). В жизни Пушкина, которого Тургенев знал с детства, — он всегда играл заметную роль: по его совету Пушкин в 1811 г. был определен в Царскосельский Лицей (см. письмо отца поэта к Тургеневу, от 4 июня 1837 г. — «Вестн. Евр.» 1880 г., № 12); он же в 1837 г. хоронил Пушкина в Святогорском монастыре (см. «Пушкин и его современ.», вып. VI)... С ранних лет Пушкина он любовно и заботливо следил за развитием его гения, досадуя подчас на «преступную праздность» этого гения («Остаф. Арх.», т. I, стр. 119). В одном письме к Жуковскому, от 12 ноября 1817 г. (еще неизданном), Тургенев писал: «Посылаю послание ко мне Пушкина-Сверчка, которого я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, 18 столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его» и т. д. В 1819 г. Тургенев (камергер с 22 февраля 1819 г.) служил Директором Департамента Духовных Дел (с 1810 г.) при Министре Духовных Дел и Народного Просвещения князе А. Н. Голицыне, известном мистике, очень любившем Тургенева, почему Пушкин и называет его

№ 8. «Кардиналом-племянником». Он жил на Фонтанке, в казенном доме (ныне № 20), где, по преданию, Пушкин, глядя на Михайловский замок, в котором был убит император Павел I, написал свою оду «Вольность». С основания в 1812 г. «Библейского Общества» Тургенев был его деятельным членом и секретарем. Пушкин охарактеризовал его в послании к Тургеневу, написанном 8 ноября 1817 г. — Тургенев, по специальности историк, человек в высокой степени любознательный, любил собирать в свой «отеческий карман» разнообразные памятники прошлой и современной ему литературы и накопил за свою долгую жизнь богатейший архив, ныне составляющий одно из ценнейших украшений Рукописного Отделения Библиотеки Академии Наук и отчасти уже изданный; в нем, между прочим, сохранилось и несколько автографов Пушкина (См. «Русск. Библиофил» 1911 г., сб. «А. С. Пушкин», стр. 7—12). Обстановку тогдашней жизни Тургенева и портрет его самого живо рисует А. Я. Булгаков в письме к брату из Петербурга, от 10 августа 1818 г.: «Ездил к этому рыскуну-Тургеневу. Вообрази, что и в этакую бурю нет его. На полу — Стальшины Considérations, на окошке — портрет Штиллинга, в гробу лежащего, кое-где валяются письма, записочки, далее доклады, во всех углах разные газеты. Книги, которые он в 1816 году приводил в порядок, теперь в еще большем беспорядке. Ну, одним словом, тот же» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. III, стр. 113); 13 августа он же пишет брату: «Поутру был я у Тургенева, пил кофе с ним, потом началась у него lanterne magique [волшебный фонарь] или кукольная комедия: то один, то другой, то поп, то солдат, то нищий, то мамзель» (ib., стр. 119).—В ответ на сообщение Тургенева об отъезде Пушкина из Петербурга в деревню, И. И. Дмитриев писал Тургеневу 22 июля 1819 года: «Хотя и отрекаюсь от французских стихов, но очень рад выздоровлению Пушкина, с удовольствием читал остроумную его безделку и искренно желаю, чтобы, пользуясь свободою в сельском уединении, дописал свою поэму [«Руслана и Людмилу»] или по крайней мере прибавил хоть одну песню» («Русск. Стар.» 1903, № 12, стр. 717).

— Под «обоими Мирабо» Пушкин разумеет младших братьев А. И. Тургенева — Николая Ивановича (род. 1789, ум. 1872), впоследствии декабриста, и Сергея Ивановича (род. 1790, ум. 1827), отличавшихся своим широким образованием и либеральным настроением; сравнивая их с comte de Mirabeau (род. 1749, ум. 1791) — известным оратором, писателем и деятелем Французской революции, Пушкин имел в виду лучшие свойства натуры этого человека, неуклонно стремившегося, по мнению современников Пушкина, к свободе и к любви к человечеству, — чем отличались и братья Тургеневы, которых современники называли братьями Гракхами.

— Послание Орлову — стихи Пушкина: «О ты, который сочетал», обращенные к Алексею Федоровичу Орлову (р. 8 октяб. 1786, ум. 9 мая 1861), только что (4 июля) написанные (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 3, зам. Б. Л. Модзалевского, со снимком с автографа Пушкина), — по поводу намерений Пушкина перейти в военную службу, о чем 5 марта 1819 г. А. И. Тургенев писал князю Вяземскому из Петербурга («Пушкин идет в военную службу»), при чем уже 12 марта сообщал ему же, что «Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною... Он уже и слышать не хочет о мирной службе» («Остаф. Арх.», т. I, стр. 200, 202; ср. Сочинения Батюшкова, т. III, стр. 555; в Тульчине была главная квартира 2-й армии, начальником штаба которой был П. Д. Киселев). О своем желании поступить в военную службу Пушкин заявлял еще в 1815 г. — в своих посланиях к П. М. Юдину, а затем — в стихах к В. Л. Пушкину (1817) и к «Товарищам» (1817); в этом желании сказались впечатления прожитых Пушкиным годов Отечественной войны 1812 — 1814 гг., события которых развертывались перед его глазами...—А. Ф. Орлов, отсоветовавший Пушкину вступить в военную службу, был незаконным сыном графа Ф. Г. Орлова; учился в пансионе аббата Николя, служил недолго в Коллегии Иностранных Дел (с 1801 г.), а затем — в военной службе, был флигель-адъютантом и генерал-адъютантом Александра I, но особое влияние получил уже

при Николае I, который оказывал ему неограниченное доверие и в 1844 г. сделал его шефом жандармов. С 1856 г. Орлов был Председателем Государственного Совета и князем; он известен своею ролью в суде над декабристами, в котором был замешан и его брат, генерал М. Ф. Орлов, женатый на Е. Н. Раевской, арзамасец, близкий Пушкину во время жизни последнего в Кишиневе (см. ниже). Москвич по рождению, А. Ф. Орлов был смолоду знаком с князем Вяземским, Жуковским и Тургеневыми, а через них, вероятно, познакомился с Пушкиным, уже в Петербурге, где с 16 января 1819 г. командовал л.-гв. Конным полком. № 8.

— «Питомец пламенной Беллоны, У трона верный гражданин»—стихи самого Пушкина из упомянутого послания его к Орлову. Беллона—богиня войны у римлян.

— «Напечатайте в собственной типографии», т.-е. в типографии Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения («Остаф. Арх.», т. I, стр. 287, 414, 629); однако, послание к Орлову напечатано не было и появилось в свет, с пропусками и искажениями, лишь в 1829 г., в альманахе «Северная Звезда».

— Белоглазый Кавелин—Дмитрий Александрович (р. 28 апреля 1778, ум. 14 марта 1851), Директор Медицинского Департамента (с 1812 г.), затем, с 23 декабря 1816 г., Директор Главного Педагогического Института и Благородного при нем Пансиона (в котором учился брат поэта — Лев Пушкин), а с 8 февраля 1819 г. — С.-Петербургского Университета; в 1821 г. Д. А. Кавелин принял участие, с известными ретроградами Д. П. Руничем и М. Л. Магницким, в суде над А. И. Галичем и другими профессорами Университета, обвинявшимися в либерализме. Возмущенный деятельностью Кавелина в это время, А. И. Тургенев писал князю Вяземскому 30 марта 1821 г.: «Один из наших Арзамасцев, Кавелин, сделался совершенным пальясом пальяса Магницкого: кидает своею грязью в убитого Куницына, обвиняет его в своей вине, то-есть, в том, что взбунтовались ученики его Пансиона, и утверждает, что политическую экономию должно основать на евангелии. Я предложу выключить его формально из Арзамаса» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 185). Кавелин, получивший литературное образование, в молодые годы писавший стихи (в «Приятном и полезном препровождении времени» 1795—1797 гг., в «Аонидах» 1796 г. и, отдельными листками, патриотические «солдатские песни» в 1812 г.), — был с 1815 г. членом «Арзамаса», куда был введен Жуковским, своим приятелем и младшим товарищем по Московскому Университетскому Благородному Пансиону, в котором одновременно с ним учились и бывшие моложе его А. И. Тургенев, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, С. П. Жихарев. В «Арзамасе» и у арзамасцев, где с ним мог встречаться Пушкин, Кавелин носил прозвание «Пустынник». Пушкин позднее упомянул его в своем «Втором послании цензору» (1824 г.): «Бедный мой Кавелин - дурачек, Креститель Галича, Магницкого дьячек»; не обошел Кавелина молчаньем и А. Ф. Воейков, несмотря на приятельские свои отношения с Кавелиным в молодые годы, — он посвятил ему в своем «Доме сумасшедших» такие резкие строки:

Наш Кавелин недалеко
Там в чулане заседал
И, горе возведши око,
Исповедь свою читал:
«Как, меня лишать свободы
«И сажать в безумный дом?
«Я подлец уже с природы,
«Сорок лет хожу глупцом,
«И Магницкий вечно мною,
«Как тряпицей черной, трет,
«Как кривою кочергою
«Загребает или бьет!»

№ 8. — Соболевский — Сергей Александрович (род. 10 сентября 1803, ум. 6 октября 1870), побочный сын А. Н. Соймонова, талантливый эпиграмматист и остряк, библиофил и библиограф, товарищ Льва Сергеевича Пушкина по Петербургскому Университетскому Благородному Пансиону, в котором воспитывался с марта 1818 по июль 1821 г.; здесь познакомился он и с Пушкиным — поэтом и сблизился с ним уже на всю жизнь (см. начало его незаконченных воспоминаний о Пушкине, опубликованное М. Д. Беляевым в книге: «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина.» Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского, Пгр. 1924, стр. 122 — 123). С сентября 1826 г. они часто встречались в Москве. Время с января 1829 до 1833 г. Соболевский провел в путешествии по Европе, затем жил в Петербурге и Москве, а в августе 1836 г. снова уехал за границу («Русск. Арх.» 1865 г., ст. 1229) и во время дуэли Пушкина был в Париже («Стар. и Нов.», кн. XVII, стр. 248 и след.): иначе, — говорили друзья поэта, — он бы не допустил катастрофы. Хорошо знавший Соболевского П. И. Бартенев, который получил от него не мало сведений о Пушкине (см., напр., «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1094, 1108, 1145, 1194 и др. и «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым, ред. М. А. Цявловского, М. 1925), так характеризует его: «В обществе людей, не близко с ним знакомых, Соболевский слыл нахалом (это как бы принадлежность незаконнорождения); но у него было немало прекрасных качеств, и сердца был он чувствительного... Сатирические стихи его останутся навсегда ценным достоянием Русской словесности. Был он отчасти нашим Марциалом» («Русск. Арх.» 1906 г., кн. III, стр. 562). К сожалению, за всю свою долгую жизнь Соболевский не собрался (как и большинство друзей и приятелей поэта) написать ничего цельного о своем знакомстве с Пушкиным, который был тесно связан с Соболевским своеобразными чувствами приязни и близости. О Соболевском см. статью В. И. Саитова в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко», С.-Пб. 1913 г., и отд. изд., Пгр. 1922; первая и далеко несовершенная попытка собрать литературное наследие Соболевского принадлежит В. В. Каллашу, издавшему в Москве в 1912 г. сборник «С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромпты»; здесь дана краткая его биография и такая характеристика: «Современники оставили много свидетельств о своеобразной личности Соболевского. С особой любовью относился к нему Пушкин, который часто повторял его стихи и остроты. В письмах поэта есть много упоминаний о «Калибане», «Фальстафе», «животном», как он в шутку называл Соболевского. Для него он был друг и благоприятель». Письмо сестры поэта, О. С. Павлищевой, так характеризует их взаимные отношения: без Соболевского «Александр жить не может. Все тот же на словах злой насмешник, а на деле добрейший человек». В свете Соболевского называли «Mylord qu'importe». — В 1820 г. Соболевский наблюдал за печатанием «Руслана и Людмилы» Пушкина, который вообще оказывал необычайное доверие его вкусу и его деловитости и практичности. Юношеские стихотворные упражнения Соболевского см. в заметке М. Д. Беляева в сборнике Пушкинского Дома «Литературные портфели. I. Время Пушкина», изд. «Атеней», 1923 г., стр. 29 — 35; они извлечены из рукописного сборника произведений Соболевского, находящегося, в составе Лонгиновского архива, в Пушкинском Доме Академии Наук. Незадолго до смерти своей Соболевский вспоминал: «Александр Сергеевич был ко мне весьма расположен и, как другу, поверял свои задушевные мысли. Его стихотворение «Братья разбойники» было издано мною, да и в издании «Руслана и Людмилы» я также принимал большое участие вместе с Львом Сергеевичем. В знак особого ко мне расположения Пушкин напечатал один экземпляр своей поэмы «Цыганы» на пергаменте и преподнес его мне; впоследствии я отдал этот экземпляр князю Николаю Ивановичу Трубецкому» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 381). Из писем Соболевского к Пушкину известно только одно (см. в Академическом издании Переписки, т. III, стр. 48).

— Кардиналом Пушкин называет Тургенева потому, что он состоял тогда Директором Департамента Духовных Дел при стоявшем во главе право-

славной церкви — Министре Духовных Дел и Народного Просвещения князе А. Н. Голицыне, ранее бывшем и Обер-Прокурором Синода и известном своим религиозным фанатизмом (во Втором послании к Цензору Пушкин называет его «святой отец»); Тургенев, имевший, как указано выше, придворное звание камергера, пользовался благоволением Голицына. № 9.

— Don-Basile — действующее лицо в известной комедии Бомарше «Le Barbier de Sèville» («Севильский Цырульник», 1775 г.), органист, учитель пения Розины, лукавый хитрец и угодник. Под ним (если считать, что имя Don Basile употреблено Пушкиным в родительном падеже) Пушкин имеет в виду императора Александра I, отличавшегося своею неискренностию и лукавством и названного Пушкиным позднее (в эпиграмме 1829 г.) «в лице и в жизни арлекином», а в уничтоженной X главе «Евгения Онегина» — «властителем слабым и *лукавым*».

— Вместо трех месяцев Пушкин провел в Михайловском немного более месяца, и 16 августа 1819 г. был уже в Царском-Селе. «Явился обритый Пушкин из деревни — и с шестою песнью [«Руслана и Людмилы»]», — сообщал А. И. Тургенев князю П. А. Вяземскому 19 августа из Петербурга: «Здесь я его еще не видал, а там он, как бес, мелькнул, хотел возвратиться со мною и исчез в темноте ночи, как привидение» («Остаф. Архив», т. I, стр. 293.)

9. *Н. И. Кривцову* (стр. 8). Впервые, в сводной редакции, напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLI, стр. 659, по черновику, сохранившемуся в б. Румянцовском Музее, в рукописи Пушкина № 2364, л. 71, где наброску письма предшествуют два стиха, относящиеся, быть может, к нему же:

Нет, нет, мои друзья, напрасны ваши пени:
Я вас люблю, все тот же я.

Писано из Михайловского, где Пушкин тогда был в отпуску, уехав из Петербурга в начале июля (ср. предыдущее письмо и «Остаф. Архив», т. I, стр. 267).

— Николай Иванович Кривцов (род. 10 января 1791, ум. 31 июля 1843) в молодости служил л.-гв. в Егерском полку и под Бородиным был ранен в руку, а под Кульмом (18 августа 1813 г.) лишился левой ноги, оторванной ядром; прожив несколько лет за границей — в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Англии, Италии, он старался расширить свое образование и, вернувшись в Россию, «слыл за вольнодумца и в политическом, и в религиозном отношениях»; войдя в литературные круги Петербурга и Москвы, Кривцов познакомился с И. И. Дмитриевым, князем П. А. Вяземским, В. Л. Пушкиным, С. Л. Пушкиным, Карамзиным, Жуковским, Уваровым; в 1817 г. он познакомился с Пушкиным, который в декабре того же года посвятил ему послание; в дневнике своем Кривцов отметил под 28 июня 1817 г. то впечатление, которое произвел на него молодой Пушкин: «Le soir je fus chez les Tourguéneff, où il y avait le jeune Pouchkine rempli d'esprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment» [т.-е.: «Вечером я был у Тургеневых, где был молодой Пушкин, преисполненный ума и обещающий еще больше, чем то, что он дает в настоящее время]. — В 1818 г., 1 января, Кривцов был причислен к Русскому Посольству в Лондоне; при отъезде его туда Пушкин подарил ему экземпляр поэмы Вольтера «Pucelle d'Orléans», написав на нем послание, датированное 2-м марта 1818 г. (об этом экземпляре см. «Отчет Имп. Публ. Библиотеки» за 1887 г., стр. 105 — 106, и Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. XVII). А. И. Тургенев, в письме к князю П. А. Вяземскому от 28 августа 1818 г., писал, что «Кривцов не перестает развращать Пушкина и из Лондона прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии» («Ост. Арх.», т. I, стр. 117). В Лондоне он сблизился с Д. Н. Блудовым, бывшим там советником посольства. Вернувшись из Англии в 1821 г., еще более ревностным англоманом, чем ранее, Кривцов в 1823 г. был назначен губернатором в Тулу (см. «Остаф. Арх», т. II, стр. 369), но вскоре должен

№ 10. был перевестись, из-за крутости своих административных приемов, в Воронеж, а затем — в Нижний-Новгород и, наконец, совсем выйти в отставку (апрель 1827). Поселившись в 1836 г. окончательно в своем имении Любичах, Кирсановского уезда Тамбовской губернии, он занимался здесь усердно и успешно сельским хозяйством. В молодости, как сказано, Кривцов был в дружеских отношениях с Карамзиным, который был посаженным отцом на его свадьбе (12 ноября 1820 г.) с Екатериной Федоровной Вадковской. Князь П. А. Вяземский делает такую характеристику Кривцова: «Он не был человеком ни увлечения, ни утопии. Был он более человеком рассудка, разбора, анализа. Можно было признать в нем некоторую холодность, некоторый скептицизм. Не знаю, был ли он способен к дружбе в полном значении этого слова, то-есть, с ее откровенностию, горячностию, самопожертвованиями; но он питал в себе чувства искренней приязни и уважения к некоторым исключительным лицам и остался им верен до конца. Он не был записан в Арзамасском штате. но был приятелем почти всех Арзамасцев» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 205 — 206). Очевидно вышеуказанные качества ума Кривцова дали повод Пушкину назвать своего друга именем греческого философа Анаксагора. — О Кривцове см. «Остаф. Арх.», т. I, стр. 495 — 496; Отчет Имп. Публ. Библ. за 1892 г., С.-Пб. 1895, и книгу М. О. Гершензона: «Декабрист Кривцов и его братья», Москва. 1914, в которой дана прекрасная характеристика этого незаурядного, но неуравновешенного человека.— Кривцов был в переписке с Пушкиным, но из нее сохранились лишь еще два письма Пушкина (1824 и 1831 г. — последнее при посылке «Бориса Годунова»), писем же Кривцова к поэту неизвестно ни одного.

— Грибко — личность нам неизвестная (фамилия его в рукописи неясна и некоторыми читается, как Грабе, Грибо); в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. Пушкин писал, что он «стал скучен, как Грибко». В 1824 г. в Петербурге проживал чиновник Оттон Александрович Грибко, в 1838 г. служивший в Комитете Министров Начальником Отделения и 31 декабря этого года получивший звание камергера, но затем вскоре (9 января 1840 г.) вышедший в отставку по расстроенному здоровью («С.-Пб. Вед.» 1839 г., № 15 и 1840 г., № 30).

— Турген., Т. и Кар. — Александр Иванович Тургенев и Николай Михайлович Карамзин; последний очень любил беседовать с Кривцовым, наряду с Жуковским, А. Тургеневым, Блудовым, Батюшковым, Дашковым, Уваровым, Кавериным и др. (М. П. Погодин, Н. М. Карамзин, М. 1866, ч. II, стр. 325, 333 — 337); письма Карамзина к Кривцову см. в Отчете Публ. Библ. за 1892 г., С.-Пб. 1895, стр. 31 — 40.

— 7 августа 1819 г. только что упомянутый А. И. Тургенев сообщал И. И. Дмитриеву в Москву: «Пушкина здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от Парнасских своих подвигов. Поэма [«Руслан и Людмила»] у него почти вся в голове. Есть, вероятно, и на бумаге, но вряд ли для чтения. Я сообщу ему ваше желание» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 651).

10. *П. Б. Мансурову* (стр. 8 — 9). Впервые напечатано Я. К. Гротом в «Русской Старине» 1880 г., т. XXVIII, стр. 543; подлинник (на бумаге с водяным знаком О. Ф. 18) — в Государственной Публичной Библиотеке; запечатан перстнем с изображением светильника, — что̀ напоминает о тех кольцах, которые, по свидетельству Я. Н. Толстого, носили члены «Зеленой Лампы» («Пушк. и его соврем.», вып. VII, стр. 30; «Русск. Стар.» 1909 г., № 4, стр. 197 — 199).

— Павел Борисович Мансуров (род. 1795, ум. после 1880 г.), в 1815 — 1824 гг. офицер л.-гв. Конно-егерьского полка, в 1812 — 1814 гг. был ординарцем при генерале Н. Н. Раевском. Выйдя в отставку из л.-гв. Драгунского полка 1 января 1826 г., Мансуров в 1827 г. поступил в Министерство Финансов, не занимая в нем служебных должностей, но лишь числясь в нем до конца 1850-х гг.; в 1819 г. он был поручиком л.-гв. Конно-егерьского полка, был большим любителем театра и принадлежал к кружку князя А. А. Шаховского (П. Н. Арапов, Летопись русского театра, С.-Пб.

1861, стр. 330); вообще он вращался в том столичном кружке веселящейся «золотой» молодежи, к которому, по выходе из Лицея, примкнул и Пушкин и который группировался около родственника Мансурова — Никиты Всеволодовича Всеволожского; в доме последнего молодые люди собирались в общество, получившее название «Зеленой Лампы» и состоявшее из М. А. Щербинина, В. В. Энгельгардта, Ф. Н. Глинки, А. Г. Родзянки, А. Д. Улыбышева, бар. Дельвига, Я. Н. Толстого, А. И. Якубовича, Д. Н. Баркова, Ф. Ф. Юрьева, П. П. Каверина, А. А. Токарева, князя С. П. Трубецкого (декабриста), Н. И. Гнедича, А. С. Пушкина, кн. Д. И. Долгорукова, И. Е. Жадовского; некоторые из членов «Лампы» (в своем названии аллегорически заключавшем понятие о надежде и просвещении) были членами политического Союза Благоденствия, с распадением которого (в 1821 г.) вскоре закрылись и собрания лампистов (в 1822 г.); некоторым из лампистов Пушкин написал послания, отличающиеся жизнерадостным и несколько вольным настроением. О «Зеленой Лампе» см. статью П. Е. Щеголева в сборнике «Пушкин и его современники», вып. VII, и в его же книге «Пушкин», С.-Пб. 1912, а также в статье Б. Л. Модзалевского о Я. Н. Толстом в «Русской Старине» 1899 г., т. XCIX, и А. Н. Веселовского в Собрании соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. I. — Многие члены кружка были люди образованные, даровитые и большие поклонники сценического искусства, с серьезным интересом к вопросам общественным, к литературе и к театру соединявшие любовь к закулисным шалостям и интригам, к ухаживанию за актрисами и воспитанницами Театрального Училища. О веселом и беспутном времяпрепровождении Пушкина в Петербурге в 1818 и 1819 гг. рассказывает А. И. Тургенев в письмах к князю П. А. Вяземскому — см. «Остафьевский Архив», т. I, стр. 119 и др. — Прозвище Мансурова «Чудо-Черкес» стоит в связи, вероятно, с именем Чеченца Ушурмы, прозванного Мансуром («победоносным»), некогда объявившего «газават» против власти христиан на Кавказе, но в 1791 г. взятого в плен И. В. Гудовичем и умершего в Шлиссельбурге 13 апреля 1794 г. Пушкин позднее упомянул его в своем «Путешествии в Арзрум» (гл. I). О нем см. в статье Е. Г. Вейденбаума в «Кавказской поминке о Пушкине», Тифлис. 1899, стр. 48 — 49. По свидетельству С. А. Соболевского, П. Б. Мансуров был с Пушкиным у гадалки Кирхгоф, когда последняя предсказала поэту насильственную смерть (Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым, под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 40). № 10.

— Кр. — танцовщица Крылова, только что выпущенная из Театрального Училища; о ней Пушкин написал к Мансурову стихотворение, начинающееся словами: «Мансуров, закадычный друг! Надень венок терновый...». Мансуров умер в 1880-х гг. («Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 544).

— Наш Никита — упомянутый выше камер-юнкер Никита Всеволодович Всеволожский (р. 1799, ум. 28 июля 1862; см. письмо к нему Пушкина № 87); он в это время числился на службе в Коллегии Иностранных Дел и жил против Большого Театра, на Екатерингофском проспекте (где находился Статс-Секретариат Финляндии), — и в окне его квартиры однажды (в начале лета 1819 г.) видел Пушкина актер П. А. Каратыгин, сохранивший в памяти сцену, как Пушкин раскланивался из окна, махая париком, который он снял с совершенно обритой после горячки головы («Русск. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 304). Пушкин намеревался вывести Всеволожского в своем «Русском Пеламе». — Родовитый богач, эстет, эпикуреец, страстный балетоман и театрал, унаследовавший от своего отца, Всеволода Андреевича (род. 1769, ум. 1836), любовь к музыке и к сценическому искусству, сам музыкант, певец-любитель и актер, он занимался и переводами драматических пьес (Я. Н. Толстой, Мое праздное время, С.-Пб. 1821, стр. 36; П. Н. Арапов, Летопись русского театра, С.-Пб. 1861, стр. 259, 265, 266, 274, 294, 298, 301, 330; «Русск. Арх.» 1901 г., т. III, стр. 371, «Отеч. Зап.» 1822 г., ч. XII, стр. 271, 278, 283).—Всеволожский стоял в центре кружка членов «Зеленой Лампы», хотя и не был ее председателем, а лишь «любезным амфитрионом», собира-

№ 10. вшим кружок в своем вышеуказанном доме на Екатерингофском проспекте.— В 1822 г. Ф. Н. Глинка так обрисовал Н. В. Всеволожского в своем «Прологе», написанном к отцу его («Отеч. Зап.» 1822 г., ч. XII, стр. 272):

Он весел, любит жизнь простую,
И страх как всеми он любим!
И под *кафтаном золотым*
Он носит душу золотую.
Жеманство, светские фигуры
Совсем не нравятся ему!
Он, правда, любит *каламбуры*,
Но то не вредно никому.
Зимой живет он в *Петрограде*
Для службы, света и друзей,
А летом он гостит в *Отраде*
И сам отрада для друзей...

О Всеволожском см. в издании: «Алфавит декабристов». Под. ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 48, 60, 81, 165, 191 и 299 — 300.

— Юрьев — Федор Филиппович, член «Зеленой Лампы», театрал, весельчак и волокита; дворянин Московской губернии, он родился в 1796 году, в 1812, уже после Бородина, поступил на службу в конный полк Нижегородского ополчения и в 1813 — 1815 г.г. проделал с полком все походы, участвовал в блокаде Магдебурга, в сражениях с французами под Дрезденом (5 октября 1813 г.) и в других делах, получил за отличие чин корнета и вернулся в Россию, а 5 декабря 1814 г., после роспуска ополчения, поступил в Литовский уланский полк, в феврале 1817 г. произведен был в поручики и 8 августа 1818 г., «по воле начальства и по Высочайшему повелению», переведен был, в числе русских офицеров, в Ямбургский уланский полк. 20 сентября 1819 г. Юрьев, «за отличие по службе» переведен был в лейбгвардии Уланский полк, с назначением старшим адъютантом легкой гвардейской кавалерийской дивизии. Прослужив затем во фронте полка (10 августа 1823—9 февраля 1824), Юрьев был определен адъютантом к генералу князю Лопухину, произведен в штабс-ротмистры, а 6 декабря 1827 г. в ротмистры и в мае 1830 г., по выходе Лопухина в отставку, вернулся в полк, где, однако, прослужил лишь до 10 января 1833 г., когда вышел в отставку, «для определения к статским делам». Причислившись в январе 1835 г. к Министерству Внутренних Дел, Юрьев 2 июня 1836 г. был назначен чиновником особых поручений V класса при Министре, 19 апреля 1839 г. перешел в Министерство Юстиции, а 5 октября того же года назначен был Старшим Директором в Экспедицию депозитной кассы при Коммерческом Банке. С этого времени вся дальнейшая служба Юрьева прошла по Министерству Финансов; так, он постепенно занимал должности: Товарища Управляющего Коммерческим Банком (с 20 августа 1843 г.), Управляющего (1848, 1849 и 1851 г.) временными Рыбинской и Нижегородской Банковыми Конторами, Управляющего Экспедициею Государственных кредитных билетов (с 22 января 1854 г.), Управляющего Государственным Коммерческим Банком (с 15 октября 1854). Ф. Ф. Юрьев скончался в Петербурге 30 марта 1860 г.—Пушкин называл его «прелестным баловнем Киприды» и посвятил ему, в период их близости по «Зеленой Лампе», два послания — 1818 и 1819 гг. О дальнейших сношениях поэта с ним нам ничего неизвестно.

— Сосницкая — Елена Яковлевна (род. 10 мая 1800, ум. 8 января 1855), молодая, но уже известная тогда актриса, в альбом которой Пушкин написал четверостишие (1818 г.): «Вы съединить могли с холодностью сердечной»... Дочь известного певца Я. С. Воробьева, она в 1817 году вышла замуж за знаменитого актера И. И. Сосницкого, лично знакомого с Пушкиным; она была очень красива и считалась одною из лучших учениц драматурга князя А. А. Шаховского и дебютировала в 1814 году. В воспоминаниях Н. И. Куликова находится такой отзыв о Сосницкой, — «красавице,

галантливой актрисе»: «Она была кокетка, любила, чтобы все влюблялись в нее и ухаживали за нею, а сама была холодна. Пушкин сразу понял ее и написал ей в альбом стихи, которые, разбирая в настоящее время, удивляешься, как в 4 строках он сумел выразить всю ее характеристику: влюбленных в нее назвал дураками, да и не обращающих внимания на ее очаровательные улыбки, на огненные глазки — тоже... Елена Яковлевна прекрасно играла молодых женщин, потом знатных дам, наконец, перешла на роли комических старух. А в комедии Бомарше: «Женитьба Фигаро», как муж, так и она были неподражаемые Фигаро и Сусанна, и в этих ролях превосходили французских артистов» («Русск. Стар.» 1892 г., № 8, стр. 470). Познакомился с нею Пушкин, вероятно, у князя А. А. Шаховского.

— «Дурная комедия» князя Шаховского—«Пустодомы», представленная в первый раз на сцене Большого театра 10 октября 1819 г. с участием Сосницкой, но не имевшая, по словам Арапова, успеха. «Пьеса эта», говорит он: «задумана очень умно, но не совсем была своевременна, и потому характеры выведенных в ней лиц показались неестественными в ту пору... В ней представлены владельцы значительных имений, проживающиеся в Петербурге на новых проектах и улучшениях, начинающие многое и не приводящие ничего к концу» (П. Н. Арапов, Летопись русского театра, С.-Пб. 1861, стр. 281).

— Tolstoy — Яков Николаевич Толстой (род. 1791, ум. 15/27 февраля 1867), член «Зеленой Лампы», которому Пушкин, в ответ на его послание, написал «Стансы»; о Толстом см. ниже, при письме к нему Пушкина № 42).

— Военные поселения, учрежденные императором Александром I в 1810 г., по мысли и при ближайшем и деятельном участии графа А. А. Аракчеева (о них см. в книге В. И. Семевского: Политические и общественные идеи декабристов, С.-Пб. 1909, стр. 167—178), справедливо считались свободомыслящими современниками олицетворением жестокости и деспотизма. С 1816 г. поселения получили уже широкое развитие, так что к концу царствования Александра I уже треть русской армии была обращена в поселенцев. Новгородское поселение (в которое, вероятно, и был послан П. Б. Мансуров с каким-нибудь служебным поручением) занимало Высоцкую экономическую область и должно было служить как бы образцом для всех остальных. Тем, кто не одобрял мысли о военных поселениях, Александр I отвечал, что «они будут во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова» (Н. К. Шильдер, Имп. Александр I, т. IV, С.-Пб. 1898, стр. 26). «Ненавидя деспотизм», Пушкин ненавидел и его олицетворение — военные поселения, и устроителя их—Аракчеева. Чувства свои к последнему он вскоре выразил в двух эпиграммах, с достаточной основательностью приписываемых именно Пушкину и относимых к весне 1820 года: «Всей России притеснитель» и «Холоп венчанного солдата» (ср. ниже, стр. 278). За то и Аракчеев, повидимому, питал к Пушкину явное недоброжелательство: по крайней мере в письме своем к императору Александру от 28 октября 1820 г., говоря о своих цензурных пререканиях с Министром Просвещения князем А. Н. Голицыным по поводу непредставленной последнему рукописи молитвенника, напечатанного в Военной Типографии для священников Военных поселений, Аракчеев писал: «Цензуре довольно дела смотреть за сочинителями.— Известного вам Пушкина стихи печатают в журналах с означением «из Кавказа»,—видно для того, чтобы известить об нем подобных его сотоварищей и друзей» (М. И. Богданович, История царствования имп. Александра I, т. VI, С.-Пб. 1871, прилож., стр. 101). Пушкин в это время находился уже в ссылке на юге. Об Аракчееве см. в «Дневнике» Пушкина под нашей редакцией, Пгр. 1923, стр. 9, 105, 165; о Военных поселениях и их быте — у Ф. Ф. Вигеля в Записках, ч. V, М. 1892, стр. 59—60, у П. П. Карцова в статье в «Русск. Вестн.» 1890 г., № 2—4; военные поселения и Аракчеев в лице градоначальника Угрюм-Бурчеева художественно и ярко изображены Салтыковым в «Истории одного города».

11. *П. Я. Чаадаеву* (стр. 9). Впервые этот отрывок напечатан, как выдержка из письма, в статье П. И. Бартенева «Пушкин в южной России» в «Русском Архиве» 1866 г., ст. 1131; Бартенев приводит его, как *слышанный*

 от Чаадаева, и при этом говорит, что эти слова написаны были про Михаила Федоровича Орлова «на первых порах знакомства» с ним; затем перепечатано в Академическом издании Переписки Пушкина, т. III, стр. 465, и в издании Брокгауза-Венгерова, т. V, стр. 496, и т. VI, стр. 524, как «случайно сохранившаяся строчка из чернового письма». Тот же П. И. Бартенев, однако, делая характеристику Чаадаева, пишет в другом месте, что Чаадаев «был человек мягкосердечный, многоначитанный, отменно любезный, но в то же время необычайно суетный. Heureux à force de vanité [самодоволен в суетности], товаривал про него Пушкин, любивший его до конца, но в зрелых летах гораздо менее уважавший, нежели по выходе своем из Лицея» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 459); он же по другому случаю говорит: «По свидетельству современников, Чаадаев был человек высокообразованный, добрый и честный, но донельзя суетный... Пушкин *под конец своей жизни* отзывался про него «qu'il est heureux à force de vanité» (Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II, С.-Пб. 1889, стр. 1801). Если так, то строки Пушкина надо относить не к 1820, а к 1830-м годам и не считать их отрывком из письма к Чаадаеву.

Перевод: «...Единственный человек, мною виденный, который счастлив в силу (своей) суетности».

— Петр Яковлевич Чаадаев (род. 1796, ум. 1856) — тогда офицер л.-гв. Гусарского полка; Пушкин познакомился с ним, еще будучи в Лицее, в Царском-Селе, где стоял Гусарский полк. Чаадаев оказал на Пушкина большое влияние своим умом и характером (ср. надпись Пушкина к портрету Чаадаева и послания к нему) и в биографии Пушкина раннего периода занимает выдающееся место; его хлопотам, между прочим, обязан был Пушкин тем, что в мае 1820 г., вместо ссылки в Сибирь или в Соловецкий монастырь за свои вольные стихотворения, был переведен на службу в Бессарабию. В Кишиневском дневнике своем Пушкин записал под 18-м июля 1821 г.: «Получил письмо от Чедаева. Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, — одного тебя может любить холодная душа моя». — С своей стороны и Чаадаев ценил Пушкина и в 1855 году писал, что дружба с поэтом «принадлежит к лучшим годам жизни его, к тому счастливому времени, когда каждый мыслящий человек питал в себе живое сочувствие ко всему доброму, какого бы цвета оно ни было, когда каждая разумная и бескорыстная мысль чтилась выше самого беспредельного поклонения прошедшему и будущему»... (Л. Майков, «Пушкин», стр. 327). О Чаадаеве см. книгу М. О. Гершензона: П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление, М. 1908 г., и вышедшее под его же редакцией собрание Сочинений и писем Чаадаева в 2-х томах, М. 1913—1914. Из оживленной переписки Пушкина с Чаадаевым сохранилось лишь очень немногое, так как Чаадаев, после истории по поводу напечатания его «Философического письма», сжег всю свою переписку («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1100, примеч.; ср. «Пушк. и его соврем.», вып. VIII, 1908, стр. 53).

12. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 9—10). Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр. 1922, стр. 9—10, по копии архива В. П. Гаевского (в Пушкинском Доме), снятой им с подлинника, находившегося у В. Р. Зотова, но ныне затерянного.

Перевод стихов: «Два великих автора, герои Парнасса, и взлелеяны, и нежно возлюблены светом. Их Муза напрасно и фальшивит и кривляется: они — любимцы Визиготов. Некто, разбирая их писания, определил нам место этих господ: — «Один, говорит он: певец Юга, другой — Севера». Вот это хорошо сказано, ибо один так сух, а другой — так холоден!»

— Французская эпиграмма (оригинал ее находится в альбоме, хранящемся в Пушкинском Доме), приведенная Пушкиным, принадлежит перу князя Николая Сергеевича Голицына, отставного Преображенского офицера, служившего в полку с 17 января 1810 до 18 ноября 1816 г., когда он покинул службу с чином поручика и поселился в своем Ярославском имении — селе Климентине, Ростовского уезда. Большой приятель и сослуживец по полку П. А. Катенина (см. ниже, стр. 201), Голицын довольно много писал стихов,

делал переводы с французского языка и с русского на французский, но печатался мало, — между прочим в «Сыне Отечества» 1818 и 1820 г., где поместил два перевода из Ж. Б. Руссо и две эпиграммы из Сенесе; первые были впоследствии перепечатаны во II части «Сочинений и переводов П. А. Катенина» (С.-Пб. 1832), о коих Пушкин написал критическую заметку; в это издание вошел и сделанный Голицыным перевод «Певца Услада» Катенина (ч. I). Катенин однажды упомянул о Голицыне в письме своем к Пушкину от 9 мая 1825 г., сообщая поэту, что Голицын прислал ему в подарок из Москвы I главу «Евгения Онегина» (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 210). Голицын умер 26 марта 1833 г., на 37 году (род. 17 августа 1796 г. — см. Московский Некрополь, т. I, С.-Пб. 1907, стр. 300). О нем см. заметку Б. Л. Модзалевского в сб. «Пушкин и его современники», вып. XXXI — XXXII). № 13.

— Поэма, упоминаемая Пушкиным,—его «Руслан и Людмила»; она была закончена Пушкиным, как отмечено им в черновой рукописи, 26 марта 1820 г.; в этот же день Жуковский подарил юному поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 года марта 26, великая пятница». Сопоставляя слова Пушкина о том, что он думает кончить поэму «на этих днях», со словами следующего письма (№ 13 и стр. 204) об окончании поэмы, надо думать, что в письме 28 марта он имеет в виду завершение поэмы *вчерне*, а в письме 21 апреля— беловую, окончательную, по его собственному выражению, отделку.

13. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 10—11). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 115 — 116; воспроизведено в издании князя П. П. Вяземского «Семь автографов А. С. Пушкина»; черновик в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Письмо Пушкина служит ответом на обращенную к Пушкину следующую приписку князя Вяземского в его письме к А. И. Тургеневу из Варшавы (где тогда служил Вяземский) от 19 — 20 февраля 1820 г. (см. Акад. изд. Переписки Пушкина. т. I, стр. 12 — 14): «Два слова, а может быть и более, Сверчку - Пушкину. Поздравь, мой милый Сверчек, приятеля своего NN [П. А. Катенина] с счастливым испражнением *барельефов пиров Гомера*, которые так долго лежали у него на желудке. Признаюсь, я вложил Эсхилу [Греческому трагику VI—V в. до Р. Х.] выражение ему чуждое. Проклятый, хотя и святый отец Брюмоа ввел меня в соблазн; он сказал: «c'est une justice, que lui rendoit Eschyle lui-même, qui avoit coutume de dire, que ses pièces n'étoient, que des reliefs des festins etalès dans l'Iliade et l'Odyssèe». [*Перевод*: «Это—справедливость, которую воздавал ему сам Эсхил, имевший привычку говорить, что его пьесы — лишь объедки (reliefs) пиров, представленных в Илиаде и в Одиссее».] Увлеченный поэтическим смыслом уподобления * (а на поверку выходит: вымысла моего), я позабыл справиться или, лучше сказать, не позаботился справиться с другим источником или по крайней мере с французским словарем, который, сказавши мне, что relief на языке старинном значит restes de viandes, меня избавил бы от преступления против Эсхила, а желудок Г-на NN от барельефов, которые, легко сознаюсь с ним, не так скоро переваришь, как мясные объедки», и т. д.

— Преображенский приятель—Павел Александрович Катенин (р. 1792, ум. 23 мая 1853), офицер л.-гв. Преображенского полка (капитан с 1 сентября 1818 г., полковник с 5 июля 1820 г.), с которым Пушкин познакомился в 1818 г. и посвятил ему два стихотворения. Катенин был человек прекрасно образованный, знаток европейских литератур, но во вкусах с Пушкиным не сходился, так как был убежденным сторонником классической школы и переводил Корнеля, Расина; это не мешало ему

---

* Ибо признайся сам: в ошибке моей есть погрешность против истины, но не против здравого смысла: *барельефы* так сказать дополнение сюжета, подробности, рассказ, ему соответствующий и, не трогая чести Г-на Эсхила, в моем сравнении более поэзии и благородства.

№ 15. в то же время писать и переводить баллады и ценить, хоть и своеобразно, гений Пушкина. «Круглолицый, полнощекий и румяный, как херувим на вербе, этот мальчик вечно кипел, как кофейник на канфорке», говорит о нем Вигель, по словам которого Катенин не давал пощады «ни русским, ни иностранным, ни древним, ни новым» писателям. Может быть ему не хотелось быть наряду с обыкновенными людьми и смелостью суждений стать выше их; а скорее не было ли это следствием страсти к спорам? Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; с его памятью он всякого перекрикивал и долго продолжал еще спорить, когда утомленный противник давно отвечал ему молчанием... Видал я людей самолюбивых до безумия, но подобного ему не встречал...». Будучи страстным театралом, Катенин помирил Пушкина с драматургом князем А. А. Шаховским (см. выше, стр. 181—182) и актрисой А. М. Колосовой; выйдя в отставку 17 сентября 1820 г., он в 1822 г., за шиканье в театре актрисе Семеновой, которой покровительствовал Петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович, был выслан из Петербурга и около 10 лет прожил в деревне — в усадьбе Шаеве, Кологривского уезда Костромской губернии (откуда переписывался с Пушкиным), занимаясь и литературой; в 1832 г. он снова поселился в Петербурге и издал свои «Сочинения и переводы в стихах» (2 чч.; сохранились в библиотеке Пушкина), о которых Пушкин написал сочувственную заметку в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1833 г., № 26); в 1833 г., вместе с Пушкиным, Катенин избран был в члены Российской Академии, 8 августа того же года снова определился в военную службу, на Кавказ, и с 24 июля 1836 г. был комендантом в крепости Кизляре; в ноябре 1838 г. вышел в отставку генерал-майором и поселился в деревне. О Катенине см. брошюру С. Л. Бертенсона: П. А. Катенин, С.-Пб. 1909, и статью Н. К. Пиксанова по поводу этой брошюры в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XII, а также ценные письма Катенина к Н. И. Бахтину, изданные А. А. Чебышевым (С.-Пб. 1911) с примечаниями и статьей, в которой рассмотрен вопрос о «влиянии», будто бы оказанном Катениным на Пушкина (стр. 9 — 11); см. еще «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 91 и 323.

— «Пиры Гомеровы»: в статье своей «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», напечатанной в 1-й части Сочинений последнего, 1816 г., говоря о достоинствах трагедий Озерова, князь П. А. Вяземский, между прочим, писал: «В Поликсене взята обильная дань с «Илиады», и в этом смысле можно, по выражению Эсхила, назвать ее барельефом пиршеств Гомера» (стр. 37). Катенин отметил ошибку князя Вяземского в одной из своих статей, вызванной полемикою, возникшею в «Сыне Отечества» 1819 г. («Сын Отечества» 1820 г., ч. LIX, № 5, стр. 227 — 228; ср. там же ч. LXXVI, № 13, стр. 249 — 261, — статью Катенина и статью Булгарина в «Литературных Листках» 1824 г., ч. II, № 8, стр. 318 — 319). Вяземский объяснял Пушкину причину своей ошибки заимствованием, сделанным им у аббата Брюмоа в его статье: «Sur l'origine de la tragédie» («Théâtre des grecs», t. I, 1730, p. XXXVIII). Брюмоа же взял это выражение у Афинея, приводящего известие (pg. 347), будто Эсхил говорил о своих трагедиях, что они — «кусочки (объедки) великих пиров Гомера». Катенин долго не мог простить Вяземскому его промах и еще в 1830 г. писал в эпиграмме на него:

Наш *барельефами* прославленный писатель,
Наш остроумнейший и критик, и поэт,
Печально кается и говорит: «читатель!
Ты удивишься: всех во мне достоинств нет,
И как-то кратким быть не достает уменья:
Другой бы написал две строчки, я — тетрадь;
Уж делать нечего, дай бог тебе терпенья;
За то» . . . — Помилуйте, к чему тут извиненья?
Чернильный вздор давно умеют сокращать.
«Вот что, так вы меня хотите?» — Не читать.

См. в книге А. А. Чебышева: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911, стр. 171—172. Над ошибкою Вяземского смеялся и приятель Катенина — князь Н. С. Голицын, написавший на него две эпиграммы (см. цит. статью Б. Л. Модзалевского в «Пушк. и его соврем.», вып. XXXI — XXXII). № 13.

— Стихи князя Вяземского о Катенине в послании к Ив. Ив. Дмитриеву (Соч. Вяземского, т. III, стр. 295—296) читаются так:

Но что несноснее тех умников спесивых,
Нелепых знатоков, судей многоречивых,
Которых все права — надменность, пренья шум,
А глупость тем глупей, что нагло корчит ум? и т. д.

Однако, Вяземский отказывался (едва ли искренно) от догадки Пушкина, что эти стихи направлены против Катенина (см. ниже, стр. 204).

— Фрерон — французский критик (Elie - Catherine Fréron, род. 1719, ум. 1776), воспитанник иезуитов, профессор Collège Louis le Grand, публицист, литературный противник энциклопедистов вообще и в частности—Вольтера, который редко нападал на Фрерона в ответ на многочисленные выпады последнего и в отдельно изданных сочинениях, и в статьях. У нас Дмитриев называл издателя «Вестника Европы» М. Т. Каченовского, за его вражду к противной группе писателей, «Лужницким Фрероном».

— «Первый снег» — стихотворение князя Вяземского, начатое еще в 1816 г. (см. «Остаф. Арх.», т. I), но появившееся в печати лишь в 1822 г. в № 2 «Новостей Литературы» (кн. II); об этом стихотворении Пушкин вспомнил впоследствии в III строфе 5-й главы «Евгения Онегина» (1826 г.):

. . . Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях . . .

Ср. еще в письме Пушкина к князю П. А. Вяземскому № 48, стр. 42 и 259.

— «Уныние»—стихотворение, кн. П. А. Вяземского, 1819 г., напечатанное в № 12 «Сына Отечества» 1820 г., ч. LX, без имени автора, но с обозначением: «Варшава», где тогда жил и служил Вяземский. Написанное «под шопот сердца» («Остаф. Арх.», т. I, стр. 382), «Уныние» было одним из любимых произведений автора: в нем он изобразил свои заветные мысли и чувства, исполненные «святой ненависти» к деспотизму и «чистой любви» к добру. Очевидно, Пушкин оценил настроение своего друга, сказавшееся в этом его произведении.

— «В бозе почивающим» Пушкин называет Жуковского потому, что он в это время редко появлялся в печати.

— «Голос с того света»—стихотворение Жуковского, помещенное в 1818 г. в 3-й книжке его сборника: «Для немногих», печатавшегося в незначительном количестве экземпляров лишь для лиц царской фамилии. Пьеса эта, написанная еще в 1815 г., есть переделка стихотворения Шиллера «Thekla, eine Geisterstimme». Жуковский «придал ему мистический колорит взамен философского настроения, которым проникнута пьеска Шиллера. Получилось подражание, слабое, как все подражания Жуковского лирике Шиллера, но своеобразное, характерное для славянского романтика» (Вс. Чешихин: Жуковский, как переводчик Шиллера, Рига. 1895, стр. 51, 54).

— «Жажду краев чужих»: эти слова писаны в то время, когда над Пушкиным собиралась уже гроза, разразившаяся, через несколько дней высылкою его на юг; по его собственным словам в конце письма, Пушкин уже «сделался историческим лицом для сплетниц С.-Петербурга»: неприятности, грозившие Пушкину ссылкою в Соловецкий монастырь, были

№ 13. вызваны вольными его стихотворениями и эпиграммами на всесильного тогда графа Аракчеева и неосторожными, вызывающими поступками в роде показывания в театре портрета Луи Лувеля, убийцы герцога Беррийского (племянника Французского короля Людовика XVIII), с надписью: «Урок царям». Еще 21 апреля А. И. Тургенев, сообщая князю Вяземскому, что Пушкина «едва здесь не угомонили без него», и что «на два года положено хранение либеральным устам его», надеялся, что дело обойдется этим и что из беды, в которую тот попал, поэт спасен его, Тургенева, «добрым гением и добрыми приятелями» («Остаф. Архив князей Вяземских», т. II, стр. 35). Через неделю, 28 апреля, он уже сообщал Вяземскому, что «Пушкин едет к генералу Инзову в Крым», и что «с ним поступлено по-царски в хорошем смысле сего слова» (там же, стр. 36), а 5 мая писал: «Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Мы постараемся отобрать от него поэму [«Руслана и Людмилу»], прочитаем и предадим бессмертию, то-есть, тиснению. Он стал тише и даже скромнее et pour ne pas se compromettre [и, чтобы не компрометировать себя], даже и меня в публике избегает» (там же, стр. 37).

— Поэма, конченная Пушкиным,—«Руслан и Людмила», дописанная ночью 26 марта 1820 г.—Жуковский, как сказано выше (стр. 201), подарил Пушкину по этому случаю свой портрет с надписью (воспроизведение его см. в книге А. Н. Веселовского: В. А. Жуковский, С.-Пб. 1904). Поэтому письмо это следует датировать не «первою половиною марта», как сделано в Академическом издании Переписки Пушкина (т. I, стр. 14), а «концом марта — апрелем», вернее же — «около 21 апреля»: в этот день А. И. Тургенев писал к Вяземскому же: «Вот тебе письмо его [В. Л. Пушкина], которое распечатал неугомонный племянник... Пушкин прочитал мне письмо к тебе, и я увидел, что он едва намекнул о беде, в которую попался и из которой спасен моим добрым гением и добрыми приятелями. Но этот предмет не для переписки» («Остаф. Архив князей Вяземских», т. II, стр. 35). Очевидно, Тургенев имеет в виду именно настоящее письмо Пушкина, в котором он лишь в самом конце, и то вскользь, упоминает о «беде, в которую попался» (см. выше); может быть даже, что Пушкин написал или дописал свое письмо к Вяземскому именно *21 апреля*, придя к Тургеневу, одновременно с тем письмом последнего, которое выше цитировано.

— Отрывки из I песни «Руслана и Людмилы» были помещены в «Невском Зрителе» 1820 г., № 3 (с подписью имени Пушкина), а из III песни — в «Сыне Отечества» 1820 г., №№ 15 и 16 (анонимно), от 10 и 17 апреля. К печатанию отдельным изданием поэма была разрешена цензором 15 мая, уже после отъезда Пушкина из Петербурга, и вышла в свет в конце июля — начале августа.

— На письмо Пушкина князь Вяземский отвечал письмом из Варшавы уже от 30 апреля (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 17—19; здесь письмо помечено, согласно подлиннику, 30-м *мая*; но в обозначении месяца Вяземский, живший в Варшаве по *новому* стилю, ошибся: ср. «Остаф. Архив», т. II, стр. 36, 37 и 38), в котором, после просьбы прислать «Руслана и Людмилу» тотчас по напечатании, писал: . . . «Я очень жалею, что ты в письме своем мало говоришь о себе, а много о Катенине. Его ответ не удобопонятен . . . Следую за твоим письмом и то не о золоте приходится говорить: о стихах моих. Если ты непременно хочешь, чтобы стихи мои в послании к Дмитриеву метили на Катенина, то буди воля твоя; но признайся, что я не слыхал, чтобы он когда-нибудь унижал достоинства Державина или хотел пускаться писать басни: следственно на его долю выпадает один стих о Людмиле; жалею, что он не достойным образом разит — извини мне выражение — нахальство входить в рукопашный бой с Жуковским на поприще, ознаменованном блистательными его успехами. Тут уже идет не о личности, а о нравственном безобразии такого поступка; ибо не признавать превосходство Жуковского в урожае нынешних поэтов значит быть ослепленным завистью: здесь слепота глупости подозреваться не может. Еще окончательное слово: стихотворческого дарования, не говорю

уже о поэтическом, в Катенине не признаю никакого; с Шаховским можно еще быть зуб за зуб: бой ровнее: он род Удельного Князя, который также при случае может напасть врасплох, и отразить его приносит некоторую честь. Каков он ни есть, а все в наше время *единственный Комик*» и т. д.

14. *Н. И. Гнедичу* (стр. 11). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1880 г., т. XXVIII, стр. 545; подлинник (на бумаге — вод. зн. А. О. 1818) — в Пушкинском Доме Академии Наук; фототипическое воспроизведение — в Альбоме Московской Пушкинской Выставки 1899 г., *л.* 18.

— Николай Иванович Гнедич (р. 1784, ум. 1833) — поэт и известный переводчик «Илиады» Гомера; Пушкин в молодые годы часто переписывался с Гнедичем и был с ним в «приятельских» отношениях, но отношения эти никогда не отличались ни особенной близостью, ни полной искренностью, что позже выразилось, между прочим, и в том, что Пушкин на перевод «Илиады» написал (1830) два совершенно различных двустишия: одно — восторженное, другое — насмешливое; впрочем, в ответ на стихотворное обращение Гнедича, поэт написал к нему известное по черновым наброскам, но оставшееся не вполне отделанным послание «С Гомером долго ты беседовал один» (см. статью Н. Ф. Бельчикова в сборнике «Пушкин», под ред. Н. К. Пиксанова, М. 1924, стр. 179 — 213). В 1823 г. Пушкин виделся с Гнедичем в Одессе и однажды нарисовал его портрет, который В. И. Туманский переслал А. А. Бестужеву («Русск. Стар.» 1888 г., № 11, стр. 319—320).

— Настоящая записка Пушкина писана незадолго до высылки его на юг России; он ошибся, сообщая Гнедичу, что удалось предупредить «новые слухи» о нем и что этим все окончилось: Пушкин был выслан из Петербурга за то, что в своих — по выражению одного современника (А. И. Михайловского-Данилевского) — «мерзких, развратительных, но щегольских стихах» осмеивал «императора Александра, правительство и основания, на коих опочиет величество России» («Русская Старина» 1890 г., т. LXVIII, стр. 508; ср. выше. стр. 203—204). Пушкину, как указано было выше, грозила за них ссылка в Сибирь или в Соловецкий монастырь, но заступничество «добрых приятелей» спасло его от такой ссылки; среди этих «приятелей», кроме А. И. Тургенева, Жуковского и Е. А. Энгельгардта, был и

— Чедаев, т.-е. Петр Яковлевич Чаадаев (см. выше, стр. 200, и следующую записку Пушкина), который действовал в пользу Пушкина через Карамзина, а последний — через императрицу Марию Федоровну — на графа Каподистрию, начальника Пушкина по службе в Коллегии Иностранных Дел. Хлопоты эти, в связи с заступничеством графа М. А. Милорадовича, предупрежденного в пользу поэта Ф. Н. Глинкою (см. послание Пушкина к Глинке и рассказ Глинки в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 917 — 922), увенчались успехом, — и Пушкин был лишь «переведен» по службе к И. Н. Инзову. Гнедич и с своей стороны хлопотал о Пушкине в то критическое для поэта время и «со слезами умолял» А. Н. Оленина ходатайствовать за Пушкина перед императором Александром I («Русск. Стар.» 1879 г., т. XXV, стр. 388).

— Отец Пушкина — Сергей Львович (род. 1771, ум. 1848), живший тогда в Петербурге, на Фонтанке, у Калинкина моста: отсюда Пушкин и выехал в ссылку, при чем до Царского-Села его провожали его лицейские товарищи: барон А. А. Дельвиг и М. Л. Яковлев.

15. *П. Я. Чаадаев* (стр. 11). Впервые записка эта напечатана была в «Русском Архиве» 1866 г., ст. 1100, при чем была продиктована по памяти Чаадаевым П. И. Бартеневу, так как подлинника ее не сохранилось,

— Чаадаев, как видно из предыдущей записки Пушкина к Гнедичу, был очень обеспокоен распространившимися по Петербургу, в апреле, слухами о недовольстве правительства Пушкиным; когда же слухи эти стали определеннее говорить о возникшем предположении сослать Пушкина в Сибирь или в Соловецкий монастырь, Чаадаев поехал к историографу Карамзину (который знал Пушкина, когда он был еще ребенком) и упросил его заступиться за Пушкина. Карамзину, который еще 19 апреля сообщал своему другу И. И. Дмитриеву, что Пушкин, «служа под знаменами

№ 15 — 16. либералистов, написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей (т.-е. графа Аракчеева) и проч. и проч.», и что ему пришлось выручать его из беды, — удалось расположить в пользу Пушкина императрицу Марию Федоровну, а также графа И. А. Каподистрию («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1098), непосредственного начальника Пушкина, пользовавшегося тогда большим влиянием у императора Александра, — и император согласился, вместо предполагавшейся ранее ссылки в Соловки, ограничиться служебным переводом Пушкина в Канцелярию Главного Попечителя и Председателя Попечительного Комитета об иностранных поселенцах Южного края России—генерала Ивана Никитича Инзова. П. И. Бартенев, впрочем, высказывает убеждение, что и без посторонних влияний Александр I, знавший Пушкина еще в Лицее, отвергнул бы предложение о ссылке его в Соловки, и передает, со слов П. А. Плетнева, что выбор масона Инзова, как начальника Пушкина, был сделан самим государем («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 920, примеч., и ст. 1097 — 1099). Прежде, чем решить судьбу юного поэта, император посоветовался о нем и с Директором Лицея, Е. А. Энгельдардтом (см. Записки И. И. Пущина о Пушкине). Как бы то ни было, 4 мая Пушкину было выдано 1.000 р. асс. на проезд в Екатеринослав, при чем Министр Иностранных Дел граф К. В. Нессельроде вручил Пушкину, для передачи Инзову, письмо от 5 мая, утвержденное императором Александром, в котором давалась характеристика поэта, и он сам поручался доброму расположению и советам Инзова (письмо это см. в «Русск. Стар.» 1887 г., т. LIII, стр. 238 — 242). 6 мая, в день вознесения, Пушкин, дав Карамзину и Жуковскому обещание «уняться» и «два года ничего не писать противу правительства» (см. ниже, в письме Пушкина к Жуковскому от конца мая—начала июня 1825 г.), выехал, в сопровождении надежного, пожилого своего слуги Никиты, из Петербурга к Инзову в Екатеринослав.—Карамзин сообщал князю Вяземскому 17 мая 1820 г. в письме из Царского-Села: «Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять. Ему дали 1.000 рублей на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности: но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чортом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет он к своей поэме» («Стар. и Новизна», кн. I, стр. 101). В этом эпилоге, помеченном 26 мая 1820 г., Пушкин так вспоминал своих друзей, отведших от его головы нависший было над нею удар:

Я погибал . . . Святой хранитель
Первоначальных бурных дней,
О, дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила мир,
Ты сохранила мне свободу —
Кипящей младости кумир!

Недели через две по отъезде из Петербурга Пушкин отправился, с семейством генерала Н. Н. Раевского, из Екатеринослава в поездку на Кавказ и в Крым, о которой довольно подробно рассказывает в следующем (№ 16) письме к брату, Л. С. Пушкину, писанном, уже по возвращении из путешествия, в Кишиневе, куда Пушкин прибыл 21 сентября.

— Записка к Чаадаеву написана после выезда Пушкина из Петербурга, в ответ на «дружеский выговор Чаадаева, зачем, уезжая из Петербурга, он не простился с ним» («Русск. Арх.» 1866 г., ст 1100),—следовательно, в мае—сентябре; вернее, что в сентябре, когда Пушкин уже приехал в Кишинев из путешествия и получил письмо Чаадаева.

16. *Л. С. Пушкину* (стр. 12—14). Еще в мае 1844 г. в копии было прислано Л. С. Пушкиным П. А. Плетневу для напечатания в «Современ-

нике» («Русск Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 353); отрывок был опубликован тем же Л. С. Пушкиным в его «Биографическом известии об А. С. Пушкине до 26 года» в «Москвитянине» 1853 г., кн. 2, № 10, Отд. I, стр. 53—54; полностью впервые напечатано В. П. Гаевским в его 3-й статье о Дельвиге—в «Современнике» 1854 г., т. XLIII, Отд. III, стр. 9—11, по копии, сообщенной из Тифлиса Е. А. Вердеревским; наконец, в «Материалах» Анненкова 1855 г., стр. 76—79; подлинник (на бумаге с водяными знаками P. et H. Berens 1812) — в Московском б. Румянцовском Музее, рукоп. № 1254. № 16.

— Лев Сергеевич Пушкин (род. в Москве 17 апреля 1805, ум. в Одессе 19 июля 1852 г.) — младший брат поэта, человек, богато одаренный от природы, но беспорядочный. Он учился сперва в Царскосельском Лицейском Пансионе, затем, с 29 сентября 1817 г., — в Благородном Пансионе С.-Петербургского Университета, откуда был исключен из 3 класса 26 февраля 1821 г. за организацию слишком шумного протеста против учителя словесности И. С. Пенинского, назначенного на место уволенного из Пансиона преподавателя В. К. Кюхельбекера, Лицейского товарища поэта (см. ниже, стр. 221, и книгу: «С.-Петербургский Университет в первое столетие его деятельности», т. I, Пгр. 1919, стр. 130 — 131 и 419); С. А. Соболевский сообщает, что Лев Пушкин был исключен за то, что п о б и л одного из надзирателей («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1145); в ноябре 1824 г. он поступил на службу в Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий, через 2 года вышел в отставку и в марте 1827 г. определился юнкером в Нижегородский драгунский полк, на Кавказ, под начальство друга своего брата-поэта—Н. Н. Раевского мл., участвовал в походах 1827 — 1829 г., затем был в отпуску до мая 1831 г., когда перешел в Финляндский драгунский полк, был в делах против поляков и в декабре 1832 г. вышел в отставку капитаном; в 1836 — 1841 г. он служил опять на Кавказе, снова при Н. Н. Раевском, в октябре 1841 г. взял отпуск и до октября 1843 г. находился не у дел; определившись, наконец, в Петербургскую Таможню, он был назначен членом Одесской Портовой Таможни, где и служил до самой смерти. Очерк жизни Л. С. Пушкина и характеристику его отношений к брату см. в книге Л. Н. Майкова: Пушкин, С.-Пб. 1899, стр. 14 — 40, где напечатано составленное Л. С. Пушкиным «Биографическое известие об А. С. Пушкине до 26 года», появившееся сперва в «Москвитянине» 1853 г.; см. также мою статью о Л. С. Пушкине в «Архиве Раевских», т. II (стр. 459 — 462), в коем напечатаны и письма Л. С. Пушкина к Н. Н. Раевскому, а также «Русский Биографический Словарь» Русского Исторического Общества.

— Писем Л. С. Пушкина к брату не сохранилось ни одного, из писем же к нему поэта дошли до нас далеко не все; отношения братьев с годами делались все более холодными; причиною этого были характеры их обоих; впрочем, Л. С. Пушкин по-своему очень любил брата-поэта, и смерть последнего была для него страшным ударом: узнав о ней, он был «сражен, сделался, как сумасшедший, не понимая, что делает и что говорит», и писал отцу, что «если бы имел сто жизней, то все их отдал бы за то, чтобы выкупить жизнь брата» («Пушк. и его соврем.», вып. VIII, стр. 60).

— Леда — жена Спартанского царя Тиндара; от Зевса, принявшего вид лебедя (см. стихотв. Пушкина «Леда» — подражание Парни, 1814 г.), Леда произвела на свет два яйца, из которых вышли: из одного — Елена, впоследствии жена Менелая, а из другого — Кастор и Поллукс.

— Генерал Раевский — Николай Николаевич (род. 14 сентября 1771, ум. 16 сентября 1829), известный герой Отечественной войны, в это время генерал-от-кавалерии, командир 4-го корпуса 2-й армии, живший обыкновенно в Киеве; он ехал в это время лечиться на Кавказские минеральные воды с младшим сыном Николаем Николаевичем (см. выше, стр. 189—191), с дочерьми Марией (впоследствии княгиня Волконская, жена декабриста) и Софьей и врачем Евстафием Петровичем Рудыковским (см. ниже), который впоследствии напечатал в «Русском Вестнике» (1841 г., № 1) коротенький рассказ о своей встрече с Пушкиным в Екатеринославе и о совместном

№ 16. с ним путешествии на Кавказ (перепечатан в «Материалах» Анненкова, изд. 1874 г., стр. 65—67). «Несмотря на французское воспитание», говорит П. И. Бартенев, «Раевский был настоящий русский человек, любил русскую речь, по собственной охоте и, может быть, через Батюшкова, служившего при нем адъютантом, и через своего родственника Д. В. Давыдова [поэта] знаком был с нашею словесностью, знал и ценил простой народ, сближаясь с ним в военном быту и в своих поместьях, где, между прочим, любил заниматься садоводством и домашнею медициною. В этих отношениях он далеко не походил на своих товарищей по оружию, русских знатных сановников, с которыми после случалось встречаться Пушкину и которым очень трудно было понять, что̂ за существо поэт, да еще русский. Раевский как-то особенно умел сходиться с людьми, одаренными свыше.... По отношению к Пушкину генерал Раевский важен еще для нас, как человек с разнообразными и славными преданиями, которыми он охотно делился в разговоре. Недавно прошедшая история России прошла на глазах у него. Он был родной по матери племянник графа Самойлова, генерал-прокурора при Екатерине; он начал службу при другом своем родственнике, представителе века, — князе Потемкине, и пользовался особенною любовью его.... От Раевского Пушкин наслушался рассказов про Екатерину, XVIII век, про наши войны и про 1812 год.... Достойно замечания, что в 1830 году, когда умер Раевский, Пушкин писал письмо к графу Бенкендорфу, ходатайствуя об увеличении пенсии его семейству [см. письмо 18. I. 1830]: так хотелось ему чем-нибудь заплатить долг благодарного сердца» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1116 — 1117). Позднее, называя Н. Н. Раевского «героем и добродетельным человеком», Пушкин отмечал, что он бывал «насмешлив и желчен» (Соч., изд. Просвещения, т. VI, стр. 32 и т. VII, стр. 65). Письма Н. Н. Раевского к дочери Екатерине Николаевне из этого путешествия см. в статье М. О. Гершензона в «Вестнике Европы» 1908 г., № 1, стр. 298 — 302, а также в «Архиве Раевских», т. I, стр. 219 — 220 и 516 — 525, и в книге М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина», М. 1919, стр. 177—184. См. еще статью Е. Г. Вейденбаума: «Пушкин на Кавказе в 1820 году»—Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 17—21. Биография Н. Н. Раевского, написанная А. Т. Борисевичем (т. I), издана в С.-Пб. в 1912 г.

— О путешествии своем из Тамани в Керчь, о посещении Пантикапеи и о пребывании в Феодосии, Юрзуфе, Кикинеисе, Георгиевском монастыре и Бахчисарае Пушкин подробно говорит в письме к барону А. А. Дельвигу, писанном из Михайловского в средине декабря 1824 г. (см. ниже, № 114).

— Говоря о «важных услугах», оказанных ему Н. Н. Раевским-младшим, Пушкин имел в виду, вероятно, участие, принятое им в хлопотах его друзей при угрожавшей ему в апреле 1820 г. ссылке на Север.

— Лекарь — упомянутый выше Евстафий Петрович Рудыковский; старший сын из дворян священника с. Ольшанки, Васильковского уезда Киевской губернии (имения графа Кс. Браницкого), он родился 21 сентября 1784 г., учился в Киеве в бурсе, на казенном содержании, затем в Киевской же Духовной Академии, которою был избран для отправки (1806 г.) в Петербург, в Медико-Хирургическую Академию; в ней он и окончил курс со званием лекаря в 1810 г. и в том же году (30 июня) определен был на службу лекарем в Томский пехотный полк, с которым участвовал в Отечественной войне, находился во многих сражениях и в 1813 — 1815 г. был с полком за границей; в походе он познакомился с Н. Н. Раевским, с генералом М. Ф. Орловым и др. В 1818 г. он перешел на службу в родной Киев, в военный госпиталь и вскоре был прикомандирован к Штабу 4 пехотного корпуса, главная квартира коего была в Киеве же. — В записной книжке Пушкина, относящейся ко времени его поездки на Кавказ с Раевскими, сохранилось двустишие: «Аптеку позабудь ты для венков лавровых, И не мори больных, но усыпляй здоровых»; эту эпиграмму с большим вероятием можно относить к Рудыковскому, который занимался писанием стихов и в одном шуточном стихотворении

вспоминает даже, как он воспевал с Пушкиным Нарзан; был знаком Рудыковский и с Грибоедовым. Отношения его с семьею Раевского не прерывались и позже; у него в доме, а также по службе Рудыковский сталкивался со многими декабристами, лечил некоторых из них и был в дружественных с ними отношениях, но о планах их не был осведомлен. В 1825 г. Рудыковский оставил военную службу и поселился в Киеве, определившись в больницу Приказа Общественного Призрения, а в 1834 г. перешел в Киевский Военный Госпиталь, в котором служил до самой смерти (последовавшей в 1851 г.), сперва младшим, а потом старшим ординатором и имел звание штаб-лекаря. В Киеве он имел обширную практику и пользовался репутациею искусного врача; был близок с генералом А. И. Красовским (начальником 4-й дивизии), на суд которого любил отдавать свои стихотворные опыты. Был близок Рудыковский и к университетским профессорам, особенно к В. Я. Шульгину, М. А. Максимовичу, К. А. Неволину и др. По характеру он был человек идеалистического склада, не практик, и житейские дела мало его интересовали; он имел слабость к редким и старинным книгам и собрал прекрасную библиотеку; в зрелые годы изучил новые языки, интересовался литературою, историею, политикою и богословскими вопросами. Он любил писать стихотворения, и до внука его дошло несколько десятков его пьес — од, религиозных стихов, патриотических стихотворений; на малорусском Рудыковский написал много басен, сказок, песен, пародий и т. п. Произведений своих он не печатал; некоторые из них опубликованы внуком его, В. П. Щербиною, в «Киевской Старине» 1892 — 1894 г. О нем см. статью Б. Л. Модзалевского в «Русском Биографическом Словаре», т. Р., 1918, стр. 433 — 434. № 16.

— Инзов, Иван Никитич (род. 23 декабря 1768, ум. 27 мая 1845),—Главный Попечитель о поселенцах Южной России, к Канцелярии которого был прикомандирован Пушкин. Человек кроткий, даже застенчивый, благодушный, справедливый, чуждый тщеславия и властолюбия, строгий к себе и снисходительный к другим, он доброжелательно и снисходительно относился и к своему молодому подчиненному и в июне писал о нем Петербургскому Почт-Директору К. Я. Булгакову: «Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в коем он, по молодости, находится, требовали, с одной стороны, помощи, а с другой — безвредной рассеянности, а потому отпустил я его с генералом Раевским, который, в проезд свой через Екатеринославль, охотно взял его с собою. При оказии прошу сказать об оном графу И. А. Каподистрии. Я надеюсь, что за сие меня не побранит и не назовет баловством: он — малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончил курс наук; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою» («Русск. Арх.» 1863 г., ст. 900 — 902). Такою же благожелательностью к юному поэту проникнуты и следующие строки Инзова в письме его к генералу А. Л. Давыдову от 29 декабря 1820 г. в ответ на извещение Давыдова (брата генерала Раевского) о том, что Пушкин заболел у него в Каменке и не может вернуться в Кишинев к назначенному сроку: «До сего времени», писал здесь Инзов: «я был в опасении о г. Пушкине, боясь, чтобы он, не взирая на жестокость бывших морозов с ветром и метелью, не отправился в путь и где-нибудь, при неудобствах степных дорог, не получил несчастья. Но, получив почтеннейшее письмо ваше от 15 сего месяца, я спокоен и надеюсь, что ваше превосходительство не позволите ему предпринять путь, поколе не получит укрепление в силах» (И. А. Смирнов, Дело о Пушкине, Од. 1899, стр. 9).

В своих воспоминаниях об Инзове А. С. Стурдза свидетельствует, что «Иван Никитич.... привязал к себе Пушкина, снискал доверенность его и ни разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии Пушкин, переселясь в Одессу, при каждом случае говаривал об Иване Никитиче с чувством сыновнего умиления. Этому я сам свидетель» («Москвитянин» 1847 г., ч. I, стр. 224). Ф. Ф. Вигель, в свою очередь, говорит, что Пушкин питал глубокую признательность к Инзову и всегда вспоминал

№ 16. о нем «с нежным участием» (Воспоминания, ч. VI, стр. 152). В своем «Воображаемом разговоре с имп. Александром I» (1825 г.) сам Пушкин, противопоставляя Инзова Воронцову, писал, что «генерал Инзов — добрый и почтенный старик», «русский в душе», «доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные», что он «со всеми вежлив», «не опрометчив, не верит пасквилям» и т. д.—15 июня 1820 г. назначенный, вместо А. Н. Бахметева, исправляющим должность Наместника Бессарабской области (в Кишиневе), Инзов в июле 1822 г. был определен исправляющим должность Новороссийского губернатора (оставаясь в Кишиневе), в которой его через год сменил граф М. С. Воронцов. Человек образованный и начитанный, воспитанник Московского Университетского Благородного Пансиона, в детстве вращавшийся в кружке просвещенных мартинистов, Инзов был масоном и членом Библейского Общества и убежденным врагом крепостного права (газ. «Юг» 1882 г., № 2, стр. 136; Записки А. М. Фадеева, Од. 1897, стр. 62; И. С. Рябинин, Из переписки И. Н. Инзова, М. 1907; Н. В. Сушков, Московский Унив. Благор. Пансион, М. 1858, стр. 66; Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VI, М. 1891, стр. 150 — 152; Н. К. Кульман, К истории масонства в России, С.-Пб. 1907; «Вестн. Евр.» 1868 г., № 9, стр. 276; «Киевск. Стар.» 1887 г., т. XIX, стр. 322; Степан Потоцкий, Инзов, Иван Никитич, Бендеры. 1904 г.; биографию его см. еще в издании: «Император Александр I и его сподвижники»; Анненков, Пушкин, стр. 168 — 169). См. ниже № 70, — письмо, предположительно относимое нами на имя Инзова.

— «2 месяца жил я на Кавказе»: выехав из Екатеринослава около 4 июня, Пушкин с Раевскими 10 июня прибыл в Георгиевск, а 11 числа приехал в Горячеводск и прожил затем почти два месяца в Железноводске, Кисловодске и Пятигорске; 2 августа встретил его на водах Г. В. Гераков, который в дневнике своем отметил: «Тут увидел Пушкина молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее; точно он может, при дарованиях своих; я ему от души желаю всякого блага; он слушал и колкую правду, но смирялся; и эта перемена делает ему честь» («Путевые записки по многим Российским губерниям 1820», Пгр. 1828, стр. 99).—5 августа Пушкин отправился с Раевскими в обратный путь с Кавказа и через Темижбек, крепость Кавказскую и Тамань 15 августа прибыл в Керчь, 17 числа в Феодосию, а отсюда в конце месяца переехал в Юрзуф, где и провел около трех недель. 21 сентября он приехал в Кишинев, куда, в его отсутствие, переведена была Канцелярия генерала Инзова, временно назначенного Наместником Бессарабской области.

— Ермолов, Алексей Петрович (род. 24 мая 1777, ум. 12 апреля 1861), генерал-от-инфантерии, Командующий Отдельным Кавказским Корпусом с 1816 по 1827 г. По свидетельству М. П. Погодина и Е. Козубского (М. П. Погодин, А. П. Ермолов — «Русск. Вестн.» 1863 г., № 8 — 12, и 1864 г., № 5; Е. Козубский, Дагестанские воспоминания об А. П. Ермолове — «Русск. Арх.» 1900 г., кн. III) применял крайние меры воздействия туземцам, но слыл справедливым и бескорыстным администратором. Вскоре по вступлении на престол императора Николая, который не питал к нему доверия, Ермолов, заподозренный в сочувствии планам декабристов, был смещен с Кавказа и всю остальную жизнь провел не у дел, хотя и числился членом Государственного Совета. Пушкин любил своеобразную и характерную фигуру Ермолова (при котором одно время служил на Кавказе его Лицейский товарищ В. К. Кюхельбекер), и в 1829 г. посетил его в Орле (см. ниже, письмо Пушкина к барону А. А. Дельвигу от начала июня 1829 г., а также «Путешествие в Арзрум», начало главы 1), а в 1833 г. намеревался писать историю его жизни и деятельности и предлагал издать его Записки (см. черновик письма к нему).

— Известно, что Наполеон в своем стремлении к мировому владычеству встретил опасного противника в лице Англии, торговое могущество которой он решился сокрушить. Потерпев неудачу в осуществлении

проекта высадки многочисленной армии на берега Великобритании и в проведении континентальной системы, Наполеон остановился на экспедиции в Индию. С этою целью и был предпринят им поход в Египет, который, после битвы при Абукире, ему не удалось, однако, удержать за собою. После этого он задумал уже сухопутную экспедицию в Индию— с помощью России—и в конце 1800 года завязал личные сношения с императором Павлом, который, готовясь к войне с Англией, также проектировал вторжение в Индию. Но смерть Павла I расстроила планы Наполеона. Этот проект, предложенный Наполеоном в 1808 году, не мог осуществиться и в царствование Александра I. № 16.

— Замечания Пушкина на Черноморских и Донских казаков — не сохранились и нам неизвестны.

— Тмутаракань, древняя Фанагория, — город на берегу Босфора Киммерийского или Керченского пролива, уже в IX веке принадлежал Руси, а во времена Владимира Святого была уделом Мстислава Владимировича Храброго.

— Митридат VII, царь Понтийский и Босфорский, умерший в I в. до Р. Х. и ведший ожесточенную борьбу с Римлянами. — Митридатов гроб—гора, на вершине которой, по преданию, он кончил жизнь самоубийством. См. ниже, в письме № 114.

— Пантикапея — греческая колония, некогда (с V века до Р. Х.) столица Босфорского царства, на развалинах которой впоследствии была основана Керчь. См. ниже, в письме № 114.

— Золотой Холм — один из замечательнейших в археологическом отношении курганов, — в 4 верстах от Керчи. А. И. Михайловский-Данилевский, бывший в Крыму за два года до Пушкина, — в мае 1818 г. — с императором Александром I, пишет в своем дневнике: «Ездил верхом на большую гору; на ней находится так называемый Стул Митридатов, который не что иное есть, как груда диких камней, образующих род софы, которые отделаны руками человеческими. Предание говорит, что царь Понтийский, сидя на оном, взирал на сражающиеся войска свои. Вид с горы сей отменно хорош; с оной открывается все пространство залива, отделяющего Черное море от Азовского, часть Черного моря и Еникале. — В нескольких верстах от нее стоит так называемая Золотая гора, на вершине которой находится род кургана, из больших камней сделанного; предание приписывает построение оного Циклопам, и Павзаний, упоминая об нем, объявляет, что никто не запомнит времени его построения» («Русск. Стар.» 1897 г., № 7, стр. 93).

— Француз, присланный из Петербурга — Августин (Павел) Алексеевич Дюбрюкс (род. в Бретани около 1774 г., ум. в Керчи 1 августа 1835 г.).— эмигрант, живший с 1797 г. в Польше, затем — в Петербурге, а с 1810 г. в Керчи. Он находился в Русской службе, занимая первоначально, в чине подпоручика, должность Надзирателя Керченской Таможенной Заставы («Месяцослов» на 1820 г., ч. II, стр. 262), затем—Смотрителя Керченских соляных озер и, наконец, был пакгаузным надзирателем в Керченской Портовой Таможне (см. «Месяцословы»: 1825 г., ч. II, стр. 216 и 1835 г., ч. II, стр. 187). Живя в Керчи, любознательный француз обратил внимание на местные древности и первый взялся за систематические раскопки Босфорских памятников старины и искусства. Этот бескорыстный, хоть и не ученый любитель археологии, начиная с 1816 г. до самой смерти с неослабной энергией вел свои разыскания и составил большую коллекцию древностей, положив таким образом начало Керченскому Музею, открытому в 1826 году. Граф А. Ф. Ланжерон, граф Н. П. Румянцов и великий князь Николай Павлович оказывали поддержку неутомимому труженику, который, по их ходатайствам, получал иногда небольшие средства для своих изысканий. После него осталось несколько археологических работ, лишь частию увидевших свет и то лишь много лет после его смерти, — в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей» 1858 г., т. IV и 1889 г., т. XV. О Дюбрюксе см. статью в «Русском Биографическом Словаре», т. Д., стр. 736, где указаны и источники для его биографии. А. И. Михайловский-Данилевский в вышеупомянутом дневнике своем

№ 16. за 1818 г. записал под 10 мая следующие любопытные сведения о Дюбрюксе: «Вечером я приехал в Керчь, сию оконечность Европы; Азиатский берег отсюда в восемнадцати верстах. Я немедленно познакомился с служившим по соляной части французским эмигрантом Брюксом, который слыл за антиквария и несколько лет открывал гробы древних греков и скифов. Что человек сей не учен, то доказывает самое короткое с ним свидание; он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слыхал, и даже по-французски говорит дурно, мало учился, тридцати лет вступил в военную службу во Франции и потом сочинил книжку под заглавием: «Essai sur la cavalerie légère». Всякий видит, что переход от легкой конницы до глубокой древности немного труден. Не менее того, его старания заслуживают благодарность, ибо до него ни один из наших соотечественников не занимался изысканиями Таврических древностей, и надобно жалеть, что ему нет никаких средств к изучению филологии. 11 мая, в 8 часов утра, государь поехал в Eниколь, а я остался в Керчи, чтобы осмотреть ее с помощию г. Брюкса. Во-первых, мы были в крепости, которая вовсе развалилась; начало построения ее приписывают генуэзцам; в ней любопытна церковь, которой близ 1300 лет; от древности остались только два мраморные столба и два барельефа, которые в полной мере напоминают упадок искусств со времени их работы. Вид с крепостных укреплений отменно пространен; залив, разделяющий Азовское море от Черного, виден весь; на другом берегу уже Азия, Тмутаракань и весь край, называемый ныне Таманом; даже приметно устье Кубани, где обитают черкесы. Боже мой! думал я, смотря на неизмеримое пространство моря и Азиатских берегов, куда судьба меня завела? Долго ли буду я еще странником на сей земле? — Потом поехал я осматривать гробницы древних греков и скифов, которые г. Брюкс первый начал отрывать. «Чтение Геродота и Страбона, — сказал он мне дорогою, — а еще более скука заставили меня сим заняться; я открыл уже до двадцати гробниц, но небольших; для пространнейших же потребны средства, которых у меня не достает; мне выдано до сего времени из Кабинета пятьсот и пожаловано великим князем Николаем Павловичем сто, а всего шестьсот рублей». Мы входили в одну могилу четвероугольного вида, сажени две длиною и столько же шириною; небольшие из них почти все равной величины, т. е. одной сажени и 4 вершков длины» («Русск. Стар.» 1897 г., № 7, стр. 92 — 93).

— Кефа — древняя генуэзская колония Кафа, основанная в XIII столетии на месте Феодосии, богатой милетской колонии. Покоренная в 1475 г. турками, она была переименована в Кефе, а с присоединением к России вновь получила свое древнейшее название.

— Броневский — Семен Михайлович (род. 1764, ум. близ Феодосии, на своей даче, 27 декабря 1830 г., — «С.-Пб. Вед.» 1831 г., № 25, 30 января); первоначально он служил, до полковничьего чина, в военной службе и был дежур-маиором при графе Зубове, а прежде того был покровительствуем Зоричем, на счет которого путешествовал по Европе («Русск. Стар.» 1908 г., № 6, стр. 538); затем, перейдя в гражданскую службу, был с 1802 по 1804 г. правителем дел при Главноуправляющем Грузией князе П. Д. Цицианове, который оказывал ему «полную доверенность» («Акты Кавк. Археогр. Комм.», т. II, стр. 31). После того Броневский состоял при Константинопольской миссии и экспедитором в Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел и, наконец, был с сентября 1810 г. до декабря 1816 г. Феодосийским градоначальником; масон Феодосийской ложи du Jourdain («Пушкин и его совр.», вып. XVII—XVIII, стр. 105), он был дружен со Сперанским и вел с ним переписку в мистическом духе (Сборн. «В память графа Сперанского», С.-Пб. 1872, стр. 487—489; барон М. А. Корф, Жизнь Сперанского, т. II, стр. 149). Броневский известен был, как автор 2-томного сочинения: «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», изданного в Москве в 1823 г. и бывшего в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 15). Рассказывая о Броневском и его увольнении от должности, Вигель

объясняет это неуступчивостью, неладами с Новороссийскими генерал-губернаторами и происками и клеветами местной греческой партии: он был уволен «без просьбы, без вины и без копейки пенсиона... Во дни управления своего купил он в полуторе версты от города 8 или 9 десятин удобной земли,—участок, на коем построил он домик, состоящий из четырех или пяти комнат, и который засадил он любимыми своими миндальными деревьями. Как будто из благодарности за его попечение, доставляли они ему пропитание: около 3,000 асс. давали они ему ежегодного дохода. Какое положение! Оставаться без всякой власти среди врагов своих, которые при встречах явно оказывали ему презрение; за то все русские чиновники и все порядочные люди приязненным и почтительным обхождением напеперыв старались утешить его. Две трети года проводил он в единственном своем убежище, на зиму же, по недостатку в дровах, удалялся к старому другу своему генералу Бекарюкову, в имение его, верст за тридцать находящееся» (Воспом., ч. VII, стр. 166). В дополнение приведем здесь еще отзыв о Броневском Г. В. Геракова, относящийся к тому же времени, как и отзыв Пушкина: «После обеда», пишет он: «на шлюпке градоначальника ездили к Броневскому, бывшему градоначальнику здесь. Он живет как пустынник,— руками своими возделывая сад свой — кормится; отличный человек! Я его давно знаю: преисполненный познаний и великий знаток на многих языках писать... Сад его, им разведенный, имеет более десяти тысяч фруктовых дерев; миндалю продает пудов двадцать, — и вот *почтенного доход*; в саду, можно сказать, много есть милого, семо и овамо, в приятном беспорядке: то остатки колонн Паросского мрамора, то камни с надписями, — памятник, воздвигнутый племяннице его, храмики, горки и проч. У Броневского застали [17 августа 1820] Н. Н. Раевского с дочерьми и с больным сыном [Николаем]» («Путевые записки по многим Российским губерниям 1820», Пгр. 1828, стр. 122—123). Далее Гераков называет Броневского «человеком с обширными сведениями и мастерски излагающим мысли свои» (стр. 138) и с восторгом отзывается о его сочинении «О южном береге Крыма» (стр. 161). Броневский был членом Казанского Общества любителей отечественной словесности (Месяцеслов на 1834 г., ч. I, стр. 561); о нем см. в книге еп. Гермогена; Таврическая епархия, Псков. 1887, стр. 371—373. «Издавая письма Пушкина», говорит А. Л. Бертье-Делагард: «его слова о Броневском приводят в обидной для памяти хорошего человека редакции: «Он не умный человек, но имеет большие сведения о Крыме..., стороне важной и запрещенной...» (Соч. Пушкина, Переписка, изд. Академии Наук, I. 21). Пушкин, конечно, не постеснился бы и прямо назвать глупца настоящим именем, а так изложенное выходит не без странности, особенно в виду ранее им сказанной похвалы тому же Броневскому, узнать ум которого Пушкин не имел и времени. Кажется, что редакция «не ученый» вместо «не умный», и «запущенной» вместо не имеющей смысла «запрещенной» должна быть вернее («Пушкин и его совр.», вып. XVII—XVIII, стр. 105, примеч.). Мы приняли эти соображения А. Л. Бертье-Делагарда и внесли в текст соответствующие поправки. № 16.

— Виргилий — знаменитый Римский поэт, живший в I в. до Р. Х. Старик, питавшийся плодами фруктовых дерев своего сада, изображен Виргилием в кн. IV «Георгик».

— Юрзуф — греческая Юрзувита, в XIV столетии перешедшая к генуезцам, а затем к туркам, которые и дали ей название «Юрзуф». О Гурзуфе и пребывании в нем Пушкина см. статью А. Л. Бертье-Делагарда в сб. «Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII.

— Элегия, которую Пушкин написал ночью, при переезде морем из Феодосии (откуда Пушкин выехал в конце августа) в Юрзуф, — «Погасло дневное светило»; она была напечатана в журнале Н. И. Греча «Сын Отечества» 1820 г., ч. LXV, № 46, под заглавием: «Элегия», без подписи, но с пометой: «Черное море. 1820. Сентябрь». В Кишинев Пушкин приехал 21 сентября.

— Характеристика, данная Пушкиным генералу Раевскому, отличается чрезвычайною верностью и меткостью; симпатии Пушкина к этому

№ 16. человеку, несомненно, еще больше возросли после 1825 г., когда дело 14 декабря нанесло ему столько тяжких сердечных ран: оба его сына, брат В. Л. Давыдов и зятья—М. Ф. Орлов и князь С. Г. Волконский—пострадали более или менее сильно; наконец, нежно любимая дочь его, княгиня М. Н. Волконская, последовала за мужем в ссылку в Сибирь, — что было для него большим ударом.

— Старший сын Раевского — Александр Николаевич (род. 16 ноября 1795, ум. 23 октября 1868); воспитанник Московского Университетского Благородного Пансиона, он считался там одним из лучших учеников (см. Н. В. Сушков, Московский Унив. Благор. Пансион, М. 1858, прилож., стр. 189; Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте в Унив. Благор. Пансионе 22 декабря 1806 г. — «Утренняя Заря» 1808 г., ч. VI, стр. 137—141), зачислен был затем на службу в Симбирский гренадерский полк (1810), продолжал ее в 5 егерьском и л.-гв. Егерьском (с 16 марта 1813), состоял (с 10 апреля 1813 г.) адъютантом графа М. С. Воронцова, участвовал во многих сражениях Отечественной войны, — между прочим,— при Дашковке (см. выше. стр. 190) и Бородине, а потом и в других боях 1813 и 1814 г. до взятия Парижа; полковник с 17 мая 1817 г., он 27 апреля 1819 г. был прикомандирован к Кавказскому корпусу, по болезни, требовавшей лечения минеральными водами (см. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, С.-Пб. 1908, стр. 220). Поступив под начальство Ермолова, который был с ним в свойстве, Раевский не долго пробыл на Кавказе: уже в январе 1820 г. Ермолов писал Д. В. Давыдову: «Скажу коротко и о себе, ибо Александр Раевский, сопутствующий мне из любопытства видеть здешний край или, лучше сказать, бежавший от лекаря, истреблявшего горькие плоды сладостнейших воспоминаний, и долгое время шатавшийся со мною в горах, подробно тебе обо всем перескажет» («Русск. Вестн.» 1863 г., № 11, стр. 315). По возвращении с Кавказа он проживал у отца в Киеве, где служил тогда и В. П. Горчаков, которому Пушкин советовал познакомиться с Раевским, как человеком образованным и вообще замечательным («Москвитянин» 1850 г., ч. II, стр. 179, 180, — Дневник В. П. Горчакова). Действительно, Раевский был человек выдающегося ума и солидного образования; однако, он не оправдал пророчества Пушкина, — главным образом вследствие того, что его тяжелый характер и мрачное, озлобленное сердце ставили его со всеми в неприязненные отношения; служебная карьера его прервалась из-за столкновения с графом М. С. Воронцовым, при котором он состоял «по особым поручениям» с осени 1826 г. до 9 октября 1827 г. (Б. Л. Модзалевский, Род Раевских, С.-Пб. 1908, стр. 68—69): Раевский, издавна влюбленный в его жену, повел себя перед нею и ее мужем так бестактно, что Воронцов принял резкие меры к удалению его из Одессы. Сосланный в Полтаву в июле 1828 г., Раевский долго не имел права жить в столицах, затем, получив это право, поселился в Москве частным человеком, женился здесь (11 ноября 1834 г.) на Екатерине Петровне Киндяковой, вскоре (в 1839 г.) овдовел и отдался воспитанию единственной дочери, которую также пережил на много лет. Вообще это была незаурядная фигура, и своеобразная личность Раевского до сих пор не совсем разгадана. Пушкин, одно время находившийся под сильным влиянием Раевского, обрисовал его облик в двух своих стихотворениях: «Мой демон» (1823 г.) и «Коварность» (1824 г.; см. «Русск. Арх.» 1872, кн. II, стр. 2236), близко узнав его, главным образом во время своей жизни в Одессе: полагают, что, воспользовавшись дружбою Пушкина, влюбленного тогда в Воронцову, Раевский сделал из него прикрытие своей интриги с графиней, — и поэт за это поплатился ссылкою в деревню... Характеристику Раевского см. в книге М. О. Гершензона: История молодой России, М. 1908, стр. 38—45; сведения о нем и портрет его см.: в «Архиве Раевских», т. I, II, III, IV, в написанном нами очерке при портрете его, помещенном в издании великого князя Николая Михаиловича: «Русские портреты XVIII и XIX ст.», т. IV, л. 132, а также в «Дневнике» Пушкина, изданном под нашею редакциею, С.-Пб. 1923, стр. 208—210, и в Московском издании «Днев-

ника», М. 1923, стр. 478 — 482; см. еще «Алфавит декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 160 и 383. № 16.

— Дочерей у Н. Н. Раевского было четыре: старшая, которую Пушкин называет «женщиной необыкновенной»,—Екатерина Николаевна (род. 10 апреля 1797, ум. 22 января 1885) — 15 мая 1821 г. вышла замуж за генерал-майора Михаила Федоровича Орлова (р. 1788, ум. 1842), с которым Пушкин познакомился, вероятно, еще в Петербурге, так как Орлов был членом «Арзамаса» (с прозвищем «Рейн»); за участие в Тайном Обществе декабристов отставленный от службы, он последние 16 лет жизни провел в своем Калужском имении Милятине и в Москве, томясь вынужденным бездействием. Пушкин часто виделся с Орловым, живя в Кишиневе, где Орлов командовал дивизией; Е. Н. Орлова была, действительно, «женщина необыкновенная», как определил ее Пушкин; не отличаясь красотой, она была очень умна, прекрасно образована, любила литературу и следила за нею и отличалась твердым, независимым, прямым характером, которым, по выражению П. В. Анненкова, «умела покорять людей». В своем кружке она и слыла под именем «Марфы Посадницы» (Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 151); известно, что Пушкин, создавая образ Марины Мнишек для «Бориса Годунова», воспользовался некоторыми чертами характера Орловой (см. ниже, письма №№ 181 и 186). Последняя, как видно из ее писем к брату Александру, интересовалась личностью Пушкина, хотя, повидимому, и не умела вполне оценить его дарований. Напр., в конце 1821 г. она сообщает об участии поэта «в шумных спорах — философских, политических, литературных», отмечая, что он «больше не корчит из себя *жестокого*» (12 ноября 1821); говорит затем об его увлечении «Projet de paix perpétuelle» аббата де Сен-Пьера (23 ноября) и высказывает, хоть и с крайнею осторожностью, свой взгляд на некоторые произведения Пушкина: «Он только что кончил оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав ее частью один раз», а 8 декабря высказывается о «Братьях-Разбойниках»: «Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончать. Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона» (М. О. Гершензон, История молодой России, М. 1908, стр. 27, 28). — Вторая сестра, Елена Николаевна (род. 29 августа 1803, ум. 4 сентября 1852), в молодости красавица, была от рождения болезненна; «высокая, стройная, с прекрасными голубыми глазами», она была девушка «стыдливая, серьезная и скромная» («Русск. Арх.», 1866 г., ст. 1115): замуж она не вышла, несмотря на то, что в 1828 г. делал ей предложение граф Г. Ф. Олизар (некогда сватавшийся к ее сестре Марии); «Алиона, по нездоровью своему, уже положила остаться в девках», — писал о ней в 1829 г. ее отец. Элегию Пушкина «Увы, зачем она блистает», написанную в Гурзуфе осенью 1820 г. и изображающую любовь к молодой, прекрасной, но болезненной девушке, некоторые исследователи склонны связывать с именем Елены Раевской.—Третья дочь, Мария Николаевна (родилась 25 декабря 1805, ум. 10 августа 1863), была не менее замечательна и также получила прекрасное образование; 19 лет от роду она вышла замуж, 11 января 1825 г., за генерал-майора князя Сергея Григорьевича Волконского (род. 1788, ум. 1865), а когда через полтора года, по делу о декабристах, он был сослан на каторгу в Сибирь, она, как известно, последовала туда за ним, поборов все препятствия, ставившиеся ей родными и Петербургскими властями, и разделяла с мужем все тягости почти тридцатилетней ссылки, которую описала в своих замечательных «Воспоминаниях» (изд. впервые в 1904 г.; см. еще «Архив декабриста», под ред. князя С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I, С.-Пб. 1918, и С. М. Волконский: о Декабристах, Пгр. 1922 г.). — Пушкин посвятил кн. Волконской «Полтаву» («Пушкин и его совр.», вып. XIV, ст. П. Е. Щеголева) и в трогательных стихах помянул ее маленького сына Николая, умершего в Петербурге в 1828 г., после отъезда княгини в Сибирь. — Наконец, четвертая, младшая сестра — София Николаевна (род. 17 ноября 1806), умершая 13 февраля 1881 г., с сентября 1826 г. была фрейлиной

№ 16. и отличалась своею обширною образованностью, умом и сильным характером (см. «Архив Раевских», т. I—V). О замечательной семье Раевских см. очерк в книге М. О. Гершензона: «История молодой России», М. 1908, стр. 1—74, а также «Архив Раевских», т. I—V.

— Л. С. Пушкин обладал недюжинными поэтическими способностями, но, считая свои стихи слабыми в сравнении со стихами брата, не культивировал своего дарования (см. Л. Н. Майков «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 31—36); некоторые ранние поэтические опыты Л. С. Пушкина см. в статье Б. Л. Модзалевского в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, стр. 3—8 а также Одесский сборник «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, I, 1925, стр. 70.

— Михайло Орлов — упомянутый выше М. Ф. Орлов (род. 25 марта 1788, ум. 19 марта 1842), командир 16 пехотной дивизии 6 корпуса 2-й армии, живший тогда в Кишиневе, где был штаб дивизии; 15 мая 1821 г. он женился на Е. Н. Раевской, которую Пушкин, по словам В. П. Горчакова «необыкновенно уважал» («Русск. Арх.» 1900, кн. I, стр. 403). О нем см. к книге М. О. Гершензона: «История молодой России», М. 1908, стр. 1—74, и в «Алфавите декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 368—370.

— После слов: «повторяет» и «безвестную» письмо в двух местах прожжено, что̀ и отмечено точками. С выраженным Пушкиным пожеланием «увидеть опять полуденный берег» следует сопоставить его стихотворение 1821 г. «Желание», а также заключительные стихи «Бахчисарайского Фонтана» (1823 г.).

— Под «нашими» Пушкин подразумевает своих родителей — Сергея Львовича и Надежду Осиповну (рожд. Ганнибал, р. 1775, ум. 1836) и сестру Ольгу Сергеевну (р. 1797, ум. 1868), в начале 1828 г. вышедшую замуж за Николая Ивановича Павлищева (см. письма къ нему Пушкина).

— Кюхельб. — Лицейский товарищ Пушкина Вильгельм Карлович Кюхельбекер (р. 10 июня 1797, ум. 11 августа 1846); еще в бытность в Лицее он печатал в разных журналах свои стихотворения, которые, однако, вызывали лишь насмешки Пушкина и других товарищей; по окончании курса в Лицее, Кюхельбекер числился на службе в Коллегии Иностранных Дел; Пушкин относился к нему несколько иронически, но любил его за его добродушие и за горячность сердца (см. ниже, письмо к нему Пушкина от декабря 1825 г., № 190). Общий их товарищ по Лицею, бар. М. А. Корф дает такую характеристику Кюхельбекера: «Он был предметом неистощимых наших насмешек в Лицее за свои странности, неловкости и смешную оригинальность. С эксцентрическим умом, с пылкими страстями, с необузданною ничем вспыльчивостью, он всегда был готов на всякие курьезные проделки и еще в Лицее пробовал было утопиться. После выпуска он метался из того в другое, выбрал, наконец, педагогическую карьеру и был преподавателем Русской словесности.... И в Лицее, и после он писал много стихов с странным направлением, странным языком, но не без достоинств и издавал вместе с кн. Одоевским журнал «Мнемозину». Все это кончилось историей 14-го декабря, в которую он был сильно замешан, с осуждением в каторжную работу» («Русск. Стар.» 1904 г., № 6, стр. 555). О нем см. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Лгр. 1925, стр. 337—338, заметку Б. В. Томашевского в сб. «Литературные Портфели», вып. I, Пб. 1923, и Н. О. Лернера в ж. «Былое» 1924 г., № 25, стр. 3—8; Н. А. Гастфрейнд, Товарищи Пушкина, т. I, С.-Пб. 1912.

— Дельв. — любимый Лицейский товарищ Пушкина, барон Антон Антонович Дельвиг; о его литературной деятельности и об отношениях к нему Пушкина см. статью В. С. Рыбинского в Сборнике в память Пушкина, изданном Киевским Педагогическим Обществом, Киев. 1899, стр. 259—272, а также сборник: Дельвиг. Неизданные стихотворения. Труды Пушкинского Дома, Пгр. 1922, со статьей М. Л. Гофмана, и сборник Ю. Н. Верховского: Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные, Пб. 1922.

— Молодой Молчанов — быть может, сын Петра Степановича Молчанова (ум. в 1831 г., 61 года), женатого на Авдотье Ивановне Кушелевой (род. 1786, ум. 1823), сенатора, статс-секретаря, члена Комиссии прошений и Управляющего делами Комитета Министров, просвещенного человека, хорошо знакомого Дельвигу, Пушкину, Плетневу и Тургеневым, — Александр Петрович Молчанов; он родился 26 февраля 1811 г. и с 1820 г. имел наставником и учителем Плетнева, обнаруживая большую любовь к наукам и недюжинные дарования. Будучи уже студентом Петербургского Университета, этот симпатичный юноша умер 27 ноября 1828 года. Некролог его, написанный Плетневым, помещен был в «Северной Пчеле» 1828 г., № 142, стр. 3. Но может быть Пушкин имеет здесь в виду и другого Молчанова — Николая Николаевича (род. 9 декабря 1802 г.), лицеиста II курса, знавшего поэта еще в стенах Лицея и выпущенного оттуда восьмым по успехам воспитанником 5 мая 1820 г. Н. Н. Молчанов поступил на службу в Департамент Духовных Дел Министерства Просвещения (где Директором был А. И. Тургенев и где позже служил Л. С. Пушкин), откуда в мае 1821 г. перешел на службу за обер-секретарский стол в 7-й Департамент Сената. Повидимому он умер в молодости. № 17.

17. *Н. И. Гнедичу* (стр. 14 — 15). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 545 — 546; подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Письмо писано из с. Каменки, Чигиринского уезда Киевской губернии, куда поэт приехал из Кишинева и где прожил до конца февраля — начала марта 1821 г., совершив в январе и в начале февраля поездку в Киев, к Раевским.

— Давыдовы — единоутробные братья генерала Н. Н. Раевского: Екатерина Николаевна Раевская, рожд. Самойлова (племянница Потемкина-Таврического), умершая в 1825 г., была во 2 браке за генерал-майором Львом Денисовичем Давыдовым (ум. 1801) и от этого брака имела двух сыновей: Александра Львовича (р. 1773, ум. 1833) и Василия Львовича (р. 1792, ум. 1855); из них старший был женат на Аглае Антоновне, рожд. графине Граммон, которой Пушкин посвятил послание (1821 г.) и злую эпиграмму (см. ниже, в письмах Пушкина № 33 и 48 и стр. 240); Василий Львович Давыдов, декабрист, был сослан в Сибирь, где и умер.

— Каменка, где жили Давыдовы, принадлежала их матери и в начале 1820-х годов «служила своего рода центром», где собирались не только семьи Раевских — Давыдовых, но и их многочисленные друзья, будущие участники тайного общества декабристов. Ср. черновое послание Пушкина к В. Л. Давыдову, а также «шифрованный» отрывок из X главы «Евгения Онегина». О Каменке см. статью А. М. Лободы: «Пушкин в Каменке» («Киевск. Унив. Известия» 1899 г., № 5, стр. 81 — 99) и в Сочинениях Пушкина, под ред. Венгерова, т. II, стр. 104 — 118; жизнь в Каменке накануне событий 14 декабря изображена в небольшой исторической повести Г. П. Данилевского: «Каменка. (1821 — 1825 г.). Эпизод из времен Александра I. (Посвящается М. И. Анненковой)» — в «Русск. Мысли» 1881 г. О Давыдовых см. также в «Архиве Раевских», тт. I — IV, и в «Алфавите декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 311.

— Поэма Пушкина, о которой он упоминает,—«Руслан и Людмила», вышедшая в конце июля — начале августа 1820 г. (см. выше, стр. 204); она печаталась под наблюдением Гнедича и Соболевского.

— №-ра Сына—№№ журнала «Сын Отечества», в котором были напечатаны отрывки из «Андромахи» Расина, переведенной Гнедичем; Пушкин называет кабинет Гнедича «эпикурейским» (ср. в письме к Гречу от 21 сентября 1821 г., № 28) по имени греческого философа IV—III в. до Р. Х. Эпикура, учившего, что в наших действиях мы должны стремиться к достижению нравственных, моральных наслаждений; это учение в смысле стремления к получению от жизни материальных наслаждений извратили уже последователи Эпикура. Стих, приведенный Пушкиным, взят из переведенной Гнедичем «Андромахи».

№ 17. — В., критиковавший «Руслана и Людмилу» в «Сыне Отечества» — Александр Федорович Воейков (род. 1778, ум. 1839), известный писатель, напечатавший в этом журнале (№ 34, стр. 112 — 132, № 35, стр. 66 — 83, № 36, стр. 97 — 114 и № 37, стр. 145 — 155) статью о поэме Пушкина.

— Корреджио — знаменитый итальянский художник (р. 1494, ум. 1534)

— Орловский — Александр Осипович (р. 1777, ум. 1832), известный в то время художник-баталист, жанрист и карикатурист; произведения его, большею частью карандашом, отличались иногда излишней смелостью рисунка; о нем и его «карандаше» Пушкин упоминает еще в конце 2 песни «Руслана и Людмилы» и в «Путешествии в Арзрум», где Пушкин вспоминает «прекрасные рисунки Орловского»; о нем же упоминает в 1825 г., в письме своем к Пушкину, и Вяземский (Акад. изд. Переп., т. I, стр. 305), который позднее посвятил особое стихотворение «Памяти живописца Орловского» («Альманах на 1838 г.», изд. В. А. Владиславлевым, стр. 342—347; Соч. Вяземского, т. IV, стр. 217 — 221); про стихотворение это С. П. Шевырев выразился, что в нем Вяземский «перевел на стихи гениальный карандаш Орловского» («Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 137). Об Орловском см. в книге В. А. Верещагина: Русская карикатура. III. А. О. Орловский, С.-Пб. 1913.

— О критических статьях, вызванных выходом в свет поэмы, Пушкин говорит в предисловии ко 2 изданию «Руслана и Людмилы» (1828 г.), когда ему было уже известно, кто был его критик В.

— Эпиграмма на критику Воейкова, помещенная в «Сыне Отечества» 1820 г., ч. 64, № 38, стр. 233, принадлежит баснописцу И. А. Крылову (Сочинения П. А. Плетнева, т. II, С.-Пб. 1885, стр. 19 и 87):

— Напрасно говорят, что критика легка;
Я критику читал «Руслана и Людмилы»:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

— «Допрощик» — Дмитрий Петрович Зыков, в 1820 г. — подпоручик л.-гв. Преображенского полка, поместивший, за подписью N. N., в «Сыне Отечества» (1820 г., ч. 64, № 38, стр. 226 — 229) статью под заглавием: «Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила», в которой Зыков делает допрос автору, в виде ряда коротких вопросов, напр.: «Зачем Финн дожидался Руслана?» — «Зачем рассказывает Руслану свою историю и как может Руслан в таком несчастном положении с жадностию *внимать рассказы* (или по-Русски рассказам) старца?» и т. п. «Замечания на разбор поэмы Руслан и Людмила», напечатанный в 34 и 37 книжках «Сына Отечества». Письмо к издателю» (ч. 65, № 42, стр. 72 — 86), за подписью «П. К — в. Павловск. 1826. Сентября 15 дня»,—вызвавшие похвалу Пушкина, были написаны Алексеем Алексеевичем Перовским (псевд. Погорельский), впоследствии известным писателем, с которым Пушкин близко познакомился и сошелся («Ост. Арх.», т. II, стр. 72, 421; П. В. Анненков, Материалы для биографии Пушкина, изд. 1855 г., стр. 66 — 67).— Этим полемика критиков не окончилась: Замечание на письмо Зыкова, в виде ряда ответов на его допрос, напечатал «К. Григорий Б — в» (ч. 64, № 41, стр. 39 — 44) — повидимому, тот же Перовский (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 297—298), а Перовскому («П. К—ву») возразил некий «М. К—в» (ч. 65, № 43, стр. 112 — 121).— В 1826 г. Зыков привлекался к следствию по делу декабристов и сидел в Петропавловской крепости; следствием было выяснено, что он в 1823 г. принят был в Тайное Общество и знал его стремление к конституции, но так как участия в Обществе не принимал, выйдя вскоре в отставку и поселившись в деревне, то был освобожден, с запрещением, однако, жить в столицах, и вскоре, в марте 1827 г., умер, после продолжительной болезни (см. Алфавит декабристов, под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 87 и 319).

— Картинка, приложенная к «Руслану и Людмиле» и представляющая несколько главнейших сцен из поэмы, составлена была Алексеем Николаевичем Олениным, Президентом Академии Художеств и Директором

Публичной Библиотеки; в его доме Пушкин часто бывал до своей ссылки на юг, а позднее одно время так сильно был увлечен дочерью Оленина Анной Алексеевной, что посвятил ей стихи и в 1828 г. делал даже предложение, от которого, впрочем, сам же отказался, не явившись на сговор (см. статью Н. К. Козмина: Пушкин и Оленина в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», Пгр. 1922, стр. 31—34); нарисованная А. Ивановым, картинка эта была награвирована М. Ивановым.

— Новая поэма Пушкина—«Кавказский Пленник», начатая на Кавказе летом 1820 года и законченная в Каменке 20—23 февраля 1821 г., эпилог же к ней и посвящение Н. Н. Раевскому написаны в Одессе, в мае 1821 года. Первым изданием поэма была напечатана, под наблюдением Гнедича, в Петербурге в августе 1822 г.

— «Нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче» — слова иносказательные: тогда в Испании происходило революционное движение, требовавшее введения конституции; во главе движения стоял полковник Риэго (см. в стих. Пушкина 1823 г.: «Сказали раз царю, что наконец Мятежный вождь Риэго был удавлен»...). К тому же испанский нюхательный табак отличался своею крепостью. А. Я. Булгаков в одном письме (1812 г.) приводит слова графа Ф. В. Ростопчина: «Кланяюсь два раза тому, кто чихает, понюхавши испанского табаку» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 719). Пушкин, по тогдашним своим настроениям, с восторгом приветствовал революцию в Испании. О начале ее см. в «Остафьевском Архиве», т. II, стр. 14, 381 и др.

— В. А. Жуковский, преподававший русский язык великой княгине Александре Федоровне (ср. выше, стр. 189), в конце 1820 г. уехал при ней за границу, так как здоровье ее требовало серьезного лечения. 3 октября Жуковский выехал из Дерпта, а 15 октября был уже в Берлине. Его Дневник за это время напечатан И. А. Бычковым в «Русском Вестнике» 1889 г., № 8, стр. 361 и след.

— О Дельвиге и Кюхельбекере см. выше, стр. 216; Кюхельбекер в 1820—1821 гг. участвовал, вместе с К. Ф. Рылеевым, в журнале «Невский Зритель».

18. *Неизвестному* (ст. 15). Впервые напечатано в «Русск. Старине» 1884 г., т. XLII, стр. 100; подлинник — в рукоп. б. Румянцовского Музея № 2365, л. 46; факсимиле в издании С. А. Венгерова, т. II, стр. 159.

Перевод: «Ваше письмо пришло очень кстати, оно мне было нужно».

19. *И. П. Липранди (?)* (стр. 15). Печатается впервые; подлинник на клочке синей писчей бумаги, — в Пушкинском Доме Академии Наук, в собрании б. Лицейского Музея, в который поступил из бумаг В. А. Жуковского.

Перевод записки М. Е. Крупенского: «Господин Пушкин, будьте любезны притти ко мне сейчас». —

Перевод записки Пушкина: «Вот, полковник, записка Крупенского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня.

Пушкин».

— Записка эта датируется лишь приблизительно, но несомненно относится ко времени жизни Пушкина в Кишиневе, где Матвей Егорович Крупенский, большой хлебосол и человек гостеприимный, был вице-губернатором; Пушкин часто бывал у Крупенских по вечерам (см. Воспоминания И. П. Липранди — «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1125, 1226, 1235, 1236, 1238, 1239). Зачем вызывал он Пушкина, конечно, неизвестно; Пушкин, ожидая к себе гостя и вызванный к Крупенскому, написал на его записке несколько слов, которые должны были объяснить пришедшему причину его внезапного отсутствия. Вероятнее всего предположить, что полковник, которого ожидал к себе Пушкин, — был Иван Петрович Липранди (см. ниже, стр. 237), часто посещавший поэта в Кишиневе и принимавший его у себя.

20. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 15—17). Впервые напечатано, в пересказе, В. П. Гаевским в «Современнике» 1854 г., № 1, стр. 12—13; полностью — в «Москвитянине» 1854 г., т. II, № 5, отд. IV, стр. 4—6, по

№ 20. сообщению А. Н. Афанасьева, и в «Материалах» Анненкова 1855 г., стр. 81—83; изд. 1873 г., стр. 75—77; подлинник не сохранился; черновик стихов, начинающих письмо,—в рукописи Московского б. Румянцовского Музея № 2367, л. 19. См. Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 562, ред. Якушкина, т. II, стр. 342, ред. Морозова,—т. VIII, стр. 418—419, ред. Ефремова, т. VIII, стр. 152—153.

— Барон Антон Антонович Дельвиг (род. 1798, ум. 1831) — любимый Лицейский товарищ Пушкина (см. выше, стр. 216), известный поэт и писатель, издатель альманахов «Северные Цветы» (8 книжек 1825—1832) и «Подснежник» (1829 и 1830) и «Литературной Газеты» (1830—1831 г.), в которой Пушкин, особенно вначале, принимал довольно деятельное участие (см. в книге Б. В. Томашевского: Пушкин, Лгр. 1925, стр. 118—126). Дельвиг был одним из самых близких друзей Пушкина, и его ранняя смерть глубоко огорчила поэта (см. письмо Пушкина к Плетневу от 31 января 1831 г. и заметку Пушкина о Дельвиге в статье Б. Л. Модзалевского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», стр. 8 — 9).

— В 1 стихе Пушкин называет Дельвига «Парнасским братом», т.-е. братом-поэтом: Парнас — гора в Фокиде, в Греции, посвященная богу поэзии Аполлону и Музам, богиням свободных искусств.

— Проза Дельвига, которою Пушкин был утешен, — его письмо, до нас не сохранившееся.

— Кастальские воды — т.-е. воды посвященного Музам ручья Касталии, на горе Парнасе.

— Тимковский,—Иван Осипович (род. 1776, ум. 1857), цензор, 15 мая 1820 г. разрешивший к печати «Руслана и Людмилу»; он отличался придирчивостью и строгостью к писателям вообще и к Пушкину в частности; так, между прочим, он не разрешил к печати стихотворения Пушкина «Русалка» (1819 г.). Поэт упоминает о нем в своем стихотворении 1824 г. «Тимковский царствовал—и все твердили вслух»... (см. ниже, стр. 260).

— Людмила — экземпляры вышедшего в Петербурге, в отсутствие Пушкина, издания его «Руслана и Людмилы».

— Кюхельбекер — Лицейский товарищ Пушкина (см. выше, стр. 216); он тогда был в Париже, куда поехал в 1820 г., в качестве секретаря обер-камергера Александра Львовича Нарышкина; в Парижском «Атенее» он прочел несколько лекций по славянским литературам, которые, за их либерализм, были остановлены Русским посольством, а Кюхельбекер вскоре вернулся в Россию и затем уехал служить на Кавказ, под начальство А. П. Ермолова, однако, поссорился с ним и осенью 1822 г. вернулся в Петербург; затем он жил в деревне и в Москве, а в 1825 г., будучи в Петербурге, принял деятельное участие в восстании 14 декабря, пытался бежать за границу, но был схвачен, возвращен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость; после приговора по делу декабристов был переведен в крепость Динабург; случайную встречу с ним на станции Залазы 15 октября 1827 г. Пушкин трогательно описал в одной заметке, а Кюхельбекер вспомнил ее в письме к поэту от 20 октября 1830 г.; затем он был сослан на поселение в Сибирь, где и кончил свои дни. Как было сказано выше, Кюхельбекер отличался горячностью темперамента, был увлекающеюся натурою, суетлив и говорлив и при всем этом несколько взбалмошен. Пушкин питал к нему нежные чувства, хотя относился к нему с некоторою ирониею; он посвятил ему немало упоминаний в своих произведениях (напр., в стихотворении «19 октября 1831 г.»); о взаимных отношениях Пушкина и Кюхельбекера и карикатуру поэта на Кюхельбекера см. в заметке Н. О. Лернера в журн. «Былое» 1924 г., № 5 — 8, стр. 25.

— Журналы, которые напоминали Пушкину о музе Дельвига,—«Труды Вольного Общества Любителей Российской словесности» («Соревнователь Просвещения и Благотворения») и «Невский Зритель», в коих Дельвиг в 1820 и в начале 1821 г. печатал свои стихотворения.

— Леность и вообще малоподвижность были отличительными чертами натуры Дельвига, над которыми добродушно подсмеивались друзья его

и которые и сам он сознавал за собою; так, в сочиненной им себе эпитафии он говорил: № 21.

Прохожий! Здесь лежит философ-человек:
Он проспал целый век.

— Поэму «Монах» Дельвиг так и не написал,—даже, повидимому, и не начал («Современник» 1854 г., № 1, отд. Критики, стр. 12, прим. 4).

— Об окончании «Кавказского Пленника» см. выше, стр. 219.

— В Кишинев Пушкин приехал из Каменки, а вскоре (в начале мая) уехал, с разрешения Инзова, в Одессу, где прожил около месяца.

— «Праздный мир не самое лучшее состояние жизни»; впоследствии Пушкин говорил иное:

«На свете счастья нет, а есть покой и воля».
(«К жене», 1836 г.).

— Скарментадо — герой философской повести Вольтера: «Histoire des voyages de Scarmentado». Пушкин, как известно, еще с юности был очень хорошо знаком с сочинениями Вольтера.

— Брат — Лев Сергеевич Пушкин (см. выше, стр. 207, 216); родители любили его больше, чем его старшего брата-поэта, которого считали уже тогда «пропавшим» человеком и боялись его «вредного» влияния. Поэт, вероятно, еще не знал, что месяцем ранее, чем он писал свое письмо, его младший брат был исключен (26 февраля 1821 г.) из Университетского Благородного Пансиона за то, что организовал протест своего 3 класса против увольнения из Пансиона учителя В. К. Кюхельбекера и назначения на его место И. С. Пенинского: класс, по донесению Директора Пансиона Д. А. Кавелина, «два раза погасил свечи, производил шум и другие непристойности», при чем зачинщиком был пансионер Лев Пушкин, а наиболее деятельным его помощником—Павел Верховский («С.-Петербургский Университет в первое столетие его деятельности 1819—1919», Том I, Пгр. 1919, стр. 130 — 131).

— Говоря об африканской крови, Пушкин намекал на свое происхождение от Ибрагима Ганнибала, «Арапа Петра Великого», который с материнской стороны приходился ему родным прадедом.

21. *Н. И. Гнедичу* (стр. 17—18). Впервые напечатано Я. К. Гротом в сборнике «Складчина», С.-Пб. 1874 г., стр. 369—371; подлинник в Пушкинском Доме (из Музея б. Александровского Лицея); автотипическое воспроизведение — в «Истории Русской Литературы» П. Н. Полевого, изд. Маркса, т. III, С.-Пб. 1900, при стр. 56.

— Овидий — Римский поэт (род. в 43 г. до Р. Х., ум. в 18 по Р. Х). сосланный императором Августом в город Томы, у устья Дуная. В конце 1821 г. Пушкин посетил Аккерман,—старинную крепость, расположенную на мысе Днепровского лимана, против которого лежит г. Овидиополь. По рассказам местных жителей, он провел целую ночь на прибрежной башне, любуясь городом, который оттуда виднеется на краю горизонта, и результатом этой беседы с Овидиевой тенью явилось послание Пушкина «К Овидию». В примечании к VIII строфе 1 главы «Евгения Онегина» Пушкин писал: «Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элегиях «Ex Ponto» он ясно означает местом пребывания город Томы, при самом устье Дуная. Столько же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания тайную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около 50 лет, а развратная Юлия, десять лет тому прежде, была сама изгнана ревнивым своим родителем»... В воспоминаниях своих о Пушкине И. П. Липранди передает («Русский Архив» 1866 г., ст. 1267 — 1279), что Пушкин старался отыскать гробницу Овидия и вообще интересовался сведениями о жизни опального Римского поэта, в судьбе коего видел много общего с своею собственною судьбою, которая, по случайному совпадению, забросила его в те же места, — на юг России (ср. «Русский Архив»

№ 22. 1866 г., ст. 1140). В библиотеке Пушкина сохранилось несколько изданий различных сочинений Овидия. Большинство элегий в книге Овидия «Tristia» содержат в себе мольбы к Августу о помиловании, оставшиеся, однако, безуспешными.

— Орлов — упоминавшийся уже выше (стр. 215 и 216) Михаил Федорович Орлов, генерал-майор, начальник 16 пехотной дивизии; он жил в Кишиневе, и Пушкин часто с ним видался в его доме, проводя время в беседах с образованным генералом, его гостями и женою, рожд. Раевскою; последняя однажды писала в конце того же 1821 г. брату своему А. Н. Раевскому: «У нас беспрестанно идут шумные споры—философские, политические, литературные и др.; мне слышно их из дальней комнаты».— «Пушкин», сообщает она 12 ноября: «больше не корчит из себя *жестокого*: он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно».—«Мы очень часто видим Пушкина», пишет она 23 ноября: «который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах» и т. д. (М. О. Гершензон, История молодой России, М. 1908, стр. 27 — 28).

— Октавий — тот же первый император Римский Август, выше упомянутый; Пушкин подразумевает здесь под именем Октавия императора Александра I, сославшего его на Юг.

— Говоря, что Гнедич «воскресил Ахилла призрак величавый, Гомера музу нам явил», Пушкин имел в виду труды Гнедича по переводу «Илиады» Гомера; Ахилл — один из героев воспетой Гомером Троянской войны, убивший Гектора и убитый Парисом.

— Феб — то же, что Аполлон, бог поэзии.

— Письмо Гнедича, при котором были посланы экземпляры издания «Руслана и Людмилы» (поэма была подписана к печати цензором И. Ф. Тимковским 15 мая 1820 г.) и на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Платье, сшитое на «Руслана и Людмилу» — издание поэмы Пушкина, исполненное Л. С. Пушкиным (братом поэта) и его товарищем С. А. Соболевским (см. «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1108), под наблюдением Гнедича, хлопотам которого оно обязано и рисунком, сделанным А. Н. Олениным (см. выше стр. 218—219). «Пушкина поэма—finis!»—писал Гнедич Жуковскому в Павловск: «только окончится виньетка, которую рисовал Алек. Н. Оленин (Эге? а ты, друг, и не подозревал) и которая уже гравируется» («Русск. Арх.» 1875 г., кн. III, стр. 365).

— О «Кавказском Пленнике» см. выше, стр. 219, 221.

— Бешту, по выражению Пушкина, — «остроконечный» «пустынник величавый» (см. Посвящение «Кавказского Пленника»),—Казбек и Эльбрус— горы на Кавказе, виденные Пушкиным.

— IX том «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина появился в свет в 1821 г., а предыдущий, VIII том вышел в 1817 г.

— Письмо Пушкина к Дельвигу (от 23 марта), посланное в письме к Гнедичу—см. выше № 20.

22. *А. И. Тургеневу* (стр. 18 — 19). Впервые напечатано в журнале «Русский Библиофил» 1911 г., № 5, стр. 16 — 17, со снимком с части оригинала (на бумаге вод. зн.: А. Г. 1811), принадлежащего Библиотеке Академии Наук.

— Карамзины—историограф Н. М. Карамзин и его семья.

— «Без вас двух», т.-е. без Александра Ивановича Тургенева и его брата Николая Ивановича.

— К. Голицына—княгиня Евдокия Ивановна, рожд. Измайлова (р. 1780, ум. 1850), жена князя Сергея Михайловича Голицына, с которым была в разъезде. — Пушкин, по словам князя Вяземскаго, «в медовые месяцы вступления своего в свет (1817) был маленько приворожен» ею, как, впрочем, и сам Вяземский (см. «Русск. Арх.» 1879 г., кн. I, стр. 510, и ниже, в объяснениях к письму № 68), и Тургенев (см. «Остаф. Архив», т. I); поэт посвятил ей мадригал и, по словам Карамзина, даже «смертельно влюбился» в эту оригинальную женщину; увлечение Пушкина продолжалось

и позже, в 1818 — 1819 г.; ранее, посылая ей оду «Вольность», Пушкин посвятил ей стихотворение «Простой воспитанник природы».... О княгине Голицыной, отличавшейся патриотизмом и некоторыми, хотя и привлекательными странностями (так, напр., ее знакомые собирались в ее салоне, перед горящим камином, поздно вечером и засиживались едва не до утра, почему и княгиня получила прозвища «Princesse Nocturne», «Princesse Minuit», «Княгини Ночной» или «Полунощницы»; о ней см. статью И. А. Кубасова в издании Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 516—526. Пушкин спрашивает о княгине Голицыной и в письмах к Тургеневу от 1 декабря 1823 г. и 14 июля 1824 г. (см. ниже, № 68 и 91). № 23.

— Под жителями Каменного Острова Пушкин разумеет императора Александра, которому принадлежал Каменноостровский дворец, а также министров, проводивших лето на Каменном Острове, вблизи царя. Надежда на освобождение из ссылки, после исполнившегося года ее, впервые тогда зародилась у Пушкина; см. далее, в письмах №№ 27 и 45.

— Пафмос или Патмос—остров, служивший у римлян местом ссылки; сюда, между прочим, был сослан апостол Иоанн, написавший здесь «Апокалипсис»; сочинение Пушкина «во вкусе Апокалипсиса» — поэма «Гавриилиада» (см. ниже, в письме от 1 сентября 1822 г., № 40, стр. 35 и 249). Почти дословно такую же фразу повторил Пушкин и через 9 лет — в письме к Погодину от октября—ноября 1830 г. из Болдина: «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь».

— Выражение «минутные друзья моей минутной младости» было любимым выражением Пушкина в применении его к себе; ср., напр., в письме к Я. Н. Толстому от 26 сент. 1822 г. (№ 42), в элегии «Погасло дневное светило», и в письме к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. (№ 89).

— «Искатель новых впечатлений» — стих из той же элегии Пушкина «Погасло дневное светило»:

Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края,
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья!

— Говоря: «здесь такая каша», Пушкин имел в виду восстание гетеристов, о котором см. в объяснениях к следующему письму, № 23.

— О М. Ф. Орлове и о его женитьбе на Е. Н. Раевской см. выше стр. 215, 216, 222. О намечавшейся женитьбе Орлова упомянул Пушкин и в послании своем к В. Л. Давыдову:

Меж тем как генерал Орлов,
Обритый рекрут Гименея,
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов...

— «Beatus qui procul...» значит: «Блажен тот, кто вдали....». По указанию проф. А. И. Малеина («Гермес» 1912, № 10 (96), стр. 270—271) Пушкин в этой, ранее неправильно печатавшейся фразе несколько перефразировал известное начало 2 эпода Горация: «Beatus ille qui procul negotiis...». Цитата Пушкина близко напоминает, по замечанию проф. Малеина, стихи из 6 главы (стр. XXXIX) «Онегина», где поэт гадает, что было бы с Ленским, если бы он не был убит на дуэли:

Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганый халат...

— Позволения вернуться в Петербург Пушкин так и не получил.

23. *В. Л. Давыдову (?)* (стр. 19 — 21). Впервые напечатано в книге Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 185—188;

№ 23. полнее — в «Русской Старине» 1884 г., т. XLIV, дек. стр. 551; подлинник (черновой) — в рукописи Московского б. Румянцовского Музея, № 2386, лл. 8 и 72; в двух местах бумага прожжена.

— Письмо только предположительно считают адресованным к В. Л. Давыдову, равно как и место его написания. В Одессу Пушкин собирался в последних числах марта (см. письмо к Дельвигу от 23 марта), но 7 мая был еще в Кишиневе; настоящее же письмо писано или уже по возвращении из Одессы, или еще во время пребывания в ней с начала мая по начало июня. Анненков считал, что письмо адресовано к одному из друзей Пушкина в Каменке (см. выше, стр. 217; Анненков, если и знал, что оно адресовано к В. Л. Давыдову, мог умышленно умолчать об его имени, как имени декабриста, сосланного в Сибирь и умершего в Красноярске 24 октября 1855 г.), а начиная с издания Ефремова 1882 г. его относили к А. Н. Раевскому; мы в свое время отнесли его к нему же и перепечатали в издании «Архива Раевских» (т. I, С.-Пб. 1908, стр 221—224), но Н. О. Лернер указал («Русск. Стар.» 1909, № 4, стр. 199 — 206), что письмо это вероятнее всего относить к одному из братьев Давыдовых (см. выше, стр. 217) и именно к Василию Львовичу, впоследствии декабристу, которому Пушкин около того же времени (в начале апреля) писал послание («Меж тем, как генерал Орлов...») с упоминанием о «бунтующем с горя, на брегах Дуная, безруком князе», — т.-е. Ипсиланти.—В письме говорится о восстании Греков против Турецкого владычества. Пользуясь слабостью правительства султана Махмуда, христианское население Турецкой империи — сербы, черногорцы, молдаване — постепенно добились различных привилегий и облегчения своего положения; наконец, и греческий народ стал мечтать об освобождении из-под Турецкого ига; вместе с тем, наряду с Афинским обществом «филомузов», скрывавшим свои политические стремления под оболочкою литературной программы, в Одессе, в конце 1814 г., образовалось тайное общество «Дружественной Гетерии»; оно ставило задачей своим членам «военное объединение» не только всех греков, но даже всех христиан Турецкой империи «для торжества креста над полумесяцем». Император Александр, мечтавший об окончательном разрушении Турции, открыто поддерживал греков и выступал в качестве посредника между турками и массой их христианских подданных, считая, что миссия его заключается в охране турецких христиан и в освобождении их от Турецкого ига. Благосклонное отношение к вождям эллинской пропаганды бросалось в глаза: фанариотские князья были осыпаны его милостями; бывший Молдавский и Валахский господарь Константин Ипсиланти бежал в Россию (1806), где и умер в 1816 году; три сына его — Александр, Георгий и Николай были определены в Кавалергардский полк, а Александр был и флигель-адъютантом императора. Граф Каподистрия, такой же фанатик греческой независимости, одно время был излюбленным министром Александра I и председательствовал в Обществе «филомузов»; с разрешения же императора Гетерия учредила свое центральное управление в России, в Одессе, откуда основатель его, грек Скуфас, посылал распоряжения своим главным помощникам. Воспользовавшись смутными обстоятельствами, в которых оказалась Турция в 1820 году, Гетерия постановила приступить к враждебным действиям против турок; 31 марта 1820 года во главе Гетерии стал князь Александр Ипсиланти, деятельно принявшийся за приготовления к восстанию. Пушкин познакомился с ним в Кишиневе, где Ипсиланти прожил конец осени и начало зимы 1820 года и где муж его сестры Екатерины Константиновны — Константин Антонович Катакази — был губернатором. В начале 1821 г. обстоятельства сложились благоприятно для начала действий: 13 января умер Валахский господарь Александр Суццо, и гетеристы, воспользовавшись тем, что страна осталась без правителя, подняли знамя восстания в Чернецах через Валахского солдата Теодора Владимиреско, который собрал войско в 4.000 пандуров и всякого сброда; между тем, турки узнали о заговоре гетеристов, и им надо было действовать энергично. Ипсиланти выехал из Кишинева к Турецкой границе и 22 февраля с братьями Георгием

и Николаем, князем Г. М. Кантакузеном и 200 всадников перешел Прут по льду и отправился в Яссы, столицу Молдавии; отсюда он, поддержанный на первых порах новым господарем, князем Михаилом Суццо, любимцем всемогущего тогда Турецкого министра Галет-Эфенди, — обнародовал прокламацию к молдаванам и к грекам, с призывом к единению и борьбе со слабым врагом во имя дела греческой свободы; оттуда же он написал письмо и к императору Александру, прося его помощи, а также уведомил о своих планах Русского посланника в Константинополе барона Строганова и генерала И. Н. Инзова. Об этих-то событиях и рассказывает в своем письме Пушкин; он, как и многие другие его современники, с горячностью относился к вопросу об освобождении греков, начал даже вести журнал Греческого восстания, вносил записи о нем в свой дневник (1821 г.; см. «Русск. Стар.» 1908 г., № 3, стр. 661—662, «Ниву» 1912 г., № 5, стр. 96, наше издание «Дневника» Пушкина, Пгр. 1923, стр. 38—40, а также рассказ Пушкина «Кирджали»). Вскоре энтузиазм Пушкина сменился равнодушием и даже насмешливостью к движению, — после того, как он убедился в неспособности Ипсиланти, в ничтожестве греков и в отсутствии у них истинного патриотизма (см. ниже, письмо № 88 к князю Вяземскому, и выше, в письме к А. И. Тургеневу от 7 мая, № 22, где он писал иронически: «В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатка нет. Здесь такая каша, что хуже овсяного киселя»). На запрос графа Каподистрии от $^{18}/_{25}$ апреля 1821 г. о поведении Пушкина, Инзов 28 апреля ответил из Кишинева, что поэт «ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах...». Русское правительство, из политических соображений, должно было отвернуться от Ипсиланти, который вместе с братьями был исключен из русской службы 6 марта 1821 г., о чем султан был уведомлен через барона Г. А. Строганова (см. ниже, стр. 231). На Греческой территории восстание шло энергичнее и успешнее, но, предоставленные сами себе, греки не справились с турками, и только в 1830 г., благодаря заступничеству России, Англии и Франции, Греция получила самостоятельность. Описание начала Греческого восстания и впечатления, которое оно произвело в Кишиневе, см. в Воспоминаниях А. Ф. Вельтмана (Л. Майков, Пушкин, стр. 116—119), а также в статье П. И. Бартенева: «Пушкин в Южной России» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1150—1151). — В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр «Истории Греческого восстания», написанный Александром Суццо («Histoire de la Révolution Grecque», Paris. 1829), с портретом князя Ипсиланти. № 23.

— К. Суццо — князь Михаил Суццо, господарь Молдавский. О нем см. наше издание Дневника Пушкина, Пгр. 1923, стр. 38—41. После начала Греческого восстания он покинул Яссы и, вместе с другими беженцами, поселился в Кишиневе, намереваясь затем ехать в Италию. В Кишиневе с ним и познакомился Пушкин, отметивший в своем Кишиневском дневнике 1821 г., под 9 мая, что накануне был у князя Суццо. Имя Суццо связано с Пушкиным еще по поводу запроса, обращенного к непосредственному начальнику поэта, генералу Инзову, Начальником Главного Штаба князем П. М. Волконским («Русск. Стар.» 1883 г., т. 40, стр. 654, 656, 657): «До сведения его императорского величества дошло», — писал Волконский из Петербурга 19 ноября 1821 г.: «что в Бессарабии уже открыты или учреждаются массонские ложи под управлением в Измаиле г.-м. Тучкова, а в Кишиневе некоего князя Суццо, из Молдавии прибывшего; при первом должен находиться также иностранец Элиа-де-Фуа, а при втором Пушкин, состоящий при вашем превосходительстве и за поведением коего поручено было вам иметь строжайшее наблюдение»; поэтому князь Волконский предписывал «касательно г-на Пушкина донести его императорскому величеству, в чем состоят и состояли его занятия со времени определения его к вам, как он вел себя и почему не обратили вы внимания на занятия его по массонским ложам? Повторяется вновь вашему превосходительству иметь за поведением и деяниями его самый ближайший и строгий надзор; равномерно государь император повелевает вам

№ 23. иметь наблюдение как за князем Суццо, так и за другими какими-либо лицами, в обществе сем замешанными...». Отвечая Волконскому 1-го декабря 1821 г., из Кишинева, по существу запроса, Инзов писал, между прочим: «Князя Суццо, кроме бывшего господаря, другого в Кишиневе нет. Сей живет тихо, никуда не выезжает, а бывает иногда у меня. Два брата его живут в Одессе, а третий здесь, с которым часто вижусь; но им не до лож массонских. Кроме братьев князей Суццо, есть еще той же фамилии Суццо два брата, удалившиеся от постигших бедствий. Один женат, а другой холост. Живут в Кишиневе весьма скромно. Они также далеки от того, чтобы затевать массонскую ложу и еще более — управлять ею». Дальнейшая судьба князя Михаила Суццо, из Кишинева отправившегося «далее в Россию» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1240), была полна превратностей; одно время был он Греческим чрезвычайным посланником и полномочным министром при Французском дворе, в этом звании приезжал в Петербург, где Пушкин встретился с ним на рауте у Австрийского посланника графа Фикельмонта 24 ноября 1833 г.; при этом Суццо напомнил поэту, что тот был у него в Кишиневе в 1821 г. вместе с Пестелем (см. Дневник Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, стр. 1). Бывший Молдавский господарь приезжал в Петербург хлопотать о его восстановлении на господарстве, но успеха не имел и выехал из Петербурга 27 декабря 1833 г. («Сев. Пчела» 1834 г., № 1, стр. 2). По восстановлении Греческого королевства Суццо был посланником в Петербурге, куда прибыл 6 сентября 1834 г. (там же, № 204, стр. 814); в 1836 — 1837 гг. князь Михаил находился также в Петербурге и вместе с другими переживал горе, вызванное смертию Пушкина, отдать последний долг которому не мог по причине своей болезни. Та же болезнь, вероятно, помешала ему известить свое правительство о дуэли и кончине Пушкина, что он, несомненно, сделал бы по своему давнему с ним знакомству (П. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина — «Пушк. и его соврем.», вып. XXV — XXVII, стр. 202, 235). В 1860-х годах князь Михаил проживал в Париже («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1243); умер в Афинах в 1864 г., на 80 году жизни (O. G. Lecca, Familiile Boereşti Române, Bucureşti. 1899, p. 572, 574).

— Братья князя Александра Ипсиланти — князья Георгий и Николай Константиновичи, офицеры Кавалергардского полка; из них князь Николай и его брат князь Дмитрий—были адъютантами у генерала Н. Н. Раевского. В Дневнике своем за апрель—май 1821 г. Пушкин записал: «Вчера К. Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельской», а 9-го мая отметил: «Третьего дня писал я к К. Ипсиланти с молодым французом, который отправляется в Греческое войско...»

— Князь Георг. Канта. — князь Георгий Матвеевич Кантакузен (ум. 1857), служивший полковником в русской кавалерии, член Общества Гетеристов; он был женат на княжне Елене Михайловне Горчаковой (ум. 1855), сестре Лицейского товарища Пушкина — князя А. М. Горчакова (см. ниже), впоследствии канцлера.

— Р. К. — Русский Консул; таковым в Яссах был в это время Андрей Николаевич Пизани.

— Под Великой Державой в воззвании Ипсиланти подразумевалась Россия, так как Ипсиланти тогда еще рассчитывал на ее поддержку в деле освобождения Греции от Турецкого владычества.

— Старец Али — Паша Янинский (род. 1744, ум. 1822), в 1820 г. восставший против Турецкой Порты, к которой он состоял в вассальной зависимости; султан Махмуд двинул на него свои войска, а Али-Паша, запершись в Янине, обратился с воззванием к подвластным ему христианам, главным образом — грекам, дал им различные льготы и обещал подданным либеральную конституцию. Это и было, вероятно, поводом к слуху (попавшему даже в газеты) о том, что Али принял христианство, чтобы склонить греков на свою сторону.

— Леонид и Фемистокл — герои древней Греции; первый — царь Спартанский, геройски погибший при защите Фермопильского ущелья

против Ксеркса, а второй — известный Афинский военачальник, славный своим сражением с Ксерксом при Саламине, изгнанный затем из Афин и отравившийся. № 24.

— Под двумя великими народами, восстающими из праха, Пушкин подразумевает греков и итальянцев, среди которых также началось движение в пользу освобождения из-под власти Австрии (так называемое карбонарское движение).

— В сражении под Дрезденом (15 августа 1813 г.), во время отступления при дер. Пролис, у князя Александра Ипсиланти (род. 1792, ум. 1828) была ядром оторвана правая рука; за это он получил чин полковника Кавалергардского полка.

— Константин-Паша, — Али-Паша Янинский, упомянутый выше.

— Клодовик — король Французский Хлодвиг или Кловис (из дома Меровингов), род. в 465, ум. в 511 г., принявший христианство, но отличавшийся отсутствием совести и жестокостью при достижении расширения своих владений; он омрачил последние годы своей жизни предательским убийством многих военачальников, в которых видел опасных для себя соперников. Что касается Али-Паши, то он сам предательски был убит турками, после того, как вышел для переговоров с ними из Янины.

— Ипсиланти поступил в отношении Тодора Владимиреско согласно с мнением Пушкина: он приказал убить его, как соперника, увлекавшего валахов к борьбе за собственную их свободу, а не за дело освобождения Греции.

— Об отношении императора Александра к борьбе греков за свободу, выразившемся, между прочим, в исключении Ипсиланти из русской службы, сказано было выше, стр. 224 — 225.

24. *Дегильи* (стр. 21—22). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 192—193, по сообщению Кишиневского приятеля Пушкина — Н. С. Алексеева; местонахождение подлинника неизвестно. Часть письма, от слов «Avis à M-r Deguilly» до слова «testament» переписана Пушкиным в его Кишиневском дневнике, под 6-м июня 1821 г., при чем предваряется фразою: «Написал следующую записку:», а после слова «testament» записано с красной строки: «Etc. etc. — оставим этого нещастного» (см. Б. Л. Модзалевский, Описание рукописей Пушкина, находящихся в Музее А. Ф. Онегина в Париже — «Пушкин и его современники», вып. XII, стр. 17; ср. «Из дневника Пушкина» — «Нива» 1912 г., № 5, стр. 93, и «Неизданный Пушкин. Труды Пушкинского Дома», Пгр. 1922, стр. 225, со снимком, и 2-е изд., 1923, стр. 225 — 226). Это, по выражению П. В. Анненкова, «неслыханно презрительное и дерзкое письмо» вызвано было отказом Дегильи, бывшего французского офицера, жившего тогда в Кишиневе, принять сделанный ему накануне Пушкиным вызов на дуэль.

Перевод: «К сведению г. Дегильи, бывшего офицера Французской службы. Недостаточно быть трусом: надо еще быть им откровенно. Накануне дуэли на саблях, с которой улепетывают, не пишут на глазах своей жены плаксивых жалоб и завещания; не сочиняют нелепых сказок перед городскими властями в целях воспрепятствовать царапине; не ставят дважды в неловкое положение ни своего секунданта, ни генерала, который удостоивает чести принимать в своем доме невежу. Я предвидел все то, что произошло, и досадую, что не держал пари. Теперь все кончено, но берегитесь. Примите уверение в тех чувствах, которые вы заслуживаете. Пушкин. 6 июня 21 г. Заметьте еще, что теперь я сумею, в случае надобности, пустить в ход свои права русского дворянина, так как вы ничего не понимаете в праве оружия». В рукописи Пушкина (в б. Румянц. Музее) № 2365, на л. 42, находится рисунок Пушкина, относящийся, вероятно, к эпизоду с Дегильи: нарисовав комнату со стулом и кошкой на окне, Пушкин изобразил растерянную фигуру худощавого мужчины в одной рубашке с подписью внизу (даем ее в переводе): «Моя жена!.. Мои штаны!.. и моя дуэль!.. о, право, пусть она выпутывается, как ей будет угодно, потому что это она носит штаны»... («Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, апр., стр. 99; ср. стр. 98, где указано, что под датой: «4 июня ночью, 5 июня по утру» написана фамилия Дегильи).

№ 25. 25. *Л. С.* и *О. С. Пушкиным* (стр. 22—23). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова 1855 г., стр. 235—236 (отрывок) и в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, стр. 6—7 (полностью); подлинник — в рукописи Московского б. Румянцовского Музея №1254. Печаталось в предыдущих изданиях под 27 июня, но, по нашему мнению, нечетко написанное название месяца должно быть прочтено, как «июля».

— Конституционные друзья Пушкина — М. Ф. Орлов, П. И. Пестель, В. Ф. Раевский, кружок Давыдовых — всё члены Тайного Общества, мечтавшие о введении в России конституционного образа правления и поплатившиеся за это впоследствии.

— «Если ты в родню, так ты литератор»: Пушкин имеет здесь в виду себя, своего дядю Василия Львовича, дальнего родича Алексея Михайловича Пушкина, может быть и отца — Сергея Львовича, отличавшегося способностью сочинять легкие французские стихи, а также однородца Андрея Никифоровича Пушкина (ум. 1831), сотрудничавшего в «Невском Зрителе» 1821 г. и др. журналах. Как сказано было выше (стр. 216), Лев Сергеевич также обладал поэтическим дарованием.

— Милонов — Михаил Васильевич (род. 1792), ученик проф. А. Ф. Мерзлякова, талантливый поэт лирик и сатирик (известна его сатира — «К Рубеллию»), вскоре (17 октября 1821 г.) умерший вследствие слабости своей к вину. Он принадлежал к литературной партии, действовавшей против Шишкова, но не был членом Арзамаса и принимал, по дружбе с А. Е. Измайловым, участие в Обществе Любителей словесности, наук и художеств, которое не очень благоволило нововведениям романтизма. Предметом его сатирических выходок был, между прочим, В. Л. Пушкин (см. ниже, в письме № 179, стр. 162, и прим.) — «Сотворение мира» — поэма, которую Милонов начал писать незадолго до своей кончины, но она неизвестна в печати («Русск. Арх.» 1864 г., изд. 2, ст. 1118). В 1819 г. он издал собрание своих «Сатир, посланий и других мелких стихотворений». Князь Вяземский высоко ставил стихи Милонова, хотя и находил в них мало поэтического увлечения. См. о нем заметку Б. И. Коплана в сборнике Пушкинского Дома «Литературные Портфели», вып. I, Пгр. 1923, стр. 26—28.

— Вопросы А. Ф. Воейкову на его критическую статью о «Руслане и Людмиле» задавал не П. А. Катенин, а Д. П. Зыков (ср. выше, стр. 218). Пушкин, однако, приписывал «Вопросы» Катенину и при первом же свидании с ним (много времени спустя) в театре сказал: «Критика твоя немного колется, но так умна и мила, что за нее не только нельзя сердиться, но даже...» Катенин перебил его, отказываясь от незаслуженной чести и даже устроил очную ставку с первым распускателем ложного слуха, но кажется это не помогло. Пушкин притворился, что верит отречению (Анненков, Материалы, изд. 1855 г., стр. 67, примеч., со слов П. А. Катенина).

— «Черная шаль. (Молдавская песня)», написанная Пушкиным в Кишиневе 14 ноября 1820 г., была напечатана в «Сыне Отечества» 1821 г., № 15, стр. 34—35, но с ошибками, почему и перепечатана в «Благонамеренном» 1821 г., ч. XIV, № 10, стр. 142—143.

— Глинка — Федор Николаевич (род. 8 июня 1786, ум. 11 февраля 1880), участник Отечественной войны, тогда гвардии полковник, состоявший при Петербургском генерал-губернаторе графе М. А. Милорадовиче, автор «Писем Русского офицера» (М. 1815—1816), которые имели успех, и весьма большого количества мелких стихотворений, печатавшихся едва ли не во всех журналах 1820—1870 гг., но не отличавшихся большими достоинствами, что̀ дало повод Пушкину, познакомившемуся с Глинкою вскоре по выходе из Лицея, назвать его «довольно плоским певцом» (См. «Послание к В. Л. Пушкину», 1817 г.). Глинка высоко ценил дарование юного Пушкина, и когда однажды Плетнев заметил ему, как Председателю Вольного Общества Любителей словесности, наук и художеств, что следовало бы избрать Пушкина в члены Общества, Глинка ответил: «Овцы стадятся, а лев ходит один» («Сборн. Отд. Русск. яз. и слов.», т. V, вып. I, стр. 184); в мае

1820 г. Глинка предупредил Пушкина о грозившей ему ссылке на Север № 25. и помог ему отвести нависший над ним удар в другую сторону (см. рассказ об этом самого Глинки в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 917—922). Уже в старости, говоря в одном стихотворении о временах давно-прошедших, он с умилением вспоминал, как

Тогда гремел, звучней чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин...

(«Русск. Арх.» 1875 г., кн. III, стр. 422). Отношение поэта к Глинке было двойственное: так, на ряду с отзывом о нем в настоящем письме и с посланием к нему (в ответ на послание Глинки), в котором называет его «великодушным гражданином» и «Аристидом» (см. в письме к Л. С. Пушкину 1823 г., № 49), Пушкин над ним подсмеивался, в своем «Собрании насекомых» назвал его «Божией коровкой», а в эпиграмме на него — «Ижицей в поэтах». Между тем, Глинка был человек весьма почтенный, идеалист, за свои увлечения пострадавший и в деле декабристов, по которому был сослан на службу в Петрозаводск. «Глинка есть истинный друг человечества», говорил о нем (1819 г.) А. И. Михайловский-Данилевский: «я не встречал подобного энтузиаста ко всему доброму. Расскажите при нем о каком-нибудь благородном поступке, — тотчас цвет лица его переменится и вид его, обыкновенно мрачный, сделается веселым. Он жил в бедности, но, не взирая на то, послал однажды заключенным в тюрьмах сто горшков цветов... Соединяя редкое благородство чувств с пламенным воображением и убедительным красноречием, он не знал людей»... («Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 555). Я. Н. Толстой, в послании к нему, назвал его: «Защитник страждущих, ревнитель правды чистой» («Мое праздное время, или Собрание некоторых стихотворений», С.-Пб. 1821, стр. 39). См. ниже, письмо Пушкина Глинке от 21 ноября 1831 г. О Глинке см. статью Н. К. Замкова в сборн. «Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX, стр. 78—97: Пушкин и Ф. Н. Глинка; Дневник Пушкина, М. 1923, стр. 516—517; «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 303—304.

— Всеволожский — Никита Всеволодович (см. выше. стр. 197—198). «В 1820 г.», писал Пушкин кн. Вяземскому 29 ноября 1824 г. (№ 107): «переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока. Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доныне правоверные ожидают его» и т. д.; приблизительно то же писал Пушкин 26 сентября 1822 г. (№ 42) и Я. Н. Толстому, который вел с Пушкиным переписку о продаже издания кн. А. Я. Лобанову-Ростовскому, желавшему напечатать его в Париже (см. в нашей статье: Я. Н. Толстой, С.-Пб. 1899, стр. 13—15, в статье М. К. Клемана в «Пушкинском Сборнике» памяти С. А. Венгерова, Пгр. 1922, стр. 3—12; П. Щеголев, Пушкин, С.-Пб. 1912, стр. 74—76: и ниже, в письмах №№ 41, 42, 43, 57, 87, 89, 106, 107 и в примечаниях к ним). Издание сборника состоялось, однако, уже хлопотами самого Пушкина, его брата Льва Сергеевича и Плетнева, лишь к 1826 году. — Пушкин далее вспоминает вечеринки Всеволожского, называет марки вин (V. C. P., т. е. Veuve Cliquot Ponsardin — шампанского, а L. Д. — шато-икема), упоминает общество «Зеленая Лампа» (ср. выше, стр. 197).

— Овошникова — кордебалетная танцовщица, воспитанница Театрального Училища, о которой Пушкин говорит в своем послании к Всеволожскому 1819 г. («пленница младая»), в письме к нему же 1824 г. (№ 87) и в программѣ романа «Русский Пелам» (ок. 1835 г.).

— Калмык — слуга Всеволожского, прислуживавший гостям на его пирушках и словами «Здравия желаю» приветствовавший того из них, который произносил неудачную или слишком нескромную остроту (ср. ниже, в письме к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г., № 42).

— Юрьев — член «Зеленой Лампы»; см. выше, стр. 198.

№ 26. — Мансуров — тоже; см. выше, письмо к нему 1819 г. № 10.

— Бобров — Семен Сергеевич (ум. 1810), стихотворец; его поэма «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонесе» издана была в Николаеве в 1789 г., а вторично, под заглавием: «Херсонида, или картина лучшего летнего дня в Херсонесе Таврическом. Лирико-эпическое песнотворение» (как IV часть серии «Рассвет полночи»), вышла в С.-Пб. в 1804 г.; это последнее издание, вместе с некоторыми другими сочинениями Боброва, сохранилось в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 12 –13). Пушкин к Боброву относился отрицательно, но одно выражение его в «Тавриде»: «Под стражею скопцов гарема» ему понравилось, и он воспользовался - было им в «Бахчисарайском Фонтане» (см. ниже, письмо к князю Вяземскому от начала ноября 1823 г., № 64).

— *Перевод приписки к сестре:* «Возвратилась ли ты из своего путешествия? Посетила ли ты снова подземелья, зàмки, водопады Нарвские? Забавило ли это тебя? Любишь ли ты попрежнему свои уединенные прогулки? Какие у тебя любимые собаки? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизарра? Что тебя забавляет? Что ты читаешь? Видалась ли снова с соседкой Анной Вульф? Ездишь ли верхом? Когда ты возвращаешься в Петербург? Что поделывают Корфы? Вышла ли ты замуж? Собираешься ли ты это сделать? Сомневаешься ли в моей дружбе? Прощай, мой добрый друг».

— Ольга Сергеевна Пушкина — единственная сестра Пушкина, в 1828 г. вышедшая замуж за Николая Ивановича Павлищева.

— Нарвский водопад, на реке Нарове, воспет князем П. А. Вяземским, сообщившим свое стихотворение в письме к Пушкину от 4 августа 1825 г. (см. Акад. издание Переписки Пушкина, т. I, стр. 253 — 254).

— Омфала и Бизарр — очевидно, имена собак О. С. Пушкиной.

— Вульф — Анна Николаевна, впоследствии влюбившаяся в Пушкина, — старшая дочь соседки Пушкиных по Михайловскому — Прасковьи Александровны Осиповой, владелицы с. Тригорского; см. ниже письма к ней Пушкина № 136, 155, и письма ее к Пушкину в 1826 г. — в Акад. издании Переписки Пушкина, т. I.

— Корфы — семейство Лицейского товарища, Пушкина барона М. А. Корфа, жившее в одном доме с родителями Пушкина, этажем ниже, — на Фонтанке, у Калинкина моста, в доме Клокачева (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, С.-Пб. 1896, стр. 693).

26. *А. И. Тургеневу* (стр. 23). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 220; подлинник (черновой) в рукоп. Московского б. Румянцовского Музея, № 2365, л. 66. Письмо составлено в духе шуточных произведений и посланий, читавшихся в собраниях «Арзамаса».

— Липецкий потоп — пьеса князя А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», поставленная на сцене 23 сентября 1815 г. (см. выше, стр. 181, 185); по этому поводу друзья Шаховского устроили в доме писательницы А. П. Буниной особое торжество, на котором автора венчали лаврами и читали ему похвальные речи; «арзамасцы» же, с своей стороны, устроили Шаховскому торжественные похороны, во время коих была исполнена написанная по этому поводу Д. В. Дашковым кантата; Пушкин вписал ее, как «очень остроумную пьесу» в свой Лицейский дневник под 28 ноября 1815 г. (см. выше, стр. 182).

— Превосходительный Рейн — генерал Михаил Федорович Орлов, живший в это время в Кишиневе и недавно перед тем женившийся на Е. Н. Раевской; он был членом «Арзамаса» (с прозвищем «Рейн»). В протоколе 20 Арзамасского заседания, написанном Жуковским, он фигурирует под этим именем:

Тут осанистый Рейн разгладил чело, от власов обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул, — и явилося нечто... и т. д.

(«Русск. Арх.» 1868 г., ст. 835).

— Бык — небольшая и мелкая речка, протекающая через Кишинев.

— «Благородные гуси»: все члены Арзамаса именовались гусями, так № 27.
как город Арзамас был известен также гусями; на печати общества также было изображение этой птицы (см. «Стар. и Новизна», кн. XII, стр. 334).

— На Фонтанке жили братья Тургеневы.

27. *С. И. Тургеневу* (стр. 23—24). Впервые напечатано И. С. Тургеневым в «Вестнике Европы» 1880 г., кн. 12, стр. 819 — 820; подлинник — в Библиотеке Академии Наук.

— Сергей Иванович Тургенев, — младший из братьев Тургеневых, — с 3 января 1820 г. состоял вторым советником при Русской миссии в Константинополе, откуда со всею миссиею приехал в Одессу в июле 1821 г. Порта, считая, что Россия благоприятствует Греческому восстанию, заняла войсками своими Молдавию и Валахию и ограничила для русских купцов свободу мореплавания; это было сделано вопреки условиям Бухарестского договора (1811), почему, после дипломатических переговоров, Русский посланник барон Г. А. Строганов выехал из Константинополя. Выезду его предшествовали гонения против христиан, при чем Греческий патриарх Григорий и много других духовных лиц были повешены и казнены; опасность грозила и самой Русской миссии, поэтому Пушкин и поздравлял Тургенева с благополучным возвращением из Турции; в Петербург Тургенев вернулся около 10 сентября («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 663 — 666; Остаф. Арх.», т. II, стр. 196 — 208). Когда брат С. И. Тургенева — Николай Иванович (которого Пушкин называет «мятежным драгоманом» за его либерализм) был, за участие в деле декабристов, приговорен к смертной казни (хотя и находился тогда за границей), С. И. Тургенев заболел психическим расстройством и умер в Париже 1 июня 1827 г.; он был человек даровитый, нежно любимый братьями. Письмо Тургенева из Одессы, на которое отвечает Пушкин в Одессу же, не сохранилось.

— Инзов — начальник Пушкина (см. выше, стр. 209—210). Отвечая на запрос графа Каподистрии, Инзов 28 апреля 1821 г., из Кишинева, писал ему о Пушкине следующее: «Коллежский секретарь Пушкин, живя в одном со мной доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов и тем, равно другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности. Он, побуждаясь тем духом, коим исполнены все Парнасские жители, к ревностному подражанию некоторым писателям, в разговорах своих со мною обнаруживает иногда пиитические мысли. Но я уверен, что лета и время образумят его в сем случае и опытом заставят признать неосновательность умозаключений, посеянных чтением вредных сочинений и принятыми правилами нынешнего столетия» («Русск. Стар.» 1887 г., янв., стр. 244). В другом отзыве своем, от 1 декабря 1821 г., к кн. П. М. Волконскому, по поводу запроса о Кишиневской масонской ложе и об участии в ней Пушкина, Инзов писал: «Г. Пушкин, состоящий при мне, ведет себя изрядно. Я занимаю его письменною корреспонденциею на французском языке и переводами с русского на французский; ибо по малой опытности его в делах не могу доверять ему иных бумаг; относительно же занятия его по массонской ложе, то по неоткрытию таковой не может быть оным, хотя бы и желание его к тому было. Впрочем, обращение с людьми иных свойств, мыслей и правил, чем те, коими молодость руководствуется, нередко производит ту счастливую перемену, что, наконец, почувствуют необходимость себя переиначить. Когда бы благодатное сие чувствование возбудилось в г. Пушкине, то послужило бы ему в истинную пользу» («Русск. Стар.» 1883 г., т. XL, стр. 657). Подозрения же Инзова, что Пушкин «заражен либеральною чумою», подтверждаются и донесением Кишиневского полицейского агента, сообщавшего, что «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство» (там же; ср. Н. К. Кульман, Из истории масонства в России. Кишиневская ложа, С.-Пб. 1907), и слухами, дошедшими в августе 1821 г., напр., до М. П. Погодина и Ф. И. Тютчева, о том, что Пушкин бежал к восставшим грекам («Нива» 1912 г., № 5, стр. 96):

№ 28. поэтому-то он и просил С. И. Тургенева оставить его в Бессарабии, «если есть надежда на войну», в которой он временами мечтал принять личное участие.

— Северный Стамбул — Петербург, который Пушкин называет так потому, что Тургенев приехал из Константинополя (Стамбула).

— Муфти (мусульманское духовное лицо) Александр Иванович, которого Пушкин называет далее «его преосвященством» — А. И. Тургенев, служивший по ведомству духовных дел. Письмо, о котором Пушкин упоминает, — письмо его от 7 мая 1821 г. (см. выше, стр. 18—19). Двадцать лет спустя, уже после смерти Пушкина, А. И. Тургенев в своей «Хронике Русского в Париже» писал: «Я все роюсь в своих старых бумагах и нахожу беспрестанно сокровища. Передо мною два письма наших перво классных поэтов: Батюшкова из Неаполя от 10 Генваря 1820 г., и Пушкина из Бессарабии, от 21 Августа 1821 г. Письмо Пушкина *не велико, но ноготок остер*» («Современник» 1841 г., т. XXV, стр. 5).

— Чу — «арзамасское» прозвище Дмитрия Васильевича Дашкова (род. 1788, ум. 26 ноября 1839), служившего в 1818—1820 г. при Русском посольстве в Константинополе и бывшего впоследствии (1832 — 1839) Министром Юстиции. Дашков, занимавшийся в молодые годы литературой, был, по отзыву А. П. Бутенева, «человек отменных дарований, античной высоты характера и обширной образованности» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. III, стр. 74), а по словам гр. А. И. Рибопьера — «умнейший человек, человек гениальный, но ипохондрик, чуть не сумасшедший». Бар. М. А. Корф так рисует его: «Человек с высоким образованием, литературным и ученым, с светлым и обширным умом, в котором было много иронического воззрения на жизнь, с прямодушием, обратившимся у нас в пословицу, с увлекательным даром слова, ставившим его, несмотря на заикание, в ряд истинных ораторов, наконец, с прекрасным пером, уступавшим разве только перу Сперанского,—Дашков соединял в себе все качества, чтобы быть полезным»; но он был очень ленив, высокомерен, заносчив и к тому же нелюдим» («Русск. Стар.» 1899 г., № 12, стр. 27). Пушкин, по свидетельству П. И. Бартенева, называл Дашкова, за стойкость его нрава, «бронзою», в противоположность другому министру, которого звал «тестом» («Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 333, 1905 г., кн. II, стр. 211 и 1907 г., кн. II, стр. 136). О Дашкове см. заметку М. А. Дмитриева в «Русск. Арх.» 1891 г., кн. I, стр. 331—333, а также Дневник Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 245 — 246, и Московское издание Дневника, 1923, стр. 427 —428 (зам. М. Н. Сперанского).

— Долгорукой — князь Дмитрий Иванович Долгоруков (род. 10 августа 1797), сын известного поэта князя И. М. Долгорукова, состоявший, вместе с С. И. Тургеневым и Д. В. Дашковым, в числе чиновников Русского посольства в Константинополе (с 4 апреля 1820), вместе с ними подвергавшийся опасности при отъезде оттуда и вместе с ними же 1 июля 1821 г. прибывший в Одессу, а затем и в Петербург; затем он служил при посольствах в Риме, Мадриде, Лондоне, Гааге, Неаполе и снова в Константинополе (1843), был посланником в Тегеране (с 1846 г.), с 1854 г. сенатором; умер в Москве 19 октября 1867 г. Много писал стихотворений, которые впоследствии были изданы в двух отдельных сборниках. Он был членом Зеленой Лампы, где читал свои стихи и где встречался с Пушкиным («Русск. Арх.» 1915 г., № 3, стр. 394). Его письма к отцу из Константинополя и других мест, с 1 июля 1820 г., напечатаны в «Русском Архиве» 1914 г., № 3 и след., и 1915, № 1 и след.

28. *Н. И. Гречу* (стр. 24). Впервые напечатано в «Древней и Новой России» 1876 г., т. I, стр. 97 — 98; подлинник неизвестно где находится. Выше (стр. 183—184) упоминалось уже о недошедшем до нас письме Пушкина к Гречу с запросом его по поводу напечатания в «Сыне Отечества» письма к дяде, В. Л. Пушкину. Судя по настоящему письму Пушкина, были и еще его письма к Гречу, но они также не известны.

— Николай Иванович Греч (род. 3 августа 1787, ум. 12 января 1867), литератор, издатель журнала «Сын Отечества», в котором Пушкин тогда

сотрудничал, преподаватель и автор трудов по Русскому языку и словесности, долгое время считавшихся лучшими, почему Пушкин и называет его Аристархом, — по имени греческого грамматика II века до Р. Х. В 1822 г. Греч издал «Опыт краткой истории Русской литературы», в котором сообщены были впервые биографические сведения о молодом Пушкине, сообщенные Гречу, вероятно, им самим. Впоследствии, когда Греч стал слишком открыто прислуживаться к правительству и свел дружбу с Булгариным, издавая с ним «Северную Пчелу», Пушкин относился к нему враждебно, хотя по внешности отношения между ними не прерывались. Об отношении Греча к Пушкину см. в его письмах к Булгарину, напечатанных в статье Н. К. Пиксанова: «Несостоявшаяся газета Пушкина Дневник» («Пушкин и его современники», вып. V). № 28.

— Письмо Пушкина к брату Л. С. Пушкину, которое он пересылал еще в письме к Гречу, не сохранилось.

— Послание Пушкина к Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет») напечатано было, под заглавием «К Ч — ву», в «Сыне Отечества» Греча 1821 г., ч. 72, № 35, стр. 82 — 84, с подписью Пушкина и пометой: «Кишенев, 20 апреля 1821»; здесь. в стихах 53 — 60, которые потом, в изданиях 1826 и 1829 гг., Пушкин выпустил, — он так характеризует значение, которое имел в его жизни, в период до ссылки, П. Я. Чаадаев (см. выше, стр. 200):

Ты был целителем моих душевных сил,
О неизменный друг; тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства, может быть, спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом, в волнении страстей,
Я тайно изнывал, страдалец утомленный, и т. д.

Цензура не пропустила следующего стиха в послании к Чаадаеву

Вольнолюбивые надежды оживим.

— А. С. Шишков, Президент императорской Российской Академии и Беседы Любителей Российского слова, был врагом и гонителем иностранных слов и предлагал многие из них заменить русскими, которые сочинял сам и при том весьма неудачно (шаротык—биллиардный кий, топталище—тротуар и т. под.). Словарь Шишкова — Словарь Русского языка, над которым много лет работал Шишков и члены Академии, переделывая изданный еще в 1789—1794 гг. «Словарь Академии Российской».

— Слова: «глупца-философа» явились потому, что в стихах Пушкина (53 — 58-м)

Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор, —

цензура уничтожила стих: «Холопа знатного, невежды при звезде», почему, для сохранения смысла, в следующем стихе слово «Или» заменила словом «Глупца».

— Американец Толстой, которого Пушкин имел в виду, говоря о философе, «который в прежни лета развратом изумил четыре части света»,— граф Федор Иванович Толстой (род. 1782, ум. 1846), на которого Пушкин еще в 1820 году написал эпиграмму «В жизни мрачной и презренной был он долго погружен». Граф Толстой служил в Преображенском полку, участвовал волонтером, в качестве кавалера, в посольстве камергера Н. П. Резанова в Японию, отправившемся на корабле, состоявшем под командой капитан-лейтенанта (впоследствии адмирала) И. Ф. Крузенштерна (1803—1806); находясь на корабле Крузенштерна, он вел себя так буйно, что уже

№ 28. в декабре 1803 г. вызвал о себе отзыв Резанова, как о «человеке без всяких правил и не чтущем ни бога, ни власти, от него поставленной. Сей развращенный молодой человек», писал он: «производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрестанно скверно словит и ругает меня беспощадно» («Русск. Стар.» 1895 г., № 10, стр. 211); «дурачества» его не прекращались и далее, так что в августе 1804 г., во время пребывания посольства в Петропавловске, Резанов отправил Толстого, «раздоры во всей экспедиции посеявшего», в Петербург, к полку, исключив из состава миссии. Между тем, Толстой побывал на Алеутских островах и посетил дикие племена Российско-Американских колоний; поэтому-то его и прозвали «Американцем»; к тому же и дома он одевался по-алеутски, а стены комнат его были увешаны оружием дикарей. В 1808 г. Толстой участвовал в Шведской кампании, а с 1809 г., после двукратного разжалования в рядовые за дуэли и различные буйства, жил в Москве; в Отечественную войну он вступил в ополчение и беззаветною храбростью вернул себе офицерский чин; в 1821 г. он женился на цыганке и имел от нее двух дочерей; о старшей см. в письме Пушкина к жене от 6 мая 1836 г. Человек умный и даровитый, Толстой был дружен с князем П. А. Вяземским и Батюшковым и хорошо знаком с В. Л. Пушкиным, Боратынским, Жуковским, князем А. А. Шаховским и другими писателями. 25 апреля 1821 г. князь Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы, что «более всех видит и ценит по многим отношениям Толстого, который человек любопытный и интересный»; Боратынский, впервые увидев его в 1826 году в Москве, писал о нем Н. В. Путяте: «На днях познакомился я с Толстым, Американцем. Очень занимательный человек. Смотрит добряком, и всякий, кто не слыхал про него, ошибется» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 275). Это была, действительно, очень сложная, своеобразная и загадочная натура. Впоследствии у Пушкина едва не произошла с ним дуэль (осенью 1826 г.), но затем они помирились и даже подружились. Причину своей ссоры с Толстым и повод к «мести» ему в своем послании к Чаадаеву Пушкин объясняет в письме от 1 сентября 1822 г. (см. ниже, № 40) к князю П. А. Вяземскому, который был в приятельских отношениях с Толстым и написал ему послание (1818 г.), из коего два стиха, характеризующие Толстого,

Под бурей рока — твердый камень,
В волненьи страсти — легкий лист,

Пушкин хотел-было взять эпиграфом к своему «Кавказскому Пленнику» (см. письмо к князю Вяземскому от 14 октября 1823 г., № 60). Впоследствии, по возвращении в Москву в 1826 г., Пушкин помирился с Толстым и даже избрал его посредником при первом (1829 г.) сватовстве своем на Н. Н. Гончаровой. Оригинальная личность Толстого, которого граф Л. Н. Толстой называет «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком», отмечена и Грибоедовым в «Горе от ума»: здесь Репетилов говорит о нем:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку не чист.

Вспоминает Пушкин Толстого еще в набросках послания к князю П. А. Вяземскому, относящихся к 1821 г. О Толстом см. «Остаф. Архив», т. I, стр. 518—520; «Русские портреты», издание великого князя Николая Михаиловича, т. III, № 114; «Пушкин и его современники», вып. XV, стр. 4—17. Вот ответная эпиграмма Толстого на Пушкина:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует ни мало,—
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл!
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

(«Литературная Мысль», альманах, вып. II, Пгр. 1923, стр. 238)

— «Скромное письмо Пушкина насчет его же письма» посланное Гречу, нам неизвестно; знаем только (см. выше, стр. 183—184), что оно заключало в себе протест против самовольного опубликования Гречем в №11 «Сына Отечества» 12 марта 1821 г. полустихотворного, полупрозаического письма Пушкина к дяде, В. Л. Пушкину, от января 1817 г. (№ 3).

— Письма Дельвигу и Гнедичу — см. выше, № 17 и 20; ответы их Пушкину неизвестны; об «эпикурейском» кабинете Гнедича см. выше, стр. 217.

— «Кавказский Пленник» был издан Н. И. Гнедичем и вышел в свет в августе 1822 г. (см. выше, стр. 219).

29. *В. Ф. Раевскому* (стр. 24). Впервые напечатано в издании Ефремова—Суворина, т. VIII, С.-Пб. 1905, стр. 590; подлинник был у П. Е. Щеголева. Датируется по времени пребывания в Кишиневе Пушкина и В. Ф. Раевского, арестованного 6 февраля 1822 г. («Пушкин и его современники», вып. XIV, стр. 123—124).

— Владимир Федосеевич Раевский (род. 28 марта 1795, ум. 1872) — не родственник, а однофамилец генерала Н. Н. Раевского, — служил в Кишиневе, майором 32 егерьского полка, состоявшего в 16 дивизии, которою командовал М. Ф. Орлов, поручивший Раевскому заведывание «Ланкастерской» школой взаимного обучения, устроенной им в своей дивизии. Пушкин познакомился с Раевским в Кишиневе в 1821 году, а 6 февраля 1822 г. Раевский был арестован за принадлежность к тайному «злонамеренному» обществу и заключен в Тираспольскую крепость (отсюда он, между прочим, писал Пушкину послание в стихах). Переведенный затем, по «декабрьскому» делу, в Петропавловскую крепость (где провел время с 21 января по август 1826 г.), он затем был переведен в Варшавскую, а вскоре — в Замосцскую крепости (см. Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко, С.-Пб. 1913, стр. 239—246), где просидел до конца 1827 г., когда был сослан в Сибирь; здесь прожил он до смерти и лишь в 1856 г., воспользовавшись манифестом, ездил в Россию. О В. Ф. Раевском см. «Алфавит декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 383 — 384 и брошюру П. Е. Щеголева: «Первый декабрист В. Ф. Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века», изд. 2-е, С.-Пб. 1907, его же «Исторические этюды», С.-Пб. 1913, и сб. «Декабристы», Лгр. 1926; в этой статье подробно рассказано о взаимных отношениях Пушкина и Раевского, человека образованного, поэта и пылкого «вольнодумца», которого именно Пушкин предупредил об ожидающем его аресте. Подводя итог этим отношениям, П. Е. Щеголев пишет: «В биографии Пушкина Раевский должен быть помянут, как человек, дружба которого была полезна Пушкину и оказала влияние на его миросозерцание».... Ср. упоминание Пушкина о дружбе его с Раевским ниже, т. II, в письме № 193.

— «Histoire de Crimée» — вероятно, сочинение митрополита Сестренцевича: «Histoire de la Tauride», изд. 1800 г.—В. Ф. Раевский особенно интересовался историей и географией России (Щеголев, назв. соч.). Книга эта, по мнению П. Е. Щеголева, могла понадобиться Пушкину для задуманного им в то время «Бахчисарайского Фонтана» («Пушкин и его современники», вып. XIV, стр. 123 — 124).

30. *В. П. Горчакову* (стр. 25). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова 1855 г., стр. 97 — 98; подлинник неизвестно где находится.

— При письме, по словам И. П. Липранди («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1177 — 1178), приложены были поправки в стихах из «Посвящения» «Кавказского Пленника» Н. Н. Раевскому, написанного в мае 1821 г., в Одессе. Поэма была издана в августе и дошла до Пушкина 27 сентября 1822 г.; замечания Горчакова были высказаны или по рукописи поэмы, или, что вернее, по поводу выхода ее в свет, так как Пушкин говорит о ней Горчакову, как уже о вполне законченной вещи; к тому же, в Гурогулбине (вернее — в Гура-Гальбине — местечке в 40 верстах от Кишинева), куда Горчаков ездил по службе, он был, вероятно, во второй половине 1822 г., когда был командирован из Кишинева на съемку Бессараб-

№ 30. ской области; вернувшись из этой командировки, он был послан, в 1823 г., на съемку Подольской губернии; собственно в Кишиневе он находился с ноября 1820 по май 1822 г. (хотя, конечно, и в это время мог быть посылаем по службе в разные места Бессарабии); поэтому письмо Пушкина в Гура-Гальбин можно датировать лишь приблизительно, быть может,— вернее, — последними месяцами 1822 г. (ср. письмо к Вяземскому от 6 февраля 1823 г., № 53).

— Владимир Петрович Горчаков (род. 1800, ум. 18 февраля 1867),—приятель Пушкина; он происходил из дворян Московской губернии, с 1817 г.— состоял воспитанником известного Муравьевского Училища для колонновожатых и 10 марта 1819 г. был произведен в прапорщики Свиты его величества по квартирмейстерской части, а затем состоял (с ноября 1820 г.) дивизионным квартирмейстером при штабе 16 пехотной дивизии (расположенной в Кишиневе и находившейся под начальством М. Ф. Орлова), а с мая 1822 г. — при съемке Бессарабской области (формуляр; Н. Глиноецкий, История Генерального Штаба, т. I, стр. 342, 345, 366); Горчаков был горячим поклонником Пушкина. Со 2 апреля 1822 г. он был подпоручиком, а с 29 марта 1825 г. — поручиком. Выйдя в отставку 26 января 1826 г. в чине поручика, Горчаков поселился в Москве, где и жил постоянно, до самой смерти, посещая небольшой кружок близких ему людей (между прочим, своего прежнего сослуживца А. Ф. Вельтмана) и будучи постоянным членом Английского Клуба; человек добрый, он до старости сохранил живость ума, интерес к литературе и общественным явлениям и подвижность и был интересным собеседником: «Рассказывал он очень хорошо и мог быть очень занимательным, особенно, когда вспоминал прошедшее и свои сношения с Пушкиным» (Граф С. Д. Шереметов, В. П. Горчаков, С.-Пб. 1891, стр. 4). «Он умер спокойно, после долгих и мучительных страданий, которые переносил с удивительным благодушием»,—пишет в дневнике своем С. М. Сухотин по поводу смерти Горчакова: «Кончина его была светла и чиста, как вся его жизнь, посвященная добру и правде. Он умел посреди официально-бездеятельной, светской и клубной жизни развивать постоянно свою душу, размышлять над предметами мира отвлеченного и любить ближнего своего не на одних словах. Душа его была открыта для всего прекрасного; она сочувствовала как всякому подвигу и доброму делу, так и всему изящному в искусстве» и т. д. («Русск. Арх.» 1894 г., кн. I, стр. 600). Горчаков и сам писал стихи (см. нашу статью «Альбом Ю. Н. Бартенева» — «Изв. Отд. Русск. яз. и Слов.», т. XV, кн. 4, стр. 205), немного писал и прозой, — хотя «все, что он решился огласить, было», по словам Н. В. Берга: «пытанно, вяло, бесталанно» («Русск. Стар.» 1891 г., т. 69, стр. 250); в сущности, он «был человек добрый, честный и не глупый», говорит Берг: «все его любили» (там же); увлекался он и «музыкою, пением, был мечтатель, жил больше сердцем и потому не мог быть человеком практическим» (Граф Шереметев, назв. соч., стр. 6); есть два стихотворения графини Е. П. Ростопчиной (1831 и 1832 гг.), посвященных В. П. Горчакову. В «Москвитянине» 1850 г., янв., кн. 2, стр. 146 — 182, февр., кн. 1, стр. 233 — 264, и апр., кн. 1, стр. 169 — 198) Горчаков напечатал ценные по материалам «Выдержки из дневника о Пушкине»; оставил он и «Воспоминание о Пушкине» («Моск. Вед.» 1858 г., № 19, Лит. Отд., стр. 79 — 84), в котором дал комментарий к стихотворению Пушкина «Друзьям», написанному 15 февраля 1822 г. и обращенному, между прочим, и к Горчакову; его рассказы П. И. Бартеневу о Пушкине — в «Русском Архиве» 1900 г., кн. I, стр. 403 и в книге «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 48, 106, 123. См. ниже, записку Пушкина в стихах к Горчакову от конца января 1823 г. (№ 51), а также в письмах Пушкина к Нащокину и к жене в 1831 году.

— Мнения Пушкина о «Кавказском Пленнике», в общем, сходные с теми, которые он высказал в письме к Горчакову, — см. в письмах к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 (№ 34) и князю П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г. (№ 53); в последнем письме Пушкин говорит о вопросе, ана-

логичном вопросу Горчакова: «Другим досадно, что Пленник не кинулся в реку вытаскивать мою Черкешенку: да, сунься-ка; я плавал в Кавказских реках: тут утонешь сам, а ни чорта не сыщешь» и т. д. № 31.

— Hors-d'oeuvre — по-французски значит—приправа, закуска.

— Гурогулбин (вернее Гура-Гальбин) — село, в котором находился тогда, по службе, Горчаков, в 40 верстах от Кишинева; оно принадлежало камергеру Ивану Бальшу.

31. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 25 — 26). Впервые напечатано в «Русском Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 116—118; подлинник (на бумаге вод. зн. C. Wilmot, 1821) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве.

— Попандуполо—описка Пушкина вместо Попандопуло: это был, вероятно, Константин Анастасьевич Попандопуло (род. 1787, ум. 1867), воспитанник Ясской и Бухарестской гимназий и Московского Университета, где в 1812 г. окончил курс кандидатом, а в 1814 г. магистром словесных наук; служил до 1816 г., после чего занялся медицинской практикой в Москве, где был постоянным гостем у известных братьев А. Я. и К. Я. Булгаковых (см. «Русск. Арх.» 1900 г.), и в 1821 г. получил в Московском Университете звание лекаря; остальную часть жизни был врачом в Москве и пользовался известностью, почему его мог знать и князь Вяземский, который в 1821 г., будучи исключен из службы в Варшаве и лишен придворного звания камер-юнкера, поселился в Москве, в своем доме в Чернышевском переулке (против Английской церкви), проводя часть года в своем известном подмосковном имении Остафьеве. О Попандопуло см. «Русск. Биогр. Словарь», т. Павел — Петр, стр. 301 — 302.

— Липранди—Иван Петрович (род. 17 июля 1790, ум. 9 мая 1880), подполковник, служивший в это время в Якутском пехотном полку, из которого 10 апреля 1822 г. был переведен в 33 егерский полк, и 11 ноября того же года вышедший в отставку полковником, после чего состоял при графе М. С. Воронцове (по июль 1823 г.); впоследствии он был чиновником особых поручений при Министре Внутренних Дел (с 1840 г.), а потом при Министерстве Уделов (с 1856 г.) и получил печальную известность своею ревностью в раскрытии в 1849 г. «дела Петрашевского». Можно думать, что, еще служа в Одессе, Липранди занимался шпионством. Он особенно старался сблизиться с Пушкиным, который питал к Липранди, отличавшемуся тогда, по внешности, радикализмом, полное доверие и считал его своим приятелем. Липранди оставил о Пушкине и о его Кишиневской и Одесской жизни ценные по материалам воспоминания, напечатанные в «Русском Архиве» 1866 г.—Липранди, соединявший, по мнению Пушкина, «ученость истинную с отличными достоинствами военного человека», составил еще «Историческое и статистическое описание Бессарабии», которое Пушкин желал видеть изданным («Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, стр. 534). Живя в Кишиневе, Пушкин часто бывал у Липранди, — «человека вполне оригинального по острому уму и жизни»; у него собиралась вся местная военная молодежь, в кругу которой тогда жил более Пушкин (Л. Майков, стр. 125, в воспом. Вельтмана), пользовался книгами отличной библиотеки Липранди, много и часто беседовал с ним; от него слышал он тему рассказа «Выстрел» («Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 403). Липранди принадлежит несколько исторических работ и статей в «Русск. Архиве», «Русской Старине», «Чтениях Моск. Общ. Истории и Древн. Росс.» (напр., Замечания на Записки Ф. Ф. Вигеля). Пушкин познакомился с ним 23 сентября 1820 г., в Кишиневе, у М. Ф. Орлова; с 9 по 23 декабря 1821 г. он сопровождал Липранди в его служебной поездке из Кишинева в Аккерман и Измаил и был с ним в переписке, но письма его до нас не дошли («Русск. Арх.» 1866, ст. 1450, прим., 1482, 1486 — 1487), кроме одной, приведенной выше записки (№ 19), которая лишь условно отнесена нами к Липранди.—30 января 1822 г. Липранди был уволен в трехмесячный отпуск и уехал из Кишинева, чем и воспользовался Пушкин, чтобы послать с ним письмо к Вяземскому, а также к родителям и брату Льву (там же, ст. 1481, 1483, 1484).

— Вяземский, как сказано было выше (стр. 201), служил в Варшаве, при Н. Н. Новосильцове; это было с начала 1818 до апреля 1821 года.

№ 31. Послание его к Михаилу Трофимовичу Каченовскому (р. 1775, ум. 1842), издателю «Вестника Европы», было напечатано в «Сыне Отечества» 1821 г., ч. 67, стр. 76, и начиналось стихами:

Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок,
Талантов низкий враг, завистливый зоил... и т. д.

В чтении не было заметно, что имя Каченовского поставлено в звательном падеже, — и получалась обидная для него двусмысленность. В ответ на это послание в «Вестнике Европы» напечатано было (1821 г., ч. 118, № 9, стр. 12) «Послание к Птелинскому-Ульминскому», под которым легко можно было узнать Вяземского, так как πτελέα по-гречески, а ulmus по-латыни значит «вяз»:

Перед судом ума, сколь, Птелинский, смешон,
Кто самолюбием, пристрастьем увлечен,
Век раболепствуя, с слепым благоговеньем
Считает критику ужасным преступлением и т. д.

— «Легким хлыстом» Пушкин ударил Каченовского позднее, в своей эпиграмме «Клеветник без дарованья», которую он сообщил в письмах: к брату Льву Сергеевичу от 24 января 1822 (№ 33) и к князю П. А. Вяземскому от конца декабря 1822 — начала января 1823 г. (№ 48); кроме того, в послании своем к П. Я. Чаадаеву он «задел» Каченовского стихами:

Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим невинным лаем.

Под «оратором Лужников» всякий легко узнавал Каченовского, который подписывал некоторые критические заметки свои псевдонимом «Лужницкий старец», взятым от названия части Москвы, Лужников, где он жил; кроме того, Пушкин написал на Каченовского эпиграммы: 1820 г. — «Хавроннос! ругатель закоснелый», 1825 г.—«Жив, жив курилка!», 1829 г. — «Литературное известие», «Обиженный журналами жестоко», «Там, где древний Кочерговский», «Как сатирой безымянной..»; к Каченовскому же, вероятно, относится эпиграмма 1824 г. — «Охотник до журнальной драки»; о нем же говорится и в «Собрании насекомых» 1828 г.: «Вот Каченовский — злой паук». Пушкин осмеивал Каченовского и в прозе.

— Об Американце-Толстом см. выше, стр. 233 — 234.

— Говоря об увлечении Жуковского произведениями английского поэта Томаса Мура (Thomas Moore, род. 1779, ум. 1852), Пушкин имел в виду его поэму «Лалла Рук» и стихотворение Жуковского «Пери и ангел», заимствованное им из Мура и напечатанное в «Сыне Отечества» 1821 г., № 20. Повести Т. Мура Пушкин считал уродливыми и в письме к князю Вяземскому от середины апреля 1825 г. писал: «Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо—ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор Европейца...».

— «Тристрам Шанди» — роман Лауренса Стерна (Laurence Sterne, род. 1713, ум. 1768) — «Tristram Shandy» (1759 — 1767, 9 т.); сочинения этого английского писателя были и в библиотеке Пушкина, но во французских переводах. Заметку Пушкина о Стерне, предназначавшуюся для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», но исключенную из них Дельвигом, см. в статье Б. Л. Модзалевского в журн. «Русский Современник» 1924 г., № 2, стр. 192 — 193.

— Боратынский, Евгений Абрамович (род. 1800, ум. 1844), по выражению Пушкина,—«наш первый элегический поэт»; «прелестный талант» его с самого начала вызывал горячие симпатии Пушкина, который с первых же шагов оценил изящество и глубину поэзии Боратынского и считал, что, «никто более Боратынского не имел чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах». Пушкин упоминает имя Боратынского в своих произведениях и письмах уже с 1821 г. (см. Послание к Н. С. Алексееву,

два стихотворения к Боратынскому, Первое послание к цензору, «Евгений Онегин», гл. 3, стр. XXX, и др.), а позднее (1827—1831) г.) написал о нем восторженную статью (вероятно, для «Литературной Газеты»), которая, однако, появилась в печати только в посмертном издании сочинений Пушкина. Личное их знакомство началось еще в 1818—1819 г., в Петербурге, когда Боратынский служил рядовым л.-гв. в Егерском полку; Пушкин переписывался с Боратынским, но письма Пушкина к Боратынскому до нас не сохранились, а сохранившиеся письма (не все) Боратынского опубликованы в Акад. издании Переписки Пушкина. С отзывом о Боратынском в настоящем письме ср. отзыв о нем в письме к князю Вяземскому от 1 сентября 1822 г. (№ 40, стр. 35). Суждения Боратынского о Пушкине собраны в статье М. Л. Гофмана в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XVI: «Боратынский о Пушкине». *№ 32.*

— Парни (Evariste-Désiré Desforges, vicomte de Parny, род. 1753 г. ум. 1814)—французский поэт, автор легких стихотворений эротического содержания, оказавший большое влияние на Пушкина еще в Лицейский период его литературной деятельности, равно как и на многих поэтов, предшественников Пушкина, — между прочим, на Батюшкова, которому Пушкин, в свою очередь, подражал в ранних своих произведениях.

— «Кавказского Пленника» купил у Пушкина, всего за 500 р. ассигнациями, Н. И. Гнедич, издавший его на свой счет и приславший автору лишь один экземпляр поэмы. Еще менее дало Пушкину издание «Руслана и Людмилы»: издание скупил книгопродавец И. В. Слёнин, но деньги Пушкину выплачивал по частям и нередко — книгами же (см. в письмах к Гнедичу и Л. Пушкину 1822 г., № 37, 39, 41, 45).

— Дядя—Василий Львович Пушкин; племянник не писал ему, вероятно, опасаясь, что он или напечатает его письма в журналах,—как сделано было с письмом от января 1817 года (см. выше, стр. 5 и 183 — 184), или на письмо его ответит посланием и поместит его в каком-либо журнале. Собрание сочинений В. Л. Пушкина вышло в следующем, 1822 г.; Буянов — главное действующее лицо сатирического и несовсем цензурного стихотворения В. Л. Пушкина «Опасный Сосед»; оно было написано в 1811 г. и хотя по своему вольному содержанию издано не было, пользовалось широкою известностью благодаря игривому содержанию и легким, остроумным стихам; теперь оно вышло в изданиях С. П. Боброва, Б. А. Садовского (1918) и В. И. Чернышева (1922). О впечатлении, произведенном на добродушного В. Л. Пушкина ссылкою его племянника в 1820 г., см. рассказы А. Я. Булгакова в письмах его к брату — «Русск. Арх.». 1900 г., кн. III, стр. 354—355 и 559.

— Рейн — «Арзамасское» прозвище М. Ф. Орлова (см. выше, стр. 230), в открытом доме которого Пушкин, в Кишиневской период своей жизни, был постоянным гостем. Около Кишинева он завел тогда сургучную фабрику. Человек гуманный, просвещенный и либерально настроенный Орлов уничтожил в своей 16 дивизии телесные наказания для солдат, столь широко в то время употреблявшиеся в войсках.

32. *А. П. Полторацкому* (стр. 26). Впервые напечатано в «Московск. Вед.» 1858 г., № 19, Литер. Отд., стр. 82—83, в статье В. П. Горчакова: «Воспоминание о Пушкине»; подлинник не сохранился. Дата установлена Горчаковым в указанной статье.

— Алексей Павлович Полторацкий (род. 1802, ум. 19-го ноября 1863), воспитанник Муравьевской школы для колонновожатых, затем — офицер Свиты его величества по квартирмейстерской части, был, вместе со своим двоюродным братом Михаилом Александровичем Полторацким, командирован для съемки Бессарабии и подолгу жил в Кишиневе; впоследствии он был председателем Тверской Казенной Палаты. Пушкин был в приятельских с ним отношениях и «на ты». Настоящая рифмованная записка была написана Пушкиным после дуэли с командиром 33 егерьского полка подполковником Семеном Никитичем Старовым, храбрым участником Отечественной войны, человеком, всеми уважаемым (он ум. в Петербурге в 1856 г., генерал-майором); эта дуэль произошла из-за того, что Пушкин

№ 33—34. в Кишиневском казино велел оркестру играть намеченную ранее мазурку, а молодой офицер полка, которым командовал Старов—кадриль; музыканты послушались «фрачника» Пушкина; Старов вступился за своего офицера, и потребовал, чтобы Пушкин извинился, а когда тот отказался,—вызвал его на поединок. Эта несуразная дуэль, в которой секундантом Пушкина был Н. С. Алексеев и во время которой противники, по причине резкой метели и ветра, после первого выстрела обменялись еще и вторым,—не закончилась в тот день и должна была возобновиться, когда погода изменится к лучшему, но Алексеев и Полторацкий (не присутствовавший на дуэли) помирили Пушкина со Старовым, и дело не имело дальнейших последствий. Почти через полгода, 30 мая 1822 г., князь П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу из Москвы, что «Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником, но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо. Написал кучу прелестей...» (П. И. Бартенев: Пушкин, вып. II, стр. 22—23; «Остаф. Архив», т. II, стр. 257 и 538—539); ср. «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1165—1167 и 1416—1421, и статью В. П. Горчакова в Литературном Отделе «Московских Ведомостей» 1858 г., № 19, и в «Общезанимательном Вестнике» 1858 г., № 8, стр. 374—382.

33. *Л. С. Пушкину* (стр. 26—27). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, 1855 г., стр. 235 (отрывок) и в «Библ. Зап.» 1858 г., т. I, стр. 5—6 (полностью); подлинник—в рукописи б. Румянцовского Музея № 1254.

— Письмо Л. С. Пушкина, «полу-русское, полу-французское», до нас не сохранилось; письмо Пушкина с поручением прислать ему «Тавриду» Боброва, см. выше, под № 25.

— Гнедич взял на себя хлопоты по изданию «Руслана и Людмилы», а за печатанием поэмы наблюдали Л. С. Пушкин и С. А. Соболевский. Предложение Гречу купить у него «Кавказского Пленника» см. в конце письма № 28; при письме от 29 апреля Пушкин послал «Кавказского Пленника» все-таки Гнедичу, а не Гречу (см. № 34).

— Стихи Пушкина к Дельвигу—те, которые находятся в начале письма к нему Пушкина от 23 марта 1821 г. (№ 20).

— Стихи, которые посылал Пушкин брату, были переданы ему вместе с письмом, в Петербурге, И. П. Липранди 5 марта 1822 г. и были переписаны в тетрадке листка в три почтовых («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1482—1483).

— Эпиграмму «Иной имел мою Аглаю» (в другой рукописи читается: «Данаю») относят к Аглае Антоновне Давыдовой, рожд. графине Граммон, жене Александра Львовича Давыдова (см. выше, стр. 217), которой Пушкин в 1821 г. написал стихи «К Аглае» (см. выше, № 33); эту же эпиграмму с другою, которую относят тоже к Давыдовой («Оставя честь...»), Пушкин сообщил, вместе с другими своими «пакостями», в письме к князю П. А. Вяземскому от конца декабря 1822—начала января 1823 г. (№ 48); см. выше, стр. 43, и в книге Н. О. Лернера: Труды и дни Пушкина, С.-Пб., 1910, стр. 485.

— О Каченовском см. выше, стр. 238.

— Фока и Демьян—из басни Крылова «Демьянова уха».

34. *Н. И. Гнедичу* (стр. 27—29). Впервые напечатано: беловое—в сборнике «Складчина», С.-Пб. 1874 г., стр. 371—372; черновое—в «Материалах» Анненкова 1855 г., стр. 96—97; подлинник—в Публичной Библиотеке (Отчет за 1876 г., стр. 205); черновик этого письма (из которого в беловое Пушкин внес лишь начало и несколько фраз из конца),—в Библиотеке Академии Наук, в собрании Л. Н. Майкова.

— Латинский эпиграф, начинающий письмо, представляет собою начальные стихи 1-й элегии 1-й книги «Tristia» Овидия, равно как и следующая латинская фраза; в переводе это значит: «Малая книжка! Без меня пойдешь ты (и я этому не завидую) в город, в который, увы, господину твоему не позволено итти» и «Иди, хоть и не нарядная, какими и подобает быть изгнанникам».

— Пушкин посылал Гнедичу рукопись «Кавказского Пленника», за которую получил от него только 500 р. асс. (см. выше, стр. 239); он был

весьма недоволен таким скудным вознаграждением за поэтический труд свой и долго вспоминал об этом с досадой (Анненков, Материалы, изд. 1873 г., стр. 75). Рукопись, по которой печатался «Кавказский Пленник», хранится ныне в Публичной Библиотеке. № 35.

— Мнение о своей поэме Пушкин высказал также в приведенном выше письме своем к В. П. Горчакову (№ 30); в черновике настоящего письма к Гнедичу он также подробно высказывается о ней.

— Издание поэмы Гнедич сопроводил Предисловием и портретом юноши Пушкина, награвированным Е. Гейтманом; об этом портрете см. еще стр. 255 и 271.

— Пушкин благодарил Гнедича, вероятно, за присылку его идиллии «Рыбаки», которая незадолго до того была напечатана в «Сыне Отечества» 1822 г., № 8, и отдельною книжкою, в типографии Греча (С.-Пб. 1822, 8⁰, 21 стр.). Гнедич позже поднес Пушкину и перевод «Илиады» (1829), и собрание своих «Стихотворений» (1832), которые и сохранились, с авторскими посвятительными подписями, в библиотеке Пушкина.

К черновому:

— Финн — действующее лицо из «Руслана и Людмилы».

— Байр. и Вал. Ск. — Байрон и Вальтер Скотт.

— Арист.

— Аристархи, т.-е. критики.

— Говоря: «тяжкие критики», Пушкин, быть может, припомнил эпиграмму Крылова об «ужасно тяжкой» критике на «Руслана и Людмилу» (см. выше, стр. 218).

— Каченовский — издатель «Вестника Европы»; см. о нем выше стр. 238, 240.

— К. П. — «Кавказский Пленник».

— Пигмалион — мифологический скульптор, который, сделав статую Галатеи, влюбился в нее; боги, тронутые этой любовью, оживили Галатею, которая и стала женою Пигмалиона. Ж. Ж. Руссо (р. 1712, ум. 1778) воспользовался мифом о Пигмалионе и Галатее для лирической сцены «Pygmalion», переложенной в стихи поэтом A. Berquin (1774 г.), а у Ф. Шиллера (род. 1759, ум. 1805) Пигмалион упоминается лишь эпизодически, в стихотворении «Торжество любви» («Der Triumph der Liebe», 1781) и в стихотворении «Идеалы» («Die Ideale», 1795): в первом (позднейший перевод С. П. Шевырева) читаем:

... Твой мрамор дышет красотой,
О, Пигмальон, о, воскреситель!
О, бог любви, ты победитель:
Твои созданья пред тобой и т. д.;

во втором (позднейший перевод К. С. Аксакова):

... Как некогда в объятья камень,
Любя, Пигмалион схватил, —
И чувства трепетного пламень
Холодный мрамор оживил;
Так я к природе весь приникнул
Умом, душою, жизнью всей...

Пушкин упомянул о Пигмалионе в «Евгении Онегине» (гл. 4, строфа II):

То вдруг я мрамор видел в ней
Перед мольбой Пигмалиона,
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркой и живой.

— «Отрывок стихов 200», который Пушкин предлагал прислать Гнедичу для отдачи в цензуру, — отрывок «Братьев-Разбойников»; поэма была написана в конце 1821 года, но Пушкин остался ею недоволен и сжег ее (см. письмо к Бестужеву от 13 июня 1823 г., № 57); только один отрывок из

№ 36. нее уцелел в руках Н. Н. Раевского и впоследствии был издан в «Полярной Звезде» на 1825 г., а в 1827 г. вышел отдельным изданием; см. ниже.

35. П. *А. Катенину* (стр. 30). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, стр. 333; отрывок этот сохранился в рукописи б. Румянцовского Музея № 2366, л. 17 об. — 18; по мнению В. Е. Якушкина,— вероятно на предшествовавшем, вырванном листе тетради и было самое письмо, а сохранившиеся отрывки представляют собою только дополнительные вставки и изменения. Можно думать, что об этом письме к Катенину Пушкин упоминает в письме своем к Гнедичу от 27 сентября 1822 г. (№ 43).

— О Катенине см. выше, стр. 201—202.

— «Письмо к Гр. в его журнале»: в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. 76, № 13, стр. 249—261 (цензурою дозволен 10 апреля), Катенин напечатал «Письмо к издателю «Сына Отечества», т.-е. к Н. И. Гречу, по поводу его «Опыта краткой истории Русской литературы», вышедшего незадолго перед тем; в этом «Письме» (о нем см. «Остаф. Арх.», т. II, стр. 534—535) Катенин признавал первенство Пушкина над всеми молодыми поэтами и упрекал Греча за неупоминание о Боратынском. Пушкин, конечно, соглашался с Катениным, так как любил Боратынского и его «прелестный талант». В следующей, 77-й части «Сына Отечества» появилась статейка А. Б[естужева]: «Почему? Письмо к издателю», в которой он дал резкий отзыв о Катенине и об его повестях, а тот, в свою очередь, напечатал ответ обоим критикам (ч. 78, стр. 34). По этому, вероятно, поводу Пушкин писал Гнедичу 27 июня 1822 г. (№ 37, стр. 31): «Я отвечал Бестужеву... Нельзя ли опять стравить его с Катениным?»

36. *А. А. Бестужеву* (стр. 30—31). Впервые напечатано в «Отечеств. Записках» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 63, а затем — в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 77—78; подлинник (на бумаге вод. зн.: T. S.) — в Библиотеке Академии Наук.

— Александр Александрович Бестужев (р. 23 октября 1797, ум. 7 июня 1837), поручик лейб-гвардии Драгунского полка и адъютант Главноуправляющего путями сообщения Бетанкура (с 5 мая 1822) и принца Александра Виртембергского (с 7 июля 1823 г.), в 1823 — 1825 гг. издавший, вместе со своим другом К. Ф. Рылеевым, три книжки альманаха «Полярная Звезда», в котором участвовал и Пушкин. Бестужев выступил в печати в 1816 г. и быстро стал в ряды видных писателей; громкую же известность он приобрел позже, — преимущественно своими повестями из Кавказской жизни, которые он писал (под псевдонимом Марлинский) после своей ссылки, по делу декабристов, в Сибирь и на Кавказ, где и был убит в стычке с горцами. О нем см. в книге И. И. Замотина: «Романтизм двадцатых годов XIX стол. в русской литературе», т. II, изд. 2, С.-Пб. 1913, «Алфавит декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 279 — 280, и книгу Н. А. Котляревского: Декабристы. Кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский, С.-Пб. 1907.

— Письмо Бестужева (с припискою К. Ф. Рылеева), на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Среди стихов, которые посылал Пушкин, назвав их своими «Бессарабскими бреднями», было и послание «К Овидию», законченное 26 декабря 1821 г., по возвращении из поездки в Аккерман (см. выше, стр. 221—222); Бестужев напечатал его в своей «Полярной Звезде на 1823 г.», стр. 81—84; цензура пропустила эту пьесу, и только два последние стиха ее, в которых Пушкин, в черновой рукописи, написал, что он

... не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной,

он сам заменил из осторожности шестью стихами, в которых говорил о греческом восстании и заключал:

Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И Музы мирные мне были благосклонны.

— Подписи под пьесой Пушкина не было выставлено, а вместо нее поставлены были две звездочки — **.

— Эпитет «услужливый», данный Пушкиным Петру Александровичу Плетневу (с коим он познакомился еще до выхода своего из Лицея, в 1817 г.: «Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 136), метко характеризует этого человека: он всегда готов был помочь всем, кому можно, и отличительною чертою его характера была, по выражению одного его современника, «благоволительная скромность» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. III, стр. 132), некоторыми ошибочно принимавшаяся за подобострастие, так как на самом деле она была вполне чистым качеством его души. — Пушкин постоянно впоследствии прибегал к его услужливости и пользовался ею в широких размерах, как видно из их переписки. Вскоре после смерти Пушкина Плетнев так рассказывал опекуну его детей, графу Г. А. Строганову, о своих дружеских отношениях с поэтом: «Я имел счастие, в течение двадцати лет, пользоваться дружбою нашего знаменитого поэта. Не выезжавши в это время ни разу из Петербурга, я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром... Пушкин, находившись по большей части вне Петербурга, то в Новороссийском краю, то в своей деревне, беспрестанно должен был писать ко мне, потому что у него не было других доходов, кроме тех денег, которые собирал я от издания и продажи его сочинений. Привычка относиться во всем ко мне, опыты прямодушия моего и — может быть — несколько счастливых замечаний, которые мне удалось передать ему на его сочинения, до такой степени сблизили его со мною, что ему вздумалось предварительно советоваться с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал на-двое. Таким образом, присылая оригинал свой ко мне для печатания, он прилагал при нем несколько поправок или перемен на сомнительные места, предоставляя мне выбрать для печати то, что я найду лучше» («Пушкин и его соврем.», вып. XIII, стр. 136—137). — О Пушкине и Плетневе см. в статье В. Каминского: «П. А. Плетнев и его отношения к Жуковскому и Пушкину»—«Русск. Стар.» 1904 г., т. CXIX, стр. 616—627; о времени их знакомства — там же, т. CXVIII, стр. 511. № 37.

— Таврида — Крым.

— Кондратий Федорович Рылеев (род. 18 сентября 1795, ум. 13 июля 1826), известный поэт; отставной артиллерийский подпоручик (с 26 декабря 1818 г.) и с 24 января 1821 г. дворянский заседатель Петербургской Палаты Уголовного Суда, он в 1824 г. поступил на службу Правителем Канцелярии Российско-Американской Компании в Петербурге. Он издавал, с А. А. Бестужевым, альманах «Полярная Звезда» 1823 — 1825 г., был автором «Дум» (см. ниже отзывы о них Пушкина) и других стихотворений с «гражданскими» мотивами; как один из виднейших деятелей Тайного Общества, он по делу декабристов присужден был к смертной казни и повешен 13 июля 1826 г. Сохранилось 3 письма к нему Пушкина и 8 писем его к Пушкину. О нем см. в «Алфавите декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 390 — 391.

37. *Н. И. Гнедичу* (стр. 31—32). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 550 — 551, и в «Истор. Вест.» 1880 г., т. II, стр. 392 — 393; подлинник (на бумаге вод. зн. 1821) в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Письмо Гнедича, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— Об издании Гнедичем «Кавказского Пленника» см. выше, письма №№ 33, 34.

— Геты и Сарматы — народы, в древние времена обитавшие в Скифии, стране на север от Черного моря.

— Аристарх — т.-е. критик.

— «Небесный пламень» и другие выражения, подчеркнутые Пушкиным, взяты из «Кавказского Пленника»; первое заменено было словами: «О, первый пламень упоенья»; «долгий поцелуй разлуки» изменен был Гнедичем в «горький поцелуй разлуки» (см. письмо к Гнедичу от 27 сентября 1822 г., № 43).

— Киргиз - Кайсацкий стишок, — т. - е. татарский, неблагозвучный, дикий.

№ 37. — Ответ Бестужеву см. выше, письмо № 36.

— Пушкин имеет в виду литературную полемику Греча с Катениным на страницах «Сына Отечества» 1822 г. (чч. 76 и 77) по поводу русского и славянского языков; в полемику эту вмешался и А. А. Бестужев и в своих статьях (ч. 77, стр. 158 — 168 и 253 — 269) высказал замечания на «Опыт краткой истории Русской литературы» Греча, коснувшись статей Катенина и его повестей; Катенин возразил Гречу и Бестужеву в статье «Ответ двоим» (ч. 78, стр. 34); см. выше, стр. 242.

— О Катенине см. выше, стр. 201—202.

— Письмо к Жуковскому, о котором говорит Пушкин, не сохранилось, как и другие ранние письма Пушкина и Жуковского друг к другу.

— Слёнин — Иван Васильевич (род. 1789, ум. 1836)—книгопродавец и издатель, пробовавший силы и в стихотворстве; в 1828 г. Пушкин написал стихотворение в его альбом. Слёнин купил все экземпляры «Руслана и Людмилы», но расплачивался с Пушкиным неаккуратно (см. выше, стр. 239). Между тем, поэт в это время очень нуждался, что̀ видно из письма князя П. А. Вяземского, который 30 мая 1822 г. писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Кишиневский Пушкин... написал кучу прелестей. Денег у него ни гроша. Кто в Петербурге заботился о печатании его «Людмилы»? Вся ли она распродана, и нельзя ли подумать о втором издании? Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 257).

— «Шильонский Узник» Байрона, переведенный Жуковским, вышел в свет летом 1822 г.; ср. в письме к князю Вяземскому от 1 сентября и к Гнедичу — от 27 сентября 1822 г. (№№ 40 и 43). О стихотворении Жуковского «Пери и Ангел» (из Томаса Мура) см. выше, стр. 238.

— «Громобой» и «Старушка» — действующие лица баллад Жуковского.

— Тасс (Torquato Tasso)—итальянский поэт (род. 1544, ум. 1595), с сочинениями коего Пушкин был знаком уже в Лицее, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».

— Ариост (Lodovico Ariosto) — итальянский поэт (род. 1474, ум. 1533), автор поэмы «Неистовый Роланд», коего отрывок в 14 октав (XXIII песни) переведен был Пушкиным в Михайловском, в 1825 году; в библиотеке Пушкина было Парижское итальянское издание «Orlando Furioso», 1825 г., (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910); эти поэмы, на ряду с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера, и имеет в виду Пушкин, как достойные Жуковского-переводчика.

— Маттисон—немецкий лирический поэт Фридрих Маттисон (род. 1761, ум. 1831).

— О Томасе Муре — см. выше, стр. 238.

— Соути (а не Саувей)—Robert Southey (род. 1774, ум. 1843)—английский поэт так называемой «Озерной школы»; его полуисторическая поэма (1814 г.) «Roderick, the last of the Goths», во французском переводе, была в библиотеке Пушкина, в Парижском издании 1820 года (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 340); она, вероятно, не понравилась Пушкину, почему он и не советует Жуковскому ее переводить, хотя сам позже, около 1833 года, воспользовался этою поэмою для своего, оставшегося незаконченным стихотворения «Родриг» (см. Соч., изд. Венгерова, т. VI, стр. 452). Отрывок из поэмы Соути «Медок» был переведен Пушкиным, но остался также незаконченным.

— Иван Иванович Дмитриев (род. 1760, ум. 1837)—известный баснописец и поэт, автор Записок, которыми Пушкин, с его разрешения, пользовался при работах своих над «Историей Пугачевского бунта» (см. письма его к Дмитриеву от ноября 1833 (черновое) и 14 февраля 1834 г.); из писем Пушкина к Дмитриеву известно только 5 (одно из них черновое). Дмитриев один из первых угадал поэтический дар Пушкина и еще в сентябре 1818 г. писал А. И. Тургеневу, что «и по заочности» любит Пушкина, «как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет...» «...Он исполнен священным негодованием, зияет молнией и громом говорит»

(Соч., изд. 1893, стр. 233). Впрочем, он не вполне одобрил «Руслана и Людмилу»... «На сих днях явится в свет поэма молодого Пушкина», писал Дмитриеву А. И. Тургенев 23 июля 1820 г.: «Не смею послать вам ее, ибо вы, как слышу, осудили ее, по отрывкам, почти на ничтожество» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 656). «Позвольте дружески попенять вам», отвечал Дмитриев: «что не прислали ко мне *Руслана.* Я не уничтожал его, а только отозвался, что в напечатанных отрывках еще ничего не видел чудесного или необыкновенно хорошего» (там же, ст. 1125). «Кто поссорил меня с Воейковым», писал он Тургеневу 19 сентября 1820 г., «будто я сердит на него, что он *расхвалил молодого Пушкина?* Не только не думал о том, но еще хвалил его, что он умел выставить удачнее самого автора лучшие стихи из его поэмы... В разборе Воейкова с удовольствием увидел два-три места истинно-пиитические и в большом роде. Пушкин был поэт еще и до поэмы. Я, хотя и инвалид, но еще не лишился чутья к изящному. Как же мне хотеть унижать талант его?» (там же, ст. 1130). Отзывы Пушкина о Дмитриеве, рассеянные по письмам его, см. ниже (напр., в письме к кн. П. А. Вяземскому от 8 марта 1824 г., №77, и др.). № 58.

— Флориан (род. 1755, ум. 1794)—французский писатель, автор басен и нравоучительных романов.

— Ж. Б. Легуве (род. 1764, ум. 1812) — французский поэт, автор дидактических поэм (напр. «Mérite des femmes») и трагедий, отличающихся напыщенностью.

— «Молдованно и тошно» — выражение Пушкина, пародирующее приписываемое ему же выражение в эпиграмме:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно,
Так было мне, мои друзья,
И *Кюхельбекерно, и тошно,* —

за которую Пушкин будто бы дрался на дуэли со своим Лицейским товарищем В. К. Кюхельбекером. Ср. еще выше, стр. 155 и ниже стр. 265. Вышеприведенная эпиграмма была вызвана, по словам В. И. Даля, выражением Жуковского: «Мне что-то нездоровилось уже накануне; к тому же пришел Кюхельбекер» (ср. «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1161 — 1662, примеч.).

— «Что-то с ним делается» — т.-е. с Кюхельбекером, о котором Пушкин вспомнил по ассоциации, написав «Молдованно и тошно».

38. *П. А. Катенину* (стр. 32—33). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 58 — 59; где находится подлинник, неизвестно. Письмо это служит ответом на письмо Катенина к Пушкину, до нас не сохранившееся.

— Итальянский глагол piombare значит буквально «быть в вертикальном состоянии»; быть может, это слово в каком-нибудь сочетании находилось в неизвестном нам письме Катенина, на которое отвечает Пушкин, — почему нам и непонятно, что̀ он хотел сказать.

— Стих: «И сплетней разбирать игривую затею» находится в послании Пушкина к Чаадаеву, в котором он, как сказано было выше (стр. 233—234), задел графа Ф. И. Толстого-Американца и М. Т. Каченовского, а не Катенина; последний принял на свой счет этот стих потому, что увидел в нем намек на свою комедию «Сплетни» (подражание комедии Грессе «Le Méchant»), представленную в Петербурге еще 31 декабря 1820 г.; возможность такой выходки Пушкина Катенин допускал тем более, что в одном из действующих лиц комедии — Зельском — находили намеки на Пушкина, о чем ему могли сообщить его Петербургские друзья, хотя Анненков и говорит, что он «не мог угадать в тирадах Зельского намеков на Пушкина. Следует сказать, между прочим, что выходки Зельского против современных странностей и обычаев были предтечами, а может быть и родоначальниками сатирических вспышек Чацкого» (Материалы, изд. 1855 г., стр. 58); экземпляр «Сплетней» (изд. С.-Пб. 1821 г.) сохранился в библиотеке Пушкина, равно как и собрание сочинений Грессе (Jean-Baptiste-Louis Gresset, род. 1709, ум. 1777), в издании 1823 г. (Б. Л. Модзалевский, Библио-

 теки Пушкина, С.-Пб. 1910). О неудовольствии Катенина Пушкин писал и брату своему Л. С. Пушкину в письме от 21 июля 1822 г. (№ 39).

— «Сид» — знаменитая трагедия в 5 действиях Корнеля (Pierre Corneille, род. 1606, ум. 1684) «Le Cid», написанная в 1636 г.; перевод Катенина (в стихах) был издан в С.-Пб. в 1822 г. и 4 декабря того же года поставлен на Большом Театре в Петербурге, в бенефис актера В. А. Каратыгина.—Катенин удержал, конечно, в переводе своем сцену, в которой граф Гормас (его играл актер Максин) дает пощечину престарелому дону Дьегу (его играл актер Борецкий), назначенному воспитателем наследника короля Кастильского Фердинанда. Любопытные суждения князя П. А. Вяземского о «Сиде» с точки зрения теории классической драмы см. в его дневнике 1830 г. (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 148 — 149).

— Ridicule—значит «достойна смеха».

— Атрей — мифологический царь Аргосский, который, враждуя со своим братом Фиестом, всячески мстил ему; между прочим, он убил его сыновей и подал их ему в виде яства.

— Фраза «Радуюсь» и т. д. до «Брянского» приведена по изданию Ефремова (Суворина, т. VII, стр. 49, и т. VIII, стр. 596), который восстановил ее из уведомления цензуры в III Отделение Собственной его величества Канцелярии по поводу Анненковского издания сочинений Пушкина 1855 г.: цензура уничтожила эту фразу в издании Анненкова.

— Павел Иванович Толченов—актер-трагик, о котором Пушкин отрицательно отозвался еще в своей юношеской статье 1819 г.: «Мои замечания об Русском театре». Дебютировал он в Петербурге в 1813 г.; в «Сиде» играл в 1822 г. роль дона Фердинанда, короля Кастильского. Умер в 1840-х годах.

— Брянский—Яков Григорьевич, драматический актер (род. 1760, ум. 1853); на сцене был с 1811 г. О нем см. в Воспоминаниях его дочери, А. Я. Головачевой-Панаевой: Русские писатели и артисты. 1824 — 1870, С.-Пб. 1890.—Отзыв о нем, как об актере, — отрицательный, см. в статье Пушкина «Мои замечания об Русском театре» (1819); он упомянут Пушкиным еще в программе комедии (1821 г.); 27 января 1832 г. в Петербургском Большом театре в его бенефис был впервые поставлен «Моцарт и Сальери» Пушкина.

— Non erat his locus — значит: «здесь не место для этого»; это—19-й стих из «Ars poëtica» Горация.

— Эсхил — греческий поэт, автор трагедий, жил в 525—456 л. до Р. Х. (см. выше, стр. 201). Пушкин называет Катенина Эсхилом за склонность его к трагедиям вообще, из коих Катенин перевел «Есфирь» Расина, «Сида» Корнеля, а позже — «Андромаху» Корнеля. Вскоре (приблизительно недели через три) Пушкин написал Катенину в Петербург еще письмо, которое нам неизвестно, но о котором Катенин упоминает в своем письме к актрисе А. М. Колосовой из Петербурга от 28 августа 1822 г.: «Саша Пушкин пишет ко мне из Кишинева и на счет ваш дает мне тысячу поручений, винится, просит прощения и расхваливает на чем свет стоит» («Русск. Стар.» 1893 г., т. LXXVII, стр. 635).

39. *Л. С. Пушкину* (стр. 33—34). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г. (отрывок), а затем в «Библиограф. Записках» 1858 г., т. I, стр. 9 — 11 (полностью); подлинник—в рукописи б. Румянцовского Музея № 1254.

— Письмо Л. С. Пушкина, на которое Пушкин отвечает, не известно.

— «Пиши.... хоть на шести языках» — ср. упрек Пушкина в письме к брату № 33 за «полу-русское, полу-французское письмо».

— Л. С. Пушкин поступил на службу лишь через два года—в ноябре 1824 г., время же до этого,—после исключения в 1820 г. из Университетского Благородного Пансиона, проживал у родителей. К 1822 г. относят черновой набросок послания Пушкина к брату Льву Сергеевичу, начинающегося словами:

Брат милый, отроком расстался ты со мной;
В разлуке протекли медлительные годы...

— Василий Иванович Козлов (род. 1792, ум. 1825)—бездарный писатель, № 59.
сотрудник «Русского Инвалида» (1815—1824), «Новостей Литературы» (издававшихся им, вместе с А. Ф. Воейковым, в 1822—1825 гг.) и «Северной Пчелы» при ее основании (1825); он был сыном Московского купца и воспитывался в Московском Университете. Пушкин насмешливо отзывался о Козлове и позже: см. в письмах к брату в августе 1823 и в январе 1824 г. (№№ 59 и 72). У своих современников Козлов слыл за человека благородного, кроткого и услужливого и бывал в лучших домах Петербурга, что находилось в связи с его смешным тяготением к большому свету (см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 373—374).

— Катенина Л. С. Пушкин увидеть не мог, так как Катенин вскоре должен был уехать в свою Костромскую деревню, будучи выслан из Петербурга 7 ноября 1822 года.—Пушкин не знал об этом обстоятельстве еще и в 1823 г. (см. письмо к князю Вяземскому от 5 апреля 1823 г., № 5). Об обиде Катенина на Пушкина см. выше, стр. 32 и 245.

— О приобретении И. В. Слёниным экземпляров «Руслана и Людмилы» см. выше, стр. 239, 240—241.

— Издание Бестужева—альманах «Полярная Звезда», который он тогда подготовлял к печати с К. Ф. Рылеевым (см. выше, стр. 242, 243).

— Стихи были посланы Пушкиным Бестужеву при письме от 21 июня 1822 г. (см. выше. № 36).

— «Кавказский Пленник», пропущенный в печать цензором Бируковым 12 июня 1822 г., в то время печатался и вышел в свет в августе.

— У К. Н. Батюшкова (см. выше, стр. 182) в это время, действительно, появились первые признаки душевной болезни, от которой он уже не мог более поправиться, несмотря на все заботы его друзей (см. Л. Н. Майков, К. Н. Батюшков, С.-Пб. 1901; «Остаф. Архив», т. I; ср. рассказ М. М. Муромцова, видавшего Батюшкова в Пятигорске летом 1822 г. — «Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 389—390). См. ниже, в письме № 49, мнение Пушкина о болезни Батюшкова, а в письмах № 41, 45 и 46 — суждение его по поводу стихотворения Плетнева «Батюшков из Рима».

— Писем Жуковского к Пушкину за это время, к сожалению, не сохранилось ни одного.

— Карамзин в это время жил в Царском-Селе, работая над продолжением «Истории Государства Российского»; он следил за литературною деятельностью Пушкина и высказывался о ней в письмах к И. И. Дмитриеву и к князю П. А. Вяземскому; последнему он писал 13 июня 1822 г.: «Пушкин написал Узника: слог жив, черты резкие, а *сочинение* плохо; как в его душе, так и в стихотворении нет порядка» («Стар. и Новизна», кн. I, стр. 131); а в письме к Дмитриеву 25 сентября 1822 г. он высказывался так: «В поэме Либерала Пушкина слог живописен; я не доволен только *любовным похождением*. Талант действительно прекрасный; жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове — ни малейшего благоразумия» (Письма Карамзина к Дмитриеву, С.-Пб. 1866, стр. 337).

— Писем Дельвига и Боратынского к Пушкину за это время не сохранилось.

— Вильгельм—В. К. Кюхельбекер; уехав, в конце 1821 г., на Кавказ, на службу при генерале А. П. Ермолове, он, по словам акад. Н. А. Котляревского, «уехал бы и дальше, в Персию, как ему предлагали, если бы довольно бурная скандальная ссора и дуэль с близким Ермолову лицом не заставили его через полгода вернуться в Россию и на весь 1823 год запереться в деревне» (Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. VI, стр. 267) — у сестры, в д. Закуп, Смоленской губернии. Ссора была с племянником Ермолова, которому он дал пощечину и с которым за это дрался на дуэли («Остаф. Архив», т. II, стр. 359 и др.). В октябре 1823 г. Кюхельбекер мечтал определиться на службу к графу М. С. Воронцову (там же).

— Письмо Пушкина к отцу, Сергею Львовичу Пушкину, не сохранилось, как и другие письма поэта к родителям, за исключением трех; Л. С. Пушкин был тогда, вероятно, в с. Михайловском.

№ 40. *Перевод приписки к сестре:* «Мой добрый и дорогой друг, твои письма нужны мне не для того, чтобы убедить меня в твоей дружбе: они необходимы мне единственно, как нечто, исходящее от тебя. Целую и люблю тебя; веселись и выходи замуж».

40. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 34—35). Впервые напечатано в журнале «Огонек» 1910 г., № 41, стр. 1 — 3, со снимком с части письма и с объяснительной статьей Н. О. Лернера; подлинник — в Библиотеке Академии Наук, куда пожертвован С. М. Проппером.

— Письмо князя Вяземского, которое Пушкин называет, за своеобразный почерк Вяземского, «каракулками» и на которое отвечает Пушкин, — до нас не дошло. С «каракульками» же сравнил однажды почерк Вяземского и М. П. Погодин в письме к нему от 9 июля 1873 г. («Стар. и Новизна», кн. IV, стр. 102).

— Толстой — граф Федор Иванович, «Американец»; см. о нем выше, стр. 233—234. Причины ссоры своей с Толстым Пушкин объясняет в этом письме и в письме к брату от октября 1822 г. (№ 45): она произошла, с одной стороны, «от нескромности» драматурга князя А. А. Шаховского, передавшего Толстому (они в молодые свои годы служили вместе в Преображенском полку) какой-нибудь отзыв о нем Пушкина или наоборот, а с другой — от злого языка Толстого, жертвою которого стал Пушкин. Стихи Пушкина, которые не понравились князю Вяземскому, — послание «К Чаадаеву».

— Суждение о поэтической сатире, высказанное во фразе: «куда не досягает меч законов, туда достает бич сатиры», Пушкин выражал не раз и в своих поэтических произведениях.

— Гораций—римский поэт (род. 65, ум. в 8 г. до Р. Х.), автор од, сатир и посланий; с его сочинениями Пушкин был хорошо знаком; одну оду из Горация (кн. II, ода VII) он переложил в 1835 г. («Кто из богов мне возвратил...»).

— Вольтер (François Arouet de Voltaire, род. 1694, ум. 1778) — знаменитый французский писатель, поэт, историк и философ; сочинения его были хорошо знакомы Пушкину еще с юности и оказали на него большое влияние.

— Под возможностью «очиститься» Пушкин разумеет вызов Толстого на дуэль; по приезде поэта в Москву в сентябре 1826 г. эта дуэль, действительно, едва не состоялась, и только общие приятели помирили противников («Русск. Арх.» 1865 г., изд. 2, ст. 1240, 1351), которые затем даже подружились (см. выше, стр. 234). Толстой же впоследствии так полюбил Пушкина, что, когда узнал о смерти поэта, горько плакал («Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 121).

— «Ужасное», что̀ написал Толстой на Пушкина, — та эпиграмма на него, которая приведена нами выше, на стр. 234. Греч, издатель «Сына Отечества», в котором было напечатано послание Пушкина к Чаадаеву с оскорбительными для Толстого выражениями, дорожа участием Пушкина в своем журнале, отказался напечатать эту эпиграмму Толстого,— «отзыв человека, обруганного» в его издании. Пушкин негодовал на это, так как Толстой мог подумать, что отказ Греча вызван его интригами и связями с «журналистами».

— О Каченовском — см. выше, стр. 238; французское выражение, принадлежащее Вольтеру, означает буквально: «Вот слова, которые, находясь вместе, воют», т.-е. совершенно не вяжутся одно с другим.

— О Боратынском и отношении к нему Пушкина см. выше, с. 238—239.

— «Шильонский Узник» Байрона, в переводе Жуковского, вышел в свет летом 1822 г., и Пушкин, до получения отдельного издания перевода, был знаком с ним лишь по цитатам из него, приведенным О. М. Сомовым в разборе поэмы, который напечатан был в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. LXXIX, № 29, от 22 июля (отдел «Критика», стр. 97 — 118); здесь, на стр. 111-й, и помещены стихи, которые приводит Пушкин:

Он на столбе, как вешний цвет,
Убитый хладом, — предо мной
Висел с опущенной главой!

Ср. отзыв об отрывках перевода «Шильонского Узника» в письме № 40. к брату Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г. (№ 41). За присылку полного перевода Пушкин благодарил Гнедича в письме от 27 сентября 1822 г. (№ 43).

— Выражение: «Лета клонят к прозе» Пушкин впоследствии повторил в «Евгении Онегине» (глава 6, строфа XLIII):

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят.

«Прозу Вяземского» пишет Н. О. Лернер в объяснение этого места письма: «Пушкин ценил высоко. «Проза князя Вяземского» — говорил он в одной из мелких заметок — «чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли; к счастью, он мыслит, что̀ довольно редко». В другой заметке Пушкин говорит: «Критические статьи князя Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но он заставляет мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостью самого софизма... (Его) произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития». В одном письме к Вяземскому Пушкин также хвалил его «слог живой и оригинальный».

— В этом письме мы встречаем то же странное употребление, в таком же смысле и в применении к языку, слова «метафизический», т. е. отвлеченный: «Русской метафизической язык находится у нас еще в диком состоянии». У Пушкина оно попадается не раз: «мы привыкли мыслить на чужом языке, метафизического языка у нас вовсе не существует»; «поэт создал совершенно новый язык и выразил на нем все оттенки метафизики»; «опытное и живое перо князя Вяземского победило трудность метафизического языка», — писал Пушкин, когда Вяземский перевел на русский язык роман Бенжамена Констана» («Пушкин и его соврем.», вып. XV, стр. 18 — 19). О прозе Пушкина см. статьи: Б. М. Эйхенбаума: Путь Пушкина к прозе — в «Пушкинском Сборнике» памяти С. А. Венгерова, Пгр. 1923, стр. 59—73, и Н. О. Лернера: Проза Пушкина, изд. 2, Пгр. 1923. Ср. ниже, стр. 464.

— Прадт — Dominique Dufour de Pradt (род. 1759, ум. 1837) — французский архиепископ, критик, историк, экономист и публицист; он отзывался на различные современные ему события статьями, которые издавал в виде отдельных брошюрок; написанные остроумно и хлестко, они имели шумный, но кратковременный успех и скоро забывались. Пушкин поэтому предостерегает своего друга от такого сомнительного успеха. О Прадте см. «Остафьевск. Архив», т. I, стр. 534 — 535.

— «Поэма в мистическом роде» — знаменитая «Гавриилиада» (см. выше, в письме от 7 мая 1821 г. (№ 22, стр. 18—19 и 223), из-за которой Пушкину в 1828 г. пришлось пережить не мало неприятностей; тогда он от нее официально отрекся; 10-го декабря 1822 г. князь П. А. Вяземский, сообщая А. И. Тургеневу о том, что Пушкин прислал ему «одну свою прекрасную шалость», привел отрывок из «Гавриилиады» в 19 стихов («Ост. Арх.», т. II, стр. 287). Историю этой поэмы см. в издании ее под редакцией и с предисловием Б. В. Томашевского в серии «Трудов Пушкинского Дома», Пгр. 1922 г.

— Слова Пушкина по поводу его «поэмы в мистическом роде»: «я стал придворным» — объясняются тем, что под конец жизни и сам имп. Александр, а за ним и многие близкие к нему придворные (особенно Министр Народного Просвещения князь А. Н. Голицын, которого современник А. И. Михайловский-Данилевский называет «известным придворным шутом» — «Русск. Стар.» 1890 г., т. 68, стр. 509) и правительственные чиновники предавались религиозному мистицизму; последний был ненавистен Пушкину, и П. В. Анненков («Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 146) считает, что «Гавриилиада» явилась «ответом на

 корыстное ханжество клерикальной партии». В послании своем к князю А. М. Горчакову Пушкин еще в 1819 г. с осуждением осмеивал

украшенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистика придворного кривлянья.

41. *Л. С. Пушкину* (стр. 35—36). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 91, 188 и 238 (отрывки) и в «Библ. Зап.» 1858 г., т. I, стр. 11—13 (полностью); подлинник в рукописи б. Румянцовского Музея, № 1254.

— Письмо Пушкина к отцу до нас не сохранилось.

— О службе Л. С. Пушкина см. выше, стр. 207 и 246.

— Корпус Раевского — 4-й пехотный, которым Николай Николаевич Раевский командовал в 1815—1824 гг., живя в Киеве.

— Киселев — Павел Дмитриевич (род. 1788, ум. 1872), генерал, начальник штаба 2 армии, находившегося в м. Тульчине, Подольской губ., впоследствии (1839 г.) граф, Министр Государственных Имуществ, посол в Париже (1856—1862); в 1819 г., задумывая перейти в военную службу, Пушкин собирался определиться под его начальство, но А. Ф. Орлов отговорил его. О нем Пушкин упоминает в своем послании к А. Ф. Орлову (1819 г.), а в Дневнике своем за 1834 г. пишет о Киселеве, что «он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана» (см. Дневник Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пб. 1923, стр. 19 и 191). С братом Киселева — Сергеем Дмитриевичем — Пушкин также был знаком и состоял в приятельских отношениях; см. ниже 2 записки к нему Пушкина—1829 и 1832 г.

— О Н. В. Всеволожском и о проигранной ему Пушкиным рукописи собрания своих стихотворений см. выше, стр. 197—198 и 229, и в письме к Я. Н. Толстому (№ 42 и стр. 253).

— О послании «К Овидию» см. выше, стр. 242.

— «О Шильонском Узнике» Байрона в переводе Жуковского, изданном в 1822 г., см. выше, стр. 31, 35, 244, 248.

— «Орлеанская Дева», Ф. Шиллера, в переводе Жуковского (1820—1821 г.), не была поставлена на сцене и отдельным изданием не выходила. 4 мая 1822 г. Карамзин писал князю П. А. Вяземскому: «Жуковский читает нам Иоанну Шиллерову: перевод очень хорош для чтения, но не знаю, как будут наши актеры играть ее: это роман в разговорах, а не драма» («Стар. и Новизна», кн. I, стр. 129); 28 мая он же сообщал, что «Иоанну» граф В. П. Кочубей запретил играть на здешнем театре, опасаясь соблазна явлений богоматери etc. (ib. стр. 131). Ср. ниже, стр. 254.

— О 5-стопных стихах без рифм см. слова Пушкина в письме к Жуковскому от конца мая — начала июня 1825 г., № 146, стр. 133. Ср. еще постановление Главного Комитета Дирекции и п. Театров от 12 марта 1826 г. о непринимании впредь на сцену трагедий, писанных вольными белыми стихами, как не могущими быть терпимыми ни в каком, драматическом сочинении: см. Соч. Пушкина, Акад. изд., т. IV, примеч. стр. 132.

— Глухарев был актер, рослый и дородный, эффектно изображавший, между прочим, статую Командора в игранной в Петербурге еще в 1816 г. комедии Мольера «Дон Жуан» (П. Н. Арапов, Летопись Русского театра, стр. 247).

— «Смерть Роллы» — трагедия А. Коцебу, в 5 действиях, представленная в Петербурге в первый раз 27 августа 1822 г. Ее перевод был издан в Москве еще в 1802 г.

— Семенова — Екатерина Семеновна (род. 1786, ум. 1849), знаменитая трагическая актриса; на сцене играла с 1802 г., а в 1828 г. вышла замуж за князя Ивана Алексеевича Гагарина, оставила театр и поселилась в Москве. Пушкин, в период своего увлечения театром (1817—1820), был ее горячим поклонником и в 1819 г. обидел эпиграммой ее молодую соперницу А. М. Колосову (Каратыгину), ученицу П. А. Катенина; Семеновой, за которой он в 1819 г., по словам Гнедича, «приволакивался, но

бесполезно», Пушкин посвятил следующие восторженные строки в своей № 41.
статье «Мои замечания об Русском театре»: «Говоря об Русской трагедии, говоришь о Семеновой — и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган [т.-е. голос] чистый, ровный, приятный и часто — порыв истинного вдохновения, — все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано... Семенова не имеет соперницы... она осталась единодержавною царицею трагической сцены...» Статья эта была передана Пушкиным Семеновой, а ею отдана Гнедичу и ныне хранится в Публичной Библиотеке. О Семеновой. См. Л. Гроссман: «Пушкин в театральных креслах».

— Говоря о В. К. Кюхельбекере, Пушкин имеет в виду, между прочим, его стихотворение «Глагол Господень был ко мне» (см. в статье Ю. Н. Тынянова—в «Пушкинском Сборнике» памяти С. А. Венгерова, Пгр. 1922, стр. 82—83, примеч.).

— Иеремия — пророк, которому приписывается книга пророчеств и песнопений, называющихся «Плачем».

— Пиндар — греческий поэт-лирик, живший в 520—440 до Р. Х.

— «Послание к Ермолову», при котором Кюхельбекер служил в 1821—1822 г. (см. выше, стр. 216, 220), тогда напечатано не было и стало известно Пушкину, вероятно, по сообщению самого автора; в этом послании есть, между прочим, стихи: «Так пел, в Суворова влюблен, Бард дивный, исполин Державин», которые Пушкин вспомнил и позже — в письме к князю Вяземскому от середины апреля 1825 г., № 140; оно напечатано в «Литературном Вестнике» 1902 г., кн. 2, стр. 173—174.

— «Стихи к Грибоедову» (автору «Горя от ума») были напечатаны позже, лишь через три года, в «Московском Телеграфе» 1825 г., № 2 (перепечатаны, по рукописи, в «Русск. Арх.» 1905 г., кн. II, стр. 176). — Одно выражение из этого послания Кюхельбекера («Кровь резво скачет») Пушкин вспомнил в письме № 137 (см. стр. 426) и пародировал в «Оде его сиятельству графу Д. И. Хвостову, с примечаниями автора» (1825). Грибоедов в 1822 г. также состоял при Ермолове, на Кавказе, где Кюхельбекер с ним и познакомился и очень сблизился. См. Соч. Грибоедова, под ред. Н. К. Пиксанова. в серии «Академич. Библ. Русских Писателей», т. III.

— Пушкин оттого рекомендовал брату справиться о приведенных им стихах у барона А. А. Дельвига, что они помещены были в рукописном Лицейском журнале «Вестник» от 3 декабря 1811 г.: они взяты были из «Отрывка из Грозы С.-Ламберта», переведенного с французского Кюхельбекером; Пушкин цитирует их на память, но точно:

Страх при звоне меди
Заставляет народ устрашенный
Толпами стремиться в храм священный,
Зри, боже, число, великий,
Унылых тебя просящих сохранить нам
Цел труд многим людям
Принадлежащий. Увы, из небес горящих
Размножает гнезда летящих
И колосы по полю лежащих
Град быстро падущий.

(См. К. Я. Грот, Пушкинский Лицей, С.-Пб. 1911. стр. 247). По словам Гаевского, эти невозможно нелепые и безграмотные стихи были помещены, вероятно, в насмешку над автором («Современник» 1863 г., т. 97, стр. 140).

— Батюшков (см. выше, стр. 182, 247) сердился на Плетнева (см. выше, стр. 41, 242) по поводу его стихотворения «Б... ов из Рима»; эту элегию Плетнев напечатал в «Сыне Отечества» 1821 г., ч. 68, № 8, стр. 35—36, и как бы от имени Батюшкова говорил, что он утратил вдохновение вдали

№ 41. от родины и друзей («Я снял свой миртовый венец и дни влачу без славы»); стихотворение было напечатано без подписи, и его приписали самому Батюшкову, который в это время уже страдал душевной болезнью; он написал из Теплица письмо Гнедичу, в котором негодовал как на автора элегии, так и на издателей журнала и видел в них тайных врагов, распускающих о нем неблагоприятные для него слухи. (Соч. Батюшкова, т. I, стр. 287—291, и т. III, стр. 566—588 и 772). Как Пушкин, негодовали на Плетнева и ближайшие друзья Батюшкова — А. И. Тургенев и кн. П. А. Вяземский («Остафьевский Архив», т. II, стр. 169, 217, 476).

— Олимп — гора в Греции, на которой, по верованиям греков, обитал Зевс и другие боги; здесь название употреблено в широком смысле: в области божественной, в области неземной поэтической.

— Мнение Пушкина о Плетневе, как о поэте, стало известно последнему вследствие нескромности Л. С. Пушкина, — и поэт выговаривал за это брату в письме от октября (№ 45), а Плетневу, который по этому поводу написал Пушкину послание в стихах (напечатано через два года в «Трудах Вольного Общества Любителей Российской словесности» 1824 г., № 4, в Собрании сочинений Плетнева, т. III, стр. 276—279, и у В. В. Каллаша, Русские поэты о Пушкине, М. 1909, стр. 294 — 297), Пушкин ответил письмом, стараясь оправдаться перед Плетневым; от этого письма сохранился однако только черновой набросок (см. № 46). Ср. ниже, стр. 258—259.

— Гёте — величайший немецкий писатель и поэт (род. 1749, ум. 1832).

— Перевод французской фразы: «Отцу пришла блестящая мысль — прислать мне платье: напомни ему об этом от меня».

— О Слёнине — см. выше, стр. 244; он был должен Пушкину за экземпляры «Руслана и Людмилы»: см. стр. 239, 240—241, 247.

— «Сын Отечества» — журнал, издававшийся Н. И. Гречем.

— Огорчившую Пушкина своею нелепостью фразу «луч *денницы* проникал в *полдень* в темницу» (ср. также в письме его к Л. С. Пушкину от начала января 1823 г., № 49) он прочел в «думе» К. Ф. Рылеева «Богдан Хмельницкий», напечатанной в «Русском Инвалиде» 1822 г., № 54, и начинавшейся словами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь в *полдень* проникал,
Скользя по сводам, луч *денницы*
И ужас места озарял,
В цепях, и грозный, и угрюмый,
Лежал Хмельницкий на земле...

Рылеев перепечатал «думу» в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. 78, № 23, и исправил это место следующим образом:

Куда *украдкой* проникал,
Скользя по сводам, луч денницы...

См. у В. И. Маслова: «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев. 1912, стр. 218.

— Хвостов—граф Дмитрий Иванович (род. 1757, ум. 1835), известный бездарный метроман, над которым потешались писатели новой школы, а в особенности «арзамасцы», в том числе и Пушкин, выводивший его под именем Графова, Графона, Свистова, Хлыстова еще в своих Лицейских стихотворениях. В произведениях Хвостова попадались иногда удивительные бессмыслицы, в роде «зубастых голубей», которых Пушкин вспомнил в письме к князю Вяземскому от начала октября 1825 г. (№ 185), говоря, что его «Затейливый навоз» (шутливые стихи Вяземского)

Хвостова мне напоминает,
Отца зубастых голубей...

Князь Вяземский, приводя стих Хвостова:

Зимой весну являет лето, —

пишет: «Вот календарная загадка! Впрочем, у доброго Хвостова такого рода диковинки были не аномалии, не уклонение, а совершенно нормальные и законные явления» («Русск. Арх.» 1875 г., кн. I, стр. 297, и Соч., т. VIII стр. 332). См. ниже, письмо Пушкина к Хвостову, писанное летом 1832 г. О гр. Д. И. Хвостове см. нашу статью в «Русском Биографическом Словаре». № 42.

42. *Я. Н. Толстому* (стр. 37—38). Впервые напечатано, неполно, в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 186—187; полностью — В. Е. Якушкиным в «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLIV, стр. 576; копия с письма, с поправками руки Жуковского, — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2395, л. 467—468.

— Письмо Толстого, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Яков Николаевич Толстой (род. 1791, ум. 14/26 февраля 1867), воспитанник Пажеского Корпуса, участник войн 1812—1814 гг., служил в Гвардейском Генеральном Штабе и с 1817 г. был адъютантом при генерале А. А. Закревском; будучи членом и Председателем общества «Зеленая Лампа», он сошелся с Пушкиным и написал ему послание (напечатанное в сборнике стихотворений Толстого «Мое праздное время», С.-Пб. 1821 г.), на которое Пушкин ответил Толстому своими известными «Стансами»; уехав в 1823 г. путешествовать за границу, он писал оттуда корреспонденции в «Сыне Отечества» (1823—1824) и «Московском Телеграфе» (1827); из за границы Толстой вернуться в Россию не решился, так как оказался замешанным в дело декабристов, и чтобы реабилитировать себя, занялся сперва добровольным, а потом и официальным политическим сыском и патриотической публицистикой, был причислен к Русскому посольству в Париже, где жил почти безвыездно, и дослужился до чина тайного советника. В библиотеке Пушкина сохранились два французских сочинения Я. Н. Толстого, полученных им, конечно, от автора. О Толстом см. статью Б. Л. Модзалевского в «Русской Старине» 1899 г., т. XCIX, стр. 587—614, и т. C, стр. 175—179, и П. Е. Щеголева в сборнике «Пушкин и его современник», вып. VII, стр. 19—50, а также «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 403—404.

— В начале письма говорится о предложении князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского издать сборник стихотворений Пушкина, проигранный им в 1820 г. Н. В. Всеволожскому (см. выше, стр. 229, 250 и письма к Гнедичу от 27 сентября 1822, № 43, и к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г., № 73). Когда к новому 1826 году вышли из печати «Стихотворения Александра Пушкина», в «Северной Пчеле», со слов брата или друзей поэта, было заявлено: «Это собрание должно было выйти по подписке еще в 1820 году; но издатели, по некоторым обстоятельствам, замедлили его; как, по причине сей остановки, билеты, выданные тогда за деньги, могут быть потеряны подписавшимися особами, то от них довольно будет для получения книги одного имени с адресом, потому что имена гг. подписавшихся в то время находятся у издателей» (Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 33). — Князь А. Я. Лобанов-Ростовский (род. 1788, ум. 1866), «храбрый», по словам М. Н. Лонгинова, офицер, бывший адъютант известного графа Н. М. Каменского, в то время был полковником л.-гв. Гусарского полка и флигель-адъютантом, впоследствии генерал-майор, известный охотник и основатель и командор Российского Яхт-Клуба, библиофил и библиограф, коллекционер и исследователь, издавший, между прочим, в Париже, в 1821 году, «Евангелие от Матфея», переведенное им на русский язык, и «Молитвы при Божественной литургии», а в 1823 — каталог (на французском языке) географических, топографических и морских карт своей богатой библиотеки, часть которой впоследствии перешла в Эрмитаж. Женатый на графине Безбородко, он жил пышно и открыто в своем известном доме в Петербурге, у Исаакиевского собора (со львами, фигурирующими в «Медном Всаднике»), а также в Париже, в Фонтенбло, где устраивал охоты. О нем и об его изданиях см. «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1751, и 1878 г., кн. II, стр. 262—263 (в Воспоминаниях В. В. Ленца), и «Русский Биографический Словарь», т. Л., стр. 517—518.

№ 45. — В стихах, находящихся в письме, Пушкин вспоминает о «Зеленой Лампе» и ее собраниях. По словам Толстого, он отвечал Пушкину посланием, которое начиналось стихами:

Ах, лампа погасла!
Не стало в ней масла!

— О выражении «минутные друзья моей минутной младости» см. выше, в письме № 22 к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 г. и стр. 223.

— Киприда — то же, что Венера, богиня любви.

— Калмык — слуга Н. В. Всеволожского (см. выше, стр. 229).

— Книга Толстого — вышеупомянутый сборник стихотворений Я. Н. Толстого: «Мое праздное время, или собрание некоторых стихотворений Якова Толстого» (ценз. дозв. 30 апреля 1821 г.), С.-Пб. 1821.

— Всеволожские — братья Никита и Александр Всеволодовичи, «основатели» общества «Зеленая Лампа».

— Мансуров — Павел Борисович (см. выше, стр. 196—197), свояк Всеволожского.

— Барков — Дмитрий Николаевич (род. 1796, ум. после 1855), член «Зеленой Лампы», писавший для театра, офицер л.-гв. Егерского полка, штабс-капитан с 6 июня 1822 г., вышедший в отставку 26 января 1823 г., в 1826 г. поступивший в Петербургскую Таможню и бывший в ней старшим членом (1841—1854). Пушкину приписывается эпиграмма на него; ср. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса., Л. 1925 г.

— Сосницкие — актер Иван Иванович (род. 1794, ум. 1871) и его жена, актриса Елена Яковлевна (род. 1800, ум. 1855), в альбом которой Пушкин написал стихи (1818 г.; см. выше, стр. 198—199). Сосницкий упоминается Пушкиным в програме комедии 1821 г.

— Хмельницкий — Николай Иванович, писатель (см. ниже, стр. 270).

— Катенин, — Павел Александрович (см. выше, стр. 201—202).

— Шаховской — князь Александр Александрович, драматург (см. выше, стр. 185).

— Ежова — Екатерина Ивановна, актриса, бывшая в близких отношениях к князю А. А. Шаховскому.

— Гр. Пушкин — вероятно, граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (ум. 1854), в 1822 г. — штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, в 1826 г., за прикосновенность к делу декабристов, переведенный на Кавказ; Пушкин в 1829 году встретился с ним в Новочеркасске, во время путешествия своего в Арзрум. См. «Алфавит декабристов», стр. 360.

— Семеновы — Екатерина Семеновна, драматическая актриса (см. выше, стр. 250—251), и ее сестра Нимфодора Семеновна (род. 1789, ум. 1876), оперная артистка, впоследствии вышедшая за Ахилла Лестрелена.

— Завадовский—вероятно, граф Василий Петрович (род. 1798, ум. 1855), лейб-гусар, на дежурстве которого Пушкин будто бы написал, около 1818 г., «Молитву лейб-гусарских офицеров»; стихи приписали самому Завадовскому, и обиженные ими офицеры хотели драться с ним на дуэли, но их помирили (см. заметку Н. О. Лернера в издании Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 531 — 532).

43. *Н. И. Гнедичу* (стр. 38). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 551; подлинник (на бумаге с вод. зн. J. Whatman 1816) — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— «Приехали Пленники» — т.-е., экземпляры изданных Гнедичем «Кавказского Пленника» и «Шильонского Узника» в переводе Жуковского (изд. 1822 г.); об этом переводе Пушкин и говорит несколькими строками ниже, что это — «tour de force», т.-е., «поступок, требующий силы и ловкости», «ловкачество», «фокус». Около этого времени Жуковский писал Гнедичу: «Что Узник? Любезный Гандиш! ты теперь сделался тюремщиком. К тебе приехал, говорят, с Кавказа другой прекраснейший узник, которому дай ко мне прогуляться, хотя на поруку, а моего продай! Как хочешь, все хорошо... И Иоанна [«Орлеанская Дева»] попала в узники и к такому тюремщику [т.-е. цензору], что уже не видать ей свободы!»

— «В пользу моего» — т.-е. «в пользу моего «Пленника». № 44.

— Перемены в «Кавказском Пленнике» сделаны были по требованию цензуры, а эпитет «горький поцелуй разлуки» — принадлежал Гнедичу (ср. выше, стр. 31, 54 и 243 и ниже, стр. 277). Указанные Пушкиным опечатки были исправлены при 2-м издании «Кавказского Пленника», вышедшем в 1828 г.; вопросу об опечатках в произведениях Пушкина или «типографских проказах» посвящена любопытная заметка В. П. Гаевского в «Вестнике Европы» 1888 г., № 3, стр. 437—444.

— О портрете юноши Пушкина, приложенном к изданию «Кавказского Пленника» и гравированном, а не литографированном, как пишет Пушкин, Е. Гейтманом — см. выше, стр. 241 и ниже. стр. 271.

— «Примечание издателей» — слова о портрете в предисловии к поэме, принадлежащие Гнедичу: «Издатели присовокупляют портрет Автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным».

— Стих «В бореньях с трудностью силач необычайный» — принадлежит князю П. А. Вяземскому и взят из послания его «К В. А. Жуковскому. (Подражание сатире III, Депрео)», напечатанного в «Сыне Отечества» 1821 г., № 10, стр. 129:

О ты, который нам явить с успехом мог
И своенравный ум, и беспорочный слог,
В бореньи с трудностью силач необычайный и т. д.

Этот же стих Пушкин вспомнил и позже, в письме к князю Вяземскому от 25 мая 1825 г. (№ 144, стр. 131), в применении к Жуковскому же.

— Лорд Байрон (род. 1788, ум. 1824) — знаменитый английский поэт, оказавший на творчество Пушкина начала 1820-х гг. сильное влияние. «Шильонский Узник» написан был им в 1816 году. О Байроне сохранилось две статьи Пушкина: одна 1827, а другая 1835 г.; на смерть Байрона Пушкин отозвался вдохновенными строфами в своем стихотворении «К морю».

— «Светлана» (1812), «Людмила» (1808), «12 Спящих дев» (1809, 1817)— баллады Жуковского; первая из них дала автору его «арзамасское» прозвище.

— Пожеланием, чтобы Жуковский «начал создавать», Пушкин выражает сетование на то, что Жуковский в это время занимался главным образом переводами, а не отдавался самостоятельному творчеству.

— О предложении князя А. Я. Лобанова-Ростовского издать сборник стихотворений Пушкина см. в письме Пушкина к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. (№ 42) и выше, стр. 253.

— Письмо Катенина к Пушкину неизвестно, а его ответ Катенину см. выше, под № 38 (от 19 июля).

— Письма Пушкина к Дельвигу и Боратынскому, которые он намеревался писать, — неизвестны.

— Портрет Пушкина, который хотел издать Слёнин (см. выше стр. 244), отдельно издан не был.

— Письмо адресовано Гнедичу в Императорскую (Публичную) Библиотеку потому, что Гнедич служил там с 1811 по 1837 г.

44. *Л. С. Пушкину* (стр. 39—40). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 234—235 (отрывок) и в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, стр. 7—9; в переводе П. И. Бартенева — в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1146—1147; подлинника не сохранилось, а копия, сделанная рукою самого Льва С. Пушкина, на бумаге 1840—1850 гг., — в рукоп. б. Румянцовского Музея № 1254, среди других писем поэта к его брату.

Перевод: «Ты в таких летах, когда должно подумать о предстоящей карьере; я уже высказал тебе причины, по которым военную службу, по-моему, следует предпочесть всем другим. Во всяком случае твое поведение надолго определит твою репутацию и, может быть, твое счастье.—Ты

№ 14. будешь иметь дело с людьми, которых еще не знаешь; начинай всегда с того, чтобы думать о них все дурное, что только можно представить: с этого тебе придется скидывать не много. Не суди о них по своему сердцу, которое я полагаю благородным и добрым и которое, сверх того, еще молодо; презирай их со всевозможною и наибольшею вежливостью. Это средство к тому, чтобы оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые поразят тебя при вступлении твоем в свет. Будь холоден со всеми; фамилиарность всегда вредит; но особенно остерегайся допускать ее с начальниками, даже если они пойдут навстречу этому: они очень скоро опередят тебя и будут очень рады унизить тогда, когда менее всего этого ожидаешь. Отнюдь не делай мелких угождений, остерегайся благожелательности, на какую ты можешь быть способен: люди не поймут ее и охотно примут за угодливость, всегда готовые судить о других по самим себе. Никогда не принимай благодеяний: благодеяние в большинстве случаев бывает предательством. Отнюдь не пользуйся покровительством, так как оно подчиняет и унижает. Я хотел бы тебя предостеречь от обольщений дружбы, но у меня не хватает духу ожесточать твою душу в пору самых сладких ее иллюзий. То, что я мог бы сказать тебе относительно женщин, было бы совершенно бесполезно. Замечу тебе только, что чем меньше любят женщину, тем вернее овладевают ею. Но эта забава достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той, которую ты полюбишь, то я от всего сердца желаю тебе обладать ею. Никогда не забывай умышленного оскорбления; тут или совсем не надо слов или очень мало; никогда не мсти оскорблением за оскорбление. Если твое состояние или обстоятельства не позволят тебе блистать, не старайся скрывать своих лишений, выказывай скорее другую крайность: цинизм суровостью своею действует внушительно на легкомыслие общественного мнения, тогда как мелкие плутни тщеславия сделают смешным и достойным презрения. Никогда не делай долгов, переноси скорее нищету: поверь, что она вовсе не так ужасна, как ее себе рисуют, и что уверенность в том, что ты можешь быть бесчестным или что тебя примут за такового, во всяком случае страшнее. Правилами, которые я тебе предлагаю, я обязан горькому опыту. Хорошо было бы, если бы ты мог их усвоить, никогда не будучи к этому вынужден! Они могут предохранить тебя от дней страданий и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она будет дорого стоить моему самолюбию, но это не может остановить меня, когда дело касается счастия твоей жизни».

«Письмо это», по справедливому мнению П. И. Бартенева: «крайне замечательно, — не потому, чтобы Пушкин сам всегда следовал высказанным в нем правилам, а как изложение тогдашних его понятий о связях общественных. Нет сомнения, что эти убеждения были не тверды, и Пушкину случалось изменять им, но во всяком случае они искренни и необыкновенно важны для оценки его. Прежняя жизнь его заставляет думать, что он действительно мог извлечь их из собственного опыта» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1145).

— Суждение Пушкина о том, что «чем меньше любят женщину, тем вернее овладевают ею», повторено было поэтом почти дословно в «Евгении Онегине»: — глава 4, строфа VII:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей —
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей...
. . . .
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян...

— По поводу напускного цинизма, которым проникнуты советы брату, В. Ф. Саводник замечает: «Мы слишком хорошо знаем Пушкина для того, чтобы думать, что эти поучения вполне соответствовали его действитель-

ному образу мыслей и чувств; но они свидетельствуют о его настроении в эпоху увлечения Байроном и о той аффектации мизантропии и разочарования, которую он считал нужным проявлять в обществе» («Русск. Арх.» 1904 г., кн. II, стр. 139). Ср. еще рассказ князя П. П. Вяземского о суждениях Пушкина про отношения мужчины к женщине, высказанных им в 1836 г., — в «Русск. Арх.», 1884 г., кн. II, стр. 428 — 429, и рассказ А. П. Керн — «Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 145. № 45.

— Отношения Пушкина к брату, бывшие сначала (как видно из этого письма и из других к нему писем, а также из упоминаний о нем в переписке с друзьями) такими теплыми и дружескими, с течением времени совершенно охладели; Л. С. Пушкин, при всей своей талантливости, был человек беспорядочный и легкомысленный; всегда запутанный в денежных своих делах, он причинял старшему брату немало огорчений, так как тот должен был уплачивать его долги и выручать от кредиторов (ср. письма Пушкина от 24 апреля 1835 г. и 3 июня 1836 г.), улаживать его служебные недоразумения и т. д. Не мог Пушкин сочувствовать и его страсти к вину, над которою сперва добродушно подсмеивался; так, например, он подарил ему изданную в 1819 г. книгу К. Бриль-Крамера «О запое и о лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способе лечения сей болезни», сделав на ней шутливую надпись: «Милостивому Государю Братцу Льву Сергеевичу Пушкину» (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 15).

45. *Л. С. Пушкину* (стр. 40). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 98 и 243 — 244 (отрывки, с неверной датой) и в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, стр. 13—14 (полностью); подлинник в рукоп. б. Румянцовского Музея № 1254.

— О письме Пушкина с отзывом о Плетневе и его послании: «Батюшков из Рима» см. выше, стр. 36 и 251—252.

— О ссоре с графом Ф. И. Толстым (Американцем) из-за князя А. А. Шаховского см. выше, стр.24, 34, 234, 248.

— Письмо к Плетневу до нас не сохранилось; известен только черновик его (см. ниже, № 46).

— Появление «Кавказского Пленника» вызвало ряд критических о нем статей, написанных и друзьями Пушкина, и его недоброжелателями; см. их в сборнике В. Зелинского: «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина», ч. I, стр. 87 — 119, и в статье П. О. Морозова в Собр. Сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 28 — 38.

— Фраза из письма М. Ф. Орлова (письмо это нам неизвестно) значит: «Произвел ли он скандал? вот что существенно».

— Упоминаемые Пушкиным письма к Жуковскому и к Министру Иностранных Дел К. В. Нессельроде до нас не дошли; им он писал, конечно, о разрешении вернуться в Петербург, хотя бы на время. На письмо его к Нессельроде от 13 января 1823 г. (№ 50) последний ответил И. Н. Инзову, 27 марта 1823 г., отказом: см. ниже, примеч. к письму № 50, стр. 262.

— Стих: «О други, Августу мольбы мои несите!» взят из послания самого Пушкина «К Овидию», где он вложен в уста Овидия, который тщетно молил императора Августа о возвращении его из ссылки (см. выше стр. 221—222).

— «Август смотрит сентябрем»—говорится об Александре I.

— Послание «Овидию» было напечатано в «Календаре» (т.-е. альманахе) А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная Звезда на 1823 г.», стр. 81.

— Слёнин — книгопродавец (см. выше, стр. 244). — О «Шильонском Узнике» см. выше, стр. 254.

— Книга Греча — «Опыт краткой истории Русской литературы», изданный в С.-Пб. в 1822 г.; ее, очевидно, имел в виду Пушкин в своей статье 1825 г. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», когда говорил, что в России не умеют сохранять в биографиях известного человека характеристических черт: «мы», пишет он, «в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на

№ 46. неведение иностранцев о всем, что до нас касается». — В «Опыт» Греча впервые вошла и биография Пушкина, заключавшая некоторые сведения, полученные, вероятно, от самого Пушкина (см. статью Н. О. Лернера в сборнике «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 70 — 73). Книга Греча сохранилась в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, стр. 31 — 32).

— Брошюра кн. Н. А. Цертелева: — «О произведениях древней Русской поэзии», С.-Пб. 1820; тогда же вышла и другая его брошюра: «Взгляд на Русские сказки и песни и повесть в духе старинных Русских стихотворений»; обе брошюры сохранились в библиотеке Пушкина (там же, стр. 113); научного значения они, однако, не имеют. О князе Николае Андреевиче Цертелеве (род. 1790, ум. 1869), бывшем впоследствии Помощником Попечителя Харьковского Учебного Округа, с пренебрежением упоминал в своем письме к Пушкину от 30 апреля 1820 кн. П. А. Вяземский (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 18). О нем см. «Остаф. Архив», т. I, стр. 532 — 533.

46. *П. А. Плетневу* (стр. 41). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLII, стр. 338; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2366, л. 42 — 43 об.

— Петр Александрович Плетнев (род. 1792, ум. 1865), писатель и поэт, в это время учитель словесности в Екатерининском и Патриотическом Институтах и в Павловском Кадетском Корпусе, с 1828 г. преподававший словесность наследнику Александру Николаевичу и великим княжнам, его сестрам, Инспектор Патриотического Института, с 1832 г. — профессор Русской словесности в Петербургском Университете и в Главном Педагогическом Институте, с 1840 г. — Ректор названного Университета, с 1841 — ординарный академик Академии Наук, один из преданнейших друзей Пушкина (см. выше, стр. 242 — 243), со времени переселения его в Михайловское и вплоть до его смерти постоянно и с бескорыстною заботливостью помогавший Пушкину в его литературных и денежных делах. «В первый раз П. А. Плетнев, — сообщает П. И. Бартенев с его слов: «встретил Пушкина в доме его родителей, когда он был еще лицеистом. Потом, служа вместе с Кюхельбекером в Екатерининском Институте, он через него сошелся и подружился с Дельвигом. Все трое хаживали на литературные субботние вечера к Жуковскому, где часто бывал Пушкин. Там они и познакомились. Любовь к словесности соединила молодых людей. Поздними вечерами они возвращались вместе от Жуковского и в одушевленных беседах не замечали дальних расстояний столицы. Плетнев напечатал тогда роман одного своего покойного товарища Ивана Георгиевского: «Евгений, или письма к другу» (С.-Пб. 1818, 12°, 2 ч.) и к этому, довольно слабому произведению написал предисловие, в котором рассказана жизнь рано умершего сочинителя. «Зачем вы напечатали роман?» — заметил ему Пушкин — «вам бы выдать одно предисловие: это вещь прелестная». Сношения пока ограничивались обыкновенным знакомством, а потом Пушкин уехал» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1202; ср. выше, слова самого Плетнева в письме к графу Строганову, стр. 242). Письмо Пушкина (в беловом виде оно нам неизвестно, как неизвестно, было ли оно вообще написано и отправлено по назначению) вызвано было тем, что Плетневу, вследствие нескромности Л. С. Пушкина, стал известен неблагоприятный отзыв Пушкина о послании Плетнева «Батюшков из Рима» и вообще о его стихах и о его слоге, который «бледен, как мертвец» (см. письмо Пушкина к брату от 4 сентября и октября 1822 г. № 41 и 45 и выше, стр. 251 — 252). Огорченный Плетнев прислал Пушкину длинное послание в стихах (оно было, два года спустя, напечатано в «Трудах Вольного Общества Любителей Российской словесности» 1824 г., ч. XXVI, № 4, стр. 201), дышавшее искренним чувством. Вот его начало:

Я не сержусь на едкий твой упрек:
На нем печать твоей открытой силы;
И, может быть, взыскательный урок
Ослабшие мои возбудит крилы.

Твой гордый гнев, скажу без лишних слов,
Утешнее хвалы простонародной:
Я узнаю судью моих стихов,
А не льстеца с улыбкою холодной...

Оправдания этого было для Пушкина достаточно, «чтоб он признал вину свою и постарался загладить ее. С послания Плетнева образовалась между ним и поэтом нашим тесная дружеская связь» (Анненков, Материалы, изд. 1855 г., стр. 243). О переписке Пушкина с Плетневым см. заметку Я. К. Грота в его книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», С.-Пб. 1899, стр. 124—129.

47. *Неизвестной* (стр. 41—42). Впервые напечатано в «Русской Старине» 1884 г., т. XLII, стр. 334; подлинник — в рукописи Московского б. Румянцовского Музея № 2366, л. 30.

Перевод: «[Не для того, чтобы оказать Вам неуважение, пишу я вам, но [так как] я имел [глупость] и слабость [и неловкость] признаться вам [в моей] в смешной страсти и хочу откровенно объясниться]. Не притворяйтесь [это], это было бы недостойно вас [и более того — это совершенно бесполезно] кокетство [которое вам так к лицу] было бы [жестокою] жестокостью [весьма] [холодно] легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной,— Ваш гнев, я ему не более поверил бы — чем мог бы я вас оскорбить; я люблю вас с таким порывом нежности, без всякой предвзятости — [Если ваше самолюбие задето]. Даже ваше самолюбие не может быть задето [Вы узнали что] [меня поняли] [знаете мою высокую] [довол... Вы]. — Если бы у меня были надежды, то не стал бы я ждать кануна вашего отъезда чтобы [с вами] объясниться. Припишите мое признание [моему возбуждению, которое —] лишь приподнятому настроению [смущению], с которым я не мог более совладать, которое дошло до слабости [и глупости. Я не хочу ничего] я не прошу ничего, я сам не знаю, чего я хочу, — тем не менее я вас...»

Письмо обращено к неизвестной даме — вероятно, из Кишиневского общества. Приурочение письма к М. Н. Раевской - Волконской, делаемое Н. Кузминым в его «Поэтической монографии из жизни Пушкина»: «Первая любовь Пушкина» («Заря» 1905 г., № 250), ни на чем не основано (сравн. «Пушкин и его соврем.», вып. XIV, стр. 157, 181—182).

48. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 42—43). Впервые напечатано, по копии, в сборнике В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и к Пушкину. Материалы, собранные книгоиздательством Скорпион», М. 1903, стр. 13—15; подлинник (на бумаге вод. зн.: Гг. Хлюстиных. 1818 г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве.

— Письмо это писано, вероятно, по возвращении Пушкина из поездки, в ноябре 1822 г., в Киевское имение Давыдовых — Каменку (см. выше, стр. 217), откуда он заезжал в м. Тульчин, — место расположения штаба 2 армии. — П. А. Ефремов предполагает, что это письмо — то самое, которое посылал М. Ф. Орлов при письме своем к князю Вяземскому из Киева от 9 ноября 1822 г.: «При сем следует также большое письмо от Пушкина, разбраненного тобою. Я не знаю, что он к тебе пишет, но этот молодой человек сделает много чести русской словесности» («Берег» 1880 г., № 74, стр. 3, и «Пушкин», сборник П. И. Бартенева, вып. II, М. 1885, стр. 23); но этому предположению Ефремова противоречат слова Пушкина с благодарностью за присылку «Первого снега», который был напечатан *в конце 1822 г.* в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 289); кроме того, тяжба Вяземского с цензурою относится *к концу 1822—началу 1823 года* (там же, стр. 291, 294 и др.).

— Письмо князя П. А. Вяземского, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— О стихотворении Вяземского «Первый снег» см. выше, стр. 203; князь Вяземский прислал Пушкину эту пьесу в оттиске: она была тогда напечатана в «Новостях Литературы» 1822 г., кн. II, № 24.

№ 48. — Плетнев и Рылеев вызвали неудовольствие Пушкина своими стихотворениями: «Батюшков из Рима» и «Богдан Хмельницкий»; см. выше, стр. 251 — 252, 258 — 259.

— Тяжба Вяземского с цензурою, относящаяся к середине декабря 1822 г., вызвана была тем, что знаменитый своим тупоумием цензор А. И. Красовский задерживал и переделывал критическую статью князя Вяземского, направленную против М. Т. Каченовского; выведенный из терпения, Вяземский подал жалобу на Красовского (см. ее в «Русск. Арх.» 1896 г., кн. II, стр. 293), а в письме к А. И. Тургеневу от 7 декабря 1822 г. писал: «Жаль мне, что я не в Петербурге: право, ударил бы Красовского в щеку... Должно бить цензоров до того, что никто за миллионы и за Андреевские не пойдет в цензора» («Остаф. Архив», т. II, стр. 286; Ср. выше, стр. 58). Под Бируковыми Пушкин разумеет вообще цензоров, от которых он много страдал. Пушкин обратил к Александру Степановичу Бирукову (род. 1772, ум. 1844; был цензором в 1821 — 1826 гг.) оба свои негодующие «Послания цензору», из которых первое было написано как раз в конце 1822 г. и было осуществлением его намерения «связаться с Бируковым»; второе послание относится уже к 1824 году; в эпиграмме того же 1824 г. Пушкин писал про тогдашних цензоров:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух;
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну, право, их умней покойный был Тимковский!

Бируков, по выражению Пушкина—«трусливый дурак» (письмо к кн. Вяземскому 6 февраля 1823 г., стр. 47 и 267), — отличался своею излишнею строгостью и боязливостью, «соединенной с неразумением силы языка» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 521). Ср. отзыв в письме к Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 г., — выше, стр. 83, и в Дневнике Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 27 и 247 — 248.

— Выражение о «ремесле» писателя, «что это — наиболее подлое ремесло», принадлежит Ж. Ж. Руссо (род. 1712, ум. 1778); по поводу этого Пушкин замечает (по-французски): «не более подлое, чем другие».

— Пушкин пародирует стих Державина из его стихотворения «Арфа»:

Звучи, о арфа, ты все о Казани мне!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

— В Еврейке Ревекке комментаторы склонны видеть Марью Егоровну Эйхфельдт, жену Кишиневского горного чиновника, которую называли Еврейкой за воображаемое сходство ее с Ревеккой из романа Вальтера Скотта «Айвенго» (Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 567, 568, 569, 581); но мы согласны с мнением С. А. Венгерова, что нескромный конец стихотворения Пушкина, обращение к Ревекке, указания на Моисея, противопоставления Христа, — все это обилие указаний на еврейство — приводит к мысли, что тут речь идет о действительной еврейке (там же, стр. 568, прим.).—Эпиграмму на М. Т. Каченовского и эпиграмму на Аглаю Антоновну Давыдову («Иной имел мою Аглаю») Пушкин сообщил ранее брату 24 янв. 1822 г.: см. выше, стр. 27 и 240. На кого написана третья эпиграмма — «Лечись — иль быть тебе Панглосом» — неизвестно; Панглос — действующее лицо в повести Вольтера «Кандид», — философ, утверждавший, что все на свете к лучшему, несмотря даже на то, что, после «урока экспериментальной физики», данного зараженной сифилисом горничной Пакете, он потерял кончик носа, глаз и ухо («Кандид», гл. I, IV и XXX); последнюю эпиграмму, навеянную также воспоминанием о беде Панглоса, относят к А. А. Давыдовой, но, конечно, без оснований.

— Денис Васильевич Давыдов (род. 1784, ум. 1839) — известный партизан Отечественной войны, поэт и военный писатель (лучшее издание его Сочинений, под ред. А. О. Круглого, вышло в 1893 г.), знакомый Пушкину уже в 1817 г. (см. «Послание к В. Л. Пушкину» 1817 г.), когда он мог встречаться с Давыдовым в среде членов «Арзамаса», к коему принадлежал и Давы-

дов, нося прозвище «Армянин». Пушкин впоследствии говаривал, что в молодости своей он «старался подражать Денису Давыдову в *кручении* стиха и усвоил себе его манеру навсегда» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 429), а М. В. Юзефовичу, на вопрос, как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого, отвечал (1829 г.), что «этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, ст. 732, и 1880 г., кн. III, стр. 444); в 1823 году Давыдов был генерал-майором и жил в Москве не у дел; он переписывался с Пушкиным и впоследствии сотрудничал в его «Современнике»; к нему относится стихотворение 1821 г. «Сетование» и послание при посылке «Истории Пугачевского бунта» (1836 г.); к нему же относят стихотворение, сохранившееся лишь в черновом наброске Пушкина (1821 года): «Я слушаю тебя и сердцем молодею» (см. Пушк., ред. П. О. Морозова, т. I, стр. 605; Б. А. Садовской, «Русская Камена», М. 1910, стр. 22). Д. В. Давыдов приходился близким родственником «Каменским» Давыдовым, почему Пушкин и просил Вяземского не сообщать его новых эпиграмм именно ему, чтобы не обидеть его злою эпиграммою на Аглаю Давыдову, жену хозяина Каменки.—А. Л. Давыдова. № 49.

— Подпись под письмом «Св.» означает «арзамасское» прозвище Пушкина: «Сверчок».

49. *Л. С. Пушкину* (стр. 44). Впервые напечатано в «Отеч. Зап.» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 66 (в статье В. П. Гаевского) и, по подлиннику,— в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, ст. 14—15; подлинник в рукописи б. Румянцовского Музея № 1254.

— Bévue по-французски значит: промах, погрешность, ошибка; «Revue des Bévues» значило бы: «Обозрение промахов» (о «Revue des Bévues» Пушкин вспоминает еще и в письме своем к князю П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 г. № 85, стр. 83); к этим «промахам» Пушкин готов был относить некоторые неудачные места из критических статей Александра Федоровича Воейкова (см. выше, стр. 218), который, между прочим, вызвал насмешливые замечания Пушкина (в письме к Гнедичу от 4 дек. 1820 г., стр. 14) своим разбором «Руслана и Людмилы», где говорилось о «смелой кисти Орловского», который, по словам Пушкина, «кисти в руки не берет», и т. д. О bévue Рылеева «полудневная денница» см. выше, стр. 36 и 252; другая его же bévue: «Герб российской на вратах Византийских» замечена была Пушкиным в думе Рылеева «Олег Вещий» (напечатанной в «Новостях Литературы» 1822 г., № 11), где было сказано, что Олег «прибил свой щит с гербом России к Цареградским воротам»; по этому же поводу Пушкин 1 марта 1822 г., написав в черновике своей «Песни о Вещем Олеге» стих

Твой щит на вратах Цареграда,

к слову «щит» сделал выноску: «но не с гербом России, как некто сказал (для рифмы к Византии), во-первых потому, что во времена Олега Россия не имела еще герба. Наш *двуглавый орел* есть герб Римской империи и знаменует разделение ее на Западную и Восточную; у нас же он ничего не значит» («Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 326). В конце мая 1825 г. Пушкин писал Рылееву (письмо № 145, стр. 133): «Ты напрасно не поправил в Олеге *герба России*. Древний Герб, св. Георгий не мог находиться на щите язычника Олега; новейший двуглавый орел есть герб Византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повеси щит свой на вратех на показание победы».

— Ж. — Жуковский, на молчание которого Пушкин жаловался и ранее; «Жуковский в 1820 и 1821 г. ездил за границу с великой княгиней Александрой Федоровной и потом был обременен своею должностью при дворе» — говорит Бартенев, объясняя его молчание («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1193). Яков — камердинер Жуковского, упомянутый выше (стр. 245), в эпиграмме Пушкина на Кюхельбекера.

№ 50—51. — К. Н. Батюшков был в Крыму, в Симферополе, с агуста 1822 г. по апрель 1823 г. и лечился у д-ра Мюльгаузена; его душевная болезнь в это время приняла совершенно определенный характер сумасшествия на почве мании преследования. В мае он был привезен в Петербург, а весною 1824 г. отправлен в Зонненштейн, в Саксонии, в заведение для душевнобольных (См. Л. Н. Майков, Сочинения Батюшкова, т. I, С.-Пб. 1887, стр. 296 и след.; «Остаф. Арх.», т. II, стр. 311 — 312 341, 349, 355 и др.; «Стар. и Нов.», кн. I, стр. 124, 125, 128 и др.).

— Орлов — Михаил Федорович, генерал, женатый на Е. Н. Раевской.

— Дельвиг в исходе 1822 года писал своему Лицейскому товарищу Кюхельбекеру: «Откликнись ему (Пушкину), — он усердно будет отвечать. На него охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими» (Сочинения барона А. А. Дельвига, изд. 1895 г., стр. 150).

— Тургенев — Александр Иванович.

— Карамзин — Николай Михайлович, историограф.

— Глинка — Федор Николаевич (см. выше, стр. 228—229); приводимые в письме Пушкина его стихи к нему вызваны благодарностью Пушкина за поэтическое приветствие Глинки, напечатанное, вскоре после высылки Пушкина из Петербурга, в «Сыне Отечества» 1820 г., ч. 64, № 38, стр. 231 — 233, но написанное в 1819 г., по прочтении двух первых песней «Руслана и Людмилы»:

О Пушкин, Пушкин! Кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных? и т. д.

— Под Афинами в стихотворении Пушкин разумеет, конечно, Петербург.

— Аристид — знаменитый Афинский государственный деятель, известный своими гражданскими добродетелями и справедливостью, умерший около 467 г. до Р. Х.

— Письмо Пушкина к брату, при котором были посланы стихи его к Глинке, неизвестно. — По смерти Пушкина Глинка написал «Воспоминание о пиитической жизни» его, напечатанное в «Библиотеке для Чтения» 1837 г., т. XXI, стр. 85 — 91, а в «Русском Архиве» 1866 г., ст. 917 — 922 — рассказ о высылке Пушкина из Петербурга.

50. *Графу К. В. Нессельроде* (стр. 44 — 45). Впервые напечатано в «Русск. Стар» 1887 г., т. 53, стр. 244—245. а затем в книге В. Я. Брюсова: Письма Пушкина и к Пушкину, М. 1903, стр. 9; подлинник—в деле 6. Московского Архива Министерства Иностранных Дел.

Перевод: «Граф! Будучи причислен, по повелению его величества, к г-ну Бессарабскому генерал-губернатору, я не могу без особого разрешения приехать в Петербург, куда зовут меня дела моего семейства, которое я не видел три года. Беру смелость обратиться к вашему сиятельству, чтобы просить разрешить мне отпуск на два или три месяца. — Имею честь быть с глубочайшим почтением и величайшим уважением, граф, вашего сиятельства всенижайший и всепокорнейший слуга Александр Пушкин».

— Граф Карл Васильевич Нессельроде (род. 1780, ум. 1862) был с 1822 г. Управляющий Министерством Иностранных Дел, в ведомстве которого числился Пушкин со времени окончания курса в Лицее, а потому являлся его главным начальником. Он докладывал императору Александру I о просьбе Пушкина 21 февраля, но царь не разрешил отпуска, — и Нессельроде ответил не Пушкину, а И. Н. Инзову следующим письмом от 27 марта: «Находящийся при вашем превосходительстве коллежский секретарь Пушкин отнесся ко мне письменно об испрошении ему отпуска для свидания с семейством. Вследствие доклада о сем государю императору, его величество соизволил приказать мне уведомить г. Пушкина, через посредство вашего превосходительства, что он ныне желаемого позволения получить не может» («Русск. Стар.» 1887 г., т. 53, стр. 245).

51. *В. П. Горчакову* (стр. 45). Впервые напечатано в «Московских Ведомостях» 1858 г., № 19, Литер. Отд., стр. 81, в статье В. П. Горчакова: «Воспоминание о Пушкине» и перепечатано в «Общезанимательном

Вестнике» 1858 г., № 8 стр. 375. «Продолжение этой записки принадлежит собственно к дневнику нашему», — писал В. П. Горчаков; но эта часть его дневника осталась неизданною и неизвестно, сохранилась ли доныне, как и самая записка. № 52.

— О В. П. Горчакове см. выше, стр. 236.

— Приводя записку Пушкина к Горчакову, П. И. Бартенев писал в объяснение первых двух стихов ее: «Надо припомнить, что дом, в котором жил Пушкин, стоял почти на пустыре, и к воротам надо было проходить довольно далеко» («Русск. Арх.» 1866, ст. 1159, примеч.).

— Варфоломей — Егор Кириллович, богатый и гостеприимный боярин Кишиневский («кукон»), «некогда», по словам А. Ф. Вельтмана, «стоявший с чубуком в руках на запятках *бутки* (коляски) Ясского господаря Мурузи, но потом владетель больших имений в Бессарабии, Председатель Палаты и откупщик всего края; во время Пушкина жил открыто»(Л. Майков, Пушкин, стр. 121—122). Варфоломей, потом попавший под суд, был в это время «советником от короны» в Бессарабском Областном Суде; «пестрый дом» его в Кишиневе Пушкин упоминал в своем послании к Ф. Ф. Вигелю; с дочерью Варфоломей, хорошенькой «куконицей»,«полной,круглой, свежей девушкой» Пульхериею Егоровною (впоследствии была в замужестве за греческим консулом в Одессе Мано; ум. в 1868 г.), Пушкин был хорошо знаком и даже «волочился» за нею и внес имя ее в свой «дон-жуанский» список (Л. Н. Майков, о. с., стр. 122—123; Акад. издание Переписки, т. II, стр. 215—216; Пушк. Соч., ред. Венгерова, т. II, стр. 615 и 626. т. IV, стр. 96—97).

— Записка к Горчакову писана по случаю бала, в один из понедельников, у Е. К. Варфоломея, который намерен был пригласить на него славных музыкантов Якутского полка. Пушкина, как и всех, занимал этот бал и, желая разузнать о нем, он и посылал запрос к Горчакову, с которым не видался накануне вечером.

52. *Л. С. Пушкину* (стр. 45—46). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 237—238 (отрывок) и в «Библиографических Записках 1858 года, т. I, стр. 15—16 (полностью); подлинник в рукописи 6. Румянцовского Музея № 1254. Письмо Л. С. Пушкина, на которое П. отвечает, до нас не сохранилось.

— Стих «И все то—благо, все—добро»—из стихотворения Державина «Утро» (1800 г.):

....Там поселяне плуг влекут,
Здесь сети рыболов кидает,
На уде блещет серебро;
Там огнь с оружья войск сверкает,—
И все то благо, все добро.

— Дидло—Шарль-Луи (род. 1767, ум. 1837), знаменитый балетмейстер, реформировавший в Петербурге хореграфическое искусство; его Пушкин дважды упоминает в «Евгении Онегине» (гл. 1. стр. XVIII и XXI). Дидло был автором многих балетов,—в том числе и «большого древнего национально-пантомимного» балета: «Кавказский Пленник, или Тень невесты» (на сюжет Пушкина, музыка капельмейстера К. А. Кавоса), поставленного 15 января 1823 г.; в нем роль Черкешенки исполняла знаменитая балерина Евдокия Ильинична Истомина (впоследствии, по мужу, Экунина, ум. 1848), красавица чисто русского типа, за которою Пушкин ухаживал в тот период своей жизни, когда «под сению кулис младые дни его неслись» («Евг. Онег.», гл. 1, стр, XVIII); он упоминает ее и в программе «Русского Пелама», и в «Евгении Онегине» (гл. 1, стр. XX и гл. 5, стр. XXXVII), где посвятил ей известные строки:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина.... и т. д.

О Дидло см. Л. Гроссман «Пушкин в театральных креслах», 1926 г. стр. 98—131.

№ 52. — Бестужев—Александр Александрович (см. выше, стр. 242), издатель, с К. Ф. Рылеевым, вышедшего в самом конце 1822 г. альманаха «Полярная Звезда на 1823 г.», в котором были помещены, между прочим, стихотворения Пушкина: «К Овидию» (стр. 81—84) и «Мечта воина» (стр. 388—389), — обе без подписи, вместо которой поставлены были две звездочки **, на кои он и намекает, прося брата «любить» их. Боратынский поместил в «Полярной Звезде на 1823 г.» только два своих стихотворения: «Весна» и «К Дельвигу».

— «Noël» (по-французски значит рождественская песнь, кант, народная песенка на рождество) — стихотворение 1818 г., написанное Пушкиным, который желал в нем осмеять либеральные обещания имп. Александра I, высказанные в речи при открытии Варшавского Сейма 15—27 марта 1818 г. («Остаф. Арх.», т. I, стр. 472—479 и 483—484); оно начинается стихами:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ...

(Пушк. Мороз. I, 543, VIII, 430 и 538; Ефр. I, 298). Какую-то «святочную песенку» посылал Пушкин брату в конце 1824 г. (см. письмо к нему № 115) она нам неизвестна. О «Noël'е» и подобных стихотворениях Пушкина см. у П. В. Анненкова: Пушкин в Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 83—84. Акад. изд. Соч. Пушкина, т. II, примеч.,стр. 6—10, и в книге Ю. Н. Щербачева: Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М. 1913, стр. 80—81, 90—91.

— Панаев—Владимир Иванович (род. 1792, ум. 1859) — поэт, подражатель немецкого идиллика Геснера (род. 1730, ум. 1788), известный своими слащавыми, искусственными «Идиллиями» (изд. С.-Пб. 1820); в письме к брату от декабря 1824 г. (см. ниже, № 110) Пушкин называет Панаева, служившего чиновником в Комиссии Духовных Училищ при Синоде, «идиллическим коллежским ассессором». Это насмешливое прозвище определенно рисует отношение Пушкина к Панаеву; последний также не питал к Пушкину особенных симпатий, хотя и отдавал ему должное, как поэту; так, в Воспоминаниях своих, рассказывая о знакомстве с Державиным и другими писателями всех партий, от Карамзина до Булгарина, он говорит: «Литературное партизанство еще усилилось с появлением лицеистов, к которым примкнули другие молодые люди, сверстники их по летам. Они были (оставя в стороне гениального Пушкина) по большей части люди с дарованиями, но и с непомерным самолюбием. Им хотелось поскорее войти в круг писателей, поравняться с ними. Поэтому, ухватясь за Пушкина, который тотчас стал на ряду со своими предшественниками, окружили они некоторых литературных корифеев, льстили им; а те, с своей стороны, за это ласкали их, баловали. Напрасно некоторые из них: Дельвиг, Кюхельбекер, Боратынский старались войти со мною в короткие отношения: мне не нравилась их самонадеянность, решительный тон в суждениях, пристрастие и не очень похвальное поведение... Я даже не заплатил им визита. Они на меня прогневались и очень ко мне не благоволили. Впоследствии они прогневались на меня еще более, вместе с Пушкиным, за то, что я не советовал одной молодой опрометчивой даме [С. Д. Пономаревой] с ними знакомиться» («Вестн. Евр.» 1867 г., кн. III), С 1832 г. до смерти Панаев служил Директором Канцелярии Министерства Двора. — В «Полярной Звезде на 1823 г.» была напечатана его идиллия «Корзинка».

— Рылеев поместил в своем альманахе повесть «Рогнеда» и думы «Борис Годунов» и «Иван Сусанин».

— Стихотворение «Мечта воина» (заглавие Пушкина: «Война») написано 29 ноября 1821 г., повидимому, по поводу слухов о предстоящем объявлении войны Турции, в которой Пушкин мечтал принять участие (см. Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 576—577).

Стихотворение это затем перепечатано было в издании Стихотворений Пушкина 1826 г., с исправлением ошибок текста «Полярной Звезды». *№ 53.*

— «Тревожных дум» — выражение в «думе» Рылеева «Борис Годунов»:

Пред ним прошедшее, как смутный сон
Тревожной оживлялось думой...

Пушкин вообще не одобрял дум Рылеева и в письме к князю Вяземскому от 25 мая 1825 г. (№ 144) шутя производил это слово от немецкого «dumm», глупый.

— Стихи Ф. Н. Глинке приведены в письме к брату за № 49; о них см. выше, стр. 262.

— Фемистокл — Афинский военачальник, государственный деятель эпохи греко-персидских войн (род. ок. 525, ум. 459 г. до Р. Х.), соперничавший с Аристидом (последним именем Пушкин называл Глинку). Фемистокл, как известно, отличался противоестественным пороком, любовью к мальчикам.

— Удачный стих Гнедича, приведенный Пушкиным, взят из его стихотворения «Тарентинская Дева» (из Андрея Шенье), напечатанного в «Полярной Звезде на 1823 г.», стр. 181.

— Писем барона Дельвига к Пушкину, равно как и его к Дельвигу за 1822 г., не сохранилось, а между тем Дельвиг писал в конце 1822 г. их общему Лицейскому товарищу В. К. Кюхельбекеру, что на Пушкина «охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими» (Соч. барона А. А. Дельвига, под ред. В. В. Майкова, изд. 1895 г., стр. 150). Отзыв Пушкина о языке Дельвига был сделан, вероятно, под впечатлением знакомства со стихотворениями его, напечатанными в «Полярной Звезде на 1823 год»: «Песня», «На смерть*** (сельская элегия)» и «Вдохновение» (сонет).

— Французская фраза значит: «Вперед, марш!»

— Имп. Александр I в конце 1822 г. был на Веронском Конгрессе; в Царское-Село он вернулся 20 января 1823 г., а на другой день приехал в Петербург, проведя за границей почти полгода. В Москве, куда Л. С. Пушкин собирался тогда ехать, из родственников его жили: его дядя В. Л. Пушкин и семья М. М. Сонцева (ум. 1847), женатого на сестре отца поэта, т. е. на его тетке Елизавете Львовне (ум. 1848), затем—тетка Анна Львовна Пушкина (ум. 1824), на смерть которой Пушкин написал, с бароном Дельвигом, шуточную элегию, и, кажется, еще другой дядя — Петр Львович Пушкин (ум. 1825).

— О выражении «кюхельбекерно»—см. выше, стр. 245. По словам В. П. Гаевского («Современник» 1863 г., т. 97, стр. 149), это выражение Пушкина было отголоском воспоминаний о Лицее, где в числе «национальных песен» распевалась и следующая:

Ах! тошно мне
На чужой скамье!
Все не мило,
Все постыло,
Кюхельбекера там нет! и проч.

Ср. еще ниже, в письме 17 августа 1825 г. (№ 172). В. К. Кюхельбекер в это время жил в Смоленской губернии, в имении своей сестры Ю. К. Глинки — с. Закупе.

— *Перевод французских фраз:* «Довольно о нем. Довольно, так довольно».

— Фразу «Ты не приказываешь жаловаться на погоду в Августе» следует сопоставить с фразою в письме к брату от октября 1822 г. (№ 45): «Август смотрит Сентябрем», о коей см. выше, стр. 257.

53. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 46—48). Впервые напечатано в «Русск. Вестн.» 1899 г., т. 261, июнь, стр. 391 — 392; подлинник в б. Румянцовском Музее, в собрании рукописей В. М. Ундольского.

— «Суждение умного человека» — восторженная статья самого кн. Вяземского «О Кавказском Пленнике, повести соч. А. Пушкина», напечатанная в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. 82, № 49; см. также Сочин. кн. Вяземского, т. I, стр. 73 — 78. В статье этой, однако, — кроме похвал,

№ 53. Вяземский высказал и несколько замечаний по поводу невыдержанности характера Пленника, бедности «изобретения» в драматической части поэмы, незаконченности ее, пропусков в изображении характера героя и т. под. Как бы в дополнение к этой статье вот что писал Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 27 сент. 1822 г.: «Я написал кое-что о «Кавказском Пленнике»: скоро пришлю. Мне жаль, что Пушкин окровавил стихи своей повести. Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, *Как черная зараза, губил, ничтожил племена?* От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия—не союзница палачей; политике они могут быть нужны,—и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни. Мне досадно и то, что, разумеется, мне даже о том и намекнуть нельзя будет в моей статье. Человеколюбивое и нравственное чувство мое покажется движением мятежническим и бесовским внушением в глазах наших христолюбивых цензоров» («Остаф. Архив», т. II, стр. 274—275); такие же мысли Вяземский высказал и позже, в 1831 г. (в письме к Е. М. Хитрово), по поводу стихотворения Пушкина «Клеветникам России» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 110).

— О критике А. Ф. Воейкова на «Руслана и Людмилу» см. выше, стр. 218. В «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского эта же поэма Пушкина вызвала 4 порицательных статьи; о «Кавказском Пленнике» пространная статья (подписанная буквами М. П.—не Погодина ли?) появилась в № 1-м «Вестника Европы» за 1823 г., ч. CXXVIII, стр. 35—57; критик остановился в ней главным образом на отдельных местах поэмы, порицая характер Пленника и критикуя отдельные выражения.

— Варюшка и Буянов — герои шутливой популярной «поэмы» В. Л. Пушкина «Опасный Сосед» (см. выше, стр. 183).

— Вопросу об отношении самого Пушкина к романтизму посвящены статьи: Н. К. Кульмана в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова» (С.-Пб. 1902, стр. 447—454) и В. В. Сиповского «Пушкин и романтизм» — «Пушк. и его современ.», вып. XXIII—XXIV, стр. 223—280.

— Суждения Пушкина о драматурге Владиславе Александровиче Озерове (род. 1770, ум. 1816) выразились с большою отчетливостью и подробно в критических заметках его на биографическую статью Вяземского об Озерове, изданную при собрании сочинений последнего, вышедшем в 1816 г. (см. их в книге Л. Н. Майкова: «Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 263—283: «Пушкин об Озерове» и в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. IV, стр. 486—490). Поэт много раз высказывал свои мнения об Озерове, как писателе. По свидетельству Вяземского, Пушкин вообще «Озерова не любил, и он часто бывал источником наших живых и горячих споров. Оба мы были неуступчивы и несколько заносчивы. Я еще более, нежели Пушкин. Он не признавал в Озерове никакого дарования. Я, может быть, дарование его преувеличивал. Со временем, вероятно, мы сошлись бы на полудороге. Пушкин критиковал в Озерове и трагика, и стихотворца»... (Соч., т. I, стр. 55—56). В статье своей о «Кавказском Пленнике» Вяземский выразился об Озерове, как об «отличном даровании»: это и вызвало суждение Пушкина об Озерове.

— Монолог Фингала: «Нет, песням никогда надгробным я не внемлю» находится в 3-актной трагедии Озерова «в стихах, с хорами и пантомиными балетами» — «Фингал», действие I, явл. 2-е; стоя у могилы царевича Тоскара, Фингал говорит:

Нет, гласам никогда надгробным я не внемлю,
Чтоб мысль не возвращал в отеческую землю,
Где возвышенный ряд родительских могил
Служил источником моих душевных сил;
Где часто при заре, над молчаливым холмом,
Под облачной грядой беседовал я с сонмом
Почиющих отцов... и т. д.

— Парнасское православие — правила классической школы, с которыми боролись писатели новой школы — романтики, проповедывавшие, что в поэтическом творчестве надлежит повиноваться лишь свободному вдохновению; Пушкин однажды шутя назвал романтизм «Парнасским афеизмом» (Послание» к А. Г. Родзянке, 1825 г.). № 53.

— «Щелчок цензуре» — следующие слова Вяземского в упомянутой статье его о «Кавказском Пленнике»: «...Кстати о строгих толкователях или, правильнее, перетолкователях, — заметим, что, может быть, они поморщатся и от нового произведения поэта, пылкого и кипящего жизнию. Пускай их мертвая оледенелость не уживается с горячностью дарования во цвете юности и силы: но мы, с своей стороны, уговаривать будем поэта следовать независимым вдохновениям своей поэтической Эгерии, *в полном уверении, что бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у нас в потворстве, умеет и без помощи посторонней удерживать писателей в пределах дозволенного*» (Сочинения, т. I, стр. 77).

— О цензоре Бирукове см. выше, стр. 260. Послание Бирукову—«Первое послание цензору» 1822 г.

— В «Полярной Звезде на 1823 г.» были помещены стихотворения князя Вяземского: «Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения», «Всякий на свой покрой», «Цветы», а также Надписи к портретам и 4 эпиграммы.

— О прозе Вяземского ср. отзыв Пушкина в конце письма к нему от 1 сентября 1822 г.(№ 40, стр. 35).

— Под прозой Карамзина Пушкин разумеет, конечно, «Историю Государства Российского», о которой в остатках автобиографии Пушкина дошли до нас его восторженные отзывы.

— Глинка — Федор Николаевич (см. выше, стр. 44, 4 , 262, 265).

— В статье о русских писателях Александра Александровича Бестужева (см. выше, стр. 242, 264), издателя «Полярной Звезды»,—«Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная Звезда на 1823 г.», стр. 1—44) был дан восторженный отзыв о Пушкине: «Александр Пушкин вместе с двумя предыдущими [Жуковским и Батюшковым] составляет наш поэтический триумвират. Еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога, и в первой юности дался ему клад Русского языка, открылись горы поэзии. Новый Прометей, он похитил небесный огонь и, обладая оным, своенравно играет сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальностью; после чтения каждой остается что-нибудь в памяти или в чувстве. Мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов,—это музыка; не упоминаю о плавности их—по Русскому выражению, они катятся по бархату жемчугом. Две поэмы сего юного поэта: *Руслан и Людмила* и *Кавказский Пленник* исполнены чудесных, девственных красот; особенно последняя, писанная в виду седовласого Кавказа и на могиле Овидиевой, блистает роскошью воображения и всею жизнию местных красот природы. — Неровность некоторых характеров и погрешности в плане суть его недостатки — общие всем пылким поэтам, увлекаемым порывами воображения. (Род. 1799)». Затем следовала характеристика дарований «остроумного» князя Вяземского, «щедро сыплющего сравнения и насмешки», Гнедича, Ф. Глинки, в сочинениях которого «отсвечивается ясная его душа» и который «*владеет языком чувств, как Вяземский языком мыслей*», Д. Давыдова, Боратынского и всех других современных поэтов и писателей. Большинство характеристик Бестужева, действительно, состоит из общих мест и не всегда метких определений. Более подробное суждение Пушкина о статье Бестужева см. в письме к нему самому от 13 июня 1823 года (№ 57).

— Дядя — Василий Львович Пушкин, «Арзамасский» Староста; собрание его «Стихотворений», с портретом автора, было издано в Петербурге в 1822 году.

— Ив. Ив. Дмитриева, бывшего в 1810—1814 гг. Министром Юстиции, Пушкин ставил, как поэта, не высоко (ср., напр., отзыв в письме

№ 54. к Гнедичу от 27 июня 1822 года (выше, стр. 32) и в письмах к князю Вяземскому от 4 ноября 1823 и 8 марта 1824 г. (выше, стр. 59, 73).

— Дорат—Claude-Joseph Dorat (род. 1734, ум. 1780) — французский легкий поэт и драматург. Позднее Пушкин отозвался о нем еще резче: говоря о влиянии французской литературы на русскую начала XIX века, он писал: «Ничтожество общее; французская обмельчавшая словесность envahit tout; знаменитые писатели не имеют ни одного последователя в России, но бездарные писаки, — грибы, выросшие у корней дубов; Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, мадам Жанлис овладевают русской словесностию» («О Русской литературе с очерком французской»).

— Чаадаев — Петр Яковлевич; он жил тогда, по выходе в отставку, в Москве (о нем см. выше, стр. 200); письмо его с замечаниями о «Кавказском Пленнике», героя которого он находит человеком недостаточно пресыщенным («blasé»), — до нас не сохранилось.

— Со словами: «Другим досадно, что Пленник не кинулся в реку вытаскивать Черкешенку», можно сопоставить слова Пушкина в ответ на вопрос В. П. Горчакова: «Зачем не утопился мой Пленник вслед за Черкешенкой» (выше, стр. 25).

— О двоюродных братьях А. П. и М. А. Полторацких см. выше, стр. 239—240. Стихи одного из них «в честь будущей женитьбы Пушкина», по словам П. А. Ефремова (Соч., изд. Суворина, т. VIII, ст. 596), вряд ли действительно были написаны Полторацким, так как они попадаются и в тетрадях, «презревших печать», где состоят из 12 стихов и называются «Разговор от скуки».

54. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 48). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 118 — 119; воспроизведено в издании князя П. П. Вяземского: «Семь автографов А. С. Пушкина», С.-Пб. 1880; подлинник (на бумаге вод. зн. 1818) — был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве.

— Об отказе Пушкину в отпуске, о котором он просил графа К. В. Нессельроде, см. выше, стр. 262.

— Герои Скулян и Секу, сподвижники Иордаки — деятеля войны за освобождение Греции; Иордаки или Иоргаки Олимпиот—один из вождей греческого восстания, о котором Пушкин упоминает в своем рассказе «Кирджали». Скуляны—местечко на реке Пруте, где 29 июня 1821 года было неудачное для гетеристов сражение с турками (см. Л. Майков. Пушкин, стр. 119), описанное Пушкиным в рассказе «Кирджали»; об этом сражении мог рассказать Пушкину В. П. Горчаков, который, по распоряжению своего начальства, ездил в Скуляны для собрания сведений о происходившем там сражении; в 1824 г. Пушкин хлопотал перед Жуковским о дочери грека Софианос, «героя, падшего в Скулянской битве» (письма №№ 100 и 108).

— «Гречанка, которая целовалась с Байроном» — Калипсо Полихрони. О ней рассказывали, будто она была когда-то возлюбленной Байрона и «впервые познала любовь в его объятиях» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1187); она из Константинополя бежала, вместе с другими греками, в Одессу, а с половины 1821 г. жила с матерью в Кишиневе, где знавал ее и Пушкин, посвятивший ей стихотворение «Гречанке» (1822 г.): «Ты рождена воспламенять воображение поэтов»..., в котором упоминается и об отношениях к ней Байрона:

Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу...

В своем «Дон-Жуанском» списке Пушкин упомянул имя Калипсо, но любовь его к ней была увлечением кратковременным и не глубоким,

так что, когда, через год, поэт знакомил с Калипсо и с ее матерью приехавшего в Кишинев Ф. Ф. Вигеля, то, по словам последнего, «в нем уже не оставалось и следов любовного жара» («Русск. Арх.» 1866, ст. 1188). О ней см. статью Х. С. Кирова: «Пушкинская Гречанка» в «Историч. Вестн.» 1884 г., № 2, стр. 337—340, и Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 600—601, и IV, стр. 96; см. еще в письме к Н. С. Алексееву от 1 декабря 1826 г. № 54.

— Спрашивая о Катенине, Пушкин не знал, что еще в ноябре 1822 г. он был выслан из Петербурга, за шиканье в театре Семеновой, в имение Шаево, Кологривского уезда, Костромской губернии (см. выше, стр. 201—202).

— Арзамас — т.-е. члены бывшего Арзамасского Общества (см. выше, стр. 181).

— Охотников — Константин Алексеевич, бывший Лубенский гусар, с 22 апреля 1821 г. — капитан 32 егерского полка, состоявший при командире 16-й пехотной дивизии Михаиле Федоровиче Орлове и вместе с ним бывавший у Давыдовых в Каменке одновременно с Пушкиным, И. Д. Якушкиным, А. Н. Раевским (Записки И. Д. Якушкина, изд. 1905, стр. 46—52); выйдя в отставку 11 апреля 1822 г., он вскоре умер от чахотки и «избег участи, ожидавшей его по происшествию 14 декабря» («Русск. Арх.» 1866, стр. 1253), так как был близок со многими членами Тайного Общества декабристов и состоял в Союзе Благоденствия («Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 144 и 370 — 371).

— Письмо Пушкина, которое Охотников должен был передать князю Вяземскому, вероятно, — от 6 февраля 1823 г. (№ 53). —30 апреля 1823 г. князь Вяземский писал А. И. Тургеневу: «На днях получил я письмо от Беса-Арабского Пушкина. Он скучает своим безнадежным положением, но по словам приезжего [вероятно, именно, упомянутого выше Охотникова], пишет новую поэму «Гарем» [т.-е. «Бахчисарайский Фонтан»] о Потоцкой, похищенной каким-то ханом, — событие историческое, а что еще лучше, — сказывают, что он остепенился и становится рассудительным».

— Поездка П. Я. Чаадаева за границу состоялась, и он до 1825 года посещал Англию, Францию, Швейцарию, Италию и Германию.

— Мария Ивановна Римская-Корсакова, рожд. Наумова (ум. 8 июля 1832),—вдова камергера; по словам кн. П. А. Вяземского, она «должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою—санные катанья за городом, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ее и особенно одна из них, намеками воспетая Пушкиным в «Онегине», были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип Московской барыни... В ней отзывались и русские предания Екатерининских времен, и выражались понятия и обычаи нового общежития... Все эти разнородные впечатления, старый век и новый век, сливались в ней в разнообразной стройности и придавали личности ее особенное и привлекательное значение («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 1069). Семья ее состояла из сыновей Сергея и Григория (приятеля Вяземского, а позже и Пушкина) и дочерей — Натальи (по мужу Акинфиева), Софьи (по мужу Волкова), Александры и Екатерины (с 1827 г. Офросимова); из них 3-я, впоследствии княгиня Вяземская, имеется в виду в LII строфе 7-й главы «Онегина»; о ней же и об ее матери упоминает Пушкин в письме к брату от 8 мая 1827 г. Семью Римских-Корсаковых Пушкин намерен был вывести в своем «Романе на Кавказских водах»; ей же посвящена известная монография М. О. Гершензона: «Грибоедовская Москва», М. 1914, особенно стр. 108 — 111.

— Что значит вопрос: «минуло ли 15 лет генералу Орлову» (Михаилу Федоровичу) — объяснить не умеем; утверждение П. А. Ефремова (Соч., изд. Суворина, VII, 72) и предположение П. О Морозова (Соч., изд. тов. «Просвещение», т. VIII, стр. 432), что речь идет о том, исполнилось ли 15 лет офицерской службы М. Ф. Орлова (род. 1788 г.), — неверно,

№ 55—56. так как уже в 1814 году, когда Орлов заключил капитуляцию Парижа Русским войскам, он был полковником, а в военной службе находился с 1805 года.

55. *Неизвестному* (стр. 49). Ранее этот отрывок печатался в середине черновика письма Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года («Русск. Арх.», 1881 г., кн. I, стр. 230—231, и след. издания), как отрывок самостоятельного письма. Впервые выделен в Собрании Сочинений Пушкина под ред. Венгерова, т. VI, 1915, стр. 601, по черновому наброску в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369, л. 40. Датируется, приблизительно, по местонахождению в тетради (которою Пушкин пользовался в 1822—1824 гг.),—там же, где упомянутый выше черновик письма к А. И. Тургеневу, помеченного при отправке 1-м декабря 1823 г. Упоминание о «четырехлетнем изгнании» дает возможность датировать письмо не ранее мая 1823 года, а нахождение его среди письма 1 декабря 1823 г.—отнести его ко времени не позже этого дня.

Перевод: «Смею надеяться, что четырехлетнее изгнание не [совсем] изгладило меня из вашей памяти»...

56. *Н. И. Гнедичу* (стр. 49—50). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 549—550, с неверным отнесением к 1822 году, который был удержан и последующими изданиями — до Академического и Венгеровского включительно, — между тем как по всему содержанию письма видно, что оно должно относиться к *1823* году; см. мотивировку А. И. Лященко в I выпуске «Литературных Портфелей» (изд. «Атеней», по материалам Пушкинского Дома), Пгр. 1923 г., стр. 58—60, где опубликовано письмо Ф. В. Булгарина к Н. И. Гречу от 16 июля 1823 г. с упоминанием о стихах Пушкина; подлинник письма Пушкина (на бумаге вод. зн. 1821) — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— Второе издание «Руслана и Людмилы», равно как и «Кавказского Пленника», тогда не состоялось и осуществилось только в 1828 году.

— Об условии Пушкина с Я. Н. Толстым см. выше, в письме к последнему от 26 сентября 1822 г., и в примечаниях к нему (стр. 37 и 253).

— «Готовая поэмка»—«Братья Разбойники», см. выше, стр. 29 и 241.

— Tout bien vu — «приняв все во внимание».

— Французские стихи взяты из трагедии Расина «Britannicus» (1669 г.): это слова Юнии в 3 сцене 2 действия; они означают: «Я не заслужил ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления».

— Подчеркивая слово *случай*, Пушкин хотел придать ему особое старинное значение: про лиц, находившихся в милости «при дворе», говорили, что они «в случае», т.-е. в фаворе.

— Хмельницкий—Николай Иванович (род. 1789, ум. 1845), автор большого числа комедий в стихах и водевилей, переводчик «Школы женщин» и «Тартюфа» Мольера, впоследствии Смоленский губернатор (см. письмо к нему Пушкина от 6 марта 1831 года). Его комедия «Нерешительный, или семь пятниц на неделе» впервые поставлена была на сцене 26 июля 1820 г. О нем см. выше, стр. 38, 127, 254 и ниже, стр. 426, а также нашу статью в «Русском Биографическом Словаре».

— Гнедич переводил в это время «Илиаду» Гомера размером подлинника, т.-е., — гекзаметром.

— О Кюхельбекере см. выше, стр. 216, 220. Его стихотворное послание к Пушкину напечатано в «Русском Арх.» 1871 г., ст. 0171—0173, при письме Кюхельбекера от 17 февраля 1823 г. к Жуковскому, которому он посылал эту «безделку», написанную по прочтении «Кавказского Пленника» Пушкина. Вот отрывки этого длинного послания:

К Пушкину.

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою!
Тебя приветствую, Поэт!
Одной постигнуты судьбою,

Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,
Где клевета, любовь и злоба
Размучили обоих нас!

. . . .

Но се — в душе моей унылой
Твой чудный Пленник повторил
Всю жизнь мою волшебной силой
И скорбь немую пробудил!
Увы! как он, я был изгнанник,
Изринут из страны родной,
И рано, безотрадный странник,
Вкушать был должен хлеб чужой!
Куда, преследован врагами,
Куда, обманут от друзей,
Я не носил главы своей,
И где веселыми очами
Я зрел светило ясных дней?
Вотще в пучинах тихоструйных
Я в ночь, безмолвен и уныл,
С убийцей - гондольером плыл;
Вотще на поединках бурных
Я вызывал слепой свинец:
Он мимо горестных сердец
Разит сердца одних счастливых!
Кавказский конь топтал меня, —
И жив в скалах тех молчаливых
Я встал из-под копыт коня!

. . . .

На Рейнских пышных берегах,
В Лютеции, в столице мира,
В Гесперских радостных садах
Я был игралищем страстей и т. д.

№ 56.

— Брат — Лев Сергеевич.

— О Дельвиге и Боратынском см. выше, стр. 216, 220 и 238—239.

— Перевод латинской фразы: «Будь здоров, а цензуру все-таки должно уничтожить» (пародия на известные слова Катона Старшего о Карфагене).

— Портрет Пушкина Гнедич спрашивал для того, вероятно, чтобы дать его при новом изданіи «Руслана и Людмилы»; не получив его ранее от самого Пушкина, Гнедич добыл его портрет, нарисованный «наизусть, без натуры» К. Брюлловым (См. Соч. Пушкина, изд. Ефремова — Суворина, т. VIII, стр. 383—384); этот известный портрет, на котором Пушкин изображен в возрасте 11—15 лет, был награвирован учеником Н. И. Уткина — Е. Гейтманом и приложен к 1-му изданию «Кавказского Пленника» 1822 г. См. выше, стр. 241 и 255.

— Стихотворение Пушкина, под заглавием: «На выпуск птички» и с подписью: *А. П.*, было напечатано не в «Сыне Отечества» (где оно не было пропущено цензором А. И. Красовским), а в «Литературных Листках» Ф. Булгарина 1823 г., № 2 (ценз. дозв. 29-го июля), стр. 28. в несовсем исправной редакции и с примечанием Булгарина: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп невинных должников и проч.». — Примечание было сделано для успокоения подозрительной цензуры. В последних четырех строках пьесы заключается ирония: незадолго до отправки его Гнедичу, И. Н. Инзов получил извещение Министра Иностранных Дел Нессельроде, от 27 марта 1823 г., о том, что на просьбу Пушкина об отпуске его, на 2—3 месяца, в Петербург, Александр I не изъявил согласия: таким образом, ожидавшаяся Пушкиным к пасхе или благовещению («светлому празднику весны») хотя бы неполная амнистия, не состоялась, — и он был,

№ 57. конечно, очень этим огорчен, так как еще с мая 1821 г. мечтал о прощении (см. в письмах №№ 22, 27, 45, 52). См. цитированную статью А. И. Лященко в Сборнике «Литературные Портфели», стр. 56—57.

57. *А. А. Бестужеву* (стр. 50—52). Впервые напечатано в «Современнике» 1854 г., т. XLIII, № 1, Отд. III, стр. 13—15, в статье В. П. Гаевского (не полно) и в «Полярной Звезде на 1861 г.», Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 78—80 (полностью) и, по списку, — в «Русск. Стар.» 1882 г., т. 33, стр. 451—452; подлинник (на бумаге вод. зн. 1821) в Библиотеке Академии Наук; черновик в рукописи б. Румянцовского Музея № 2366, л. 35—36 об.

— Об А. А. Бестужеве см. выше, стр. 242, 264. Письмо, за которое Пушкин благодарит Бестужева, до нас не сохранилось. Мнение Пушкина о статье Бестужева в изданной им «Полярной Звезде» (стр. 1—44) — «Взгляд на старую и новую словесность в России» — см. также выше, стр. 46—47 и 267. — По поводу слов Пушкина: «ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою да с Вяземским», сказанных в письме к Бестужеву, князь Вяземский писал впоследствии в своей автобиографии: «Ничего не перенимал я, никому раболепно не следовал. Скажу с французом: рюмка моя маленькая, но пью из своей рюмки; а что рюмка моя не порожняя, тому свидетель Пушкин. Он где-то сказал, что я один из тех, которые охотнее вызывают его на спор. Следовательно, есть во мне чем отспориваться, Пушкин не наткнулся бы на пустое. Споры наши были большею частью литературные. В политических вопросах мы вообще сходились».... («Стар. и Новизна», кн. XX, стр. 229).

— В «Полярной Звезде» Бестужев поместил «древнюю повесть»: «Роман и Ольга» (стр. 187—260) и «Вечер на бивуаке» (стр. 315—332).

— Александр Николаевич Радищев (род. 1749, ум. 1802), по выражению Пушкина «рабства враг», автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», уничтоженного в 1790 г. правительством. Пушкин интересовался личностью и сочинениями Радищева и впоследствии написал о нем в 1836 г. большую статью «Александр Радищев», которую готовил для III тома «Современника», но которая не была пропущена цензурою; еще в своей Лицейской поэме «Бова» (1815 г.) он упоминает его имя, а в стихотворении своем «Памятник» (1836 г.) указывает, как на одну из своих заслуг, то, что «вслед Радищеву восславил свободу». В библиотеке Пушкина было Собрание сочинений Радищева, равно как и экземпляр «Путешествия в Москву», который Пушкин купил за 200 рублей (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910 г., стр. XVII и 83—84) и который в 1887 г. находился в библиотеке Казанского профессора М. П. Петровского («Нов. Время» 1887 г., № 3933), а ныне принадлежит Публичной Библиотеке (см. еще брошюру Д. Н. Анучина: Судьба первого издания «Путешествия» Радищева, М. 1918, и книгу В. П. Семенникова: Радищев. Очерки и исследования, М. Пгр. 1923, где, на стр. 241—318, находится специальная глава: «Радищев и Пушкин», в коей рассмотрен вопрос об отношении Пушкина к Радищеву. Бестужев, быть может, и упомянул о Радищеве в своей статье, но это, тогда запретное имя не было пропущено цензурою. Н. И. Греч ничего не сказал о Радищеве в своем «Опыте краткой истории Русской литературы» (1822), вероятно, по тем же причинам.

— Осипов—Николай Петрович (род. 1751, ум. 1799)—автор переложения в шуточном тоне Виргилиевой «Энеиды»: «Энеида, вывороченная на изнанку», С.-Пб. 1791, и «Овидиевых любовных творений, переработанных в Энеевском вкусе» (С.-Пб. 1803); последняя книга сохранилась в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, назв. соч., 74), а также перевода «Дон-Кихота»; в 1798 г. он издавал журнал «Что-нибудь от безделья на досуге».

— Майков—Василий Иванович (род. 1728, ум. 1778), бригадир и Главный член в Московской Конторе Мастерской и Оружейной Палаты, поэт, сочинитель многих од и стихов на разные торжественные случаи, автор трагедий «Агриопа», «Меропа» (из Вольтера), «Фемист и Иеронима», драм, опер, а также автор весьма известной шуточной поэмы в духе Скаррона: «Елисей, или раздраженный Вакх» (изд. С.-Пб. 1771); в черновых наброс-

ках 8-й главы «Евгения Онегина» Пушкин говорит, что, будучи в Лицее, он «читал охотно Елисея»; в библиотеке Пушкина сохранилась книга: «Сочинения Василия Майкова или собрание Остроумных, Сатирических, Забавных Поем, Нравственных Басен и Сказок, Театральных и других его Лирических творений», изд. С.-Пб. 1809 г. О Майкове см. статью Л. Н. Майкова при Собрании сочинений В. И. Майкова, изданных под ред. П. А. Ефремова, С.-Пб. 1867 г., где на стр. 333, 336 и 354 находятся стихи из «Елисея», приведенные Пушкиным. В письме к кн. Вяземскому от второй половины декабря 1830 г. Пушкин передает один анекдот о Майкове и Фонвизине. — В своем «Взгляде на старую и новую словесность в России» А. А. Бестужев писал: «В шутовском роде известны у нас Майков и Осипов. Первый (1725 — 1778) оскорбил вкус своею поэмою *Елисей*. Второй, в *Энеиде на изнанку*, довольно забавен и оригинален». Эти-то слова и вызвали возражение Пушкина. № 57.

— «Благовещение» — поэма Пушкина «Гавриилиада», законченная к сентябрю 1822 г. (см. выше, стр. 18—19, 35, 223, 249); до Бестужева она могла дойти через кн. Вяземского, которому была прислана Пушкиным при письме от 1 сентября 1822 г. (№ 40).

— В «Полярной Звезде на 1824 г.» Пушкин напечатал отрывок из «Кавказского Пленника» и 9 стихотворений: «К друзьям», «Нереида», «В Альбом малютке», «К Морфею», «Элегия», «Отрывок из послания к В. Л. П — ну», «Домовому», «Элегия» («Простишь ли мне...»), «Надпись к портрету» (Вяземского); последние две помечены *, а не фамилией (ср. в нашей статье в «Былом», 1925 г., № 5, стр. 34 — 36). Доставке пиес содействовал В. И. Туманский.

— Анфология или Антология — сборник избранных мелких пьес, стихотворений, как, напр., изданный в 1828 г. М. А. Яковлевым «Опыт русской анфологии», в который вошли и стихотворения Пушкина.

— О «Братьях Разбойниках» см. выше, стр. 29, 241 и др. Пушкин переслал поэму князю Вяземскому 11 ноября 1823 г. (№ 65), а Бестужев напечатал ее в «Полярной Звезде 1825 г.» (стр. 359 — 367).

— Николай Раевский—друг Пушкина Николай Николаевич (см. выше, стр. 189 — 191, 207); в это время он был ротмистром гв. Гусарского полка и адъютантом бар. И. И. Дибича. Еще 8 декабря 1822 г. Е. Н. Орлова писала своему брату А. Н. Раевскому, что «Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончать. Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона» (М. О. Гершензон, История молодой России, М. 1908, стр. 28).

— Некоторые реалистические слова в «Братьях-Разбойниках» и позже смущали Пушкина: см. в письме его к тому же Бестужеву № 89.

— Свое мнение о русских читательницах Пушкин выразил также в заметке (1827 г.) о русских женщинах, напечатанной, среди других «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», в «Северных Цветах на 1828 г.»: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка; но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Боратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительной, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения,—и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки». Те же мысли, почти теми же словами Пушкин повторил в XXVII строфе 3 гл. «Евгения Онегина».

— «Их нет и не будет на Русской земле» — цитата из только что напечатанной в «Полярной Звезде на 1823 г.» думы Рылеева «Иван Сусанин», понравившейся Пушкину:

Предателя, мнили, во мне вы нашли?
Их нет и не будет на Русской земли!

№ 58. — Родзянко — Аркадий Гаврилович (род. 1793, ум. 1846 г.), приятель Пушкина; в январе 1818 г. он был произведен в прапорщики л.-гв. Егерьского полка, из которого 6 апреля 1819 г. был переведен подпоручиком в Орловский пехотный полк; во время службы в гвардии он познакомился и с Пушкиным, — вероятно в собраниях общества «Зеленой Лампы», членом коей он был, как и Пушкин; он рассказывал впоследствии, что сам видел, как Пушкин, сидя в театре в кресле, показывал находившимся подле него лицам портрет Пьера Лувеля, убившего 13 февраля 1820 г. в Париже герцога Карла Беррийского, возможного наследника французского престола, при чем под портретом сделана была подпись: «Урок царям» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1097; «Русск. Стар.» 1890 г., т. 68, стр. 505). Выйдя в отставку, Родзянко поселился в своем имении, в Хорольском уезде Полтавской губернии, где однажды навестил его Пушкин, возвращаясь с Кавказа (Л. Н. Майков, Пушкин, стр. 238). Вероятно, несколько ранее этого Родзянко написал сатиру, в которой задел и Пушкина, но из которой нам известны лишь стихи, намекавшие на политические провинности Пушкина:

И все его права: иль два, иль три Ноэля,
Гимн Занду на устах, в руках—портрет Лувеля...

«Новая сатира» Родзянки нам неизвестна; о первой упоминает в одном письме от 10 мая 1822 г. приятель Пушкина В. И. Туманский (см. «Письма В. И. Туманского и неизданные его стихотворения», Черн. 1891, стр. 11, 147, и «Русск. Арх.» 1900 г., кн. III, стр. 145 — 146, заметка Н. О. Лернера). В письме к брату из Одессы от 25 августа 1823 г. (№ 59) Пушкин писал: «[здесь] будет Родзянка-предатель, жду его с нетерпением». «Певцом сократической любви» Пушкин называет Родзянку иронически, потому что он писал стихотворения, по своему неблагопристойному содержанию в большинстве неудобные для печати. Впоследствии Пушкин переписывался с Родзянкой и посвятил ему стихотворение (1825 г.): «Ты обещал о романтизме»... Стихотворения Родзянки печатались в разных журналах и альманахах; на смерт Пушкина он также написал стихотворение. О Родзянке подробнее см. ниже, в письме к нему Пушкина (№ 111 и стр. 377) и нашу статью о нем в «Русском Биографическом Словаре» (1918), а также «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 165 и 387 — 388.

58. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 52). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874, кн. I, ст. 120; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; воспроизведено в издании кн. П. П. Вяземского: «Семь автографов А. С. Пушкина», С.-Пб. 1880.

— Письмо писано уже из Одессы, куда Пушкин переселился в первых числах июня 1823 г., будучи переведен туда, благодаря хлопотам А. И. Тургенева (см. письмо к нему от 1 декабря 1823 г. № 68), на службу в Канцелярию вновь назначенного Новороссийского генерал-губернатора и Наместника Бессарабской области графа Михаила Семеновича Воронцова; о последних трех месяцах жизни и о переводе в Одессу см. рассказ Пушкина в письме его к брату от 25 августа 1823 г. (№ 59). Из Одессы поэт выехал 30 июля 1824 г., прожив в ней, таким образом, всего год и один месяц. Перед отъездом из Кишинева, 28 мая, Пушкин начал «Евгения Онегина».

— Асмодей—Арзамасское прозвище князя П. А. Вяземского. Он согласился взять на себя хлопоты о 2-м издании «Руслана и Людмилы», о котором думал еще в 1822 г. (см. в сборнике П. И. Бартенева: Пушкин, вып. II, стр. 22 — 23), и «Кавказского Пленника» (см. ниже, письмо к кн. Вяземскому от 14 октября 1823 г., № 60). Предложение издать вновь эти поэмы Гнедич делал Пушкину еще весною 1823 г. (см. письмо к Гнедичу от 13 мая 1823 г., № 56).

— Приводя стих: «Timeo Danaos et dona ferentes» (т.-е. «Опасаюсь Данайцев даже тогда, когда они приносят дары»: это — слова Лаокоона при виде деревянного коня под стенами Трои—из Энеиды Виргилия, п. II с. 49), — Пушкин имел в виду невыгодность условий, на которых Гнедич издал, «Кавказского Пленника», уплатив Пушкину лишь 500 р. асс. (см. выше

стр. 239). 2-е издание «Руслана и Людмилы», «исправленное и умноженное», вышло лишь в 1828 году, с прибавлением пролога и эпилога и с предисловием Пушкина, заключавшим в себе ответ критикам поэмы. № 59.

— В немецкой и английской (Байрон) литературах ранее, чем у французов, появились сторонники и последователи романтического направления, и «маркизы классической поэзии» уступили место героям иного душевного склада.

— Л. С. Пушкин, еще не определившийся тогда на службу, жил с родителями в Москве.

— Вопрос о М. Ф. Орлове стоит, вероятно, в связи с вопросом о нем в письме Пушкина к Вяземскому от 5 апреля 1823 г. (см. выше, стр. 48 и 269—270).

— Письмо Пушкина переслано было, вероятно, «по оказии», с кем-нибудь, кто ехал из Одессы в Москву, так как, с одной стороны, адрес на нем указан кратко, а с другой, — Пушкин не сообщает своего адреса, несмотря на то, что это письмо было первое, которое писал он Вяземскому из Одессы. Получив это письмо, Вяземский сообщал А. И. Тургеневу из Москвы 1 октября: «От Сверчка получил я письмо из Одессы: он помышляет о новом издании своих поэм и просит меня написать к ним предисловие» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 355).

59. *Л. С. Пушкину* (стр. 53—54). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 92—93 (отрывок) и в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, стр. 40—41 (полностию); подлинник—в рукописи б. Румянцовского Музея № 1254.

— Поездка Пушкина из Кишинева на морские купанья в Одессу, с разрешения генерала И. Н. Инзова, состоялась, вероятно, в конце мая; граф М. С. Воронцов приехал в Одессу в июне, после чего Пушкин, представившись ему и съездив на несколько дней в Кишинев, переселился в Одессу окончательно в первых числах июля.

— В Воронцове, который принял Пушкина «очень ласково», поэт не встретил, однако, того благожелательного и снисходительного отношения, какое находил со стороны Инзова; взаимно отношения их постепенно портились и дошли до открытого разрыва, кончившегося новою ссылкою Пушкина—в с. Михайловское. См. эпиграммы Пушкина на Воронцова и ниже—письма поэта к А. И. Казначееву от 25 мая и от начала июня 1824 г., №№ 81 и 84.

— Об Одесских итальянской опере, балете и ресторации Отона Пушкин вспоминает еще в стр. XXIV—XXVII «Странствия» Онегина. См. также Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VI, М. 1892, стр. 133.

— Стихи: «Мне стало жаль моих покинутых цепей» и «О Кишиневе я вздохнул» (т.-е. «Я о тюрьме своей вздохнул»)—цитаты из «Шильонского Узника» Байрона в переводе Жуковского.

— Туманский—Василий Иванович (род. 1800, ум. 1860)—даровитый поэт; он служил с лета 1823 г. в Канцелярии графа М. С. Воронцова в Одессе; впоследствии был секретарем посольства в Константинополе и помощником статс-секретаря Государственного Совета (1839 — 1846); им написано стихотворение «Одесса», напечатанное в «Полярной Звезде на 1824 г.»; об этой пьесе Пушкин вспомнил в «Странствии» Онегина (стр. XIX):

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил...

В письме от 1 марта 1824 г. к С. Г. Туманской он так характеризует Одессу Пушкинского времени: «Я совершенно ознакомился с Одессой; но это знакомство может быть очень вредно для меня, потому что я,

№ 59. более, нежели кто другой, принимаю тон и привычки места и обществ в которых живу и бываю. В Одессе—тон, вообще, дурной. Одесса соединяет всю надутость и безнравственность столиц со всеми мелкими заботами и невежественными сплетнями уездных городов. Такое состояние вещей дает на первый раз приезжему образованному человеку важную и прекрасную роль в обществе. На него все глядят с большим вниманием: одни его боятся, другим он нравится. Но сие продолжится очень не долго. Будучи в необходимости сблизиться с городскими жителями, описываемый мною человек непременно займет хотя малую часть мнений и привычек большинства (les sots depuis Adam sont en majorité) [дураки со времен Адама всегда в большинстве], а там, с помощью хорошенького личика или желания погубить своего соперника, совершенно бросится в род жизни, которым он до того гнушался. Ты поверить не можешь, милая моя поверенная, куда я сам, рассуждая с тобою столь благоразумно, завлечен обстоятельствами и потребностью жить в обществе. Знаешь ли ты, что я имею уже все добродетели большого и маленького света: умею сплетничать, умею ссорить, умею возбуждать к себе боязнь и прочее, и прочее. Мне совестно делать тебе подобные признания, но я прошу их принять в виде раскаяния моего, а не в виде хвастовства. Еще неприятнее мне сказать тебе, что, несмотря на всю готовность мою к исправлению, я не чувствую в себе необходимой для того силы» (Стихотворения и письма В. И Туманского, под ред. С. Н. Браиловского, С.-Пб. 1912, стр. 259).—О Туманском, с которым Пушкин изредка переписывался, см. ниже, письмо к нему Пушкина от 13 августа 1825 г., № 169.

— О В. И. Козлове см. выше, стр. 246—247.

— При печатании «Бахчисарайского Фонтана» кн. Вяземским в 1824 г. Пушкин откинул 10 стихов в конце поэмы, начиная со стиха:

Все думы сердца к ней летят и т. д.

По исследованиям П. Е. Щеголева, женщиною, в которую Пушкин был «очень долго и очень глупо влюблен», была М. Н. Раевская, впоследствии княгиня Волконская («Пушкин и его соврем.», вып. XIV, стр. 159 и сл.; ср. также статью П. О. Морозова: «Загадочное стихотворение Пушкина»—«Столица и Усадьба» 1916 г., № 55, стр. 11—13).

— Петрарка — итальянский поэт (род. 1304, ум. 1374), воспевавший в своих произведениях свою возлюбленную — Лауру.

— Шаликов — князь Петр Иванович (род. 1768, ум. 1852; см. выше, стр. 181—182)—бездарный слащавый стихотворец, по выражению Пушкина—«поэт прекрасного пола», издатель журналов: «Московский Зритель» (1806), «Аглая» (1808—1810 и 1812) и «Дамский Журнал» (1823—1833), редактор «Московских Ведомостей» (1813—1838), сотрудничавший и в других журналах. Князь Шаликов был горячим поклонником Пушкина, который над ним добродушно посмеивался; известна эпиграмма его на Шаликова, написанная совместно с Боратынским. См. ниже, стр. 307.

— Раич—Семен Егорович (род. 1792, ум. 23 октября 1855), воспитанник Московского университета, магистр словесности (1822), педагог, воспитатель поэта Тютчева, преподаватель в Московском Университетском Благородном Пансионе и других Московских учебных заведениях, издатель журнала «Галатея» (1829 — 1830, 1839), переводчик Тассова «Освобожденного Иерусалима» (1828), части Ариостова «Неистового Орланда» (1832—1837), «Георгик» Виргилия (1821) и др. В 1840 г. в своем журнале «Галатея» (№ 10, стр. 182—185) Раич напечатал бессодержательное «Воспоминание о Пушкине»; нашу статью о Раиче и его автобиографию см. в «Русском Библиофиле» 1913 г., кн. VIII; о нем см. еще «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 161 и 385.

— О Родзянке-предателе—см. выше, стр. 274 и ниже, письмо к нему от 8 декабря 1824 г. № 111.

— На службе Пушкин получал небольшое жалованье — 700 р. асс. в год. Отношения С. Л. Пушкина к старшему сыну всегда были фальшивы: по внешности, на словах и в письмах он был любезен и любовен, а на деле —

более чем равнодушен, и не только не помогал ему, но впоследствии старался сам всячески пользоваться его хлопотами и трудами. Из писем его к Пушкину сохранились лишь два, а из писем к нему поэта—только три, что, между прочим, также служит показателем его отношения к сыну-поэту.—О скупости Пушкина-отца кн. П. А. Вяземский рассказывает: «Сергей Львович был в своем роде нежный отец, но нежность его черствела в виду выдачи денег. Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед проворчал. «Можно ли», сказал Лев: «так долго сетовать о рюмке, которая стоит 20 копеек?» — «Извините, сударь» (с чувством возразил отец), «не двадцать, а тридцать пять копеек» («Русск. Арх.» 1873 г., стр. 1795; Соч. Вяземского, т. VIII, стр. 148—149). П. И. Бартенев, со слов С. А. Соболевского, передает об отце поэта: «Сергей Львович, по своему характеру и воспитанию, не мог заниматься хозяйством, получал мало доходу с своих, впрочем, значительных имений и, попеременно то мотая, то скупясь, никогда не умел сводить концов с концами. Отсюда разные мелочные неприятности. Один современник, добрый приятель Пушкина, рассказывал, как Александру Сергеевичу приходилось упрашивать, чтоб ему купили бывшие в моде бальные башмаки с пряжками и как Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1094); о скупости Пушкина-отца свидетельствует и А. П. Керн («Пушкин и его соврем.», вып. V, стр. 157). № 60.

60. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 54 — 55). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 120 — 124; подлинник (на бумаге вод. зн.: Х. О. К. М. 1821) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве; черновой отрывок — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369, л. 15 об.—16.

— Письмо князя Вяземского, на которое Пушкин отвечает, до нас не сохранилось.

— О втором издании «Руслана и Людмилы» см. в письме № 58. «Кавказский Пленник» был издан вторично также лишь в 1828 году (если не считать перепечатки Ольдекопа при немецком переводе Вульферта, 1824 г.).

— О С. Е. Раиче, бывшем в Одессе и вернувшемся в Москву, см. выше, стр. 276.

— Посланные Жуковскому, но не попавшие в 1-е издание и напечатанные в «Сыне Отечества» 1820 г. (№ 38, стр. 229—231) Прибавления к «Руслану и Людмиле» вошли во 2-е издание поэмы, вышедшее в 1828 г. Экземпляр 1-го издания, с собственноручными поправками и переделками Пушкина, находится в Музее А. Ф. Онегина (в Париже), принадлежащем Пушкинскому Дому Академии Наук («Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 25—26).

— «Свежий сон» во 2-м издании изменено было в «какой-то сон».

— О переделанном цензурою стихе: «Не много радостных ей дней» см. также в письме к Гнедичу от 27 сент. 1822 г. (№ 43, стр. 38).

— «Я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать»— переделка стихов из баллады Жуковского «Замок Смальгольм»:

«Я не властен притти, я не должен притти,
Я не смею притти», — был ответ...

— Бируков—цензор; см. выше, стр. 260.

— В издании 1828 г. «Кавказского Пленника» повторен стих:

На смертном поле свой бивак.

— Говоря: «помнишь свое прелестное послание Давыдову», Пушкин имеет в виду стихи в послании кн. П. А. Вяземского к Д. В. Давыдову (1816 г.), в то время еще не появлявшемся в печати:

Сказав прости очарованьям,
На зло пленительных грехов,
И упоительным мечтаньям
Весны, веселий и стихов...

— Говоря об антикритике, Пушкин имел в виду рецензию «Вестника Европы» (1823, ч. CXXVIII, № 1) на «Кавказского Пленника», в которой

№ 60. автор, отмечая «некоторые погрешности касательно языка», писал: «Что такое берег пенистый?» — «Под влажной буркой, и пр. Ему бы лучше скинуть влажную бурку и осушиться». «В третьем куплете, что значат «заветные воды» и т. д. На эти замечания Пушкин и дает объяснение «забавникам «Вестника Европы».

— «На берегу заветных вод» — стих 3-й строфы черкесской песни во 2-й части «Кавказского Пленника».

— Об'ов'пол — церковно-славянское и народное слово «обонпол» значит: по ту сторону чего, по другую, противную сторону, напр.: обонпол реки, дороги, леса (Словарь Даля).

— О Шаликове см. выше, стр. 181—182, 276.

— «A la ligne» значит: «с красной строки» (по этому поводу см. Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук. Том II, стр. 378 примечаний).

— «Sur ce» значит: «засим, затем».

— Фурнье — француз, живший у Раевских, по словам Липранди, в роли «приживальщика» и ездивший с ними и с Пушкиным в 1820 г. на Кавказские минеральные воды; он был близок и к М. Ф. Орлову (см. «Архив Раевских», т. I, С.-Пб. 1908, стр. 220), и эта близость послужила поводом к аресту Фурнье (по показанию полк. Н. И. Комарова) и к привлечению его к следствию по делу о декабристах; но «по изысканию Комиссии оказалось, что он не принадлежал к Тайному Обществу и о существовании оного не знал», почему 6 февраля 1826 г. и был освобожден с очистительным аттестатом («Алфавит декабристов», ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 413 — 414). Умер в 1830 г. См. ж. «Україна» 1925, кн. 6, стр. 50—56.

— О князе А. А. Шаховском, к которому в Петербургский период молодой Пушкин относился чуть ли не с ненавистью, см. выше, стр. 181—182, 185.

— Стурдза—Александр Скарлатович (род. 1791, ум. 1854), сын бывшего Правителя Бессарабии, служил в ведомстве Министерства Иностранных Дел и свои довольно многочисленные писания по вопросам теологическим, философским и политическим посвящал возвеличению идей православной церкви и монархических принципов; последнее дало повод Пушкину написать на него в 1819 г. (в подражание одной народной песне) эпиграмму:

Вкруг я Стурдзы хожу.
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.

Существует предположение, что на него же (ср., однако, выше, стр. 199) Пушкин написал и эпиграмму: «Холоп венчанного солдата» (см. «Стар. и Новизна», кн. VIII, стр. 36; «Русск. Арх.» 1906, кн. II, стр. 604; «Былое» 1906 г., № 6, стр. 305—306); Ю. Н. Щербачев, Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М. 1913, стр. 91 — 92). — Брошюра Стурдзы о Греции — «La Grèce en 1821 — 1822» (то же в «Oeuvres posthumes d'Alex. Stourdza», Paris. 1861, p. 219—313). Пушкин познакомился со Стурдзой еще 26 марта 1820 г., у А. И. Тургенева, а в 1824 г. часто встречался с ним в Одессе (между прочим, у сестры Стурдзы — графини Р. С. Эдлинг); впрочем, Стурдза в Воспоминаниях своих замечает, что «неукротимый дух Пушкина, в ту эпоху еще не дозревший, видимо чуждался меня, как человека, гордившегося оковами собственной мысли» («Москвит.» 1851, ноябрь, № 21, кн. I, стр. 15, 17—19). Бартенев (со слов кн. Вяземского) говорит, что «позднее, познакомившись ближе, Пушкин не мог не уважать Стурдзы за высокие качества ума и обширное образование» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 128, примеч.); Стурдза также ценил Пушкина, как поэта; так, 25 апреля 1836 г., отвечая Жуковскому на предложение поместить в «Современнике» его сочинение «Очерк из истории XIX столетия», Стурдза писал: «Для меня приятно, скажу даже лестно явиться на столбцах журнала, издаваемого А. С. Пушкиным. Слава великого подвижника [графа Каподистрии] лучами своими сольется с славою великого нашего поэта, как всё святое, выспреннее сочетается с изящным» («Русск. Стар.» 1903 г., № 5, стр. 401).

— Граф Ланжерон—Александр Федорович (род. 1763, ум. 1831), генерал-от-инфантерии, бывший с 1815 до мая 1823 г. Новороссийским генерал-губернатором и замещенный графом М. С. Воронцовым. По поводу его увольнения из Одессы Н. М. Лонгинов писал графу, С. Р. Воронцову 15 же мая 1823 г.: «Беднягу едва терпели на его месте, где он не принес ни малейшего блага и где, потеряв всякое значение и влияние, сделался игрушкой в руках тех, кому выгодно было им вертеть». Ланжерон, по словам П. И. Бартенева, «мучил Пушкина чтением своих стихов и многочисленных трагедий... Легкомыслие Ланжерона простиралось до такой степени, что опальному тогда А. С. Пушкину давал он читать письма, которые, в царствование Павла, получал он от Александра Павловича. Пушкин об этом передает в неизданной части своих Записок» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 148, и 1912 г., кн. II, стр. 407). Впоследствии Ланжерон присутствовал в суде над декабристами, а затем участвовал в Турецкой войне 1828—1829 года. О нем см. в нашем издании Дневника Пушкина, Пгр. 1923, стр. 182—183, и в Московском издании, 1923 г., стр. 441 — 443. № 60.

— Французская фраза значит: «в ней слишком много божественного».

— Северин — Дмитрий Петрович (род. 1791, ум. 1865), товарищ князя Вяземского по учению в иезуитском пансионе, член «Арзамаса», где носил прозвище «Резвый Кот»; служил в это время в Коллегии Иностранных Дел, а впоследствии был посланником в Баварии; первым браком он был женат на сестре А. С. Стурдзы—Елене Скарлатовне (ум. 1818). В 1822 г. Пушкин написал на него злую эпиграмму: «Жалоба», в которой посмеялся над его незначительным происхождением (мать Северина, Анна Григорьевна Брагина, была «воспитанницей» баронессы А. С. Строгановой); это и было причиною его ссоры с Севериным; о ней А. И. Тургенев сообщал 25 сентября 1823 г. кн. Вяземскому, говоря, что «Пушкин был у Северина, который сказал, чтобы он не ходил к нему; обошелся с ним мерзко, и африканец едва не поколотил его» («Остаф. Архив», т. II, стр. 352). Незадолго до высылки Пушкина из Одессы кн. Вяземский, узнав о том, что Пушкина ожидают неприятности, писал (7 июля 1824 г.) В. А. Жуковскому, чтобы тот попросил Северина уладить дело, и прибавлял: «он его, кажется, не очень любит,— тем более должен стараться спасти его; к тому же, видно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель» (П. И. Бартенев, Пушкин, вып. II, стр. 27).

— Вигель — Филипп Филиппович (род. 1786, ум. 1856), член «Арзамаса», где носил имя «Ивиков Журавль», автор известных Записок, в которых, между прочим, много сведений и о кишиневской и одесской жизни Пушкина; см. письмо к нему Пушкина от ноября 1823 г. (№ 62).— Бессарабским вице-губернатором назначен он был лишь 1 декабря 1824 г. и пробыл им только до 21 июня 1826 г.; он находился на службе по управлению Новороссийскими губерниями и Бессарабскою областью с 31 мая 1823 г., а с 8 сентября того же года был членом от короны в Бессарабском Верховном Совете. Живя в Одессе, куда прибыл он почти одновременно с Пушкиным, Вигель тотчас сошелся с поэтом. Вот что говорит он по этому поводу в своих Записках: «Рядом со мной, об стену, жил Пушкин, изгнанник-поэт. Из первых частей Записок видно, что чрезмерной симпатии мы друг к другу не чувствовали; тут как-то сошлись. — В Одессе, где он только что поселился, не успел еще он обрести веселых собеседников; в Бессарабии звуки лиры его раздавались в безмолвной, а тут только что в шумной пустыне: никто с достаточным участием не в состоянии был внимать им. Встреча с человеком, который мог понимать его язык, должна быть приятна, если б у него и не было с ним общего знакомства, и он собою не напоминал бы ему Петербурга. Верно почитали меня человеком благоразумным, когда перед отъездом Жуковский и Блудов наказывали мне стараться войти в его доверенность, дабы по возможности отклонять его от неосторожных поступков. Это было не легко: его самолюбие возмутилось бы, если б он заметил, что кто-нибудь хочет давать направление его действиям. Простое доброжелательство мое ему полюбилось, и с каждым днем наши беседы и прогулки становились продолжительнее.

№ 61. Как не верить силе магнетизма, когда видишь действие одного человека на другого? Разговор Пушкина, как бы электрическим прутиком касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождал в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых и сближал расстояние наших возрастов. Беспечность, с которою смотрел он на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное. С своей стороны, старался я отыскать струну, за которую зацепив, мог бы я заставить заиграть этот чудный инструмент, и мне удалось. Чрезвычайно много неизданных стихов было у него написано, и между прочим первые главы «Евгения Онегина»; и я могу сказать, что я насладился примёрами (на русском языке нет такого слова) его новых произведений. Но одними ли стихами пленял меня этот человек? Бывало, посреди пустого, забавного разговора, из глубины души его или сердца вылетит светлая, новая мысль, которая изумит меня, которая покажет и всю обширность его рассудка. Часто со смехом, пополам с презрением, говорил он мне о шалунах-товарищах его в петербургской жизни, с нежным уважением о педагогах, которые были к нему строги в Лицее. Мало-по-малу открыл я весь зарытый клад его правильных суждений и благородных помыслов, на кои накинута была замаранная мантия цинизма. Вот почему все заблуждения его молодости, впоследствии, от света разума его, исчезли как дым» (ч. VI, стр. 97—98).

— О поэме «Братья-Разбойники» см. выше, стр. 241, 270, и письмо к князю Вяземскому от 11 ноября 1823 г. № 65.

— О выражении «tour de force» см. выше, стр. 254.

— «Бахчисарайский Фонтан», начатый летом 1822 г., был издан в Москве в 1824 г. князем Вяземским, с его статьею — «Вместо предисловия. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова». Эпиграф к своей поэме Пушкин взял из персидского поэта Саади Шираского: «Многие так же, как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече»; этот «меланхолический» эпиграф так ему понравился, что Пушкин изменил и самое название поэмы, которую сперва он озаглавил «Гарем». Это же изречение Саади Пушкин впоследствии повторил и в «Евгении Онегине» (гл. 8, строфа LI):

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Поэма Саади «Pend Nameh» была в библиотеке Пушкина, в переводе на французский язык и в издании 1828 г. (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 291 — 292), равно как и сборник его стихов «Gulistan», изд. 1834 г. (там же, стр. 243).

— Об эпиграфе к «Кавказскому Пленнику», взятом Пушкиным первоначально из послания князя Вяземского к графу Ф. И. Толстому (Американцу), см. выше, стр. 234. — Пушкин этим эпиграфом «боялся подать читателю повод к сравнению и сопоставлению популярного Американца с Пленником, а Толстому — к какому-нибудь новому вранью или хвастовству» (Н. О. Лернер, Новонайденное письмо Пушкина — «Пушк. и его совр.», вып. XV, стр. 12). Об эпиграфе этом поэт вспоминал и много позже, в таком же смысле: говоря, что «Полтаву» не назвал он «Мазепой» из-за взятого к этой поэме эпиграфа, Пушкин писал в октябре 1829 г.: «Так и Бахчисарайский Фонтан первоначально назван был Гаремом; но меланхолический эпиграф (который бесспорно лучше всей поэмы) соблазнил меня».

— «Addio» по-итальянски значит: «прощай».

— Посл. к Ов., упоминаемое Пушкиным,— его «Послание к Овидию», о коем см. выше, стр. 221—222, и в письме к брату от 30 января 1823 г., № 52.

61. *А. Н. Раевскому (?)* (стр. 55 — 56). Впервые напечатано, с пропусками, в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 223, полнее — в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 557; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369, л. 21 — 22 об.

Перевод: «Отвечаю на вашу приписку, так как она более всего занимает [вас] ваше тщеславие. Г. С. еще не вернулся в Одессу, поэтому

я и не мог еще воспользоваться вашим письмом; [и] во-вторых, так как моя страсть очень уменьшилась и так как, тем временем, я влюбился в другом месте — я раздумал, и подобно Ларе Ганскому, сидя на моем диване, я решил более не вмешиваться в это дело — т.-е. я не покажу вашего [письма] послания г-же С., как я сначала намеревался, [оставив] скрыв от нее только то, что придавало вам интерес характера [Байронического] Мельмотического,—и вот что я намерен сделать: из вашего письма будут сделаны только выдержки, с подобающими исключениями; зато я приготовил на него пространный, прекрасный ответ, в котором беру столько же перевеса над вами, сколько вы взяли надо мной в вашем письме; я начинаю его, говоря вам: «Вы меня не обманете, любезный Иов; я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под вашим напускным цинизмом» и т. д.; остальное — в том же роде. Думаете ли вы, что это произведет эффект? Но так как вы — мой постоянный учитель в делах нравственности, я прошу у вас [почтительнейше] вашего позволения на все это и в особенности — ваших советов; но торопитесь, так как скоро приедут. Я имел о вас известия [ваш брат], мне передавали, что Атала Ганская сделала из вас фата и человека скучного, но последнее письмо ваше далеко не скучно. Я желал бы, чтобы мое могло хоть на минуту развлечь вас в ваших горестях. Ваш дядя, который, как вы знаете, — свинья, был здесь, всех перессорил и поссорился со всеми. Я готовлю ему славное письмо в под-аккорд № 2 [музыкальное выражение. *Б. М.*], но на этот раз он получит ругань, для того, чтобы он узнал тайну, как все [и чтобы он не был один, который не понимает того, что ему хотят сказать]». № 62.

— Письмо это, находящееся в черновой тетради Пушкина среди последних строф 1 главы «Евгения Онегина», законченной 22 октября 1823 г. в Одессе, касается, повидимому, каких-то любовных похождений Пушкина: к кому оно обращено, неизвестно; в Академическом издании Переписки Пушкина (т. I, стр. 79 — 80) и в изданном под нашею редакцией «Архиве Раевских» (т. I, стр. 233 — 234) оно отнесено предположительно к Александру Николаевичу Раевскому; возможность такого приурочивания не исключена, хотя Раевский в октябре 1823 г. жил, кажется, в Одессе и потому Пушкину, казалось-бы, не было надобности с ним переписываться; но возможна ошибка в дате черновика, ему приписываемой; к тому же упоминания о брате и дяде адресата (Н. Н. Раевском и А. Л. или В. Л. Давыдовых или же гр. М. С. Воронцове, женатом на тетке Раевского), название его Мельмотом, тон письма — все дает возможность относить его к А. Н. Раевскому.

— Письмо, на которое отвечает Пушкин, неизвестно.

— Ганские — «Лара» и «Атала» (имена героя и героини из поэмы Байрона «Лара» и из романа Шатобриана — «Атала») — брат и сестра или муж и жена из тогдашнего одесского общества. Киевский и волынский помещик Вацлав Ганский (ум. 1841, 63 л.) был с 1819 г. женат на графине Евве (Эвелине)-Констанции Адамовне Ржевуской (род. 1803, ум. 1882), в которую впоследствии влюбился известный французский романист Бальзак, на ней и женившийся («Архив Раевских», т. II, стр. 314 и 562; «Историч. Вестн.» 1899 г., № 10, стр. 283 — 288).

— Мельмот — герой фантастического романа Роберта Матюрена «Мельмот-Скиталец» («Melmoth the wanderer»); этот роман, в английском издании 1820 г., сохранился в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 284). Пушкин считал «Мельмота» «гениальным произведением», а героя назвал «бродягой мрачным» («Евг. Онег.», гл. 2, строфа XII); жертва злого духа, Мельмот в течение нескольких столетий странствует по земле и, против своей воли, принимает участие в невероятных приключениях. Кн. С. Г. Волконский в письме к Пушкину (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 138) называет Мельмотом своего шурина А. Н. Раевского.

62. *Ф. Ф. Вигелю* (стр. 56—57). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1863 г., ст. 864 (отрывок стихов; еще ранее три начальных искаженных стиха были сообщены в статье К. Зеленецкого о Пушкине в «Москвитянине» 1854 г., № 9, отд. V, стр. 7) и 1876 г., кн. III, стр. 234 (еще 4 стиха)

№ 62. и, наконец, полностию, в том же «Русск. Арх.». 1881 г., кн. I, стр. 224, и, исправнее, в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 558—559; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369, лл. 23 — 24, между записями 22 октября и 8 декабря 1823 г., почему письмо и отнесено к ноябрю 1823 г., а не к декабрю, как в издании Ефремова (т. VII, стр. 92, и т. VIII, стр. 596); в том же издании Ефремова (т. VII, стр. 92 — 93) напечатано с исправлениями по рукописи П. В. Анненкова, но так как Анненков делал свою копию, вероятно, по той же рукописи № 2369, то здесь эти исправления и не вносятся, тем более, что некоторые из них явно ошибочны.

— О Филиппе Филипповиче Вигеле см. выше, стр. 279—280; он был в это время членом Бессарабского Верховного Совета; впоследствии был Директором Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий. В знаменитых Записках своих он дал много ценных сообщений о Пушкине. Известно несколько писем его к Пушкину, но письма поэта к Вигелю до нас не дошли. Последний стих Послания объясняется следующим местом из Дневника Пушкина, где он под 7 января 1834 г. записал, что Вигель был у него накануне: «Я люблю его разговор, — он занимателен и делен; но всегда кончается толками о мужеложстве». См. наше издание «Дневника» Пушкина, Пгр. 1923, стр. 84 — 86, и Московское издание, 1923, стр. 249 — 251.

— О Варфоломее — см. выше, стр. 263.

— Содом был разрушен, по библейскому преданию, за противоестественный порок его жителей-мужчин; Пушкин сравнивает в этом отношении Кишинев с Содомом.

— Кто такой Шв., сказать не можем.

— «Note scandaleuse» значит: «скандальное замечание».

— Майгин — имя какой-то Кишиневской дамы; к ней, между прочим, обращено письмо Пушкина, печатаемое здесь ниже, под № 67.

— О Пульхерии Варфоломей (род. ок. 1800, ум. 22 марта 1864), дочери члена Бессарабского Верховного Совета Е. Варфоломея, см. выше, стр. 263, в объяснениях к письму № 51, и в письме к Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 г.

— Завальевский — Никита Степанович (ум. 22 марта 1864 г., 67 лет, в Туле); начав службу в л.-гв. Саперном батальоне, он вскоре вышел из него гвардии поручиком и в 1823 г. определился чиновником особых поручений к графу М. С. Воронцову; в Одессу он приехал в августе 1823 г. («Русск. Арх.» 1905, кн. III, стр. 571), почти в одно время с Пушкиным; он служил по таможенной части (Месяцослов на 1825 г., ч. II, стр. 195) до 1829—1830 г. В 1827 г. он женился на пожилой вдове командира Конной гвардии, генерал-майора Артемия Ивановича Раевского — Маргарите Васильевне, рожд. Давыдовой, богатой тульской помещице (Б. Л. Модзалевский, Род Раевских, С.-Пб. 1908, стр. 50). По словам Вигеля (Записки, ч. VI, стр. 120), «Пушкин им забавлялся, позволял ему всякие с собою фамильярности, а Завальевский почитал свое знакомство лестным для Пушкина». Это сообщение подтверждается и ироническим рассказом А. Н. Раевского, который писал Пушкину 21 августа 1824 г. об одесских новостях: «Завальевский продолжает составлять счастье своих друзей и знакомых; теперь у него новая претензия: литература. Он совершил путешествие по Южному берегу Крыма, верхом, с книгою «Mérite des femmes» [«Достоинство женщин», поэма Г. Легуве] в руках, на каждом шагу издавая восклицания—то по поводу красот поэзии, то по поводу красот природы,—все это на плохом французском языке, доступном лишь прелестной соотечественнице и твоей карикатуре, которая подчас находила, что его восторги выходят за пределы изящного вкуса. Он кончил тем, что свалился с лошади посреди своих поэтических мечтаний» (Пушкин, сборник П. И. Бартенева 91, стр. 78; Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 127; «Архив Раевских», т. I, стр. 240). Насмешливый отзыв о Завальевском — см. еще в письме к князю Вяземскому от 9 ноября 1826 г. и в ответе последнего от 19 ноября из Москвы: «Здесь все по-старому; один только Завальевский не пишет и не поет, а растянувшись лежит больной» (Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 385).

— О Полторацких см. выше, стр. 239—240 и 268. № 63.

— Алексеев—Николай Степанович (род. ок. 1789, ум. в 1850—60-х г.); он был родственником генерала П. Д. Киселева, который определил его в штат Наместника Бессарабской области А. Н. Бахметева, после чего Алексеев служил при генерале И. Н. Инзове в Кишиневе (с 1818 г.); здесь Пушкин с ним и познакомился, а затем и подружился настолько, что одно время и жил вместе с ним, — после того, как землетрясение повредило дом Инзова, в котором Пушкин имел маленькое помещение, а затем останавливался у него, приехав, в середине марта 1824 г., из Одессы в Кишинев; в 1821 г. он написал Алексееву послание («Мой милый, как несправедливы...»). По мнению И. П. Липранди, Алексеев «был вполне достоин дружеских к нему отношений Александра Сергеевича. У них были общие знакомые в Петербурге и Москве; и в Кишиневе Алексеев, будучи старожилом, ввел Пушкина во все общества. Русская и французская литературы не были ему чужды. Словом, он из гражданских чиновников был один, в лице которого Пушкин мог видеть в Кишиневе подобие образованным столичным людям, которых он привык видеть». Он был, по словам Вигеля, «типичный москвич, со степенным благородным видом», человек хладнокровный и тактичный. У него, по сообщению А. Ф. Вельтмана, был полный сборник произведений Пушкина, из коих многие не могли быть изданы. Сохранилось два письма к нему Пушкина (одно 1826 г., со стихами) и 4 письма его к Пушкину, в которых видна его глубокая любовь к поэту. Письма Пушкина к Алексееву находятся в Пушкинском Доме (где имеется и копия с портрета Н. С. Алексеева). По словам И. П. Липранди («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1450), Алексеев как-то взял у него 5 писем Пушкина, но не возвратил их ему, — и письма эти неизвестны. Об Алексееве см. в Собр. соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 568—569, и в изд. «Гавриилиады» под ред. Б. В. Томашевского, Пгр. 1922, стр. 45—48, с портретом Н. С. Алексеева.

— О Липранди см. выше, стр. 237. В марте 1824 г. он с Н. С. Алексеевым приезжал из Кишинева в Одессу и навестил Пушкина («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1472).

63. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 58—60). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1884 г., кн. I, стр. 124—125; черновое—в издании П. В. Анненкова, т. VII, стр. 10—11, полнее — в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 564—565; беловой подлинник (бумага — без вод. зн.) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве; черновой — в рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2369, л. 32—33.

— Асмодей — «Арзамасское» прозвище князя Вяземского.

— Последняя поэма Пушкина — «Бахчисарайский Фонтан»; о выпущенных стихах см. выше, стр. 53, 54 и 276; о Предисловии к ней Вяземского, напечатанном под заглавием: «Вместо предисловия к Бахчисарайскому Фонтану. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова» — см. выше, стр. 280.

— Минерва — дочь Юпитера, богиня мудрости, наук, искусств и войны.

— Софья Киселева — Софья Станиславовна, рожд. графиня Потоцкая, дочь знаменитой красавицы графини Софии Константиновны, рожд. Глявоне («La Belle Phanariote»), — жена (с 1821 г.) генерала Павла Дмитриевича Киселева (см. выше, стр. 250), знаменитая в то время красавица, очень нравившаяся князю Вяземскому, который за ее внешность называл ее «похотливой Минервой» («Остаф. Арх.», т. I и II). Она впоследствии разошлась с мужем.

— Какое «полицейское послание» приложил Пушкин к письму, неизвестно.

— «Путешествие по Тавриде» (С.-Пб. 1823 г.) — сочинение члена Российской Академии, дипломата и отца декабристов Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (род. 1768, ум. 1851), посетившего Крым в 1820 году, почти в то же время, как и Пушкин (о Муравьеве-Апостоле см. статьи И. А. Кубасова в «Русск. Стар.» 1902 г., №№ 10 и 11, и в «Известиях Отд.

№ 63. Русск. яз. и слов.» 1904 г., т. VIII, кн. 4); в то время «Путешествие» еще только печаталось (см. след. письмо); по просьбе Пушкина кн. Вяземский приложил к изданию «Бахчисарайского Фонтана» выписку из этого «любопытного и занимательного» «Путешествия», заключавшую в себе сведения о Бахчисарайском дворце и вообще о месте действия поэмы и предание о Потоцкой, которую Пушкин вывел в поэме под именем Марии. Ср. ниже, в письме к бар. А. А. Дельвигу (от середины декабря 1824 г. № 113), которое перепечатывалось при изданиях «Бахчисарайского Фонтана».

— Опера князя Вяземского — оригинальная опера-водевиль в одном действии: «Кто брат? Кто сестра? или обман за обманом», написанная им вместе с жившим тогда в Москве Грибоедовым для состоявшегося 24 января 1824 г. бенефиса известной актрисы М. Д. Львовой-Синецкой (музыка была написана А. Н. Верстовским). «Я по уши в водевилях», писал Вяземский А. И. Тургеневу из Остафьева 18 ноября 1823 г.: «Ко мне, как к Шаховскому, приходят с челобитием все бенефищики», и тут же прибавлял: «Одесский Пушкин прислал мне свой «Бахчисарайский Фонтан» для напечатания. Есть прелести. Есть ли в Петербурге «Путешествие в Тавриду» Апостола-Муравьева, о котором он говорит в «Ольвии»? Узнай и доставь тотчас. Да расспроси, не упоминается ли где-нибудь о предании похищенной Потоцкой татарским ханом, и наведи меня на след. Спроси хоть у сенатора Северина, Потоцкого или у архивиста Булгарина. Пушкин просит меня составить предисловие к своей поэме». Отвечая на запрос Вяземского, А. И. Тургенев писал 29 ноября: «Книгу Муравьева посылаю. О романе графини Потоцкой спросить не у кого. . . . происшествие, о котором пишешь, не графини Потоцкой, а другой, которой имя не пришло мне на память. . . . . Вчера, кстати, писал я снова к графу Воронцову и просил за Пушкина. Хоть ему и веселее в Одессе, но жить труднее, ибо все дорого, а квартиры и стола нет, как у Инзова. Авось, будет» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 367, 368). Об опере князя Вяземского— там же, стр. 601; Соч. А. С. Грибоедова, под ред. Н. К. Пиксанова, т. I и III и рассказ князя П. А. Вяземского — в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 0539—0545, то же — Соч., т. VII).

— Россини — славный итальянский композитор (род. 1792, ум. 1868), автор многочисленных опер, в том числе «Севильский Цырюльник» (1816), «Армида» (1817), «Эрмиона» (1819), «Зельмира» (1822), «Семирамида» (1823) и др. С музыкой Россини Пушкин познакомился в Одесском театре, в котором, по словам Вигеля (Записки, ч. VI, стр. 133), «давали прекрасные оперы: «Севильский Цырюльник», «Итальянцы в Алжире», «Сорока-воровка» и др.»; в «Странствии» Онегина Пушкин так характеризует музыку Россини:

Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей;
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет — они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые. . . .

— Роман, о котором говорит Пушкин, — «Евгений Онегин», начатый им в Кишиневе 28 мая 1823 г. под несомненным влиянием «Дон-Жуана»— поэмы Байрона, хотя в письме к А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 г. Пушкин писал, что в «Дон-Жуане» «ничего нет общего с Онегиным». См. В. М. Жирмунский, Байрон и Пушкин, Лгр. 1924, стр. 191—192.

— «А если брать, так брать» и т. д. — стихи из басни Крылова № 65. «Вороненок»:

Уж брать, так брать,
А то и когти что марать.

См. ниже, в письме № 190.

— Статья князя Вяземского, «победившая цензуру», — вероятно, та, которая была озаглавлена: «О двух статьях, напечатанных в Вестнике Европы»; она была написана, как возражение некоему М. И. (это был Н. И. Бахтин — см. А. А. Чебышев, Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911, стр. 14 и 32), который в «Письме к редактору» и в «Возражении» на «Замечание» Греча (№№ 13, 14 и 19) критиковал «Опыт» Греча и высказывал общие суждения о русской литературе и ее деятелях, при чем старался умалить заслуги Карамзина и его последователей. Вяземский желал напечатать статью свою, написанную «в защиту истины, нагло искажаемой умствованиями и предрассудками присяжных лжеучителей», полагая, что автором «Письма» и «Возражений» был сам редактор «Вестника Европы» — М. Т. Каченовский. Статью, Вяземского не пропустила цензура, с которою он и вступил в тяжбу. Негодующая жалоба его на цензора А. И. Красовского, запретившего эту статью, напечатана по черновику в «Русском Архиве» 1896 г., кн. II, стр. 293 — 295. Об этой тяжбе Вяземского Пушкину было своевременно известно еще в конце 1822 года (см. выше, стр. 42 и 260). Статья Вяземского напечатана только в Собрании его сочинений, т. I, С.-Пб. 1878, стр. 84—85.

— Дядя — Василий Львович Пушкин.

— *Черновиком* этого письма, из которого в беловое Пушкин не внес всех своих рассуждений о романтизме на Западе и в России, он воспользовался для двух других писем своих к князю Вяземскому же: от 8 марта и 5 июля 1824 г. (№№ 76 и 90).

— «Со времени рев.» — т.-е. со времени Французской революции.

— А. Ш. — французский поэт Андрей Шенье, казненный в 1794 г., автор элегий и идиллий. Пушкин любил и хорошо знал его произведения, из которых переводил и заимствовал некоторые мотивы и темы своих стихотворений, а в 1825 г. написал элегию «Андрей Шенье в темнице», посвятив ее Н. Н. Раевскому; эта пьеса послужила поводом к привлечению его к суду в 1827 г. (см. статью П. Е. Щеголева: «А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. Из архивных разысканий» — «Пушк. и его совр.», вып. XI). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр собрания сочинений Шенье, изданного в Париже в 1819 г., в красном сафьянном переплете с золотым тиснением; здесь, на чистом после переплетной крышки листе вписаны Пушкиным «неизданные стихи Андрея Шенье» (нач. «Près des bords, où Venise est reine de la mer . . . »), которые Пушкин перевел 17 сентября 1827 г. («Близ мест, где царствует Венеция златая» . . . Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 192—193, с приложением снимка со стихов Шенье, записанных Пушкиным). С отзывом о Шенье в этом письме можно сопоставить заметку Пушкина о нем, как о классике, сохранившуюся в его черновых тетрадях: в ней он говорит, что Шенье — «поэт, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения» (Пушк., Мороз., VI, 430); см. еще в письме к кн. Вяземскому 5 июля 1824 г. стр. 88. О влиянии Шенье на Пушкина см. в брошюре С. Любомудрова: «Античные мотивы в поэзии Пушкина», С.-Пб. 1901, изд. 2-е, стр. 22—29, очерк Ю. А. Веселовского: Пушкин и Шенье — в Сочинениях П., ред. Венгерова, т. III, стр. 581—584, и статью Л. П. Гроссмана в сборн.: «Свиток», кн. III, М. 1924. Трогательное по чувству стихотворение посвятила Шенье графиня Е. П. Ростопчина в 1842 г. (Соч., изд. 1890 г., т. I, стр. 97—99).

— «C'est un imitateur savant et un. . .» — «это ученый подражатель и . . .»

№ 63. — Феокрит—греческий поэт, живший в III в. до Р. Х., автор идиллий.

— Об «Анфологии» см. выше, стр. 273.

— «Concetti» — итальянское слово: выдумки, натянутые остроты.

— «Анти-thèses» —одна из реторических фигур — фигура противоположения, противопоставления в словах или в мыслях.

— Альфонс Ламартин (род. 1790, ум. 1869) — французский поэт, по выражению Пушкина — «сладкозвучный, но однообразный», автор стихотворений, между прочим, «Méditations poétiques» («Поэтических размышлений»), которые Пушкин и называет «думами», в параллель к «Думам» Рылеева (см. выше, стр. 243), сборник которых вышел в С.-Пб. в 1825 году; в одной из заметок 1831 г. Пушкин писал: «Ламартин скучнее Юго и не имеет его глубины. Не знаю, признались ли они [т.-е. французы] в тощем однообразии, в вялой бесцветности своего Ламартина, но тому лет 10 — его ставили наравне с Байроном и Шекспиром» (ср. в письме к князю Вяземскому 5 июля 1824 г., № 90).

— О Парни, французском поэте, см. выше, стр. 239.

— Мильвуя (Charles-Hubert Millevoye, род. 1782, ум. 1816) — французский поэт, которому подражал и Батюшков, и другие поэты той эпохи; собрание сочинений его, в издании 1823 г. (4 тома), сохранилось в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 289).

— La-Vigne — французский поэт и драматург Casimir Delavigne (род. 1793, ум. 1843), автор стихотворений, выходивших под названием «Messéniennes» и посвященных различным политическим темам. Стихотворения Делавиня посылал Пушкину Н. Н. Раевский из Петербурга 11 июля 1823 г. («Архив Раевских», т. I, стр. 232). — 25 мая 1825 г. Пушкин писал князю Вяземскому: «Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но все не Вольтер, не Гёте... далеко кулику до орла»; в письме к Плетневу от 9 декабря 1830 г. он называет Делавиня даже «несносным»; ср. еще в письме к князю Вяземскому № 90.

— О Вольтере — «философе и ругателе», по шутливому выражению Пушкина («Домик в Коломне», стр. VIII), — см. выше, стр. 248.

— Аристотель (род. 384, ум. 322 до Р. Х.)—великий греческий философ, автор систематически разработанной «Риторики» и знаменитой «Пиитики» (из которой известен только отрывок), заключавшей в себе теорию драмы. О «сетях Аристотеля» (о двух «единствах») говорит Пушкин и в письмах к кн. Вяземскому (№ 90) и к Н. Н. Раевскому от марта-апреля 1827 г.

— Буало (Nicolas Boileau-Despréaux, род. 1636, ум. 1711) — французский поэт, автор сочинения «Art poétique» («Наука о стихотворстве»); в нем были изложены правила классической поэтики, которым считалось необходимым следовать; поэтому Пушкин позже назвал «степенного» Буало «поэтом-законодателем, грозой несчастных мелких рифмачей» («Домик в Коломне», стр. VII и VIII). Под «Отечеством Буало» Пушкин разумеет Францию, как страну, где особенно процветал классицизм (ср. в письме к кн. Вяземскому 5 июля 1824 г. № 90). О Буало см. в статье Б. В. Томашевского «Пушкин и Буало» в сб. «Пушкин в мировой литературе». Лгр. 1926, стр. 13 — 63.

— О Дмитриеве см. выше, стр. 244—245; князь Вяземский написал тогда «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», которое было приложено к изданным в 1823 г. «Стихотворениям» его (ср. в письмах к князю Вяземскому № 76 и к Н. И. Гнедичу № 37).

— Крылов, Иван Андреевич (род. 1768, ум. 1844), знаменитый баснописец; ср. в письме Пушкина к князю Вяземскому № 76.

— Ерм. — «Ермак» — стихотворение И. И. Дмитриева (1794 г.).

— Нелединский — Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (род. 1751, ум. 1828), поэт, автор мелких стихотворений и подражаний народным песням. В 1816 г., 6 июня, в Павловске должен был состояться праздник в честь принца Оранского и его жены — великой княгини Анны Павловны, и императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать к этому случаю стихи; но престарелый поэт не спра-

вился с задачей, был в затруднении и, по совету Карамзина, обратился к Пушкину, тогда еще лицеисту. Поехав в Царское-Село, он, по преданию, «через час или два уехал из Лицея уже со стихами «К принцу Оранскому». Первое Собрание стихотворений Нелединского-Мелецкого вышло лишь в 1850 году.

— Стихотворения Н. М. Карамзин писал лишь до 1803 г., после чего всецело отдался работе над «Историей Государства Российского». Собрание стихотворений Карамзина издано Академией Наук в 1917 г. под редакцией В. В. Сиповского (вышел лишь т. I).

— Французская фраза означает: «певец нашей образованности»; ср. в письме к князю Вяземскому от 8 марта 1824 г. № 76.

64. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 60—61). Впервые напечатано: отрывок — в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 106; полностью — в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. 1, ст. 126 — 127; подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве, ныне в Центрархиве; разночтения черновика — в Акад. издании Переписки, т. I, стр. 84 — 85; подлинный черновик — в рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2369, *л.* 41.

— Письмо князя Вяземского с замечаниями на «Бахчисарайский Фонтан» до нас не сохранилось; замечания его все были приняты Пушкиным и вошли в 1-е издание поэмы, 1824 г., но в следующих изданиях Пушкин восстановил свой первоначальный текст.

— А. *Л.*—тетка Пушкина, девица Анна Львовна Пушкина (род. 1769, ум. 1824), на смерть которой Пушкин вместе с бароном Дельвигом написал шуточную элегию (см. в примечаниях к письмам №№ 106, 107, 110, 142) а позднее упомянул о ней с иронией в одном из вариантов к «Графу Нулину», назвав свою покойную тетушку «девушкой невинной».

— О С. С. Боброве и его «Тавриде», которую Пушкин читал в период создания «Бахчисарайского Фонтана»,—см. выше, стр. 22 и 27, в письмах №№ 25 и 33. Пушкин имеет в виду следующие стихи Боброва о гаремных женах:

Иль заключенные сидят,
Как бы Данаи в медных башнях,
Под стражею скопцов, в гаремах.

— О «Путешествии по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола см. выше, стр. 283 – 284.

— Грибоедов, Александр Сергеевич (род. 1795, ум. 1829), автор «Горя от ума», которое было написано в 1823—1824 гг. и быстро распространилось в списках (издано было впервые лишь в 1833 г.); в Чацком современники находили черты сходства с П. Я. Чаадаевым (см. выше, стр. 200), который в феврале 1821 г., после восстания Семеновского полка, вынужден был, вследствие различных сплетен, выйти в отставку, после чего, весною 1821 г., уехал в заграничное путешествие, продолжавшееся несколько лет.—С комедией Грибоедова Пушкин познакомился только в начале 1825 г.; отзыв его о ней см. в письмах к А. А. Бестужеву (№ 119), к кн. Вяземскому (№ 121) и к брату (№ 122). С самим Грибоедовым поэт познакомился в 1817 г. (после выпуска из Лицея); любопытный рассказ о Грибоедове и отзыв о нем, — по поводу встречи, в июне 1829 г., с телом убитого Грибоедова на Кавказе, см. в «Путешествии в Арзрум» (глава II).

— «Братьев-Разбойников» Пушкин послал Вяземскому при записке от 11 ноября (см. в следующем письме).

— Стих «Вперял он любопытный взор» — ср. переделку этого стиха из «Кавказского Пленника» в письме к князю Вяземскому № 60 (стр. 54).

— «Стих все-таки калмыцкий»: ср. выше, стр. 31, в письме к Гнедичу от 27 июня 1822 г.: «Киргиз-Кайсацкий стишок».

65. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 61—62). Впервые напечатано в «Русск. Арх». 1874 г., кн. I, ст. 126; подлинник (на бумаге вод. зн.—раковина и: Hollande) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве. Эта записка—лишь приписка на последнем листе тетради, в которой был переписан посланный Вяземскому текст окончания «Братьев-Разбойников». После при-

 писки рукою Вяземского отмечено: «(Это предисловие к напечатанию не назначается)»; на другом полулисте этого же письма—стихи из «Братьев-Разбойников», от: «И в сердце радость умерла» до: «За старца брат меня молил».

— С этой запиской Пушкина следует сопоставить его же слова о сюжете «Братьев-Разбойников», сохранившиеся в его заметках: «Не помню, кто заметил мне, что невероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 г., в бытность мою в Екатеринославле» (Пушк., Мороз., III, 151; П. Ефр. V, 500). В Екатеринославе Пушкин был в половине мая 1820 г., откуда, после перенесенной болезни, отправился с Раевским и на Кавказ (см. выше, стр. 207—208, 210).

— О «Шильонском Узнике» Байрона, в переводе Жуковского, см. выше стр. 248.

— «Братья-Разбойники» были напечатаны в «Полярной Звезде на 1825 г.», изданной А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым.

66. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 62). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 94—95 (неполно), а затем в «Вестнике Европы» 1881 г., январь, стр. 6—7 (полностью); подлинник был в Саратовском Радищевском Музее; к этому, вероятно, письму относится оторванный от целого полулист почтовой бумаги с написанным рукою Пушкина адресом: «Его Высокоблагородію Барону Антону Антоновичу Дельвигу. С.-Петербургъ. Имп. Публ. Библіотека», с оттиском перстня-талисмана; этот полулист в 1823 году был подарен самим Дельвигом, в Петербурге, Николаю Константиновичу Мавроди и от него перешел в Черниговскую Ученую Архивную Комиссию (см. «Труды Черниговской Губернской Архивной Комиссии», вып. II, стр. 22).

— Переписка Пушкина и Дельвига, о которой упоминается в этом письме, нам неизвестна; между тем мы видели выше, что в исходе 1822 г. Дельвиг писал Кюхельбекеру, что на Пушкина «охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими» (Сочинения, изд. 1895 г., стр. 150); равным образом неизвестно и письмо к Пушкину Ивана Ивановича Пущина; он и Дельвиг (служивший тогда в Публичной Библиотеке) писали своему лицейскому другу, вероятно, в день лицейской годовщины 19 октября 1823 г., отпразднованной в Петербурге.

— Пущин (род. 4 мая 1798, ум. 3 апреля 1859) — один из ближайших и любимейших друзей Пушкина, «товарищ милой, друг прямой», «первый друг» и «друг бесценный», — оставивший о поэте чрезвычайно живые и ценные воспоминания (переизданы в 1925 г. С. Я. Штрайхом, по поводу столетия восстания декабристов); по выпуске из Лицея Пущин определился в гвардию, но затем занял скромное место судьи в Московском Надворном Суде, желая возвысить эту невидную должность, на которую тогда не поступал никто из людей со средствами или из высшего общества. За деятельность в Тайном Обществе декабристов Пущин был сослан на каторгу, из которой возвратился лишь в 1856 г. В январе 1825 г. он навестил Пушкина в Михайловском; воспоминанию об этом посещении Пушкин посвятил стихотворение: «Мой первый друг, мой друг бесценный». Письма Пушкина к Пущину до нас не сохранились, а из писем Пущина известны лишь 3. О Пущине см. статью при упомянутом издании его Воспоминаний под ред. С. Я. Штрайха, и «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925 г., стр. 380—381.

— Говоря о сонетах Дельвига, Пушкин имеет в виду особенно сонет его «Н. М. Языкову», в котором есть строки, посвященные Пушкину и Боратынскому («Певцу Пиров»):

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышал пенье
И за себя богов благословил.
Певца «Пиров» я с музой подружил —
И славой их горжусь в вознагражденье...

— Языков, Николай Михайлович (род. 1803, ум. 1846), известный поэт; лично Пушкин познакомился с ним через А. Н. Вульфа, своего соседа по Михайловскому, летом 1826 г., когда Языков гостил у П. А. Осиповой в Тригорском; но еще до личного знакомства они в 1824 г. обменялись стихотворными посланиями. Языков посвятил Пушкину и с. Тригорскому несколько стихотворений, был с поэтом в переписке, но его писем к Пушкину сохранилось только два, а из писем Пушкина к нему—лишь шесть. В конце 1820-х и в 1830-х гг. они видались в Москве, а в 1833 г. Пушкин посетил Языкова в его Симбирской деревне — селе Языкове. Отношения их, не вполне искренние со стороны Языкова, видны из переписки последнего с братом, напечатанной Д. Н. Садовниковым в «Историч. Вестн.» 1883 г., № 12, и из писем Языкова, опубликованных Е. В. Петуховым в «Языковском Архиве», вып. I, С.-Пб. 1913 г. — С фразою о надеждах на Языкова можно сопоставить слова Воейкова и В. И. Козлова, которые, печатая в своем журнале «Новости Литературы» 1822 г. уже второе стихотворение Языкова («К Я. М. А., при посвящении ему стихов моих» — № XXIII, стр. 156—158), сопроводили его словами: «Сердечно благодарим молодого Поэта за сей подарок отечественной Публике. Предсказываем ему блистательные успехи на поприще Словесности» (стр. 156). Весною 1824 г., в недошедшем до нас письме к брату Льву Пушкин из Одессы расхваливал стихи Языкова: «Наш Бейрон»,—сообщал об этом Воейков Языкову 21 апреля 1824 г.: «восхищается вашими стихами и пророчествует вам мирты, розы и вечно-зеленые лавры» (см. заметку Б. Л. Модзалевского в сб. «Литературные Портфели», вып. I, 1923, стр. 64—65). Пушкин относился к Языкову-поэту с неизменной благожелательностью; так в Москве в 1826 г. он однажды выразился: «Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу» (Соч. Пушк., ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 110). Ср. ниже, в письме № 75. *№ 66.*

— Отзывы Пушкина о Боратынском,— всегда хвалебные,— ср. выше, стр. 238 — 239.

— Бируков — цензор, о котором Пушкин говорит в своем четверостишии: «Тимковский царствовал»....; см. выше, стр. 260, и «Дневник», Пушкина под нашею редакциею, Пгр. 1923, стр. 247 — 248.

— Сатира к Гнедичу — послание Е. А. Боратынского: «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»; здесь в стихах 97—114 находятся следующие выпады против тогдашних известных писателей:

Признаться, в день сто раз бываю я готов
Немного постращать Парнасских чудаков,
Сказать, хоть на ухо, фанатикам журнальным:
«Срамите вы себя ругательством нахальным;
Не стыдно ль ум и вкус коверкать на подряд
И травлей авторской смешить Гостиный ряд?
Россия в тишине, — а с шумом непристойным
Воюет «Инвалид» с «Архивом» беспокойным»;
Сказать Панаеву: «Не Музами тебе
Позволено свирель напачкать на гербе»;
Сказать Измайлову: «Болтун еженедельный,
Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной,
И в нем ты каждого убогого умом
С любовью жалуешь услужливым листком,
И Цертелев блажной, и Яковлев трактирный,
И пошлый Федоров, и *Сомов безмундирный*,
С тобою заключив торжественный союз,
Несут к тебе плоды своих лакейских Муз» и т. д.

Стихотворение это в печати (1827 г.) появилось с большими переменами и переделками фамилий; при чем стих о Сомове был совсем выброшен. Позднее Белинский назвал это послание Боратынского «длинным, вялым, прозаическим», говоря, что в нем, как и в другом послании его, — к Богдановичу—«самый механизм стихов скрипит, как тяжелые ворота на вереях»,

№ 66. и что в них обоих «нет не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли» (см. Соч. Боратынского, ред. М. Л. Гофмана, изд. Акад. Библ. Русск. Писателей, т. I, стр. 50—51, 184—186 и 238—241, а также статью В. Я. Брюсова — «Весы» 1908 г., № 5, май, стр. 53—58).

— Сомов — Орест Михайлович (род. 1793, ум. 27 мая 1833), плодовитый писатель, стихотворец и критик; человек образованный и даровитый, он не служил на государственной службе (в Российско-Американской Компании он состоял на *частной* службе), существуя преимущественно литературным трудом в разных изданиях, напр., в «Литературной Газете» Дельвига (1830—1831); это и дало повод Боратынскому в послании к Н. И. Гнедичу назвать его «безмундирным» (см. статью В. Я. Брюсова в «Весах» 1908, № 5, стр. 53—58). О Сомове см. в «Алфавите декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 397; об его отношениях к Пушкину см. статью С. Н. Браиловского в сборн. «Пушкин и его современ.», вып. XI, стр. 94—100, и его же статью: «К вопросу о Пушкинской плеяде. I. О. М. Сомов», Варшава. 1909. Сомов интересен, между прочим, своим литературным влиянием на Гоголя.

— Кол. Сов. Измайлов — Александр Ефимович (род. 1779, ум. 1831), баснописец, стихотворец, издатель (1818—1827) журнала «Благонамеренный»; он, будучи литератором, одновременно состоял на службе по Министерству Финансов, а впоследствии был Тверским (1826) и Архангельским (1828) вице-губернатором. В 1818 году Измайлов, состоя Председателем С.-Петербургского Вольного Общества Любителей словесности, наук и художеств, известил (письмом от 26 июля за № 14) Пушкина об избрании его членом Общества (Акад. издание Переписки, т. I, стр. 8). Об А. Е. Измайлове см. исследование И. А. Кубасова: А. Е. Измайлов, С.-Пб. 1901 (об отношениях к Пушкину — особенно в главе VIII) и его же статью «Вице-губернаторство Измайлова» — в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова», С.-Пб. 1902 г.

— Называя себя полу-Хвостовым, Пушкин имеет в виду графа Д. И. Хвостова (см. выше, стр. 252 — 253), который в послании своем «К Ивану Ивановичу Дмитриеву» говорил про себя:

...Однако, Муз люблю на лире величать,
Люблю писать стихи и отдавать в печать...

Второй стих был напечатан, как эпиграф, и на титуле книжки «Посланий в стихах графа Дмитрия Хвостова», С.-Пб. 1814 г., в которой послание к И. И. Дмитриеву находится на стр. 81.

— О «Бахчисарайском Фонтане» см. выше, стр. 276, 283. Уже 1 ноября 1823 г. Рылеев читал отрывок из «Фонтана» в заседании С.-Петербургского Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств («Русск. Стар.» 1899, май, стр. 473, в статье И. А. Кубасова).

— Новая поэма — «Евгений Онегин»; ср. в письме к князю Вяземскому от 4 ноября 1823 г., № 63.

— Л. С. Пушкин у брата в Одессе не был, и Пушкин пенял ему за это в письме от начала января 1824 г. № 72. Впоследствии судьба завела Л. С. Пушкина на постоянное жительство в Одессу, где он в 1843 — 1852 гг. служил членом Портовой Таможни, и где он и умер.

— О Россини и Итальянской опере см. выше, стр. 284.

— Немецкий Пленник — перевод «Кавказского Пленника», сделанный Александром Евстафьевичем Вульфертом и изданный в 1823 году («Der Berggefangene (Кавказский Пленник) von Alexander Puschkin. Aus dem russischen übersetzt», St.-Petersburg. 1823, ценз. дозв., А. И. Красовского — 7 июня 1823) с приложением в конце «Tscherkessenlied», положенной на музыку Людвигом Маурером. В следующем, 1824 году перевод этот был переиздан Евстафием Ивановичем Ольдекопом (ум. 1845) под заглавием: «Кавказский Пленник. Повесть. Соч. А. Пушкина, Санктпетербург, печатано в типографии состоящей при Особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел. 1824 г. Der Berggefangene, von Alexander Puschkin. Aus dem russischen übersetzt», St.-Petersburg (8°, X + 68 стр.), тоже с прило-

жением, в конце, той-же «Tscherkessenlied». При переводе был перепечатан, на четных страницах, и весь русский текст поэмы; книга была подписана к печати цензором А. И. Красовским 17 апреля 1824 г. Узнав об издании Ольдекопа (см. ниже, в письме к князю Вяземскому от 15 июля 1824 г. № 92), Пушкин негодовал на контрафакцию, жаловался и через отца, и лично, прося защиты от посягательства на его авторские права, но ничего не добился; из дальнейших писем (№ 92, 98, 107, 116, 118 и 20 июля 1827) будет виден ход этого дела. Об этом издании см. в книжке П. Д. Драганова: «Пятидесятиязычный Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 7. Любопытно отметить, что автор перевода, Вульферт (род. 1790; питомец Дерптского Университета, ум. ок. 1855), состоявший при евангелическом епископе Цигнеусе, получил за перевод от имп. Елисаветы Алексеевны «золотые часы с репетициею», а вскоре (4 февраля 1826 г.) назначен был редактором «академических» «С.-Петербургских Ведомостей» и «St.-Petersburgische Zeitung». № 67.

67. *Неизвестным дамам* (стр. 63). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 229—230; дополнение — в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 567; в Акад. издании Переписки Пушкина (т. I, стр 88—89) — напечатано без этого дополнения, которое мы даем по подлиннику; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369, л. 37 об. — 38.

Перевод: «Да, без сомнения, я угадал их, [эту] тех двух очаровательных женщин, которые удостоили вспомнить об Одесском — ранее — Кишиневском отшельнике. Тысячу раз целовал я эти строки, напомнившие мне столько безумств, мучений, [вечеров], ума, любезности, вечеров, [вальсов], мазурок и т. д. Боже мой, как вы жестоки, сударыня, предполагая, что я могу веселиться там, где не могу ни встретить вас, ни вас забыть. Увы любезная Майгин, вдали от вас, я совсем расстроен и угрюм [все] мои способности пропадают, я потерял даже талант к карикатурам, хотя семейство князя Мурузи и было бы достойно внушить их [самые забавные]. У меня только одна мысль — еще вернуться к вашим ножкам и посвятить вам, как говаривал добродушный поэт, то немногое и ничтожное, что̀ мне еще остается. Помните ли вы о поправке [в его книге. Но] которую вы сделали в храме... [но]. Боже мой, если бы вы [сделали то же самое в м.] повторили ее здесь! Но правда ли, что вы думаете приехать в Одессу? Приезжайте, ради бога! У нас будут, чтобы привлечь вас, бал, Итальянская опера, вечера, концерты, поклонники, вздыхатели, — все, что вам будет угодно. Я буду передразнивать обезьяну, я... и нарисую вам г-жу..... в 38 позах Аретина. — Кстати об Аретине, скажу вам, что я стал целомудрен и добродетелен, т.-е., на словах, ибо мое поведение всегда было таково. Истинное наслаждение видеть меня и слушать, когда я говорю. Заставит ли это ускорить ваш приезд? [Приезжайте]. Еще раз — приезжайте ради бога и простите мне вольность, с коею я пишу тем, которые слишком умны для того, чтобы быть жеманными, но которых я люблю и уважаю более всего... — Что касается вас, очаровательная капризница, почерк которой заставил меня затрепетать (хотя, по великой случайности, он совсем не был изменен), не говорите, что вы знаете мой характер; вы не огорчили бы меня, (сомневаясь) сделав вид, что сомневаетесь в моей преданности и в моих сожалениях. С., который, слыл за человека с противоестественными вкусами..... просовывать нитку через ушко иголки, смачивая кончик.—А. говорит о нем, что он выделял везде, где это необходимо, терпение и слюну».

— Письмо, как видно по его содержанию, писано в Одессе, к каким-то Кишиневским дамам (полусвета?), одну из которых, Майгин, Пушкин упоминает и в более раннем письме к Ф. Ф. Вигелю в Кишенев, прося его передать, что «он целует ручки Майгин и желает ей счастья на земле, умалчивая о небесах, о которых не получил еще достаточных сведений» (см. выше, стр. 56 и 282).

— Семья князя Мурузи — вероятно бывшего господаря Ясского, драгомана Порты при заключении Бухарестского мира (1812), казненного

№ 68. в Шумле (Л. Н. Майков, Пушкин, стр. 121; И. П. Липранди, Из дневника и воспоминаний — «Русск. Арх.» 1866, ст. 1233).

— Г-жа.... В Акад. изд. Переписки имя прочтено: «M-de de Wor.», т. е. Воронцова; но имя это написано очень неясно и относить то, что дальше пишет Пушкин, невозможно к графине Воронцовой, с именем которой связывают несколько лирических стихотворений поэта. О графине Воронцовой см. в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. IV, стр. XXVI—XXIX.

— Пушкин был преувеличенно - отрицательного мнения о своей наружности и считал себя похожим на обезьяну. В одном из протоколов Лицейских годовщин (1828 г.) он подписался: «Пушкин-Француз (смѣсь обезианы с тигром)», в другом месте определил себя, как «vrai singe par sa mine»; Грибоедов тоже, по словам А. М. Каратыгиной, называл его мартышкой — «sapajou» («Русск. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, стр. 569); Денис Давыдов в 1822 г. говорил Погодину, что Пушкин «прекрасно дразнит обезьяну» («Пушкин и его соврем.», вып. XIX—XX, стр. 68).

— Аретин — Пьетро Аретино (род. 1492, ум. 1557) — плодовитый итальянский сатирик, поэт, автор комедий и разнообразных произведений скабрезного содержания, но также и назидательных книжек. Пушкин имеет в виду его знаменитую, много раз переиздававшуюся книжку «La puttana errante, overo Dialogo di Maddalena et Giulia», с описанием и изображением многочисленных (38) эротических поз.

68. *А. И. Тургеневу* (стр. 64—66). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 654—656; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук; воспроизведение — в «Историческом Вестнике» 1899 г., т. 76, № 5, стр. 11—19, а частью, фототипически, в Альбоме Пушкинской Выставки в Академии Наук, под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. С.-Пб. 1899, л. 68; черновое — в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 230—231; черновик — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369 л. 40.

— Об Александре Ивановиче Тургеневе см. выше, стр. 191—192; в 1823 году он был, в звании камергера, Директором Департамента Духовных Дел Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения и помощником статс-секретаря Государственного Совета по Департаменту Законов.

— Кипренский — Орест Адамович (род. 1783, ум. в Риме 1836) — знаменитый художник-портретист, ученик Угрюмова и Левицкого, в 1827 г. написавший, между прочим, известный портрет Пушкина,—по словам М. В. Юзефовича, хорошо знавшего Пушкина (1829 г.), «безукоризненно» похожий («Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 435). Этот портрет масляными красками, принадлежавший Дельвигу, находится ныне в Третьяковской Галлерее в Москве, а экземпляр пастелью, принадлежавший Льву Сергеевичу Пушкину и находившийся в Болдине, — в Пушкинском Доме. В 1817 году Кипренский Академией Художеств был послан для усовершенствования за границу. В № XLVI «Сына Отечества» за 1817 г. (16 ноября) было напечатано (стр. 1—25) «Письмо из Рима» этого художника (с датою в конце: «Рим Июня 10 дня 1817 года»). Письмо не имеет обращения, но по содержанию его, представляющему род отчета о поездке по Италии и о занятиях, обращенного к сановнику, видно, что оно адресовано, вероятнее всего, к Петру Петровичу Чекалевскому (а не к Тургеневу, как указывали некоторые), Вице-Президенту Академии Художеств, о смерти которого (7 мая 1817 г.) Кипренский еще не знал. Во второй половине письма, сказав о прибытии своем в Милан, художник внезапно прерывал рассказ и писал: «Извините, ваше превосходительство, что останавливаю на один день повествование. Милан не прогневается, подождет, покуда я съезжу в Петербург, повидаться с почтенными соотечественниками моими. — Вот я на дрожках приехал на славный Васильевский Остров: здравствуйте, любезная Академия Художеств! Потом пробираюсь через Исакиевский мост; сердце радуется при виде Невы и великолепного города; кланяюсь монументу Петра, оттуда на Невский проспект, заезжаю в Морскую к *С. С. Уварову*, встречаю у него *А. И. Тургенева*, *Г. Жуков-*

ского и желаю им доброго здоровья. От него к дому бывшего великого № 68. благотворителя моего, всегда живущего в моей памяти, *графа Александра Сергеевича Строганова*; кланяюсь дому и желаю совершенного выздоровления — *графу Павлу Александровичу*. Отсюда везите меня поскорее к *А. Н. Оленину*, поклониться *Е. М.* и *А. М.* — Верно теперь у них *И. А. Крылов, Н. И. Гнедич?* Здравствуйте, милостивые государи! Я надеюсь, что *К. Ф. Муравьева* не поставит в труд кланяться от меня *Н. М. Карамзину, Н. М. Муравьеву* и *Г. Батюшкову*, а *Н. И. Гнедич* поклонится *князю И. А. Гагарину, графу В. В. Пушкину*. Но простите, я спешу обедать к *П. А.* и *П. М. Ниловым* в Коломну. Ненадобно забыть *Князя* хороших комедий [князя А. А. Шаховского], так же громомещущего *Греча*, господ *Лобанова, Ермолаева, Востокова* и проч.» (стр. 17 — 19). Почему Пушкину осталось столь памятно письмо Кипренского с мимолетным упоминанием о Тургеневе, появившееся за 6 лет до того, и почему он вспомнил его, пиша Тургеневу, — представляется непонятным. — Кипренский вернулся в Россию в 1823 году, а в 1828 г. снова уехал в Италию и умер в Риме. Известны еще его портреты Крылова, Жуковского, Батюшкова, Д. Давыдова.

— Пушкин благодарил Тургенева за его хлопоты перед графом М. С. Воронцовым о переводе его из Кишинева в Одессу (см. выше, стр. 274). Еще 9 мая 1823 г. Тургенев, сообщая князю Вяземскому, что «Граф Воронцов сделан Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором», писал: «Не знаю еще, отойдет ли к нему и *бес арабский*. Кажется, он прикомандирован был к лицу Инзова». — Вяземский в свою очередь спрашивал Тургенева 31 мая: «Говорили ли вы Воронцову о Пушкине? Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, добрые люди! Тем более, что Пушкин точно хочет остепениться, а скука и досада — плохие советники». 3 июня Вяземский повторял свой вопрос, на который Тургенев отвечал 15 июня: «О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных сего мира, следовательно и Воронцова, я не хотел говорить ему, а сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Нессельроде утвердил первого, а я присоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано-сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что̀ нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть: за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, пророчески прибавляет Тургенев: «я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова — в Италию — с ума сошел; что-то будет с Пушкиным?» («Остаф. Арх.», т. II, стр. 322, 327, 330, 333 — 334).

— Грибко — вероятно, Оттон Николаевич, чиновник, близкий к Тургеневу; см. выше, в примечаниях к письму № 9, стр. 196.

— Чеботарев — по всей вероятности Андрей Харитонович, сын ректора Московского Университета, профессора Х. А. Чеботарева, масона, знакомого с И. П. Тургеневым (отцом Александра Ивановича). А. Х. Чеботарев (род. 1784, ум. 1833), магистр философии и физико-математических наук Московского Университета, завершил свое образование за границей, и с января 1807 г. был адъюнктом химии и технологии в Московском Университете, с 1810 г. преподавал в Университетском Благородном Пансионе естественное и римское право и политическую экономию, а с 1811 — естественные науки в Университетской же Гимназии. В январе 1812 г. он вышел в отставку, переехал в Петербург, где получил место старшего пробирера в лаборатории Департамента горных и соляных дел, затем был командирован на золотые прииски в Сибирь, откуда вернулся лишь в 1823 году, в мае этого года был назначен Председателем Херсонской Казенной Палаты, но пробыл им не долго, занимался потом частными горно-промышленными делами в Финляндии, Сибири и на Урале; наконец, в 1832 г. определен был Помощником Директора Петербургского Стеклянного Завода. Чеботарев был известен среди своих знакомых, как человек очень остроумный, но большой чудак, бравшийся за все и увле-

№ 68. кавшийся самыми разнообразными вопросами, — вплоть до воздухоплавания, которым он увлекался еще в 1802 — 1806 г. Митрополит Евгений в 1819 г., по поводу «пустого» проекта Чеботарева о железной компании, писал В. Г. Анастасевичу, что Чеботарев, «учившийся технологии, особенно материальным фабричным знаниям и окрашиванию», известен ему «по слуху, как остряк и как dissolu» («Русск. Арх.» 1889 г., кн. II, стр. 218). Надо думать, что Пушкин, легко могший встречать Чеботарева у Тургенева, называет его «благоразумным» иронически: благоразумия как раз и не было в характере этого талантливого неудачника. Впоследствии на сестре Чеботарева женился писатель И. Е. Великопольский, бывший с 1825 г. в приятельских отношениях с Пушкиным. Почему последний вспомнил Чеботарева в письме к Тургеневу, сказать трудно: вернее всего предположить, что это была одна из столь обычных у Пушкина шалостей (см. «Русский Биографич. Словарь», статья Вад. Л. Модзалевского; «Архив братьев Тургеневых», вып. 1 и 2).

— Стихи: «Исчезла прежня живость» и т. д. принадлежат Ивану Ивановичу Дмитриеву (ум. 1837) и взяты из его послания «К друзьям моим (по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Правит. Сената)», 1800 г.:

....Но буду ли, друзья, попрежнему вам мил?
Увы! уже во мне жар к пению простыл,
Уж в мыслях нет игры, исчезла прежня живость!
Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныние? — Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что к вам привязан я,
Что сердце приношу чувствительно, незлобно
И более еще ко дружеству способно... и т. д.

— «Ода на смерть N.» — ода «Наполеон», написанная Пушкиным не «в начале» (как он пишет Тургеневу), а в июле 1821 г., по получении известия о кончине Наполеона, последовавшей 23 апреля ст. стиля 1821 г. В печати эта ода появилась лишь в издании Стихотворений Пушкина 1826 г.

— Говоря: «Это мой последний либеральный бред», Пушкин имел в виду обещание свое, данное Карамзину в 1820 г., пред высылкой на юг, «два года ничего не писать противу правительства» (ср. ниже, в письме к Жуковскому, № 146).

— Подражание евангельской притче о сеятеле, как и написанное около того времени стихотворение: «Недвижный страж дремал на царственном пороге», стоит в связи с некоторой переменой, происшедшей в либеральном настроении Пушкина к этому времени, когда «революционные движения уже не возбуждали в Пушкине, на глазах которого происходило крушение революции в Германии, Австрии, Испании, Неаполе (см. стих. «Недвижный страж дремал») прежнего пламенного сочувствия» (Н. О. Лернер, Труды и дни Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 486). О переломе политических настроений Пушкина в это время см., между прочим, в заметке Н. О. Лернера: «Пушкин и его соврем.», вып. XVI, стр. 69 — 70.

— Братья Тургенева — Николай и Сергей Ивановичи (см. выше, стр. 192, 231); под «братьей» Пушкин разумеет общих с Тургеневым знакомых — быть может «арзамасцев»; ср. в конце письма к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г., № 75.

— Н. М. и К. А. К. — историограф Н. М. Карамзин и его жена Екатерина Андреевна, сестра князя П. А. Вяземского.

— Княгиня Голицына — Евдокия Ивановна, прозванная «Princesse Nocturne»; она была недовольна дарованием Польше конституции и вообще заявляла себя горячей патриоткой-монархисткой; о ней см. выше, стр. 18, 88, 222 — 223. — С кн. Е. И. Голицыной Пушкин познакомился именно у Карамзиных: 24 декабря 1817 г. Карамзин писал кн. П. А. Вяземскому, что он часто беседует с поэтом Пушкиным, «который у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит

у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только что еще не пишет от любви» («Стар. и Новизна», кн. I, стр. 43). Сам влюбчивый Вяземский был увлечен княгиней и 28 июня 1818 г. писал из Варшавы в Москву А. Я. Булгакову: «Счастливцы! Вы сидите у княгини Голицыной, слушаете ее мысли и чувства и слышите ее голос.... Сделай одолжение, скажи ей мое почтение и еще что-нибудь такое, которое живее почтения и рассудительнее любви. Я в ее беседе провел часы из приятнейших и счастливейших в жизни моей. Я боялся, что она будет недовольна мною [за принятие службы в Польше]: я знаю, как она смотрит на наше царство, некоторое государство. Уверь ее, что мое сердце не здесь... Я Польши не люблю» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. I, стр. 510). № 69.

— Принцесса Шарлотта — юная дочь герцога Виртембергского, невеста великого князя Михаила Павловича, по переходе в православие принявшая имя Елены Павловны, — впоследствии известная своим сердечным и деятельным участием в деле освобождения крестьян; она вышла замуж 8 февраля 1824 г., будучи 17 лет от роду; умерла 9 января 1873 г. Жуковский, пораженный ее редкою и кроткою красотою, обратил к ней стихотворение «Ангел и Певец», начинавшееся словами:

Кто ты, ангел светлоокий,
С лучезарною звездой?
Из какой страны далекой
Прилетел на север мой?...

Стихи эти петы были на празднестве, по случаю приезда невесты, в Гатчине 6 октября 1823 г. Пушкин впоследствии лично знал ее и также был очарован ее прекрасною наружностью и редкою любезностью и умом: см. его «Дневник», изд. под нашей редакцией, Пгр. 1923, стр. 186 — 189.

— Жуковский «Гяура» Байрона, насколько известно, не переводил.

— Вторая глава «Евгения Онегина» была закончена Пушкиным 8 декабря 1823 г.

— Сообщая князю Вяземскому о получении письма Пушкина, А. И. Тургенев писал 22 января 1824 г., что оно «исполнено прекрасных стихов и даже надежды на его исправление. Теперь оно у Жуковского, который сбирается отвечать ему на его эпиграмматическое воспоминание о нем. Здесь все еще в черном теле его держат; но я заставил приезжего чиновника, в присутствии его начальника, описывать Пушкина и надеюсь, что эта сцена подействует на бездушных зрителей»; тут же Тургенев сообщал Вяземскому, что у Пушкина «поспевает новая поэма» («Ост. Арх.», т. III, стр. 6).

— Письмо Жуковского к Пушкину, о котором упоминает Тургенев, в печати неизвестно.

— Письмо Тургенева к Пушкину, на которое он отвечает ему, тоже не сохранилось.

69. *И. Н. Инзову (?)* (стр. 66). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 232, полнее — в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 568; подлинник в рукописи 6. Румянцовского Музея № 2369, л. 43. Датируется на основании местоположения в рукописи — непосредственно после II главы «Евгения Онегина», законченной 8 декабря 1823 г., а также по соображению, высказанному Г. Сербским (сборн.: «Пушкин. Статьи и материалы». Под редакцией М. П. Алексеева. Вып. I, Одесса. 1925, стр. 53 — 54), что письмо это было написано после получения Пушкиным жалованья за майскую треть 1823 г., а оно получено им 13 декабря 1823 г., — в количестве 225 рублей 60 коп.

Перевод: «Посылаю Вам, генерал, 360 рублей, которые я вам [был] должен так давно; благоволите принять мою искреннюю благодарность. Что касается извинений, — у меня не хватает смелости их вам высказывать. Мне совестно и унизительно, что до сих пор я не мог уплатить вам [мой] этот долг — причина этому то, что я издыхал от нищеты. Примите, генерал, уверение в моем глубоком уважении».

№ 70. — Письмо лишь предположительно можно отнести к генералу Ивану Никитичу Инзову, бывшему в Кишиневе начальником Пушкина; Инзов относился к Пушкину очень благосклонно и снисходительно, и весьма возможно, что иногда выручал его деньгами (ср., напр., «Русск. Арх.» 1863 г., ст. 865, 867), в которых Пушкин очень часто нуждался, не получая поддержки от отца и живя литературными заработками (см. жалобу его на отца в письме к брату, № 59, стр. 53). Может оно относиться также и к генералу Павлу Сергеевичу Пущину, который командовал в Кишиневе бригадой; он был земляком Пушкина и привлек его в основанную им масонскую ложу (см. о нем ниже, в письмах к Жуковскому от второй половины января и к Алексееву от 1 декабря 1826 г.; в «Былом» 1918 г., № 2, в статье А. А. Шилова, в нашем очерке: «Пушкин под тайным надзором», изд. 3, Лгр. 1925, по указ., и в «Алфавите декабристов» под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 382). Если бы Пушкин писал это письмо, как думают некоторые, к своему другу генералу М. Ф. Орлову, то оно, конечно, было бы написано в совсем другом тоне.

70. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 66 — 67). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 128 — 129; подлинник (на бумаге вод. зн.: раковина и Hollande) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве.

— Письмо князя Вяземского, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Стихи: «Какая б ни была вина» и «Символ, конечно, дерзновенный, Незнанья жалкая вина» (имеется в виду изображение креста в соединении с луною на мраморном фонтане) взяты из «Бахчисарайского Фонтана», который кн. Вяземский в это время приготовлял к изданию. Объясняя слово «вина» латинским словом «culpa» и французским «faute», Пушкин далее дает свои два стиха в переводе на французский язык, чтобы точнее объяснить Вяземскому то, что̀ он хотел выразить, а потом приводит стих Буало (см. выше, стр. 180 и 286), из его «Art poëtique», означающий в переводе: [пускай они] «будущим Сомезам готовят пытки». — Сомез (Claude Saumaise, род. 1588, ум. 1658) — известный французский ученый, комментатор и критик, отличавшийся глубокою эрудициею; имя его стало нарицательным для обозначения ученого и взыскательного критика.

— Говоря о том, нельзя ли избежать почты, Пушкин имел в виду не вес того, что̀ он намерен был послать Вяземскому, а нецензурность, боясь, что на почте пакет мог бы быть распечатан, а это навлекло бы на Пушкина новые неприятности (как это вскоре и случилось с письмом Пушкина от первой половины марта 1824 г., № 77); Вяземский же принял слова Пушкина в прямом смысле, и поэт писал ему в начале апреля (№ 79): «Ты не понял меня, когда я говорил тебе об оказии: почтмейстер мне в долг верит, да мне не верится».

— Кривцов — Николай Иванович (см. выше, стр. 195 — 196) был в это время (с апреля 1823 по март 1824 г.) Тульским губернатором, и кн. Вяземский тогда, в конце ноября 1823 г., совершил к нему поездку в Тулу, на его именины 6 декабря («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 600); см. ниже. письмо к нему Пушкина № 97, которое некоторыми издателями (Морозов, Ефремов) относится к декабрю 1823 г.

— «Полярная Звезда на 1824 г.» (альманах А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева) вскоре вышла в свет; в ней были помещены следующие стихотворения князя Вяземского: «Гвоздь и молот» (басня), «Воли не давай рукам», «В шляпе дело», «Петербург», «Давным давно». Ср. выше, стр. 273.

— Анахарсис - Клоц - Кюхля — В. К. Кюхельбекер, которого здесь Пушкин шутя называет именем Jean-Baptiste Anacharsis Cloots, — французского революционера-энтузиаста, члена Конвента, казненного в 1794 г.; Кюхельбекер походил на него характером, отличаясь теми же революционными стремлениями и пылкостью, граничившею с невоздержанностью; так же Пушкин называет Кюхельбекера и позже, в письме к брату от начала апреля 1825 г. (№ 137, стр. 127 и 426). Журнал Кюхельбекера — Сборник «Мнемозина», который он издавал в 1824 г. с кн. В. Ф. Одоевским, в 4 кн. Незадолго

до этого Пушкин получил от Кюхельбекера письмо (до нас не сохранившееся), о котором упоминает В. И. Туманский в письме из Одессы к Кюхельбекеру (см. В. И. Туманский. Стихотворения и письма. Редакция С. Н. Брайловского, С.-Пб. 1912, стр. 252). Об участии, которое принимал Вяземский в судьбе Кюхельбекера в 1824 г., см. у Д. Ф. Кобеко: Императорский Царскосельский Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 187 — 189, 233 и след. № 71.

— Рисунок с Бахчисарайского Фонтана не был приложен и ко 2-му изданию поэмы, при котором, однако, были даны 4 гравированных картинки, изображавшие: Султана Гирея, Забавы жен, Приход Заремы в комнату Марии и Разговор между ними. Подлинники этих картинок, сепией, работы Галактионова, ныне в Пушкинском Доме.

— «Ради Мамона» — т.-е. ради желудка, ради денег: Мамон—Сирийский бог богатства.

— Московские книгопродавцы, как говорилось в одном современном сообщении («Русск. Инв.» 1824 г., № 59), «купили новую поэму *Бахчисарайский Фонтан*, сочинение Пушкина, за 3.000 рублей. Итак, за каждый стих заплачено по пяти рублей! Доказательство, что не в одной Англии и не одни англичане щедрою рукою платят за изящные произведения поэзии».

— Мадригалы Софьи Потоцкой — четверостишие кн. Вяземского под заглавием: «Мадригал. (К двум красавицам — матери и дочери)»:

О вы, которые гордитесь красотою,
При них, от зависти краснея, скройтесь прочь!
Мать несравненная! А дочь
Сравнялась с матерью одною.

Он был обращен к предмету тогдашнего увлечения Вяземского — Софии Станиславовне Киселевой, рожд. графине Потоцкой (см. выше, стр. 283). Мать С. С. Киселевой — графиня София Константиновна Потоцкая, родом гречанка, славившаяся своею редкою красотою и прозванная «la belle Phanariote», в первом браке бывшая за графом Иосифом Виттом, а во втором — за графом Феликсом-Станиславом Потоцким. «Мадригал» князя Вяземского был напечатан в «Дамском Журнале» князя П. И. Шаликова (1823 г., ч. III, № 17, стр. 175).

— Зонтаг — Анна Петровна (род. 1785, ум. 1864), рожд. Юшкова, племянница и преданнейший друг Жуковского, о котором она оставила ценные Воспоминания; известная в свое время детская писательница, автор рассказов, повестей и сказок и «Священной истории для детей» (1-е изд. 1837 г.), она проживала в Одессе и в Николаеве; ее муж, капитан-лейтенант Егор Васильевич Зонтаг, служил в Черноморском флоте, командуя (с 1823 г.) яхтою «Утеха» и плавая между Николаевом и Одессою. По словам И. П. Липранди, Пушкин встречался с А. П. Зонтаг в Одессе у А. И. Казначеева, но, «по приглашению ее бывать у ней, он ограничивался редкими визитами» («Русск. Арх.» 1866, ст. 1475).

— На юг князь Вяземский собирался (см. письмо к нему Пушкина от 8 марта 1824 г., № 76, стр. 73), но ему поехать туда не удалось, и в Одессу приехала с детьми только его жена, княгиня Вера Федоровна, рожд. княжна Гагарина, с которою Пушкин очень подружился (см. ниже, письма его к ней, и «Остаф. Арх.», т. V, вып. 1 и 2).

— Пушкин предполагал быть на Южном берегу потому, что туда собирался его начальник граф М. С. Воронцов со множеством приглашенных гостей — для празднования новоселья в Гурзуфском доме графа, купленном в конце 1822 г. и в 1823 г. отделанном заново (А. Л. Бертье-Делагард, Память о Пушкине в Юрзуфе — «Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 82 — 83).

71. *А. А. Шишкову* (стр. 67). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 165 — 166, как наглядный образец «удивительной простоты» в обхождении Пушкина, «выпрямлявшей человека и с первого раза установлявшей самые благородные отношения между собеседниками»; полностью напечатано в «Полярной Звезде» на 1861 г., Герцена

№ 71. и Огарева, Лондон, 1861, стр. 101—102; подлинник (на бумаге вод. зн. J. Whatman 1821) в Пушкинском Доме Академии Наук (из собрания П. Я. Дашкова).

— Александр Ардалионович Шишков (род. 1799, ум. 1832), с коим Пушкин сошелся и подружился еще в бытность свою в Лицее, был родной племянник известного адмирала и писателя А. С. Шишкова, Министра Народного Просвещения и Президента Российской Академии; знавший А. А. Шишкова К. С. Сербинович называет его «другом Пушкина и подражателем ему не только в стихах, но и в юношеских увлечениях, — чем дядя был очень недоволен» («Русск. Стар.» 1896 г., № 9, стр. 577). Шишков младший воспитывался с братом своим в доме дяди-адмирала, под надзором души в нем не чаявшей тетки, первой жены адмирала, Д. А. Шишковой. «Блистательный и очаровательный», по словам С. Т. Аксакова, «мальчик», он «много возбуждал великих надежд своим рановременным умом и яркими признаками литературного таланта» (Сочинения, изд. Просвещения, т. IV, стр. 352—353); службу начал он уже в июне 1806 г. в Коллегии Иностранных Дел, из которой в январе 1811 г. уволен был «для окончания наук» и произведен в коллегии юнкеры, после чего переведен был в ведомство Министерства Внутренних Дел и прикомандирован к Коллегии Комитета по делам Лифляндским «для употребления по части перевода с иностранных языков» (15 февраля 1811 г.), через неделю произведен был в титулярные советники, но уже в июне перешел в военную службу поручиком по армии и 10 января 1816 г. определен в гренадерский императора Австрийского полк; к этому времени относится послание Пушкина к Шишкову (1816 г.), в котором поэт называет своего приятеля «балованным питомцем Аполлона» и говорит комплименты его стихам. 23 марта 1817 г. произведенный в штабс-капитаны, А. А. Шишков 27 июля того же года переведен был штабс-ротмистром в Литовский уланский полк, где прослужил недолго: картежник и бреттёр, он 15 марта 1818 г. был переведен за какой-то проступок на Кавказ, в Ширванский пехотный полк (штабс-капитаном) и, находясь в отрядах войск под командою генерал-майора Вельяминова, подполк. Верховского и генерала Ермолова, в августе—ноябре 1818 и в феврале—декабре 1819 г. принимал участие во множестве дел в Чечне и в Дагестане. 5 марта 1819 г. произведенный в капитаны, он 22 декабря переведен был в Одесский пехотный полк, 17 мая 1825 г. назначен старшим адъютантом в штаб 7 пехотного корпуса; арестованный в Тульчине по подозрению в участии в деле декабристов, он был заключен, 12 января 1826 г., в Петропавловскую крепость, но был освобожден на другой же день; 4 октября 1827 г. он переведен был в пехотный принца Вильгельма Прусского полк. Перевод этот был последствием нового суда над Шишковым, вызванного написанною им эпиграммою: «Когда мятежные народы» и т. д. (как известно, эпиграмма эта, в разных редакциях, долгое время приписывалась Пушкину: см. заметку Н. О. Лернера: «Из псевдо-Пушкинианы» — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 56—59). В феврале 1829 г., «за нетрезвое поведение и произведенную ссору с отставным офицером», Шишков был вновь предан суду, под которым и находился до отставки (7 января 1830 г.), последовавшей «за неприличные званию офицерскому поступки» (формулярный список). Одно время он жил в Динабурге, а затем, женившись на дочери Уманского жителя и отставного поручика польских войск — Текле Твердовской, которую похитил у родителей (Соч. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 353), он вышел в отставку капитаном и поселился в Твери, жил здесь в бедности, и 27 сентября 1832 г. был зарезан на улице А. П. Черновым, когда направлялся драться с ним на дуэли за оскорбление своей жены. Смерть его наделала много шума (Соч. Аксакова, l. c.). Пушкин принял участие в бедственном положении вдовы и дочери Шишкова Софии, хлопотал за них и устроил издание сочинений Шишкова Российскою Академиею (С.-Пб. 1834—1835, 4 ч.). При жизни своей Шишков издал два сборника своих стихотворений: «Восточная Лютня» (М. 1824) и «Опыты» (М. 1828), а также сборник переводов из Шиллера,

Тика, Вернера и др. под заглавием: «Избранный немецкий театр» (М. 1831, 4 ч.); последний он прислал и Пушкину в подарок (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 116) через Погодина, которого Пушкин в письме от 11 июля 1832 г. просил передать Шишкову благодарность. Отмечая с похвалою, в «Обозрении Русской Литературы в 1824 году», выход «Восточной Лютни» Шишкова, Н. А. Полевой писал, что в ней видны «неслыханные подражания Пушкину и хорошие стихи» («Моск. Телегр.» 1825 г., ч. I, стр. 86, примеч.). Кюхельбекер, говоря в своем литературном календаре, под ноябрем 1824 г., о выходе «Восточной Лютни», также определяет Шишкова, как «подражателя Пушкина»; и действительно, пишет Б. В. Томашевский: «среди стихотворений сборника, главным образом на Кавказские мотивы, помещена поэма «Дагестанская Узница»,—по стиху, теме и даже по многим внешним деталям (напр., по характеру примечаний, объясняющих местные слова), являющаяся сколком с «Кавказского Пленника». Кроме того, в сборнике помещены отрывки из сказочной поэмы «Ратмир и Светлана», действие которой происходит при дворе князя Владимира (поэма начинается с описания пира) и в которой появляются в качестве героев Рогдай и Ратмир. Все это, в связи с общим стилем поэмы, дает основания для сближения ее с «Русланом и Людмилой» («Литературные Портфели», вып. I, 1922, стр. 78). О Шишкове см. статью Д. Д. Рябинина в «Истор. Вестн.» 1889 г., т. 39; книгу И. А. Шляпкина: «Из неизданных бумаг Пушкина», С.-Пб. 1903; статью П. Е. Щеголева в Собр. Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. I, стр. 364 — 366, где дана оценка литературной деятельности Шишкова, а также «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 425 — 426. — Письмо Шишкова к Пушкину с Кавказа, на которое Пушкин отвечает, до нас не сохранилось. В. К. Кюхельбекер познакомился с Шишковым, конечно, также еще в бытность в Лицее и мог встречаться с ним во время службы своей на Кавказе. № 72.

— Александр Иванович—Казначеев (род. 1788, ум. 1881), бывший с 26 июля 1823 г. Правителем Канцелярии графа М. С. Воронцова, как Новороссийского генерал-губернатора; с последним он был знаком еще с Отечественной войны, когда служил под его начальством; он приходился племянником адмиралу и с 1824 г. — Министру Народного Просвещения А. С. Шишкову (см. выше, стр. 184—185, и в «Русск. Арх.» 1880 г., кн. II, стр. 238), родному дяде А. А. Шишкова. К Казначееву, человеку исключительной доброты и любезности (даже Вигель называет его «добрейшим человеком в мире»), «белому голубю», по позднейшему определению С. Т. Аксакова, — Пушкин тоже питал добрые чувства, избрав его посредником в своем столкновении с графом Воронцовым (см. ниже письма Пушкина к Казначееву, №№ 81 и 84); незадолго до этого Казначеев, по рассказу Вигеля, понимая поэта, старался устранить его от известной командировки «на саранчу»: уже будучи в ссылке, Пушкин из Михайловского посылал ему и его жене, страстной любительнице литературы, поклон через В. И. Туманского (письмо 13 августа 1825 г., № 169). О Казначееве и жене его см. нашу заметку в «Архиве Раевских», т. II, стр. 230 — 234 и др.

72. *Л. С. Пушкину* (стр. 67 — 69). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 114 (отрывок) и в «Библиографических Записках» 1858 г., т. I, стр. 43 — 44; подлинник в рукописи б. Румянцовского Музея № 1254.

— Раевский – Николай Николаевич, друг Пушкина (см. выше, стр. 189—191); только что перед тем состоялся его перевод (12 декабря 1823 г.) полковником в Сумский гусарский полк, из коего уже 1 января 1824 г. он перешел в Курляндский драгунский полк, стоявший в местечке Ольшанах, Звенигородского уезда Киевской губернии; в Одессу Н. Н. Раевский мог приезжать для свидания с жившим там братом своим А. Н. Раевским и с графинею Е. К. Воронцовою, которая приходилась им обоим троюродною теткою («Архив Раевских», т. I, стр. 235).

— Под Иваном Ивановичем Пушкин разумеет императора Александра I; по документам известно только одно обращение Пушкина

№ 72. с просьбою об отпуске — через графа К. В. Нессельроде (см. письмо к нему от 13 января 1823 г., № 50).

— О планах Пушкина поехать за границу, преследовавших его почти до самой смерти и так и не осуществившихся, см. в статье М. А. Цявловского: «Тоска по чужбине» — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 35 — 60.

— Латинская пословица «Ubi bene, ibi patria» означает: «Где хорошо, там и отечество».

— Выражение «где растет трин-трава, братцы» — взято из известной сатирической песенки К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева: «Ах, где те острова, где растет трынь-трава, братцы!» См. о ней в заметке Н. О. Лернера: «Баллада об игроках» — «Пушк. и его соврем.», вып. XVI, стр. 20 — 23.

— Козлов—Василий Иванович, писатель, о коем см. выше, стр. 246—247.

— «Mais pourquoi chantais-tu» — «Но почему ты пел?» — цитата из стихотворения французского поэта Ламартина (см. выше, стр. 286): «Le poète mourant» (строфа 17):

«Mais pourquoi chantais-tu?» — Demande à Philomèle
Pourquoi, durant les nuits, sa douce voix se mêle
Aux doux bruits des ruisseaux sous l'ombrage roulant:
Je chantais, mes amis, comme l'homme respire,
Comme l'oiseau gémit, comme le vent soupire,
Comme l'eau murmure en coulant».

[«Но почему ты пел? Спроси у Филомелы — почему, по ночам, ее нежный голос сливается с нежным журчаньем ручьев, катящихся под сенью: я пел, друзья, так же, как человек дышит, как птица воркует, как ветер вздыхает, как вода журчит, струясь»]. Это стихотворение Пушкин упоминает и в письме к кн. П. А. Вяземскому от 5 июля 1824 г. (№ 87, стр. 90). В том же году, в «Разговоре книгопродавца с поэтом», Пушкин говорил устами книгопродавца:

Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.....

От 1833 г. до нас дошел незаконченный отрывок стихотворения Пушкина, повторяющий те же, что и в письме к брату, мысли:

На это скажут мне с улыбкою неверной:
«Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите, — вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она:
Зачем же пишете?» — Я? — для себя! «За что же
Печатаете вы?» — Для денег. — «Ах, мой боже,
Как стыдно!» — Почему ж? . . . .

— Плетнев — Петр Александрович (см. выше, стр. 242—243 и 258—259); его письмо к Пушкину до нас не сохранилось; о распространении «Бахчисарайского Фонтана» еще до напечатания сообщал Пушкину и князь Вяземский (см. письма Пушкина № 78 и 80). Слухи о новой поэме Пушкина распространились по Петербургу очень быстро—еще осенью 1823 г.; 1 ноября Рылеев, в заседании С.-Петербургского Вольного Общества словесности, наук и художеств, прочел из нее отрывок, и даже Бестужев свой «Взгляд на Русскую словесность в течение 1823 года», напечатанный в «Полярной Звезде на 1824» г. (стр. 18), заканчивал сообщением о том, что «Бахчисарайский Фонтан» уже печатается (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XIV, стр. 125 — 128, в статье П. Е. Щеголева). — 2 января 1824 г. Д. В. Дашков сообщал И. И. Дмитриеву из Петербурга в Москву: «С живым удовольствием читали мы *Бакчисарайский Фонтан*, — отрывок, показывающий какую-то зрелость таланта, по крайней мере в описаниях. Теперь Пушкину надобно учиться впору останавливаться. Говорят, что Вяземский печатает в Москве это стихотворение. В таком случае

сделайте милость заметьте ему одно место, требующее исправления» и т. д. № 72. («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 600).

— Тургенев — Александр Иванович, который горячо желал получить список «Бахчисарайского Фонтана» от кн. П. А. Вяземского, но безуспешно (см. «Остаф. Арх.», т. III, стр. 2 — 6). В распространении поэмы был виноват и отец поэта: «Что же мне делать», писал кн. Вяземский Тургеневу 31 января 1824 г., — «что ты не имеешь еще «Фонтана», когда Сергей Львович у вас и брызжет им встречного и поперечного. Я не виноват, а из печати еще не вышел» (там же, стр. 7).

— Воейков — Александр Федорович (см. выше, стр. 218 и др.); в издававшемся им журнале «Новости Литературы» вскоре были помещены статьи: «О поэмах А. С. Пушкина и в особенности о Бахчисарайском Фонтане» (1824 г., № 11 и 12) и «О Бахчисарайском Фонтане не в литературном отношении» (№ 13: о покупке его книгопродавцами). Воейков, как известно, отличался бесцеремонным отношением к чужой литературной собственности, перепечатывая в своих изданиях, без спросу авторов, их произведения; слова «воейковствовать» «воейковщина» имели определенный предосудительный смысл даже в устах Греча и Булгарина (см. сборник Пушкинского Дома «Литературные Портфели», вып. I, 1923, стр. 51,52, 56).

— Корнилович — Александр Осипович (род. ок. 1795, ум. 30 августа 1834), штабс-капитан Гвардейского Генерального Штаба, член Южного Тайного Общества, за участие в восстании 14 декабря 1825 г. сосланный в каторжные работы в Нерчинские рудники, а затем около 5 лет (1828 — 1832) просидевший в Петропавловской крепости, откуда был переведен на Кавказ, где и умер (см. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 91 и 329 — 330); в 1824 году он (в сотрудничестве с В. Д. Сухоруковым) издал альманах «Русская Старина. Карманная Книжка для любителей отечественного, на 1825 год»; в 1825 году вышло 2-е ее издание, о присылке которого просил Пушкин брата (см. № 110, 125, 127, 137). В альманахе Бестужева и Рылеева «Полярная Звезда на 1824 год» Корнилович поместил статью: «Об увеселениях Российского двора при Петре I» (стр. 33 — 51); статья эта посвящена была баронессе А. Е. А., написана в виде письма к ней и кончалась словами: «Вот вам, милостивая государыня, некоторые черты общественной жизни при Петре I; я исполнил сколько мог ваше требование. Если слабый труд сей удостоится лестного вашего внимания, то я буду продолжать начатое... Снисходительный взор ваш будет лучшею наградою для автора, улыбка вашего одобрения придаст ему новые силы и заохотит его к новым трудам». Фразу эту вспомнил Пушкин и позже, в письме к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г. (см. письмо № 75, стр. 71), в письме к князю Вяземскому от 8 марта 1824 г. (№ 76, стр. 73) и в статье 1825 г. «О предисловии Г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», в которой писал: «Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей 18 столетия? Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не *для благосклонной улыбки прекрасного пола*». О Корниловиче см. в книге В. Я. Богучарского: «Из прошлого Русского общества», С.-Пб. 1904, статью П. Е. Щеголева «Благоразумные советы из крепости» — «Современник» 1913 г., кн. 2 и 3 и «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 329—330.—Пушкин с настойчивостью и в течение всей своей литературной деятельности отстаивал право литератора жить доходами от продажи своих произведений; в те времена, когда еще многие смотрели на занятия литературой глазами Державина, как на удовольствие, как на «летом сладкий лимонад», —такой взгляд казался циничным, и мы видели, что Сомова, жившего не государственной службой, а литературной работой, Боратынский назвал «безмундирным», — на что так негодовал Пушкин (в письме к барону Дельвигу 16 ноября 1823 г. № 66; ср. еще Пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824).

— «Федра» — трагедия Расина, переведенная Михаилом Евстафьевичем Лобановым (род. 1787, ум. 1846); это был бездарный стихотворец

№ 72. и плохой драматург; с 1813 по 1841 г. он служил в Публичной Библиотеке, дружил с Гнедичем и был близок к Крылову, биографию которого издал в 1847 г.; с 1828 г. Лобанов состоял членом Российской Академии, в заседаниях которой Пушкин впоследствии встречался с Лобановым, а в 1836 г. написал по случаю одной речи Лобанова в Академии критическую статью для своего «Современника»: «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной». Несмотря на бесталанность, Лобанову удалось, в январе 1845 г., проникнуть в члены Академии Наук по Отделению Русского языка и словесности. — «Ах, любезный друг, когда бы ты знал, каких трудов мне стоит эта Федра», — писал Лобанов М. Н. Загоскину 18 сентября 1823 г.: «Десять трагедий, кажется, перевел бы другого автора, если бы не страсть к божественному Расину! А сколько у меня завистников, соперников! Здесь в Петербурге живых и ходячих полдюжины!... А черви-то, черви-то Парнасские копышутся, кипят и ярятся! — На здешнем театре Федра должна итти в конце этого месяца; Семенова, надеюсь, будет бесподобна. Да и другие роли изряднехонько поплетутся» («Русск. Стар.» 1902 г., № 9, стр. 617; ответ Загоскина — в «Историч. Вестн.» 1880 г., т. II, стр. 692 — 693). — «Классик» Ф. Ф. Кокошкин находил перевод Лобанова «прекрасным», о чем писал переводчику 23 октября 1823 г. из Москвы (см. сборник «Литературные Портфели». Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома. I. Время Пушкина», изд. «Атеней», Пб. 1923, стр. 46 — 50). Возмущаясь хвалебным отзывом журналистов о переводе Лобанова (он был издан в С.-Пб. в том же 1823 г.), Пушкин имел в виду статью О. М. Сомова в «Сыне Отечества» 1823 г. (ч. 89, № 46, стр. 242 — 260), в которой, говоря о постановке «Федры» на сцене 9 ноября 1823 г., с участием Е. С. Семеновой (в роли Федры) и В. А. Каратыгина (в роли Ипполита), Сомов назвал Лобанова, как переводчика, «победителем непобедимого». — По свидетельству П. Н. Арапова («Летопись Русского театра», стр. 345 — 346), «Федра» имела успех на сцене благодаря прекрасной игре двух названных выше артистов. Кроме Сомова, с похвалою отозвался о переводе Лобанова и А. А. Бестужев в своей статье: «Взгляд на Русскую словесность в течение 1823 г.», помещенной в «Полярной Звезде на 1824 г.» (стр. 6 — 7); между тем, П. А. Катенин писал своему другу Н. И. Бахтину 6 декабря 1823 г.: «Федра Лобанова сыграна дурно и принята холодно; несмотря на то Орест Сомов в Сыне Отечества осыпает глупыми похвалами переводчика и актеров и уверяет, что местами Лобанов победил непобедимого: Лобанов — Расина. Блаженны верующие» (А. А. Чебышев, Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911 г., стр. 50). В другом письме, от 20 февраля 1824 г., Катенин, возвращаясь к переводу Лобанова, вполне сходился с Пушкиным в совершенно отрицательном отзыве об этом переводе, приводя, как образчики невозможно неудачных стихов, те же, что и Пушкин:

Уже деля твой страх, я был на отдаленных
Заливах и морях, Коринфом разделенных. —
В каких же ты странах надеешься найти
Тезея жаркий след, иль темные пути? и т. д....

«Кажется этого довольно; и верите ли вы, — все в одном роде; со всем тем в Сыне Отечества помещен был разбор Ореста Сомова, и Орест пишет, что Лобанов везде шел на ряду с Расином, а местами победил непобедимого..... И эта нелепица восхваляется!...» (там же, стр. 55 — 56).

— «Voulez-vous découvrir la trace de ses pas» — значит: «Хочешь ли отыскать след его шагов».

— Тезей, Ипполит, Терамен — действующие лица в трагедии «Федра». В позднейших (1830 г.) заметках своих о драме Пушкин, говоря о невозможности соблюдения «правдоподобия» в произведениях драматических, писал: «... У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает противника на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина *полускиф Ипполит* ее поднимает и говорит языком молодого благовоспитанного маркиза» и т. д. —

Об отношении Пушкина к Расину см. мнение проф. Н. И. Стороженка в статье его, помещенной в книге «Публичное заседание Академии Наук 19 октября 1892 г.», С.-Пб. 1892, стр. 4 — 5 (в «Осьмом присуждении Пушкинских премий в 1892 г.»), и статью Ф. Д. Батюшкова: «Пушкин и Расин»— в «Пушкинском сборнике С.-Петербургского Университета», С.-Пб. 1899. № 73.

— Французская фраза значит: «надменный, гордый Ипполит и даже несколько дикий». Пушкин имеет в виду речь Ипполита Тезею во 2-й сцене IV акта «Федры»:

«D'un mensonge si noir justement irrité,
Je devrais faire ici parler la vérité,
Seigneur; mais je supprime un secret qui vous touche.
Approuvez le respect qui me ferme la bouche
Et sans vouloir vous-même augmenter vos ennuis,
Examinez ma vie et songez qui je suis»... и т. д.

т.-е.: «Столь черною ложью справедливо возмущенный, я должен был бы заставить говорить здесь истину, государь; но меня удерживает некоторая тайна, которая касается вас. Оцените то почтение, которое замыкает мне уста, и, не желая увеличивать свои тревоги, рассмотрите мою жизнь и подумайте, кто я» и т. д.

— «Паризина» — поэма Байрона, написанная в конце 1815 г. Молодой любовник Паризины — Уго, незаконный сын ее мужа; Уго вступает в связь с Паризиной, застигнут мужем и предан казни. Его речь к отцу, им обманутому, находится в XIII строфе этой небольшой по размерам поэмы. В 1821 г. вышел в Петербурге перевод ее, в прозе, сделанный Н. А. Бестужевым.

— Фраза Терамена (Théramène): «А вы сами где были и т. д.» — находится в 1-м явлении I действия «Федры» Расина.

— «Войнаровский» — поэма К. Ф. Рылеева, два отрывка из которой были напечатаны в «Полярной Звезде на 1824 г.»

— О Кюхле (Кюхельбекере) см. примечание к письму № 70, стр. 296—297.

— Письмо Пушкина к барону Дельвигу неизвестно.

— «Песнь о Вещем Олеге», которую Пушкин послал к Тургеневу, быть может, при своем письме к нему от 1 декабря 1823 г. (№ 68), была закончена еще 1 марта 1822 г. в Кишиневе; она появилась в альманахе Дельвига «Северные цветы на 1825 г.», стр. 253—257. Мнение Пушкина об этом стихотворении см. в письме его к А. А. Бестужеву № 119, стр. 115.

— «Отрывки из Евгения Онегина, поэмы А. Пушкина», действительно Пушкин прислал Дельвигу, — и они появились в тех же «Северных Цветах на 1825 г.», стр. 280—281 (из 2-й главы строфы VII — X), незадолго до выхода в свет отдельного издания всей 1-й главы (С.-Пб. 1825).

— Литературные мнения и вкус Н. Н. Раевского Пушкин весьма уважал и считался с ними; см., напр., письма Пушкина к Н. Н. Раевскому от конца июля 1825 и 30 января 1829 г., а также книгу Л. Н. Майкова «Пушкин», С.-Пб. 1899 г., стр. 143 — 146, и «Архив Раевских», т. I, стр. 254—257; то же Переписка Пушкина, Акад. изд., т. I, стр. 211—213.

73. *А. А. Бестужеву* (стр. 69—70). Впервые напечатано в «Современнике» 1854 г., № 1, отд. III, стр. 15—17 (неполно), в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 86 163 и 186 (отрывки) и в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон, 1861, стр. 80—81 (полностию); подлинник неизвестно где находится; черновое — в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 570; подлинник в рукописи б. Румянцовского Музея № 2369, л. 46 об. — 47.

— Письмо Бестужева, при котором он, вероятно, послал Пушкину альманах «Полярная Звезда на 1824 г.», до нас не сохранилось.

— Пушкин выговаривает Бестужеву за то, что он, вопреки просьбе Пушкина, напечатал в «Полярной Звезде» (стр. 198) его элегию «Таврическая звезда» («Редеет облаков летучая гряда») с последними тремя стихами, в которых он вспоминает об одном эпизоде своего сердечного увлечения Мариею Николаевною Раевскою (см. статью П. Е. Щеголева в XIV вып.

№ 73. сборника «Пушк. и его. соврем.», стр. 127—133) и которые он впоследствии исключал из изданий 1826 и 1829 г.; за это Пушкин выговаривал Бестужеву и в письме от 29 июня 1824 г. (№ 89); далее поэт отмечает опечатки в стихотворении «Нереида» («*Над* ясной влагою...»), и Элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты» («С *боязнью* и тоской...»), напечатанных в «Полярной Звезде» на стр. 29 и 314. В письме к Ф. В. Булгарину (см. № 74) Пушкин просил его о перепечатке и «Нереиды», и «Элегии» в «Литературных Листках».

— Воейков—Александр Федорович, перепечатавший в своем журнале «Новости Литературы» (1823 г., № 1) «Элегию» Пушкина («Увы, зачем она блистает...»); ср. в письме к брату от 27 марта 1825 г., № 165.

— Et tu autem, Brute» («И ты, Брут») — фраза, сказанная Цезарем, когда он среди убийц своих увидел и близкого ему Брута.

— О стихах, обещанных Пушкиным Я. Н. Толстому, см. выше, в письмах за № 42, 43, 87, 89 и письмо А. А. Бестужева к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г. (см. ниже). — «Просухое» письмо Я. Н. Толстого к Пушкину до нас не сохранилось. Уехав в Париж, в апреле или мае 1823 г., по болезни, Толстой писал оттуда корреспонденции в «Сын Отечества», напр.: «Письмо к А. А. Бестужеву в Москву» — по поводу статьи А. А. Жандра «Разговор от Полярной Звезды» (1823 г., № 12, стр. 223—229; ср. «Русск. Стар.» 1888 г., т. 59, стр. 318, и «Стар. и Нов.», кн. VIII, стр. 32 и 55), письмо к нему же из Парижа — о местном обществе, театрах, политических партиях и т. под. (1823 г., ч. 90, № 42, стр. 243—259 и 1824 г., ч. 94, № 24, стр. 145—167); эту-то корреспонденцию и имел в виду Пушкин, говоря, что Бестужев «переписывается с Толстым в «Сыне Отечества»; между ними была и письменная переписка: одно письмо Толстого, от 3 марта 1824 г., напечатано в «Русск. Стар.» 1889 г., т. 64, стр. 375—377, и перепечатано в статье П. Е. Щеголева в сборн. «Пушкин и его соврем.», вып. II, стр. 68—71. Здесь Бестужев сообщал своему приятелю, среди других литературных новостей, что «Пушкина Фонтан-Слёз — превосходен; он пишет еще поэтический роман: Онегин, — который, говорят, лучше его самого», и спрашивал: «Если вам не хочется издавать Пушкина, то продайте его нам, — мы немедля вышлем деньги. Он говорит, что Гнедич на сей раз распустил ложные слухи. Ждем ответа».

— «Sans rancune» — значит «без злопамятства».

— Более подробные отзывы Пушкина о пиесах, напечатанных в «Полярной Звезде», см. ниже, в письме его к Бестужеву от 8 февраля 1824 г., № 75.

— «Признание» — стихотворение Боратынского — одна из пяти его пьес в «Полярной Звезде» (стр. 312—313), — там появившееся:

Притворной нежности не требуй от меня;
Я сердца моего не скрою хлад печальной:
Ты права, — в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежних лет мечтанье:
Безжизненны мои воспоминанья!
Я клятвы дал, но дал их выше сил... и т. д.

— «Войнаровский» — два отрывка из «поэмы» Рылеева с этим заглавием: «Юность Войнаровского» (стр. 82—86) и «Бегство Мазепы» (стр. 230—233); ср. ниже, в письме к Рылееву от 25 января 1825 г., № 117 и выше в письме № 72.

— Дельвиг поместил в «Полярной Звезде» пять своих пьес: две Русских песни, два Романса и «Сонет С. Д. П[ономарев]ой» (стр. 22 и 91, 201 и 315 и 325).

— Проза Бестужева, за которую Пушкин благодарит его, — «Взгляд на Русскую словесность в течение 1823 года», повесть «Замок Нейгаузен» (посвящена Д. В. Давыдову) и «Роман в семи письмах».

— Walter'ом Пушкин называет Бестужева за только что упомянутую его «рыцарскую повесть»: «Замок Нейгаузен» (стр. 141—191), написанную в духе и в подражание Вальтеру Скотту. В другом письме к Бестужеву Пушкин писал: «Твой «Турнир» напоминает турнир W. Scott'a». № 74.

— Туманский — Василий Иванович, служивший в Одессе при Воронцове (см. выше, стр. 275—276); в «Полярной Звезде на 1824 г.» были помещены его стихотворения: «К ней», «На память Марии», «Одесса» (упомянуто впоследствии Пушкиным в строфах «Путешествия Онегина»), «Зенеиде», «Воспоминание» и «Эпиграмма». Туманский был в приятельских отношениях с А. А. Бестужевым и писал ему 18 сентября 1823 г. из Одессы: «Скажу тебе, любезный Бестужев, что мы уже лишились *поэта* Пушкина, по что в замену есть у нас Пушкин *живописец*. Ему на всё счастье — и теперь его карандаш столь же хорошо рисует древний антик Гнедича, сколько перо его описывало прежде первую ночь Людмилы или последние свидания пылкой Черкешенки. Прилагаю вам, в доказательство нового его таланта, портрет Гнедича, желая, чтоб он отнесен был в вашу богатую Академию» («Русск. Стар.» 1888 г., т. 60, стр. 319—320). Письмо Рылеева к Туманскому, от 3 окт. 1823. о «Полярной Звезде на 1824 г.» см. в «Былом» 1925 г., № 5, стр. 34—36; письмо Бестужева к Туманскому от 24 декабря 1824 г. напечатано в «Русск. Стар.» 1890 г., т. 67, стр. 382.

74. *Ф. В. Булгарину.* (стр. 71). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855, стр. 86—87 (отрывок) и в Академ. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 98 (полностию) — по копии Анненкова; подлинник неизвестно где находится.

— Фаддей Венедиктович Булгарин (род. 1789, ум. 1859), родом поляк, воспитанник I Кадетского Корпуса, вышел оттуда в л.-гв. Уланский полк, участвовал в войнах 1805—1807 гг., был ранен под Фридландом, затем был исключен из службы за дурное поведение, после чего в 1810 г. вступил в сформированный французами уланский полк рядовым и сражался против русских войск; взятый в плен в 1814 г., он сумел оправдаться от обвинения в измене и, приехав в Петербург для ведения судебного процесса, в 1820 г. познакомился с литераторами,—в том числе с Н. И. Гречем, который занялся с Булгариным русским языком; через него Булгарин и «вышел на поприще русской литературы» («Литературные Портфели», вып. I. стр. 51 — 52): после неудачных занятий стряпчеством, он обратился к литературным занятиям и с 1822 г. начал издавать исторический журнал «Северный Архив», а с 1823 г. — «Литературные Листки» (так перевел он термин: «Feuilleton Littéraire» (там же, стр. 53), а в 1825 г., уже вместе с Гречем, основал газету «Северная Пчела», которая после событий 14 декабря 1825 г. (за которые Булгарин не пострадал, хотя и был близок к Рылееву, Корниловичу, братьям Бестужевым и другим декабристам) приобрела особенное расположение Начальника вновь учрежденного III Отделения собственной его велич. Канцелярии—А. X. Бенкендорфа и сделалась как бы официозом (см. в книге М. К. Лемке: «Николаевские жандармы и литература 1826 — 1855 гг.», изд. 2-е, 1909, стр. 232 — 360), а сам Булгарин стал добровольным осведомителем шефа жандармов, держа его в курсе настроения умов небольшого тогда круга литературных деятелей,—в том числе и Пушкина, в котором он считал весьма опасным тот «лицейский дух», коим был пропитан поэт (см. наш очерк: «Пушкин под тайным надзором,» изд. 3-е, Лгр. 1925); в то же время Булгарин был зачислен на службу по Министерству Народного Просвещения, а под конец жизни состоял при... Главном Управлении Государственного Коннозаводства. Человек без стыда и совести, проходимец в полном значении слова, Булгарин, в союзе с Гречем, в течение более 30 лет играл видную роль в русской литературе, издавал романы, драмы, повести, собрания своих сочинений, воспоминания, был критиком литературным и театральным, публицистом, бытописателем, историком и т. д. Пушкин и большинство литераторов — современников поэта и последователей его — чуждались Булгарина, презирали его, но совладать с ним не могли, так как Булгарин умел находить поддержку в огромном боль-

№ 75. шинстве современного ему общества, известной части которого он был полным и верным выразителем; он умер, оставив своему семейству большое имение близ Дерпта — знаменитое Карлово... В письмах Пушкина, в его критических и литературных статьях и заметках имя Булгарина упоминается постоянно — и всегда с одинаковым презрением или негодованием, хотя Булгарин вначале долго заискивал перед Пушкиным и выставлял себя ревностным поклонником и ценителем его поэтического гения. До нас дошло только два письма к нему Пушкина: одно 1824 г., когда Булгарин не был еще личностью, столь ненавистной для русского писателя, а другое — 1827 г., когда журналист этот льстил Пушкину. Между тем, из писем Пушкина к брату и к кн. Вяземскому видно, что их должно было быть больше, да и сам Булгарин в 1854 году писал: «У меня находится, в собрании автографов, целый пук писем А. С. Пушкина, из которых я напечатаю некоторые, если господу богу угодно будет продлить жизнь мою до того тома моих «Воспоминаний», в котором будут изложены литературные мои отношения» («Сев. Пчела» 1854 г., № 12, стр. 47). Однако, этому намерению не суждено было осуществиться, а Булгаринский архив, повидимому, не сохранился до нашего времени в полном своем составе (из него опубликовано лишь весьма незначительное количество материалов). Из эпиграмм на Булгарина многие только приписываются Пушкину; достоверно ему принадлежат лишь эпиграммы: «Не то беда, что ты поляк» и «Не то беда, Фаддей Булгарин» (обе 1830 г.). Отношение Булгаринской «Северной Пчелы» и самого Булгарина к поэту за время 1825—1837 г. можно подробно проследить по работе П. Н. Столпянского: «Пушкин и Северная Пчела» — в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. XIX — XX и XXIII — XXIV. Из книжек «Северного Архива, Журнала истории, статистики и путешествий», который Булгарин издавал в 1822—1828 гг. (с 1825 г. — с Н. И. Гречем) и который он бесплатно присылал Пушкину, в библиотеке последнего сохранились разрозненные №№ за 1824, 1825 и 1826 гг. (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.Пб. 1910, стр. 134). Об отношениях Пушкина и Булгарина в начале 1820-х г.г. см. в статье А. Г. Фомина: «Пушкин и журнальный триумвират» — в Сочин. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, и в заметке А. И. Лященко о письме Булгарина к Гречу от 16 июня 1823 г. (по поводу напечатания в «Литературных Листках» Булгарина стихотворения Пушкина «На выпуск птички») — в сборнике «Литературные Портфели», вып. I, стр. 55—56.

— В издававшемся Булгариным «Журнале нравов и словесности» — «Литературных Листках» (выходивших в 1823—1824 гг.) было помещено сообщение о предстоящем выходе в свет в Москве «Бахчисарайского Фонтана» (1824 г., Часть I, № I и II, стр. 25), который Пушкин называет Булгарину, шутя, «татарскою поэмой».

— Посылая Булгарину две своих пьесы для помещения в «Литературных Листках», Пушкин просил его о перепечатке стихотворений «Элегия» и «Нереида», напечатанных с ошибками в «Полярной Звезде» (см. предыдущее письмо к А. А. Бестужеву и примечания, выше, стр. 303—304); Булгарин исполнил просьбу Пушкина, поместив пьесы в № 4 (февр., стр. 134 — 135) своего издания и сопроводив их таким примечанием: «Автор сих стихов прислал оные ко мне для помещения в Литературных Листках по той причине, что они были напечатаны в другом издании с некоторыми ошибками» (стр. 134). Однако, и у Булгарина дело не обошлось без опечатки: в «Элегии» («Простишь ли мне ревнивые мечты») было пропущено, — вероятно, по требованию цензуры, — три стиха (26 — 28), хотя они и были в тексте «Полярной Звезды»:

В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать...

75. *А. А. Бестужеву* (стр. 71 — 73). Впервые напечатано, в виде небольшого отрывка (от слов: «Недостаток плана не моя вина» до: «а печатаю потому, что»...) — в «Литературных Листках» Булгарина (1824 г., ч. I

№ III, «Литературные Новости», стр. 147); почти полностию — в «Современнике» 1854 г., № I. отд. III, стр. 17—20, затем—в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 103—104, и, наконец, в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 81 — 82 (полностию); подлинник (на бумаге вод. зн.: раковина и: Hollande)—в Библиотеке Академии Наук; черновое опубликовано в Академич. изд. Переписки, т. I, стр. 100—101 (отрывки—в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 569); подлинник в рукописи 6. Румянцовского Музея № 2369, л. 43 об. — 44. № 75.

— Пушкин повторяет Бестужеву, несколько подробнее, свое мнение о некоторых пьесах, помещенных в «Полярной Звезде» (ср. письмо к нему от 12 января 1824 г. № 73); в ней он сам поместил 9 пьес (см. выше, стр. 273); в книге была помещена картинка к «Кавказскому Пленнику», — сцена, как Черкешенка приносит пить Пленнику (рисовал И. Иванов, гравировали Галактионов и Ческий).

— Повесть Бестужева — «Замок Нейгаузен» (стр. 141—191).

— Фраза «et c'est beaucoup dire» — значит: «и это много значит».

— О Корниловиче см. выше, стр. 301.

— О Шаликове см. выше, стр. 181—182 и 276; этот слащавый стихотворец издал к тому времени следующие сборники своих произведений: «Плод свободных чувствований» (3 ч., 1798 — 1801), «Цветы Граций» (1802), «Мысли, характеры и портреты» (1815), «Послания в стихах» (1816), «Повести» (1819), собрание «Сочинений» (2 ч., 1819 г.) и переводов: «Подарок моей дочери в новый год, или занимательные вечера для молодых людей», и др.: кроме того, он издавал журналы: «Московский Зритель» в 1806 г., «Аглаю» (1808 — 1810 и 1812) и, с 1823 г., — известный курьезный «Дамский Журнал», всегда с восторгом и даже благоговением отзывавшийся о Пушкине. В остатках архива Шаликова, хранящихся ныне в Пушкинском Доме Академии Наук, нашлась визитная карточка Пушкина — след их личных отношений. «Шаликовская невинность» осмеяна была и Воейковым в его известном «Доме Сумасшедших»:

Вот на розовой цепочке
Спичка Шаликов в слезах,
Разрумяненный, в веночке,
В ярко-бланжевых чулках,
Прижимает веник страстно,
Кличет «граций здешних мест»
И, мяуча сладострастно,
Размазню без масла ест. . .

В другой сатире того же времени — «Парнасском адрес-календаре» («арзамасского» происхождения) про Шаликова было сказано, что он — «присяжный обер-волокита, князь вралей, находится при составлении для Феба из кинареечных яиц яичницы».

— О Булгарине см. выше стр. 305—306. Приведем здесь портрет его из того же «Дома Сумасшедших» Воейкова:

«Кто тут?» — Гречева собака
Забежала вместе с ним.
То Булгарин-забияка
С рылом мосичьим своим,
С саблей в петле... «А французский
Крест ужель надеть забыл?
Ведь его он кровью Русской
И предательством купил!
Что ж он делает здесь?» — «Лает,
Брызжет пеною с брылей,
Мечется, рычит, кусает
И домашних, и друзей!»
— Но на чем он стал помешан?
«Совесть ум свихнула в нем:
Все боится быть повешен
Или высечен кнутом...»

№ 75. — Н. Бестужев — старший брат издателя «Полярной Звезды», Николай Александрович Бестужев (род. 13 апреля 1791, ум. 13 мая 1855), лейтенант. Начальник Морского Музея (1819—1824), художник, автор «Записок о Голландии» (С.-Пб. 1821), талантливый переводчик «Паризины» Байрона (1821) и Томаса Мура («Обожатели огня, восточная повесть», С.-Пб. 1821), оставивший ценные воспоминания, касающиеся декабрьского движения, в котором принимал деятельное участие, поплатившись за это ссылкою в каторгу и на поселение в Сибирь, где и умер; отзыв Булгарина о статье Н. А. Бестужева в «Полярной Звезде»: «Об удовольствиях на море» (стр. 203—227) помещен был в «Литературных Листках». О Н. А. Бестужеве см. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 280—281.

— Арабская сказка — «Витязь буланого коня», перевод с арабского (стр. 297 — 307); написана была Осипом Ивановичем Сенковским (род. 1800, ум. 1858), талантливым профессором арабского языка в С.-Петербургском Университете, впоследствии известным издателем журнала «Библиотека для Чтения» (1834 — 1856) и популярным писателем под псевдонимом «Барон Брамбеус»; Пушкин сотрудничал в Библиотеке, но затем вынужден был разойтись с Сенковским; последний, между прочим, нападал на Пушкинский «Современник», в котором видел опасного соперника своей «Библиотеке для Чтения». См. ниже, примечания к письму Пушкина к Е. П. Люценко от 19 августа 1835 г.

— Языков — Николай Михайлович, поэт; см. выше, стр. 289.

— Родзянко — Аркадий Гаврилович (см. выше, стр. 274); его мадригал, напечатанный в «Полярной Звезде», назывался «К милой» (стр. 200):

Расставшись, может быть, и вечно,
С той, кем живет душа моя,
Ты хочешь знать, мой друг сердечный,
Чем в горе занимаюсь я?
Тем занимаюсь постоянно,
Чего отнять нельзя судьбе:
Вчера, сегодня, беспрестанно
Люблю — и мыслю о тебе.

— Нахимов — Аким Николаевич (род. 1783, ум. 1815), питомец Московского Университетского Пансиона и Харьковского Университета, стихотворец, автор сатирических пьес, басен и мелких стихотворений, служивший в Харькове и живший около этого города; его сочинения в стихах и прозе были изданы в 1815 и 1816 гг. и переизданы в 1822, 1841, 1842, 1849 и 1852 гг.; они пользовались успехом у невзыскательных провинциальных читателей, но писаны тяжелым и устарелым языком, грубоваты и не отличаются ни тонкостью сатиры, ни остроумием.

— Плетнев — Петр Александрович (см. выше, стр. 242—243, 258—259); он поместил в «Полярной Звезде» несколько стихотворений, в том числе и пьесу «Родина» (стр. 196 — 197), начинавшуюся словами:

Есть любимый сердца край,
Память с ним не разлучится:
Бездны моря преплывай,
Он везде невольно снится... и т. д.

— Из стихотворений Е. А. Боратынского в «Полярной Звезде» напечатаны были: «Истина» (ода), «Аглае», «Рим», «Признание» и «К ***».

— Фабулу «Бахчисарайского Фонтана» Пушкин узнал, по всей вероятности, от своего друга Н. Н. Раевского, которому одно время и намеревался посвятить свою новую поэму («Пушкин и его совр.», вып. XIV, стр. 145 — 146).

— Стихи Андрея Шенье (из его пьесы Ode XI: «La jeune captive»), которые приводит Пушкин, означают в переводе: «Нежным законам стиха

я подчинял звуки ее милых и бесхитростных уст». Вот вся 8-я (предпоследняя) строфа этого стихотворения Шенье, которое Пушкин, очевидно, помнил наизусть: *№ 76.*

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait, écoutant ces plaintes, cette voix,
Ces vœux d'une jeune captive;
Et secouant le joug de mes jours languissants,
Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve...

т. е.: «Так, в дни скорби и заключения, моя лира все же пробуждалась, слушая эти жалобы, этот голос, эти мольбы юной узницы; а я, отбрасывая бремя томительных дней, нежным законам стиха подчинял звуки ее милых и бесхитростных уст». В 1825 г. Пушкин написал свое известное стихотворение «Андрей Шенье», взяв к нему эпиграфом те же стихи из пьесы «Юная узница»: «Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois s'éveillait».

— В «Полярной Звезде» 1824 г. были помещены стихотворения Пушкина: «К друзьям», «Нереида», «В альбом малютке», «К Морфею», «Элегия», «Отрывок из послания к В. Л. П.», «Домовому», «Простишь ли мне ревнивые мечты» и «Надпись к портрету» (последние две — без подписи). (См. выше, стр. 273 и 307.)

— В. К. Кюхельбекеру Пушкин обещал (вероятно, в несохранившемся до нас письме своем в ответ на письмо Кюхельбекера, полученное в декабре 1823 г. — Стихотворения и Письма В. И. Туманского, С.-Пб. 1912, стр. 252) — стихотворения для его сборника «Мнемозина», 1824 г., в которой и появилось в конце года стихотворение Пушкина «Мой Демон» (ч. III, стр. 11—12), но с опечатками, на которые Пушкин негодовал (см. ниже).

— Поэма Пушкина — «Евгений Онегин».

— Брат Бестужева—вышеупомянутый Николай Александрович, моряк.

— Братья — товарищи-писатели и знакомые, общие друзья.

— Упоминаемый в черновом письме Демонси — лицо, нам неизвестное.

— Эвр. — т.-е., европейском.

— Дон. Ж. — «Дон-Жуан» Байрона; ср. выше, стр. 58, 60, в письме 4 ноября 1823 г., стр. 59.

76. *Князю П. А. Вяземскому* (стр.73—74). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 129 — 131; подлинник (на бумаге вод. зн.: раковина и: Hollande) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в Центрархиве; часть чернового — в книге П. В. Анненкова: «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 220—221 и 252; подлинник—в рукописи б. Румянц. Музея № 2369, л. 50 об. — 51; в той же рукописи, на л. 32 и 33, находится черновик письма к Вяземскому же, от 4 ноября 1823 г., (№ 63), из которого Пушкин кое-что внес в это письмо от 8 марта 1824 г. (№ 76) ибо в посланном письме от 4 ноября 1823 г. эти места он не включил.

— Письмо Вяземского, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось; при письме Вяземский, очевидно, послал Пушкину часть гонорара за «Бахчисарайский Фонтан», всё издание которого было продано Вяземским книгопродавцам (Московскому — Александру Сергеевичу Ширяеву и Петербургскому — Александру Филипповичу Смирдину) — за 3.000 р. ассигнациями. О пререканиях Московских книгопродавцев по поводу уплаты Пушкину 3.000 р., т. е., по пяти рублей за стих, — см. «Русск. Стар.» 1904 г., № 1, стр. 117 — 118, и примеч., стр. 120.

— Новая поэма — вероятно, «Евгений Онегин», а может быть — «Цыганы», которые были начаты в самом конце 1823 г., а окончены 10 октября 1824 г., уже в Михайловском.

— В словах: «пишу не для улыбки прекрасного пола» — намек на приведенную выше фразу А. О. Корниловича (см. в письмах к Л. С. Пушкину № 72, стр. 68, и к А. А. Бестужеву № 75, стр. 71 и 72).

— О предисловии князя Вяземского к «Бахчисарайскому Фонтану» см. ниже, в письме № 79. Поэма вышла в свет в Москве, благодаря заботам князя Вяземского, 10 марта 1824 г., о чем он сам писал А. А. Бестужеву

№ 76 (см. Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати 1814—1837 М. 1914, стр. 19, примеч. № 96).

— «Давишние замечания» князя Вяземского на Булгарина — «Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822-го года, напечатанное в № 5 Северного Архива 1823-го года», помещенные в журнале «Новости Литературы» 1823 г., № 19, стр. 81 и след.; перепечатано в т. I Полного Собрания Сочинений князя П. А. Вяземского, С.-Пб. 1878, стр. 101—109. В этой горячо написанной статье Вяземский, возражая Булгарину, старался осторожно доказать, что причиною замечаемого у нас «недостатка в хороших авторах» и бедности литературы являлись общие условия русской действительности, цензура и т. под. «Утверждать, что у нас не пишут оттого, что не читают, значит утверждать, что немой не говорит оттого, что его не слушают. Развяжите язык немого, — и он будет иметь слушателей. Дайте нам авторов, пробудите благородную деятельность в людях мыслящих, — и читатели родятся. Они готовы, многие из них и вслушиваются, но ничего от нас дослышаться не могут и обращаются поневоле к тем, кои не лепечут, а говорят»... Затем Вяземский возражал против отдельных суждений Булгарина, высказанных о различных писателях и произведениях, — например, о «Рыбаках» Гнедича, о «Думах» Рылеева.

— «Жизнь Дмитриева» — статья князя Вяземского: «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», приложенная к книге «Стихотворения И. И. Дмитриева», изд. 6, С.-Пб. 1823; см. выше, в черновике письма Пушкина к князю Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (стр. 59), из которого в настоящее письмо взято целиком несколько фраз, — и ниже, в письме № 79. Характеристику и оценку литературной деятельности Крылова Вяземский сделал в той же статье: «Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», в которой говорил, что Крылов шел по пути, приуготовленному для него Дмитриевым: «Г. Крылов нашел язык выработанный, многие формы его готовые, стихосложение — хотя и ныне у нас еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства» и т. д. 9 марта 1824 г. князь Вяземский писал А. А. Бестужеву: «Крылова уважаю и люблю, как остороумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева и скажу свое мнение без зазрения и страха, ибо не признаю никаких условных властей в республике словесности. Скажу более: Крылова ценю выше казенной оценки так называемых его почитателей. Чему большая часть из них дивится в нем? Что̀ выдало ему открытый лист на общенародное уважение? — Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству. У всех на языке: «А философ без огурцов!.. Ай, моська! Знать она сильна, что лает на слона» и шутки подобные, да вот и все! А, конечно, не в этих прибаутках лубочных заключается знамение его дарования. Крылову многие поклоняются как временщику, а его должно уважать, как истинного вельможу. Ищите в нем не минуту, кидающуюся в глаза, но отыскивайте золото, требующее внимания проницательного, и тогда, сравнивая золото одного и другого, отдадите вы преимущество Дмитриеву, ибо золота в нем более и оно лучшей пробы» («Русск. Стар.» 1888 г., № 11, стр. 330). Говоря о несправедливом предпочтении Дмитриева Крылову со стороны Вяземского, сын его, князь Павел Петрович писал впоследствии: «Нас (детей) заставляли учить наизусть Апологи Дмитриева, чтение же басен Крылова едва допускалось. И. И. Дмитриев, друг моего деда, был пестуном отца моего и законодателем и верховным судией литературного приличия и вкуса. Пушкин в своей переписке упрекает отца моего в несправедливости по отношению к Крылову и пристрастии. Нет сомнения, что из всех членов Арзамаса отец мой был более прочих человеком партии; и почти он один таковым был даже и тогда, когда он пережил всех своих друзей» (Сочинения, С.-Пб. 1893, стр. 511).—По поводу мнения Пушкина о Дмитриеве Анненков замечает: «Резкость этого суждения может быть пояснена и участием в составлении его раздосадованного авторского самолюбия. Известно, что Дмитриев, при

появлении «Руслана», сошелся во взгляде на поэму с постоянным своим № 77.
врагом по всем другим вопросам, именно с М. Т. Каченовским, считая ее, одинаково с ним, пустой сказкой, довольно легко написанной и обязанной своим успехом всего более соблазнительным картинам, в ней заключающимся» («Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 221, примеч.).

— Le poète de notre civilisation — «поэт нашей образованности».

— Лев Нарышкин — Лев Александрович (род. 1785, ум. 1846), незадолго до того женившийся на красавице графине Ольге Станиславовне Потоцкой, сестре упоминавшейся выше С. С. Киселевой. Нарышкин, двоюродный брат начальника Пушкина — графа М. С. Воронцова, был участником Отечественной войны и с 23 марта 1824 г. находился в отставке. По словам Вигеля, Нарышкин, живя в Одессе, «вел самую странную жизнь, то-есть, скучал ею, никуда не ездил и две трети дня проводил во сне» («Записки», ч. VII, стр. 192). Он уехал из Одессы за границу не в начале, а в конце лета 1824 г. («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 141). Пробыв 20 лет не у дел, он в 1843 г. назначен был в свиту и в генерал-адъютанты, а в 1845 г. — в члены Военного Совета. См. о нем еще в «Дневнике» Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Лгр. 1923, стр. 144.

— Князь Вяземский в Одессу не приехал, а прибыла туда вскоре (7 июня 1824 г.) его жена княгиня Вера Федоровна, с маленькими детьми Николаем и Надеждою; она поселилась в доме Давыдовой («Остаф. Арх. князей Вяземских», т. V, вып. 1 и 2). В первом же письме к своему мужу из Одессы княгиня Вяземская жаловалась на Одесскую пыль, о которой говорит и Пушкин («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 101).

— С. Волконский — князь Сергей Григорьевич (род. 8 декабря 1788, ум. 28 ноября 1865), генерал-майор, бывший в это время (с 14 янв. 1821 г.) командиром 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, впоследствии известный декабрист. Приехав в Одессу, княгиня Вяземская застала там князя Волконского (она, как и другие его знакомые, именует его прозвищем Buhna Volkonsky), который несколько дней спустя уехал на Кавказ для пользования минеральными водами. Возвратившись с Кавказа, он вскоре (11 января 1825 г.) женился на сестре друга Пушкина, Н. Н. Раевского,—Марии Николаевне Раевской, в которую тогда был влюблен и Пушкин; последнего Волконский, письмом от 18 октября 1824 г., известил о своей помолвке (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 138 — 139). По делу 14 декабря 1825 г. князь Волконский, как известно, был сослан на каторгу, в Сибирь; за ним вскоре поехала туда же и его жена,—и они прожили в ссылке до того времени,когда Волконский получил, вместе с другими декабристами, прощение. Когда 17 января 1828 г. умер в Петербурге маленький сын Волконских Николай, оставленный на попечении бабушки, княгини А. Н. Волконской, рожденной княжны Репниной, — Пушкин написал ему известную эпитафию:

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Эпитафия эта была сообщена в Сибирь отцом кн. М. Н. Волконской и вызвала ее благодарственное письмо (см. И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг Пушкина, С.-Пб. 1904; Записки Волконского, изд. С.-Пб. 1901 г., и изд. 2-е, С.-Пб. 1902; «Архив декабриста С. Г. Волконского», под ред. князя С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I, ч. I, Пгр. 1918, а также «Алфавит декабристов», под. ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925. стр. 297 — 298).

77. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 74—75). Впервые напечатано в книге Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 261 (отрывок), в книжке: «Материалы для биографии Пушкина. Международная библиотека», т. VIII, Лейпциг, 1875, стр. 33 (полностью), а также в «Русск. Стар.» 1879 г., т. 26, стр. 293, и 1899 г., т. 98, стр. 245; подлинник неизвестен; современная копия — в деле 1824 — 1825 г. Канцелярии Новороссий-

№ 77. ского и Бессарабского генерал-губернатора за № 1714 и 57 (по которой и печатается в нашем издании): «О высылке из Одессы в Псковскую губернию коллежского секретаря Пушкина» (ныне оно в Публичной Библиотеке — см. Отчет за 1900—1901 г., стр. 232).

— Письмо это, сыгравшее в жизни Пушкина такую важную роль, лишь предположительно считают адресованным к князю Вяземскому (см., например, «Русск. Арх.» 1872, ст. 2355, в примеч., и 1889 г., кн. III, стр. 113, прим. 2; Записки А. О. Смирновой, т. I, С.-Пб. 1894, ст. 161); известно только, что оно было написано в Москву, к одному из друзей Пушкина, распечатано и прочтено на почте; Анненков утверждает, что письмо Пушкина дошло до сведения администрации вследствие «несовсем благоразумной гласности, которую сообщили ему приятели Пушкина и особенно покойный Александр Иванович Тургенев, как мы слышали, носившийся с ним по своим знакомым» («Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 261—262). Мы не думаем, чтобы добродушный, но умный Тургенев в данном случае мог быть так легкомыслен; как бы то ни было, однако, злополучное письмо послужило одною из главных причин или, вернее, поводов к исключению Пушкина со службы и к высылке его из Одессы в деревню. Пушкину это было хорошо известно: «Я сослан за строчку глупого письма», говорил он Жуковскому в письме от 29 ноября 1824 г. (выше, стр. 101); добиваясь освобождения по поводу вступления на престол Николая I, Пушкин писал во второй половине января 1826 г.: «Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные, — других художеств за собою не знаю»; 7 марта он писал Жуковскому: «Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное года три тому назад, в котором находилось суждение об Афеизме,—суждение легкомысленное, достойное, конечно, всякого порицания»; а в прошении имп. Николаю от 11 мая 1826 г. он говорил, что «имел несчастие заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно Афеизма, изложенным в одном письме»; то же говорит Пушкин и в своем юмористическом «воображаемом разговоре с Александром I», написанном вскоре по приезде в Михайловское: оправдываясь во взводимых на него обвинениях, он на фразу императора: «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится», — возражает: «Я — афей? Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному к товарищу? Можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить, как всенародную проповедь?»—Около этого же времени, т.-е. вскоре по написании письма, которое причинило ему такие огорчения, Пушкин получил из Москвы следующее секретное письмо от князя Вяземского, которое могло быть вызвано именно злополучным письмом «безбожника» Пушкина:

(Секретное).

Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ? Дай мнѣ отдѣлаться отъ дѣлъ своихъ, но такъ, чтобы можно было все бросить на нѣсколько лѣтъ и ѣхать въ чужіе края, я охотно поселился бы у васъ. Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, как на champ d'asyle [убежище, приют], а въ этомъ полѣ вѣрно никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности. Да къ тому же, признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человѣкъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкишотствовать противъ Власти ни за лицо, ни за мнѣніе, какія бы они ни были, если Власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или за нее. Ты довольно сыгралъ пажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно! А вся наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ, que par des espiègleries [как только шалостями]. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться надоѣстъ» («Русск. Арх.» 1897 г.,

кн. II, стр. 470; ср. в Отчете Публ. Библ. за 1895 г., С.-Пб. 1898, прил., № 77, стр. 52—53).

В то же время граф М. С. Воронцов, обиженный язвительными и резкими эпиграммами Пушкина, писал (28 марта) графу К. В. Нессельроде письмо (на французском языке), в котором говорил о желательности выслать поэта из Одессы: «Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-нибудь», писал он: «напротив, казалось, он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, и которого недостатки происходят скорее от ума, нежели от сердца, заставляет меня желать его удаления из Одессы. Главный недостаток Пушкина — честолюбие... Удаление его отсюда будет лучшая для него услуга» и т. д. (см. Анненков, «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 258, 259 и др.). Еще не получив ответа на это письмо, Воронцов, сообщая графу Нессельроде о местных настроениях среди греков и молодых людей других национальностей, писал ему 2 мая 1824 г.: «По этому поводу повторяю мою просьбу — избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе» («Пушкин и его совр.», вып. XVI, стр. 68). Вскоре и последовала высылка Пушкина из Одессы (см. ниже).

— В библиотеке Пушкина сохранилась Библия, в переводе на французский язык de Saci, изданная Российским Библейским Обществом в Петербурге в 1817 г., равно как и Новый Завет в том же издании, но 1815 г.; кроме того, у него были два тома издания: «Livres Apocryphes de l'Ancien Testament, en François, Avec des notes, Pour servir de suite à la Bible de Monsieur de Saci» (Парижское издание 1742 г.), хотя и оставшиеся неразрезанными (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 158 и 275—276). О присылке «французской» Библии Пушкин просил брата в письме от второй половины ноября 1284 г. (№ 106).

— Шекспира Пушкина читал, очевидно, во французском переводе, так как английский язык он изучил позже (см. статью М. А. Цявловского: «Пушкин и английский язык» в сборнике «Пушкин и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 45—72); в «Московском Телеграфе» 1829 г., ч. 27, стр. 390, сообщалось, что «в последние *годы* Пушкин выучился английскому языку — кто поверит тому? — в четыре месяца! Он хотел читать Байрона и Шекспира в подлиннике—и через четыре месяца читал их по-английски, как на своем родном языке!»; в библиотеке Пушкина сохранилось издание собрания сочинений Шекспира, сделанное под редакциею Ф. Гизо («Oeuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. P., Traducteur de Lord Byron; précédée d'une Notice biographique et littéraire sur Shakspeare; Par F. Guizot», Париж. 1821 г., 13 томов), хотя есть в ней и английское издание, в одном томе: «The dramatic works of Shakspeare», Лейпциг. 1824 (там же, стр. 337—338). Изучение Шекспира, которого Пушкин принял за образец для формы свободной драмы, для изображения характеров и типов, — привело его к мысли написать своего «Бориса Годунова»; к этому труду он и приступил через полгода по приезде в Михайловское, а в 1833 г. он переделал драму Шекспира «Measure for measure» в стихотворную повесть под названием «Анджело». Пушкин не подвел нигде итогов своих суждений о Шекспире (сохранились только его короткая заметка о «Ромео и Юлии», 1829 г., и набросок статьи о «Шайлоке, Анджело и Фальстафе»), но в его письмах (особенно к Н. Н. Раевскому, 1825, 1827 и 1829 гг.) и в различных заметках (особенно по поводу «Бориса Годунова») часто мелькает его имя и везде он преклоняется перед его гением.

— С сочинениями «великого», по выражению Пушкина, Гёте (род. 1749, ум. 1832) и, главным образом, с его «Фаустом» Пушкин близко познакомился, вероятно, несколько ранее, чем с Шекспиром; уже к своему «Кавказскому «Пленнику» он взял эпиграф из «Фауста»: «Gieb meine Jugend mir zurück» [«Возврати мне мою молодость»]; некоторые немецкие исследователи видят влияние Гёте и его драмы «Гёц фон Берлихинген» в «Борисе

№ 78. Годунове»: см. Соч. Пушкина, под ред. П. О. Морозова, т. III, стр. 260); в 1826 г. он написал «Сцену из Фауста». О влиянии Гёте на Пушкина см. в исследовании В. А. Розова: «Пушкин и Гёте» (Киев. 1908) и в статье А. Г. Горнфельда «Сцена из Фауста»—в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 408—416; о суждениях Пушкина о драматической поэзии вообще—см. в статье Г. И. Чулкова: «Пушкин и театр» — в «Голосе Минувшего» 1923 г., № 3. — Ср. «Русск. Арх.» 1911 г., кн. II, стр. 449—450 (о пере, присланном Гёте Пушкину).

— «Романтическая поэма»—«Евгений Онегин». О ней в отделе «Литературных новостей» № 4-го Булгаринских «Литературных Листков» уже приводилось такое известие: «А. Пушкин написал Поэму, под заглавием: *Онегин*, которой содержание чрезвычайно разнообразно, по уверению особ, имевших случай читать оную в рукописи. Это история молодого человека, воспитанного в деревне, который приезжает в столицу на службу, описывает свои связи, знакомства, приключения и различные впечатления при виде многих предметов. Один просвещенный любитель Словесности [вероятно,—П. А. Муханов, приятель Рылеева. *Б. М.*] писал к нам из Киева, что Поэма *Онегин* есть лучшее произведение неподражаемого Пушкина. Мы просим извинения у почтеннаго Автора, что без его ведома осмеливаемся поместить несколько стихов из *Онегина*, которые завезены сюда в уме и продиктованы наизусть, а потому может быть и с ошибками, по крайней мере, для нас неприметными. Это описание первой Русской танцовщицы в балете»... Приведя 10 стихов об Истоминой («Блистательна, полувоздушна » и т. д.), Булгарин восторженно писал: «Какая живая картина! Вот истинная Поэзия» и заканчивал свое сообщение таким суждением: «По нашему мнению, ни один из Русских Поэтов не имеет магической силы Пушкина одним взглядом останавливать летучие предметы (fixer les objets) и составлять из оных живые картины. Его воображение есть зеркало, в котором природа отражается в своем истинном виде: Поэзия поручила ему свои краски и Гений Изящного — кисть свою. Но поныне одни только Хариты управляют его пламенною душею. Придет время, когда и важные Музы обратят на себя внимание юного своего питомца и укажут ему в отечественных событиях предметы, достойные его таланта».

— «Англичанин—глухой философ» и «афей» (т.-е. безбожник, атеист), по словам А. И. Левшина (бывшего тогда Правителем походной Канцелярии графа М. С. Воронцова), был доктор Гунчисон; впоследствии, лет пять спустя после истории с Пушкиным, он уже был в Лондоне ревностным пастором англиканской церкви (П. В. Анненков, «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874 г., стр. 260). По другому известию это был профессор Ришельевского Лицея Вольсей («Былое» 1925 г., № 4, стр. 155).

— Перевод французской фразы: «что не может существовать существа разумного, создателя и правителя». — Как параллель, можно привести здесь суждение, записанное однажды Пушкиным среди черновиков «Странствия» Онегина (1827—1829): «Не допускать существования бога — значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге» (Пушкин, ред. Ефремова, т. VII, стр. 316).

78. *А. С. Пушкину* (стр. 75). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г. стр. 194—195 (отрывок) и в «Библиограф. Записках» 1858 г., т. I, стр. 41—42; подлинник—в рукоп. б. Румянцовского Музея № 1254.

— Письмо князя Вяземского, из которого Пушкин приводит выдержку, до нас не сохранилось.

— «Благонамеренный» — журнал, издававшийся в 1818 — 1826 гг. А. Е. Измайловым (см. выше, стр. 290); сообщение в нем было (1824 г., ч. 25, № 4, стр. 300) о чтении «Бахчисарайского Фонтана» в С.-Петербургском Вольном Обществе любителей словесности, наук и художеств, в котором Измайлов был Председателем; чтение происходило в заседании 7 февраля 1824 (см. также «Русск. Стар.» 1899 г., май, стр. 473, сообщение И. А. Кубасова); ранее, в заседании Общества 1 ноября 1823 г., К. Ф. Рылев читал отрывок из той же поэмы Пушкина (там же).

— Книгопродавцы, заплатившие Пушкину 3.000 р. асс. за «Бахчисарайский Фонтан», были А. Ф. Смирдин и А. С. Ширяев (см. выше, стр. 309). № 79.

— Граф Хвостов (см. выше, стр. 252—253) сам покупал у книгопродавцев издания своих сочинений, которые щедро раздаривал знакомым и рассылал по общественным библиотекам и учебным заведениям, ибо никто добровольно покупать их не хотел; это ни для кого не было тайной, и все над этим подсмеивались.

— Булгарин (см. выше, стр. 305—306) напечатал в своих «Литературных Листках» (1824 г., ч. 1, № III, стр. 147) небольшой отрывок из письма Пушкина к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г. (см. выше, примечание к письму № 72 и в письме к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г., стр. 86).

— О Воейкове — см. выше, стр. 218, 301.

— Сенявин—Иван Григорьевич (род. 1801, ум. 1851), в это время поручик л.-гв. Конного полка, с 21 июля 1822 г. адъютант Воронцова; он оставался при нем до 21 января 1830 г., когда вышел в отставку с чином гвардии полковника; впоследствии был членом Кабинета его величества (1834—1838), Вице-Президентом Гоф-Интендантской Конторы, Новгородским (1838—1840) и Московским (1840—1844) губернатором, наконец,— Товарищем Министра Внутренних Дел; он был известен в служебном мире своей «необыкновенной памятью и знанием законов» («Русск. Арх.») 1900 г., кн. III, стр. 77). Пушкин постоянно встречался с ним у Воронцова. Вигель, знавший Синявина в Одессе, дает такую его характеристику: «И. Г. Синявин был двоюродным братом графу Воронцову. Он старался давать всем это чувствовать и с некоторою досадой смотрел на сослуживцев, в коих видел почти подчиненных, себя ему не подчиняющих. Он был виден собою, бел и румян; но дурь и спесь, так явно выражаемые его оловянными глазами, делали всю наружность его неприятною. Может быть, он сам только поверил бы тогда предсказанию о высоте, которая его ожидает. Если долго поживешь, то чего не увидишь у нас! Я осужден был видеть, к стыду России, как сие, никем не оспариваемое, совершенное ничтожество, достигнув высочайших гражданских степеней, готово было вступить в звание министра...» (Записки, ч. VI, стр. 121). Он окончил жизнь самоубийством. И. М. Снегирев записал в своем дневнике под 15 июня 1851 г.: «Слышали о бедственной участи Товарища Министра Внутренних Дел Ив. Гр. Синявина, который от долгов и неприятностей по службе перерезал себе горло, выбросился из окошка третьего этажа. Когда ему зашили горло, он, пришедши в себя, сорвал повязку и так кончил жизнь» (Дневник, ч. I, М. 1904, стр. 483; о его самоубийстве см. также в Дневнике графа П. Х. Граббе — «Русск. Арх.» 1889 г., кн. I, прил., стр. 512—513).

— Письма к отцу, С. Л. Пушкину, о которых Пушкин упоминает, до нас не сохранились, но известно, что около 15-го апреля 1824 г. Лев Сергеевич Пушкин получил еще одно письмо от брата-поэта, писанное, вероятно, в последних числах марта (до письма № 78): 21-го апреля 1824 г. А.Ф. Воейков так сообщал об этом поэту Н. М. Языкову в Дерпт из Петербурга: «Спешу порадовать весточкой. На сей неделе молодой Лев Пушкин получил письмо от славного своего брата из Одессы. Он читал нам его при Ник. Дмит. Киселеве. Наш Бейрон восхищается вашими стихами и пророчествует вам мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры. Киселев хотел писать об этом подробнее» («Литературные Портфели», Труды Пушкинского Дома, изд. «Атеней», Пгр. 1923, стр. 64, с объяснениями Б. Л. Модзалевского). Это письмо Пушкина до нас не сохранилось. Отзывы Пушкина о Языкове см. еще выше, стр. 289.

79. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 76). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 131—133; подлинник (на бумаге вод. зн.: Bondon 1821) был у гр. С. Д. Шереметева, ныне в центр-архиве.

— Пушкин ездил в Кишинев по приглашению Ф. Ф. Вигеля (Записки Вигеля, ч. VI, стр. 152—153), провел там две недели, живя у своего приятеля Н. С. Алексеева (см. выше, стр. 283), и вернулся в Одессу в самом конце марта.

№ 79. — Пушкин благодарил князя Вяземского за экземпляр издания «Бахчисарайского Фонтана», напечатанного под его наблюдением в Москве, в типографии Августа Семена (вышел в свет и поступил в продажу 10 марта 1824 г.) и с его статьею: «Вместо предисловия.—Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова». О полемике, вызванной этим «Разговором», см. при следующем письме. К изданию была приложена картинка и выписка из «любопытного и занимательного» «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, — с целью «познакомить читателей, не бывавших в Тавриде», «со сценою повествования поэта».

— Статья князя Вяземского «Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» была напечатана при новом, 6-м издании его «Стихотворений» — в 2 частях (С.-Пб. 1823); об этой статье и суждения Пушкина о Дмитриеве см. выше, в письмах к Н. И. Гнедичу (стр. 32) и к князю Вяземскому (стр. 59 и 73), а также стр. 310. Издание это сохранилось в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 36). Отзыв о статье Вяземского см. также в письме к нему от 9 ноября 1826 г. и в «Русск. Стар.» 1904, № 1, стр. 116.

— «Tour de force et affaire de parti» — «фокус и дело партийное, пристрастное».

— Начало предположенной Пушкиным статьи «о нашей бедной словесности» можно видеть в отрывке, озаглавливаемом обыкновенно: «О причинах, замедливших ход нашей словесности», и датируемом издателями 1824 годом, хотя по положению ее в черновых тетрадях Пушкина и следует относить его скорее к 1823 году.

— Выражение «du choc des opinions» и т. д. [«от столкновения мнений явятся деньги»] является шутливой переделкой французской пословицы: «du choc des opinions jaillit la vérité» [«от столкновения мнений рождается истина»].

— Херасков — Михаил Матвеевич (род. 1733, ум. 1807), автор героической поэмы «Россиада» (см. выше, стр. 180), известный стихотворец-классик, «русский Гомер», как его величали некоторые современники.

— Дядя В. Л.—Василий Львович Пушкин. Ни трагедий, ни поэм И. И. Дмитриев не писал, а известен был своими баснями, мелкими стихотворениями и посланиями, вроде посланий (1791, 1794, 1798, 1802 г.г.) к своей близкой приятельнице Анне Григорьевне Севериной, рожд. Брагиной (жене сенатора П. И. Северина и матери арзамасца и дипломата Д. П. Северина, с которым у Пушкина было столкновение по приезде в Одессу — см. выше, стр. 279), эпиграммами, заимствованными, например, из сочинений Жана-Франсуа Гишара (Guichard), малоизвестного французского поэта XVIII века (род. 1731, ум. 1811).

— Мордвинов — Николай Семенович (род. 1754, ум. 1845), адмирал, с 1801 года член Государственного Совета, с 1834 г. — граф, человек просвещенный и прямой, известный сторонник, защитник и проповедник идеи освобождения крестьян, за что считался либералом и пользовался симпатиями молодого поколения; К. Ф. Рылеев посвятил ему оду «Гражданское мужество», Е. А. Боратынский — несколько строк в одном из посланий к Гнедичу, П. А. Плетнев — стихотворение «Долг гражданина»; наконец, Пушкин в 1825 г. написал ему послание, оставшееся незаконченным, но заключающее, по выражению Анненкова, «образ столь яркий и смелый, что, кажется, недостает только самой легкой отделки для превращения его в полную и превосходную поэтическую картину в классическом роде». Лично Пушкин не был, кажется, знаком с Мордвиновым; по крайней мере дочь последнего, Н. Н. Мордвинова, утверждала, что отец ее «продолжал знакомство только со старинными литераторами и поэтами, как-то: с Шишковым, Державиным, Карамзиным, Жуковским и проч.», «с литераторами и поэтами нового поколения... ни с кем не был близок: Рылеев был в его доме раза два, а Пушкин к нему не ездил, — хотя отец мой», прибавляет она: «с удовольствием читал некоторые его сочинения» («Русск. Арх.» 1883 г., кн. I, стр. 188). — О Мордвинове см. книгу В. С. Икон-

никова: «Граф Н. С. Мордвинов», С.-Пб. 1873 г. и «Архив графа Мордвинова», изданный В. А. Бильбасовым в 10 томах (С.-Пб. 1901—1903). № 79.

— Слёнин—книгопродавец (см. выше, стр. 244); Пушкин не продал ему издания I главы «Онегина», а издал ее сам, под наблюдением брата, Л. С. Пушкина, в количестве 2.400 экземпляров.

— Ответы Пушкина В. К. Кюхельбекеру, Ф. Ф. Матюшкину и А. Н. Верстовскому, как и их письма к Пушкину, до нас не сохранились. Федор Федорович Матюшкин (род. 1799, ум. 1872) — Лицейский товарищ Пушкина, поступивший после окончания курса в Лицее во флот и отправившийся в кругосветное путешествие с капитаном В. М. Головниным, при чем Пушкин дал ему «длинные наставления, как вести журнал путешествия» и долго изъяснял ему настоящую манеру Записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы» (П. Анненков, Материалы, изд. 1855 г., стр. 165); затем Матюшкин, в 1820—1824 г.г., участвовал в работах по описанию берегов Ледовитого океана и Восточной Сибири под начальством лейтенанта барона Ф. Врангеля (при чем один из описанных им мысов назван «Мысом Матюшкина»), а под конец жизни был полным адмиралом (с 1867) и сенатором (с 1861 г.); он первый подал мысль о постановке памятника Пушкину в Москве. В своем стихотворении «19 октября 1825 г.» Пушкин посвятил своему, редко бывавшему в Петербурге товарищу одну из строф:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,—
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!.. и т. д.

В сентябре 1825 г. Матюшкин посылал Пушкину поклон через бар. Дельвига, из Петербурга (письмо бар. Дельвига к Пушкину от 10 сентября 1824 г.); в свою очередь Пушкин передавал поклон Матюшкину в письме к брату из Михайловского в декабре 1824 г. (№ 115). О Матюшкине см. в книге Н. А. Гастфрейнда: Товарищи Пушкина, т. II, С.-Пб. 1912, и особую заметку в книге Я. К. Грота: Пушкин, его лицейские товарищи и наставники (стр. 74—80), где дана характеристика этого с виду не блестящего, скромного, даже застенчивого, обыкновенно молчаливого человека, при ближайшем знакомстве с которым «нельзя было не оценить этой чистой, правдивой и теплой души». Узнав о смерти Пушкина, Матюшкин из Севастополя прислал общему Лицейскому товарищу Яковлеву такие взволнованные строки: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить?» (там-же, стр. 74). Сохранившаяся часть бумаг Матюшкина находится ныне в Пушкинском Доме.

— Верстовский,—Алексей Николаевич (род. 1799, ум. 1862), композитор, служивший в 1824 г. в Канцелярии Московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, вскоре назначенный (11 сентября 1825) инспектором музыки при Московском театре, впоследствии заведывавший (с 1 июня 1830) репертуарною частью и, наконец, с 23 мая 1848 г. — Управляющий Конторою Московских театров. Верстовский, знакомец Вяземского, известен, как автор популярной в свое время оперы «Аскольдова могила» и многих романсов,—в том числе и на слова Пушкина; из них музыка к «Черной Шали» была им написана еще в 1823 г. и в виде кантаты исполнялась в Московском театре (см. «Вестник Европы» 1823 г., № 1; Анненков, Материалы, изд. 1873, стр. 103, примеч.; «Русск. Арх.» 1864, ст. 811). «Ты верно читал романс или песню Молдавскую—«Черная Шаль» молодого Пушкина»,—писал брату своему А. Я. Булгаков из Москвы: «некто молодой аматер Верстовский сочинил на слова сии музыку,—не

№ 80. одну и ту же на все куплеты, но разную, в виде арии. Занавес поднимается, представляется комната, убранная по-молдавански; Булахов, одетый по-молдавански, сидит на диване и смотрит на лежащую перед ним черную шаль; ритурнель печальную играют, — он поет: «Гляжу, как безумный, на черную шаль» и пр. Музыка прелестна, тем же словом оканчивается; он опять садится и смотрит на шаль и поет: «Смотрю, как безумный, на черную шаль, и нежную душу терзает печаль!» Занавес опускается, весь театр закричал фора,—пел другой раз еще лучше. Вызывали автора музыки, — и Верстовский, молодой человек лет 18, пришел в ложу к Кокошкину, кланяется и благодарит публику. C'est une charmante idée! Je ne sais qui l'a eue; on dit que c'est Wiasemsky... Le petit Pouchkine ne se doute pas de la Bessarabie, où il doit être, qu'on le fête ici à Moscou et d'une manière si nouvelle». [«Это прелестная мысль! Не знаю, кому она пришла в голову: говорят, что Вяземскому. Молодой Пушкин и не подозревает, в Бессарабии, где он, кажется, находится, что его чествуют здесь, в Москве, и таким новым родом»] («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 30—31). Однако, посылка поклона Верстовскому—и через Вяземского,—показывает, что до Пушкина дошло известие о музыке молодого композитора на его стихотворение. Позднее Верстовский написал музыку еще к Пушкинскому «Испанскому романсу» («Ночной зефир...») — в 1827 г. и к «Певцу» — в 1830 г. Сохранилось одно письмо к нему Пушкина из Болдина, от конца ноября 1830 г.

— За распространение «Бахчисарайского Фонтана» Пушкин «журил» брата в письме от начала января и от 1 апреля (№ 72 и 78).

— На Булгарина Пушкин негодовал за напечатание в «Литературных Листках» отрывка из своего письма к А. А. Бестужеву (см. выше, стр. 306—307). В выражении «соловьи-разбойники» слышится воспоминание «арзамасской» эпиграммы (вероятно,—на графа Д. И. Хвостова):

Делами он живой покойник,
Стихами он — тиран ушей;
По-вашему, он — соловей;
Прибавьте: соловей-разбойник.

(«Русск. Арх.» 1866 г., ст. 475).

— О переписке по «оказии», а не по почте см. в письме к князю Вяземскому от 20 декабря 1823 г., № 70, и выше, стр. 296.

80. *Издателю «Сына Отечества»* (стр. 77). Напечатано было в «Сыне Отечества» 1824 г., ч. 93, № XVIII, от 3-го мая, стр. 181—182; подлинник не сохранился.

— Письмо Пушкина вызвано полемикою между кн. Вяземским (в «Дамском Журнале») и М. А. Дмитриевым (в «Вестнике Европы»), возбужденною появившимся при издании «Бахчисарайского Фонтана» живым и остроумным предисловием князя Вяземского в виде «Разговора между Издателем и Классиком с Выборгской стороны, или с Васильевского Острова»; в этой статье (она перепечатана в Сочинениях Вяземского, т. I, стр. 167—173) кн. Вяземский высказывал принципиальные суждения о том, в чем состоит сущность романтизма и отличие его от классицизма или, как сказано было в рецензии на «Фонтан» в том же «Сыне Отечества», где появилось письмо Пушкина, — «мнение о свойствах и достоинствах Романтической поэзии, подвергающейся незаконным взысканиям в некоторых наших журналах». Автор очень ловко и умно разбивал все возражения Классика, вперед угадывая те суждения, которые должна была вызвать новая поэма со стороны представителей старой школы, в роде Каченовского, уже не мало нападавших на романтиков. Полемика по вопросу о романтизме и классицизме началась как раз на страницах журнала Каченовского «Вторым разговором между Классиком и Издателем Бахчисарайского Фонтана» (с подписью N. — «Вестн. Европы» 1824 г., № 5, стр. 47—62), принадлежавшим М. А. Дмитриеву, на что кн. Вяземский ответил статьею «О литературных мистификациях» по случаю напечатанного в 5-й книжке «Вестника Европы» второго, подложного «разговора между

Классиком и Издателем Бахчисарайского Фонтана» («Дамский Журнал», *№ 80.* ч. VI, № 7, стр. 33—39 и отд. отт.; перепечатана в «Остаф. Арх.», т. III, стр. 399—402); Дмитриев возразил своему противнику «Ответом на статью: О литературных мистификациях» («Вестн. Европы», № 7, стр. 196—211), а кн. Вяземский напечатал остроумный, как всегда, «Разбор Второго Разговора, напечатанного в 5 № Вестника Европы» («Дамск. Журнал», ч. VI, № 8, стр. 63—82; перепечатан в «Остаф. Арх.», т. III, стр. 406—413); последний вызвал новую статью Дмитриева: «Возражения на Разбор Второго Разговора» («Вестн. Европы», № 8, стр. 271—301), на которые князь Вяземский ответил статьею: «Мое последнее слово» («Дамский Журнал», ч. VI, № 9, стр. 115—118; перепечатано в «Остаф. Арх.», т. III, стр. 415—417 (большинство этих статей можно найти в I части сборника В. Зелинского: «Русская критическая литература о произведениях Пушкина»). В своем письме к издателю «Сына Отечества» Н. И. Гречу, появившемся в разгар полемики, Пушкин подтверждал ту же свою солидарность с суждениями князя Вяземского, которую он высказал и в частном письме своем к нему от начала апреля 1824 г. (№ 79). На некоторое время спор разгорячил обе враждующие партии, и один из образованнейших представителей старой школы, «классик» П. А. Катенин писал своему другу Н. И. Бахтину (13 июля 1824 г.): «А что вы скажете о дипломатических действиях Арзамаса? о предисловии и разговоре Вяземского? о рецензиях в Сыне Отечества? о собственном каком-то отзыве Пушкина, что он с Вяземским заодно? Они без всякой совести хотят силой оружия завладеть Парнасом: это уже не война Гигантов, а война Пигмеев» (А. А. Чебышев, Письма Катенина к Бахтину, стр. 65). Пушкин следил за спором, хотя и считал его не «занимательным» (см. письмо его к Бестужеву от 29 июня 1824 г., № 89) а в апреле 1825 г. писал брату (№ 137): «Пришли мне тот № Вестника Европы, где напечатан 2-й разговор лже-Дмитриева; это мне нужно для предисловия к «Бахчисарайскому Фонтану». Не худо бы мне переслать и весь процесс (и Вестник, и Дамский Журнал)». — «В ответ на статью [Вяземского], которую я послал тебе намедни», — писал брату своему А. Я. Булгаков из Москвы 24 апреля 1824 г.: «есть уже ответ в Вестнике Европы, довольно колкий. Судя беспристрастно, Вяземский не совсем прав, особливо тем, что, проповедуя учтивость, он бранит Каченовского без пощады, называя его по имени; а выходит, что статья, которую Вяземский приписывает Каченовскому, совсем не его, а некоего М. А. Дмитриева, который себя позже назвал в ответе, теперь напечатанном в Вестнике Европы. Стало быть, и бранить Каченовского не за что было. L' anonyme mettait les individus à côté, à présent cela devient une querelle ouverte et qui ne peut finir que d'une manière désagreable» [«Анонимность оставляла в стороне личности; теперь это становится открытою ссорой, которая может окончиться лишь неприятным образом»]. («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 53—55). Что̀ до самой полемики, то, как мы видели, она касалась не столько поэмы Пушкина, отзывы о которой были единодушно похвальные, — даже со стороны «классиков», — сколько двух литературных направлений — «классицизма» и «романтизма», — вопроса о существе, об отличительных признаках новой литературной школы. — Спор между Вяземским и Дмитриевым не выяснил ничего по существу вопроса, и слова «романтизм», «романтики» оставались по своему содержанию такими же неясными, как и раньше; недаром Пушкин, год спустя, писал (25 мая 1825 г.) князю Вяземскому: «Кстати: я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать». Толками между приятелями дело и оканчивалось, хотя и делались неудачные попытки теоретических определений понятия «романтизм». Акад. А. Н. Веселовский, в своей книге «В. А. Жуковский: Поэзия чувства и сердечного воображения» (С.-Пб. 1904) посвятил особый очерк обозрению истории вопроса о романтизме со всеми неясными определениями этого литературного и философского направления в разные моменты искания поэтами новых идеалов; у него указана и литература вопроса и то, как он понимался

№ 81. сторонниками романтической школы в 1820-х годах. По словам П. В. Анненкова (Материалы для биографии Пушкина, изд. 1873 г., стр. 103), «Спор о классицизме и романтизме занесен к нам был из Франции и, кажется, потерял на пути свою серьезную и ученую сторону... К нам перешли только одни определения романтизма из вторых рук, из Франции, а первоначальная работа науки, которая одна и могла объяснить сущность самого дела, — была пренебрежена. Отсюда тот недостаток почвы, дельного содержания, какие чувствуются у нас в большей части статей этой эпохи по предмету, разделившему литературу на две враждебные партии. Всего чаще, например, вопрос о романтизме представляется критикам чем-то в роде любопытной новости, почти как известие о неожиданном случае, и так ими и обслуживается. Произвольное понимание его, смотря по случайностям личных впечатлений каждого автора или критика, было уже в порядке вещей. Таким образом иные объясняли его своенравием мысли, скучающей положительными законами искусства, а сущность его определяли смесью *мрачности с сладострастием, быстроты рассказа с неподвижностью действия, пылкости страстей с холодностью характеров* («Вестн. Европы» 1824, № 4). Другие отстаивали право гения и таланта творить наперекор теориям и поясняли новое направление тем высоким наслаждением, «в котором человек, упоенный очаровательным восторгом, не может, не смеет дать отчета самому себе в своих чувствах», и прибавляли: «в неопределенном, неизъяснимом состоянии сердца человеческого заключена и тайна, и причина так называемой романтической поэзии» («Моск. Телегр.» 1825, № 5). Иные еще полагали.... истинное содержание романтизма в местных красках и народности, о которой однако никто особенно не распространялся, по неимению ясного понятия о самом слове.... Любопытно знать, в каком отношении стоял Пушкин к обеим враждующим сторонам и как понимал литературный спор в глубине собственной мысли. Никто тогда еще и не подозревал, что его произведения вскоре сделают спор этот анахронизмом и заменят оба понятия, соединенные с именами классицизма и романтизма, новым и гораздо высшим понятием творчества и художественности, отыскивающих законы для себя в самих себе. Он понимал сущность дела весьма просто, полагая разницу между обоими родами произведений только в *форме их* и говоря, что если различать их *по духу*, то нельзя будет выпутаться из противоречий и насильственных толкований».

— Автор «Второго Разговора между Классиком и Издателем Бахчисарайского Фонтана» («Вестн. Европы» 1824, № 5)—М. А. Дмитриев—заключал его вопросом романтика-Издателя: «Скажите мне последнее: что вы думаете о самом Бахчисарайском Фонтане?» и отвечал устами Классика: «Стихотворение прекрасное, исполненное чувств живых, картин верных и пленительных; и все это облечено в слог цветущий, невольно привлекающий свежестью и разнообразием. Короче, в последних двух поэмах Пушкина заметно, что этот *Романтик* похож во многом на *Классика*!» За эти-то похвалы и благодарил Пушкин своего критика, имя которого стало ему известно лишь позже. Князь Вяземский также долго не знал своего противника, на которого потом написал две эпиграммы («Остаф. Арх.», т. III, стр. 31, 36. 37, 41, 43 — 44, 46). Ср. еще «Русск. Стар.» 1904 г., № 1, стр. 118—121.

81. *А. И. Казначееву* (стр. 77—80). Впервые напечатано в книге П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 254—255; подлинник (на бумаге вод. зн.: колокол и Р. R.) — в Пушкинском Доме Академии Наук; черновой (первый набросок) — в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 1 — 2; напечатан в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 110 — 111. Начальные фразы настоящего письма от 25 мая 1824 г. следует сравнить с первым официальным письмом Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 29 ноября 1826 г.: они совершенно тождественны.

— Об А. И. Казначееве, Правителе Канцелярии Новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, см. выше, стр. 299.

— Письмо Пушкина вызвано полученным им предписанием графа М. С. Воронцова от 22 мая 1824 г. за № 7976 («Пушк. и его совр.», вып. III,

стр. 102) отправиться в командировку в Херсонский, Елисаветградский и Александрийский уезды и, по прибытии в эти уездные города, «явиться в тамошние Общие Присутствия и потребовать от них сведений: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются; после сего — осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные ко истреблению оной средства, и достаточны ли распоряжения, учиненные для этого Уездными Присутствиями, и обо всем, что по сему найдено будет, донести» («Библ. Зап.» 1858 г., ст. 137 — 139). Пушкин счел для себя такое поручение унизительным, оскорбительным, но после личного объяснения с графом Воронцовым, который, вероятно, сумел объяснить поэту всю важность принимаемых против саранчи мер и те бедствия, которыми грозило ее нашествие, отправился в командировку (Вигель, ч. VI, стр. 171—172), провел в ней несколько дней и 28 мая вернулся уже в Одессу, как можно судить по письму к жене (от 29 числа) М. Ф. Орлова, в котором сказано: «Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею и после весьма трудной кампании вчера вернулся, отступив пред несметным неприятелем» («Былое» 1906 г., № 10, стр. 308; ср. Н. О. Лернер, Труды и дни Пушкина, 1910, стр. 446). Известно предание, будто бы Пушкин, вместо донесения Воронцову о своей командировке, написал лишь стихи: № 81.

Саранча летела, летела —
И села.
Сидела, сидела, —
Все съела
И вновь улетела...

Саранчи тогда появилось, действительно, несметное количество, и, напр., Каталани (муж знаменитой певицы), приехавший в Москву из Одессы, рассказывал А. Я. Булгакову, что «в тех местах саранча лежала на земле кучами в пол-и даже в аршин вышины» («Русск. Арх.» 1901, кн. II, стр. 75). — Как было указано выше (стр. 313), Пушкин не пользовался расположением графа Воронцова, который еще 28 марта 1824 г., в письме на имя графа К. В. Нессельроде, высказывал мнение, что для пользы Пушкина его следовало бы удалить из Одессы, где он находит слишком много развлечений и слышит много похвал своему таланту (Анненков, Пушкин в Алекс. эпоху, стр. 258 — 259), а в письме от 2 мая подтверждал свою просьбу—избавить его от Пушкина («Пушк. и его совр.», вып. XVI, стр. 66). С своей стороны и Пушкин в письме к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. (№ 91), сообщая о своей просьбе в отставку, писал: «он [граф Воронцов] начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением; я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое»... И. П. Липранди, рассказывая о Пушкине в эпоху, предшествовавшую высылке его из Одессы, свидетельствует, что обстановка, в которой жил поэт, его тяготила, была для него неподходяща, при чем рисует тогдашний психологический портрет его; с каждым приездом своим в Одессу Липранди находил Пушкина «более и более недовольным; та веселость, которая одушевляла его в Кишиневе, проявлялась только тогда, когда он был с мавром Али (которым Пушкин потешался, как забавным типом). Мрачное настроение духа Александра Сергеевича породило много эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих и из Канцелярии графа [Воронцова], — так, напр., про Начальника Отделения Артемьева особенно отличалась от других своими убийственными, но верными выражениями. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражили всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы граф, через кого-то, изъявил Пушкину свое неудовольствие и что

№ 81. это было поводом злых стихов о графе (Пушкин заверял меня, что стихи эти написаны не были, но как-то раза два или три им были повторены и так попали на бумагу). Услужливость некоторых тотчас распространила их. Не нужно было искать, к чьему портрету они метили. Граф не показал вида какого-либо негодования: попрежнему приглашал Пушкина к обеду, попрежнему обменивался с ним несколькими словами... Через несколько времени получены были из разных мест известия о появлении саранчи, выходившей уже из зимних квартир своих, на иных местах еще ползающей, на других — перешедшей в период скачки. Несмотря на меры, принятые местными губернаторами, граф послал и от себя нескольких военных и гражданских чиновников (от полковника до губернского секретаря); в числе их был назначен и Пушкин, — положительно с целью, чтобы по окончании командировки иметь повод сделать о нем представление к какой-либо награде. Но Пушкин, с настроением своего духа, принял это за оскорбление, за месть и т. д. Нашлись люди, которые, вместо успокоения его раздражительности, старались еще более усилить оную или молчанием, когда он кричал во всеуслышанье, или даже поддакиванием, и последствием этого было известное [нам оно неизвестно. *Б. М.*] письмо его на французском языке к графу, в сильных и, можно сказать, неуместных выражениях. Я вполне убежден, что если бы в это время был Н. С. Алексеев и даже — я, то Пушкин не поступил бы так, как он это сделал: он не был чужд гласу благоразумия. Граф сделал сношение с Петербургом, в самых легких выражениях, — и Пушкину назначено пребывание в имении в Псковской губернии» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477 — 1478). Другой свидетель, Ф. Ф. Вигель, повествует: «Через несколько дней по приезде моем в Одессу встревоженный Пушкин вбежал ко мне и сказал, что ему готовится величайшее неудовольствие. В это время несколько самых низших чиновников из Канцелярии генерал-губернаторской, равно как и из присутственных мест отряжено было для возможного еще истребления ползающей по степи саранчи; в число их попал и Пушкин. Ничего не могло быть для него унизительнее... Для отвращения сего добрейший Казначеев медлил исполнением, а между тем ходатайствовал об отменении приговора. Я тоже заикнулся было на этот счет: куда тебе! Он [Воронцов] побледнел, губы его задрожали, и он сказал мне: «Любезный Филипп Филиппович! Если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приязненных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце», а через полминуты прибавил: «также и о достойном друге его Раевском».—Последнее меня удивило и породило во мне много догадок.— Во всем этом было так много злого и низкого, что оно само собою не могло родиться в голове Воронцова, а, как узнали после, через Франка внушено было самим же Раевским [напомним, что к этому приблизительно времени относятся стихотворения Пушкина «Демон» и «Коварность», рисующие отношения его с А. Н. Раевским. *Б. М.*]. По совету сего любезного друга, Пушкин отправился и, возвратясь дней через десять, подал донесение об исполнении порученного. Но в то же время, под диктовкой того же друга, написал к Воронцову французское письмо, в котором, между прочим, говорил, что дотоле видел он в себе ссыльного, что скудное содержание, им получаемое, почитал он более пайком арестанта [ср. в № 81]; что во время пребывания его в Новороссийском крае он ничего не сделал столь предосудительного, за что бы мог быть осужден на каторжную работу (aux travaux forcés), но что впрочем, после сделанного из него употребления, он, кажется, может вступить в права обыкновенных чиновников и, пользуясь ими, просить об увольнении от службы»... (Записки, ч. VI, стр. 171 — 172). Как бы то ни было, Пушкин счел себя оскорбленным именно прозаической командировкой «на саранчу»: княгиня В. Ф. Вяземская писала мужу из Одессы (где постоянно общалась тогда с Пушкиным, бывшим с нею вполне откровенным) по поводу «дела» Пушкина, что он виноват только «в ребяческих выходках, да еще в справедливом неудовольствии видеть себя употребленным на поездку для открытия саранчи, — чему он, к тому же, подчинился» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2. стр. 131), а дядя Пушкина,

поэт Василий Львович, узнав о ссылке племянника в деревню, не удержался от каламбура и сказал, залившись слезами, что «la sauterelle l'a fait sauter» (там же, вып. I, стр. 40).

— На свой аневризм, как на болезнь, дававшую ему право проситься в отставку, Пушкин ссылался и впоследствии, в письме к Жуковскому от 7 марта 1826 г.: «В 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать в отставку. Давно расстроенное здоровье и род аневризма, требовавшего немедленного лечения, служили мне достаточным предлогом. Покойному государю императору не угодно было принять оного в уважение»... 8 июля 1824 г. последовало высочайшее повеление об исключении Пушкина из службы (Н. А. Гастфрейнд, Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного Архива Министерства Иностраных Дел, С.-Пб. 1900, стр. 2). О коварной роли А. Н. Раевского в деле высылки Пушкина из Одессы см. в статьях Н. О. Лернера в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 275—276, 279—280 и 621—623 и т. III, стр. 528—531. Ср. Записки И. И. Пущина, С.-Пб. 1907, стр. 59.

82. *В. Л. Давыдову* (?) (стр. 80). Впервые напечатано в книге П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 206—207, затем — в «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 446—447; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2364, л. 74.

— По словам Анненкова, это письмо было «послано к кому-то в Петербург с видимой целью поправить неблагоприятное впечатление, произведенное там ложным известием о его отпадении от партии доброжелателей греческого дела» и писано в 1823 — 1824 гг. Последующими издателями это письмо предположительно относилось адресованным к Александру Николаевичу Раевскому; но Раевский в это время жил, как и Пушкин, в Одессе (ср., напр., «Русск. Стар.» 1904 г., № 2, стр. 358), почему оно и не включено нами, как и следующее письмо, в «Архив Раевских» (см. т. I, стр. 233); Н. О. Лернер в одной заметке своей (в «Русск. Стар.» 1909 г., № 4, стр. 201) также доказывал, что письмо это должно быть относимо не к А. Н. Раевскому, но скорее к В. Л. Давыдову. В 1824 г. отношение Пушкина к борьбе Греции за освобождение из-под турецкого ига было совсем иным, чем то, которым проникнуто письмо его (предположительно относимое также к В. Л. Давыдову) от мая 1821 г. (см. № 23): тогда Пушкин разделял «восторг умов» и был горячим сторонником дела освобождения и самих деятелей восстания, — теперь он отзывался о них и вообще о греках, что это — нищие, карманные воришки, бродяги без смелости и т. п. (см. след. письмо), а в письме к князю Вяземскому от конца июня 1824 г. (№ 88) называл современных ему греков «пакостным народом, состоящим из разбойников и лавошников», и говорил, что «Греция ему огадила» (см. ниже). По связи с этими словами мы приурочиваем оба письма (№ 82 и 83) к середине 1824 г. Следует, однако, оговориться, что твердых оснований к такой датировке нет, и еще П. О. Морозов сомневался в ней, указывая, что письмо № 83 (см. ниже) может относиться и к 1821 году, так как на обороте листа, на котором оно писано, находится черновой набросок послания к П. С. Пущину, относящегося, по всей вероятности, к 1821 году (Пушкин, изд. Акад. Наук, т. III, примеч., стр. 52—53 и 480).

83. *В. Л. Давыдову* (?) (стр. 80—81). Впервые напечатано, в переводе на русский язык, в книге П. В. Анненкова: «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874 г., стр. 204—205; по подлиннику — в Академ. издании Переписки, т. I, стр. 112—113; подлинник — в Библиотеке Академии Наук; на нем жандармская красная пометка: 59, а на обороте — нарисованные Пушкиным мужские головы в профиль и совершенно исчерканные, писанные наскоро карандашом стихи к П. С. Пущину (Хвала тебе... Но ты предвидел свой... Грядущий... и т. д.). Анненков датирует письмо 1823 г. и считает его адресованным «какому-то дальнему приятелю» (стр. 203); позднейшими издателями неправильно относилось к А. Н. Раевскому (ср. заметку Н. О. Лернера в «Русск. Стар.» 1909 г., № 4, стр. 201).

— Это письмо, по содержанию, следует сопоставить с предыдущим письмом № 82.

№ 84. *Перевод:* ...«из Константинополя — Вот нищие [коммиссионеры... жиды, карманные воришки] трусишки, воры и бродяги, которые не [не могли] [никогда] могли выдержать даже первого огня плохих турецких стрелков, [вот что такое] [Они] составили бы забавный отряд в [Русской] армии графа Витген[штейна]. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. [Можно видеть] Мы видели новых Леонидов на улицах Одессы и Кишенева [мы], со многими из них лично знакомы и свидетельствуем о их полном ничтожестве — ни малейшего понятия о военном искусстве, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — они нашли искусство быть пошлыми в то самое время, когда их рассказы должны были интересовать каждого Европейца — [офицеры] Французы и Русские, которые здесь живут [говорят им в лицо грубые оскорбления и иногда] выказывают то презрение к ним, которое они более чем заслуживают, они все сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не апостол [правит.] Алкорана, дело Греции меня живо интересует, вот почему я и негодую, видя, что на долю этих жалких людей выпала священная обязанность быть защитниками свободы».

— Витгенштейн — граф Петр Христианович (род. 1768, ум. 1843) — генерал-от-кавалерии, один из виднейших деятелей Отечественной войны, в 1824 г. — главнокомандующий 2-й армией, затем генерал-фельдмаршал, член Государственного Совета.

— Леонид — царь Спартанский, геройски погибший в знаменитой битве с персами при Фермопилах в 480 г. до Р. Х.

— Фемистокл — знаменитый Афинский вождь и государственный деятель, прославившийся победою над персами при Саламине.

— Алкоран — священная книга мусульман, содержащая закон Магомета; апостол Алкорана — значит «сторонник Турции», против ига которой боролись греки.

— Пушкин, конечно, и в это время не безразлично относился к делам Греции: в декабре 1823 г. он просил И. П. Липранди доставить ему перевод двух песен греческих гетеристов (т.-е. членов общества Гетерия, направлявшего действия в борьбе с турками) и получил их в январе 1824 г. («Русск. Арх.» 1866, ст. 1407 — 1408); в письме к князю Вяземскому от конца июня 1824 г. (№ 88) он тоже горячо говорил о судьбе греков; наконец, и эти отрывки из его писем свидетельствуют о том, что он не был «врагом освобождающейся Греции»: он лишь критически относился к самым деятелям революции и к народной массе греков, бывшей ему несимпатичною.

84. *А. И. Казначееву* (стр. 81—82). Впервые напечатано в книге Анненкова: «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 256 — 258, затем в Соч., изд. Анненкова, т. VII, стр. 189 [где и перевод], в «Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 189 — 190 [с переводом] и в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 4; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2370, л. 8—9.

Перевод: «[Ваше письмо очень меня огорчило]. Мне очень досадно, что моя отставка вас так огорчила, а сожаление, которое вы мне по этому поводу выражаете, искренно меня трогает. Что касается ваших опасений относительно последствий, которые может повлечь эта отставка, то я не нахожу их основательными. О чем мне сожалеть? Не о моей ли неудавшейся карьере? Но у меня уже было довольно времени, чтобы покориться такой мысли. О моем жалованье? [Для меня ясно, что, при отсутствии состояния и при моих малых средствах, я не могу им пренебрегать]. Так как мои литературные занятия могут доставить мне больше денег, нежели [служба], то совершенно естественно принести им в жертву мои служебные занятия. Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе, — двух вещах, по моему мнению, несовместимых. Я не могу, да и не хочу претендовать на дружбу графа Воронцова, еще менее — на его покровительство, ничто, сколько я знаю, не принижает более, чем покровительство, и я слишком уважаю этого человека, чтобы пожелать унижаться перед ним. У меня есть на этот счет демократические предрассудки, которые стóят предрассудков аристократической гордости. Я жажду только независимости (простите мне

это выражение во внимание к самому понятию); с помощью смелости и настойчивости я, наконец, обрету ее. Я уже поборол в себе отвращение писать и продавать свои стихи из-за средств к жизни; самый большой шаг сделан; и если я еще пишу лишь под прихотливым влиянием вдохновения, — то, раз стихи написаны, я уже смотрю на них исключительно, как на товар, по столько-то за штуку. Я не постигаю ужаса своих друзей (да и не очень-то знаю, что такое мои друзья). Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне наскучило, что ко мне в моем отечестве относятся с меньшим уважением, чем к первому попавшемуся [дураку] мальчишке-англичанину, который является к нам, чтобы среди нас проявить свою [глупость] плоскость [небрежность] и свое бормотанье. Нет никакого сомнения, что граф Воронцов, — человек умный, — сумеет [сделать меня виноватым] выставить меня, в глазах общественного мнения, виноватым: победа весьма лестная, — и я предоставляю ему наслаждаться ею в свое удовольствие, ибо так же мало забочусь об общественном мнении, как и о брани и о восторгах наших журналов». № 85.

— Письмо это, служащее ответом на письмо А. И. Казначеева (до нас не дошедшее), касается ссоры Пушкина с графом М. С. Воронцовым (см. в письме № 81), в которой Казначеев принял роль посредника, уговаривая Пушкина успокоиться и не проситься в отставку. Как сказано было выше (стр. 323), 8 июля последовало высочайшее повеление об исключении Пушкина из службы, при чем он был выслан в деревню родителей, без права выезда оттуда, и отдан под надзор Рижского военного, Псковского, Лифляндского, Эстляндского и Курляндского генерал-губернатора маркиза Ф. О. Паулуччи. Печатая настоящее письмо, П. И. Бартенев писал по его поводу: «Кажется, что после знаменитого донесения о саранче Пушкин сначала получил увольнение только от службы, и уже потом пришла бумага из Петербурга об его ссылке на жительство в Псковскую губернию. Наказание поразило всех своею неожиданностью. Князя Воронцова в то время не было в Одессе (он объезжал свой край). Пушкин сделался сам не свой. Он пропадал целыми днями. Жившая в то время в Одессе добрая его знакомая [княгиня В. Ф. Вяземская. *Б. М.*] спрашивает его: «Что вас не видно? Где вы были?» — «На кораблях: трое суток сряду пили и кутили». Тем не менее, хоть и реже прежнего, он появлялся на даче Рено, у княгини Воронцовой. После известной его эпиграммы на ее мужа (в которой потом сам он раскаивался), конечно, обращались с ним очень сухо...» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 188).

— Мнение Пушкина об унижающем влиянии покровительства, протекции, ср. выше, в письме его к брату от сентября — октября 1822 (№ 44) и в следующем письме к князю Вяземскому (№ 85); в письмах к А. А. Бестужеву от конца мая — начала июня и к К. Ф. Рылееву от второй половины июня 1825 г. (№ 148 и 150) Пушкин говорит о меценатстве со стороны государей и полусерьезно жалеет, что такое меценатство не проявлялось по отношению к нему лично. В конце письма, в словах Пушкина о первом попавшемся мальчишке-англичанине, — намек на пристрастие графа Воронцова ко всему английскому.

85. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 82 — 83). Впервые напечатано в Академическом изд. Переписки Пушкина, т. I, С.-Пб. 1906, стр. 115—116, по подлиннику (на бумаге вод. зн. Bondon 1821), найденному нами в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева; запечатано гербовой печатью с княжеской короной. Датируется 7 июня, — днем приезда княгини В. Ф. Вяземской в Одессу (см. ниже).

— Жена кн. П. А. Вяземского — кн. Вера Федоровна, рожд. кн. Гагарина (род. 6 сентября 1790, ум. 8 июля 1886), женщина умная, живая и образованная, «добрая и милая баба», — как шутя выразился Пушкин, уведомляя брата о ее приезде в Одессу (№ 86); она приехала в Одессу с двумя маленькими детьми, для лечения их, 7 июня 1824 г. («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 18) и прожила там до 26 августа. В ее письмах за эти $2^1/_2$ месяца постоянно говорится о Пушкине: его столкновение с Воронцовым, подача им прошения об отставке и затем высылка из Одессы

№ 85. прошли на ее глазах, при чем она была посвящена Пушкиным, — как единственное, повидимому, лицо, к которому он относился с полным доверием и симпатией, — во все подробности событий. В первом же письме своем по приезде в Одессу, от 13 июня, княгиня Вяземская писала мужу (по-французски) следующее: «Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича [поэте Пушкине]. Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны. Мне известно из хорошего источника, что отставки он не получит. Я делаю все, что могу, чтобы успокоить его, браню его от твоего имени, уверяя его, что разумеется ты первый признал бы его виноватым, так как только ветренник мог так набедокурить. Он захотел выставить в смешном виде важную для него особу — и сделал это; это стало известно и, как и следовало ожидать, на него не могли больше смотреть благосклонно. Он меня очень огорчает; никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нем, но, вместе с тем, я думаю, у него доброе сердце и много мизантропии; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; это, может быть, последствие несчастий и вина его родителей, которые его таким сделали» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 103). Сообщая А. И. Тургеневу вышеприведенную выдержку из письма жены, князь П. А. Вяземский писал ему 7 июля: «Разумеется, будь осторожен с этими выписками. Но, видно, дело так повернули, что не он просится: это неясно! Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить, что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 57 — 58); 10 июля он отвечал жене на ее письмо и говорил: «Этот каламбур сообщи Пушкину, если он еще у вас! Эх, он шалун! Мне страх на него досадно, да и не на его одного! Мне кажется по тому, что́ пишут мне из Петербурга, что это дело криво там представлено. Грешно тем, которые не уважают дарования даже и в безумном! Сообщи и это Пушкину: тут есть ему и мадригал, и эпиграмма» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 28 — 29). Пушкин был дружески привязан к княгине Вяземской во всю свою последующую жизнь — до самого дня своей смерти. Княгиня в свою очередь до старости «любила вспоминать о Пушкине, с которым была в тесной дружбе, чуждой всяких церемоний». «Бывало», рассказывает граф С. Д. Шереметев с ее слов: «зайдет к ней поболтать, посидит и жалобным голосом попросит: «Княгиня, позвольте уйти на суденышко!» и, получив разрешение, уходил к ней в спальню за ширмы. Она иначе не называла его, как Alexandre Pouschkine» («Стар. и Новизна», кн. VI, стр. 331).

— Письма князя Вяземского, которые привезла Пушкину княгиня Вяземская, до нас не сохранились, равно как и мадригал В. Л. Пушкина. Было еще письмо Вяземского к Пушкину, от середины мая 1824 г., пересланное через А. Я. и К. Я. Булгаковых, тоже неизвестное («Русск. Арх.» 1901, кн. II, с. 57).

— Эпиграмма князя Вяземского — одна из эпиграмм его на М. А. Дмитриева, вызванных полемикою его с Вяземским по поводу его «Разговора между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» (см. выше, стр. 318); здесь имеется в виду следующая эпиграмма, напечатанная затем в «Северных Цветах на 1825 г.», стр. 289:

К журнальным близнецам.

Цып! цып! сердитые малютки!
Вам злиться, право, не под-стать,
Скажите, стоило-ль из шутки
Вам страшный писк такой поднять?
Напрасна ваших сил утрата!
И так со смехом все глядят,
Как раздраженные цыплята
Распетушились не в-попад!

Как видим, Вяземский воспользовался поправкою Пушкина и в 4-м стихе вместо «визг» поставил: «писк». № 85.

— Эпиграмма А. С. Грибоедова—очень известное, ходившее по рукам, но не попавшее тогда в печать шестистишие, направленное на тех же М. А. Дмитриева и А. И. Писарева, что и вышеприведенная эпиграмма Вяземского. Вот текст ее, сообщаемый К. А. Полевым:

И сочиняют—врут и переводят—врут!
Зачем же врете вы, о дети. — Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, — но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы,
Холопы «Вестника Европы»!

(Соч. Грибоедова, изд. Акад. Наук, под ред. Н. К. Пиксанова, т. I, стр. XI, VII, 23 и 286). С князем Вяземским Грибоедов познакомился весною 1823 г. в Москве, где сблизился с ним в течение зимы 1823—1824 г. и, как мы видели выше, написал с ним вместе оперу-водевиль «Кто брат? кто сестра?» (см. там же, т. III, стр. 153, 322).

— Пушкин и князь Вяземский и впоследствии неоднократно возвращались к мысли об издании своего журнала, в котором можно было бы сплотить единомышленников, ввести истинную и добросовестную критику и таким образом создать противовес изданиям литературных противников в роде Каченовского или людей сомнительной репутации в роде Воейкова, Греча, Булгарина или бездарностей в роде князя Шаликова и Измайлова. Пушкин, однако, верно отметил, что для ведения журнала у них недоставало «своего Каченовского», т.-е., личной выдержки, того постоянного трудолюбия и способности к черной работе, которых требует издание журнала... В 1826 г. Пушкин высказал П. А. Катенину мысль о необходимости основания журнала (см. письмо к Катенину от первой половины февраля 1826 г.) и в конце того же года принял участие в основании «Московского Вестника», а в конце 1827 г. князь Вяземский приглашал Пушкина, Жуковского и Д. В. Дашкова к изданию повременного сборника «Современник»; в 1830—1831 г. кружок Пушкина сплотился около «Литературной Газеты» барона Дельвига, после смерти которого Пушкин хлопотал (1831—1832 г.) о разрешении ему издавать литературно-политическую газету «Дневник», но она не состоялась, и только к 1836 году Пушкину удалось осуществить свою давнюю мечту об основании собственного журнала: это был «Современник», изданием которого в значительной части заведывали П. А. Плетнев, кн. В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский.

— Говоря о том, что «на Воронцова нечего надеяться», Пушкин имел в виду свою ссору с ним и выяснившееся недоброжелательство к нему его начальника, на «великодушное покровительство» котораго он не мог, да и не желал претендовать (см. выше, в письме к А. И. Казначееву, № 84). Лишнее доказательство этого недоброжелательства поэт в это время усмотрел еще и из того, что он не получил приглашения на увеселительную поездку в Гурзуф, которую предпринял в июне граф Воронцов с многочисленными гостями для празднования новоселья в своем новом Гурзуфском доме (см. у А. Л. Бертье-Делагарда: Память о Пушкине в Гурзуфе — «Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 82—83; ср. выше, в конце письма № 70).

— Ломоносову, как известно, покровительствовали такие «просвещенные вельможи», как Ив. Ив. Шувалов и граф М. Л. Воронцов; при их содействии Ломоносову иногда удавалось приводить в исполнение свои великие научные начинания и предположения.

— Французская фраза означает: «Где та свинцовая задница, которая будет толкать дело вперед?»

— Милонов—Михаил Васильевич, поэт (см. выше, стр. 228).

— Sectaire значит сектант, человек определенной партии.

— Дмитриев — Иван Иванович (см. выше, стр. 244 — 245, 310 — 311), о литературном значении коего Пушкин так спорил с кн. Вяземским

№ 85. в письмах к нему от 4 ноября 1823 и 8 марта 1824 г. (№ 63 и 76). Осенью 1824 г. Дмитриев в письме к Жуковскому писал: «Последние стихи молодого Пушкина очень милы. В них легко узнаешь черты милого и доброго Жуковского. Они далеко лучше прежних отрывков из Онегина» («Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, стр. 429).

— Называя П. А. Катенина в числе возможных сотрудников будущего журнала, Пушкин не знал, как резко отзывался он о Вяземском и о самом Пушкине по поводу предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому Фонтану» (см. выше, стр. 319), а о самой поэме писал тому же приятелю своему Н. И. Бахтину: «Фонтан что̀ такое, — и сказать не умею; смыслу вовсе нет. Вначале Гирей курит, потом встал и пошел куда-то, вероятно, на двор, ибо после об этом ни слова, а начинается описание внутренности гарема, где, по мнению Пушкина, запертые невольницы, пылкие грузинки и пр. сидят, *беспечно* ожидая хана!!! что за Мария? что за Зарема? Как они умирают? никто ничего не знает, — одним словом, это romantique. Стихи или, лучше сказать, стишки сладенькие, водяные, раз читаются, а два никак» (А. А. Чебышев, Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911. стр. 65.) Выпады Катенина против кн. Вяземского в тех же письмах тоже неприятно поражают своею злобностию и пристрастностию (см., напр., стр. 32, 35, 65 и др.). Вообще П. А. Катенин, как ни ценил Пушкин его образование и действительно основательное знание Западной литературы, относился к Пушкину не искренно, не чистосердечно, что̀ видно, между прочим и из других его писем к Н. И. Бахтину (см. там же).

— Василий Львович — Пушкин, дядя поэта.

— Воейков — Александр Федорович, издатель, с В. И. Козловым, «Новостей Литературы», в которых кн. Вяземский сотрудничал; Пушкин хорошо знал невысокие нравственные качества Воейкова и был им недоволен за перепечатку, без разрешения, его «Элегии»: «Увы, зачем она блистает»... из только что (в конце декабря 1822 г.) вышедшей «Полярной Звезды на 1823 год» в «Новостях Литературы» (1823 г., кн. III, № I, от начала января, стр. 13 — 14). — Два письма (1821 и 1824) князя Вяземского к Воейкову см. в «Русск. Стар.» 1904 г., № 1, стр. 115 — 122.

— О Булгарине см. выше, стр. 305 — 306 и 307.

— Бируков — цензор (см. выше, стр. 260).

— П. Б. — Петербург.

— О «Revue des bévues» см. выше, в письме № 49, и в объяснениях к нему, стр. 261.

— Асмодей — «арзамасское» прозвище князя Вяземского.

— 1-я глава «Евгения Онегина» была закончена Пушкиным еще 22 октября 1823 г.; она вышла в свет в феврале 1825 г.

— 15 мая 1824 г. Министром Народного Просвещения, на место князя А. Н. Голицына, был назначен адмирал Александр Семенович Шишков (см. выше, стр. 184—185), Президент Российской Академии и Беседы Любителей Российского слова, некогда столь ненавистный «арзамасцам»; Пушкин ждал от этого назначения «добра для литературы вообще» (ср. далее письма № 86, 88, 89, 91, 118). В написанном осенью 1824 г. «Втором послании к цензору» Пушкин писал:

......ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия:
Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал, —
Шишков уже наук правленье восприял.
Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью Двенадцатого года.
Один в толпе вельмож он Русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
От хлада наших дней сберег он лавр единый
Осиротелого венца Екатерины.

Он с нами сетовал, когда *Святый Отец* [кн. Голицын], *№ 86.*
Омара да Али приняв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно заглушить старался просвещенье...

И далее:

Цензура, вот кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.
Я, с переменою несчастного правленья,
Отставки цензоров, признаться, ожидал....

— 2-е издание «Кавказского Пленника» не осуществилось, так как Ольдекоп выпустил перевод его на немецкий язык вместе с русским текстом поэмы; см. выше, стр. 290 — 291, и ниже, в письмах за №№ 86, 88, 92, 98, 107, 116, 20 июля 1827.

— По поводу времяпровождения Пушкина под конец пребывания его в Одессе кн. В. Ф. Вяземская, как мы уже упоминали (стр. 325), впоследствии вспоминала: «Иногда он пропадал. — Где вы были? — На кораблях. Целые трое суток пили и кутили» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 306).

— Получив настоящее письмо Пушкина, князь Вяземский писал жене своей 1 июля: «Кланяйся Пушкину и скажи, что получил письмо его, кажется 14-го. Буду отвечать ему после. Скажи ему, чтобы он не дурачился, то-есть не умничал, ибо в уме или от ума у нас и бывают все глупости. Пускай перенимает он у меня! Я глупею à vue d'œil» («Остаф. Арх.», т. V, в. 1, стр. 24).

86. *Л. С. Пушкину* (стр. 83 — 84). Впервые напечатано в «Библиогр. Зап.» 1858 г., т. I, ст. 44—45; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 1254; по бокам письма набросана начерно, но без помарок, XXXIII строфа 1-й главы «Евгения Онегина» («Я помню море пред грозою»...).

— Письмо Л. С. Пушкина, на которое отвечает поэт, до нас не сохранилось.

— «Булгаринское вранье» — заметка Булгарина в его «Литературных Листках» (1824 г., № VII, стр. 280 — 282), касающаяся анонимной статьи князя П. А. Вяземского «О Бахчисарайском Фонтане не в литературном отношении», напечатанной в «Новостях Литературы» (кн. VIII, № XIII) и затрагивавшей вопрос о литературном гонораре Пушкина: «Появление Бахчисарайского Фонтана», писал Вяземский: «достойно внимания не одних любителей поэзии, но и наблюдателей успехов наших в умственной промышленности, которая также, не во гнев будь сказано, содействует, как и другая, благосостоянию государства. Рукопись маленькой поэмы Пушкина была заплачена три тысячи рублей: в ней нет шести сот стихов; итак, стих (и еще какой же! заметим для биржевых оценщиков— мелкий четырехстопный стих) обошелся в пять рублей с излишком.... За стихи «Бахчисарайского Фонтана» заплачено столько, сколько еще ни за какие русские стихи заплачено не было. Пример, данный книгопродавцем Пономаревым, купившим манускрипт поэмы, заслуживает, чтобы имя его, доселе еще не громкое в списке наших книгопродавцев, сделалось известным: он обратил на себя признательное уважение друзей просвещения, оценив труд ума не на меру и не на вес» и т. д.—Булгарин, делая вид, что не знает автора приведенных выше строк, иронически писал, что «сочинителю статьи, прежде выпуска оной в свет, надлежало бы посоветоваться с почтенным издателем поэмы, князем П. А. Вяземским, которому известны все подробности оной в нелитературном отношении. Тогда бы оказались совершенно неуместными похвалы Московскому книгопродавцу Пономареву..... — Удивительно, что г. сочинитель не узнал прежде, что поэму купили гг. Книгопродавцы Александр Сергеевич Ширяев и Александр Филиппович Смирдин, а г. Пономарев имел только *поручение* окончательного торга от вышеупомянутых книгопродавцев. Вот доказательство верности заключений гг. сочинителей, которые смотрят на вещи через цветные стекла гостиных и по слухам пишут

№ 86. о России и русских сочинениях» и т. д. Вяземский назвал заметку Булгарина «плоскою грубостью» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 39, 392 — 393 и 422 — 423).

— Вяземский «связался» с журналистами по поводу своего «Разговора между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», приложенного к «Бахчисарайскому Фонтану» вместо предисловия (см. выше стр. 318—320).

— «Северные Цветы» барона Дельвига на 1825 г. вышли в свет в последних числах декабря 1824 г.; в этом альманахе Дельвига, изданном книгопродавцем Слёниным, Пушкин поместил: «Песнь о Вещем Олеге», «Демона», «Отрывки из Евгения Онегина» и «Прозерпину». Альманах был разрешен к печати цензором А. С. Бируковым еще 9 августа 1824 г.

— О перемене Министра Народного Просвещения и о связывавшихся с нею надеждах Пушкина см. в письмах №№ 83, 85, 87 и 88.

— «la coupe était pleine» значит: «чаша была уже полна»; ср. еще на стр. 85 слова Пушкина о перемене Министерства: «Я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*».

— Бируков и Красовский — цензоры; см. выше, стр. 260, 328 и др. В это же время Пушкин написал эпиграмму по поводу выхода в отставку цензора Ивана Осиповича Тимковского (ум. 1837):

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух;
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну, право, их умней покойный был Тимковский!

— Шишков — новый Министр Народного Просвещения; сообщая Вяземскому, 25 января 1825 г., что «Онегин» уже печатается, — Пушкин писал: «Не ожидал я, чтоб он протерся сквозь Цензуру — честь и слава Шишкову», — и затем приводил из своего «Второго послания к цензору» отрывок, касающийся нового Министра Просвещения (см. выше, стр. 328).

— Об Академическом Словаре см. выше, стр. 233.

— Называя «Фонтан» «водометом», Пушкин имеет в виду нелюбовь Шишкова к иностранным словам в русском языке и стремление его заменять их словами русскими.

— 1-я глава «Евгения Онегина» «пролезла» через цензуру благополучно: она была пропущена к печати 29 декабря 1824 г. цензором А. С. Бируковым и вышла в свет 15 февраля 1825 г.

— Хлопоты Пушкина — его столкновение с графом Воронцовым и вопрос об отставке.

— О княгине В. Ф. Вяземской см. выше, стр. 325—326. Мы уже привели выше ее суждение о Пушкине, высказанное в письме к мужу тотчас по приезде в Одессу (см. стр. 326). 16 июня она писала ему же, что видит Пушкина ежедневно и «читает ему обширные проповеди», а 20,—что она «начинает считать Пушкина менее дурным, чем он кажется», говоря, что общество таких людей, как Вяземский, могло бы принести ему, в известных отношениях, пользу («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 105, 106—107).

— Что́ именно из сочинений Жуковского послал Л. С. Пушкин брату, неизвестно; со словами: «славный был покойник» и т. д. ср. выражение Пушкина о Жуковском в письме к кн. Вяземскому от апреля 1820 г. (стр. 10). Сам Жуковский 1 июня 1824 г. писал Пушкину из Петербурга следующее ласковое письмо:

«Ты уверяешь меня Сверчек моего сердца, что ты ко мне писал, писал и писал — но я не получал, не получал и не получал твоих писем. И так бог судья тому, кто наслаждался ими. На последнее и единственное твое письмо буду отвечать двумя словами, ибо тремя некогда. Имя Сафианос [см. ниже; письма Пушкина к В. А. Жуковскому за №№ 100 и 108] прекрасное и для меня столь же священное как и Греция. Но не знаю удастся ли мне почтить его так, как я бы желал. Поговорю с теми, кто это дело знает и кто что-нибудь по этому делу может. Естьли

не получишь никого от меня отзыва — то знай, что неудалось. Естьли же удастся, то лень исчезнет и напишу подробно. № 87.

«Обнимаю тебя за твоего Демона. К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги—вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждою за тебя.

«Прости чертик, будь ангелом. Завтра же твой ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца. Жуковский».

В годы 1822—1827 Муза Жуковского молчала, и до нас дошел от этих лет всего какой-нибудь десяток его пьес, при чем от 1825 г. — ни одной. Свое тогдашнее настроение поэт ярко и сильно выразил в стихотворном посвящении вышедшего в 1824 г. собрания своих сочинений своей ученице — великой княгине Александре Федоровне:

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И вдохновение слетало
С небес, незваное, ко мне;
. . . .
Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал... и т. д.,

а в позднейшем [1830 г.] письме к имп. Николаю он сам говорил: «С 1817 года начинается другая половина жизни моей, совершенно отличная от первой. Я был приближен к особе государыни императрицы [т.-е. к Александре Федоровне]. Смею сказать, что я приобрел доверенность ее величества: это мой лучший аттестат. В это время я продолжал еще писать. Но с той минуты, в которую возложена на меня учебная часть воспитания великого князя [Александра Николаевича], авторство мое кончилось, и я сошел со сцены. Я перешел на другую, возвышенную, и, положив руку на сердце, могу сказать, что понимаю святость моего назначения. Все мои мысли свелись на один предмет»... («Русск. Арх.» 1896 г., кн. I, стр. 110).

— О продаже «Кавказского Пленника» см. в предыдущем письме; поправки к тексту этой поэмы Пушкин делал и в письме к Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 г. [№ 43] и к кн. П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г. [№ 60], когда просил его взять на себя 2-е издание «Кавказского Пленника» и «Руслана и Людмилы».

87. *Н. В. Всеволожскому* (стр. 84). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 15—16 и в «Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 197; подлинник — в рукописи б. Румянцовского Музея № 2370, л. 36.

— О Никите Всеволодовиче Всеволожском и «полу-проданной, полупроигранной» ему Пушкиным рукописи своих стихотворений см. выше, стр. 197—198, 229 и 250, в письмах № 25 и 41, и ниже, в письмах № 89, 107, 127 и сл.; из писем к брату от 14 и 15 марта 1825 г. видно, что Всеволожский вернул Пушкину его рукопись, при чем хотел взять за нее не 1000 р., как считал Пушкин, а лишь 500 р.; об этой рукописи, а также о другой тетради, послужившей основанием для издания «Стихотворений» Пушкина 1826 г., см. заметку Л. Н. Майкова в «Сборн. Отд. Русского яз. и слов.», т. XIV, № 5: «Автографы Пушкина, принадлежащие гр. П. И. Капнисту», С.-Пб. 1896, а также в книге Б. В. Томашевского: «Пушкин», Лгр. 1925, стр. 7—9 и 108—110. По вполне вероятному предположению Н. О. Лернера (Труды и дни Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 97 и 99) просьба Пушкина к Всеволожскому о возвращении рукописи стоит в связи с предложением, сделанным Пушкину неизвестным лицом (П. А. Мухановым?) о продаже его элегий и мелких стихотворений для издания.

№ 88. — Те. Дирекции — т.-е. Театральной Дирекции; Пушкин вспоминает о приятельских у Всеволожского собраниях членов общества «Зеленой Лампы» и о шалостях, которым предавался тогда Всеволожский и его приятели - лампписты, — между прочим с воспитанницами Театральной Школы.

— Овошникова—кордебалетная танцовщица; см. выше. стр. 229.

— Слёнин—книгопродавец, издатель альманаха Дельвига «Северные Цветы»; см. выше. стр. 244.

88. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 84 — 86). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 133 — 136; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Bondon 1821)—был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева.

— Ответ на письмо князя Вяземского, до нас не сохранившееся.

— Князь Трубецкой—князь Петр Петрович (род. 23 августа 1793, ум. 13 августа 1840), адъютант (или дежурный штаб-офицер) при князе А. Г. Щербатове, командовавшем корпусом в Киеве; человек «очень маловажного вида», он был членом Союза Благоденствия и братом декабриста С. П. Трубецкого и гр. Елизаветы Петровны Потемкиной, которая тогда, «в полном блеске красоты, проводила зиму в Одессе» (Записки гр. М. Д. Бутурлина — «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 23). Начав службу юнкером в гвардейской артиллерии, он 25 декабря 1811 г. произведен был в прапорщики, участвовал в кампаниях Отечественной войны 1812 — 1814 г., был при Бородине, Люцене, Бауцене, Лейпциге и Париже и в 1816 г., будучи поручиком, назначен был во 2-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду; 14 ноября 1819 г. произведенный в полковники и назначенный командиром 2-й гвардейской учебной роты, он 12 октября 1821 г. был назначен «состоять по артиллерии», а 27 января 1823 г. уволен был от военной службы «для определения к статским делам» (А. Безруков, Полный список.... офицерам л.-гв. 2-й Артиллерийской бригады, С.-Пб. 1898 г., стр. 32; «Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 310, 313, 418, 424, 563). Трубецкой, служа в Киеве (1820—1822 г.), был масоном в ложе «Соединенных Славян» («Русск. Стар.» 1907 г., № 7, стр. 206); был женат на Елизавете Николаевне Бахметевой, умершей в 1825 году (вторично он женился впоследствии на княжне Клеопатре Константиновне Гика). Летом 1824 г. князь П. П. Трубецкой был назначен Начальником Одесского Таможенного Округа.—23 июня 1824 г. княгиня В. Ф. Вяземская писала своему мужу из Одессы: «Пушкин ждет отъезда Трубецкого, чтобы писать тебе. Чтó за голова и какой хаос в этой бедной голове! Часто он огорчает меня, но еще чаще заставляет меня смеяться» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 109). Трубецкой выехал из Одессы 25 июня (ib., стр. 110). В августе 1828 г. К. Я. Булгаков сообщал своему брату: «Из Бухареста Яковенко мне пишет от 26 июля, что князь Трубецкой, твой знакомый, с которым мы играли здесь на биллиарде, когда он приезжал из Одессы, где управлял таможнею, совершенно умирает и едва ли проживет несколько дней.—харкает кровью и в крайнем уже был изнеможении.... Он находился при графе Палене. Жаль его, хороший человек; его Воронцов очень любил и всегда хвалил» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. III, стр. 131). О нем см. еще «Алфавит декабристов» под. ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л. 1925, стр. 187 и 405.

— Спустя рукова, — т. е. не боясь, что письмо будет перлюстровано на почте.

— Полемическая переписка Пушкина с гр. М. С. Воронцовым неизвестна, как неизвестно и письмо Воронцова к Александру I, написанное в мае месяце, про Пушкина. 16 мая гр. К. В. Нессельроде писал Воронцову [по-французски]: «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он весьма доволен вашим суждением о сем молодом человеке и поручил мне выразить вам это официально. Но что касается окончательного о нем решения, то он даст мне свои приказания в ближайший раз, что мы будем с ним работать». Полтора месяца спустя, 27 июня, Нессельроде писал графу: «Император решил дело Пушкина. Он не останется при вас более, но его величество при этом выразил желание просмотреть

депешу мою к вам по этому поводу, а это может состояться лишь на ближайшей неделе, после его возвращения из военных поселений» («Архив князя Воронцова», кн. 40, стр. 12 и 14).—Кн. Н. А. Вяземский, узнав о новых неприятностях, коим подвергся Пушкин, писал о том А. И. Тургеневу, который в свою очередь сообщал, 1 июля, своему корреспонденту: «Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, coûte que coûte [во что бы то ни стало], оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно; что уже несколько раз, и давно [28 марта и 2 мая], граф Воронцов представлял о сем, et pour cause [и по-делом]; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковал я о сем с Севериным, и мысль наша остановилась на Паулуччи, — тем более, что Пушкин и Псковский помещик. Виноват один Пушкин. Графиня [Воронцова] его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 57). № 88.

— Под Тиверием (Тиберий—Римский император I в. по Р. Х.) Пушкин подразумевает Александра I, а под графом Сеяном (Сеян—приближенный Тиверия)—гр. М. С. Воронцова; ср. слова Пушкина в письме к А. И. Казначееву [№ 84] о том, что Воронцов «сумеет выставить Пушкина, в глазах общественного мнения, виноватым».

— Кюхельбекерно и тошно — ср. выше, стр. 46, 245 и 265 — Пушкин, быть может, потому вспомнил Кюхельбекера в беседе своей с Вяземским, что этот последний в письмах к жене неоднократно поручал ей хлопотать о назначении Кюхельбекера в Одессу—к Воронцову, к графу Витту или к какому-нибудь другому сановнику. Княгиня Вяземская энергично, но безуспешно старалась устроить судьбу товарища Пушкина, который даже составил для гр. Воронцова записку о Кюхельбекере по письму о том кн. Вяземского («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 121). См. ниже стр. 345.

— Лорд Байрон умер в Миссолонги (в Греции) 7(19) апреля 1824 г.; день его смерти Пушкин отметил на переплете своей рабочей тетради, хранящейся теперь в б. Румянцовском Музее под № 2370.

— Князь Вяземский в письмах к жене (которые последняя давала читать Пушкину) постоянно поручал ей побуждать Пушкина откликнуться на смерть Байрона стихами. «Кланяйся Пушкину и заставь его тотчас писать на смерть Байрона, а то и денег не пришлю. Да что же не отвечает он мне о напечатании своих поэм?» (6 июня); «Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Байрону» (16 июня); «Пушкин, я чаю, сердится, что не присылаю ему денег. Пускай он мне пришлет скорее стихи на смерть Байрона: я и сам хочу прозою написать о том же. Вместе напечатаем» (21 июня); «Кланяйся Пушкину. Что же Байрона?» (6 июля) («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 11, 15, 17, 26). На эти запросы княгиня отвечала мужу 27 июня: «Пушкин положительно не желает писать на смерть Байрона; мне кажется, он слишком занят, а в особенности слишком захвачен, чтобы заниматься чем-либо, кроме своего Онегина, который, по моему мнению,—второй Чайльд Гарольд: молодой человек беспорядочной жизни, портрет и история которого отчасти должны походить на самого автора; он говорит мне некоторые отрывки,—так как нельзя слушать все целиком: говорят, что в поэме много непристойного; она полна эпиграмм на женщин, но во многих описаниях можно найти прелесть его первых стихотворений. Он начал еще какую-то «Цыганку», которую не хочет оканчивать» (там же, вып. 2, стр. 112—113). 4 июля она же писала мужу: «Пушкин не сердится из-за денег и прерывает меня, как только я о них заговариваю. Я пытаюсь приручить его к себе, как сына, но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я дала бы ему имя «Керубино» [Керубино—паж графини Альмавива в «Женитьбе Фигаро»]; право, он только и делает, что ребячества, но на этом-то он и сломает себе шею не в тот, так в другой раз. Поговори о нем с Трубецким и попроси его рассказать о его последних проделках. Не говори с ним о Байроне прежде, чем он не кончит Онегина: он ничего не сделает, даже если он тебе и пообещает. Он говорит, что с тех пор, что узнал меня,

№ 88. стал бояться тебя. Он говорит: «Я всегда смотрел на вашего мужа, как на холостого,—теперь он в моих глазах—сила,—и первое же письмо, которое я ему буду писать, будет начато: «Ваше сиятельство, милостивый государь», со всеми возможными церемониями и почтительностью» (ib., стр. 115).

—Драма или «мистерия» в 3 действиях «Каин» написана была Байроном в конце 1821 г., «Гяур»—в 1813, «Чайльд-Гарольд»—в 1809—1817, «Дон-Жуан»—в 1818—1823 гг.

О намерении кн. Вяземского написать V песнь «Чайльд-Гарольда» и воспеть в ней смерть самого Байрона см. ниже, стр. 425—426.

— С отзывами о Греции ср. отзывы выше, в черновых письмах Пушкина к В. Л. Давыдову [?] за №№ 82 и 83.

— Говоря о времени, предшествовавшем ссылке Пушкина в деревню и об отзывах о нем Воронцова, Н. О. Лернер пишет: «В 1824 г. Пушкин был уже не тот пламенный энтузиаст, который с горящими сочувствием глазами говорил о греческом восстании и славил великого духом Ипсиланти и геройскую «страну Гомера и Фемистокла». К 1823—1824 году «вольнолюбивые надежды» оставили поэта, наблюдавшего постепенное крушение революции в Германии, Австрии, Испании, Неаполе,—и он, уже не надеясь «кровавой чаши причаститься» и наслушавшись речей своего «демона» (А. Н. Раевского), который «не верил свободе» и открыл ему «жизни бедный клад», скептически писал:

Паситесь, мирные народы,
Вас не пробудит чести клич!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь;
Наследство их из рода в роды —
Ярмо с гремушками да бич.

Покинув вообще «либеральный бред», Пушкин глядел теперь иначе на греков, этих «современных Леонидов», как он выражался, лишенных энтузиазма, не имеющих понятия о чести. Кто-то из близких даже упрекал его во вражде к борющейся за свое освобождение Греции и в симпатиях к Турецкому игу» («Пушк. и его. соврем.», вып. XVI, стр. 69—70).

— Негров Пушкин называет «своей братьей», намекая на происхождение свое от африканца Ибрагима (Абрама Петровича Ганнибала, род. 1698, ум. 1781), своего прадеда со стороны матери.

— О Фемистокле см. выше, стр. 324.

— Перикл—Афинский государственный деятель (род. 494, ум. 429 г. до Р. Х.), прославившийся своим покровительством наукам и художествам.

— Мильтиад—Афинский вождь, старший современник Перикла, прославившийся победою над персами при Марафоне.

— В своих дополнительных примечаниях ко 2-й части «Чайльд-Гарольда» (написанных в 1811 г.) Байрон, действительно, говорит следующее: «Афиняне замечательны своей ловкостью, а низшие классы афинского населения довольно удачно характеризуются пословицей, которая ставит их на ряду с «Салоникскими евреями и Негропонтскими турками». Среди различных иностранцев, живущих в Афинах,—французов, итальянцев, немцев, рагузанцев и проч.,—никогда не было разногласия в отзывах о качествах греков, хотя по всем прочим вопросам они довольно резко между собою расходятся.—Французский консул г. Фовель, проведший тридцать лет преимущественно в Афинах, — человек, которому никто из знавших его не может отказать в признании за ним качеств талантливого художника и обходительного джентльмента, часто говорил в моем присутствии, что греки не заслуживают освобождения; он доказывал это ссылкою на их «национальную и личную развращенность».... Г. Рок, почтенный французский коммерсант, уже давно поселившийся в Афинах, уверял с весьма забавною важностью: «Сэр, это все та же *сволочь*, какая была в дни *Фемистокла*»,—замечание, неприятное для «хвалителей времен протекших». Древние греки изгнали Фемистокла, новые надувают г. Рока;

такова всегда была участь великих людей. . . .» (Соч. Байрона, ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 493). *№ 89.*

— Особенных «Виршей на смерть его превосходительства», т.-е., стихов на смерть Байрона, Пушкин не написал, но посвятил ему 10 — 13 строфы своего стихотворения «К морю», написанного перед отъездом из Одессы в Михайловское, откуда стихотворение это он послал затем к кн. Вяземскому при письме от 10 октября 1824 г. (№ 98).

— О перемене Министерства см. выше, стр. 328.

— Фита Глинка—Федор Николаевич, о котором см. выше, стр. 228—229, 262, и ниже, в письме Пушкина № 118. Говоря о цензуре и о «вольных» выражениях, Пушкин не имеет в виду какого-либо определенного стихотворения Ф. Н. Глинки, но лишь общий тон его лирических пьес невысокого качества.

— Пушкин не рассчитывал, что «Евгений Онегин» будет пропущен цензурою.

— Святая заповедь Корана—стих самого Пушкина—в начале «Бахчисарайского Фонтана»; говоря про евнуха, оберегающего ханский гарем, поэт пишет:

Его стараньем заведен
Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана
Не строже наблюдает он...

Здесь, в письме, вместо стиха «святая заповедь Корана» надо, вероятно, читать рифмующие с ним слова, т.-е. «воля хана» — воля императора Александра, державшего поэта в ссылке.

— О 2-м издании «Кавказского Пленника» см. выше, стр. 274, 277.— Пушкин потому писал князю Вяземскому о данном брату позволении продать это издание, что в 1823 г. (см. письмо за № 58) он уполномочил князя, по его просьбе, заняться 2-м изданием этой поэмы и «Руслана и Людмилы».

— Говоря о Гнедиче, Пушкин имел в виду невыгодность для него условий издания «Руслана и Людмилы» и «Кавказского Пленника»: за первое Слёнин ему уплачивал по частям и даже не деньгами, а книгами, за второе же он получил всего 500 р. асс. (см. выше, стр. 239, 274).

— Князь Вяземский вел тогда по поводу своего предисловия к «Бахчисарайскому Фонтану» полемику с М. А. Дмитриевым, печатавшимся в «Вестнике Европы» Каченовского (см. выше, стр. 318 — 320, и «Русск. Стар.» 1904 г., № 1, стр. 118—121).

— Получив настоящее письмо Пушкина, князь П. А. Вяземский писал Тургеневу 26 июля: «Я получил от него [т.-е. Пушкина] письмо после катастрофы, где он мне о ней говорит, но совсем не в Вертеровском духе. Жена его поминутно видит и бранит; сказывает, что он очень занят своим Онегиным» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 61).

89. *А. А. Бестужеву* (стр. 86—87). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 104, 162 и 188 (отрывки), в «Отеч. Зап.» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 57 — 58 (с копии) и в «Полярной Звезде» на 1861 г., Герцена и Огарева, Лондон. 1861 г., стр. 82—83 (полностию); подлинник—в Библиотеке Академии Наук.

— Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось.

— Пушкин говорит о небольшой выдержке из своего письма к Бестужеву от 8 февраля 1824 г. (№ 75), которую Булгарин напечатал в своих «Литературных Листках» (см. выше, письмо к брату № 78) и которая содержала в себе указание на сердечное увлечение Пушкина М. Н. Раевскою (см. статью П. Е. Щеголева в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. XIV, стр. 131, и П. О. Морозова: Загадочное стихотворение Пушкина — «Столица и Усадьба» 1916 г., № 55, стр. 12). Печатая эту выдержку, Булгарин предпослал ей фразу: «Автор сей поэмы писал к одному из своих приятелей в Петербурге»...

№ 89. — О 3 строках стихотворения «Таврическая Звезда», напечатанных Бестужевым в «Полярной Звезде» и также заключавших в себе интимное признание, видеть которое в печати Пушкину было неприятно, см. выше, в письме к Бестужеву № 73.

— М. Дмитриев — Михаил Александрович (род. 1796, ум. 1866), племянник известного писателя И. И. Дмитриева, питомец Московского Университетского Благородного Пансиона; в это время он служил при Московском Архиве Коллегии Иностранных Дел; он был плодовитый писатель и стихотворец, которого, в отличие от дяди, Пушкин и его друзья шутя называли «Лже-Дмитриевым»; в то время он на страницах «Вестника Европы» Каченовского вел полемику с кн. Вяземским о Предисловии последнего к «Бахчисарайскому Фонтану» (см. выше, стр. 318—320). Проявляя в молодости симпатии к старой литературной школе и с жаром защищая ее законы, он впоследствии воздал должное Пушкину и его плеяде и в своем Послании к С. Т. Аксакову (1855), вспоминая времена,

Когда для публики Московской
С старинной злостью Каченовский
И с новой скукой выдавал
Уединенно свой журнал

(в котором некогда сам деятельно участвовал), писал:

Тогда ж и Пушкин, цвет прелестный,
Зацвел и, с первых дней известный,
Ревнуя опытным орлам,
Уж порывался к облакам...

(«Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 225, 226). Его известные воспоминания— «Мелочи из запаса моей памяти» (М. 1863) — содержат много ценных историко-литературных и биографических сведений о писателях конца XVIII — начала XIX в. — Стихотворения М. А. Дмитриева издавались дважды: в 1830 и 1865 гг.

— Писарев—Александр Иванович (род. 1803, ум. 1828), питомец Московского Университетского Благородного Пансиона, талантливый водевилист и сатирик, в своих литературных воззрениях отличавшийся «едва ли не большею нетерпимостью и пристрастием, чем все остальные члены кружка», к которому он принадлежал («Остаф. Арх.», т. III, стр. 420—421; Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. VII, стр. 338 — 340); числился он при Московской Театральной Дирекции и был «ловкий», по выражению Вяземского, «переводчик французских водевилей и неутомимый поставщик их на Московскую сцену, которая ими только и жила» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 541); товарищ и единомышленник М. А. Дмитриева, он также выступал против Вяземского в полемике по поводу «Разговора», приложенного к «Бахчисарайскому Фонтану». На них были направлены эпиграммы Вяземского: «К журнальным близнецам» (см. выше стр. 326) и Грибоедова: «И сочиняют—врут, и переводят—врут» (см. выше, стр. 327). Полемический задор спорящих сторон поддерживался, между прочим, и свойствами личного характера Писарева. «Он был не без дарования», вспоминал о нем впоследствии Вяземский, — «но, вероятно, вследствие болезненного организма, был раздражителен и желчен. Он меня, не знаю за что, не взлюбил. Не любил он и Грибоедова, который уже пользовался рукописною славою своего «Горе от ума» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 541).

Вот еще эпиграмма Вяземского на «журнальных близнецов»:

Михаил Дмитриев! Теперь ты вовсе чист:
Клеврет твой — Писарев и Каченовский — барин,
А похвалой своей тебе позорный лист
Скрепил Фаддей Булгарин.

(«Остаф. Арх.», т. III, стр. 46).

— Байрон умер 7/19 апреля 1824 г., а Гёте, которому было в 1824 г. уже 75 лет, скончался в 1832 году.

— С фразою «век полемики миновался» ср. слова Пушкина в письме к кн. Вяземскому от апреля 1820 г. (№ 13) о ссоре Фрерона и Вольтера. *№ 90.*

— Пушкин «вмешался» в полемику кн. Вяземского и М. Дмитриева своим письмом к «Издателю Сына Отечества» (см. выше, № 80), вызванным фразою Дмитриева в его статье в № 5 «Вестника Европы»: «Жаль, что вы напечатали его («Разговор») при прекрасном стихотворении Пушкина; думаю, и сам автор об этом пожалеет».

— «Братья-Разбойники» были напечатаны в «Полярной Звезде» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева на 1825 г., стр. 359 — 367; отдельное издание вышло в Москве в 1827 г. двумя тиснениями. Из смущавших Пушкина слов «поп», «харчевня» и «жид» цензура обратила внимание лишь на первое, которое и было заменено в «Полярной Звезде» тремя точками, а в издании 1827 г. изменено так: «Богатый Жид или убогой»; в письме к Бестужеву от 13 июня 1823 г. (№ 57) Пушкин высказывал опасение, чтобы «отечественные звуки: харчевня, кнут, острог не испугали нежных ушей читательниц» (см. выше, стр. 51).

— О Н. В. Всеволожском см. в предыдущем письме; Пушкин называет его Аристиппом Всеволодовичем по имени греческого философа V века до Р. Х. Аристиппа, учившего о том, что единственною целью жизни человек должен ставить себе стремление к наслаждениям,—однако без излишеств,— так, чтобы человек владел страстями, а не они им. Тем же именем назвал он однажды и А. Л. Давыдова, в послании к нему (1824 г.): «Нельзя, мой толстый Аристипп».

— Выражение «минутные друзья моей минутной младости» встречается у Пушкина еще в Элегии «Погасло дневное светило» и в письмах к Тургеневу 1821 г. (№ 22) и к Я. Н. Толстому 1822 г. (№ 42).

— Французская фраза значит: «но он ею располагает уже издавна,— впрочем это составит только 1.000 рублей».

— Мужайся, дай ответ скорей» — переделанный стих из известной Ломоносовской «Оды 9-й: Выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41», нач.:

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь человек!
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек.
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая,
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:
«Сбери свои все силы ныне,
«Мужайся, стой и дай ответ» и т. д.

90. *Князю П. А. Вяземскому* (?) (стр. 87—88). Впервые напечатано в Академич. издании Переписки Пушкина, т. I, С.-Пб. 1906, стр. 123, по найденному нами в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева подлиннику, писаному карандашом на письме кн. П. А. Вяземского к жене (адрес: «Ее сиятельству княгине Вере Федоровне Вяземской *в Одессе*, в доме г-жи Давыдовой») из Москвы, от 26 июня 1824 г.; на той же странице, где адрес, нарисовано Пушкиным три женских головки, карандашом же. Письмо перепечатано в «Остаф. Архиве», т. V, вып. 1, стр. 19—20, а рисунки воспроизведены на стр. 125. Надо думать, что кн. Вяземская, получив письмо мужа, послала его, по обыкновению, для прочтения Пушкину, который и набросал на нем вышеприведенные строки; эти строки являются частичным повторением мыслей, приведенных в черновике более раннего письма к кн. П. А. Вяземскому — от 4 ноября 1823 г. (№ 63).

— Вольтеру принадлежат исторические труды: «Век Людовика XIV и Людовика XV» («Siècles de Louis XIV et de Louis XV»), «История Карла XII» («Histoire de Charles XII»), «Летописи Империи и История Парламента» («Annales de l'Empire et Histoire du Parlement»), «История Российской Империи при Петре Великом» («Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand») и др.

№ 90. — Робертсон, Вильям—шотландский историк (р. 1721, ум. 1793), автор «The history of Scotland» (Lond. 1759) и знаменитой «Истории царствования императора Карла V» «The History of the reign of the Emperor Charles V» (Lond. 1763). 3 vol.; это сочинение, в переводе на французский язык. («Histoire du règne de l' Empereur Charles-Quint, précédée d'un tableau des progrès de la société en Europe depuis la destruction de l' Empire Romain jusqu'au commencement du seizième siècle. Par W. Robertson. Traduite de l'Anglois par J. B. A. Suard»..., Paris. 1817,4 т.), сохранилось в библиотеке Пушкина в прекрасном экземпляре (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 322); в русском переводе С. Смирнова «История о Государствовании Императора Карла Пятого» была издана Академиею Наук еще в 1775 — 1778 гг. (2 части); в 1784 г. Академия издала перевод Робертсоновой «Истории о Америке» (ч. I.). Слов, сказанных Робертсоном о Вольтере, нам найти не удалось.

— Лемонте — Pierre-Edouard Lémontey (род. 1762, ум. 1826), член Французской Академии; Пушкин имеет в виду его сочинение «Обозрение монархии Людовика XIV»; эта книга («Essai sur l'Etablissement monarchique de Louis XIV et sur les altérations qu'il éprouva pendant la vie de ce prince. Morceau servant d'introduction à une Histoire critique de la France, depuis la mort de Louis XIV; précédé de nouveaux mémoires de Dangeau contenant environ 1000 articles inédits. sur les événements, les personnes, les usages et les moeurs de son temps: avec de notes autographes, curieuses et anecdotiques ajoutées à ces Mémoires par un courtisan de la même époque, Paris. 1818) сохранилась в библиотеке Пушкина, равно как и другое, более позднее сочинение Лемонте: «Histoire de la Régence et de la Minorité de Louis XV jusqu'au Ministère du Cardinal de Fleury», Paris. 1832, 2 т. (Б. Л. Модзалевский, Библиотеке Пушкина, С.-Пб. 1910 г., стр. 272). — В 1825 г. Пушкин написал статью «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (напечатана в «Моск. Телегр.» 1825 г., ч. V, № 17), в которой называет Лемонте «знаменитым писателем».

— Юм — David Hume (род. 1711, ум. 1776), мыслитель и историк, родом шотландец, автор сочинений по вопросам этики, религии, философии; наиболее известна его «История Англии» (1754 — 1761, переиздавалась много раз; на французском языке, полностью, издана в 1819 — 1822 г., в 22-х томах). «Жизнь Давыда Гумма, описанная им самим», в переводе с английского Ивана Маркова, была издана в Москве еще в 1781 г.

— Рабо де Сент-Этьен — Jean-Paul Rabaut Saint Etienne (род. 1743, ум. 1793) — политический деятель Французской революции, автор «Lettres à Bailly sur l'histoire primitive de la Grèce» (1787) и «Précis de l'histoire de la Révolution Française» (1791), продолженной потом Лакретеллем-младшим.

— Фраза «Век романтизма» и т. д. взята из черновика письма Пушкина к кн. Вяземскому от 4 ноября 1823 г., № 63.

— Лавинь — известный французский поэт и драматург Casimir Delavigne (род. 1793, ум. 1843).

— О сетях Аристотеля см. выше, стр. 286.

— Перевод французской фразы: «Все сборники новых стихотворений, так называемых Романтических — позор французской литературы».

— О Ламартине см. выше, стр. 286, 300; его стихотворения «Наполеон» и «Умирающий поэт» («Napoléon» и «Le poëte mourant») — составляют 7 и 5 «méditations» в его «Nouvelles Méditations poétiques» («Новые поэтические размышления», изд. 1824 г.); один стих из пьесы «Умирающий поэт» Пушкин, как мы видели, цитировал в письме к Л. С. Пушкину еще от начала января 1824 (№ 72, стр. 68).

— Фраза «Никто более меня» и т. д. и следующая взяты из черновика письма к кн. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (№ 63).

— Карбонаризм (от итальянского слова carbonaro, т.-е. угольщик)— значит заговорщичество; происходит от названия тайного революционного общества карбонариев в Италии; Пушкин употребил это слово вообще в смысле крайнего свободомыслия (в литературе).

— Пушкин оказался пророком: именно во Франции, отечестве классиков, Расина и Буало, появился первый и наиболее яркий представитель нового романтического направления или школы, ударившейся в «бешеную свободу»; ср. ниже, стр. 132, то же суждение в письме к Вяземскому (№ 144). *№ 91.*

91. *А. И. Тургеневу* (стр. 88). Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1880 г., № 12, стр. 820 — 821, И. С. Тургеневым, вместе с письмом Пушкина к С. И. Тургеневу (см. выше, № 27) и письмом отца поэта, С. Л. Пушкина, к А. И. Тургеневу, при таком объяснительном сообщении великого писателя, пламенного почитателя поэта: «Эти документы находились в архиве покойного Николая Ивановича Тургенева и с обязательной готовностью сообщены мне его семейством. Считаю излишним распространяться об их важности, особенно в нынешнее время, когда общественное внимание с новой силой обращено на все, касающее до Пушкина. Письмо Сергея Львовича (отца Александра Сергеевича) — знаменательно тем, что свидетельствует о деятельном участии Александра Ивановича Тургенева в судьбах нашего великого поэта, о том участии, которым по праву гордится все семейство Тургеневых. Одно из писем поэта, написанное в Кишиневе, вскоре после его ссылки, адрессовано Александру Ивановичу; другое из Одессы — младшему из братьев Тургеневых, Сергею Ивановичу, только что возвратившемуся из Константинополя, где он состоял секретарем при посольстве; оба письма бросают яркий свет и на тогдашнее положение поэта, и на строй его мыслей и убеждений. Ив. Тургенев». — В письме же С. Л. Пушкина говорилось: «Я бы желал, чтоб в заключении биографических записок о покойном Александре сказано было то, что сохранится в сердце и памяти моей до последней минуты моей жизни. Александр Иванович Тургенев был главным, *единственным* орудием помещения его в Сарско-Сельской импер. Лицей и ровно через 25 лет он же проводил тело его на вечное, последнее жилище. Вот, почтеннейший и любезный Александр Иванович, записка, которую я просил бы вас передать кн. П. А. Вяземскому, как одному из издателей собрания сочинениев Александра. — Да узнает Россия, что вам она обязана любимым ею поэтом; а я, как отец, поставляю за утешительную обязанность изъявить вам все, чем исполнено мое сердце. Неблагодарность никогда не была моим пороком. Простите, будьте везде счастливы, как будете везде любимы. — Не знаю, увижу ли вас, но покуда жив, буду любить и вспоминать о вас с благодарностию. — Искренно почитающий вас Сергей Пушкин. — Июня 4-го 1837. Москва».

— Подлинник письма Пушкина (на бумаге вод. зн. Bondon 1821) — в Библиотеке Академии Наук, в архиве Тургеневых («Пушк. и его совр.» вып. II, стр. 8).

— Решение участи Пушкина последовало уже 8 июля, по докладу гр. К. В. Нессельроде Александру I; однако, поэт не знал еще, что исключение его из службы уже состоялось и что уже 11 июля Нессельроде писал гр. М. С. Воронцову, что, вследствие его ходатайств, им сделано распоряжение о высылке Пушкина из Одессы во Псков; 12 июля Нессельроде дал знать генерал-губернатору Псковской и Прибалтийских губерний маркизу Ф. О. Паулуччи, что он должен принять надлежащие меры строгости по отношению к поэту, которого-де не удалось «привести на стезю добра и успокоить избыток воображения, к несчастью, не всецело посвященного развитию русской литературы — природному призванию г. Пушкина, которому он уже следовал с величайшим успехом» («Пушк. и его совр.», вып. XVI, стр. 67, и «Русск. Стар.» 1908, № 10, стр. 109—111). Тургеневу об этом было уже известно, так как еще 1 июля он писал кн. Вяземскому: «Гр. Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина» (и т. д., — см. выше, стр. 333). — 7 июля кн. В. Ф. Вяземская писала своему мужу, давая отзыв о Пушкине: «Мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его, как будто бы он был моим сыном. Знаешь ли ты, что он подал прошение об отставке?» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 119), а 11 числа сообщала, что «дает читать письма князя

№ 91. Пушкину», который всегда смеется, как сумасшедший», и прибавляет, что «начинает его любить любовью *дружбы»*, что накануне провела с Пушкиным около часа на берегу моря под сильным дождем, чтобы поглядеть на корабль, разбитый бурей», и что поэт «сидит без гроша» (стр. 121, 122, 123); на другой день после письма Пушкина к Тургеневу, 15 июля, княгиня писала мужу: «Пушкин скучает гораздо больше, чем я, ибо три дамы, в которых он был влюблен, недавно уехали. Что ты скажешь? Это в твоем вкусе. К счастию, одна из них на днях возвращается, и я ему предсказываю, что вы с ним часто будете соперниками» (стр. 125); 18 июля княгиня еще ничего не знала о грозившей Пушкину высылке (стр. 127—128), как и 19, когда весело сообщала своему мужу: «Пушкин так настоятельно просит меня доставить ему наслаждение читать твои письма, что, несмотря на твое сквернословие, я даю их ему, но под условием, чтобы он читал их про себя, но когда он хохочет, я смеюсь до слез вместе с ним. Ты найдешь, что я сделалась бесстыдницей», — а далее спрашивала, почему князь так мрачно смотрит на дело Пушкина, о котором *они* ничего не знают в виду отсутствия Воронцова, уехавшего незадолго перед тем в Крым. Вяземской представлялось, что Пушкин виноват только в ребячестве, да в том, что вознегодовал на свою посылку «на саранчу» (стр. 130—131). Между тем, в Петербурге разнесся слух *о смерти* Пушкина: так, 15 июля К. Я. Булгаков писал брату в Москву, что у Д. В. Дашкова «кто-то сказывал новость, которой я, однако, не верю, ибо, конечно, из Одессы мне кто-нибудь бы написал. Сказавший слышал, — от кого, не знаю,—что молодой поэт Пушкин застрелился. Вернее то, что он отставлен. Не ужился с Воронцовым, — этого я понять не могу» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 64). В ответ на это А. Я. Булгаков 21 июля отвечал брату из Москвы: «Вяземский не думает, чтобы известие о смерти Пушкина поэта было справедливо, да и ты сам того же мнения. Он имеет свежее письмо от жены. Она ему не пишет ничего, а только говорит о ссоре Пушкина с Воронцовым и обвиняет забубенную молодую голову стихотворческую. И подлинно, чего ожидать от того, кто не умел ужиться с таким начальником, как Воронцов? Он, кажется, писал вздоры на его счет в Петербург, а Воронцов за это платил ему ласкою и добром; дал ему комиссию какую-то по саранче, а он, чем повиноваться, подал в отставку» («Русск. Арх.» 1901, кн. II, стр. 71). «Я не верил с самого начала самоубийству Пушкина», — отвечал К. Я. Булгаков 25 июля: «Он, может быть, душу свою погубит, а тело — никогда. Я слышал, что он исключен из списков служащих и велено жить в деревне у отца. Вот и таланты без поведения плохое дело. Я думаю, ему лет 25, а карьеру свою кончил не весьма лестным образом. Подлинно, кто с Воронцовым не ужился, тот вряд с кем уживется. Тургенев был у меня, тебе кланяется и говорит, что Пушкин не исключен, а просто отставлен и велено жить у отца в деревне» («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 65—66). А. Я. Булгаков в свою очередь отзывался 31 июля: «О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения, никто не пожалеет. Кажется, Воронцов и добр, и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса. Будет, живучи в деревне, вспоминать Одессу, да нельзя уже будет пособить. Василий Львович prétend que cela tuera le père» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 74). Ср. ниже, стр. 344.

— Вандал (по имени дикого германского племени, опустошившего Европу в V веке) — человек, презирающий науки и искусства и не уважающий их произведений. Мнение Пушкина о Воронцове объясняется, конечно, его раздражением на своего начальника, так как Воронцов, при обычных качествах придворного человека, отличался своим образованием и был несомненно просвещенным администратором. Ср. отзыв о нем гр. Л. Н. Толстого в «Хаджи-Мурате» и в черновиках к нему.

— Хам — слово, введенное в употребление Н. И. Тургеневым: в дневнике своем под 27 ноября 1818 г. он записал: «Сегодня обедал у М. В. Гурьева. Болтали. И мне приятно было слышать, что мое слово *хам* употребляется некоторыми. Авторское самолюбие» (Турген. Архив в Библиотеке Академии

Наук, папка № 212). А. И. Тургенев в письме к брату Сергею от 8 сентября 1819 г. тоже писал, что *хам* — «техническое слово, введенное во всеобщее употребление братом Николаем» (там же, папка № 384). Ср. ниже, в письме Пушкина к П. П. Каверину от 18 февраля 1827 г., а также в статье Н. К. Кульмана: «Из истории общественного движения в России в царствование Александра I» — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.», т. XIII, кн. 1, стр. 118, примеч. № 91.

— Об Инзове, начальнике Пушкина в Кишиневе, см. выше, стр. 231—232. Инзов был масоном и принадлежал к ложе Золотого Шара в Гамбурге («Русск. Стар.» 1907 г., № 6, стр. 660); известный М. Л. Магницкий в своем докладе Николаю I (1831 г.) называл Инзова в числе масонов-мартинистов: «Один из оставшихся от того времени мартинистов», говорит он: «генерал Инзов, управляет, кажется, ныне чем-то в Бессарабии и был постоянно покровительствуем методистами и давал, в свое время, убежище Линделю, когда его гнали в Одессе» («Русск. Стар.» 1899 г., № 2, стр. 292). — Сохранился черновой набросок стихотворения Пушкина (1822 г.), в котором он упоминает о домашнем аресте, под который он был посажен Инзовым за то, что побил Молдавского боярина Т. Балша:

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом:
Спаситель молдаван,
Бахметьева Наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн [т. е. Инзов]
За то, что Ясский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трус, и грубиян
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей коморке строгой
Приставил караул . . . .

В своем «Воображаемом разговоре с имп. Александром I» (1825 г.) Пушкин писал про Инзова, противопоставляя его гр. Воронцову: «Инзов меня очень любил, за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, французские журналы.... Генерал Инзов — добрый и почтенный старик; он — русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая [ср. также выше, в письме № 84] всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет; страсти если и были в нем, то уж давно исчезли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всеми вежлив. Он не опрометчив, не верит пасквилям» . . . По общему своему духовному складу Инзов был мистик, человек мягкий и благожелательный и при том большой оригинал. Сообщая Пушкину, в начале 1831 г., новости об его прежних Кишиневских знакомых, Н. С. Алексеев писал про Инзова, что тот «поселился в Болграде настоящим Бюфоном и Бонетом, разводит сады, кормит птиц, делает добро, и без него все управление идет своим порядком или беспорядком» (Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 216). Пушкин в Кишиневе жил в доме Инзова, где помещался в одной из комнат нижнего этажа.

— Революция в Испании происходила в 1820 г. (см. выше, в конце письма Пушкина от 4 декабря 1820 г. к Н. И. Гнедичу, № 17, и стр. 219).

№ 92. — Кортесами называется Парламент в Испании, где конституционный образ правления введен был в том же 1820 г. благодаря усилиям конституционалистов - кортесов, которые и дали название Представительному Собранию.

— С увольнением 15 мая 1824 г. князя А. Н. Голицына от Министерства Народного Просвещения и с назначением на его место А. С. Шишкова, А. И. Тургенев, бывший при Голицыне Директором Департамента Духовных Дел, также был уволен (17 мая). В отставке этой сыграли роль Аракчеев, митр. Серафим, архим. Фотий и известный Магницкий. По поводу отставки Тургенева А. Я. Булгаков писал своему брату: «Мне очень жаль Тургенева. Нет сомнения, что он малый честный, благонамеренный и много делал добра. Про него, не ругая, однако же, как князя [Голицына], говорят: «Туда и дорога, — мартинист! Пора их всех истребить!» Общее мнение столь поражено карбонарами, что все секты относят к ним» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 59—60). Свидевшись затем с Тургеневым в Москве, в сентябре 1824 г., тот же Булгаков, описав брату своему это свидание, во время которого Тургенев поразил его своею рассеянностью и торопливою бестолковостью, прибавлял: «Экий человек! Вот и умен, и добр, и честен, но этакая ли голова, а часто и язык должны быть у директора департамента? Тургенев очень далеко мог бы итти, но поведение его истинно одобрить нельзя. Не разбирает, перед кем что говорить надобно и можно, а все это передается дальше с прибавлениями.... Я даже удивляюсь, как он так долго был на своем месте. Я люблю душевно Александра, — душа, конечно, ангельская, готовая всегда к добру, но в службе это недостаточно. Не время теперь говорить это, но так сорвалось, болтая с тобою».... («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 82).

— Княгиня Волконская и ее дочь — Софья Григорьевна, рожд. Волконская же (род. 1786, ум. 1868), жена генерал-адъютанта и члена Государственного Совета кн. Петра Михайловича Волконского, впоследствии Министра Двора, фельдмаршала и светлейшего князя, родная сестра декабриста С. Г. Волконского, женатого на М. Н. Раевской; это была женщина весьма оригинальная, крайне своеобразная. Она проводила лето в Одессе, на морских купаньях, вместе со своею единственною дочерью — красавицею, княжною Александрою (Алиною) Петровною (род. 1804, ум. 1859; с 1839 г. — замужем за П. Д. Дурново). Они постоянно видались с кн. В. Ф. Вяземскою (в письмах которой к мужу, равно как и в переписке Тургенева с кн. П. А. Вяземским так много о них упоминаний — см. «Остаф. Арх.», т. III и т. V вып. 2), а следовательно и с постоянным тогдашним ее спутником Пушкиным. Княгиня возвращалась тогда из Одессы (где, в Ришельевском Лицее, учились ее сыновья) с дочерью, направляясь в подмосковное имение Суханово. Осенью этого же года Тургенев писал, из Петербурга, Вяземскому: «Что за умная прелесть Алина!.. Я повадился к ним снова ездить и... восхищаюсь умом и просвещением и добродушием Алины. Ее прямо можно послать посольшей в Париж, — и лицом в грязь не ударит» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 87—88). О кн. С. Г. Волконской и ее дочери см. в «Архиве декабриста С. Г. Волконского», под ред. кн. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I, Пгр. 1918. Восторженный отзыв Пушкина о княжне Алине Волконской подтверждается единодушными мнениями о ней Жуковского, поэта Козлова, Гоголя и др.

— К. А. Карамзина — жена историографа Н. М. Карамзина.

— Княгиня Голицына — Евдокия Ивановна, «Княгиня Ночная» (см. выше, стр. 222, 294), известная между прочим своими монархическими убеждениями; ср. в конце письма Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. (№ 68).

— Французская фраза значит: «конституционной или анти-конституционной, но всегда столь же достойной обожания, как и свобода».

92. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 89). Впервые напечатано в «Русск. Арх.». 1874 г., кн. I, ст. 136 — 137; подлинник (на бумаге вод. зн. Bondon 1821) был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева.

— В письме к жене от 1 июля 1824 г. (из Остафьева в Одессу) кн. П. А. Вяземский писал по адресу Пушкина: «Скажи ему, чтобы он не дурачился, то-есть не умничал, ибо в уме или от ума у нас и бывают все глупости. Пускай перенимает он у меня! Я глупею à vue d'œil [заметно]» («Остаф. Архив», т. V, вып. 1, С.-Пб. 1909, стр. 24). Отзываясь на эту «брань», Пушкин 15 июля и отправил Вяземскому свое последнее, известное нам письмо из Одессы. — Уведомив 11 июля гр. М. С. Воронцова о высылке поэта во Псков, гр. К. В. Нессельроде 12 числа сообщил копию с этого письма своего и маркизу Ф. О. Паулуччи, говоря, что Пушкин «не оправдал надежды Правительства, что служба при Инзове и графе Воронцове вернет его на добрый путь и успокоит его воображение, к несчастию, посвященное не исключительно русской литературе, его естественному призванию», и что поэт отдается под надзор местных властей (Отч. имп. Публ. Библ. за 1900 и 1901 г., С.-Пб. 1905, стр. 232). 15 июля маркиз Паулуччи уже предписал Псковскому гражданскому губернатору Б. А. Адеркасу учредить надзор за Пушкиным, когда он приедет, а 24 числа Воронцов, тогда находившийся в Симферополе, предписал Одесскому градоначальнику гр. А. Д. Гурьеву призвать Пушкина, объявить ему о его высылке и немедленно отправить во Псков, взяв с него подписку в том, что он поедет безостановочно, по назначенному ему маршруту, через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск (минуя Киев), и, по приезде во Псков, явится к губернатору; взятая от Пушкина подписка была от 29 июля, написана была собственноручно Пушкиным и составлена в следующих выражениях: «Нижеподписавшийся сим обязывается по данному от Г-на Одесского Градоначальника маршруту без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу; а по прибытии в Псков явиться лично к Г-ну Гражданскому Губернатору. Одесса. [Июля] 29 дня 1824. Коллежский секретарь Александр Пушкин». — О выдаче Пушкиным подписки гр. Гурьев в тот же день уведомил Воронцова и Псковского гражданского губернатора. Через сутки, 30 июля, поэт уже выехал из Одессы. В Чернигове он встретил молодого поэта А. И. Подолинского, ехавшего в Киев, и передал ему тут же написанную записку к генералу Н. Н. Раевскому («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 862—863; записка эта до нас не сохранилась). — Подолинский, вспоминая впоследствии о встрече своей с Пушкиным в Чернигове, в гостинице, писал: «Утром, войдя в залу, я увидел в соседней буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого, по месту прогулки и по костюму, принял за полового. Наряд был очень непредставительный: желтые, нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная измятая рубаха, подвязанная вытертым черным шейным платком; курчавые, довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: «Вы из Царскосельского Лицея?» На мне еще был казенный сюртук (Петербургского Университетского Благородного Пансиона), по форме одинаковый с лицейским. Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо. «А! Так вы были вместе с моим братом», возразил собеседник. Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию. — «Я Пушкин; брат мой Лев был в вашем Пансионе». — Слава Пушкина светила тогда в полном блеске, вся молодежь благоговела пред этим именем, — и легко можно себе представить, как я, семнадцатилетний школьник, был обрадован неожиданною встречею и сконфужен моею опрометчивостью. Тем не менее мой спутник и я скоро с ним разговорились. Он рассказал нам, что едет из Одессы в деревню, но что усмирение его не совсем еще кончено и смеясь показал свою подорожную, где по порядку были прописаны все города, на какие именно он должен был ехать. Затем он попросил меня передать в Киеве записку генералу Раевскому, тут же им написанную. Надобно было ее запечатать, но у Пушкина печати не оказалось. Я достал свою, и она пришлась кстати, так как вырезанные на ней буквы А. П. как раз подходили и к его имени и фамилии...» («Русск. Арх.». 1872 г., № 92.

№ 92. ст. 862—863). Продолжая путь к Северу, Пушкин 5 августа был в Могилеве (см. «Русск. Стар.» 1876 г., т. XV, стр. 464—465 и «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 449—450), 8 числа останавливался у помещика И. С. Деспота-Зеновича (см. записку к нему № 93) и 9 числа приехал в Михайловское, где застал своих родителей — С. Л. и Н. О. Пушкиных, брата Льва и сестру Ольгу. — Между тем, еще 27 июля кн. В. Ф. Вяземская писала своему мужу из Одессы: «Мы попрежнему ничего не знаем об участи Пушкина,—даже графиня [Воронцова], которой, как и тебе, известно лишь то, что он должен оставить Одессу. Муж ее просто сказал, что Пушкину нечего делать в Одессе, но мы не знаем, чем все это кончится. Мне будет ужасно тяжело, если он покинет город, пока я еще буду здесь, а еще более — если мы здесь совсем поселимся; я очень его люблю, и он позволяет мне бранить его, как своей матери; из этого сейчас ничего не выходит, но все лучше, чтобы он привык слышать правду» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 136—137). 4 августа она уже писала мужу, что очень огорчена «изгнанием» Пушкина, что написала ему письмо (оно до нас не сохранилось) и что очень о нем сожалеет, «так как на него она перенесла все свои Одесские симпатии» (там же, стр. 137—139). По Москве около того времени, как сказано было выше (стр. 340), распространился почему-то слух, что Пушкин застрелился. Сообщая об этом жене своей 21 июля, Вяземский прибавлял: «Я так уверен в пустоте этого слуха, что он меня нимало не беспокоит. Я надеюсь, что Пушкин никогда не будет убит, — разве каким-нибудь животным» (там же, вып. I, стр. 33), а 24 снова спрашивал: «Пушкину кланяюсь. Что его дело? Авось обоймется [sic]! А здесь все еще говорят, что он застрелился, и Тургенев то же пишет мне из Петербурга» (там же, стр. 35). 27 числа он же писал, все еще не зная, что судьба Пушкина уже решена: «Если Пушкину есть возможность оставаться в Одессе, то пусть остается он для меня, чтобы провести несколько месяцев вместе. Мы создали бы вместе что-нибудь! А если он застрелился, то надеюсь, что мне завещал все свои бумаги. Если и вперед застрелится, то прошу его именно так сделать. Бумаги мне, а барыш—кому он назначит. Вот так! Теперь умирай он себе, сколько хочет. Я ему не помеха!» (там же, стр. 37). Только к 31-му Вяземский узнал о решении участи Пушкина и писал: «Надобно было дарование уважить! Грустно и досадно!» (там же, стр. 39). Вспоминая впоследствии об эпизоде высылки Пушкина, кн. В. Ф. Вяземская рассказывала, что он прибегал к ней и, жалуясь на Воронцовых, говорил, что подаст в отставку. Когда решена была его высылка из Одессы, он прибежал впопыхах с дачи Воронцовых весь растерянный, без шляпы и перчаток, так что за ними посылали человека от княгини Вяземской» («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 306). Вяземский еще спустя две недели после того, что узнал о ссылке поэта, не мог успокоиться и писал А. И. Тургеневу 13 августа: «Последнее письмо жены моей наполнено сетованиями о жребии несчастного Пушкина. Он от нее отправился в свою ссылку; она оплакивает его, как брата. Они до сей поры не знают причины его несчастия. Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Правительство, верно, было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказание за вины, которые не подходят ни под какое право? Неужели в столицах нет людей, более виноватых Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью? А тут за необдуманное слово, за неосторожный стих предают человека на жертву... Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что̀ есть ссылка в деревне на Руси? Должно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина. В его лета, с его душою, которая также *кипучая бездна огня* (прекрасное выражение Козлова о Байроне), нельзя надеяться, чтобы одно занятие, одна деятельность мыслей удовольствовали бы его... Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на coup de grâce [смертельный удар], что̀ нанесли ему. Не предвижу для него исхода из этой бездны. Неужели не могли

вы отвлечь этот удар? Да зачем не позволить ему ехать в чужие краи? Издание его сочинений окупит будущее его на несколько лет. Скажите, ради бога, как дубине Петра Великого, которая не сошла с ним в гроб, бояться прозы и стишков какого-нибудь молокососа? Никакие вирши... не проточат ее!..» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 73—74). — Карамзин поздно узнал об участи, постигшей поэта, и только 17 августа писал Вяземскому: «Поэту Пушкину велено жить в деревне отца его — разумеется до времени его исцеления от горячки и бреда. Он не сдержал слова [не писать ничего против правительства], мне им данного в тот час, как мысль о крепости ужасала его воображение: не переставал врать словесно и на бумаге, не мог ужиться даже с графом Воронцовым, который совсем не деспот!» («Стар. и Новизна», вып. I, стр. 156).

— Князь Вяземский одно время, по советам жены, подумывал было ехать в Одессу, но это предположение не осуществилось.

— Кюхельбекер в это время был в Москве, где занят был изданием, вместе с кн. В. Ф. Одоевским, литературного сборника «Мнемозина». Между тем, друзья,—в том числе Вяземский, хлопотали о переводе его на службу на юг; было предположение устроить его к гр. М. С. Воронцову или к гр. А. Д. Гурьеву (Одесскому градоначальнику), но, после предварительных шагов кн. В. Ф. Вяземской, эту мысль пришлось оставить и обратить взоры сперва на кн. П. П. Трубецкого (Начальника Одесского Таможенного Округа), а затем на генерала гр. И. О. Витта, Начальника военных поселений в Новороссийском крае; по письму кн. П. А. Вяземского Пушкин даже взялся составить о Кюхельбекере особую записку — для представления ее гр. Витту. — но из всех хлопот этих ничего не вышло («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 110, 113, 121 и др.). Ср. выше, стр. 333.

— Письмо Пушкина к Кюхельбекеру, о коем он упоминает, до нас не сохранилось.

— В «Мнемозине» «Братья-Разбойники» не были напечатаны, а появились в «Полярной Звезде» Бестужева и Рылеева на 1825 г. Небольшой отрывок из 1-й главы «Евгения Онегина» был напечатан в «Северных Цветах» бар. Дельвига на 1825 г.

— О «плутне» Ольдекопа см. выше, в письме № 66 и стр. 290—291, и ниже, письма № 98, 107, 116, 118, 20 июля 1827 г. и др.

93. *И. С. Деспоту-Зеновичу* (стр. 89). Впервые напечатано в Собрании сочинений Пушкина, ред. П. А. Ефремова, 1882 г., т. VII, стр. 120—121, по копии, снятой Е. И. Якушкиным с подлинника, местонахождение коего ныне неизвестно.

— Записка Пушкина писана в пути, еще в пределах Витебской губернии, в Себежском уезде, граничащем с Опочецким уездом Псковской губернии, накануне приезда поэта в сельцо Михайловское, того же Опочецкого уезда, куда он прямо проехал, не заезжая, вопреки данной подписке, во Псков, для явки к губернатору. И. С. Деспот-Зенович был помещиком села Колпина, где Пушкин останавливался, был принят и накормлен в отсутствие хозяина; рассказ А. Распопова о посещении Пушкиным с. Колпина в отсутствие хозяина и о поездке с Деспотом-Зеновичем и племянником его Юрьевичем в 1825 г. к Пушкину в Михайловское, а оттуда в Тригорское — см. в «Русск. Стар.» 1876 г., т. XV, стр. 464—467.

— Весть о высылке Пушкина быстро сделалась известна его друзьям; едва ли не первыми отозвались Пушкину по этому случаю братья Раевские (мы видели, что из Чернигова Пушкин писал—очевидно о своей ссылке— в Киев Н. Н. Раевскому-отцу или же его сыновьям). Письма их (одно — от Николая Раевского — без числа, а другое — от Александра Раевского — от 21 августа 1824 г.) напечатаны в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 126—129.

94. *И. М. Рокотову* (стр. 89—90). Впервые напечатано в Собрании сочинений Пушкина, ред. П. А. Ефремова, 1882 г., т. VII, стр. 167—168; подлинник, бывший у Г. Н. Геннади, а затем — у М. И. Семевского (выставлявшего его на Пушкинской Выставке 1880 г. — см. Каталог ее, стр. 50), нахо-

№ 94. дился затем в Акшуатском (Корсунского уезда Симбирской губ.) собрании В. Н. Поливанова (1909); ныне где находится, — нам неизвестно.

Перевод: «Милостивый государь! Я почел бы своим долгом прислать вам мою коляску, но в настоящую минуту я не имею в своем распоряжении лошадей. Если вы соблаговолите прислать за нею, — она к вашим услугам. Если ваш брат сделает мне честь и приедет ко мне, — я буду чрезвычайно рад принять его и возобновить столь приятное знакомство. Что касается цены, то я хотел бы продать ее, как я имел честь вам говорить, за 1500 рублей. Впрочем, я полагаюсь в этом на решение вашего брата. — Примите уверение в глубочайшем уважении и совершеннейшем почтении, милостивый государь, вашего нижайшего и покорного слуги. Александр Пушкин. Четверг. P. S. Мой отец свидетельствует вам свое почтение. Он надеется, что в ближайший раз будет иметь двойное удовольствие принять в Михайловском вас и вашего брата».

— В письме идет речь, вероятно, о продаже Рокотову коляски, в которой Пушкин приехал из Одессы в Михайловское и купил только для этой поездки.

— Письмо писано еще в бытность в Михайловском отца поэта — С. Л. Пушкина, который уехал оттуда 18—19 ноября 1824 г., после ссоры с сыном, о которой в письме нет еще и намека.

— Иван Матвеевич Рокотов (род. 1782, ум. в 1840-х гг.), сын Псковского Губернского Предводителя дворянства, богатый Опочецкий и Новоржевский помещик, сосед Пушкиных по имению; начав службу коллегии юнкером в Юнкерской Школе при Сенате 1 апреля 1799 г., он затем был в штате генерал-прокурора (с 25 апр. 1799 г.) и в 1 Департаменте Сената (с 20 апр. 1800 г.), 10 августа 1801 г. вышел в отставку колл. ассесором, а 14 янв. 1802 г. определился в Коллегию Иностранных Дел, при чем со 2 мая 1805 до 17 июля 1809 г.г. состоял при Русском посольстве в Дрездене, в чине надворного советника; в 1813 г. находился при Секретной Экспедиции Коллегии (форм. список), а в 1823 году вышел в отставку с чином коллежского советника, после чего жил в своей деревне — селе Стехнове, лежавшем на большой дороге в Остров. Он был холостяк, человек добродушный, но очень недалекий; соседи его посмеивались над его желанием молодиться (он, между прочим, ухаживал за А. П. Керн—см. письмо Пушкина к П. А. Осиповой 28 августа 1825 г., № 174) и над его претензиями быть остроумным и казаться светским, при чем он любил говорить по-французски, плохо зная язык. Иронический тон чувствуется и в словах матери поэта, Н. О. Пушкиной, которая среди других новостей сообщала дочери, О. С. Павлищевой, из Михайловского, 24 августа 1833 г.: «Наш бедный сосед Рокотов очень плох, он начал принимать гомеопатическое лекарство, которое поведет его на тот свет» («Пушк. и его соврем.», вып. XIV, стр. 15). В дневнике молодого В. Д. Философова, соседа Рокотова по имению, находим такую запись под 24-м июля 1841 г.: «Выехал утром из Острова. Заезжал в Стехново, где Иван Матвеевич целовал меня в плечо, а между тем жаловался на неудобство жить на большой дороге, потому что все заезжают» (рукопись у Б. Л. Модзалевского). В этих словах достаточная характеристика «болвана» Рокотова, как определил его неизвестный автор заметки против приведенных слов дневника Философова. О Рокотове см. еще в статье Д. В. Философова «Соседи Пушкина по с. Михайловскому» — в сборнике «Старое и новое», М. 1912, стр. 125—130. Пользуясь соседством Рокотова с Пушкиными, Псковский губернатор Б. А. Адеркас, по соглашению с Губернским Предводителем дворянства А. И. Львовым, предложил Рокотову взять на себя надзор за поведением поэта, предписанный маркизом Паулуччи по указанию графа К. В. Нессельроде, но Рокотов, ссылаясь на расстроенное свое здоровье, отказался от этой роли (о чем Адеркас известил маркиза Паулуччи рапортом от 4 октября 1824 г. — см. «Русск. Стар.» 1908, № 10, стр. 112—113), — потому-ли, что опасался пылкой натуры поэта, или, как писал А. И. Львов, потому, что Пушкин на первых же шагах не послушался Рокотова, или, наконец, потому, что считал такой надзор недостойным себя делом... Между тем, так как Пушкин, вопреки подписке, не явился во Псков,

то губернатор Адеркас сделал распоряжение о высылке его в этот город, № 95.
где, в том же августе, с него и была взята новая подписка — в том, что он обязуется жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда. После того, по распоряжению маркиза Паулуччи, сообщено было Опочецкому Уездному Предводителю дворянства, А. Н. Пещурову, что «если статский советник Пушкин [отец поэта] даст подписку, что будет иметь неослабный надзор за поступками и поведением сына, то в сем случае последний может оставаться под присмотром своего отца и без избрания особого к таковому надзору дворянина, — тем более, что отец Пушкина есть из числа добронравнейших и честнейших людей» («Голос» 1868 г., № 72, перепечатка из «Псковских Губернских Ведомостей» 1868 г., № 10). — Рокотов затем иногда посещал Пушкина в Михайловском (см., напр., ниже, в письме № 161), и в «дворне» держалось убеждение, что он ездит следить за Пушкиным; так, в 1859 г. кучер Пушкина Петр рассказывал К. Н. Тимофееву, на вопрос о том, приезжал ли кто-нибудь к Пушкину в Михайловское: «Ездили тут вот, опекуны к нему были приставлены из помещиков: Рокотов да Пещуров. Пещурова-то он хорошо принимал, ну а того — так, бывало, скажет: «Опять ко мне тащится, я его когда-нибудь в окошко выброшу» («Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 272, — перепечатано из «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1859 г., ч. III; тоже у В. П. Острогорского: Альбом Пушкинский уголок, М. 1899, стр. 81).

— Брат Рокотова — Николай Матвеевич, в 1823 г. из ротмистров л.-гв. Конного полка вышедший в отставку полковником.

— В начале сентября Пушкин писал, из Михайловского, бар. А. А. Дельвигу; письмо это до нас не сохранилось, но известен ответ Дельвига от 10 сентября 1824 г., из Петербурга (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 130 — 131).

95. *А. Н. Вульфу* (стр. 90 — 91). Впервые напечатано (не вполне) в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 157; полностию — в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 154; подлинник был у княгини А. А. Хованской, рожд. бар. Вревской, внучки П. А. Осиповой.

— Алексей Николаевич Вульф (род. 17 декабря 1805, ум. 17 апреля 1881) — сын (от первого брака) соседки Пушкина по Михайловскому — Прасковьи Александровны Осиповой; он был в детстве записан в Пажеский Корпус, но мать отдала его в Горный Корпус, где преподавание и воспитание были тогда поставлены хорошо; в 1822 г. Вульф поступил студентом в Дерптский Университет, в котором слушал лекции до 1826 года. Во время приезда Пушкина в Михайловское Вульф-студент был дома, в Тригорском, на летних вакациях, но вскоре уехал в Дерпт. Здесь он подружился с поэтом Н. М. Языковым; через Вульфа — сперва заочно, а потом и лично — познакомился вскоре с Языковым и Пушкин, так как Языков часть лета 1826 г. проводил в Тригорском. В январе 1829 г. Вульф поступил унтер-офицером в гусарский принца Оранского полк, принимал участие в Турецкой кампании, 5 мая 1830 г. произведен был в корнеты, в ноябре 1831 г., за отличие в сражениях с поляками, — в поручики, а 9 июля 1833 г. вышел в отставку штаб-ротмистром; всю остальную долгую жизнь он прожил холостяком в своих имениях — в селе Тригорском или в сельце Малинниках (Тверской губернии), — занимаясь сельским хозяйством. Пушкин изредка с ним переписывался во время своей холостой жизни, но писем Вульфа к поэту до нас не сохранилось ни одного. О Вульфе см. в заметке Пушкина (1831 г.) о холере (Соч. П. Мороз. VI, 534—535), а также предисловие и объяснения М. Л. Гофмана к изданному им «Дневнику А. Н. Вульфа» за 1828 — 1831 г.г. («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, 1915 г.), книгу Л. Н. Майкова: «Пушкин» (С.-Пб. 1899), где напечатаны извлечения из Дневника Вульфа, содержащие некоторые ценные сведения и о Пушкине, а также статью Б. Л. Модзалевского: «Поездка в Тригорское» («Пушк. и его соврем.», вып. I).

— Письмо Пушкина к Вульфу было написано одновременно с посланием к Языкову («Издревле сладостный союз Поэтов меж собой связует»), на которое тот ответил тоже посланием: «Не вовсе чуя бога света...» (См. ниже, в письме № 126).

— Письмо Пушкина к Языкову, пересланное через Вульфа, до нас не сохранилось.

— О Языкове см. выше, стр. 289.

— Лайон—Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта.

— Анахорет—отшельник.

— Анна Николаевна Вульф (род. 1799, ум. 1857), старшая сестра А. Н. Вульфа, умершая девицей; она питала к Пушкину симпатию, которая постепенно разрослась в страстную любовь (поэтом, однако, не разделенную); сохранилось несколько ее писем к Пушкину, писаных в 1826 г. (см. Акад. издание Переписки Пушкина, т. I); Пушкин упоминает о ней еще в своем Кишиневском письме от 27 июня 1821 г. (№ 25); ее характеристику см. в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 208.

— А. П. — Анна Петровна Керн, двоюродная сестра Вульфов; о ней см. ниже, при письмах к ней Пушкина; Вульф одно время был к ней неравнодушен и был в близких с нею отношениях; под старость он помогал своей обедневшей кузине (см. Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское—«Пушк. и его соврем.», вып. I, его же книжку: Анна Петровна Керн. По материалам Пушкинского Дома, М. 1924, и «Пушкин и его соврем.», вып. XXI — XXII).

— В двадцатых числах сентября Пушкин писал бар. Дельвигу, посылая ему отрывок из «Евгения Онегина» для «Северных Цветов» 1825 г.; письмо это не сохранилось, и о содержании его можно лишь догадываться по ответу Дельвига от 28 сентября 1824 г. из Петербурга (Акад. из. Переписки, т. I, стр. 133 — 134).

96. *П. А. Плетневу* (стр. 91). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 12, с неправильным отнесением к Н. В. Всеволожскому; полную транскрипцию черновика см. в конце IV тома; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 34. Датируется по соображению со временем разрешения цензурою 1-й главы «Онегина», увезенной Львом Пушкиным в ноябре 1824 г., а 29 декабря одобренной цензором к печати. В. Я. Брюсов (Полное собрание сочинений Пушкина. Со сводом вариантов... Т. I, ч. I. М. 1920, стр. 250) читает начало письма так: Ты издал дядю моего: Творец Опасного Соседа, Достоин очень он того, и т. д.

— О Петре Александровиче Плетневе см. выше, стр. 242 — 243 и 258 — 259. Он заведывал изданием Стихотворений В. Л. Пушкина, вышедших в Петербурге в 1822 г. (см. его письма к князю П. А. Вяземскому по этому поводу — Сочинения П. А. Плетнева, т. III, стр. 382—385).

— «Покойная Беседа» — Шишковская Беседа Любителей Российского Слова, тогда давно уже прекратившая свое существование; В. Л. Пушкин, — «арзамасец» по своим литературным вкусам, — не состоял членом Беседы.

— Пушкин просил Плетнева заняться изданием 1-й главы «Евгения Онегина», пригласив на совещание по поводу этого издания В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича и бар. А. А. Дельвига. В письмах к Пушкину от 22 января, 7 февраля и 3 марта 1825 г. Плетнев давал поэту отчет об издании «Онегина», который вышел в свет 15 февраля.

— О Боратынском бар. А. А. Дельвиг писал Пушкину 10 сентября, что «у него готово полторы песни какой-то романтической поэмы»; это была поэма «Эда», о которой Пушкин, вероятно, и говорит; о ней он затем неоднократно справлялся в письмах к брату (№ 110, от 4 декабря 1824, и др.); она была напечатана лишь в 1826 году.

97. *Н. И. Кривцову* (стр. 91). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1864 г., ст. 972 — 973; подлинник в Публичной Библиотеке, в альбоме дочери Кривцова — С. Н. Батюшковой (см. Отчет за 1892 г., стр. 211).

— В изданиях П. А. Ефремова (т. VII, стр. 94) и П. О. Морозова (т. VIII, стр. 54) настоящее письмо отнесено к декабрю 1823 г., по связи с упоми-

нанием о Кривцове в письме Пушкина от 20 декабря 1823 г. к кн. Вяземскому (№ 70) с жалобою на молчание Кривцова; мы оставляем датировку, принятую в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 135. № 98.

— О Н. И. Кривцове и об его отношениях к Пушкину см. выше, стр. 195—196 и 296; в 1824 г. он был Воронежским губернатором; женат он был, с 1821 г., на Е. Ф. Вадковской, внучке гр. И. Г. Чернышева. Намекая на «аристократизм» своего друга, Пушкин имел в виду англоманство Кривцова, которым тот проникся в бытность свою в Англии, где пленился английским бытом и «жизнью в замках, которая казалась ему идеалом частного существования» («Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 503). В 1824 г. он писал Пушкину письмо, но Пушкин получил его почему-то только в феврале 1831 г. и 10 числа писал Кривцову: «На днях получил я чрез Вяземского твое письмо, писанное в 1824. Благодарю, но не отвечаю».

98. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 91—92). Впервые напечатано в сб. «Старина и Новизна», кн. V. С.-Пб. 1902, стр. 13—14; подлинник (на бумаге без вод. зн.) был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева.

— Пушкин отвечает на следующую записку (из Москвы) князя Вяземского—первую, полученную им в Михайловском:

«Вяземский, видя в Московских Ведомостях объявление о продаже нового издания Кавказского Пленника [объявление это было помещено Ольдекопом в № «Московских Ведомостей» от 4 октября 1824 г.], писал к Жуковскому, чтобы узнать, с дозволения ли Сергея Львовича и вследствие ли какой-нибудь сделки с ним прислал сюда свое издание Ольдекоп: Жуковский, переговорив с Дельвигом, отвечал Вяз., что никакой сделки нет и что продажа нового издания — беззаконная. Вслед за сим Вяз. послал за книгопродавцом Ширяевым, который отвечал ему, что Ольдекоп заплатил Сергею Львов. за право продавать свое издание. Спрашивается, которое из двух обстоятельств справедливо: если право не дано Ольдекопу, то пусть Александр Пушкин пришлет формальную доверенность на имя Василия Львовича или на имя Вяземского, для остановления продажи в Москве, или в данной доверенности кому-нибудь в Петербурге упомянет о 200 экземплярах, купленных от Ольдекопа московским книгопродавцем Ширяевым».—Письмо Пушкина и служит ответом на эту «деловую» записку Вяземского, который, в свою очередь, ответил Пушкину 6 ноября (см. ниже). — Еще ранее, 9 сентября 1824 г., Вяземский писал Жуковскому по тому же делу: «Ты вероятно знаешь, что Ольдекоп перепечатал беззаконно поэму Кавказского Пленника, что Сергей Львович протестовал, что продажа была остановлена и проч. Теперь прислали в Москву на продажу. Я писал о том Шаликову, который говорил Ширяеву, который сказал, что Сергей Львович сделался с Ольдекопом и позволил ему продавать свое издание. Узнай, сделай милость, сейчас от Сергея Львовича, правда ли это? Если же нет, то пусть он немедленно напишет мне предъявительное письмо, которым я воспользуюсь для удержания продажи. Не надобно же дать грабить Пушкина. Довольно и того, что его давят. Если Сергея Львовича нет в Петербурге, ни сына его Льва, то ты можешь узнать о деле от Гнедича или Плетнева и тотчас отписал (бы) мне, а я через Оболенского [Попечителя Московского Учебного Округа и Председателя Цензурного Комитета] все могу предварительно остановить продажу. Так как это дело не мое и не твое, то надеюсь, что нечего погонять тебя, и я уверен, что ты тотчас все сделаешь исправно» («Пушкин. Сборник П. И. Бартенева, вып. II, стр. 25). О «плутне» Ольдекопа см. выше стр. 290—291, 329 и 345.

— Письмо дяди поэта, В. Л. Пушкина, до нас не дошло.

— Кн. В. Ф. Вяземская вернулась из Одессы к мужу в Остафьево в середине сентября; письмо к ней Пушкина см. ниже (№ 99). Тотчас по высылке Пушкина из Одессы она писала своему мужу 4 августа, вспоминая про поэта: «...Я очень люблю читать твои письма. Сколько раз мы с Пушкиным читали их и рассуждали по их поводу. Бедный Пушкин хохо-

№ 98. тал, как ребенок, читая то письмо, в котором ты говорил, что безусловно должен итти спать после оглушительного предупреждения Четвертинского». 8 августа она говорила мужу, что очень досадует, что не может исполнить его поручения и рассчитаться с Пушкиным, «которого очень любила. Я напишу ему еще до отъезда своего из Одессы и перепишу ему то, что ты пишешь мне для него. Бедный несчастливец, какое существование будет он теперь влачить!» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 140, 142).

— Французская фраза означает: «В ожидании повергни меня к ее ногам и скажи ей, что она — прелестная душа».

— Эпиграмма на гр. М. С. Воронцова известна еще и в другой редакции, рукописи которой не существует, но которая ходила по Одессе и была одною из причин ссылки Пушкина.

— «Цыганы» начаты были Пушкиным в Одессе в конце 1823 г. или в начале 1824 г.; отрывки из нее появились в «Полярной Звезде 1825 г.», в «Московском Телеграфе» 1825 г. (№ 11) и в «Северных Цветах на 1826 г.»; вся поэма целиком была издана отдельно в Москве в 1827 г.

— «Маленькое поминаньице за упокой души раба божия Байрона» — стихотворение «К морю» (см. выше, в письме № 89 и стр. 335), в котором Пушкин так вспоминал об английском поэте:

И вслед за ним [Наполеоном], как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.
Шуми, волнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могуч, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим...

— Бируков и Красовский — цензоры; см. выше, стр. 260, 305 — 306, 307, 328, 330.

— Брат Лайон—Л. С. Пушкин.

— Выше (стр. 349) было сказано, что когда, осенью 1824 г., незаконное Ольдекоповское издание «Кавказского Пленника» появилось в продаже в Москве, князь П. А. Вяземский поспешил вступиться за права Пушкина и 9 сентября обратился с запросом к В. А. Жуковскому; последний, переговорив с Дельвигом, выяснил, что никакой сделки с Ольдекопом не было, и ответил в том смысле, что «продажа нового издания беззаконна», Ширяев же утверждал, что Ольдекоп заплатил С. Л. Пушкину за право продавать издание (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 135). Тогда Вяземский обратился с запросом к самому поэту, который и ответил Вяземскому 10 октября. — Получив ответ Пушкина с опровержением утверждения Ширяева, Вяземский написал, 27 октября 1824 г., А. И. Тургеневу новое письмо: «Я сейчас получил письмо от поэта Пушкина. Он жалуется на грабительство Ольдекопа и просит меня вступиться за это дело. Научи, что делать, к кому писать: к Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего — сам похлопочи, только поскорее. Теперь у Пушкина только и оставалось, что деревенька на Парнассе, а если и ее разорять станут, то что придется ему делать? Вот письмо и от Сергея Львовича, которое растолкует тебе всю сущность дела. Неужели нет у нас законной управы на такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтоб Ольдекоп возвратил уже вырученные деньги за проданные экземпляры... Повидайся с Дельвигом, который также знает это дело, и пусть он напишет Пушкину, что дело к тебе перешло... Сделай милость, управься скорее и решительнее с Ольдекопом». — Тургенев переговорил с Дельвигом, и тот обещал побывать у Ольдекопа: «Я поручил ему», писал Тургенев кн. Вяземскому 1 ноября, «постращать его жалобою начальству, если он где служит и если он, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убыток. Ольдекоп сам нищий. Что с него взять? Я велел сказать ему, что буду на него жаловаться. Авось, страх подействует там, где молчит совесть».

(«Остаф. Арх.», т. III, стр. 86—87 и 90). Дальнейший ход дела см. в письме № 99.
Пушкина к кн. Вяземскому от 29 ноября (№ 107) и в объяснениях к нему, а также в статье Ю. Г Оксмана: «Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (По неизданным материалам)» — в сборнике: «Пушкин. Статьи и материалы. Под редакцией М. П. Алексеева», Одесса. 1925, стр. 6 — 11. Ср. еще письмо Пушкина к бар. Баранту от декабря 1836 г., опубликованное М. Л. Гофманом в сборнике «Недра», кн. 3-я, М. 1924, стр. 171—177.

— На это письмо Пушкина, полученное 27 октября («Остаф. Арх.», т. III, стр. 86), кн. Вяземский ответил Пушкину письмом от 6 ноября (ср. ниже, при объяснениях к письму № 107).

99. *Княгине В. Ф. Вяземской* (стр. 96 — 97). Впервые напечатано: в переводе—в книге П. В. Анненкова «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 269, с подлинника — в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 13 — 14, и в «Русск. Арх.» 1884 г., кн. II, стр. 191; полную транскрипцию черновика см. в конце IV тома; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 34 об. — 35.

Перевод: «Прекрасная и милая княгиня Вера, прелестный и великодушный друг! Не буду благодарить вас за ваше письмо: слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтобы выразить вам мое умиление и мою признательность. Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистической, чем моя. Она одна утешает такого, каков я, во многих моих горестях и одна могла утешить бешенство скуки, которая снедает мое глупое существование, — вы желаете знать его, это глупое существование. То, что я предвидел, сбылось. Мое присутствие среди моего семейства только удвоило мои горести, и без того достаточно существенные. [Правительство имело гнусность предложить моему отцу быть орудием преследования]. Меня попрекают моею ссылкою, считают себя вовлеченными в мое несчастие, утверждают, что я проповедую атеизм сестре — небесному созданию — и брату, потешному юнцу, который восторгался моими стихами и на которого я, всеконечно, нагоняю скуку. Богу известно, помышляю ли я об этом. Отец мой имел слабость принять на себя роль, которая поставила его во всяком случае в ложное положение по отношению ко мне. От этого происходит то, что я провожу верхом и в полях все время, что я не в постели. Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть, шум падающего ручья причиняет мне в буквальном смысле слова боль; думаю, что хорошее небо заставило бы меня плакать от ярости, *но слава богу: небо у нас сивое, а луна — точная репка*. Что касается моих соседей, то сперва я давал себе труд только не принимать их; они не надоедают мне; я пользуюсь среди них репутацией Онегина, — и так я пророк во отечестве своем. По части общества я часто видаюсь с одною доброю старою соседкою, слушаю ее патриархальные разговоры; дочери ее, довольно дурные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Я нахожусь в наилучшем, какое только можно себе представить, положении для того, чтобы окончить мой поэтический роман, но скука—холодная муза, и поэма моя совсем не подвигается; вот, однако, строфа, которою я вам обязан; покажите ее князю Петру [Вяземскому]; скажите ему, чтобы он не судил о всем по этому образчику. — Прощайте, уважаемая княгиня, я в грусти—у ваших ног. Не показывайте этого письма, как только тем, кого я люблю и которые интересуются мною по дружбе, а не из любопытства. Ради бога, одно слово об Одессе, о ваших детях. Советовались ли вы с доктором Мили? Что делает он *и что Мими*? — Князь...»

— Судя по положению в тетради № 2370, письмо это написано было в первой половине октября и представляет собою, очевидно, то письмо, о котором Пушкин говорит кн. Вяземскому в письме от 10 октября (№ 98): «немедленно буду к ней писать», а в письме к брату № 106 спрашивает: «Что письмо мое к К. В. Ф.?».

— Письмо кн. Вяземской к Пушкину, о котором он говорит, до нас не сохранилось; оно было послано Пушкину княгиней еще из Одессы, через

№ 99. Псковского губернатора, между 9 и 25 августа («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 142; см. ниже, в примеч., стр. 370, в письме к Пушкину князя Вяземского от 6 ноября 1824 г.).

— С. Л. Пушкин получил предложение Псковского губернатора Б. А. Адеркаса принять на себя надзор за сыном после того, как И. М. Рокотов (см. выше, стр. 346) отказался от этой обязанности; о согласии С. Л. Пушкина Адеркас извещал маркиза Паулуччи рапортом от 4 октября, в котором писал, что «по прибытии... коллежского секретаря Александра Пушкина и по отобрании у него подписки и по сношении о сем с родителем его, г. статским советником Сергеем Пушкиным, известным в губернии как по его добронравию, так и по честности, и который с крайним огорчением о учиненном преступлении сыном его отозвался неизвестностию, поручен в полное его смотрение с тем заверением, что он будет иметь бдительное смотрение и попечение за сыном своим» («Русск. Стар.» 1908, № 10, стр. 113: Отч. Публ. Библ. за 1900 и 1901 г., С.-Пб. 1905, стр. 232). Однако, уже в ноябре Пушкин-отец должен был отказаться от обязанности наблюдать за сыном.

— Говоря, что его считают Онегиным, Пушкин имел в виду V строфу 2-й главы «Евгения Онегина» (которая была написана в конце октября 1823 г. еще в Одессе):

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги, —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним:
«Сосед наш неуч, сумасбродит;
«Он фармазон; он пьет одно
«Стаканом красное вино...» и т. д.

— Обвинения Пушкина в безбожии, очевидно, служили отголоском его письма, перехваченного на почте (см. выше, № 77).

— Сестра Пушкина — Ольга Сергеевна, которой в это время было уже 26 лет; брату Льву Сергеевичу шел тогда 20-й год.

— «Добрая старая соседка» Пушкина — помещица с. Тригорского Прасковья Александровна Осипова, рожд. Вындомская, по первому браку Вульф (род. 23 сентября 1781, ум. 8 апр. 1859), через Надежду Осиповну Пушкину, мать поэта, бывшая в свойстве с ним; ей было в это время всего 43 года; незадолго до приезда поэта в Михайловскую ссылку она вторично овдовела (ее муж, ст. сов. Иван Сафонович Осипов, умер 5 февраля 1824 г.) и жила в Тригорском с многочисленной семьею, состоявшею из 8 человек детей: Алексея (род. 1805, в 1822—1826 гг. студент Дерптского Университета), Михаила (род. 1808, ум. 1832), Валериана (род. 1812, ум. 1845), Анны (род. 1799; см. выше, ее приписку в письме Пушкина на № 95) и Евпраксии (род. 1810, ум. 1883; с 1831 г. за бар. Б. А. Вревским) Вульфов, падчерицы Александры Ивановны Осиповой (ум. 1864; по мужу Беклешова; см. письмо к ней Пушкина от середины сентября 1835 г.) и дочерей от брака с И. С. Осиповым: Марии (род. 1820, ум. 1895) и Екатерины (род. 1823, ум. после 1908 г.; была замужем за В. И. Фоком). По выражению Анненкова, семейство Осиповой «действовало успокоительно на Пушкина. Он встречал в нем и строгий ум, и расцветающую молодость, и резвость детского возраста. Усталый от увлечений первой эпохи своей жизни, Пушкин находил удовольствие в тихом чувстве и родственной веселости: грациозная гримаса, детская шалость нравились ему и занимали его» (Материалы, С.-Пб. 1873, стр. 115). — Осипова, по словам М. И. Семевского, «с давнего времени была весьма близка к семейству С. Л. Пушкина, но Александра Сергеевича, кажется, узнала только с первого года по выходе его из Лицея. Молодой Пушкин скоро привязался к другу его

семейства, и эта привязанность обратилась в чувство глубокой и искренней дружбы с того времени, когда поэт наш, летом 1824 г., водворен был на жительство в Михайловском или (как он любил ошибаться, называя свое местопребывание) в Тригорском. Вместе с привольем вполне обеспеченной жизни он находил в семействе г-жи Осиповой людей, вполне ему сочувственных, понимавших изящное во всех его проявлениях, добрых, веселых и умных... И сама хозяйка, и ее дети любили Пушкина, как брата, как самого дорогого друга. Пушкин платил теми же чувствами любви и дружбы, и они прекрасно выражены им в письмах к Прасковье Александровне. Пушкин никогда ее не забывал: он обращался к ней во все переходы своей коловратной жизни с 1824 г. и с полным чистосердечием поверял ей, незадолго еще до своей кончины, всю горечь судьбы своей» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 119—120). П. И. Бартенев высказывается в том же смысле, говоря, что во время ссылки «поэт нашел себе нравственное убежище у П. А. Осиповой, которая, вместе с Жуковским, сумела понять чутким, всеизвиняющим сердцем, что за вспышками юношеской необузданности, за резкими отзывами сохранялась во всей чистоте не одна гениальность, но и глубокое, доброе, благородное сердце и та искренность, которая и доселе дает его творениям чарующую силу и власть над людьми» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2362). П. А. Осиповой Пушкин посвятил свои «Подражания Корану» и стихотворения: «Простите, верные дубравы», «Быть может, уж не долго мне» и «Последние цветы»; Анне Николаевне Вульф — шутливое четверостишие: «За Netty сердцем я летаю», а Евпраксии Николаевне — тоже шутливое пятистишие «Вот, Зина, вам совет: играйте»... и стих. «Если жизнь тебя обманет»; А. И. Осиповой — стих. «Признание». — Биографию П. А. Осиповой и сведения о ее семье см. в статье Н. Н. Кашкина «Род Вындомских» — «Родословные разведки», т. II, С.-Пб. 1913, в статьях: «Поездка в Тригорское», Б. Л. Модзалевского («Пушк. и его совр.», вып. I) и «Прогулка в Тригорское», М. И. Семевского («С.-Пб. Ведом.» 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175), книгу Л. Н. Майкова: «Пушкин», С.-Пб. 1899, и работу М. Л. Гофмана: «Дневник А. Н. Вульфа» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 205—208.

— О композиторе Россини см. выше, стр. 284, 290. В Тригорском до 1918 г. сохранялось старинное пианино, на котором дочери Осиповой играли Пушкину. Теперь дом в Тригорском и все, что в нем было, кроме пианино, — сожжено во время революции; спаслось только то, что ранее было передано владелицею усадьбы, бар. С. Б. Вревскою, в Пушкинский Дом Академии Наук.

— Поэтический роман или поэма Пушкина — «Евгений Онегин»; какую строфу посылал Пушкин княгине Вяземской, догадаться не можем.

— Мими — быть может, маленькая семилетняя графиня Гурьева, хворавшая во время отъезда Пушкина из Одессы и вскоре затем умершая, к большому горю кн. В. Ф. Вяземской; Пушкин еще позже спрашивал о ее здоровье в письме к Д. М. Княжевичу (№ 109 и ниже, примечания, стр. 373); а может быть ее сестра, шестилетняя графиня Мария Александровна (род. 20 июля 1818, ум. 31 января 1890), впоследствии княгиня Куракина.

100. *В. А. Жуковскому* (стр. 93). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2356; подлинник (на бумаге — вод. зн. B. & M. 1823) в Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского, л. 235.

— Письмо это в издании П. А. Ефремова (т. VII, стр. 137) отнесено к декабрю 1824 г., хотя в примечании и отмечена возможность того, что оно написано «между письмами 31 октября и 24 ноября, так как в последнем уже есть *повторительный* вопрос о *Родосе*. Может быть даже, что оно написано еще до ссоры с отцом и что упоминаемое в начале «очень нужное письмо» написано было вскоре по приезде, *до отъезда* Льва Сергеевича в Петербург, и было посвящено просьбе о Родосе, но до нас не дошло». П. О. Морозов в своем издании (т. VIII, стр. 81) оставил при письме дату «декабрь», хотя в примечании (стр. 451) и отметил, что соображения П. А. Ефремова «повидимому справедливы». В Академи-

№ 100. ческом издании Переписки Пушкина (т. I, стр. 146—147) письмо датировано: «первая половина ноября». Мы относим его ко времени еще более раннему, — до письма Пушкина к Адеркасу и до письма Пушкина к Жуковскому же от 31 октября (№ 102), так как: 1) в письме этом поэт пишет, что боится рассердить Жуковского, «вываливая, что у него на сердце», — что сделал он в полной мере в письме от 31 октября, не сдержав себя после окончательной ссоры с отцом; 2) Пушкин пишет, что с братом пришлет Жуковскому своих стихов, а из ответа Жуковского на письмо от 31 октября видно, что Л. С. Пушкин явился в Петербурге к Жуковскому одновременно с письмом от 31 октября — следовательно — в первых числах ноября, — никак не позже (13 ноября 1824 г. он был определен на службу — см. ниже, стр. 355); 3) в ответе Жуковского на письмо от 31 октября, который был написан (в виду просьбы Пушкина «поспешить») не позже, как в первой половине ноября, не содержалось ответа на просьбу Пушкина о Софианос, почему он, в письме своем от 29 ноября (после того, как поручил брату, в письме от *середины* ноября сообщить Жуковскому, что дело с письмом к Адеркасу улажено) и повторяет свою просьбу о ней.

По поводу публикации писем Жуковского к Пушкину, П. И. Бартенев дает такую краткую, но весьма меткую характеристику их обоих и их взаимоотношений: «Жуковский и Пушкин — люди не только разного, но почти противоположного характера. В стихах и жизни Пушкина ощущается пыл и зной Африки; по свидетельству лиц, близко наблюдавших его, он иногда чувствовал такую горячность и прилив крови, что должен был освежать себе голову водою, для чего вдруг посреди оживленной беседы убегал в другую комнату. Вертлявый и непосестный, Пушкин был весь жизнь и движение. Мать Жуковского — турчанка из нынешней Бессарабии, и в сыне ее сказалась тихая, задумчивая созерцательность турецкого племени. По природе своей Жуковский был ленив и неподвижен, охотно привязывался к месту и обстановке, мог проводить целые часы на диване, потягивая трубку, и самый голос у него был протяжно-медлительный, а движения всегда спокойные. В беседе — добродушная и нередко затейливая шутка у Жуковского; краткое, меткое и заостренное слово — у Пушкина. К несходству нрава присоединялась и разница возраста: один другого старше был на 13 лет. И, несмотря на это, они связаны были тесною дружбою. Их уравнивало и соединяло единство призвания, и оба они оставили нам собою высокий пример верности этому призванию... Пушкину, при всех его увлечениях и шероховатости в сношениях с людьми, Жуковский оставался голосом совести и непрерывной святыни. «Чертовски-небесная душа» — говаривал он про него. Жуковский, уже покрытый славою в то время, когда возникал Пушкин, исполнился безграничной любви к его гению и в течение всей его жизни охранял и лелеял его своею заботою. К сожалению переписка их дошла до нас не вполне» («Русск. Арх.» 1889 г., кн. III, стр. 112).

— Софианос — или Софиано, отец сироты, был один из гетеристов, сподвижников князя Ипсиланти в его действиях за освобождение Греции, и был убит в Скулянской битве гетеристов с турками 29 июня 1821 г.; его брат был подполковником Камчатского пехотного полка в дивизии М. Ф. Орлова.

— Первое, «очень нужное письмо» Пушкина к Жуковскому, в котором поэт говорил о Софианос, до нас не сохранилось. Пушкин еще из Одессы просил за нее Жуковского, как видно из ответа Жуковского Пушкину от 1 июня 1824 г. (см. выше, примеч., стр. 330). Повторение просьбы Пушкина из Михайловского объясняется тем, что Пушкин в это время мог познакомиться с женою Опочецкого Уездного предводителя дворянства А. Н. Пещурова — Елизаветою Христофоровною, рожденною Комнено, сестрою Екатерины Христофоровны Крупенской (жены бывшего Бессарабского вице-губернатора Матвея Егоровича Крупенского), у которой воспитывалась Софианос. С семьею Крупенских Пушкин, как известно, был знаком еще в Кишиневе (см. выше, стр. 15 и 219, письмо № 19, и в статье

Б. Л. Модзалевского о письмах кн. А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову — № 101. «Летопись Историко-Родословного Общества в Москве», вып. 4, М. 1900, стр. 7); об Е. Х. Крупенской, со слов Кишиневского приятеля Пушкина В. П. Горчакова, П. И. Бартенев рассказывает, что она происходила «из славного царского рода Комненов, воспитывалась в Смольном монастыре и совсем обрусела. Пушкин с Горчаковым любили ходить к ней, потому что им надоедали плацинды и каймаки других Кишиневских хлебосолов, а у Крупенской подавался Русский хороший обед. Пушкин, бывало, нарисует Крупенскую — похожа; расчертит ей вокруг волоса, — выдет сам он; потом на эту же самую голову накинет карандашем чепчик — опять Крупенская» («Русск. Арх.» 1900, кн. I, стр. 403). Пещуровы были хорошо знакомы с П. А. Осиповой и бывали у нее в Тригорском, где Пушкин и мог встретиться с Е. Х. Пещуровою; вскоре он официально познакомился и с самим Пещуровым (см. ниже), надзору которого был поручен, как Опочецкий дворянин.

— О Скулянской битве см. выше, стр. 268.

— «Сердце Марии» — т. е., императрицы Марии Федоровны, покровительницы многих женских образовательных и воспитательных учреждений.

— О неприятностях Пушкина — см. в следующих письмах.

— Брат Пушкина Лев Сергеевич поехал в Петербург в первых числах ноября, так как 13 ноября 1824 г. он был принят на службу в Департамент Духовных Дел Иностранных исповеданий; потом отправилась в столицу и сестра Пушкина, Ольга Сергеевна, — вероятно, с матерью, а числа 18 — 19 ноября выехал из Михайловского и отец Пушкина, Сергей Львович, приехавший в Петербург 21 ноября (П. Бартенев, Пушкин, вып. II, стр. 29); по случаю смерти, 14 октября 1824 г., своей сестры Анны Львовны Пушкиной он с семьею собирался ехать в Москву, — этим, может быть, и объясняется сообщение П. А. Осиповой в письме к Жуковскому от 22 ноября («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2361; ср. ниже, стр. 358).

— Семейство историографа Н. М. Карамзина состояло из жены, Екатерины Андреевны («левой» сестры кн. П. А. Вяземского), дочери — фрейлины Софии (род. 1802, ум. 1856) и маленьких еще детей: Андрея (род. 1814, ум. 1854), Александра (род. 1815, ум. 1888), Владимира (род. 1819, ум. 1879), Екатерины (род. 1809, ум. 1867) и Елисаветы (род. 1821, ум. 1891).

101. *Б. А. Адеркасу* (стр. 94). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2359 (с неверным раскрытием отчества Адеркаса), по современной копии П. А. Осиповой; копия эта находится в Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского.

— Борис Антонович Адеркас был Псковским гражданским губернатором десять лет — с 12 декабря 1816 по 12 сентября 1826 г., когда его заместил А. Ф. Квитка (1825 — 1830), замененный в свою очередь А. Н. Пещуровым. Из Пскова Адеркас был переведен губернатором в Воронеж, где и прослужил до своей вынужденной отставки — 28 января 1830; по словам И. И. Василёва, он и умер в Воронеже в 1831 г. («Следы пребывания Пушкина в Псковской губернии», СПб. 1899, стр. 5; см. еще ниже, стр. 523). — Письмо к Адеркасу было послано Пушкиным с нарочным во Псков, но по назначению, кажется, не дошло; по одним известиям посланный не застал губернатора и вернулся в Михайловское с пакетом, который Пушкин и истребил (письмо П. А. Осиповой к Жуковскому), а по другим — история с письмом к Адеркасу «была просто выдумка, направленная к тому, чтобы сильнее подействовать на безгранично доброго и честного Жуковского (Анненков, Пушкин, стр. 272; ср. письмо Пушкина № 102); наконец, по предположению П. О. Морозова, возможно, что Пушкин действительно написал это письмо в минуту сильного возбуждения, после ссоры с отцом, а П. А. Осипова приказала слуге не передавать письма по адресу и вернуть его под предлогом, будто губернатора не было в городе; между тем, поэт успел притти в себя и уничтожил письмо (Соч. П., ред. П. О. Морозова, т. VIII, стр. 447 — 448). Как бы то ни было, положение дел было, действительно, острое. П. А. Осипова, после того, как Пушкин

№ 102. написал письмо к Адеркасу, послала копию с него Жуковскому и писала ему при этом (в последних числах октября или в первых — ноября): «Милостивый государь Василий Андреевич. Искреннее участие (не светское), которое я с тех пор, как себя понимать начала, принимаю в участи Пушкина, пусть оправдывает в сию минуту перед вами меня, милостивый государь, в том, что, не имея чести быть вам знакомой, решилась начертать сии строки. Из здесь приложенного письма усмотрите вы, в каком положении находится молодой, пылкий человек, который, кажется, увлеченный сильным воображением, часто к несчастию своему и всех тех, кои берут в нем участие, действует прежде, а обдумывает после. — Вследствие некоторых недоразумений или, лучше сказать, разных мнений, по одному же, однако, предмету, с отцом своим, — вот какую просьбу послал Александр к нашему Адеркасу. Я все то сделала, что могла, чтобы предупредить следствие оной; но не знаю,удачно ли: потому что г. Адеркас, хотя человек и добрый, но был прежде полицемейстер. Я трепещу следствий для нежной матери, да и отца! Может вогнать прежде времени в гроб. Несмотря на все, что теперь происходило, Александр, кажется, имеет счастие пользоваться вашим доброжелательством. Не дайте погибнуть сему молодому, но, право, хорошему любимцу Муз. Помогите ему там, где вы; а я, пользуясь несколько его дружбою и доверенностью, постараюсь, если не угасить вулкан, — по крайней мере направить путь лавы безвредно для него» и т. д. («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2358 — 2359). Жуковский отвечал Осиповой 12 ноября: «Милостивая государыня Прасковья Александровна. Я имел честь получить письмо ваше, которое, признаюсь, привело меня в совершенное замешательство: я не знал, что делать, кого просить и о чем. Слава богу, что все само собою устроилось. Лев Пушкин уверял меня, что письмо к Адеркасу остановлено и что оно никаких следствий иметь не может. И так мне ничего теперь делать не нужно, и я этому сердечно рад, ибо уверен, что мог бы скорее повредить, нежели принести пользу. Из письма Алек[сандра] [Пушкина] заключаю, что печальное его положение сделалось еще для него тягостнее от семейственного несогласия. И кажется мне, что в этом случае все виноваты. Я увижусь с Сергеем Львовичем и скажу ему искренно, что́ думаю о его поступках: не знаю, поможет ли моя искренность. А ваша дружба пускай действует благодетельно на нашего поэта. Примите мою благодарность за доверенность, которой вы меня удостоили. Усерднейше прошу вас уведомить меня о следствиях, которые имело письмо к Адеркасу: не надеюсь, чтобы А. взял на себя этот труд. Он слишком для этого беспечен» и т. д. («С.-Пб. Вед.» 1866 г., № 146, стр. 2).

— Объяснение своему возбуждению Пушкин дал в письме к Жуковскому от 31 октября (№ 102), в котором просил его помощи.

— Письмо к Адеркасу в середине ноября было снова в руках Пушкина (см. в письме № 106).

102. *В. А. Жуковскому* (стр. 102—103). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2354—2356; подлинник (на бумаге вод. зн. 1821) —в Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского; черновое (не полно) — у Анненкова: «Пушкин в Александровскую эпоху», С.-Пб. 1874, стр. 272—273; подлинник — в б. Румянц. Музее № 2370, л. 36 об.—37.

— Пещуров—Алексей Никитич (род. 1779, ум. 1849); в это время он был Опочецким Уездным Предводителем дворянства (с декабря 1822 по март 1829 г.); Пушкин, как местный дворянин, был поручен его наблюдению, при чем Пещуров, по распоряжению маркиза Паулуччи, вызывал к себе С. Л. Пушкина и предложил ему взять на себя надзор за сыном (Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 268). Наблюдение Пещурова, повидимому, было лишь формальное, — по крайней мере не сохранилось о нем никаких документов, и Пушкин однажды, в августе 1825 г., был даже в гостях у Пещурова (см. письма его №№ 168 и 172). Кн. А. И. Урусов, со слов кн. А. М. Горчакова, сообщает, что, когда, по приезде Пушкина из Одессы, к нему «был приставлен полицейский чиновник с специальною обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего

не писал предосудительного», «Пещуров, из любви к нему, ходатайствовал у маркиза Паулуччи (тогдашнего Рижского генерал-губернатора) о том, чтобы этот надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки, обещая, что поэт ничего дурного не напишет. Ходатайство имело успех, — и Пушкин вздохнул свободнее» («Русск. Арх.» 1883 г., кн. III, стр. 205—206). Отношения Пушкина и Пещурова смягчались благодаря тому еще, что (как сказано было выше) поэт в Кишиневе знаком был с сестрою и зятем жены Пещурова—Е. Х. и М. Е. Крупенскими; кроме того, Пещуров приходился дядей товарищу Пушкина по Лицею — кн. А. М. Горчакову и присутствовал на выпускном акте Лицея 9 июня 1817 г., на котором Пушкин читал свое стихотворение «Безверие»; через 8 лет после этого Пушкин встретился с Горчаковым (в сентябре 1825 г.), когда тот приезжал к дяде в его имение, с. Лямоново, Опочецкого уезда («Русск. Арх.» 1883 г., кн. III, стр. 205—206; Я. К. Грот, Пушкин, стр. 268; Б. Л. Модзалевский, К биографии канцлера князя А. М. Горчакова — «Летопись Историко-Родословного Общества в Москве» 1906 г., вып. 4, М., стр. 4—7). Впоследствии (с 1830 по 1839 г.) Пещуров был Псковским гражданским губернатором, и ему пришлось принимать участие в распоряжениях по погребению Пушкина в Святогорском монастыре (см. Б. Л. Модзалевский, Смерть Пушкина. Шесть писем—«Пушк. и его совр.», вып. VI, стр. 109—116; Н. О. Лернер — «Русск. Стар.» 1907 г., № 2, стр. 453—457: «О перевозке тела камер-юнкера Пушкина для погребения в Псковскую губернию»). Письмо Пещурова к отцу поэта, С. Л. Пушкину, от 28 мая 1837 г., см. в сборн. «Пушк. и его совр.», вып. VIII, стр. 74—75.—В 1839 г. Пещуров был назначен сенатором и в этом звании и скончался; одна из его дочерей, Софья Алексеевна, была за младшим товарищем Пушкина по Лицею (вып. 1820 г.)—Владимиром Петровичем Пальчиковым (Б. Л. Модзалевский, «Летопись Ист. Родосл. Общ. в Москве» 1906, вып. 4, стр. 7—8; Записки В. П. Зубкова, с предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевскаго, С.-Пб. 1906, стр. 85 — 99). Ср. ниже, стр. 487. № 102.

— О безбожии Пушкина и о том, что он учит ему брата и сестру, см. выше, в письме № 99 и в примеч., стр. 352. По поводу этих слов Пушкина П. И. Бартенев писал, что это обвинение объясняется, в устах С. Л. Пушкина, «тогдашним настроением императора Александра Павловича, распространившимся в ближайших ко двору сферах. Это было именно в то время, когда первенствовал Магницкий и архимандрит Фотий, клеймившие именем безбожника даже самого князя Александра Николаевича Голицына. Вдобавок, поводом к ссылке Пушкина послужило перлюстрированное письмо его в Москву к издателю «Бахчисарайского Фонтана» [князю П. А. Вяземскому—см. выше, № 77].... Нет сомнения, что забавное ханжество высших лиц, еще так недавно глумившихся над святынею, вызывало противодейственные отзывы в душах искренних, каковою была пылкая душа Пушкина. Он был, что называется, бельмо в глазу для мундирно-богомольствовавшей власти, тем паче, что с выходом в свет «Бахчисарайского Фонтана»... его имя всюду произносилось с восторгом. А тут еще вдобавок он дружит с Раевскими и Давыдовыми, он ездит в Каменку, он волен духом и вполне независим в своем творчестве. Всего этого не знал Сергей Львович, и мы не вправе даже обвинять его за то. С сыном у него было мало общего. Поступив в Лицей 12 лет от роду, он вырос и развился вдали от родительского дома, почти что ему чуждый» («Русск. Арх.» 1872, ст. 2355).

— Французская фраза Пушкина в переводе означает: «с этим чудовищем, с этим сыном, извратившим всякие законы природы». Позже И. В. Киреевский передавал П. И. Бартеневу рассказ, слышанный им от Ф. Ф. Матюшкина (и относимый Бартеневым, едва ли правильно, к январю-февралю 1820 г.), «как поэт с пистолетом в руках разговаривал с отцом своим» («Русск. Стар.» 1884 г., кн. III, стр. 194, примеч.). Эту сцену со скупым отцом своим Пушкин, по мнению А. И. Кирпичникова, вспомнил, когда писал сцену ссоры «Скупого Рыцаря» с сыном («Русск. Стар.» 1899 г., № 2, стр. 441).

№ 102. — В словах «хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем» слышится воспоминание о наказании, проектировавшемся для поэта правительством еще при первой его ссылке, в мае 1820 г. (см. выше, стр. 205, 206).

— «Я hors de loi» значит—«я вне закона».

— «Бумага губернатору»—письмо Б. А. Адеркасу (см. выше, № 101). 22 ноября П. А. Осипова писала Жуковскому, получив его письмо от 12 числа:... «Приятной обязанностью себе поставляю исполнить желание ваше насчет положения дел любезного нашего поэта. К похождению письма его смело можно сказать, что на сей раз Pouchkine fût plus heureux que sage [т.-е.: Пушкин был более счастлив, чем благоразумен]. У вас был ужасный потоп, а у нас распутица. Посланный его не нашед губернатора во Пскове, через неделю возвратился, не отдав письма никому. Теперь отдал его А. С-чу, и он сказал мне вчера, что его уничтожил,— и душе моей стало легче» и т. д. («Русск. Арх.» 1872, ст. 2359—2360). О письме П. А. Осиповой к Жуковскому и о происшедшем с Пушкиным и с копией письма его к Адеркасу см. выше, стр. 355—356.

— Жуковский ответил Пушкину следующим письмом, которое мы относим не к середине ноября, как оно датировано в Акад. издании Переписки (т. I, стр. 147—148), а к первой половине этого месяца (см. выше, стр. 354): «Милой друг, твое письмо привело бы в великое меня замешательство, естьли бы твой брат не приехал с ним вместе в Петербург и не прибавил к нему своих словесных объяснений. Получив его, я точно не знал, на что решиться; вот первая мысль, которая мне представилась: ехать к Паулуччи (который здесь и с которым NB я очень мало знаком) предупредить его насчет твоего письма к Адеркасу и объяснить ему твое положение. И я это бы сделал (ибо ничего другого не мог придумать), естьли бы не явился твой Лев и не сказал мне, что все будет само собою устроено. Без него, желая тебе сделать пользу, я только бы тебе вероятно повредил, то-есть обратил бы внимание на то, что лучше оставить в неизвестности, и не могу поручиться, уважил ли бы Паулуччи мою прозьбу. Тургенева [Александра Ивановича], который с ним хорошо знаком, нет в Петербурге: он поехал в Москву, где ожидает его смерть матери [она, действительно, скончалась в ноябре 1824 г.]. На письмо твое, в котором описываешь то, что случилось между тобою и отцем, не хочу отвечать, ибо не знаю, кого из вас обвинять и кого оправдывать. И твое письмо, и рассказы Льва уверяют меня, что ты столь же не прав, сколько и отец твой. На все, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: Поэзия. Ты имеешь не дарование, а Гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастия и обратить в добро заслуженное; ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом: будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастие и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые—шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет, я стою на пустом берегу, я вижу в волнах силача; и знаю, что он не утонет, есть ли употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, естьли захочет сам. Плыви, силач! А я обнимаю тебя. Уведомь непременно, что сделалось с твоим письмом. Читал Онегина и разговор, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе место, естьли с высокостью гения соединишь и высокость цели! Милый брат по Аполлону! это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни».

— Пушкин в середине ноября просил брата (письмо № 106) успокоить Жуковского и сказать, что, «слава богу, все кончено», а, получив письмо Жуковского, отвечал ему 29 ноября (№ 108); 22 ноября сам Жуковский сообщал А. И. Тургеневу: «Слухи, дошедшие до вас о Сверчке, пустые: он в деревне по-прежнему; но едва не наделал глупостей, которые, кажется, иметь следствий не будут. Я получил от него письмо, которое было меня очень взбудоражило; но брат его приездом своим меня успо-

коил. Я отвечал ему и жду от него уведомления. Отец приехал в Петербург вчера. Я еще с ним не видался; но и он с своей стороны, кажется, делает ребяческие глупости. Хочу ему прочитать проповедь, на которую я приглашу его к себе. Бед никаких не случилось, но могли бы случиться. Расскажу при свидании» («Русск. Арх.» 1884 г., кн. I, стр. 397; то же П. Бартенев, Пушкин, вып. II, стр. 29). — В тот же день П. А. Осипова писала Жуковскому, отвечая на приведенное выше (ст. 356) письмо его от 12 ноября: «Желаю искренно, чтоб советы ваши приняты были Сергеем Львовичем и исполнены. Мне приятно было заметить из письма вашего, что мы с вами совершенно согласны во мнении насчет несогласия сих двух особ — отца и сына. А причина сих вечных между ними несогласий есть страшная мысль, которая, не знаю от чего, вселилась с обеих сторон в их умах. Сергей Львович думает, и его ничем не можно разуверить, что сын его не любит, а Алекс. уверен, что отец к нему равнодушен и будто бы не имеет попечения о его благосостоянии. От сего происходит, что они обоюдно толкуют каждый в свою очередь поступки один другого ложно, а потому действуют равно ошибочно. Быв лишь чуждая и посторонняя совершенно между ними, я более правды говорила любезному нашему анахорету, чем бы он выслушал от своей нежной Надежды Осиповны. — Я живу в двух верстах от с. Михайловского, где теперь А[лександр] П[ушкин], и он бывает у меня всякий день. Желательно бы было, чтобы ссылка его сюда скоро кончилась; иначе.... я боюсь быть нескромною, но желала бы, чтоб вы, милостивый государь Василий Андреевич, меня угадали. Если Александр должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас, Русских, его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть. Он теперь так занят своим положением, что без дальнего размышления из огня вскочит в пламя, — а там поздно будет размышлять о следствиях. — Все здесь сказанное — не пустая догадка, но прошу вас, чтобы и Лев Сергеевич не знал того, что я вам сие пишу. Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близ лежащих к ней через Альпы земель полезен для Русских Орлов, и оной не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет» («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 2360 — 2361).

103. *Л. С. Пушкину* (стр. 95—96). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 240 (отрывок) и в «Библ. Зап.» 1858 г., т. I, стр. 47; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 1254.

— Пушкин в это время большею частью жил в Тригорском, редко бывая в Михайловском, так как там тогда еще жил его отец; между тем последний, поняв, после столкновений с сыном, всю ложность занятой им по отношению к нему позиции, сообщил (в ноябре) А. Н. Пещурову, что «не может воспользоваться доверием», делаемым ему генерал-губернатором Паулуччи, — и взять на себя наблюдение за сыном, «потому что, имея главное поместье в Нижегородской губернии, а всегдашнее пребывание в Санктпетербурге, он, по делам своим, может потерпеть совершенное расстройство, оставаясь неотлучно при одном сыне, — тем более, что непредвидимые обстоятельства [смерть сестры] вынуждают его быть вскоре в Москве» («Голос» 1868 г., № 72, — перепечатка из «Псковских Губернских Ведомостей» 1868 г., № 10; «Русск. Стар.» 1908 г., № 10, стр. 114).

— Это письмо Пушкина отправлено было брату, Льву Пушкину, в Петербург с сестрою Ольгою Сергеевною Пушкиною, отправившеюся туда, вероятно, с матерью и в сопровождении крепостного человека (приказчика) Михайлы Калашникова (см. ниже, стр. 360); она и должна была рассказать брату «о новых фарсах» поэта.

— Annette — Анна Николаевна Вульф (см. выше, стр. 348).

— «Происшествия» с Пушкиным были известны Жуковскому из письма к нему самого поэта от 31 октября (№ 102).

— Едва Лев Пушкин успел приехать в Петербург, как 14 ноября 1824 г. Начальник Главного Штаба И. И. Дибич обратился уже о нем

№ 103. с запросом к А. С. Шишкову, Министру Народного Просвещения; содержание этого запроса видно из ответа Шишкова, от 16 ноября:... «Пушкин, о котором вы спрашиваете меня, есть сын 5-го класса Сергея Пушкина; самого его зовут Львом. Он определен в январе месяце 1823 года в бывший Департамент Духовных Дел по виду, выданному ему из Герольдии о дворянском его происхождении; чина доныне никакого не имеет. При определении не представлено от него аттестата о его учении. Ныне же показал он, что обучался около двух лет в здешнем Университетском Пансионе и исключен из оного в начале 1821 года, по поводу обиды, сделанной учениками сего Пансиона учителю Пенинскому. В Департаменте Духовных Дел не замечен он в худых поступках.... Между тем требую я точнейшей справки, за что именно Пушкин исключен из Пансиона и о последствии не умедлю вас, м. г. мой, уведомить»... (Архив Главн. Штаба, Секр. опись 1824 г., д. № 61; «Русск. Стар.» № 2 1901 г., стр. 436). Ср. ниже, стр. 384—385.

— Лев Пушкин повез в Петербург, для представления в цензуру, 1-ю главу «Евгения Онегина»: в письме № 105 поэт сообщал брату поправку к XXVIII строфе и к «Разговору книгопродавца с поэтом».

— Ponce-Denis Ecouchard Le Brun (род. 1729, ум. 1807) — французский легкий поэт, прозванный Пиндаром XVIII века; произведения его были хорошо знакомы Пушкину еще в Лицейский период и отразились в нем некоторыми мелкими влияниями (см. «Пушк. и его совр.», вып. XIV, стр. 99, 100, 117, в статье П. Е. Щеголева; вып. XIX—XX, стр. 60, в статье И. И. Бикермана, и вып. XXVIII, стр. 70—72, в статье Б. В. Томашевского; см. еще в сб. «Поэтика», изд. Akademia, Лгр. 1926, в статье Р. Р. Томашевской, стр. 96—97).

— Saint-Florent — француз-книгопродавец в Петербурге.

— Михайло—упомянутый выше (стр. 359) крепостной Михаил Иванович Калашников, служивший в Михайловском, в «дворне», еще при «арапе», т. е. при Иосифе Абрамовиче Ганнибале, которого хорошо помнил (см. еще ниже, стр. 488). Он управлял сперва Михайловским, а потом, с 30 января 1825 г., Болдиным — Нижегородским имением Пушкиных; после смерти поэта (который упоминает о Калашникове и о его семье в письме к управляющему И. М. Пеньковскому от 14 июня 1836 г.), Калашников был отдан в семью его тетки Е. Л. Сонцевой и управлял ее подмосковным имением Березки, Подольского уезда; в 1843 г., по «кормежному письму», он отпущен был «на оброк», приютился у своих недостаточных детей в Петербурге и умер в бедности осенью 1858 г., 90 лет от роду. Пушкин упоминает его еще в письмах 1834 г. Два письма Калашникова к поэту, 1833 и 1834 г., см., в книге «Письма Пушкина и к Пушкину. Собрал М. Цявловский», М. 1925, стр. 19—20. См. еще ниже, стр. 488.

— В библиотеке Пушкина сохранилось два экземпляра книги «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева», с портретом Пугачева, М. 1809 (эту книгу Пушкин позже изучал во время работ своих над «Историей Пугачева» и назвал ее «глупым романом»); вероятно, эту книгу и просил прислать Пушкин (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 9 и 59).

— О «Путешествии по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола см. выше.

— Пушкин в это время писал свои «Подражания Корану», которые впоследствии напечатал с посвящением П. А. Осиповой.

— Нащокин — Павел Воинович (род. 1800, ум. 1854), товарищ по Петербургскому Университетскому Благородному Пансиону Л. С. Пушкина, куда они вместе поступили в 1817 году, и С. А. Соболевского; он служил недолго в Измайловском полку, около 1824 г. вышел в отставку поручиком, переселился в Москву и здесь прожил «в совершенной праздности лет тридцать, до смерти своей» (М. О. Гершензон, Пушкин и Нащокин — Соч. Пушкина, под ред. Венгерова, т. V, стр. 18—29); впоследствии, в после-Михайловский период своей жизни, Пушкин тесно сдружился с Нащокиным (см. письма к нему, начиная с 1830 г., Дневник Пушкина, изд. под нашей редакцией, Пгр. 1923, и книгу: «Рассказы о Пушкине, записанные

со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского», М. 1925 стр. 13—14); в 1824 г. он жил еще в Петербурге, но уже в отставке. Не исключена, впрочем, возможность того, что здесь Пушкин имеет в виду не своего будущего друга, а другого Нащокина — Павла Александровича; в 1816 г. (27 октября) из юнкеров л.-гв. Гусарского полка произведенный в корнеты, этот Нащокин был адъютантом великого князя Михаила Павловича, а в 1824 г. был штабс-ротмистром л.-гв. Гусарского полка и адъютантом военного министра А. И. Татищева; с этим гусаром Пушкин был, конечно, знаком еще со времен своей Лицейской жизни в Царском-Селе, где квартировал л.-гв. Гусарский полк; впоследствии П. А. Нащокин был полковником (с 1830 г.), а в январе 1838 г. был уволен от службы с чином действительного статского советника и умер 8 сентября 1843 г., 45 лет. № 105.

— Сабуров — также, вероятно, лейб-гусар, штабс-ротмистр и тоже адъютант А. И. Татищева — Андрей Иванович Сабуров (род. 30 июля 1797, ум. 15 февраля 1866), впоследствии обер-гофмейстер и Директор имп. Театров, о котором позже Пушкин упомянул в 8-й главе «Евгения Онегина» (стр. XXVI):

Тут был Сабуров, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший,
St.-Priest, твои карандаши...

А. И. Сабуров 1-й служил в лейб-гусарах с 29 мая 1816 по 8 ноября 1827 г. и, по словам Л. И. Поливанова, был оригиналом для карикатур известного графа Сен-При (Соч., изд. 1887 г., т. IV, стр. 267); его троюродный брат Яков служил там же в 1818 — 1821 г., а родной брат Александр — в 1816 — 1826 (К. Манзей, История л.-гв. Гусарского полка, ч. III, 1859, стр. 83, и «Пушк. и его совр.», вып. XVII — XVIII, стр. 11; один из них упоминается в «Молитве лейб-гусарских офицеров»); был и 4-й гусар Сабуров, троюродный брат трех вышеназванных — Яков Васильевич, лейб-гусар в 1816 — 1819 г. — Яков Иванович Сабуров, выйдя из полка, по домашним обстоятельствам, 9 января 1821 г. поручиком, затем служил при Инзове — одновременно с Пушкиным; в 1852 г. Лев Пушкин, умирая, назначил его и С. А. Соболевского опекунами своих детей; тогда Сабуров был, в чине колл. асс., Тамбовским Уездным предводителем дворянства (1840 — 1853) (см. А. Н. Нарцов, Материалы для истории родов Мартыновых и Слепцовых, Тамбов. 1904, стр. 61 и прил., стр. 74 и 452). В 1830 г. в «Литературной Газете» Дельвига (№ 30, стр. 237 — 240) Я. И. Сабуров напечатал статью: «Праздник в Величке. (Отрывок из дорожных заметок»). В 1843 г. он написал биографический очерк приятеля Пушкина — Н. И. Кривцова, напечатанный в 1888 г. в «Русской Старине», т. 60, стр. 721 — 730. О нем см. в Записках К. А. Полевого, С.-Пб. 1888 г., стр. 93 — 94. — Б. Н. Чичерин, рассказывая о круге знакомых Н. И. Кривцова, пишет, что Я. И. Сабуров был человек «весьма неглупый, образованный, все читавший, с разнообразными сведениями, хотя несколько шаткими мыслями и характером», и «состоял в близких отношениях и с высшими Петербургскими сферами, и с литературным миром» («Русск. Арх.» 1890 г., кн. I, стр. 514). Сабуровы упоминаются еще в письмах Пушкина к Л. С. Пушкину № 106, 125 и 141 (Яков Иванович) и в письмах к Пушкину: князя П. А. Вяземского от 4 августа 1825 г. и Н. С. Алексеева от 30 октября 1826 г. — В библиотеке Пушкина сохранился оттиск статьи Сабурова из «Московского Вестника» 1830 г.: «Земледелие, промышленность и торговля в Бессарабии, в 1826 году», принадлежащей, вероятно, Якову Ивановичу Сабурову, а не Якову Васильевичу, как высказано было нами ранее (Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 91). В «Московском Наблюдателе» 1835 г., ч. II—IV, Я. И. Сабуров напечатал статью: «Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ».

— Воейкова — Александра Андреевна, рожд. Протасова (род. 1795, ум. 1829), с 1815 г. жена литератора А. Ф. Воейкова, племянница, ученица и

№ 104—105. крестница Жуковского, его известная «Светлана»; Лев Пушкин был одним из ее многочисленных поклонников; в одном из альбомов Светланы записаны, между прочим, стишки самого Льва Пушкина (Н. В. Соловьев, История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана», т. II, Пгр. 1916, стр. 107; ср. Литературно-библиологический Сборник, под ред. Л. К. Ильинского, С.-Пб. 1918, стр. 60 — 61, в статье А. С. Полякова: Н. М. Языков и Е. А. Боратынский). Воейкова была женщина исключительных душевных достоинств, натура художественная, богато одаренная, чуткая, — а потому отзыв Пушкина о ней, пренебрежительный и насмешливый, представляется непонятным; впрочем, положительно известно, что он ей не симпатизировал; со слов А. П. Петерсона (брата А. П. Елагиной-Киреевской) П. И. Бартенев приводит две эпиграммы, не совсем даже приличные, написанные Пушкиным на А. А. Воейкову, которая и сама отличалась по утверждению Петерсона, злоязычием («Русск. Арх.» 1911 г., кн. III, стр. 311; ср. стр. 640). См. еще выше, стр. 143, и ниже, стр. 470.

— Fréluquet — значит: ветрогон, пустельга.

— Mirtil — точнее Mirtile или Myrtile — традиционное имя влюбленного пастушка, персонажа идиллий XVIII в. (см., напр., у Геснера). Имя заимствовано из мифологии: Миртил—сын Меркурия, возница Эномая, влюбленный в его дочь Гипподамию и сброшенный в море ревнивым Пелопсом; ср. ниже, в письме № 127, слово «миртильничаю».

— Godelureau dissolu—значит: распутник, женский угодник, волокита.

— Языков — Николай Михайлович, поэт, в это время студент Дерптского Университета, приятель А. Н. Вульфа; см. выше, стр. 286, 348. Языков познакомился со Львом Пушкиным 12 июня 1824 г. в Петербурге: «Вчера познакомился я с братом поэта Пушкина и с Боратынским, завтра отправляюсь посетить Воейкову в Царское Село» — писал он («Языковский Архив», под ред. Е. В. Петухова, вып. I, С.-Пб.1913 г., стр. 138). Языков отправился в Дерпт в начале января 1825 года (там же, стр. 141, 142).

104. *Л. С. Пушкину* (стр. 96). Впервые напечатано в «Библиограф. Зап.» 1858 г., № 1, столб. 2, и № 4, литографированное воспроизведение— при стр. 112; подлинник на четвертке серой писчей бумаги — в рукописи б. Румянц. Музея № 1254. На обороте записки нарисованы Пушкиным, карандашом: набережная Невы и лодка, Петропавловская крепость (вдали), а на набережной — двое мужчин, опершихся на гранитный парапет: один боком, другой—на локоть, спиной к зрителю (перед первым мужчиной на рисунке поставлена цифра 1, перед вторым — 2, перед лодкой — 3, перед шпицом башни — 4). Эта сцена не была приложена к отдельному изданию 1-й главы «Евгения Онегина», как хотел Пушкин (см. письмо № 106: «будет ли картинка у Онегина?»), но была перерисована А. Нотбеком (при чем одному из мужчин было придано сходство с Пушкиным) и, в гравюре Е. Гейтмана, помещена, с 5-ю другими картинками к «Онегину», в «Невском Альманахе на 1829 г.» Е. В. Аладьина, при чем Пушкин сам написал на эту сцену эпиграмму («Вот, перешедши мост Кокушкин» . . .).

— В Акад. издании Переписки Пушкина настоящая записка помечена «ноябрем» и помещена *перед* нашим № 103: мы помещаем их в обратном порядке, датируя настоящее письмо «началом ноября».

— Михайло—крепостной из Михайловского М. И. Калашников (см. письма № 103 и 105 и стр. 360).

105. *Л. С. Пушкину* (стр. 96—97). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., ст. 121, 238 и 241 (отрывки) и в «Библ. Зап.» 1858 г., т. I, ст. 45—46; подлинник (на бумаге вод. зн. 1823)—в рукописи б. Румянц. Музея № 1254.

— В изданиях П. А. Ефремова (т. VII, стр. 124 — 126), П. О. Морозова (т. VIII, стр. 74—75) и в Академич. издании Переписки (т. I, стр. 139—141) письмо это датировано «концом октября»; мы изменяем эту дату на «первую половину ноября», так как: 1) оно писано уже после отъезда из Михайловского О. С. Пушкиной, с которою Пушкин послал брату письмо № 103 и которой в письме № 105 передает поцелуй; 2) Л. С. Пушкин уехал из Михайловского после того, как поэт написал письмо к губернатору (№ 101);

3) поручая брату поговорить с Жуковским, Пушкин не имел еще письма последнего от середины ноября и в письме № 105 поручал брату успокоить Жуковского на свой счет; 4) приказчик Михайло был еще в Петербурге и приехал в конце ноября — начале декабря (см. письмо № 110). № 105.

— Под «Немецкой критикой» «Кавказского Пленника» Пушкин, быть может, разумеет упоминание об этой поэме, содержавшееся в краткой заметке о Пушкине, помещенной в книге: «Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch von Karl Friedrich von der Borg, nebst einem Anhange biographischer und literaturhistorischer Notizen», Riga und Dorpat, 2 B., 1823.

— Греч—Николай Иванович, издатель «Сына Отечества».

— Слёнин — книгопродавец, с которым у Пушкина установились связи еще с 1820 г., когда он купил у него издание «Руслана и Людмилы» (см. выше, стр. 244 и др.).

— «Талия» — альманах «Русская Талия, подарок любителям и любительницам Отечественного Театра на 1825 г., издал Фаддей Булгарин», С.-Пб., в тип. Греча, 1825 г.; описание и перечень его содержания см. в «Русск. Арх.» 1882 г., кн. II, стр. 256 — 257; произведений Пушкина в «Талии» не было. Талия — мифологическая Муза комедии.

— Евпраксия — вторая, а Анетка — старшая дочери П. А. Осиповой.— Е. Н. Вульф, называвшаяся в семье Зизи, Зина или Euphrosine, — впоследствии, с 1831 г., — бар. Вревская (род. 1809, ум. 1883), жена товарища Льва Пушкина по Университетскому Благородному Пансиону — барона Бориса Александровича Вревского. Ей посвящены стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825) и «Зине» (1826). Пушкин сохранял к ней всегда чувства искренней дружбы. — Анненков очень метко и верно характеризует сестер Вульф. «Две старшие дочери г-жи Осиповой от первого мужа, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположные типа, отражение которых в Татьяне и Ольге «Онегина» не подлежит сомнению, хотя последние уже не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла, как и Татьяна по отношению к Онегину, полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чего устать и ослабеть не могли, между тем, как сестра ее, воздушная Евпраксия,— как отзывался о ней сам поэт, — представляла совсем другой тип. Она пользовалась жизнию очень просто, повидимому ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий, и постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы. Многие называли «кокетством» все эти приемы, но, кокетство или нет, — манера, во всяком случае, была замечательно-умного свойства. Вышло то, что обыкновенно выходит в таких случаях: на долю энтузиазма и самоотвержения пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которое только изредка выкупалось счастливыми минутами и доверия и признательности,—между тем как равнодушию оставалась лучшая доля постоянного внимания, неизменной ласки, тонкого и льстивого ухаживания. — Евпраксия Николаевна (в семействе ее просто звали «Зина») была душой веселого общества, собиравшегося по временам в Тригорском: она играла перед ним арии Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всех предприятиях по части удовольствий... Анна Николаевна... отличалась быстротой и находчивостью своих ответов, что было нелегкое дело в виду Михайловского изгнанника, отличавшегося еще в разговорах прямотой и смелостью выражений. Одно время полагали, что Пушкин неравнодушен к Евпраксии Николаевне. Как мало горечи осталось затем в воспоминаниях обделенной сестры от этой эпохи, свидетельствуют ее слова в письме к супруге Александра Сергеевича, уже в 1831 году. Когда та, говоря о старых знакомых своего мужа, шутливо намекнула на бывшую привязанность поэта к «полу-воздушной» деве гор — Евпраксии Николаевне, — вот что отвечала ей Анна Николаевна: «Как вздумалось вам, пишет она по-французски: ревновать мою сестру, дорогой друг мой? Если бы даже

№ 105. муж ваш и действительно любил сестру, как вам угодно непременно думать, — настоящая минута не смывает ли все прошлое, которое теперь становится тению, вызываемой одним воображением и оставляющей после себя менее следов, чем сон. Но вы—вы владеете действительностью, и все будущее перед вами». Деликатнее отклонить вопрос и выразить свое собственное чувство — кажется, трудно» («Пушкин в Александр. эпоху», стр. 279 — 281). — Об отношениях Пушкина к Евпраксии Вульф см. еще у М. Л. Гофмана в его примечаниях к Дневнику А. Н. Вульфа — «Пушк. и его совр.», вып. XXI — XXII, стр. 224—227; об Анне Николаевне — см. там же, стр. 208 и др.

— Талию Евпраксии Вульф Пушкин вспомянул и в «Евгении Онегине» (гл. 5, стр. — XXXII):

... За ним — строй рюмок узких, длинных,
Подобных талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал, —
Ты, от кого я пьян бывал...

— Какой портрет П. Я. Чаадаева просил прислать Пушкин, — нам неизвестно; ни гравюры, ни литографии Чаадаева тогда еще не было.

— Перстень Пушкина, — вероятно, тот самый перстень с еврейской надписью, который в 1824 г. был подарен Пушкину гр. Е. К. Воронцовой; по смерти поэта его взял себе Жуковский, а сын последнего, уже в 1870-х гг., подарил его И. С. Тургеневу, по кончине коего он был подарен Полиною Виардо в Пушкинский Музей Александровского Лицея; перстень этот пропал, с него была сделана потом копия, но и она исчезла в мартовские дни революции 1917 г., когда здание Лицея подверглось разгрому; с ним Пушкин изображен на портрете Тропинина. П. В. Анненков сообщает, что Пушкин верил в таинственную силу перстня-талисмана и «по известной склонности своей к суеверию, соединял даже талант свой с участью этого перстня, бережно им хранимого» («Материалы для биографии», стр. 171); ср. стих. Пушкина (1827 г.) «Талисман», конец письма Пушкина к В. П. Зубкову от 1 декабря 1826 г. и статью В. П. Гаевского: «Перстень Пушкина по новейшим исследованиям» («Вестн. Европы» 1888 г., февр., стр. 521 — 537).

— Михайло — Михаил Иванович Калашников, «дворовый Пушкиных человек»; см. выше, стр. 360.

— Поправка — «Звонок раздался» — относится к XXVIII строфе 1-й гл. «Евгения Онегина».

— Разг[овор] — «Разговор книгопродавца с поэтом», имеющий автобиографическое значение; написанный в Михайловском 26 сентября 1824 г., он был напечатан, в виде предисловия, при отдельном издании 1-й главы «Евгения Онегина» 1825 г.

— Указание на Фонвизина касается стихов:

«Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы»

— из XVIII строфы 1-й главы «Евгения Онегина».

— Губернатор — Б. А. Адеркас; по свидетельству Анненкова, Пушкин действительно, около этого времени «официально был вызван в Псков для исполнения опущенной им формальности, которую ему, однако же, строго рекомендовали в Одессе, — именно для представления своей особы местному губернскому начальству. Осталось предание в этом городе, что он тогда же являлся на базары и в частные домы, к изумлению обывателей, — в мужицком костюме. Может быть, он изучал народный говор и склад мыслей, так как это теперь становилось ему необходимо узнать поближе из чисто-художественных целей» («Пушкин в Александр. эпоху», стр. 276).

— Ж. и Кар. — Жуковский и Н. М. Карамзин; последний на этот раз участия в деле Пушкина не принимал; о хлопотах Жуковского см. выше, № 102 и примечания, стр. 358—359.

— Быть может в связи с настроением Пушкина в это тяжелое время и с его словами: «не желаю быть в Петербурге и верно нога моя дома уж не будет» стоит черновой набросок стихотворения: «Презрев и шопот укоризны», в котором ясно говорится о созревшем решении бежать «в чужбину, прах отчизны с дорожных отряхнув одежд». — 22 ноября П. А. Осипова ясно намекала Жуковскому, что Пушкин хочет уехать за границу (см. выше, стр. 359); ср. в статье М. А. Цявловского: «Тоска по чужбине у Пушкина» — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 40 и след. № 105.

— Посылая особенный поцелуй сестре, Пушкин, быть может, хотел подчеркнуть, как он был благодарен ей за сочувствие, которое она принимала в нем по случаю его ссоры с отцом. Об этом сочувствии знал и кн. П. А. Вяземский, который именно в это время писал ей из Москвы или Остафьева: «Убедительно прошу вас написать вашему брату... и умолять его сделать миролюбивые шаги по отношению к вашему отцу, заставив его понять, что этот мир необходим для вашего спокойствия. Кроме того, я опасаюсь для него того впечатления, которое может произвести в свете и в уме самого императора его ссора с родителями. Мы живем в такое время, когда все становится известным; у брата вашего есть враги, — они не преминут обрисовать его в глазах императора человеком, который восстал против всех законов божеских и человеческих, который не выносит ни малейшего ограничения, из которого получится дурной гражданин, так как он—дурной сын. Я много раз говорил с вашим братом на эту тему, но всегда без успеха: вам известна его преувеличенная раздражительность. Но я настаиваю на том, что неприлично и дико сыну быть в ссоре с отцом. Зачем же тогда иметь ум, как не для того, чтобы становиться выше мелких житейских неприятностей? Во-всяком случае, если хорошо быть великодушным по отношению к тем, на которых мы имеем поводы жаловаться, то не во много ли раз более прекрасно быть таковым по отношению к своему отцу, если он, действительно, может быть в чем-либо виноват перед своим сыном» (Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское—«Пушк. и его соврем.», вып. I, стр. 79 — 80.)

— Книги, которые Пушкин просил брата прислать ему, сохранились в его библиотеке: это 1) «Conversations of Lord Byron: noted during a residence with his lordship at Pisa in the years 1821 and 1822. By Thomas Medwin .. A New edition. London. 1825, в 2 томах (в 1824 г. в Париже были изданы под заглавием «Journal of the conversations of Lord Byron» и тогда же появилось два французских издания, из которых одно называлось: «Conversations de lord Byron ou mémorial d'un séjour à Pise auprès de lord Byron, contenant des anecdotes curieuses sur le noble lord»; см. ниже, в письмах № 122 и 127, повторение просьбы о присылке «Разговоров» Байрона), и 2) несколько исторических романов Вальтер Скотта в изданиях на английском языке и в переводах на французский (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-ПБ. 1910, стр. 285, 332 — 333).

— Сохранилась заметка Пушкина о романах В. Скотта, относящаяся к этому же приблизительно времени: «Главная прелесть романов W. Scott состоит в том» и т. д. (см. сб. «Атеней», кн. I—II, 1924, стр. 5—6 и 13—14).

— «Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я мою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв. Не могу не пожалеть о их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства»: так, вновь начиная свои Записки в 1830 г., определял Пушкин содержание и характер тех записок, которые продолжал писать в Михайловском в 1824 г. (ср. в письме к брату № 106); из этих Записок случайно сохранился только один листок с датой 19 ноября 1824 г., передающий рассказ о посещении Пушкиным в 1817 г. его двоюродного деда П. А. Ганнибала (род. 1742, ум. 1822). Ср. Дневник Пушкина, изд. под нашею редакцией, Пгр. 1923, стр. II — III.

№ 105. — Сказки Пушкин слушал, конечно, от своей няни, Арины Родионовны; она была уроженка другой Ганнибаловской вотчины — села Кобрина, около нынешней, тогда еще не существовавшей Гатчины, в 1799 г. получила, вместе со своими двумя сыновьями и двумя дочерьми, «вольную», но не пожелала ею воспользоваться и осталась в семье Пушкиных, вынянчила Ольгу Сергеевну Пушкину (в доме которой, в Петербурге, и скончалась в 1829 г.), затем поэта, а, наконец, и его брата Льва. По рассказу Вульф-Осиповых, няня Пушкина была «старушка чрезвычайно почтенная, лицом полная, вся седая». Анненков дает очень живую ее характеристику: «Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодежи с притворною строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам. Это объясняется еще и другим важным достоинством Ирины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен, как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нее с языка... В числе писем к Пушкину почти от всех знаменитостей русского общества находятся и записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми»... О ее большой любви к Пушкину свидетельствуют эти ее письма к нему, писанные под ее диктовку — сама она была неграмотная (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. II), а о привязанности к ней поэта — стихотворения, ей посвященные, и закрепление ее образа в лице няни Татьяны Лариной, няни молодого Дубровского и др. (см. статью Н. О. Лернера в сборн. «Пушк. и его совр.», вып. VII, стр. 68 — 72). В письме к жене от 25 сентября 1835 г. Пушкин с грустною нежностью вспомнил свою няню. В стихотворении «Зимний вечер» он называл ее «доброю подружкою» своей «бедной юности» (ср. «Евгений Онегин», гл. 4, строфа XXXV). В тетради Пушкина, ныне хранящейся в б. Румянц. Музее за № 2368, сказки, записанные Пушкиным со слов няни, занимают лл. 38—52 об. (всего 7 сказок), а лл. 52 об— 50 об. заняты записями народных песен, в том числе и песен о Стеньке Разине (Пушкин и здесь, как в письме, пишет не *Стенька*, а *Сенька*). Позже Пушкин сочинил, в подражание народным, 3 песни о Разине, которые хотел напечатать в «Северных Цветах на 1828 г.,» для чего они 22 июля 1827 г. были представлены им на цензуру Бенкендорфу, но вернулись к Пушкину 22 августа с сообщением мнения Николая I, что «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию; сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». Эти три песни о Разине и подали повод к распространению слуха, что «Пушкин написал много нового, — между прочим поэму Стенька Разин»,— как писал Языков брату 7 марта 1828 г. из Дерпта («Языковский Архив», вып. 1-й, стр. 358); в 1836 г. Пушкин, делая для французского писателя Лёве-Веймарса переводы народных русских песен, перевел и одну песню о Разине («У нас то было, братцы, на тихом Дону»). Л. Н. Майков, отмечая, что Н. Н. Раевский также интересовался личностью Разина (ср. «Архив Раевских», т. II, стр. 190), замечает: «Таким образом, народные волнения Поволжского степного края представляли для обоих друзей любопытную историческую задачу. Можно не сомневаться, что начало их общего интереса к этому предмету восходит ко времени их совместного путешествия по южным степям, когда в казачьих песнях им случалось подмечать явные признаки сочувствия к своевольному атаману гулящих шаек. Конечно, в тех же ранних впечатлениях коренится зародыш позднейшей мысли Пушкина заняться изучением Пугачевщины» («Пушкин», С.-Пб. 1899, стр. 154; ср. выше, в письме № 103, просьбу прислать «Жизнь Емельки Пугачева»).

— Неизвестно, исполнил ли Л. С. Пушкин просьбу брата подыскать ему «историческое сухое известие» о Разине, но в библиотеке Пушкина сохранился экземпляр редкого Парижского издания: «Relation des particularités de la rebellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie», 1672 г. Поэт приобрел его, впрочем, уже после издания «Пугачевского бунта», при

работах над коим он пользовался экземпляром А. С. Норова (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. XVI и 319 — 320). *№ 106.*

— «Эда — Финляндская повесть» Боратынского; отрывки из нее появились в «Мнемозине» 1825 г., в «Полярной Звезде на 1825 г.» и в «Московском Телеграфе» 1825 г.; отдельно же она издана была в 1826 г. — Пушкин в шутку называет ее «Чухонкой»; о ней справлялся он неоднократно позже (см. письма № 106, 110, 111, 115 и др.), а прочтя ее, писал Боратынскому (1826):

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец,
Твоя чухоночка, ей - ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил—прямой чухонец.

В письме к бар. Дельвигу от 20 февраля 1826 г. он тоже восторгался повестью Боратынского.

106. *Л. С. Пушкину* (стр. 98). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 239 (отрывок), в «Отеч. Зап.» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 37, и «Библ. Зап.» 1858 г., т. I, ст. 47 — 48 (полностию); подлинник—в рукописи б. Румянцовского Музея № 1254.

— По соображениям, высказанным выше, при письмах №№ 100 и 105, письмо это относим мы не ко второй половине, а к середине ноября (когда до Пушкина уже дошла весть о Петербургском наводнении).

— В начале 1824 г. Жуковский хлопотал о другом опальном и ссыльном поэте — Боратынском, который, благодаря его 5 марта 1824 г. за письмо, присланное через Дельвига, препоручал ему дальнейшую судьбу свою и называл Жуковского, как и Пушкин, своим «Гением — покровителем» («Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, стр. 0239).

— О письме к губернатору Б. А. Адеркасу см. в объяснениях к письму № 101, стр. 355 — 366.

— Потоп — страшное Петербургское наводнение 7 ноября 1824 г., воспетое позже (в 1833 г.) Пушкиным в «Медном Всаднике»; вода в Неве поднялась тогда почти на 2 сажени; его описание см. в «Литерат. Листках» 1824 г., ч. IV, № XXI — XXII, ноябрь, стр. 63 и след., в брошюре С. Аллера: «Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа ноября 1824 г.» и в книжке В. Н. Берха: «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге», С.-Пб. 1826 г. (книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина — см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 8, № 26; выписка из нее о наводнении, 7 ноября 1824 г. дана в Соч. Пушкина, изд. Просвещения, ред. П. О. Морозова, т. IV, стр. 368 — 370).

— Французская фраза значит: «Вот прекрасный случай вашим дамам подмыться» (ср. в письме к брату от второй половины декабря 1824 г., № 114, стр. 111).

— Цветы Дельвига — его альманах «Северные Цветы на 1825 г.»; см. выше, стр. 330 и письма Дельвига к Пушкину от 10 и 28 сентября 1824 г. (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 130 и 133). По окончании печатания альманаха Дельвиг собирался приехать к Пушкину в Михайловское, но намерение свое привел в исполнение лишь в апреле 1825 г.

— Тетка Пушкина, сестра его отца, Анна Львовна Пушкина, старая девица, умерла в Москве 14 октября 1824 г.; в эпитафии ее сказано, что она «была истинная христианка, любила помогать бедным и скончалась к вечному прискорбию родных своих, друзей и подчиненных» («Московский Некрополь», т. II, стр. 480); племянники относились к ней шутливо-насмешливо, когда же, через полгода, бар. Дельвиг приехал в Михайловское, он с Пушкиным сочинил шуточные стихи на ее смерть: «Ох, тетенька, ох, Анна Львовна...» (см. ниже, письма за 107, 110 и 142 и стр. 371).

— Святые Горы — основанный в XVI веке монастырь в 4-х верстах от Михайловского, ставший затем местом вечного упокоения поэта; в 1924 г. переименованы в «Пушкинские Горы». Поэт езжал туда нередко, так

№ 106. как это был торговый пункт, где происходили ярмарки и вообще бывал съезд из окрестностей, ибо монастырь пользовался известностью среди местного населения. В одну из ярмарок, 2 мая 1825 г., в Святых Горах впервые увидел Пушкина безвестный его почитатель, Опочецкий торговец И. И. Лапин, который в свой дневник под этим числом внес следующую наивную запись: «В Святых Горах был о девятой пятницы и здесь имел щастие видеть Александру Сергеевича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например. У него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкой, с железной в руках тростию, с предлинными чорными бакенбардами, которые более походили на бороду, — также с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу на апельсинах и ел их с большим апетитом, я думаю, около $^1/_2$ дюжины» (Л. И. Софийский, Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем, Псков. 1912, стр. 203).

— О «Разговоре книгопродавца с поэтом» см. выше, стр. 364.

— П. А. Плетнев помогал Л. С. Пушкину в печатании 1-й главы «Евгения Онегина».

— А. Н. — Анна Николаевна Вульф.

— О Рокотове, см. выше, стр. 346.

— П. А. — Прасковья Александровна Осипова.

— «Письма в Лубны» — письма к Анне Петровне Керн, рожд. Полторацкой, племяннице П. А. Осиповой; она жила тогда в Лубнах и переписывалась оттуда со своей кузиной и другом детства Анной Н. Вульф; о ней см. ниже, в письме Пушкина к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 (№ 111) и письма к ней Пушкина в 1825 г.

— Евпраксия — Е. Н. Вульф, сестра А. Н. Вульф, впоследствии бар. Вревская.

— Михайло — приказчик Пушкиных Калашников, бывший тогда в Петербурге.

— Под Александрийским пожаром Пушкин разумеет, вероятно, Петербургское наводнение 7 ноября.

— «Письмо с сестрой» — см. его выше, № 103.

— О Библии см. выше, объяснение к письму № 77, стр. 313.

— О Записках Пушкина, см. выше, стр. 365.

— Кларисса — «семейный» роман знаменитого английского писателя Самуила Ричардсона (род. 1698, ум. 1761; см. во 2-й гл. «Евгения Онегина» строфу XXX и в гл. 3-й строфу X) — «Кларисса Гарлоу»; позже, в своих «Мыслях на дороге», Пушкин писал (1833): «Кларисса очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство»; в письмах к Вульфу 1828 и 1829 г. Пушкин называет себя и Вульфа именем героя романа — Ловеласом, а одну знакомую девушку — Клариссой (см. их в т. II); подробную характеристику романа и ее героини Пушкин дал еще в неоконченном «Романе в письмах» (1830), устами Лизы; в библиотеке Пушкина сохранился как этот, так и два другие знаменитые романа Ричардсона: «Памела» и «Сэр Чарльз Грандисон» («The Novels of Samuel Richardson, Esq. Viz. Pamela, Clarissa Harlowe and Sir Charles Grandison», в 3 томах, с биографией автора, Лондон. 1824 г.; см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. III, 321); этот роман был и в библиотеке Тригорского (ныне в Пушкинском Доме Академии Наук), при чем в одном из томов сохранился нарисованный Пушкиным женский профиль, — быть может, одной из обитательниц Тригорского (Б. Л. Модзалевский, Поездка в с. Тригорское в 1902 г., С.-Пб. 1903, стр. 11, 26 — 27). Пересказ содержания «Клариссы Гарлоу» — в Сочинениях А. В. Дружинина, т. V, стр. 7 — 47.

— О Н. В. Всеволожском и о рукописи Пушкина, у него находившейся, см. выше, в письмах №№ 87 и 89 и ниже, в письме № 107.

— «Письмо К. В. Ф.» — кн. Вере Федоровне Вяземской: см. выше, № 99 и ниже, в № 107. По возвращении из Одессы она жила в с. Остафьеве, а затем с семьей проводила зиму в Москве, в собственном доме в Чернышевском переулке.

— О картинке для «Евгения Онегина» см. выше, в письме № 104. **№ 106.**

— «Полярные господа» — А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, издатели альманаха «Полярная Звезда»; в это время Пушкин написал Бестужеву следующую эпиграмму на Петербургское наводнение:

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, господа!
От Петербургского потопа
Спаслась «Полярная Звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты —
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.

— Кюхля — В. К. Кюхельбекер; в это время он жил в Москве, издавая, с кн. В. Ф. Одоевским, сборник «Мнемозина».

— «Чухонка Боратынского» — его Финляндская повесть «Эда»; см. выше, стр. 367.

— Кузина Гр. Ивел.—графиня Екатерина Марковна Ивелич (род. 5 июля 1795, ум. 7 мая 1838), девица, дочь сенатора, генерал-лейтенанта Марка Константиновича Ивелича (род. 1741, ум. 4 декабря 1825) от брака его с Надеждой Алексеевной Турчаниновой; это была давнишняя знакомая Пушкиных, которые, как рассказывает известная актриса А. М. Каратыгина, в 1818 году жили рядом с гр. Ивелич на Фонтанке, близ Калинкина моста, при чем «Саша Пушкин» был постоянным их посетителем («Русск. Стар.» 1880 г., т. 28, стр. 566 — 567). «Некрасивая лицом, она отличалась замечательным остроумием», вспоминает про нее Н. С. Маевский: «ее прозвища и эпиграммы действовали, как ядовитые стрелы. До конца жизни оставалась она в девицах и не любила, когда ее подруги выходили замуж» («Истор. Вестн.» 1881 г., № 10). Почему Пушкин называет гр. Ивелич кузиною, — не догадываемся. Ее имя постоянно упоминается в письмах О. С. Павлищевой к родителям («Пушк. и его совр.», pass.); письма к ней Пушкина до нас не сохранились. С Л. С. Пушкиным на Кавказе служил брат графини Ивелич—граф Константин, бывший флигель-адъютант, с 1835 г. командир Апшеронского пехотного полка, в 1837 г. взятый в плен горцами и замученный ими («Пушк. и его совр.», вып. XII, стр. 114 и вып. XIV, стр. 17).

— Колосова — Александра Михайловна, известная актриса, по мужу Каратыгина; с ней Пушкин постоянно встречался в 1817 — 1820 гг. в Петербурге, в доме родителей гр. Е. М. Ивелич, — о чем рассказывает сама А. М. Каратыгина в своих чрезвычайно любопытных Воспоминаниях о Пушкине в «Русск. Стар.» 1880 г., т. 28, стр. 565 — 574.

— О Сабурове см. выше, стр. 361.

— «Per fas et nefas» — латинское выражение: «всеми правдами и неправдами».

— К этому письму или к одному из предыдущих писем к брату была приложена записка Пушкина на отдельном листке, со следующими поручениями к Л. С. Пушкину:

Бумаги, перьевъ.
Облатокъ, чернилъ.
Чернильницу de voyage.
Чамоданъ.
Библіи 2.
Шекспиръ.
Вина [bordeau] Soterne.
Сыръ. Champagne.
Курительницу.
Lampe de voyage.
Allumettes.
Табакъ.
Гл. труб. черешн.

№ 107. *На обороте:*

Chemises
form...
bague
Medaillon simple.
montre.

107. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 99—101). Впервые напечата[н] в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 137—139; подлинник (на бумаге вод. зн. B. & M. 1823) был в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева; черновик упомянут в «Русск. Стар.» 1884, № 7, стр. 17; разночтения его — в Акад. изд. «Переписки», т. I, стр. 150—151; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 40.

— Пушкин отвечает на письмо кн. Вяземского из Москвы, от 6 ноября 1824 г. (при чем это последнее служит ответом на письмо Пушкина от 10 сентября 1824 г., № 98, полученное Вяземским 27 октября — «Остаф. Арх.», т. III, стр. 86), в котором он, между прочим, писал: «Здесь в Москве остановить продажу Ольдекоповского Пленника нельзя, потому что здешние книгопродавцы его сами купили, и ведаться должно с продавцем, а не перекупщиком. Я писал о том Тургеневу [о хлопотах Тургенева и Дельвига, см. выше, стр. 349, 350—351]; он начал уже хлопотать с Дельвигом. По-моему лучшее средство, хотя на первый взгляд и странное, есть написать Министру Шишкову, объяснить тебе ему свое положение и просить его о защите, как Министра и старейшину литературы нашей и потому вдвойне заступника твоего в таком деле»... О деле с Ольдекопом см. еще выше, письма № 66, 92 и 98 и ниже, № 116, 118 и др. В январе 1825 г. Пушкин решил-было обратиться, по совету кн. Вяземского, к А. С. Шишкову и набросал черновик письма (№ 116), но, как видно из письма к кн. Вяземскому от 25 января 1825 г., «не решился» послать к нему это письмо, тем более, что к Шишкову уже обращался отец поэта С. Л. Пушкин, но «не получил удовлетворения». В начале 1826 года Пушкин снова вспомнил о «плутне Ольдекопа» и в несохранившемся до нас письме писал о ней нечто Плетневу, который 14 апреля отвечал ему (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 342). Наконец, уже в 1827 году (20 июля) Пушкин обратился с жалобой на Ольдекопа к А. Х. Бенкендорфу, при чем воспользовался для письма к нему некоторыми фразами чернового письма к Шишкову 1825 года (№ 116).

— О Н. В. Всеволожском и о бывшей у него рукописи стихотворений Пушкина см. выше, стр. 368.

— Говоря о Мекке и Медине и о Коране, Пушкин шутя сравнивает себя с Магометом, который, как известно, был изгнан из своего родного города и бежал в Медину.

— Л. С. Пушкину удалось получить от Всеволожского рукопись брата (см. письма №№ 128, 130 — от 14 и 15 марта 1825 г.). Когда книжка «Стихотворений» была отпечатана, — в извещении о ее выходе, помещенном в «Северной Пчеле» 1825 г., № 155, было сказано, — конечно, со слов Плетнева или Л. С. Пушкина, следующее: «Это собрание должно было выйти по подписке еще в 1820 году, но издатели, по некоторым обстоятельствам, замедлили его; как по причине сей остановки билеты, выданные тогда за деньги, могут быть потеряны подписавшимися особами, то от них довольно будет для получения книжки одного имени с адресом, потому, что имена Г.г. подписавшихся в то время находятся у Издателей. В последнем случае, благоволят обращаться с требованиями в книжный магазин книгопродавца И. В. Сленина».

— За напечатание «Разговора няни без письма брат получил 600 р. Ты видишь, что это деньги, следственно должно держать их под ключем» — писал Пушкин князю Вяземскому в конце апреля 1825 г. (№ 142), намекая на то, что не следует распространять стихи поэта в рукописях, чтобы тем не наносить ему убытков.

— Критику князя Вяземского см. в его письме к Пушкину от 6 ноября (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 144—146). № 107.

— «Прозы» кн. Вяземского о Байроне в печати не появлялось.

— О тетке Пушкина — Анне Львовне Пушкиной см. выше, в письме № 106 и стр. 367.

— «Frétillon» — слово от глагола frétiller — вертеться, резвиться: вертушка, резвушка. С таким заглавием («Frétillon») есть известная песенка Беранже (нач.: «Francs amis des bonnes filles, | Vous connaissez Frétillon»... : по имени описываемой здесь легконравной девицы и названа была А. Л. Пушкина; ее брат Василий Львович был известен, как поклонник Беранже (см. ниже, в письме № 151 и прим. к нему). В. Л. Пушкин не написал эпитафии своей сестре, но посвятил ее памяти стихотворение «К ней», которое было напечатано, за его подписью, в альманахе «Полярная Звезда на 1825 г.» (стр. 186—187):

Где ты, мой друг, моя родная,
В какой теперь живешь стране?
Блаженство райское вкушая,
Несешься ль мыслию ко мне?
Ты слышишь ли мои рыданья?
Ты знаешь ли, что в жизни сей
Мне без тебя нет ясных дней
И нет на щастье упованья?
Кто будет заниматься мной?
И чья душа с моей душой
Нежнейшей дружбой съединится?
Где ты, о ангел добротой?
Дай мне туда переселиться!
Там плача и вздыханий нет,
Там тихий, невечерний свет
Для добродетельных сияет!
Взгляни с небесной высоты:
Твой брат и друг к тебе взывает!
Да будет горней красоты
С тобой он созерцатель вечный!
Прости на время, друг сердечный!

Кроме того, в «Дамском Журнале» 1824 г. (ч. VIII, № 22, ноябрь, стр. 128—130) было напечатано послание «К В. Л. Пушкину. На кончину сестры его, А. Л. Пушкиной», сочиненное кн. П. И. Шаликовым (см. ниже, в письмах № 110 и 142).

— Письмо Пушкина к княгине В. Ф. Вяземской — см. выше, № 99 (ср. в письме № 106).

— «Телега жизни» была написана Пушкиным в Одессе в 1823 г.; кн. Вяземский напечатал ее в «Московском Телеграфе» 1825 г., № 1, стр. 49, с пропуском «русского титула» (см. ниже, стр. 405):

С утра садимся мы в телегу,
Мы погоняем с ямщиком
И, презирая лень и негу,
Кричим: «валяй по всем по трем!»

К черновому наброску. О «неприятностях» Пушкина — см. в примечаниях к № 101, 102, 103, 106.

— О «подвеселившем» Пушкина письме князя Вяземского поэт писал в тот же день Жуковскому (см. № 108): «Получил я вчера письмо от Вяземского, уморительно смешное. Как мог он на Руси сохранить свою веселость?»

— О Раиче, см. выше, стр. 276. Пушкин предполагал, что «Письмо Татьяны» было дано Раичу для журнала, который он предполагал издавать с Н. А. Полевым (см. в письме князя Вяземского от 6 ноября — Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 146), но который не состоялся.

№ 108—109. — «Водяной псалом Фиты» — т.-е., Ф. Н. Глинки (см. выше, стр. 44, 228 — 229, 262, 265); ср. в письме № 88, а в письме к кн. Вяземскому от 25 января 1825 г. (№ 119) см. эпиграмму Пушкина на Глинку.

— «Entendeur» — «слышатель», как и написал Пушкин в беловом письме.

108. *В. А. Жуковскому* (стр. 101—102). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1356 — 1357; подлинник (на бумаге вод. зн. B. & M. 1823) — в Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского; черновое — в Акад. издании Переписки, т. I, стр. 153; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 37.

— Пушкин отвечает на письмо Жуковского от первой половины ноября (см. выше, стр. 358).

— О «тревоге» — см. выше, при письмах № 101, 102, 103, 106.

— О «строчке глупова письма» — см. объяснения к письму № 77 — стр. 312—313.

— О гречанке Софианос см. выше, в письме № 100 и стр. 354.

— Выражение «полу-милорд Воронцов даже не полу-герой» ср. с эпиграммой на Воронцова в письме к кн. Вяземскому № 98.

— О письме князя Вяземского от 6 ноября см. выше, стр. 370.

— Лев Пушкин, по приезде в Петербург, посетил семью Карамзина, и последний 2 декабря писал кн. П. А. Вяземскому: «Вчера маленький Пушкин читал нам наизусть цыганскую поэмку брата и нечто из Онегина: живо, остроумно, но не совсем зрело» («Старина и Новизна», кн. I, стр. 159). Кн. П. А. Вяземский не без основания предполагает, что в это время «Карамзин должен был быть раздражен на Пушкина за то, что он скомпрометировал его заступничество в 1820 году» (П. И. Бартенев, Пушкин, вып. II, стр. 29).

К черновому наброску:

— Французская фраза значит: «что станется со мной, если ты будешь в крепости».

— «Пророческая весть», разнесшаяся о Пушкине в Петербурге была, между прочим, сообщена А. И. Тургеневым в письме к кн. Вяземскому еще от 15 июля, когда Пушкин был еще в Одессе: Тургенев сообщал, что поэт застрелился («Остаф. Арх.», т. III, стр. 58—61); в тот же день об этом писал А. Я. Булгаков брату своему А. Я. Булгакову («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 64; ср. выше, стр. 340 и 344). Вскоре, — вероятно, вследствие письма П. А. Осиповой к Жуковскому от 22 ноября (см. выше, стр. 359), — в Петербурге пошли слухи о бегстве Пушкина за границу (ср. в письме к брату от второй половины декабря 1824 г., № 114).

109. *Д. М. Княжевичу* (?) (стр. 102). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 18; отрывок — у Анненкова, Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 244. как письмо к г. К.; подлинник — в рукоп. б. Румянцовского Музея № 2370, л. 41 об.

— Письмо это лишь предположительно считают адресованным к Д. М. Княжевичу, так как он, повидимому, в 1824 г. не имел еще отношения к Одессе, занимая с 18 марта 1824 до 11 февраля 1827 г. должность Петербургского вице-губернатора; между тем, письмо адресовано было в Одессу, о которой Пушкин и задает ряд вопросов. Анненков напечатал его, как письмо к некоему г. К., и лишь написанные Пушкиным начальные буквы имени и отчества дали повод отнести письмо именно к Княжевичу. Об адресате в Одесском сборнике «Пушкин», под редакцией М. П. Алексеева, 1925 г., стр. 60 — 62, помещена особая заметка редактора (?), не решающая, однако, вопроса о том, кто же мог быть адресатом. Так как, все-таки, таковым мог быть и Княжевич, временно ездивший почему-либо в Одессу, мы оставляем его имя по принятой традиции.

— Дмитрий Максимович Княжевич (род. 1788, ум. 1844), питомец Казанской Гимназии, с 1802 г. служивший в Петербурге, в Экспедиции Государственных доходов, и вращавшийся в литературном кружке своего сослуживца, баснописца А. Е. Измайлова, был знаком с Беницким, Востоковым, Д. И. Языковым, Гречем, Милоновым и другими писателями, деятельно

сотрудничал в разных журналах и альманахах и принимал участие в Обществе любителей словесности, наук и художеств и в Вольном Обществе любителей Российской словесности. В первом из них членом состоял и Пушкин, с которым Княжевич и мог познакомиться, хотя годы 1811 — 1820 (до июля) он прослужил в Праге и в Вене по делам Ликвидационной Комиссии о довольствии Русской армии во время Отечественной войны. В 1822 г. он издал книжку: «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку, с присовокуплением таблицы содержания оных, для удобнейшего приискания» (книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина — см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 81, № 300), а в 1822 — 1823 гг., со своими братьями А. М. и В. М. Княжевичами, издавал литературные прибавления к «Сыну Отечества», под заглавием «Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности». В «Полярной Звезде на 1824 г.» Д. М. Княжевич поместил статейку (стр. 290 — 296): «Синонимы» (записи в альбом И. Х. Ч. и С. Х. В., — т.-е. И. Х. Чеботарева и С. Х. Великопольской). В статье своей «Взгляд на старую и новую словесность в России» А. А. Бестужев дал такой отзыв о ней и об ее авторе: «Дм. Княжевич пишет мило, умно и правильно — три вещи довольно редкие на Руси; его Отечественные синонимы очень занимательны». В 1827—1830 гг. Княжевич был Вице-Директором Департамента Государственного Казначейства, а в 1830—1837 гг. — Директором Канцелярии Министра Финансов и, одновременно, Директором названного Департамента; наконец, с 1837 по день смерти состоял Попечителем Одесского Учебного Округа. В 1838 г. он основал Одесское Общество Истории и Древностей. Весною 1834 г. Пушкин был в официальной переписке с Княжевичем по поводу выдачи ему ссуды на печатание «Истории Пугачевского бунта». Характеристику Княжевича см. в Воспоминаниях П. И. Голубева — «Русск. Арх.» 1896 г., кн. II, стр. 52—53; см. еще: Н. И. Греча, «Воспоминание о Д. М. Княжевиче», С.-Пб. 1860 и статьи в «Русск. Стар.» 1888, т. 58, стр. 125—142, и в «Русск. Биогр. Словаре» (статья В. Яковлева).

— Письмо это, известное только в черновом наброске, может быть, не было отослано по назначению, так как первую фразу его Пушкин позднее повторил в своем письме к В. И. Туманскому от 13 августа 1825 г. (№ 169), писанном тоже в Одессу.

— Об Одесском театре и Итальянской опере см. выше, стр. 284, 290.

— О саранче и посылке на нее Пушкина см. выше, стр. 320 и сл.

— Милорд Уор. — гр. М. С. Воронцов.

— Семейство, с которым знаком Пушкин, — П. А. Осипова с детьми.

— О сказках няни Арины Родионовны, см. выше, стр. 366.

— Ж. и В. — Жуковский и князь Вяземский.

— Об Одессе Пушкин спрашивал ранее кн. Вяземскую (см. письмо № 99). Во второй половине 1824 г. Пушкин дважды писал в Одессу и к Никанору Михайловичу Лонгинову (дяде известного библиографа), но письма эти до нас не сохранились («Библиограф. Зап.» 1859 г., ст. 654—655).

— Маленькая графиня Гурьева — семилетняя дочка гр. Авдотьи Петровны Гурьевой, рожд. Толстой, жены Одесского градоначальника гр. Александра Дмитриевича Гурьева; эта девочка, долго хворавшая, умерла через несколько дней после отъезда из Одессы Пушкина, — 5 августа 1824 г.; кн. В. Ф. Вяземская была потрясена этою смертью, — о чем писала своему мужу 8 августа 1824 г., а тот 18 августа сообщал о том же Тургеневу («Остаф. Арх.», т. V, вып. 2, стр. 141 и т. III, стр. 78). Пушкин легко мог не знать, что малютка, которую он, конечно, видал в Одессе, скончалась. Ср. в цитированной статье в Одесском Пушкинском сборнике под ред. М. П. Алексеева, 1925, стр. 61 — 62, прим., а также выше, стр. 353.

110. *Л. С.* и *О. С. Пушкиным* (стр. 102 — 104). Впервые напечатано в «Отеч. Зап.» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 37 и 66 — 67 (в статье В. П. Гаевского), в «Материалах» Анненкова, изд. 1855 г., стр. 96, 239, 240 и 242

№ 110. (отрывки) и в «Библиогр. Зап.» 1858 г., т. I, ст. 99—100 (полностию); подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 1254.

— Кюхля — В. К. Кюхельбекер, издатель, с кн. В. Ф. Одоевским, «Мнемозины»; в III части этого сборника, вышедшей в Москве между 16 и 29 октября 1824 г., было напечатано (стр. 11—12) известное стихотворение Пушкина «Мой Демон», посвященное А. Н. Раевскому (см. выше, отзыв об этом стихотворении Жуковского — в объяснениях, стр. 331), см. еще: стихотворение «Коварность», а также в «Евгении Онегине», глава 1-я, строфа XLV, письмо к Пушкину кн. С. Г. Волконского от 18 октября 1824 г., у Я. К. Грота: Пушкин, стр. 52; статьи Л. И. Поливанова о «Демоне» — в «Русск. Вестн.» 1886 г., № 8, и Н. О. Лернера в Соч., ред. Венгерова, т. II, стр. 275 — 276, 279 — 280, 618—123 и т. III, стр. 528—531. Бар. А. А. Дельвиг перепечатал «Демона» в «Северных Цветах 1825 г.», стр. 275, исправив ошибки «Мнемозины».

— «Море» — стихотворение Пушкина «К морю», со строфами о Байроне (см. выше, стр. 350); оно напечатано было все-таки в «Мнемозине» Кюхельбекера (кн. IV, стр. 102—104), но тоже с ошибками и с примечанием к строфе 13-й: «В сем месте автор поставил $3^1/_2$ строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено князем П. А. Вяземским в подлиннике, и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. Изд.»

— Стихи, приведенные Пушкиным,— из его «Разговора книгопродавца с поэтом», напечатанного при 1-й главе «Евгения Онегина» (С.-Пб. 1825) и помеченного в рукописи: «26 сентября 1824 г.»

— Французский стих (перевод: «Мои потомки были бы обязаны мне этою тенью») — несколько переделанные слова из ответа старика трем молодым в одной из басен Лафонтена — «Le vieillard et les trois jeunes hommes»:

Mes arrière - neveux me devront cet ombrage:
Eh bien! défendez - vous au sage
De se donner des soins pour le plaisir d'autrui?

Этот же стих Пушкин привел также в одной из заметок в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827 г.: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно» . . .). — Крылов в своем переводе этой басни («Старик и трое молодых») так передал это место:

Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,
То внук мой некогда сей тенью насладится.

— Мих. — Михайло Калашников (см. выше, стр. 360 и др.), крепостной приказчик, сопровождавший Пушкиных в Петербург. Пушкин поручал брату прислать ему с ним книги и некоторые вещи (см. в письмах № 103, 105, 106). Выше (стр. 369 — 370) мы привели текст листка с различными поручениями Пушкина: быть может, этот листок был передан Михайле Калашникову, когда он отправлялся еще из Михайловского с О. С. Пушкиной в начале ноября 1824 г. (см. письмо № 103), а поручение брату купить чемодан, дорожную чернильницу и дорожную лампу не стоит ли в связи с намерением Пушкина бежать за границу? (см. выше, стр. 359 и ниже, в письме № 114 и в № 141 — просьба о дорожном чемодане).

— О Библии см. выше, стр. 313, 368.

— «История Государства Российского» Н. М. Карамзина была издана в 1818 г. с предисловием, помеченным 7-м декабря 1815 года, и начинавшимся словами: «История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». По этому поводу П. И. Бартенев рассказывает, что когда, в феврале 1816 г., Карамзин привез в Петербург приготовленные к печати 8 томов «Истории», он читал друзьям

своим посвящение ее Александру I. «Пушкин присутствовал при чтении, жадно внимал пленительным выражениям высоких, истинно-патриотических чувств, запомнил всё и, пришедши домой, записал от слова до слова, так что посвящение сделалось известно в Лицейском кружку гораздо прежде, чем было напечатано. Карамзин еще в Москве часто видал Пушкина, будучи приятелем отца его и дяди. Гениальный юноша не мог укрыться от его внимания. В этот приезд свой Карамзин вероятно познакомился с ним ближе и успел привлечь его к себе ласкою, одобрением и участием... Но это была лишь минутная встреча. Скоро представился случай к сближению их», — когда, в конце мая 1816 г., Карамзин переселился из Москвы в Царское Село: «Там, занимаясь продолжением Истории и печатанием первых ее томов, он приглашал к себе Пушкина, беседовал с ним, — и Пушкин имел возможность слушать Историю Государства Российского из уст самого историографа» (А. С. Пушкин, Материалы для его биографии, М. 1854, II, 43 — 44).

— Театры в Петербурге были закрыты и балы запрещены по случаю бедствия страшного наводнения 7 ноября 1824 г. (см. выше, стр. 367, и ниже, в этом письме). Комитет для пособия жителям, пострадавшим от наводнения, был образован под председательством Петербургского военного генерал-губернатора гр. М. А. Милорадовича, который в день наводнения и в ближайшие к нему проявил большую энергию в деле спасения погибавших людей. «Государь уже пожаловал миллион на вспомоществование тем, кои наиболее нуждаются; кроме того, всяк старается помочь по возможности страждущим» — писал К. Я. Булгаков своему брату в Москву 11 ноября 1824 г. («Русск. Арх.» 1903, кн. II, стр. 75). «Нельзя не благословлять милосердного государя за все меры, приемлемые к облегчению участи пострадавших», читаем в его же письме от 13 ноября: «Видно, что все они внушаются его сердцем. Прочитай рескрипт его к князю Куракину. Сверх сего Комитета, вспомогательные общества везде составляются и первая помощь вероятно уже всем дана. Одна из благодетельных мер та еще, что цену на главнейшие припасы не дозволено возвысить, — хлеб в своей цене, говядина тоже, и соль, которая было весьма возвысилась от того, что много ее истреблено, из казенных магазинов отпускается по умеренной цене. Теперь все видят, как благодетельно правительство. Государь объезжает места претерпевшие и этим доставляет величайшее утешение пострадавшим» (ibid., стр. 77). «Говорят, что пожертвования в пользу пострадавших простираются уже слишком на три миллиона. Духовенство доставило 700 тысяч из экономической своей суммы, гр. Шереметев еще 50 тыс., гр. Аракчеев 20 тыс., Английский Клуб 10 тыс. Все сословия стараются помочь. Вчера еще новая была от полиции повестка, доказывающая попечение благотворного правительства: велено всем тем, кои заложили шубы или другие теплые одежды в Ломбарде, итти получить их без платежа ни процентов, ни капитала за оные. Истинно мера самая благодетельная и полезная» (письмо от 17 ноября — ibid., стр. 78). О закрытии театров Булгаков писал еще 13 ноября: «Театры заперты впредь до приказания, и это очень хорошо: иначе бы, может быть, нашлись люди, кои, посреди общей горести, пошли смеяться французским фарсам» (ibid., стр. 77).

— Инвалид—газета «Русский Инвалид», в котором печатались списки жертвователей в пользу потерпевших от наводнения 7 ноября 1824 г.

— Об «идиллическом коллежском ассесоре Панаеве»—т.-е., поэте Владимире Ивановиче — см. выше, стр. 264, в письме № 52. Его сухие, чопорные идиллии, не одушевленные искренним чувством и отзывавшиеся казенным однообразием, «вызывали, естественно, насмешливое к себе отношение Пушкина и его друзей, а Батюшков еще в 1817 году писал Гнедичу, что «совершенно пастушеское» имя Панаева напоминает ему «мёд, патоку, молоко, творог, Шаликова и тмин, спрыснутый водой» (Соч., под ред. Л. Н. Майкова, т. III, 1886 г., стр. 457). В 1824 г. Панаев, в чине коллежского ассессора, служил столоначальником в «Исполнительном Отделении Комиссии Духовных Училищ при Святейшем Синоде».

№ 110. — О повести Боратынского «Эда» см. выше, стр. 367, и в письмах № 105, 106 и ниже, № 110, 115, 122.

— Черкешенка — из «Кавказского Пленника».

— У двух сосен — тех знаменитых, теперь уже давно не существующих сосен, которые росли по дороге из Михайловского в Тригорское. О них Пушкин вспоминает в своем стихотворении: «Вновь я посетил...» (1835 г.):

.... На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят, — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко .... и т. д.

— Ни одного письма О. С. Пушкиной к брату до нас не сохранилось.

— Французская фраза означает: «Если то, что ты говоришь относительно завещания Анны Львовны, — правда, то это очень мило с ее стороны. Право, я всегда любил мою бедную тетушку и досадую, что Шаликов помочился на ее могилу». А. Л. Пушкина завещала свое имение племянницам своим Сонцевым (дочерям своей сестры Елизаветы Львовны) и О. С. Пушкиной. А. Я. Булгаков писал своему брату 30 октября: «Василий Львович Пушкин в горести: его сестра Анна Львовна умерла; ему достается 200 славных душ, дом в Москве, всякой дочери Серг. Львов. Пушкина [у него была только одна дочь — Ольга. *Б. М.*] по 15 тысяч деньгами. Умерла с большим присутствием духа» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 83). Выражение, что «Шаликов помочился на могилу бедной тетки», повторил вскоре и Лев Пушкин в письме своем к кн. П. А. Вяземскому от января 1825 г. (Пушкин, сборник П. И. Бартенева, вып. II, стр. 28). Эпитафия ей, сочиненная князем П. И. Шаликовым, была напечатана в издававшемся им «Дамском Журнале» (1824 г., ч. VIII, № 22, ноябрь, стр. 128 — 130) под заглавием: «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной»:

Брат лучший, лучшую утративший сестру!
Я знаю: слез, тобой струимых, не сотру...

Ср. выше, стр. 367 и 371, а также в письме Пушкина к кн. Вяземскому, № 142.

— Няня Пушкина — Арина Родионовна.

— Троегорские приятельницы — девицы А. Н. и Е. Н. Вульф и А. И. Осипова.— Пушкин в письме к кн. В. Ф. Вяземской (см. выше, № 99) выразился о них, что они «довольно скверны во всех отношениях».

— В. В. Э. — Василий Васильевич Энгельгардт (род. 14 июня 1785 г., ум. 20 октября 1837 г.), отставной полковник, член общества «Зеленая Лампа», внучатный племянник Потемкина-Таврического, товарищ по воспитанию в иезуитском пансионе кн. П. А. Вяземского, который так его характеризует: «Расточительный богач, не пренебрегающий веселиями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своем более проигравший, нежели выигравший, построитель в Петербурге дома, сбивающегося немножко на Парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейными, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты, и за то, что очень удачно играл словами» (Соч. князя Вяземского, т. I, стр. XVII). В своем послании (1819 г.) к Энгельгардту Пушкин называет его: «Счастливый беззаконник, ленивый Пинда гражданин, Свободы, Вакха верный сын, Венеры набожный поклонник и наслаждений властелин».— О нем и его отношениях к Пушкину см. в «Дневнике» Пушкина, под нашею редакциею, Пгр. 1923, стр. 42 — 43.

— Гнедич — Николай Иванович.

— Плетнев—Петр Александрович; Онегин—«Евгений Онегин», вскоре представленный Львом Пушкиным в цензуру.

— Слёнин — книгопродавец, издатель «Руслана и Людмилы»; см. выше. № 111.
— «Русская Старина» — альманах А. О. Корниловича; ср. в письмах № 72 и 75 и в объяснениях, стр. 301. Объявления об издании и выходе «Старины» были напечатаны в №№ 280 и 301 «Русского Инвалида» за 1824 г., откуда Пушкин и знал об этой книге.
— Дельвиг готовил издание «Северных Цветов на 1825 год», после чего хотел приехать в Михайловское; между тем Пушкин боялся, что Дельвиг пострадал при наводнении 7 ноября.
— «Козлов слепой» — Иван Иванович (род. 1779, ум. 1840), известный поэт, ослепший в 1821 г., автор стихотворений, поэм «Чернец», «Княгиня Долгорукая» и «Безумная», переводчик «Невесты Абидосской» Байрона. Козлов был горячим поклонником Пушкина (см., напр., в письме Дельвига к Пушкину 1824 и Плетнева к Пушкину 1825 г. — Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 130 и 167), с которым познакомился еще до его ссылки в 1820 г.; он посвятил Пушкину два произведения, связанных с именем своего вдохновителя — Байрона: стихотворение «К морю» — из «Чайльд Гарольда» и поэму «Байрон». В свою очередь и Пушкин очень ценил дарование Козлова (см. письма к брату и князю Вяземскому №№ 137 и 144) и относился к нему с теплым вниманием и прочной симпатией; 15 мая 1825 г. он написал Козлову послание («Певец! Когда перед тобой...»), в котором благодарил его за присылку «Чернеца»; Козлов в трогательных выражениях благодарил Пушкина за послание 31 мая 1825 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 220—221), сообщая, что часто «видит» Л. С. Пушкина и что прочел 2-ю главу «Евгения Онегина» (она тогда не была еще издана). Об отношениях Пушкина и Козлова и о близком знакомстве последнего с Львом Пушкиным см. в работе Н. М. Данилова: «Иван Иванович Козлов», Пгр. 1914 г., стр. 29—31 (отт. из «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.», т. XIX, кн. 2).
— О гр. Е. М. Ивелич — см. выше, стр. 369.
111. *А. Г. Родзянке* (стр. 104). Впервые напечатано в «Русск. Обозр.» 1897 г., № 2, стр. 524—525, Н. И. Черняевым; перепечатано в его же сборнике: «Критические заметки о Пушкине», Харьков. 1900, стр. 67—69, а также в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. III, стр. 148; подлинник — в библиотеке Харьковского Университета.
— Об Аркадии Гавриловиче Родзянке см. выше, на стр. 274, в объяснениях к письму № 57. Родзянко — сын Хорольского (Полтавской губернии) маршала дворянства, воспитывался в Московском Университетском Благородном Пансионе, служил (1818—1819) в л.-гв. Егерьском полку, а 3 марта 1821 г. вышел, с чином капитана, в отставку из Орловского пехотного полка, после чего проживал в своем богатом Полтавском имении, — селе Родзянках, Хорольского уезда. В начале 1830-х гг. Родзянко женился на Надежде Акимовне Клевцовой и потом имел семью из пяти человек детей. О его литературной деятельности и об отношениях см. в нашей заметке о Родзянке в «Русск. Биогр. Словаре», стр. 295—297, книгу В. Л. Модзалевского: «Малороссийский родословник», т. IV, стр. 308 и 314—315, и «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 387—388. Поклон Пушкину Родзянко переслал, конечно, через Анну Петровну Керн, жившую тогда в Лубнах и переписывавшуюся со своей любимою кузиною Анной Николаевной Вульф (ей-то А. П. Керн и «написала много нежностей» о поэте), равно как с ее братом Алексеем и с Л. С. Пушкиным (см. выше, № 106).
— Пушкин познакомился с А. П. Керн еще в 1819 г., в доме А. Н. Оленина, а затем имел о ней сведения от Анны Н. Вульф и читал ее приписки к полученному от Родзянки письму от 10 мая 1825 г. (см. его в «Письмах Пушкина и к Пушкину, собрал М. Цявловский», М. 1925, стр. 9—10); вскоре по его получении он встретился с Керн, когда та приехала в Тригорское к своей тетке, Осиповой, — и страстно увлекся ею (см. ниже, письма № 154, 155, 157 и след.). В своих «Воспоминаниях» («Библ. для Чтения» 1859 г.; ср. Л. Майков, Пушкин, стр. 238) Керн рассказывает: «Прожив несколько времени в Дерпте, в Риге, во Пскове, я возвратилась в Полтавскую губер-

№ 111. нию к моим родителям. В течение шести лет я не видела Пушкина, но от многих слышала про него, как про славного поэта, и с жадностью читала «Кавказского Пленника», «Бахчисарайский Фонтан», «Братья Разбойники» и 1-ю главу «Онегина», которые доставлял мне сосед наш, Аркадий Гаврилович Родзянко, милый поэт, умный, любезный и весьма симпатичный человек. Он был в дружеских отношениях с Пушкиным и имел счастие принимать его у себя в деревне (Полтавской губернии, Хорольского уезда): Пушкин, возвращаясь с Кавказа, прискакал к нему с ближайшей станции, верхом, без седла, на почтовой лошади в хомуте... Во время пребывания моего в Полтавской губернии я постоянно переписывалась с двоюродною сестрою моею А. Н. Вульф... Она часто бывала в доме Пушкина, говорила с ним обо мне и потом сообщала мне в своих письмах различные его фразы; так в одном из них она писала: «Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olenine; il dit partout: elle était trop brillante» [т.-е.: «Ты произвела глубокое впечатление на Пушкина при твоей встрече с ним у Олениных; он все говорит: она была слишком блестяща»]. В одном из ее писем Пушкин приписал сбоку из Байрона: «Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais» [т. е. «Видение пронеслось мимо нас, мы видели его и никогда опять не увидим»]. Когда же он узнал, что я видаюсь с Родзянко, то переслал через меня к нему письмо, в котором были расспросы обо мне и стихи: «Наместник Феба иль Приапа».... После этого мне с Родзянко вздумалось полюбезничать с Пушкиным, и мы вместе написали ему шуточное послание в стихах. Родзянко в нем упоминает о моем отъезде из Малороссии и о несправедливости намеков Пушкина на любовь ко мне. Послание наше было очень длинно, но я помню только последний стих: «Прощайте, будьте в дураках». Ответом на это послание были следующие стихи, отданные мне Пушкиным, когда я через месяц после этого встретилась с ним в Тригорском: «Ты обещал о романтизме» и т. д.».

— О поэме «Чупка» А. Г. Родзянко отвечал Пушкину 10 мая 1825 г., что она «скончалась» на тех отрывках, которые он ему читал.

— О сатирах Родзянко на Пушкина см. выше, в объяснениях к письму № 57, стр. 274.

— Поэма Боратынского «про Чухонку» — «Эда. Финляндская повесть»; см. выше, стр. 367.

— О Парнассе см. выше, стр. 220.

— Аполлон — Феб, бог поэзии и искусств.

— Порфирий — брат Родзянки — Порфирий Гаврилович, бывший годом его моложе; о нем нам ничего неизвестно, кроме того, что в 1840 г. он был жив и имел чин надворного советника.

— Стихи, коими заканчивается письмо Пушкина, были, как выше указано, приведены по памяти и не совсем точно в Воспоминаниях А. П. Керн в «Библ. для Чтения» 1859 г. (т. 154, стр. 115).

— Приап — сын Венеры и Вакха, бог садов, виноградников, а также непристойных, бесстыдных наслаждений.

— Письмо Пушкина, пересланное им в письме А. Н. Вульф к А. П. Керн, не скоро попало к Родзянке: он не отвечал на него три месяца по получении и ответил лишь 10 мая 1825 г. шутливым письмом, с несколькими приписками А. П. Керн; приводим его начало, чтобы дать понятие о тоне, в котором оно написано:

«Виноват, сто раз виноват пред тобою, любезный и дорогой мой Александр Сергеевич, не отвечая три месяца на твое неожиданное и приятнейшее письмо. Излагать причины моего молчания и не нужно, и излишне: лень моя главная тому причина, и ты знаешь, что она никогда не переменится, хотя Анна Петровна ужасно как моет за это выражение мою грешную головушку; но, не взирая на твое хорошее мнение о моих различных способностях, я становлюсь втупик в некоторых вещах, и во первых, в ответе к тебе. Но сделай милость, не давай воли своему воображению и не делай общею моей неодолимой лени; скромность моя и молчание в некоторых случаях должны стоять вместе обвинителями и защит-

никами ее. Я тебе похвалюсь, что благодаря этой же лени, я постояннее всех Амадисов и польских и русских. Итак, одна трудность перемены и искренность моей привязанности составляют мою добродетель: следовательно, говорит Анна Петровна, немного стоит добродетель ваша: а она соблюдает молчание [*далее рукою Керн:*] молчание — знак согласия [*рукою Родзянки:*] и справедливо. Скажи пожалуй, что вздумалось тебе так клепать на меня? За какие проказы? За какие шалости? Но довольно, пора говорить о литературе с тобою, нашим Корифеем. [*Рукою Керн:*] «Ей богу, он ничего не хочет и не намерен вам сказать! Насилу упросила! Если бы вы знали, чего мне это стоило! Самой безделки: придвинуть стул, дать перо и бумагу и сказать — пишите. Да спросите, сколько раз повторить это должно было. [*Рукою Родзянки:*] Repetitia est mater studiorum».... и т. д. ...«Прощай, люблю тебя и удивляюсь твоему гению и восклицаю:

О, Пушкин, мот и расточитель
Даров поэзии святой
И молодежи удалой
Гиерофант и просветитель,
Любезный женщинам творец,
Певец Разбойников, Цыганов,
Безумцев, рыцарей, Русланов,
Скажи, чего ты не певец?....»

На это письмо (см. его в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 213—215, без окончания; полностью — в изданных М. А. Цявловским «Письмах Пушкина и к Пушкину», М. 1925, стр. 9—10) Пушкин отвечал, в июле 1825 г., посланием к Родзянке: «Ты обещал о романтизме, О сем Парнасском афеизме....»

112. *Л. С. Пушкину* (стр. 105). Впервые напечатано по черновой, трудно читаемой рукописи в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 18 — 19 и в «Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 198; подлинник — в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 42. Полную транскрипцию см. в конце IV тома.

— Эта черновая шуточная записка, которую равным образом можно считать и стихотворением в форме «послания»,—в окончательной отделке неизвестна; только в 29-м примечании к «Евгению Онегину» (гл. 4, строфа XCV), к упоминанию о принесенном для Ленского «вдовы Клико или Моэта благословенном вине», Пушкин сделал выноску, процитировав несколько стихов из этого, как он определил, «*Послания к Л. П.*»:

В лета красные мои
Поэтический аи
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви
Или юности безумной, и пр.

Ср. выше, стр. 369 — 370, при письме № 106, записку Пушкина к брату с поручением прислать ему вина: бордо, сотерну и шампанского, а также в письмах № 114, 127 и 141.

113. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 105—110). Впервые напечатано в «Северных Цветах на 1826 год» (ценз. дозв. 25 февраля 1826 г.), отд. прозы, стр. 101 — 106, под заглавием: «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.»; затем перепечатано было, в виде второго «приложения», при 3-м издании «Бахчисарайского Фонтана», 1830 г. (стр. 41 — 46), без перемен; в собрании «Поэм» Пушкина, ч. I, 1835 г., стр. 230 — 232, и в его «Сочинениях» (посмертное издание, т. II, 1838 г., стр. 188 — 190), с незначительными переменами и пропуском послания к Чаадаеву, внесенного в III том, стр. 138, под заглавием: Ч***ву; кроме того, под заглавием: «К Д. о Тавриде», помещено было, как образцовое, в книге Н. С. Пенинского: «Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах», Ч. I, С.-Пб. 1833, отдел «Писем», стр. 294 — 297, а отсюда вошло в сборник образцов Беррара и Журдана для переводов на французский язык (С.-Пб. 1840 г., стр. 52). В нашем издании воспроизведен текст «Северных Цветов на 1826 год». В Соч., изд. Ефремова,

№ 113. 1882 г., т. VII, стр. 131 — 134, дана сводная редакция текста «Северных Цветов» и черновой рукописи, приведенной, в отрывках, в «Материалах» Анненкова (стр. 75 — 79). Черновик (1-я редакция) в рукописи б. Румянц. Музея № 2370, л. 42 об. — 44; другой черновик (2-я редакция), на бумаге с вод. зн. N. Сазонов, — перебеленный, но также с помарками,— в Рукоп. Отдел. Библ. Акад. Наук, в собр. Майкова (см. В. И. Срезневский, Пушкинская коллекция, принесенная в дар Библиотеке Акад. Наук А. А. Майковой — «Пушк. и его совр.», вып. IV, стр. 33, № 3). — Датируется по положению в тетради № 2370, на основании появления стихотворения «К Ч.» («К чему холодные сомненья») в № 12 «Сев. Пчелы» 1825 г., от 27 января (ценз. дозв. 26 янв.), а также по началу чернового наброска, в котором сказано: «Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием», — книгу же эту Пушкин просил прислать ему еще в письме от начала ноября 1824 г. (№ 103).

— Общее содержание этого письма следует сравнить с почти современным поездке Пушкина в Крым письмом его к брату Льву Сергеевичу от 24 сентября 1820 г. (выше, стр. 12 — 14, № 16), где упоминается и *Тамань,* и *Керчь,* и *Митридатова гробница,* и *Пантикапея,* и другие местности, которые он посетил, путешествуя с Раевскими. С ними же прожил он три недели в Юрзуфе. Пребывание здесь Пушкина подвергнуто подробнейшему обследованию в работе А. Л. Бертье-Делагарда в сборн. «Пушк. и его современники», вып. XVII — XVIII, стр. 77 — 155: «Память о Пушкине в Юрзуфе»; в статье этой подробно описан и весь маршрут Пушкина и Раевских, из которого видно, что из Феодосии они выехали на брандвахтенном судне морем вечером 17 — 18 августа 1820 г., а в Юрзуф прибыли 18 — 19 августа утром; выехав оттуда 4 — 5 сентября, они 8 сентября были в Симферополе, откуда дня через два Пушкин отправился к месту службы в Кишинев и прибыл туда 21 сентября, проехав через Одессу (назв. сочин., стр. 105 — 112).

— Lazzaroni — так называются в Неаполе люди, живущие беспечно, под открытым небом и зарабатывающие себе хлеб разными мелкими промыслами и услугами. «Нет ничего грязнее Неаполя и его «ладзарони», которых насчитывают до 40 тысяч человек; они питаются макаронами, и большинство из них не имеет ночлега и спит на улицах», — писал из Неаполя своему отцу 25 октября (16 ноября) 1822 г. знакомец Пушкина и его сочлен по «Зеленой Лампе» кн. Д. И. Долгоруков («Русск. Арх.» 1914 г., № 5, стр. 22).

— О любимом Пушкинском кипарисе в Юрзуфе см. в указанной статье А. Л. Бертье-Делагарда, стр. 143 — 151.

— Путешествие М. — книга Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 г.», С.-Пб. 1823; Муравьев посетил Крым летом 1820 г., а в Юрзуфе был месяцем позже, чем Пушкин.

— Кикенеис — селение на Южном берегу Крыма, принадлежавшее Ревельоти.

— Выехав из Юрзуфа с Раевскими, Пушкин проехал по тропам западной части берега верхом, затем через горы проехал к местности, называемой Мердвень (Лестница), посетил живописный Георгиевский монастырь, а затем уже направился в близ лежащий Бахчисарай.

— Изображение разрушенного храма Дианы (Артемиды) в Тавриде (упоминаемого далее в стихах к Чаадаеву), по реконструкции А. Шмитца, — см. в Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 9.

— Стихи «К чему холодные сомненья», под заглавием «К Ч.», были напечатаны, ранее появления всего письма Пушкина в «Северных Цветах», — в «Северной Пчеле» Булгарина от 27 января 1825 г., № 12, стр. 4.

— Ч. — П. Я. Чаадаев, тогда путешествовавший за границей. Конечные два стиха следует сравнить с заключительными словами приписываемого обыкновенно Пушкину другого послания к Чаадаеву же — 1818 г.:

Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена...

— Окончанию письма Пушкина придают важное биографическое значение, полагая, что словами: «Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes* [фонтаном слез]» Пушкин желал сбить с толку читателей, которые, зная, вследствие бестактности Бестужева и Булгарина (см. выше, стр. 303—304 и 335—336), о сердечных переживаниях поэта, могли начать доискиваться имени той, которая владела его чувствами. «Совершенно ясен тот смысл, который поэт влагал в это известие для читателей, для знакомых и друзей», пишет П. Е. Щеголев: «Раньше, по слухам и по публикации Булгарина, мысль любопытного могла бы обратиться на одну из сестер Раевских. Но теперь сам Пушкин обозначил фамилию этой женщины неожиданной буквой К. (а не Р.), да кроме того прибавил, что рассказ о Фонтане он слышал раньше посещения Бахчисарая или Крыма... Ясно, что Пушкин, делая новое признание о происхождении «Бахчисарайского Фонтана», именно хотел устранить неприятные для него толкования прежнего признания и отдалить тот смысл, который находят в цитате из письма к Дельвигу биографы и комментаторы» («Пушк. и его совр.», вып. XIV, стр. 134—135). Того же мнения держался и П. И. Бартенев: высказывая предположение, что особа, поэтически описывавшая Пушкину «фонтан слез», — та же самая женщина, про которую поэт говорил, что поэма его «Бахчисарайский Фонтан» есть не что иное, как переложение в стихи ее рассказа», прибавляет: «Буква К*. поставлена в печати может быть для прикрытия» (Пушкин в Южной России, М. 1914, стр. 44).

— N.N. — несомненно Николай Николаевич Раевский старший, с которым Пушкин был в Бахчисарае.

— Памятник ханской любовницы, о котором говорит Муравьев-Апостол,—«красивое», по его словам, «здание с круглым куполом», «мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керим-Гирея»; рассказ об этом памятнике, заканчивающий собою сделанное Муравьевым описание Бахчисарая, был дан вместе с этим описанием, в виде «Выписки из путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола», в приложении к изданиям «Бахчисарайского Фонтана», вышедшим при жизни Пушкина.

— Получив «Северные Цветы на 1826 г.», Языков в письме к своим родным от 25 апреля 1826 г. высказывал мнение, что «Дельвиг сделал немалую глупость, напечатав письмо Пушкина о Бахчисарае» («Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 247).

114. *Л. С. Пушкину* (стр. 111). Впервые напечатано в «Библиографич. Зап.» 1858 г., № 4, ст. 97—98; подлинник (на бумаге — вод. зн. W. Dwells. 1822) в рукописи б. Румянц. Музея № 1254.

— Датируется по сопоставлению с предыдущими и последующими письмами.

— Вульф — Алексей Николаевич, приехавший к матери из Дерпта на рождественские каникулы; Пушкин ему «ничего не говорил» — о своем плане побега за границу, который его тогда занимал; в план этот был посвящен Лев Пушкин, а также и П. А. Осипова, сообщавшая еще 22 ноября Жуковскому о желании поэта уехать из России (см. выше, стр. 359); об этом Пушкин говорит и в конце письма—условными словами «о банкире, о переписке, о месте пребывания Чедаева». Ожидая брата на праздники в Михайловское, поэт хотел с ним, Вульфом и П. А. Осиповой устроить общее совещание; но Льва Пушкина, повидимому, не пустили родители (см. ниже, в письмах № 122 и 125); Алексей же Вульф, собиравшийся ехать за границу летом 1825 г. (ср. ниже, в приписке П. А. Осиповой к письму № 126), предлагал Пушкину увезти его с собой под видом слуги. Он так вспоминал об этом впоследствии: «Пушкин, не надеясь получить в скором времени право свободного выезда с места своего заточения, измышлял разные проекты, как бы получить свободу. Между прочим, предложил я ему такой проект: я выхлопочу себе заграничный паспорт и Пушкина, в роли своего крепостного слуги, увезу с собой за границу. Дошло ли бы у нас дело до исполнения этого юношеского проекта,—

№ 114. добавляет Вульф,— я не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словах» (М. И. Семевский, Прогулка в Тригорское — «С.-Пб. Вед.» 1866 г., № 146, 31 мая, стр. 2; ср. М. А. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 41—42).— Между тем Лев Пушкин, получив настоящее письмо Пушкина, писал (в январе 1825 г.) Вяземскому из Петербурга в Москву, прося передать письмо Кюхельбекеру: «Осмеливаюсь.... воспользоваться сим случаем, чтобы поговорить с вами о брате. Я не считаю сего лишним, ибо по Москве ходят о том известия, дошедшие и до нас [см. в конце этого письма и выше, стр. 359], которые столь же ложны, сколько могут быть для него вредны. Причина его ссылки, — довольно жестокой и несправедливой меры правительства,—вам, может быть, не совершенно известна. Вот она. Вследствие мелочных частных неудовольствий и дел с братом, Воронцов требовал его удаления, как человека вредного для общества (не говорю о прижимках — vexations, которые он делал брату в Одессе). В то время брат послал в отставку, но бумага Воронцова его предупредила [здесь несколько слов выцвели] сослать его в деревню под надзор правительства, с запрещением выезжать даже и в уездные города, говоря, что он для того так поступает, чтобы не быть принужденным прибегнуть к мерам строжайшим (?). Вот его история — без подробностей, но верная. Я видел все предписания и бумаги начальства. Оставляю вам, князь, судить о его положении. Что же касается до прочих слухов, которые могли бы и не расходиться, то верьте, что они большею частию совершенно ложны или по крайней мере увеличены» (Пушкин, сборник П. И. Бартенева, вып. II, стр. 28).

— П. А. — Плетнев.

— Дельвиг собирался навестить своего друга и Лицейского товарища в его изгнании, но осуществил это намерение лишь в конце апреля 1825 г. (см. ниже, письмо № 142).

— Рокотов, Иван Матвеевич, сосед Пушкина; см. выше, стр. 346; письмо, посланное с ним Льву Пушкину, до нас не сохранилось.

— Святочная песенка — Noël, политическое стихотворение, нам неизвестное (быть может, и не Пушкина), в роде его юношеского Noël: «Сказки» («Ура, в Россию скачет Кочующий деспот...»).

— «Pour des chansons» — значит: «за песенки».

— «Онегин» (1-я глава) был дозволен к печати цензором А. С. Бируковым 29 декабря 1824 г. В январе 1825 г. Лев Пушкин писал князю П. А. Вяземскому: «Вы скоро увидите печатанную первую главу Онегина, которую цензура, сверх всякого чаяния, пропустила. В одном из примечаний, присоединенных к Онегину, было место, убийственное для Василия Львовича [Пушкина]; мне очень хотелось сохранить его, но брат, как добрый племянник, его выпустил» (Пушкин, сборник П. И. Бартенева, вып. II, стр. 28).

— С Тригорскими — т.-е., с барышнями Вульф-Осиповыми.

— Календари — т.-е. альманахи «Полярная Звезда» Бестужева и Рылеева, «Русская Старина» Корниловича и «Русская Талия» Булгарина, о предстоящем выходе которых Пушкин прочел в № XXIII—XXIV «Литературных Листков» за 1824 г., вышедших в середине декабря (см. стр. 180—181: письмо Бестужева и Рылеева, и 182—183).— Придворный и Академический Календари издавались Академией Наук с XVIII века; первый содержал собственно календарь и справочник о придворных чинах и кавалерах орденов, а второй — то же и списки всех чиновников.

— «Речь старика Шишкова» — опубликованная в № 101 «С.-Петербургских Ведомостей» 1824 г., от 16 декабря, «Речь, произнесенная Г. Министром Народного Просвещения в собрании членов Главного Правления Училищ, 11 Сентября 1824 г.» (тогда же она была издана и отдельными оттисками). В ней новый Министр Народного Просвещения, на которого Пушкин, как мы видели, возлагал такие большие надежды, высказал свои основные мысли по вопросу о воспитании и образовании. Приводим начало и конец этой речи, вызвавшие отзыв Пушкина, по тексту ее, воспроизведенному в «Сборнике распоряжений по Министерству Народного

Просвещения», т. I, стр. 527—528 (перепечатано также в «Русск. Стар.» 1889 г., т. 62, стр. 466—467). № 114.

«Милостивые государи! Благоугодно было его императорскому величеству облечь меня честию председательствования между вами. Чувствую и сожалею, что болезни и старость лет моих, изменяя моему усердию, не допускают меня действовать с тою подвижностью и быстротою, с какою желал бы я священной воле его быть исполнителем. Но я имею в вас, почтенные сотрудники мои, надежных помощников, и потому твердо уверен, что недостаток сил моих вознаградится вами к общей пользе ревностью. Ваши труды и старания облегчат мое бремя; ваше попечение и прозорливость подкрепят мою мерцающую память и слабеющие взоры. Нам поручено дело важное: надзор за учением и воспитанием Российского юношества. Мы дадим богу и Отечеству ответ, естьли нерачительно будем исполнять долг свой и обязанность. Благодарность или справедливые укоризны родителей, счастие или злополучие детей их готовятся изречь над нами суд свой в будущие времена. Перенесемся воображением чрез шесть или семь пятилетий вперед и взглянем мысленно на последствие наших деяний. Мы увидим великое число рассеянных по пространству России мужей, иных ратующих в поле, иных заседающих в суде, иных упражняющихся в разных званиях и должностях. Все они в юных летах своих наставляемы были людьми, под нашим смотрением находившимися. Наставления в малом возрасте, подобно целебным или вредоносным для телесного здравия сокам, действуют на человеческий разум, нрав и душу и часто остаются до самой глубокой старости неизгладимыми. Итак, естьли воспитываемое во множестве училищ юношество от нерадения нашего возрастет и возмужает с некоторыми недостатками и пороками; естьли, не утвержденное в благоговении к богу, в преданности к государю и отечеству, в любви к правде, в чувствовании чести и человеколюбия, заразится оно лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостию и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и чрез то делающим его в старости юношею; естьли, говорю, подобные небрежения допустятся быть существующими в училищах, или не возьмутся к отвращению их все возможные меры, то сколько впоследствии времени произойдет от того зла и в воинских ополчениях, и в судебных заседаниях, и в исполнении всяких должностей, в семействах и вообще в пользах общежития. Науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного».... «Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество людей—принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином. Но правила и наставления в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому, не выводят никого из определенного ему судьбою места и во всех состояниях и случаях делают его и почтенным, и кротким, и довольным, и благополучным. Благочестивый поселянин, прилежный в деле своем, добрый муж, чадолюбивый отец, мирный сосед, умеренный в своих желаниях, не скучающий в поте лица доставать себе насущный хлеб, несравненно просвещеннее для меня, нежели хитрый мудрец, знающий все науки, но который, последуя движению безнравственных страстей своих, мучит сам себя безнравственными мечтаниями и совращает других с истинного пути спокойной и благоденственной жизни. Я уверен, милостивые государи, что сии понятия мои об истинном просвещении не различествуют с вашими, и надеюсь, что на сем основании, творя волю пославшего нас, можем мы усердием и попечением своим призвать на себя благодать божию, удостоиться монаршего благоволения и принесть посильные услуги отечеству». — Прочитав эту речь Шишкова и другую (Предложение Главному Училищ Правлению от 12 декабря), Карамзин 30 декабря 1824 г. иронически спрашивал И. И. Дмитриева: «Читал ли ты речи Министра Просвещения? Восставать против грамоты есть умножать к ней охоту: следственно, действие хорошо

№ 114. и достойно цели Министерства, которому вверено народное просвещение. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль наш стучится об ту и другую, а все плывет. Я уверен, что Россия не погрязнет в невежестве: то есть уверен в милости божией» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 388).

— Тотчас после своего назначения Министром, Шишков занялся пересмотром прежнего Цензурного Устава и составлением нового, который и получил утверждение, уже от Николая I,—10 июня 1826 г. Этот жестокий Устав, прозванный современниками «чугунным», давал цензорам полный простор для преследования авторов и ставил литературу и науку в невозможные условия существования. Еще 4 сентября 1824 г. Карамзин писал Дмитриеву по поводу слухов о цензуре: «К слову о цензуре прибавлю, что новый Министр Просвещения думает учредить новую и посадить в этот трибунал человек шесть или семь: на всякую часть Литературы будет особенный цензор! То-то раздолье! Словесность наша с цензорами процветет и без авторов» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 378).

— Семья Карамзиных с середины ноября проживала уже в Петербурге; историограф работал в это время над эпохою царя Шуйского: «Списываю вторую главу Шуйского; еще главы три с обозрением до нашего времени, — и поклон всему миру, не холодный, с движением руки навстречу потомству, ловкому или спесивому, как ему угодно», — писал он сам И. И. Дмитриеву 12 октября 1824 г. еще из Царского - Села (там же, стр. 380—381).

— Тургенев, Александр Иванович, конец 1824 года провел в Москве, куда спешно выехал 12 ноября, получив известие о смертельной болезни матери, Екатерины Семеновны, рожд. Качаловой; она скончалась, однако, до его приезда в Москву («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 76; ср. Провинц. Некрополь, т. I). Через полгода он с братом Сергеем уехал за границу, где уже давно находился их брат Николай, после 14 декабря перешедший на положение эмигранта. В первой половине марта 1825 г. А. И. Тургенев, упомянув о В. Л. Пушкине, писал князю П. А. Вяземскому: «Я получил мерзкое письмо со вложением от племянника», т.-е. от А. С. Пушкина; но письмо это не сохранилось («Остаф. Арх.», т. III, стр. 104).

— Северин, Дмитрий Петрович, «арзамасец», с которым в 1823 г. у Пушкина в Одессе была ссора (см. выше, стр. 279), — в 1824 г. служил в Коллегии Иностранных Дел в Петербурге, вращаясь в кружке Карамзина и Тургеневых. Вскоре он женился (вторым браком) на фрейлине вел. кн. Елены Павловны — графине Мольтке.

— Рылеев и Бестужев заняты были в это время подготовлением к печати третьей книжки «Полярной Звезды» — на 1825 год, которую они сперва рассчитывали издать к 1 января 1825 г., но потом заявили, что она выйдет к святой неделе («Литературные Листки» 1824 г., ч. IV, № XXIII, стр. 180—181). Рылеев во второй половине 1824 г. уезжал в Малороссию, к родным своей жены, и вернулся в Петербург в декабре (В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев. 1912, стр. 362—363).

— Графа М. С. Воронцова в конце декабря ожидали из Одессы в Петербург; он прислал для пострадавших от наводнения 5.000 р., а его жена, гр. Елизавета Ксаверьевна, — 3.000 р. («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 80—81, 168). Озлобление Воронцова против Пушкина долго не проходило; так, когда, в апреле 1825 г., кн. В. Ф. Вяземская просила Воронцова о принятии на службу некоего кн. Ухтомского, то его эта рекомендация «несколько остановила»: «он опасается, не в связи ли он с Пушкиным, который у него служил» (там же, стр. 179).

— И. И. Пущин, посетивший Пушкина в Михайловском 11 января 1825 года, рассказывает такую любопытную подробность: «Среди разговора, ex abrupto, он спросил меня: что̀ об нем говорят в Петербурге и в Москве? При этом вопросе рассказал мне, будто бы император Александр ужасно перепугался, найдя его фамилию в записке коменданта о приезжающих в столицу, и тогда только успокоился, когда убедился что не он приехал, а брат его Левушка. На это», прибавляет Пущин:

«я ему ответил, что он совершенно напрасно мечтает о политическом своем значении, что вряд ли кто-нибудь смотрит на него с этой точки зрения» (Записки о Пушкине, С.-Пб. 1907, стр. 59—60). Ср., однако, выше, стр. 359—360, — запрос И. И. Дибича о Л. С. Пушкине.

— Аббат Жак Делиль (род. 1738, ум. 1813) — французский поэт, любивший изысканные перифразы, автор дидактической и описательной поэмы «Сады», переводчик Виргилия и Мильтона, — «Парнасский муравей», по определению Пушкина, сделанному в «Домике в Коломне» (строфа XIII). О Пушкине и Делиле см. «Пушкин в мировой литературе», стр. 38, 41 и 354.

— О проекте «побега» Пушкина см. выше, стр. 359 и 382; подчеркнутые Пушкиным слова обозначают условные понятия об устройстве правильной пересылки денег и корреспонденции за границу, вместе с означением места, куда они должны направляться.

— Чаадаев в это время находился в Швейцарии (М. О. Гершензон, П. Я. Чаадаев, М. 1908, стр. 52), и Пушкин, может быть, думал о возможности к нему присоединиться. Говоря: «Зачем мне бежать? Здесь так хорошо!», Пушкин желал обмануть бдительность полицейского за собою надзора,—на случай, если бы письмо его было прочтено на почте.

— К Пушкину собирался приехать на рождество Дельвиг, а в январе посетил его И. И. Пущин (см. ниже, стр. 387—388).

— Стихи, приведенные Пушкиным, взяты из его собственного (переведенного из Арно) раннего стихотворения 1822 года:

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости Творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

Оно впервые напечатано было в издании Стихотворений Пушкина 1826 г.

— По поводу посетителей Пушкина в Михайловском один крестьянин-современник вспоминал в 1891 г.: «К нему в село иногда приезжали господа, его знакомые, но всегда на самое короткое время, а также приезжал из Святогорского монастыря монах, беседовал с ним или ходил с ним вдвоем по лесу» («Русск. Арх.» 1892, кн. I, стр. 97). Об этом монахе, наблюдению которого был поручен Пушкин, относивший его, без сомнения, к числу «усыпителей-глупцов», см. любопытный рассказ в Записках Пущина о Пушкине.

— Письмо «о потопе» см. выше, под № 106.

115. *Л. С. Пушкину* (стр. 112). Впервые напечатано (без последней фразы) — в «Материалах» Анненкова, стр. 239, полностью—в «Библиограф. Зап.» 1858 г., № 4, ст. 103—104; подлинник в б. Румянц. Музее, № 1254, писан такими же рыжими чернилами, как и предыдущее письмо № 114, посланное «на днях».

— Хотя Пушкин и просил Дельвига поторопиться с приездом к нему в Михайловское, тот собрался к нему не ранее апреля 1825 г.

— Первая книжка альманаха Дельвига — «Северные Цветы на 1825 год» вышла в самом конце декабря 1824 или в первые дни 1825 г. (см. В. П. Гаевский, Дельвиг — «Соврем.» 1854 г., № 1, отд. III, стр. 51; Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 21).

— «Эда, Финляндская повесть» Боратынского, в отдельном издании вышла только в 1826 году.

— Об В. В. Энгельгардте см. выше, стр. 376.

— Жуковскому вскоре (в конце мая 1825 г.) опять пришлось принять участие в судьбе Пушкина — по случаю плана поездки его в Дерпт к хирургу Мойеру (см. ниже).

— Пущин—Иван Иванович, Лицейский товарищ Пушкина, один из преданнейших его друзей, служил в это время судьею в 1-м Уголовном

№ 116. Департаменте Московского Надворного Суда. Его стойкая деятельность в этой, считавшейся чуть ли не унизительной должности дала повод Пушкину сказать:

Ты освятил тобой избранный сан,
Ему в глазах общественного мненья
Завоевал почтение граждан...

— Малиновский — Иван Васильевич (род. 1795, ум. 1873), Лицейский товарищ поэта, наравне с Пущиным им очень любимый, сын первого Директора Лицея, «повеса из повес», за горячность и необузданность нрава прозванный «казаком». В первоначальной редакции своего стихотворения «19 октября 1825 г.» Пушкин посвятил Малиновскому 4 стиха, потом выброшенных,—а именно, после обращения к Пущину, посетившему поэта в Михайловском, он писал:

Чтож я тебя не встретил тут же с ним,
Ты, наш казак и пылкий, и незлобный?
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?

Умирая, Пушкин вспомнил обоих этих друзей своих, сказав: «Как жаль, что нет здесь ни Пущина, ни Малиновского: мне бы легче было умирать». В 1824 г. Малиновский служил в Петербурге, в л.-гв. Финляндском полку, в чине капитана; вскоре, 26 марта 1825 г., он вышел в отставку полковником и затем поселился в своем имении — селе Каменке, Изюмского уезда Харьковской губернии. Он был женат (с 1834 г.) на сестре Пущина — Марии Ивановне, а сестры его самого были замужем: Мария — за Лицейским их обоих товарищем В. Д. Вольховским, а Анна — за декабристом бароном А. Е. Розеном. О Малиновском см. у Н. Гастфрейнда, Товарищи Пушкина по Александровскому Лицею, т. III, стр. 209 — 319.

— Матюшкин — Федор Федорович, также Лицейский товарищ, моряк; см. выше, стр. 317. О нем осенью 1825 г. вспомнил Пушкин в своем стихотворении «19 Октября» («Роняет лес багряный свой убор»...):

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный? и т. д.

— Лайон: здесь, как и в других местах, Пушкин называет так своего брата Льва на английский манер: Lion — Лев.

116. А. С. Шишкову (стр. 112). Впервые напечатано в Академическом издании Переписки Пушкина, т. II, стр. 33 — 34, как черновик письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г.; в издании Брокгауза, ред. Венгерова, т. VI, стр. 32, помещено также при этом письме 1827 г., но как «остов, набросанный, видимо, в 1825 году», с замечанием: «Пушкин, надо думать, собирался отправить письмо м. нар. просв. А. С. Шишкову». Мы помещаем его как черновик письма к Шишкову (оставшегося неотправленным) и относим к январю 1825 г. по следующим соображениям: 1) 6 ноября кн. П. А. Вяземский советовал Пушкину обратиться с жалобой на Оделькопа именно к Шишкову, от которого, как от писателя, и сам Пушкин ожидал многого в смысле защиты литературы и прав ее деятелей; 2) 25 января 1825 г. Пушкин писал Вяземскому, что, посвятив несколько похвальных слов по адресу Шишкова в своем «Втором послании к цензору», он уже «не решился по его совету к нему прибегнуть в деле своем с Ольдекопом», ибо и «в подлостях нужно некоторое благородство»; 3) «выключенным из службы» Пушкин не мог считать себя в 1827 г., когда почитал себя еще «в милости» (почему в чистовой текст письма 20 июля 1827 г. и не внес этих слов); 4) черновик наш находится в рукописи между пьесами 1825 года; 5) в 1825 г. Бенкендорф еще не стоял на жизненном пути Пушкина; 6) к Бенкендорфу Пушкин всегда обращался, титулуя его «вашим превосходительством», а не «высокопревосходительством»,—каковым был Шишков, полный адмирал; 7) в письме к брату от 7 апреля 1825 г. (ниже, № 139) чувствуется

еще неизжитость обиды на Ольдекопа по поводу сделанного Пушкину выгодного предложения о переиздании «Бахчисарайского Фонтана»; 8) наконец, Пушкин прямо пишет: «в прошлом 1824 году», чего он не сказал бы, если бы писал письмо в 1827 году. Черновая рукопись этого письма — в рукописи 6. Румянцовского Музея № 2370, л. 65 об. (см. «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 33). № 117.

— О перепечатке Ольдекопом в 1824 г. «Кавказского Пленника» (Пушкин просто сделал описку, сказав о перепечатке «Бахчисарайского Фонтана») см. выше, в письмах № 66, 92, 98, 107 и ниже, № 118 и др., а также в объяснениях, стр. 290 — 291, 345, 350 — 351, 370. Пушкин из-за этой контрафакции потерял 3.000 р. (в черновике цифра не дописана).

— Переписка отца поэта, С. Л. Пушкина, с Шишковым по поводу перепечатки Ольдекопа в свет не появлялась; см. о ней в статье Ю. Г. Оксмана: «Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г.» — в Одесском сборнике «Пушкин», под ред. М. П. Алексеева, 1925, стр. 7 — 9.

117. К. Ф. Рылееву (стр. 112 — 113). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 125 (отрывок), в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 76 — 77, в «Русск. Стар.» 1882 г., т. 33, стр. 456. Одна фраза была приведена в статье В. П. Гаевского о Дельвиге — «Соврем.» 1854, т. XI, VIII, отд. III, стр. 2, примеч. Подлинник в Библиотеке Академии Наук («Пушк. и его совр.,» вып. IV, стр. 45). В. И. Маслов считает («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев. 1912, стр. 310, примеч.), что настоящее письмо следует относить к 1824 г.; между тем, оно писано несомненно в 1825 году, когда у Пушкина был Пущин; кроме того, из ответа Рылеева на это письмо ясно видно, что переписка относится к 1825 г.; наконец, «Цыганы», как известно, были окончены 10 октября 1824 г., а потому не могли быть посланы Рылееву 25 января 1824 г.

— Рылеев, Кондратий Федорович, был лично знаком с Пушкиным, хотя последний покинул Петербург в мае 1820 г., тогда как Рылеев поселился здесь лишь в конце этого года (после женитьбы). Биограф Рылеева, В. И. Маслов, обходит молчанием вопрос о личном знакомстве поэтов; он только указывает, что, «кажется», Рылеев приезжал в Петербург перед свадьбой; а так как она состоялась, вероятно, во второй половине 1819 г. (см. нашу заметку в ж. «Былое» 1925 г., № 5, стр. 28—29), — то знакомство его с Пушкиным могло состояться в это время. — Вопрос о литературных отношениях и суждениях поэтов рассмотрен в упомянутой книге В. И. Маслова: «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев. 1912, стр. 89 — 91, и в статье В. В. Сиповского: Пушкин и Рылеев — в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. III, стр. 68 — 78.

— Пушкин благодарит Рылеева за коротенькое и весьма характерное по тону письмо, привезенное Пущиным, начатое в 3-м лице и обращенное «на ты»: «Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет его с Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнение о твоем таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно Русские сердца. Я пишу к тебе ты, потому что холодное вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям. Пущин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись; ты около Пскова: там задушены последние вспышки Русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без Поэмы?».

— «С той минуты», пишет Пущин в своих замечательных Записках о Пушкине: «как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его», — а потому, собравшись на рождественские каникулы в Петербург и решив навестить сестру свою, Е. И. Набокову, во Пскове, Пущин воспользовался близостью Михайловского и приехал к Пушкину. В Записках своих он с трогательными подробностями и редкою теплотою воспоминаний рассказал о своем посещении изгнанника, к которому приехал рано утром 11 января и в тот же день после полуночи уехал обратно. Перед отъездом Пушкин прочел своему другу «кое-что свое», потом «продиктовал начало из поэмы «Цыганы» для Полярной Звезды и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патрио-

*

№ 117. тические Думы» (Записки И. И. Пущина о Пушкине, С.-Пб. 1907, стр. 55—65). Благодарный поэт в своей пьесе «19 Октября 1825 г.» так вспомнил о посещении Пущина:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил! —

а через год, посылая ему привет уже в Сибирские рудники, писал 13 декабря 1826 г.:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

— Рылеев нашел посланный ему Пушкиным отрывок из «Цыган» прелестным (см. его письмо к Пушкину от 12 февраля 1825 г. — Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 177 — 178); этот отрывок появился в «Полярной Звезде на 1825 г.» (стр. 24 — 27). Альманах вышел в свет лишь 21 марта 1825 г. (Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 24), но в нем не было новых отрывков из Рылеевского «Войнаровского», который в начале этого же 1825 г. вышел отдельною книжкою в Москве. Письмо Бестужева к Пушкину с суждениями об «Евгении Онегине» до нас не сохранилось.

— «Orlando Furioso» («Неистовый Орланд»)—романтическая сказочная поэма итальянского поэта Ариосто (род. 1774, ум. 1833); несколько октав из одной песни этой поэмы Пушкин перевел осенью 1825 г.; ясные следы влияния Ариосто на Пушкина заметны в «Руслане и Людмиле».

— «Гудибрас» — сатирическая повесть английского поэта Самуила Бутлера (род. 1612, ум. 1680), в которой остроумно высмеиваются бывшие в Англии, в конце правления короля Карла I, секты пуритан и индепендентов. Кавалер Гудибрас и его конюх Реф, — герои этой исполненной живости и резких шуток поэмы, — напоминают отчасти Дон-Кихота и Санхо-Пансо.

— «Pucelle d'Orléans» («Орлеанская Девственница») — известная сатирическая вольная поэма Вольтера; Пушкин с юных лет очень ее любил и хорошо знал; когда, в марте 1818 г., его приятель Кривцов уезжал в Англию, Пушкин прислал ему экземпляр «Pucelle», сопроводив его посланием, в котором рекомендовал отъезжающему по этой «святой Библии Харит» «молиться своей Венере благочестивою душой». Следы влияния этой поэмы часто заметны в ранних произведениях Пушкина,— напр., в «Руслане и Людмиле». В 1825 г. Пушкин начал «вольный» перевод «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить»), но далее 25-ти стихов не пошел, а в 1833 г. в «Мыслях на дороге» писал, имея в виду «Pucelle», что Вольтер, «не владея верхом поэзии», только «однажды, в своей старости, стал истинным поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в циничной поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии»; в 1836 г., в статье «Последний из родственников Иоанны д'Арк» (в «Современнике»), он приводил одно резкое мнение английского журналиста, очевидно, вполне его разделяя: «Новейшая история не представляет пред-

мета более трогательного — жизни и смерти Орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, — и вот на что он употребил вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня... Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма» и т. д. Об отношении Пушкина к «Pucelle» см. во вступительной статье С. С. Мокульского к русскому переводу поэмы, изд. Всемирной Литературы, 1924 г. № 117.

— «Вер-Вер» («Vert-Vert») — юмористическая поэма Жана-Батиста-Луи Грессе (род. 1709, ум. 1777), остроумная, веселая, отчасти фривольная; в ней в изящных стихах описывается трагическая смерть «благочестивого» попугая («Вер-Вера»), сперва воспитанного в женском католическом монастыре визитандинок, а затем попавшего в дурное общество, при чем обрисованы мелкие страсти, в этом монастыре царившие. Поэма была очень популярна во Франции и многие ее стихи вошли в пословицу. Полное собрание сочинений Грессе, в 3-х томах, в Парижском издании 1823 года, сохранилось в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 242, № 955).

— «Реникефукс» или «Рейнеке-Лис» («Reineke-Fuchs») — фламандская поэма, — из цикла средневековых сатирических поэм о лисе - проходимце, весьма распространенных во Франции, Германии и Фландрии; в этих поэмах заключалась сатира на феодальное общество. Популярность «Рейнеке-Лиса» возобновилась благодаря известной ее обработке, исполненной Гёте. «Le Roman du Renart» сохранился в библиотеке Пушкина (там же, стр. 323, № 1324 и 1325).

— «Душенька» — известная шутливая поэма Ипполита Федоровича Богдановича (род. 1743, ум. 1803), впервые изданная в 1783 г.; в издании 1794 г. она сохранилась в библиотеке Пушкина, равно как и Собрание сочинений Богдановича (изд. 1818—1819; см. там же, стр. 13 — 14, № 40 и 42).

— Лафонтен, Жан (род. 1621, ум. 1695)—знаменитый баснописец и автор шутливых скабрёзных contes — сказочек и рассказов в стихах (см. там же, стр. 265 — 266, № 1060 — 1062).

— Критическая статья Плетнева — «Письмо к графине С. И. С. [т.-е., Софье Ивановне Соллогуб, рожд. Архаровой] о русских поэтах», появившееся в «Северных Цветах на 1825 г.» (в которых было помещено первою статьею в отделе Прозы, стр. 1 — 80). Пушкин незадолго до того получил альманах Дельвига, что видно из следующего письма его к кн. Вяземскому — от 25 февраля, за № 118, в котором он высказал и свое мнение о статье Плетнева, назвав ее «ералашью», а в письме к самому Плетневу, до нас не дошедшем, просил его внести какие-то поправки в начавшегося уже печатанием «Евгения Онегина»; Плетнев ответил на это письмо Пушкина 22 января, сообщив, что вносить поправки уже поздно, так как 1-й лист «Онегина» уже отпечатан в количестве 2400 экземпляров, и прося поэта высказаться «прямее» о его статье в «Северных Цветах» (см. Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 166 — 168); Пушкин написал Плетневу более подробно свое мнение (это письмо до нас также не сохранилось) — и Плетнев письмом от 7 февраля благодарил его за откровенное суждение (там же, стр. 174 — 177). — В статье своей Плетнев, отвечая гр. Соллогуб на сделанный ему упрек «в пристрастии к русским поэтам» и на подозрение русских литераторов в том, будто они умышленно грешат, пропуская без внимания лучшие произведения французской поэзии и возражая на мнение графини, что трудно указать, кто бы из наших поэтов заменил то удовольствие, которое чувствует она, «читая любимого своего Ламартина», — «осмелился во всем ей противоречить» и для доказательства того, что она «едва ли не пристрастнее» его, дает обзор деятельности русских поэтов, начиная с Державина, который «всех выше, вдохновеннее, разнообразнее, оригинальнее между поэтами нашими», а затем

№ 118. последовательно говорит о Капнисте, Богдановиче, Хемницере, Сумарокове, Дмитриеве, Крылове, Нелединском-Мелецком, Жуковском; с последнего, по мнению Плетнева, начинается новый период нашей поэзии. «Представляя вам Жуковского, я начинаю говорить о таком поэте, который дал совсем другое направление своему искусству. Соединяя превосходный дар с образованнейшим вкусом, глубочайшее чувство поэзии с совершенным познанием таинств языка нашего, все правила стихотворства со всеми его видоизменениями и отступлениями от условий места и времени, он дал нам почувствовать, что поэзия, кроме вдохновения, должна покоряться труднейшему искусству... Одним словом, это первый поэт *золотого века* нашей словесности» и т. д. в том же восторженном роде. Про Батюшкова Плетнев выразился, что тот «стоит на особенном, но равно прекрасном поприще. Он создал для нас ту элегию, которая Тибулла и Проперция сделала истолкователями языка Граций. У него каждый стих дышит чувством. Его гений в сердце» и т. д.—Далее Плетнев говорит о Пушкине, что он «в продолжение последних четырех лет обогатил новейшую словесность нашу тремя поэмами, которые доставили бы ему славу не только во Франции, но и в Англии. Я не смею сравнивать его ни с кем из нынешних французских стихотворцев, потому что он столько же выше их, сколько у нас Ломоносов был выше своих современников - литераторов. Его гений с такою же легкостью переносится в область вымыслов, как и срисовывает великолепные картины природы... Пробегите ряд всех трогательных мест в его поэмах, соберите его небольшие стихотворения, сии быстрые излияния кратковременной задумчивости или внезапной грусти: в них поразят вас и звуки, и краски, и чувства своею точностию, естественностию, простотою и силою» и т. д. Сказав о Гнедиче, Д. Давыдове, князе П А. Вяземском, Ф. Глинке, Рылееве, А. Крылове, Боратынском, Языкове, Кюхельбекере, М. Дмитриеве, Писареве, Туманском и Козлове, Плетнев считает законченным свой ответ и доказанным свое оправдание.

— Суждение о Жуковском и о своем литературном отношении к нему Пушкин высказал еще в письме к кн. Вяземскому от 25 мая 1825 г., по поводу статьи Вяземского: «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен» (см. стр. 131 и прим., стр. 436); в статье этой Вяземский, между прочим, писал: «С удовольствием повторяем здесь выражение самого Пушкина об уважении, которое нынешнее поколение поэтов должно иметь к Жуковскому, и о мнении его относительно тех, кои забывают его заслуги: *дитя не должно кусать груди своей кормилицы*. Эти слова приносят честь Пушкину, как автору и человеку» («Моск. Телегр.» 1825, № 4, февр.; Полн. Собр. Соч., т. I, стр. 181). Ответ Рылеева о Жуковском см. в Акад. изд. Переписки Пушкина, т. I, стр. 177.

118. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 113 — 114). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., ст. 140 — 143, при чем разбито на два письма (№ 18 и 19) и помещено в обратном, чем следует, порядке, как и в последующих изданиях, — до Академического, где напечатано правильно; подлинник (на бум. без вод. зн.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Письмо Пушкина об Ольдекопе, о собрании его элегий и о Татьяне — см. выше, под № 107.

— Вот стихотворения кн. Вяземского из «Северных Цветов на 1825 г.» (стр. 208), вызвавшие такой одобрительный отзыв Пушкина:

ЧЕРТА МЕСТНОСТИ.

Прочесть ли вам любовное посланье?
«Рад слушать вас!» — Прошу советов я.
Дом, где сидит владычица моя...
«Позвольте мне вам сделать замечанье:
«Я б не сказал — сидит; да уж и дом,
«Мне кажется, не ладит со стихом.
«Не лучше ли: живет иль обитает,
«И дом сменить на храм, или чертог?

«Любовь во храм и хату претворяет;
«К тому ж к стихам идет высокий слог»...
Так, спесь и мне наречья Муз знакома;
Но здесь в стихе есть местная черта:
Несчастная, младая красота
Сидит в стенах смирительного дома!

К. Вяземской.

№ 118.

ПРОСТОСЕРДЕЧНЫЙ ОТВЕТ.

С подагрою в груди супруг седой,
Предчувствуя уж запах близкий ели,
В последний час, на роковой постели,
Прощаяся с молоденькой женой,
Ей говорил сквозь кашель и сквозь слёзы:
«Вдовой тебя оставить больно мне!
Но, ах! еще мучительней вдвойне
Мне страх, что год пройдет, и снова розы,
Моим в гробу ругаясь крепким сном,
Блеснут тебе пред брачным алтарем...
Другой супруг... за гробом ревность мучит.
Ты молода... вдоветь тебе соскучит»...
— «Ох, нет! жена в ответ ему... клянусь,
«Голубчик мой, что твой поклеп обиден!
«Дай овдоветь: вдовства я не боюсь,
«Мне жребий вдов был завсегда завиден!»

К. В.

— Руссо — Жан-Батист (род. 1671, ум. 1741), французский поэт, ученик Буало, известный своими непристойными стихотворениями и остроумными, но крайне злыми, эпиграммами; о нем см. в статьях: А. Попова — «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII в.» в сб. «Пушкинист», т. II, стр. 204 и сл., и Р. Р. Томашевской — «К вопросу о французской традиции в русской эпиграмме» — в сб. «Поэтика», изд. Academia, Лгр. 1926.

— «Телеграф» — начавший только что выходить, с января 1825 года, под редакцией Николая Алексеевича Полевого (род. 1796, ум. 1846), «Московский Телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств». Кн. Вяземский вначале горячо покровительствовал этому органу своим сотрудничеством; Пушкин в апреле 1825 г. также держался того мнения, что «должно непременно поддержать журнал» Полевого (см. ниже, письмо № 140), хотя и находил, что он иногда «завирается» (письмо № 144), а самому Полевому писал, что считает «Телеграф», «конечно, лучшим из всех наших журналов» (письмо № 165). Вскоре он, однако, переменил свое суждение о Полевом, а впоследствии относился к нему и с прямым осуждением (см. ниже, письма к нему Пушкина от 27 марта 1830 и 1 января 1831 г.). В № 1 «Московского Телеграфа», вышедшем в Москве около 10 января, было напечатано (стр. 49) стихотворение Пушкина «Телега жизни», посланное поэтом кн. Вяземскому в письме от 29 ноября 1824 г. (№ 107) с разрешением напечатать, но с «пропуском русского титула». Первые две книжки «Московского Телеграфа» были встречены с большим сочувствием и были тотчас переизданы вторым тиснением, при чем во 2-м издании «Телега жизни» оказалась уже на 43-й странице. В № 3 «Телеграфа» была помещена эпиграмма Пушкина (с подписью А. П.): «Журнальным Приятелям», а затем произведения его появились в №№ 12, 13, 17 и 21.

— Стихотворение Пушкина «К морю» («Прощай, свободная стихия») целиком было напечатано лишь осенью 1825 года — в ч. IV «Мнемозины» Кюхельбекера и кн. Одоевского (стр. 102—104), но в 1-м № «Московского Телеграфа» за 1825 год, в прибавлении к переводу статьи В. Скотта: «Характер лорда Байрона», появились (стр. 39) первые 7 стихов этой пьесы Пушкина, при чем оно названо: «Прощание с морем».

№ 118. — Кюхельбекера Пушкин всегда вспоминает с любовью, но и с добродушною усмешкою, каковую тот невольно вызывал к себе своим «несуразным» нравом. Характеризуя отношение к Кюхельбекеру Пушкина, акад. Н. А. Котляревский справедливо говорит, что «в общем суд Пушкина над его другом-писателем был в его пользу: Пушкин признавал в Кюхельбекере вообще писателя и поэта и, в особенности, критика» и «как бы ни было ему ясно все несовершенство его творений, но он его любил глубокой любовью за его ум и сердце. За смешной наружностью и смешными словами Пушкин чувствовал глубину и серьезность духа этого человека. Стоит вспомнить то, что̀ Пушкин писал в своих стихотворениях (не шутливых) о своем друге, чтобы увидать, как много серьезного и возвышенного было связано в воспоминаниях Пушкина с именем Кюхельбекера» (Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 269). Некоторые черты Владимира Ленского, с его «душою прямо-гёттингенской», Пушкин взял, несомненно, с Кюхельбекера. — В начале 1825 г. он проживал в Москве, занимаясь преподаванием уроков и изданием, с кн. В. Ф. Одоевским, сборника «Мнемозина». Конец года — событие 14 декабря — положил предел житейской карьере Кюхельбекера: он после восстания бежал из Петербурга, с Сенатской площади, затем был схвачен в Варшаве и после следствия и суда заключен в Шлиссельбургскую крепость; когда, в октябре 1827 г., его перевозили в Динабург, Пушкин неожиданно встретился с ним на станции около Боровичей и описал эту трогательную встречу в особой заметке. В стихотворении «19 октября 1825 года», в строфах 13 и 14, он так обращался к Кюхельбекеру:

Служенье муз не терпит суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?
Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья.
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг—
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

— Лев Пушкин к брату своему приехать не мог (его не пустили родители), а Дельвига поэт дождался только в конце апреля 1825 г.

— «Второе послание цензору», написанное в 1824 году, не могло появиться в печати ни при жизни Пушкина, ни вскоре после его смерти; лишь два стиха («Сей старец дорог нам»... и след.) были напечатаны в «Маяке» 1844 года (т. XVI, кн. 31, гл. I, стр. 19). Когда Пушкин узнал о назначении Шишкова Министром Народного Просвещения, он также послал ему «лобзание не яко Иуда - Арзамасец, но яко Разбойник - Романтик» (см. выше, стр. 83, в письме № 86).

— «Tempora altri» — значит «другие времена».

— Об Ольдекопе и черновое письмо Пушкина к Шишкову с жалобою на него см. выше, стр. 112, № 116.

— Говоря, что и «в подлостях нужно некоторое благородство», Пушкин цитировал свои собственные слова из написанного около этого времени но в печати появившегося лишь в 1863 г. стихотворения

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удавлен...

оно оканчивается словами: № 119.

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

— Кичливый Красовский — тупоумный, придирчивый цензор (см. выше).

— Кн. Вера Федоровна Вяземская с детьми жила зиму 1824—1825 гг. в Москве; Пушкину еще не было известно, что незадолго до того Вяземские потеряли 6-летнего сына Николеньку, умершего 9 января 1825 г.

— Что значит «le faire Василья Львовича» — не знаем.

— Эпиграмма «Приятелям», под измененным заглавием: «Журнальным Приятелям», была отдана кн. Вяземским Полевому и появилась в № 3 «Московского Телеграфа» за 1825 г., на стр. 215, с подписью: А. П.; Пушкин был недоволен такою переменою, и по его просьбе Булгарин в «Северной Пчеле» 1825 г., № 52, поместил такое заявление: «А. С. Пушкин просил издателей «Северной Пчелы» известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 «Московского Телеграфа», на стр. 215, под заглавием: «К журнальным приятелям», должно читать просто: «К приятелям». Кн. Вяземский по поводу этой заметки писал Пушкину 7 июня: «Охота тебе была печатать une réclamation на Телеграф у подлеца Булгарина! Телеграф очень огорчился, а виноват был во всем я. Мне казалось осторожнее прибавить Журнальным, потому что у тебя приятелей много и могли бы попасть не в попад». Пушкин в свою очередь отвечал Вяземскому в начале июля (см. ниже, письмо № 151).

— Говоря о статье Бестужева, Пушкин имел в виду его статью о книге «Русская антология, или образчики русских поэтов, Джона Бауринга, ч. II», помещенную в Булгаринских «Литературных Листках» 1824 г., № XIX—XX, стр. 32—45 (см. в след. письме, № 119). Бестужев «меньше всего знал литературу немецкую и вообще не любил этот язык», говорит Н. А. Котляревский, — «и даже Жуковскому не прощал его любви к немцам»; далее Н. А. Котляревский так передает суждение Бестужева о немцах по поводу сборника Бауринга: «Немцы влияли на нас так же мало, как и англичане; Жуковский первый ввел у нас аллегорическую и, так сказать, неразгаданную поэзию, а уже вслед за ним всё пишущее записало бемольными стихами; хорошо, что Батюшков и Пушкин были против этой манеры. С немецким влиянием можно бы было помириться, если бы у нас были переведены лучшие немецкие памятники, а то мы пробавляемся всё больше мелкотравчатыми балладами. Немцы даже терпению нас не выучили; если на что они повлияли, то разве только на политику» (Н. А. Котляревский, Декабристы. Кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность, С.-Пб. 1907, стр. 331—332).

— «Наш друг Фита», — эпиграмма на поэта Федора Николаевича Глинку, автора многочисленных духовных стихотворений, — была вызвана переложениями псалмов, которые Глинка около этого времени печатал в журналах, а потом вскоре издал и отдельною книгою: «Опыты священной поэзии», С.-Пб. 1826. Эти переложения подразумеваются и в эпиграмме, которую, по свидетельству бар. А. И. Дельвига («Мои воспоминания», М. 1912, т. I, стр. 52), сочинил бар. А. А. Дельвиг вместе с Боратынским:

Федор Глинка — молодец,
Псалмы сочиняет, и пр....

О Глинке и добром отношении к нему Пушкина см. выше, стр. 228 — 229, 372. Эпиграмма Пушкина, конечно, напечатана тогда не была.

119. *А. А. Бестужеву* (стр. 114—115). Впервые напечатано в журнале «Пантеон» 1853 г., № 12, в статье В. Р. Зотова о Рашели (отрывок), затем — в статье В. П. Гаевского о бар. А. А. Дельвиге — «Современник» 1854, т. XLVII, отд. III, стр. 20—21 (отзыв о «Горе от ума»), в «Мате-

№ 119. риалах» Анненкова, стр. 111, 128—129 (отрывки) и в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861 г., стр. 85—86 (полностью). Подлинник в Пушкинском Доме Академии Наук.

— На это письмо Пушкина Бестужев ответил ему письмом от 9 марта (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 186—188).

— Рылееву Пушкин послал «Цыган» 11 января, с Пущиным, который доставил поэту записку от Рылеева (см. выше, № 117 и стр. 387). Поэт, по словам А. И. Тургенева, взял с своего брата Льва, знавшего «Цыган» наизусть и читавшего их знакомым, «честное слово, что он списывать ни для кого не будет» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 99). Таким образом, из декламации Льва Пушкина узнал «Цыган» и Бестужев, который в своем очередном «Взгляде на Русскую Словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», появившемся в «Полярной Звезде на 1825 год» (последняя вышла в марте этого года), писал о «рукописной поэме Цыгане»: «Если можно говорить о том, что не принадлежит еще печати, хотя принадлежит Словесности: то это произведение далеко оставило за собой все, что он писал прежде. В нем-то Гений его, откинув всякое подражание, восстал в первородной красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою. И все это выраженное на деле, а не на словах, видимое не из витиеватых рассуждений, а из речей безыскусственных. Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры?» (стр. 14—15; Соч., ч. XI, С.-Пб. 1838, стр. 196). Любопытный свод мнений Бестужева о Пушкине и о различных его произведениях дан в цитированной выше книге Н. А. Котляревского: Декабристы. С.-Пб. 1907, стр. 338—341.

— Грибоедов, только что перед тем, в конце 1824 г., живя в Петербурге, тщетно пытался провести через цензуру «Горе от ума» для напечатания его и для постановки на сцене. Но комедия, из которой Булгарину удалось напечатать (и то, впрочем, с цензурными сокращениями и переделками) в альманахе «Русская Талия» лишь 7—10 явления 1-го действия, быстро распространилась в огромном количестве списков и стала предметом общего внимания, сделавшись «центральным событием литературного сезона» (Н. К. Пиксанов, Соч. Грибоедова, изд. Акад. Наук, т. I, стр. LII); о ней высказывались и в печати, и в частной переписке (см., напр., письмо П. А. Катенина к Н. И. Бахтину от 17 февраля 1825 г. — у А. А. Чебышева, Письма П. А. Катенина, С.-Пб. 1911, стр. 76—78). Свод мнений критиков и писателей, — между прочим, Пушкина и Бестужева, — см. у Н. К. Пиксанова, Соч. Грибоедова, изд. Акад. Наук, т. II, стр. 303—312. Приведя суждения Пушкина, выраженные в письме к Бестужеву, Н. К. Пиксанов пишет: «Больше Пушкин никогда не высказывался о комедии Грибоедова, в письмах судил о ней по первому чтению, о чем и сам оговаривался, мнение свое изложил кратко и многого не досказал; в виду всего этого, необходимо истолковывать его суждение с известной осторожностью и ограничениями. Самыми существенными здесь были два пункта: сближение мыслей и настроений Чацкого с самим Грибоедовым и критика поведения Чацкого в Фамусовском обществе. Первое угадано с замечательной чуткостью (хотя Пушкин лично не встречался с Грибоедовым с 1818 года) и теперь может быть подтверждено многими биографическими фактами. Второе стало предметом обсуждения в последующей критике, напр., у Вяземского, особенно у Белинского и у других».

— Пушкин «слушал Чацкого» 11 января в собственном чтении и в чтении И. И. Пущина, привезшего своему другу список «Горя от ума»: «Я привез Пушкину в подарок, пишет Пущин в своих Записках: «Горе от ума»; он был очень доволен этою, тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкою кофею, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые впрочем потом частью явились в печати» (изд. 1907 г., стр. 62).—Коротко резюмированное суждение о комедии высказал Пушкин и в письме к кн. П. А. Вяземскому от 28 января 1825 (см. ниже, в письме за № 121, стр. 116). Любопытно, что, судя по написанию в письме

к Бестужеву, Пушкин произносил фамилию Фамусова: «Фомусов». — В 1833 г. в своих «Мыслях на дороге» Пушкин писал, что «Горе от ума» есть картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который «всякому, ты знаешь, рад»: и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы дает нельзя богаче; от рождества и до поста, а летом праздники на даче». Хлестова в могиле, Репетилов в деревне. Бедная Москва!» № 120.

— «Les propos de bal» — значит: бальные речи, бальные разговоры.

— Типом Грибоедовского Загорецкого, «всеми отъявленного и везде принятого», столь понравившимся Пушкину, он воспользовался в «Евгении Онегине» для создания эпизодического героя—секунданта Ленского—Зарецкого (см. Н. О. Лернер, «С кого Пушкин списал Зарецкого»—«Русск. Стар.» 1908 г., т. CXXXIII, февр., стр. 419—427), придав ему еще черты своего старого знакомца гр. Ф. И. Толстого—«Американца».

— Клеон — главное действующее лицо в комедии Грессе—«Le méchant» («Злой человек»), написанной в 1745 году и верно обрисовывающей нравы и типы того времени; Жеронт и Хлоя—действующие лица той же пьесы: отец с дочерью, за которою Клеон ухаживает.

— Олег — «Песнь о Вещем Олеге», только что появившаяся в «Северных Цветах на 1825 год» (стр. 253—257).

— О статье Бестужева в «Литературных Листках» (1824 г., № XIX и XX) о Русской антологии Джона Бауринга (John Bowring) см. выше, стр. 393. Книга Бауринга имела название: «Россійская Антологія. Specimens of the Russian Poets. With preliminary Remarks and biographical Notices», 2 тома, Лондон. 1821—1823, 8°; туда вошли переводы из Ломоносова, Державина, Жуковского, Батюшкова, Карамзина, Дмитриева, Хемницера, Боброва, Богдановича, Д. Давыдова, Кострова, Нелединского-Мелецкого, Долгорукова, Мерзлякова, Воейкова, Вяземского и др., но из Пушкина не было сообщено ничего. См. Соч. Державина, под ред. Грота, т. IX, стр. 526—528; Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 154.

120. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 116). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 139—140; подлинник (на бумаге без вод. зн.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Княгиня — жена Вяземского, Вера Федоровна, с которою, как мы видели, Пушкин так дружески сошелся в Одессе в период, предшествовавший его высылке оттуда. Письмо ее к Пушкину до нас не дошло.

— Грабе — Павел Христофорович Граббе (род. 1789, ум. 15 июня 1875), участник войн с Наполеоном (1805—1814), Георгиевский кавалер, с конца 1816 г. полковник, командир Лубенского гусарского полка, которым командовал в течение 6 лет («Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 443); под предлогом обвинения в «несоблюдении порядка», он, за свою горячность и прямоту, был отставлен от службы (4 марта 1822) с приказанием жить в Ярославле («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 140, и 1889 г., кн. II, прил., стр. 662, кн. III, прил., стр. 679), но через полтора года (30 августа 1823 г.) вновь был определен в службу — в Северский конно-егерский полк («Русск. Инвал.» 1823 г., № 220); в 1825 г. Граббе был полковником того же Северского полка. Человек очень образованный, Граббе в молодости писал стихи (см., напр., «Русск. Арх.» 1888 г., кн. I, прилож., стр. 5—6, кн. II, прилож., стр. 50—51) и был в приятельских отношениях с братьями Тургеневыми, где с ним, вероятно, и познакомился в 1817 — 1820 г. Пушкин, встречавшийся с Граббе и позднее, — напр., в январе 1834 г. (см. «Русск. Арх.» 1873, кн. II, стр. 785—786); с 1820 г. он состоял членом Союза Благоденствия и даже присутствовал на съезде членов Тайного Общества в Москве, в начале 1821 года; за прикосновенность к Обществу он в начале 1826 г. был арестован; по словам И. Д. Якушкина, он «не был судим Верховным Уголовным Судом, но за смелые ответы в Комитете после нашего приговора, по воле высочайшей власти, содержался некоторое время под арестом» (Записки, М. 1905, стр. 145),—а именно был продержан 4 месяца в Динабургской крепости, после чего возвращен в свой Северский полк

№ 121. («Русск. Арх.» 1889 г., кн. III, стр. 736). Впоследствии П. Х. Граббе был командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории (1838—1842), генерал-адъютантом, генералом-от-кавалерии (1855), Андреевским кавалером (1863), графом и членом Государственного Совета (1866). Один из современников называет Граббе, за благородную прямоту его характера и за доблесть, — «Русским Баярдом» («Русск. Арх.» 1881 г., кн. II, стр. 230), другой — прямо «Рыцарем» (М. И. Венюков — «Русск. Арх.» 1880 г., кн. I, стр. 442). Его Воспоминания и «Записная Книжка» — в «Русск. Арх.» 1873, 1888 и 1889 г. См. о нем еще «Остаф. Арх.», т. II; «Арх. Раевских», т. II.; «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 73 и 308.

— Пушкин писал Вяземскому 25 января 1825 г. — см. письмо № 118.

— Письмо Вяземского, в котором он просил Пушкина прислать ему *все стихи*, до нас не сохранилось.

— Отрывок из «Цыганов» Пущин должен был передать Вяземскому по приезде своем в Москву, к месту своей службы судьею в Надворном Суде (см. выше, стр. 385—386).

— «Заветные стихи», — т.-е. не предназначавшиеся для печати.

121. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 116). Впервые напечатано в сборнике «Старина и Новизна», кн. V, С.-Пб., 1902, стр. 14; подлинник (на бум. без вод. зн.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Пущин, по приезде в Москву, писал оттуда Пушкину 18 февраля: «Опять я в Москве, любезнейший Пушкин—действую снова в Суде.— Деньги твои возвращаю: Вяземская их не берет, я у себя оставить не могу; она говорит, что получит их от Одесского приятеля, я говорю, что они мне не следуют. Прими их обратно, — я никак благоразумнее не умею поступить с ними» и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 180); 2 апреля он снова писал, в ответ на недошедшее до нас письмо Пушкина, по поводу этого долга: «За проклятую *délicatesse* я с княгиней бранился; она велела сказать тебе, что ты хорошо сделаешь, когда при деньгах пришлешь ей долг, что она отнюдь не хочет тебе его простить. Только желает, чтоб ты тогда ей заплатил, когда сам будешь иметь довольное количество монеты» (там же, стр. 200). — Деньги были получены в Одессе, по поручению кн. П. А. Вяземского, от жены его, кн. Веры Федоровны, как гонорар от издания Вяземским «Бахчисарайского Фонтана» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 11, 13, 17, 30; вып. 2, стр. 100, 115, 123, 124, 134, 145).

— Савелов — Автоном Петрович, родственник Одесского Градоначальника, генерал-майора гр. Александра Дмитриевича Гурьева, служил непременным членом в Одесской Портовой Карантинной Конторе (Месяцеслов на 1825 г., ч. II, стр. 201). Он был завзятый карточный игрок, — быть может, не совсем честный; так, гр. М. Д. Бутурлин рассказывает, как Савелов в Одессе выиграл у него, почти еще мальчика, двое часов в банк, заложенный будто бы шуткою («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 29). Савелов был женат на Софье Алексеевне Языковой, рожд. Татищевой, которая вышла за Савелова при жизни мужа, а затем вступила еще в 3-й брак с некиим Халютиным (Л. М. Савелов, Род дворян Савеловых, стр. 44). О своем долге Савелову, также карточного происхождения, Пушкин подробно рассказывает в письме своем к В. И. Туманскому от 13 августа 1825 г. (см. ниже, письмо № 169); упоминает он о злополучных 600 р., «украденных Савеловым», и в письмах к Л. С. Пушкину (№ 159) и к кн. П. А. Вяземскому (№ 177); долг Вяземскому был ликвидирован лишь 31 марта 1825 г. (см. в объяснениях к письмам № 159 и 177). Письмо Пушкина к Савелову, посланное через кн. Вяземского, до нас не сохранилось.

— Стих, приведенный Пушкиным,—из только что прочитанного им «Горя от ума»: это слова Репетилова (д. IV, явл. 4) о хорошо знакомом Пушкину «Американце» гр. Федоре Ивановиче Толстом (см. выше, стр. 233):

Но голова у нас, какой в России нету, —
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку не чист;
Да умный человек не может быть не плутом....
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем, —
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет — и мы все рыдаем... № 121.

— Отзыв о «Горе от ума» см. выше, в письме к А. А. Бестужеву № 119, стр. 114—115. Суждение Пушкина о Чацком и Грибоедове, высказанное в настоящем письме, Вяземский дословно привел в статье своей «Из биографических и литературных записок о Д. И. Фонвизине», помещенной в первом посмертном № Пушкинского «Современника» (1837 г., № 1, стр. 69).

— «Телеграф» — журнал Полевого «Московский Телеграф», начавший выходить в Москве с января 1825 г. при участии и поддержке князя Вяземского.

— Послание престарелого гр. Дмитрия Ивановича Хвостова, вызвавшее иронически-восторженный отзыв Пушкина, — «Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года, 7-го ноября»; оно было напечатано не в «Московском Телеграфе», а в «Невском Альманахе на 1825 г.» Е. В. Аладьина (стр. 34—43); тогда же было оно издано и отдельною брошюркою, с немецким переводом (С.-Пб. 1825, 4°). А. И. Тургенев, прочтя новый плод Музы престарелого графомана, писал кн. П. А. Вяземскому в том же смысле, как и Пушкин: «Читал ли Наводнение Хвостова? стариной тряхнул» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 96). Впоследствии в «Медном Всаднике» Пушкин вспомнил это Послание Хвостова и иронически писал:

. . . . Граф Хвостов,
Пиит, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье Невских берегов...

— В. Л. — дядя поэта, Василий Львович Пушкин.

— Ив. Пис. — Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (род. 30 сентября 1790, ум. 25 января 1849), ревностнейший, но мало талантливый поклонник Карамзина и его литературный последователь, автор различных заурядных стихотворений «на случай» и мелких пьес, ничем не выдающихся из ряда посредственности (его «Сочинения и переводы в стихах» изданы были в 1819 г., «Новейшие стихотворения» — в 1828, сборник: «Чем богат, тем и рад» — в 1832), а также нескольких не лишенных научного значения исторических работ. О нем см. в статье Б. Л. Модзалевского: «Письма Н. Д. Иванчина-Писарева к И. М. Снегиреву» — «Изв. Отд. Русск. языка и слов.», т. VII, 1902, кн. 4, а также сб. «Старина и Новизна», кн. X, стр. 470—540, где описан замечательный альбом Иванчина-Писарева, содержащий записи многих литературных корифеев, — в том числе и Пушкина: последний занес в альбом свое стихотворение «Муза» 30 декабря 1828 г.,—в пору, когда Иванчин-Писарев часто встречался с поэтом в Москве («Москвитянин» 1842 г., № 3, стр. 147).

— Филимонов—Владимир Сергеевич (род. 1787, ум. 1858), почетный член Московского Университета, помещик Рязанской, Московской, Калужской и Екатеринославской губерний; начав службу юнкером в Коллегии Иностранных Дел 14 марта 1799 г., он в 1800 г. работал в «Комитете по разбору переписки Екатерины II с разными Российскими полководцами», затем состоял при Коллегии до 1811 г., когда перешел в Министерство полиции, вскоре за книгу «Система Естественного права» получил (20 июля 1811 г.) бриллиантовый перстень, занимался потом статистическим описанием Московской губернии, а затем служил Управляющим Канцеляриею и адъютантом главнокомандующего 3 Округа ополчения—гр. П. А. Толстого и был в заграничных походах 1813—1814 гг.; Новгородский вице-губернатор с 22 августа 1817 г., он 5 сентября 1819 г. был уволен от должности, а в марте 1822 г.—и от службы и долго находился в отставке, — проживая

№ 121. эпикурейцем в Москве, откуда в первых числах января 1825 г. приехал в Петербург («С.-Петерб. Вед.» 1825 г., № 3, стр. 34); 22 марта 1829 г. он был назначен гражданским губернатором в Архангельск, получив чин д. с. с. (2 февраля 1831 г.) и монаршее благоволение (1831 г.), но 3 ноября 1831 г. был *отрешен* от должности — вследствие каких-то служебных неприятностей, — и более уже не служил (2 сентября 1836 г. повелено было считать его не отрешенным, а уволенным от службы), — влача под конец жизни довольно жалкое существование, слепой и, по свидетельству Кс. Полевого, под ношею «больших несчастий» (Записки, стр. 433): Полевой говорит, что «с необыкновенною любезностью светского человека он соединял образованность и понятие литераторов своего времени (там же, стр. 63). О личном знакомстве своем с Пушкиным он так рассказывал в письме к сестре своей: «Ты пишешь еще, что Пушкин тебя очень занимает, — то я скажу на это, что я не только что знаю наизусть все сочинения его, но даже познакомился с ним самим прошлого года, когда он проезжал через Бронницы в Петербург; он знаком с нашим Дороховым и пробыл у нас целый день и доказал, что он так же мил в обществе, как нравится по стихам своим» (Письмо 15 сентября 1825 (1829?) г. — «Щукинский Сборник», вып. IX, стр. 158). Позже, в своем романе «Непостижимая» (С.-Пб. 1841, стр. 146), он, устами одной из героинь, писал, перечисляя русских писателей: «А Василий Львович? Это наш женский стихотворец, наш Трубадур! А славный племянник доброго дяди, молодой Пушкин! Это Русский поэт! Это блестящая заря: она обещает яркий свет России!» — Человек чрезвычайно оригинальный, он начал свою литературную деятельность в 1804 году и с тех пор сотрудничал почти во всех Петербургских и Московских журналах и альманахах, написав ряд басен, лирических стихотворений, водевилей; но, поощренный Жуковским к писательству, он никогда не чувствовал симпатий к романтизму: «напротив того, — и в молодости, и в позднейшие годы жизни он много занимался переводами из Горация и вообще старался проводить в своих стихах идеи горацианского эпикурейства» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 658); таким эпикурейцем является он и в своей шутливой поэме «Дурацкой колпак» (5 частей, 1828 — 1838), первый выпуск которой он послал Пушкину 22 марта 1828 г. с написанным на обложке четверостишием:

Вы в мире славою гремите;
Поэт! В лавровом вы венке.
Певцу безвестному простите:
Я к вам являюсь в колпаке.

Это четверостишие дало повод Пушкину ответить Филимонову известным небольшим остроумным посланием (тогда же, 1 мая 1828 г., Филимонов отправил экземпляр «Дурацкого колпака», со стихотворным посланием, и Грибоедову — см. «Московский Вестник» 1828 г., ч. X, № 16, стр. 321: перепечатано в «Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 341 — 342). — В том же 1828 г. Пушкин был с Вяземским и Жуковским у Филимонова на вечеринке, навлекшей на Вяземского большие неприятности (см. Соч. Вяземского, т. II, стр. 99 — 101 и т. IX, стр. 99 — 106; ниже, письмо Пушкина в янв. 1829 г.). В 1822 г. Филимонов издал сборник: «Проза и стихи», а в 1837 г. — остроумную «гастрономическую» поэму «Обед». О Филимонове см. Соч. Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова, т. III; Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. IV. стр. LXV — LXVI; Соч. Белинского, ред. Венгерова, т. IV, стр. 504 — 508; Словарь членов Общества Люб. Росс. Слов., М. 1911.

— Говоря о Филимонове, Пушкин имел в виду пространное объявление о предпринимавшемся им издании: «Искусство жить», напечатанное в № 17 «Русского Инвалида» за 1825 г. (оно появилось также в № 14 «С.-Петербургских Ведомостей» 1825 г., стр. 173, и в «Соревнователе Просвещения» 1825 г., ч. 29, стр. 330—333) и начинавшееся словами: «Не смотря на явное, в лучших Русских Обществах, предпочтение языка Французского языку Русскому, задерживающее в России успех Отечественной Словесности, — на полосе земли от Черного моря до Северного Океана

есть люди, читающие по-Русски и при том есть такие, которые читают только по-Русски. Чтение — пища души. В настоящее время, кажется, пора уже предлагать Русским читателям такие на Русском языке книги, которые точно питали бы душу: пробуждали в ней высокие понятия о главных предметах жизни, мирили ее с неотразимыми ударами Рока и напоминали божественное ее предназначение» и т. д.; в заключение же Филимонов писал: «Желая отныне посвятить — доколе Парки неумолимые позволят — жизнь свою трудам Литтературным, я приступаю к исполнению одного из любимых предположений моих» — изданию сокращенного перевода сочинений *Дроза, Циммермана, Шаррона, Франклина,* под общим заглавием «Искусство жить». В том же 1825 году Филимонов выпустил небольшую книжку (ценз. дозв. от 9 января 1825 г.) под тем же заглавием: «Искусство жить», изящно отпечатанную в формате мал. 8° в Военной Типографии, посвященную детям автора и заключавшую в себе, в виде Предисловия, вышеуказанное объявление (помеченное: «1824 года. Село Тайнинское»), а затем — 1-ю (из предполагавшихся восьми) книг — «Щастие» (из *Дроза*), на 70 страничках трактовавшую о «Благах существенных» и об «Искусстве быть щастливым». Дальнейших книжек, однако, не появилось. *№ 122.*

122. *Л. С. Пушкину* (стр. 116 — 117). Впервые напечатано в «Библиографич. Записках» 1861 г., № 13, ст. 383 — 385; здесь печатается по подлиннику, присылавшемуся нам в 1913 г. Вадимом Владимировичем Трофимовым, к которому он перешел от его бабушки, Марии Петровны Любовниковой; последняя получила автограф от матери своей, Екатерины Федоровны Любовниковой, владелицы с. Черкасские Тишки, Харьковского уезда, где гащивал Л. С. Пушкин; были там и другие письма поэта, но постепенно розданы были разным лицам.

— «Цыганы» в отдельном издании вышли только в средине мая 1827 г.

— Пушкин ждал брата Льва к себе в Михайловское для того, чтобы посоветоваться с ним насчет своего намерения бежать за границу, — но, повидимому, родители не пустили в деревню своего младшего сына, — и поэт писал ему в конце февраля — начале марта: «Жалею о строгих мерах, принятых в твоем отношении» (см. ниже, в письме № 125; ср. М. А. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина — «Гол. Мин.» 1916 г., № 1, стр. 41).

— Первая глава «Евгения Онегина», с посвящением Л. С. Пушкину, вышла отдельным изданием в Петербурге 15 февраля 1825 г., — и через две недели, к 1 марта, в книжной лавке И. В. Слёнина была продана уже в количестве 700 экземпляров.

— О присылке «Conversations of Lord Byron» Пушкин просил брата еще в письме от первой половины ноября 1824 г. (см. в письме № 105 и выше, стр. 365).

— Жозеф Фуше (Fouché; род. 1754, ум. 1820), член Революционного Национального Конвента (1792), по отзыву биографов, — «гнуснейшая личность времен Республики и Империи»: коммиссариатский вор и жестокий палач во время Революции, он при Наполеоне I — до 1810 года — был министром полиции и прославился на этом поприще, как почти что гениальный сыщик и шпион; за важные услуги Наполеон пожаловал ему титул герцога Отрантского. Во время Ста дней Фуше снова получил портфель министра полиции, а после Ватерлоо стал во главе Временного Правительства, при Людовике XVIII заведывал короткое время тем же Министерством, а потом был посланником в Дрездене; в январе 1816 г., за то, что участвовал в смертном приговоре Людовику XVI, Фуше был принужден покинуть Францию и умер в Триесте. В 1824 году, в 2-х томах, в Париже, были изданы Альфонсом де-Бошаном «Mémoires de J. Fouché», но семья Фуше заявила, что они подложны. 2 декабря 1824 г. Карамзин писал князю Вяземскому: «Теперь читаю Фуше; но точно ли Фуше? Едва ли!» («Стар. и Нов.», кн. I, стр. 159). И. И. Дмитриеву он же писал 8 декабря: «Читаю теперь две любопытные книги: «Mémoires de Fouché» и «Conversations de Byron»; первые кажутся не вымышленными, ни последние, где Байрон в зеркале: какое лицо страшное!» (Письма Карам-

№ 122. зина к Дмитриеву, стр. 386). Кн. Вяземский, в статье своей о «Mémoires» графини Жанлис указывая, что «наш век есть, между прочим, век записок, воспоминаний, биографий и исповедей вольных и невольных, говорит: «Мы проникли в сокровенные помышления Наполеона: Лас-Каз., Гурго, Монтолон, Бертран, барон Фэн, Омира, Антомарки обратили нас всех в ясновидящих или погрузили Наполеона в сон магнетический и заставили его обнажить перед нами всего внутреннего человека. Даже министр полиции водит нас по мрачным излучинам своего лабиринта, и посредством сей контр-полиции мы так же можем исследовать каждый шаг Фуше, как он в свое время знал о каждом шаге, выпечатанном на почве Европы» (Сочинения, т. I, стр. 206). Просьбу о присылке Записок Фуше Пушкин повторил еще в письмах № 127 и 141; к 25-му мая 1825 г. он их прочел (письмо № 144, стр. 132 и 441).

— Записки Наполеона, — изданные в Париже, в 8 томах, в 1822—1823 гг., «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à St.-Hélène par les généraux, qui ont partagé sa captivité et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon»; генералы, разделявшие пребывание Наполеона, по выражению Пушкина, «на скале» (т.-е. на острове св. Елены — «пустынном и мрачном граните» — по выражению Лермонтова), — граф Карл Монтолон (Montholon; род. 1783, ум. 1853) и барон Гаспар Гурго (Gourgaud; род. 1783, ум. 1852), были издателями этих «Mémoires». «Теперь читаю, писал Карамзин князю Вяземскому 1 июня 1823 г.: «Mémoires de Napoléon», — изданные Монтолоном и Гурго: писано хорошо, но всё в смысле хвалы» («Стар. и Новизна», кн. I, стр. 142). «Занимательно, но не очень», — писал он накануне И. И. Дмитриеву (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 352). «Читаю Лас-Казаса, Монтолона-Гурго. Какая ясность в мыслях там, где говорит историк, географ, генерал-Наполеон, даже администратор», — восторженно писал А. И Тургенев кн. Вяземскому 26 октября 1823 г.: «Герен не лучше описал Египет и Кесарь не очевиднее представлял нам картину сражений и земель, в коих водил свои войска» («Оста . Арх.», т. II, стр. 363).

— Прадт — аббат Dominique Dufour de Pradt (род. 1759, ум. 1837) — известный и весьма плодовитый политический писатель, посол Наполеона в Варшаве (1812), затем сторонник Бурбонов; Наполеон сравнил его с публичной женщиной, которая «отдает свое тело всякому желающему — за деньги»; ср. «Остаф. Арх.», т. I и II.

— Гизо — Франсуа-Пьер-Гильом (Guizot; род. 1787, ум. 1874), знаменитый французский историк и государственный деятель, с 1812 г. профессор в Парижском Faculté des Lettres, после второй реставрации Бурбонов — член Государственного Совета; после убийства (1820) герцога Беррийского вышел в отставку и посвятил себя профессорской и литературной деятельности, отзываясь на все выдающиеся политические события в печати и с кафедры. В библиотеке Пушкина были его сочинения «История цивилизации в Европе» (изд. 1828 г.) и «История цивилизации во Франции» (изд. 1829—1832), 5 тт. (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, стр. 243).

— Бертран—генерал граф Генрих-Грациан (Bertrand; род. 1773, ум. 1844), друг Наполеона, добровольно последовавший за ним в ссылку на о. Эльбу, а затем и на о. св. Елены, куда в 1840 г. ездил для перевезения праха Наполеона в Париж. У генерала Бертрана был один из списков мемуаров Наполеона, который он считал наиболее авторитетным и который старался распространять. Он оставил «Mémoires sur les campagnes d'Egypte et de Syrie», изданные его сыновьями.

— Французская фраза значит: «но все, что касается политики, писано только для сволочи».

— «Мой Коншин»—Василий Иванович Туманский, о котором см. выше, стр. 275—276, и ниже, № 169. Пушкин называет его здесь так «на-смех Плетневу, возившемуся тогда *со своим* Коншиным, плохим стихотворцем, которого, однако, П. А. Плетнев ставил впоследствии выше Лермонтова» («Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 310, примеч. 5). Понравившаяся Пушкину пьеса Туманского—его стихотворение «Девушка влюбленному поэту», в 32 стиха,

помещенное в Воейковских «Новостях Литературы» 1825 г., № 2, № 122. стр. 95—96, с подписью *В. Т—ий:*

Поверьте мне — души своей
Не разгадали вы доселе:
Вам хочется любить сильней,
Чем любите вы в самом деле.
Вы очень милы — вы Поэт,
Творенья ваши всем отрада,
Но я должна, хоть и не рада,
Сказать, что в вас *чего-то* нет.
Когда с боязнью потаенной
Встречаю вас наедине,
Без робости, непринужденно
Вы приближаетесь ко мне.
Начну ль беседовать я с вами,
Как будто сидя с Авторами,
Вам замечательней всего
Ошибки слога моего . . . и т. д.

В письме к самому Туманскому от 13 августа 1825 г. (№ 169) Пушкин назвал это стихотворение «прелестью» и предложил автору очень удачную поправку для замены неудовлетворительного места. См. Стихотворения и письма В. И. Туманского, под ред. С. Н. Браиловского, С.-Пб. 1912, стр. 131—132 и 352—355.

— Коншин — Николай Михайлович (род. 1793, ум. 31 октября 1859), посредственный поэт, печатавший свои довольно многочисленные стихотворения, повести и переводы в тогдашних журналах и альманахах; капитан, сослуживец унтер-офицера Боратынского по Нейшлотскому полку (1819—1824), он дебютировал в печати посланием «Боратынскому», напечатанным в «Благонамеренном» 1820 г., ч. II, № XVII, стр. 329; впоследствии — Директор Училищ Тверской губернии, 4-й Московской Гимназии, Ярославского Демидовского Лицея и Главный Инспектор Училищ Западной Сибири. В 1831 и 1836 гг. Пушкин обращался к Коншину с небольшими письмами (см. их под соотв. годами). Коншин навестил поэта перед выездом его на дуэль; сохранился рассказ его об этом посещении (см. «Яросл. Губ. Вед.» 1864 г., № 17; «Русск. Арх.» 1877 г., кн. III, стр. 402—403; «Русск. Стар.» 1887 г., т. LV, стр. 464—465; «Русск. Мысль» 1897 г., № 5, стр. 162—164). О Коншине см. статью А. И. Кирпичникова в его «Очерках по истории новой Русской литературы», т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 90—121, и Соч. Боратынского, ред. М. Л. Гофмана, изд. Акад. Наук, т. I—II, а также заметку Б. И. Коплана в альманахе Пушкинского Дома «Радуга», Пб. 1922, стр. 107—110.

— Элегия Туманского — стихотворение с таким заглавием, написанное в Алупке в 1824 г. и помещенное в «Северных Цветах» Дельвига на 1825 год, стр. 289, с подп. *Т.*:

На скалы, на холмы глядеть без нагляденья;
Под каждым деревом искать успокоенья;
Питать бездействием задумчивость свою;
Подслушивать в горах журчащую струю,
Иль звонкое о брег плесканье океана;
Под зыбкой пеленой вечернего тумана
Взирать на облака, разбросанны кругом
В узорах и цветах и в блеске золотом, —
Вот жизнь моя в стране, где кипарисны сени
Средь лавров возрастя, приманивают к лени,
Где хижины татар венчает виноград,
Где роща каждая есть благовонный сад.

— Отзыв Пушкина о «Горе от ума» см. в письмах: к А. А. Бестужеву, № 119, и к кн. П. А. Вяземскому, № 121.

№ 122. — О «брожении мыслей», замечаемом в литературных кругах, писал Пушкин и брату Льву (см. в письме № 127, стр. 120).

— «Палей» — поэма К. Ф. Рылеева; отрывок из нее появился в «Северной Пчеле» 1825 г., № 2; поэма эта осталась незаконченной.

— Говоря о Плетневе и его «усердии», Пушкин, вероятно, имел в виду следующий чересчур восторженный отзыв о Боратынском, заключающийся в Плетневском «Письме к графине С. И. С. о Русских поэтах», помещенном в «Северных Цветах на 1825 год»: «Между тем, как мы воображали, что язык чувств уже не может у нас сделать новых опытов в своем искусстве, явился такой поэт, который разрушил нашу уверенность. Я говорю о Боратынском. В элегическом роде он идет новою, своею дорогой. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностию мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии. Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок. Во всем отчет составляет отличительность его стихов. Нет слова, нет оборота, нет картины, где бы вы не чувствовали ума и вдохновения. Разбирайте строго каждый его стих, следуйте за ним внимательно до конца стихотворения: и вы признаетесь, что он извлек все лучшее из своего предмета, отбросил все излишнее и не забыл ничего необходимого. Но сколько разнообразия во всех его самых легких произведениях! Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все он постигнул и выразил. Рассмотрите его элегию: *«Разуверение»*... Далее приводилось самое стихотворение Боратынского «Не искушай меня без нужды»... («Северные Цветы на 1825 г.», стр. 65—67).

— «Эда — Финляндская повесть», вышла отдельным изданием лишь в 1826 г.; отзыв о ней Пушкина — в письме к бар. А. А. Дельвигу от 20 февраля 1826 г.

— В феврале 1825 г., когда Пушкин задавал вопрос о Боратынском и о его судьбе, спрашивая, когда кончится опальное состояние поэта, служившего еще подневольным нижним чином в глуши Финляндии, в Нейшлотском полку, — Боратынский чувствовал себя вполне счастливым в городке Кюмени: он тогда был страстно влюблен в А. Ф. Закревскую (жену Финляндского генерал-губернатора, дань поклонения которой позже принес и Пушкин), — жил в кругу преданных друзей и с увлечением отдавался поэтическому творчеству; между тем, влиятельные друзья поэта (Жуковский, А. И. Тургенев — см. «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 147—160, и 1871 г., кн. I, ст. 0239—0241) хлопотали о нем в Петербурге, — и вскоре, 21 апреля 1826 г., он был произведен в прапорщики; этим кончилось время опалы и наказания Боратынского за проступок, совершенный им чуть ли не в детстве, в бытность его в Пажеском Корпусе, из которого он вместе с одним товарищем был исключен с воспрещением определяться на службу (любопытное письмо самого Боратынского к Жуковскому о причине своего исключения см. в «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 147—156). — «Увлеченный», говорит его друг и свояк Н. В. Путята: «к участию в поступке товарища, — участию, которого значения Боратынский не сознавал в чаду раздраженного ребяческого воображения, он подвергся с ним строгому наказанию. Он был тогда 14-летним шалуном, и вся последующая жизнь его доказала, что сердце его не было причастно сему минутному нравственному омрачению. Несчастие, столь рано постигшее Боратынского, наложило на его характер ту глубокую задумчивость и грусть, которыми так искренно проникнуты все его произведения»... («Русск. Арх.» 1868 г., ст. 145). Вскоре после производства в офицеры поэт, восстановленный в своих гражданских правах, совсем вышел в отставку (31 января 1826 г.) и затем женился (см. М. Л. Гофман, Соч. Боратынского, изд. Акад. Наук, т. I, стр. LX—LXV). Ср. ниже, в письме № 128.

— «И скоро ль, долго ль? Как узнать? Где вестник искупленья?» (в прежних изданиях начало этой фразы печаталось неверно) представляет собою дословную цитату из баллады Жуковского «Громобой» (см.

последнюю строфу); ср. у Жуковского же, в конце его известной элегии «Вечер» («Ручей, виющийся по светлому песку» 1806 г.), стих: № 123.

Так, петь есть мой удел . . . но долго-ль? . . . Как узнать? . . .

— Незадолго до этого письма, Пушкин так вспоминал о Боратынском в XXX строфе 3-й главы «Онегина»:

Певец пиров и грусти томной . . . .
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном . . .
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, — и душа его
Не слышит горя моего.

— О Записках своих (уничтоженных после 14 декабря) Пушкин писал в письмах № 105, 106, 135, 178 и 14 августа 1826 г.

— Гр. В. — гр. М. С. Воронцов, о котором Пушкин уже справлялся в письме к брату Льву от второй половины декабря 1824 г. (№ 114). Несколько ранее, когда 1-я глава «Евгения Онегина» еще печаталась, — следовательно, в январе 1825 г., — Пушкин набросал свой воображаемый разговор с императором Александром; в этой заметке, на вопрос, как это он мог ужиться с Инзовым и не ужился с гр. Воронцовым, Пушкин дает такую горькую отповедь: «Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный старик, он Русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет . . ., доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их и никогда не подвергается заслуженной колкости . . ., потому что со всеми вежлив; он не опрометчив, не верит пасквилям» . . . Эти слова представляют как бы сконцентрированное выражение обид Пушкина на Воронцова.

— «Новая поэма» Рылеева — «Войнаровский»; Пушкин не знал, что она была в это время уже совершенно закончена Рылеевым и, разрешенная цензурою 8 января 1825 г., вышла вскоре в Москве из типографии Селивановского, с посвящением А. А. Бестужеву и с жизнеописаниями Мазепы (принадлежавшим перу А. О. Корниловича) и Войнаровского (А. А. Бестужева). В своей «Полтаве» Пушкин, как известно, тоже не вывел своего прадеда, Абрама Петровича Ганнибала, в ряде других «птенцов гнезда Петрова», хотя 11—12-летний «арапченок», повидимому, и находился при своем повелителе во время Полтавской баталии.

123. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 118). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 143—144; подлинник (на бум. без вод. зн.) — был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве; письмо запечатано талисманом.

— Муханов — Петр Александрович (род. 7 января 1799, ум. 12 февраля 1854), штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, бывший до 1824 г. адъютантом генерала Н. Н. Раевского и живший в Киеве, — «приятель» Пушкина, по собственному определению поэта (см. в письме № 180), друг и поклонник Рылеева, близко знакомый с Кюхельбекером, Корниловичем, Бестужевым, Грибоедовым, Полевым, сам литератор и сотрудник журналов; в конце 1824 — начале 1825 г. он как раз был в Москве (см. «Русск. Стар.» 1888 г., т. 60, стр. 589, 591) и мог видаться с Вяземским, [1] который хорошо знал Муханова и симпатизировал ему (см «Русск. Стар.»

[1] Александр Алексеевич Муханов (адъютант А. А. Закревского), приятель Боратынского, к которому неправильно относят упоминание Пушкина в этом его письме, в начале 1825 г. был в Петербурге, а потому и не мог видаться с Вяземским («Русск. Арх.» 1905, кн. I, стр. 524 и след.; Соч. Боратынского, ред. М. Л. Гофмана, т. I, по указ.). Ср. ниже, стр. 515—516.

№ 123. 1888 г., т. 60, стр. 329); в одном письме к Пушкину, от 16 октября 1825 г., Вяземский определил его: «большой рыжик» (Переп., Акад. изд., т. I, стр. 305), — имея в виду его крупную фигуру могучего сложения, большие рыжие усы и рыжие же волосы на голове (ср. в сб.: Декабристы. Труды Пушкинского Дома. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, Лгр. 1925, стр. 125). Пушкин мог быть взволнован также сообщением, которое прочел в № 15 «Северной Пчелы» 1825 г., где в статье: «Петербургские Записки. Письмо в Москву к Петру Александровичу Мух — ву», подписанной буквами Д. Р. К. [Гречь], между прочим, сообщалось: « . . . . Некоторые друзья А. С. Пушкина имеют у себя отрывки из сочиняемой им Поэмы «Цыгане». Я не читал их, но один просвещенный любитель Словесности уверял меня, что эта Поэма будет выше всего того, что доныне написал Пушкин, следовательно — возможное совершенство. Его Поэма Евгений Онегин уже печатается и скоро выйдет в свет» (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 128). Муханов был знаком с Пушкиным еще в Одесский период жизни поэта и был его горячим поклонником; так, 11 апреля 1824 г. он писал А. О. Корниловичу из Киева, — очевидно, приехав из Одессы: «У меня есть кое-какие стихи Пушкина, которые, по дружбе к тебе, желал бы переслать, но боюсь изменою своего слова рассердить волшебника. . . . Скажи Плетневу, А. Бестужеву и братьям Пушкина и Туманского, что есть у меня к ним письма от волшебника и Туманского; не знаю, как переслать, — жду человека — вернее почты» («Русск. Стар.» 1888 г., т. 60, стр. 584; эти письма Пушкина неизвестны); тогда, именно, Муханов и мог «взять» у Пушкина начало «Цыганов». — Тогда же он сообщил несколько стихов из «Онегина» Булгарину, который напечатал их в № 4 «Литературных Листков», с объяснением, что получил их от «одного просвещенного любителя словесности» *из Киева*. В январе 1826 г. арестованный в Москве по делу декабристов, Муханов был судим, осужден по IV разряду, просидел в Выборгской крепости больше года — до осени 1827 г., а затем отправлен в каторгу, жил в Чите и Петровском Заводе, наконец, — на поселении под Иркутском, где и умер. О Муханове см. в книге А. А. Сиверса: Материалы к родословию Мухановых, С.-Пб. 1906, стр. 135 — 144; Б. Л. Модзалевский, Записки В. П. Зубкова, С.-Пб. 1906, стр. 79 — 80; В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев. 1912, стр. 258—259 и др.; «Русск. Стар.» 1888 г., т. 60; предисловие М. А. Цявловского к дневнику сестры Муханова, княгини Е. А. Шаховской за 1826—1827 г. (с рассказом об аресте Муханова, о суде и ссылке) — в «Голосе Минувшего» 1920 — 1921 г., стр. 98 — 118, а также «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 360—361, и статью А. А. Сиверса в изданном Академией Наук сборнике: «Памяти декабристов», вып. I, Лгр. 1926.

— «Онегин», действительно, уже поступил тогда в продажу.

— «Разговор Поэта и Книг.» — «Разговор Книгопродавца с Поэтом», помещенный перед 1-й главой «Онегина».

— «Мадригал кн. Шаликову» — строки о нем в этом «Разговоре»:

. . . . Но полно; в жертву им [девам] свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы,
Что мне до них . . . . .

В последующих изданиях, однако, Пушкин имя Шаликова заменил словом «юноша» («Пускай их юноша поет» . . .). О Шаликове, издателе «Дамского Журнала» (1823 — 1833), см. выше, стр. 181—182, 276, 307. Припомним, что Шаликову принадлежит одно из первых приветствий Пушкину в печати: в «Новостях Литературы» 1822 г. (ч. XVI, стр. 48) он напечатал следующее двустишие «К портрету А. С. Пушкина»:

Талант и чувства в нем созрели прежде лет.
Овидий наш, он стал ко славе Муз поэт!

Он же в «Дамском Журнале» 1825 г. (№ 8, стр. 68—69), в ответ на «мадригал» Пушкина, поместил стихотворение «К А. С. Пушкину. (На его отречение петь женщин)», из которого приводим часть: № 124.

Так утомленный сибарит
Весельем, негою, пирами,
На розах лежа, говорит:
«Нет, полно, расстаюсь я с вами,
Веселье, нега и пиры!
Простой природы вас милее
Простые, тихие дары!
Они полезнее, прочнее,
Они. . . Но голос вдруг сирен,
Но благовонные куренья
Вновь мудреца влекут во плен
Пиров и неги, и веселья, —
И наш любезный сибарит,
Талантом, чувством, песнопеньем,
Лишь только женщин отбранит,
Как вдруг невольно, с восхищеньем,
О *ножках*, лучшей красоте
Роскошно-томного Востока,
Своей прелестнейшей мечте,
Воспомянув, в мгновенье ока
У ножек с лирою златой . . . . и т. д.

— Французская фраза значит: «У него много заслуг перед прекрасным полом, — и я весьма доволен, что изъяснился о том всенародно».

— «Телеграф обетованный»—журнал «Московский Телеграф» Н. А. Полевого, в который кн. Вяземский, действительно, отдал стихотворение Пушкина «Телега жизни», посланное ему поэтом в письме 29 ноября 1824 г.; оно напечатано было (с пропуском «русского титула» во 2-й строфе) в № 1 «Телеграфа» (стр. 49), вышедшем 8 января. Ср. выше, стр. 371.

— «Edimboorg review»,—неправильно написанное Пушкиным название известного серьезного английского журнала «Edinburgh Review» («Эдинбургское Обозрение»); о своем проекте журнала писал Пушкин и кн. Вяземскому 10 августа 1825 (см. письмо № 167), и Бестужеву 30 ноября 1825 г. (см. письмо № 187), и Катенину — в первой половине февраля 1826 г.; см. еще в письмах 27 мая и 9 ноября 1926 г., а также Соч. Пушк., ред. П. О. Морозова, изд. Просвещения, т. VI, стр. 608—610, и статью Н. К. Пиксанова: Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» — «Пушк. и его соврем.», вып. V.

— Говоря об издании Фонвизина, Пушкин имел в виду работу кн. П. А. Вяземского над биографией знаменитого сатирика, задуманной и начатой им еще в 1819 году, но законченной и изданной отдельною книгою лишь в 1848 году («Остаф. Арх.», т. I, стр. 610).

— С кн. В. Ф. Вяземскою Пушкин, как мы видели (стр. 396), сносился в это время через И. И. Пущина (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 180, 189—190, 200). Спустя месяц, Пушкин написал ей письмо, в ответ на ее письмо, с выражением сочувствия в потере ею сына (письмо № 134).

124. *Н. И. Гнедичу* (стр. 118—119). Впервые напечатано в журнале «Современное Обозрение» 1868 г., т. III, стр. 144; подлинник — в Пушкинском Доме Академии Наук.

— С Министром Народного Просвещения А. С. Шишковым Гнедич встречался в заседаниях Российской Академии, в которой Шишков был Президентом (с 1813 г.), а Гнедич — действительным членом (с 15 декабря 1811 г.); впоследствии, за месяц до смерти Гнедича, и Пушкин был избран (7 января 1833 г.) в члены Академии; это свидетельствует о том, что Шишков признавал литературные заслуги и дарования Пушкина.

— Бируков—цензор, 29 декабря 1824 г. разрешивший к печати 1-ю главу «Евгения Онегина».

№ 125. — «Простонародные песни нынешних греков», — так назывался вышедший в Петербурге в 1825 г. сборничек XII песен современных греческих клефтов в переводе Гнедича, с подлинником и с объяснениями Гнедича; книжка была посвящена А. Н. Оленину и снабжена была Введением и сравнением народных Песен Греческих с народными же Русскими: между теми и другими Гнедич находил черты большого сходства. Любопытно, что объявление о новой книге Гнедича появилось как раз на обложке только что вышедшей 1-й главы «Евгения Онегина».

— Сообщение брата Пушкина — Льва о скором окончании Гнедичева перевода «Илиады» было рановременно: книга вышла в свет лишь в конце 1829 г.

— Ахилл, герой «Илиады», был воспитан мудрым кентавром Хироном в горах Фессалии.

— Письмо Гнедича, цитату из которого приводит Пушкин, до нас не сохранилось. По черновым тетрадям Пушкина видно, что он «еще в Кишиневе не раз останавливался на темах из Русской истории», — как говорит В. Е. Якушкин, описывая по тетради № 2366 «еще подобные же заметки и программу. В «Сыне Отечества» 1823 г. (т. LXXXII) было помещено известие, что Пушкин пишет поэму «Владимир» (Анненков, Материалы, стр. 100). Пушкин, оказывается, действительно останавливался на этой теме, подготовлял материал и составил план. Обстоятельные заметки Пушкина в данном случае... опять указывают нам на серьезный подготовительный труд, на внимательное чтение нашего поэта» («Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, стр. 327). Далее Якушкин приводит набросок плана или программы из жизни Изяслава (сына Рогнеды) и его братьев Мстислава и Ярослава, а также Владимира Святого (там же, стр. 328, 329, 332). Интерес к изучению и поэтической разработке исторических сюжетов был тогда очень широк и привлекал внимание многих писателей, — в том числе Рылеева, Бестужева, Глинки и др. (см. В. В. Сиповский, Очерки по истории Русского романа, т. I, вып. 1, С.-Пб. 1909, стр. 464 — 475 и вып. 2, С.-Пб. 1910, стр. 721 — 734; В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев. 1912, стр. 163 — 178). Сам Гнедич остался глух к призывам Пушкина.

— Сравнение законченного труда Гнедича по переводу Гомеровской «Илиады» с кораблем, нагруженным сокровищами и входящим в пристань, и противопоставление этого корабля своей «мелочной лавке № 1», Пушкин употребил и позже, в оставшемся, повидимому, незаконченным проекте письма к Гнедичу от декабря 1829 г. с благодарностию за экземпляр «Илиады». О подобных заимствованиях у самого себя см. в книжке В. Ф. Ходасевича: «Поэтическое хозяйство Пушкина», Лгр. 1924.

— События Греческого восстания 1821 г. и его деятели — Ипсиланти и другие — были, как мы видели (см. выше, стр. 224—226), хорошо знакомы Пушкину; он даже начал вести Журнал Греческого восстания. Отмечая знаменательную дату, Пушкин предполагал в Гнедиче сочувствие к судьбам греческого народа, в котором сам он, однако, к тому времени уже вовсе разочаровался.

125. *Л. С. Пушкину* (стр. 119 — 120). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 221, 239, 241 и 242 (отрывки); полностию — в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, ст. 102—103; подлинник—в б. Румянц. Музее, № 1254.

— «Милое письмо» Льва Пушкина к брату из Петербурга до нас не сохранилось, но известно его письмо к Прасковье Александровне Осиповой, от 16 февраля 1825 г., при котором он это письмо отправил. В нем он писал Осиповой (по-французски): «Благоволите, милостивая государыня, уведомить меня о положении моего брата; я знаю, что матушка писала вам по этому предмету: я весьма тронут ее добрым поступком, но брат тревожит меня гораздо больше. Приближается весна: это время года очень располагает его к меланхолии; признаюсь, я во многих отношениях боюсь ее последствий. Дельвиг собирается к нему в течение этого месяца; это, конечно, будет для него большим развлечением, но, к сожалению,

лишь весьма кратковременным. Прошу вас, милостивая государыня, передать ему прилагаемое при сем письмо» («Русск. Стар.» 1907 г., янв., стр. 85—86, заметка Н. О. Лернера). № 125.

— «Строгие меры» в отношении Льва Пушкина были приняты, надо думать, его родителями, которые не желали отпускать своего любимого сына к его опальному брату. Впрочем, П. А. Ефремов сообщает, что, повидимому, в это именно время у начальства Л. С. Пушкина «полицейские власти по какой-то надобности справлялись о его поведении и службе» (Соч. Пушкина, ред. Ефремова, изд. Суворина, т. VII, стр. 147).

— Объявление об «Онегине» было помещено в № 23 «Северной Пчелы» 1825 г., от 21 февраля, на стр. 1; в нем было сказано, что «книжка сия продается в книжном магазине И. В. Слёнина по 5 р., с пересылкою по 6 р.», т.-е.,—перепечатано сообщение, помещенное на обложке «Онегина». В том же №, в отделе: «Новые Книги», была напечатана и краткая и двусмысленного свойства заметка о книжке (см. ниже, в письме № 131). Ср. также письмо Булгарина к Пушкину от 25 апреля 1825 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 208).

— Роза Григорьевна — экономка или домоправительница в Михайловском, нанятая матерью поэта, Н. О. Пушкиною. По словам доживших до 1891 года двух современников жизни Пушкина в Михайловском — псаломщика и крестьянина,—поэт «в свое домашнее хозяйство не входил никогда, как будто это не его дело и не он хозяин».... «Когда он приехал в Михайловское, он никакого внимания не обращал на свое сельское и домашнее хозяйство: ему было все равно, где находились его крепостные и дворовые крестьяне — на его ли работе (барщине), или у себя в деревне. Это было как будто не его хозяйство» («Русск. Арх.» 1892 г., кн. I, стр. 96—97). Зная такую нехозяйственность Пушкина, легко себе представить, как тягостны для него были заботы об имениях и о доме, павшие на него со времени женитьбы и заставлявшие его входить в переписку с управляющим И. М. Пеньковским и с зятем Н. И. Павлищевым (1834—1837), человеком в высшей степени мелочным.

— Письмо Пушкина к Булгарину, за которое попрекал его брат Лев, до нас не сохранилось.

— Яшка Сабуров — Яков Иванович, гусар; о нем см. выше, в примеч. к письму № 103, — стр. 361, и ниже, в письме № 141.

— Муханов, — Петр Александрович, на которого Пушкин досадовал за распространение «Цыган» (см. выше, стр. 118 и 403—404).

— Давыдов — вероятно, Денис Васильевич, поэт, партизан; о нем см. выше, стр. 260—261.

— Отрывков из «Онегина» в «Северной Пчеле» Булгарина не было напечатано.

— Воейков — Александр Федорович, редактор «Новостей Литературы».

— «Море и Земля», идиллия Мосха (Сиракузского идиллика II века до Р. Х.), написана была в Киеве 8 февраля 1821 г., в печати появилась в № 1, январьском, «Новостей Литературы» 1825 г. (кн. XI, стр. 27). Именем Биона, друга Мосха, Пушкин в шутку окрестил здесь Воейкова, которого только что назвал своим другом.

— Имя Эвариста-Дезирэ Парни (которого Пушкин в припадке мальчишеской шутки называет Иваном Ивановичем) не было вставлено, как следовало бы, при стихотворении Пушкина «Прозерпина» («Плещут волны Флегетона»...), появившемся в «Северных Цветах на 1825 год» (стр. 293—295); эта пьеса представляет собою вольное переложение XXVIII картины (tableau) поэмы Парни «Les déguisements de Vénus» и вызвала восторженный отзыв Дельвига, в письме к Пушкину от 10 сентября 1824 г. писавшего, что это — «не стихи, а музыка, это пенье райской птички, которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет», и т. д. (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 130).

— Плетневу и Дельвигу Пушкин, повидимому, не собрался написать, но обратился ко Льву Пушкину и Плетневу с коллективным письмом от 15 марта (см. № 130) по поводу издания своих Стихотворений.

№ 126. — «Старина» и «Талия» — альманахи А. О. Корниловича и Булгарина, о присылке коих поэт просил в письмах №№ 110 и 105 (стр. 301, 377 и 363).

— «Изд. Н. А.» — Издатель «Невского Альманаха», т.-е. Егор Васильевич Аладьин (род. 1796, ум. 1860), бесталанный стихотворец и беллетрист («Мои досуги», С.-Пб. 1824 г.; «Сочинения и переводы в Прозе», 2 ч., С.-Пб. 1832 — 1833; «Повести», 2 ч., С.-Пб. 1833 и др.), издатель «Невского Альманаха» (1825 — 1833, 1846 и 1848), «Букета» (1829) и «Подснежника» (1829 — 1830). Пушкин участвовал, несмотря на недовольство Аладьиным, в его «Невском Альманахе» на 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. Письмо его к Аладьину с выражением неудовольствия до нас не сохранилось.

— В «Северной Пчеле» 1825 г. (№ 18, Отдел «Новых Книг») было напечатано: «Пока любители Словесности ожидали выхода в свет Полярной Звезды, г. Аладьин издал при всех Газетах и афишах объявление о скором выходе Невского Альманаха по подписке, обещая представить сочинения Пушкиных, Крыловых, В. А. Жуковского и проч. На масленице появился наконец альманах г. Аладьина, и мы не нашли в нем ни произведений И. А. Крылова, ни А. С. Пушкина»...

— Басня Александра Ефимовича Измайлова (род. 1779, ум. 1831) «Черный Кот» была напечатана в «Благонамеренном» 1825 г., ч. XXIX, стр. 249, и в «Невском Альманахе на 1825 г.» Аладьина (стр. 145 — 153); вот начало этой басни:

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота;
Малюткой вам еще достался;
Кто подарил его, тот с жизнию расстался.
Отличен всем ваш кот: умом и красотой,
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!
Гордяся быть у вас слугою,
Как важно спину он сгибает вверх дугою.
И, ластяся вкруг вас, мурлычит и ворчит
и т. д.

— Слепой поп — Гавриил Абрамович Пакатский, священник при церкви Градских богаделен под Смольным монастырем в Петербурге, воспитанник Новгородской Семинарии; в 1818 г. он был уже слепцом или «лишенным зрения», как печатал он на своих книгах; умер в 1830 году; он издал, между прочим, «Зримый свет в стихах, или возникающая Аврора» (С.-Пб. 1805), «Плач Иеремии», поэму в 9 песнях, перевод в стихах (С.-Пб. 1814 г.), «Псалтырь в стихах» (С.-Пб. 1818; за этот перевод автор получил от Российской Академии премию в 500 рублей), «Благочестивое говеющих занятие, или Канон Андрея Критского Иерусалимита, преложенный стихами» (1829), а также и упоминаемую Пушкиным «Книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова, заключающую в себе наилучшие нравоучения, преложенную в стихи»; она была напечатана в Типографии Академии Наук в 1825 году и стоила 6 рублей.

126. *А. Н. Вульф* (стр. 120). Впервые напечатано в «С.-Пб. Ведом.» 1866 г., № 157, и в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 155; подлинник — в Публичной Библиотеке (см. Отчет ее за 1897 г., стр. 91); датируется на основании показания М. И. Семевского по сообщению А. Н. Вульфа. Письмо писано в Дерпт, где Вульф и Языков слушали тогда лекции в Университете.

— Послание Языкова было обращено к Пушкину и служило ответом на послание Пушкина к Языкову от 20 сентября 1824 г. («Издревле сладостный союз»...); он долго не мог собраться откликнуться на стихи Пушкина, и еще 1 февраля 1825 г. писал из Дерпта своему брату Александру: «Не знаю, скоро ли буду в духе ответить Пушкину» (Языковский Архив, вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 146 и 467), но, судя по письму Пушкина к Вульфу, вскоре поборол свои колебания. Послание Языкова

(нач.: «Не вовсе чуя бога света») появилось в печати лишь после смерти Пушкина — в «Современнике» 1837 г., № VI; оно оканчивалось следующими стихами: *№ 127.*

Бог весть, что в мире ожидает
Мои стихи, что̀ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но — будь, что будет — не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

Отметим, что вообще, а в эту пору особенно — Языков с резким отрицанием относился к поэтическим произведениям Пушкина, не понимал их и в письмах своих не находил слов для их осмеяния и охуждения (см. «Языковский Архив», вып. 1-й, по указ., а также во вступительном очерке Е. В. Петухова, стр. 20 — 21). — В письме от 20 февраля 1825 г. он писал своему брату Петру из Дерпта: «Пушкин живет теперь верст 200 отсюда, за Псковом; он меня зовет к себе — не знаю, что отвечать на это:

Ведь с ними вязаться
Лишь грех, суета.

Впрочем, впрочем... теперь я никак не могу ехать к нему; что будет далее, теперь не могу знать — так и далее» (там же, стр. 155).

— Какую «чувствительную элегию» Языкова имеет в виду Пушкин,— не догадываемся.

— П. А. Осипова пишет сыну о предполагавшейся тогда поездке его за границу, куда, как было указано выше (стр. 381—382), Вульф предполагал увезти и Пушкина под видом своего слуги.

— Языков приехал в Тригорское только через год — летом 1826 г.

127. *Л. С. Пушкину* (стр. 120 — 121). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 111 и 188 (отрывки) и в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, ст. 104 — 105 (полностью); подлинник—в б. Румянц. Музее, № 1254.

— Алжирец Всеволожский — Никита Всеволодович, приятель Пушкина и основатель «Зеленой Лампы», которому поэт в 1820 г. «полупродал, полупроиграл» рукопись своих стихотворений; см. выше, стр. 368 и др.

— Дельвиг приехал к Пушкину лишь через 5 недель. Еще 7 февраля Плетнев писал поэту: «Дельвиг к тебе скоро не будет. К нему приехал отец» (Академ. изд. Переписки, т. I, стр. 176); 3 марта он же сообщал: «Думаю, что вещун Д. возвратился из Витебска в Михайловское. Поцелуй его за меня и скажи, что я не писал ему туда в другой раз, не надеясь, чтобы мое письмо его там застало. От него ты узнаешь, что с Ольдекопом делать нечего» (там же, стр. 185). «Что Дельвиг? Не у тебя ли он? Здесь говорят, что он опасно заболел», — писал Пушкину Рылеев 10 марта из Петербурга (там же, стр. 189). Письмом от 20 марта, из Витебска, сам Дельвиг, в ответ на вопрос Пушкина (№ 132), сообщал своему другу о своей болезни и о других причинах, задержавших его приезд (там же, стр. 194 — 195). 25 марта Рылеев вторично спрашивал: «Что Дельвиг? По слухам он должен быть у тебя. Радуюсь его выздоровлению и свиданию вашему. С нетерпением жду его, чтоб выслушать его мнение об остальных песнях твоего Онегина» (там же, стр. 198). «Дельвига нет еще!» восклицал Пушкин в великую пятницу, 27 марта; в первой половине

№ 127. апреля Рылеев снова писал ему: «Здесь слышно, что Дельвиг уже у тебя. Правда ли?» (там же, стр. 204—205). Наконец, уже в конце апреля, Пушкин торжествующе писал кн. Вяземскому: «Дельвиг у меня»... (см. ниже, в письме № 142). Ср. еще выше, стр. 406 — 407.

— О книге «Conversations de Byron», о «Mémoires de Fouché», «Талии» и «Русской Старине» см. выше, стр. 365, 399, 408.

— Sismondi (Littérature) — весьма известное сочинение знаменитого историка и экономиста Жана-Шарля-Леонарда Симонд-де-Сисмонди (Simonde de Sismondi; род. 1773, ум. 1842): «De la Littérature du Midi de l'Europe», вышедшее в Париже в 1813 и вторично — в 1819 году, в 4-х томах; в библиотеке Пушкина сохранилось уже 3-е издание книги Сисмонди,— также Парижское, и тоже в 4-х томах, 1829 года (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 338).

— Schlegel (Dramaturgie) — не менее известное сочинение Августа-Вильгельма Шлегеля (род. 1767, ум. 1845): «Vorlesungen über dramatische Kunst und Litteratur» (1809); в библиотеке Пушкина это сочинение сохранилось во французском переводе — «Cours de littérature dramatique», Paris. 1814, 3 тома (там же, стр. 331, № 1356). Пушкин хорошо был знаком с трудом Шлегеля (см. Н. К. Козмин, «Взгляд Пушкина на драму»—в «Сборнике статей С.-Пб. Университета». С.-Пб. 1900, стр. 207 и след.). И Шлегель, и Сисмонди нужны были Пушкину, без сомнения, для кипевшей тогда в его уме работы над «Борисом Годуновым».

— Собр. Рус. Стих. — «Собрание Новых Русских Стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 г.» (ч. I, с портретом Ф. Глинки) и с 1823 по 1825 г. (ч. II, с портретом А. С. Шишкова), «служащее дополнением к Собранию Образцовых Русских Сочинений и Переводов», С.-Пб. 1824—1826; тогда же выходило «Собрание Новых Русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1821 по 1823 г.» (ч. I, с портретом кн. П. А. Вяземского) и «с 1823 по 1825 г.» (ч. II), С.-Пб. 1825 — 1826. Все 4 части были изданы А. Ф. Воейковым (как и два более ранние издания этой серии: «Собрание образцовых Русских сочинений и переводов в стихах и прозе», 12 ч., С.-Пб. 1815 — 1817; изд. 2-е, 12 ч., С.-Пб. 1822 — 1824; и «Новое Собрание образцовых Русских сочинений и переводов в стихах и прозе, вышедших в свет от 1816 до 1821 г.», 4 ч., С.-Пб. 1821 — 1822) и по Каталогу Смирдина, стоили 34 р. серебром.

— Каченовский «восстал» на Пушкина не сам, а лишь напечатал в своем «Вестнике Европы» (1825 г., ч. 144, № 17, стр. 23 — 34) статью некоего И. Р-ина: «Нечто о споре по поводу Онегина. (Письмо к редактору Вестника Европы)». В письме этом автор полемизировал главным образом с редактором «Московского Телеграфа» Полевым и лишь мимоходом составил алгебраическую формулу, доказывая, что «сочинители дурных поэм суть точно величины отрицательные в словесности», — почему и Пушкин долженствовал быть признан отрицательной величиной; там же мимоходом он сомневался, «чтобы картина дурного воспитания Онегина верно изображала Русской характер и следовательно имела народность» и т. под. На эту статью в «Московском Телеграфе» появилось возражение (1825 г., ч. VI, № 23, особ. прибавление), с подписью N.N.

— Ответ Л. С. Пушкина на вопрос поэта о тоне критик Каченовского в точности неизвестен, — но уже в начале апреля Пушкин послал брату свою известную эпиграмму: «Жив, жив курилка» и писал: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли Вяземскому. А между тем пришли мне тот № Вестника Европы, где напечатан 2-й разговор лже-Дмитриева; это мне нужно для предисловия к *Бахчисарайскому Фонтану*. Не худо бы мне переслать и весь процесс (и Вестник, и Дамский Журнал)». 7 июня Вяземский писал Пушкину, что отдаст эпиграмму Полевому, только боится, «чтобы цензура не уморила его» (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 229). Это опасение оправдалось,—цензура запретила «Курилку»,— и эпиграмма была опубликована лишь в 1850-х годах.

— «У вас ересь»... Слова эти относятся, по словам П. О. Морозова, «к происходившим в 1824 и 1825 гг. спорам о сущности поэзии, в связи

с различными определениями нового в ту пору «романтического» направления. «Московский Телеграф», отстаивая право гения творить наперекор теориям и правилам, находил, что существо поэзии заключается не в форме поэтического произведения (т.-е., как передает ее Пушкин, — не в стихах), а в том высоком наслаждении, «в котором человек, упоенный очаровательным восторгом, не смеет дать отчета самому себе в своих чувствах» («Моск. Телеграф» 1825 г., № 5). Точно так же и Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», напечатанной в «Мнемозине» 1824 г., мерилом художественного достоинства поэтических произведений признавал «восторг» (Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. VI, стр. 540 — 541). Подробности этих споров о «романтизме» см. во Введении к книге А. Н. Веселовского: В. А. Жуковский. Поэзия чувств и «сердечного воображения», С.-Пб. 1904, стр. 1—20.

— Народная песня:

Один сижу во компании, никого не вижу,
Только пьем мы за здравие, — здравствуй, моя радость,
Здравствуй радость и веселье, утеха драгая!
Про то знати не возможно, чья она такая,
Прекрасная она дама, Ашинька драгая.
Во садику, в огороде девица гуляла,
Она писаря Псковскова всячески ругала,
Она всячески ругала, весьма поносила:
«Ах, глупой Псковской писарь, в гости ты не ездишь».
— Я бы рад, душа, ходити, да нечем дарити.
Поедем мы, душа Аша, в Санктпитер гуляти... и т. д.

Она вошла в III часть весьма популярного «Собрания разных песен», изданных Михаилом Дмитриевичем Чулковым, где находится под № 189. I часть этой, ныне чрезвычайно редкой книги, изд. 1770 г., сохранилась, хоть и в очень дефектном экземпляре, в библиотеке Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 114, № 421). В новом издании Сочинений Чулкова, изд. Академии Наук, под ред. П. К. Симони (С.-Пб 1913), песня «Один сижу во компании» помещена в т. I, на стр. 711 — 712. Песня эта, видимо, была популярна; по крайней мере, Л. Н. Павлищев рассказывает, будто бы однажды П. П. Каверин, будучи у его родителей, на просьбу одной рыжеволосой старой девы о стихах ей на память, написал:

Сижу я в компании,
Никого не вижу;
Только вижу деву рыжу
И ту ненавижу...

(Воспоминания об А. С. Пушкине, М. 1890, стр. 195). Однако, по словам Ю. Н. Щербачева, это четверостишие — просто видоизмененная кадетская песенка, в которой вместо «деву рыжу» пелось: «одну жижу», и сочинена она была на супы в корпусах (Ю. Н. Щербачев, Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М. 1913, стр. 46 — 47 и 202).

— Ан. Ник. — Вульф; на этом же письме — ее английская приписка.

— «Мелкие стихотворения» Пушкина, бывшие у Рылеева и Бестужева, — те, которые он посылал им для альманахов «Полярная Звезда» 1824 и «Звездочка» 1825 г. (см. нашу заметку в ж. «Былое» 1925 г., № 5, стр. 35 — 36).

— «Миртильничаю» — ср. выше, на стр. 96, в письме № 103, и стр. 362.

— Ан. Ив. В. — Анна Ивановна Вульф, двоюродная сестра Анны Николаевны и племянница, по первому мужу, П. А. Осиповой; она была дочерью Ивана Ивановича Вульфа (род. 1776, ум. 1860) от брака его с Надеждою Гавриловною Борзовою. Netty Вульф жила с родителями в Тверской их деревне — с. Бернове — и в Петербурге, откуда приезжала гостить в Тригорское. Отзывы о ней единодушно - благоприятные: это была очень

№ 128. добрая, милая девушка, вызывавшая к себе общие симпатии. Ее брат, Николай Иванович Вульф передает, что она была «очень умная, образованная и симпатичная девушка и при всем том—красавица» (В. И. Колосов, Пушкин в Тверской губернии, Тверь. 1888, стр. 28). Пушкин был, повидимому, слегка увлечен ею, «волочился» за Netty Вульф и в 1826 году, и позже (см. письма 1828, 1829 и 1830 г.). Он находился с нею в переписке (письма эти до нас не сохранились), что̀ видно, между прочим, из письма № 139 (см. ниже), а также из слов А. Н. Вульф, которая писала поэту в начале марта и 20 апреля 1826 г.: «Я была бы довольна вашим письмом, если бы не помнила, что вы в моем присутствии писали такие же и даже еще нежнее А. Керн и даже Netty… Получив мое письмо, вы вскрикиваете: «Ах, господи, что за письмо, как будто женское!» — и бросаете его, чтобы читать глупости Netty». В 1828 или 1829 г. Пушкин написал ей шутливое стихотворение: «За Netty сердцем я летаю».— В 1834 г., 7 февраля, Netty вышла замуж за поручика корпуса инженеров путей сообщения Василия Ивановича (Федора - Вильгельма) Трувеллера, но через полтора года, 26 сентября 1835 г., умерла от родов. Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, писала по этому поводу своему мужу, что «бедная Netty» не выходит у нее из головы: «она была так счастлива и так хотела быть матерью» («Пушк. и его соврем.», вып. XVII—XVIII, стр. 174), а 24 октября сообщала, что ее брат-поэт «вчера возвратился, так как ему надоело погибать с тоски в Тригорском: м-м Осипова всё больна, а Аннета оплакивает в Голубове свою кузину Netty» (там же, стр. 184). О своей симпатичной кузине неоднократно упоминает в дневнике и письмах А. Н. Вульф (см. «Пушк. и его соврем.», вып. I и XXI—XXII).

— О «Простонародных Песнях нынешних Греков» Гнедича см. выше, стр. 406. Письмо Пушкина к Гнедичу «с претензиями» не известно.

— Английская приписка А. Н. Вульф значит в переводе: «Я и моя сестра приветствуем вас сердцем и умом».

128. *Л. С. Пушкину* (стр. 121). Впервые напечатано в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, ст. 105; подлинник — в б. Румянцовском Музее, № 1254.

— О Всеволожском и о бывшей у него рукописи стихотворений см. в предыдущем письме и стр. 409. Всеволожский женился тогда на княжне Варваре Петровне Хованской, умершей 19 ноября 1834 г., на 29 году от роду; ее сестра, княжна Екатерина Петровна (ум. 1837), фрейлина имп. Марии Федоровны, в том же 1825 г. вышла замуж за другого приятеля Пушкина, также члена «Зеленой Лампы»—Павла Борисовича Мансурова, письмо к коему Пушкина см. выше, № 10.

— Лев Пушкин служил, с 13 ноября 1824, в Департаменте Духовных Дел Иностранных исповеданий (где Директором был Г. И. Карташевский, женатый на сестре С. Т. Аксакова), но штатного места не занимал. В это приблизительно время, по словам П. А. Ефремова, «у его начальства полицейские власти по какой-то надобности справлялись о его поведении и службе» (Соч., изд. Суворина, т. VII. стр. 147). В этом Департаменте Л. С. Пушкин прослужил до 24 октября 1826 г., когда вышел в отставку.

— О Боратынском, служившем в Нейшлотском пехотном полку в Финляндии, генерал-губернатором коей был тогда генерал Арсений Андреевич Закревский (впоследствии граф; ум. 11 января 1865 г.) — см. выше, стр. 402. — 15 марта 1825 г. А. И. Тургенев, принимавший сердечное участие в «деле» опального Боратынского, писал кн. П. А. Вяземскому: «Пожалуйста, уйми «Телеграфа» и запрети печатать имя или буквы из имени Боратынского. Как им не совестно губить его из одного любостяжания! Я уже писал об этом. Ни в скобках, ни под пьесой, ни под титлами, ни in extenso имени его подписывать не должно. Скоро может решиться его участь» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 106). Через неделю он сообщал: «Муханов, адъютант Закревского, у меня. Дело Боратынского не совсем еще удалось. Очень тяжело и грустно, но впрочем, авось!» (стр. 108); 10 апреля: «Вообрази себе, что по сию пору не имею никакого сведения об успехе дела Боратынского» (стр. 112); 28 апреля: «О Бора-

тынском Дибич взял доклад в Варшаву» (стр. 118); наконец, уже 4 мая, добряк-Тургенев писал: «Боратынский офицер: вчера получил Варшавский приказ от 21 апреля. Давно так счастлив не был» (стр. 121). Боратынский был произведен из унтер-офицеров в прапорщики «за отличие» («Русск. Инвал.» 1825 г., № 104) и был чрезвычайно рад получению офицерского звания: «Не могу пересказать тебе восхищения Боратынского, когда я объявил ему о его производстве» —писал Н. В. Путята А. А. Муханову 15 мая 1825 г. из Петербурга. «Блаженство его в эту минуту, искреннее участие, которое все окружающие его принимали в перемене его судьбы, и которое доказало мне, как он был ими любим, откровенные разговоры о прошедшем и будущем,—все это доставило мне несколько приятнейших часов в моей жизни... Доселе поэзия была необходимостью души, убитой горестью и жаждущей излить свои чувства; теперь — она соделается целью его жизни. Время покажет, выиграет или потеряет его талант при сей перемене обстоятельств» («Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 525). В деле о производстве Боратынского благодетельную роль сыграл и Жуковский (см. «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 147—160).

— Плещеев — вероятно, Александр Павлович, приятель Льва Пушкина, у которого впоследствии, в 1830-х гг., были денежные с ним дела (см. И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг Пушкина, С.-Пб. 1903).

129. *Л. С. Пушкину* (стр. 121). Впервые напечатано в «Сборн. Отдел. Русск. яз. и слов. имп. Акад. Наук», т. XIV, № 5, С.-Пб. 1896, стр. 7 (в статье Л. Н. Майкова: «Автографы Пушкина, принадлежащие графу П. И. Капнисту»); подлинник был у гр. П. И. Капниста, а затем—у его дочерей.

— Настоящая записка писана в конце рукописного оригинала «Стихотворений» Пушкина, содержавшего ряд письменных его распоряжений; он был получен поэтом 13 или 14 марта и послан Льву Пушкину и Плетневу при письме от 15 марта (см. след. письмо, № 130). В записке своей Пушкин подтверждает поручение взять мелкие пьесы у Бестужева, высказанное в письме № 127 (см. выше, стр. 121).

130. *Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу* (стр. 122). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 189—190 (отрывок) и в «Библиограф. Записках» 1858 г., № 4, ст. 105—107; подлинник — в б. Румянц. Музее № 1254.

— Единственное издание сочинений К. Н. Батюшкова — «Опыты в стихах и прозе»—было издано в 2-х частях, в 1817 г., Н. И. Гнедичем. Ни Гнедич, ни Жуковский не принимали, кажется, участия в издании «Стихотворений Александра Пушкина», которое было пропущено к печати цензором А. С. Бируковым 8 октября 1825 г., печаталось в Типографии Департамента Народного Просвещения и вышло в свет 30 декабря 1825 г. Эпиграфом к нему Плетнев взял стих Проперция: «Aetas prima canat Veneres, extrema tumultus» (Prop. II 10, 7). В сборник вошло ровно сто стихотворений, из которых 47 были напечатаны здесь впервые.

— Противопоставляя Гнедича и Грибоедова, Пушкин намекал на их не особенно дружелюбные литературные отношения, хотя к этому времени, вероятно, уже и позабытые: в 1816 году Гнедич (однако, без подписи своего имени, но с псевдонимом «Житель Тентелевой деревни») поместил в «Сыне Отечества» (ч. 31, № 27, стр. 3 и след.) статью: «О вольном переводе Бюргеровой баллады Ленора», направленную против «вольного» перевода этой баллады П. А. Катенина, под заглавием «Ольга» напечатанного в том же журнале—ч. 30, № 27, стр. 186 и след. За Катенина и против Гнедича выступил тогда Грибоедов, поместивший в «Сыне Отечества» за тот же 1816 г. (ч. 31, № 30, стр. 150 и след.) статью: «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады: Ленора». Статья Грибоедова, — человека, тогда еще совершенно неизвестного в литературе, вызвала разные суждения: Батюшков, В. Л. Пушкин, кн. Вяземский благодарили Гнедича за его критику; Батюшков советовал не отвечать Грибоедову ни слова, а В. Пушкин, спрашивая, «откуда взялся рыцарь Грибоедов? Кто воздоил сего кандидата Беседы пресловутой?», — просил, на-

№ 130. оборот: «Освободите нас от нелепости.... пишите, браните и наказуйте!»— А. Пушкин позднее, в 1833 г., принял сторону Катенина и Грибоедова: в «Литературных Прибавлениях» к «Русскому Инвалиду» 1833 г. (№ 26), в статье о сочинениях Катенина, он писал: «Первым замечательным произведением г. Катенина был перевод славной Бюргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что и Байрон в своем Манфреде сделал из Фауста: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергичной красоте ее первобытного создания: он написал Ольгу. Но сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым» (Подробности и статью Грибоедова см. в Соч. последнего, под ред. Н. К. Пиксанова, изд. Акад. Наук, т. III, стр. 14—25 и 281—282).

— Виньетки при издании Стихотворений Пушкина дано не было.

— Строфы Жуковского, так нравившиеся Пушкину,—из его 6-строфного стихотворения «Мотылек и цветы. (Стихи, написанные в Альбом Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из pensées и незабудок)», помещенного на последних трех страницах «Северных Цветов на 1825 год».—Мотылек с высоты спустился на цветы, плененный их радужным сиянием:

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья, и душа даны:
«Но вы к земле, цветы, прикованы. —
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

«Не рождены вы для внимания,
Вам не понятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования,
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается
Как вы минутный ветерок:
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник, мотылек».

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка;
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния,
Едва приметны красотой:
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы—цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца—упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег, и позабыл!

Приведенный выше стих «Иною прелестью пленяется» Пушкин и цитирует несколькими строками ниже. № 130.

— Ф. Толстой — граф Федор Петрович Толстой (род. 10 февраля 1783, ум. 13 апреля 1873), уже тогда известный художник-любитель (по образованию и по службе он был моряк, еще в 1804 г. уволенный в отставку с чином лейтенанта), специализировавшийся на медальерном искусстве, которое изучал, между прочим, в Эрмитаже, на образцах классических, коим старался подражать. Служа с 1809 г. в Монетном Департаменте, он в 1825 г. был определен в Академию Художеств для обучения учеников Академии медальерному искусству, в 1828 г. назначен был Вице-Президентом Академии, в 1842 г. получил звание профессора по медальерной части, а в 1849—по скульптуре. Вице-Президентом Академии был до 1859 г., а до 1868 г. — Товарищем Президента. Занимался он и гравированием; большою известностью пользовались его классические рисунки к «Душеньке» Богдановича (1850 г.), а ранее — серия классических же историческо-аллегорических медальонов в память событий Отечественной войны; последние конечно, были хорошо знакомы и Пушкину по очень красивому изданию: «Собрание разных изображений с медалей, представляющих воинские действия, происходившие в 1812, 1813 и 1814 годах», С.-Пб., тип. В. Плавильщикова (4°, 1818 г.); в это издание входило 20 гравированных Н. И. Уткиным картинок вне текста на сюжеты: Народное ополчение, Битва Бородинская, Освобождение Москвы, Бой при Малом Ярославце и т. д.—до Покорения Парижа; во главе было изображение Александра I в виде «Родомысла девятогонадесять века». Это издание работ Толстого, гравированное Николаем Ивановичем Уткиным (резец которого Пушкин упоминает двумя строками далее), и дало поэту повод мечтать об участии обоих художников в издании его Стихотворений. В самом начале 1830 г. Пушкин был на литературном обеде у графа Ф. П. Толстого.

— Стихи, приведенные Пушкиным, — из игривой «сказки» И. И. Дмитриева «Модная жена» (1791):

....Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так, чтобы больна, не так, чтобы здорова,
А так... ни то, ни се... как будто не своя,
Супругу говорит: «Послушай, жизнь моя,
Мне к празднику нужна обнова:
Пожалуй, у мадам Бобри купи тюрбан;
Да слушай, душенька, — мне хочется экран
Для моего камина.
А от нее ведь три шага
До английского магазина;
Да если б там еще... нет, слишком дорога!
А ужасть как мила!» — «Да что, мой свет, такое?»
«Нет, папенька, так, так, пустое...
По чести мне твоих расходов жаль».
— «Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать — мое, а не твое уж дело». —
«Меня... стыжусь... пленила шаль»... и т. д.

— Бируков — цензор, на рассмотрение которого должно было пойти предположенное издание Стихотворений Пушкина: он пропустил рукопись 8 октября 1825 г., отнесшись к ней очень «милостиво».

— Грозное время — до вступления в Министерство Шишкова.

— В издание, как мы уже указали, вошло всего 100 стихотворений.

— «Царь Никита и 40 его дочерей»—известная нецензурная, но очень остроумная «сказка» Пушкина, относящаяся к 1822 году и входящая в Сочинения одним только началом, в котором есть место, чрезвычайно напоминающее только что приведенную выдержку из «Модной жены»

№ 131. Дмитриева: последний несомненно повлиял на Пушкина, когда тот, желая описать главный недостаток дочерей царя Никиты, писал:

Одного не доставало...
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего,
Ничего иль очень мало,
Все равно — не доставало...
Как бы это изъяснить,
Чтобы нам не прогневить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры?
(Как быть? — помоги мне бог...)
У царевен и пр.

— Предостерегая Плетнева от «добрых критик», Пушкин имел в виду предыдущие критические статьи Плетнева, в которых он проявлял основную, присущую ему черту характера — снисходительность, доброту. «Положительные, отрадные явления в литературе всегда больше привлекали его внимание, чем отрицательные, дурные», — говорит про Плетнева Л. Н. Майков по поводу совета Пушкина «не писать добрых критик» на текущие явления словесности. «Но Плетнев был не в состоянии последовать этому совету: он всегда чуждался полемики, не старался навязывать свои мнения другим и не стремился обличать то, что считал ошибочным в чужих суждениях. «Вообще, говорил он, — я или очень горд, или очень хладнокровен; потому что всякое вознаграждение нахожу у себя только в сердце, будучи убежден, что в уме другого нет истины для оценки моих слов и мыслей, которые, являясь отрывчато, никогда не доставят постороннему лицу возможности взвесить мое целое». Поэтому-то еще при жизни Пушкина Плетнев предпочел удалиться с поля литературной борьбы, после того, как в литературе обнаружились новые, мало сочувственные ему течения. Правда, после смерти поэта Плетнев решился продолжать начатый им «Современник», но журнал этот в его руках мало принимал участия в новом литературном движении» (Л. Н. Майков, Памяти П. А. Плетнева — в прилож. № 6 к LXX тому «Зап. имп. Акад. Наук», С-Пб. 1892, стр. 28—29). В тон Пушкину и Бестужев писал по поводу Плетневского критического «Письма к графине С. И. С. о Русских поэтах»: «Мне кажется, что Г. Плетнев не совсем прав, расточая в обозрении полною рукою похвалы всем и уверяя некоторых поэтов, что они не умрут, потому только, что они живы, — но у всякого свой вес слов, у каждого свое мнение» («Полярная Звезда на 1825 г.», стр. 19—20). Ср. статью Вяч. Каминского: «Плетнев как критик и публицист» — «Русск. Стар.» 1906 г., № 11, стр. 245—286.

131. *Л. С. Пушкину* (стр. 123). Впервые напечатано в «Библиогр. Зап.» 1858 г., № 4, стр. 109; подлинник в б. Румянцовском Музее, № 1254.

— «Сухое объявление Пчелы» — появившаяся в № 23 «Северной Пчелы» от 21 февраля, в отделе «Новые книги», неспроста коротенькая и двусмысленная заметка о выходе 1-й главы «Евгения Онегина». Приведя заглавие книжки, Булгарин писал в этой анонимной статейке лишь следующее: «Здесь напечатана только первая глава предлагаемого Автором Романа, заключающая в себе описание жизни Петербургского молодого человека в конце 1819 года; она оканчивается следующими стихами:

Я думал уж о форме плана
. . . .
Кривые толки, шум и брань.

Опасаясь попасть в список *кривотолков* и не надеясь попасть на прямой толк, если станем судить о *целом* по малой его части, отлагаем рассмотрение сего стихотворения до будущего времени. — Книжка сия продается в книжном магазине И. В. Сленина по 5 р., с пересылкою по 6 р.». — Греч и Булгарин в это время работали в полном духовном еди-

нении, почему Пушкин и заметил, что если с ним «сух» издатель «Северной Пчелы» Булгарин, то будет «сух» и издатель «Сына Отечества» Греч. Однако, в последнем журнале отнеслись к «Евгению Онегину» благосклоннее, сделав вывод, «что в нем нет описания, в котором бы не видна была искусная кисть, управляемая живым, резвым воображением; почти нет стиха, который бы не носил отпечатка или игривого остроумия, или очаровательного таланта в красоте выражения» («Сын Отеч.» 1825 г., ч. 100, № 8, стр. 383), а Булгарин в письме к Пушкину от 25 апреля объяснил сухость «Северной Пчелы» к «Онегину» какими-то «обстоятельствами бедных журналистов» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 208). Об отношении Булгаринской газеты к Пушкину при его жизни см. в очерке П. Н. Столпянского: «Пушкин и Северная Пчела» — «Пушкин и его современники», вып. XIX — XX, стр. 117 — 190, и вып. XXIII — XXIV, стр. 127 — 194.

— Какие «отрывки» послал Пушкин брату, сказать трудно, но только не отрывок из «Братьев-Разбойников», как предполагает П. О. Морозов (Соч., ред. Венгерова, т. VI, стр. 541), ибо этот отрывок появился на страницах 359 —367 «Полярной Звезды», разрешенной цензурою 20 марта и вышедшей в свет 21 марта 1825 г., при чем к отрывку была приложена *гравированная картинка*, которая не могла быть изготовлена в несколько дней, прошедших с момента получения рукописи до выхода книжки. Не мог это быть и отрывок из «Цыганов», напечатанный *в начале* «Полярной Звезды» (стр. 24 — 27); вряд ли это были «Подражания Корану», составляющие IX отдельных пьесок: они были посланы Льву Пушкину 15 марта с остальною рукописью «Стихотворений» (Л. Н. Майков, Автографы Пушкина, принадлежащие графу П. И. Капнисту, С.-Пб. 1896, стр. 4). Можно предположить, поэтому, что или «Подражания Корану» были посланы не все IX сразу, а в два приема, или, что кроме «Антологического отрывка» («Подруга милая, я знаю отчего»...), появившегося в *апрельской* (№ 4) книжке «Новостей Литературы» Воейкова (стр. 50), поэт послал еще какие-то отрывки, нам неизвестные. В первой половине апреля Рылеев писал Пушкину, между прочим: «В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны; особенно *отрывки из Алкорана*. Страшный суд ужасен! Стихи

И брат от брата побежит
И сын от матери отпрянет —

превосходны. После прочитаны были твои Цыгане», и т. д. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 205).

132. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 123). Впервые напечатано в статье В. П. Гаевского о Дельвиге в «Современнике» 1854 г., т. XLIII, отд. III, стр. 13, по сообщению брата поэта, бар. А. А. Дельвига, — очевидно по памяти, а поэтому, может быть, и без достаточной текстуальной точности. «Дельвиг вообще писал мало и неохотно», говорит здесь Гаевский: «и перед образцовыми письмами Пушкина его письма, по крайней мере немногие известные нам, весьма бледны. Он писал редко даже к Пушкину и весьма лениво отвечал на его письма. Молчание Дельвига в подобных случаях дало впоследствии повод к слухам о его смерти, когда он уехал на свидание с своим семейством в Витебск, где опасно заболел и долго не давал о себе никакого известия. Пушкин, не получая от него вестей, послал к нему письмо на большом листе, на котором было только написано: «Дельвиг, жив ли ты?» Письмо Дельвига от 20 марта 1825 г. из Витебска, подробно повествующее о постигшей его там горячке (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 194 — 195), и было, должно полагать, ответом на эту лаконическую записку Пушкина. — Свод известий о Дельвиге по поводу столь нетерпеливо ожидавшегося Пушкиным приезда его друга в Михайловское см. выше, стр. 409—410 и 406 — 407.

133. *А. А. Бестужеву* (стр. 123—124). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 126—128, 160—161 (отрывки), в «Отеч. Зап.» 1855 г.,

№ 133. № 6, отд. III, стр. 64—65 (отрывки), в «Русск. Слове» 1861 г., № 2, отд. III, стр. 24—27, и в «Русск. Стар.» 1882 г., т. 33, стр. 458—460 (полностью); подлинник — в Библиотеке Акад. Наук (на бумаге — вод. зн. 1820 г.).

— Настоящее письмо служит ответом на письмо Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 186—188) с пространными рассуждениями о 1-й главе «Онегина» и с сообщением литературных новостей; Бестужев этим письмом, в свою очередь, отвечал на письмо Пушкина, остающееся нам неизвестным. В начале своего письма Пушкин отвечает Рылееву на его письмо от 10 марта (там же, стр. 188—189).

— «Жду сперва Войнаровского»: 10 марта Рылеев писал Пушкину: «Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского. По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан. Делать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просил Пущина и их переслать тебе» (там же, стр. 189). Пущин уведомлял Пушкина о высылке сочинений Рылеева из Москвы 12 марта (там же, стр. 189—190).

— «Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо»,—писал Рылеев Пушкину 10 марта: «Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой — деревья, не всегда выше своего соперника».

— Боульс, Вильям (Bowles; род. 1762, ум. 1850)—английский поэт, автор известных в свое время сонетов и других стихотворений. «В 1821 году Байрон вел полемику с биографом Попа Боульсом по вопросу о том, что̀ предпочтительнее: изображение природы или изображение тленных, искусственных вещей. Байрон держался последнего мнения. Боульс утверждал, например, что корабль заимствует всю свою поэзию от волн, ветра, солнца и пр., а сам по себе ничего не значит; Байрон же, наоборот, говорил, что волны и ветры, сами по себе, без поэзии искусственных предметов, еще не могут составить поэтической картины. Воду можно видеть и в луже, ветер слышать и в трещинах хлева, а солнцем любоваться и в медной посудине, — от этого еще ни вода, ни ветер, ни солнце не сделаются предметами поэтическими. Переходя к возражению Боульса, который утверждал, что описывать деревья достопочтеннее, нежели употреблять свой талант на изображение колоды карт, Байрон говорил, что тут допущено смешение предметов, но что писатель, сумевший сделать поэтический предмет из колоды карт, конечно, выше того, кто вяло описывает деревья, соблюдая, например, только верность внешних их признаков» (Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. VI, стр. 541).

— Мнение, высказанное Пушкиным о Рылееве, нам неизвестно, так как до нас не дошло его письмо к Бестужеву; неизвестны нам и посланные Пушкиным Рылееву замечания на «Войнаровского» в виде отдельной статьи или заметки (см. в письмах № 145 и 148); но и сам Рылеев, и Бестужев считали, что Пушкин ему польстил: «Ты великой льстец: вот все, что могу сказать тебе на твое мнение о моих поэмах. Ты завсегда остаешься моим учителем в языке стихотворном», — писал Рылеев 10 марта. Бестужев тоже писал 9 марта: «Ты великий льстец нащет Рылеева и так же справедлив, сравнивая себя с Баратынским в Элегиях, как говоря, что бросишь писать от первого [т.-е., из-за Рылеева] поэмы. Унижение паче гордости. Я, напротив, скажу, что кроме поэм тебе ничего писать не должно». Немного позднее Пушкин определенно высказался о Рылееве в письмах к нему самому (см. № 145) и к кн. П. А. Вяземскому (см. № 144).

— Критикуя «Онегина» за отсутствие в нем «поэтических форм», Бестужев писал: «Конечно, многие картины прелестны, но они не полны. Ты схватил Петербургской свет, но не проник в него. Прочти Байрона [«Дон-Жуана»]: он, не знавши нашего Петербурга, описал его схоже — там, где касалось глубокого познания людей. У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего... И как зла, и как свежа его Сатира!...» — В своем очередном «Взгляде на Русскую Словесность» («Полярная Звезда на 1825 год», стр. 14) Бестужев писал: «Первая глава стихотворного романа «Онегин», недавно появившаяся, есть заманчивая, одушевленная картина

неодушевленного нашего света. Везде, где говорит чувство, везде, где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества,—стихи загораются поэтическим жаром и звучней текут в душу. Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это щастливое подражание Гёте) кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком. «Блажен, говорит там в негодовании Поэт: № 134.

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!»—

— Катенина Бестужев совсем не коснулся в своем «Взгляде», помещенном в «Полярной Звезде» и посвященном обзору текущих явлений словесности в 1824 и в начале 1825 г. В параллель к словам Пушкина о Катенине любопытно поставить мнения и суждения последнего о поэте: см. их в книге А. А. Чебышева: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911, стр. 8—9 (во вступительной статье) и по указателю.— 9 мая 1825 г. Катенин обратился к Пушкину с письмом, на которое, однако, ответ Пушкина неизвестен (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 210-211).

— Мнение Пушкина об исторических повестях Бестужева см. выше, стр. 50 и 71; в «Полярной Звезде на 1825 г.» была помещена повесть его «Ревельский Турнир» (стр. 35 — 102); отзыв о ней Пушкина см. в письме к Бестужеву № 148, стр. 136—137.

— «Тебе хочется в Ротмистра́!» — Бестужев в это время, в чине штабс-капитана л.-гв. Драгунского полка, состоял адъютантом при главноуправляющем путями сообщения герцоге Александре Виртембергском.

134. *Княгине В. Ф. Вяземской* (стр. 124). Впервые напечатано, по нашему сообщению, в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 197; подлинник (запечатан перстнем-талисманом) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

Перевод: «Дорогая и уважаемая княгиня, ваше письмо растерзало мне сердце. Я не имел понятия о несчастии, которое у вас случилось; не буду пытаться вас утешать, но от глубины души разделяю ваше горе и тревогу. Надеюсь, что в настоящее время князь и дети выздоравливают. — Так как Онегин может его развлечь, я сейчас же примусь за его переписку и пошлю ему этот список. Напишу также брату, чтобы он послал то, что у него может оказаться из моих стихов. Прошу только князя хранить все это про себя и решительно ничего не читать никому.— П<ущин> напрасно рассказал вам о моих беспокойствах и о моих предположениях, которые оказались ошибочными. У меня нет никаких сношений с О<дессою>. Мне совершенно ничего неизвестно, что́ там происходит. — Дорогая княгиня, будьте спокойны, если это возможно. Сообщите мне о вашей семье и считайте меня всегда в числе тех, которые вам наиболее преданы».

— Письмо кн. Вяземской, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось. Несчастие, случившееся у П. А. и В. Ф. Вяземских — смерть их сына Николеньки (род. 30 апреля 1818 г.), умершего 9 января 1825 года. «Мы теперь грустны от горести наших Вяземских»,—писал Карамзин И. И. Дмитриеву 21 января 1825 г.: «которые погребли своего Николеньку. Вместо нас плакал с ними любезный [А. И.] Тургенев» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 389); а самим Вяземским он писал 16 января: «Любезнейшие друзья! От глубины сердца разделяем вашу горесть. По всему слышанному нами мы ждали этого несчастия: тем не менее оно тронуло наше сердце, исполненное любви не только к вам, но и к милым вашим детям. Мы сравнялись с вами потерями, также оплакав трех: жестокий платеж за наслаждения родительские....» («Стар. и Нов.», кн. I, стр. 161). Вскоре после того, — в конце февраля, — смертельно-тяжело заболел сам князь П. А. Вяземский, — и друзья уже отчаивались в его выздоровлении; однако, к первым числам марта опасность уже миновала, — и 3 марта Тургенев отправил своему другу радостное по этому поводу письмо

 *

№ 135. («Остаф. Арх.», т. III, стр. 102.); 11 марта он писал ему же: «Мы счастливы твоим выздоровлением и еще не нарадуемся каждым о тебе добрым известием. И здесь, как у вас в доброй Москве, участие было сердечное и общее» (там же, стр. 103). Карамзин 6 марта писал Вяземскому: «Сердечно благодарим бога, что вы исцеляетесь от жестокой болезни. Всего более вам нужен теперь покой.... Не думайте ни о чем, кроме приятного.... Берегите и лелейте себя, играйте цветами. Нежно, нежно вас обнимаем.. Целую руку у милой княгини. Дай бог, чтобы ее здоровье не потерпело от таких тревог» («Стар. и Нов.», т. I, стр. 164). Летом кн. Вяземский поехал для поправления здоровья в Ревель.

— Поручение брату переслать Вяземскому новые сочинения свои Пушкин сделал в письме от 27 марта (см. № 135, стр. 125), а Вяземскому писал об этом в середине апреля (№ 140) и в конце того же месяца, посылая через Дельвига 2-ю главу Онегина (№ 142) с запискою к брату в конце рукописи (№ 143). Вяземский, получив настоящее письмо Пушкина, торжествующе писал А. И. Тургеневу 29 марта [а не апреля, как напечатано в «Остаф. Арх.», т. III, стр. 119]: «Александр Пушкин пишет мне, что он велел Льву-брату выслать стихи ко мне; благоволи непременно напомнить ему о том и сказать, что жду — не дождусь».

— П., про которого Пушкин пишет, что он напрасно рассказал о его беспокойствах и предположениях кн. В. Ф. Вяземской, — несомненно Иван Иванович Пущин, недавно перед тем бывший у Пушкина в Михайловском, а затем видавшийся в Москве с кн. Вяземской по поручению Пушкина — для отдачи ей, между прочим, его долга (см. выше, в письмах № 120, 121 и стр. 396, а также письма Пущина к Пушкину из Москвы от 18 февраля, 12 марта и 2 апреля 1825 г. — Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 180, 189 — 190 и 200).

— О. — Одесса, где у Пушкина осталось много отношений,—между прочим, с гр. Е. К. Воронцовой. Два с половиной месяца спустя, 12 июня 1825 г. А. Я. Булгаков в письме к брату сообщил «для сведения» следующие любопытные данные по поводу этих отношений: «Воронцов просил меня доставить письмо от графини [Воронцовой] к Вяземской; я это исполнил, и княгиня, которая всегда выболтает, удивлялась церемонному тону письма графини: «Elle, qui m'écrivait toujours «ma chère princesse», me dit maintenant «madame la princesse», je ne conçois rien à celà, — il y a quelque commérage là - dessus. Vous ne savez rien? — «Rien». А очень знаю, что Воронцов желал, чтобы сношения с Вяземскою прекратились у графини: он очень сердит на них обеих, особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна - поэта, да и поделом: la Woronzoff a voulu favoriser sa fuite d'Odessa, lui a cherché de l'argent, une embarcation. Cela a - t - il du sens commun? В последнее время Вяземский посылает спросить, когда может графа застать; но этот отвечал, что его не будет целое утро дома. L'autre a compris et n'a plus fait de démarches; а жена, видно, понимать не хочет, что она—куролесница» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 187). Итак, по слухам, Воронцова готова была содействовать бегству Пушкина из Одессы за границу.

135. *Л. С. Пушкину* (стр. 125—126). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, ст. 191 и 245 (отрывки) и в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, ст. 107 — 109 (полностью); подлинник в б. Румянцовском Музее № 1254.

— «Бабушкин Кот»—действующее лицо в повести Антония Погорельского (псевдоним Алексея Алексеевича Перовского; род. 1787 г., ум. 1836 г.) «Лафертовская маковница», появившейся в «Новостях Литературы» 1825 г., кн. XI, и включенной впоследствии автором, как один из рассказов, в серию «Двойник, или Мои вечера в Малороссии». Вкратце содержание рассказа таково: Старуха, живущая в Москве, в Лафертовской (Лефортовской) части, и промышляющая торговлею сладкими маковниками, на самом деле — колдунья; перед своею смертью она передает своей внучке ключ от накопленных сокровищ и завещает ей выйти замуж за того, кого она ей назначит. Вскоре после смерти колдуньи-маковницы к отцу

девушки — Онуфричу является свататься некий титулярный советник Аристарх (а не Трифон, как написал Пушкин) Фалелеич Мурлыкин, в котором Маша, к своему ужасу, узнает бабушкиного черного кота, участника в ее колдовстве. Однако все кончается благополучно, — и Маша выходит за возлюбленного своего. Отмеченное Пушкиным место повести, описывающее мягкие приемы Мурлыкина, находится в сцене его сватовства: «... При сих словах Аристарх Фалелеич встал, плавно выступая, приблизился к ней и хотел поцеловать у нее руку ..... Аристарх Фалелеич тихо что-то ворчал себе под нос. Онуфрич и Ивановна были в крайнем замешательстве; но Мурлыкин подошел к ним, все так же улыбаясь. «Это ничего, сударь», — сказал он сильно картавя, — ничего, сударыня, прошу не прогневаться! Завтра я опять приду, завтра дорогая невеста лучше меня примет». После того он несколько раз им поклонился, с приятностью выгибая круглую свою спину, и вышел вон». — Впоследстви Погорельский-Перовский (с июня 1825 г. по 20 марта 1830 г. бывший Попечителем Харьковского Учебного Округа) примкнул к кружку Дельвига—Пушкина и «Литературной Газеты», в которой и было напечатано начало его известной талантливой повести «Монастырка». Одного из героев рассказа «Лафертовская маковница» — Онуфрича, отца девушки, старого отставного почтальона, Пушкин впоследствии вспомнил в своей повести «Гробовщик». — Перовский со своим котом, маковницей и другими героями своих повестей попал в «Дом сумасшедших» Воейкова: № 135.

Вот на яицах «наседкой»
  Сидя, клохчет сумасброд,
В самом Желтом Доме редкой!
  Перед ним кружится «кот»,
«Кукла» странно водит глазки,
  «Обезьяна» скалит рот . . .
Он им сказывает сказки
  И медовый мак жует . . .

— О пересылке Вяземскому новых сочинений Пушкина см. в предыдущем письме и на предыдущей странице.

— «Получил ли ты мои стихотворенья?» — т.-е., рукопись для издания стихотворений, посланную 15 марта (см выше, письма № 129 и 130).

— Предисловие к изданию Стихотворений (которые вышли только в последний день 1825 г.) было составлено от имени издателей в следующих выражениях: «Собранные здесь стихотворения не составляют полного издания всех сочинений А. С. Пушкина. Его поэмы помещены будут со временем в особенной книжке. Мы теперь предлагаем только то, что̀ не могло войти в собрание собственно называемых поэм. — В короткое время автор наш успел соединить голоса читателей в пользу своих поэтических дарований. Мы считаем себя в праве ожидать особенного внимания и снисхождения публики к нынешнему изданию его стихотворений. Любопытно, даже поучительно будет для занимающихся словесностью, сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором Руслана и Людмилы и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни. Многие из сих стихотворений напечатаны были прежде в периодических изданиях. Иные, может быть, нами и пропущены. При всем том, это первое в некотором порядке собрание небольших стихотворений такого автора, которого все читают с удовольствием. Как издатели, мы перед ним и перед публикой извиняемся особенно в том, что по недосмотрению корректора, остались в нашей книжке значительные типографские ошибки. Для предварительной поправки выписываем замеченные нами.» [Затем напечатаны 4 поправки].

— Вяз. и В. — кн. П. А. Вяземский.

— Сестра — Ольга Сергеевна Пушкина, жившая с родителями.

— «Телеграф» — журнал Полевого «Московский Телеграф». О желании «поддержать» его Пушкин вскоре писал и Вяземскому (см. письмо № 140).

№ 135. «Растолкуй Полевому следующее», — писал Лев Пушкин С. А. Соболевскому: «Я не могу и даже мне не выгодно его предложение нащет пьес брата. Сделавши с ним предлагаемое им условие, я обязываюсь ему ежемесячно доставлять пьесы брата; не всегда пьесы под рукой; к тому я, продавая их другим журналистам, получаю 10 и более рублей за стих; вся годовая сумма Полевова равняется с платой, которую предлагает мне Аладьин за одну пьесу брата. Вот мои невыгоды; невыгоды же Полевова в том, что он будет платить за стихи, которые теперь, хотя не регулярно и не ежемесячно, но будет получать даром. *Брат решился сколько можно поддерживать Телеграф.* Наконец, решительный мой отказ, на который нет возражений, имеет причиною то, что у брата мелких пьес мало, а у меня в моем распоряжении их вовсе нет» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 397).

— «Телеграф» в 1-м же номере заявил себя горячим почитателем Пушкина; вот что̀ читаем мы в статье «Обозрение Русской Литературы в 1824 году»: «Поэт, любимец нашей публики, А. С. Пушкин, о котором в сравнении с Жуковским можно повторить старинную пословицу: *он не второй, а другой*, получил новое право на славу изданием *Бахчисарайского Фонтана*. Это жемчужина новой поэзии. Вымысел, расположение, стихи,— все более и более открывает бессомненный, великий талант сочинителя Руслана и Людмилы и Кавказского Пленника. Сильное действие поэзии Пушкина на современников доказывает, что истинное дарование и очаровательно, и недостижимо для других, неравных силами. Кто не подражает у нас Пушкину и кто сравнялся с ним из подражателей, хотя большая часть новых стихотворений отделывается явно по образцам Пушкина»; в двух примечаниях под строкою было сообщено о неудачном, вышедшем в 1824 г. немецком переводе «Кавказского Пленника» (Вульферта Ольдекопа) и высказано, что «едва ли кто из Русских поэтов был так обласкан нашими книгопродавцами, как А. С. Пушкин, а они знают, что̀ идет скорее с рук. Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его Черную Шаль. А. Н. Верстовский с большим искусством сделал на сию песню музыку, и доныне жители Москвы не наслушаются очаровательных звуков, вполне выражающих силу стихов Пушкина» (стр. 85 — 86). В № 5 (мартовском) «Московского Телеграфа» была помещена анонимная восторженная рецензия на 1-ю главу «Евгения Онегина», начинавшаяся словами: «Свободная, пламенная Муза, вдохновительница Пушкина, приводит в отчаяние диктаторов нашего Парнаса и оседлых Критиков нашей Словесности! Бедные! Только что успеют они уверить своих клиентов, что в силу такого или такого параграфа Пиитики, изданной в таком-то году, Поэма Пушкина не Поэма, и что можно доказать это по всем правилам полемики,—новыми рукоплесканиями заглушается охриплый шопот их, и всеобщий восторг заботит их снова приискивать доказательств на истертых листочках реченной Пиитики» и т. д. (ч. II, № 5, стр. 43—51).

— Ж.—В. А. Жуковский. Он стал печататься в «Московском Телеграфе» лишь с 1827 года («Лалла Рук», «К***» [В. А. Перовскому], «К портрету Гёте», «Воспоминание» и «Обеты»), хотя и собирался в начале 1825 г. послать Полевому свои стихотворения («Остафьевский Архив», т. III, стр. 98). В только-что указанной выше статье «Московского Телеграфа» о Русской Литературе в 1824 г. Жуковский был назван «конечно, — первым из нынешних Русских поэтов», и его деятельность вызвала высокую оценку критика (стр. 84— 85).

— О приезде Дельвига к Пушкину см. ниже, в письме № 142.

— Воейков — Александр Федорович, муж племянницы Жуковского и его «Светланы», издатель «Русского Инвалида» и приложения к нему «Новости Литературы»; в последнем журнале, в апрельской книжке (кн. XII, № 4, апрель, стр. 50) был напечатан «Антологический отрывок» Пушкина («Подруга милая! я знаю, отчего...»). Слова Пушкина намекают на известную манеру Воейкова перепечатывать в своих изданиях, не спрашивая авторов, их произведения; это он проделывал и с Пушкиным, и выраже-

ния: «воейковствовать», «воейковщина» означали бессовестное отношение к чужой литературной собственности.

— Стихи К. Голиц.-Суворовой — известная пьеса 1823 года, Одесского периода, обращенная к княгине Марье Аркадьевне Голицыной, рожд. княжне Суворовой-Рымникской (род. 1802, ум. 1870 г.): «Давно о ней воспоминанье»... Незадолго до этого письма к брату Пушкин прочел в «Северных Цветах на 1825 г.» (стр. 329 — 331) стихи Ив. Ив. Козлова: «К кн. М. А. Г., урожденной К. С.», — и под этими инициалами без труда узнал свою старинную знакомку. — Пьеса «Давно о ней воспоминанье»... вошла в издание Стихотворений 1826 г.; оригинал ее, в альбоме Голицыной, — ныне в Пушкинском Доме.

— «К Овидию», «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной») и «Земля и Море» также вошли в издание 1826 г. (стр. 39—43, 81—82 и 133), — первые две — в отделе «Разных стихотворений», а последнее — в отделе «Подражаний древним».

— R. S. V. P. — буквы, ставящиеся в конце страницы и означающие: «Переверните пожалуйста лист» (Retournez s'il vous plait).

— Рассказ о Державине из Записок Пушкина до нас не дошел, так как поэт после 14 декабря 1825 г. уничтожил Записки свои. Но сохранился другой, позднейший рассказ его (1833 г.) о Державине на Лицейском экзамене в январе 1815 г., когда Пушкин декламировал перед старцем-поэтом свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе»; этот момент изображен на известной картине И. Е. Репина (1911 г.), находящейся ныне в Пушкинском Доме; сам Пушкин дважды вспоминал его: в Послании к Жуковскому (1817 г.) и в «Евгении Онегине» (начало главы 8-й).

— «Птичка» Пушкина—стихотворение «В чужбине свято наблюдаю»... Известно также было стихотворение Ф. А. Туманского с тем же заглавием (нач.: «Вчера я растворил темницу»...).

— Четверостишие «Дружба» впервые было напечатано только в 1826 году — в альманахе М. П. Погодина «Урания. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности», М. 1826 г., стр. 268.

136. *Анне Н. Вульф* (стр. 126). Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в газ. «День» от 29 января 1917 г., № 27; подлинник у него же.

Перевод: «Вот еще письмо для моего брата. Умоляю вас взять его под свое покровительство. Сделайте милость, пришлите перья, которые вы великодушно очинили для меня, а я — имел дерзость забыть! Не сердитесь на меня за это».

Записка писана из Михайловского в Тригорское и относится, по всей вероятности, к весне 1825 г., когда у Пушкина была оживленная переписка с братом, и до появления в Тригорском Анны Петровны Керн, приезд которой прекратил игривое ухаживание Пушкина за Тригорскими барышнями Вульф, до тех пор очень деятельное (см., напр., в письмах № 127, 139 и др.).

137. *Л. С. Пушкину* (стр. 126—127). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 111, 239, 240 (отрывки), в «Отечеств. Зап.» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 67—68 (в статье В. П. Гаевского) и в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, ст. 100—102; подлинник (на бум. — вод. зн. 1824) в б. Румянцовском Музее № 1254.

— Об эпиграмме на редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского и о полемике (или «процессе», как говорит Пушкин) Михаила Александровича Дмитриева (которого, в отличие от «настоящего» — поэта Ивана Ивановича Дмитриева, — шутя называли «Лже-Дмитриевым») с кн. П. А. Вяземским по поводу «Разговора» его, помещенного вместо предисловия в отдельном издании «Бахчисарайского Фонтана», — см. выше, в письмах №№ 80 и 127 и в объяснениях, стр. 310—320 и 410.

— «Слепой поэт» — Иван Иванович Козлов, о котором см. выше, в письмах № 111 и в объяснениях, стр. 377. Его повесть — только что изданный «Чернец. Киевская повесть», экземпляр которого с собственно-

№ 137. ручною (несмотря на слепоту) подписью он прислал тогда Пушкину. Последний знал, что Козлов чрезвычайно высоко ставит его и его талант: еще 22 января 1825 г. Плетнев писал поэту: «Он твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами»... (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 167). — 15 мая Пушкин написал Козлову, в виде ответа, благодарственное послание («Певец, когда перед тобой во мгле сокрылся мир земной».....), за которое Козлов, в свою очередь, благодарил поэта письмом от 31 мая: «Я не в силах выразить вам», писал он: «то чрезвычайное удовольствие, которое доставили мне ваши очаровательные стихи; это было поистине прекрасное мгновение в моей жизни, и я благодарю вас за него. Первая половина 7-го стиха оправдывается не тем маленьким дарованием, какое, может быть, у меня есть, но моим преклонением перед вашим талантом и тою искреннею привязанностью, которую я к вам питаю. Еще раз — спасибо, большое спасибо: стихи ваши дошли прямо до моего сердца!» Письмо это писано было под диктовку Козлова и по-французски, но в конце его он сам приписал собственноручно: « Je vous embrasse de tout mon coeur et suis à jamais tout à vous Jean de Kasloff». [«Обнимаю вас от всего сердца и есмь навсегда весь ваш Иван Козлов»]. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 220—221). Ср. ниже, в письме к князю П. А. Вяземскому от 25 мая 1825 г. (№ 144), отзыв Пушкина о «Чернеце»; см. также статью Н. М. Данилова: И. И. Козлов (из «Изв. Отдел. Русского языка и словесн.», т. XIX, кн. 2), Пгр. 1914, стр. 23—24.

— Понравившийся Пушкину стих — в словах Чернеца (строфа XI), когда он рассказывает старцу-монаху о внезапной встрече с убийцей своей жены и сына:

Отец, то встреча роковая!
Я шел, весь мир позабывая,
Не думал я его искать,
Я не хотел ему отмщать;
Но он, виновник разлученья,
Он там, где милые в гробах,
Когда еще в моих очах
Дрожали слезы исступленья...
То знает совесть, видит бог, —
Хотел простить, простить не мог.
Я изменил святой надежде,
. . . .
Увы, со мною был кинжал, —
И он в крови с коня упал...

— Послание — большое стихотворение Козлова «К другу В. А. Жуковскому. (По возвращении его из путешествия)», автобиографического содержания; оно было напечатано после самой поэмы, рядом с посвящением ее жене поэта. Кн. Вяземский в рецензии своей на «Чернеца» писал, что послание к Жуковскому — «сердечная исповедь поэта в чувствах, страданиях и утешениях его. Жаль, прибавлял он: что она следует за поэмою, а не напечатана в начале, чтобы тотчас познакомить читателя с поэтом; конечно, не ему нужно задобривать заранее читателя своего, но не менее того, прочтя сие сердечное излияние, будешь впредь с большим вниманием, с живейшим участием читать произведение поэта, который и как человек столь нравственно привлекателен» («Московский Телеграф» 1825 г., ч. II, № 8, апрель, стр. 320). В этом послании Козлов, между прочим, подробно говорит о том, что̀ переживал он, постепенно теряя зрение. Подробности см. в статье Н. М. Данилова: Материалы для полного собрания сочинений И. И. Козлова, Пгр. 1915, стр. 12—28 (отт. из «Изв. Отдел. Русского языка и словесн.»).

— Письмо к Гнедичу, — вероятно, от 23 февраля (№ 124); письмо к брату — может быть № 125, письмо же к Плетневу неизвестно.

— «Конечно, бедный болен Иль Войнаровским недоволен» — пародия № 137. начальных стихов аполога И. И. Дмитриева «Воробей и Зяблица»:

— «Умолк Соловушка! конечно, бедный, болен
«Или подругой недоволен,
«А может и несчастлив с ней?
«Мне жалок он! — сказал печально Воробей.
«Он жалок?» Зяблица к словам его пристала:
«Как мало в сердце ты читал!
«Я лучше отгадала:
«Любил он, так и пел; стал счастлив — замолчал».

— «Войнаровский» — недавно перед тем вышедшая в свет поэма Рылеева (см. выше, стр. 418), полученная Пушкиным из Москвы, от Пущина, 7 апреля при письме от 12 марта (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 190); в письме от 2 апреля Пущин благодарил Пушкина за письмо (оно до нас не сохранилось); см. в следующем письме № 138.

— Genlis — известная французская писательница графиня Жанлис (род. 1746, ум. 1830), воспитательница детей герцога Орлеанского, автор огромного количества «нравственных» и нравоучительных сочинений для детей, юношества и, особенно, для девиц, а также книг по вопросам практической педагогики, имевших широкий круг читателей и пользовавшихся большим авторитетом.

Жан-Жака ли читаешь?
Жанлис ли пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой? —

спрашивал Пушкин сестру свою в послании к ней 1814 года; позже (1833 — 1834 г.г.) он поставил Жанлис в ряду других представителей «обмельчавшей» французской словесности, «бездарных писак, грибов, выросших у корней дубов» и «овладевших русскою словесностью». Под «последнею» Жанлис Пушкин разумел, вероятно, первые томы ее сочинения: «Mémoires inédits sur le XVIII-e siècle et sur la Révolution française, depuis 1756 jusqu'à nos jours» (Paris. 1825, 10 томов: «Записки о XVIII веке и о Французской революции»); это любопытное сочинение появлением своим вызвало скандал, так-как, по мнению современников, автор уподобился в нем скверным монахиням, которые исповедывают грехи всех, но только не свои собственные. О выходе в свет этих Записок Пушкин мог узнать из № 7 (апрельского) «Московского Телеграфа», в котором было помещено о них сообщение (стр. 123 — 124). Любопытную и живую статью кн. Вяземского о Жанлис и об ее Записках, по поводу V и VI их томов, — см. в Сочинениях его, т. I, стр. 206 — 215. — В 1825 году начало выходить и собрание сочинений Жанлис, рассчитанное приблизительно на 140 томов («Oeuvres de Md. de Genlis», 2 édition, Paris. 1825 г., 12°); об этом издании было сообщено в 9 (майской) книжке «Московского Телеграфа» за 1825 г. (ч. III, стр. 69 — 70).

— Альфонс Ламартин (род. 1790, ум. 1869), тогда еще молодой, но уже известный французский поэт; он написал «Le Dernier Chant du Pélérinage d'Harold» — неудачную попытку дать окончание знаменитой поэмы Байрона, в виде ее V песни. Пушкин угадал, что поэма Ламартина была «чепуха». И. И. Козлов 31 мая также писал ему: «Если-же вам угодно французского пустословия в другом роде, то прочтите новую поэму Ламартина о *Гарольде*, не взирая на некоторые красивые стихи, — это та «махровая галиматья», о которой говорит Бомарше» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 221). — В анонимной заметке «Московского Телеграфа» о еще не вышедшей в свет, но ожидавшейся поэме Ламартина читаем следующие строки, принадлежащие, повидимому, кн. П. А. Вяземскому: «Французский Поэт... вместил в известную уже раму последние явления, ознаменовавшие кончину Английского Барда. Мысль прекрасная и богатая во всех отношениях. Заметим здесь любопытное обстоятельство. Тотчас после смерти

№ 137. Байрона и следовательно за-долго до помянутой поэмы, некто из Русских Литтераторов [сам кн. П. А. Вяземский], ненадежный на свои силы, убеждая Певца *Кавказского Пленника* воспеть сие горестное событие, предлагал ему точно ту же мысль, которая служит основою Поэме Ламартина. Не имеем теперь пред глазами ни письма, в котором Русский Литтератор развивает свое предложение, ни Французского стихотворения, и потому не можем знать, сходны-ли оба плана во всех частях исполнения; но довольно и того, что они сходятся в господствующей мысли. Жаль, что не нашей Поэзии пришлось в этом случае пользоваться правом старшинства!» «Московский Телеграф» 1825, ч. III, № 9, май, стр. 66—67). Выше (объяснения, стр. 333—334) мы видели, как Вяземский через жену свою (а вероятно и непосредственно) убеждал Пушкина вдохновиться смертью Байрона; сам Вяземский намеревался воспеть смерть Байрона, написав «5-ю песнь его Героя» (см. выше, стр. 85 и 334)—Отзыв «Телеграфа» о вышедшей уже поэме Ламартина см. в ч. IV, № 13, стр. 65—67.

— «Талия» — театральный альманах Булгарина (см. выше, стр. 301, 363, 377 и 408), присланный им Пушкину при записке «на обертке» книги; см. письмо Булгарина к Пушкину от 25 апреля (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 208). В альманахе были помещены гравированные портреты кн. А. А. Шаховского, Е. С. Семеновой, В. А. Каратыгина, А. И. Истоминой и Е. А. Телешовой, при чем в объяснении к портрету Истоминой были приведены,—со ссылкой на «Литературные Листки» 1824 г., № IV, стр. 149,—известные стихи о ней Пушкина из 1-й главы «Онегина» («Русская Талия», стр. VIII).

— «Ворожея, или танцы духов» — комедия - водевиль известного драматурга кн. Александра Александровича Шаховского; 1-е и 3-е явления из нее были помещены в «Русской Талии»; Пушкину они показались «du bon comique» — т.-е. «в хорошем комическом роде». В той же книжке были помещены: «Керим-Гирей, или Бахчисарайский Фонтан. Романическая трилогия в 3 действиях, взятая из Поэмы А. С. Пушкина» (стр. 116—148), с сохранением многих стихов «слово в слово» из Поэмы, и «Из волшебной Трилогии: Финн, взятой из эпизода Поэмы А Пушкина: «Руслан и Людмила» (стр. 211—241)—обе также сочинения кн. А. А. Шаховского.

— Хмельницкий — Николай Иванович (род. 1789, ум. 1845), переводчик Мольера, автор большого количества заимствованных из Французского репертуара комедий и водевилей, пользовавшихся шумным и постоянным успехом благодаря остроумию завязки, живости действия и хорошим стихам (см. выше, стр. 49, в письмах № 42 и 56 и в объяснениях, стр. 270). В «Русской Талии» были помещены отрывки (действие III, явл. 1, 2, 3, 5 и 6) из его перевода комедии Мольера «Школа Женщин» (стр. 73—91), явл. 1 и 2, из комедии его «Нерешительный, или семь пятниц на неделе» (стр. 202—210) и отрывок «Из Водевиля: «Суженого конем не объедешь, или Нет худа без добра» (стр. 419—422). В «Онегине» Пушкин о Хмельницком, однако, не упомянул.

— В. — вероятно; Вяземский.

— Дельвиг приехал в Михайловское около 18—20 апреля, Боратынский же к Пушкину не приезжал, равно как и Кюхельбекер, которого Пушкин здесь вторично называет именем известного французского революционера (см. выше, в письме № 70, и в объяснениях, стр. 296).

— Выражение «Резвоскачущая кровь» — из недавно перед тем напечатанного в журнале «Московский Телеграф» (1825 г., № 2, стр. 118—119) послания Кюхельбекера к А. С. Грибоедову; это стихотворение, написанное в Тифлисе в 1821 году, Пушкин знал еще в 1822 г. — см. выше, в письме № 41, стр. 36 и 251):

Но ты, ты возлетел над песнями толпы!
Певец! Тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье светлое и тихая любовь
Высокого искусства
И резвоскачущая кровь!

Этим курьезным эпитетом Пушкин вскоре воспользовался, в виде глагола, в начале своего стихотворения-пародии: «Ода Его Сиятельству Графу Дмитрию Ивановичу Хвостову»: № 138.

Сутан ярится. Кровь Эллады
И резвоскачет, и кипит;
Открылись грекам древни клады,
Трепещет в Стиксе лютый Пит . . .,

при чем сделал к выражению «резвоскачет» примечание: «Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову».—5 апреля 1825 г. Кюхельбекер в свою очередь писал (кн. В. Ф. Одоевскому) о Пушкине: «Господина Онегина (иначе же нельзя его назвать) читал: есть места живые, блистательные: но неужели это поэзия? Разговор с книгопродавцем в моих глазах не в пример выше всего остального» («Русск. Стар.» 1904 г., № 2, стр. 380).

— Об аневризме Пушкина см. ниже, в письмах № 146, 147, 152 и друг.

— Ж. — Жуковский, вскоре принявший деятельное участие в вопросе о болезни Пушкина (см. в письмах № 146, 147 и др.). Его письмо, в котором, по словам Пушкина, выразилась его «небесная душа», до нас, к сожалению, не сохранилось.

— «Царское Село» — стихотворение Пушкина (1814 г.): «Воспоминания в Царском Селе» (см. в письме № 135); оно в издание «Стихотворений» Пушкина 1826 г. включено не было.

— О «ноте» о Державине см. выше, стр. 423.

— «Братья-Разбойники» были помещены в «Полярной Звезде на 1825 г.». а отдельным изданием появились лишь в 1827 году.

— Нап<олеон>—стихотворение 1821 г. «Наполеон»; оно было включено в издание 1826 г., но, действительно, с пропуском строф 4-й, 5-й, 6-й и 8-й и с заменою точками 3-го стиха в строфе 10-й.

138. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 127). Впервые напечатано в «Русск. Архиве» 1874 г., кн. I, ст. 144; подлинник (на бум. без водяных знаков) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— 7(19) апреля 1825 г. исполнился год со дня смерти лорда Джорджа (Георгия) Байрона (см. выше, стр. 333, 336). Памяти поэта «Московский Телеграф» посвятил две статьи в 1-м же своем номере: «Смерть лорда Байрона» и «Характер лорда Байрона», при чем к последней было сделано, — вероятно, кн. Вяземским, — следующее «Прибавление»: «Великий Байрон, необыкновенное явление в нравственном мире нашего времени, не должен быть судим, как человек обыкновенный: в нем все превышало посредственность ума и чувств, столь обыкновенную в нашем веке. Никто из поэтов, принесших дар памяти Байрона, не изобразил его так правдиво и сильно, как наш Пушкин (в стихах: «Прощание с морем», которые будут напечатаны в 4-й части «Мнемозины»), говоря:

Реви, волнуйся непогодой!
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим...»

Ранее, в 12-й книжке «Новостей Литературы» за 1824 г., было напечатано стихотворение И. И. Козлова: «Байрон», с посвящением «А. С. Пушкину»:

Среди Альбиона туманных холмов,
В долине, тиши обреченной,
В наследственном замке, под тенью дубов.
Пѐвец возрастал вдохновенной и т. д.

№ 139. — Мой поп — священник села Воронича (рядом с Тригорским, по направлению от него к Михайловскому) — Ларион Раевский, по прозвищу «Шкода»; см. в следующем письме № 139; его дочь Акулина, знавшая Пушкина, умерла 105 лет от роду в июне 1924 г. («Известия ЦИК.» от 25 июня 1924 г.)

— Пушкин переписывал 2-ю главу «Онегина», чтобы порадовать ею выздоравливавшего Вяземского (см. выше, в письмах № 134, 135 и ниже, № 140, 142, 143).

— О поручении Рылеева переслать Пушкину новые издания его «Войнаровского» (М., в тип. Селивановского, 1825) и «Дум» (М., в тип. Селивановского, 1825) Пущин писал Пушкину из Москвы 12 марта. В этом же письме он сообщал своему другу: «Хлопотавши здесь по несносному изданию [Рылеева] с Селивановским, я между прочим узнал его желание сделать второе издание твоих трех поэм, за которые он готов дать тебе 12 тысяч. Подумай и употреби меня, если надо, посредником между вами. Впрочем, советовал бы также поговорить об этом с петербургскими книгопродавцами, где гораздо лучше издаются книги» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 190). В деле издания «Дум» и «Войнаровского» в Москве принимал участие П. А. Муханов (декабрист — см. выше, стр. 403—404), — стараниями коего эти книги и прошли благополучно через цензуру — а затем — кн. Е. П. Оболенский (декабрист). См. в статье А. А. Сиверса о П. А. Муханове в сборнике Академии Наук «Памяти декабристов», вып. I, Лгр. 1926, стр. 159.

— «Бахчисарайский Фонтан» не был «перепечатан», как дошло до Пушкина: тогда готовилось издание лишь французского перевода поэмы, без русского текста; оно вышло в Париже в 1826 г., исполненное магазином Dondey-Dupré, под следующим заглавием: «La Fontaine des Pleurs, poéme de M. Alexandre Pouschkin, traduit librement du russe par J. M. Chopin. Orné de trois Figures Lithographiées... Avec planche des notes: «Chant tartare». Musique de Madame Chopin», Paris. 1826.

139. *Л. С. Пушкину* (стр. 128). Впервые напечатано в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, стр. 109—110; подлинник — в б. Румянцовском Музее № 1254.

— Пушкин ошибся, поставив на письме 17 апреля — вместо 7 апреля (ср. в предыдущем письме), так-как в конце сам пишет: «сегодня» день смерти Байрона.

— А. Н. — Анна Николаевна Вульф, бывшая в переписке со Львом Пушкиным; поэт делал вид, что ревнует ее к своему младшему брату.

— «Полярная Звезда на 1825 год» вышла в свет и поступила в продажу 21 марта («Сев. Пчела» 1825 г., № 35; ср. Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 24).

— О «Фонтане» и о Селивановском — см. в предыдущем письме.

— О деле Ольдекопа и об участии в нем С. Л. Пушкина см. выше, стр. 386—387.

— Отрывок из письма Е. А. Боратынского — вероятно к Л. С. Пушкину — нам неизвестен, как и вообще вся переписка брата поэта.

— Французская фраза означает: «Тебе позволяют писать письма, но надписанные нашей сестрой (пойми)»; речь идет о переписке Анны Николаевны Вульф со Львом Пушкиным через сестру последнего Ольгу Сергеевну. «Так то и я пишу к Анне Ивановне В[ульф — см. выше в письме № 127 и стр. 411—412] под именем Евпраксии [Вульф]». «Что за слабости! Цалуй Ольгу».

— «Variantes» и т. д. — «варианты в честь M-lle N.N.». —

— «Honny soit etc.» значит: «Да будет стыдно тому, кто подумает об этом дурно».

— Об обедне, которую Пушкин и Анна Николаевна Вульф заказали в церквах Тригорского и соседнего с ним села Воронича за упокой души Байрона, — см. в предыдущем письме.

— «La messe» и т. д. значит: «Обедню Фридриха II за упокой души г. Вольтера». Король Прусский Фридрих II, сперва восторженный почитатель Вольтера, которого он даже склонил переселиться в Берлин, вскоре изменил к нему отношение и даже подверг преследованиям, — после чего

Вольтер до конца жизни остался непримиримым врагом своего прежнего поклонника и покровителя. См. в статье Пушкина «Вольтер» («Современник» 1836 г., кн. III). № 140.

— Вяз — у — князю П. А. Вяземскому.

— Отец Шкода — прозвище священника села Воронича, которому поручен был надзор за духовною жизнью Пушкина (см. выше, стр. 428).

Перевод приписки А. Н. Вульф к Л. С. Пушкину: «Что за любезный тон и в каком он чудесном настроении духа! — Как вы смели написать мне подобное письмо, — хорошо, что ваш брат взял на себя труд сжечь его за меня!»

140. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 128 — 129). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 145 — 146; подлинник (на бум. вод. зн. N. Сазонов) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— О переписке стихов Пушкина для Вяземского см. выше, в письмах № 134, 135 и ниже, № 142 и 143). Вяземский к этому времени совсем уже оправился, — как писал Пушкину Пущин еще 2 апреля (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 200).

— «Улыбка читателя me sourit» дословно значит: «улыбка читателя мне улыбается»; написав этот каламбур, Пушкин извиняется за него, намекая, что любовь к каламбурам ему прирождена от отца и дяди, которые имели слабость к остротам, — не всегда, однако, удачным. В декабре 1825 г. он в письме к Кюхельбекеру написал, что «со злости духом прочел Духов» [поэму Кюхельбекера] и сейчас же прибавил: «Игра слов! Узнаешь ли ты кровь?» (см. ниже, письмо № 189).

— «Даже для Голицыной» — т.-е. для княгини Евдокии Ивановны Голицыной, известной «Княгини Ночной»; (см. выше, стр. 294—195 и 342); однако, известна копия с оды «Вольность», сделанная Пушкиным именно для княгини Голицыной: снимок с этого автографа см. в сборнике «Русского Библиофила»: А. С. Пушкин, С.-Пб. 1911, при стр. 8.

— Стихи: Так пел, в Суворова влюблен,
Бард дивный, исполин Державин, —

из послания Кюхельбекера (1822 г.) к А. П. Ермолову; ср. выше, в письме № 41 и стр. 251.

— В «Невском Альманахе па 1825 г.» была помещена (стр. 106 — 112) пародия Н. А. Полевого «Элегия», в которой он вывел «Книжную Лавку» и в которой пародировал известную элегию «Сельское кладбище» Грея в переводе Жуковского:

Последний солнца луч сверкает за горою;
Повсюду шум глухой запоров и ключей;
Из лавок, погребов медлительной стопою
Идут за самовар купцы к семье своей.
Здесь мрачно. Книг ряды прилавки отягчают
И в смертной тишине на полках предстоят,
Громады свертков, кип подлавки занимают
И под прилавками безмолвные лежат.
. . . .
Под сводом каменным сей лавки погребенны,
Романы, повести, поэм обширный ряд.
Здесь проза русская, стихи переведенны,
Забытые в пыли, сном беспробудным спят и т. д.

В № 4, февральском, «Московского Телеграфа», при неодобрительной рецензии некоего «А-го» на «Невский Альманах», Полевой поместил подстрочное примечание (стр. 338 — 339), в котором заявил, что эта «давно забытая им вздорная пародия» появилась в «Невском Альманахе» «без его ведома и позволения». «Что сделано, того не воротить», — говорил Полевой, «но я прошу Г. Издателя избавить меня вперед от вольного и невольного участия в его литературных предприятиях». О намерении «поддержать» «Московский Телеграф» см. выше, в письме № 135, и в объяснениях, стр. 421.

№ 140. — Под Бирукова—т.-е. на рассмотрение цензора А. С. Бирукова.

— Chamfort — Севастьян-Рош-Николай Шамфор (род 1741, ум. 1794)— поэт и талантливый литератор. безродный сирота, рано начавший свою литературную деятельность, которою он и существовал: потом он был секретарем у принца Кондэ и лектором у Елизаветы, сестры Людовика XVI; революция увлекла его, сблизила с Мирабо и доставила ему место хранителя Национальной Библиотеки; однако, вскоре он вызвал против себя гонение, был затем заключен в тюрьму, тщетно пытался лишить себя жизни, был выпущен, но уже в апреле 1794 г. умер от последствий нанесенных себе ран. «Он играл видную роль в Парижских салонах и прославился своими блестящими остротами и сарказмами, которые с одинаковою щедростью сыпал и на врагов, и на друзей. В 1800 году был издан в Париже сборник под заглавием «Chamfortiana», заключающий в себе афоризмы, заметки и анекдоты, извлеченные из сочинений Шамфора. Кн. Вяземский часто приводит в своей «Старой записной книжке» изречения Шамфора и сравнивает его с писателем М. И. Веревкиным, который также был «великий краснобай и рассказчик», заранее решавший или приводить слушателей в слезы, или морить их со смеха» («Остаф. Архив», т. I, ст. 635). У Пушкина в библиотеке сохранилось двухтомное издание «Oeuvres complètes de Chamfort, de l'Académie Française», вышедшее 3-м тиснением в Париже в 1812 году (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, стр. 188). В 1825 году вышло в Париже новое, 5-томное издание его «Oeuvres complétes» (см. «Моск. Телегр.» 1825, т. III, № 9, май, стр. 70—71). Французская фраза Шамфора значит: «Все те, на кого я их [эпиграммы] написал, еще живы». В послании своем к Чаадаеву Пушкин, как видно из следующего письма (№ 141, к Л. С. Пушкину), «вымарал» стихи, в которых был задет граф Ф. И. Толстой—«Американец»; ср. выше, стр. 233—234 и 248. Вяземский был в приятельских отношениях с Толстым.

— Давыдов—Денис Васильевич, известный партизан и поэт, проживавший в это время не у дел в Москве (см. выше, стр. 260 и др.). Он в свою очередь платил Пушкину за симпатию нежностью и симпатией; так, напр., в письмах к кн. Вяземскому он постоянно шлет ему поклоны и спрашивает о нем, а в 1830 г. поручает «взять за бакенбарды и поцеловать за него в ланиту». «Знаешь ли», прибавляет Давыдов: «что этот чорт, может быть не думая, сказал прошедшее лето за столом у Киселева одно слово, которое необыкновенно польстило мое самолюбие? Он, может быть, о том забыл, а я помню и весьма помню! Он, хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливаться к оборотам моим, что̀ потом вошло ему в привычку. Это комплимент и почти насмешка, но самолюбие всякий комплимент, всякую насмешку принимает за истину. Ты знаешь, что я не цеховой стихотворец и не весьма ценю успехи мои, но при всем том слова эти отозвались во мне и по сие время меня радуют» («Стар. и Новизна», кн. XXII, стр. 42). В феврале 1831 г. Давыдов был на «мальчишнике» у Пушкина, перед свадьбой поэта, который в 1832 г. писал жене: «Я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник»; в бытность Пушкина в Москве, Давыдов «приезживал к нему и с живейшим любопытством бывало спрашивал он у Пушкина: «Ну что̀, Александр Сергеевич, нет-ли чего новенького?» — «Есть, есть», — приветливо говаривал на это Пушкин и приносил тетрадку или читал ему что-нибудь наизусть. Но все это без всякой натяжки, с добродушною простотою» (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. Под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 44). О Давыдове и Пушкине см. в Дневнике Пушкина, изд. под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 230—231, и в Московском изд., стр. 518—520, зам. М. Н. Сперанского, а также заметку Н. О. Лернера по поводу строфы, написанной Пушкиным к одному стихотворению Давыдова, — в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 21 — 25.

— Отзыв Пушкина о Томасе Муре, английском поэте (род. 1782, ум. 1850), следует сравнить с тем, что писал поэт тому же кн. Вяземскому 2 января 1822 года: «Жуковский меня бесит: что̀ ему понравилось в этом

Муре, чопорном подражателе безобразному восточному воображению?» № 141. (выше стр. 24 и 238).

— Саади—знаменитый Персидский поэт (ум. 1291 г.).—Позже у Пушкина было Парижское издание творений Саади, 1834 г., в переводе на французский язык.

— Гафиз—знаменитый Персидский поэт (род. в Ширазе 1320, ум. 1391 г.). В 1829 г. Пушкин написал стихотворение «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой»...), воспроизведя один из мотивов Персидской лирики.

— Магомет был в это время предметом изучения Пушкина, который писал тогда свои «Подражания Корану».

— «Гяур» и «Абидосская Невеста» — восточные поэмы Байрона; последняя—«турецкая повесть», была переведена И. И. Козловым и в отрывках появлялась в 1823 — 1825 г.г.; отдельно издана была в 1826 году.

141. *Л. С. Пушкину* (стр. 129—130). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 151, 240; отрывки — в «Библиографич. Записках» 1858 г., № 4, ст. 110 — 111 (полностью); подлинник — в б. Румянцовском Музее, № 1254.

— О «Записках» Фуше и о «Cours de littérature dramatique» Шлегеля см. выше, в письмах № 122 и 127 и стр. 399 и 410.

— Драматические сочинения Шиллера нужны были Пушкину, очевидно, для той же цели, что̀ и Сисмонди, и Шлегель: для кипевшей тогда работы над «Борисом Годуновым».

— «Don Juan» Байрона остался неоконченным: он прерывается на XIV строфе Семнадцатой песни, лишь сравнительно недавно найденной. Шестая песнь написана была в 1822 году, а издана в первый раз Дж. Гонтом в 1823 году, вместе с Седьмой и Восьмой песнями: это издание Пушкин, очевидно, и просил брата прислать ему.

— Из сочинений Вальтер-Скотта в библиотеке Пушкина сохранилось 8 изданий,—между прочим исторический роман «Peveril du Pic» во французском переводе (изд. Париж. 1824).

— «Сибирский Вестник» — журнал, издававшийся Григорием Ивановичем Спасским (род. 1784, ум. 1864) в 1818 — 1824 г.г., а затем в 1825 г. переименовавшийся в «Азиатский Вестник» (1825—1827 г.г.): он был прислан Пушкину и сохранился в составе его библиотеки за годы 1818, 1819, 1820, 1821, 1822 и 1824 (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 131 — 132). Трудно сказать, зачем Пушкину понадобился этот специальный журнал, — быть может, для новых тем. Хвалебный отзыв о нем Пушкин прочел в № 3 (февральском) «Московского Телеграфа» за 1825 г. (стр. 251). Сохранилось одно письмо Пушкина к Спасскому—от середины 1833 г.

— St.-Florent — Петербургский книгопродавец, родом француз.

— О дорожном чемодане просил Пушкин брата и ранее, — когда он деятельно собирался бежать за границу (см. выше, стр. 369).

— В библиотеке Пушкина сохранилась книга о верховой езде: «Traité raisonné d'Equitation, en harmonie avec l'Ordonnance de Cavalerie, d'après les principes mis en Pratique à l'Ecole Royale d'Application de Cavalerie. Redigé par M. Cordier», Paris. 1824, с 3 таблицами рисунков (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина. стр. 212 — 213); была у него и другая книга по тому же вопросу, но уже более позднего издания — 1827 года (там же, стр. 216, № 340).

— Альфиери, Витторио (род. 1749, ум. 1803) — итальянский писатель и поэт, автор трагедий; в 1827 г. Пушкин перевел монолог Изабеллы из трагедии Альфиери «Филипп II» (см. Соч., ред. Венгерова, т. IV, стр. XLVIII). В библиотеке Пушкина сохранилось собрание сочинений Альфиери в издании 1825 г. и его трактат (в переводе на французский язык): «Du Prince et des Lettres» (Paris. 1818; см. Б. Л. Модзалевский, назв. соч., стр. 138), который Пушкин читал, — что̀ видно из его письма к Дельвигу в феврале 1826 г.

— Барон — Антон Антонович Дельвиг, которого так долго ожидал Пушкин (см. выше, стр. 409—410, 417, 426). — В. П. Гаевский рассказывает, что Дельвиг, прогостивший у друга «несколько дней», застал Пушкина

№ 141. в приготовлениях к изданию своих Стихотворений и что, «по свидетельству знавших того и другого, Пушкин советовался в настоящем случае с Дельвигом, дорожа его мнением и вполне доверяя его вкусу. В этих литературных беседах, чтениях и спорах проходило все утро. После нескольких партий на бильярде и позднего обеда друзья отправлялись в соседнее село Тригорское, принадлежащее П. А. Осиповой, и проводили вечер в ее умном и любезном семействе. Многие черты этой деревенской жизни перенесены Пушкиным в IV главу «Евгения Онегина» (строфы XXXVII—LI). Онегин и Ленский, с их дружескими спорами, шумными обедами вдвоем и поездками к соседкам, невольно напоминают наших поэтов, и сходство это тем заметнее, что Дельвиг, как и Ленский, был уже тогда женихом. Он сам упоминает об этом в стихотворении, написанном тогда же в альбом одной из дочерей П. А. Осиповой — Анне Николаевне Вульф, напечатанном (под заглавием: «В альбом А. Н. В—ф») в «Северных Цветах на 1827 год» (стр. 329)». («Отеч. Зап.» 1854 г., т. XLVII, Отд. III, стр. 2). Вот это стихотворение Дельвига:

В судьбу я верю с юных лет;
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.

Всегда в пути моем тяжелом
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом,
Где вас узнал я, где ясней
Моя душа заговорила
И блеск Гименовых свечей
Пророчественно полюбила.

Так при уходе зимних дней,
Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певица в крае здешнем
Пленяет песнею своей.

В альбом П. А. Осиповой Дельвиг записал стихотворение свое «Застольная песня», посвященное Боратынскому и Коншину, поставив под записью дату: «Село Михайловское. 23 апреля 1825 года» («Русск. Вестн.» 1869 г., № 11, стр. 69). 26 апреля Дельвиг уже выехал из Михайловского, и 27 числа был в Петербурге (см. ниже, стр. 446). Сам Пушкин около этого времени написал Евпраксии Николаевне Вульф свое известное стихотворение «Если жизнь тебя обманет», которое, под заглавием «Стихи в Альбом», напечатано было осенью 1825 г. в сентябрьском № «Московского Телеграфа». Осенью, вспоминая своих товарищей по случаю Лицейской годовщины 19 октября, Пушкин писал:

Когда постиг меня судьбины гнев, —
Для всех чужой, как сирота бездомной,
Под бурею главой поник я томной,
И ждал тебя, вещун Пермесских дев.
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой! твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

*

* * * № 142.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья, —
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши...

— «Чигиринский Староста»—небольшой отрывок из поэмы Рылеева «Наливайко»—«Смерть Чигиринского старосты», только что появившийся в «Полярной Звезде на 1825 год» (стр. 30—31).

— Предисловие — к изданию Стихотворений Пушкина; оно было составлено от имени «издателей»; см. его выше, в объяснениях, стр. 421.

— Посл. к Ч.—«Послание к Чаадаеву», где была нанесена «пощечина» графу Федору Ивановичу Толстому-Американцу; см. выше, в письме № 140 и стр. 430. Эпиграмма—пасквиль Толстого на Пушкина известна по публикации Т. Б. в сб. «Литературная Мысль», вып. II, стр. 238; ср. выше, стр. 234 и 248.

— «Луна» не понравилась Льву Пушкину, вероятно, в находившейся у него сцене Татьяны и няни в 3-й главе «Евгения Онегина» (см. в письме № 142), где она в строфах XX—XXI упоминается 4 раза.

— Сабуров — Яков Иванович, служивший с Пушкиным при Инзове (см. выше, в объяснениях к письму № 103, стр. 361); в середине 1825 г. он определился к гр. Воронцову (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 254) и в конце 1826 г., в Кишиневе, был в «комиссии по делам Е. К. Варфоломея» (ср. выше, стр. 263); «он тебя очень любит и помнит»,— писал Пушкину Н. С. Алексеев (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 379); его статья: «Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии, в 1826 г.», напечатанная в «Московском Вестнике» 1830 г., № 8, стр. 320—347, сохранилась, в виде отдельного оттиска, в библиотеке Пушкина.

— Ольга Сергеевна Пушкина писала про Анну Николаевну Вульф: «Она на меня сердится, но мне на это наплевать».

— Des bretelles; des bottes: — значит: «подтяжки; сапоги».

— Письмо Пушкина к Плетневу от конца апреля — начала мая не сохранилось, а может быть и вовсе не было написано.

142. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 130 — 131). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 152 — 153; подлинник (на бум. — вод. зн. 1820; запечатано талисманом) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— О приезде Дельвига в Михайловское см. в предыдущем письме и стр. 431—432.

— О переписанной для Вяземского 2-й главе «Евгения Онегина» см. выше, в письмах № 134, 135, 138, 140 и ниже, № 143. Вяземский благодарил Пушкина за присланного «Онегина» и за «еще кое-какие безделки» письмом от 7 июня 1825 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 228—229).

— «Отрывок (строфы XVII — XX) из 3 главы Евгения Онегина. Ночной разговор Татьяны с ее няней» (от стиха: «Не спится, няня, здесь так душно!» до стиха: «При вдохновительной луне»...) был «продан» Львом Пушкиным Бестужеву и Рылееву для подготовлявшегося ими к изданию альманаха «Звездочка» (взамен «Полярной Звезды»), который в конце 1825 г. уже был начат печатанием; здесь «Отрывок» Пушкина был уже набран на стр. 37—39, но издание остановилось на 80-й странице по случаю событий 14 декабря, в которых оба издателя приняли деятельное участие. Деньги (600 р.), полученные за сотрудничество в «Звездочке», Пушкин в 1827 г. вернул, через О. М. Сомова, вдове казненного Рылеева и матери сосланного Бестужева (см. в статье Н. В. Измайлова: «Из бумаг К. Ф. Ры-

№ 142. леева» в сборнике Академии Наук «Памяти декабристов», вып. I, Лгр. 1926, стр. 146—147 и 149—150). См. еще ниже, стр. 526, и «Русск. Арх.» 1869 г., ст. 053—060 и «Русск. Стар.» 1883, июнь, стр. 43—100.

— «Элегия» на смерть А. Л. Пушкиной впервые была напечатана по одному из многочисленных списков, не вполне точно и без последнего стиха, в статье В. П. Гаевского о Дельвиге в «Современнике» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 18, с объяснениями происхождения стихотворения, не совсем верными.

— О смерти Анны Львовны Пушкиной, умершей в Москве 14 октября 1824 г., см. в письмах № 106, 107, 110 и выше, стр. 367, 371, 376; ее братья—Василий Львович и отец поэта, Сергей Львович, по свойственной им чувствительности и способности с преувеличенной, аффектированной нежностью относиться к родственным чувствованиям, конечно, должны были быть очень скандализованы отношением поэта к памяти его тетки. Еще в мае 1821 года, когда А. Л. Пушкина опасно заболела, А. Я. Булгаков навестил Василия Львовича, «которого нашел в слезах: поутру на консилиуме доктора решили, что сестре его Анне Львовне жить нельзя, и что у нее водяная; она давно больна и должно было ожидать несчастие это, но он все не может утешиться. Он любит весь род человеческий — как же не любить сестру? Просил меня его не оставлять; верно не оставим. А в случае несчастия хочет ехать с нами в деревню» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. I, стр. 92).—«Что Василий Львович?» спрашивал Тургенев князя Вяземского три года спустя, 20 октября 1824 г., еще не зная о смерти А. Л. Пушкиной: «С сестрою-ли еще, или по ней плачет?» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 85). Когда А. Л. Пушкина умерла, Василий Львович посвятил ей стихотворение «К ней», напечатанное вскоре в «Полярной Звезде на 1825 г.» (см. выше, в объяснениях к письму № 107, стр. 371), а князь П. И. Шаликов старался утешить своего друга особым стихотворным по этому случаю посланием (см. там же, объяснения к письму № 110, стр. 376). Когда стихи Пушкина-Дельвига дошли до А. И. Тургенева (вероятно—через Льва Пушкина), он писал кн. Вяземскому 2 мая: «Перестань переписываться с Пушкиным: и себе и ему повредить можешь. Он не унимается: и сродникам и приятелям — всем достается от него» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 119). Сам Вяземский писал по этому поводу Пушкину 7 июня: «Если: Ах тетушка! ах Анна Львовна! попадется на глаза Василию Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 229). Лев Пушкин писал в Москву С. А. Соболевскому: «Пиши.... об Москве, об ее глупостях и об Василье Львовиче. Уверь эту скотину, что «Ах тетушка, ах Анна Львовна» не брата и никого из семейства; разве, может быть, С. А. [т. е. Соболевский] хотел подшутить, да и подделался под брата» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 396); а в первой половине сентября сам поэт просил Вяземского (вероятно, выходка его все еще служила предметом семейных разговоров): «Ради бога, докажи Василью Львовичу, что элегия на смерть Анны Львовны не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает: «а она его сестре 15.000 оставила!..» Это напоминает чай, которым он поил Милонова. — Дело в том, что, конечно, Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате.

Сатирик и поэт любовный
Наш Аристипп и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка, — не дядя твой,
Но, милый, Музы — наши сестры.
И так, ты все же братец мой.

Variante: «Василий Львович — тонкий, острый» (см. ниже, № 179). Еще год спустя волнение родных не утихло: «Вяземский у меня был

в проезд свой в Ревель», — писал Дельвиг Пушкину в июне 1826 года: «Он сказал мне, что он уверил Василия Львовича, что: Ах тетушка, ах Анна Львовна, написано мною,—и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим. Отец твой ничего об этом не говорил и не говорит. Тебе напрасно его оклеветали» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 357). А. П. Керн впоследствии вспоминала, что как-то П. А. Осипова, по поводу «элегии» на смерть А. Л. Пушкиной, сказала поэту (по-французски): «Что же, собственно, такого остроумного в ваших стихах № 143.

Ах тетушка, ах Анна Львовна!» —

на что Пушкин ответил ей такою оригинальной, такою свойственной ему фразой: «Надеюсь, сударыня, что мне и бар. Дельвигу разрешается не всегда быть умными» (Л. Майков, Пушкин, стр. 256). Пьеска Пушкина-Дельвига быстро распространилась в списках и уже 1 августа 1825 г., в Калуге, была записана П. П. Кавериным в его альбом (Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М. 1913, стр. 120—121).

Пушкину приписывается еще более ранняя «эпитафия» духовнику Анны Львовны:

Не памятник, а диво:
В могиле — гроб,
Во гробе — поп,
В попе — вино и пиво.

В приведенной в письме «Элегии» упоминается: Лизавета Львовна, другая тетка поэта — жена камергера Матвея Михайловича Сонцева (см. ниже, в письмах тома II), сестра и брат поэта — О. С. и Л. С. Пушкины. Стихи Василия Львовича, которыми он «обмочил» гроб сестры своей, — послание «К ней» (см. выше, в объяснениях, стр. 371). Попович Красовский—известный своим тупоумием цензор (см. выше, стр. 260).

— На вопрос Пушкина: «за чем ты не хотел отвечать на письма Дельвига» и т. д., Вяземский отозвался ему лишь в письме от 4 августа, в котором писал: «Неужели Дельвиг сердился на меня за молчание? Я хоронил и умирал, вот причины моей невежливости. Они достаточны. Оправдай меня перед ним, хотя и сам я с ним виделся и извинялся. Для Цветов дам ему своей ромашки» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 253).

— «Северные Цветы» Дельвига на 1825 год вышли в конце декабря 1824 г., а на 1826-й — в апреле 1826 г.; в последних кн. Вяземский поместил 6 своих стихотворений: «К О. С. Пушкиной», «Характеристика», «Альбом», «Нарвский водопад», «Семь пятниц на неделе», «К мнимой счастливице»; «прозы» же Вяземского в них не было. Сам Пушкин дал туда «Отрывок» из письма своего к Дельвигу, отрывки из «Онегина» и из «Цыган» и 4 стихотворения.

— «Полярная Звезда на 1825 г.» Бестужева и Рылеева только что перед тем вышла и была получена Пушкиным.

— «Известия об Одессе», — т. е. о графе и графине Воронцовых.

143. *Л. С. Пушкину* (стр. 131). Впервые напечатано в Академическом издании Переписки, т. I, стр. 210, по нашему сообщению; подлинник (на бум. без вод. знака-года) — на л. 5 об. тетради из писчей бумаги, после переписанной в ней собственноручно Пушкиным 2-й главы «Евгения Онегина»; после записки к брату в тетради этой переписаны им же еще: «Подражание Ариосту», «К N. N.» и «Ода Его Сиятельству Гр. Дм. Ив. Хвостову». Тетрадь эта была у гр. С. Д. Шереметева в Остаф. архиве.

— Записка писана при посылке, через Дельвига, обещанной выздоравливавшему Вяземскому 2-й главы «Онегина» и мелких стихотворений; см. в письмах №№ 134, 135, 138, 140 и 142 и стр. 441. Вяземский благодарил за присланное в письме от 7 июня (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 228 — 229).

— В словах: «Да и сам не пакости» слышится укор брату за частое распространение им среди поклонников поэта его стихов еще до их опубликования, — укор, повторяющийся часто в письмах к Льву Сергеевичу.

*

№ 144. Кн. П. А. Вяземский свидетельствует, что «Пушкин иногда сердился на брата за его стихотворческие нескромности, мотовство, некоторую невоздержность и распущенность в поведении; но он нежно любил его родственною любовью брата с примесью родительской строгости» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 1342). Ср. ниже, в письме № 159 и объяснениях к нему стр. 473.

144. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 131—132). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 146—149, где неправильно разбито на два письма; так же напечатано и в последующих изданиях; впервые правильно, по подлиннику, принадлежавшему гр. С. Д. Шереметеву (в Остафьевском архиве), напечатано в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 217—219.

— Вяземский высказался о Пушкине в статье своей: «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен», помещенной в «Московском Телеграфе» 1825 г. (№ 4, февраль, стр. 346—353; ср. Соч. Вяземского, т. I, стр. 178—183). Возражая против суждений о Жуковском и о Пушкине, высказанных неизвестным автором «Письма на Кавказ» (помещенного в № 2 «Сына Отечества» за 1825), кн. Вяземский писал: «Приговоры его Пушкину, заключающиеся в том же письме, не основательнее первых [о Жуковском]. Не признавая *глубокой чувствительности* за отличительную черту поэзии Пушкина, утверждает он [автор] далее мнение свое на следующих словах: «*Пушкин не есть и не будет никогда рыцарем печального образа, чувствительным Селадоном*». Будто *глубокая чувствительность* есть принадлежность поэтических Дон-Кихотов и слезливых Селадонов? Критик смешал чувствительность с приторною плаксивостью... Он Элегии Пушкина называет *прелестными игрушками*. Новое противоречие, новый non-sens! Если они *игрушки*, то уже не *прелестны!* Элегия только тогда и хороша, когда Поэт в ней *не шутит*, а говорит *за правду*. Элегия — бытописание души или холодная, скучная сказка. Элегии Пушкина не *прелестные игрушки*, но горячий *выпечаток* минувшего ощущения души, минувшего вдохновения уныния, — и вот чем они прелестны!.. В другом месте ставит он Пушкина *выше, гораздо выше* Жуковского; но, не определив степени ни того, ни другого, пускается он в одну пустую издержку слов..... В Пушкине», говорит Вяземский, «ничего нет Жуковского; но между тем Пушкин *есть следствие* Жуковского. Поэзия первого не дочь, а наследница поэзии последнего, и по счастию обе живы и живут в ладу, несмотря на искательства литературных стряпчих щечил, желающих ввести их в ссору и тяжбу,—с тем, чтобы живиться на счет той и другой, как обыкновенно водится в тяжбах. С удовольствием повторяем здесь выражение самого Пушкина об уважении, которое нынешнее поколение Поэтов должно иметь к Жуковскому, и о мнении его относительно тех, кои забывают его заслуги: *Дитя не должно кусать груди своей кормилицы*. Эти слова приносят честь Пушкину, как автору и человеку!» (ср. выше, в письме к Рылееву, № 117, стр. 113). «Но пускай еще», продолжает Вяземский: «Критик возносит Пушкина выше Жуковского, если непременно хочет ставить одного Поэта на голову другому, а не позволит им стоять рядом; Жуковский верно понесет охотно такое приятное бремя; но это не конец: у сочинителя письма на Кавказ есть в запасе и *еще некоторые, кроме Пушкина, которые выше Жуковского*. Сие открытие, которое он вероятно держит про себя до удобного случая, выгодно для пользы Литтературы нашей, но каково же будет Жуковскому? Предвижу, что не устоять ему, если Автору Письма поручено будет соорудить пирамиду из Поэтов наших» ...

— «В бореньях с трудностью силач необычайный» — стих кн. Вяземского о Жуковском, — из его послания к нему; Пушкин уже припоминал его однажды, в применении к Жуковскому же, в своем письме к Гнедичу от 27 сентября 1822 г. (№ 44, стр. 43, и в объяснениях, стр. 255).

— Voss — Иоганн Гейнрих Фосс (род. 1751, ум. 1826), немецкий филолог, критик и поэт, переводчик Гомера и других греческих и латинских поэтов в стихах. «Что душа - Жуковский и что душа Жуковского?» писал

кн. Вяземский Тургеневу 3 июля 1822 г.: «Не его дело переводить Виргилия, и экзаметрами. Шиллер не брался за дело Фосса: такой перевод не дело поэта, каков Жуковский, а дело хорошего стихотворца и твердого латиниста. Жуковский себя обманывает и думает обмануть других: в таком труде (по истине *труде*) нет развития жизни поэтической, которая кипит в нем потаенно. Ее подавай он нам, а не спондеи считай по пальцам и не ройся в латинском словаре. В таком занятии дарование его не живет, а прозябает; не горит, а курится; не летает, а движется. Скажи ему это от меня. Зачем бросил он баллады? Что за ералаш? Свободный рыцарь романтизма записывается в учебные батальоны Клейнмихеля классиков!» («Остаф. Архив», т. II, стр. 269 — 270). № 144.

— «Былое сбудется опять» — стих из стихотворения самого Жуковского: «Я музу юную, бывало, Встречал в подлунной стороне» (1823 г.); последняя строфа читается здесь так:

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, —
Но ты знаком мне, чистый гений,
И светит мне твоя звезда;
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье, —
Былое сбудется опять.

В первой половине апреля 1831 г. Пушкин писал Плетневу: «Обними Жуковского... С нетерпением ожидаю новых его баллад. И так былое с ним сбывается опять. Слава богу»... В бумагах Жуковского, хранящихся в Публичной Библиотеке (л. 245), сохранилось письмо А. И. Тургенева с пометкою «Понедельник», — быть может к Карамзину, — в котором он сообщает: «Вот что пишет Пушкин к Вяз — у. Выписываю точно для вас и, если хотите, для него» и, приведя выписку от слов: «Но ты слишком бережешь меня в отношении к Жуковскому»... до слов: «я все чаю в воскресенье мертвых», заключает: «Ни один стих Пушкина так не полюбился мне, как эта проза, и я готов многое простить и перу его, и даже его сердцу за эту прекрасную исповедь. Это признание Гения. Не все имеют право так поступать и уступать. Простите до первой посылки. И все письмо П. хорошо, да писать некогда» (С подлинника; ср. Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1801; Соч. Пушкина, изд. 1882 г., т. VII, стр. 457).

— Статья кн. Вяземского о «Чернеце» Козлова была помещена в № 8 (апрель) «Московского Телеграфа» за 1825, стр. 312 — 320; перепечатана в Соч. Вяземского, т. I, стр. 186 — 192. — «Появление сей небольшой, но красотами богатой Поэмы», начинал кн. Вяземский свою задушевную статью: «есть приятное событие в спокойной Литтературе нашей, а появление творца ее в тесном кругу первостатейных Поэтов наших было, за несколько лет, неожиданным и благодетельным феноменом в мире нравственном и поэтическом. Дарование Поэта Козлова знакомо всем любителям хороших Русских стихов, а *судьба его* (выписываем слова Издателей Чернеца) *должна возбудить нежнейшее участие в каждом благородном сердце. Несчастие, часто убийственное для души обыкновенной, было для него гением животворящим.* Недуги жестокие, страдальчество физическое, развернули духовные способности, которые таились в нем в цветущую пору здоровья и ожидали его с утешениями и благодеяниями в роковую годину испытания. Без всякой неуместной изысканности в выражении, можно сказать естественно о Поэте нашем, что по мере, как терял он зрение и ноги, прозревал он и окрылялся духом; отчужденный утратами физическими от земной жизни, ожил он с лихвою в другом мире и принадлежит нашему только тем, что̀ есть в нем изящного и возвышенного: любовию и страданием — любовию ко всему чистому и прекрасному, страданием, освященным, так сказать, союзом его с смирением, или смирением, созревшим в страдании! Сей утешительный пример может прибавить прекрасную главу к психологической истории человека» и т. д. (стр. 312—313).

№ 144. — *Войн.* — «Войнаровский», поэма Рылеева, недавно перед тем вышедшая отдельным изданием и присланная Пушкину из Москвы Пущиным, по поручению автора, вместе с новым изданием его «Дум», название которых Пушкин далее в насмешку производит от немецкого слова «dumm» — глупый, а не от польского «duma» — размышление, песнь. По поводу ранних строгих отзывов Пушкина о его «Думах» Рылеев писал А. А. Бестужеву (1824):

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.
Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг, не даром в юноше горит
Любовь к общественному благу... и т. д.

Впрочем, Пушкин, не признавая за «Думами» Рылеева поэтических достоинств, ценил их за их «гражданское направление», и когда от него уезжал И. И. Пущин, поэт просил его, «обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические Думы» (Записки о Пушкине, С.-Пб. 1907, стр. 63).

— Говоря о палаче с засученными рукавами у Рылеева, Пушкин имел в виду следующие стихи из «Войнаровского»:

«Вот, вот они!.. При них палач!»
Он говорил, дрожа от страху.
«Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач...
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки»...

Пушкин воспроизвел эту картину казни в своей «Полтаве» (песнь 2, ст. 420—430); но Рылеев не был самостоятелен: в свою очередь он воспользовался описанием картины казни в «Паризине» Байрона (см. В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев. 1912, стр. 284 — 285).

— Неелов, Сергей Алексеевич (род. 1778, ум. 1852), отставной корнет Конной гвардии; «богатый барин, занимавший видное место в родовитом и просвещенном обществе до-пожарной и после-пожарной Москвы, общепризнанный остроумец Английского Клуба, он был далек», по словам М. О. Гершензона, «от мысли отдавать в печать свои стихи. Да и стихи его, в большинстве, по крайней своей непристойности, предназначались только на устное или рукописное распространение в приятельском круге... Он был несомненно даровитым стихотворцем-сатириком; его саркастический, подчас очень меткий стих не раз накладывал неизгладимую печать на медные лбы и по-своему очищал затхлую атмосферу тогдашнего общества, а некоторые его шутки до сих пор не утратили своей забавной выразительности» («Русские Пропилеи», т. 2, стр. 1). Хорошо знавший Неелова кн. Вяземский, большой почитатель его Музы, говорит, в свою очередь, что Неелов был «основатель стихотворческой школы, последователями коей были Мятлев и Соболевский; только вообще он был скромнее того и другого. В течение едва ли не полувека малейшее житейское событие в Москве имело в нем присяжного песнопевца. Шуточные и сатирические стихи его были почти всегда неправильны, не зато всегда забавны, остры и метки. В обществе, в Английском Клубе, на балах он по горячим следам импровизировал свои четверостишия. Жаль, что многие, лучшие из них не укладываются в печатный станок... Этот поэт, по вольности дворянства и по вольности поэзии, не всегда был разгульным циником. Он иногда надевал и перчатку на правую руку и мадригальничал в альбомах Московских барышень... Неелов, истинный поэт в своем роде, имел потребность перекладывать экспромптом на стихи все свои

чувства, впечатления, заметки. Он был Русская Эолова арфа, народная игривая балалайка» (Соч. кн. Вяземского, т. VIII, стр. 158 — 159, 361). Неелов был приятелем В. Л. Пушкина и А. М. Пушкина (написавших ему стихотворные послания 1811 и 1814 г.г.), равно как и отца поэта, Сергея Львовича; сохранилось его стихотворение: «На завтрак С. Л. Пушкина, где хозяйка приступала, чтобы я ел блины, 1836 г.»: № 144.

Ни к пирам,
Ни к блинам
Не гожусь
И боюсь
Блин я съесть!
Мне не снесть
Масла жир
И мне пир
Точно то-ж,
Что другим
Острый нож и т. д.

Биограф Неелова, М. О. Гершензон, имевший в руках бумаги его, пишет, что неизвестно, был ли А. С. Пушкин лично знаком с Нееловым, «но через Вяземского он знал, вероятно, не мало Нееловских стихов, в особенности скабрезного содержания, и от души забавлялся ими» — почему и прозвал Неелова «le chantre de la merde», т.-е. «певцом навоза», а его стихи — « poèsies maternelles», т.-е. «матерными стихами». 32 образчика стихотворений Неелова (в том числе к кн. П. А. Вяземскому, к И. И. Дмитриеву, к П. Я. Чаадаеву) собраны в издании М. О. Гершензона: «Русские Пропилеи», т. 2, М. 1916, стр. 9 — 19, с портретом Неелова.

— О стихах кн. П. И. Шаликова «К А. С. Пушкину. (На его отречение петь женщин)», помещенных в «Дамском Журнале» 1825 г., № 8, стр. 68 — 69, и написанных по поводу упоминания о Шаликове в «Разговоре книгопродавца с поэтом» при 1-й главе «Онегина» — см. выше, в объяснениях к письму № 123, стр. 404—405.

— Французская фраза означает: «и я смело восстановил Шаликова».

— Вяземский отличался любовью к игре словами и к каламбурам, которые постоянно встречаются и в его письмах и в других писаниях. Какие каламбуры нравились Тригорским барышням, — не знаем, так как писем Вяземского к Пушкину от этого времени, т.-е. от весны 1825 г., не сохранилось.

— За Casimir — т.-е. за стихотворения известного французского поэта и драматурга Казимира Делавиня (Delavigne), которого Пушкин ставил не очень высоко; он был, главным образом, хороший стилист и вообще отличался более внешними достоинствами своих произведений, из коих многие представляли собою поэтическую декламацию на политические темы; по словам одного историка литературы, К. Делавинь «выбрал своей задачей перенести в романтический революционный период «умеренный» классицизм». Casimir по-французски значит «казимировая материя», «кашемир», — почему Пушкин и предлагал «выкроить» каламбур из имени французского поэта. Только что упомянутый С. А. Неелов по поводу имени сестры известной пианистки Шимановской, которую также звали Casimire, не совсем прилично острил на ту же тему, что и Пушкин, говоря, что «этот Казимир годится для штанов» (письмо кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 декабря 1825 г.) — С Вольтером Пушкин сравнивал Делавиня и в ранних письмах своих к кн. Вяземскому — от 4 ноября 1823 г. (черновик к № 63, стр. 59) и 5 июля 1824 г. (№ 90, стр. 87).

— Пророчество Пушкина о том, что «первый Гений в Отечестве Расина и Буало ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм, что твои немцы», — см. выше в письме к кн. П. А. Вяземскому от 5 июля 1824 г., из Одессы (№ 90). Пророчество это сбылось, как известно, на Викторе Гюго, ставшем во главе французских поэтов-романтиков.

№ 144. — Пушкин был неудовлетворен суждениями о романтизме и другого своего друга: «Сколько я ни читал о Романтизме, все не то; даже Кюхельбекер врет»,—писал он А. А. Бестужеву 30 ноября 1825 г. (ниже, стр. 169, письмо № 187); уже в 1833 г. он также писал, что «наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим» (см. «О русской литературе с очерком французской»).

— Пушкин писал Булгарину, вероятно, ответ на его письмо от 25 апреля (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 208). Ответ Пушкина до нас не сохранился.

— Полевой — Николай Алексеевич (род. 1796, ум. 1846), издатель и редактор журнала «Московский Телеграф», тогда деятельно поддерживавшегося кн. Вяземским. Пушкин, действительно, поместил у Полевого несколько своих мелких произведений в 1825 и в 1826 г.г. Ср. выше, стр. 129, в письме № 140, и ниже, его письмо к Полевому № 165 — Полевой, его журнал и сотрудники последнего были проповедниками романтизма, столь дорогого Пушкину, — вот почему он с особенною страстностью отнесся к промашкам журнала по этому вопросу, обнаружившимся, напр., в критической статье (она подписана буквою *А.*) о «Полярной Звезде на 1825 год» (№ 8, 20 апреля, стр. 320 — 336), где автор писал: «Кажется, что классицизму и романтизму суждено разделить Европу: Латинской Европе суждено первое, Германской и Славянской — второе. У Итальянцев (несмотря на Данта — единственное исключение из общего) — едва ли овладеть романтизму Литературою; но Англичан, Германцев и нас романтизм выкликает на путь истинный» и т. д. (стр. 323); или в «Разговоре двух приятелей» («Прибавление к Московскому Телеграфу» от 6 марта 1825 г., № 5), где автор (скрывшийся под буквою *X.*) на слова Ветрова: «Да что̀ за радость со всеми ссориться? Le monde par vos soins ne se changera pas. Издатель или Г-н *Z. Z.* наживут врагов, а цели своей не достигнут—никого не исправят!», возражает: «Я с этим не могу согласиться. Внимательно глядя на историю просвещения, ты легко заметишь, что Дон Кихот нанес решительный удар странствовавшим Рыцарям, что Мольер вывел из моды Les précieuses ridicules, Свифт образумил многих Лиллипутов» и т. д. (стр. 75). Деятельность самого кн. Вяземского в его борьбе за романтическую школу рассмотрена в книге Н. К. Козмина: «Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой, как выразитель литературных направлений современной ему эпохи», С.-Пб. 1903, стр. 365 — 372; суждения Полевого по тому же вопросу изложены там же на стр. 380—440.

— Данте Алигиери (род. 1265, ум. 1321) — величайший итальянский поэт, автор «Божественной Комедии».

— Об Ариосто, оказавшем большое влияние на Пушкина в пору создания «Руслана и Людмилы», см. выше, стр. 244.

— «Buovo d'Antona»—итальянская сказка, из которой вышла русская сказка о Бове-Королевиче. В черновых тетрадях Пушкина начала 1820-х г.г. есть выписка его из IV тома «Histoire littéraire d'Italie», par P. L. Ginguéné (9 vol., P. 1811 — 1819): «Le plus ancien des poëmes romantiques est: «Buovo d'Antona, nel qual si tratta delle gran battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte, etc. in ottava rima, 1489, Venezia», и пр... Le reste comme dans le conte russe»... и далее: «Bovet aïeul de Бова,—c'est probable» (см. Соч. ред. Морозова, т. VIII, стр. 446; ср. «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 335). О юношеской пьесе Пушкина «Бова» (1815) см. Соч., ред. Венгерова, т. I, стр. 202—206.

— «Orlando innamorato» («Влюбленный Роланд»)—поэма итальянского поэта Маттео Боярдо (род. 1430, ум. 1494). В этой поэме, по выражению Л. И. Поливанова, «романтический идеал рыцарства выведен из области насмешки в сферу серьезного вдохновения, почему его поэма и представляет важное исключение из обычного тона итальянских эпопей его времени. Эпизод его поэмы о любви Руджьеро и Брадаманты взят предметом поэмы Ариосто: «Неистовый Роланд» (Соч. Пушкина, т. V, стр. 539).

— Фуше—автор Записок, присылки которых так долго добивался Пушкин (см. выше, письма № 122, 127, 141 и стр. 399—400).

— А. И. Тургенев, в письме к Вяземскому от 2 мая советовавший последнему «перестать переписываться с Пушкиным» (см. выше, стр. 434), 4 мая сообщал своему приятелю: «Пушкин написал вторую часть «Онегина», которую сегодня буду слушать [конечно, в чтении Льва Пушкина]. Гнев мой на него смягчился, ибо я узнал, что стихи, за кои я на него сердился [на Карамзина—см. «Ост. Арх.» т. III, стр. 117], написаны за пять или шесть лет перед сим, если не позднее. Пришлю его сравнение в стихах Байрона с графом Хвостовым [«Ода Е. С. Гр. Д. И. Хвостову» — ср. выше, стр. 435]. Прелесть! («Остаф. Арх.», т. III, стр. 121); 6 мая он писал: «Пушкину [Льву] о стихах [А. Пушкина], тебе принадлежащих, говорил. Он все тебя сюда дожидался; я сказал, чтобы непременно прислал к тебе. Но кто принудит эту невзнузданную молодежь!» (там же, стр. 123; ср. выше, в письмах № 134, 135, 138, 140, 142, 143 и объяснения, стр. 420 и др.). а 8 мая дополнительно сообщал: «Вторую часть «Онегина» хотел Дельвиг и Лев Пушкин послать к тебе с братом. Не знаю, успеют ли? Лучше первой. Тут же получишь и оду на графа Хвостова и Байрона с примечаниями» (там же); наконец, 13 мая он опять говорил о том же: «Потешить ли тебя двумя строфами из второй части «Онегина»? Но вся песнь тебе принадлежит, а добиться не мог. Если же получил, то пришли сюда: у меня нет. И ода графу Хвостову+Байрон для тебя же им списаны» (там же, стр. 125). — Через два месяца, 8 июля, Тургенев с братом Сергеем выехал за границу, для свидания с Н. И. Тургеневым.

145. *К. Ф. Рылееву* (стр. 132 — 133). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 90 (отрывок) и в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 77 (полностью); подлинник (на бум. — вод. зн. Гг. Х. 1824) — в Библиотеке Академии Наук, в собрании Е. А. Масальской-Суриной («Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 46).

— Это письмо служит ответом на письмо Рылеева к Пушкину от 12 мая, начинающееся словами: «Дельвиг пересказал мне замечания твои о Думах и Войнаровском. Хочется поспорить, особливо о последнем, но удерживаюсь до поры: жду мнения твоего на письме и жду с нетерпением»... (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 215). Получив, наконец, это мнение «на письме» (до нас не сохранившееся—см. выше, стр. 418), Рылеев отозвался Пушкину новым письмом—от первой половины июня (там же, стр. 231—232),—служившим ответом и на настоящее письмо № 145; Пушкин, в свою очередь, ответил письмом за № 150 (см. ниже).

— Замечания Пушкина на «Войнаровского» до нас не дошли, но они были известны друзьям Рылеева. Так, Н. А. Бестужев в своем Воспоминании о К. Ф. Рылееве говорит следующее: «Когда Рылеев напечатал «Войнаровского» и послал Пушкину экземпляр, прося сказать о нем свое мнение, Пушкин прислал ему назад со сделанными на полях замечаниями, и противу стихов истинно-поэтических, истинно-прекрасных, как, например, после рассказа пленного казака:

Мазепа горько улыбнулся,
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся....

или когда Мазепа говорит племяннику:

Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детями и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью,-

№ 145. после сих и многих других прекрасных мест, или вовсе не замеченных или едва отмеченных, мнение Пушкина выражено слабо, тогда как при изображении палача, где Рылеев сказал:

Вот засучил он рукава..., —

Пушкин вымарал это место и написал на поле: «Продай мне этот стих!» (см. Воспоминания братьев Бестужевых. Редакция П. Е. Щеголева, Пгр. 1917, стр. 27—28, и заметку Н. О. Лернера в «Известиях книжных магазинов М. О. Вольф и Вестнике Литературы» 1916 г., № 6, стр. 141—142).

— Приводя отзыв Пушкина о «Думах» Рылеева, В. И. Маслов находит его совершенно справедливым: «Вводя современные мотивы в рамки прошлого, Рылеев лишал вместе с тем свои Думы местного колорита и сближал их с однообразными произведениями ложно-классиков; одно указание исторических фактов и имен не могло создавать еще народного элемента в Думах» (Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев. 1912, стр. 169—170). Ср. в письме Пушкина к Бестужеву № 133 и ниже, в конце письма № 146.

— «Петр Великий в Острогожске» — дума Рылеева, напечатанная впервые в «Соревнователе Просвещения» в 1823 г. (ч. XXI, № 3). Ее окончательные строфы посвящены ответу на вопрос:

Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепый
Клясться в искренности смел?
— Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились,
Где в стране благословенной
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогожских казаков.

— «Иван Сусанин»—дума Рылеева, напечатанная впервые в «Полярной Звезде на 1823 год» — «Психология Сусанина», говорит В. И. Маслов: «жертвовавшего жизнью для родины, была так близка и понятна Рылееву; в обрисовке этого героя — в словах, с которыми он обращается к сыну, торопя последнего известить царя об опасности, а затем в ответе Сусанина полякам можно видеть субъективные переживания самого поэта, также готового на всякую жертву для блага родины» (назв. соч., стр. 217); это обстоятельство, вероятно, и сделало «Сусанина» выше других дум в художественном отношении, что̀ Пушкин и не преминул отметить. Приводим последние строфы думы «Иван Сусанин», вызвавшие одобрение Пушкина:

«Убейте, замучьте! моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь — я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли?
Их нет и не будет на Русской земли! [1]
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит!»
«Злодей!»—закричали враги, закипев:
«Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто Русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув умру за царя и за Русь!»
— «Умри же!» сарматы герою вскричали, —
И сабли над старцем, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал.
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!..

---

[1] Этот стих, как мы видели, Пушкин цитировал в письме к Бестужеву, № 57.

— Ошибку Рылеева в словах о гербе России в его думе «Олег Вещий» № 146.
Пушкин отметил в письме к брату Льву еще в январе 1823 г. (см. выше, № 49 и в объяснениях, стр. 261).

— Слова Пушкина об «Исповеди Наливайки» служат ответом на следующее место письма Рылеева от 12 мая: «Ты ни слова не говоришь о Исповеди Наливайки, а я ею гораздо более доволен, нежели смертью Чигиринского Старосты, которая так тебе понравилась. В Исповеди—мысли, чувства истины,—словом гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя, наоборот, в удальстве более дела» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 215).

— «Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне» — это ответ на слова Рылеева в том же письме: «Петербург тошен для меня; он студит вдохновение; душа рвется в степи; там ей просторнее, там только могу я сделать что-либо, достойное века нашего, но как бы на зло железные обстоятельства приковывают меня к Петербургу» (там же). Свидеться Пушкину и Рылееву уже не было суждено: арестованный в ночь после 14 декабря 1825 г., Рылеев 13 июля 1826 г. погиб в числе пяти казненных декабристов. Ответ Пушкина напоминает слова Мефистофеля из Пушкинской «Сцены из Фауста» (1826 г.):

Фауст:

Мне скучно, бес!

Мефистофель:

Что делать, Фауст!
Таков вам положон предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел и т. д.

146. *В. А. Жуковскому* (стр. 133). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1169—1171; подлинник—в Государственной Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского; письмо это—на таком же листе бумаги, что̀ и черновик прошения на имя Александра I (см. ниже № 147); запечатано перстнем-талисманом.

— Письмо это служит ответом на задушевное письмо к Пушкину Жуковского, датируемое, по соображению с обстоятельствами биографии Пушкина, второю половиною мая 1825 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 216—217): «Мой милой друг, прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я услышал от твоего Брата и от твоей Матери, что ты болен: правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви к аневризму я не понимаю и никак не могу ее разделять с тобою»... Далее Жуковский убеждал Пушкина не пренебрегать здоровьем и сообщить ему о нем,—для принятия мер к поездке поэта хотя бы в Ригу. «Скорее, скорее ответ»,—заключал Жуковский свое тревожное письмо, которое было вызвано, как он говорит, рассказами Льва Пушкина и матери поэта, Н. О. Пушкиной; при этом, однако, Жуковский не подозревал, что аневризм, на который Пушкин ссылался еще год тому назад, когда просился в отставку в Одессе (см. выше, № 81), был лишь предлогом для получения позволения на выезд из Михайловского, где ему было «душно» (М. А. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина — «Голос Минувшего» 1916, № 1, стр. 43). В ответе своем на письмо Жуковского Пушкин поэтому почти признается ему, что дело не в аневризме, что с болезнью этою он может и еще прожить, но что он будет благодарен и царю, и друзьям, если устроится его поездка за границу.

— Письмо Вяземского, в котором тот сообщал Пушкину, что его друзья в отношении властей в нем изверились, до нас не сохранилось; но мы можем догадываться, что̀ писал он поэту под впечатлением следующих слов А. И. Тургенева, полученных в начале мая и вызванных ложным сообщением о каких-то новых стихах Пушкина против Карамзина: «Похва-

№ 146. лив талант Пушкина», писал Тургенев 28 апреля: «я не меньше, особливо с некоторого времени, чувствую омерзение к лицу его. В нем нет никакого благородства. По душе он для меня хуже Булгарина. Этот — поляк безмозглый да и только; чего от него требовать, и почему Карамзин должен быть для него священ? Чем более возвышает он собою Россию, тем более должен бесить польского паяца. Но Пушкин учился читать по страницам Карамзина, но Пушкин плакал — и не раз — за столом его, но Карамзин за него рыцарствовал. Я ни слова не сказал о Карамзине-просветителе России в некотором смысле; ибо Пушкин щеголяет не русским чувством и думает, что сердце у него не лежит к России. Ему хочется быть и в этом Байроном, — но и Байрон имел друзей в Англии; он любил Мура, а Пушкин поднял руку на отца по крови и на отца-Карамзина. Все это между нами совершенно; вырвалось из души, которой не вижу ни в стихах, ни в душе Пушкина» («Остаф. Арх.», т. III, стр. 117; ср. стр. 121 и выше, в примечаниях, стр. 434, 441).

— Н. М.—Карамзин, которому Пушкин дал упоминаемое им обещание перед своею ссылкою на юг в мае 1820 года (см. выше, стр. 205 и 294). Сам Карамзин так писал об этом И. И. Дмитриеву 7 июля 1820 г., высказывая своему другу мнение о поэме «молодого Пушкина», т.-е. о «Руслане и Людмиле»: «Его простили за эпиграммы и за оду на вольность; дозволили ему ехать в Крым и дали на дорогу 1000 р. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее; по крайней мере дал мне слово *на два года!*» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, С.-Пб. 1866, стр. 290).

— В словах: «Я буду думать об одних пятистопных без рифм» заключается намек на кипевшую в это время работу поэта над «Борисом Годуновым», написанным пятистопными ямбами без рифм. Припомним, кстати, что ранее Пушкин иначе относился к этому размеру; так, еще в 1818 г., прочитав написанное белым пятистопным и неканоническим ямбом стихотворение Жуковского «Тленность», начинающееся словами:

Послушай, дедушка: мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то ж случится
И с нашей хижиной? —

Пушкин сложил на него пародию:

Послушай, дедушка: мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?

Жуковский сам очень смеялся над этой пародией, в которой Пушкин желал подчеркнуть не только белые, но и бесцезурные стихи (в 4-й строке), «но не уверил Пушкина, что это стихи»; однако, он предсказывал, что настанет время, когда поэт переменит свое мнение о белом стихе (Л. Майков, Пушкин, стр. 5; Соч., ред. Венгерова, т. I, стр. 474 и т. VI, стр. 544). И действительно, Пушкин впоследствии резко изменил свой взгляд на природу пятистопного ямба, ярким примером чего могут служить маленькие трагедии 1830 г., в которых, несмотря на их нерифмованность, только половина стихов обладает мужской цезурой (о 5-стопном ямбе Пушкина см. у Г. Маслова в «Пушк. и его соврем.», вып. XXVIII, стр. 96—98, и Б. В. Томашевского в сб. «Очерки по поэтике Пушкина», Берлин. 1923, стр. 5—143). Однако, уже в 1822 г. он, по поводу перевода Жуковским «Орлеанской Девы» и слухов о ее постановке на сцене, писал брату: «5-стопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации» (см. выше, в письме № 41, и стр. 250 и ниже, стр. 504—505).

— Черновое к самому Белому, т.-е.,—к императору Александру I: см. его ниже, № 147.

— Лев Пушкин обладал почерком, изумительно близким к почерку своего брата-поэта; с годами это сходство, однако, постепенно утрачивалось.

— «Стихотворения» Жуковского вышли в новом, 3-м издании в марте 1824 года (в 3-х томах); издание было исправлено и умножено. См. о нем

в «Моск. Ведом.» 1824 г., № 33, от 23 апреля, и «Московск. Телегр.» 1825, № 1, стр. 84—85; ср. «Остаф. Архив», т. III, стр. 22, 37, 393, 417. Издание было посвящено великой княгине Александре Федоровне, которую Жуковский называет в стихах, к ней обращенных, «гений чистой красоты». № 146.

— Блудов — Дмитрий Николаевич (род. 1785, ум. 1864), приятель Тургенева, Жуковского, Вяземского, Дашкова и других арзамасцев, сам деятельный член Арзамаза (где носил прозвище «Кассандра»), ревностный почитатель Карамзина и близкий к нему человек, издавший, по завету историографа, XII (посмертный) том «Истории Государства Российского». Блудов служил в это время по Министерству Иностранных Дел, впоследствии же был Товарищем Министра Народного Просвещения, Министром Внутренних Дел, Президентом Академии Наук (1855 — 1864) и графом. Он получил воспитание и образование на заграничный лад и в молодости находился под сильным влиянием своего двоюродного брата, драматурга-классика В. А. Озерова. — Талантливый французский писатель и автор Записок Ипполит Оже, познакомившийся с Блудовым в Петербурге около 1815 г., пишет: «Я люблю вспоминать о моих тогдашних разговорах с Блудовым. Мне все казалось, что я еще в Париже: так хорошо знал он наш язык со всеми оттенками и особенностями, так свободно владел им... Память у него была изумительная: он говорил, как книга. Разговаривая, он всегда ходил по комнате, слегка подпрыгивая, *точно маркиз* на сцене. Сходство было такое полное, что мне всегда чудилось, будто на нем шитый золотом кафтан и красные каблуки»... («Прыгающий маркиз» — персонаж из комедии Реньяра «Le Joueur», 1696 г., см. акт IV, сц. X — XII). («Русск. Арх.» 1877 г., кн. I, стр. 252). Посвящая Блудову свою балладу «Вадим» (1817 г.; в память этого Блудов одному из сыновей своих дал имя Вадима), Жуковский так обращался к своему товарищу:

Вот повести моей конец
И другу посвященье,
Певцу ж смиренному венец
Будь дружбы одобренье.
Вадим мой рос в твоих глазах,
Твой вкус был мне учитель;
В моих запутанных стихах,
Как тайный вождь-хранитель,
Он путь мне к цели проложил;
Но в пользу ли услуга?
Не знаю... Дев я разбудил, —
Не усыпить бы друга...

— Послание Жуковского — «К Блудову, при отъезде его в Турецкую армию» (1810), которое Пушкин пародирует; оно начинается так:

Веселого пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю;
Забудь покой, лети
За Русскими орлами, и т. д.

Пушкин бывал в доме Блудова до последнего года своей жизни; дочь его, графиня А. Д. Блудова, вспоминая о лицах, посещавших ее отца, пишет: «А вот и Пушкин, с своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток, а потом — растерзанный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души...» («Русск. Арх.» 1889 г., кн. I, стр. 62).

— «К портрету Гёте» — четверостишие Жуковского 1819 года:

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

№ 147. В 1829 г., во время посещения Гёте кн. З. А. Волконскою с сыном и с С. П. Шевыревым, Гёте «показал им подарок Жуковского — картину, изображающую арфу у стула, на котором кто-то сидел и исчез, оставив плащ свой. Луна ударяет на струны. Эта мысль взята из его «Елены». Гёте очень доволен этим подарком...». «Оттилия [жена сына Гёте], — прибавляет Шевырев в своем письме к А. П. Елагиной: — слыхала о Пушкине, но не могла сказать его имени, потому что имена Русские жестки даже и для немецкого уха» («Русск. Арх.» 1879 г., кн. I, стр. 139).

— Стихотворение Жуковского, 1818 г., «Мечта» начинается так:

Ах, если б мой милый был роза-цветок,
Его унесла бы я в свой уголок,
И там украшал бы мое он окно,
И с ним я душой бы жила заодно и т. д.

— Начало стихотворения Жуковского, «К мимопролетевшему знакомому гению» (1819 г.):

Скажи, кто ты, пленитель безымянной?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране? и т. д.

— Дельвиг вернулся в Петербург 27 апреля (К. Я. Грот, Дневник И. И. Козлова, С-Пб. 1906, стр. 14; ср. выше, стр. 432). Ю. Н. Верховский высказывает предположение, что поездка Дельвига к опальному Пушкину вызвала недовольство Директора Публичной Библиотеки А. Н. Оленина и повлекла за собою увольнение Дельвига от службы—29 мая 1825 г. (Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные, Пб. 1922, стр. 10—11, 39—41).

— «Водолаз» — баллада Шиллера «Der Taucher», окончательно завершенная Жуковским, под названием «Кубок», лишь 10 марта 1831 г.

— О цели «Цыганов» Жуковский спрашивал Пушкина в конце своего письма к нему: «Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое?» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 217).

— О думах Рылеева отзывы Пушкина см. выше, в письме № 145 и ранее.

147. *Императору Александру I* (стр. 134). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1171 — 1172; подлинник — в бумагах Жуковского в Гос. Публичной Библиотеке; писан на такой же бумаге, как и письмо к Жуковскому № 146, при котором он и был послан.

Перевод: «[Обязанный признать снисходительность вашего величества даже в самую минуту немилости ко мне], я поставил бы себе долгом переносить [ее] эту немилость в почтительном молчании, если бы необходимость [одна может побудить меня] не побуждала меня прервать оное.

Мое здоровье было сильнейшим образом расстроено в первой моей молодости; до настоящего времени у меня не было способов лечиться. Аневризм, которым я страдаю лет десять, также требовал бы безотлагательной операции. Легко убедиться в истине моего заявления.

Меня укоряли, государь, в том, что я когда-то рассчитывал на великодушие вашего характера; сознаюсь, что теперь прибегаю единственно к нему. Умоляю ваше величество дозволить мне удалиться куда-нибудь в Европу, где бы я не был лишен всяческой помощи».

— В «воображаемом разговоре» своем с Александром I, относимом к 1825 году, Пушкин также говорил о великодушии императора, на которое рассчитывал: «Я всегда почитал вас, как лучшего из Европейских нынешних властителей (увидим, однако, что будет из Карла X), но ваш последний поступок со мною.... и смело ссылаюсь на собственное ваше сердце—противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей...—

Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие? — (Хотя бы то была и правда), это не было бы оскорбительно вашему величеству: вы видите, что я не ошибся в моих рассчетах»... № 148.

— Проект прошения, посланный Жуковскому, не получил дальнейшего движения в такой форме: в дело вступила мать поэта, Надежда Осиповна, которая, с одобрения Жуковского и Карамзина, но без ведома самого поэта и его отца, обратилась к Александру I, в конце мая — начале июня, со следующим прошением (на французском языке), черновик которого сохранился в б. Румянцовском Музее (№ 1254) и впервые лишь недавно опубликован М. А. Цявловским в подлинном тексте и в переводе: «Государь! Со всею тревогою уязвленного материнского сердца осмеливаюсь припасть с мольбою к стопам вашего императорского величества о благодеянии для моего сына. Моя материнская нежность, встревоженная его болезненным состоянием, позволяет мне надеяться, что ваше величество соблаговолите простить меня за то, что я утруждаю вас просьбой о благодеянии. Государь, вопрос идет об его жизни. Мой сын страдает уже около 10 лет аневризмом в ноге. Вначале он слишком мало обращал внимания на эту болезнь, и теперь она угрожает его жизни каждую минуту, в особенности потому, что он живет в Псковской губернии, — в месте, где совершенно отсутствует врачебная помощь. Государь! Не отнимайте у матери предмета ее нежной любви! Благоволите разрешить моему сыну поехать в Ригу или в какой-нибудь другой город, какой угодно будет вашему величеству приказать, — чтобы подвергнуться операции, которая одна еще дает мне надежду сохранить его. Смею уверить, что поведение его там будет безупречно. Милосердие вашего величества — вернейшее в этом ручательство, какое я могу вам предложить» («Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 44; французский текст — стр. 44 — 45, в примечании). — Кн. П. А. Вяземский, приехав в Петербург 22 июня, по пути в Ревель, писал своей жене: «Слышал поэму Пушкина «Цыгане». Прелесть и, кажется, выше всего, что он доселе написал. Мать писала государю и просила, чтобы сыну позволили приехать в Ригу или другое место для операции: у него аневризм в ноге; но до сей поры ответа еще нет» («Остаф. Архив», т. V, вып. 1, стр. 47). 11 июля он повторил жене свое сообщение: «Иду обедать к Пушкиным [С. Л. и Н. О.], — дочь Ольга именинница и нездорова. Она очень мила и напоминает брата, от которого получил вчера письмо. Он отпущен во Псков, для лечения своего аневризма, — но не знают, поедет ли. Мать, кажется, еще просила государя, чтобы отпустили его в Ригу, где есть хороший доктор» (стр. 56 — 57; ср. «Берег» 1880 г., № 74, стр. 4. столб. 1). Дальнейшее движение дела о болезни Пушкина и об его освобождении см. в объяснениях к письмам №№ 151, 153, 155, 156, 160, 161 и след.

148. *А. А. Бестужеву* (стр. 134—137). Впервые напечатано в «Современнике» 1854 г., № 1, Отд. III, стр. 17, и № 9, Отд. III, стр. 5—6 (в статье В. П. Гаевского, с неверною датою, — отрывки), в «Материалах» Анненкова, стр. 160 — 162 (с неверною датою, отрывки) и в «Полярной Звезде на 1861 г.», Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 88—90 и 86—87, с неверною датою и не в порядке; ср. «Русск. Стар.» 1888, т. 60, стр. 156; правильно напечатано впервые в «Русском Слове» 1861 г., ч. 2, стр. 24—28, и в Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 225 — 228; подлинник (на бум. с вод. зн. N. Сазонов 1820) — в Библиотеке Академии Наук, в собрании Е. А. Масальской-Суриной («Пушкин и его соврем.», вып. IV, стр. 44 — 45).

— В письме этом Пушкин высказывает суждение по поводу очередной критической статьи Бестужева: «Взгляд на Рускую Словесность в течении 1824 и начале 1825 годов», помещенной в начале «Полярной Звезды на 1825 год» (стр. 1—23); статья эта начинается утверждением, что «Словесность всех народов, совершая свое круготечение, следовала общим законам природы. Всегда первый ее век был возрастом сильных чувств и Гениальных творений. Простор около умов высоких пораждает Гениев: они рвутся расшириться душою и наполнить пустоту. По времени круг сей стесняется; столбовая дорога и полуизмятые венки не прельщают их» и т. д.

№ 148. Пушкин в письме к Бестужеву сообщает ему свои возражения, следуя за некоторыми общими суждениями Бестужева, высказанными в общем введении к критическому обзору новых произведений русской литературы за 1824—1825 г.; эти суждения он приводит в своем письме со страниц 1, 2, 5 и 6 «Взгляда» (не всегда, однако, буквально точно), подчеркивая их, и разбивает последние категорическими утверждениями, подкрепляемыми рядом имен писателей латинских (Виргилий, Гораций, Тибулл, Овидий; Лукреций), итальянских (Данте. Петрарка, Тасс, Ариост, Альфиери и Фосколо) и английских (Мильтон, Шекспир, Аддиссон, Поп, Соути, Вальтер-Скотт, Мур и Байрон). Ср. в «Мыслях на дороге»: «Вступление», гл. III. Об этой статье Бестужева см. в книге Н. А. Котляревского: «Декабристы», С.-Пб. 1907, стр. 323—328. Свое мнение о Ломоносове, как поэте, Пушкин с еще большею беспощадною определенностью выразил в «Мыслях на дороге» (1833 г., глава III: «Ломоносов»), где также признавал, что он был «великий человек», но что в нем «нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредно и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым», и т. д.

— О Мерзлякове и о его критике на «Россиаду» Хераскова см. выше, в письме № 2 и в объяснениях, стр. 180.

— Суждения Пушкина о Державине не отличались полною устойчивостью; в это же время, в письме к барону Дельвигу от первой половины июня 1825 г., Пушкин, перечтя Державина, высказал своему другу свое *окончательное* о нем мнение (см. ниже, следующее письмо № 149). Говоря о «кумире» Державина, Пушкин разумеет его стихотворение «Мой истукан» (т.-е. бюст): в этой пьесе Державин сам определил свои гражданские и литературные заслуги. Свод всех суждений и даже упоминаний Пушкина о Державине см. в работе Н. М. Данилова: «Пушкин о Державине. К столетнему юбилею со дня кончины Державина 1816 — 1916», Казань. 1916, 8°, 15 стр. Что касается личных отношений Державина и Пушкина, то, кроме напоминания о восторженном отношении престарелого поэта, проявленном к юноше-Пушкину на Лицейском акте 1815 г. при выслушании его стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», — следует привести еще свидетельство С. Т. Аксакова, который в статье своей: «Воспоминание о Державине» рассказывает, как однажды Державин говорил ему: «Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие, что относительно версификации уже ничего не остается желать. Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в Лицее перещеголял всех писателей» (Семейная хроника и воспоминания, М. 1856, стр. 524). Нащокин говорил, что «Поэта Державина Пушкин не любил, как человека... Пушкин рассказывал, что знаменитый лирик в Пугачевщину сподличал, струсил и предал на жертву одного коменданта крепости, изображенного в Капитанской Дочке под именем Миронова. Разумеется, он ставил высоко талант Державина» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым, под ред. М. А. Цявловского, М. 1915, стр. 48 и 123). — Лучшим произведением Державина Пушкин считал его «Водопад» (см. статью Пушкина «О вдохновении и восторге» — «Пушкин и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 41). Ср. еще: Б. Садовской, Русская Камена, М. 1910 (и рец.—«Ист. Вестн.» 1911 г., № 1, стр. 331); «Нива» 1912 г., № 5, стр. 99—100 (зам. Н. О. Лернера). «Известия Отд. Русск. яз. и слов. Росс. Акад. Наук», 1919, т. XXIV, кн. 1, стр. 99—109 (в статье Н. Д. Чечулина о Державине), «Стар. и Нов.», кн. I, стр. 315—316 (отзыв Пушкина).

— Ода «Фелица» относится к 1782, «Вельможа» — к 1794, «Бог» — к 1784, «На смерть князя Мещерского» — к 1779 г.

— «Ода к Зубову», — т.-е. «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797 г.), — появилась в печати действительно позже других стихотворений Державина, связанных с именем Зубовых, а именно в 1804 году, в сен-

тябрьской книжке журнала «Друг Просвещения» (ч. III, стр. 187). Отрывок из этой «превосходной», по словам Пушкина, оды с описанием «диких картин Кавказа» поэт привел в одном из примечаний к «Кавказскому Пленнику» в изданиях его 1822 и 1828 гг.; ниже, в этом же письме, Пушкин цитирует 4 стиха из этого стихотворения Державина. № 148.

— Княжнин — Яков Борисович (род. 1742, ум. 1791), драматург, автор «классических» трагедий, комедий и опер, пользовавшихся большою известностью несмотря на то, что большая их часть заимствована, а то и просто переведена с французского языка (Пушкин в «Евгении Онегине» — гл. 1, стр. XVIII, поэтому и назвал Княжнина «переимчивым»).

— О Богдановиче и его «Душеньке» см. выше, стр. 389.

— Дмитриев — Иван Иванович; ср. выше, в письме № 77.

— О Крылове мнение Пушкина ср. выше, в письме № 77.

— О Ж.-Б. Руссо — см. выше, в письме № 118 и стр. 391.

— «Вестник Европы» — журнал Каченовского; на его критики Пушкин написал эпиграмму «Жив, жив курилка» (см. выше, в письме № 137).

— «Благонамеренный» — журнал А. Е. Измайлова, не отличавшийся выдержанностью и серьезностью литературных мнений.

— Державин был Министром Юстиции в 1802 — 1803 гг., а Дмитриев — в 1810 — 1814 гг.

— Карамзин еще 31 октября 1803 г. был «пожалован» в звание историографа и получал пенсию по 2.000 рублей в год.

— Жуковскому в 1816 году имп. Александр назначил пожизненную пенсию по 4.000 рублей в год. Крылов с 1812 года получал от Александра I по 1.500 рублей в год пенсии, которая затем была еще увеличиваема (см. «Сборн. статей, читанных в Отд. Русск. языка и слов.», т. VI, 1869, отд. 2, стр. 300 — 306).

— Гнедич 11 марта 1825 г., по ходатайству А. Н. Оленина, получил 3.000 рублей пожизненной пенсии и сохранение жалованья для поездки на Кавказ с целию лечения и восстановления здоровья, необходимого, по словам Оленина в его докладе, «к исполнению великого предприятия, в котором до сих пор ни Франция, ни Англия, ни Германия в полной мере еще не успели, — а именно перевода с подлинника знаменитейшей в мире поэмы, Омировой *Илиады*», который тогда был доведен им уже до последней песни («Государственная Канцелярия. 1810—1910», С.-Пб. 1910, стр. 57—58).

— Боратынский только что (21 апреля) был произведен в первый офицерский чин прапорщика Нейшлотского пехотного полка и, таким образом, вышел из опального состояния, в котором находился со времени своего исключения, в марте 1816 г., из Пажеского Корпуса и со вступления в военную службу рядовым в феврале 1819 г. (см. выше, стр. 402 и 412 — 413).

— Царствование королевы Английской Елизаветы (с 1558 по 1603 г.) было одною из наиболее блестящих эпох в истории Англии.

— Мольер был сыном придворного служителя — драпировщика и обойщика — и готовился в преемники отцу, которому некоторое время, по окончании образования, и помогал в его служебных занятиях; собственно камердинером Людовика XIV он никогда не был, хотя и носил, как и отец, низшее придворное звание «valet de chambre du roi». «Тартюф» написан в 1667 г.; только благодаря личному покровительству Людовика XIV эта комедия смогла появиться на сцене.

— Поэма Вольтера, которую имеет в виду Пушкин, — вероятно, небольшая «Poéme sur la Loi naturelle»», в 4 частях (1752—1756), посвященная Фридриху II, королю Прусскому и написанная Вольтером во время пребывания его в Берлине, при дворе этого восторженного почитателя французского философа. Может быть, однако, что Пушкин имеет в виду «La Pucelle d'Orléans», которую Вольтер переделывал, живя в Берлине в 1750 — 1753 гг.

— Стихи

О вспомни, как в том восхищеньи и т. д.

взяты из 10-й строфы упомянутой выше оды Державина: «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797).

№ 148. — Послание Жуковского к Александру I, 1815 года, называется: «Песнь Русскому Царю от его воинов»; она была написана по случаю возвращения императора из заграничных походов; вот ее 1-я строфа (всех строф — девять):

Гряди, наш царь, твоя дружина
Благословляет твой возврат;
Вселенной решена судьбина,
И ниспровергнут супостат.
Гряди, гряди к стране своей,
Наш царь, наш славный вождь царей!

— Граф Мирабо (род. 1749, ум. 1791) — выдающийся оратор, деятель великой Французской Революции, и аббат Сийес (Sieyés, род. 1748, ум. 1836) — деятель той же революции, автор множества политических сочинений и брошюр, написанных по поводу текущих событий его времени. В библиотеке Пушкина сохранилось собрание сочинений Мирабо, издания 1825 — 1827 г., его политические письма (изд. 1792 г.) и Мемуары, изд. 1834 г., в 6 томах; см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 291.

— *Перевод французской фразы:* «Его молчание — общественное бедствие».

— По поводу слов Пушкина о его шестисотлетнем дворянстве Рылеев писал ему: «Ты сделался аристократом: это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 232). Пушкин отвечал ему в свою очередь: «Ты, сердишься за то, что я хвалюсь шестисотлетним дворянством (NB. мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по рождению почитаем себя равными им», и т. д. (см. ниже, № 150). С последними словами следует сопоставить слова Чарского в «Египетских ночах» (1835): «Звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чорт их побери!) этого не знают,—тем хуже для них».... Вопросу об ободрении, покровительстве, меценатстве много страниц посвящено в трактате Альфиери «Du prince et des Lettres» (франц. перевод Paris. 1818), бывшем у Пушкина и им читанном (см. ниже, в письме к Дельвигу от февраля 1826 г. и в объяснениях).

— Вот что сказал Бестужев об «Онегине» в своей статье в «Полярной Звезде на 1825 год» (стр. 14): «Первая глава стихотворного его [Пушкина] романа *Онегин,* недавно появившаяся, есть заманчивая, одушевленная картина неодушевленного нашего света. Везде, где говорит чувство, везде, где мечта уносит Поэта из прозы описываемого общества, — стихи загораются поэтическим жаром и звучней текут в душу! Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это щастливое подражание Гёте) кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком. «Блажен, говорит тэм в негодовании Поэт:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья,
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья»....

Свое частное мнение об «Онегине» Бестужев высказал Пушкину в письме к нему от 9 марта (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 186 — 187).

— Твой «Турнир» — повесть Бестужева «Ревельский Турнир», помещенная в «Полярной Звезде на 1825 г.» (стр. 35 — 102, с гравированною картинкою) и писанная в духе и под ясным влиянием Вальтер-Скотта; среди эпиграфов к отдельным главам повести — один взят из Н. Языкова, другой — из Байрона. Н. А. Котляревский считает, что в повестях Бесту-

жева нечего искать самостоятельности в замысле или оригинальности № 149.
в приемах разработки исторических картин: «Наш писатель», говорит он: «находился в полной зависимости от господствующего тогда литературного вкуса и стиля и, кроме того, не мог уберечь себя от подражания образцам западным. След хорошего чтения Вальтер-Скотта на его повестях остался; в любовных мотивах слышны отзвуки поэзии Мура, и некоторые герои былых времен в своих сентенциях как будто упредили Байрона». Исторические повести Бестужева — «лучшее, что им написано в этом роде. Много движения, жизни и красок, напр., в рассказе «Ревельский Турнир», который так счастливо кончился для купеческого сына Эдвина, влюбленного в Минну, единственную дочь рыцаря Буртнека»; последний, обещав выдать дочь за того, кто отомстит его обидчику на турнире, должен был, когда этим мстителем оказался Эдвин, согласиться на брак дочери с купцом, а это «дало нашему автору возможность прочитать хорошую мораль, для дворян вообще не бесполезную. Мораль и для того времени была не новая; но что было ново, так это — детальная и живая картина рыцарских нравов и жизни в рыцарском замке» (Н. А. Котляревский. Декабристы, С.-Пб. 1907, стр. 222 — 228). Критик «Московского Телеграфа» отозвался о повести Бестужева также очень благосклонно: «Слог А. А. Бестужева... имеет свою прелесть, неподдельно хорош и в «Ревельском Турнире» увлекателен. Эту повесть можно назвать лучшим из всего того, что доныне написал г. Бестужев: рассказ и разговор живы, природа, картины верны, характеры отделаны с точностью» («Моск. Телегр.» 1825 г., № 8, стр. 334).

— Владимир — герой другой исторической повести Бестужева, напечатанной в той же «Полярной Звезде» (стр. 319 — 358), — уже из Русской жизни, из эпохи Смутного времени, — «Изменник» (с эпиграфом из Шекспира). Говоря о склонности Бестужева вводить в свои повести элемент фантастического, чудесного и таинственного в слишком больших размерах, Н. А. Котляревский говорит, что «не меньше ужасов находил читатель и на страницах повести «Изменник», где автор рассказывал о соперничестве двух братьев из-за Переяславского воеводства и сердца прелестной Елены. Полякам и злым духам продал старший брат свою душу и вместе с полками Лисовского обложил родной город. Во время приступа к стене столкнулся он со своим меньшим братом и убил его. Но он сам пал пронзенный и, умирая победителем, услышал свой приговор: два польских мародера кляли его имя и не пожелали даже снять с него богатого платья, так как оно было обрызгано братнею кровью« (Н. А. Котляревский, назв. соч., стр. 224).

— Указывая на ошибку («bevue») Бестужева, Пушкин имел в виду то место повести «Измена», где Владимир, когда «душная ночь налегла на холмы Переславские», придя в дремучий бор, в самую полночь, «стал творить суеверные заклинания, трижды обратившись против *солнца* и за каждым разом повторяя призвание злого духа» (стр. 330).

— О замечаниях Пушкина на «Войнаровского» Рылеева см. выше, в письме № 145 и стр. 441.

— Говоря о статье Бестужева 1822 г., Пушкин имел в виду «Взгляд на старую и новую словесность в России», помещенную в «Полярной Звезде на 1823 г.»

— Пушкин горячо приветствовал вступление в должность Министра Народного Просвещения А. С. Шишкова, назначенного на место кн. А. Н. Голицына 15 мая 1824 г. См. в Пушкинском «Втором послании к цензору» (1824) и выше, стр. 328—329.

149. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 137—138). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 156 — 157 и 244 (отрывки), в «Современнике» 1863 г., № 8, стр. 371 (отрывки, в статье В. П. Гаевского: «Пушкин в Лицее»), в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 93 — 95 (полностию) и в «Вестн. Европы» 1881 г., № 1, стр. 7 — 9 (полностью). В статье своей о Дельвиге в «Современнике» 1853 г., т. XXXVII, № 2, отд. III, стр. 77, прим. 4-е, Гаевский лишь упо-

№ 149. мянул об этом письме, почему-то указывая его точную дату (5-го июня), которой на подлиннике, находящемся ныне в Библиотеке Академии Наук (на бум. — вод. зн. Гг. X. 1824 Г.) нет[1]; письмо было запечатано перстнем-талисманом.

— Письмо писано через месяц с небольшим после возвращения Дельвига от Пушкина из Михайловского (см. выше, стр. 432 и 446) и пришло к Дельвигу в пору неприятностей, вызванных выходом его со службы из Публичной Библиотеки (Ю. Верховский, Материалы литературные и биографические, Пб. 1922, стр. 10 - 11 и 39—41).

— Никита — слуга Дельвига; биограф последнего, В. П. Гаевский, говоря о совместной жизни Дельвига и Боратынского, пишет: «Хозяйственные распоряжения в домашнем быту обоих поэтов предоставлены были на произвол находившегося у Дельвига в услужении человека Никиты, который в лености и беспечности мог поспорить разве только с своим барином. Вероятно, уважая в нем собственные качества, Дельвиг не отпускал Никиту, несмотря даже на то, что Никита был постоянно пьян, распоряжался карманом барина (когда в нем водились деньги), как своим собственным, и не всегда считал нужным доставлять его письма по адресу... Вообще порядок, чистота и опрятность были качествами, неизвестными в домашнем быту обоих поэтов. Эта беспорядочная обстановка жизни, считавшаяся тогда поэтическою, доходила до цинизма, и Дельвиг, во всем старавшийся быть эпикурейцем, был в то же время и циником в значительной степени, хотя, быть может, и бессознательно» («Современник» 1853 г., т. XXXIX, № 5, стр. 40 — 41). В письме к Дельвигу от 23 июля 1825 г. (№ 156) Пушкин опять вспоминал про знаменитого Никиту.

— В словах Пушкина о смерти его бабушки и дяди нельзя не видеть шутки. Незадолго Пушкин с Дельвигом «оплакали» смерть Анны Львовны Пушкиной (см. выше, в письме № 142), — теперь же скончались: Варвара Васильевна Чичерина (родная сестра Ольги Васильевны Пушкиной, жены Льва Александровича, родного деда поэта), престарелая девица, помещица Козельского уезда Калужской губернии (где ей принадлежало село Березичи и пустошь Пронско, с 289 душами), умершая 15 апреля 1825 г., на 83 году жизни, и погребенная в Оптиной пустыни (ср. ниже, в письме от 14 — 15 августа 1825 г. № 171), — и Петр Львович Пушкин, отставной артиллерии подполковник, вдовый и бездетный старик, помещик сельца Кистенева, Лукояновского уезда Нижегородской губернии (коим впоследствии владел поэт), умерший 15 мая 1825 г. — «Василий Львович Пушкин поехал хоронить тетку, после коей получил 300 душ», сообщал А. Я. Булгаков своему брату 1 июня 1825 г. из Москвы: «а теперь ему еще наследство: умер у него холостой брат, оставил также более 500 душ, на раздел с Сергеем Львовичем. Того и гляжу теперь, — что̀ нет ни тетки, ни сестры Анны Львовны, — укатит наш подагрик-поэт в чужие края» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 183 — 184).

— Стихотворения Пушкина, посланные Льву Пушкину и Плетневу в середине марта, еще не были тогда сданы в цензуру, а из-за этого затягивалось и дело издания книги; поэт очень сетовал на брата за невнимание к его просьбе и с горечью выговаривал ему в письме от 28 июля (см. № 159). Цензор Бируков подписал книгу к печати 8 октября 1825 г., а вышла она в свет 30 декабря. Между тем, волнующие слухи об ее издании и об издании «Цыган» тогда уже распространились и по Москве: в № 11 «Московского Телеграфа» за 1825 г., ч. III (июнь), было сообщено, что «*Цыганы*, новая Поэма А. С. Пушкина, печатается в Петербурге. Кроме того будут изданы вновь прежние его Поэмы и, как сказывают, собрание небольших его Стихотворений, с присовокуплением многих новых — и *отличных по достоинству*, можем прибавить, ибо мы слышали

[1] В той же статье, но в другом месте (т. XXXIX, № 5, отд. III, стр. 41) Гаевский дату письма указывает уже *8 июня;* это, однако, дата почтового штемпеля.

их несколько здесь, в Москве, от приезжих из Петербурга, которые на память прочитывали нам множество новых стихов Пушкина. Невольно вспомнишь слова старика Вольтера: «Есть и всегда будет множество молодых людей, которые пишут хорошие стихи. Но не довольно писать хорошо: надобно, чтобы в стихах было, не знаю что̀ такое, что̀ заставляет нас затвердить их наизусть и читать, несмотря на то, что мы уже их читали: без этого сто тысяч хороших стихов — потерянный труд!» (стр. 182 — 183). № 149.

— О продаже «Евгения Онегина» Плетнев сообщал Пушкину 5 августа: «28 Марта, при посылке 1000 руб., я сказывал тебе, что на книгопродавце осталось 7 р. 50 к. Он показал, что 7 руб. им издержаны на разные посылки по твоим комиссиям. Вновь же Онегина продано (кроме тех, о которых я уже тебя уведомлял, т.-е. к 1-му Марта—700 экз., да к 28 Марта 245 экз.) 161 экз., т.-е. на 724 руб. 50 к., а прибавь к этому бывшие на книгопродавце 50 к., получить ты и должен ровно 725 р. И так, чтобы привести в ясность тебе весь ход этой торговли, я повторю: Напечатано 2400 экземпляров; за деньги из них прод. 1106 экз., а без денег вышло для разных лиц 44 экз. Следовательно продать осталось еще 1250 экз. И их-то я решился для скорейшей продажи уступать книгопродавцам по 20 процентов, т.-е. чтобы тебе с них за экземпляр брать по 4 руб., а не по 4 р. 50 к., как было прежде. Доволен ли ты моими распоряжениями?» (Акад.изд.Переписки,т.I, стр. 255—256; ср. еще стр. 273, 274 — 276, 320).

— Мнение о Державине см. еще в предыдущем письме, № 148,— к А. А. Бестужеву. По этому поводу В. П. Гаевский говорит: «Письмо это, как справедливо замечает П. В. Анненков, более всех других вводит в литературные задушевные убеждения Пушкина. Замечательное по смелой и меткой характеристике Державина, оно свидетельствует, что в течение последних десяти лет произошел совершенный переворот в литературных убеждениях Пушкина, который еще в 1815 г. на Лицейском экзамене благоговел перед Державиным. Такой же самостоятельный и вполне справедливый, хотя менее резкий взгляд на его произведения впервые высказан в печати лет через двадцать Белинским, который не мог знать мнения Пушкина — замечательное совпадение суждений двух гениальных умов. Хотя г. Анненков в выноске к этому письму и говорит, «что с течением времени, накоплением опытности, идей и развитием мыслящей способности, Пушкин изменил свои суждения о Державине, но мы этого не видим и считаем подобную оговорку уступкой цензуре, чтобы спасти остальную часть письма» («Вестн. Европы» 1881 г., январь, стр. 9). — Действительно, при печатании «Материалов» Анненкова место письма Пушкина с отзывом его о Державине вызвало большое сомнение в цензоре, который не считал возможным пропустить это место во исполнение распоряжения, по коему не должна была допускаться к обнародованию никакая критическая оценка старых классических писателей, если она может умалить их авторитет (распоряжение было вызвано доносами на критические разборы литературы Белинского, будто бы оскорбляющие народную гордость и помрачающие славу великих мужей России). Анненкову пришлось писать длинное объяснение и доказывать желательность появления в печати отзыва Пушкина, показывающего, «как с течением времени и с накоплением опытности, идей и развития мыслящей способности Пушкин изменял постепенно свои суждения об авторах к лучшему», и как «поучительный пример, как истинно замечательный писатель поправляет собственные свои суждения и предостерегает других от ранних увлечений, кончающихся неизбежно раскаянием» (см. статью П. В. Анненкова: Любопытная тяжба — «Вестн. Европы» 1881 г., январь, стр. 25 — 26).

— Выражение: «русской грамоты не знал за недосугом» — взято из известной «Эпитафии», принадлежащей И. И. Дмитриеву (1803 — 1805 г.):

Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай:
Я воин, грамоты не знал за недосугом.
Направо кругом!
Ступай!

№ 149. — 2-ю главу «Онегина» Жуковский мог узнать из чтения Льва Пушкина; ее в Петербург поэт переслал через Дельвига (см. выше, в письмах № 135, 140, 142, 143 и стр. 420, 433, 441 и др.).

— Слух о болезни и об операции Крылова, дошедший до Пушкина, был повидимому, неверен; по крайней мере в письме своем к В. А. Олениной от 22 июля 1825 г. он писал про себя:... «Что до меня, то по отпуске сего письма я, слава богу, жив и здоров, ем и сплю много, читаю вздор, пишу — ничего и нахожу, что это довольно весело. Теперь собираюсь к себе, в ваше Приютино, где мне никогда не может быть скучно», и т. д. (М. Е. Лобанов, Жизнь и сочинения И. А. Крылова, С.-Пб., 1847, стр. 72). Комментатор Крылова—В. Ф. Кеневич, по поводу вопроса Пушкина, также писал: «Мы никогда не слышали, чтобы Крылову делали какую-либо операцию; да вряд ли бы он на нее решился. Очень может быть, что Петербургский корреспондент Пушкина употребил это слово в переносном смысле, намекая на прежнюю болезнь Крылова, о которой Пушкин, живший тогда в деревне, мог узнать очень поздно» («Сборник статей, читанных в Отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук», т. VI, С.-Пб. 1869, отд. 2, стр. 201). Может быть еще, что до Пушкина дошел слух о той болезни Крылова, которая дала повод к следующей эпиграмме, приписываемой Рылееву (ум. 1826) и датируемой обыкновенно, неизвестно, однако, почему 1821 годом:

НА БОЛЕЗНЬ КРЫЛОВА.

Нет одобрения талантам никакова
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

Впрочем, паралич этот приключился с Крыловым, повидимому гораздо ранее 1825 г.—около декабря 1823 г.,—судя по черновому наброску Пушкина, в котором он писал, что «Крылов разбит параличем» (Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. VI, стр. 178; «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1012). Однако, Крылов, которому в 1825 г. было уже 57 лет, надолго пережил Пушкина: он умер 9 ноября 1844 г. Поэт, по словам близкой к Крылову А. П. Савельевой, посетил баснописца «за день или за два до своей дуэли с Дантесом. Он был особенно, как-то даже искусственно весел, говорил г-же Савельевой любезности, играл с ее малюткой-дочерью, нянчил ее, напевал песенки, потом вдруг торопливо простился с Крыловым. Когда же тот узнал, что великого поэта не стало,—баснописец, всегда спокойный, невозмутимый, воскликнул: «О, еслиб я мог это предвидеть, Пушкин! Я запер бы тебя в моем кабинете, я связал бы тебя веревками... Если б я это знал!» («Русск. Арх.» 1877 г., кн. III, стр. 402).

— Басня Крылова «Мельник» («У мельника вода плотину прососала»...) стала известна Пушкину из «Полярной Звезды на 1825 г.», где она впервые была напечатана (стр. 374—375). Басню «Демьянова уха» (1813 г.) Пушкин пародировал в конце своего письма к брату Льву Сергеевичу от 24 января 1822 г. (№ 33), потчуя его своими эпиграммами (на Аглаю Давыдову и на Каченовского). Заметим кстати, что в 1825 г. книгопродавец И. В. Слёнин выпустил новое издание «Басен Ивана Крылова», с портретом автора и с картинками.

— Н. М. — Карамзин, неустанно работавший тогда над «Историей Государства Российского»; ее XI том (Царствования Бориса Годунова и Самозванца) был издан в 1824 году, а в 1825 году историограф трудился над XII томом. 19 марта 1825 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Я кончил третью главу Шуйского, а его еще не скоро кончу. Хотелось бы спешить: для того не пишу и примечаний, чтобы скорей управиться с текстом». В июне и июле Карамзин чувствовал себя нездоровым: «Я все хилею, езжу верхом, обливаюсь холодною водою, ем мало, но все не к лучшему; не могу и работать с успехом, высиживая в кабинете не страницы написанные, а головную боль. Вот расплата за Авторское

ремесло!» (Письма Карамзина к Дмитриеву, С.-Пб. 1866, стр. 393, 398). Кн. Вяземскому историограф писал 27 апреля 1825 г.: «Посылаем 3 главы 12-го тома Истории в Варшаву к их Хозяину [Александру I]; пишу четвертую, иногда с чувством, и не худо, как мне кажется: это лебединая песнь» («Стар. и Новизна», кн. I, стр. 168). Как известно, Карамзину не удалось довести до конца свою работу над XII томом, который должен был кончиться избранием М. Ф. Романова: он обрывается V главой («Междоцарствие»), доведенной до убиения Ляпунова. Посмертный, XII том был издан в 1829 г. Д. Н. Блудовым, душеприказчиком Карамзина. *№ 150.*

— Из предков Пушкина (вернее однородцев) под грамотою об избрании на Российский престол Михаила Федоровича Романова *подписались:* стольник Иван (за себя и за Ивана Григорьевича Пушкина), стряпчий Федор, Михайло и Никита Пушкины, да двое *руку приложили:* Федор и Федор, Семенович, — следовательно, — в избрании участвовали семеро Пушкиных, а не восьмеро, как утверждал поэт в письме к Дельвигу, и не четверо, как позже он писал в статье своей «Родословная Пушкиных и Ганнибалов» (Б. Л. Модзалевский, Род Пушкина—Соч., ред. Венгерова, т. I, стр. 10).— М. В. Юзефович в Воспоминаниях своих рассказывает, что в 1829 году Пушкин, в споре с ним и с Н. Н. Раевским, восклицал: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборной грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных» («Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 439). В «Моей родословной» Пушкин писал глухо:

Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,—
Мы к оной руку приложили....

— Дельвиг служил в Публичной Библиотеке сперва по найму,—и. д. помощника библиотекаря (с сентября 1820), а 2 октября 1821 г. был утвержден в должности (см. Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные. Собранные Ю. Верховским, С.-Пб. 1922, стр. 50). По своим занятиям в Библиотеке он был помощником И. А. Крылова, занимавшего в то время, после В. С. Сопикова, должность библиотекаря Русского Отделения Библиотеки. Дельвиг, однако, был плохим помощником своему начальнику. По словам Плетнева, «особенно начал хлопотать Крылов по своей должности, когда определился к нему в помощники барон Дельвиг, столь же беспечный чиновник, сколько был он и беспечным поэтом. Крылов скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими он был обязан смышлености и трудолюбию Сопикова. Это однако же не довело до ссоры двух поэтов, равно ленивых, но равно и уважавших друг в друге истинное дарование. По возможности они кое-как несли вместе общее бремя». Впрочем, как раз 29 мая 1825 г. Дельвиг оставил службу в Библиотеке и вышел в отставку «для определения к другим делам» («Современник» 1853, т. XXXIX, № 5, стр. 19—21).

150. *К. Ф. Рылееву* (стр. 138). Впервые напечатано у Анненкова: Пушкин в Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 249—250, без указания адресата; то же в «Русск. Стар.» 1882 г., т. 33, стр. 464, и в Соч., ред. Ефремова, изд. 1882 г., т. VII, стр. 178—179 и 460, где отнесено к Рылееву и датировано: Декабрь 1825 г. (будто бы «осталось недописанным вследствие событий 14 декабря 1825 г.»); в изд. Лит. Фонда под ред. П. О. Морозова, 1887 г., т. VII, стр. 170—171, отнесено к А. А. Бестужеву и датировано также декабрем; в изд. Суворина, под ред. Ефремова, 1903 г., т. VII, стр. 181 — 182, сочтено адресованным к Рылееву и отнесено к маю месяцу, как ответ на письмо Рылеева от конца апреля—начала мая; в Акад. изд. Переписки (т. I, стр. 232 — 233) отнесено к Рылееву и датировано «второй половиной июня»; Н. О. Лернер справедливо полагает, что письмо написано «не ранее конца июня, если не в июле, а может быть и позже. Рылеев отвечал на него в сентябре—октябре» Труды и дни Пушкина, стр. 120.) Подлинник писан карандашом, на полулисте желтоватой бумаги, и находился, одно время, с бумагами П. В. Анненкова, у Л. Н.

№ 151. Майкова; в настоящее время принадлежит Пушкинскому Дому, которому передан, из коллекций Музея б. Смольного Института, Русским Музеем. В нашем издании письмо напечатано более полно и исправно, чем во всех предыдущих. Что касается адресата письма, то таковым мог быть скорее поэт Рылеев, чем Бестужев.

— Письмо представляет собою продолжение спора Пушкина и Бестужева (см. выше, письмо № 148) и служит ответом на следующие строки письма Рылеева к Пушкину от первой половины июня: «Бестужев собирается отвечать тебе—и, правда, ему есть об чем поспорить с тобой касательно мнений твоих об его Обозрении. Главная ошибка твоя состоит в том, что ты и ободрение, и покровительство принимаешь за одно и то же. Что ободрение необходимо не только для таланта, но даже для гения, я твердил Бестужеву еще до получения твоего письма; но какое ободрение? Полагаю, что характер и обстоятельства гения определяют его. Может быть Гомер сочинял свои рапсодии из куска хлеба, Байрона подстрекало гонение и вражда с родиной, Тасса—любовь, Петрарка—также; иначе быть не может, и покровительство в состоянии оперить, но думаю, что оно скорей может действовать отрицательно. Сила душевная слабнет при дворах и гений чахнет; все дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения. Пусть он производит свободно все, что внушает ему вдохновение. Тогда не надобно ни пенсий, ни орденов, ни ключей камергерских, — тогда он не будет без денег, следовательно,—без пропитания; он тогда будет обеспечен. Гений же немного и требует в жизни. Тогда потерпят, быть может, только одни самозванцы-гении»...

— Французская фраза значит: «и будить кота, который спит».

— Тот [наш приятель] — Александр I.

Известный графоман граф Д. И. Хвостов, как говорили, не только издавал свои сочинения на собственный счет, но затем скупая их у книгопродавцев, раздаривал знакомым и рассылал по разным учреждениям.

151. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 138—139). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 150—152; подлинник (на бумаге — вод. зн. Гг. X. 1824 Г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве. Письмо это в Акад. издании Переписки помещено (т. I, стр. 234 — 236) *после* письма к Жуковскому с благодарностью за выхлопотанное разрешение ехать во Псков; в виду того, что в настоящем письме к Вяземскому (в конце его) есть фраза, из которой видно, что Пушкин еще не знал о результатах своей просьбы, — мы помещаем его *до* письма к Жуковскому. Письмо было переслано через третье лицо, а не по почте, и было получено Вяземским в Ревеле 10 июля (см. «Ост. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 56); оно служит ответом на письмо Вяземского из Остафьева от 7 июня 1825 г. (Переп., т. I, стр. 228—229), в котором он извещал о получении 2-й главы «Онегина» и «еще кое-каких безделок» (см. выше, в письмах №№ 142 и др.), говорил о желании прочесть «Цыган» и уведомлял своего друга: «12 числа отправляюсь в Петербург или лучше сказать в Царское Село, проживу там до 29-го, а после отправлюсь в Ревель купаться в море. Говорят, что и тебя готовятся в прок посолить. Правда ли, что у тебя аневризм в ноге? Дай бог, чтобы не в правой руке. Охота тебе была печатать une réclamation [возражение] на «Телеграфа» у подлеца Булгарина! Телеграф очень огорчился, а виноват был во всем я. Мне казалось осторожнее прибавить Журнальным, потому что у тебя приятелей много и могли бы попасть не в попад. Надобно совершенно разорвать с Петербургскими журналистами. Вот тебе письмо от Телеграфа [оно до нас не сохранилось]. Давай ему стихов и скажи, чего хочешь, только не дорожись и не плутуй. Я буду вашим сводником. Отдаю ему твоего Курилку, только боюсь, чтобы цензура не уморила его» [цензура его действительно уморила] (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 229; ср. выше, в письме № 118 и в объяснениях, стр. 393).

— Ответ Пушкина на предложение Полевого сотрудничать в его журнале см. выше, в письме № 144 и стр. 422. В № XII (втором июньском) «Мос-

ковского Телеграфа» (стр. 255 — 259) появилась статья Пушкина «О г-же Сталь и о Г. А. М-ве», с подписью: Ст. Ар. [т.-е., Старый Арзамасец] и с датою: «9 июня 1825», а в XIII (первом июльском)—эпиграмма «Ex ungue leonem» (стр. 43). № 151.

— Кн. Вяземский позднее так отозвался о Полевом, которого в начале его литературной деятельности всячески поддерживал: «Есть люди, которые смотрели, есть такие, которые смотрят и ныне на Полевова, как на критика и на литературного судию. Полевой был просто смышленый Русский человек. Он завел литературную фабрику на авось, как завел бы ситцевую или всякую другую мастерскую. Не очень искусный и совестливый в работе своей, он выказывал товар лицом людям, не имеющим никакого понятия о достоинстве товара. Опять как Русский человек, надувал он их немножко, как следует надувать Русских потребителей. Почему же и нет? Это в порядке и шло благополучно. Товар по мастеровому и покупщик по товару. Так вообще идут две трети всякой торговли» (Сочинения, т. VIII, стр. 191). Ср. слова Пушкина—Соч., изд. Лит. Фонда, V, стр. 220.

— Относительно цензора Бирукова, к которому поступило на рассмотрение собрание Стихотворений Пушкина, поэт еще 15 марта писал брату и Плетневу: «Бируков человек просвещенный, кроме его я ни с кем дела иметь не хочу. Он и в грозное время был милостив и жалостлив. Ныне повинуюсь его приговорам безусловно» (см. выше, письмо № 130).

— Красовский, Александр Иванович, цензор, обскурант и фанатик, библиотекарь Публичной Библиотеки; см. выше.

— Мор на Пушкиных и их родню пошел со смерти, в октябре 1824 г., Анны Львовны Пушкиной: за нею скончалась, 15 апреля 1825 г., grande tante поэта—В. В. Чичерина, через месяц, 15 мая, родной дядя—Петр Львович Пушкин, а 25 мая — дальний родственник—Алексей Михайлович Пушкин, известный остроумец, писатель и переводчик, театрал, весельчак и «вольтерьянец», про которого еще в феврале, по случаю его болезни, А. Я. Булгаков писал брату: «Сегодня консилиум для А. М. Пушкина. Скорее спасут тело, нежели богомерзкую его душу. Что̀ он говорит, так это ужас! Видно, хочет умереть, как жил» («Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 165). «Вчера в девятом часу вечера скончался А. М. Пушкин»,—сообщал он же своему брату, К. Я. Булгакову, 26 мая из Москвы: «Никто из окружающих не был сим поражен, ибо давно ожидаем был конец его. Боялись даже, чтобы он, по примеру матери своей, не промучился долго; та, разбитая почти беспрестанными ударами паралича, жила или, лучше сказать, дышала года полтора.... Тургенев, Вяземский тотчас туда поехали» (там же, стр. 182). — «Добрый и любезный наш Пушкин»,—писал князь Вяземский А. И. Тургеневу 27 мая: «скончался третьего дня вечером тихо и без страдания. По-настоящему, умер он за десять дней до кончины своей. Сердечно его жаль и за него лично, и за окружающих» («Остаф. Архив», т. III, стр. 129).—В упомянутом выше письме от 7 июня Вяземский писал Пушкину: «Сказывают, у вас умер еще добрый человек Петр Львович и оставил хорошее наследство. Смотри не перестань писать со счастия: наследства так и падают вам на голову. А напротив, тебе надобно теперь еще прежнего быть умнее и одному поддерживать славу Пушкинского рода. Бедный и любезный наш Алексей Михайлович умер и снес в могилу неистощимый запас шуток своих на Василия Львовича. Не видавши их вместе, ты точно можешь жалеть об утрате оригинальных и высококомических сцен. Нам уже так сладко не смеяться! Были выходки классические!» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 229). Об А. М. Пушкине и его богато одаренной и оригинальной личности, а также о его шутках над В. Л. Пушкиным см. в «Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского (Соч., т. VII, стр. 396 и т. VIII, стр. 177—178, 217, 395, 413, 471, 473—474, 488—489), в Соч. Батюшкова, т. III, стр. 689—690; в «Остаф. Арх.», т. I, стр. 406—407, 431—432 и др.; т. II, стр. 176, 479 и др., т. III, стр. 196, 286; в Письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, в Записках Вигеля, ч. IV, стр. 118—119, и др.—Князь Вяземский, характеризуя его, говорит, что А. М. Пушкин блестел остроумием, парадоксами и оригинальностию

№ 151. понятий и суждений, которые он выражал равно оригинально, энергически и эксцентрически. Для оценки и возсоздания той эпохи надобно когда-нибудь обрисовать эту замечательную личность, которая выпукло выдавалась из среды общества, богатого личностями» («Русск. Арх.» 1866, ст. 862); в другом месте он же отмечал странность, наблюдавшуюся в А. М. Пушкине: «*на словах* он был водопад веселости, оригинальности,— так и заглушит, так и захлещет, забрыжжет бурными волнами веселости своей, так и подымает; начнет *писать* — и все это сольется в ручей, который тут же и замерзает». Добродушный В. Л. Пушкин был предметом постоянных его шуток и мистификаций, не всегда невинных; так, однажды он распустил слух о смерти Василия Львовича, — который ответил ему посланием, тогда же напечатанным в «Российском Музеуме» 1815 г.—«В. Л. Пушкин,—говорит князь Вяземский,—щеголял классицизмом своим и никак не мог признавать поэтом своего однофамильца. А этот вечно трунил над стихами Василия Львовича и на энергическом и часто циническом языке своем говорил, что все это *жидень*..... Все эти колкости были одни веселые вспышки и не посягали на дружеские сношения двух родственников и приятелей. Это были комические сцены, разыгрываемые на домашнем театре, к удовольствию и гомерическому смеху благосклонных зрителей и слушателей. Тогда веселость была в цене: одни расточали ее, другие ей сочувствовали и понимали ее» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 885).

— Торгую en gros — т.-е. «оптом».

— A demain les affaires sérieuses — т.-е. «на завтра важные дела».

— В. Л. Пушкин, над которым племянник уговаривает Вяземского подшутить, зная его доверчивость и трусливость перед властями, действительно, перевел песенку Béranger «Le Bon Dieu», состоящую из шести строф, в которых бог решительно отвергает то, что̀ делается на земле во имя его и его именем; приводим 1 и 4 строфы песенки:

Un jour le bon Dieu s'éveillant,
Fut pour nous assez bienveillant.
Il met le nez à la fenêtre:
«Leur planète a péri peut être»,
Dieu dit, et l'aperçoit bien loin,
Qui tourne dans un petit coin.
«Si je conçois comment on s'y comporte,
Je veux bien, dit-il, que le diable m'emporte,
Je veux bien que le diable m'emporte».

*
* *

Que font ces nains si bien parés
Sur des trônes à clous dorés?
Le front huilé, l'humeur altière,
Ces chefs de votre fourmilière
Disent que j'ai béni leurs droits
Et que par ma grâce ils sont rois.
Si c'est par moi qu'ils règnent de la sorte,
Je veux, mes enfants, que le diable m'emporte,
Je veux bien, que le diable m'emporte... и т. д.

В известном заграничном сборнике «Лютня. Потаенная литература XIX столетия» (Лейпциг, изд. Э. Л. Каспровича, т. II, стр. 202—203) напечатан, с именем Дельвига, перевод 4-х строф этого стихотворения Беранже:

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит в далеке
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу?
«Чорт побери меня, ей богу» и т. д.

Ср. Соч., изд. Просвещения, т. VIII, стр. 467.—Молодой дипломат Ф. П. № 151.
Фонтон, лично знакомый с Дельвигом, рассказывая о своем посещении поэта в марте 1828 г. и о встрече у него с Пушкиным, также утверждает, что перевод вышеуказанной песни Беранже принадлежит именно Дельвигу и приводит несколько иное начало его:

Однажды Зевс, восстав от сна,
Курил сигарку у окна...

(Ф. П. Фонтон. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. Том I, Лейпциг. 1862, стр. 25). Новейший «вольный перевод» этой песенки Беранже, под заглавием «Благосклонный Зевс», принадлежит поэтам И. Ф. и М. Тхоржевским (под псевдонимом Иван-да-Марья); приводим начало его:

Проснувшись, — как-то раз, — Зевес
На землю поглядел с небес,
Желая знать, на месте ль эта
Им позабытая планета, —
И видит: с прежней быстротой
Вдали вертится шар земной.
«Ну, молвил Зевс, — когда я знаю
Как, все вертясь, не отдыхая,
Там человечество живет, —
То пусть сам чорт меня возьмет! и т. д.

(см. Полное собрание песен Беранже в переводе русских поэтов. Под ред. С. С. Трубачева, т. II, С.-Пб. 1904, стр. 246—247). Песенка Беранже была очень в свое время популярна; так, например, она записана (в июле 1825 г.) в альбом приятеля Пушкина П. П. Каверина (см. Ю. Н. Щербачев, Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М. 1913, стр. 119). Беранже был любимым поэтом В. Л. Пушкина, и Анненков сообщает предание, будто он даже и умер с книжкою сочинений Беранже в руках (Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 18—19).

— Гр. Хвостов — известный графоман, над которым постоянно потешались арзамасцы; Пушкин, как мы видели, только что написал на него пародию в виде «Оды Его Сиятельству графу Д. И. Хвостову», которую затем послал выздоравливавшему Вяземскому (см. выше, объяснения, стр. 435).

— Магницкий — Михаил Леонтьевич (род. 1778, ум. 1855), член Главного Правления Училищ, а затем Попечитель Казанского Университета и Учебного Округа, известный обскурант и «гаситель» просвещения, сотрудник министра-мистика князя А. Н. Голицына в ту пору, когда последний, по выражению Пушкина (см. «Второе послание к цензору» 1824 г.),

В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно заглушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых Муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж честный в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачек,
Креститель Галича, Магницкого дьячек...

Воейков в своем «Доме сумасшедших» посвятил ему следующие строки:

«Берегитесь, здесь Магницкий!»
Нас вожатый упредил, —
«Он укусит вас; не близко!»
Я с боязнью отступил!...
Пред безумцем на амвоне

№ 151.

Кавалерских связка лент,
Просьбица о пенсионе,
Святцы, список всех аренд,
Дач, лесов, земель казенных
И записка о долгах....
В размышленьях столь духовных
Изливал он яд в словах:
«Горе! Добрый царь на троне!
«Вер терпимость, пыток нет!...
«Ах, зачем не при Нероне
«Я рожден на белый свет?!
«Благотворный бы составил
«Инквизиции проект;
«В масле бы варить заставил
«Философов разных сект;
«Заподжарив, так и съел бы
«И родного я отца....
«Что ми дасте? Я поддел бы
«И небесного творца!
«Я, как дьявол, ненавижу
«Бога, близких и царя,
«Зло им сделать — сплю и вижу
«В честь Христова алтаря!
«Я за орден — христианин,
«Я за деньги — мартинист;
«Я за землю — мусульманин;
«За аренду — атеист!»....

Новый Министр Народного Просвещения Шишков не благоволил к Магницкому; 9 июля 1825 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Мне сказывали, что Министр Просвещения написал грозное письмо к Магницкому за все его доносы неосновательные» (Письма, стр. 399), а Воейков 18 июля того же года сообщал проф. В. М. Перевощикову: «Порадую вас весточкой. Инквизитор Магницкий в полной опале у Министра Народного Просвещения, который, наконец, удостоверился, что сей человек или сумасшедший изувер, или бесчеловечный гонитель всего умного, доброго, изящного, возвышенного. Беспрестанные доносы на журналистов и писателей, беспрестанное настояние, чтобы бывшего Министра князя Голицына судить уголовным судом, открыли глаза и Шишкову» («Русск. Арх.» 1890 г., кн. III, стр. 90 — 91); в мае 1826 г., после ревизии Казанского Университета, обнаружившей вопиющие злоупотребления со стороны Магницкого денежными средствами Университета, он был уволен от службы. Кн. Вяземский написал на Магницкого две злые эпиграммы (1821 г.) и оставил его характеристику в своей «Старой записной книжке» (Соч., т. VIII, стр. 191 — 195). Донос Магницкого на масонов (1831) см. в «Русск. Стар.» 1898, № 12, 1899 г., № 1, 2 и 3.

— Хвостова, — Александра Петровна, рожд. Хераскова (род. 1765, ум. 1853), племянница известного писателя М. М. Хераскова, автор сентиментальной книжки (в прозе) «Камин и Ручеек» (С.-Пб. 1796), имевшей большой успех, переиздававшейся в 1802 и 1833 г. и переведенной на французский, немецкий и английский языки. Женщина очень образованная, смолоду склонная к религиозному мистицизму, она издала несколько сочинений мистического характера («Советы души моей, — творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве», 1816; «Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям ее, — мужу и жене», 1815, и др.), находилась в дружбе с князем А. Н. Голицыным, с мистиком Лабзиным и писателем графом Жозефом де-Местром и принадлежала к обществу «Мечтательниц», основанному известною баронессою Крюденер, но в 1823 г. была удалена из Петербурга, когда на мистиков открылись гонения. Долгие годы после этого проживала она в Киеве, где в 1835 г.

видал ее граф М. Д. Бутурлин; он застал ее «прозябавшею в нуждающемся почти положении, на скромной весьма квартирке. Житейские свой невзгоды она переносила с истинным христианским смирением и предалась религиозному подвижничеству, сохранив в преклонных летах все умственные способности и даже веселость характера... Меня поразила непринужденная назидательность ее беседы, чуждая сухости и религиозного мистицизма» («Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 591). Магницкий в своем известном доносе на масонов, относящемся к 1831 г., когда Хвостова уже сошла со сцены, писал о ней: «В известной связи с обществом Лабзина была в сие время Александра Петровна Хвостова, женщина прежде довольно свободной нравственности, но им обращенная к набожности, — столько, по характеру сего рода обращений, учением Лабзина проникнутая, что писала и печатала письма к жене его, несущие печать самого восторженного воображения сектаторки» («Русск. Стар.» 1899 г., № 2, стр. 300). Ее Записки — в «Русск. Арх.» 1907 г., кн. 1, стр. 5—48. О Хвостовой см. статью Б. М. Городецкого в «Историческом Вестнике» 1902 г. и в статье Б. Л. Модзалевского «Альбом Ю. Н. Бартенева» — «Изв. Отд. Русск. яз. и слов.» 1910 г., т. XV, кн. 4, стр. 203—205). Пушкин упомянул Хвостову в своей ранней эпиграмме на князя А. Н. Голицына: № 151.

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша! и т. д.

В. Л. Пушкин в свою очередь написал длинное послание «К камину» (1793), в стихах:

Любезный мой камин, товарищ дорогой,
Как счастлив, весел я, сидя перед тобой:
Я мира суету и гордость забываю,
Когда, мой милый друг, с тобою рассуждаю...

А. С. Пушкину издавна приписывалась, но без достаточных оснований (см. заметку Н. О. Лернера в сб. «Каторга и Ссылка. Историко-революционный вестник», № 8 (21), «100-летие восстания декабристов», М. 1925, стр. 241—243), эпиграмма на князя А. Н. Голицына:

Он добрый малый, брат сестрицын,
Он не был зол ни для кого;
Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесить ли его?

Кн. П. А. Вяземский, «не очень понимая значения и соли этих стихов», высказал предположение о том, «не говорится ли здесь о Василии Львовиче Пушкине?» («Стар. и Новизна», кн. VIII, стр. 36); а если это так, то не следует ли предположить, что эпиграмма эта могла быть написана именно по поводу шутки Пушкина над дядей и над его переводом стихотворения Беранже (Ср. Н. Лернер, Труды и дни. стр. 487 — 488.)

— Об «Опасном Соседе», известной поэме В. Л. Пушкина, см. выше, стр. 183 и 239.

— А. М. — вышеупомянутый (стр. 457—458) Алексей Михайлович Пушкин. Говоря о доверчивом Парижском литераторе Poinsinet, над которым потешались его приятели, кн. Вяземский в своей «Старой записной книжке» вспоминает: «Милый и незабвенный наш Василий Львович Пушкин был в своем роде наш Поансине: А. М. Пушкин, *Дмитриев*, Дашков, Блудов и другие приятели его не щадили доверчивости поэта. Однажды, несмотря на долготерпение свое, он решился, если смеем сказать, *огрызться* прекрасным, полным горечи стихом:

Их дружество почти на ненависть похоже».

В другом месте, рассказывая об отношении к И. И. Дмитриеву Баратынского, который «как-то не ценил ума и любезности Дмитриева»,

№ 152. князь Вяземский писал: «Пушкин нередко бывал строг и несправедлив к поэту [т.-е. Дмитриеву], но всегда увлекался остроумною и любезною речью его»...

— Об *опечатке*, относящейся к заглавию эпиграммы Пушкина «Приятелям», которую князь Вяземский напечатал в «Московском Телеграфе» (№ 3) под названием «*Журнальным* Приятелям», см. выше, в письме № 118 и в объяснениях, стр. 393. Полевой, оправдываясь от обвинения в произвольной перемене заглавия стихотворения Пушкина, поместил у себя в журнале следующее «Объявление Господам Издателям Северной Пчелы»: «На замечание, что в названии Эпиграммы, напечатанной в Телеграфе, прилагательное: *Журнальным* лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: так было в списке, ко мне доставленном. Изд. Моск. Тел.» («Моск. Телегр.» 1825 г., ч. III, № 9, май, стр. 153).

— Фраза «et le diable n'y perd rien» значит: «и дьявол тут ничего не теряет».

— Когда в «Московском Телеграфе» появилась эпиграмма «Журнальным Приятелям», А. Е. Измайлов, догадавшийся, кто скрылся за подписью «А. П.», стоявшею под стихами, — в своем журнале «Благонамеренный» (1825 г., ч. XXX, стр. 173) писал: «Из самого начала сего ужасного осьмистишия открывается, что для сочинителя *приятель* и *враг* — синонимы»; затем, процитировав первую половину эпиграммы, он говорил: «Страшно, очень страшно. Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти!*»—и, приведя вторую половину пьесы, прибавлял: «Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до истории?» Эти-то слова, да еще с намеком на длинные ногти Пушкина, и вызвали его новую эпиграмму, которая, под заглавием: «Ex ungue leonem» и с тою же подписью «А. П.», была помещена в «Московском Телеграфе» 1825 г., ч. IV, № 13, стр. 43.

— Отослано к *Пол.*—т. е., к Н. А. Полевому, в «Московский Телеграф».

— Кн. Вяземский отправился на морские купанья в Ревель, в надежде укрепить свои силы после недавно перенесенной им жестокой болезни. Прогостив несколько дней в Петербурге, он прибыл в Ревель, 6 июля и здесь застал приехавших туда ранее родителей и сестру Пушкина. «Вчера перед обедом приехал я сюда и вчера уже был на бале, который Петербургская молодежь, между прочими, — и Сергей Львович Пушкин, — давали здешнему прекрасному полу», — сообщал князь Вяземский своей жене («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 52 и 53).

— Фитою Пушкин называл Ф. Н. Глинку (см. выше, стр. 85, 101, 104); по какой связи он упомянут здесь,—не знаем.

152. *В. А. Жуковскому* (стр. 140). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1177 — 1178; подлинник (на бумаге без вод. зн.) в Гос. Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского. Датируется «началом июля» в виду того, что написано *после* получения извещения от губернатора о разрешении Пушкину приезда в Псков, сам же губернатор получил его (в бумаге от 26 июня) никак не ранее 1 июля.

— Шаги, предпринятые матерью и друзьями поэта в Петербурге, возымели успех, хотя и не тот, которого они хотели: 21 июня 1825 г., письмом за № 827, Директор Канцелярии Начальника Главного Штаба полк. Иларион Михайлович Бибиков обратился в Коллегию Иностранных Дел, к Емельяну Афанасьевичу Кудрявскому, с запросом, в каком чине состоит числящийся в Государственной Коллегии Иностранных Дел Александр Пушкин, равномерно, было ли о нем от Министра Иностранных Дел сообщено что-либо Псковскому гражданскому губернатору»; Канцелярия Коллегии 22 июня, за № 4007, ответила, что Пушкин еще 8 июня 1824 г. был «уволен вовсе от службы и тогда же повелено было перевести его из Одессы на жительство в Псковскую губернию, а потому он в ведомстве Коллегии более не считается. По сему случаю сообщено было г. Курляндскому, Эстляндскому и Псковскому генерал-губернатору... маркизу Паулуччи о высочайшей его имп. величества воле, чтобы колл. секр. Пушкин находился под надзором местного начальства» («Русск. Стар.»

1887, т. 53, стр. 247—248); немедленно по получении этого ответа из Коллегии, Начальник Главного Штаба барон И. И. Дибич сообщил О. О. Дюгамелю (временно замещавшему марк. Ф. О. Паулуччи по управлению гражданскими делами в Остзейских и Псковской губерниях) и Псковскому гражданскому губернатору Б. А. фон-Адеркасу, что император Александр позволил Пушкину «приехать *в Псков* и иметь там пребывание до излечения от болезни», при чем губернатору было предписано «иметь наблюдение за поведением и разговорами г. Пушкина» («Русск. Стар.» 1908 г., т. 136, стр. 114—115). Псковскому же губернатору письмо Дибича было послано 26 июня и о нем немедленно извещен был Пушкин, который только накануне, 25 июня, писал П. А. Осиповой: № 152.

Быть может уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться;
Но и вдали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду, под сенью лип домашней...

Легко можно представить себе, какое впечатление произвело на поэта, как неприятно удивило его это известие о «неожиданной милости его величества», — как писал он Жуковскому.

— Когда именно и при каких обстоятельствах Псковской губернатор Б. А. фон-Адеркас предлагал Пушкину иметь жительство во Пскове, неизвестно.

— Говоря о Псковском операторе Всеволожском, Пушкин имеет в виду Инспектора[1] Псковской Врачебной Управы (1824—1831) штаб-лекаря Всеволода Ивановича Всеволодова (род. 1790, ум. 1863), который впоследствии был (до конца 1847 г.) ординарным и заслуженным профессором по ветеринарной части в Петербургской Медико-Хирургической Академии и с 1844 г. носил звание ее академика. Он, действительно, был тогда уже «известен в ученом свете» печатными трудами: «Сокращенная Патология скотоврачебной науки, или о распознавании и лечении повально-заразительных и частных болезней, между домашними животными случающихся, с приложением формул или рецептов и изображений некоторых хирургических инструментов», сочинение Александра Толная, перевод с латинского (С.-Пб. 1817), «О разведении овец испанского племени», соч. Ластери, перевод с немецкого (С.-Пб. 1819) и «Руководство к распознаванию и лечению всех до ныне известных заразительных болезней у домашних животных», соч. Роббе, перевод с немецкого (С.-Пб. 1824 г.). Книги эти, без сомнения, были у П. А. Осиповой, хорошей хозяйки, и могли быть известны Пушкину. Впоследствии Всеволодов издал и другие научные сочинения по части ветеринарии и занимался библиографиею: так, им составлен «Азбучный указатель русской повременной словесности с 1735 по 1857 г.», С.-Пб. 1857 (остался незаконченным) и «Алфавитный указатель статей, напечатанных в Трудах и других периодических изданиях имп. Вольного Экономического Общества», С.-Пб. 1849. Одно любопытное «дело» (1826 г.) о Всеволодове и о побитом им фельдшере Иванове рассказано Н. Ф. Окуличем-Казариным в «Русск. Арх.» 1907 г., кн. II, стр. 82—88. — С таким же сарказмом, как к Жуковскому, писал Пушкин об «очень искусном коновале» Всеволожском и кн. Вяземскому (письмо № 153, стр. 141).

— Судя по тому, что на письме нет точного адреса и даже полного имени Жуковского, надо думать, что оно было переслано через какое-нибудь третье лицо, — вернее всего, через Льва Пушкина.

---

[1] *Оператором* во Пскове был тогда штаб-лекарь Василий Иванович Сокольский.

№ 153. 153. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 140—141). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 153—155; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.; запечатано перстнем-талисманом) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Письмо Льва Пушкина, о котором упоминается в начале этого письма, до нас не сохранилось. Князь Вяземский, по пути в Ревель, действительно, останавливался на несколько дней в Царском-Селе у Карамзиных, которым на время своего отъезда оставил сына Павлушу. 4 июля выехав из Петербурга, Вяземский 6 числа прибыл в Ревель и начал здесь морские купанья. На вопрос Пушкина о Байроне или Бейроне Вяземский отвечал 4 августа из Ревеля: «Я полагал, что буду здесь много заниматься: выходит, что ничем и ничего. И мой Бай- или Бей-рон бай бай! За то сам байронствую, сколько могу. Ныряю и прялаю... Здесь есть и Льва Сергеича сестра, — милое, умное, доброе создание, с которою видимся раз десять в день и говорим о племяннике Василья Львовича. У меня до сей поры твоих стихов только вторая часть Онегина, вторая часть Хвостова и еще две безделки. О других стихах слышу, но рука неимет. Недели через две буду в Питере и вырву их сам из когтей Львиных. Его величество, царь зверей и царь твоих стихов читал мне Цыган. Ты ничего жарче этого еще не сделал, и можешь взять в эпиграф для поэмы стихи Державина из Цыганской песни:

Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица...

«Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твое творение» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 252—253).

— *Французская фраза* означает: «Ты, настоящего имени коего еще не знает мир». Это — начальный стих из послания Альфонса Ламартина к Байрону:

Toi dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon,
Qui que tu sois Byron, bon ou fatal génie...

— «Замечания на замечания» — небольшая статья кн. П. А. Вяземского «О Разборе трех статей, помещенных в Записках Наполеона, написанном Денисом Давыдовым», появившаяся в «Московском Телеграфе» 1825 г., ч. IV, № 12, июнь, стр. 250 — 255 (см. также Соч. кн. Вяземского, т. I, стр. 193—197). Замечания Давыдова были вызваны словами Наполеона о ничтожестве действий в Отечественную войну партизанов, организация и работа которых столь много были обязаны трудам Давыдова. С большою похвалою отзываясь о содержании книжки Давыдова, Вяземский попутно останавливался и на литературной стороне ее, — на слоге автора, «уже известного блестящими опытами в слоге военном...». «Образ изложения мыслей и чувств, свойственный автору нашему, носит отпечаток ума быстрого и светлого: живость мыслей и чувств пробивается сквозь сухость предмета и увлекает читателя... Если в оборотах речей», говорит Вяземский: «найдутся галлицизмы, то по крайней мере сабля, очинившая перо нашего военного писателя, чужда сего упрека и должна обезоружить неумолимую строгость Аристархов, которые готовы защищать наш язык от чужеземного язычества с таким же упорством и энтузиазмом, с каким наши воины обороняли от него нашу землю. Усердие похвальное! Пусть целость нашего языка будет равно священна, как и неприкосновенность наших границ; но позвольте спросить: разве и завоевания наши — почитать за нарушение этой драгоценной целости?» и т. д.

— Выражение «метафизический язык» (т. е. отвлеченный) Пушкин употребил и в письме к князю Вяземскому от 1 сентября 1822 г. (см. выше, № 40, стр. 35 и 249), и в других местах: «мы привыкли мыслить на чужом языке, метафизического языка у нас вовсе не существует»; «поэт создал совершенно новый язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики»; «опытное и живое перо князя Вяземского победило трудность метафизи-

ческого языка» (ср. в статьях Н. О. Лернера — «Пушкин и его соврем.», выш. XII, стр. 127—128, и вып. XV, стр. 18—19, а также выше, стр. 249). № 153.

— О русском языке Пушкин говорит в строфах XXVI — XXIX главы 3-й «Евгения Онегина» — по поводу письма Татьяны, которая

... по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,—
И так — писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

. . . .

Как уст румяных без улыбки, —
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

. . . .

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в душе моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи...

— Статья Пушкина — «О Г-же Стааль и о Г. А. М-ве», с пометою под нею даты: «9 июня 1825» и подписью — псевдонимом: «Ст. Ар.» (т.-е. Старый Арзамасец) помещена в «Московском Телеграфе» 1825 г., ч. IV, № 12 (июнь), стр. 255 — 259, непосредственно за статьею Вяземского о Разборе Давыдова. См. еще в письме № 180 и стр. 515. Защищая книгу Сталь от резкой критики А. А. Муханова (о нем см. выше, стр. 403), упрекавшего г-жу Сталь в «ветренном легкомыслии и отсутствии наблюдательности» и выражавшегося, что он «был поражен самим рассказом, во всем подобном пошлому пустомельству тех щепетильных Французиков, которые, немного времени тому назад, являясь с скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)», — Пушкин писал в своей заметке: «Что за слог и что за *тон!* Какое сношение имеют две страницы Записок с Дельфиною, Кориною, Взглядом на Французскую революцию и проч., и что есть общего между *щепетильными* (?) *Французиками* и дочерью Неккера, гонимою Наполеоном и покровительствуемою великодушием Русского Императора?» — Пушкин был потому особенно заинтересован своим псевдонимом, что как раз в то время, что он писал свою статью (в начале июня), его друзья хлопотали о нем и сам он надеялся получить если не прощение, то разрешение на поездку за-границу. В связи с этим он и припомнил о «царской милости», только что им полученной (ср. выше, в письме № 152). Следует сказать, что Вяземский, получив письмо Пушкина, не понял иронии его слов и писал своей жене 1 августа из Ревеля: «Я получил письмо от ссылочного Пушкина; он, кажется, довольно доволен позволением ехать в Псков и имеет уже там на примете оператора. Он думал», прибавляет Вяземский, имея в виду конец письма Пушкина: «что ты со мною, и тебе кланяется: «поклон княгине-лебедушке от арзамасского гуся» («Остаф. Архив», т. V, вып. 1, стр. 80). Самому поэту он также писал по этому поводу 4 августа: «Я рад, что ты едешь в Псков, во-первых, для здоровья, а во-вторых, и для будущего. Только ты, сделай милость, не ступи этого первого шага левшею, как Людовик 18-й, выходя из корабля

№ 154. в Кале; так что говорили, que c'étoit la première gaucherie de la Restauration. Пусть будет этот первый шаг правый, твердый и прочный. Ты довольно вилял, но как ни виляй,

Все придешь к тому же горю,
Что велит нам умереть!

«Право, образумься, и вспомни собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали; есть еще и такая привязь, что разом угомонит дыхание; у султанов она называется почетным снурком, а у нас этот пояс называется Уральским хребтом. Надеюсь, а пуще желаю, чтобы Псков принес тебе пользу» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 251 — 252).

— Романтическая трагедия — «Борис Годунов»; ниже Пушкин сообщает полное заглавие своего нового произведения, над которым он тогда трудился и которое закончил к началу октября. Черновик заглавия см. в издании Пушкинского Дома: «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина», С.-Пб. 1922, стр. 37—39.

— Стихотворение: «А. Шенье в темнице», посвященное Н. Н. Раевскому, написано было в начале 1825 года. Оно предназначено было для собрания Стихотворений Пушкина, где и появилось, но с измененным заглавием («Андрей Шенье») и с пропуском стихов 21 — 64 и 150: и то, и другое было сделано, очевидно, цензором Бируковым, рассматривавшим рукопись Стихотворений. Стихотворение это, как известно, послужило поводом для возникновения «дела» по обвинению нескольких лиц в политическом преступлении; к делу этому был привлечен и Пушкин (1827); см. ниже, в письмах 1827 г., и статью П. Е. Щеголева: «Пушкин в политическом процессе 1826 — 1828 г.г. — «Пушкин и его соврем.», вып. XI, стр. 1 — 51. Отвечая на вопрос Пушкина, кн. Вяземский писал ему 4 августа: «Твоего Шенье в темнице не знаю, но благодарю уже за одно заглавие. Предмет прекрасный! Шенье в своей школе единственный поэт Французский: он показал, что есть музыка, т.-е. разнообразие тонов в языке Французском. Спасибо и за трагедию, о которой мне Жуковский уже говорил. тут есть ночь знаменитая! Вперед!» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 253). Шенье был казнен вместе с другим поэтом — Руше, предсмертное стихотворение которого перевел Жуковский: «Руше к своей жене и детям из тюрьмы» (напечатано в «Вестнике Европы» 1807 г., № 12, стр. 278).

— Княгиня - лебедушка — жена Вяземского, Вера Федоровна. На вопрос Пушкина Вяземский отвечал ему 4 августа: «Жены со мною нет. Она в Остафьеве, где и я буду в начале Сентября. Авось там примусь баять о Байроне. Между тем все эта мысль гнездится у меня в голове и собираю себе всевозможные материалы» (там же).

— Лето 7333 — по счислению от сотворения мира, — как считали у нас до первых годов XVIII столетия, когда перешли на счисление от Рождества Христова; 7333 = 1825 году (7333—5508).

— Городище Воронич — бывшее большое поселение между Тригорским и Михайловским, в версте от него, ко временам Пушкина уже почти исчезнувшее.

— Письмо было переслано через Карамзина, жившего в Царском-Селе, так как Пушкин знал (см. в начале письма), что Вяземский был у историографа, но не был уверен, что он уже уехал в Ревель.

154. *П. А. Плетневу* (стр. 141—142). Впервые напечатано в «Полярной Звезде» Герцена и Огарева, кн. VI, Лондон. 1861, стр. 102. и в «Вестн. Евр.» 1881 г., № 3, стр. 11; подлинник неизвестно где находится. Письмо это датировалось, по почтовому на нем штемпелю, началом августа, но так как в конце его указано, что писано оно в присутствии А. П. Керн, уехавшей из Тригорского 19 июля, то следует заключить, что оно написано было до этого числа и, залежавшись у поэта, было им лишь отослано на почту в начале августа (см. нашу заметку в Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 593, примеч. 1-е).

— О стихотворении «Андрей Шенье в темнице», посвященном Н. Н. Раевскому, см. выше в письме № 153.

— Поправки, сообщенные Пушкиным Плетневу, заведывавшему изданием его Стихотворений в издание это не вошли. № 154.

— Барон А. А. Дельвиг женился позже — 30 октября 1825 г.; 5 июня 1825 г., извиняясь в том, что не писал ей, Дельвиг объяснял П. А. Осиповой причину своего молчания, между прочим, тем, что «замешалась любовь— и любовь счастливая. Ваш знакомец Дельвиг женится на девушке, которую давно любит, — на дочери Салтыкова, сочлена Пушкина по Арзамасу» («С.-Петерб. Вед.» 1866 г., № 146; подлинное письмо — в Пушкинском Доме). См. ниже, в письмах № 156, 182 и 20 февраля 1826 г.

— Козлов — Иван Иванович, поэт-слепец (см. выше. стр. 377 и 423 —424).

— «Одна прелесть» — Анна Петровна Керн. — Впервые упомянутая Пушкиным в письме его к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г. (№ 111), она вводит нас в цикл замечательных писем Пушкина, вызванных кратковременным появлением в Михайловско-Тригорской жизни поэта красивой молодой женщины — Анны Петровны Керн, рожденной Полторацкой (род. 1800, ум. 1879). Племянница П. А. Осиповой по первому ее мужу, Н. И. Вульфу, и кузина и подруга ее старшей дочери, Анны Н. Вульф, жена пожилого генерала Е. Ф. Керна, она была немного знакома с Пушкиным еще со времен его после-лицейской Петербургской жизни: они встретились в 1819 году в доме А. Н. и Е. М. Олениных, — тетки и дяди Анны Петровны. В конце 1824 года мимолетные отношения с нею завязались у Пушкина через его «приятеля» А. Г. Родзянку (см. в письме № 111, и в объяснениях, стр. 377 — 378); кроме того, он часто слышал о ней от ее кузины, Анны Николаевны Вульф, с которою та состояла в переписке. Поэтому по приезде в Тригорское А. П. Керн встретилась с Пушкиным, как со старым и хорошим знакомым. Пушкин был очарован красотою и умом молодой женщины, обладавшей, к тому же, всеми тайнами кокетства. В своих замечательных Воспоминаниях о Пушкине («Библ. для Чт.» 1859 г., т. 154; перепечатаны в книге Л. Н. Майкова, Пушкин, С.-Пб. 1899) она подробно и живо рассказала о встрече своей с поэтом в Тригорском в июне 1825 года и о последовавших затем отношениях к ней Пушкина в течение приблизительно месяца, чтò она гостила у тетушки. — В это время Пушкин написал свою знаменитую пьесу, ей посвященную:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты, и т. д.

Из этого стихотворения видна сила чувства, овладевшего Пушкиным. Сама Керн в Воспоминаниях своих умолчала об этом чувстве; которое она пробудила в душе и сердце Пушкина и которое живо выразилось как в стихотворении, ей посвященном, так, еще больше, в письмах, которые последовали за ее отъездом; эти чувства были настолько сильны и, повидимому, взаимны, что, напр., Анненков (а за ним и другие биографы поэта) прямо говорят, что П. А. Осипова «увезла» Анну Петровну, «красивейшую из своих племянниц», в Ригу—«во избежание катастрофы». Анненков называет чувство Пушкина «мгновенным порывом»; но порыв этот был чрезвычайно силен, ярок и доходил до экстаза, до бешенства, переливаясь всеми оттенками чувства — от нежной сентиментальности до кипучей страсти. Пушкин совершенно опьянел от очарования красоты, забыв на время все свои прежние увлечения и всецело отдавшись поглотившей его страсти. 19 июля Анна Петровна с теткой, П. А. Осиповой, и с кузинами, А. Н. и Е. Н. Вульф, уехала из Тригорского в Ригу, увозя с собою посвященные ей стансы Пушкина и дав ему разрешение переписываться с ней, а уже 21 числа поэт писал Анне Николаевне Вульф письмо, полное нежных слов по адресу уехавшей красавицы (см. ниже, письмо № 155). Дальнейшая судьба А. П. Керн будет видна из позднейших о ней упоминаний в письмах Пушкина и записок его к ней 1828 и 1832 г. Биографию ее, нами написанную, см. в Соч., ред. Венгерова, т. III, стр. 585 — 606. и в нашей же книжке: Анна Петровна Керн, М., изд. Сабашниковых, 1925.

№ 155. — По поводу исполнения «Венецианской Ночи» А. П. Керн в Воспоминаниях своих пишет следующее: «Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной, и проч.

«Мы пели этот романс Козлова на голос «Benedetta sia la madre», баркароллы Венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку»,—и далее Керн приводит выдержку из этого письма к Плетневу.

— Итальянская фраза в переводе значит: «Сие писано в присутствии этой самой дамы, — как всякий может видеть. До свиданья, милый поэт, пишите мне, прошу вас. Весь ваш».

155. *Анне Н. Вульф* (стр. 142—143). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн в «Библ. для Чт.» 1859 г., № 4, стр. 119 — 120 (отрывок — в «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 326 — 328); подлинник был у М. И. Семевского (1880), затем у барона Н. К. Богушевского и в коллекции И. И. Куриса в Одессе (см. Каталог Пушкинской Выставки в Одессе, Од. 1899, стр. 16); ныне в Пушкинском Доме Академии Наук.

Перевод. «Пишу вам после очень грустного опьяненья; вы видите, я держу свое слово. И так: в Риге ли вы уже? одержали ли победы? скоро ли выходите замуж? нашли ли уланов? Сообщите мне обо всем этом во всех подробностях, ибо вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я поистине интересуюсь всем, что вас касается. Хотел я побранить вас, да не хватает на то смелости на таком почтительном расстоянии; что же касается нравоучений и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) Во имя Неба, будьте ветрены лишь с вашими друзьями (мужеского рода): последние воспользуются этою ветренностью лишь в свою пользу, тогда как *подруги* повредят вам, ибо усвойте себе хорошенько ту мысль, что все они столь же пусты и столь же болтливы, как и вы сами; 2) Носите короткие платья, ибо у вас прехорошенькие ножки, да не растрепывайте височков, хотя бы это было и модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо; 3) С некоторого времени вы стали очень учены, но . . . . . не старайтесь выказывать этого, и если какой-нибудь улан скажет вам, «что с вами нездарово вальсировать», — не смейтесь и не жеманьтесь и не делайте вид, что этим гордитесь; высморкайтесь [. . .] отвернитесь и заговорите о чем-либо другом; 4) Не забудьте о последнем издании Байрона. Знаете, за что я хотел побранить вас? нет? испорченная девица, без чувства и без и т. д. . . . . . А ваши обещания? сдержали вы их? Пусть! не стану больше говорить о них и прощаю вас, — тем более, что и сам об этом вспомнил лишь после вашего отъезда. Странно! где же у меня тогда была голова? После сего поговорим о другом. Все Тригорское поет: *Не мила ей прелесть NB ночи*, а у меня от этого сердце ноет; вчера мы с Алексеем [Вульфом] говорили подряд четыре часа. Никогда еще не было у нас такого продолжительного разговора. Угадайте, что нас вдруг так сблизило? Скука? *Сродство* чувства? Ничего не знаю; каждую ночь гуляю я по своему саду и говорю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле ветки увядшего гелиотропа. Пишу много стихов, — все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вам, что о ней и помину нет. Если бы я был влюблен, то в *воскресенье* со мною сделались бы конвульсии от бешенства и ревности; а мне было только досадно. Однако, мысль, что я ничего для нее не значу, что, пробудив и заняв ее воображение, я только потешил ее любопытство; что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни рассеяннее среди ее триумфов, ни мрачнее в дни грусти; что прекрасные глаза ее остановятся на каком-нибудь Рижском франте с тем же раздирающим сердце и сладострастным выражением, — нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого; нет, не говорите, а то это очаровательное создание

насмеется надо мною! Но скажите ей, что уж если в ее сердце нет для меня тайной нежности, если нет в нем таинственного, меланхолического ко мне влечения, то я презираю ее, понимаете ли? Да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно возбудить в ней это столь новое для нее чувство. До свиданья, Баронесса, примите выражение уважения от вашего прозаического обожателя. 21 июля. Пришлите мне рецепт, который вы мне обещали. Я наделал столько глупостей, что сил нет. *Проклятый приезд, проклятый отъезд!*»

— Байрона в последнем издании послала вскоре в подарок Пушкину из Риги А. П. Керн; см. ниже, в письме № 192.

— О романсе И. И. Козлова «Венецианская Ночь» см. выше, в письме № 154 и в объяснениях, стр. 468.

— По поводу слов Пушкина о камне и гелиотропе, напоминавших ему об А. П. Керн, она в своих Воспоминаниях делает примечание: «Никакого не было камня в саду, а споткнулась я о переплетенные корни дерев. Веточку гелиотропа он, точно, выпросил у меня».

— Воскресенье — день отъезда А. П. Керн, П. А. Осиповой и А. Н. и Е. Н. Вульф; 19-го июля, это число в 1825 г., действительно, приходилось на воскресенье.

— В объяснение досады Пушкина А. П. Керн пишет в Воспоминаниях своих: «Ему досадно было, что брат [Алексей Вульф] поехал провожать свою сестру [Анну Николаевну] и меня и сел вместе с нами в карету». Алексей Николаевич Вульф (см. выше, стр. 347), тогда студент Дерптского Университета, также влюбился в свою красавицу-кузину, с которою впоследствии был в очень близких отношениях (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 31 и др.).

156. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 143—144). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 170, 171, 224 (отрывки), в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 95 — 96 (полностью, но с ошибкой в дате), и в «Вестн. Европы» 1881 г., № 1, стр. 9 — 10 (полностью); подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) в Библиотеке Академии Наук.

— О том, что Дельвиг писал ему, Пушкин узнал из письма к нему Плетнева от 18 июля 1825 г.: «Дельвиг тебе писал обо всем, что ты от него хотел знать». Письмо это до нас не сохранилось, как не дошло и до Пушкина.

— Никита — слуга Дельвига; см. выше, стр. 452.

— П. А. — Плетнев; 18 июля он писал Пушкину: «Дело об отпуске твоем еще не совсем решилось. Очень вероятно, что при докладе сделана ошибка. Позволено тебе не только съездить, но, если хочешь, и жить в Пскове. Из этого видно, что просьбу об отпуске для излечения болезни поняли и представили, как предлог для некоторого рассеяния, в котором ты вероятно имеешь нужду. А то известно, что в Пскове операции сделать некому. И так на этих днях будут передокладывать, что ты не для рассеяния хочешь выехать из Михайловского, но для операции действительной. Вот почему никто тебе об этом и не пишет. Сделай милость, ты успокойся» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 237 — 238). О проекте передоклада по делу Пушкина знал и кн. Вяземский, который (как уже указано было выше, стр. 447) 11 июля писал своей жене из Ревеля (где тогда находились родители поэта): «Сейчас лечу в море, потом иду обедать к Пушкиным [С. Л. и Н. О.]: дочь именинница и нездорова. Она очень мила и напоминает брата, от которого получил вчера письмо. Он отпущен в Псков, для лечения своего аневризма, но не знают, поедет ли. *Мать, кажется, еще просила государя, чтобы отпустили его в Ригу, где есть хороший доктор*» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 56—57). Что Надежда Осиповна, действительно, намерена была обратиться со вторичной просьбой к Александру I, после того, как первая просьба ее не достигла того результата, которого желал и поэт, и его близкие, свидетельствует черновой проект ее прошения. Вот его текст в переводе на русский язык: «Несчастная мать, проникнутая добротой

№ 156. и милосердием вашего величества, решается еще раз повергнуть к стопам своего августейшего монарха свою покорнейшую просьбу. По сведениям, которым боюсь и верить, болезнь моего сына идет быстрыми шагами. Псковские доктора отказались сделать необходимую для него операцию, и он вернулся в деревню, где находится без всякой помощи в безвыходном положении. Соизвольте, государь, разрешить ему переехать в другое место, где он смог бы найти более знающего врача. Соблаговолите простить мать, трепещущую за жизнь своего сына, за то, что она осмелилась во второй раз молить вас об этой милости вашего милосердия. Несчастная мать несет свое горе вам, как отцу ваших подданных. Только от государя может она надеяться на все, только от его доброты ожидает она конца своим опасениям и мучениям» (М. А. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина — «Голос Минувшего» 1916, № 1, стр. 46 — 47; там же и французский текст из рукописи б. Румянцовского Музея № 1254). «По всей вероятности», говорит М. А. Цявловский: «это прошение не было подано государю; по крайней мере, ни в переписке самого Пушкина, ни в письмах его друзей мы не нашли указаний на то, чтобы Надежда Осиповна подавала два прошения. Поводом вторичного обращения к государю Н. О. Пушкина (в черновике) выставляет безрезультатную поездку Пушкина в Псков. Но это — неправда, так как Пушкин, наоборот, летом не воспользовался разрешением съездить в Псков. [1] Уверять в своей нежной любви к сыну и в страхе за его жизнь, — чего на самом деле не было, — Надежда Осиповна, конечно, могла; но утверждать в прошении к государю, что ее сын ездил в Псков, когда он отказался туда поехать, она не решилась, а кроме этого нечем было мотивировать второе обращение к государю. Поэтому, как мы думаем, второе прошение матери так и осталось лишь проектом» (там же, стр. 47). См. выше, в объяснениях к письму № 147, и ниже, письмо к Мойеру, № 160.

— Лев Пушкин вывел из терпения своего брата - поэта невнимательным отношением к его просьбам и поручениям. Зная об этом, его другой комиссионер, Плетнев, писал поэту 18 июля, стараясь помирить братьев: «Тебя все твои друзья и брат любят. Льву я не показывал твоих последних двух писем [2] и не говорил, что̀ ты писал ко мне. Он, может быть, по молодости лет и рассеян, но тебя очень любит. Твое ожесточение огорчило бы его. Чтож за радость мне быть причиною вашей ссоры, которая произошла от недоразумения? Напиши ему просто, чтобы он скорее кончил переписку разных стихотворений» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 238). Ср. ниже, письмо к Л. С. Пушкину № 159.

— Об А. А. Воейковой («Светлане»), в которую был влюблен Лев Пушкин, см. выше, стр. 361—362. Он, действительно, писал свои стихи в ее альбом, где были записаны и стихи А. Пушкина (Н. В. Соловьев, История одной жизни, т. II, Пгр. 1916, стр. 107). Вскоре «Светлана» приняла участие в хлопотах о судьбе Пушкина (см. там же, стр. 7, «Пушк. и его соврем.», вып. VIII, стр. 86, и ниже, стр. 474).

— Дельвиг женился немного позднее, чем думал Пушкин, — 30 октября 1825 г. Его женою стала Софья Михайловна Салтыкова (род. 20 октября 1806, ум. 4 марта 1888), дочь Михаила Александровича Салтыкова (р. 1767, ум. 6 апреля 1851); человек умный, высокообразованный «вольтерьянец», бывший в 1794 г. «в случае» у Екатерины II («Русск. Арх.» 1876 г., кн. III, стр. 385), — он, по словам Д. Н. Свербеева, «был типом знатного и просвещенного русского, образовавшегося на французской литературе, с тем только различием, что он превосходно знал и русский язык» (Записки, т. I, М. 1899, стр. 359). Его литературные занятия и любовь к словесности

[1] Из проекта прошения Н. О. Пушкиной, однако, и не видно, чтобы ее слова о поездке Пушкина относились именно к лету 1825 г.; а осенью, в начале октября, поэт, действительно, ездил во Псков, где губернатор сказал ему, что лечиться ему во Пскове невозможно (см. письмо от 6 октября 1825 г., № 183). *Б. М.*

[2] Эти письма до нас не сохранились. *Б. М.*

создали ему добрую репутацию в кругу писателей-Карамзинистов, членов Арзамаса, в коем он и состоял поэтому почетным или «природным» членом. В 1812 — 1818 г.г. он был Попечителем Казанского Учебного Округа, а затем числился при Коллегии Иностранных Дел, в 1828 г. назначен был сенатором в Москву и произведен в тайные советники, с 1830 г. был Почетным Опекуном Московского Опекунского Совета и в 1849 г. окончательно уволился от службы (см. «Остаф. Арх.», т. III, стр. 612—616, и в нашей книжке: «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926, стр. 8 — 15). Баронесса С. М. Дельвиг, потеряв в начале 1831 года своего мужа, которому она, однако, не сумела дать того счастия, какого он по своим нравственным качествам заслуживал, и от которого имела одну дочь, Елизавету (ум. 1915 г.), — летом того же года вышла замуж за Сергея Абрамовича Баратынского (род. 1807, ум. 1866), родного брата поэта, — по образованию врача, который уже давно был влюблен в нее. О ней много рассказывает в своем известном дневнике А. Н. Вульф, близко с ней знакомый («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII); письма к ней Дельвига-жениха см. в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», С.-Пб. 1922, стр. 78—96, с заметкой М. Л. Гофмана. Подробнее о С. М. Дельвиг и о ее романе с декабристом Каховским см. в нашей цитированной книжке: «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926. № 157.

— П. А. — Осипова, 19 июля уехавшая с племянницею и двумя дочерьми в Ригу. «Цель поездки», говорит М. И. Семевский со слов А. Н. Вульфа, «была — повидаться со стариком-генералом [Керном], мужем красавицы К[ерн], которая жила с ним все это время розно. Прасковье Александровне хотелось примирить супругов, чего она и достигла» («С-Пб. Вед.» 1866 г., № 146), хотя завязавшаяся у Керн переписка с Пушкиным и могла этому легко помешать.

— О письме Пушкина к Александру I, см. выше, стр. 134 и 446—447; там же и о письме матери поэта к императору.

— По поводу приводимой Пушкиным выдержки из «Анналов» (IV 30: «dandos vitae usus cui vita concederetur») знаменитого историка Тацита (род. ок. 55, ум. ок. 120 г. по Р. Х.), Анненков говорит: «Обращаясь к Римской Истории, мы можем сказать, что Пушкин нашел в ней одно величавое лицо, приковавшее все внимание его — именно Тиберия: «Чем более читаю Тацита», пишет он: «тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших умов древности». В другой раз, в своем *трактате о воспитании*, ... он прибавляет: «Тацит есть великий сатирический писатель, впрочем, исполненный политических предрассудков». По обыкновению своему Пушкин стал писать заметки о Тиберии, следя за мыслями кесаря по рассказу знаменитого Римского историка и выводя из сжатых его определений те пояснения, образцы которых находятся у Макиавеля в его рассуждениях о книгах Тита Ливия». «Как пример этой борьбы с Тацитом и самого способа ведения исторической полемики», Анненков поместил 4 отрывка из толкований Пушкина на Анналы Тацита («Материалы», стр. 170 — 171; ср. заметку Г. Г. Гельда в сборн. «Пушк. и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 59 — 62, и заметку А. И. Малеина в сборн. «Пушкин в мировой литературе», 1926, стр. 11 — 12); в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху» он высказывает мысль (стр. 303), что «Анекдотом о Вибии Серене Пушкин намекал другу на собственное свое положение в деревне и выражал желание, чтобы к нему применили приговор Тиберия, который воспротивился решению сослать Серена на необитаемый остров, говоря, что кому дарована жизнь, того не следует лишать способов к поддержанию жизни».

— Ответа Дельвига на это письмо до нас не сохранилось.

157. *А. П. Керн* (стр. 144—145). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн — в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 120—122 (с переводом); подлинник — в Библиотеке Академии Наук, в собрании В. И. Яковлева («Пушк. и его соврем.», вып. XXXVI, стр. 3—4).

Перевод: «Я имел слабость просить вашего разрешения писать к вам, а вы — легкомыслие или кокетство дать мне на то позволение. Я знаю,

№ 158. что переписка ни к чему не ведет; но у меня нет сил противиться желанию иметь хоть одно слово, написанное вашею хорошенькою ручкою. Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое произвела на меня некогда встреча наша у Олениных.[1] В моей печальной деревенской глуши я не могу сделать ничего лучшего, как стараться больше не думать о вас. Если бы в душе вашей была бы хоть капля жалости ко мне, вы сами должны были бы желать мне этого; но ветренность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, в восхищении от сознания, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу. Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу любезностей Ермолаю Федоровичу,[2] поклон г-ну Вульфу[3]. 25 июля. Снова берусь за перо, потому что умираю с тоски и могу заниматься только вами. Надеюсь, что письмо это вы прочтете украдкою; спрячете ли вы его опять на груди? Напишете ли мне длинный ответ? Пишите мне обо всем, что̀ вам придет в голову, заклинаю вас! Если вы боитесь моего дерзкого сомнения, если не хотите компрометировать себя, — измените почерк, подпишитесь вымышленным именем, — сердце мое сумеет узнать вас. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, тогда, увы! я постараюсь им поверить или же обмануть себя — это все равно. Знаете ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился их сентиментального тона, — что скажет Анна Николаевна? Ах, вы, чудотворка или чудотворица! Знаете что? пишите мне». *Поперек письма*: «Так и этак, — это так мило».

— «Получа это письмо, рассказывает сама Анна Петровна в своих Воспоминаниях, — я тотчас ему отвечала[4] и с нетерпением ждала от него второго письма; но он это второе письмо вложил в пакет тетушки [П. А. Осиповой], а она не только не отдала мне его, но даже не показала.[5] Те, которые его читали, говорили, что оно было прелесть как мило».

158. *П. А. Осиповой* (стр. 145). Впервые напечатано в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 146, в статье М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское» (отрывок) и в «Русск. Архиве» 1867 г., ст. 121—122 (полностью); подлинник (на бумаге—вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) в Гос. Публичной Библиотеке (см. Отчет ее за 1897 г., стр. 91).

Перевод: «Вот, сударыня, два письма на ваше имя, только что полученные. Одно из них—от Плетнева и было вложено в письмо ко мне. Надеюсь, что когда получите вы эти письма, вы уже будете в Риге, после веселого и благополучного путешествия. Мои Петербургские друзья были уверены, что я вам буду сопутствовать. Плетнев сообщает мне довольно странную новость: решение его величества показалось им недоразумением, почему и было решено снова доложить ему об моем деле. Друзья мои так обо мне хлопочут, что дело кончится заключением моим в Шлиссельбург, где, конечно, уже не будет соседства Тригорского, которое, — как бы пустынно оно ни было в настоящую минуту, служит мне утешением. С нетерпением ожидаю от вас известий, — дайте мне их, умоляю вас. Не говорю вам ни о чувствах моей почтительной дружбы, ни о вечной моей благодарности. Приветствую вас от глубины души. 25 июля.»

— Письмо Плетнева к П. А. Осиповой, присланное в письме его к Пушкину, было от 1 июля 1825 г.; в нем Плетнев извинялся, что в течение 3-х месяцев он не отвечал на письмо к нему Осиповой. Это письмо (еще неизданное) находится ныне в Пушкинском Доме.

— Пушкину Плетнев писал 18 июля, сообщая о предстоявшем передокладе его «дела»; см. выше, в объяснениях к письму № 156, стр. 469.

---

[1] В 1819 году; см. выше, стр. 377 и 467.
[2] Генералу Керну, мужу Анны Петровны, Рижскому коменданту.
[3] Алексею Николаевичу.
[4] Ответ этот до нас не дошел.
[5] См. его ниже, № 173.

159. *Л. С. Пушкину* (стр. 145—146). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 244—245 (не вполне) и в «Библиогр. Записках» 1858 г., № 4, ст. 111—112 (полностью); подлинник в б. Моск. Румянцовском Музее № 1254. № 159.

— Пл. — П. А. Плетнев, который в письме к Пушкину от 18 июля старался смягчить гнев поэта на его брата (см. выше, стр. 470, объяснения к письму № 156 и в самом письме № 156), а в письме от 5 августа снова просил его: «Сделай милость, заключи мировую с Левушкой. Он ничего не знает и, в надежде, что ты с ним по прежнему, отшучивается, когда ему говорю, как он спешит перепискою разных стихотворений. Прикрикни на него по-старому — и он разом отдаст мне тетрадь, готовую для Цензора». (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 256). Тем не менее, отношения братьев настолько испортились, что надолго прекратилась и их переписка: по крайней мере, настоящее письмо к Л. С. Пушкину от 28 июля 1825 г.— последнее в серии писем поэта к брату, хотя было еще одно письмо — в марте — апреле 1826 г.,— которое Плетнев назвал «убийственным», говоря, что у него бы рука не поднялась так отвечать (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 342); следующее письмо было—от 8 мая 1827 г., а затем—лишь приписка в письме к нему родителей и сестры от 21 ноября 1827 г. Лев Пушкин, упрекая С. А. Соболевского за его своевольное распоряжение пьесой поэта, писал своему другу 10 ноября 1825 г.: «Ты меня [этим] против брата поставил в очень неприятное положение. Тепершние наши отношения, тебе неизвестные, требуют чрезвычайной деликатности, а ты заставляешь меня ее нарушить»... («Русск. Арх.» 1878 г., кн. III, стр. 396). По поводу настоящего письма, № 159, из которого выяснилась «совершенная неспособность Льва Сергеевича к обязанности комиссионера, которую он исполнял с 1821 года», Анненков пишет: «Дальнейшее описание сношений между братьями уже не может относиться к нашему труду, так как в них, по большей части, уже нет ничего, касающегося литературы, и много такого, что исключительно принадлежит семейному кругу. К концу жизни голос Александра Сергеевича становился все строже и строже. Беспечность и отдача самого себя течению жизни, как пришлось, не пропадали с годами в брате его. Прежние и новые советы оставались без действия, но взамен Александр Сергеевич принимал на себя несколько раз устройство дел своего любимца,— как денежных, так и жизненных вообще. Во всех кризисах своего существования (а их было не мало) Лев Сергеевич тотчас же обращался к надежной своей опоре, — к брату»... («Материалы», изд. 1855, стр. 245—246). Князь П. А. Вяземский в поминальной заметке своей о Л. С. Пушкине говорит, что «Лев или, как слыл он до смерти, — Левушка питал к Александру некоторое восторженное поклонение. В любовь его входила, может быть, и частичка гордости. Он гордился тем, что был братом его, — и такая гордость не только простительна, но и естественна и благовидна. Он чувствовал, что лучи славы брата несколько отсвечиваются и на нем, что они освещают и облегчают путь ему»... («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 1343).

— На вопросы Пушкина о выкупе рукописи и о долге Вяземскому (см. выше, стр. 146) ответил поэту Плетнев в письме от 29 августа: «Всеволожскому остальные 500 р. Лев давно отдал, а Вяземскому 600 р. еще нет, как он мне сказывал. Может быть после того, — не знаю: он к тебе верно сам об этом написал или напишет. Винится перед тобой слезно» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 273). В письме от 26 сентября Плетнев подтверждал сообщение об уплате Всеволожскому всех денег за рукопись (там же, стр. 298).

— Только в начале октября 1825 г. Стихотворения Пушкина прошли через цензуру; но еще 2 сентября 1825 г. кн. Вяземский, проезжая из Ревеля в Москву и остановившись в Царском-Селе у Карамзиных, писал оттуда И. И. Дмитриеву: «Пушкин в своей Псковской ссылке готовит трагедию Борис Годунов, а здесь печатаются или готовятся печатать его мелкие стихотворения. Вот наши надежды в засеве» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 404).

№ *160.* — Вероятно Л. С. Пушкин посылал это письмо для прочтения Дельвигу, который и сделал на нем приписку (см. стр. 146).

— Издать поэмы отдельно настойчиво предлагал Пушкину Плетнев: 18 июля он писал своему другу: «Об издании поэм напиши только, в каком формате печатать. Не взять-ли формат издания французских поэтов XIX века у Ladvocat, в 16-ю большую долю? Дельвиг тебе писал обо всем, что ты от него хотел знать» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 238); подробнее см. в письмах Плетнева от 5 августа и 29 августа (там же, стр. 256 и 273—276).

— Заикин — один из двух братьев-книгопродавцев и издателей: Алексей Иванович (род. 1793, ум. 28 июня 1831) или Иван Иванович (ум. 24 августа 1834); последний оставил двух сыновей, из коих Матвей Иванович (ум. 14 ноября 1854), книгопродавец в Петербурге, издал в 1841 г. тт. IX, X и XI «посмертного» издания Сочинений Пушкина; в Москве в 1820-х г.г. имел книжный магазин Никита Артемьевич Заикин. В начале марта 1826 г. Пушкин получил вторичное предложение от Заикина (см. в т. II).

— Слова Пушкина о том, что ему «нужны деньги или удавиться», послужили поводом к распространению новых слухов о его намерении бежать за границу. По крайней мере, вот что писала Жуковскому около этого времени «Светлана» Воейкова, постоянным посетителем коей был тогда, как мы видели, Лев Пушкин: «Милый друг! Плетнев поручил мне отдать тебе это и сказать, что он думает, что Пушкин хочет иметь 15 тысяч, чтобы иметь способы бежать с ними в Америку или Грецию. Следственно не надо их доставлять ему. Он просит тебя, как единственного человека, который может на него иметь влияние, написать Пушкину и доказать ему, что не нужно терять верные 40 тысяч — с терпением. Ежели Плетнев продаст сам все поэмы вместе, то может иметь 40 т. et sans avoir l'air de se douter de la raison, il ne faut parler que d'argent [и не подавая вида, что догадываются о сути, нужно говорить только о деньгах] и также истолковать ему, что Псков верно mésentendu [недоразумение] или можно выписать туда Доктора. Одним словом, он думает, что ты один имеешь власть над Пушкиным, и просит тебя отвечать на эти письма.— Целую тебя» («Пушк. и его соврем.», вып. VIII, стр. 86; Н. В. Соловьев, История одной жизни, т. II, Пгр. 1916, стр. 7).

— «Цыганы» в отдельном издании вышли в свет в Москве лишь весною 1827 г. (цензурою пропущены были 10 декабря 1826 г. в Петербурге).

— О долге Пушкина Вяземскому см. в письмах поэта №№ 121, 169, и № 178 и выше, в объяснениях, стр. 396. Этот, так долго мучивший Пушкина долг был уплачен Вяземскому Плетеневым из денег, вырученных от продажи «Стихотворений», 31 марта 1826 г. (см. Соч. Плетнева, т. III, стр. 385—386). Приписка к письму Пушкина, судя по почерку, принадлежит бар. А. А. Дельвигу, а не Н. В. Всеволожскому, как предполагали все прежние издатели; из фразы о том, что Пушкин в конце апреля дал писавшему свою черную тетрадь, также видно, что это не кто другой как Дельвиг, посетивший Пушкина в Михайловском в 20-х числах апреля 1825 г.

160. *И. Ф. Мойеру* (стр. 146). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1172; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.) — в Государственной Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского; запечатано перстнем талисманом.

— Письмо обращено к профессору Дерптского Университета Ивану Филипповичу Мойеру (род. 1786, ум. 1858); доктор медицины и хирургии с 1813 года, он с 1814 г. был в Дерпте профессором хирургии, а с 1815 г.— заведывал университетскою хирургическою клиникою, которая при нем постепенно достигла высокой степени процветания; с 1828 г. он был руководителем Профессорского Института в Дерпте же, неоднократно бывал избираем деканом Медицинского Факультета и Ректором Университета—с 1834 до 1836 г., когда вышел в отставку, уступив свое место ученику своему, знаменитому Пирогову, который в своем «Дневнике» вспоминает о Мойере с любовью и благодарностью. Как человек высоких

нравственных качеств, Мойер «пользовался всеобщею любовью за свою приветливость и беспристрастное отношение к людям всех мнений. Он был в то же время талантливый музыкант и немало времени посвящал музыке» (Биогр. Словарь профессоров Юрьевского Университета, т. II, стр. 259—261). С января 1817 г. Мойер был женат на Марии Андреевне Протасовой, племяннице Жуковского, который был влюблен в нее и сам мечтал (1814 г.) о женитьбе на ней, — но, в виду родственных отношений, не мог осуществить своего предположения. Женщина удивительной душевной красоты и нравственных достоинств, сестра «Светланы» Воейковой, М. А. Мойер умерла в марте 1823 г. в Дерпте, от родов. По словам А. Н. Вульфа, записанным М. И. Семевским, у «Мойера собирался время от времени небольшой кружок Русской молодежи, находившейся в Дерпте. Бывало, как рассказывает А. Н. Вульф, недели в две придет раз и наш дикарь Языков, заберется в угол, промолчит весь вечер, полюбуется Воейковой, выпьет стакан чаю, а потом в стихах и изливает пламенную страсть свою к красавице, с которой и слова-то бывало не промолвит» («Русск. Арх.» 1867, ст. 720). Близкие дружественные отношения, связывавшие Жуковского с Мойером (о доброте их обоих — см. «Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 209), дали Льву Пушкину и А. Н. Вульфу мысль о возможности воспользоваться искусною рукою этого хирурга для операции аневризма у Пушкина. Мойер, по словам Анненкова, «пользовался неограниченным доверием В. А. Жуковского и имел влияние на самого начальника края, маркиза Паулуччи, глубоко уважавшего его характер, искусство и познания. Дело состояло в том, чтоб согласить Мойера взять на себя ходатайство перед правительством о присылке к нему Пушкина в Дерпт, как интересного и опасного больного, а впоследствии, может быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться из Дерпта за границу, под тем же предлогом безнадежного состояния своего здоровья. Конечно, дело было нелегкое, потому что в основании его лежал все-таки подлог (Пушкин физически ничем не страдал), на который и следовало согласить прямого и честного профессора, — но друзья наши не остановились перед этим затруднением. Они положили учредить между собою символическую переписку, основанием которой должна была служить тема о судьбе коляски, будто бы взятой Вульфом для переезда. Положено было так: в случае согласия Мойера замолвить слово перед маркизом Паулуччи о Пушкине, студент Вульф должен был уведомить Михайловского изгнанника, по почте, о своем намерении выслать безотлагательно коляску обратно в Псков. Наоборот, если бы Вульф заявил решимость удержать ее в Дерпте, это означало бы, что успех порученного ему дела оказывается сомнительным» и т. д. (Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 287 — 288; ср. М. А. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 42 — 43). Между тем Жуковский, не придав значения словам Пушкина о том, что он во Псков не поедет (см. выше, письмо № 152), написал Мойеру письмо, прося его приехать во Псков для совершения операции Пушкину. Узнав об этом, Пушкин и написал Мойеру свое взволнованное письмо, умоляя знаменитого доктора «ради бога не приезжать и не беспокоиться об нем». Еще не зная об отказе Пушкина, Плетнев 5 августа сообщал ему: «Для операции к тебе приедет из Дерпта Моэль (если не ошибаюсь), который был женат на Марье Андреевне Протасовой. Когда он услышал, что у тебя аневризм, то сказал: Я готов всем пожертвовать, чтобы спасти первого для России поэта. Это мне сказывала Воейкова, которая к нему о тебе писала: а ты не хочешь ей пожертвовать для Альбома ни одним стихом. Грешно!» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 256). В то же время, 9 августа, поэт Языков писал своему брату, Александру Михайловичу, из Дерпта: «Вот тебе анекдот про Пушкина. Ты, верно, слышал, что он болен аневризмом; его не пускают лечиться дальше Пскова, почему Жуковский и просил здешнего известного оператора Мойера туда к нему съездить и сделать операцию; Мойер, разумеется, согласился и собирался уже в дорогу, как вдруг получил письмо от Пушкина, в котором сей просит его не приезжать и не

№ 160.

№ 161—162. беспокоиться о его здоровье. Письмо написано очень учтиво и сверкает блестками самолюбия. Я не понимаю этого поступка Пушкина! Впрочем, едва ли можно объяснить его правилами здорового разума!» («Языковский Архив», вып. I, С.-Пб. 1913, стр. 196; ср. «Ист. Вестн.» 1883 г., т. XIV, стр. 524); 19 августа он же писал брату: «Сюда приехал из Пскова студент здешнего Университета [А. Н. Вульф], приятель Пушкина; говорит, что Пушкин уже написал два действия своей трагедии «Годунов», что она будет прекраснее всего, им доселе писанного, что «Цыгане» скоро напечатаются, что Пушкин не хотел лечиться у Мойера потому, что надеялся получить позволение ехать для излечения за границу, что он пишет новую поэму «Эвнух» и проч. и проч.!» (там же, стр. 199). См. еще ниже, стр. 519—520.

— Пушкин долго не мог успокоиться при воспоминании о проекте приезда Мойера и, решительно отвергая возможность этого приезда, упоминал о нем в письмах к Осиповой, Туманскому, Вульфу, князю Вяземскому и Жуковскому вплоть до начала октября (см. стр. 146, 152, 159, 162, 166).

161. *П. А. Осиповой* (стр. 146—147). Впервые напечатано в «С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 146 (отрывок) и в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 122—123 (полностью); подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.) в Гос. Публичной Библиотеке (см. Отчет ее за 1897 г., стр. 91).

Перевод: «Вы получили, сударыня, из Пскова одно ненужное письмо, которое я уничтожил. Посылаю вам другое — из Батова и еще другое — от моей Матери. Вы увидите, какая чудесная душа Жуковский. Между тем, так как решительно нельзя, чтобы Мойер делал мне операцию, то я только что написал ему, умоляя его не приезжать во Псков. Не знаю, что дает повод Матери моей надеяться, я же давно уже не верю никаким надеждам. Рокотов приезжал повидаться со мною на другой день вашего отъезда; было бы любезнее оставить меня скучать одного. Вчера я посетил Тригорский замок, его сад и его библиотеку. Тамошнее уединение поистине поэтично, так как оно полно вами и воспоминаниями о вас. Его любезные хозяева должны были бы поспешить возвращением туда; но это желание слишком отзывается эгоистическим чувством семьянина; если Рига доставляет вам удовольствие, — веселитесь и вспоминайте иногда Тригорского (т. е. Михайловского) изгнанника: вы видите, что я путаю места нашего жительства — и это все по привычке. 29 июля. — Ради неба, сударыня, ничего не пишите Матушке моей касательно моего отказа Мойеру: из этого выйдут только бесполезные толки, так как я уже принял твердое решение».

— Н. О. Пушкина с мужем и дочерью была в это время в Ревеле, на морских купаньях («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 58, 61, 75, 83).

— Говоря о чудесной душе Жуковского, Пушкин, очевидно, имел в виду хлопоты Жуковского об облегчении его участи, о лечении и о приезде Мойера (см. в предыдущем письме).

— Об И. М. Рокотове, соседе Пушкина и Осиповой, см. в письме № 94 и в объяснениях, стр. 346.

162. *Н. Н. Раевскому* (стр. 147—148). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 135 — 136 и 444 — 445 (отрывок), в его же книге «Пушкин в Александровскую эпоху», стр. 293—294 (отрывки) и в «Вестн. Европы» 1881 г., № 2, стр. 645—646, в статье В. П. Гаевского (полностью); перепечатано в «Архиве Раевских», т. I, стр. 258 — 261; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.) — в Библиотеке Академии Наук, куда поступил от П. Н. Тургенева («Пушк. и его соврем.», вып. II, стр. 9—10).

— Настоящее письмо, сохранившееся лишь в черновике, повидимому, не было отправлено, так как часть его вошла впоследствии в письмо к тому же Раевскому от 30 января 1829 г. (см. в т. II), также, вероятно, не посланное по адресу; Пушкин хотел им ответить на письмо к нему Николая Николаевича Раевского (о нем см. выше, в объяснениях, стр. 189 — 191) из Белогородки или Белой Церкви от 10 — 13 мая 1825 г. (см. «Архив Раевских», т. I, стр. 254—257), в котором Раевский благодарил поэта за сообщение ему плана «Бориса Годунова», высказывал свои суждения

о нем, а также о 1-й главе «Онегина», о «Цыганах», о «Кавказском Пленнике» и о «Войнаровском» и «Наливайке» Рылеева, о «Чернеце» Козлова и т. д. (см. подробнее в книге Л. Н. Майкова: «Пушкин», стр. 143—146). № 162.

Перевод: «Где вы? Из газет я узнал, что вы переменили полк. Желаю, чтобы это доставило вам удовольствие. Что поделывает ваш брат? Вы ничего не говорите мне о нем в письме вашем от 13-го мая. Лечится ли он?

Вот мои обстоятельства: мои друзья усиленно хлопотали о том, чтобы получить для меня разрешение съездить полечиться. Моя мать писала его величеству, и вследствие этого мне дали разрешение на поездку во Псков и даже на житье там, но я ничего этого не стану делать, а только съезжу туда на несколько дней. Покамест же я в совершенном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии; последняя подвигается вперед, и я доволен ею. Сочиняя ее, я размышлял о трагедии вообще [и если бы я собрался написать предисловие, оно было бы любопытно]. Это, может быть, наименее правильно понимаемый род поэзии. Классики и романтики — все основывали его правила на *правдоподобии*, а оно-то именно [правдоподобие] и несовместимо с самой природой драмы. Не говоря уже о времени и пр., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две половины, из коих одна занята двумя тысячами человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках. 2) *Язык*. Например у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! Я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Вспомните древних, их трагические маски, их двойные лица,—все это не есть ли [между тем] условное неправдоподобие? 3) Время, место и проч., и проч. Истинные гении трагедии [Шекспир, Корнель] никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как [последний] Корнель смело [обработал] повел Сида. А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте! — и нагромоздил событий на целых 4 месяца. По мне, нет ничего [смешнее] бесполезнее мелких поправок к общепринятым правилам: Альфиери отлично понял, как смешны речи *«в сторону»*; он их уничтожает, но за то удлиняет монологи и думает, что произвел [огромный шаг] целый переворот в системе трагедии [как будто в монологе больше правдоподобия, чем в речах «в сторону»]. Какое [мелочность] ребячество! [Развитие страстей и характеров]. Правдоподобие положений и правда [нравов] диалога — вот [единственные] настоящие законы трагедии. [Ш<експир> охватил страсти, Гёте — нравы.] Я не читал ни Кальдерона, ни Вега, но что за человек этот Ш? Не могу притти в себя! Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! Байрон, который постиг всего-на-всего один характер [исключая] [именно свой собственный] (у женщин нет характера, — у них страсти в молодости, — вот почему [поэту] так легко рисовать их), итак Байрон, [в трагедии] разделил между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою меланхолию и т. д., — и таким образом из одного характера, полного, мрачного, и энергичного, создал несколько характеров незначительных, — это уже вовсе не трагедия.

[Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый — на свой образец, — читайте Ш.]. Существует и еще одна склонность [склонность, достойная романа Авг. Лафонтена]: создав в своем воображении какой-нибудь характер, писатель старается наложить отпечаток этого характера на все, что заставляет его говорить, даже по поводу вещей, совершенно [обыденных] посторонних [его страстям] (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит *Дайте мне* [супу] *пить*, как заговорщик, — и это только смешно [поэт боится, характер можно увидеть только в] [напр.]. Вспомните «Озлобленного» Байрона (ha pagato!) [1] Это однообразие, этот подчеркнутый лако-

---

[1] [*Перевод*]: Он заплатил!

№ 162. низм, эта непрерывная ярость, — естественно-ли это? [жизненно-ли это?] Смотрите у Ш. [и об этом]. Отсюда и эта неловкость, и эта робость диалога. Читайте Ш[експира] [это мой припев]. Он никогда не боится скомпрометировать свое действующее лицо, — он заставляет его говорить со всею жизненною непринужденностью, ибо уверен, что в свое время и в своем месте он заставит это лицо найти язык, соответствующий его характеру.

«Вы спросите меня: а ваша трагедия — трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то, и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сцен потребовала только рассуждения; когда же я подхожу к сцене, требующей вдохновения, я или выжидаю, или перескакиваю через нее. Этот прием работы для меня совершенно нов. Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить».

* * *

— Это письмо занимает важное место в истории литературного развития Пушкина, свидетельствуя о серьезности и глубине изучения Пушкиным вопроса о драме в период создания им «Бориса Годунова»; оно, вместе с позднейшею своею редакциею, 1829 года, по выражению Анненкова, «может быть, замечательнее всех, писанных им по этому случаю», — т.-е. по вопросу о трагедии («Материалы», стр. 132); мысли, им здесь выраженные, «были исходным пунктом всех последующих статей Пушкина о драматическом искусстве. Положения, в них заключающиеся, он развивал в письмах к другим лицам, в проектах статей, в отдельных заметках» (там же, стр. 136), а также в письме к тому же Раевскому от марта— апреля 1827 г. По словам В. А. Розова, это письмо к Раевскому «обнаруживает глубокую продуманность вопроса, разностороннее исследование его и обширную начитанность в области драматической поэзии. Пушкин привлекает тут древних, неоклассиков Лагарпа и Корнеля, Байрона, Шекспира, Альфиери: сожалеет о своем незнакомстве с произведениями Кальдерона и Лопе-де-Веги»; тогда же он выписывает себе Шлегеля (см. выше, стр. 410), «Théâtre» Шиллера, тогда же, по убеждению В. А. Розова, знакомится и с драматическими произведениями Гёте (В. А. Розов, Пушкин и Гёте, Киев. 1908, стр. 104 — 106). Исследование вопроса о «Взгляде Пушкина на драму» см. в статье Н. К. Козмина в «Зап. Ист.-Фил. Фак. Имп. С.-Пб. Университета», ч. LVII, С.-Пб. 1900 (Сборник в память Пушкина) и Г. И. Чулкова: Пушкин и театр — в «Голосе Минувшего» 1923 г., № 3; см. также в книге Л. Н. Майкова «Пушкин» статью: «Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским. Заметки по поводу одного письма» (стр. 137— 161). Ср. ниже, в письме к Раевскому же 1829 г. и в объяснениях к нему.

— Н. Н. Раевский, будучи с 1 января 1824 г. полковником Курляндского драгунского полка, 14 июня 1825 года переведен был в Харьковский драгунский полк (Б. Л. Модзалевский, Род Раевских, С.-Пб. 1908, стр. 70; «Архив Раевских», т. I, стр. 258), о чем было напечатано и в «Русском Инвалиде», который Пушкин выписывал. Этою датою приблизительно определяется и время написания письма Пушкина к Раевскому.

— Брат Раевского — Александр Николаевич, «демон» Пушкина (см. выше, стр. 214—215). Он жил тогда у своей бабки, графини А. В. Браницкой, в м. Белой-Церкви, а перед тем лечился в Одессе морскими купаньями («Архив Раевских», т. I, стр. 259).

— О письмах Н. О. Пушкиной к Александру I с просьбою за сына см. выше, в объяснениях, стр. 446 — 447 и 469 — 470.

— Соседка, уехавшая в Ригу, — П. А. Осипова, уехавшая из Тригорского с дочерьми 19 июля.

— Трагедия Пушкина — «Борис Годунов».

— Со словами Пушкина о правдоподобии в драматическом искусстве любопытно сопоставить то, что̀ писал он почти теми же словами пять лет спустя в своих заметках о драме: «Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием Драматического Искусства. Что если

докажут нам, что и самая сущность Драматического Искусства именно исключает правдоподобие? Читая поэму, роман, мы часто можем забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования, в настоящих обстоятельствах. Но может ли сей обман существовать в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые etc. etc. Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира Римские ликторы сохраняют обычаи Лондонских Алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает Консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полу-Скиф Ипполит ее поднимает и говорит языком молодого благовоспитанного Маркиза. А Корнелеву Клитемнестру сопровождает Швейцарская гвардия. — Римляне Корнеля суть если не Испанские рыцари, то Гасконские бароны. Со всем тем, Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосягаемой — и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов» (Ср. еще выше, в письме к брату, № 72). № 162.

— Лагарп — Жан-Франсуа (род. 1739, ум. 1803), критик, драматург, историк литературы; его трагедия «Philoctète» (1783 г.) пользовалась успехом и высоко ценилась некоторыми писателями, хотя это не что иное, как слабое подражание Софокловой трагедии того же названия. Собрания сочинений Лагарпа сохранились в библиотеке Пушкина.

— Корнель — глава Французской классической школы, автор «Сида» 1673 г. (см. выше, в письме № 38, и в объяснениях, стр. 245), в котором, равно как и в других своих произведениях, делал попытки смягчить строгость правил классического кодекса, сделать их более удобными для практики и высказывал некоторые сомнения относительно точного соблюдения трех единств (см. Ф. Д. Батюшков, Корнелев «Сид», С.-Пб. 1895, стр. 5; Н. К. Козмин, Взгляд Пушкина на драму, отд. отт., С.-Пб. 1900, стр. 2—3).

— Альфиери — граф Витторио (род. 1749, ум. 1803), знаменитый итальянский поэт и драматург, написавший 21 трагедию и оставивший после себя целую школу последователей.

— Don Pedro Calderon de la Barca (род. 1600, ум. 1687) — знаменитый испанский поэт и драматург, автор множества драм, трагедий, комедий, диалогических пьес и т. под. произведений. Впоследствии Пушкин приобрел оригинальное Лейпцигское издание комедий Кальдерона, на испанском языке, в 4-х томах, выпущенное в 1827 — 1830 г. (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, стр. 183).

— Lope Felix de Vega Carpio (род. 1562, ум. 1635) — испанский драматург и поэт, основатель новой испанской драмы, процветавшей в продолжение целого столетия, автор около 2.000 драматических произведений.

— Ш. — (здесь и дальше) — Шекспир, чтением и изучением которого в это время Пушкин так увлекался.

— Суждение о Байроне любопытно сопоставить с другими отзывами Пушкина об этом, еще столь недавнем властителе его дум.

— Август-Генрих-Юлий Лафонтен (род. 1758, ум. 1831) — плодовитый немецкий писатель, автор чувствительных и слезливых романов; из них в Тригорской библиотеке сохранялся (в переводе на французский язык) роман: «La famille de Halden», Paris (см. Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское — «Пушк. и его совр.», вып. I, стр. 27). В «Евгении Онегине» (гл. 4, стр. V) Пушкин писал:

. . . . мы, враги Гимена,
В домашней жизни зрим один
Ряд утомительных картин,—
Роман во вкусе Лафонтена,

и прибавил в пояснение этого имени: «Август Лафонтен — автор множества семейственных романов». Они были очень распространены и в России.

№ 163. «Трудно представить себе, говорит А. Д. Галахов: «с какою жадностью и удовольствием читались у нас романы Лафонтена: их действие понятно лишь тому, кто сам испытал его, читая... В сущности, действие их было вредно, возбуждая в юной душе сладенькие чувства, приучая к праздной фантазии и все завершая или несостоятельной, или пошлой моралью». Такого же мнения был о романах Лафонтена и Ап. А. Григорьев (ср. «Русск. Стар.» 1895 г., № 1, стр. 155—156).

— Генри Фильдинг (род. 1707, ум. 1754) — плодовитый английский романист, одно время весьма популярный. В 1831 году, говоря о Гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки», восторгаясь их «веселостью, искреннею, непринужденною», «без жеманства, без чопорности», и передавая, что «наборщики помирали со смеху, набирая книгу», Пушкин писал А. Ф. Воейкову: «Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков».

— «Озлобленный» Байрона — это патриций Джакопо Лоредано в 5-актной исторической драме «Двое Фоскари» (1821 г.); в этом произведении английского поэта человеческое страдание, нравственное и физическое, — притом простое, бесхитростное и безмолвное нашло наиболее резкое выражение (Соч. Байрона, ред. Венгерова, т. II, стр. 377). Лоредано, представитель семьи, враждебной дому Фоскари, добивается того, что дож лишен был сана (1457) и через несколько дней умер. Стоя у его трупа, Лоредано пишет в своей записной книжке: «На pagato» [Он заплатил] и на вопрос «А что он был вам должен?» отвечает: «Старинный долг и долг природный — смерти». Этими словами и кончается драма.

— О деланности, неестественности и однообразии некоторых характеров у французских классиков Пушкин писал в одной позднейшей заметке (1833 г.) о Шейлоке, Анджело и Фальстафе: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих пороков, обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под хранение, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер, потому что его гласные действия противоречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере! — Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии», и т. д. И раньше, в набросках о драме (1830 г.), Пушкин отмечал натянутость типов Расина и естественность героев Шекспира.

— По поводу последних слов поэта о чувстве полного развития своих духовных сил припомним здесь свидетельство Льва Пушкина о брате в период его Михайловской жизни: «Перемена-ли образа жизни, естественный-ли ход усовершенствования, но дело в том, что в сем уединении талант его видимо окрепнул и, если можно так выразиться, освоеобразился. С этого времени все его сочинения получили печать зрелости» (Л. Майков. Пушкин, стр. 10).

163. *П. А. Осиповой* (стр. 149). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн в «Библ. для Чтения» 1859 г., т. 154, стр. 119; подлинник до нас не сохранился.

Перевод: «Хотите ли вы знать, что̀ за женщина г-жа Керн? У нее гибкий ум, она понимает все; огорчается легко и так же легко утешается, робка в приемах обращения и смела — в поступках; но она чрезвычайно привлекательна».

Приводя эту характеристику, данную ей Пушкиным, А. П. Керн пишет, что он «очертил ее портрет в одном из своих писем к тетушке», —

П. А. Осиповой. Зная исключительную точность и правдивость Воспоминаний Керн, нельзя сомневаться в правильной передаче ею и этих строк влюбленного в нее поэта.

164. *П. А. Осиповой* (стр. 149). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 125; подлинник — в Пушкинском Доме (от И. С. Понафидиной, рожд. бар. Вревской).

Перевод: «Я только что вернулся от вас. Малютка совершенно здорова и приняла меня самым любезным образом. Погода стояла у нас ужасная: ветры, грозы и т. д., — вот все новости, какие могу вам сообщить. Полагаю, что новости вашего управителя будут более разнообразны по содержанию. Примите, сударыня, уверения в совершенном моем уважении и преданности. Поручаю себя памяти всего любезного семейства вашего».

— Малютка, о которой пишет Пушкин, — младшая дочь П. А. Осиповой от второго ее брака — Екатерина Ивановна Осипова (род. 17 июня 1823 г.), впоследствии вышедшая замуж (10 ноября 1841 г.) за Виктора Александровича Фока и проживавшая в с—це Лысая Гора, верстах в 2-х от Тригорского; в 1902 г. она жила в Севастополе. Она до старости сохраняла в своей памяти образ Пушкина и еще в 1898 г. вспоминала о поэте в беседе с акад. живописи В. М. Максимовым и В. П. Острогорским, которым передавала то, что помнила и знала про Пушкина и про его похороны (см. Альбом Пушкинский уголок, М. 1899, стр. 112—115).

165. *Н. А. Полевому* (стр. 149). Вперые напечатано в «Северной Пчеле» 1846 г., № 19, стр. 73 и в «Иллюстрации» 1846 г., т. II, № 9, стр. 131, по подлиннику, принадлежавшему тогда С. Д. Полторацкому, но теперь неизвестно где находящемуся.

— Письмо Полевого, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось (ср. выше, в письмах №№ 135 и 144). «Пушкин», говорил впоследствии М. П. Погодин, — «на первых порах был расположен к Полевому и до кончины своей не считал его, кажется, нечестным человеком. В одном письме своем ко мне, напечатанном в «Москвитянине», он говорит это сам, хотя в то время и переменился уже к нему во всех прочих отношениях» («Русск. Арх.» 1869 г., ст. 2092).

— Во второй половине 1825 г. в «Московском Телеграфе» из произведении Пушкина были напечатаны (кроме указанных выше, стр. 456—457): «Стихи в Альбом» (Е. Н. Вульф: «Если жизнь тебя обманет...») — ч. V, № XVII, стр. 37; статья: «О предисловии Г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (с подп.: Н. К. и пометою: 12 августа)—там же, стр. 40—46, и «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж... ») — ч. VI, № XXI, стр. 69 (с нотами).

— 20 лет спустя, в статье своей о Полевом, написанной по случаю его смерти, Белинский выразился, как и Пушкин: «Без всякого преувеличения можно сказать положительно, что «Московский Телеграф» был решительно лучшим журналом в России от начала журналистики...»

— Кн. Вяземскому Пушкин писал, по поводу предложения Полевого о сотрудничестве в «Московском Телеграфе», в начале июля 1825 г. (см. выше, письмо № 151).

166. *П. А. Осиповой* (стр. 150). Впервые напечатано в «С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 146 и в «Русск. Арх.» 1867 г. ст. 125—126; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) в Гос. Публ. Библиотеке (см. Отчет за 1897 г., стр. 91).

Перевод: «Вчера получил я, сударыня, ваше письмо от 31 [июля], писанное на другой день после вашего приезда в Ригу. Вы не можете себе представить, как тронут я этим знаком вашего расположения и памяти обо мне; он дошел прямо до души моей, и от самой глубины души благодарю я вас за него. — Ваше письмо получил я в Тригорском. Анна Богдановна сказала мне, что вас ждут туда к половине августа. Не смею на это надеяться. Что же сказал вам Г. К<ерн> касательно отеческого надзора за мною г-на А<деркаса>? Положительные ли это приказания? Значит ли г. К<ерн> что-нибудь в этом деле? Или это

№ 167. только одни слухи в публике? — Я полагаю, что вам в Риге лучше известно, что делается в Европе, чем мне в Михайловском. Что же касается новостей Петербургских, то я ничего не знаю, что там творится. Мы ждем осени, однако, у нас еще было несколько хороших дней, а благодаря вам, на моих окнах постоянно цветы. — Прощайте, сударыня, примите уверение в моей нежной и почтительной преданности. Верьте, что на земле нет ничего верного и доброго, кроме дружбы и свободы. Вы научили меня ценить прелесть первой. 8 августа. — *На обороте:* Милостивой Государыне Госпоже Осиповой *в Риге*».

— Анна Богдановна — особа, служившая у П. А. Осиповой.

— Г. К. — Ермолай Федорович Керн (р. ок. 1770, ум. 1841), генерал-майор (с 22 октября 1812 г.), комендант в Риге, с января 1817 г. — муж Анны Петровны Керн (которую П. А. Осипова старалась тогда помирить с мужем, но безуспешно, так как А. П. Керн в 1826 году окончательно разошлась с мужем). Пушкин, быть может, предполагал, что Керн причастен к тем мерам, которые применялись к нему во время жизни его в Михайловском.

— Г. А. — Борис Антонович фон-Адеркас, Псковской губернатор (см. выше письмо к нему Пушкина № 101).

167. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 150—151). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 155—156; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— За это письмо (пересланное в Ревель через бар. Дельвига — см. «Стар. и Нов.», кн. V, стр. 37, где письмо Дельвига к Вяземскому неверно отнесено к 1826 году) и за следующее, от 14—15 августа, кн. Вяземский благодарил Пушкина большим письмом из Царского-Села от 28 августа—6 сентября, на которое Пушкин, в свою очередь, отвечал письмом от 13—15 сентября, № 180. Из Ревеля Вяземский выехал 19 августа 1825 г., прогостил около трех недель в Петербурге и в Царском-Селе и выехал к своему семейству в середине сентября. За несколько дней до его отъезда из Ревеля, оттуда выехали родители Пушкина и его сестра Ольга Сергеевна, которой, в день ее отъезда, кн. Вяземский, очень с ней подружившийся,[1] написал следующее стихотворение:[2]

Нас случай свел; но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой, —
Поэта друг, сестра и гений милой,
По сердцу ты и мне давно родня!

* * *

Так! в памяти сердечной, без заката
Мечта о нем горит теперь живей:
Я полюбил в тебе сначала брата, —
Брат по сестре еще мне стал милей!

* * *

Его удел — блеск славы горделивой,
Сияющей из лона бурных туч,
И от нее падет блестящий луч
На жребий твой смиренный, но счастливый.

* * *

---

[1] В письмах к жене он с великою симпатиею отзывается о сестре поэта, называя ее «ma soeur d'adoption» — «приемною сестрою» («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 90, 93 и др).

[2] Приводим здесь редакцию его, сообщенную автором жене в письме от 12 августа 1825 года из Ревеля («Остаф. Архив», т. V, вып. 1, стр. 85—86); пьеса была напечатана в «Северных Цветах на 1827 год», стр. 3, с несколькими вариантами; ср. Собр. соч. Вяземского, т. III, стр. 405, где она неверно датирована 1826 г.

Но ты ему спасительнее [вар.: еще полезней] будь!
Свети ему звездою безмятежной!
И в бурной мгле участьем дружбы нежной
Вливай покой в растерзанную [вар.: тоскующую, томящуюся]
груды!

— На слова Пушкина: «я из Михайловского не тронусь» Вяземский ответил горячею отповедью в письме от 28 августа — 6 сентября, убеждая поэта: «попробуй плыть по воде: ты довольно боролся с течением» (Акад. изд. Переписки. т. I, стр. 278); Пушкин в свою очередь возражал письмом от 13—15 сентября (см. ниже, письмо № 180).

— Ответ Вяземского на вопрос Пушкина о «его Байроне» см. выше, в объяснениях к письму № 153, стр. 464.

— В «Сыне Отечества 1818 г. (ч. 49, № 39—40) издатель «Отечественных Записок» Павел Петрович Свиньин (род. 1788, ум. 1839), на которого позднее Пушкин написал «сказочку» и которого задел в своем стихотворении «Собрание насекомых», — напечатал начало статьи своей «Поездка в Грузино», известное имение гр. Аракчеева, при чем, в качестве эпиграфа к ней, им были помещены следующие стихи, заключавшие в себе беззастенчивую лесть ненавистному бездушному временщику:

Я весь объехал белый свет,
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом,
Но только в Грузине одном
Был счастлив сердцем и душою
И сожалел, что не поэт!

«Мне так понравились... стихи Свиньина..., что я решился их перевести», — писал Вяземский А. И. Тургеневу 13 октября 1818 г. из Варшавы и тут же сообщал свой «перевод»:

«Что пользы», говорит рассчетливый Свиньин,
«Мне кланяться развалинам бесплодным
«Пальмиры, Трои и Афин?
«Пусть дорожит Парнаса гражданин
«Воспоминаньем благородным:
«Я не поэт, а дворянин
«И лучше в Грузино пойду путем доходным:
«Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин».

Затем Вяземский несколько изменил эпиграмму и, по совету Пушкина, переставил стихи, начиная с 4-го:

«Что пользы», говорит рассчетливый Свиньин.
«Нам кланяться развалинам бесплодным
«Пальмиры древней иль Афин?
«Нет, лучше в Грузино пойду путем доходным:
«Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин.
«Оставим славы дым поэтам сумасбродным:
«Я не поэт, а дворянин»!

«Ведь это, писал Вяземский в указанном выше письме: ей-богу, стыдное дело, что мне из-за-границы должно отправлять вашу полицию... Свиньин полоскается в грязи и пишет стихи — и еще какие, а вы — ни слова, как будто не ваше дело. Да чего же смотрит Сверчок, полуночный бутошник», восклицает он при этом, вспоминая Пушкина: «при каждом таком бесчинстве должен он крикнуть эпиграмму» («Остаф. Архив», т. I, стр. 129—130). Пушкину эпиграмма на Свиньина тотчас стала, конечно, известна, и очень ему понравилась, а особенно — ее последний стих

№ 167. (курьезно, что он представляет собою как бы пародию на заключительный стих из посвящения Бестужеву поэмы Рылеева «Войнаровский»:

Я не поэт, а гражданин).

«Пушкин, вспоминает Вяземский, очень смеялся над этим стихом. Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозою» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 475). Эпиграмма Вяземского не могла быть, конечно, напечатана в 1825 году и появилась лишь в «Русск. Арх.» 1866 года, ст. 475.

— Карамзины в это время жили в Царском-Селе, и историограф работал над XII томом «Истории Государства Российского». 31 июля 1825 г. он писал И. И. Дмитриеву про Вяземского: «Мысли твои о службе для кн. Петра Андреевича весьма основательны... Куда ни кинь, так клин. Он умен, любезен, но не знает, что делать в свете, и скучает; горд и не решителен; а я не имею духа за него решиться. Ждем его возвращения из Ревеля» (Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 401—402); по приезде оттуда Вяземский в конце августа гостил у сестры и зятя в Царском-Селе (см. «Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 90—96).

— Письма Пушкина к Карамзину и членам его семьи до нас не сохранились; позднейшие (1827 г.?) записи поэта в альбомах дочерей историографа — Софьи Николаевны и Екатерины Николаевны (по мужу кн. Мещерской) опубликованы нами в сборн. «Пушкин и его соврем.», вып. XXVIII, и в ж. «Русский Библиофил» 1916 г. кн. VI.

— Ж. — Жуковский, хлопотавший об операции аневризма Пушкина и просивший Мойера приехать для этого во Псков (см. выше, письмо № 160).

— Кюх. — Вильгельм Карлович Кюхельбекер; его личные дела находились тогда в очень неопределенном положении; так, еще 18 мая 1825 г. Грибоедов писал С. Н. Бегичеву из Петербурга: «Журналисты повысились в моих глазах 5 процентами, очень хлопочут за Кюхельбекера, приняли его в сотрудники, и кажется удастся определить его к казенному месту. У Шишкова не удалось, в Почтамте тоже и в Горном Департаменте, но где-нибудь откроется щелка» (Соч., ред. Н. К. Пиксанова, т. III, стр. 173); а в начале сентября, намекая на неуживчивый характер поэта, Грибоедов говорил Бегичеву: «Мне там [у Ермолова] не сдобровать—надо мной носятся какие-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, те, которые его отовсюду выживали и присунули наконец к печатному станку Греча и Булгарина» (там же, стр. 178); между тем его товарищ, кн. В. Ф. Одоевский, в это время был занят в Москве изданием сильно запоздавшей последней. IV части сборника «Мнемозина», вышедшей в октябре 1825 г.; в ней были помещены стихотворения Пушкина: «К морю» («Прощай, свободная стихия»), «Татарская песня» (из «Бахчисарайского Фонтана»), с музыкой кн. Одоевского, и романс «Слеза» («Вчера за чашей пуншевою»...) с музыкою Лицейского товарища Пушкина—М. Л. Яковлева.

— Разбор Шихматова — критическая статья В. К. Кюхельбекера об известной поэме или «лирическом песнопении в 8 песнях» кн. Сергея Александровича Ширинского-Шихматова: «Петр Великий», вышедшей в свет еще в 1810 году. Статью эту он подготовлял *весною* 1825 г., при чем, прося кн. В. Ф. Одоевского о присылке ему сочинений Шихматова, говорил, со свойственной ему экспансивностью: «Одна из главных причин, побудивших меня сделаться журналистом,—желание отдать справедливость этому человеку» («Русск. Стар.» 1904 г., № 2, стр. 381). Таким образом, до Пушкина тогда дошли, очевидно, лишь слухи об этой статье его Лицейского товарища, которая появилась несколько позже—в «Сыне Отечества» 1825 г., ч. 102, № 15 (август), стр. 257—276. Прочтя ее затем, Пушкин писал Кюхельбекеру, в начале декабря: «Вот чем тебя рассержу: кн. Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, — бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля» (см. ниже, в письме № 189). О статье Кюхельбекера и поэт Языков писал 16 августа 1825 г. своему брату: «Разбор поэмы Петр Великий—просто пустословие: красоты Ших-

матова (которых Кюхельбекер не доказывает) все заимствованы или из Священного писания, или из Ломоносова и Державина, все состоят в словах и следственно не дают Шихматову права назваться оригинальным. Сверх того, мне кажется, что Кюхельбекер нередко называет прекрасным и высоким то, что должно бы называть бомбастом» («Языковский Архив», вып. I, стр. 197). № 167.

— Князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (род. 1783, ум. на Афоне в 1837; с 1830 г. был в монашестве, с именем Аникиты)—высокопарный стихотворец, последователь Шишкова и его школы, очень ценимый Шишковым за приверженность к старинным и славянским словам, речениям и оборотам и проведенный им в 1809 г. в члены Российской Академии (где с 1833 г. был членом и Пушкин); во 2 строфе «Домика в Коломне» (1830 г.) Пушкин вспоминает об одной особенности стихотворной техники «богомольного» Шихматова — неупотреблении наглагольной рифмы, за что еще Батюшков, осмеявший в эпиграмме (1810 г.) поэму Ширинского «Петр Великий», назвал его «безглагольным» в своей известной сатире (1813) «Певец в беседе славяноросов» (Ширинский-Шихматов был деятельным членом Беседы Любителей Русского Слова). Катенин и Кюхельбекер, вопреки мнению «Арзамасцев», очень ценили стихи Шихматова; Кюхельбекер, напр., в своей статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», ч. II, стр. 29), между прочим, назвал Шихматова «поэтом, заслуживающим занять одно из первых мест на Русском Парнассе»; в своем «Обозрении Российской словесности» 1824 г. он относил Шихматова к числу «славян-классиков», наряду с Шишковым, причисляя себя, Катенина и кн. Шаховского к «славянам-романтикам» (см. «Литературные Портфели», по матер. Пушкинского Дома, вып. I, Пб. 1923, стр. 74—75). И много лет спустя, уже в 1833 г., в Сибири, твердый в своих литературных воззрениях Кюхельбекер писал в дневнике: «Перечитывая сегодня поутру начало 3 песни своей поэмы, я заметил в механизме стихов и в слоге что-то Пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей. Впрочем, никак не могу понять, отчего это сходство могло произойти: мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя..... за приверженца школы так называемых очистителей языка, а я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменем Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова».... («Русск. Стар.» 1875 г., т. IX, стр. 83). У «Арзамасцев» же имя Шихматова было синонимом тяжелого безвкусия и бездарности, и Пушкин, еще на Лицейской скамье, осмеивал его, наряду с Хвостовым, Бобровым и Макаровым, под именем Рифматова (см. в стих. «К другу стихотворцу» 1814 г., эпиграмму на его поэму «Пожарский», 1814 г. и др.; ср. в письме № 2 и в объяснениях к нему). В. Л. Пушкин в «Опасном Соседе» назвал Шихматова: «Варяго-Росс, угрюмый наш певец, Славянофилов кум». Бар. Дельвиг еще в 1822 г. советовал Кюхельбекеру «написать Шихматову проклятие, но прежними стихами, а не новыми» (Соч., изд. Севера, стр. 149). А. А. Бестужев во «Взгляде на старую и новую словесность в России» писал, что «кн. Шихматов имеет созерцательный дух и плавность в элегических стихотворениях. Впрочем, его поэзия сумрачна». Поэт В. И. Туманский, с своей стороны, называя Шихматова «карикатурою Юнга», в письме к Кюхельбекеру от 11 декабря 1823 г. из Одессы умолял своего приятеля «читать Байрона, Мура и Шиллера, читать, кого хочешь, только не Шихматова» (Стихотворения и письма, ред. С. Н. Браиловского, С.-Пб. 1912, стр. 252, 253).

— Антикритика Полевого — его статья: «К читателям Телеграфа», помещенная в прибавлении (стр. 1—17) к № 14 его журнала, вышедшем в конце июля. Статья была написана по поводу нападения на Полевого «Северной Пчелы» (№ 82), вызванного заметкою Полевого в № 11 «Телеграфа» (стр. 283—284) по поводу известия «Пчелы» (№ 13) об издании в Париже «Курса Политической Экономии» акад. Шторха с примечаниями Ж.-Б. Сея. Антикритика Полевого, в которой он указывал на многочисленные

№ 167. ошибки против языка и грамматики в «Сыне Отечества», действительно, скучна и безжизненна, особенно по сравнению с остроумными и живыми статьями Вяземского. Пушкин писал последнему: «Как жаль, что Полевой пустился без тебя в Антикритику! Он длинен и скучен, педант и невежда — ради бога, надень на него строгий мундштук и выезжай его — на досуге» (см. еще, в письме № 180, стр. 163 и 516).

— О статье кн. Вяземского: «Жуковский.—Пушкин,—О новой пиитике басен», напечатанной в № 4 (февральском) «Московского Телеграфа» 1825 года и названной Пушкиным «европейскою» (письмо № 144), см. выше, в объяснениях к письму № 144, стр. 436. К приведенной там выписке слов Вяземского о Пушкине добавим здесь еще то, что анонимный автор «Письма на Кавказ» («Сын Отечества» 1825 г., № 2), вызвавшего статью Вяземского, говорил о новых баснях Крылова, и что возражал ему Вяземский. «Оне прекрасны», читаем мы в «Письме на Кавказ»: «замысловаты, но.... право не хочется высказать, — по рассказу не могут равняться с прежними его баснями, в которых с прелестью поэзии соединено что-то Русское, национальное. В прежних баснях И. А. Крылова мы видим Русскую курицу, Русского ворона, медведя, соловья и т. п. Я не могу хорошо изъяснить того, что чувствую при чтении его первых басен, но мне кажется, будто я где-то видал этих зверей и птиц, будто они водятся в моей родительской вотчине».—«В других землях», писал по этому поводу Вяземский: «требовали и требуют, чтобы драматические писатели, творцы эпических поэм, почерпали предметы и вымыслы свои из отечественных источников; но наш Шлегель увлекается гораздо далее в порыве пламенного патриотизма. Он не довольствуется отечественным пантеоном; он требует еще и отечественного зверинца, отечественного курятника, отечественного птичника. По нем, сохрани боже, чтобы Русский баснописец употребил в басне своей, например, Цесарскую курицу или Швабского гуся; нет — давай ему непременно куриц Русских, гусей Русских; поэтический желудок его не варит других, кроме Русских. Должно надеяться, что требования *новой пиитики* нашего законодателя возбудят покорное внимание будущих баснописцев; но одно меня тревожит за них: где будет предел его требованиям? Удовольствуется ли он тем, что его станут подчевать одною *Русскою живностью?* Из последних слов приведенной выписки не высказывается ли требование *живности доморощенной?* Первые басни г-на Крылова нравились Литтератору-Патриоту, но чем? Ему казалось, что герои оных *водились в его родительской вотчине.* Искренно поздравляю Аристарха - помещика с родительскою вотчиною: не каждому ученому можно похвалиться подобною собственностью; поздравляем и с тем, что он имеет при ней куриц и соловьев, приятную пищу для желудка и ушей, хотя сожалеем вчуже, что в этой вотчине *водятся медведи,* потому что от них сельские прогулки могут вовлечь хозяина в неприятные встречи. Понимаем также, что для образованного помещика очень кстати иметь домашнего *Лафонтена* биографом-живописцем господского птичьего двора; но пустой указатель новой Пиитики царства бессловесных сжалится немного над затруднительным положением баснописца, который в таком случае должен приписаться к какой-нибудь вотчине, чтобы доставлять читателю своему приятные воспоминания о его домашнем хозяйстве. Должно надеяться, что в другом письме на Кавказ последуют пояснения и прибавления, которые, к общему удовольствию, согласят выгоды читателей-помещиков с выгодами приписных баснописцев» («Моск. Телегр.» 1825 г., ч. I, № 4, февраль, стр. 352—353; ср. Собр. Сочинений кн. Вяземского, т. I, стр. 182—183). Пушкин впоследствии писал Вяземскому, что он только два раза за все время, что был в Михайловском, хохотал,—и оба раза смех был вызван Вяземским: его разбором новой пиитики басен и одним письмом его, до нас, к сожалению, не дошедшим (см. ниже, в письме № 185).

— Остроумная статья кн. Вяземского не осталась без ответа или антикритики, которая появилась в «Сыне Отечества», ч. 100, № 7, стр. 280—299, с подписью Д. Р. К., под которою скрылся сам редактор журнала — Н. И. Греч.

— Мысль об основании собственного журнала, который бы мог стать органом кружка писателей - единомышленников, выраженная впервые в феврале 1825 г. (см. письмо № 123) и здесь повторенная, затем с настойчивостью высказывается поэтом еще несколько раз. 30 ноября он пишет А. А. Бестужеву (см. № 187): «Ты едешь в Москву,—поговори там с Вяземским об журнале: он сам чувствует в нем необходимость, а дело было бы чудно хорошо». В 1826 и следующих годах мысль эта не оставляет Пушкина (см. ниже, в т. II) и в 1831 году выливается в определенное намерение издавать политическую и литературную газету «Дневник» (см. статью Н. К. Пиксанова: Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832)—«Пушк. и его соврем.», вып. V, стр. 30—74). **№ 168.**

— Французская фраза значит: «Что такое чувство? — Дополнение к темпераменту». Фраза эта была сказана сантиментальной Анне Николаевне Вульф.

168. *П. А. Осиповой* (стр. 151). Впервые напечатано в «С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 146 (отрывок) и в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 127—128; подлинник (на бумаге—вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.)—в Гос. Публичной Библиотеке (см. Отчет ее за 1897 г., стр. 91).

Перевод: «Нужно ли мне говорить вам о моей признательности? Право, сударыня, с вашей стороны весьма любезно, что вы не забываете своего отшельника. Ваши письма столь же приводят меня в восторг, сколько великодушные обо мне заботы — трогают. Не знаю, что ожидает меня в будущем; знаю только, что чувства мои к вам останутся навеки неизменными.—Еще сегодня я был в Тригорском. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Как и вы, сударыня, я полагаю, что слухи, дошедшие до г-на Керна, не верны; но вы правы, что ими не следует пренебрегать. На днях был я у Пещурова, «лукавого ходатая», как вы его называете; он думал, что я во Пскове (NB). Я рассчитываю еще проведать моего старого негра - дедушку, который, как я предполагаю, на этих днях умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него Записки, относящиеся до моего прадеда. Свидетельствую мое почтение всему вашему милому семейству и остаюсь, сударыня, вашим преданнейшим. 11 августа».

— Малютка—двухлетняя Катенька Осипова (см. выше, стр. 481).

— Керн — Ермолай Федорович, генерал, о котором Пушкин упоминает и в предыдущем своем письме к П. А. Осиповой (№ 166).

— Пещуров — Алексей Никитич (род. 1779, ум. 1849), дядя товарища Пушкина по Лицею,—кн. А. М. Горчакова (впоследствии канцлера); в молодости он служил в Семеновском полку, затем—в Заемном Банке, в Генерал-Аудиториате, а с февраля 1816 г. был в отставке, проживая большею частью в Петербурге; весною 1817 г. он принял участие в определении своего племянника кн. Горчакова в Коллегию Иностранных Дел, а в июне был на выпускном экзамене в Царскосельском Лицее, где, без сомнения, видел и Пушкина, читавшего на акте свое стихотворение «Безверие». Избранный, в декабре 1822 г., Опочецким Уездным Предводителем дворянства, он пробыл в этом звании все трехлетие, проживая в своем имении — селе Лямонове, где и навещал его Пушкин. Как было указано выше (стр. 356—357), на Пещурова, по приезде Пушкина в Михайловское, было возложено наблюдение за поэтом, как сыном Опочецкого помещика. Кн. А. И. Урусов, со слов кн. А. М. Горчакова, писал («Русск. Арх.» 1883, кн. II, стр. 205 — 206), что «Пещуров принимал большое участие в судьбе Пушкина. По приезде его из Одессы, к поэту был приставлен полицейский чиновник с специальною обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего не писал предосудительного .. Понятно, как раздражал Пушкина этот надзор. Пещуров, из любви к нему, ходатайствовал у маркиза Паулуччи (тогдашнего Рижского генерал-губернатора) о том, чтобы этот надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки, обещая, что поэт ничего дурного не напишет». Ходатайство «имело успех, — и Пушкин вздохнул свободнее». Действительно, судя по письмам Пушкина, доброжелательное и тактичное наблюдение собственно Пещурова мало его

№ 168. тяготило. Установлению приязненных отношений между Предводителем дворянства и поэтом способствовало еще и то обстоятельство, что Пушкин был хорошо знаком со свояченицею Пещурова (сестрою его жены) — Екатериною Христофоровной Крупенской, рожд. Комнено, женою Бессарабского вице-губернатора Матвея Егоровича Крупенского (см. выше, стр. 219 и 357), гостеприимный дом которого в Кишиневе он постоянно посещал. Наконец, Пещуров был хорошо знаком с П. А. Осиповой, которая, без сомнения, старалась внести в отношение его к опальному поэту возможную мягкость и снисходительность. Впоследствии Пещуров был Псковским Губернским Предводителем дворянства (1827—1829), Витебским (1829—1830) и Псковским (1830—1839) гражданским губернатором и, наконец, сенатором (1839—1849). В 1837 г. ему, как Псковскому губернатору, довелось принять участие в печальных хлопотах погребения Пушкина в Святогорском монастыре (см. «Пушк. и его соврем.», вып. VI, стр. 72, 81 и др. по указ.; «Русск. Стар.» 1907, февр., стр. 453—457). О Пещурове см. в статье Б. Л. Модзалевского: «К биографии канцлера кн. А. М. Горчакова, М. 1907, стр. 3 — 8 и др. Архив Пещурова в настоящее время принадлежит Пушкинскому Дому.

— «L'avocat Patelin» — «Лукавый ходатай»—название веселой и чрезвычайно популярной французской комедии, написанной в 1706 году Brueys и Palaprat на сюжет средневекового фарса о Maître Pathelin, хитром и лукавом адвокате-плуте.

— Во Псков, как мы видели, Пушкин тогда ехать отказывался (см. в письмах № 152, 153, 156, 160, 162).

— Дед Пушкина — Петр Абрамович Ганнибал (род. 21 июля 1742 г.), второй сын «Арапа Петра Великого» и старший брат отца матери поэта— Иосифа Абрамовича: артиллерист, генерал-майор с 10 ноября 1783 года, в 1794—1796 г.г. бывший Псковским Губернским Предводителем дворянства и проживавший в имении своем—сельце Петровском, Опочецкого уезда, в нескольких верстах от Михайловского. Пушкин познакомился с ним летом 1817 г., приехав в деревню после выпуска из Лицея; П. А. Ганнибал тогда только что овдовел (его жена, Ольга Григорьевна, рожд. фон-Данненберг, род. 5 июня 1742, ум. 18 июня 1817 г. в Петербурге). Сохранился в небольшом отрывке рассказ поэта, записанный 19 ноября 1824 г., о посещении деда: «... попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он ее и мне поднести; я не поморщился и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда»... «Забавно», говорит по этому поводу Анненков, «что водка, которою старый арап подчивал тогда нашего поэта, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал-от-артиллерии, по свидетельству слуги его, Михаила Ивановича Калашникова [см. выше, стр. 359, 360 и др.], занимался на покое перегоном водок и настоек и занимался без устали, со страстию. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле, но, кроме того, имел еще и другую должность. Обученный чрез посредство какого-то немца искусству разыгрывать русские песенные и плясовые мотивы на гуслях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своею музыкою, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, при чем раз они сожгли свою дестилляцию, вздумав делать в ней нововведения по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудачный опыт собственной спиной, да и вообще, прибавлял почтенный старик Михаил Иванович,—когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них *выносили на простынях*. Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев. Не мешает заметить, что Петр Абрамович долгое время состоял под судом за растрату каких-то артиллерийских снарядов и освобожден был от него только влиянием своего брата Ивана. Вероятно по просьбе своего внучатого племянника, А. С. Пушкина, этот генерал-от-артиллерии уступил ему листок своих Записок, начатых гораздо ранее автором—в чине еще артил-

лерии полковника. Этот листок, сохраненный Пушкиным в своих бумагах, и служит печальным образчиком тех познаний в русской грамоте и той способности к логическому мышлению вообще, какими обладал генерал-от-артиллерии и родной брат исторического лица, Ивана Абрамовича Ганнибала. Вот этот листок, списанный нами без малейшего изменения в слоге и орфографии: «Отецъ мой служилъ въ россійской службе происходилъ во оной чинами и удостоился Генераломъ аншефскаго чина орденовъ святыи Анны и Александра Невскаго, былъ негеръ, отецъ его былъ знатнаго происхожденія то есть владѣтельнымъ княземъ и взятъ вомонаты отецъ мой константинопольскаго двора изъ онаго выкраденъ и отосланъ къ государю Петру Первому, детей послѣ себя оставилъ Ивана—Генералъ-Поручика, — Петра артиллеріи полковника, — Іосифа морской артиллеріи второго ранга капитана,—Исаака—морской артиллеріи 3 ранга капитана; дочерей Елизавету, которая была за Пушкинымъ вдовою, Анну, коя была за Генералъ-Маіоромъ Неѣловымъ, Софья за Роткирхомъ. Братья, сестры и зятья волею Божею все вроди и чада помре; остался я одинъ, я и старшій въ роде Ганибаловъ; теперь начну писать о собственномъ рожденіи, происходящимъ въ чинахъ и приключеніяхъ. Родился я въ 1742 году Іюля 21 число по полуночи въ городе Ревеле, гдѣ отецъ мой въ ономъ городе былъ Оберъ-Комендантомъ; воспріемники были за очно вѣчно достойна Императрица Елизавета Петровна достойной памяти съ Петромъ Третьимъ,—вто же время пожаловано отцу моему 500 Псковской Губерніи». Здесь и обрывается, к сожалению, записка, не исполнив обещания повествовать о приключениях» (Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 11—13). Быть может, от того же П. А. Ганнибала Пушкин получил и немецкую биографию своего прадеда—арапа, находящуюся ныне в рукописи б. Румянцовского Музея № 2387А., л. 40—45 (там-же и русский ее перевод, который см. в Соч., изд. Просвещения, ред. Морозова, т. VI, стр. 690 — 694). Петровское, в котором жил П. А. Ганнибал, было одною из деревень, пожалованных его отцу. Умер он, по словам Анненкова, в 1822 году, но это неверно, судя по настоящему письму Пушкина. Л. Н. Павлищев указывает эту же дату,—конечно,—по Анненкову, прибавляя рассказ, что уже в 1817 г. старик впал в такую забывчивость, что не помнил своих близких» (Из семейной хроники, М. 1890, стр. 23), забывая даже своего сына, Вениамина Петровича, бывшего в 1823 году заседателем от дворянства в Псковской Палате Гражданского Суда, проживавшего затем в Петровском, умершего 23 декабря 1839 г. и погребенного на погосте Ворониче, между Тригорским и Михайловским (см. «Пушк. и его соврем.», вып. I; Б. Л. Модзалевский, Родословная Ганнибалов, М. 1907, стр. 7 и 8; И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 311, 317, 318, 323; «Столица и Усадьба» 1914 г., № 19—20).

№ 169.

169. *В. И. Туманскому* (стр. 151—152). Впервые напечатано в «Черниговских Губернских Ведомостях» 1890 г., апрель (и отд. отт., Чернигов. 1890), в «Русск. Стар.» 1890 г., т. 67, стр. 380—381, и в «Русск. Арх.» 1890 г., кн. III, стр. 95—96; подлинник (на бумаге без вод. знаков) — в Гос. Публ. Библ. (см. Отчет за 1890 г., стр. 114).

— О поэте Туманском см. выше, стр. 275, 276, 305 и 400, в объяснениях к письмам № 59, 73 и 122.

— Письмо начинается тою же фразою, что и черновик письма к Д. М. Княжевичу [?]—см. выше, № 109.

— Об Автономе Петровиче Савелове, служившем в Одессе при Портовой Карантинной Конторе, и о его долге Пушкину см. в письмах №№ 121, 177 и в объяснениях.

— Лучич—Филипп Лукьянович, Одесский 1-й гильдии купец, в 1824 г. (как и ранее) бывший Одесским Градским Главою и одним из Директоров от купечества в Одесской Конторе Государственного Коммерческого Банка (Месяцеслов на 1825 г., ч. II, стр. 200, 204 и 206); Пушкин был хорошо знаком с ним во время своей жизни в Одессе.

— «Par manière de conversation» — значит: «в разговоре, мимоходом».

№ 170. — Ответ Туманского, о котором просил Пушкин, до нас не сохранился; Туманский и позже был в переписке с Пушкиным (см. Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 7—9, 22—23 и 24).

— Туманский служил в Одессе с лета 1823 года—чиновником по особым поручениям при гр. М. С. Воронцове.

— О Мойере см. выше, стр. 474—475.

— В январе 1824 г. Пушкин писал А. А. Бестужеву про Туманского: «Он славный малый, но, как поэта, я не люблю его. Дай бог ему премудрости» (см. выше, № 73); однако, в «Путешествии Онегина» он благосклонно говорит о стихотворении Туманского «Одесса», напечатанном в «Полярной Звезде на 1824 год». Отзыв Пушкина о стихотворении Туманского «Девушка влюбленному поэту», напечатанном в «Новостях Литературы» 1825 г., см. выше, в письме его к Л. С. Пушкину, № 122, и в объяснениях, стр. 400—401.

— В. Д. и А. И. — супруги Казначеевы: Варвара Дмитриевна, рожд. кн. Волконская (род. 1793, ум. 1859) и Александр Иванович, Правитель Канцелярии Новороссийского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова (см. выше, письма к нему Пушкина №№ 81 и 84). В. Д. Казначеева, по словам Вигеля, знавшего ее в Одессе в 1820-х гг., «была еще свежа, бела и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока, и неприятное выражение лица ее было ничто перед неприятным ее нравом. Не то, чтобы она была с кем-нибудь неучтива, но всегда как бы сердита и недовольна. От того обиднее казалась в гостиной гр. Воронцовой вечно подобострастная ее улыбка. Она была на коленях перед пороками знатных и строга до суровости к малейшим слабостям равных ей женщин и людей.... К тому же она имела претензию на ум и на знания, коих в ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишет стихи, которых никому не показывает, и хотела было завести маленькое литературное общество. Туманский на то было подался, но Пушкин со смехом принял предложение» («Записки», ч. VI, стр. 132). Другой мемуарист, И. П. Липранди, пишет, что Пушкин «без видимой охоты посещал литературные вечера Варвары Дмитриевны Казначеевой...., очень умной, любезной и начитанной женщины, страстной любительницы литературы», но что «радушное гостеприимство мужа ее, Александра Ивановича,... не привязывало Пушкина» («Русск. Арх.» 1866, ст. 1475); по словам Л. М. Де-Рибаса, Казначеева «была строгого нрава и держала в руках не только мужа, но и всех его подчиненных» («Из прошлого Одессы», Од. 1884, стр. 31); наконец, Н. Н. Мурзакевич в своих Воспоминаниях называет обоих супругов Казначеевых «синими чулками» («Русск. Стар.» 1889 г., т. 61, стр. 246). Что́ касается Туманского, то ему, по словам биографа, «очень нравилось семейство Казначеевых, и он был дружен с Варварой Дмитриевной. Сам расположенный к серьезной беседе, он охотно посещал вечера у Казначеевых и, может быть, считался своим человеком в их доме»; сыну Казначеевой и ей самой он посвятил стихотворения (В. И. Туманский, Стихотворения и письма, под ред. С. Н. Браиловского, С.-Пб. 1912, стр. 28—29, 351 — 352), как и А. Ф. Воейков, написавший для Казначеевой стихотворение: «Зимний вечер» («Новости Литературы» 1823 г., № 39, стр. 202—208), в котором воспел ее вечерние собрания. О В. Д. Казначеевой и ее письма см. еще в «Архиве Раевских», т. II, стр. 234 и др., т. III, IV и V.

170. *А. П. Керн* (стр. 152—153). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн—в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 135 — 136 и 141 — 142 (перевод) и в «Русск. Стар.» 1879 г., т. 26, стр. 506 — 508; подлинник был у М. И. Семевского; нам остался недоступен.

Перевод: «Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная! а потом: ах, мерзкая! Простите, прекрасная и нежная, но это так! Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда в вас решительно нет здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, ибо от этого вы еще прелестнее. Например, что́ хотите вы сказать, говоря о печатке, которая должна для вас подходить и вам нравиться (счастливая печатка!) и о разъяснении значения

которой вы спрашиваете меня? Если только тут нет какого-либо скрытого смысла, я решительно не догадываюсь, чего вы желаете. Или вы просите меня придумать девиз? Это было бы совершенно в духе Нетти. Пусть будет так, сохраняйте попрежнему девиз: «не скоро, а здорово», лишь бы это не было девизом для вашего путешествия в Тригорское, — и поговорим о другом. Вы говорите, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? — Очень я о нем думаю! Разве у хорошеньких женщин должен быть характер? Самое главное — глаза, зубы, ручки и ножки (прибавил бы: и сердце, но ваша кузина очень уж затаскала это слово). Вы говорите, что вас легко узнать,—вы хотели сказать: полюбить. С этим я весьма согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как 14-летний мальчик—это не достойно, но с тех пор, что я более не вижу вас, понемногу возвращаю себе утраченное превосходство над вами и пользуюсь этим, чтобы побранить вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне.... Нет, не хочу я ваших обещаний: да, кроме того, письма — нечто такое холодное: в просьбе, переданной по почте, нет ни силы, ни волнения, а в отказе—ни грации, ни сладострастия. И так, до свиданья и поговорим о другом. Что подагра вашего супруга? надеюсь, что у него был славный припадок на другой день после вашего приезда. По делом ему! Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтением, чувствую я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него была подагра! В этом моя единственная надежда!—Перечитывая еще раз ваше письмо, я нахожу в нем ужасное *если*, которого сначала я не заметил: если моя кузина останется, то этою осенью я приеду и проч. Ради бога, пусть же она остается. Постарайтесь развлекать ее, — ведь ничего нет легче: прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее и, когда придет время ей ехать, досадите ей, отбив у нее ее вздыхателя; это еще того легче. Только не показывайте ей этого, — а то она из упрямства способна сделать противоположное тому, что нужно. Что̀ делаете вы с вашим кузеном? Отвечайте мне, но откровенно. Отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я этих студентов люблю не больше, чем любит их г-н Керн. Достойнейший человек этот г. Керн, степенный, благоразумный и т. д., — один только в нем недостаток,—это, что он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Об этом я не могу составить себе представления, точно так же, как о рае.—Это все было написано вчера. Сегодня почтовый день и, не знаю почему, я вбил себе в голову, что получу от вас письмо. Этого не случилось, и я в самом собачьем настроении духа, хотя это уж совершенно несправедливо: я должен бы быть благодарным за прошлый раз, знаю; но что вы хотите? Умоляю вас, божественная, выкажите сострадание к моей слабости, пишите мне, любите меня, — и тогда я постараюсь быть любезным. Прощайте, дайте ручку. 14 августа». № 170.

— Как мы видели выше (письмо № 166), 7 августа Пушкин получил от П. А. Осиповой первое письмо из Риги, написанное 31 июля (на другой день после ее приезда туда), а через несколько дней—письмо от Анны Петровны Керн, до нас не сохранившееся. Он немедленно же отвечал ей настоящим письмом от 14 августа. Припомним здесь кстати, что это, полное движения письмо писано в ту пору, когда поэт был занят вопросом о бегстве за границу, озабочен денежными своими делами и изданием своих сочинений, — в пору, когда всем существом своим он рвался из заточения и видел всю тщетность своих надежд на скорое освобождение...

— О Нетти Вульф, кузине А. П. Керн, см. выше, в письме № 127 и в объяснениях, стр. 411—412.

— А. П. Керн вторично посетила Тригорское, уже вдвоем с мужем в начале октября. Тогда Пушкин познакомился лично с ее мужем - генералом,—о чем писал А. Н. Вульфу 10 октября 1825 г. (см. ниже, № 184).

— По поводу слов Пушкина: «разве у хорошеньких женщин должен быть характер» и т. д., следует отметить, что А. П. Керн в своих Воспоминаниях неоднократно останавливается на этом, более показном,

№ 171. чем действительном взгляде Пушкина на женщину. «Живо воспринимая добро, Пушкин, однако, как мне кажется, не увлекался им в женщинах: его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинное и глубокое чувство, им внушенное. Сам он почти никогда не выражал чувств; он как бы стыдился их и в этом смысле был сыном своего века» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 263; ср. там же, стр. 252; «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, изд. 3, стр. 235; «Пушк. и его соврем.», вып. V, стр. 144—145).

— Кузина А. П. Керн — Анна Николаевна Вульф, бывшая тогда также в Риге.

— Кузен — Алексей Николаевич Вульф, студент Дерптского Университета; тогда он был в Риге, откуда уехал 15 августа (см. ниже № 173).

171. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 153—155). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 157—160; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Пушкин отвечает на письмо Вяземского из Ревеля, от 4 августа, в котором тот сообщил Пушкину свое стихотворение «Нарвский водопад», прося его «заметить и доставить ему замечания».

Вот начало пьесы Вяземского, как сообщена она в его письме:

Нарвский водопад.

Несись с неукротимым гневом
Сердитой влаги Властелин — *вла-вла!*
Над тишиной окрестной, ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, *кипящей* лавой студеной.
За валом низвергая вал
Мятежный, дикий, величавый
Перебегай ступени скал! и т. д.

«Я доволен тут одним нравственным применением»,—писал Вяземский, приведя свое стихотворение: «но стихи что-то холодны! Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия. Не так ли? Признайся! Я в стихах Франклин на Французском языке: сдается какое-то чужеязычие» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 253—254). На эти слова Пушкин и отвечает в начале своего письма, а далее подвергает разбору отдельные места и выражения стихотворения Вяземского.

— Указывая 1807 год, Пушкин имеет в виду эпоху крайней французомании, которою было проникнуто тогдашнее высшее Русское общество в пору, когда, после второй войны с Наполеоном и Тильзитского мира, Франция сделалась союзницей России. Галломания доходила до смешного, вызывая в некоторых представителях Русской мысли горячие протесты; такими протестами особенно стали известны А. С. Шишков, основатель Беседы любителей Российского слова и Президент Российской Академии (с 1824 г. — Министр Народного Просвещения) и Сергей Николаевич Глинка (род. 1775, ум. 1847), издатель патриотического журнала «Русский Вестник», основанного в 1808 году, в Москве, именно для борьбы с галломанией и для поднятия национального самосознания, для «возбуждения народного духа и вызова к новой и неизбежной борьбе» с Наполеоном (Записки С. Н. Глинки, С.-Пб. 1895, стр. 220); добродушный и добросовестный отечестволюбец, которого вся жизнь была ознаменована честностью поступков и беспорочностью мнений»,—как охарактеризовал его кн. Вяземский, «чистый Глинка был выведен Воейковым в «Доме сумасшедших», при чем отмечен его крайний национализм»; ср. также «Мысли вслух на Красном крыльце» гр. Ф. В. Ростопчина, а также позднейшие «Письма

из Москвы в Нижний-Новгород» И. М. Муравьева-Апостола (1813—1814 г.), о коих см. очерк И. А. Кубасова в «Русск. Стар.» 1902 г., т. 112, № 10 и 11. № 172.

— В ответном письме своем Пушкину из Царского Села, от 28 августа—6 сентября 1825 г., Вяземский представил своему другу возражения и объяснения на все его поправки и замечания (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 281—282), из которых, однако, почти ничего не принял, — и стихотворение почти без переделок отдал бар. Дельвигу: в таком виде оно и было напечатано в «Северных Цветах на 1826 год», стр. 64—66, под заглавием «Нарвский водопад».

— Джоакино Россини (род. 1792, ум. 1868) — итальянский композитор, любимый Пушкиным, который познакомился с его музыкою в Одессе (см. выше, в письмах №№ 63, 66, 99 и в объяснениях к ним). Позднее, в «Путешествии» Онегина, он писал, вспоминая Одессу:

Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей;
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот-же, вечно новой,
Он звуки льет, — они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые......

Упомянул он своего любимого композитора и в «Графе Нулине» (стих 131-й).

— В своем письме от 4 августа, из Ревеля, Вяземский писал Пушкину: «Здесь есть приятельница сестры твоей, Дорохова, в которую влюбись и которую воспой непременно, когда познакомишься. Белокурая Вакханка, полуденная нега на северной почве, виноград на снегу, чего-то нет, но многое что есть: небрежность! Голос приятный, а поет, то есть, сказывает стихи на русский лад наших барышень. Например из твоей Молдавской песни [«Черной шали»]:

Однажды я созвал нежданых гостей.

«Это сочетание двух слов — самое нельзя прелести! я сказывал ей, что уведомляю тебя о поправке стиха. Сделай одолжение, душа, напечатай его так в полных своих стихотворениях» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 254—255; ср. «Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 64, 68 и др.).

— «Celà seroit de l'esprit»: «Это было бы уже слишком надуманно».

— Шуточная деловая бумага Пушкина, посланная для предъявления дяде его, В. Л. Пушкину, написана поэтом нарочито в стиле официальных документов того времени. 1811-й год — год поступления Пушкина в Царскосельский Лицей.

— О бабушке, В. В. Чичериной, и тетушке, А. Л. Пушкиной, см. выше, в письме № 149 и в объяснениях, стр. 452 и 457.

172. *В. А. Жуковскому* (стр. 155—156). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1173—1174; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) — в Гос. Публ. Библиотеке, в бумагах Жуковского.

— Письмо Пушкина служит ответом на пространное письмо к нему Жуковского от 9 августа; в нем Жуковский, между прочим, писал: «Прошу тебя, мой милый друг, отвечать немедленно на это письмо. Решился ли ты дать сделать операцию и соглашаешься ли поехать для этого во Псков? Оператор готов. Это Мойер, Дерптский профессор, мой родня и друг. Прошу в нем видеть Жуковского. Он тотчас к тебе отправится, как скоро узнает, что ты его ожидаешь», и т. д. Жуковский на письмо Пушкина от 17 августа, в свою очередь, ответил в конце сентября (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 291—292), а Пушкин отозвался письмом от 6 октября (№ 183).

№ 172. — О намерении ехать во Псков Пушкин писал кн. Вяземскому уже в письме от 14—15 августа (см. выше, № 171). Вяземский, прочтя письмо Пушкина к Жуковскому, 6 сентября писал своему другу: «После выговора, вот тебе благодарность за письмо последнее к Жуковскому, где ты говоришь об осенней поездке в Псков. На здоровье и с богом!» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 283).

— О Пещурове, Опочецком Предводителе дворянства, к которому Пушкин только что ездил (см. выше, в письме № 168), см. выше, стр. 487—488.

— О выражении «Кюхельбекерно» см. выше, стр. 245 и 265, и в письмах № 37 и 52.

— Коншин — Николай Михайлович, поэт-лирик, приятель Боратынского; см. выше, в письме № 122, и в объяснениях, стр. 400—401.

— «Борис Годунов» был написан Пушкиным к началу октября (см. ниже, в письме № 185, а совершенно закончен 7 ноября, как помечено на рукописи.

— Об отношении поэта к Карамзину, летописям и другим первоисточникам, изучением коих он усердно занимался при работе над «Борисом Годуновым», см. статью акад. И. Н. Жданова: «О драме А. С. Пушкина Борис Годунов», С.-Пб. 1892, и Соч. Жданова, т. II, С.-Пб. 1907, стр. 99 — 134 (собственно стр. 109 и сл.), а также нашу заметку «Замечания Пушкина на статью Погодина о Борисе Годунове» (1829 г.)—«Пушк. и его соврем.», вып. XIII, стр. 147 — 162.

— Французская фраза значит: «Это так же животрепещуще, как вчерашняя газета». Письмо Пушкина к Н. Н. Раевскому с приводимою фразою до нас не сохранилось; может быть, она была в письме, которое нам известно лишь в черновом наброске и напечатано выше, под № 162.

— «Жизнь Железного Колпака или житие какого-нибудь Юродивого» были нужны Пушкину, как материал для изображения юродивого «Николки», выведенного им в «Борисе Годунове», в сцене на площади перед собором. Пушкин не остановился здесь перед анахронизмом: блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Московский чудотворец, нарицаемый Большой Колпак и Водоносец, умер в 1589 году, т.-е. за 9 лет до воцарения Годунова. В его житии (рукопись Покровского собора) рассказывается, что он «носил вериги и колпак великий и тяжкий» и, встречаясь с Годуновым, говорил ему: «Умная голова, разбирай божьи дела. Бог долго ждет, да больно бьет» (см.: Архим. Игнатий, Краткие описания Русских святых, кн. 2, С.-Пб. 1875, XVI век, стр. 130 — 131; Свящ. Иоанн Ковалевский, Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Исторический очерк. Издание 3-е, М. 1902, стр. 244—248). На просьбу о Железном Колпаке кн. Вяземский отвечал Пушкину в сентябре: «Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями и хотел отыскать для тебя Железный Колпак. Он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Бориса дикую смесь: набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе. Это противоположность драматическая! Я советовал бы тебе прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину, который мог бы тебе полезен быть в историческом отношении. Житие Василия Блаженного напечатано особо. Да возьми», — продолжает Вяземский, шутя: «повесть дядюшки твоего Василья [Львовича]: разве он не довольно блаженный для тебя? Карамзин говорит, что в Колпаке немного найдешь пищи, то есть вшей. Все юродивые похожи! Жуковский уверяет, что и тебе надобно выехать в лицах юродивого» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 283). Пушкин отвечал 13 сентября: «Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает» (см. ниже, № 180).

— Четьи-Минеи были тогда у Пушкина под рукою. И. И. Пущин рассказывает, что когда, 11 января 1825 г., в бытность его в Михайловском, среди чтения «Горя от ума», друзья услышали, как кто-то подъехал к крыльцу, — «Пушкин выглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не

подразумевая причины, я спросил его: что̀ это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря» (Записки о Пушкине, С.-Пб. 1907, стр. 62). № 172.

— Перовский—Василий Алексеевич (род. 9 февраля 1795, ум. 8 декабря 1857), брат упомянутого выше (в № 135) А. А. Перовского-Погорельского, впоследствии Оренбургский генерал-губернатор, генерал-адъютант, член Государственного Совета и граф (с 1855 г.), «человек высоких идеалов, сильных страстей и великодушных побуждений...; было в нем много своеобразного и ему только принадлежавшего: при необыкновенных дарованиях, при художественном складе сильного ума, граф Перовский отличался цельным самостоятельным характером, каких мало» («Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 273).—Один из ближайших друзей Жуковского и его «Светланы» Воейковой, человек европейски-образованный, Перовский в 1823 г., будучи полковником Измайловского полка, сильно заболел и вынужден был, для поправления здоровья, уехать за границу, в Италию, где и прожил около двух лет, ведя переписку с Жуковским; последний, без ведома Перовского, напечатал часть его писем (с 15 сентября 1823 г., — из Флоренции, до 19 августа 1824 г., — из Сорренто) в «Северных Цветах на 1825 год» (стр. 172 — 244; перепечатаны в книге И. Н. Захарьина Якунина Гр. В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, С.-Пб. 1901, стр. 44—76; о них см. стр. 94—95); их продолжение, под заглавием: «Отрывки писем из Италии. 20 ноября 1824 года, Неаполь» напечатано в «Северных Цветах на 1827 год», стр. 105—130, без подписи; три письма (3-го, 4-го и 6-го апреля) помещены в Воейковском «Собрании новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1823 по 1825 год», ч. 2, С.-Пб. 1826, стр. 123—130, с подписью П. и под заглавием: «Несколько писем одного Русского путешественника к В. А. Ж., из Рима». Печатая письма в «Северных Цветах на 1825 г.», Дельвиг снабдил их заметкою: «Письма сии писаны не для публики, без всякого старания, плана и таким человеком, который не только никогда не думал быть Русским автором, но более привык писать по-Французски, нежели по-Русски. Но они написаны так умно и таким приятным слогом, что мы решились напечатать некоторые их отрывки и уверены, что читатели наши поблагодарят нас за доставленное им удовольствие» (ср. Русск. Стар.» 1901 г., № 2, стр. 324). Под письмами была подпись: П . . . . . . й, которую Пушкину раскрыл Плетнев (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 176).

— Везувий, Геркуланум и Помпеи описаны Перовским в его письме из Сорренто от 3 июня 1824 г. «Московский Телеграф» отнесся неодобрительно к Письмам Перовского, язвительно заметив, что и без объяснения издателя можно было бы заметить, что они писаны человеком, который привык писать более по-французски, и что в них много лишних мелких подробностей (1825 г., ч. I, № 8, стр. 333). Из «С.-Петербургских Ведомостей» (1825 г., 11 августа, № 64, прибавление, стр. 791) видно, что адъютант великого князя Николая Павловича, л.-гв. Измайловского полка полковник Перовский приехал в Петербург из Италии через Радзивилов между 5 и 9 августа. — 8 лет спустя, в сентябре 1833 г., Пушкин, во время поездки своей по России для собирания сведений о Пугачеве, провел два дня под самым Оренбургом на даче Перовского, тогдашнего Оренбургского генерал-губернатора (см. Д. Н. Соколов, Пушкин в Оренбурге— «Пушк. и его соврем.», вып. XXIII—XXIV, стр. 74 и др.), с которым был на «ты» и которому посылал «Историю Пугачевского бунта», когда она вышла в свет (см. заметку Б. Л. Модзалевского в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», Пгр. 1922, стр. 18—30). — Письма Перовского из Рима и Петербурга к А. П. Брюллову (1825 г.) см. в изд. «Архив Брюлловых». Редакция и примечания И. А. Кубасова, С.-Пб. 1900, стр. 188 — 190.

— В Аничковском дворце Жуковский жил, как преподаватель Русского языка великой княгине Александре Федоровне, вскоре ставшей императрицею и избравшей Жуковского в наставники к 7-летнему великому князю и наследнику Александру Николаевичу.

№ 173. 173. *А. П. Керн* (стр. 156—157). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн — в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 136 и 142 — 144 (перевод), а затем в «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 515 — 516; подлинник был у М. И. Семевского; нам остался недоступен.

Перевод: «Вы приводите в отчаяние; я совсем было собрался писать вам глупости, которые заставили бы вас помирать со смеху, и вдруг ваше письмо повергло меня в печаль как раз когда я был в ударе. Постарайтесь отделаться от этих спазм, которые хотя и делают вас столь привлекательной, но ни чорта не стоят,—уверяю вас. Отчего вы все заставляете меня бранить вас? Если у вас рука была на перевязи, не следовало писать ко мне; что за сумасбродство! Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уж не ревнует ли он, случайно? Чтож, клянусь вам, он не был бы неправ. Вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. А хорошенькая женщина властна . . . быть любовницею. [1] Боже меня избави проповедывать мораль, но все же к мужу должно питать уважение, иначе никто не захотел бы быть мужем. Не притесняйте очень это ремесло—оно необходимо на свете. Послушайтесь; вот я говорю вам от чистого сердца. За 400 верст вы ухитрились возбудить во мне ревность; что же должно быть в 4 шагах? [(NB. Я очень хотел бы знать, почему двоюродный ваш братец выехал из Риги лишь 15-го числа сего месяца и почему имя его три раза сорвалось с вашего пера в письме вашем ко мне? Без нескромности — нельзя ли это узнать?] Простите, божественная, что я так откровенно высказываю вам свой образ мыслей: это доказательство самого истинного моего к вам участия. Я люблю вас гораздо более, нежели вы думаете. Постарайтесь же хотя мало-мальски наладить дело с этим проклятым г. Керном. Прекрасно понимаю, что это, должно быть, не великий гений, но, наконец, он также и не совсем же дурак. Мягкость, кокетство (и в особенности, ради бога, отказы, отказы и отказы) приведут его к вашим ножкам — месту, из-за которого я ему завидую от глубины моей души, — но что вы хотите! Я в отчаянии от отъезда Аннеты; как бы то ни было, но вы непременно должны приехать осенью сюда или хотя во Псков. Предлогом может быть болезнь Аннеты. Что вы об этом думаете? Отвечайте мне, умоляю вас, и ни слова об этом А. Вульфу. Приедете? Не правда ли? До тех пор не решайте ничего относительно вашего мужа. Вы молоды, целая будущность перед вами, а он.... Наконец, будьте уверены, что я не из тех, которые никогда не посоветуют решительных мер — иногда это неизбежно, но раньше следует хорошенько рассудить, не делая бесполезного скандала.— Прощайте, теперь ночь и ваш образ чудится мне, полный грусти и сладострастной неги, — я будто вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Прощайте, — я чувствую себя у ног ваших, сжимаю их, чувствую прикосновение ваших колен, — всю кровь мою отдал бы я за минуту действительности. Прощайте и верьте моему бреду; он смешон, но искренен».

— Письмо служит ответом на письмо А. П. Керн, до нас не сохранившееся, и писано около 24 августа.

— Слова: «К мужу должно питать уважение» и т. д. напоминают стихи из послания Пушкина к приятелю А. П. Керн — А. Г. Родзянке (1825 г.).

... не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы и т. д.

— Двоюродный братец — Алексей Николаевич Вульф.

---

[1] Здесь по-французски непереводимая игра слов: «Une jolie femme est bien maîtresse.... d'être la maîtresse». *Б. М.*

— Аннета — Анна Николаевна Вульф.

— О приезде А. П. Керн с мужем в Тригорское в начале октября см. ниже, в письме № 184 и на стр. 520.

174. *П. А. Осиповой* (стр. 157 — 158). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн — в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 133 — 134 и 139 — 140 (перевод), а затем — в «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 511 — 512; подлинник был у М. И. Семевского, выставлявшего его на Пушкинской Выставке 1880 г. (Каталог, стр. 50); нам остался недоступен.

Перевод: «Да, сударыня, пусть будет стыдно тому, кто худо об этом думает. Ах, нужно быть злым, чтобы думать, что переписка может привести к чему-нибудь! Уж не по собственному ли опыту знают они это? Но я прощаю им, сделайте то же и вы и будем продолжать. Ваше последнее письмо (писанное в полночь) прелестно, я от всего сердца смеялся; но вы слишком строги к вашей милой племяннице; правда, она ветрена, но — терпение, — еще каких-нибудь два десятка лет, и, ручаюсь вам, она исправится. Что же касается до ее кокетства, то вы совершенно правы: она приводит в отчаяние. Как не довольствоваться тем, чтобы нравиться своему повелителю г. Керну, коль скоро она имеет это счастье? Так нет, нужно еще кружить голову вашему сыну, своему кузену! Приезжает она в Тригорское, — и ей приходит на ум пленить г. Рокотова и меня; но и этого мало: приехав в Ригу, она видит в ее проклятой крепости проклятого узника — и становится кокетливым провидением этого окаянного каторжника. Но и это еще не все: вы уведомляете меня, что в деле замешаны еще и мундиры! О, к примеру сказать, это уж слишком! Об этом узнает г. Рокотов, и мы увидим, что он скажет на это. Но, сударыня, серьезно ли вы думаете, что она кокетничает равнодушно? Она говорит, что нет, и мне хотелось бы этому верить; еще более успокаивает меня то, что не все ухаживают на один лад, и лишь бы другие были почтительны, робки и деликатны, — вот все, что мне нужно. Благодарю вас, сударыня, за то, что вы не передали ей моего письма: оно было чересчур нежно, а при нынешних обстоятельствах это было бы слишком смешно с моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мне дерзостью, и решительно порву с нею все сношения; пусть не говорят, что я старался внести смуту в недра семьи; Ермолай Федорович не сможет обвинить меня в том, что я человек без правил; жена его не сможет издеваться надо мною. Как вы любезны, найдя портрет похожим: «смела» и т. д. Не правда ли? Она тоже говорит, что нет, но кончено: я не буду ей более верить. Прощайте, сударыня, вашего возвращения ожидаю я с большим нетерпением; мы позлословим насчет северной Нетти, о которой я всегда буду сожалеть, зачем ее увидел, и еще более, зачем я... Простите это несколько слишком откровенное признание тому, который любит вас очень нежно, хотя и совершенно иначе».

— Письмо это, служащее ответом на несохранившееся до нас письмо П. А. Осиповой и не заставшее ее уже в Риге (она, поссорившись с А. П. Керн за переписку ее с поэтом, выехала обратно в Тригорское), было вложено в пакет с письмом на имя А. П. Керн от 28 августа (№ 175), и хотя в последнем заключалась просьба к Керн не распечатывать письма к ее тетушке, но это было лишь хитростью со стороны Пушкина: он был уверен, что Керн не удержится и прочтет это письмо, которое поэтому и было почти все заполнено именно ею и рассуждениями о ней; в письме к Анне Петровне от 22 сентября Пушкин с деланой тревогой «умолял» ее не посылать его письмо к Осиповой (см. ниже, письмо № 181).

— Рокотов, — пожилой помещик, сосед Пушкина и Осиповых; см. о нем № 94 и 161 и в объяснениях, стр. 346 и 476.

— Ермолай Федорович — Керн, муж Анны Петровны.

— «Портрет» Керн — ее характеристика, набросанная Пушкиным в письме к П. А. Осиповой — см. выше, № 163.

— О письме к Нетти Вульф см. ниже, в письме к Керн, № 175.

175. *А. П. Керн* (стр. 158 — 159). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн — в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 122, 131 — 133 и

№ 176: 137—139 (перевод), а затем — в «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI. стр. 509—510; между стр. 510 и 511 дано фотолитографированное в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг воспроизведение письма, на 2-х лл. почтовой бумаги большого формата; подлинник был у М. И. Семевского: нам остался недоступен.

Перевод: «Вот письмо к вашей тетушке. Вы можете оставить его у себя, если случится, что их уже нет в Риге. Скажите мне, можно ли быть столь ветренной, как вы? Каким образом письмо, адресованное вам, попало не в ваши, а в другие руки? Но что сделано, то сделано, — поговорим о том, что нам предстоит делать. — Если ваш супруг слишком докучает вам, — бросьте его, но знаете ли как? Вы оставляете там все семейство, берете почтовых на Остров и приезжаете... куда? в Тригорское? Вовсе нет! — в Михайловское. Вот прекрасный проект, который уже четверть часа мучит мое воображение. Но понимаете ли, какое это было бы для меня счастье? Вы скажете мне: «А огласка? а скандал?» Кой чорт!. Уже бросая мужа, делают полнейший скандал, и все прочее уж ничто или очень мало. Но согласитесь, что проект мой — романический. Сходство характеров, ненависть к преградам, орган парения, развитый в сильной степени, и пр. и пр. Можете представить себе удивление вашей тетушки. За этим последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком, — а это сделает дружбу менее пошлой, и когда Керн умрет, вы будете свободны, как воздух... Итак, что вы на это скажете? Ведь я говорил вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный. — Поговорим, однако, серьезно, т.-е. хладнокровно. Увижу ли я вас опять? Мысль, что нет, приводит меня в трепет. Вы скажете мне: утешьтесь. Отлично, но как? Влюбиться? Невозможно; прежде всего надобно позабыть ваши спазмы. Покинуть свою родину? удавиться? жениться? Все это сопряжено с большими затруднениями, и мне претит. Ах, кстати, ваши письма! как я буду получать их? Ваша тетушка не желает этой переписки, столь целомудренной, столь невинной (дак как же иначе... за 400 верст). Вероятно, что письма наши будут перехватывать... прочитывать... истолковывать... и потом предавать торжественному сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, а там я увижу, но пишите мне, пишите много, — и вдоль, и поперек, и по диагонали (геометрический термин)[1]. А главное — дайте мне надежду снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в кого-нибудь другого. Да, я и забыл: я только что написал письмо Нетти, очень нежное, очень униженное. Съ ума схожу по Нетти. Она наивна, а вы нет. Отчего вы не наивны? Не правда ли, я гораздо любезнее в письмах, чем при личных сношениях? Но право, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности: я буду весел в понедельник, восторжен во вторник, нежен в среду, дерзок в четверг, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, — и всю неделю у ног ваших. Прощайте. Не распечатывайте прилагаемого письма: это нехорошо; ваша тетушка на это рассердится. Но подивитесь, как господь бог перемешал все: г-жа Осипова распечатывает письмо к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Нетти, — и мы все находим в них нечто назидательное. Положительно, это прелестно!»

— Нетти — кузина А. П. Керн, — Анна Ивановна Вульф; см. о ней выше, № 127 и 170 и в объяснениях, стр. 411—412 и 491.

176. *А. Н. Вульфу* (стр. 159). Впервые напечатано в «С.-Пб. Ведомостях» 1866 г., № 146 (отрывок) и 157 (полностью) и в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 155—156; подлинник (на бумаге без вод. зн.) — в Гос. Публичной Библиотеке.

— Письмо писано в Дерпт, куда Вульф поехал из Риги 15 августа, и заключает поручение подтвердить Мойеру просьбу Пушкина не приезжать во Псков для операции его аневризма (ср. выше, письмо № 160).

— Слова Пушкина о сочинениях, цензоре и наборщике — условные

[1] Отсюда вверх, наискось, написано: «вот что значит диагональ».

термины, относившиеся до планов поэта и Вульфа о побеге заграницу, от которых он в то время уже отказался, как от невозможных (ср. в № 171), решив для совета с врачом поехать во Псков. «В неудаче так, казалось, тонко придуманного плана бегства», — пишет М. А. Цявловский: «Пушкин винил друзей и родных и свою досаду по этому поводу излил в резком письме к сестре, получив которое, она целый день плакала» («Голос Минувшего» 1916 г, № 1, стр. 48). Из письма этого, до нас не сохранившегося, известна лишь одна фраза, повторенная Вяземским в его письме к Пушкину от 28 августа: «Mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловски, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre» [*Перевод:* «Но так как будут очень довольны, если я буду не в Михайловском, то я и ожидаю, чтобы мне на то было дано приказание»]. «Да и разумеется», прибавляет Вяземский, — «все любящие тебя порадуются выпуску твоему из Михайловского. Ни сестра твоя, ни брат не поняли смысла этой фразы. Бедная сестра твоя только слез, а не толку добилась из твоего письма. Она целый день проплакала и в слезах поехала в Москву» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 277).[1] Ср. ниже, стр. 509 — 512.

— «E tutti quanti» — «со всеми тому подобными» (итальянские слова).

— Латинская фраза: «Vale, mi fili in spirito» [следовало-бы сказать: in spiritu] означает: «Будь здоров, сын мой по духу».

— Языков — поэт, товарищ Вульфа по Дерптскому Университету; как мы видели (см. выше, стр. 475—476), он был посвящен в проект поездки Мойера из Дерпта во Псков, о чем сообщал своему брату. 19 августа он писал ему же: «Сюда приехал из Пскова [из Риги?] студент здешнего университета, приятель Пушкина; говорит, что Пушкин уже написал два действия своей трагедии «Годунов», что она будет прекраснее всего, им доселе писанного, что «Цыгане» скоро напечатаются, что Пушкин не хотел лечиться у Мойера по тому, что надеялся получить позволение ехать для излечения за границу, что он пишет новую поэму «Эвнух» и проч. и проч.» («Языковский Архив», вып. I, стр. 199).

— По словам П. А. Ефремова, нецензурные стихи Языкова «Подите прочь — теперь не ночь» и проч. прислал Пушкину из Дерпта Вульф (Соч., изд. 1882 г., т. VII, стр. 239, прим.). Начало подражания своего «элегии» Языкова Пушкин, по просьбе Вульфа, сообщил ему в письме от 10 октября (см. ниже, № 184).

177. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 159 — 160). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 421 — 423; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— О Савелове и его карточном долге см. выше, в письмах № 121, 159 и 169 и в объяснениях, стр. 396 и 489.

— О долге в 600 р. кн. Вяземскому Пушкин спрашивал брата своего Льва Сергеевича в письме № 159 и писал В. И. Туманскому в письме № 169 (см. выше, в объяснениях к письму № 159, стр. 473). Плетнев известил Пушкина о том, что на уплату долга Вяземскому у Льва «*денег не достало*», — в письме от 26 сентября 1825 г. (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 298, — почему, быть может, настоящее письмо Вяземскому № 177 и можно было бы датировать *концом сентября*). Об уплате долга Вяземскому Плетнев писал Пушкину 14 апреля 1826 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 341).

— Пушкин не мог писать Вяземскому «спустя рукова», так как не без основания предполагал, что письма его перлюстрируются на почте.

— Предисловие Лемонте — вступительная статья французского литератора и историка Пьера-Эдуарда Лемонте (Lémontey; род. 1762, ум. 26 июня 1826 г.; отзыв Пушкина о нем, как об историке, см. выше, в письме № 90, а о нем самом — см. в объяснениях к этому письму, стр. 338) к изданию 86 оригинальных басен Крылова в переводе на французский и итальянский языки, предпринятому и исполненному при помощи 59 лиц графом Григорием

[1] О. С. Пушкина поехала в Москву 23 августа 1825 г. («Остаф. Арх.», т. V, вып. 1, стр. 91).

№ 177. Владимировичем Орловым: «Fables russes, tirées du Recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémontey, et d'une préface italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff et de cinq gravures», Paris. 2 tomes, 1825, 8°. [1] Пушкин знал о предстоящем выходе этого издания и о предисловии Лемонте по двум о нем сообщениям, появившимся в «Московском Телеграфе» (ч. III, № 9, стр. 67 — 69, и «Прибавление» к № 11, стр. 173 — 182); он ознакомился с предисловием Лемонте, однако, не по подлинному тексту, а по переводу, помещенному в «Сыне Отечества» 1825 г., ч. CII, стр. 67 — 87 и 173 — 189, — и написал о нем особую статью, которая и была напечатана (с подп. Н. К. и пометою: 12 августа) в «Московском Телеграфе» 1825 г., ч. V, № 17, стр. 40 — 46. В начале статьи он, между прочим, высказывает о Предисловии то же, что и в письме к Вяземскому, — что оно о многом умалчивает: «Многие с большим нетерпением ожидали предисловия Г-на Лемонте; оно в самом деле очень замечательно, хотя и не совсем удовлетворительно. Вообще там, где Автор должен был необходимо писать по наслышке, суждения его могут иногда показаться ошибочными; напротив того, собственные догадки и заключения удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до таких предметов, о коих мнения его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью с невольной досадой, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком много не договаривает и слишком часто отмалчивается....». Прочитав статью Пушкина, князь Вяземский писал ему из Остафьева 16 октября: «Твоя статья о Лемонте очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова? Следовательно и Орловский представитель русского народа? Как ни говори, а в уме Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами, — все это перемешано вместе. Может быть и тут есть черты народные, но по крайней мере не нам признаваться в них и не нам ими хвастаться перед иностранцами. И ж<...> есть некоторое представительство человеческой природы, но смешно же было бы живописцу ее представить, как типическую принадлежность человека. Назови Державина, Потемкина представителями русского народа—это дело другое; в них и золото и грязь наши par excellence; но представительство Крылова и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление de lèze-nation [оскорбление нации], тобою совершенное» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 305).

— Статья «Нью-Стидское Аббатство» — «Из сочинений Лорда Байрона», как прибавлено в оглавлении, — была напечатана в «Московском Телеграфе» 1825 г., ч. V, № 20, стр. 343 — 357; статья была *прислана* в редакцию, как означено в примечании на стр. 343-й, и сопровождается предисловием или вступительною заметкою о наследственном и любимом поместье Байрона (которое он должен был продать из-за запущенности своих дел), подписанною, как и одно из примечаний, буквою *В.* Это и дало Пушкину повод приписать статью кн. Вяземскому. В указанном примечании находятся и слова о Записках Байрона, вызвавшие горячую реплику Пушкина: «Упомянув о переписке Лорда Байрона с другом, заключающей, сверх того, письма его к матери, писанные из Португалии, Испании, Турции и Греции, в 1809-м, 10-м и 11-м годах, и воспоминания и наблюдения, составляющие вместе жизнеописание его от 1803 до 1814 года», *В.* пишет: «Сим собранием почитатели Байрона обязаны покойному *Далласу*, пользовавшемуся долгое время доверенностью и приязнью знаменитого своего соотечественника, но в подлиннике не могло быть оно

---

[1] Об этом издании см. «Сборн. статей, читанных в Отд. Русск. языка и словесности Академии Наук», т. VI, С.-Пб. 1869, стр. 86 — 92.

вполне напечатано в Англии, потому что душеприказчики Байрона противились изданию книги и успели испросить от Правительства запрещение к напечатанию оной. Таким образом перевод ее, появившийся в Париже в нынешнем годе, может, за неимением настоящего подлинника, быть некоторым образом почитаем за подлинник, тем более драгоценный, что своеручные Записки Байрона, которые он подарил Т. Муру, также похищены от любопытства современников. Вспомня многие сильные выходки Поэта против некоторых событий отечественных и некоторых соотечественников своих, мы вероятно разгадаем загадку этих насильственных и преступных утаек. *В.*» (стр. 345). К статье была приложена недурно гравированная картинка с подписью: «Нью - Стидт, поместье Лорда Байрона»; она была взята из той же книги: «Correspondance de Lord Byron avec un ami... Par feu R. C. Dallas (2 кол.. Paris. 1825), сохранившейся в библиотеке Пушкина (Б. Л. Модзалевский Библиотека А. С. Пушкина, стр. 181). № 177.

— 1 и 2 песни Байронова «Дон Жуана», написанные в 1818—1819 гг., были изданы вместе в 1819 г.; песни 3, 4 и 5, созданные в 1819—1820 гг., вышли в свет вместе в августе 1821 года; 6, 7 и 8 песни изданы были в 1823 г., а 9 — 16 — в 1824 г.; всех песней было 16, а на XIV строфе песни 17-й, начатой в мае 1823 г. и открытой лишь в 1903 г., повествование оборвалось, — и поэма осталась неоконченной.

— Н. Н. Раевский в юные годы Пушкина имел несомненное и благотворное на него влияние, хотя и был на два слишком года моложе поэта: «Едва ли не через Н. Н. Раевского и его сестер», говорит Л. Н. Майков, «он впервые познакомился с Байроном. Есть положительные свидетельства, что под их руководством Пушкин начал учиться английскому языку, а в августе 1820 года, когда он плыл с Раевским на корабле «из Азии в Европу», уже была написана, под живым впечатлением только что прочтенного «Чайльд - Гарольда», элегия «Погасло дневное светило» — первое стихотворение в той полосе творчества Пушкина, когда он платил дань байронизму» (Л. Майков, Пушкин, стр. 140 — 141). М. В. Юзефович, видавшийся с Пушкиным во время поездки его на Кавказ летом 1829 года, свидетельствует: «Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю и вообще для своего серьезного образования воспользовался с успехом ссылкой [1820 и след. гг.]. Так, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг — и в том числе Шекспир. Однажды он в нашей палатке переводил брату и мне некоторые из него сцены. Я когда-то учился английскому языку, но, не доучившись как следует, забыл его впоследствии. Однако-ж все-таки мне остались знакомы его звуки. В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание английского языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого на другой день я завел к себе его родственника, Захара Чернышева [декабриста], знавшего английский язык, как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался в свою очередь и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным» («Русск. Арх.» 1880 г., кн. III, стр. 444—445). М. А. Цявловский в специальном исследовании («Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 48 — 73) доказал, что до 1828 года Пушкин самостоятельно по-английски читать не мог, но что с этого года он уже свободно читал на этом языке. Ср. «Моск. Телегр.» 1829 г., № 11, июнь, стр. 390, примеч.

— Поэт Андрей Шенье сделался, по словам Льва Пушкина, «поэтическим кумиром» его брата, который «первый в России и, кажется, даже в Европе достойно оценил его» (Л. Майков, Пушкин, стр. 10); Шенье

№ 178. произнес слова: «Тут было нечто», — по преданию, — перед самою своею казнью (1794); эту же фразу приводит Пушкин и в одном из примечаний (7-м) к своему стихотворению (1825 г.) «Андрей Шенье в темнице», посвященному Н. Н. Раевскому. Едва ли не впервые привел эти апокрифические слова Шенье Шатобриан в своем сочинении «Génie du Christianisme» (1802, 2-de partie, livre III, chap. VI). Кн. Вяземский, в стихотворении своем «Библиотека», напечатанном в «Литературном Музеуме на 1827 г.», стр. 149 — 160, комментируя стих с упоминанием о Шенье, также привел (стр. 151, примечание) эту фразу французского поэта: «Однако же тут было что-то!» О Шенье см. неоднократные упоминания Пушкина в письмах.

— Записки Байрона, написанные в 1818 — 1820 гг., были переданы им его другу, поэту Томасу Муру, с правом располагать ими, после смерти поэта, по своему усмотрению. «Когда Мур взял впервые в руки мемуары, трепет овладел им; ему представилось, что он испытывает настроение того, кто открыл бы себе доступ в жилище волшебника и в волнении ждет, — небесные существа или адские видения предстанут там перед ним. Подумалось ему, что в эту минуту бессчетные тысячи современников готовы были бы все отдать за возможность быть в его положении». Затем Мур показывал мемуары многим лицам, «давая тем возможность снимать с них копии, и запродал рукопись Мэррею. По смерти поэта, словно охваченное паническою боязнью, совещание из нескольких пугливых людей приняло решение уничтожить мемуары, — и оно было выполнено в присутствии шести свидетелей, рукопись и копия с нее были разорваны в клочья и сожжены....» (Алексей Н. Веселовский, Байрон. Биографический очерк, 2-е изд., М. 1914, стр. 219 — 220). Ср. ниже, в объяснениях к письму от 14 августа 1826 г.

— Известные «Confessions» («Признания», «Исповедь») Жан-Жака Руссо (род. 1712, ум. 1778) были доведены им до 1765 г. и содержали в себе много подробностей его частной, интимной жизни, слишком откровенных, граничивших с цинизмом; их издание в Женеве в 1782 г. произвело сенсацию, и любопытно, что Женевский ученый историк Jean Senebier высказывал сожаление о том, что друзья Руссо не воспрепятствовали появлению в свет его мемуаров.

— «Лалла-Рук» — восточная повесть Томаса Мура (1817) (см. выше, в письме № 31).

— Байрон умер в Миссолонги, греческом городе, прославившемся во время борьбы Греции за освобождение из-под Турецкого ига, в которой Байрон, как известно, принял непосредственное и личное деятельное участие.

— «Писать свои Mémoires заманчиво и приятно»: как раз в следующем письме, к П. А. Катенину, писанном, быть может, в тот же день, Пушкин сообщал, что он «пишет свои mémoires, то-есть переписывает набело скучную, сбивчивую черновую тетрадь». Эти Записки Пушкин должен был в конце 1825 г. уничтожить (см. выше, в письмах № 105, 106, 122, 135 и ниже, в письме от 14 августа 1826 г.), о чем сам впоследствии очень сожалел (см. «Родословную Пушкиных и Ганнибалов»).

178. *П. А. Катенину* (стр. 160 — 161). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 59—60; подлинник был в руках Анненкова, указывающего и помету штемпеля; ныне неизвестно, где находится.

— Письмо Пушкина служит ответом на письмо Катенина от 9 мая 1825 г. из г. Кологрива (Костромской губернии), близ которого, в имении Шаеве, жил Катенин после своей высылки из Петербурга (см. выше, в письмах № 39 и 54). В письме этом Катенин сообщал, что только в конце зимы 1824 г. он узнал, что поэт «опять попал в беду и поневоле живет в деревне»,—узнал от его дяди, жившего в Костроме,—т.-е. от тамошнего помещика, двоюродного брата Н. О. Пушкиной — Александра Юрьевича Пушкина (род. в 1777 — 1779, ум. 7 января 1854 г., в Кинешемском уезде

Костромской губернии [1]; далее Катенин благодарил за упоминание его имени в 1-й главе «Евгения Онегина»: «С отменным удовольствием проглотил», писал он, — «г-на Евгения (как по отчеству?) Онегина. Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость и вспомнил наши казармы в Миллионной [2]. Хотелось бы мне потребовать от тебя в самом деле исполнения обещания шуточного: написать поэму песен в двадцать пять; да не знаю, каково теперь твое расположение; любимые занятия наши иногда становятся противными. Впрочем, кажется, в словесности тебе неудовольствий нет и твой путь на Парнасс устлан цветами. Еще раз, милый Александр Сергеевич, повторяю мою просьбу: уведоми меня обо всем, — где ты, как ты, что̀ с тобою, как писать к тебе и проч.» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 211). № 178.

— «Ты хлопочешь и тягаешься»: Катенин писал Пушкину, что он хотел было писать ему, «но тяжба, хлопоты, неудовольствия, нездоровье, отняли у меня и время, и охоту» (там же, стр. 210).

— «Heu, fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni»—«Увы, Постум, бегут, падают годы»—несовсем точная цитата из Горация (Hor. carm., II 14, 1—2):

Eheu fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni...

— Совет Катенину приняться за романтическую трагедию в 18-ти действиях служит ответом на напоминание его об обещании Пушкина написать поэму песен в 25 (см. выше, в выдержке из письма Катенина). Отношения поэта к Катенину не были и не могли быть прямыми и искренними вследствие исключительно-болезненного самолюбия его «Преображенского приятеля» и полного различия их литературного символа веры. Ср. в статье Н. К. Пиксанова: «Заметки о Катенине» — «Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 60—74 (особенно стр. 69—74).

— Царевна и правительница (1682—1689) София Алексеевна (род. 1657, ум. 1704) смолоду, в стенах отцовского дворца, была усердною посетительницею «комедийных действ», в исполнении которых, по преданию, принимала и личное участие, а также писала стихи и театральные пьесы. Греч в своем «Опыте краткой истории Русской литературы» (С.-Пб. 1822) приводит (стр. 87) из «Пантеона Российских Авторов» следующие слова: «София занималась и Литературою: писала Трагедии и сама играла их в кругу своих приближенных. Мы читали в рукописи одну из ее Драм и думаем, что Царевна могла бы сравниться с лучшими Писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением».

— «В Булг.» — т.-е., в Булгаринском театральном альманахе «Руская Талия» (см. выше, в объяснениях, стр. 363 и др.), в котором были напечатаны отрывки из III действия «Андромахи» Расина в переводе Катенина (стр. 182—201); они вызвали горячий обмен мнений журнальной критики (см. С. Л. Бертенсон, П. А. Катенин. Литературные материалы, С.-Пб. 1909, стр. 42 и 75).

— «На чердаке Шаховского»—т.-е., в гостях у драматурга кн. Александра Александровича Шаховского, на коего в юные годы, еще лицеистом, с таким ожесточением нападал Пушкин (см. выше, в письме № 2 и выше, стр. 181 — 182), вскоре, однако, изменивший свое отношение к этому писателю. По свидетельству Анненкова, — со слов, конечно, Катенина, — именно Катенин, в 1818 г., помирил Пушкина с кн. Шаховским: «Он сам привез его к известному комику, — и радушный прием, сделанный им поэту, связал дружеские отношения между ними, нисколько, впрочем, не изме-

[1] В декабрьской книжке «Москвитянина» 1852 г. (№ 24, стр. 21—25) он поместил небольшую, но ценную статейку: «Для биографии Пушкина», содержавшую поправки к статье Н. В. Берга о сельце Захарове, в котором, в детстве своем, жил поэт. Два портрета А. Ю. Пушкина — в Пушкинском Доме.

[2] Т.-е. казармы Преображенского полка, в коем тогда служил Катенин.

№ 178. нившие основных убеждений последнего. Тогдашний посредник их записал слово в слово любопытный разговор, бывший у него с Пушкиным, когда оба они возвращались ночью в санях от кн. Шаховского. — Savez-vous, сказал Пушкин, qu'il est très bonhomme au fond? Jamais je ne croirai qu'il est voulu nuire sérieusement a Ozerow, ni à qui que ce soit. — Vous l'avez cru pourtant, отвечал Катенин, vous l'avez écrit et publié, voilà le mal». — Heureusement, возразил Пушкин, personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose? — «Non, car il ne m'en a jamais parlé». — Tant mieux, faisons comme lui et n'en parlons jamais» («Материалы», изд. 1873 г., стр. 51).

— Венцеслав—трагедия весьма плодовитого французского драматурга Ротру (Jean Rotrou; род. 1609, ум. 1650) — «Venceslas», в 5-ти действиях (1647), признаваемая лучшим из его произведений. Сюжет этой трагедии был заимствован Ротру из испанской пиесы Francesco de Rojas (Рохас): «Нельзя быть отцом короля», отличавшейся всеми свойствами пьес тогдашней испанской школы, но в то же время весьма жизненной и богатой драматическими положениями.

— Жандр — Андрей Андреевич (род. 1789, ум. 1873), с которым юный Пушкин познакомился в кружке драматурга кн. А. А. Шаховского; здесь Жандр встречался также с Грибоедовым и вскоре стал одним из самых близких друзей этого писателя, который участвовал в ранних литературных опытах Жандра («Семела», подражание Шиллеру, 1817; «Притворная неверность», переделка из Барта, 1818). Интересуясь преимущественно театром и драматической литературой, Жандр еще в 1811 г. поставил на сцене Петербургского театра свой перевод комедии «Испытание», затем печатал переводы пиес и статьи по театру и литературе в «Сыне Отечества» и отдельно, переводил, с Катениным, «Баязета» Расина (перевод этот остался неизданным). В «Руской Талии» на 1825 г., изданной Булгариным, Жандр напечатал перевод 1-го действия вышеупомянутой трагедии Ротру «Венцеслав» (стр. 54 — 73). 17 октября 1824 г. Грибоедов сообщал Катенину, что «Жандр пробудился из усыпления, переводит Венцеслава необыкновенно хорошо, без рифм — и тем лучше выходит» (Соч., ред. Н. К. Пиксанова, т. III, стр. 162). «По Грибоедова же совету», писал в свою очередь Катенин Бахтину 26 января 1825 г.: «Жандр ленивый перевел вольными стихами, инде с рифмами, а инде без рифм... трагедию Ротру: «Венцеслав. Почтенная цензура опять запретила ее играть» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911, стр. 74). Сам Пушкин позднее, набрасывая на бумагу свои мысли для предисловия к «Борису Годнову», вспомнил об опыте Жандра: «..... Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы, кажется, в Аргивянах.[1] А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его. Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия», и т. д. Критик «Московского Телеграфа» (1825 г., ч. I, № 2, стр. 109 — 170) в рецензии на «Рускую Талию» в свою очередь назвал отрывок из «Венцеслава» «весьма замечательным». «Жалкие ямбы многих стихотворцев», писал он: «заставили некоторых думать, что Александрийские наши стихи не годятся для трагедии. Озеров доказал своим примером, что для истинного таланта нет особенной надобности в том или другом размере: у Озерова Александрийские стихи превосходны. Желание писать другими размерами было у нас давно: Княжнин перевел *Титово милосердие* вольными стихами, а *Родогуну* (если не ошибаемся) Александрийскими, без рифм. В. А. Жуковский первый счастливо употребил особенное стопосложение

[1] Трагедия Кюхельбекера; отрывки из нее были напечатаны в «Мнемозине» 1824 г. и в «Соревнователе Просвещения и благотворения» 1825 г., ч. XXX и XXXI. — О пятистопном ямбе в «Годунове» см. у Н. К. Козьмина, «Взгляд Пушкина на драму», С.-Пб. 1900, стр. 38—39.

в переводе *Орлеанской Девы:* он вмещал в стихах или 5 стоп ямбов № 178. с пиррихиями, или прибавлял в конце еще один краткий слог, вмешивал Александрийские стихи, даже употреблял неслыханный размер: $6^1/_2$ стоп ямба и пиррихия. Пример Жуковского доказал, что и это, вновь изобретенное им стопосложение можно употреблять в трагедиях. Теперь г. Жандр представляет образчик вольных ямбо-пиррихических стихов без рифм, — и стихи Г. Жандра доказывают, что трагедию можно писать *всякими* стихами. Нам кажется, что если бы А. С. Пушкин написал трагедию своим любимым четырехстопным ямбическим размером, стихи были бы прекрасны». Ср. выше, стр. 444.—Отрывки из «Венцеслава» были напечатаны еще в альм. «Радуга» 1830 г., стр. 153 — 160. В 1825 г. Жандр служил Правителем Канцелярии Военно-Счетной Экспедиции Военного Министерства; в 1836 г., когда он был Директором Канцелярии Морского Министерства, Пушкин обращался к нему с письмом, ходатайствуя за одного молодого человека, желавшего поступить на службу во флот. Впоследствии А. А. Жандр был членом Адмиралтейств-Совета, сенатором и д. тайным советником. Литературная деятельность его совершенно прекратилась уже в конце 1820-х годов. О нем см. нашу статью в «Русском Биографическом Словаре», 1916 г., и «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 81 и 316.

— О Записках (Mémoires) Пушкина см. в предыдущем письме.

— 1-я глава «Евгения Онегина» была закончена 22 октября 1823 г., 2-я — 8 декабря 1823 г., 3-я — 2 октября 1824 г., 4-я — ко времени написания письма к Катенину, т.-е. не позже 12 сентября 1825 г.

— «Проказы с К...»: Ефремов (изд. 1882 г., кн. VII, стр. 157) раскрывает имя, скрытое Анненковым, — «с Кавериным», — но не знаем, на каком основании; предположение это, однако, вполне вероятно, так как лейб-гусар Петр Павлович Каверин (род. 1794, ум. 1855), воспетый юным Пушкиным (1817 г.), был известен как большой повеса, шутник и проказник, организатор всевозможных шалостей, похождений,—не всегда невинных, но всегда веселых и забавных (см. Ю. Н. Щербачев, Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М. 1913, стр. 44—47 и 60—61; Ю. Н. Щербачев полагает, что под К. следует «несомненно» видеть Каверина: стр. 59 и 159).

— Театральный майор — Денисевич, с которым у юноши Пушкина произошла крупная ссора в ту пору Петербургской его жизни (в зиму 1819—1820 г.), когда он, по выходе из Лицея, отдавался всем развлечениям светской жизни в кругу представителей золотой молодежи, будучи постоянным посетителем театра и его кулис и участником всех событий и эпизодов театральной жизни. Ссора с Денисевичем, по словам романиста И. И. Лажечникова, произошла у Пушкина из-за того, что, будучи в театре на какой-то пустой пиесе и сидя рядом с майором, он, недовольный игрой, «зевал, шикал, говорил громко «несносно»! Соседу его пиеса, повидимому, очень нравилась. Сначала он молчал, потом, выведенный из терпения, сказал Пушкину, что он мешает ему слушать пиесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь попрежнему. Тут Денисевич объявил своему неугомонному соседу, что потребует полицию вывесть его из театра. — «Посмотрим», — отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать. Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тем и должна была бы кончиться ссора наших противников, но мой витязь не терял из виду своего незначительного соседа и остановил его в коридоре. «Молодой человек», сказал он, обращаясь к Пушкину, и вместе с этим поднял свой указательный палец: «Вы мешали мне слушать пиесу . . . . . это неприлично, это невежливо». — «Да, я не старик», отвечал Пушкин: «но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить это мне. Где вы живете?» Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в восемь часов утра. Не был ли это настоящий вызов? . . . «Буду», отвечал Пушкин. На другое утро, по словам Лажечникова, жившего тогда в одной квартире с Денисевичем, поэт явился в сопровождении двух офицеров гвардейцев — адъютанта и фронтового [не был-ли последний — Катенин?] — для исполнения дуэли, но тут Лажеч-

№ 179. ников, узнав, что приехавший статский — Пушкин и желая спасти его от опасности, ему грозившей, вызвал Денисевича в другую комнату и старался убедить его извиниться перед Пушкиным. Это ему удалось, — и Пушкин, удовлетворенный, уехал (см. И. И. Лажечников, Знакомство мое с Пушкиным, — Соч., т. VII, С.-Пб. 1858, стр. 307 — 317). Впоследствии, в письме своем к поэту из Твери от 13 декабря 1831 г., Лажечников, посылая свой роман «Новик», вспоминал об этом эпизоде из жизни Пушкина: «Волею или неволею, займу несколько строк в истории вашей жизни. Вспомните малоросца Денисевича с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего вас в театре на честное слово и дело за неуважение к Его Высокоблагородию; вспомните утро в доме Графа Остермана, в Галерной, с вами двух молодцов Гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру Малоросца, который на вопрос ваш: приехали ли вы во-время? отвечал нахохлившись, как индейский петух, что он звал вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать вам поучение, како подобает сидети в Театре, и что Майору неприлично меряться с фрачным; вспомните крохотку Адъютанта, от души смеявшегося этой сцене и советовавшего вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка-Адъютант был ваш покорнейший слуга — и вот почему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в вашей истории. Тогда видел я в вас Русского дворянина, достойно поддерживающего свое благородное звание; но когда узнал, что вы — Пушкин, творец Руслана и Людмилы и столь многих прекраснейших пиес, которые лучшая публика России твердила с восторгом на память — тогда я с трепетом благоговения смотрел на вас и в числе тысячей поклонников (ваших) приносил к треножнику вашему безмолвную дань» . . . . (Акад. изд. Переписки, т. II, стр. 353). Ср. еще в статье П. О. Морозова: От Лицея до ссылки — Соч., ред. Венгерова, т. I, стр. 491 и др., и в статье Б. Л. Модзалевского: Из галлереи современников и знакомцев Пушкина (Пушкин и Лажечников) — в Сборнике в честь А. Ф. Кони, Лгр. 1925, стр. 103 — 135.

— Итальянская фраза в конце письма означает: «Прощай, поэт, до свидания, — но когда?»

— Катенин отвечал Пушкину на настоящее письмо 24 ноября 1825 г. уже из Петербурга, куда получил разрешение вернуться, а Пушкин в свою очередь откликнулся на его письмо 4 декабря (см. ниже, № 191).

179. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 161 — 162). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 423—425, с неверной датой; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве.

— Горчаков — князь Александр Михайлович (род. 1798, ум. 1883), Лицейский товарищ Пушкина, впоследствии многолетний Министр Иностранных Дел (1856—1882), Канцлер и светлейший князь. С именем Горчакова связаны три законченных стихотворения Пушкина (1815, 1816 и 1819 г.г.) и черновой набросок четвертого (1818 — 1819); ему же посвящена одна из строф Лицейской годовщины 19 октября 1825 г.; отсюда, говорит П. Е. Щеголев, — «право государственного канцлера быть отмеченным в биографии поэта», — но, добавляет названный исследователь, «мы не причислим его к кругу друзей поэта. Пушкин был необычайно щедр, раздавая свою дружбу, и сколько теперь их, «друзей» поэта, которых он сам звал, так и которых нам как-то неловко называть рядом с именем Пушкина! Горчаков был одним из таких друзей, совершенно не оценивших поэта. Даже к памяти его он не был признателен» (Кн. А. М. Горчаков и Пушкин — Соч., ред. Венгерова, т. I, стр. 230 — 238). В сентябре 1825 г. Горчаков, будучи 1-м секретарем Русского Посольства в Лондоне, возвращался в Петербург и Москву из Спа, где лечился, и заехал в имение своего родного дяди А. Н. Пещурова, Опочецкого Предводителя дворянства (см. выше, стр. 357 и 487) — село Лямоново. К этому времени между однокашниками лежала уже целая пропасть: блестящий карьерист-дипломат и неудачливый коллежский секретарь — опальный поэт были вполне чужды друг

другу; но Пушкин, с обычною для него добротою и незлопамятливостью, узнав о приезде Горчакова к Пещурову, «тотчас приехал из Михайловского в Лямоново, и здесь, на проселочной дороге, друзья, действительно. встретились и «братски обнялись». Целый день провел Пушкин у Пещурова и, сидя на постели вновь захворавшего князя Горчакова, читал ему отрывки из «Бориса Годунова» и, между прочим, наброски сцены между Пименом и Григорием»... «В этой сцене», вспоминал впоследствии Горчаков, «было несколько стихов, в которых проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слюнях». Он заметил Пушкину, что такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, которым писана сцена... — «Вычеркни, братец, эти слюни. Ну к чему они тут?» — «А посмотри, у Шекспира и не такие еще выражения попадаются», возразил Пушкин. — «Да, но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени», заметил князь. Пушкин подумал и переделал свою сцену» («Русск. Арх.» 1883 г., кн. II, стр. 205—206). Свидание с Горчаковым оставило в Пушкине, как видно из настоящего письма его к Вяземскому, тягостное впечатление, которое он подтвердил и в следующем письме к тому же своему другу — от 15 сентября: «Горчаков мне живо напомнил Лицей; кажется он не переменился во многом — хоть и созрел и следственно подсох. Ты вбил ему в голову что я объедаюсь гонением. — Ох, душа моя, — меня тошнит... но предлагаемое да едят!» (см. № 180). Вяземский кратко отвечал Пушкину 16 октября из своей подмосковной — с. Остафьева: «Я получил твое письмо, а Горчакова видел только мельком» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 304). В это же время Пушкин, слагая вдохновенные строфы «19 октября 1825 г.», одну из них, 10-ю, посвятил Горчакову: № 179.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой:
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

После этого Пушкин уже до конца жизни ни разу не упомянул Горчакова ни в сочинениях своих, ни в письмах.

— Песня Земфиры из «Цыган»:

Старый муж, грозный муж!
Режь меня, жги меня;
Я тверда, не боюсь
Ни меча, ни огня! и т. д.

была напечатана в № 21 «Московского Телеграфа» 1825 г. (ч. VI, стр. 69), с примечанием издателя: «Прилагаем ноты дикого напева сей песни. слышанного самим Поэтом в Бессарабии»; ноты (одна страничка), заключающие голос и аккомпанимент пиано форте (allegretto), со словами 1-го куплета, были приложены к № в гравюре.

— Вельгорский — граф Михаил Юрьевич Виельгорский (род. 31 октября 1788, ум. 28 августа 1856), камер-юнкер, состоявший при Министерстве Внутренних Дел и живший тогда в Москве, где в 1824 — 1825 г. у него бывали музыкальные утра, собиравшие и любителей музыки, и приезжих артистов. В «Московском Телеграфе» 1825 г. дважды было с восторгом упомянуто об этих собраниях, на которых исполнялись и собственные музыкальные сочинения Виельгорского, большого знатока музыки и талантливого артиста-композитора. «Нигде не слышим мы такой музыки, как в доме Гр. Виельгорского»,—писал неизвестный хроникер в «Московском Телеграфе» (1825 г., ч. II, № 8, приб., стр. 134—135): «если бы все концерты походили на концерты, там происходящие, тогда бы самые жестокие нелюбители музыки перестали бы жаловаться на многочисленность концертов»; перечислив

№ 179. программу одного «утра», он говорил: «прибавьте к сему исполнение со всею музыкальною роскошью, определенное, соразмерное число инструментов, оркестр, расположенный уступами в удобнейшем порядке, собрание людей с истинною страстию к Искусствам, — и вы получите весьма слабое понятие о сем концерте» (ср. там же, ч. I, № 1, приб., стр. 5). Еще до получения письма Пушкина кн. Вяземский писал ему 6 сентября: «Виельгорский сделал прекрасную музыку на твой: «Режь меня! Жги меня!» Я ее еще не слыхал» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 283). Вскоре затем граф Виельгорский, пожалованный в должность егермейстера, был назначен членом Главного Правления Училищ и Заведывающим училищами, состоящими в Петербурге, — куда и переехал. Здесь гостеприимный дом его, посещавшийся, между прочим, и Пушкиным, — «чуждый польского чванства и приманчивый польскою любезностью, ... сделался средоточием всякого рода художественных дарований. Это была», по словам П. И. Бартенева, «какая-то универсальная Академия искусств, под сенью царской милости» («Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 436), или, по выражению Берлиоза, «настоящий маленький храм изящных искусств в Петербурге». Впоследствии Виельгорский, после смерти поэта, был, с графом Г. А. Строгановым, Жуковским и Н. И. Тарасенко-Отрешковым, опекуном детей и имущества Пушкина. Кн. П. А. Вяземский в своем 30-строфном стихотворении «Поминки» (1877 г.) нарисовал живой облик Виельгорского, с которым он, как и Жуковский, был связан многолетними дружескими отношениями: «Таких людей, как он, уже не встретишь боле», писал престарелый поэт:

Любезный человек и человек любимый,
Вся биография его в стихе одном:
Он стал незаменим, как был необходимый;
Как дорожили им, так сетуем о нем.
Он старостою был, душой и запевалом
Бесед аттических и дружеских трапез,
С Жуковским чокался он пенистым бокалом
И с Пушкиным в карман он за словом не лез . . .
Все было для него средою благодарной:
В нем отыскался бы и тонкий дипломат;
Энциклопедии ручной и популярной
Он сокращенный был и щегольской формат.
Способный в спор вступать с раввином о талмуде,
С Россини, как знаток, Моцарта оценить,
С врачом про мозг спинной, про тиф и о простуде,
Как будто врач он сам, мог с толком говорить . . . и т. д.

(Собр. соч., т. XII, стр. 536—540). Зять графа Виельгорского, известный писатель граф В. А. Соллогуб, пишет про него: «Граф Виельгорский прошел незамеченный в русской жизни; даже в обществе, в котором он жил, он был оценен только немногими. Он не искал известности, уклонялся от борьбы и, несмотря на то или, может быть, именно потому, был личностью необыкновенной: философ, критик, лингвист, медик, теолог, герметик, почетный член всех масонских лож, душа всех обществ, семьянин, эпикуреец, царедворец, сановник, артист, музыкант, товарищ, судья, — он был живой энциклопедией самых глубоких познаний, образцом самых нежных чувств и самого игривого ума» («Русск. Арх.» 1865 г., ст. 1207). О нем см. еще в Дневнике Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923, стр. 95—96, и Московское издание Дневника, 1923, стр. 271—275.

— О. С. Пушкина после Ревельских купаний выехала из Петербурга в Москву 23 августа 1825 г. («Остаф. Арх.» т. V, вып. 1, стр. 91); ни одного письма ее к брату - поэту до нас не сохранилось. Ее письма к родителям за 1836 — 1837 г.г. опубликованы в сборнике «Пушк. и его соврем.», вып. XII, стр. 75—120.

— Об «Элегии» Пушкина — Дельвига на смерть А. Л. Пушкиной и об отношении В. Л. Пушкина к этой шалости поэта - племянника см.

выше, в письмах № 106, 107, 111 и 142 и в объяснениях к этому последнему письму, стр. 434—435. Там же и о наследстве, оставленном А. Л. Пушкиною.

— «Сатирик М. В. Милонов неоднократно задевал в стихах своих В. Л. Пушкина. Тот добродушно замечал по этому случаю своим приятелям: «А ведь сколько раз бывал у меня, чай пил!» («Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 424—425, примеч.). «В одной из сатир своих задел он зло миролюбивого и простодушного Василия Львовича Пушкина», — рассказывает кн. П. А. Вяземский: «Ошеломленный неожиданным нападением и чувствительно уязвленный, он долго не мог опомниться, сетовал на человеческую неблагодарность и жалобно говорил: «Да что же я ему сделал худого? Не позже, как на той неделе Милонов вечером пил у меня чай. Никак не мог я подозревать в нем такого коварства» («Русск. Арх.» 1875 г., кн. I, стр. 307, и Соч., т. VIII, стр. 345 — 346). Обидевшие Пушкина стихи были в сатире Милонова «К моему рассудку» (1812 г.):

Я *Вздоркину* сто раз стыд тяжкий предрекал,
Когда он в свет свои посланья издавал;
А *Вздоркин* — что ни день, — то басня или ода!
А *Вздоркин*, нового произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричит:
«О радость! О восторг! И я, и я — Пиит!»

при чем последний стих целиком взят был из стихотворения самого В. Л. Пушкина: «К любимцам муз», — что́ и раскрывало легко псевдоним Вздоркина. Добродушный Василий Львович был очень обижен выходкою Милонова, хотя в письме к Д. Н. Блудову из Москвы, от 23 мая 1812 г., и писал в шутливом тоне (по-французски): «Я слышал, что Милонов написал на меня целую сатиру. Я ему за нее благодарен. Стихи нового Кантемира, конечно, никогда не умрут, и вот я, нисколько о том не заботясь, сделаюсь бессмертным. Дорогой друг Дашков очень бы желал, что-бы я отвечал на злостные нападки Милонова (немилосердного Клемана), [1] но я этого не сделаю. Что значат для меня уколы Парнасских мошек? Впрочем, я по отношению к нему виноват лишь тем, что оказывал ему дружбу и вежливость; это меня утешает против всех его настоящих и будущих сатир» («Русск. Арх.» 1899 г., кн. I, стр. 460 и 463). В другой сатире «На женитьбу в большом свете» Милонов писал про В. Л. Пушкина:

А Вздоркин, Вздоркин сам, от басен без ума,
Их будет так читать, как читывал Тальма.

Ср. «Русск. Арх.» 1864 г., изд. 2, стр. 1120 — 1121, и Соч. Батюшкова, т. III, стр. 185 и 692.

— Княгиня — Вера Федоровна Вяземская, жена кн. Петра Андреевича.

— Сестра — О. С. Пушкина, бывшая тогда в Москве.

180. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 162 — 163). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 419 (часть от 14 сентября, от слова: *Resumé*) и в Акад. издании Переписки, т. I, стр. 287 — 289, по подлиннику (на бум. — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.), отысканному нами в Остафьевском архиве гр. С. Д. Шереметева. Письмо служит отповедью на следующую часть письма кн. Вяземского к поэту от 28 августа 1825 г., из Царского-Села, от Карамзиных:

«Спасибо за два твои письма ко мне, [2] но за письмо к сестре [3] деру тебя за уши и не шутя, а сериозно и больно. Что за горячка? Что за охота быть пострелом и все делать на перекор тем, которые тебе доброжелательствуют? Что за охота chercher midi à quatorze heures [искать полдень в четырнадцать часов] в побуждениях самых чистых, в поступках самых открытых и простых? Твоя мать узнаёт, что у тебя аневризм

---

[1] Непереводимая игра слов: «L'inclément Clément».

[2] №№ 167 и 171.

[3] Оно до нас не сохранилось; Вяземский ниже приводит из него одну фразу; см. также выше, стр. 499.

№ 180. в ноге, она советуется с людьми, явно в твою пользу расположенными: Карамзиным и Жуковским. Определяют, что ей должно писать к государю; Жуковский вызывается доставить тебе помощь Мойера, известного искусством своим. Как было сказано, так и сделано: только государь, который хозяин дома, вместо того, чтобы назначить пребывание твое в Риге или в Дерпте или в Петербурге, назначает тебе Псков. Кто же тут виноват? Каждый делал свое дело; один ты не делаешь своего и портишь дела других, а особливо же свои. Отказываясь ехать, ты наводишь подозрение на свою мать, что она хотела обольстить доверенность царя и вымышленным аневризмом насильно выхватить твою волю? Портишь свое положение для будущего времени, ибо этим отказом подаешь новый повод к тысяче заключениям о твоих намерениях, видах, надеждах. И для нас, тебя знающих, есть какая-то таинственность, несообразимость в упорстве не ехать в Псков, — что же должно быть в уме тех, которые ни времени, ни охоты не имеют ломать голову себе над разгадыванием твоих своенравных и сумасбродных логогрифов. Они удовольствуются первою разгадкою, что ты — человек неугомонный, с которым ничто не берет, который из охоты идет на перекор власти, друзей, родных и которого вернее и спокойнее держать на привязи подалее. Что значит: mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловски, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre [но так как будут очень довольны, если я буду не в Михайловском, то я и ожидаю, чтобы мне на то было дано приказание]. Да и разумеется: все любящие тебя порадуются выпуску твоему из Михайловского. Ни сестра твоя, ни брат не поняли смысла этой фразы. Бедная сестра твоя только слез, а не толку добилась из твоего письма. Она целый день проплакала и в слезах поехала в Москву. На всякий случай могу тебе утвердительно сказать, что твой отец даже и не знал о письме твоей матушки к государю, и, следовательно, он во всем этом деле не причастен. Смотреть на Псков, как на ссылку, — то все же она не хуже деревни, тем более, что деревня все еще за тобою остается. Соскучишься в городе, никто тебе не запретит возвратиться в Михайловское: все и в тюрьме лучше иметь две комнаты; а главное то, что выпуск в другую комнату есть уже некоторый задаток свободы. Но главнейшее здесь в том: что ты болен, что нужна операция, что нужен хороший оператор: все это развязывается в Пскове, — зачем же затягиваешь новый узел и настоящий Гордиановский узел? Не могу понять, да вероятно, ты и сам не понимаешь, а любуешься в суматохе: тебе хочется жаловаться на судьбу, на людей, и где они тебе благоприятствуют, там ты исподтишка путаешь все, что они ни сделают. Будь доволен. Ты не на пуховиках пронежил свою молодость и не в оранжереях взрастил свои лавры! Можно выйти погреться в избу и поваляться на лежанке. Остерегись! Лихорадка бьет, бьет, воспламеняет, да кончит тем, что утомит. Уже довольно был ты в раздражительности и довольно искр вспыхнуло из этих электрических потрясений. Отдохни! Попробуй плыть по воде: ты довольно боролся с течением. Разумеется не советую плыть по воде к грязному берегу, чтобы запачкаться в тине; но в новой стезе, открываемой перед тобою, ничто не заденет совести твоей, ничто не запятнает характера. Положим, что ничто на ней и не льстит тебе, и что глаза твои разгорелись на другую стезю, более заманчивую, — но что же делать? Стоит ли барахтаться, лягаться и упрямиться, стоит ли наделать шума в околодке, чтобы поставить на своем, и добро бы еще поставить на своем, а ничуть, — чтобы только не уступить и кому же? заботливой деятельности дружбы! Перед дружбою не стыдно и поподличать, даже сладостно, в чем можно без нарушения чести, и переломить себя в угоду ей. Такие жертвоприношения не унижают души, не оставляют на ней смрадных следов, как жертвоприношения личным выгодам и суетной корысти, а напротив — возвышают ее, окуривают благовонием, которое долго отзовется. Душа должна быть тверда, но не хорошо ей и щетиниться при каждой встрече. Смотри, чтобы твоя не смотрела в поросята! Без содрогания и без уныния не могу думать о тебе, не столько

о судьбе твоей, которая все-таки уляжется когда-нибудь, но о твоей внутренности, тайности! Ты можешь почерстветь в этой недоверчивости к людям, которою ты закалиться хочешь. И какое право имеешь ты на недоверчивость? разве одну неблагодарность свою! лучшие люди в России за тебя, многие из них даже деятельны за тебя; имя твое сделалось народною собственностью. Чего тебе не достает? Я знаю чего, но покорись же силе обстоятельств и времени. Ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но вообще европейским? Если приперло тебя потеснее другого, то вини свой пьедестал, который выше другого. Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своем положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое, вот и все! Я не говорю, что тебе хорошо! но говорю, что могло бы быть хуже, и что будет хуже, если не станешь домогаться о лучшем и будешь перечить друзей своих. Осекая их попытки в твою пользу, кончишь тем, что и их парализуешь. Заключим: отказ твой ехать в Псков для посоветования с Мойером есть мера, противная и благоразумию, потому что она ни на чем путном не основана, и нравственности, потому что ты оказываешь неблагодарность друзьям своим и испытываешь их дружбу к тебе до нельзя, и настоящим и будущим выгодам твоим, ибо новою катастрофою запутываешь ход своей драмы и углубляешься в нее как в лес или Кюхельбекер в своих «Аргивянах», который чем более писал, тем менее знал, когда кончит. Положим, что поездка в Псков не улучшит твоего политического положения, но она улучшит твое здоровье — это положительный барыш, а в барышах будет и то, что ты уважил заботы друзей, не отвергнул, из упрямства и прихоти, милости царской и не был снова на ножах с общим желанием, с общим мнением. Наклада никакого не вижу: барыш в смете есть. В твоем положении пренебрегать ничем не должно, тем более, когда ничего не рискуешь. Я подозреваю некоторые недочеты в твоих соображениях. Ты любуешься в гонении: у нас оно, как и авторское ремесло, еще не есть почетное звание, ce n'est même pas du tout un état. Оно—звание только для немногих; для народа оно не существует. Гонение придает державную власть гонимому только там, где господствуют два раскола общественного мнения. У нас везде царствует одна православная церковь. Ты можешь быть силен у нас одною своею славою, тем, что тебя читают с удовольствием, с жадностью, но несчастие у нас не имеет силы ни на грош. Хоть будь в кандалах, то одни те же друзья, которые теперь о тебе жалеют и пекутся, одна сестра, которая и теперь о тебе плачет, понесут на сердце своем твои железа, но их звук не разбудит ни одной новой мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток! Твое место сиротеет у нас в дружеских беседах и в родительском доме, но в народе не имеешь ты стула, тебя ожидающего: у нас никому нет места почетного. В библиотеках отведена тебе первая полка, но мы еще не дожили до поры личного уважения. В государственном человеке уважают кресты и чины, в авторе его книги, и то еще слава Богу; но будь первый без крестов, другой без книг, их забывают и не знают. В дубовом лесу мы не друиды, а свиньи: дубам не поклоняемся, а жрем одни валяющиеся жолуди. Опозиция — у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях: она может быть домашним рукоделием про себя и в честь своих пенатов, если набожная душа отречься от нее не может, но промыслом ей быть нельзя. Она не в цене у народа. Поверь, что о тебе помнят по твоим поэмам, но об опале твоей в год и двух раз не поговорят, разумеется, кроме друзей твоих, но ты им не ею дорог. Не ты же один на черной доске у судьбы: есть тоже имена честные, но так как они не подписываются в журналах, то их давно уже нет в помине. Нет сомнения que la disgrâce ne donne pas chez nous de popularité; elle n'est que le prix des succès [немилость не дает у нас известности; она — лишь цена успехов]; какие бы ни были удачи, торговые ли, придворные, карточные, стихотворные, государственные, но все поклоняемся мы одному счастию, а благородное несчастие не имеет еще кружка своего

№ 180. в месяцеслове народа ребяческого, немного или много дикого и воспитанного в одних гостиных и прихожих. Ты судишь о своем положении по расчислениям ума и сердца и, может быть, находишь людей, которые подтакивают твоим итогам, но и ты и они ошибаются. Пушкин по характеру своему, Пушкин, как блестящий пример превратностей различных, ничтожен в русском народе: за выкуп его никто не даст алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрыжка. Мне все кажется, que vous comptez sans votre hôte, и что ты служишь чему-то, чего у нас нет. Дон-Кишот нового рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь перед ветреною мельницею, в которой не только бога или святого, но и мельника не бывало. «Молола мельница и что жь молола? — ложь!» — Каково, вспомнил я стих Сумарокова!» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 277 — 281).

— В начале своего ответного письма Пушкин указывает Вяземскому на до-нельзя развившийся в тогдашней журналистике обычай выступать с «критиками» и «антикритиками» — обычай, настолько привившийся и наскучивший читателям, что Полевой в 3-м (февральском) № своего «Московского Телеграфа», в «Обозрении Русской Литературы в 1824 году», писал: «В прошлом [1824] году критика занимала по крайней мере *третью* часть пространства наших Литературных журналов; но пожелаем, чтобы с 1825-м годом она переменила странное свое направление и чтобы прекратились литературные мячики, которые под именем *антикритик* надоедали читателям, не научая их! Мы назвали антикритики мячиками и спешим оправдаться. Представьте, что кто-нибудь написал какую-нибудь статейку и поместил ее в журнале; другой на журнальную эту статейку делает замечания; первый отвечает, оправдывается, острится, выписывает слова своего противника, опровергает их, — другой отвечает тем же, и так далее, пока *антикритика* или *литературный мячик* не превратится в камень, и тогда начинают бросать его уже не в статейку, а в самого сочинителя: вот изображение большой части журнальных переговоров прошлого года — и подобным переговорам конца не было! Часто читатели поневоле думали, что la critique souvent n'est pas une science: c'est un métier, où il faut plus de santé que d'esprit, plus de travail que de capacité, plus d'habitude que de génie [критика часто — не наука, — это ремесло, в котором более нужно здоровье, чем ум, более работа, чем способность, более привычка, чем одаренность]. Дельных, хорошо написанных критик появлялось очень немного. Повторим, что мы желаем прекращения всех журнальных распрей! Бывши в прошлом году в числе читающей публики, можем уверить всех наших журналистов, от лица читателей, что антикритические переговорки не только не возвышают журналов, не спосшествуют наукам и просвещению, но унижают достоинство писателей, которое более можно заставить уважать, отличив себя возвышенностию мыслей, беспристрастием суждений и выбором ученых занятий» (стр. 259 — 260). Однако, сам Полевой, в 1-й же части «Телеграфа» и даже в том же №, в котором так восставал на них, дал место нескольким антикритикам, напечатанным отдельными приложениями (№ 3, стр. 1 — 15, — в том числе возражение Гречу кн. В. Ф. Одоевского; далее в № 4, стр. 1 — 8, в № 10, стр. 1 — 12, — о суждениях М. А. Дмитриева о «Горе от ума»; в № 13, стр. 1 — 64; в № 14, стр. 1 — 20; в № 15, стр. 1 — 21; в № 16, стр. 1 — 14 и т. д.). В указанных прибавлениях к № 13, 15 и 16 было помещено написанное Полевым пространнейшее и довольно таки скучное «Обозрение критических и антикритических статей и замечаний на Московский Телеграф, помещенных в Дамском Журнале, Вестнике Европы, Сыне Отечества, Благонамеренном, Северной Пчеле, Полярной Звезде, Северном Архиве, и писанных — Князем Шаликовым и Г-ми Бестужевым, Н. Мельгуновым, М. Дмитриевым, Булгариным, Карниолиным-Пинским, Усовым, Ершовым, А. Ф. П., Ж. К., Д. Р. К. [Гречем], — вым и проч.» [1],

[1] В № 15, стр. 1 — 11, заключались суждения Полевого о толках по поводу «Евгения Онегина» и сочинений Пушкина вообще.

в котором он перебрасывался «литературными мячиками» со всеми перечисленными полемистами; из них Пушкин упоминает одного — Матвея Михайловича *Карниолина-Пинского* (род. 23 ноября 1796, ум. в 1866),; преподаватель Симбирской Гимназии (1816 — 1823), а затем учитель в семье помещика Кроткова в Москве и в Московских же Лефортовском Кадетском Корпусе и Театральной Школе, он в то же время был чиновником в Канцелярии кн. Д. В. Голицына и сотрудничал в Гречевском «Сыне Отечества», а впоследствии был видным чиновником в Министерстве Юстиции, сенатором и действ. тайным советником (о нем см. заметки Н. Христофорова и А. Томашевского в «Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 454 — 460, и брошюру М. В. Аксенова: Сенатор М. М. Карниолин-Пинский. Опыт описания его жизни и деятельности, с приложением силуэта и автографа. Изд. Смол. Губ. Статист. Комитета, Смоленск. 1910). *Федоров*, также упомянутый Пушкиным, как полемист Булгарина, — Борис Михайлович, бездарный стихотворец и литератор, известный по эпиграмме на него Дельвига или Соболевского: *№ 180.*

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

(К. Грот. Пушкинский Лицей. С.-Пб. 1911, стр. 197, примеч.). Впоследствии Федоров (род. 1794, ум. 1875) сделался, несколькими месяцами позже Пушкина, сочленом его по Российской Академии, а по закрытии ее был Почетным членом Отделения Русского языка и словесности Академии Наук. В ж. «Русский Библиофил» 1911 г. (№ 5) В. В. Майков опубликовал краткие выдержки из дневника Б. М. Федорова за 1827 и 1828 гг., а именно те места из него, в которых упоминается Пушкин; с ним Федоров в эти годы неоднократно встречался у Карамзиных, в Летнем саду, да и сам бывал у поэта. Возможно, что против Федорова направлена эпиграмма Пушкина «Русскому Геснеру» (см. «Книга и Революция» 1922, № 7 (19), стр. 48).

— Пушкин, жаловавшийся Бестужеву на отсутствие у нас критики (см. в письме № 148), очень метко определил сущность приемов полемики большинства своих современников-писателей выражением «Сам съешь» и склонен был только кн. Вяземского выделять из общей массы полемистов (см., напр., выше, в письмах №№ 144, 167). Пять лет спустя. в 1830 г., по поводу своего стихотворения «Собрание насекомых», Пушкин писал в черновых набросках: «*Сам съешь*»[1]. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. «Сам съешь» есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики.—Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе,—и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже с надписью: *сам съешь*. — Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. — «Сам ты букашка», закричали бойкие журналы: «и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь» и т. д. Ср. еще эпиграмму Пушкина (1825 г.): «Совет» (см. письмо № 188).

— Милость Царская — разрешение Пушкину приехать во Псков для лечения аневризма.

— «Ultima ratio libertatis» по-латыни значит: «последний довод в пользу освобождения», «последний довод в пользу свободы».

---

[1] Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание *для будуарных* или даже *для паркетных* дам, как журналисты называют дам, им незнакомых.)

№ 180. — О Мойере и о проекте его приезда во Псков для операции Пушкину см. выше, в письме № 160 и в объяснениях, стр. 474—476. 6 октября Пушкин возражал и Жуковскому почти в тех же выражениях: «Мойера не хочу, решительно. Ты пишешь: прими его как меня. Мудрено. Я не довольно богат, чтобы выписывать себе славных операторов, а даром лечиться не намерен. — Он не ты. Конечно, я с радостью и благодарностью дал бы тебе срезать не только стоновую жилу, но и голову; от тебя благодеяние мне не тяжело—а от другого не хочу. Будь он тебе расприятель, будь он сын Карамзина» (см. ниже, в письме № 183).

— О присылке «Жизни Железного Колпака» Пушкин просил Жуковского в письме от 17 августа (см. выше, № 172, и в объяснениях, стр. 494).

— Ксенофонт А. Полевой из бесед с Пушкиным вынес убеждение, что «историограф был для него не только великий писатель, но и мудрец, — *человек высокий*, как выразился он. Когда он писал своего *Бориса Годунова*, Карамзин, услышав о том, спрашивал поэта, не надобно ли ему для нового его создания каких-нибудь сведений и подробностей из истории избранной им эпохи, и вызывался доставить все, что может. Пушкин отвечал, что он имеет *всё* в «Истории Государства Российского», великом создании великого историка, которому обязан и идеею нового своего творения. Эту же мысль выразил Пушкин и в *лапидарном* посвящении Бориса Годунова памяти историографа» (Записки Кс. А. Полевого, С.-Пб. 1888, стр. 278).

— О «цветном», т.-е. красном колпаке своем, как символе революционного настроения, писал Пушкин и позже, в послании к В. С. Филимонову при получении поэмы его: «Дурацкой Колпак» и в ответ на его, Филимонова, четверостишие:

. . . . старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет . . . .

— 2-я часть трагедии—«Бориса Годунова».

— О сходстве Марины Мнишек, какою она вырисовалась в представлении поэта, с Екатериною Николаевною Орловою, рожд. Раевскою (см. выше, стр. 215), Пушкин говорил и в письме к кн. Вяземскому от начала октября (см. ниже, № 185), характеризуя действующих лиц своей драмы: «Юродивый мой, — малой презабавной; на Марину у тебя <.......> — ибо она полька и собою преизрядна (в роде К. Орловой, сказывал это я тебе?). Прочие также очень милы, кроме капитана Маржерета»..... Акад. И. Н. Жданов одним из доказательств в пользу того мнения, что Пушкин в разработке многих вопросов «Годунова» шел совершенно самостоятельно и независимо от Карамзина, приводит и трактовку Пушкиным Марины: в то время, как у историографа она представлена «юной прелестницей» и, как и отец ее,—«честолюбивой и ветреной», легко поддавшейся на страстные изъявления Лжедмитрия, — Пушкин нарисовал Марину «совсем не похожею на эту ветреную прелестницу Карамзина. Не Самозванец кружит голову Пушкинской Марине: Марина вскружила голову Самозванцу, она умела вырвать у него признание в обмане, она же заставила его забыть это признание» и т. д. (Сочинения, т. II, С.-Пб. 1907, стр. 113—114).

— Замечание Карамзина о характере Бориса см. выше, стр. 494, в объяснениях к № 172. Как известно, Пушкин посвятил свою трагедию «Драгоценной для Россиян памяти Карамзина».

— По поводу слов Пушкина об отсутствии у него особенного плана «Бориса Годунова» и ссылки его на X и XI томы «Истории Государства Российского», которыми он так восхищался (ср. в письме № 172, к Жуковскому), — П. О. Морозов замечает: «Указывая, таким образом, на свою зависимость от Карамзина, Пушкин, очевидно, хотел сохранить за собою полную свободу в обработке трагедии» (Соч., изд. Академии Наук, т. IV, примеч., стр. 121).

— Статья Александра Алексеевича Муханова: «Отрывки Г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями», из книги «Les dix années d'exil», была помещена в «Сыне Отечества» 1825 г., № 10 (от 15 мая), стр. 148—157, с подписью «А. М-въ» и с датою: «С.-Петербург. 20 Апреля 1825». Она вызвала резкое возражение Пушкина: «О Г-же Сталь и о Г. А. М-ве», напечатанное в № 12 «Московского Телеграфа» 1825 г., с подписью: «Ст. Ар.» (см. еще в письме № 153 и стр. 465). «Из всех сочинений Г-жи Сталь», писал Пушкин: «книга Десятилетнее изгнание должна была преимущественно обратить на себя внимание Русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания, разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: «Читая ее книгу Dix ans d'exil, можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом Русских Бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза.[1] Не смею в том укорять красноречивую благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость Русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных». Эта снисходительность, которую не смеет порицать автор рукописи, именно и составляет главную прелесть той части книги, которая посвящена описанию нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россию, как священное убежище, как семейство, в которое она была принята с доверенностью и радушием. Исполняя долг благородного сердца, она говорит о нас с уважением и скромностью, с полнотою душевною хвалит, порицает осторожно, не выносит сора из избы. Будем же и мы благодарны знаменитой гостье нашей: почтим ее славную память, как она почтила гостеприимство наше....». Свою отповедь Муханову Пушкин заканчивал советом: «Уважен хочешь быть, — умей других уважить», и статью Муханова называл «журнальной статейкой не весьма острой и весьма неприличной». Статья Муханова вызвала также возражение со стороны «Дамского Журнала» и «Московского Телеграфа». «Противник в Телеграфе с большим искусством нападает на легкомысленное и оскорбительное суждение твое о г-же Сталь», — писал, в свою очередь, Н. В. Путята А. А. Муханову 24 августа 1825 г. (не зная еще, кто скрылся под псевдонимом «Ст. Ар.»): «и, признаюсь откровенно, я согласен с его мнением. Не любя вообще, по какому-то предубеждению, женщин-писательниц, исключаю из этого числа г-жу Сталь, которая в сочинениях своих возвысилась над обыкновенным кругом деятельности и ума женского, обращающегося в тесной сфере наблюдений над характерами и мелочными пружинами, двигающими светское общество, и, отбросив равно приторную плаксивость и притворную любовь к природе многих из них, силою своих мыслей и глубиною чувства стала на ряду с величайшими мужами нашего века. Замечания твои насчет ложного ее понятия о Финляндии справедливы, но не надобно было слишком увлекаться негодованием» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», вып. X, стр. 418; то-же — «Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 529—530). — Вяземский 28 августа писал Пушкину по поводу его статьи: «Ты Сталью отделал моего приятеля, а может быть и своего, Александра Муханова, бывшего адъютанта Закревского. Да поделом, хоть мне его и жаль», а 16 октября, отвечая на слова Пушкина в настоящем письме, говорил: «Муханов анти-Стальский — не Раевского, а Закревского адъютант, не большой рыжик, а маленький рыжик» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 305). Адъютантом у генерала Н. Н. Раевского в Киеве был Петр Александрович Муханов (см. выше, в объяснениях, стр. 403—404); Александр же Алексеевич Муханов (род. 2 октября 1800, ум. 20 августа 1834) начал службу в 1819 г. подпрапорщиком Измайловского полка, затем был корнетом Оренбургского уланского (с 1820) и л.-гв. Уланского (с 19 июля 1822) полков, 11 октября 1823 г. был назначен адъютантом к Финляндскому генерал-губернатору А. А. Закревскому, в июне 1825 г. произведен № *180.*

[1] Речь идет о большом обществе Петербургском, прежде 1812 года. Соч.

№ 181. был в поручики и переведен в 29 егерский полк; затем был адъютантом (с 13 мая 1826 г.) у главнокомандующего 2-й армией гр. П. Х. Витгенштейна, с 1 апреля 1828 г. служил в Семеновском полку, участвовал в Турецкой кампании 1828—1829 г.г., наконец состоял, в чине полковника и в звании камергера, при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел; скончался, будучи женихом известной своим умом и красотою Авроры Карловны Шерниваль (впоследствии вышедшей за П. Н. Демидова и за А. Н. Карамзина). Муханов был человек, по словам П. И. Бартенева, «замечательных дарований» («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 206), а Вяземский называет его общим своим и Пушкина приятелем (Сочинения, т. I, стр. 321; письма Вяземского к Муханову см. в «Русск. Арх.» 1905 г., № 2); он был также хорошо знаком с Дельвигом, Кюхельбекером, Боратынским, дружил с Н. В. Путятою (его письма к Муханову — в «Русск. Арх.» 1905 г., № 3), Хомяковым, который «вспоминал о нем, как об одном из лучших товарищей своей молодости» («Русск. Арх.» 1895 г., кн. III, стр. 125). Кн. П. А. Вяземский также считал M-me Staël «своею», что̀ ясно высказал еще в 1822 г. в статье «О биографическом похвальном слове г-же Сталь-Гольстейн» [П. А. Габбе], помещенной в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. LXXIX, № 29 (ср. Полн. Собр. соч., т. I, стр. 79—83). Об А. А. Муханове см. подробнее в книге А. А. Сиверса: «Материалы к родословию Мухановых», С.-Пб. 1909, стр. 93—98, и выше, стр. 403. — Ниже, в т. II, см. записку Пушкина к брату Муханова, Владимиру, в Москве, от сентября — октября 1826 г., с приглашением приехать на чтение «Бориса Годунова», а также 3 записки к А. А. Муханову, с приглашением приехать, — от февраля 1827 г.

— Об Анти-критике Полевого см. выше, в письме № 167, и в начале объяснений к настоящему письму. Полевой тогда был горячим поклонником Пушкина; так, напр., 22 января 1826 г. он писал П. П. Свиньину: «Я не начитаюсь Пушкина! Что за прелесть! какой талант огромный!» («Русск. Стар.» 1901 г., № 5, стр. 400).

— О князе А. М. Горчакове, с которым Пушкин только что виделся у А. Н. Пещурова, см. выше, в письме № 179, и в объясн., стр. 506—507.

181. *А. П. Керн* (стр. 164). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 134—135 и 140—141 (перевод) и в «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 513—516; подлинник был у М. И. Семевского; нам остался недоступен.

Перевод: «Ради бога не отсылайте г-же Осиповой письма, которое вы нашли в вашем пакете. Разве вы не видите, что оно было написано единственно для собственного вашего назидания? Оставьте его у себя — или вы нас поссорите. Я сделал шаги к примирению вас обеих, но после ваших последних опрометчивых поступков теряю надежду на успех .... Кстати, вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы «на ты» с вашим кузеном: вы говорите ему: «я презираю твою мать», — ведь это ужасно! Следовало сказать: «Вашу мать», даже ничего не следовало говорить, потому что эта фраза произвела дьявольский эффект. Ревность в сторону, — я советую вам прервать эту переписку, — советую, как друг, истинно вам преданный, без всяких фраз и кривляний. Не постигаю, что̀ за цель у вас кокетничать с молодым студентом (при том же не поэтом), и на таком почтительном расстоянии. Когда он был близ вас, — вы знаете, что я находил это совершенно естественным, ибо надобно же быть рассудительным. Решено, не правда ли? Никакой переписки, — и ручаюсь вам, что он оттого менее влюблен не будет. Серьезно ли вы говорите, делая вид, что одобряете мой проект? У Аннеты от этого мороз по коже пробежал, а у меня голова закружилась от радости. Но я не верю в счастье, и это весьма извинительно. Ужели вы, ангел любви, захотите убедить мою недоверчивую и увядшую душу? Но приезжайте, по крайней мере, в Псков. Это вам будет легко сделать. При одной мысли об этом сердце у меня бьется, темнеет в глазах и истома овладевает мною. Неужели и эта надежда не осуществится, как столько других!! — Перейдем к делу; прежде всего, нужен предлог: болезнь

Аннеты. Что вы об этом скажете? Или, еще лучше, не съездить ли вам в Петербург? Вы дадите мне знать об этом, да? Не обманите меня, прелестный ангел! Как я был бы вам обязан, если бы расстался с жизнью, познав счастье! Не говорите мне о восхищении: это чувство — не чувство. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. Но главное — не говорите мне о стихах . . . Ваш совет писать к его величеству тронул меня, как доказательство того, что вы думали обо мне; благодарю тебя коленопреклоненно за этот совет, но последовать ему не могу. Участь моего существования должна решить судьба; я не хочу в это вмешиваться. Надежда вновь увидеть вас, прелестною и молодою, — единственная вещь, которою я дорожу. Еще раз, — не обманите меня. — 22 сентября. Михайловское.—Завтра—день рождения вашей тетушки,—стало быть, я буду в Тригорском. Ваша мысль выдать замуж Аннету, чтобы иметь у нее убежище — мысль восхитительная, но я еще не сообщал ей об ней. Отвечайте, ради бога, на главные пункты этого письма, и я поверю, что мир стоит еще того, чтобы в нем жить». № 182.

— Письмо Пушкина к П. А. Осиповой см. выше, № 174; Керн удержала его у себя, на что Пушкин заранее рассчитывал (см. выше, стр. 497).

— Кузен — Алексей Николаевич Вульф.

— Аннета — Анна Николаевна Вульф, уже возвратившаяся тогда в Михайловское из Риги вместе с матерью.

— Во Псков Пушкин приглашал А. П. Керн потому, что к этому времени уже сам решил туда ехать; он привел в исполнение свое решение в последних числах сентября или в первых—октября (см. письмо № 183).

— «Писать к Его Величеству» Пушкин вскоре все-таки надумал, хотя и не послал письма, набросанного лишь в черновике (см. ниже, № 186).

— Прасковья Александровна Осипова родилась 23 сентября 1781 г., — следовательно ей исполнилось 44 года.

182. *Барону А. А. Дельвигу* (стр. 165). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 450; подлинник — на бумаге с вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.; на нем рукою кн. Вяземского написано: «Пушкина, должно быть к Дельвигу, который женился на Салтыковой»; письмо сохранилось в Остафьевском архиве, так как было переслано Дельвигом князю Вяземскому при письме от 28 ноября 1825 г., в котором Дельвиг писал: «Велите мне списать или препоручите это Боратынскому, два отрывка из 2-й песни Онегина. Какие? Увидите из приложенного письма Пушкина ко мне. Оно послужит вам, как доказательство его позволения и, вероятно, принесет удовольствие, как письмо Пушкина. Только, ради бога нашего, поспешите, любезнейший князь. Малейшее медление может лишить меня прекрасных пьес: а это для нашего брата, издателя альманахов, большая беда . . . . Может быть, я первый уведомляю вас, что Пушкин кончил Бориса Годунова» («Стар. и Новизна», кн. V, стр. 36).

— «Куплеты Эристова», «приращение» к которым сообщает Пушкин, были ему присланы, вероятно, Дельвигом, но до нас не дошли; быть может, судя по форме и содержанию, это те стихи в 8 строк, неудобные для печати, которые попадаются в старинных сборниках произведений, «презревших печать»:

За трапезой царской
Адъютант сидел,
С важностию барской
Чинно раков ел.
Фрейлина с тарелки
Шарик ему в глаз... и т. д.

Князь Дмитрий Алексеевич Эристов (род. 1797, ум. 9 октября 1858), сперва питомец Полоцкой Иезуитской Коллегии, был затем воспитанником Царскосельского Лицея, во II (следующем за Пушкиным) выпуске 1820 года (ср. Д. Кобеко, Имп. Царскосельский Лицей, С.-Пб. 1911, стр. 122); по окончании курса он служил в Комиссии составления законов, а затем—в образованном из нее II Отделении Собственной его величества Канцелярии старшим

№ 182. помощником чиновника (1826—1833 г.) и, одновременно, переводчиком в Канцелярии Департамента Министерства Юстиции, затем—в Морском Министерстве и был под конец генерал-аудитором флота; 30 декабря 1853 г. он был назначен сенатором, с оставлением членом Морского Аудиториата, и умер в чине тайного советника. Он состоял одним из деятельнейших сотрудников «Энциклопедического Лексикона» Плюшара, издававшегося в 1835 и следующих годах, и поместил в нем много статей, биографий русских исторических деятелей и житий святых, очерки монастырей и скитов, статьи по истории Малороссии, Кавказа и т. п.; с 1852 г. он принимал участие в «Военно-Энциклопедическом Лексиконе» бар. Л. И. Зеддедера, сотрудничал в «Морском Сборнике» и издал отдельною книгою «Словарь о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых» (анонимно, с М. Л. Яковлевым, С.-Пб. 1836); о последнем труде Пушкин, знавший, конечно, кто были его авторы, дал очень благосклонный отзыв в «Современнике», воздав должное трудолюбию и основательности авторов; передав предисловие и содержание книги и похвалив его слог—простой, полный и краткий,—он кончал свою рецензию словами: «Издатель «Словаря о Святых» оказал важную услугу Истории. Между тем, книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии св. угодника, чье имя носят от купели до могилы, и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству.... Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: «Словарь» напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленевой бумаге, и есть отличное произведение типографии Второго Отделения Собственной Канцелярии Е. И. В.» [которою управлял М. Л. Яковлев].—«Словарь» Эристова в 1837 г. был удостоен от Академии Наук Демидовской премии. В составлении этой книги, как сказано, кн. Эристову сотрудничал товарищ Пушкина по Лицею—Михаил Лукьянович Яковлев. «При составлении сем», пишет сослуживец авторов, Г. Н. Александров: «меня особенно тогда удивляло то, что оба они отнюдь не отличались благочестивою жизнию, и труд их, казалось, был вызван не чувствами и понятиями о чистоте и святости нашей религии, но чисто спекулятивными расчетами» («Русск. Арх.» 1904 г., кн. III, стр. 498). Действительно, известно, что кн. Эристов был человек очень веселого нрава, большой забавник, повеса, остряк и шутник,—«балагур», как определил его К. Н. Лебедев уже в 1854 г. («Русск. Арх.» 1888 г., кн. II, стр. 0233).—А. Н. Вульф, встречавший Эристова зимою 1828 г. в доме Дельвига, где тот бывал постоянно, [1] записал в Дневнике своем: «Пошел к барону; там был Илличевский и князь Эристов; последний очень приятен в обществе,—он имеет дар передразнивать и голосом, и движениями, он равно хорошо представляет первых Актеров здешних театров и ворон, скачущих около кучи выкинутого сора» («Пушк. и его соврем.», вып. XXI—XXII, стр. 22). С другим товарищем Пушкина, М. Л. Яковлевым, и с Дельвигом Эристов исполнял романсы и песни. «Сверх того», по словам бар. А. И. Дельвига: «они оба (т. е. Яковлев и Эристов) умели делать разные штуки, фокусы, были чревовещателями, и каждый раз показывали что-нибудь новенькое. В этих изобретениях особенно отличался Эристов» («Мои воспоминания», т. I, стр. 51). Племянник последнего, кн. П. А. Путятин, в своих Воспоминаниях описывает кружок товарищей, собиравшихся у Эристова (братья Б. К. и К. К. Данзасы, Ф. Ф. Матюшкин, М. Л. Яковлев, Д. Н. Замятнин, барон М. А. Корф, В. П. Лангер, кн. А. М. Горчаков и др.) и также говорит, что дядя его «обладал живым и веселым характером» («Русск. Стар.» 1887 г., т. LIII, стр. 109). В одной из позднейших записок Пушкина к М. Л. Яковлеву есть упоминание о кн. Эристове, в обществе которого поэт собирался было «кутнуть».

---

[1] Впоследствии кн. Д. А. Эристов сообщил много сведений В. П. Гаевскому для его статей о Дельвиге («Современник» 1853—1854 гг.).

— «Писал я брату»: в письме не ко Льву Пушкину, а к Плетневу (от середины июля) сообщил Пушкин поправку к своему стихотворению «Андрей Шенье в темнице» (см. выше, письмо № 154); отдельного письма к брату об «Андрее Шенье» до нас не сохранилось. Отношение поэта к брату в это время совершенно уже испортилось, и Боратынский в письме к Пушкину из Москвы, в декабре 1825 г., писал: «За что ты Левушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренно любит и ежели по ветренности как-нибудь провинился перед тобою,— твое дело быть снисходительным. Я знаю, что ты давно на него сердишься; но долго сердиться не хорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело; но ты простишь это моей привязанности к тебе и твоему брату» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 310). № 185.

— В «Северных Цветах на 1826 г.», вышедших в начале апреля 1826 года, были помещены пьесы Пушкина: «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.» (стр. 101 — 106), «Подражание Корану» (отд. поэзии, стр. 9), «Баратынскому. Из Бессарабии» (стр. 29) и «Ему же» (там же); «Отрывки из второй песни Евгения Онегина» (строфы XXIV—XXIX и XXXVII—XL, стр. 56—62) и «Отрывок из поэмы: Цыганы» (стр. 100 — 102).

— Арзамасец, будущий тесть Дельвига — Михаил Александрович Салтыков; о нем см. выше, стр. 470 — 471.

— Из жены своей Софьи Михайловны Дельвигу не удалось сделать «Арзамаску»: это была женщина хоть и умная, образованная и большая любительница литературы (Пушкина она прямо обожала), но легкомысленная, при жизни мужа изменявшая ему с Вульфом (см. его Дневник — «Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII) и окруженная поклонниками, из коих М. Л. Яковлев тотчас после смерти Дельвига сделал ей предложение (см. А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. I, стр. 125); отказав ему, она уже через полгода вдовства вышла за Сергея Абрамовича Боратынского, брата поэта («Пушк. и его соврем.», вып. XXI — XXII, стр. 159 и 288); о ней см. в нашей книжке «Роман декабриста Каховского», Лгр. 1926.

183. *В. А. Жуковскому* (стр. 165—166). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1174 — 1175; подлинник (на бум. без вод. зн.) — в Гос. Публичной Библиотеке, в бумагах Жуковского.

— Письмо Пушкина служит ответом на следующее недатированное письмо к нему Жуковского (последнее, в свою очередь, писано в ответ на письмо Пушкина от 17 августа,—см. выше, № 172): «Ты, как я вижу, предал в руце мои только дух свой, любезнейший сын. А мне право до духу твоего нет дела: он жив и будет жив, ибо весьма живущ. Подавай-ка мне свое грешное тело, то-есть свой аневризм. С этим прекрасным аневризмом не уцелеет и дух твой. Дух же твой нужен мне для твоего Годунова, для твоих десяти будущих поэм, для твоей славы и для исправления светлым будущим всего темного прошедшего. Слышишь ли, Бейрон Сергеевич! Но смотри же: Бейрон на лире, а не Бейрон на деле: коментарии на эту фразу найдешь в письме Вяземского, в котором для тебя много разительной правды![1] Этот Вяземский очень умный человек и часто говорит дело. Мне лучше его ничего нельзя сказать тебе. Да и не нужно. Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре[2] и к Мойеру;[3] но твоя библейская фраза меня с тобою помирила. Прошу покорнейше уважать свою жизнь и помнить, что можешь сделать в ней много прекрасного, несмотря ни на какие обстоятельства. Следовательно вот чего от тебя требую: вспомнив, что настала глубокая осень (ты обещал ею воспользоваться), собраться в дорогу, отправиться в Псков и, наняв для себя такую квартиру, в которой мог бы поместиться и Мойер, немедленно написать к нему, что ты в Пскове и что ты дождешься его в Пскове. Он мигом уничтожит твой аневризм. Ты возвратишься в свою Опочку, при-

---

[1] См. его выше, стр. 509 — 512.
[2] О нем см. выше, стр. 499 и 510.
[3] См. его выше, № 160.

№ 184. мешься с новым духом за своего Годунова и напишешь такого Годунова, что у нас всех будет душа прыгать: Слава победит обстоятельства. В этом я уверен. Твое дело теперь одно: не думать несколько времени ни о чем, кроме Поэзии, и решиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь бессмертное, и самые беды твои (которые сам же состряпал) разлетятся в прах. Дай способ друзьям твоим указать на что-нибудь твое превосходное, великое; тогда им будет легко поправить судьбу твою; тогда они будут иметь на это неотъемлемое право. Ты сам себя не понимаешь; ты только бунтуешь, как ребенок, против несчастия, которое само не иное что, как плод твоего ребячества: а у тебя такие есть способы сладить с своею судьбою, каких нет у простых сынов сего света, — способы благородные, высокие. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой. И я ваш покорный слуга Жуковский. Уведомь немедленно, на что ты решишься касательно Пскова, Мойера и Аневризма» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 291—292).

— Губернатор — Борис Антонович Адеркас (см. № 101, стр. 355—356).

— Руланд — Генрих-Христиан-Матвей Ruehland, — родом из Брауншвейга, род. в 1784 г., изучал медицину в Дерптском Университете (1811—1812), был хирургом и врачом в Рижском Военном Госпитале, имея звание штаб-лекаря; впоследствии был вольнопрактикующим врачом и умер 13 марта 1837 г. (A. Hasselblatt und G. Otto, Album Academicum der Kais. Universität Dorpat, Dorpat. 1889, S.43, № 622).

— О Мойере см. выше, в письмах № 160, 161, 169, 176, 180 и стр. 474—476.

— В письме к Вяземскому от 13—15 сентября (№ 180) Пушкин также высказывался в том смысле, что аневризмом своим он «дорожил, как последним предлогом к освобождению, ultima ratio libertatis».

184. *А. Н. Вульфу* (стр. 166—167). Впервые напечатано в «С.-Пб. Ведом.» 1866 г., № 146 и 157 и в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 156; подлинник (на бум.—вод. зн.: Гг. Х. 1824 Г.) в Гос. Публичной Библиотеке (Отчет ее за 1897 г., стр. 91); запечатано перстнем-талисманом.

— Содержание письма Пушкина, отвечающего на недошедшее до нас письмо Вульфа, близко к письму поэта от конца августа 1825 г. к тому же Вульфу (см. выше, № 176): оно также касается вопроса о поездке Мойера в Псков и будто бы посланной за ним в Дерпт коляски.

— А. П. — Керн, приезжавшая с мужем своим, генералом Е. Ф. Керном, в Тригорское, для примирения со своею тетушкою, П. А. Осиповою. «Вы видели из писем Пушкина, рассказывала впоследствии Керн П. В. Анненкову (в письме от 6 июня 1859 г. — Л. Майков, Пушкин, С.-Пб. 1899, стр. 246), что она [П. А. Осипова] сердилась на меня за выражение в письме к Алексею Вульфу: «Je méprise ta mère [см. выше в письме № 181]. Еще бы! И было за что. Керн предложил мне поехать; я не желала, потому что Пушкин, из угождения к тетушке, перестал мне писать, а она сердилась. Я сказала мужу, что мне неловко ехать к тетушке, когда она сердится; он, ни в чем не сомневающийся, как и следует храброму генералу, объявил, что берет на себя нас помирить. Я согласилась. Он устроил романическую сцену в саду, над которой мы после с Анной Николаевной [Вульф] очень смеялись. Он пошел вперед, оставив меня в экипаже; я через лес и сад пошла после — и упала в объятия этой милой, смешной, всегда оригинальной маленькой женщины, вышедшей ко мне навстречу в толпе всего семейства. Когда она меня облобызала, тогда все бросились ко мне — Анна Николаевна первая. Пушкина», прибавляет Анна Петровна, «тут не было, но я его несколько раз видела; он очень не поладил с мужем, а со мною опять был по-прежнему и даже больше нежен, боясь всех глаз, на него и на меня обращенных». — При личных отношениях с Анной Петровной Пушкин смущался, бывал застенчив и неловок (что и сам сознавал), теряя тот смелый, даже дерзкий тон, в котором писал свои к ней письма.

— О написанном им подражании элегии Языкова Пушкин сообщал Вульфу еще в письме от конца августа (см. № 176).

— На этом письме Пушкина переписано рукою Вульфа послание Пушкина к его сестре, Евпраксии Николаевне Вульф (которую в семье звали Зиной): № 185.

«Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественно венец
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец!

«1 Июля 826 года — Зуево. К Евпр. Ник. Вульф.» — Зуево — простонародное название сельца Михайловского.

185. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 167 — 168). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 419 — 421, но в неправильном расположении частей письма; подлинник (на бумаге — вод. зн.: Гг. X. 1824 Г.) был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве. Письмо это служит ответом на письмо Вяземского к Пушкину от 16 — 18-го октября 1825 г. (Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 304 — 305).

— Хвостов, «отец зубастых голубей»,—гр. Дмитрий Иванович, известный графоман; сочинения его служили темою для постоянных шуток и насмешек — особенно у Арзамасцев, которые потешались сочинением пародий на многочисленные басни (притчи) и другие стихотворения Хвостова. Подобные пародии воскресил впоследствии Козьма Прутков. В «Русском Архиве» 1866 г. (ст. 478 — 489) кн. П. А. Вяземский сообщил 10 арзамасских пародий, снабдив их таким объяснением: «Эти притчи писаны в подражание и, сказать можно без хвастовства, довольно удачно, притчам гр. Хвостова, особенно тем, которые заключаются в первом издании, явившемся в свет в первых двух-трех годах минувшего столетия [т. е. «Избранные притчи», С.-Пб. 1802. *Б. М.*]. Эта книга была нашею настольною и потешною книгою в Арзамасе. Жуковский всегда держал ее при себе и черпал в ней нередко свои Арзамасские вдохновения. Она послужила ему и темою для вступительной речи, при назначении его членом Арзамасского общества» . . . В одной из притч Хвостова—«Два голубя», на известный сюжет о голубе-странствователе (ср. басню Крылова с тем же заглавием), читаем:

Оставил он гнездо, спустился в поле,
Помахивал крылом мой голубок на воле.
Случились там поставлены силки,
Куды несмысленны валятся голубки.
В них голубок попал, сидел в темнице,
Кой kak разгрыз зубами узелки —
И волю получил; не даром птице
Она пришла... и т. д.

Эта басня пользовалась особенною известностью у Арзамасцев (см. ее в книжке: «Избранные притчи из лучших сочинителей Российскими стихами», С.-Пб. 1802, стр. 162). И. И. Дмитриев, иронизируя в письме к князю Вяземскому (от 6 декабря 1820 г.) над похвалами Хвостову на страницах журнала «Невский Зритель», писал: «Жаль, что не привели в пример чувства [Хвостова], *превращенные в прах*, голубка *с зубами*, козла с *свиною* тушею и проч. Какое ободрение для талантов!» («Стар. и Новизна», кн. II, стр. 142). О Хвостовских голубях с зубами вспоминал также и Булгарин в письме своем к Пушкину от 25 апреля 1825 г. (см. Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 208).

— О разборе Вяземского «Новой пиитики басен» см. выше, в письмах №№ 144 и 167 и стр. 436 и 486.

— Окончательно «Борис Годунов» был завершен 7 ноября 1825 г., как помечено на беловой рукописи трагедии; 13 декабря, уже по смерти Александра I, Вяземский сообщал А. И. Тургеневу выписку из этого письма Пушкина — от слов «Поздравляю тебя, моя радость» до: «цензура его не пропустит» — и прибавлял: «Из этой анализы трудно составить себе есте-

№ 185. тическое понятие о творении, но во всяком случае хорошо, что он развертывает свое дарование. Впрочем, теперь и вся трагедия, кажется, будет не кстати, хотя и писана, как он говорит, в хорошем духе, и Жуковский даже надеялся на нее. Авось, и без трагедии его участь переменится» (Архив братьев Тургеневых в Библиотеке Академии Наук).

— Характеристику Марины и сравнение ее с Е. Н. Орловой см. еще выше, в письме № 180.

— Слово: «Молчи, то знаю я сама» и т. д. — из басни Крылова «Совет Мышей».

— Критика Вяземского на Крылова заключалась в упомянутом письме его к Пушкину от 16 — 18-го октября 1825 г. (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 305).

— О «представительстве» Крылова Пушкин высказался в статье своей: «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»; см. выше, стр. 499 — 500, в объяснениях к письму № 177. По свидетельству П. В. Нащокина, «поэта Державина Пушкин не любил, как человека, точно так, как он не уважал нравственных достоинств в Крылове» («Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 48).

— Граф Орлов — Григорий Владимирович, издатель переводов басен Крылова на французский и итальянский языки; см. стр. 499—500.— По случаю его смерти (23 июня 1826 г.,—он умер внезапно, в заседании Сената по делу декабристов, после того, что ему сообщили о тяжкой каре, на них наложенной, — ср. «Русск. Арх.» 1876 г., кн. II, стр. 471)—кн. Вяземский писал Н. А. Муханову из Ревеля 29 июня 1826 г.: «Мне очень жаль графа Орлова. Я его любил, и он был добрый человек. В нем была Европейская благонамеренность в уме и обращении. Пожалуй, говори, что не он писал свои книги; спасибо ему и за то, что, — Русский граф и Русский барин нескольких тысяч душ, — искал он отличия авторского и следовательно признавал его в душе. А большая часть наших баричей презирает ум и чванится презрением своим! Лучше же быть Чупятовым в каталоге, чем в списке государственных вельможей-кавалеров. Иной подлостью покупает звание министра или Андреевского кавалера; Орлов за деньги покупал звание автора. Право, честнее быть в его коже, чем в другой! Кто-то сказал, что hypocrisie du comte Orloff était un hommage qu'une vanité bien entendue payait à l'esprit [лицемерие графа Орлова было данью, которую правильно понимамое тщеславие платило уму]. — Впрочем, перевод басней Крылова есть его творение. В этом предприятии есть ум и чувство и патриотизм и Европейская замашка» («Русск. Арх.» 1905 г., кн. I, стр. 327).

— Псковский Архиерей Евгений, который принял Пушкина, как отца Евгения (т.-е., «Евгения Онегина»), — архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский Евгений Казанцев; питомец Троице-Сергиевой Семинарии, инспектор Петербургской и ректор Троицкой же Семинарий, он, будучи с 1818 г. епископом Курским, был переведен архиепископом во Псков 27 февраля 1822 г. и пробыл таковым до 30 сентября 1825 (т. е. как раз до посещения его Пушкиным), когда переведен был в Тобольск; из Пскова он выехал к новому месту служения в конце ноября 1825 г.; потом он был архиепископом в Рязани и Ярославле, жил, наконец, на покое в Донском монастыре и умер 27 июля 1871 г., 93 лет от роду. Пастырь образованный и просвещенный и известный проповедник, он был близким лицом к знаменитому митрополиту Филарету. Его отношение к Пушкину нам неизвестно. Кстати скажем, что другой архиепископ Евгений, впоследствии — митрополит Киевский, известный ученый и писатель, бывший архиепископом Псковским в 1816 – 1822 г., — не понимал Пушкина: в 1820 г. он иронически говорил о «Руслане и Людмиле» и о «Пушкинцах» («Русск. Арх.» 1889 г., кн. II, стр. 369, 373, 377 — 378), а за неделю до смерти своей, узнав о кончине Пушкина, писал И. М. Снегиреву из Киева 15 февраля 1837 г.: «Вот и стихотворец Пушкин умер от поединка. Он был хороший стихотворец, но худой сын, родственник и гражданин. Я его знал во Пскове, где его фамилия» (И. М. Снегирев, «Старина Русской земли», т. I, кн. I. С.-Пб. 1871, стр. 135).

— Губернатор — Б. А. Адеркас (см. письмо № 101 и стр. 355); о его стихотворческих упражнениях ничего не известно, как и о нем самом не дошло до нас никаких рассказов или сообщений, кроме того, что он был отставлен от должности Воронежского губернатора 28 января 1830 г. за служебные упущения и получил строгий выговор («Моск. Ведом.» 1830 г., № 53, стр. 2367—2370). Пушкину приписывается, — но без достаточных оснований, — эпиграмма на Адеркаса, написанная, будто бы, во время его поездки во Псков перстнем на стекле гостиничного окна: № *186.*

Господин фон-Адеркас,
Худо кормите вы нас:
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор.

Когда, в конце июля 1826 г., для разведывания о поведении Пушкина, был послан во Псков и в Опочецкий уезд агент правительства А. К. Бошняк, он между прочим дал отзыв и об Адеркасе, при чем мог только отметить, что он — «добрый человек, но слишком беден, чтобы управлять губерниею по-надлежащему: Губернское Правление и губернаторский секретарь делают, что хотят, и посему самому лучшее дворянство, избегая утеснения, уклоняется от выборов» («Былое» 1918 г., № 2 (30), стр. 77).

186. *Императору Александру I* (стр. 168 — 169). Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1884 г., т. 43, стр. 33 — 34, и в «Русск. Арх.» 1884 г., кн. III, стр. 193 — 194, с переводом, который ранее был дан, но без французского текста, в книге П. В. Анненкова: Пушкин в Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874, стр. 142 — 143; подлинник в рукописи б. Румянцовского Музея № 2370, стр. 69 — 70.

— Всеми редакторами (начиная с П. О. Морозова, — изд. Литературного Фонда, т. VII, стр. 131; Ефр.-Сувор., т. VII, стр. 185; Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 223) этот черновик принимался за набросок или за первоначальную редакцию прошения (выше, № 147), посланного к Жуковскому при письме к нему от конца мая — начала июня 1825 г. (см. выше, № 146); однако, этому противоречит как содержание письма, разнящееся от указанного короткого прошения, так и упоминание о Пс<кове> и слова в конце текста настоящей, пространной редакции прошения: «город, который мне для того [т.-е. лечения] назначен», — а разрешение Пушкину на поездку во Псков последовало в самом конце июня. (Ср. у М. А. Цявловского: «Тоска по чужбине у Пушкина» — «Голос Минувшего» 1916 г., № 1, стр. 51 — 53). Мы видели, как отнесся Пушкин к этой «неожиданной милости его величества» (письмо № 152), и знаем, что он сразу же положил остаться в Михайловском и во Псков не ездить. Только в августе — сентябре созрело в нем решение, — под влиянием настояний Вяземского, Жуковского и, может быть, А. П. Керн, — воспользоваться данным ему правом на поездку, которую он и совершил в последних числах сентября — первых октября (см. № 183). К середине октября у Пушкина сложилась внутренняя уверенность в том, что он скоро будет прощен или, во всяком случае, получит возможность уехать куда-либо дальше Пскова, — о чем обещал ходатайствовать и Адеркас (письмо к Жуковскому от 6 октября, № 183). В своем стихотворении «19 октября» он писал именно в это время (стр. 15-я):

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год — и с вами снова я!
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

№ 186. В черновых же вариантах, не вошедших в окончательную редакцию, пьесы, он вспоминал и Александра I, прощая ему свое «неправое гоненье» и предлагая за него здравицу:

Полней, полней и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого ж?... О други! угадайте...
Ура наш царь! Так выпьем за царя!
Он человек: им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомненья и страстей,—
Но так и быть, простим ему [неправое] гоненье:
Он взял Париж и создал наш Лицей!

А. П. Керн незадолго до того советовала Пушкину обратиться к императору, — и хотя поэт предложение это категорически отверг, говоря, что «участь его существования должна решить судьба», и что он «не хочет в это вмешиваться» (письмо от 22 сентября, № 181), — тем не менее, мысль была дана, — и поэт мог, хотя бы «про себя» набросать новый проект прошения царю, по отношению к которому у него сложилось мягкое чувство, — особенно в виду высказанных Жуковским надежд на то, что «Трагедия искупит его» (письмо № 183). Все эти соображения заставляют нас отнести проект нового прошения ко второй половине октября — ноябрю 1825 г.; оно писано было во всяком случае до времени получения в Михайловском известия о кончине Александра I (последовавшей в Таганроге 19 ноября 1825 г.), о которой в Петербурге узнали 27 ноября, а Пушкин ничего не знал еще 30 ноября (см. письмо № 187).

Перевод: «(Мне было 20 лет в 1820 году) [некоторые] необдуманные отзывы, сатирические стихи [обратили на меня внимание] [распространиться в публике]. Разнесся слух, будто бы я был отвезен в Секретную Канцелярию и высечен. Я последним узнал об этом слухе, который стал уже общим. Я увидал себя опозоренным [упавшим духом] в общественном мнении. Я впал в отчаяние, я дрался на дуэли — мне было 20 лет тогда. Я соображал, не следует ли мне застрелиться или убить В[1].

В первом случае я только подтвердил бы позорившую меня молву, [во вторых] — я бы не мстил за себя, потому что оскорбления не было, — [сделал] совершил бы [беспричинное] преступление, я принес бы жертву мнению [людей] общества, которое я презирал, человека [который] всеми ценимого и талант, который невольно внушал мне почтение к себе. На этих размышлениях я остановился.— Таковы были мои размышления. Я сообщил их одному моему другу[2], который был совершенно согласен с моим мнением. Он советовал мне сделать попытку оправдаться перед властью. Я чувствовал бесполезность этого. Я решился тогда вкладывать столько неприличия и столько дерзости в свои речи и в свои писания, чтобы власть вынуждена была, наконец, отнестись ко мне как к преступнику: я жаждал Сибири или крепости, как средства для восстановления чести.

Великодушный и мягкий образ действий власти[3] меня тронул, [оправ-

---

[1] В черновике это слово не дописано. В. Е. Якушкин читает его просто: «ou d'assassiner V.»; П. О. Морозов: «ou d'assassiner Votre Majesté»; в Акад. изд. Переписки: «ou d'assassiner Vor[onzow]»; М. А. Цявловский: «ou d'assassiner Vous»; Анненков пропускает неясное слово; мы не беремся решить, какое чтение правильно, но полагаем, что чтение Академического издания неверно безусловно, ибо в 1820 году Пушкин не имел еще никаких отношений к Воронцову, чтение же П. О. Морозова и М. А. Цявловского считаем весьма рискованным: вряд ли у Пушкина могла родиться мысль о цареубийстве по столь личному поводу, а если и являлась, то вряд ли бы он поведал о ней императору, от которого ожидал прощения. К тому же нельзя сказать: ou d'assassiner Vous...

[2] Комментаторы предполагают, что это был П. Я. Чаадаев.

[3] Пушкин был не *сослан*, а лишь *переведен по службе* к Инзову, причем ему были выданы даже значительные деньги на дорожные издержки.

дав меня] вырвав с корнем смешную клевету. С тех пор, вплоть до моей ссылки, если иной раз и вырывались у меня жалобы на установившийся порядок вещей; если иногда и предавался я юношеским разглагольствованиям, то все-таки, я смело утверждаю, что всегда, будь то в моих писаниях, или в разговорах, я уважал особу вашего величества. — Государь! Меня винят в том, что я рассчитывал на великодушие вашего характера. Я сказал вам всю правду и с тою откровенностью, которая была бы предосудительна в глазах всякого иного властителя в свете. Ныне прибегаю к этому великодушию. [Моя]. [Ни деревня моя] Здоровье мое сильнейшим образом было подорвано в моей молодости, аневризм сердца [сделавшийся] требует безотлагательной операции и продолжительного лечения. [Пребывание во Пс.]. Город, который мне для того назначен, не может доставить мне никакого пособия. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц, или назначить мне местность в Европе, где я [не был бы лишен всякой помощи] заботиться о своем существовании». № 187.

— М. А. Цявловский, приведя это письмо и считая, что Пушкин высказался в нем о желании убить Александра I, говорит: «Мы видели [см. письмо № 156, стр. 144], что Пушкин замену своего [первого] прошения государю, — «дельного и благоразумного», прошением матери, рассчитанным на то, чтобы разжалобить Александра I, считал ошибкой. По мнению Пушкина, государь в подаче прошения матерью, а не самим поэтом мог увидеть «хитрость и неуклончивость» нераскаявшегося преступника. Теперь, в этом проекте прошения, исключительной откровенностью поэт хочет обезоружить государя, действуя на его чувство великодушия. Поэт как бы хочет сказать: «Будьте, государь, со мной столь же великодушны, как я откровенен с вами». Вот, по нашему мнению, смысл этого необычного прошения, в котором подданный пишет своему государю, что он хотел его убить. Но посылать свое прошение Александру I Пушкину не пришлось, так как 19 ноября 1825 г. государь умер» («Гол. Мин.» 1916 г., № 1, стр. 53). Н. О. Лернер, соглашаясь с М. А. Цявловским в том, что настоящее письмо Пушкина не является черновым проектом прошения, которое Пушкин намерен был подать через Жуковского, указывает, что хронологический довод в пользу этого мнения «не единственный. Подлинник этого проекта, сохранившийся в бумагах Жуковского и напечатанный рядом с письмом, при котором был Жуковскому прислан...., по содержанию и тону далек от знаменитого письма к Александру I, ошибочно принимаемого за другую редакцию одного и того же письма. Написанное в момент экзальтации, это письмо Жуковскому не было послано, да едва ли Жуковский и узнал когда-нибудь о его существовании. А если бы даже Пушкин отправил подобное признание по назначению [Н. О. Лернер допускает чтение П. О. Морозова и М. А. Цявловского], то уж, конечно, не стал бы вмешивать друга в столь рискованное дело и послал бы прямо от себя» («Пушкин и чужбина» — «Журнал Журналов» 1916 г., № 14, стр. 15).

187. *А. А. Бестужеву* (стр. 169—170). Впервые напечатано в «Современнике» 1854 г., № 9, отд. III, стр. 13 (отрывок), в «Материалах» Анненкова, стр. 86 (отрывок), в «Отечеств. Зап.» 1855 г., № 6, отд. III, стр. 64 (отрывок) и в «Русском Слове» 1861 г., № 2, отд. III, стр. 27 — 28 (с пропусками), в «Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXIII, стр. 463 — 464 (по списку); в «Полярной Звезде на 1861 г.» Герцена и Огарева, Лондон. 1861, стр. 84—85 (полностию); подлинник — в Библиотеке Академии Наук («Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 45; почтовый штемпель здесь прочтен: 5 Декабря); запечатано перстнем-талисманом на черном сургуче.

— Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, до нас не сохранилось; в сентябре — октябре Пушкин получил письмо от Рылеева, в коем тот возражал поэту на его соображения о дворянстве (см. № 150) и сообщал: «Мы [с Бестужевым] опять собираемся с Полярною. Она будет последняя; так по крайней мере мы решились. Желаем распроститься с публикою хорошо и потому просим тебя подарить нас чем-нибудь подобным твоему последнему подарку. Тут о тебе, бог весть, какие слухи:

№ 187. успокой друзей своих хотя несколькими строчками» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 299). На просьбу об участии в альманахе Пушкин ответил присылкою Бестужеву ночного разговора Татьяны с няней. М. А. Бестужев, много лет спустя, рассказывал М. И. Семевскому: «А. Пушкин, присылая свой милый разговор Тани со старухой няней, уведомляет моего брата, что условия относительно вознаграждения за напечатание этого стихотворения он может сделать через Льва Сергеевича Пушкина. Это условие с Левушкой состоялось в моем присутствии. Не знаю, отдал ли Александр Пушкин этот эпизод из *Онегина* своему брату-гуляке, чтобы деньги были доставлены ему, как уверял Левушка, или это была обычная заплатка, которыми Александр Пушкин безуспешно зашивал долговые дыры брата, но только Левушка потребовал с издателей по пяти рублей ассигнациями за строчку. И брат мой Александр, не думая ни минуты, согласился.—«Ты промахнулся, Лёвушка»,' смеясь добавил брат мой: «промахнулся, не потребовав за строку по червонцу.... я бы тебе и эту цену дал, но только с условием: припечатать нашу сделку в *Полярной Звезде* для того, чтобы знали все, с какою готовностью мы платим золотом за золотые стихи»... «Должно заметить», добавил в своем рассказе М. А. Бестужев: «этому золотому дитяти не суждено было качаться в модной зыбке *Звезды*, потому что события 1825 года похоронили издание альманаха, который должен уже был явиться в свет под именем *Звездочки*. Перемена названия проистекала от объема издания, а объем зависел от недостатка времени собрать и сгруппировать в должной гармонии статьи. Не стану объяснять вам этот недосуг издателей, когда вам стоит только припомнить эпоху, предшествовавшую 14-му декабря, когда волны событий влекли нас к тому жизненному кризису, где должен был разрешиться вопрос: to be or not to be» («Русск. Вестн.» 1869 г., № 11, статья М. И. Семевского: К биографии Пушкина, стр. 72—73.) О возврате Пушкиным 600 р., полученных им от Бестужева и Рылеева за стихи, отданные в «Звездочку», см. выше, стр. 433—434.

— Об изучении английского языка самим Пушкиным см. выше, в письме № 177 и стр. 501.

— Об основании нового, «своего» журнала см. выше, в письмах № 123 и 167, и в объяснениях, стр. 405, а также в т. II,— в письмах 1826 г. и в объяснениях к ним.

— «Поэмы мои скоро выдут»: Плетнев настойчиво убеждал Пушкина отпечатать отдельным изданием собрание его поэм (см. в письмах от 3 марта, 18 июля, 5 августа и 29 августа 1825 г. (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 185, 238, 255, 273—276), соблазняя его легкою возможностью получить от их издания до 50.000 рублей. Слух об этом издании проник даже в печать: так, в № 55 «Северной Пчелы», в отделе *Смесь*, было сообщено: «В самом скором времени приступят здесь к новому изданию всех поэм А. С. Пушкина.—Руслан и Людмила, Кавказский Пленник, Бахчисарайский Фонтан, отрывки из Разбойников и новая поэма Цыгане составят одну книжку. — Мы уверены, что публика с удовольствием примет сей приятный подарок». Однако, такое издание тогда не состоялось, — и первое издание «Поэм и повестей Пушкина» вышло лишь в 1835 году, в 2-х частях.

— Говоря: «Голиковская проза», Пушкин имел в виду изданные Иваном Ивановичем Голиковым (род. 1735, ум. 1801) «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России; собранные из достоверных источников и расположенные по годам», вышедшие первым изданием у Н. И. Новикова в Москве, в 12 томах, в 1788—1789 гг., с 18 томами Дополнений (1790—1797). Этот ценный во многих отношениях сборник, которому составитель, Курский купец, отдал много лет труда, отличался витиеватым слогом и тяжелым, а подчас и бестолковым языком. В личной библиотеке Пушкина сохранилось 10 томов «Деяний», равно как и другое издание Голикова: «Историческое изображение жизни и всех славных дел славного Женевца Франца Яковлевича (Франциска-Иякова) Лефорта. Первого любимца Петра Великого.....», М. 1800 (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека

А. С. Пушкина, стр. 29—30). «Деяниями» Пушкин впоследствии пользовался, работая над Историей Петра Великого и над «Арапом Петра Великого». № 187.

— Якубович—Александр Иванович (род. 1792, ум. 3 сентября 1845), питомец Московского Университетского Благородного Пансиона (где имя его, как отличнейшего воспитанника, было занесено на золотую доску — см. «Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 402), начал службу свою в лейб-гвардии Уланском полку и жил в Петербурге, принимая деятельное участие в театральных шалостях, интригах и других удальских похождениях тогдашней золотой молодежи, в кругу которой был известен как «отчаянный кутила и дуэлист» (Записки П. А. Каратыгина, С.-Пб. 1880, стр. 40 — 41). Есть известие, что он был членом «Зеленой Лампы», собиравшейся у Н. В. Всеволожского. В конце 1817 года Якубович пострадал за участие в ссоре и дуэли между кавалергардом Василием Васильевичем Шереметевым и камер-юнкером графом Александром Петровичем Завадовским: Шереметев жил с известной танцовщицей А. И. Истоминой (воспетою впоследствии Пушкиным в «Евгении Онегине»), за которою безуспешно ухаживал Завадовский. «В начале ноября 1817 года Истомина поссорилась с Шереметевым и переселилась от него к своей подруге Азаровой. Этой ссорой захотел воспользоваться граф Завадовский. Грибоедов, живший тогда вместе с ним, однажды после спектакля привез Истомину в квартиру Завадовского. Это возмутило Шереметева, и он вызвал на дуэль Завадовского, а его приятель, корнет лейб-гвардии Уланского полка А. И. Якубович, известный впоследствии декабрист, вызвал Грибоедова, как участника интриги. Partie carrée была назначена на 12 ноября. В этот день на Волковом поле, в 2 часа пополудни, состоялась дуэль Завадовского и Шереметева. Первым стрелял Шереметев; пуля задела слегка сюртук Завадовского. Противник, убедившись, что Шереметев имел серьезное намерение убить его, собрался сам сделать то же. Секунданты, среди коих был Б. И. Ион и известный бреттер [П. П.] Каверин, приятель Пушкина и Грибоедова, склоняли Завадовского пощадить жизнь Шереметева. Но сам Шереметев требовал выполнения правил дуэли, грозя потом опять стреляться с обидчиком. Граф Завадовский выстрелил и ранил Шереметева в живот. Рана была смертельная, и Шереметев умер на другой день. Дуэль между Грибоедовым и Якубовичем не могла состояться: надо было отвезти в город раненого Шереметева, а потом Якубович, уже раньше предназначенный к отставке, был арестован, как зачинщик дуэли. Началось следствие, к которому привлекались Грибоедов, Завадовский, Якубович, Истомина... Грибоедов остался безнаказанным, графа Завадовского, говорят, выслали на некоторое время за границу, а Якубович был сослан на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк» (Н. К. Пиксанов, Сочинения Грибоедова, т. I, стр. XXVII) — «за неприличный поступок», — как сказано было в приказе о переводе 20 января 1818 г. (П. О. Бобровский, История л.-гв. Уланского полка, прил. к т. II, С.-Пб. 1903, стр. 306). Об этой дуэли очень много говорили в Петербурге, и юноша-Пушкин, естественно, знал все подробности дела и всех участников, в том числе, конечно, и Якубовича. Два года спустя, Якубович встретился с Грибоедовым в Тифлисе, и 23 ноября 1818 г. между ними состоялась дуэль, при чем у Грибоедова пулею Якубовича была разбита кисть левой руки, а Якубович отделался благополучно (пуля пролетела у него под затылком): враги примирились и затем были в добрых отношениях (там же, стр. XXXIII—XXXIV; Записки Н. Н. Муравьева-Карсского — «Русск. Арх.» 1886 г., кн. III, стр. 331 и 332 — 335). На Кавказе Якубович, человек пылкий и смелый, постоянно участвовал в боевых действиях с горцами и в многочисленных с ними схватках, отличаясь отчаянною храбростью, о которой ходили легендарные рассказы (см. приписываемый И. И. Пущину рассказ: «Четырнадцатое декабря», изд. 2, Лейпциг, s. a., стр. 16). В одной из стычек с черкесами он был ранен пулею в лоб, почему и должен был всегда затем носить на голове черную повязку, придававшую его внешности особенно воинственный, лихой вид. 18 ноября 1821 г. В. К. Кюхельбекер писал из Георгиевска (на Кавказе) поэту В. И. Туманскому: «[Письмо мое]

№ 187. будет к тебе доставлено Александром Ивановичем Якубовичем, — ты его верно знаешь по слуху; советую тебе с ним познакомиться, — он человек, исполненный чувства и благородства и пламенный любовник свободы» («Русск. Стар.» 1890 г., т. 67, стр. 383). Эта любовь к свободе привела пламенного Якубовича, незадолго до восстания, в круг членов Северного Тайного Общества, которые собирались и в его комфортабельной квартире на Мойке, у Красного моста: Рылеев, А. А. Бестужев, кн. А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер, и др.; многие видели в нем «нечто идеальное, возвышенное: это был Дантон новой революции» (Н. И. Греч, Записки, С.-Пб. 1886, стр. 391); однако, в самый день 14 декабря 1825 г. Якубович вел себя неустойчиво, растерянно и странно, переходя от группы восставших к Николаю и обратно. Верховный Уголовный Суд отнес его к I разряду государственных преступников, при чем виновность его была формулирована в следующих выражениях: «Членом Общества не был, но о существовании и о всех мерах его знал с 27-го ноября 1825 г. Он не только видел, что главная цель Общества клонилась к тому, чтобы истребить государя и царствующий дом, но сам из злобной мести намеревался покуситься на жизнь покойного императора; однако, говорит, что несчастная страсть казаться необыкновенным побудила его составить роман об отмщении за перевод его из гвардии в армию. На одном из совещаний он говорил, что для успеха в их предприятии надобно убить ныне царствующего императора, но сам не брался за сие, сказав, что не может быть хладнокровным убийцею. Он предлагал также позволить солдатам и черни разбить кабаки, вынесть из какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Ему поручено было начальствовать над гвардейским экипажем, почему он и приезжал туда ночью с 13-го на 14-е декабря, узнать, где оный расположен. Поутру, раскаявшись, отказался от сего поручения, обещаясь, однако, быть на площади. Пришед туда с ротами Московского полка, пробыл с мятежниками недолго и представился с раскаянием к государю императору». Якубович был осужден в каторжную работу вечно, но затем, указом 22-го августа, повелено было оставить его в каторжной работе на 20 лет, после чего обратить на поселение в Сибири. Он жил близ Иркутска, а потом в Енисейске, где и умер. Актер П. А. Каратыгин так описывает романтическую наружность Якубовича: «Он был высокого роста, смуглое его лицо имело какое-то свирепое выражение; большие черные на выкате глаза, словно налитые кровью, сросшиеся густые брови, огромные усы, коротко остриженные волосы, черная повязка на лбу, которую он постоянно носил в то время [в начале 1825 г.], придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое значение. Когда он сардонически улыбался, белые, как слоновая кость, зубы блестели из-под усов его, и две глубокие, резкие черты появлялись на его щеках,—и тогда эта улыбка принимала какое-то зверское выражение. Любили мы .... слушать его любопытные рассказы о Кавказской жизни и молодецкой боевой удали. Эти рассказы были любимым его коньком; запас их у него был неистощим. Он вполне мог назваться Демосфеном военного красноречия. Действительно, дар слова у него был необыкновенный; речь его лилась, как быстрый поток, безостановочно; можно было подумать, что он свои рассказы прежде приготовлял и выучивал их наизусть: каждое слово было на своем месте, и ни в одном он никогда не запинался» (Записки, С.-Пб. 1880, стр. 138). Греч, характеризуя Якубовича, называет его «человеком умным и образованным, но самым коварным, бессовестным, подлым и зверским из всех участников заговора и мятежа» (Записки, С.-Пб. 1886, стр. 391). Другой современник также говорит, что он был «великий хвастун и при всяком случае отпускал самые отчаянные фразы, не имея при том никакого политического убеждения» («Тайное общество и 14-е декабря 1825 г.», Лейпциг, стр. 16). Брат И. И. Пущина, Михаил Иванович, познакомившийся с Якубовичем в Петербурге незадолго до 14 декабря, также свидетельствует, что Якубович «большой был хвастун и с перевязанным лбом морочил православный люд. На Кавказе узнал я разного рода его

проделки,—как он с Верзилиным условился превозносить храбрость друг друга. Верзилин исполнял условие добросовестно, а Якубович везде и всем разглашал противное против Верзилина, что еще более заставляло верить словам Верзилина про него» («Русск. Арх.» 1908 г., кн. III, стр. 433). Таким образом Пушкин, знавший Якубовича лишь в молодые его годы, когда черты его характера обрисовались не так еще ярко, особенно с отрицательной стороны, несколько поэтизировал этого типичного бреттёра. За два года до смерти, проживая на поселении в с. Назимове, Енисейской губернии, он сделал такую характеризующую его запись в календаре под 14 декабря 1843 года: «Как перед богом по совести говорю, после 19 лет лишения свободы, что в этот день 1825 года я был прав по чувству, но совершенно не знал черни и народа Русского, который долго, очень долго должен быть в опеке правительства; его разврат, пороки, изуверие, невежество требуют сильной централизации правления, и одно самодержавие может управиться с этим Амоханом. Боже, прости меня! В полночь 14 декабря» (Д. Н. Анучин, Судьба первого издания «Путешествия» Радищева, М. 1918, стр. 31—32). Пушкин намеревался вывести Якубовича в своем «Романе на Кавказских водах». См. о Якубовиче еще: «Пушк. и его соврем.», вып. IV, стр. 180—181. Любопытное письмо Якубовича из Сибири к сестре (1841 г.) напечатано в «Русск. Арх.» 1893 г., кн. III, стр. 381—383; письма (с рисунками) к Лепарским — в сборнике «Декабристы. Труды Пушкинского Дома», под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, М. 1925, стр. 230—237. О жизни Якубовича в Сибири см. в «Алфавите декабристов», изд. под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Лгр. 1925, стр. 430—431. № 187.

— В № 138 «Северной Пчелы» от 17 ноября 1825 г., в Отделе «Словесность», были напечатаны «Отрывки о Кавказе. (Из походных Записок). (Письмо к издателям Сев. Пч.)», с подп.: *А. Я.*, что и дало повод Пушкину заподозрить автора статьи в Якубовиче. Отрывки начинаются словами: «Вы хотели иметь что-нибудь из моих Записок в вашем журнале. Согласен удовлетворить сему желанию, уверен будучи, что досуг солдата на биваках не поднимет журнальной войны и не введет меня в бесполезный труд тратить время на антикритики. На сем только условии берусь познакомить вас с племенами Кавказа и образом их войны»...; далее автор последовательно говорил о Карачаевцах и Абадзехах и, под рубрикой: «Из замечаний о войне Горцев северной покатости Кавказа», давал живой рассказ: «Поход днем и ночью Харцызей», т.-е. Черкесских хищников. Вся статейка занимает неполные две страницы «Северной Пчелы»; с большою долею вероятности она может быть приписана *Якубовичу*, хотя о литературных его опытах и ничего неизвестно.

— «Когда я вру с женщинами....»: А. Н. Вульф подтверждал М. И. Семевскому, «что в Пушкине был грешок похвастать в разговорах с дамами. Пред ними он зачастую любил порисоваться» и иногда прибавлял о себе такие «подробности, какие разве были в одном его воображении» (Прогулка в Тригорское — «С.-Петерб. Ведом.» 1866 г., № 163).

— О трагедии Пушкина, т.-е. о «Борисе Годунове» Бестужев в это время, конечно, уже знал по слухам, проникшим даже и в печать; так, в «Московском Телеграфе» (1825 г., ч. VI, № 22, 15 ноября) сообщалось: «Мелкие стихотворения и новая поэма Пушкина *Цыгане* готовятся к печати. Слышно, что юный Атлет наш испытывает свои силы на новом поприще и пишет трагедию Борис Годунов. По всему должно надеяться, что он подарит нас образцовым опытом первой трагедии народной и вырвет ее из колеи, проведенной у нас Сумароковым не с легкой, а разве с тяжелой руки. Благоговея пред поэтическим гением Расина, сожалею, что он завещал почти всем Русским последователям не тайну стихов своих, а одну обрезную, накрахмаленную и по законам тогдашнего общества сшитую мантию своей Парижской Мельпомены. Как жаль, что Озеров, при поэтическом своем даровании, не дерзнул переродить трагедию нашу! Тем более опыт Пушкина любопытен и важен. Между тем», писал хроникер, скрывшийся под буквами *А. М.*, «поэтический роман

№ 187. Евгений Онегин подвигается. Жаль, что две или три следующие главы, которые, как слышно, уже готовы, до сей поры остаются в рукописи» (стр. 182).

— О Ламартине см. выше, в письмах № 63, 90 и 137 и в объяснениях, стр. 286, 300, 338, 425—426. В 1832 году Пушкин, в письме к М. П. Погодину от сентября месяца, писал, что «Lamartine скучнее Юго и не имеет его глубины».

— О неудовлетворительности суждений о романтизме Пушкин писал и кн. Вяземскому в письме от 25 мая 1825 г. (см. № 144): «Я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о Романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать»; ср. выше, в объяснениях к № 144, стр. 440.

— Изложение взглядов Кюхельбекера на романтизм см., напр., в исследовании П. Н. Сакулина: «Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель», т. I, ч. I, М. 1913, стр. 253—257.

— «Шекспировы духи. Драмматическая шутка в двух действиях. Сочинение В. Кюхельбекера», С.-Пб. 1825, 8°, X + 32 стр.; она была посвящена «любезному другу Грибоедову». Прочтя вскоре это произведение своего приятеля, Пушкин дал о нем отзыв в письмах к самому автору и к П. А. Плетневу от начала декабря (см. ниже, в № 189 и 190). Е. А. Боратынский в то же время писал Пушкину из Москвы: «Духов Кюхельбекера читал. Не дурно—да и не хорошо. Веселость его не весела. а поэзия бедна и косноязычна» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 309). В «Московском Телеграфе» (1825 г., ч. VI, № 22, 15 ноября) была помещена рецензия на «драмматическую шутку» Кюхельбекера, в коей изложено содержание авторского предисловия, а также и самой пьесы: «Сестра уговаривает брата своего, поэта, написать что-нибудь на именины старшей сестры их, помещицы. у которой в деревне живут он и она. Поэт зачитался Шекспира, видит вокруг себя духов и создания фантазии и не хочет писать для имении. Сестра решается ему отмстить, переодевает племянниц своих Ариэлем, Пуком, Обероном, дядюшку Флора Карпыча—Калибаном. Поэт, никогда не видавший племянниц, не узнает их, и приказание: *написать стихи* почитает приказанием духов, исполняет его,— и тут все открывается». Рецензент находил, что «вся пьеса вообще наполнена какою-то непритворною веселостью; стихи, несмотря на некоторые негладкости, очень хороши. Завязка пьесы доставила Сочинителю несколько удачных сцен» и т. д. (стр. 197—200).

— Взяться за большое произведение Пушкин советовал Бестужеву и раньше,—в письме от мая—июня 1825 г. (см. выше, № 148).

— «Коцебятиной» называли многочисленные произведения известного и чрезвычайно плодовитого немецкого драматурга и романиста Августа-Фердинанда Коцебу (р. 1761, ум. 1819), жившего много лет и в России (где он был Директором Немецкого театра), принадлежавшего к реакционной немецкой партии и убитого студентом Зандом (см. в стих. Пушкина «Кинжал», 1821 г.); его сочинения пользовались большою известностью среди неприхотливых читателей и театралов и переводились на русский язык в невероятно большом количестве (в Росписи библиотеки Смирдина до 1828 г. перечислено 138 отдельных переводных изданий). Слово «Коцебятина» вошло в обиход с легкой руки сатирика кн. Дмитрия Петровича Горчакова (род. 1758, ум. 29 ноября 1824 г.), который в «Послании к кн. С. Н. Долгорукову» писал:

В комедиях теперь не нужно острых слов:
Чтобы смешить—пусти на сцену дураков!
К законным детям дверь чувствительности скрыта:
Нет жалости к бедам несчастна Ипполита
Иль Ифигении, стенящей от отца, —
Один лишь «Сын любви» здесь трогает сердца!
«Гусситы», «Попугай» [1] предпочтены «Сорене»
И *Коцебятина* одна теперь на сцене....

---

[1] Все три пьесы — сочинения Коцебу.

(Сочинения кн. Д. П. Горчакова, М. 1890, стр. 146). 28 апреля 1829 г. П. А. Катенин писал: «прошла пора Коцебятины, — так взялись за Шиллерщину».... (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911, стр. 142—143). № 188.

— «Планщиком» Пушкин назвал Рылеева, вероятно, за чрезмерную схематичность построения его «Дум» и «Войнаровского»: за эту схематичность он упрекал и самого Рылеева в письме к нему от конца мая 1825 г.—см. выше, № 145, стр. 132—133. Слова Пушкина о плане без стихов и о стихах без плана напоминают ответ Байрона Мэррею (1814) о «Дон-Жуане»: «Вы спрашиваете меня о плане Donny Johnny. У меня нет плана и не было плана,—но у меня были или есть материалы» (Алексей Веселовский, Байрон, изд. 2-е, М. 1914, стр. 216, примеч.). Ср. выше, в письме № 180, ответ Пушкина на вопрос о плане «Бориса Годунова», и стр. 514.

— Платов — граф Матвей Иванович (род. 1756, ум. 1818), известный атаман Донских казаков, герой Отечественной войны. Возможно, что Платов, представитель иррегулярного войска, планщиками называл, полупрезрительно, ученых стратегов, действовавших по строго определенным планам.

— В доме Российско-Американской Компании, на Мойке, у Синего моста, Рылеев жил потому, что занимал место Правителя Канцелярии Главного Правления Компании (см. Месяцеслов на 1825 г., ч. I, стр. 869).

188. *Князю П. А. Вяземскому* (стр. 170—171). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, ст. 425 (без стихов); подлинник был у гр. С. Д. Шереметева в Остафьевском архиве (ныне в Центрархиве); запечатано было перстнем-талисманом на черном сургуче.

— Письмо Пушкина служит ответом на следующие строки письма к нему Вяземского от 16 — 18 октября 1825 г.: «Здесь есть Погодин, университетский, и повидимому хороших правил: он издает Альманах в Москве на будущий год и просит у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь из Онегина или что-нибудь из мелочей» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 305). Это был альманах «Урания», изданный к началу 1826 г. Михаилом Петровичем Погодиным (род. 1800, ум. 1875); молодым ученым, тогда только что сдавшим магистерский экзамен и защитившим диссертацию «О происхождении Руси», посвященную Карамзину (это посвящение, конечно, сразу расположило Вяземского в пользу Погодина); в 1825 — 1828 гг. он, в качестве преподавателя, читал всеобщую историю на I курсе Словесного Отделения Московского Университета. Пушкин осенью 1826 г. лично познакомился, а вскоре и сблизился с Погодиным, основавшим в 1827 г., «при благословении» Пушкина, журнал «Московский Вестник», — выступивший противником «Московского Телеграфа». О дальнейших сношениях Пушкина с Погодиным (впоследствии, с 1835 г. профессором Русской истории, основателем, в 1841 г., «Москвитянина», а затем ординарным акедемиком Академии Наук с того же 1841 г.) см. письма к нему Пушкина 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831, 1832, 1834, 1835 и 1836 г.г.

— Об издании «Урании, Карманной книжки на 1826 год для любительниц и любителей Русской словесности» (цензурой книга была разрешена 26 ноября 1825 г.),[1] в которую вошли все 5 посланных Пушкиным пьес: «Мадригал» — стр. 109, «Движение» — стр. 155, «Совет» — стр. 205, «Соловей и Кукушка» — стр. 265 и «Дружба» — стр. 268, см. в сочинении Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. I, С.-Пб. 1888, стр. 316 — 319.

— В эпиграмме «Совет» высказано то же чувство, что̀ и в начале письма к кн. Вяземскому от 13 — 15 сентября 1825 г. (выше, № 180), — недовольство критиками.

---

[1] Письмо Пушкина со стихотворениями для «Урании» прошло через Опочку лишь *3 декабря*: очевидно, они, чтобы попасть в альманах, были даны в цензуру отдельно от всего текста книги.

№ 189. — Прочтя в «Урании» эпиграмму «Соловей и Кукушка», Боратынский писал Пушкину: «Как ты отделал Элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается — да и по делом; я прежде тебя спохватился и в одной не напечатанной пиесе говорю, что стало очень приторно:

Вытье жеманное поэтов наших лет».

(Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 317).

— Пиеску «Дружба» Пушкин ранее предполагал поместить в собрании своих Стихотворений, но потом раздумал (см. выше, в конце письма № 135, и стр. 423).

— Присылка мелких пиес Пушкина и слова его: «у меня их пропасть» были причиной распространения в Москве слухов о том, что поэт готовит издание особого их сборника: «Литературные лазутчики доносят..., что в Москве печатается новое собрание Басен, в роде апологических четверостиший Мольво (Mollevaut). Некоторые из сих Басен напечатаны в Полярной Звезде без имени Поэта, но точность и правильность языка, исполненного поэтической силы и живости, отпечаток вкуса зрелого и, одним словом, все признаки мастера своего дела обнаружили тайну анонима» («Московский Телеграф» 1825 г., ч. VI, № 22, 15 ноября, стр. 182). Мольво (Charles-Louis, ум. 1844) в 1820 г. издал в Париже сборник «Cent fables de 4 vers chacune».

189. *В. К. Кюхельбекеру* (стр. 171—172). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1180 — 1182; подлинник (на такой же бумаге без вод. зн. и такими же чернилами, что и письмо к Плетневу № 190) — в Гос. Публ. Библиотеке, в бумагах Жуковского, которому было передано Плетневым, через коего Пушкин послал его (см. в № 190), но не могло быть вручено адресату, так как пришло в Петербург накануне или в самый день 14 декабря, когда Кюхельбекер бежал из Петербурга. Есть указания, что Кюхельбекер и в Сибири получал письма от Пушкина, напр., в 1836 г., но ни одно из них неизвестно, как неизвестны и более ранние письма Пушкина к этому его лицейскому товарищу (они погибли в 1826 г.—«Русск. Стар.» 1875 г., № 7, стр. 358, прим.) и как письма самого Кюхельбекера ранее 1828 г.

— О драматической шутке Кюхельбекера «Шекспировы духи» см. в «объяснениях к письму № 187, стр. 530. — Кюхельбекер прислал ее Пушкину в Михайловское с надписью на обложке: «Другу Александру от Кюхельбекера»; экземпляр этот носит на себе следы чтения его Пушкиным (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 56, № 206).

— Подстрочная французская фраза означает: «Каламбур! Узнаешь ли ты кровь?» Как было уже указано, и отец поэта, и дядя Василий Львович, и родич Алексей Михайлович Пушкин отличались большою склонностью к острословию, каламбурам и тому подобным словесным шалостям (см. в письме № 140 и стр. 429).

— В пиесе Кюхельбекера поэт, сочиняя заданные ему стихи, пародирует общий тон поэзии Жуковского, — напр., его стихотворение «Жалоба» (1810 г., из Шиллера) и др.

— О Церетелеве см. выше, в объяснениях к письму № 45, стр. 258.

— В «Шекспировых Духах» поэт, выведенный Кюхельбекером, при стихе своем:

Грустен я, уныл и сир [1]

сам замечает:

Хем! грустен, сир?...
Сир? слово старое; прочтут иные *сыр*;
Сир никого не тронет;
Да вспомнят Лимбургский, Голландский, всякий сыр;
Сир, слово *сир* мою Элегию уронит!.. (стр. 10).

---

[1] Ср. у Жуковского в стих. «Песня бедняка»: «Куда мне голову склонить? Покинут я и сир» и т. д. *Б. М.*

Далее (стр. 12) тот же поэт говорит:

Мне ли в суетах, в волнении,
Мне ли жить среди людей?
Я всегда в уединении
Пас стада главы моей,
Вас, созданья вдохновения,
Сны, и грезы, и видения!

— Выражение «в оба уха» находится в речи Фрола Карпыча: «Скорее! стану слушать в оба уха»; Пушкин повторил его и в начале следующего письма своего — к Плетневу (№ 190).

— Ариель и Калибан — персонажи Шекспира (в «Буре»), выведенные Кюхельбекером в его пиесе (см. выше, объяснения к письму № 187, стр. 530). Калибаном (Шекспировским) Пушкин впоследствии называл своего приятеля Соболевского.

— О кн. С. А. Ширинском-Шихматове и Кюхельбекеровском разборе его «Лирического песнопения» «Петр Великий», помещенном в «Сыне Отечества» 1825 г., см. выше, в письме № 163, и на стр. 484—485.

190. *П. А. Плетневу* (стр. 172). Впервые напечатано в «Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1182 — 1183; подлинник (на такой же бумаге без вод. зн. и писанный такими же чернилами, что и письмо к Кюхельбекеру № 189)— в Гос. Публ. Библиотеке, в бумагах Жуковского, которому письмо это было передано самим Плетневым, согласно просьбе поэта (выраженной в самом этом письме) показать его Жуковскому.

— О выражении «в оба уха», взятом из пиесы Кюхельбекера «Шекспировы духи», см. в предыдущем письме к самому Кюхельбекеру № 189.

— Узнав уже о смерти Александра I и считая, что на престол вступил «романтический» Константин Павлович (см. в следующем письме, к П. А. Катенину, № 191), Пушкин снова возгорелся мечтами о получении полной свободы; он не знал еще, что друзьям его в наступившее междуцарствие, когда вопрос о том, кто займет престол, был так смутен, — нельзя было и думать о ходатайстве за опального поэта; последовавшие вскоре затем события 14 декабря еще более отдалили надежду на освобождение, так что только в конце января 1826 г. Пушкин решился снова заговорить с Жуковским об изменении своей судьбы.

— «Брать, так брать» — реминисценция стихов из басни Крылова «Вороненок»:

Уж брать, так брать,—
А то и когти что марать...

Ср. выше, в письме № 63.

— «Ж—у»—Жуковскому, которому Плетнев передал письмо Пушкина и в бумагах которого оно и сохранилось.

— Говоря о своем стихотворении «Андрей Шенье», Пушкин, быть может, применяет к себе следующие слова французского поэта:

Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложной,
Ты, слово, звук пустой...

№ 190. А. Л. Слонимский находит, что все это стихотворение вообще «полно загадочных предчувствий», что, говоря о пророчестве своем, поэт как бы предвидит свою судьбу в случае успеха революции (Соч., ред. Венгерова, т. II, стр. 526).

— Трагедия — «Борис Годунов», в это время уже совершенно законченный.

— Борька — упомянутый выше, в письме № 180, Борис Михайлович Федоров (см. в объяснениях, стр. 513). Он заявил себя почитателем Байрона и написал стихотворение, посвященное его памяти — «Байрон» («Новости Литературы» 1826 г., кн. XVII, окт., стр. 157, и «Благонамеренный» 1826 г., ч. XXXIII, стр. 150; ср. В. И. Маслов: «Начальный период Байронизма в России», Киев. 1915, стр. 105). — В своем романе «Князь Курбский» первую главу I части он назвал «Юродивый» и вывел в ней Псковского старца-юродивого Николу Салоса, который, встречаясь у Свято-Троицкого собора во Пскове с воеводой князем Курбским, вступает с ним в разговор, пророчествует и изрекает довольно плоские сентенции; вообще он обрисован бледно и бездарно.

— «Два юродивых», которым Пушкин посылал письма: Кюхельбекер (см. предыдущее письмо № 189) и, по предположению П. А. Ефремова и П. О. Морозова — Александр Федорович Воейков, вслед засим упомянутый; письмо к нему, однако, до нас не сохранилось. В письме к Л. С. Пушкину от 27 марта 1825 г. (№ 135) поэт писал о Воейкове в том же смысле, как и здесь: «Так как Воейков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов — то ли дело не красть, не ругаться по-матерну, не перепечатывать, писем не перехватывать и проч. — Люди не осудят, а я скажу спасибо». Ср. выше, стр. 432 — 433.

— Журнал Воейкова, сентябрьской книжки которого Пушкин еще не читал, — «Новости Литературы».

— О Кюхельбекеровских «Шекспировых духах» см. выше, в объяснениях, стр. 530.

— Загорский — Михаил Павлович (род. 1804), в ноябре 1819 года поступивший во вновь открытый Петербургский Университет, в 1824 г. окончивший в нем курс по Историко-Филологическому Факультету с званием действительного студента и в том же году, 30 июля, безвременно скончавшийся, 20 лет от роду; как поэт, он подавал «блистательнейшие надежды» (В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования, С.-Пб. 1870, прил., стр. 27—28 и LXVIII). Он был членом С.-Петербургского Общества Любителей Российской Словесности (1823), писал преимущественно элегии, оригинальные и переводные — из Шиллера, Байрона, Ламартина, Горация, Виргилия,—сотрудничая в «Благонамеренном» 1820 г. (ч. IX, XI, XVIII, XIX, XXIII), в «Соревнователе Просвещения» 1823 г. (ч. XXIV, стр. 40—52, вольные перевод из Байрона: «Кальмар и Орла»; перепечатано в «Славянине» Воейкова 1828 года, ч. VIII, стр. 451—460), в «Новостях Литературы» (1824 г., ч. III, стр. 193: «Желание», Шиллера), в «Полярной Звезде» (1824 г.: элегия и из Ламартина: «Слава»), в «Литературных Листках» (стих. «Пустыня», подражание Шолье — ч. II, № VIII, стр. 312—314; «Наставникам», стих. — ibid, ч, III, стр. 114 — 115, с некрологическою заметкой; «Желание», стих., ibid., стр. 193—194; «Песнь Черкеса» — ibid., ч. IV, стр. 87—88); в «Северных Цветах на 1825 г.» (стр. 326 — 329: «Перчатка» Шиллера); посмертно в «Новостях Литературы» Воейкова были напечатаны: в 1825 г. кн. XII, апр., стр. 56—61 — «Сатира на скупых. Вольный перевод из Горация»; май, стр. 122—125 — «Смоленское поле» и стр. 125 — 130—«Бабушка и внучка. Русская народная идиллия»; кн. XII, июнь — «Орфей, из IV песни Виргилиевых Георгик» и кн. XIII, июль 1825 г. — «Оборотень или Старуха-красавица. Народная Руская сказка» (стр. 1—14, в прозе) и стихотворения: «К Г.» (стр. 49) и «К Венере (из Горация)», с латинского (стр. 56), «Воспоминание», элегия (там же, август), «Ярославна, романс» (там же, октябрь), «Нападение богатыря Мстислава на войска Хазарского хана» (там же, кн. XIV, ноябрь) и «Морна» (там же, 1826 г., кн. XV,

февраль): в «Соревнователе» 1825 (ч. XXIX, № 1) — «Андромаха», стих.; № 191.
в альманахе «Сириус»: «Лисица и Медведь. Басня» (кн. I, С.-Пб. 1826, стр. 42 — 43), «Пьяница. Сказка», в стихах (стр. 63 — 64) и «Ласточка в анбаре. Басня» (стр. 121—122); в «Славянине» 1828 года: «Мальвина», баллада (ч. V, стр. 31—33) и 1829 г.: «Семидесятый день рождения», идиллия, из Фосса (без конца, который не был найден в бумагах поэта) — ч. XI, стр. 45—52. О Загорском и о его смерти Пушкин знал из «Литературных Листков» Булгарина (1824 года, ч. III, № XVI, август, стр. 114 и № XVIII, сентябрь, стр. 193), а также из журнала «Соревнователь Просвещения и Благотворения» 1824 года, № 9 (сохранившемся до нас, хоть и без последних страниц, в составе его библиотеки—см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, стр. 132, № 510), где при его повести в стихах «Анюта» (стр. 332—345) была помещена следующая некрологическая о нем заметка: «Автор сего стихотворения, М. П. Загорский, скончался после продолжительной болезни 30 числа минувшего июля. Ему было еще только 20 лет от роду. Отличные его способности и приобретенные познания в науках, особенно по части литературы, подавали большую надежду на его успехи. Из оставшихся после него в рукописи стихотворений обращает на себя особенное внимание рыцарская повесть *Илья Муромец*».—О последней-то и говорит в своем письме Пушкин, познакомившийся с повестью по отрывкам из ее II, IV и V песней, напечатанным в «Новостях Литературы» 1825 г., кн. XIV (ноябрь); впоследствии она была напечатана («Илья Муромец. Богатырская повесть, в стихах») еще в «Славянине» Воейкова—1827 г., ч. I, № 1 и № 2, и 1830 г., ч. XIII, стр. 43—53. — А. Герман в «Новостях Литературы» 1825 года, кн. XIV октябрь, стр. 76, поместил свое стихотворение на смерть Загорского.

191. *П. А. Катенину* (стр. 172—173). Впервые напечатано в «Материалах» Анненкова, стр. 60—61 (отрывки) и во «Всемирном Труде» 1868 г., № 5; подлинник был у П. Я. Дашкова, затем в Пушкинском Лицейском Музее, ныне—в Пушкинском Доме; воспроизведение — в «Истории Русской Словесности» П. Н. Полевого, т. III, С.-Пб. 1900, при стр. 80-й.

— Письмо Пушкина служит ответом на письмо Катенина из Петербурга, от 24 ноября 1825 г., в котором последний благодарил поэта за сентябрьское письмо его (см. выше, № 178), сообщал, что «Комитет словесников» одобрил его 5-актную трагедию в стихах «Андромаха» к постановке на сцене, и сообщал о некоторых других литературно-театральных новостях (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 306—307).—Пушкину Катенин, в свою очередь, отозвался 3 февраля 1826 г. (там же, стр. 322—323).

— Еще в марте 1825 г. Катенин (высланный из Петербурга в сентябре 1822 г., с запрещением въезда в обе столицы) обратился к императору Александру I с письменной просьбой о разрешении приезда в Петербург, — и просьба эта увенчалась успехом; однако, из-за денежных затруднений, он мог прибыть в столицу только в середине августа, 16 — 19 числа («С.-Петерб. Ведомости» 1825 г., стр. 821).

— Хотя, как было сказано, «Андромаха» и была принята на сцену, а затем даже и роли были розданы и пьеса была внесена в репертуар спектаклей во время коронационных празднеств в Петербурге в августе 1826 года (см. Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 337), — тем не менее, первое представление ее состоялось только 3 февраля 1827 г., при чем пьеса успеха не имела и выдержала лишь 3—4 спектакля. Пушкин впоследствии (1830 г.) писал (называя «Андромаху», может быть, «лучшим произведением нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно-трагическому»), что, тем не менее, она «не разбудила от сна нашу сцену». — «Андромаха» была издана в том же 1827 г. (С. Л. Бертенсон, П. А. Катенин, Литературные материалы, С.-Пб. 1909, стр. 47 и 49).

— «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», в 2-х частях, вышли в Петербурге лишь в 1832 году; Пушкин поместил о них в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1833 г. (№ 26) особую небольшую статью: «О сочинениях П. А. Катенина». Ср. выше, в объяснениях к письму № 13, стр. 202.

№ 191. — Только что узнав о смерти Александра I, Пушкин полагал, что цесаревич Константин Павлович, законный наследник Российского престола, прочно занял его; он не знал, что, после женитьбы своей на Жанетте Грудзинской, Константин отказался от прав на престол в пользу следующего брата — Николая Павловича, и что как раз в эти дни, что он писал Катенину, разыгрывалась трагикомедия: Константин оставался верен отречению от престола, а великий князь Николай Павлович пребывал верным старшему брату и присягнул ему, в свою очередь отказываясь от престола, — между тем как вся страна напряженно ожидала результатов сношений между братьями, из которых Константин Павлович пребывал в Варшаве, упорно отказываясь ехать в Петербург.

— Говоря о молодости Константина Павловича, Пушкин имел в виду «Греческий проект» Екатерины II и Потемкина о создании Константинопольской Империи и о предназначении на ее престол юного тогда Константина. При Павле I Константин принимал участие в Итальянском походе Суворова, а затем участвовал в войнах с Наполеоном, при чем под Аустерлицем и в кампанию 1812—1813 гг. командовал гвардейским корпусом; в начале этой кампании он находился при армии, но из-за постоянных и резких столкновений с главнокомандующим, Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли (которого здесь Пушкин презрительно называет «немцем», но которому десять лет спустя, в 1835 г., воздал должное по заслугам в стихотворении «Полководец»), был последним устранен от командования. С 1816 года он был главным командиром войск Царства Польского, во главе которого оставался до восстания 1830—1831 гг., когда, состоя под начальством Дибича-Забалканского, командовал резервным корпусом; умер от холеры 15 июня 1831 г. О нем см. книгу Е. П. Карповича: «Цесаревич Константин Павлович». С.-Пб. 1899.

— Генрих V — король Английский (род. 1387, ум. 1422), победивший французов при Азенкуре (1415) и добившийся признания прав своих на Французский престол; рыцарь по своему характеру, он мечтал об освобождении гроба господня и об образовании Иерусалимского королевства и был очень популярен. Пушкин, в это время внимательно изучавший Шекспира, имел ясное представление о Генрихе V, благодаря, между прочим, хронике английского драматурга: «Король Генрих Пятый», которой, как и другим произведениям Шекспира, он, по собственным словам, подражал в вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и в простоте при создании своего «Бориса Годунова». Позже, в письме к Н. Н. Раевскому от 30 января 1829 г., Пушкин сравнивает Дмитрия Самозванца с Генрихом IV.

— «Участником торжества» — при представлении Катенинской «Андромахи» (см. выше, стр. 535).

— Слова Пушкина о «Цыганах» и «Онегине» (в это время он заканчивал отделку 4-й его главы) служат ответом на следующее место письма Катенина от 24 ноября: «С нетерпением жду остальных песней твоего «Онегина»; желал бы также познакомиться с «Цыганами», о которых чудеса рассказывают: отчего ты их не печатаешь? Или цензура?» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 307).

— Каратыгин — Василий Андреевич (род. 1802, ум. 1853), знаменитый актер-трагик, ученик сперва кн. А. А. Шаховского, а потом — Катенина, который славился, как один из лучших чтецов-декламаторов и как большой знаток сценического искусства вообще. Катенин всячески содействовал начальным успехам Каратыгина: так, напр., он писал о его дебютах в 1820 г., ввязавшись по их поводу в полемику; в бенефис юного артиста 4 декабря 1822 г. поставил трагедию Корнеля «Сид» в своем новом стихотворном переводе, хотя ему, уже высланному из Петербурга, и не удалось посмотреть на игру своего ученика; он даже полагал, что сослан был «почти из-за него» (см. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. С вступительною статьею и примечаниями А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911, стр. 38—39 и др.). Пушкину 24 ноября он писал, между прочим: «Каратыгин к бенефису своему перевел стихами трагедию: Blanche et

Guiscard и весьма не дурно, так что я ему советую на будущий год приняться за что нибудь лучшее, например, Manlius» (Акад. изд. Переписки, т. I, стр. 307). — «Blanche Guiscard» — трагедия (1763 г.) сочинения Bernard-Joseph Saurin (род. 1706, ум. 1781). «Manlius Capitolinus» — трагедия (1698 г.) французского писателя Антуана де Ла Фосс (род. 1653, ум. 1708). Выдержки из 8 писем Каратыгина к Катенину за 1824 — 1831 гг., с сообщениями о Пушкине и Грибоедове, опубликованы А. М. Лазаревским в «Библиогр. Зап.» 1861 г. и в «Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, ст. 0241 — 0244.

№ 192.

192. *А. П. Керн* (стр. 173—174). Впервые напечатано в Воспоминаниях А. П. Керн в «Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 122 — 123 (с переводом) и затем в «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 517 — 518; подлинник был у М. И. Семевского, нам остался недоступен.

Перевод: «Никак не ожидал, очаровательница, чтобы вы обо мне вспомнили и от глубины сердца благодарю вас. Байрон получил в глазах моих новую прелесть, — все героини его облекутся в моем воображении в черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в Гюльнаре и в Лейлà; самый идеал Байрона не мог быть более божественно прекрасен. Итак, вас и всегда вас судьба посылает для услаждения моего уединения! Вы — ангел-утешитель, но я — только неблагодарный, что еще ропщу. Вы отправляетесь в Петербург, — и мое изгнание тяготит меня более, чем когда-либо. Быть может, перемена, только что происшедшая, приблизит меня к вам, — не смею на это надеяться. Не станем верить надежде: она ничто иное, как хорошенькая женщина, которая обходится с нами, как со старыми мужьями. А что поделывает ваш муж, мой кроткий гений? Знаете ли, — в его образе я представляю себе врагов Байрона, включая в их число и жену его. — 8 дек. Опять берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у колен ваших; что я все люблю вас; что иногда ненавижу вас; что третьего дня говорил про вас ужасные вещи; что я целую ваши прелестные ручки; что снова целую их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны и т. д.»

Приписка А. Н. Вульф: «Наконец, милый друг, Пушкин принес мне сегодня твое письмо. Давно было пора получить мне весточку о тебе, так как я не знала, что и подумать о твоем молчании; однакоже и из письма твоего не вижу, что могло тебе мешать писать ко мне, и не могу понять, на которое письмо ты мне отвечаешь. На то ли, которое я тебе писала через М-lle Ниндель, или на другое? Твои письма всегда меня с толку сбивают. Алексей писал мне, что ты отложила все свои намерения об отъезде и решилась остаться. Я начинала успокаиваться на твой счет, как вдруг письмо твое так разубеждает меня! Почему ты не говоришь мне положительного, а оставляешь таким образом в неизвестности? За письма свои ничего не бойся, — теперь можешь писать мне просто на мой адрес в Опочку. Моих писем более не читают; они тащатся через Новоржев и могут даже затеряться. Положительно ли решен твой отъезд в Петербург? — Байрон примирил тебя с Пушкиным; он посылает тебе деньги — 125 рублей, — его теперешнюю цену. С будущею почтою постараюсь прислать тебе мой долг; весьма досадую, что заставила тебя так долго дожидаться. Теперь не могу сказать о нем матери, — она очень больна и уже несколько дней в постели: у нее рожистое воспаление на лице. Что тебе еще сказать? Нынешнею зимою надеюсь непременно ехать в Тверь; покуда — тоскую, страдаю, терплю. Пиши поскорее. Бетхер давно уже в Острове, но нам от этого не легче. Прощай, мой друг, навсегда твоя подруга Аннет».

— По поводу этого письма А. П. Керн пишет в Воспоминаниях своих, что после своего посещения Тригорского с мужем (в начале октября 1825 г.) она переехала в Петербург и, уезжая из Риги, послала Пушкину «последнее издание Байрона, о котором он так долго хлопотал, и получила еще письмо, чуть ли не самое любезное из всех прочих, — так он был признателен за Байрона» («Библ. для Чтения» 1859 г., № 4, стр. 122). М. А. Цявловский, вслед за А. Н. Веселовским, полагает, что это было, вероятно, или 4-е,

№ 192. Парижское, в 8 томах, 1822—1825 г., или 5-е, в 12 томах, 1822 г., при 10 томах добавочных, 1824 г.,— издание Сочинений Байрона в переводах на французский язык («Пушк. и его соврем.», вып. XVII — XVIII, стр. 69).

— Гюльнара и Лейла — героини поэмы Байрона «Корсар» и его же повести «Гяур».

— «Перемена, только что происшедшая»,—смерть Александра I и воцарение нового императора.

— Отзывы о муже А. П. Керн — генерале Е. Ф. Керне — в письмах Пушкина неизменно насмешливы; в насмешках этих, конечно, сказывалась и ревность к нему Пушкина.

— Алексей, упоминаемый в письме А. Н. Вульф, — ее брат, студент, Дерптского Университета, влюбленный в свою красавицу-кузину и состоявший с нею в переписке — Алексей Николаевич Вульф.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН. ПИСЬМА. Т.1

Под ред. и с примеч. Б.Л.Модзалевского
Репринтное воспроизведение издания

Ответственный за выпуск
О.Б.Федорова

Технический редактор
Е.Н.Волкова

ИБ № 1848. Подписано в печать 08.06.89.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 37,0. Усл.кр.-отт. 74,0. Уч.-изд. л. 53,46.
Тираж 30 000 экз.. Изд. № 4771. Заказ № 8415.
Цена 8 р. 20 к.

Издательство "Книга"
Москва, 125047, ул. Горького, 50.
Экспериментальная типография ВНИИ полиграфии
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, 103051, Цветной бульвар, 30

П $\frac{4702010101-085}{002(01)-89}$ Без объявл.

ISBN 5-212-00208-7 (т.1)
ISBN 5-212-00294-X

8 р. 20 к.